

Б.П. Фролов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

И ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ РУССКОЙ
АРМИИ В 1812–1813 гг.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

*Памяти защитников
Отечества посвящается*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный военно-исторический совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под редакцией
действительного государственного советника
Российской Федерации I класса *В.А. Золотарева*

МОСКВА • ИНЭС • РУБИН • 2011

Б.П. Фролов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

И ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ РУССКОЙ
АРМИИ 1813—1814 годов

Москва
Институт экономических стратегий
2011

Объединенная Энергостроительная Корпорация

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
INSTITUTE FOR ECONOMIC STRATEGIES

Московские МикроВолны

СИБУГЛЕМЕТРАНС

РН - СЕВЕРНАЯ НЕФТЬ

Главный военно-исторический совет, Главная редакционная коллегия проекта «Военная история Российского государства», автор книги и Клуб православных предпринимателей выражают искреннюю благодарность за ценную помощь в подготовке и издании книги *Нестеренко Сергею Михайловичу, Зинченко Владимиру Борисовичу, Синькову Александру Николаевичу, Караваяву Владимиру Ивановичу, Барсукову Александру Михайловичу, Ищенко Василию Витальевичу, Васильеву Виктору Григорьевичу, Зубченко Владимиру Васильевичу, Гребневу Виктору Григорьевичу, Реброву Сергею Алексеевичу, Старову Николаю Николаевичу, Быльму Виктору Николаевичу, Гора Анатолию Викторовичу, Левенкову Юрию Вадимовичу, Свердловой Татьяне Александровне, Былинину Константину Евгеньевичу, Кунченко Татьяне Ивановне, Горбачу Владимиру Дмитриевичу, Глухову Петру Васильевичу, Зарецкому Якову Владимировичу, Лещенко Виктору Викторовичу, Подалинскому Евгению Валерьевичу, Ковригину Валерию Евгеньевичу, Баранову Виктору Ивановичу, Худолий Роману Николаевичу, Бабанину Павлу Юрьевичу, Рожкову Александру Борисовичу, Шестову Анатолию Николаевичу, Сазонову Сергею Михайловичу, Карапетьяну Самвелу Саркисовичу, Керимову Фейрузу Юркулевиичу,*

а также руководству и сотрудникам компаний, при участии и поддержке которых было выпущено данное издание: ООО СК «Мосты и тоннели», ОАО «Камчаткомагропромбанк», ООО «РН – Северная нефть», ООО «ВЕДА», ЗАО «Амурстрой», ЗАО «Эверест-турбосервис», ОАО «Золото Селигдара», ЗАО «Ариада», ООО «Спецгеологоразведка», ЗАО «Тихоокеанская Мостостроительная Компания», ООО «Арина-Эксперт», ГУП «Дорожно-строительное управление №3», ОАО «Фирма Энергозащита», ЗАО «Компьютерные Тренажерные Системы», ФГУП «Госземкадастрсъёмка»-ВИСХАГИ, ООО «Центр Татьяны Свердловой», ОАО «Международный Аэропорт Иркутск», ОАО «Центр технологии судостроения и судоремонта», ООО «Сибна», ООО «НПП «Авиагаз-Союз+», ООО «НТЦ «Нефтегаздиагностика», ООО «СибУглеМетТранс» ЗАО «Трансстроймеханизация 98», ООО «Кемберлит», ОАО «Соликамскбумпром», Группа «ГеоПроМайнинг», Группа компаний «Стройпромет», ОАО «Хабаровская энерготехнологическая компания», ЗАО «Московские микроволны», ООО «Монолит-БИС», ОАО «Объединенная Энергостроительная Корпорация», Группа компаний «Ташир», ООО «Севертрансэкскавация».

УДК 94(47) "15/19"

ББК 63.3(2)47

Ф912

Серия основана в 2009 году

Издание реализуется в рамках программы Клуба православных предпринимателей, одобренной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в декабре 2009 года

Главная редакционная коллегия проекта

«Военная история Российского государства»

А.И. Агеев, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Л.А. Буланов**, д.м.н., профессор, член-корреспондент РАЕН; **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **В.А. Золотарев (председатель)**, д.и.н, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации Фондов мира; **А.В. Кирилин**, д.и.н., действительный член МАНПО; **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **Г.Э. Кучков**, член-корреспондент МАНПО; **И.И. Максимов**; **Марк** — Архиепископ Егорьевский; **Н.М. Москаленко**, почетный профессор ЕАЕН, член-корреспондент МАНПО; **А.К. Никонов**, к.и.н., член-корреспондент РАЕН; **Н.А. Петухов**, д.ю.н., профессор; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН; **А.М. Соколов (заместитель председателя)**, академик РАЕН; **В.Г. Тыминский**, президент ЕАЕН; **С.А. Тюшкевич**, д.ф.н., профессор, академик РАЕН; **В.С. Христофоров**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **Е.П. Чельшев**, академик РАН; **В.Е. Чуров**; **П.А. Шашкин**, к.ф.н.; **В.И. Шеремет**, д.и.н., профессор, академик РАЕН.

Исследовательско-издательский проект «Военная история Российского государства» реализуется при участии Клуба православных предпринимателей

РПП ИНЭС 1106/1014
ISBN 978-5-93618-181-8

© Б.П. Фролов, 2011
© Главная редакционная коллегия, 2011
© Институт экономических стратегий, 2011
© Русский биографический институт, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. Война иная, армия на высоте. 10

ВВЕДЕНИЕ. 80

ЧАСТЬ I. ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Глава 1. Гроза двенадцатого года. 88

1.1. Причины войны. 88

1.2. Силы и планы сторон 112

1.3. Вторжение врага 138

1.4. Первые бои и сражения 162

1.5. Суровые испытания 186

1.6. На других направлениях 215

Глава 2. За Русь! За Отчизну! 236

2.1. На подступах к Смоленску. 236

2.2. Смоленское сражение 259

2.3. Кризис в военном руководстве. 290

2.4. Главнокомандующий М.И. Кутузов. 313

2.5. Сражения на флангах. 337

Глава 3. Бородинское сражение 354

3.1. Силы и планы сторон 354

3.2. Бой при Шевардино 361

3.3. У села Бородино. 372

3.4. На Семеновских флешах 384

3.5. У Семеновского оврага	409
3.6. На Курганной батарее	422
3.7. На Старой Смоленской дороге	457
3.8. Итоги сражения	471

ЧАСТЬ II. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Глава 4. Русский орел расправляет крылья	486
4.1. Тарутинский марш-маневр	486
4.2. На берегах Чернишни	517
4.3. Враг не прошел!	546
4.4. Народная война	568
4.5. Вперед, на Запад!	595
4.6. На северном фланге	616
4.7. На южном фланге	629

Глава 5. Разгром врага	642
5.1. Гром победы, раздавайся!	642
5.2. И вспять бежит надменный галл!	680
5.3. Березина	695
5.4. Агония «Великой армии»	717
5.5. Победный финал	741

ЧАСТЬ III. ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ РУССКОЙ АРМИИ

Глава 6. Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов	760
6.1. Кампания 1813 года	760
6.2. Кампания 1814 года и сокрушение Наполеона	809

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	841
-----------------------------	------------

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1. Репринт книги М.И. Драгомирова «Разбор романа "Война и мир"»</i>	<i>888</i>
<i>Приложение 2. Численность наполеоновской армии в 1812 году</i>	<i>1025</i>
<i>Приложение 3. Состав «Великой армии» в 1812 году</i>	<i>1026</i>
<i>Приложение 4. Национальный состав «Великой армии»</i>	<i>1028</i>

<i>Приложение 5. Боевой и численный состав русской армии к началу Отечественной войны 1812 года</i>	<i>1029</i>
<i>Приложение 6. Боевой состав и командование русской армии к началу Отечественной войны 1812 года</i>	<i>1031</i>
<i>Приложение 7. Части русской армии, принимавшие участие в Бородинском сражении 26 августа (7 сентября) 1812 года</i>	<i>1036</i>
ПРИМЕЧАНИЯ	1040
Библиографический указатель	1078
Указатель имен	1215
Указатель географических названий	1265

ПРОЛОГ

Война иная, армия на высоте

Борьба России против агрессии наполеоновской Франции вошла в историю нашего Отечества как одна из наиболее ярких и героических ее страниц. Вероломное вторжение врага (без объявления войны) в пределы России всколыхнуло весь ее народ, вызвало гнев и ненависть к захватчикам. Крепостные крестьяне, составлявшие абсолютное большинство населения Российского государства, как и все другие слои общества, быстро осознали губительность нашествия иноземных завоевателей для своего существования. Внешняя угроза, перспектива порабощения иноземцами для основной массы народа оказалась более серьезной опасностью по сравнению с внутренними социальными проблемами. В едином патриотическом порыве вздыбилась вся великая Русь, поднявшись на защиту своего Отечества и национального достоинства, родных очагов, духовных святынь — словом, всего того, что дорого и близко было сердцу русского человека.

Патриоты, представлявшие все социальные слои российского общества, вступили в смертельную схватку с врагом, проявив такую исполинскую энергию, такую неукротимую волю к победе, которые в конечном счете привели к разгрому наполеоновской армии и ее гибели на просторах России, остановили победное

шествие великого завоевателя и поставили крест на его политической карьере. Надменный, упоенный своим могуществом враг, возомнивший, что ему ничего не стоит поставить на колени «несговорчивую» Россию, жестоко просчитался. Замысел Наполеона превратить Россию в своего послушного вассала подобно тому, как он это сделал со странами Западной Европы, потерпел полный крах: Россия сломала хребет агрессору.

Если основная масса народа Западной Европы оставалась безучастной к политике и делам своих правителей, то в России, как до этого и в Испании, получилось все наоборот: дело защиты Родины народ считал своим священным долгом. Потому и называется война 1812 года Отечественной. Россия, на землю которой уже на протяжении двух столетий не ступала нога завоевателя, поднялась на беспощадную борьбу с врагом, как говорится, «от мала до велика». Это явилось полной неожиданностью для Наполеона. Вести такую войну он не был готов.

О войне 1812 года написано уже много. Кажется, все давно уже историками решено и выяснено. Но и теперь на Западе имеется немало всякого рода «исследователей», для которых все еще остается «загадкой» победа России в 1812 г. над могущественным и непобедимым до того завоевателем. Эти «исследователи», игнорируя очевидные факты, всеми силами стремятся принизить героическую борьбу народов России за свободу и независимость, за национальную честь своей Родины, высокое военное искусство русской армии и ее талантливых полководцев. Они с маниакальной настойчивостью продолжают считать, что только холод и голод послужили основной причиной гибели «Великой армии» Наполеона в России. Они почему-то до сих пор не могут понять, что главным, решающим фактором, обусловившим крушение грандиозных завоевательных планов претендента на мировое господство, были русский народ и его армия. Именно они в тяжелой и упорной борьбе уничтожили бесчисленные разноплеменные орды завоевателей, своей самоотверженной борьбой отстаивали честь и независимость Родины и спасли ее от угрозы иноземного порабощения.

Ну а как же насчет холода и голода? На наш взгляд, доводы всех этих «исследователей», ссылающихся на данные факторы, несостоятельны в своей основе. И вот почему.

Во-первых, холод и голод, свирепствовавшие тогда на разоренной до предела в результате вражеского нашествия территории, оказывали одинаковое воздействие на армии обеих воюющих сторон. Ведь мороз и голод не разбирают, кто враг, а кто защитник Отечества. И русские войска от них страдали не меньше, чем французы и их союзники. Об этом свидетельствуют большие потери русской армии обмороженными и больными (от голода и истощения) во время контрнаступления. А то, что русский солдат оказался более выносливым при ведении боевых действий в экстремальных условиях, говорит не в пользу неприятеля. Наполеон не знал, куда пошел? Не знал, что в России зимой, как правило, бывает холодно и, чтобы не замерзнуть, надо тепло одеваться, и выпадает снег, а под ним подножный корм найти невозможно? На Руси по этому поводу говорят: «Не знаешь броду — не лезь в воду».

Во-вторых, западным историкам уж очень не хочется признавать крупные ошибки и просчеты, допущенные Наполеоном при подготовке похода в Россию и в ходе его, имевшие для него лично и для его огромной армии такие трагические последствия. Известно, что французский полководец очень тщательно готовился к походу в Россию. В предвоенный период им были осуществлены такие колоссальные подготовительные мероприятия, каких он не проводил ни в одной из своих многочисленных войн. И все же великий полководец далеко не все предусмотрел. А просчитался он в самом главном. Он не учел должным образом боевые возможности русской армии при ведении ею боевых действий на своей территории, менталитет русского народа и особенности театра военных действий, который по своей обширности многократно превосходил те западноевропейские, на каких ему до сих пор приходилось действовать. И как результат — его стратегическая концепция, действовавшая безотказно на полях сражений Европы, в России потерпела полный крах.

В-третьих, весьма странно, что Наполеон не предусмотрел нескольких вариантов развития событий с началом войны. Он был твердо убежден, что ему удастся разгромить русскую армию в одном-двух генеральных сражениях сразу же после начала военных действий и принудить побежденную Россию к заключе-

нию мира на выгодных для себя условиях. А события с первых же дней войны начали развиваться по совершенно иному сценарию. Русские полководцы, используя пространственный фактор, которым не обладали противники Наполеона в Западной Европе, навязали ему такой способ стратегических действий, который явился для него полной неожиданностью. Наполеон сравнительно быстро выявил контуры грядущей «скифской» войны» (по его выражению. — *Прим. авт.*), но уже ничего не мог поделать. Рок событий с беспощадной неотвратимостью увлекал его все дальше и дальше в неведомые дали загадочной для завоевателя страны... Теперь уже русские диктовали ему свою волю, а он был вынужден лишь как-то реагировать на новые вызовы неблагоприятно складывавшейся для него обстановки, пока на пепелище Москвы не оказался в полном тупике.

Необходимо остановиться и на другом фатальном просчете Бонапарта. Неужели, будучи искушенным политиком, он всерьез думал, что в России, куда предводимые им разноплеменные полчища «Великой армии» пришли с огнем и мечом, его примут с распростертыми объятиями, «с хлебом и солью»? Неужели опыт Испании его ничему не научил? Получилось все далеко не так, как предполагал грозный завоеватель, перед которым трепетали в страхе европейцы. А в России он встретил далеко не радушный прием. Всеобщая ненависть и поистине всенародная война перечеркнули его планы в отношении России.

В лихую для Отечества годину русскую армию возглавил умудренный огромным боевым опытом полководец — генерал от инфантерии Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Его назначение на пост главнокомандующего всеми русскими армиями состоялось после падения Смоленска и было с восторгом воспринято всеми слоями русского общества. Благодарное Отечество удостоило тогда своего полководца наивысшего титула, какой может даровать только народ, — Спаситель Отечества.

В августе 1812 г., когда М.И. Кутузов возглавил русскую армию в войне с армией Наполеона, ему шел 67-й год. Из прожитых лет 53 года он отдал военной службе. Он происходил из одного из древнейших дворянских родов России, известного еще с XIII в. Многие предки Кутузова занимали видные государственные и военные посты в Русском государстве еще при

великих князьях московских, затем при царях и императорах. Отец будущего великого полководца — Илларион Михайлович — начал военную службу еще при Петре I и отдал ей более 30 лет. Он был крупным военным инженером и разностронне образованным человеком, имел чин генерал-поручика. Один из близких родственников Кутузова — Иван Логинович Голенищев-Кутузов — был адмиралом российского флота, вице-президентом Адмиралтейств-коллегии и членом Российской академии наук. В течение 40 лет (1762–1802) он возглавлял (был директором) Морской кадетский корпус — в то время единственное в России военное учебное заведение, готовившее офицеров для военно-морского флота. И еще одна интересная деталь: мать М.И. Кутузова — А.И. Кутузова — происходила из старинного дворянского рода Беклемишевых. Из этого же рода происходила и мать другого знаменитого полководца — князя Д.М. Пожарского, героя Смутного времени начала XVII в.

Свою строевую службу молодой Кутузов начал в Астраханском пехотном полку, командиром которого вскоре стал будущий великий полководец, а тогда еще полковник А.В. Суворов. А капитан-поручик М.И. Кутузов командовал в том полку ротой. Астраханский пехотный полк стоял в то время под Петербургом. Затем Кутузов участвовал в двух войнах с Турцией — первой (1768–1774) и второй (1787–1791), в Польской кампании 1792 года, командуя различными подразделениями, частями и соединениями. В эти годы ему довелось служить и сражаться под начальством многих выдающихся военачальников, в том числе П.А. Румянцева, Г.А. Потемкина и А.В. Суворова. Наиболее длительный период его службы проходил в войсках, которыми командовал Суворов. Именно тогда Кутузов в совершенстве усвоил его принципы обучения и воспитания войск и его «науку побеждать», будучи одним из ближайших и наиболее любимых учеников и сподвижников своего великого учителя. За свои боевые подвиги на полях сражений М.И. Кутузов был удостоен многих высоких наград и в 39 лет стал генералом. Он несколько раз был ранен, причем дважды — тяжело в голову, выжил лишь чудом — вопреки приговору врачей, признавших его положение безнадежным, но лишился глаза. Громкую боевую славу Кутузов снискал при штурме Суворовым Измаила

М. И. Голенищев-Кутузов (1745–1813). Художник Р. Волков. 1813 г.

в 1790 г. и в сражении при Мачине (1791), завершившем на суше Русско-турецкую войну 1787–1791 гг.

Закончились «екатерининские» войны, но многие их ветераны продолжают ратную службу. Среди них и Михаил Илларионович. Теперь он занимает высокие военно-административные должности, неоднократно выполняет важные дипломатические поручения за рубежом, несколько лет отдает педагогической работе, будучи назначен директором Сухопутного кадетского корпуса, готовившего офицеров для армии. Побывал он и в отставке.

В 1805 г. М.И. Кутузов назначается главнокомандующим армией, направленной на помощь союзной Австрии в ее войне против Франции. Однако еще до подхода русских войск австрийская армия, возглавляемая генералом К. Макком, была разбита Наполеоном, окружена в районе Ульма и капитулировала (20 октября 1805 г.). Кутузов оказался в крайне сложном положении: противник имел четырехкратное превосходство в силах и угрожал русской армии окружением. В этих труднейших условиях русский полководец проявляет блестящее воинское мастерство. Искусным маневром он выводит свою армию из-под удара врага и спасает ее от неминуемого разгрома.

В дальнейшем, после сосредоточения основных сил союзников (подошедших из России подкреплений, отступившей из Австрии армии Кутузова и вновь сформированной австрийской армии), в Восточной Чехии русский и австрийский императоры, вопреки мнению Кутузова, решили дать Наполеону сражение. Диспозиция на сражение была составлена австрийскими генералами из окружения австрийского императора Франца I и одобрена русским императором Александром I. Кутузов фактически был отстранен от командования, хотя номинально оставался главнокомандующим. Славу будущей победы, а они в ней не сомневались, решили разделить между собой союзные монархи. Решительное сражение произошло 20 ноября (2 декабря) 1805 г. при Аустерлице¹ и завершилось сокрушительным поражением союзников. Поскольку победы не получилось, а получился полный конфуз, то венценосные особы, дабы отвести от себя всякую ответственность за поражение, обвинили в нем... Кутузова. Он стал как бы «козлом отпущения». Когда впоследствии Александру I напомнили, что именно Кутузов удерживал

его от опрометчивого решения сражаться с Наполеоном при Аустерлице, тот в ответ буркнул: «Мало удерживал».

После окончания кампании 1805 года М.И. Кутузов снова находится на военно-административных должностях (Киевский, затем Литовский генерал-губернатор), не считая года с небольшим в 1808–1809 гг., когда командовал корпусом в Дунайской армии. Очередная война с Турцией, начавшаяся в 1806 г., продолжалась уже пятый год. За это время сменилось несколько командующих армией на Дунае. Боевые действия велись с переменным успехом и не приводили к сколько-нибудь значительным результатам. Весной 1811 г. царь вынужден был назначить командующим Дунайской армией М.И. Кутузова. Перед ним была поставлена чрезвычайно трудная задача: добиться быстрой победы в весьма сложной и неблагоприятной обстановке. И Кутузов блестяще справился с поставленной задачей, несмотря на значительное превосходство противника в силах. В упорном сражении под Рушуком 22 июня (4 июля) 1811 г. он нанес туркам крупное поражение, хотя те имели почти четырехкратное превосходство в силах. Однако турецкая армия (около 70 тыс. человек) хотя и понесла большие потери, но разгромлена не была. Ее главнокомандующий великий визирь Ахмет-паша, отойдя в укрепленный лагерь, собрал силы и готовился к новому наступлению. Он полагал, что русская армия (20 тыс. человек, 151 орудие), увлеченная успехом, будет продолжать наступление и тогда, используя свое многократное численное превосходство, он сможет ее разгромить в полевом сражении. И действительно, многие генералы русской армии настаивали на немедленной атаке турецкой армии. Но Кутузов хорошо понимал, что предпринимать наступление на противника, засевшего в укрепленном лагере и обладающего подавляющим превосходством в силах, — это значит подвергнуть слишком большому риску свою немногочисленную армию, притом без какой-либо надежды на успех. Оценив сложившуюся обстановку, он принимает единственно правильное решение. Простояв на поле сражения четыре дня, он отводит свою армию на левый берег Дуная, предварительно взорвав крепостные укрепления Рушука. Кутузов полагал, что перенесение военных действий на левый берег Дуная создаст ему более благоприятные условия для продолжения борьбы.

Ахмет-паша, крайне удивленный таким маневром Кутузова, вернулся в Руцук и доложил султану о своей «победе», за что был щедро награжден. Он пришел к заключению, что русские отступили за Дунай вследствие своей слабости. Однако переходить Дунай вслед за противником великий визирь не спешил. Лишь под сильным нажимом из Константинополя, на который, в свою очередь, настойчиво оказывал давление Париж, он в ночь на 28 августа начал переправу своих войск на другой берег реки. Узнав об этом, Кутузов не стал препятствовать противнику, а своим изумленным генералам заявил: «Пусть переправятся, только перешло бы их на наш берег поболее».

В создавшейся обстановке русский полководец принимает весьма оригинальное решение: переправить часть своих сил на правый берег Дуная и разгромить противника в Руцуке, а затем окружить и уничтожить турецкие войска, переправившиеся на левый берег Дуная и блокированные русской армией на захваченном ими плацдарме. Свой замысел, который М.И. Кутузов до самого последнего момента держал в глубокой тайне и даже не докладывал о нем в Петербург, он реализовал блестяще. В ночь на 2 октября скрытно от противника на правый берег Дуная переправился корпус генерал-лейтенанта И.И. Маркова (7,5 тыс. человек, 38 орудий), который на рассвете 2 октября стремительным ударом разгромил турецкие войска (свыше 25 тыс. человек) на том берегу реки и овладел Руцуком. Решающую роль в этой победе сыграла внезапность: турки были застигнуты врасплох и не смогли оказать должного сопротивления, основная их масса в панике бежала с поля боя. В результате главная группировка противника (до 40 тыс. человек) оказалась окруженной на левом берегу Дуная (Руцук находился в тылу турецкого плацдарма). Для более надежного ее блокирования со стороны реки Кутузов использовал Дунайскую военную флотилию, располагавшую орудиями крупного калибра. Сжатая со всех сторон на плацдарме в районе селения Слободзея и лишённая всяких надежд получить какую-либо помощь извне, турецкая армия оказалась в безвыходном положении. Великий визирь бросил свои войска на произвол судьбы и бежал. Турки несли огромные потери от непрерывного огня русской артиллерии и голода. Уже на восьмой день после окруже-

ния у них кончилось продовольствие, в ход пошла конина. Но и она через некоторое время закончилась, и турки перешли на питание травяными кореньями. Сотни солдат ежедневно умирали от голода. Потеряв более двух третей состава, турецкие войска (12 тыс. человек) 25 ноября капитулировали.

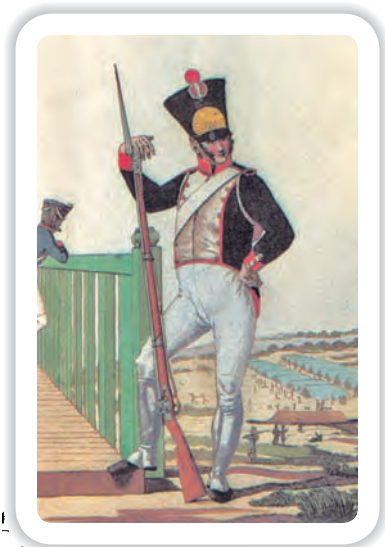
После сокрушительного поражения при Слободзее Турция запросила мира. Было заключено перемирие, начались переговоры о мире. Турки всячески стремились затянуть эти переговоры, надеясь на скорую войну между Францией и Россией. Причиной затяжки переговоров было и активное вмешательство французских дипломатов, которые всеми силами старались не допустить выхода Турции из войны. Только в результате настойчивости, твердости и дипломатического таланта М.И. Кутузова удалось преодолеть все трудности и всего за месяц до вторжения Наполеона в Россию заключить не только очень нужный, но и выгодный для России мир.

По условиям Бухарестского мирного договора 16 (28) мая 1812 г. Турция разрывала союз с Наполеоном, уступала России Бессарабию и предоставляла автономию Сербии. Придунайские княжества Валахия и Молдавия сохраняли свои привилегии, установленные Яским мирным договором 1791 г.

Таким образом, М.И. Кутузов накануне тяжелейшего для России испытания, каковым явилась Отечественная война 1812 года, оказал неоценимую услугу нашему Отечеству, избавив его от необходимости одновременно вести войну против всей Европы, объединившейся под знаменами Наполеона для «крестового похода» в Россию, и Турции. При этом нельзя забывать, что Россия в то время вела войну еще и с Ираном, где также была задействована часть войск русской армии. Значительные силы Россия вынуждена была держать и в Финляндии, где только что проигравшие войну 1808–1809 гг. шведы мечтали о реванше и только ждали удобного момента.

Причины и характер Отечественной войны 1812 года

Основной причиной войны 1812 года было стремление Наполеона к мировому господству. После победы над Австрией в 1809 г. Бонапарт фактически стал полноправным хозяином

Форма наполеоновской армии.

Рядовой линейной пехоты.

Раскрашенная гравюра Мартине. 1810-е гг.

почти всей континентальной Европы, за исключением России. Еще продолжала сопротивляться Испания, но практически вся ее территория была оккупирована французскими войсками, да англичане пока удерживали значительную часть Португалии. Англия, основной соперник Франции в экономическом и политическом отношениях, в силу своего островного положения и господства на море ее флота тоже была пока недостижима для Наполеона. Но французский император решил задуть ее экономически. С этой целью в конце 1806 г. им была установлена континентальная блокада, в силу которой всем зависимым от Франции государствам и ее союзникам запрещалась всякая торговля с Англией и вообще какие-либо отношения с ней. Россия присоединилась к континентальной блокаде летом 1807 г. в соответствии с условиями Тильзитского мирного договора 1807 г.

Однако скоро выяснилось, что соблюдение Россией условий континентальной блокады крайне разорительно для ее экономики (Англия являлась одним из основных внешнеторговых партнеров России), наносит ей огромный экономический ущерб. Поэтому начиная с 1809 г. русское правительство под давлением торговых кругов и высшего дворянства стало смотреть сквозь

пальцы на разного рода нарушения в соблюдении условий континентальной блокады. Это вызвало негативную реакцию со стороны Наполеона. Посыпались всякого рода протесты, заявления, обвинения России в нарушении международных договоров и т.п. Вскоре к экономическим разногласиям между двумя державами добавились и политические. Кризис в отношениях между Россией и Францией с каждым годом продолжал нарастать. Обе державы твердо стояли на своем, ни одна не хотела поступаться своими интересами. Уверенный в своем могуществе Наполеон вел себя все более и более вызывающе, пытаясь диктовать России свои условия и даже угрожать, когда его требования отклонялись. Уже к 1811 г. стало очевидным, что нового вооруженного столкновения между двумя империями не миновать. В 1811 г. Наполеон открыто заявил: «Через пять лет я буду господином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее»². Естественно, что в создавшейся обстановке обе стороны развернули подготовку к неизбежной схватке. Наиболее интенсивно ее проводил Наполеон. Он твердо решил, опираясь на потенциал всей Европы и ее людские ресурсы, сокрушить Россию вооруженным путем и подчинить ее своему влиянию.

Начальный период войны

К началу вторжения Наполеон развернул на западной границе России армию, насчитывавшую 444 тыс. человек в первой линии. Во второй линии он имел еще около 178 тыс. человек.

Костяком этой армии (около половины ее состава) являлись французские войска, отличавшиеся высокой боеспособностью, спаянностью и имевшие большой боевой опыт.

Другая половина войск Наполеона состояла из воинских формирований, выставленных его сателлитами и поработченными народами — немцами, итальянцами, поляками, голландцами, португальцами и др. Моральное состояние этих войск с самого начала было довольно низким: они не стремились воевать за своих поработителей-французов. Дезертирство среди них достигало значительных размеров.

Русская армия³ к началу войны 1812 года по штатной численности приближалась к 480 тыс. человек, не считая гарни-

зонных войск и военных учебных заведений. В ходе войны численность ее значительно увеличилась. Таким образом, по совокупной численности воюющих армий война 1812 года стала одной из крупнейших войн того времени. Это была самая крупная война первой половины XIX столетия.

К началу военных действий русское верховное командование смогло сосредоточить на западной границе 218 тыс. человек и свыше 900 орудий в первой линии. Крупные силы, более 130 тыс. человек, находились на южных окраинах — в Молдавии, на побережье Черного моря, на Кавказе, где только что закончилась война с Турцией.

Значительные силы необходимо было держать на шведской границе, чтобы удерживать от выступления Швецию, которую Наполеон стремился вовлечь в войну против России. Остальные войска находились в глубине страны, в значительной части в стадии формирования.

Таким образом, Наполеон в начале войны имел подавляющий численный перевес. Однако на стороне русских войск было неоспоримое моральное превосходство. Справедливые цели войны способствовали исключительно высокому подъему духа русской армии. Но в первое время численный перевес противника был настолько велик, что не мог быть уравновешен моральным фактором.

По уровню тактической подготовки русские войска не уступали французским, а в некоторых отношениях даже превосходили их. Среди русских генералов и офицеров было много таких, которые прошли школу Суворова. Оставалось в рядах армии и много солдат, участвовавших в суворовских походах. Суворовский дух был жив в армии.

В первые дни войны верховное главнокомандование осуществлял сам Александр I. Но вскоре, осознав свою некомпетентность, он уехал в Петербург. Только после соединения 1-й и 2-й русских армий в Смоленске общее командование над ними принял командующий 1-й армией М.Б. Барклай-де-Толли. Выходец из древнего шотландского рода, талантливый военачальник, он добросовестно выполнял свои обязанности.

Сущность стратегического плана Наполеона заключалась в том, чтобы в одном-двух генеральных сражениях разгромить

Оружие русской кавалерии: палаш, сабля. Начало XIX в.

главные силы русской армии еще в приграничных районах, а затем двинуть войска на Москву через Смоленск. Захват Москвы, по мнению Наполеона, должен был завершить войну и вынудить Россию к миру.

Основные силы французской армии — гвардия, 4 кавалерийских и 8 пехотных корпусов общей численностью почти 380 тыс. человек и 900 орудий — перешли границу России на участке Ковно — Белосток и развернули наступление вглубь страны. Для обеспечения операционной линии с флангов Наполеон первоначально выделил только два корпуса общей численностью 66 тыс. человек (корпус Макдональда на левом фланге, на Петербургском направлении; австрийский корпус Шварценберга на правом фланге, южнее Полесья).

Выбор основной операционной линии (южная часть Литвы, Смоленск, Москва) был вполне понятным. Эта линия вела на Москву по кратчайшему и наиболее удобному направлению — через так называемые Смоленские ворота, водораздел между верховьями Западной Двины и Днепра. По этому же направлению в 1708 г. пытался проникнуть вглубь России Карл XII. Здесь же в 1941 г. наступала наиболее сильная группировка немецко-фашистских войск — группа армий «Центр». Бесславный конец каждый раз ждал чужеземцев на этом пути.

Другое возможное направление — на Петербург — было значительно менее выгодным для Наполеона. Французская армия встретила бы здесь труднодоступную местность, ряд серьезных водных преград, имела бы необеспеченный левый фланг, так как

на Балтийском море господствовал русский флот, а овладение Петербургом не обещало значительных военных и политических результатов в силу его географического положения по отношению к остальной территории Российского государства.

Русская армия развернулась в соответствии со стратегическим планом, составленным военным советником государя генералом Карлом Фулем и утвержденным Александром I. В основе плана лежала идея разделения ее главных сил на две группы, что не соответствовало реальной оперативно-стратегической обстановке и ухудшало то тяжелое положение, в котором оказалась русская армия уже в самом начале военных действий.

1-я русская армия М.Б. Баркляя-де-Толли (127 тыс. человек, 558 орудий)⁴ развернулась в Литве от Россиен до Лиды; 2-я армия П.И. Багратиона (около 48 тыс. человек, 216 орудий) — в районе восточнее Белостока, у Волковыска; 3-я (обсервационная) армия А.П. Тормасова (43 тыс. человек, 168 орудий) — на Волыни, в районе Луцка, она имела задачу прикрыть киевское направление.

Во второй линии в районе Мозыря сосредоточился резервный корпус Ф.Ф. Эртеля⁵ (37,5 тыс. человек). Имелся еще и ре-

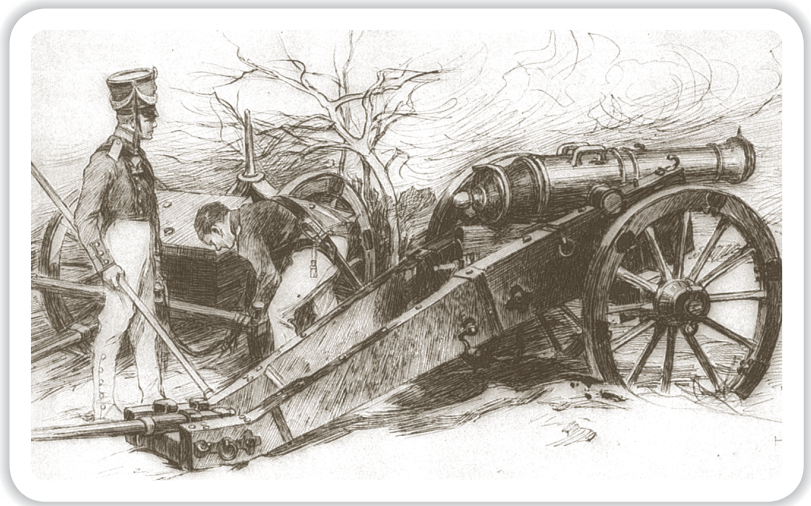
*Форма русской армии.
Рядовой лейб-гвардии
Семеновского полка.
Раскрашенная литография Бека
по рисунку Губарева. Середина XIX в.*

зервный корпус Е.И. Меллер-Закомельского⁶, располагавшийся у города Торопец; в его составе было чуть более 27 тыс. человек. В дальнейшем он был рассредоточен по другим частям.

Между левым флангом 1-й армии и правым флангом 2-й армии существовал разрыв — около 100 км. 3-я армия находилась еще в 200 км южнее района развертывания 2-й армии и не имела никаких шансов принять участие в боевых действиях в начальный период войны на главном стратегическом направлении (севернее Полесья). На этом направлении Наполеон имел, таким образом, перевес более чем в 2 раза: 380 тыс. человек против 175 тыс. 1-й и 2-й армий Барклая и Багратиона.

После перехода границы Наполеон повел наступление главными силами против 1-й армии, правофланговую группировку направил против 2-й армии, а 1-й пехотный корпус Даву из состава левофланговой группы двинул в разрыв между двумя русскими армиями с задачей перехватить пути отхода на восток войскам Багратиона. Когда русскому командованию стали ясны намерения противника и его огромное численное превосходство, план генерала Карла Фуля был отвергнут, и обе русские армии (1-я и 2-я) начали отступление, стремясь к соединению в глубине приграничной территории.

Отступление русских армий было неизбежной необходимостью. В сложившейся обстановке оно являлось единственным возможным решением, имевшим цель предотвратить разгром главных сил. Всякая попытка остановить противника посредством генерального сражения привела бы к негативным последствиям: либо к крупному поражению, либо (в лучшем случае) к окончательному разобщению русских армий. М.Б. Барклай-де-Толли и П.И. Багратион умело провели отступление, сдерживая противника арьергардными боями и уклоняясь маневрированием из-под ударов его основных сил. Особенно трудным было при этом положение 2-й армии Багратиона. Движение Даву создавало реальную угрозу не только окончательного разъединения русских армий, но и окружения 2-й армии. Багратион после ряда искусных маневров и упорного двухдневного боя под Салтановкой — Дашковской вывел свои войска из-под угрозы окружения. 22 июля (3 августа) войска обеих русских армий соединились у Смоленска.

Артиллеристы 1812 г. Художник Н. Самокиш. 1900-е гг.

Весьма важное значение для дальнейшего хода войны имели действия пехотного корпуса П.Х. Витгенштейна (25 тыс. человек), выделенного из состава 1-й армии для прикрытия Петербургского направления. Активные действия этого корпуса на левом фланге главной операционной линии Наполеона, в районе Полоцка, вынудили Бонапарта выдвинуть против него два корпуса из состава главных сил и, кроме того, сосредоточить здесь основную часть корпуса маршала Макдональда. Корпус Витгенштейна связал, таким образом, три корпуса противника.

К моменту соединения русских армий у Смоленска соотношение сил сторон значительно изменилось.

Потери обеих армий убитыми, ранеными, больными и оставшими составляли 35 тыс. человек. Из их состава выделился корпус Витгенштейна, но у Смоленска присоединились первые подкрепления, подошедшие из глубины. В результате суммарная численность русских войск у Смоленска составила около 120 тыс. человек.

Численность же главных сил Наполеона составляла приблизительно 200 тыс. человек. Для обеспечения своей операционной линии с флангов он был вынужден еще дополнитель-

но выделить более 70 тыс. человек — два корпуса против Витгенштейна и один корпус (кроме австрийцев Шварценберга) против 3-й армии Торماسова. Потери главных сил Бонапарта к этому времени составляли около 106 тыс. человек: из них убитыми — до 25 тыс. человек, остальные потери — больными, отставшими и дезертирами. Такая огромная убыль сверх боевых потерь объясняется, с одной стороны, быстрыми маршами, которые совершали войска Наполеона, стремясь настигнуть отступавшие русские армии, с другой — острым недостатком продовольствия и фуража, которые были эвакуированы или уничтожены русской армией либо спрятаны местным населением, а также низким моральным состоянием контингентов союзных и вассальных государств. Массовое дезертирство в этих войсках стало распространенным явлением с первых же дней войны. Кроме того, с вступлением наполеоновской армии в области с белорусским и русским населением начала разворачиваться партизанская война против захватчиков, что еще более усугубило положение войск Бонапарта. Таким образом, к рассматриваемому времени в главных силах Наполеона оставалось не более 200 тыс. человек.

Тем не менее соотношение сил 1:1,5 все еще не давало русским войскам шансов на успех в генеральном сражении. Барклай-де-Толли намеревался продолжать отступление, однако некоторые генералы во главе с Багратионом потребовали прекратить отход и дать неприятелю сражение. Уступая им, М.Б. Барклай-де-Толли 26 июля (7 августа) двинулся от Смоленска на Рудню, но, не доведя дело до решительного столкновения, 1 (13) августа начал отход назад, к Смоленску.

Наполеон использовал эти дни для осуществления маневра с целью выйти в тыл русской армии и отрезать ее от Смоленска. Совершив обходный маневр, Бонапарт своим авангардом в ночь на 4 (16) августа вышел к Смоленску с юга, в то время как русская армия находилась еще к западу от города. После ожесточенного двухдневного сражения за Смоленск 4 (16) — 5 (17) августа, которое вел русский заслон со значительно превосходящими силами противника, и после упорного арьергардного сражения под Валутиной горой (Лубино) 7 (19) августа русские войска вышли из-под ударов противника. Умело обороняясь, они

нанесли врагу в боях в районах Смоленска и Валутиной горы (Лубино) потери значительно большие, чем понесли сами.

Барклай продолжал отход в направлении на Москву. Под влиянием нарастающего в армии недовольства продолжающимся отступлением он начал склоняться к решению дать генеральное сражение. Но прежде чем он окончательно остановился на этом решении, в главное командование всеми русскими войсками вступил М.И. Кутузов.

Барклай-де-Толли имел ограниченные полномочия. К тому же между ним и Багратионом часто возникали разногласия. Ненормальность такого положения в руководстве армий была ясна для всех. Нужен был полномочный главнокомандующий. Наконец 8 (20) августа царь назначил на этот пост М.И. Кутузова. Назначение его было встречено с восторгом в войсках и в обществе.

17 (29) августа в с. Царево-Займище (между Вязьмой и Гжатском, приблизительно в 170 км от Москвы) Кутузов прибыл в армию и вступил в командование.

Бородинская битва и оставление Москвы

«Во всемирной истории очень мало битв, которые могли бы быть сопоставлены с Бородинским боем и по неслыханному до той поры кровопролитию, и по ожесточенности, и по огромным последствиям»⁷, — писал Е.В. Тарле.

Как только Кутузов получил в Петербурге указ о назначении главнокомандующим, он обратился в Военное министерство с запросом о наличии в стране резервных формирований и о ходе их комплектования. Наличие и создание резервов он считал основным вопросом на данном этапе войны.

Но получить достоверную информацию от Военного министерства ему не удалось. Предоставленные данные создавали преувеличенное впечатление о наличии в районе Москвы крупных резервов и значительных сил ополчения. Формирование ополчения велось с начала войны по всей России.

На самом же деле, как уяснил Кутузов по прибытии в армию, эти резервы состояли всего лишь из 15 тыс. новобранцев и 15 тыс. ополченцев, почти все — без оружия. Император и его

окружение, недооценивая значение резервов в данной стратегической обстановке, не развернули активную работу по их созданию, не имели достоверных сведений о ходе их подготовки.

Соотношение сил, которое сложилось после прибытия в армию этих резервов из района Москвы, по-прежнему оставалось невыгодным для русских⁸.

Силы Наполеона в результате крупных потерь в боях под Смоленском и новых потерь отставшими и больными сократились до 135 тыс. человек при 587 орудиях. Это был цвет армии Наполеона — в основном французские и некоторые лучшие войска его союзников-сателлитов. Все неустойчивые элементы к этому времени в основном отсеялись, составив огромные массы дезертиров, отставших и больных. При этом необходимо было учитывать, что непосредственно в тылу у Бонапарта имелись две свежие дивизии на второй линии численностью около 13 тыс. человек, которые шли на соединение с главными силами. Несколько далее в тылу находился корпус маршала Виктора (30 тыс. человек).

Общая численность русской армии после присоединения упомянутых резервов составляла 120 тыс. человек при 640 орудиях. Однако фактически боевой состав армии достигал только 105 тыс. человек, так как 15 тыс. ополченцев, совершенно необученных и почти безоружных, не могли принимать участие в бою (фактически они использовались для эвакуации раненых). Кроме того, необходимо учитывать, что 15 тыс. человек резервных войск, присоединившихся в Гжатске, были также слабо обучены и не могли быть приравнены полностью к кадровым войскам⁹. В ближайшем же стратегическом тылу у М.И. Кутузова в данное время не было никаких резервов.

Тем не менее Кутузов принял решение дать генеральное сражение. После своего прибытия в армию он еще в течение шести дней продолжал отход, а 23 августа (4 сентября), выбрав позицию у села Бородино, остановился и развернул армию для сражения. Несколько дней, в течение которых продолжался отход, были необходимы, чтобы присоединить резервы, выбрать удобную позицию и провести некоторые подготовительные мероприятия (в частности, собрать шанцевый инструмент, нужный для фортификационных работ).

Наполеон в своем кабинете. Художник Ж. Л. Давид. 1812 г.

М.И. Кутузов вряд ли рассчитывал в Бородинском сражении разгромить армию Наполеона и добиться решающего стратегического успеха. Имевшееся соотношение сил и наличие у Наполеона довольно значительных стратегических резервов не давали для этого каких-либо серьезных оснований. Вступая в генеральное сражение при Бородино, Кутузов не придавал ему значения важнейшего, центрального стратегического события, исход которого должен был предрешить судьбу войны в целом. Он рассматривал это сражение как одно из звеньев (правда, звено очень важное) в цепи мероприятий, которые должны были бы создать необходимые условия для перехода в дальнейшем в контрнаступление.

Важнейшая задача, которую ставил перед собой главнокомандующий, вступая в Бородинское сражение, — резко ослабить силы Наполеона и, тем самым, создать предпосылки для изменения соотношения сил в свою пользу.

Кроме того, М.И. Кутузов стремился использовать исключительно высокий моральный дух войск. Армия негодовала из-за непрекращающегося длительного отступления и горела желанием сразиться с врагом. М.Ю. Лермонтов прекрасно передал то настроение русских войск в стихотворении «Бородино»:

*Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? На зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»*

Оставление Москвы без сражения могло бы самым неблагоприятным образом отразиться на моральном состоянии войск, подорвать их боевой дух. Давая сражение под Москвой, как объяснял в официальных документах Кутузов свое решение, он предусматривал вероятность оставления Москвы, хотя и не открывал этого.

Что касается Наполеона, то в соответствии со своими обычными стратегическими взглядами французский полководец

всецело стремился к генеральному сражению, видя в нем ключ к победе.

В самых кратких чертах ход боевых действий при Бородине состоял в следующем. Кутузов решил дать оборонительное сражение, используя для активной обороны выгодные условия местности (впрочем, очень ограниченные) и полевые укрепления. Бородинская позиция была выбрана так, чтобы прикрыть обе дороги, ведущие к Москве с запада, по которым двигался Наполеон: Новую Смоленскую дорогу, проходившую через Бородино, Горки на Можайск, и Старую Смоленскую дорогу, проходившую через Утицу также на Можайск.

Первоначально передний край позиции был намечен по рубежу Маслово — Бородино — Шевардино, пересекавшему под острым углом Новую Смоленскую дорогу и прикрытому речкой Колоча. Такое расположение переднего края затрудняло для Наполеона нанесение главного удара вдоль Новой Смоленской дороги по правому крылу русских. Именно это направление было наиболее опасным для русской армии: в случае успеха противника здесь она оказалась бы отброшенной к югу от путей отхода.

На тот случай, если бы войска Наполеона, наступавшие главными силами по Новой Смоленской дороге, сошли с нее и атаковали левый фланг русской армии у Шевардино, Кутузов наметил для своего левого крыла новую позицию, проходившую по рубежу Бородино — западнее деревень Семеновское и Утица. Поэтому сначала был оборудован редут у Шевардино, а затем приступили к оборудованию новой позиции.

Фактически Наполеон именно так и поступил. Он сошел с Новой Смоленской дороги и 24 августа (5 сентября) атаковал передовыми частями позицию русских у Шевардино. То обстоятельство, что он отказался от удара по правому крылу русских, было уже весьма существенным достижением в реализации оборонительного замысла Кутузова.

Обнаружив маневр Наполеона, Кутузов приказал заблаговременно отвести главные силы левого крыла на новую позицию (к Семеновскому), но оставил у Шевардинского редута сильный заслон, который выдержал 24 августа (5 сентября) упорный бой с превосходящими силами противника и только после этого отступил и присоединился к главным силам. Шевардин-

ский бой дал возможность выяснить в общих чертах замысел Наполеона и предоставил время для выполнения фортификационных работ на новой позиции.

Следующий день, 25 августа (6 сентября), прошел в столкновениях французской разведки с русским боевым охранением. С утра 26 августа (7 сентября) войска Наполеона атаковали русскую армию. Разыгралось одно из крупнейших по своему масштабу и значению сражений в военной истории нашей Родины — Бородинская битва.

Позиция, на которой русские войска приняли сражение, образовала исходящий угол с вершиной у села Бородино. Правое крыло позиции, к северо-востоку от Бородино, было прикрыто рекой Колоча. Левое крыло, к югу от Бородино, располагалось по гребню слабо выраженных высот, которые давали нашим войскам некоторые преимущества в обстреле и наблюдении, но не затрудняли действий войск противника. Левый фланг позиции находился у деревни Утица, расположенной на Старой Смоленской дороге среди лесистой местности.

Для усиления позиции были оборудованы следующие укрепления: а) Масловские, или «Цепные», на правом фланге; б) несколько батарей на правом крыле северо-восточнее деревни Горки; в) Центральный редут¹⁰ (батарея Раевского, Курганная батарея) на высоте южнее Бородино; г) Семеновские (Багратионовы) флеши¹¹ на высоте юго-западнее деревни Семеновское. Из-за недостатка времени и шанцевого инструмента укрепления имели довольно слабый профиль (высота бруствера около 2 м)¹² и были не совсем закончены. Тем не менее они сыграли важную роль в сражении.

Укрепления представляли собой артиллерийские позиции. Расположенная на высотах артиллерия могла вести перекрестный огонь, которым прикрывались промежутки между укреплениями.

Правое крыло составляли войска 1-й армии (Баркляя), левое крыло — войска 2-й армии (Багратиона); у Утицы на Старой Смоленской дороге был расположен 3-й пехотный корпус (Тучкова 1-го), составлявший отдельную группу. Пехотные корпуса строились в два эшелона, перед которыми располагалась завеса из егерей.

*Обер-офицер и бомбардир
гвардейской пешей артиллерии.
Раскрашенная литография Бека
по рисунку Губарева. Середина XIX в.*

Кавалерийские корпуса составляли третий эшелон. За правым флангом 1-й армии имелась резервная кавалерийская группа (кавалерийский корпус Уварова и казаки Платова). За левым крылом находился частный резерв 2-й армии. Наконец, за центром был общий резерв (гвардия, гренадеры, гвардейская и кирасирская конница) и сильный артиллерийский резерв. Таким образом, боевой порядок русской армии был глубоко эшелонирован, Кутузов требовал сохранять резервы как можно дольше.

При атаках и контратаках русская пехота действовала в батальонных колоннах. В диспозиции главнокомандующий указал: «В случае наступательного во время действия движения, оное производить в колоннах к атаке, в каковом случае стрельбою не заниматься, но действовать быстро холодным оружием». Ведя огневой бой, линейная пехота обычно развертывалась в трехшереножный строй, а егерская рассыпалась в цепи. Далее в своей диспозиции Кутузов требовал тесного взаимодействия между пехотой и конницей. Артиллерия руководствовалась специальной инструкцией, составленной начальником ар-

тиллерии генерал-майором А.И. Кутайсовым. Инструкция требовала от артиллеристов жертвовать собой, но выпустить последний картечный выстрел в упор. В этом случае — указывала инструкция — артиллерия «нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий».

Замысел Наполеона в Бородинском сражении сложился под влиянием следующих условий. Наполеон еще за два дня до сражения отказался от нанесения удара по правому крылу русских. Во время сражения он ограничился здесь лишь легкой демонстрацией. Главный же удар он нацелил на левое крыло русской армии. При этом в результате действий умело организованного русского боевого охранения французская разведка не могла полностью выяснить расположение русской армии. Поэтому Бонапарт считал, что левый фланг русской армии кончается у Семеновских флешей. От охвата левого фланга русских крупными силами Наполеон также отказался из-за лесистой местности и остановился на единственном оставшемся решении — нанести фронтальный удар главными силами по левому крылу русских.

Так как атаковать промежуток между Центральным редутом и Семеновскими флешами было невыгодно (перекрестный огонь), то главный удар был нацелен на флешы. Кроме того, Наполеон наметил два вспомогательных удара: корпусом И. Понятовского — вдоль Старой Смоленской дороги, с последующим охватом предполагаемого левого крыла русских, и корпусом Е. Богарне, усиленным конницей и двумя пехотными дивизиями 1-го корпуса, — на центр русских, Центральный редут.

Для нанесения главного удара Наполеон сосредоточил около 80 тыс. человек и 467 орудий (при ширине полосы наступления менее 1,5 км). Е. Богарне имел в составе своей группировки около 42 тыс. человек, а Понятовский — до 14 тыс. человек. Такое исключительное по плотности нагромождение сил и средств на направлении главного удара, крайне редко встречающееся в военной истории, не обещало для Наполеона ничего хорошего. Умелым выбором позиции (прочны прикрытые фланги) Кутузов устранил возможность использования противником широкого маневра и заставил его вести фронтальную атаку. При этом французы были поставлены перед необходимостью атаковать опорные пункты русских через проме-

жутки между их укреплениями, под перекрестным огнем русской артиллерии.

Значительных принципиальных различий в области тактики родов войск между французской и русской армиями в данный период не было. Однако в соответствии с общим стремлением Наполеона к массированию сил его пехота применяла для атаки не только батальонные колонны, но и колонны из нескольких батальонов. Конница также атаковала в густых массах.

Сражение протекало так.

На рассвете демонстративной атакой части сил генерала Е. Богарне¹³ против правого фланга русских в районе Бородино Наполеон начал сражение. Затем Богарне приступил к перегруппировке своих войск для нанесения удара в направлении на Центральный редут. Несколько выждав после начала действий Богарне, Наполеон в 6 часов утра начал атаку на направлении главного удара (на Семеновские флеши), постепенно наращивая силы атакующих войск из глубины, и одновременно двинул корпус Понятовского¹⁴ с задачей охвата предполагаемого левого фланга русских. Последний неожиданно столкнулся у Утицы с корпусом Тучкова. Упорный бой, длившийся здесь в течение всего дня, не дал противнику, несмотря на его численный перевес, никаких результатов.

Демонстрация Богарне не обманула Кутузова. Вскоре после начала атак французов на Семеновские флеши Кутузов правильно определил направление главного удара противника, а несколько позднее сделалось ясным и направление наиболее сильного из вспомогательных ударов французов — на Центральный редут. По мере окончательного вскрытия замысла противника Кутузов приступил к осуществлению контрманевра и перевода войск с неатакованного правого крыла (войска 1-й армии) на направление главных атак противника (Семеновские флеши и Центральный редут). Одновременно он постепенно усиливал первые эшелоны, оборонявшие эти пункты, и за счет своего общего резерва.

Таким образом, сражение приняло характер фронтального столкновения в трех очагах: главный — у Семеновских флешей, второй — на высоте у Центрального редута, третий, носивший в значительной мере изолированный характер, — у Утицы.

**Форма наполеоновской армии.
Офицер линейной пехоты.**
Раскрашенная гравюра Мартине. 1810-е гг.

**Форма наполеоновской армии.
Рядовой легкой пехоты.** *Раскрашенная
гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.*

На первых двух пунктах обе стороны постепенно наращивали силы за счет ввода в бой резервов. При этом французы в первые часы сражения даже несколько опережали русских во вводе в бой своих сил и поэтому имели численный перевес, временами довольно значительный. Однако это не давало им ощутимого преимущества. Слишком густые и глубокие массы их войск при атаках несли огромные потери от огня русских, которые сами, сражаясь в менее плотных боевых порядках, имели меньшие потери. Истошив противника огнем, русские войска затем отбрасывали его штыковыми контратаками.

Наиболее ожесточенная борьба разыгралась у Семеновских флешей. Боем здесь лично руководил командующий 2-й армией П.И. Багратион — после Суворова и Кутузова наиболее талантливый и любимый солдатами российский военачальник конца XVIII — начала XIX в.

Флеша несколько раз переходили из рук в руки. В 12-м часу дня Наполеон ввел в бой все свои главные силы, кроме кавале-

рийских корпусов, — свыше 45 тыс. человек (главным образом пехоты). Багратион, непрерывно находившийся в бою, к этому времени был смертельно ранен. После восьмой атаки и почти шестичасовой борьбы французы наконец овладели флешами. Однако это отнюдь не означало перелома борьбы в их пользу. Русские войска отошли на 500–1000 м к востоку, за ручей Семеновский, и продолжали сопротивление.

Такая же картина в несколько меньшем масштабе и с некоторым сдвигом во времени имела место и на участке у Центрального редута, где Е. Богарне начал атаки после 9 часов утра. Овладев после ожесточенного боя батареями, французы около 11 часов с тяжелыми потерями были выбиты оттуда штыковой контратакой русских войск, которую возглавил по собственной инициативе один из блестящих русских генералов А.П. Ермолов.

Около 12 часов дня после овладения Семеновскими флешами Наполеон принял решение ввести в бой часть своего общего резерва — Молодую гвардию — и одновременно повторить атаку силами 4-го корпуса Богарне на Центральный редут. Однако еще ранее Кутузов выдвинул из-за своего правого фланга резервную кавалерийскую группу Уварова и Платова, которая теперь, обойдя левый фланг французов, нанесла удар с тыла по войскам Богарне и, проникнув в обозы французской армии, посеяла там значительную панику.

Новый контрманевр Кутузова сорвал намеченный Бонапартом общий удар. Молодая гвардия была задержана, атака войск Богарне отложена на два часа, которые потребовались для их перегруппировки к левому флангу, чтобы парировать обход русской конницы, и затем новой перегруппировки для атаки Центрального редута. Указанные два часа дали возможность Кутузову завершить переброску войск правого крыла к центру и левому флангу. Конница Уварова и Платова, выполнив поставленную перед ней задачу, почти без потерь вернулась в резерв главкома.

После 12 часов дня на направлении главного удара противник ввел в сражение свои кавалерийские корпуса. Ценой больших потерь французам удалось потеснить наши войска на несколько сотен метров, но все их попытки опрокинуть русских были безуспешны. Три гвардейских полка, введенных здесь Ку-

тузовым из общего резерва, построившись в каре, стойко отразили все атаки французской конницы.

Около 14 часов дня Богарне предпринял новую атаку на Центральный редут, который после падения Семеновских флешей обстреливался французской артиллерией с трех сторон. В этой атаке основная роль со стороны противника перешла к коннице. Противник и здесь, понеся огромные потери, несколько потеснил русские войска и наконец овладел Центральным редутом, осыпавшиеся и изрытые ядрами и гранатами брустверы которого уже не представляли серьезного препятствия.

После этой последней вспышки сражение начало постепенно затухать на всех направлениях. Французы прекратили атаки; с обеих сторон действовала только артиллерия. Русские войска, сохраняя сплошной фронт, продолжали обороняться на новой позиции, проходившей на 0,5–1,5 км восточнее первоначальной, по высотам восточнее деревни Семеновское. 3-й пехотный корпус на этой позиции примкнул непосредственно к левому крылу главных сил¹⁵.

В ставке Наполеона в эти последние часы сражения усиленно обсуждался вопрос о вводе в бой еще не израсходованного общего резерва — 19 тыс. человек гвардии. Маршалы Наполеона просили императора бросить в атаку гвардию, считая, что это решит исход сражения в пользу французов. Однако Наполеон отверг это предложение, заявив: «За 800 лье от Франции я не хочу рисковать последним резервом» (лье — около 4 км). В данном случае Наполеон был прав, хотя это не спасло его от катастрофы впоследствии. Наполеон более правильно, чем его маршалы, оценивал соотношение сил на данный момент сражения и допускал в соответствии с фактическим положением наличие у Кутузова также достаточно сильных резервов, о которые могла бы разбиться атака его гвардии¹⁶. С наступлением темноты французские войска отошли в исходное положение.

Потери французов составляли более 50 тыс. человек убитыми и ранеными (39% состава армии). Особенно велики были потери французов в коннице (16 тыс. из 28 тыс. человек — 57%).

Потери русской армии — более 55 тыс. человек убитыми и ранеными (46% общей численности). Пленных с обеих сторон было очень мало.

Образцы оружия Тульского оружейного завода. Начало XIX в.

И все же Бородинская битва явилась, по существу, больше победой, чем поражением русской армии, руководимой Кутузовым. Тактический успех был на стороне русской армии, что впоследствии признавал и сам Наполеон. Атаки французов были отражены, они понесли большие потери и к ночи очистили захваченные ими участки русской позиции. В стратегическом отношении результаты Бородинской битвы явились успехом Кутузова огромного значения. Он достиг выполнения основной задачи, которую ставил перед собой и армией, принимая решение на сражение, — нанес противнику тяжелые потери, восстановить которые Бонапарт в сложившейся обстановке уже не мог, особенно трудно было восстановить потери в коннице¹⁷. Резервы Наполеона, двигавшиеся на соединение с главными силами (13 тыс. человек), не могли ни в какой мере компенсировать убыль французской армии в Бородинском сражении. Потери же русской армии, также весьма значительные, Кутузов рассчитывал восстановить за счет создания резервов, на что имел вполне реальные шансы.

В Бородинском сражении французская армия понесла потери не только в количественном отношении, но и моральные. Неудача оказалась столь явной, что вера в непобедимость «Великой армии» среди союзников Наполеона оказалась надломленной¹⁸. Для русской армии сражение, в котором она выдержала мощный натиск превосходящего по численности противника, было крупным моральным успехом.

Бородинская битва, где с исключительной яркостью проявился героизм русского народа, боровшегося против чуже-

земных захватчиков, стала одним из наиболее славных военных событий исторического прошлого нашей Родины. Бородинская битва глубоко запечатлелась в памяти народа. Она отражена в солдатских песнях и выдающихся творениях русской литературы — в романе «Война и мир» Л.Н. Толстого, стихотворении «Бородино» М.Ю. Лермонтова, во многих литературных, поэтических, кинематографических произведениях, в публицистике.

Оценивая Бородинское сражение с тактической точки зрения, сегодня необходимо отметить следующее. Реалистически ставя перед собой ограниченные цели (ослабить противника), Кутузов выбрал оборонительную форму ведения сражения. Однако при этом он сумел, с одной стороны, предотвратить возможность широкого маневра противника, а с другой стороны — придать обороне активный характер и провести контрманыевры, которые в конце концов привели противника к отказу от инициативы. Ограничение возможностей маневра противника было достигнуто посредством:

а) умелого выбора позиции, что являлось весьма трудным вопросом при общем равнинном характере местности в данном районе;

б) фортификационного оборудования позиции, которое, несмотря на ограниченный характер вследствие минимальных сроков и средств, существенно усилило оборону и приковало противника к узким участкам фронта. В этом отношении Бородинское сражение — убедительный пример того, какое существенное значение имела полевая фортификация в рассматриваемое отдаленное время при умелом ее применении.

Активный характер обороны русских выразился прежде всего в двух существенных контрманыеврах, переброске сил с неатакованного крыла на основное направление¹⁹ и контрудара кавалерийской группы Уварова и Платова в тыл противника. Активной также была и тактика соединений, частей и подразделений русской армии. Истоющая противника огнем (в основном артиллерийским), русские войска затем опрокидывали его штыковыми контратаками. Сохранившиеся в русских войсках того времени суворовские традиции способствовали успеху штыковых ударов.

В отношении методов управления войсками следует отметить, что, твердо держа общее руководство сражением в своих руках, Кутузов широко опирался на инициативу подчиненных ему начальников, которые в ряде случаев проявили ее в лучших образцах (контратака А.П. Ермолова на Центральный редут, особо важная роль П.И. Багратиона в руководстве боем на наиболее ответственном участке сражения — Семеновских флешах и многие другие примеры).

Одним из важнейших факторов успеха русской армии был исключительно высокий моральный дух войск. В борьбе с превосходящим по численности противником целые батальоны и полки теряли убитыми и ранеными почти весь состав, но не уступали занимаемых позиций.

Анализируя действия Бонапарта, необходимо еще раз подчеркнуть, что его замысел сражения сложился в зависимости от обстановки. Кутузов сумел частично навязать противнику свой сценарий, по сути — фронтальный удар, который не мог дать французам крупных результатов. Однако и при данном замысле для Наполеона не было необходимости доводить сосредоточение сил на направлении главного удара до такой чрезмерной плотности, какая им была создана. Вполне правильный в своей сущности принцип — сосредоточение сил на направлении главного удара — был превращен в искусственную крайность. Атакуя на слишком узких участках, глубокие массы французов несли ненужные потери и в результате не добивались успеха. Вероятно, для Наполеона было бы более рациональным выделить большие силы в правофланговую группу, на Старую Смоленскую дорогу, для охвата левого фланга русских.

Большую роль с обеих сторон играла в сражении артиллерия. Это положение было вообще типично для войн начала XIX в. Огонь артиллерии получил явное преобладание над огнем пехоты вследствие возрастания подвижности артиллерии благодаря усовершенствованию ходовой части систем и того обстоятельства, что дальность стрельбы орудий картечью (400–500 шагов) была больше дальности стрельбы из стрелкового оружия (до 300 шагов). В Бородинском сражении крупные массы артиллерии, быстро маневрируя, выдвигались перед боевыми порядками своей пехоты и расстреливали картечью пехоту противни-

ка, будучи сами неуязвимы для ее ружейного огня. Кутузов сохранял во все время сражения крупный артиллерийский резерв (в начале сражения — около 300 орудий, к концу — 100). Этот резерв, в случае решающего удара французов, мог быть быстро переброшен на основное направление и остановить своим огнем атакующую массу пехоты и кавалерии противника.

В ходе сражения Кутузов успешно применил новый для того времени способ управления войсками посредством письменных приказаний (распоряжений) и сбора письменных донесений (помимо личного наблюдения).

Проведя с непобежденными войсками почти всю ночь после сражения на поле боя, Кутузов тем не менее под утро принял решение отступить. В дальнейшем этот отход вылился в оставление Москвы.

Почему после непроигранного сражения Кутузов принял решение на отход? Он мог бы продолжать сражение. Соотношение сил улучшилось для русских: французы имели 85 тыс. человек, русские — 65 тыс. (в том числе 15 тыс. человек ополчения). Моральное состояние войск было высоким; войска хотели продолжать битву. Однако это было нецелесообразно со стратегической точки зрения. Сражение при Бородино должно было ослабить французскую армию, и это было, хотя и немалой ценой, достигнуто. Продолжение сражения могло бы привести к чрезмерному ослаблению русской армии, могло бы ее существенно надломить, чего нельзя было допустить. Шансов же разгромить Наполеона при продолжении Бородинского сражения практически не было: соотношение сил хотя и улучшилось, все же характеризовалось перевесом на стороне противника. Наполеон сохранял довольно значительные резервы непосредственно на поле боя, а если бы его даже и удалось отбросить, то он отступил бы на соединение со свежими силами, подходившими к нему.

Решение на отступление было логическим звеном в сложившейся стратегической обстановке. Сам Кутузов сформулировал смысл своего решения в донесении Александру I следующими словами: «Когда дело идет не о славе выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии... я взял намерение отступить». Отступление

русской армии от Бородино к Москве происходило планомерно, под прикрытием сильного арьергарда, который отразил все попытки противника воспрепятствовать отходу. В этот период Кутузов еще не принял решения на оставление Москвы. Возможно, что он в какой-то мере учитывал лихие заверения Московского губернатора Ф.В. Ростопчина, который обещал собрать крупные силы ополчения, способные значительно усилить армию и создать условия для нового сражения. При приближении армии к Москве выяснилось, что заверения Ростопчина не имели основания. По складу своего характера Ростопчин был склонен к гигантским замыслам без всяких шансов на успех. Пример тому — среднеазиатские и ближневосточные прожекты, псевдореальные походы на Индию и прочие химерические планы покорения Востока.

На военном совете в Филях 1 (13) сентября Кутузов объявил о своем решении оставить Москву: «С потерей Москвы еще не потеряна Россия. Первой обязанностью поставляю сберечь армию и сблизиться с теми войсками, которые идут к нам на подкрепление. Самым уступлением Москвы приготовим мы неприятелю неизбежную гибель. Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно завершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия. Приказываю отступать». Эта формулировка исчерпывает смысл принятого Кутузовым решения.

2 (14) сентября русская армия оставила Москву и отступила по Рязанской дороге в юго-восточном направлении. Вместе с армией Москву покинуло более 90% ее жителей. В этот же день французская армия вступила в русскую столицу. Сразу же после занятия французскими войсками Москвы в городе начались пожары. В условиях очень сухой погоды в городе, почти сплошь застроенном деревянными постройками, они очень быстро распространялись по всей площади Первопрестольной. В течение шести суток большая часть жилых кварталов Москвы выгорела дотла.

Причины возникновения пожара Москвы до настоящего времени не выяснены. Возможно, первые очаги появились вследствие поджогов французских или местных мародеров, а отча-

сти вследствие случайных причин, что было вполне естественно в оставленном пустом городе. В то же время несомненным остается факт, что городские власти, не исключая возможности возникновения пожаров, преднамеренно вывезли все противопожарное оборудование, что в немалой степени способствовало их быстрому распространению.

Пожар в Москве, причинивший огромный ущерб крупнейшему городу России, в то же время был тяжелым ударом и для французской армии. Вместо обещанных Наполеоном удобных зимних квартир французские войска оказались вынужденными большей частью бивуакировать под открытым небом. Наиболее же тяжелой для французов была гибель в огне значительных запасов продовольствия, находившихся в Москве, на которые они рассчитывали. Кроме того, грабежи и мародерство, производимые французскими войсками, привели к падению дисциплины и в конечном счете еще более ухудшили их моральное состояние.

Тарутинский марш-маневр и завершение подготовки к контрнаступлению

Кутузов, оставив Москву, отступил по Рязанской дороге и, пройдя около 30 км, 4 (16) сентября круто повернул от Боровского перевоза на запад, совершив фланговый марш по отношению к главным силам Наполеона, располагавшимся в Москве. 7 (19) сентября у Красной Пахры русская армия вышла на Старую Калужскую дорогу. Этот марш на расстоянии одного перехода от противника был делом весьма рискованным, однако Кутузов искусно замаскировал изменение направления движения русской армии небольшими кавалерийскими арьергардами, которые ввели в заблуждение авангарды Наполеона и увлекли их к Рязанской и Владимирской дорогам, то есть на юго-восток и восток от Москвы. В результате французы на 10 суток потеряли русскую армию из виду и смогли ее снова обнаружить только 14 (26) сентября. Организация и осуществление флангового марш-маневра явились блестящим образцом воинского мастерства.

После обнаружения русской армии французами у Красной Пахры Кутузов отвел армию еще на один переход к юго-западу,

по Старой Калужской дороге к селу Тарутино, и здесь закрепился на выгодной естественной позиции, прикрытой рекой Нара. Это было последним отступлением русской армии. Заняв позицию у Тарутино, Кутузов объявил своим генералам и офицерам штаба: «Теперь ни шагу назад».

Тарутинский марш-маневр явился сам по себе весьма важным звеном стратегического замысла Кутузова, направленного на подготовку к контрнаступлению. Последующий довольно длительный период стоянки в Тарутинском укрепленном лагере (Тарутинский период), продолжавшийся около месяца, он использовал для завершения подготовки к контрнаступлению.

Тарутинским марш-маневром были достигнуты одновременно три цели:

а) давление на основную коммуникацию Наполеона (дорога Смоленск — Москва), когда армия Кутузова выдвинулась и нависла слева над единственной тыловой дорогой французских войск. Это дало возможность развернуть успешные действия партизанских отрядов по нарушению тыловых сообщений Наполеона;

б) прикрытие важного для русской армии района Калуга — Тула, где были расположены ближайшие к театру военных действий запасы продовольствия, оружия и амуниции;

в) обеспечение свободной связи с 3-й армией, находившейся на Волыни.

Тарутинский маневр поставил Наполеона в стратегический тупик. Рассчитывавший с взятием Москвы достигнуть выгодного мира, он теперь убедился, что решающий этап борьбы только еще начинается. Перспектива атаки русской армии на превосходной Тарутинской позиции для французской армии была безнадежной. После Бородино Наполеон достаточно ясно понимал это. Другое возможное направление его действий — на Тверь и Петербург — после занятия Кутузовым Тарутинской позиции исключалось. Наступление Наполеона в указанном направлении дало бы возможность Кутузову перехватить все коммуникации французской армии.

Наполеон вынужден был остановиться в Москве, временно прекратив активные действия. Во время наступившей стратегической паузы Кутузов развернул широкую подготовку к контрна-

Война русского народа против французов. Английская карикатура. 1813 г.

ступлению. В это же время у него окончательно сложился и стратегический план контрнаступления. Первые приказания исполнителям в соответствии с намеченным замыслом были отданы им еще в момент прибытия в Красную Пахру 6 (18) сентября.

Обстановка к этому времени сложилась следующая.

Ядро сил Наполеона — наиболее крупная и боеспособная группировка войск — находилось в Москве, имея коммуникацию (Неман, Вильно, Смоленск, Москва), растянутую более чем на 1000 км. Для прикрытия этой коммуникации с севера Наполеон использовал группу корпусов Макдональда, Сен-Сира и Удино²⁰, а с юга — корпуса Шварценберга и Ренье. Перечисленные корпуса состояли главным образом из немецких и австрийских войск. На самой коммуникации в качестве общего резерва находился в Смоленске корпус Виктора. Со стороны русских действовали следующие группировки: против основных сил Наполеона — главная армия Кутузова, против Макдональда, Удино и Сен-Сира — корпуса Штейнгеля и Витгенштейна, против

Шварценберга и Ренье — соединившиеся в сентябре армия Тор-масова и армия адмирала Чичагова, прибывшая из Молдавии (войска бывшей Дунайской армии).

План Кутузова предусматривал стратегическое окружение главных сил Наполеона путем согласованных действий всех трех группировок русских войск. Главная армия должна была путем ряда последовательных ударов измотать и значительно ослабить основные силы французов, а фланговые группы русских войск (Витгенштейна и Чичагова) — отбросить на запад фланговые группировки противника и выйти в тыл Наполеону. В основе этого беспрецедентного по своему размаху плана и решительности поставленной цели лежала идея полного уничтожения главных сил Наполеона.

Необходимо отметить, что исключительные трудности при осуществлении этого плана представляло управление группировками русских войск, разобщенными огромными пространствами, при отсутствии других средств связи, кроме конной эстафеты.

Основной задачей для Кутузова в Тарутинский период являлось создание такого перевеса в силах над противником (прежде всего, над его главными силами), который позволил бы приступить к реализации плана. Без этого нельзя было рассчитывать удержать Наполеона в кольце окружения, если бы его удалось создать.

Отсюда вытекали и все те основные мероприятия, которые были осуществлены в Тарутинский период:

а) укомплектование армии и создание резервов.

Этот вопрос являлся для Кутузова первостепенным с момента вступления его в командование. Ряд мер был им осуществлен еще до оставления Москвы, а в Тарутино развернута исключительная по своим масштабам и результатам работа в этом направлении. Кутузов фактически брал руководство ею в свои руки, видя, что правительство не придает должного значения данному вопросу и не может его быстро разрешить;

б) мероприятия по увеличению численности действующей армии, формирование народного ополчения.

В первом из указанных направлений Кутузовым был проведен ряд важнейших организационных мероприятий. Напри-

мер, он передислоцировал рекрутские депо (пункты сбора рекрутов), подтянув их ближе к театру военных действий, специализировал рекрутские депо по родам войск, принял энергичные меры по материальному обеспечению вновь формируемых частей. Для контроля и руководства мобилизационной работой он нередко направлял на места своих представителей.

Существенно отметить, как использовались свежие кадры, получаемые за счет рекрутского набора, прибывавшие, естественно, слабо обученными. Кутузов далеко не все эти поступления сразу вливал в действующую армию. Значительная часть их, наименее обученные и хуже экипированные формирования, пока оставлялась в тылу, где они продолжали подготовку. Новые кадры, включенные в состав действующей армии, направлялись в основном на укомплектование старых полков, там они сплывались вокруг уже имевшегося ядра закаленных боями ветеранов.

К моменту Бородинского сражения Кутузов получил в свое распоряжение только 15 тыс. человек необученных и почти безоружных ополченцев. Несколько тысяч человек ополчения вошло в состав корпуса Витгенштейна. Приняв командование, главнокомандующий приступил к самому широкому развертыванию формирования ополчения. Он опубликовал воззвание, в котором призывал русских людей вступать в ряды ополчения, обращаясь к их патриотическим чувствам: «Враг мог разрушить стены ваши, обратить в развалины и пепел имущество, положить на вас тяжкие оковы, но не мог и невозможно победить и покорить сердца ваших. Таковы Россияне». Формирование ополчения ускорилось. Но вооружить его полностью не удалось. Уровень русской промышленности не отвечал столь резко возросшей численности вооруженных сил. Также не было возможностей быстро обучить крупные контингенты ополчения. Поэтому они были использованы в основном для решения второстепенных задач.

Всего за период командования Кутузова, от его назначения до начала контрнаступления, было мобилизовано в регулярную армию и ополчение около 375 тыс. человек (из них в ополчение — около 200 тыс. человек)²¹. Численность главной армии Кутузова, которая при вступлении в Тарутинский лагерь составляла около 86 тыс. человек (из них 60 тыс. человек регу-

Г.М. Курин.

Художник А. Смирнов. 1810-е гг.

лярных войск, остальные — рекруты и ополчение)²², была доведена до 130 тыс. человек²³. Ополченцы за время пребывания в Тарутинском лагере были обучены и влиты в регулярные части. При этом очень существенно отметить, что удалось добиться значительного увеличения такого трудно формируемого рода войск, как конница, удельный вес которой в главной армии повысился благодаря этому в 2,5 раза. Это было очень важно для предстоящих активных маневренных действий. За счет вновь сформированных регулярных войск, не включенных в действующую армию, Кутузов создал в ближнем стратегическом тылу крупные резервы — более 100 тыс. человек.

Другим важным мероприятием главкома стало развертывание партизанской войны против армии Наполеона. Она осуществлялась в двух формах:

- народной партизанской войны;
- действий партизанских отрядов, выделенных из состава регулярной армии.

Наиболее важной из них являлась первая. Она возникла стихийно, с первых же дней вторжения войск Наполеона. Простые русские люди — крестьяне, частично и городское население — по своему почину при приближении французов уходили в леса,

собирались в отряды и начинали вооруженную борьбу против чужеземных захватчиков. В своих воззваниях к народу Кутузов способствовал развитию этого движения. Он принял ряд срочных мер по снабжению партизанских отрядов оружием, объединял и направлял их действия. Народная партизанская война достигла исключительного размаха: по своему масштабу она превосходила все ранее известные случаи партизанских действий. В оккупированных французами районах почти каждая деревня создавала свой партизанский отряд. Соединяясь, они зачастую достигали довольно значительной численности и были способны проводить крупные боевые операции.

Так, например, в Богородском уезде (к востоку от Москвы) действовал партизанский отряд Герасима Курина численностью около 6 тыс. человек, включавший в свой состав даже конницу. В бою с крупным французским отрядом при деревне Павлово Курин осуществил умелый обходный маневр и полностью разгромил противника. История сохранила имена ряда других выдающихся командиров народных партизанских отрядов — солдат Федора Потапова (Самуся) и Ермолая Четвертакова, старости Василицы Кожиной (отряд которой состоял в основном из женщин) и др.

Другая форма партизанской борьбы — действия партизанских отрядов, выделенных из состава регулярных войск, — получила большое развитие, хотя и уступала по размаху первой форме. В виде первого опыта начал партизанские действия (еще до Бородинского сражения) подполковник Д. В. Давыдов, получивший по собственной инициативе от Кутузова небольшой отряд (130 гусар и казаков)²⁴. В период отхода от Бородино через Москву к Тарутино Кутузов, учтя успешный опыт отряда Д. Давыдова, направил в тыл армии Наполеона уже несколько регулярных партизанских отрядов — Сеславина, Фигнера, Дорохова и др.

Для общей характеристики действий этих отрядов можно указать, например, что отряд Дорохова 22 сентября (4 октября) штурмом овладел городом Верея и полностью уничтожил находившийся там французский гарнизон (700 человек). Партизанские отряды, выделенные из регулярной армии, тесно взаимодействовали с народными партизанскими отрядами.

Партизанские отряды — и народные, и армейские — выполняли следующие задачи: прежде всего нарушали путем систематических нападений коммуникации французов (Смоленск — Москва), блокировали расположенные в Москве главные силы Наполеона. При этом они, активно действуя против войск противника, опирались на крупные силы ополчений, расположенных также кольцом вокруг Москвы, но на более значительном от нее удалении. В результате основная коммуникация врага Смоленск — Москва систематически подвергалась ударам партизан, захватывавших транспорты и уничтожавших небольшие отряды противника в его тылу. Таким образом, была успешно осуществлена координация действий партизанских отрядов и регулярной армии, усилия народной партизанской войны были направлены на выполнение задач общего стратегического замысла.

Важнейшим результатом партизанских действий было нанесение противнику значительных потерь, серьезно ослабивших армию Наполеона. Ее потери от нападений партизан еще до перехода Кутузова в контрнаступление оцениваются приблизительно в 30 тыс. человек. Эти потери были в основном безвозвратными (убитыми и пленными).

Другим важным результатом партизанской войны стало материальное истощение французской армии, так как запасы продовольствия и боеприпасов, направляемые в Москву из тыла, попадали большей частью в руки партизан, а фуражировки в окрестностях Москвы сделались для французов постепенно неосуществимыми из-за противодействия партизанских отрядов. Кроме того, партизанские отряды играли важную роль при ведении разведки. Находясь в непосредственном соприкосновении с противником, они доставляли армейскому командованию сведения о расположении вражеских войск и их перемещениях. В то же время партизаны лишали противника почти всяких возможностей для ведения разведки. Находясь в Москве, Наполеон не получал какой-либо существенной информации о состоянии и действиях русской армии.

Весьма важной проблемой являлась подготовка тыла к контрнаступлению. Необходимо было провести огромную работу по развертыванию материальных средств, необходимых для обе-

спечения боевых действий такого крупного масштаба. Перед Кутузовым встала задача обеспечить армию и вновь созданные формирования (почти 400 тыс. человек) боеприпасами, продовольствием, фуражом и обмундированием. При этом снабжение обмундированием осложнялось перспективой ведения боевых действий зимой. Специального, табельного зимнего обмундирования в то время не было. В основном эти задачи удалось успешно решить путем рационального использования имевшихся ресурсов и изыскания способов для привлечения новых. Кутузов, не имея возможности повлиять на повышение производительности заводов военной промышленности, тем не менее (с согласия правительства) установил жесткий контроль за их работой, предъявлял им четкие требования относительно объема выпуска и качества видов оружия и боеприпасов, которые были наиболее необходимы армии, лично регулировал распределение вооружения.

Он принял самые действенные меры по сбору запасов продовольствия и фуража, имевшихся у населения в районах, прилегавших к театру военных действий, а также по мобилизации транспорта для доставки их в армию, организовал крупные подвижные магазины (продовольственные транспорты) для снабжения армии. Через губернаторов центральных губерний Кутузов спланировал массовые заготовки зимнего обмундирования и обуви, главным образом путем сбора у местного населения.

В итоге войска действующей армии к моменту начала контрнаступления были обеспечены в основном всем необходимым, хотя далеко не весь состав войск ополчения был обеспечен оружием, были недостатки и в других видах снабжения этих войск. Но для ведения активных действий они не использовались, а выполняли другие задачи, заменяя регулярные войска.

Следует отметить, что в дальнейшем, при преследовании армии Наполеона, возникали перебои в продовольственном снабжении в связи с трудностями транспортировки. И все же эти трудности не могли сорвать выполнение стратегического плана и в конечном счете были преодолены.

Необходимо также отметить организационные мероприятия по подготовке инженерного обеспечения предстоящих активных действий.

Главкомандующий предусмотрел трудности дорожного обеспечения продвижения и маневрирования крупных масс войск на огромных пространствах в условиях осенней распутицы и перехода к зиме. Для выполнения этих задач были созданы 5 инженерных рот, каждой из которых придавалось по 500 ратников ополчения и конно-саперная команда в составе 600 человек.

Эти формирования, как видно из приказа Кутузова, являлись, по существу, отрядами обеспечения движения. При этом предусматривалась необходимость прокладки колонных путей и распределения указанных групп саперов по маршрутам для того, чтобы обеспечивать одновременное продвижение колонн конницы, пехоты и арьергардов. Конно-саперная команда должна была использоваться для быстрого усиления инженерных сил на наиболее трудных участках. Управление всеми этими группами было централизовано. Они подчинялись генералу Ивашеву, отвечавшему за их работу непосредственно перед главнокомандующим.

Создание таких значительных сил инженерных войск²⁵ для централизованного использования было очень важным шагом вперед в развитии тактики инженерных войск. Важным новшеством явилось создание конных саперов, позднее закрепленное в штатах русской армии. Указанные мероприятия полностью оправдали себя при переходе в контрнаступление.

В целом Кутузов целеустремленно и плодотворно использовал сравнительно короткую стратегическую паузу, которой он добился благодаря Тарутинскому маневру. Его деятельность в этот период представляет собой классический образец военно-организационной деятельности крупного масштаба.

Каково же было состояние французской армии в Москве, находившейся в кольце русских партизанских отрядов? Нет сомнения, что положение ее постепенно ухудшалось во всех отношениях. Прежде всего Наполеону не удалось полностью восстановить потери, понесенные при Бородино. Значительная часть подкреплений, на которые он рассчитывал, — войск второй линии и команд, собранных из отставших при наступлении, растаяла по дороге в Москву под ударами партизан или была оставлена для прикрытия коммуникаций. К Москве уда-

*Сапер и пионер 2-го пионерского полка.
Раскрашенная литография неизвестного
художника. Середина XIX в.*

лось подтянуть из тыла лишь 20–25 тыс. человек и поставить в строй 10–15 тыс. человек выздоровевших раненых. В результате Наполеон к моменту возобновления активных действий имел в строю 107 тыс. человек, то есть повысил их численность после Бородинского сражения на 20 тыс. человек.

За это же время Кутузов увеличил численность своей главной армии на 50 тыс. человек и, кроме того, ввел в строй 10 тыс. ополченцев, ранее не входивших в боевой состав. Таким образом, русский полководец опередил Бонапарта в состязании на увеличение численности армии.

Французская армия начала испытывать быстро возрастающие затруднения с продовольствием, фуражным снабжением и с пополнением боеприпасами в результате ее изоляции и нарушения коммуникаций действиями партизан. Особенно велики были трудности с фуражом: лошади начали истощаться и падать. Результатом этого явилось то, что Наполеон к возобновлению активных действий вынужден был спешить значительную часть конницы и сократить состав артиллерии до 360 орудий. Таким образом, в этих родах войск русская армия также получила решающий перевес.

Не меньшее значение имело падение морального состояния французской армии. Оно вызывалось, с одной стороны, разложением ее войск вследствие мародерства и грабежей, а с другой — бесперспективностью положения, в котором оказались французы в Москве. Войска стали понимать, что надежды на победоносный и выгодный мир, которым их воодушевлял император, рухнули и предстоит борьба, еще более тяжелая, чем раньше. Характерным показателем упадка дисциплины в армии Наполеона служит тот факт, что при выступлении из Москвы она оказалась перегруженной огромным обозом с награбленным имуществом, тогда как для конницы и артиллерии не хватало лошадей.

Осознав всю сложность своего положения, Наполеон сделал попытку выйти из него дипломатическим путем. 22 сентября (4 октября) он направил к Кутузову своего представителя — генерала Ж. Лористона с предложением заключить перемирие и начать переговоры о мире. Кутузов не дал никакого ответа по вопросу о мирных переговорах, стремясь выиграть время для завершения подготовки к контрнаступлению, а предложение о перемирии категорически отверг. Таким образом, эта попытка Наполеона успехом не увенчалась. Во время свидания Лористон настаивал, чтобы Кутузов принял меры к прекращению народной партизанской войны, аргументируя свои требования тем, что такой способ войны не принят у «просвещенных наций», на что Кутузов ответил: «...ежели бы даже он и пожелал изменить образ мыслей в народе, то он не мог бы успеть в том, потому что русские считают свою войну вторым нашествием татар и что он не в состоянии переменить понятия целого народа».

Контрнаступление и уничтожение армии Наполеона

К началу октября 1812 г. необходимые условия для контрнаступления — создание численного перевеса над главными силами Наполеона, крупных стратегических резервов, истощение французской армии — были созданы. 6 (18) октября сражением при Тарутино начались активные действия.

Общая обстановка стала такова²⁶. Наполеон с главными силами (107 тыс. человек) находился в Москве, имея авангард под

командованием И. Мюрата выдвинутым к Тарутино для наблюдения за русской армией. На нижнем течении Западной Двины, на Рижском направлении, действовал корпус Макдональда (около 30 тыс. человек). На среднем течении Западной Двины, у Полоцка, прикрывая коммуникацию Наполеона с севера, располагались войска Сен-Сира (около 30 тыс. человек). В районе Смоленска на основной коммуникации стоял корпус Виктора (30 тыс. человек). В районе Бобруйска находилась дивизия Домбровского (8–10 тыс. человек), у Брест-Литовска — корпуса Шварценберга и Ренье (около 50 тыс. человек).

Кутузов имел в Тарутинском лагере приблизительно 130 тыс. человек. В районе Риги в этот момент были сосредоточены войска Штейнгеля, переброшенные из Финляндии, численностью около 20 тыс. человек²⁷. В соответствии со стратегическим планом около половины из них под командованием Эссена были оставлены у Риги против Макдональда, а Штейнгель с остальными войсками выдвигался на соединение с Витгенштейном. Последний находился севернее Полоцка в соприкосновении с войсками Сен-Сира. Корпус Витгенштейна насчитывал около 50 тыс. человек. Чичагов, действовавший против Шварценберга, имел около 60 тыс. человек. В тылу у него, в районе Мозыря, стоял резервный корпус Эртеля (около 15 тыс. человек)²⁸.

Силы сторон были приблизительно равны (250–260 тыс. с каждой стороны), но Кутузов имел в своих главных силах перевес над главными силами противника (особенно значительный в коннице и артиллерии). Он опирался на мощные резервы, подготовленные им (свыше 100 тыс. человек только регулярных войск, не считая ополчения). Наполеон же исчерпал все резервы. Таким образом, реальное соотношение сил позволяло приступить к выполнению плана контрнаступления.

Сражение при Тарутино (на реке Чернишня) 6 (18) октября было частным ударом по войскам Мюрата — авангарду главных сил Наполеона. Последний расположился очень неосторожно, на близком расстоянии от позиции русской армии, полагаясь на пассивность Кутузова. Застигнутый врасплох, Мюрат был разбит и понес значительные потери. Победа при Тарутино имела важное моральное значение для русской армии. Одновременно с тем как у Кутузова созрело решение перейти

***Последние минуты
Наполеона в Москве.***

Гравюра по рисунку

А. Шарлеманя.

1-я половина XIX в.

к активным наступательным действиям, Наполеон решил оставить Москву. Французский полководец, безусловно, понимал, что дальнейшее пребывание в Москве ведет к быстрому ухудшению положения его армии. Сущность его решения сводилась к тому, чтобы отступить с главными силами за рубеж Днепра и там провести зиму в спокойных условиях, используя запасы, накопленные на тыловых базах, а весной предпринять новую попытку наступления. Однако он не желал начать отступление сразу, а намеревался сначала нанести удар по русским базам, расположенным в районе Калуги. Этим ударом Наполеон прежде всего хотел поддержать моральное состояние своих войск и замаскировать сущность своего маневра (отступления). В то же время он рассчитывал восстановить армейские запасы из русских складов и, соответственно, нарушить снабжение русской армии. Для выполнения этого маневра французский император решил обойти с запада позицию Кутузова при Тарутино, двигаясь по Новой Калужской дороге (Москва — Боровск — Малоярославец — Калуга).

Наполеон начал готовиться к выступлению из Москвы уже с первых чисел октября. По получении известия о сражении при Тарутино 6 (18) октября он двинул свои войска сначала по Старой Калужской дороге, а потом перешел на Новую Калужскую дорогу и продолжал свой марш в обход главных сил русской ар-

мии. Русские партизанские отряды очень скоро вскрыли маневр французов. Кутузов сначала выдвинул на перехват французов корпус Дохтурова, а в ночь на 12 (24) октября двинулся наперерез Наполеону с главными силами своей армии.

Русским удалось преградить врагу дорогу на Калугу у Малоярославца, где 12 (24) октября разыгралось сражение между главными корпусами обеих армий. При Малоярославце обе стороны вводили войска в бой по мере их подхода, прямо с марша. Город восемь раз переходил из рук в руки. К концу дня основные силы обеих сторон так и не были введены в сражение (приняло участие до 25 тыс. человек с каждой стороны). Но Кутузов успел сосредоточить все свои силы на Новой Калужской дороге южнее Малоярославца и, таким образом, прочно закрыл эту дорогу для противника.

На следующий день после сражения при Малоярославце обе армии стояли друг против друга. Кутузов ожидал атаки противника, но последний не делал попыток возобновить сражение. Теперь перевес в силах был на стороне русской армии, и Наполеон это понимал. Он сумел сосредоточить у Малоярославца только около двух третей своих сил.

К вечеру 13 (25) октября Кутузов получил сведения о появлении конницы противника к западу от позиции русской армии, на дороге Верея — Медынь — Калуга. Предполагая, что противник вновь пытается обойти его левый фланг, чтобы проникнуть к Калуге, Кутузов отвел свои войска на полперехода к югу, к Детчину, где он мог преградить все дороги, ведущие к Калуге с севера. Маневр являлся отнюдь не стратегическим отходом, а носил чисто тактический характер и был обусловлен необходимостью прочно прикрыть район Калуги, где Наполеон действительно мог бы найти значительные запасы продовольствия и фуража.

Задуманный Наполеоном маневр не состоялся. Для того чтобы прорваться к Калуге, необходимо было вступить в новое генеральное сражение с русской армией, что не входило в его планы. После длительных колебаний 14 (26) октября Наполеон отказался от своего первоначального плана и решил начать отступление по единственной оставшейся в его распоряжении магистральной дороге Можайск — Смоленск, то есть по

тому пути, по которому он наступал к Москве. 16 (28) октября французская армия через Боровск и Верею вышла у Можайска на Новую Смоленскую дорогу и одной колонной двинулась далее на запад.

Таким образом, сражение при Малоярославце имело важное стратегическое значение. Прежде всего оно означало окончательный переход инициативы к русской армии. При Малоярославце Кутузов сорвал замысел Наполеона облегчить свое положение путем овладения районом Калуги и, что было особенно важно, вынудил Наполеона отступать по совершенно опустошенной дороге, где французы не могли найти ни запасов продовольствия, ни крова, так как большинство населенных пунктов было сожжено.

Теперь перед русским командованием встала проблема — организовать преследование отступающего врага. Кутузов подошел к решению ее творчески: русская армия преследовала противника, следуя параллельно Смоленской дороге, южнее ее, держась приблизительно на одном уровне с французской армией. В результате Кутузов создал для противника постоянную угрозу перехвата пути его отхода, заставляя французов форсировать свой марш, что истощало их армию и приводило к образованию больших масс отставших. Для фронтального преследования французской армии Кутузов выделил сильную группу казачьей конницы под командованием М.И. Платова. В непосредственной близости от противника двигался авангард главных сил, возглавляемый М.А. Милорадовичем.

Французская армия отступала, окруженная тесным кольцом партизанских отрядов, непрерывно наносивших по ней удары, захватывая и уничтожая отдельные группы солдат и офицеров противника, держа его в непрерывном напряжении.

Исключительно важное значение для успешного хода параллельного преследования имело дорожное обеспечение марша русской армии. В то время как армия Бонапарта двигалась по магистральной, находившейся в относительно хорошем состоянии Смоленской дороге, главные силы русских вынуждены были продвигаться по проселкам, заваленным снегом, начиная с конца октября. Организация специальной группы инженерных войск во главе с генералом Ивашевым сыграла в этих

условиях огромную роль. Благодаря исключительно напряженной и самоотверженной работе инженерных войск и умелой ее организации русская армия смогла продвигаться, не отставая от противника, совершавшего марш в гораздо более выгодных дорожных условиях.

Результаты продуманной организации преследования и высокой активности, с которой оно велось, начали сказываться с первых же дней. Армия Наполеона под ударами русских войск и партизан начала быстро таять. Она теряла большое количество людей в боевых столкновениях и оставшими от своих частей, превращавшимися в дезорганизованные толпы. Многие бросали оружие, чтобы легче было идти. Дисциплина упала настолько, что были случаи грабежа собственных обозов, нередко с применением оружия.

Начиная с Вязьмы, Кутузов наносит по противнику ряд сильных ударов. Первый из них — при Вязьме 22 октября (3 ноября) соединенными силами Милорадовича и Платова по арьергарду Наполеона. 28 октября (9 ноября) были разгромлены одновременно бригада генерала Ожеро у Ляхова и корпус Богарне на реке Воль. При этом первый из боев проведен целиком силами армейских партизанских отрядов.

В тот же день, 28 октября (9 ноября), Наполеон с главными силами прибыл в Смоленск, где он рассчитывал предоставить войскам длительный отдых и, возможно, даже расположиться на зимние квартиры. Но обстановка, сложившаяся в результате действий армии Кутузова и фланговых группировок Витгенштейна и Чичагова, создала для Наполеона угрозу потери пути отхода. Пробыв в Смоленске только три дня, он возобновил 31 октября (12 ноября) отступление в направлении на Красный — Оршу. К этому времени в строю у него оставалось около 50 тыс. человек и, кроме того, бредущие вслед за армией толпы безоружных численностью в несколько десятков тысяч человек.

Французская армия двигалась, сильно растянувшись (на четыре перехода), дистанции между корпусами составляли один суточный переход. Наполеон был вынужден пойти на такую сильную растяжку, поскольку при более сосредоточенном движении войска не смогли бы найти достаточно места в населен-

ных пунктах при расположении на ночлег, а бивуачный отдых при наступивших холодах был нежелателен. Используя расчленение сил противника, Кутузов наносит ему новый удар. Двигаясь от Вязьмы через Ельню к Красному, наперерез французской армии, русский полководец с главными силами выходит туда одновременно с головными эшелонами походного порядка Наполеона и атакует его, стремясь уничтожить по частям. Четыре дня — с 3 (15) по 6 (18) ноября — в окрестностях Красного шли бои, совокупность которых равнялась крупному сражению. Кутузов не пошел на решительный бой с ядром сил Бонапарта, его гвардией, но зато нанес поражение последующим эшелонам французской армии. Корпуса Богарне и Даву (3-й и 4-й эшелоны) были разбиты, а корпус Нея, составлявший арьергард, отрезан и полностью уничтожен. В сражении при Красном французы потеряли 6 тыс. человек убитыми и ранеными, 26 тыс. пленными и более 200 орудий. Потери русских составили 2 тыс. человек.

При Красном Кутузов нанес решительное поражение армии Наполеона. Однако по стратегическому плану момент для завершающего удара еще не наступил. Он должен был состояться позднее при участии фланговых группировок Витгенштейна и Чичагова, когда последние полностью перехватили бы пути отступления Наполеона, то есть в условиях еще более выгодных для русской армии и обещавших полное уничтожение противника. Поэтому Кутузов счел преждевременным доводить дело до генерального сражения при Красном.

В соответствии со стратегическим планом фланговые группировки русской армии имели следующие задачи. Армия Чичагова должна была, оставив заслон против Шварценберга, с главными силами выйти на путь отступления Наполеона и занять рубеж реки Березина. Корпус Витгенштейна имел задачу отбросить Удино к западу и отсечь его от пути отступления Наполеона, которое он прикрывал с севера. После этого Витгенштейн должен был занять рубеж реки Ула (левый приток Западной Двины) и, сомкнувшись правым крылом с войсками Чичагова, составить вместе с ним общий фронт, обращенный на восток, чтобы полностью преградить все возможные направления отхода Наполеона.

Задачи, поставленные перед фланговыми группировками, были трудными. Чичагов имел сравнительно небольшой численный перевес над Шварценбергом, а войска Удино мог подержать корпус Виктора, и при этом условии они получали численный перевес над Витгенштейном.

Витгенштейн начал активные действия 6 (18) октября, атаковав противника у Полоцка и отбросив его на левый берег Западной Двины. После этого основные силы врага — 2-й и 6-й корпуса «Великой армии» — отошли на юг, к Чашникам, где на помощь им подошел корпус Виктора. Часть войск Сен-Сира — несколько тысяч баварцев (остатки 6-го корпуса Сен-Сира) — после сражения в районе Полоцка отошли в юго-западном направлении. Тем не менее соединенные силы трех вражеских корпусов превосходили войска Витгенштейна. Несмотря на это, в боях при Чашниках 19 (31) октября и Смолянах 2 (14) ноября победа осталась за русскими войсками. Но отбросить Виктора, объединившего теперь командование этой группировкой, от пути отступления Наполеона и полностью выполнить поставленную перед ним задачу Витгенштейну не удалось. Однако в результате в целом успешных действий Витгенштейна возможный путь отступления Наполеона через Чашники на Лепель, в обход рубежа Березины с севера, оказался прегражденным.

Адмирал Чичагов, доверенное лицо Александра I, был назначен государем на должность командующего 3-й Западной армией. К выполнению поставленной задачи адмирал приступил со значительным запозданием, только после повторного приказания Кутузова. Он выделил 27 тыс. человек под командованием Остен-Сакена в качестве заслона против Шварценберга, а с остальными силами двинулся 16 (28) октября на Минск — Борисов. По пути к нему должен был присоединиться резервный корпус Эртеля, который не выполнил полученного приказа, за что позднее был смещен с должности.

Чичагов, несмотря на допущенное промедление, все же успел выйти на пути отступления французов и 9 (21) ноября захватил Борисов (на Березине) раньше, чем туда вошел Наполеон со своими главными силами. Шварценберг, имевший почти двойной перевес в силах над Сакеном, действовал очень вяло и в результате не помешал Чичагову выполнить его маневр.

Согласование действий русских войск в условиях того времени было связано с огромными трудностями. В качестве примера можно привести следующий факт. Для установления связи между Витгенштейном и Чичаговым полковник Чернышев прорвался с полком казаков из Слонима, где Чичагов находился на марше к Минску, в Чашники через все тылы Наполеона, преодолев при этом за пять суток более 350 км и захватив по дороге четырех курьеров Наполеона.

10 (22) ноября армия Наполеона находилась на марше от Орши к Борисову, прикрываясь с севера (от войск Витгенштейна) корпусом Виктора. Всего у Наполеона (с войсками Виктора и присоединившимися остатками дивизии Домбровского) было около 35 тыс. человек в строю и огромная масса безоружных разложившихся войск численностью до 15–20 тыс. человек. Путь отхода Наполеона у Борисова был прегражден Чичаговым, который имел к этому времени около 30 тыс. человек. С севера на фланге у Наполеона находился Витгенштейн, также имевший около 30 тыс. человек. Кутузов с главными силами русской армии находился в трех-четыре переходах позади Наполеона, на переправах через Днепр. Его армия, также понесшая очень значительные потери отставшими и больными, насчитывала не более 60 тыс. человек. Авангард главных сил (казаки Платова) двигался вслед за главными силами Наполеона.

По существу, стратегическое окружение Наполеона было осуществлено. Правда, Чичагов, который должен был принять на себя главный удар Наполеона, немного уступал последнему в численности (что, впрочем, уравновешивалось перевесом в артиллерии), но зато имел для обороны выгодный естественный рубеж реки Березина (ширина 50–120 м, глубина около 2 м, берега лесистые и болотистые, ледяной покров еще не установился). Удержать этот рубеж до подхода Витгенштейна и Кутузова было вполне возможно. К сожалению, Чичагов с этой задачей не справился.

В создавшейся тяжелой для французской армии обстановке Наполеон действовал следующим образом. Овладев 11 (23) ноября своим авангардом Борисовом (на восточном берегу Березины), он начал демонстрировать подготовку переправы ниже (южнее) Борисова. Одновременно был распущен ложный слух

*У Березины 26 ноября 1812 г. Раскрашенная гравюра
неизвестного художника. 1-я четверть XIX в.*

о готовящейся там переправе. Этим приемом ему удалось свернуть к югу от дороги на Борисов толпы безоружных, устремившихся к месту ожидаемой переправы. Сам же Наполеон с организованными войсками повернул от Борисова к северу и с утра 14 (26) ноября приступил к оборудованию переправы у деревни Студянка (два моста на козловых опорах)²⁹. Чичагов был обманут демонстрацией французов и двинулся в район южнее Борисова, не оставив к северу от него сколь-либо значительных сил. Адмирал при этом не выполнил прямого и совершенно ясного приказа Кутузова, потребовавшего от него прочно занять весьма выгодное для обороны лесное дефиле у Зембина³⁰. В последнем пункте Чичагов не оставил вообще никаких сил, а западный берег Березины у Студянки оборонялся только четырьмя недоукомплектованными батальонами, которые, конечно, не могли воспрепятствовать переправе французов. Левофланговая дивизия Чичагова, подоспевшая в середине дня 14 (26) ноября к району переправы, уже не смогла отбросить переправившиеся первые эшелоны французских войск.

В течение 15 (27) и 16 (28) ноября переправа войск Наполеона продолжалась. Между тем к району переправы подошел с севера корпус Витгенштейна (корпус Виктора, до сих пор задерживавший его, присоединился к главным силам и занял место в их арьергарде). Однако Витгенштейн стремился избежать столкновения с главными силами французов под личным командованием Наполеона и двинулся не прямо к Студенке, а пошел несколько левее, на Борисов. Здесь он отрезал и пленил арьергардную дивизию французов (дивизию Партуно) и несколько тысяч безоружных. Только после этого Чичагов и Витгенштейн 16 (28) ноября совместно атаковали у Студянки войска французской армии (Чичагов — по западному, а Витгенштейн — по восточному берегам Березины) и нанесли им поражение. Но Наполеон остатками войск все же успел переправиться и ушел на запад. Это было следствием как грубых ошибок Чичагова, не выполнившего приказ главнокомандующего, так и нерешительности, проявленной Витгенштейном.

Несмотря на это, при Березине армии Наполеона вновь был нанесен тяжелый удар. В боях на переправе, находившейся под огнем русской артиллерии, утонувшими, рассеявшимися в лесах французы потеряли, по приблизительной оценке, до 29 тыс. человек. Почти весь обоз и артиллерия были ими брошены. Из переправившихся французских войск большая часть оказалась в дезорганизованном состоянии; в строю теперь оставалось не более 9 тыс. человек. На Березине армия Наполеона как реальная сила перестала существовать.

После Березины Кутузов не прекратил энергичного преследования противника, которое теперь велось авангардом Чичагова и казаками Платова. Главные силы двигались южнее, чтобы не допустить соединения остатков войск Наполеона со Шварценбергом. Витгенштейн был направлен севернее, чтобы отрезать войска Макдональда, что ему и удалось частично выполнить. Отступление французов теперь превратилось в беспорядочное бегство. Сам Наполеон бросил армию и 24 ноября (6 декабря) из Сморгони выехал через Варшаву во Францию. Несмотря на то что на пути к Вильно и за Вильно к остаткам французской армии присоединялись довольно значительные группы второлинейных войск, таяние этих остатков продолжа-

лось неудержимо. В некоторой мере потери французов увеличили сильные морозы, наступившие после переправы через Березину. Но главная роль в уничтожении французов по-прежнему принадлежала русским войскам.

26 ноября (8 декабря) к Вильно подошло только около 4,5 тыс. человек французских войск. 2 (14) декабря у Ковно через границу перешло несколько сот оборванных и измученных солдат и офицеров, сохранивших еще следы организованности. Кроме того, в разное время в районе Ковно через границу бежали совершенно разрозненные, дезорганизованные и безоружные группы численностью приблизительно до 10 тыс. человек. Это было все, что осталось у Наполеона от тех войск, которые он гордо именовал «Великой армией». Несколько больше спаслось из фланговых корпусов (Макдональда, Шварценберга, Ренне) и некоторых второлинейных частей.

В целом потери (в основном безвозвратные) всех войск Наполеона, введенных им в Россию (около 600 тыс. человек), составляли свыше 500 тыс. человек и более 1000 орудий. Практически армия Наполеона была уничтожена.

Кутузов из Вильно донес: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля».

Война России с империей Наполеона продолжалась еще полтора года. Мобилизовав людские ресурсы Франции и вассальных стран, Наполеон воссоздал армию и мастерски затянул борьбу.

Русские войска, успешно закончив боевые действия на территории России, перенесли войну за границу. Весной 1813 г. развернулись крупные боевые действия. Однако исключительное напряжение физических и духовных сил подорвало здоровье фельдмаршала, и 16 (28) апреля 1813 г. в немецком городе Бунцлау М.И. Кутузов скончался.

Дальнейшая борьба протекала с переменным успехом, в сложной международной обстановке, в которой Россия сохраняла ведущую роль в коалиции, составившейся против Наполеона. Борьба была победоносно закончена взятием Парижа русскими войсками и низложением Бонапарта. Эта конечная победа была целиком обусловлена и подготовлена решающей победой в 1812 г. Лучшие кадры наполеоновской армии

**Обер-офицер и бомбардир
гвардейской пешей артиллерии.**
Раскрашенная литография Бека
по рисунку Губарева. Середина XIX в.

**Унтер-офицер
егерских полков.** Раскрашенная
литография Фернлунда 2-го по рисунку
Сокольского. Середина XIX в.

были перемолоты в России, и сокрушительный удар по международному престижу Наполеона был нанесен именно в 1812 г. Все последующее явилось, по существу, завершением разгрома наполеоновской империи, осуществленного в 1812 г. народом и армией России.

Отечественная война 1812 года является одним из крупнейших событий в истории нашей Родины. В этой войне русский народ и его армия отстояли честь и независимость Отечества, в труднейшей борьбе нанесли сокрушительный удар «Великой армии» Наполеона, приведший вскоре к полному ее уничтожению.

Общеисторическое значение этой победы было исключительно велико. Разгром наполеоновской армии в России послужил сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе. Отечественная война 1812 года самым ярким образом способствовала увеличению международного престижа России. Значение войны 1812 года велико и потому,

что победа была одержана широкими массами крестьян и горожан, которые сражались либо в рядах армии, либо в партизанских отрядах.

Исторической справедливости ради следует отметить, что и русское правительство допустило целый ряд ошибок:

1. Непростительная вялость в подходе к военной организации государства в целом.

2. Фактическое отсутствие работы по созданию резервов, чем грешны и сейчас.

3. Слабая организация общества для борьбы в случае агрессии извне.

4. Примитивный и, по существу, потенциально обрекающий на поражение план возможной войны с наполеоновской Францией, составленный под руководством косного и бездарного прусского «кабинетного» военного теоретика Карла Фуля, с 1806 г. состоявшего на русской службе, но далекого от понимания национальных интересов России.

Отечественная война 1812 года явилась моментом исключительно высокого патриотического подъема русского народа, широкого раскрытия его могучих сил. Н.Г. Чернышевский писал, что события 1812 года пробудили к новой жизни русскую нацию³¹. Война 1812 года показала всему миру, на что способен русский народ, сплотившийся в борьбе за свою национальную независимость.

По масштабу, численности вовлеченных в войну масс, привлечению огромных материальных средств, напряженности боевых действий, использованию моральных возможностей русского народа и значимости достигнутых результатов война 1812 года совершенно превосходит все предшествующие, глубоко отличается от длинного ряда войн XVII–XVIII вв. и в некоторой степени приближается к войнам последующего времени.

М.И. Кутузов имел против себя очень сильного, опытного и искусного противника. Он начал борьбу против Наполеона в тяжелейшей стратегической обстановке и в условиях численного превосходства противника, а закончил ее, по сути, почти полным уничтожением вражеской армии.

Необходимо остановиться на некоторых взглядах на войну 1812 года, содержащих попытки объяснить причины пораже-

ния Наполеона «объективными» обстоятельствами и этим принизить роль русской армии и русского народа в разгроме наполеоновской армии. Эти взгляды получили широкое распространение в зарубежной военной литературе (особенно среди французских военных историков, стремившихся обелить Наполеона), появлялись они и в дореволюционной отечественной литературе.

Нужно прежде всего отметить так называемую климатическую теорию, объяснявшую гибель армии Наполеона сильными морозами, которые якобы стояли в период ее отступления. Не говоря уже о том, что морозы одинаково воздействовали и на французскую, и на русскую армии³², следует сказать, что в первой половине ноября (ст. ст.) температура только в отдельные дни падала до -10°C ³³. Убедительным доказательством отсутствия сильных морозов является тот факт, что Днепр и Березина в районах переправ Наполеона не были даже еще покрыты льдом. Только начиная с последнего дня Березинской переправы, 16 (28) ноября, действительно ударили сильные морозы (до -28°C), что привело к большим потерям среди французов в связи с обморожением. Но это только ускорило и без того уже неизбежную после Березины гибель остатков «Великой армии».

Согласно другому взгляду, на первом плане среди факторов, вызвавших гибель французской армии, был голод. Несомненно, недостаток продовольствия имел большое значение в процессе разложения и последующей гибели наполеоновской армии. Однако недостаток продовольствия и фуража у французской армии возник не в силу каких-то объективных причин, а в результате организованных Кутузовым планомерных действий регулярных войск и партизан, начавшихся с момента вступления Наполеона в Москву.

Основными решающими вопросами стратегии русской армии, руководимой М.И. Кутузовым в Отечественной войне 1812 года, были:

а) эффективное использование людских, моральных и экономических ресурсов страны.

На протяжении всего периода подготовки к контрнаступлению Кутузов сосредоточивает основное внимание на мобилизации людских ресурсов страны, на поднятии морального духа

народа и армии (обращения и воззвания к народу, приказы по армии), на мобилизации экономики для обеспечения нужд армии. Он берет руководство всей деятельностью в этих областях на себя, отодвигая чиновников из Военного министерства, и достигает в этом важных результатов, предприняв, по сути, успех контрнаступления. Кутузов, разумеется, не был первым из полководцев, осознавшим значение этих факторов. Это хорошо знал, например, Петр I, с успехом применявший эти положения на практике. Но у Кутузова, не обладавшего всесторонней властью монарха, явно просматривалось стремление расширить весьма заметно и конструктивно рамки деятельности полководца за пределы одних лишь вопросов военного искусства.

б) Контрнаступление.

Стратегическая деятельность Кутузова в 1812 г., направленная на организацию и осуществление контрнаступления против армии Наполеона, сложилась в стройную и единую систему, основными звеньями которой являлись:

1. Бородинское сражение — ослабление армии противника.
2. Оставление Москвы и Тарутинский марш-маневр — создание выгодных условий для перехода в контрнаступление.
3. Тарутинский период — подготовка к контрнаступлению, развертывание партизанской войны и истощение противника путем его изоляции.
4. Маневр Тарутино — Малоярославец и сражение при Малоярославце.
5. Срыв попытки Наполеона прорваться к Калуге.
6. Переход в контрнаступление.
7. Параллельное преследование противника и нанесение последовательных ударов, направленных на постепенное уничтожение его армии.
8. Окружение армии Наполеона на Березине (по замыслу Кутузова, решающий удар, фактически приведший к полной потере боеспособности армии Наполеона и уничтожению ее в дальнейшем).

Особенно примечательным моментом деятельности Кутузова в этом отношении является глубокая, всесторонняя и тщательная подготовка контрнаступления с учетом всех факторов, влияющих на ход войны, предприняв в конечном счете его успех.

Заметим, что в деятельности Кутузова мы встречали и ранее примеры успешно проведенного контрнаступления (1811).

В высшей степени важными остаются вопросы стратегии, связанные с одновременным или последовательным развертыванием сил на театре военных действий, которые нашли в полководческом искусстве Кутузова новое решение.

На протяжении большей части XVIII в. западноевропейская военная школа не считала действия против живой силы противника — бой, сражение — основным методом ведения войны. Этот взгляд, занесенный с Запада, получил некоторое распространение и в русской армии. Новый этап в развитии стратегии начинается в связи с деятельностью П.А. Румянцева и особенно А.В. Суворова, выдвинувших действия против живой силы противника как основной метод решения стратегических задач. Русское военное искусство опередило западноевропейское. Наполеон, который пошел по этому же пути, лишь воспринял выдвинутые до него и примененные на практике взгляды Суворова.

Наполеон довел этот стратегический метод до предела. Сосредоточивая все или почти все наличные силы в одну массу,

*Кирасир гвардейского полка
Саксонии. Раскрашенная
гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.*

*Польский улан.
Раскрашенная гравюра
Ц. Вейланда. 1812 г.*

*Гренадер итальянской
пешей гвардии. Раскрашенная
гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.*

он стремился решить исход войны одним решительным столкновением главных сил — генеральным сражением. Постепенное развертывание сил с такой точки зрения было ненужным и вредным. Наполеон всемерно усиливал первый стратегический эшелон, который и участвовал в генеральном сражении. Война приобрела одноактный характер. Этот метод принес Наполеону ряд успехов, когда он имел дело с такими государствами Центральной Европы, как Австрия и Пруссия. Наиболее характерный пример — кампания 1806 года, когда одно сражение (Йена — Ауэрштедт) и преследование после сражения решили исход войны в кратчайший срок. Необходимо учитывать, что людские и материальные ресурсы указанных государств (Австрии, Пруссии) были весьма ограничены, а ошибки правительства, командования, недостатки системы комплектования армий этих государств препятствовали полному использованию имевшихся ресурсов, что и облегчало действия Наполеона.

Переоценив опыт войн с Австрией и Пруссией, Наполеон превратил указанный метод (правильный в некоторых условиях) в шаблон и применил его в войне с Россией 1812 года в совершенно иных условиях, когда в войну с обеих сторон оказались вовлеченными огромные массы людей и большие материальные ресурсы. Эти конкретные условия им не были учтены.

Следует подчеркнуть различие в этом отношении между Суворовым и Наполеоном. Из них первый хотя и стоял на тех же позициях, но применял свои принципиальные положения всегда с учетом конкретных условий.

В условиях войны с Россией 1812 года методы Наполеона не во всем могли быть верными. При тех огромных силах, которые имели обе стороны, огромном размахе боевых действий решить исход войны в одном сражении вряд ли представлялось возможным. Прежде всего невозможно было осуществить идеал Наполеона: «Сосредоточить 400 тыс. человек в одной точке» (собственные слова Бонапарта). С первых же дней войны он вынужден был выделить значительные силы для обеспечения операционной линии с флангов. В генеральном сражении при Бородино с каждой стороны принимало участие только около четверти наличных сил. Даже если бы Наполеон добился успеха в этом сражении, то и это не решило бы исхода войны.

В этих условиях важнейшее значение приобрел последовательный, постепенный ввод сил и обеспечение их наращивания в ходе войны путем создания стратегических резервов. Этого то и не смог учесть в полной мере Бонапарт. Но гений есть гений, и, уяснив сложность стоявших перед ним стратегических задач, он создал второй стратегический эшелон. Однако этот эшелон был недостаточным по численности и качеству войск. Самое же главное заключалось в том, что Наполеон не принял мер к наращиванию сил в ходе войны, хотя возможности к этому он имел, как показали кампании 1813–1814 годов.

Кутузов считал, что в условиях войны 1812 года стратегическая система, применявшаяся Наполеоном, вряд ли пригодна, что решить судьбу войны одним сражением в данных условиях невозможно, что требуется целая система ударов по живой силе противника, чтобы достигнуть ее полного разгрома. В этой системе и крупные сражения, и отдельные бои, и маневр, и широкое развертывание «малой» партизанской войны имели место как ее равноценные составные части. В то же время Кутузов понимал, что развернуть сразу имевшиеся у России крупные людские ресурсы — практически неосуществимая задача. Признав это, он сосредоточил усилия на последовательном развертывании и вводе в состав действующей армии новых стратегических эшелонов, на подготовке резервов. Нанося ряд ударов по противнику, русский полководец стремился в то же время наращивать свои силы. Как было показано, ему удалось достигнуть этого, и с момента его вступления в командование перевес в силах начинает постепенно переходить на сторону русской армии, пока не достиг решающего значения.

Таким образом, деятельность Кутузова создала новый, третий, если считать с XVIII в., этап развития стратегии, более высокую ступень развития стратегической мысли по сравнению со стратегией истощения XVIII в. Стремясь к разгрому противника, Кутузов достиг этой цели иными методами — системой ударов и постепенным развертыванием стратегических сил на театре военных действий.

В стратегическом плане в ходе проведения контрнаступления в 1812 г. был дан образец блестяще задуманного и успешно осуществленного стратегического окружения армии противни-

ка. До 1812 г. мы встречали образцы лишь тактического окружения (Канны, Ледовое побоище), но идея стратегического окружения явилась на то время совершенно новой.

План контрнаступления русской армии в 1812 г. содержал замысел окружения главных сил Наполеона на основе стратегического взаимодействия трех группировок русских войск (главной армии Кутузова, корпуса Витгенштейна и армии Чичагова). Причем действия этих группировок развернулись на огромном пространстве (до 1000 км) и растянулись на длительное время (около 40 дней).

Этот план в своих основных положениях был выполнен, и стратегическое окружение армии Наполеона на рубеже реки Березина завершено. Были и тактические ошибки, допущенные со стороны исполнителей, особенно Чичагова, не исполнившего приказа о занятии Зембинского дефила и давшего себя обмануть демонстративными действиями Наполеона. Тем не менее результат действий на Березине был для французской армии равносителен катастрофе. Тактические промахи несколько снизили результаты успешного выполнения плана в стратегическом масштабе, но не умалили его значения. Окружение Наполеона на Березине явилось значительным стратегическим успехом русской армии.

Березинское стратегическое окружение осуществлялось в очень трудных условиях. Фланговые группировки русских войск, которые должны были перехватить путь отступления Наполеона, уступали в суммарной численности противостоящим войскам противника. Тем не менее в целом они выполнили стоявшие перед ними задачи за счет предельного ослабления заслонов, выделенных против Макдональда и Шварценберга. Фактический ход событий показал правильность расчета на то, что эти корпуса армии Наполеона, составленные из пруссаков, австрийцев и саксонцев, не представляли значительной реальной силы. Присоединение корпуса Эртеля к Чичагову могло бы значительно облегчить действия последнего, но Эртель также не выполнил приказа главнокомандующего. Другой трудностью являлось поддержание непрерывной связи между Главным штабом, исполнителями и группировками русских войск. В тот период это была основная трудность организации согла-

сованных действий различных группировок войск, особенно если эти действия осуществлялись по внешним операционным линиям, как это и было в данном случае.

Таким образом, стратегический план Кутузова являлся, с одной стороны, новым по своей принципиальной сущности и смелым, а с другой стороны, вполне обоснованным и реальным, как показал ход военных действий. Он стал важным шагом вперед в развитии военного искусства. Высшая форма военного искусства — окружение — была применена впервые в стратегическом масштабе.

Кутузов выступает в этой войне как крупнейший мастер стратегического маневра. Образцами являются Тарутинский маршманевр, организация параллельного преследования армии Наполеона, нанесение ей флангового удара на марше под Красным.

В противоположность стратегическому маневрированию XVIII в., имевшему цель создать угрозу коммуникациям противника, маневр у Кутузова являлся средством для непосредственного воздействия на его живую силу.

Другой очень важной стороной военного искусства М.И. Кутузова являлось умение жертвовать частным ради достижения конечной цели. Наконец, он выступает как организатор партизанской войны, сыгравшей исключительно важную роль в деле всенародного подъема на национально-освободительную борьбу против иноземных захватчиков и полного разгрома агрессора.

Талантливый ученик и последователь великих русских полководцев П.А. Румянцева и А.В. Суворова, глубокий знаток принципов современного ему боя, Кутузов сыграл выдающуюся роль в утверждении и дальнейшем развитии новой для того времени тактики русской армии, основанной на сочетании действий колонн линейной пехоты и рассыпного строя стрелков (легкой пехоты). Исходя из основных положений о том, что победа в войне достигается не одним или двумя генеральными сражениями, а целым комплексом боев и сражений, М.И. Кутузов рассматривал тактику не независимо от стратегии, как это делали на Западе, а в тесной взаимосвязи с нею. Поэтому перед возглавляемыми им войсками ставились такие тактические задачи, которые исходили из их реальных возможностей и общей стратегической обстановки. В этой связи роль тактики неизмеримо

возрастала, ее рамки значительно расширились, разнообразнее становились тактические способы борьбы. Особенно наглядно это проявилось в первый, наиболее трудный период Отечественной войны 1812 года. Именно в этот период умелое применение рекомендаций тактики сыграло важную роль в борьбе с упоенным успехами врагом. Отступая под натиском превосходящих сил противника вглубь страны, русские войска изматывали и обескровливали наседавшего врага. В основном это были арьергардные бои. Они носили упорный характер, тормозили и задерживали продвижение противника. Именно умелые и активные тактические действия войск обеспечили русской армии достижение крупных стратегических целей.

Одной из основных особенностей полководческого искусства Кутузова являлось то, что он рассматривал тактические действия в непосредственной связи со стратегическими целями, подчинял тактику интересам стратегии. Наиболее важной чертой тактики русской армии в Отечественной войне 1812 года являлся ее активный характер. Будь то наступление или оборо-

*Паническое бегство Наполеона после битвы под Красным.
Английская гравюра Д. Хассела с оригинала Д. Райта. 1813 г.*

на, перед войсками всегда ставилась решительная цель — нанесение противнику максимального урона или же его полный разгром. Только разгром врага в бою был главной целью в тактике русской армии. Войска под руководством Кутузова всегда стремились реализовать до конца достигнутую победу, рассматривая преследование разгромленного противника как обязательный, завершающий акт боя.

В тактике русской армии дальнейшее развитие получил принцип сосредоточения основных сил на решающем участке сражения. Наиболее показательным в этом отношении является Бородинское сражение. Решительный маневр силами и средствами на поле боя — одна из характерных отличительных особенностей тактики русской армии периода Отечественной войны 1812 года. Маневр широко применялся как в наступательных, так и в оборонительных боях (сражениях). Его основное предназначение состояло в том, чтобы поставить свои войска в наиболее выгодное положение по отношению к противнику как в целях нанесения по нему ударов, так и отражения его атак.

В тактике русской армии в войне 1812 года нашли дальнейшее развитие творческое совершенствование боевых порядков войск, умелое использование родов войск в соответствии с их возможностями, возрастание роли и значения резерва (например, в Бородинском сражении при боевом построении армии кроме общего резерва использовались еще и частные резервы). При ведении боевых действий в русской армии умело сочетались огонь, маневр и удар холодным оружием. Огонь, являясь основным средством поражения живой силы противника, во многих случаях заканчивался штыковым ударом. При отражении атак противника, при переходе своих войск в атаку непременным требованием было доводить дело до штыкового удара. Суворовские традиции сокрушительного штыкового удара в полной мере оправдали себя и в 1812 г.

Значительное развитие в Отечественной войне 1812 года получили способы боевого применения артиллерии и кавалерии. Во всех боях и сражениях этой войны артиллерия и кавалерия принимали самое активное участие. В ходе боевых действий осуществлялось тесное взаимодействие всех трех родов войск — пехоты, кавалерии и артиллерии. Активные действия

пехоты в наступлении и обороне умело сочетались с массированным огнем артиллерии и ударной силой конницы. Инженерное обеспечение боевых действий войск в войне 1812 года также получило большое развитие. Важное значение в русской армии придавалось организации разведки и своевременному получению достоверных данных о состоянии и намерениях противника. Много нового было внесено и в управление войсками, резко возросла роль штабов как органов управления. Таким образом, Отечественная война 1812 года явилась во многих отношениях крупным этапом в развитии русского военного искусства.

После разгрома Бонапарта Россия оказалась на вершине успеха. Череда войн завершила период, который сэр Арнольд Тойнби назвал «доиндустриальным»³⁴. В Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. Россия еще могла противостоять своим западным противникам более или менее на равных в силу консерватизма французских и британских военных стратегов. Но Гражданская война в США и агрессивные войны Пруссии 1860–1870 гг. велись уже на новой индустриальной основе, с применением новейшей по тем временам техники. И очень скоро обнаружилась неспособность России к перевооружению на уровне западных технологий, что со всей очевидностью выявилось в тяжелом поражении в войне с Японией 1904–1905 гг.³⁵ Неудача постигла Россию и в Первой мировой войне. Все это наглядно подтвердило недостаточность проводимых реформ, направленных на успешное противостояние быстро индустриализирующемуся миру³⁶.

Из уроков истории следует делать соответствующие выводы и ни в коем случае не забывать их.

Новый труд об истории Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов подготовлен известным ученым, автором многих работ по отечественной военной истории, членом-корреспондентом Международной Академии наук о природе и обществе Борисом Павловичем Фроловым.

В.А. Золотарев

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателю книга повествует о том, как в начале XIX в. возникла наполеоновская агрессия против России, какие масштабы она приняла, как русский народ и его армия отразили ее и как трагически эта агрессия завершилась для ее организаторов и участников.

Вот уже два века отделяют нас от тех событий, которым посвящен данный труд. Теперь это уже далекая страница истории. За минувшее с той поры время в мире произошли колоссальные изменения, затронувшие буквально все сферы жизни общества. Человечество не раз сотрясали более грандиозные события, в том числе две мировые войны, принесшие народам неисчислимые бедствия, жертвы и разрушения. Немало трагических событий выпало и на долю России, особенно в минувшем XX столетии. Всем известно, чего стоили русскому народу Первая мировая, Гражданская и Великая Отечественная войны. В жесточайших сражениях последней войны наш русский народ вместе с другими народами Советского Союза в несравнимо трудной борьбе наголову разгромил более могущественного агрессора, чем Наполеон. Но героические подвиги, свершенные нашими предками в Отечественной войне 1812 года во имя защиты своей Родины от чужеземных завоевателей, и теперь продолжают вызывать у наших людей восхищение и благородное чувство национальной гордости.

Тема борьбы русского народа с наполеоновским нашествием исследуется уже на протяжении длительного времени. Об Отечественной войне 1812 года сложилась обширнейшая историография, насчитывающая около десятка тысяч научных трудов и статей, популярных книг, мемуаров и других публикаций не только в России, но и за рубежом. Все эти работы условно можно разделить на три большие группы — русские дореволюционные, советские и иностранные издания. Отсюда естественно, что их направленность, подход к исследованию, формы и методы изложения материала, методология, цели, которые ставили перед собой авторы, различны, а порою и диаметрально противоположны. О наличии материала, имеющего прямое отношение к Отечественной войне 1812 года, говорит такой пример: только одно перечисление таких трудов составило бы целый том — вдвое, а может быть, и втрое превышающий по объему представленную на суд читателя работу. Ни одна из войн, которые вела Россия за все время своего существования, не имеет такой обширной историографии, как Отечественная война 1812 года. Конечно, имея такую огромную фактологическую и документальную базу, сказать или добавить что-либо новое в рассматриваемую проблематику практически невозможно. Однако вспомнить кое о чем стоит, ибо, как хорошо известно, все новое — это хорошо забытое старое. Поэтому свою задачу автор видит в том, чтобы как можно полнее и достовернее, опираясь прежде всего на первоисточники, показать фактический ход боевых действий в Отечественной войне 1812 года, ее участников и героев — от рядового солдата до главнокомандующего, отметить их вклад в дело победы и не навязывать свои выводы и точку зрения читателю, как это у нас практиковалось до недавних пор в исторической науке. Пусть, основываясь на приведенных в книге фактах, читатель сделает их сам.

Необходимость разработки данного труда объясняется следующими причинами.

Во-первых, к истории Отечественной войны 1812 года сохраняется неослабевающий интерес на протяжении уже почти двух столетий. Обусловливается это не только своеобразием того далекого времени, но в определенной мере и историческими аналогиями. История убедительно подтверждает известную

аксиому: все попытки агрессоров покорить Россию неизменно заканчивались их гибелью. Достаточно вспомнить хотя бы Карла XII, Наполеона и Гитлера. Никому из них поход на Москву лавров не принес.

Безусловно, время накладывает отпечаток на формы, методы и способы современной экспансии, однако цели недругов нашей Родины остаются прежними. И вряд ли можно считать случайными факты начавшихся территориальных претензий к России, попытки ограничить ее влияние в исторически связанных с ней регионах. Одержав победу в Отечественной войне 1812 года, русский народ спас свою Родину от порабощения, отстоял ее честь и независимость. Русские воины проявили в ходе той войны высокие боевые качества, мужество, героизм и самоотверженность. Этот исторический пример достоин подражания потомков.

Во-вторых, пренебрежительное отношение к военно-историческим описаниям, которое наблюдалось в нашей исторической науке в последние десятилетия, наложило свой отпечаток на выходящие в то время труды. Фактическая сторона любого события излагалась, как правило, предельно сжато, поверхностно и схематично, но зато уж анализ, выводов и обобщений было более чем достаточно. Под видом «глубины анализа» и «критического осмысливания событий» протаскивались прежде всего идеологические догмы и штампы с заданной направленностью. Читателю упорно навязывалась точка зрения автора на рассматриваемые события. Читатель же, лишенный возможности ознакомиться непосредственно с фактами, известными только автору и интерпретируемыми им по собственному усмотрению, просто не имел возможности что-либо возразить по существу проводимой в том или ином труде точки зрения.

Таким образом, в ходе огульной «борьбы» с «буржуазно-дворянской историографией», «буржуазными фальсификаторами» и прочими врагами, с их «научной несостоятельностью» сами историки подобного рода во многих случаях впадали в примитивную фальсификацию, только противоположной направленности, так как замалчивание или игнорирование неудобных фактов и выпячивание только удобных является той же са-

мой фальсификацией истории. По существу, из истории выбрасывалось все, что по какой-либо причине не соответствовало идеологическим установкам. Например, при освещении истории Отечественной войны 1812 года совершенно замалчивалась роль Русской Православной Церкви в организации отпора врагу, хотя эта роль была очень большой. Также замалчивалась и роль многих военных и государственных деятелей России, совершенно превратно трактовалась роль в войне русского царя Александра I, дворянства, купечества и т.д. В то же время историки-«марксисты» яростно критиковали дореволюционных историков за то, что те якобы «недооценивали» роль в войне народных масс. Упрек, прямо скажем, не вполне справедливый. На поверку же получилось, что дальше бездоказательной критики дело не пошло: кроме общих рассуждений и голых деклараций у критиков с этой проблемой мало что получилось. Возникает вопрос: почему? А потому, что документальная база по данной проблеме крайне ограничена. То же самое мы имеем по проблеме партизанского движения и некоторым другим.

В-третьих, в подавляющем большинстве исторических трудов советского периода события Отечественной войны 1812 года излагались только на главном (смоленско-московском) направлении. Но активные боевые действия велись и на флангах. Однако о них ничего не говорилось или говорилось как бы мимоходом, как о чем-то малосущественном, хотя действия на второстепенных направлениях оказывали значительное влияние на обстановку на главном направлении.

В-четвертых, роль Кутузова в Отечественной войне 1812 года неоспорима. Он хорошо понял народный характер войны и, умело сочетая политические и военные факторы, последовательно и настойчиво реализовал план борьбы с Наполеоном до полного разгрома врага. Русская армия под руководством Кутузова успешно осуществила одну из самых сложных форм вооруженной борьбы — контрнаступление. Возглавляемое им русское командование творчески применяло самые разнообразные формы и способы вооруженной борьбы, обеспечившие в конечном счете достижение полного и решительного успеха. Все это действительно так. Но, воздавая должное Кутузову как полководцу, все же, на наш взгляд, нельзя всю славу одержанной победы

приписывать только ему и узкому кругу избранных лиц, как это делали многие историки. Победа была завоевана усилиями не только Кутузова, Багратиона, Платова, Раевского и Дениса Давыдова, как в этом нас долгие годы уверяли, в ее достижение огромный вклад внесли и многие другие генералы и офицеры русской армии, командовавшие полками, бригадами, дивизиями и корпусами, но преданные забвению в историографии 30–80 гг. XX столетия. Такой подход к освещению исторических событий вряд ли можно признать объективным.

В-пятых, борьба русского народа против наполеоновской агрессии вошла в историю нашей Родины как одна из наиболее ярких и героических ее страниц. Защищая свою Родину, русский народ проявил в единоборстве с сильным и опытным врагом, за которым, по существу, стояла вся Западная Европа, исполинскую энергию, массовый героизм, непревзойденные стойкость и мужество. Военное искусство Наполеона, достигшее безраздельного превосходства над военным искусством всех западноевропейских армий, при столкновении с русской армией в 1812 г. потерпело полный крах. Однако западные историки считали и продолжают считать, что определяющими факторами гибели наполеоновской «Великой армии» в России послужили голод и морозы. Конечно, они сыграли в этом плане важную роль, но не определяющую. Главными, решающими факторами трагического для армии Наполеона исхода стали русский народ и его армия, более передовое русское военное искусство. А вот этого-то западным историкам уж очень не хочется признавать. Но факт остается фактом, и от него никуда не денешься. Именно русский народ и его армия своей самоотверженной и героической борьбой отстаивали независимость нашего Отечества, разгромив наголову несметные вражеские орды, и спасли Россию от угрозы иностранного порабощения.

Просчет Наполеона состоял прежде всего в недооценке сил и возможностей русского народа, боровшегося за свою национальную независимость. Привыкший действовать в Западной Европе на ограниченных театрах военных действий, он не учел особенностей развернувшегося с его вторжением в Россию сопротивления, которое характеризовалось большим пространственным размахом, разнообразием стратегических и такти-

ческих форм вооруженной борьбы и напряженностью боевых действий. В ходе Отечественной войны 1812 года проявились элементы оперативного искусства, связанные с военными действиями армейских объединений на самостоятельных направлениях. Это было новым явлением в военном искусстве, и русская армия оказалась к нему более подготовленной, нежели противник. Общей же отличительной чертой русского военного искусства периода Отечественной войны 1812 года являлось то, что оно не только опиралось на силы и возможности армии, но учитывало и умело использовало силы народа. В этом было его основное преимущество над военным искусством противника.

И наконец, необходимо отметить, что хотя о войне 1812 года и написано уже очень много, однако в изучении ее истории до сих пор имеется ряд спорных положений, требующих специального исследования. К ним прежде всего следует отнести такие, как оценка стратегических планов сторон; определение численности войск, участвующих в том или ином сражении, и их потеря; роль Бородинского сражения и его влияние на дальнейшее течение войны и ее исход; определение временных рамок контрнаступления и т.д.

По характеру боевых действий Отечественная война 1812 года делится на два периода: оборонительный и наступательный. При этом следует иметь в виду, что второй период — активных наступательных действий русской армии и широко развернувшегося в тылу врага партизанского движения — исследован значительно слабее первого.

Руководствуясь вышеизложенными соображениями, автор стремился дать более подробную и достоверную панораму военно-исторических событий Отечественной войны 1812 года, по-новому взглянув на целый ряд устоявшихся штампов и конъюнктурных наслоений прежних лет в рассматриваемой проблеме, вновь введя в научный оборот большое количество или забытых, или сознательно опускаемых исторических фактов.

Часть I

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

ГЛАВА 1

Гроза двенадцатого года

1.1. Причины войны

Отечественная война 1812 года явилась результатом резких политических, экономических и военных противоречий между Россией и Францией. Внешняя политика Наполеона была направлена на утверждение мирового господства крупной французской буржуазии, в интересах которой он вел захватнические войны, направленные на расширение французского рынка и приводившие к закабалению других народов. Бесцеремонно нарушая международные договоры, грубо попирая суверенитет народов, французский император в короткий срок сумел ликвидировать независимость многих государств и до неузнаваемости перекроить карту Европы. Он подавлял национальное движение в поработанных странах и требовал от них денег и людей для дальнейшей экспансии. Такую же участь Наполеон готовил и России. По его замыслам, она должна была превратиться в полуколониальный придаток Французской империи. Россия для буржуазной Франции представляла интерес прежде всего как страна с огромными материальными и людскими ресурсами. Завоевать эту огромную страну и овладеть всеми ее богат-

ствами было первейшей задачей Наполеона, его заветной мечтой. В этом заключалась главная причина войны.

Накануне 1812 г. Наполеон был уже властителем почти всей Европы. Раздавленная Пруссия лежала у его ног. Потерпевшая целый ряд поражений в предшествовавших войнах Австрия теперь была с ним в союзе. Более того, этот союз между двумя крупнейшими европейскими державами был скреплен родственными узами — с 1810 г. Наполеон являлся зятем австрийского императора. На тронах многих европейских государств (Италия, Испания, Голландия, Вестфалия, Неаполь и др.) сидели родственники французского императора.

К 1812 г. Французская империя вместе с ее вассальными государствами насчитывала 71 млн человек (из 172 млн, населявших тогда Европу). Русский посол во Франции князь А.Б. Куракин писал царю: «От Пиренеев до Одера, от Зунда до Мессинского пролива — все Франция»¹. Именно с этого времени (1810–1811) Наполеон начал строить планы завоевания мирового господства. Но главным препятствием на пути к этому являлась Россия. Это был его самый сильный, упорный и серьезный противник, разгромить которого на полях Восточной Пруссии ему так и не удалось. Заключив Тильзитский мир в 1807 г., Наполеон сразу же начал деятельную подготовку к новой войне, чтобы окончательно сломить Россию. Заключение мирного договора не сняло всех тех противоречий, которые привели к войне 1806–1807 гг., а еще более обострило их, так как появились новые пункты расхождений между Россией и Францией.

Стремление Наполеона к экономическому закабалению России приводило к резкому противоречию интересов обеих стран. Одним из средств подчинения стала континентальная блокада, установленная Наполеоном в 1806 г. во всей подвластной ему Европе, главной целью которой являлось создание максимально благоприятных условий для развития французской промышленности. Острие континентальной блокады было направлено не только против экономики Англии, как провозглашала наполеоновская пропаганда, но и против национальных интересов России.

Социально-экономическая структура Российской империи в начале XIX в. отличалась целым рядом особенностей, не имев-

ших аналогов в странах Западной Европы. Во многих ее регионах еще преобладало помещичье полунатуральное хозяйство, но уже было заметно (прежде всего, на юге и северо-западе) быстрое развитие товарно-денежных отношений. Особенно наглядно это проявлялось во внешней торговле. С включением Новороссии в состав России значительно возросла торговля хлебом, составлявшая до 15% всего русского экспорта. За каких-то 10 лет (с начала 90-х гг. XVIII в. до 1802–1804 гг.) она увеличилась более чем в 10 раз. Наряду с развитием сельскохозяйственного производства росла и набирала силу промышленность. В 1804 г. в России насчитывалось около 1000 мануфактур (не считая горных заводов) при почти 100 тыс. рабочих, из которых половину составляли наемные. Однако на многих предприятиях, особенно на Урале, продолжал господствовать принудительный труд крепостных. К началу XIX в. относятся первые опыты применения машинной техники в текстильном производстве.

Большого прогресса достигла металлургическая промышленность, тесно связанная с производством вооружения. В то время Россия располагала 190 крупными горнозаводскими предприятиями, среди которых имелись и самые мощные в мире. На ее долю приходилось более трети мирового производства чугуна и железа. В 1803 г. она произвела, например, 163,4 тыс. т чугуна, тогда как Англия — 156 тыс. т, а Франция — всего 80–85 тыс. т².

Присоединение России к системе континентальной блокады отрицательно сказалось на всех отраслях ее народного хозяйства. Особенно ощутимы последствия этого присоединения были в области сельского хозяйства. В результате такой экономической политики произошло резкое сокращение вывоза Россией за границу хлеба, леса, пушнины, льна, пеньки, кожи, металла и других предметов ее традиционного экспорта. Навязывая России свои условия, Наполеон, конечно, хорошо знал, что основным импортером русских товаров была Англия: в Англию вывозилось льна 91%, пеньки — 73%, сала — 77%, железа — 71% всего русского экспорта. Из почти 1000 иностранных кораблей, ежегодно выходивших из русских портов, более половины было английскими³. Показатели в области промыш-

Наполеон Бонапарт делит Европу между родственниками.

Раскрашенная гравюра неизвестного английского художника. Начало XIX в.

ленности также были отрицательными. Несмотря на увеличение производства в России железа в 1807–1810 гг. более чем на 10%, экспорт его уменьшился в 2 раза⁴. Экономические последствия континентальной блокады становились для России все более разорительными. Прямым их следствием явился финансовый кризис. Сокращение притока иностранной валюты вследствие уменьшения экспорта привело к пассивному торговому балансу. Недостаток средств правительство пыталось покрыть увеличением выпуска бумажных ассигнаций. В итоге к 1810 г. курс бумажного рубля снизился до 20% стоимости рубля серебряного.

Серьезные экономические трудности толкали правительство России к поиску выходов из создавшегося положения. Основным таким средством мог бы стать прежде всего отказ от условий континентальной блокады. Поводом для этого явилось введение Наполеоном в 1810 г. новых торговых тарифов, которые отвечали лишь интересам французской промышленности, нуждавшейся во ввозе ряда колониальных товаров. Идя на такой

шаг, Наполеон признавал тем самым факт провала континентальной блокады. Однако вновь введенные тарифы могли оказать еще более пагубное влияние на экономику России, и поэтому она не только отказалась присоединиться к ним, но и ввела 19 (31) декабря 1810 г. свой тариф, способствовавший развитию в стране сельского хозяйства и промышленности. По этому тарифу запрещался ввоз ряда товаров (прежде всего предметов роскоши, дорогих вин, духов, кружев, шелка и т.п.), которые производились во Франции⁵. В наполеоновской Франции русский тариф был встречен как фактическое объявление экономической войны. Вводя свой тариф, Россия одновременно заключила торговые соглашения с Англией и Швецией. Таким образом, экономические противоречия России и Франции привели к отказу России от разорительной для ее экономики континентальной блокады. Экономика оказалась сильнее дипломатии.

Следующей крупной проблемой, вокруг которой наметились острые русско-французские противоречия, являлась судьба ряда государств Центральной Европы. Захватническая политика Наполеона, приведшая к поглощению Францией некоторых мелких государств Европы, беспокоила русское правительство. Россия возражала против этих захватов. Особенно обострились отношения России с Францией после аннексии Наполеоном в январе 1811 г. небольшого немецкого княжества Ольденбурга, владельцем которого являлся зять русского императора Александра I⁶. Этот вызывающе-агрессивный шаг Наполеона не только являлся личным оскорблением русскому императору, нарушал общепризнанные международные договоры и династические интересы русского двора, но и наносил серьезный удар по престижу России в Европе. Именно так и восприняла «ольденбургский инцидент» европейская общественность. Так его рассматривал и сам Наполеон, стремившийся этим актом запугать потенциальных союзников России.

В связи с вопросом о судьбе государств Центральной Европы нужно было в первую очередь решить польский вопрос, который возник после образования в 1807 г. герцогства Варшавского. Наполеон, нарушая ранее достигнутую договоренность, стал усиливать это новое государственное образование за счет земель соседних с ним государств. Русское правитель-

ство, не желая усиления герцогства, предлагало Наполеону заключить конвенцию, предусматривающую обязательство Франции не восстанавливать польское королевство. Хотя Наполеон и не собирался этого делать, тем не менее он сделал демагогический жест и отказался подписать конвенцию. Этим он приобрел широкую популярность среди профранцузски настроенной польской шляхты.

В этой же связи встал и балканский вопрос. Наполеон не желал усиления России на Балканах и всячески противодействовал ей, подстрекая Турцию продолжать войну, которая изнуряла как Россию, так и Турцию. Наконец, Наполеон создавал серьезные трения между Россией и Швецией. Стремясь разжечь вражду России с ее северным соседом, он подстрекал оба эти государства к развязыванию войны, причем каждой из сторон обещал свое содействие.

Все эти противоречия, взятые в комплексе, способствовали приближению большой войны. Для ведения такой войны Наполеон стремился создать коалицию из всех государств Европы. Основной его целью было добиться внешнеполитической изоляции России. Он полагал возможным достичь этого путем провоцирования ряда столкновений России с соседними государствами. Расчеты Наполеона в значительной мере оправдались. В течение ряда лет, предшествовавших Отечественной войне 1812 года, Россия была вынуждена вести борьбу на севере — со Швецией, а на юге — с Турцией и Персией. Российской империи приходилось тратить свои силы и средства для решения частных задач в то время, когда нужно было употребить все усилия для подготовки к столкновению с Францией, которое явно становилось неизбежным.

Наполеону удалось связать руки России в то время, когда ему нужно было решить испанскую проблему. После утверждения французского господства на Пиренейском полуострове он полагал возможным снова начать борьбу с Россией за гегемонию на Востоке. Однако героическое сопротивление испанского народа сорвало планы Наполеона. Расчеты на быстрое усмирение испанских гверильясов не оправдались. Для завоевания Испании потребовались значительные силы и, главное, время. Наполеон попал в затруднительное положение, которым были

не прочь воспользоваться Австрия и Пруссия. Назревающие осложнения в Европе вынудили Наполеона в октябре 1808 г. пригласить Александра I на личное свидание в Эрфурт. Главной целью этого совещания было показать всей Европе могущество власти французского императора. В целом Наполеону это удалось, правда, дорогой ценой. Наполеон, собираясь в Эрфурт, рассчитывал, что Александр I будет так же уступчив, как и год назад в Тильзите, и что ему удастся окончательно подчинить внешнюю политику России своим интересам. Но он ошибся. Русский император сделал правильные выводы из своих ранее допущенных просчетов. Будучи хорошо осведомленным в европейских делах и во всех затруднениях, с которыми пришлось столкнуться Наполеону, он уже не желал идти на дальнейшие уступки и занял твердую позицию. Эрфуртская конвенция между Россией и Францией подтвердила условия Тильзитского договора. Была достигнута взаимная договоренность не вступать с Англией ни в какие сепаратные переговоры. Наполеон был вынужден согласиться на присоединение к России Финляндии и Дунайских княжеств, в результате чего потерял Швецию и Турцию в качестве своих потенциальных союзников. Однако несмотря на все имевшие место в Эрфурте дипломатические реверансы, непрочность франко-русского союза становилась все более очевидной. Результаты «эрфуртского свидания» показали, что Наполеону не только не удалось устранить наметившиеся разногласия во внешнеполитических вопросах, но что эти разногласия все больше и больше обострялись.

Австрия, считая, что основные силы Наполеона задействованы в Испании, а также учитывая, что между Россией и Францией начались новые трения из-за невыполнения Наполеоном условий Тильзитского договора, решила выступить самостоятельно. Наполеон потребовал от России выполнения союзнических обязательств и стал собирать силы для удара по Австрии. Однако Россия не очень торопилась с выполнением своих обязательств. Александр I послал 32-тысячный корпус на границу с Австрией только тогда, когда Наполеон уже занял Вену и разбил австрийцев под Ваграмом (1809). Несмотря на двусмысленное поведение России во время Австро-французской войны 1809 года, Наполеон в знак «признательности» передал ей Тар-

нопольскую область, отторгнутую им от побежденной Австрии. В этом акте отчетливо было видно его стремление вбить клин в отношения между Россией и Австрией.

Пока Наполеон был занят на Западе, России удалось успешно завершить в 1809 г. войну со Швецией. Россия получила Финляндию и тем самым укрепила свои позиции на севере. Столь же успешно была завершена многолетняя война с Турцией. По Бухарестскому миру (1812) Россия стала балканской державой, укрепив, таким образом, свои позиции и на юге. Эти успехи в значительной мере помогли России в предстоящей борьбе с Наполеоном. Впоследствии Наполеон говорил, что ему следовало бы отказаться от войны с Россией, не имея в рядах союзников такие державы, как Турция и Швеция. Но в то время он не сумел в должной мере оценить последствия этих военных и внешнеполитических успехов России. Французский император все еще продолжал думать, что является властелином Европы, а Россия находится в полной изоляции.

Весь 1811 г. и первая половина 1812-го ушли на дипломатическую и военную подготовку с обеих сторон. Для нападения на

Встреча Александра I и Наполеона в Эрфурте в октябре 1808 г.

Раскрашенная гравюра Монина по оригиналу Госсе. 1-я половина XIX в.

Россию Наполеону нужен был плацдарм, который позволил бы создать базы и развернуть войска непосредственно у российских границ. В этих целях могла быть использована территория герцогства Варшавского, Пруссии и Австрии.

Стремясь иметь эти государства в качестве союзников, Наполеон обещал им территориальные приобретения за счет России. Варшавскому герцогству было обещано восстановить Польшу в границах Речи Посполитой 1772 г. Пруссии обещана была вся Прибалтика, а Австрии — не только Тарнопольская область, но и Волынь. За это новые союзники должны были не только предоставить Наполеону свою территорию для подготовки баз, но и включить свои войска в состав формируемой им для вторжения в Россию так называемой Великой армии. По договору 12 (24) февраля 1812 г. Пруссия обязалась выделить 20-тысячный корпус с 60 орудиями. Аналогичный договор 2 (14) марта 1812 г. был заключен с Австрией, которая обязалась выставить 30-тысячный корпус при 60 орудиях⁷. В этих же целях Наполеон стал укрепляться на побережье Северного и Балтийского морей, для чего он в 1810 г. присоединил к Франции Голландию, а в 1811 г. — вольные города Гамбург, Бремен, Любек и некоторые другие германские земли.

Таким образом, Наполеон деятельно готовился к войне с Россией. Брак его с австрийской эрцгерцогиней Марией-Луизой окончательно поставил точку на проводившейся до этого «Гильзитской политике». С ней было покончено. Франция стала ориентироваться на союз с Австрией. В 1810 г. русский посол в Париже Куракин доносил в Петербург: «Теперь уже не может оставаться никакого сомнения, что в мыслях Наполеона эта война окончательно решена, но он отсрочивает только ее начало, потому что не совсем еще к ней приготовился»⁸.

Для обеспечения «Великой армии» Наполеон мобилизовал не только огромные людские ресурсы, но и экономику подвластных ему европейских государств. Только одна Пруссия обязалась поставить его армии 60 тыс. т хлеба и более 40 тыс. голов крупного рогатого скота⁹. В Варшаве, Модлине, Торне, Данциге и Кенигсберге были созданы огромные тыловые базы, рассчитанные на снабжение 400-тысячной армии всем необходимым в течение 50 дней¹⁰. Кроме того, в Польше и Восточной

Военно-политическая обстановка и планы сторон

*А. Б. Куракин.
Художник В. Боровиковский.
1801–1802 гг.*

Пруссии были развернуты три крупных артиллерийских склада и четыре госпиталя.

Наполеон по своему обыкновению рассчитывал закончить войну с Россией в короткий срок, одним мощным коротким ударом. Он надеялся разгромить русскую армию и добиться решительной победы в первом же генеральном приграничном сражении. Такое сражение, по его расчетам, должно было произойти в течение первого месяца войны. Из этого ошибочного предположения исходила и организация обеспечения армии всем необходимым, прежде всего продовольствием и фуражом. Последнее являлось немаловажным обстоятельством, так как одних только лошадей предполагалось использовать в походе не менее 200 тыс.¹¹ Перед началом вторжения Наполеон отдал распоряжение, чтобы войска были обеспечены только четырехдневным запасом хлеба и 20-дневным запасом муки в транспортах, следовавших за войсками¹². Дальнейшее снабжение армии предусматривалось осуществлять за счет реквизиций продовольствия и фуража у населения.

Вместе с тем Наполеона не покидали сомнения, что русские, подобно испанцам, могут прибегнуть к тактике «выжженной земли». Данная проблема внушала ему большое беспокойство.

Поэтому командирам корпусов были отданы указания не исключать и вероятность системы самообеспечения. Исходя из этого, были сформированы 26 транспортных батальонов с подвижными запасами фуража и продовольствия. Восемь из этих батальонов имели по 600 повозок грузоподъемностью 0,6–1 т каждая, остальные — по 252 повозки грузоподъемностью 1,5 т каждая. Кроме того, за армией должны были следовать огромные стада крупного рогатого скота¹³.

Большие надежды французское командование возлагало на крупные реки Западной России. Оно надеялось организовать по ним транспортировку грузов, которые затем передавались бы конвоям и передовым магазинам. С этой целью были созданы две эскадры, имевшие по 100 речных судов каждая¹⁴.

Проведенная подготовка казалась Наполеону достаточной для нанесения решительного удара по России. «Никогда еще до сих пор не делал я столь обширных приготовлений», — признавался в то время сам Наполеон¹⁵.

Важная роль отводилась разведке. Еще в 1810 г. по приказу Наполеона были созданы два центра сбора военно-политической информации о России и ее армии. Первый — в Варшаве, под руководством французского резидента в герцогстве Варшавском аббата Л. Биньона. Этот центр подчинялся министерству иностранных дел и занимался в основном политической разведкой. Второй центр находился в Гамбурге при штабе маршала Л. Даву. Он имел филиал в Данциге, где размещался штаб генерала Ж. Раппа. Задача этого центра и его филиала заключалась в ведении военной разведки. В 1811 г. в целях систематизации данных политической и военной разведок при министерстве иностранных дел Франции был создан специальный информационно-статистический отдел во главе с опытным разведчиком Лелорнь д'Идевилем, долгое время до этого служившим во французских посольствах в Пруссии и России и свободно владевшим немецким и русским языками.

Известно, что Наполеон никогда не жалел денег на разведку. Но при подготовке к войне с Россией он особенно расщедрился. Только по секретной статье «подкуп иностранцев» в бюджете МИД Франции начиная с 1810 г. ежегодно отпускалось от 3 до 5 млн франков¹⁶. Из этих же фондов Наполеон щедро

субсидировал как штатных, так и «приглашенных» агентов. Одним из последних являлся крупный французский археолог Ж. Лайар, который долгие годы вел раскопки в Персии. В 1810 г. Наполеон пригласил этого археолога к себе и посоветовал ему возвратиться с очередного сезона не обычным путем (через Турцию и Италию), а кружным, через Россию. Прибыв во Францию в конце 1810 г., Лайар привез Наполеону массу ценных разведывательных данных — о рекрутских наборах, системе военного управления, подготовке резервов, местах основной дислокации войск и т.п. Однако чаще всего в качестве французских шпионов в Россию засылались польские и немецкие купцы, гувернеры, домашние учителя и представители других, на первый взгляд, вполне безобидных профессий.

О тщательности подготовки Наполеона к войне свидетельствует такой факт, как доскональное изучение им и его штабом театра предстоящих военных действий, особенно характера местности к югу и северу от реки Припять, а также состояния дорог на московском, киевском и петербургском направлениях. Подробно изучались и реки, особенно Неман, Западная Двина, Березина и Днепр. Они интересовали Наполеона прежде всего с точки зрения использования их русской армией в качестве оборонительных рубежей. Изучались также климатические условия, состояние городов и сел, возможности базирования в них войск. Сведения добывались из различных источников: агентурная разведка, карты, книги, газеты, географические описания и т.п. Особенно внимательно штудировались труды историков, описывавших поход шведского короля Карла XII в Россию и разгром его армии под Полтавой.

Необходимо отметить, что подготовка Наполеона к войне с Россией вызвала чрезмерное перенапряжение экономики Франции. Значительно истощенная почти непрерывными 20-летними войнами, страна была не в состоянии обеспечить всем необходимым наполеоновскую армию, тем более что накануне войны с Россией в ней разразился тяжелый торгово-промышленный кризис. Рост безработицы, сокращение внешней торговли, сужение рынков сбыта, упадок сельского хозяйства — все это крайне отрицательно сказалось на экономике Франции и вызвало недовольство народа наполеоновским ре-

жимом. Протест французов против существующих порядков выражался прежде всего в массовом уклонении от военной службы. Но за это наполеоновские власти подвергали уклонившихся жестоким наказаниям, а с 1811 г. репрессии распространились и на их семьи¹⁷. В этих условиях значительную долю тягот, связанных с подготовкой к предстоящей войне, Наполеон постарался переложить на покоренные им народы Западной Европы и своих союзников.

В предвидении неизбежного столкновения с Наполеоном Россия тоже не теряла времени. Прежде всего она стремилась составить коалицию против Наполеона. В 1810 — первой половине 1812 г. дипломатическая дуэль «союзников» достигла своего апогея. Будучи хорошо осведомленной о планах Наполеона втянуть в «крестовый поход» против России Австрию, Пруссию, Швецию и Турцию, русская дипломатия именно на эти страны направила свои основные усилия.

Борьба шла с переменным успехом.

Сначала в Петербурге попытались разом отколоть от Наполеона и Австрию, и Пруссию, заключив с ними союзные договоры. Еще в ноябре 1809 г. в Вену был направлен друг юности царя граф П.А. Шувалов, нередко выполнявший самые деликатные поручения Александра I. Тайной миссией Шувалова было расстройство брака Наполеона с австрийской принцессой Марией-Луизой и заключение секретного соглашения с Австрией против Франции. Первую часть задания Шувалову выполнить не удалось. Однако вторая часть его миссии была более успешной. С помощью тугого кошелька граф сумел проложить путь к секретам австрийского двора. Уже после отъезда Шувалова его чиновники в апреле 1812 г. выкупили у австрийских чиновников министерства иностранных дел копию австро-французского союзного договора. Остальное, как говорится, было делом техники. 7 апреля 1812 г. австрийского посла Сен-Жюльена вызвал канцлер Н.П. Румянцев и без долгих слов положил перед ним копию сверхсекретного договора. Не успел ошеломленный посол прийти в себя, как из-за портьеры стремительно вышел сам Александр I. «Если Ваш император намерен разыгрывать комедию и ограничиться формальной посылкой против меня 30 тыс. солдат, для меня достаточно, что я постав-

П.А. Шувалов.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

лен в известность об этом договоре, — грозно произнес, чеканя слова, русский император. — Но если... вы хотите со мной действительно воевать, то я двину против вас 6 дивизий, не считая Дунайской армии, я использую все способы для усиления недовольства в Венгрии или же снова договорюсь с Францией: любой вариант — не в ваших интересах».

Посоветовавшись со своим министром иностранных дел К. Меттернихом, австрийский посол через две недели заверил Румянцева, что по-настоящему воевать Австрия с Россией не будет. Так был в значительной мере нейтрализован самый мощный, обладавший третьей по численности армией в Европе (после Франции и России) военный союзник Наполеона. И действительно, в 1812 г. Австрия выставила против России всего лишь один 30-тысячный корпус, хотя имела под ружьем полу-миллионную армию.

Аналогичная тактика была применена и к Пруссии. Подобно австрийцам, пруссаки предупредили русское правительство, что активных военных действий вести против России не будут.

Однако наиболее острая борьба развернулась за Швецию и Турцию. Потерпев поражение в войне с Россией, Швеция вынуждена была 17 сентября 1809 г. подписать в Фридрихсгаме

Александр I.

Художник Сент-Обен. 1808 г.

мир с победителем. Согласно этому договору она лишалась Финляндии, отходившей к Российской империи. Мир был подписан, но большая часть шведского дворянства жаждала новой войны, чтобы вернуть свои потерянные в Финляндии владения. И вот теперь его надежды, казалось, получают реальную поддержку со стороны Наполеона, который санкционирует приглашение своего маршала Ж.-Б. Бернадота в качестве наследника неизлечимо больного шведского короля Карла XIII. Расчет Наполеона был прост: с бывшим якобинцем чванливые европейские монархи якшаться не будут — Швеция у него в кармане, и, когда начнется война с Россией, 45-тысячная шведская армия высадится на побережье Финского залива и вместе с французскими войсками возьмет Петербург. Поэтому он не очень-то всерьез принимал намеки Бернадота на желательность отдать Швецию Норвегию как компенсацию за войну с Россией (Норвегия принадлежала Дании, которая являлась верной союзницей Наполеона, а датский флот был главной военной силой на Балтике в борьбе с английской контрабандой). Однако в данном случае Наполеон проявил недальновидность: он явно переоценил преданность своего бывшего маршала и дальнего родственника¹⁸. Такой просчет тем более удивителен, что нелояльность этого

умного, смелого и честолюбивого гасконца к Наполеону не являлась для многих каким-либо откровением еще со времен революционных войн. Да и сам Наполеон давно уже не скрывал своего прохладного отношения к этому маршалу. По существу, эти два человека уже давно не терпели друг друга, и Наполеон был только раздражен, когда избрание Бернадота наследным принцем Швеции состоялось. Шведы же, предприняв такой шаг, думали этим угодить Наполеону.

Сын адвоката Жан-Батист-Жюль Бернадот начал военную службу еще в ранней юности. 16 лет от роду он поступает рядовым солдатом в королевскую армию, в рядах которой после 12 лет службы дослужился до сержанта. Когда во Франции вспыхнула революция, Бернадот сразу же примкнул к ней, сделавшись рьяным республиканцем. Сражаясь под знаменами революционной армии, молодой гасконец сделал блестящую военную карьеру. В 29 лет он был произведен в генералы, отличился во многих сражениях, командовал армиями, одно время занимал пост военного министра Директории, был послом Французской республики в Австрии. После провозглашения Империи (1804) 41-летний генерал получил от Наполеона чин маршала Франции, а вскоре и княжеский титул. Однако, несмотря на щедрые награды, Бернадот так и не изменил своего негативного отношения к императору. Их отношения, которые еще со времен Итальянского похода Бонапарта (1796–1797) были более чем прохладными, продолжали ухудшаться. Дело кончилось тем, что Наполеон в 1810 г. уволил маршала Бернадота в отставку, несмотря на просьбы и заступничество своих родственников.

Не исключено, что именно на взаимоотношениях Бернадота с Наполеоном и строил свой политический расчет Александр I. В июле 1810 г. он послал в Стокгольм полковника А.И. Чернышева, заявившего Бернадоту, который в то время являлся регентом шведского королевства, что Россия, при условии сохранения Швецией нейтралитета, поддержит его кандидатуру на шведский престол и не будет возражать, в случае победы над Наполеоном, против аннексии шведами Норвегии. Не раздумывая долго, Бернадот переметнулся на сторону России. А когда Наполеон спохватился, то было уже поздно. Новый

*Ж.-Б.-Ж. Бернадот,
князь Понтекорво.
Гравюра Левашеца*

правитель Швеции 24 марта (5 апреля) 1812 г. подписал с Россией союзный договор.

Бернадот уже успел забыть, что он всего лишь два года назад был наполеоновским маршалом, и никогда не вспоминал, что когда-то сражался под знаменами Французской революции. Когда много лет спустя шведский король Карл XIV, он же бывший маршал Франции Бернадот, скончался, то придворные, к своему большому смущению, обнаружили на груди усопшего монарха татуировку: «Смерть королям!» Но теперь для Бернадота русский царь был другом, а Наполеон — врагом, правда, очень сильным, но все-таки не таким опасным, каким мог бы стать Александр I. От Наполеона Швецию охраняло море, на котором традиционно господствовали англичане. А от России ее ничто не защищало. Это, в сущности, и являлось основной причиной, повлиявшей на решение шведского регента.

Не лучше складывались для Наполеона и дела с Турцией. Русская Дунайская армия разгромила турок, и 16 (28) мая 1812 г. ее главнокомандующий генерал М.И. Кутузов подписал в Бухаресте с уполномоченными султана мирный договор. «Южный фронт» войны с Россией рухнул на глазах Наполеона буквально за несколько дней до перехода «Великой армии» через Неман.

*М.Б. Барклай-де-Толли.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

В мае 1812 г. были восстановлены прерванные после Тильзитского мира отношения с Англией и созданы предпосылки для заключения военного соглашения о совместной борьбе с Францией (само соглашение было подписано уже в ходе войны — 6 (18) июля 1812 г.). Но вопрос с Англией осложнялся тем, что эта страна в то время сама находилась в затруднительном положении. Она вела войну с США и фактически ничем не могла помочь России в ее борьбе с Наполеоном.

Переговоры России с Испанией закончились подписанием союзного договора 8 (20) июля 1812 г. В соответствии с этим договором обе стороны обязались «вести мужественную войну против императора французского, общего врага России и Испании».

Наконец, была сделана попытка заключить оборонительный союз с Турцией. М.И. Кутузов приложил немало усилий для этого. Однако Турция отказалась от заключения союзного договора с Россией. В то же время она не решилась выступить снова против Российской империи, несмотря на то что Наполеон приложил немало усилий, чтобы вновь принудить турок к возобновлению войны. Присутствие русской армии на Дунае действовало на Турцию отрезвляюще.

Таким образом, к 1812 г. практически вся Европа оказалась втянутой в борьбу. Дипломатическую дуэль накануне войны Наполеон полностью проиграл. Между грандиозным проектом Наполеона о создании против России общеевропейской коалиции (март 1810 г.) и реальной картиной в июне 1812 г. оказалась дистанция огромного размера. Но результаты франко-русского дипломатического противоборства скажутся несколько позже, уже в ходе Отечественной войны. А к середине 1812 г. для непосвященных картина безграничного могущества Наполеона была очевидна, и очень многие в Европе тогда верили в его слова: «Я буду властелином мира, остается одна Россия, но я раздавлю ее».

Готовясь к войне, Наполеон и Александр I не переставали уверять друг друга в своем миролюбии, в том, что они не желают войны. Но кризис в отношениях между вчерашними союзниками продолжал нарастать, обстановка все более и более накалялась. На дипломатических приемах в Тюильрийском дворце Наполеон во всеуслышание обвинял Россию в нарушении условий континентальной блокады Англии, в установлении непомерно высокого таможенного тарифа на ввозимые в Россию французские товары, жаловался на другие обиды, якобы нанесенные ему русским царем, который сам идет на обострение отношений с Францией¹⁹. Петербург тоже не скрывал своей крайне негативной реакции на действия Наполеона. Обстановка находилась на грани взрыва. В ноябре 1811 г. Александр I писал своей сестре Екатерине Павловне в Ярославль: «Мы здесь постоянно настороже: все обстоятельства такие острые, все так натянуто, что военные действия могут начаться с минуты на минуту»²⁰. Еще несколько ранее военный министр М.Б. Барклай-де-Толли писал канцлеру и министру иностранных дел графу Н.П. Румянцеву, что рано или поздно Наполеон нападет на Россию и в предстоящей войне неминуемо должна будет решиться ее участь²¹.

Наполеону было хорошо известно о решимости России вести упорную и длительную борьбу. Когда в 1811 г. французский посол А. Коленкур покидал Петербург, Александр I прямо заявил ему на прощальной аудиенции: «Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему

мира. Испанцы неоднократно были побиты, но они не были ни побеждены, ни покорены. А между тем они не так далеки от Парижа, как мы; у них нет ни нашего климата, ни наших ресурсов. Мы не пойдем на риск. За нас необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию... Я не обнажу шпаги первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним... Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее уступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой»²². Этот разговор с русским царем Коленкур передал Наполеону сразу же по прибытии в Париж 5 июня 1811 г. Он убеждал его, что Россия не желает войны, не начнет ее первой, что не следует заблуждаться относительно возможностей России, количества и качества русских войск. Но предостережения Коленкура оказались напрасными. Более того, с конца лета 1811 г. Наполеон начинает делать одно за другим угрожающие заявления в адрес России²³. По мере того как у него возрастала уверенность в своих силах и средствах, эти заявления становились все более резкими. Начиная со второй половины 1811 г. Наполеон приступает к сосредоточению своих войск против России. Характерным при этом являлось то, что в целях достижения внезапности нападения вся подготовка к вторжению французской армии проходила на довольно значительном удалении от русской границы (300–400 км). Только после этого под разными предлогами (борьба с английской контрабандой на побережье Балтийского моря, поддержание порядка на оккупированных территориях, рассредоточение войск с целью облегчения их продовольственного снабжения и фуражировки и т.п.) войска начали выдвигаться непосредственно к западным границам России. К концу 1811 г. Варшавское герцогство и Восточная Пруссия оказались забитыми наполеоновскими войсками. Там была сосредоточена 200-тысячная армия.

Стратегическое развертывание армии Наполеона, предназначенной для вторжения в Россию, было в основном завершено весной 1812 г. Однако Наполеону не удалось полностью скрыть свои подготовительные мероприятия. Сначала о них в Россию поступали лишь отдельные разрозненные сведения. С конца 1811 г. они становятся систематическими. Именно тогда

*А.-О. Коленкур.
Литография Бельяра.
Середина XIX в.*

о готовящейся агрессии официально сообщил своему прямому начальнику графу Н.П. Румянцеву из Парижа посол А.Б. Куракин²⁴. С этого времени русское правительство резко усиливает свое внимание к действиям Наполеона в военной области. Оно отлично понимало, что успешное отражение возможной агрессии в решающей степени будет зависеть от того, насколько детально военному руководству России будут известны реальные планы вероятного противника. И здесь главную роль призвана была сыграть военно-дипломатическая разведка.

Следует отметить, что до 1810 г. организованной службы военной разведки в России не существовало. Обычно накануне войны под видом дипломатических курьеров принято было направлять с секретными миссиями отдельных лиц для сбора сведений военного характера. М.Б. Барклай-де-Толли, назначенный на пост военного министра России в январе 1810 г., решил придать этому стройную систему. После его доклада царю в России впервые в мире создается служба военных агентов (атташе), прикомандированных к русским посольствам за границей и пользующихся дипломатической неприкосновенностью (ноябрь 1810 г.). В конце 1810 г. такие агенты были направлены в Париж, Вену, Берлин и Дрезден. Военным агентом

*А.И. Чернышев.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

в Париже был назначен полковник А.И. Чернышев (будущий военный министр России при Николае I), в Вене — полковник барон Ф. Тейль фон Сераскеркен, в Берлине — подполковник Р.Е. Ренни, в Дрездене — майор В.А. Прендель.

Результаты их деятельности не заставили себя ждать. Особенно ценными были сведения, поступающие из Парижа от А.И. Чернышева. Официально его миссия заключалась в перевозке личной переписки между Наполеоном и Александром I. Но, кроме того, ему было вменено в обязанности «из-под руки» (то есть тайно) собирать и сообщать все сведения о военных и дипломатических приготовлениях Наполеона. 28-летний полковник, флигель-адъютант царя и его личный представитель при Наполеоне, ловкий, красивый, общительный, Александр Иванович Чернышев блестяще справился с возложенной на него задачей. Он сумел быстро завязать нужные связи в Тюильри, познакомиться с офицерами главного штаба французской армии и получить от них необходимые данные. Главным его агентом стал французский офицер Мишель, в руки которого поступали отчеты военного министерства о состоянии армии, ее численности, дислокации. Снимая с документов копии, Мишель за приличное вознаграждение передавал их Черныше-

ву. Более того, полковнику А.И. Чернышеву удалось даже раздобыть и переправить в Петербург копию сверхсекретного доклада министра иностранных дел Франции Ж. Шампаньи Наполеону о начале создания мощной антирусской военной коалиции. Данные от Чернышева в Петербург поступали в течение всего 1811 г. вплоть до февраля 1812 г., когда французской тайной полицией наконец удалось выйти на источник утечки информации. Мишель был арестован и предстал перед военным судом, приговорившим его к расстрелу. Чернышеву пришлось срочно покинуть Париж.

Но Чернышев был не единственным секретным агентом царя в лагере его «союзника». Еще более важную роль играл второй агент Александра I — будущий канцлер и министр иностранных дел России при Николае I К.В. Нессельроде. Он был направлен в Париж раньше Чернышева — еще в марте 1810 г. — в скромной должности советника русского посольства по финансовым вопросам. Однако фактически Нессельроде являлся политическим резидентом царя в Париже и посредником между ним и самым главным осведомителем о планах Наполеона в отношении России — бывшим министром иностранных дел Франции князем Беневентским Талейраном. Донесения Нессельроде из

*К.В. Нессельроде.
Художник Ф. Крюгер*

Парижа — интереснейшие документы русской дипломатии накануне войны 1812 года. Они были написаны по всем правилам конспирации. Все главные действующие лица были зашифрованы. Наполеону, например, были присвоены исконно русские имя и отчество — Терентий Петрович, иногда резидент называл его на английский манер — Софи Смит. Александр I именовался Луизой, а сам Нессельроде скрывался под псевдонимом Танцор. Ряд ценных данных поступил и из других источников. Так что к началу весны 1812 г. картина для русского правительства была вполне ясной.

Широкие военные приготовления Наполеона стали не только причиной резкого обострения русско-французских отношений к началу 1812 г., но и явились своего рода катализатором, ускорившим вооруженное столкновение между двумя державами, в которое в той или иной степени оказались втянутыми все государства Европы. Вызывающе-провокационная военная деятельность Наполеона, его демонстративное бряцание оружием во второй половине 1811 — первой половине 1812 г. также явились одной из основных причин разразившейся войны.

Война России с Наполеоном в 1812 г. носила справедливый, национально-освободительный характер. Она была навязана России Наполеоном, одержимым манией установления мирового господства. Данная война, вошедшая в историю как Отечественная война народов России против иностранных захватчиков, явилась средством сохранения политической целостности, государственной независимости и национального суверенитета Русского государства.

1.2. Силы и планы сторон

Для нападения на Россию Наполеон создал огромную по тем временам армию. Он поставил под ружье в Европе 1 млн 200 тыс. человек²⁵. Непосредственно для похода на Россию была сформирована так называемая Великая армия численностью свыше 600 тыс. человек при 1372 орудиях²⁶. «Великая армия» состояла из гвардии, 12 пехотных и 4 резервных кавалерийских корпусов. Пехотный корпус состоял из двух-шести пехотных и одной кавалерийской дивизий, артиллерийской бригады

*Форма наполеоновской армии.
Сержант-вольтижер линейной пехоты.
Раскрашенная гравюра Мартине. 1810-е гг.*

*Форма наполеоновской армии. Рядовой
7-го гусарского полка. Раскрашенная
гравюра Мартине. 1810-е гг.*

*Форма наполеоновской армии. Рядовой
1-го конно-егерского полка. Раскрашенная
гравюра Мартине. 1810-е гг.*

*Форма наполеоновской армии. Офицер
пешей артиллерии. Раскрашенная
гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.*

(24–48 орудий) и инженерного батальона (4 саперные роты). Численность пехотного корпуса была различной — от 18 до 70 тыс. человек. Кавалерийский корпус состоял из двух-трех дивизий и трех-четырёх конных батарей. Численность его достигала 7–9 тыс. человек. Гвардия имела в своем составе четыре пехотные, одну кавалерийскую дивизию и артиллерийскую бригаду (*Приложение 3*).

Пехотная дивизия включала в свой состав две-три бригады, бригада — два полка. Пехотный полк состоял из четырех батальонов. Батальон имел шесть рот — четыре фузилерных, одну гренадерскую и одну вольтижерную. В наполеоновской армии батальон являлся низшей тактической единицей.

Аналогичной была организация кавалерии, которая подразделялась на легкую и тяжелую. Четыре кавалерийских полка составляли дивизию, делившуюся на две бригады. Кавалерийский полк имел четыре эскадрона. Эскадрон был низшей тактической единицей в кавалерии.

Основной организационной единицей в артиллерии была батарея (6–8 орудий). Две-три батареи составляли артиллерийский полк, а два полка — артиллерийскую бригаду.

В целом организация наполеоновской армии отвечала тому новому способу ведения войны и боя, который сложился в эпоху революционных войн Франции и получил названия: в стратегии — «стратегия массовых армий», в тактике — «тактика колонн и рассыпного строя».

На ее вооружении были гладкоствольные ружья образца 1770 г. Нарезные ружья имели только вольтижеры (стрелки), представлявшие легкую пехоту и действовавшие обычно в рассыпных строях. На вооружении артиллерии находились орудия самых разнообразных калибров, так как Наполеон широко использовал трофейную артиллерию. Но основными калибрами считались 6- и 7-фунтовые гаубицы, 6- и 12-фунтовые пушки.

Система боевой подготовки французской армии строилась в соответствии с требованиями тактики колонн и рассыпного строя, сложившейся еще в революционной армии. В воспитании войск превалировал культ славы и обогащения. Обычным правилом Наполеона было обещание своим солдатам всех богатств той страны, куда они шли войной. Отличившиеся, есте-

ственно, получали большую часть по сравнению с остальными. Несмотря на определенную действенность такого рода методов воспитания, обращение к низменным чувствам солдат серьезно подрывало моральные устои наполеоновского воинства. Тем не менее культ непобедимого императора продолжал царить в армии. Французские солдаты привыкли к успехам, связанным с именем Наполеона, и шли за ним не раздумывая туда, куда он их вел. Римские орлы на знаменах наполеоновской армии пока еще гордо реяли над просторами Европы, а железная поступь ее победоносных легионов продолжала сотрясать на всем необозримом пространстве от Атлантики до Вислы поля и долины покоренных стран, наводя на них ужас и смятение. И только далеко на востоке, за неторопливо несущим свои воды Неманом, спокойно и гордо, уверенная в собственных силах и не склонившая своих боевых знамен перед беспощадным завоевателем, стояла единственная в Европе армия, не дрогнувшая перед агрессором и с достоинством принявшая его дерзкий вызов. То была российская императорская армия, готовая грудью встать на защиту своей Родины, отразить всеокрушающий удар врага и положить предел честолюбивым замыслам ослепленного победами Наполеона.

Вторая половина наполеоновской армии продолжала вести боевые действия в Испании и составляла многочисленные гарнизоны в различных странах Европы. «Испанская армия» Наполеона насчитывала 300 тыс. человек. Такой же цифры достигала и общая численность оккупационных войск в подвластных Наполеону европейских странах и находившихся во Франции.

В 1811 г. Наполеон предполагал, что боевые действия с русскими скорее всего развернутся на территории Польши и Восточной Пруссии. Вероятность выхода русских войск к Висле была возможна, так как существовал план совместного выступления России и Пруссии против Франции. Этот план, очевидно, стал известен Наполеону. Вот почему он полагал возможным нанести удар по русской армии в районе среднего течения Вислы. В основе плана Наполеона 1811 г. лежала идея решить судьбу войны одним генеральным сражением на территории Польши. Но в 1812 г. этот план отпал, так как Пруссия предала Россию и выступила в союзе с Францией. В изменившейся

обстановке Россия выработала новый план войны, заставив Наполеона изменить свой стратегический замысел. Теперь Наполеон решил развернуть свои силы на Висле, а затем внезапно вторгнуться в Россию и разгромить русскую армию в приграничном сражении восточнее Немана или же в районах Риги, Минска, Луцка.

В апреле 1812 г. по приказу Наполеона войска «Великой армии» начали выдвижение с Одера на Вислу, где намечено было их сосредоточение для вторжения в Россию. На Висле «Великая армия» сосредоточилась в мае 1812 г. в трех группировках.

Главная группировка армии, которую возглавлял сам Наполеон, находилась на левом крыле. Она сосредоточилась в районе Данциг — Торн, имея задачу наступать в направлении Ковно — Вильно. Эта группировка насчитывала 218 тыс. человек и 527 орудий. В ее состав входили три пехотных (1, 2 и 3-й) и два кавалерийских (1-й и 2-й) корпуса, а также гвардия. Здесь находились отборные войска, в подавляющем большинстве состоявшие из французов. Во главе их стояли прославленные на-

Рядовой португальской пехоты. Раскрашенная гравюра Мартине. 1810-е гг.

Рядовой легкой пехоты Вюртемберга. Раскрашенная гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.

Пехотинец Великого герцогства Баденского. Раскрашенная гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.

полеоновские маршалы Л. Даву, М. Ней, Н. Удино, Ф. Лефевр, Ж. Бессьер и Э. Мортье.

Центр армии под командованием вице-короля Италии Евгения Богарне (пасынок Наполеона) состоял из двух пехотных (4-й и 6-й) и одного кавалерийского (3-й) корпусов. Эта группировка насчитывала в своем составе 82 тыс. человек и 208 орудий. Она сосредоточилась в районе Плоцка и имела задачу, обеспечивая действия главной группировки армии с юга, наступать в полосе между Гродно и Ковно с целью разъединения 1-й и 2-й русских армий.

Правое крыло «Великой армии», находившееся в районе Варшавы, составляла группировка, которой командовал младший брат Наполеона, король Вестфальский Жером Бонапарт. Она состояла из трех пехотных (5, 7 и 8-й) и одного кавалерийского (4-й) корпусов (78 тыс. человек и 159 орудий). Задача этой группировки войск заключалась в том, чтобы, наступая в общем направлении на Гродно, сковать 2-ю русскую армию и способствовать тем самым достижению успеха на главном направлении.

Действия главных сил «Великой армии» обеспечивали: на левом крыле — 10-й пехотный (пруссский) корпус под командованием маршала Ж. Макдональда (32 тыс. человек), имевший задачу наступать из района Кенигсберга на Ригу; на правом крыле — 12-й пехотный (австрийский) корпус генерала князя К. Шварценберга (34 тыс. человек), который, наступая из Галиции, должен был прикрывать действия главных сил наполеоновской армии с юга.

Общая численность французской армии, сосредоточенной на Висле (армия вторжения), составляла 444 тыс. человек. Кроме того, в Пруссии находился второй эшелон армии, в состав которого входили 9-й пехотный корпус маршала К. Виктора (33 тыс. человек) и 11-й пехотный (резервный) корпус маршала П. Ожеро (27 тыс. человек), а также другие резервные части и гарнизоны крепостей. Численность второго стратегического эшелона «Великой армии» составляла около 170 тыс. человек.

Военная история до того не знала примеров сосредоточения столь огромных армий. «Великая армия» имела чрезвычайно пестрый национальный состав. Французы составляли лишь

половину ее численности (302 тыс. человек). Остальная часть включала немцев, поляков, австрийцев, итальянцев, швейцарцев, испанцев, голландцев, португальцев и солдат многих других национальностей, представлявших почти всю тогдашнюю Европу. Недаром в России говорили тогда о нашествии «двухнадесяти» языков. Такой состав армии создавал значительные трудности в организации и управлении войсками. Значительная часть иностранцев, служивших в наполеоновской армии, была включена в ее ряды принудительно и, естественно, участвовала в войне против своего желания. Это обстоятельство, а также несправедливые цели войны не способствовали поддержанию в войсках крепкой дисциплины и высокого морального духа. Тем не менее «Великая армия», хотя и претерпела существенные изменения со времен Аустерлица, Иены, Ауэрштедта, Фридланда и Ваграма, по-прежнему обладала хорошей боевой выучкой, имела опытный командный состав, еще слепо верила в счастливую звезду Наполеона и потому представляла собой грозную силу. Маршалы и генералы Наполеона имели огромный боевой опыт, приобретенный в ходе победоносных и почти непрерывных войн, продолжавшихся на протяжении последних 20 лет, отличались, как правило, высокими командирскими качествами, личной храбростью и организаторскими способностями.

Конечная цель войны виделась Наполеону в овладении Москвой²⁷. Поэтому московское направление на театре военных действий определялось им как главное. Хотя Москва и не являлась политической столицей России, однако она во всем мире закономерно считалась религиозным, культурно-историческим и экономическим центром страны, символом ее государственности. Роль и военно-политическое значение древней столицы русских царей Наполеон определял так: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму ее за голову; заняв Москву, я поражу ее в сердце»²⁸.

Наполеон понимал, что наступление на Киев не решало поставленной задачи; движение на Петербург исключалось потому, что русский флот не позволил бы ему организовать снабжение войск морем. Кроме того, взятие Петербурга не влекло за собой конца войны. Наступление же на Москву давало ему воз-

возможность нанести удар по основному экономическому центру России. Особенно большое значение имела военная промышленность Москвы и прилегающих к ней районов, прежде всего Тулы.

Таким образом, Наполеон поставил перед собой совершенно определенную цель: разгромить русскую армию, овладеть жизненно важными районами Центра России и, вынудив Александра I к заключению почетного для себя мира, окончательно закрепить господство Франции в Европе и во всем мире. Но внутривосточная обстановка как во Франции, так и в Европе настоятельно требовала решить эти задачи как можно быстрее. Поэтому далеко не случайно Наполеон неоднократно подчеркивал, что поход на Москву займет не более одного месяца²⁹. Исходя из этого утверждения, можно считать, что продолжительность всей кампании в России планировалась Наполеоном в пределах одного месяца. Следовательно, как показывают несложные расчеты, средний темп наступления «Великой армии» в походе на Москву должен был составлять 35 км

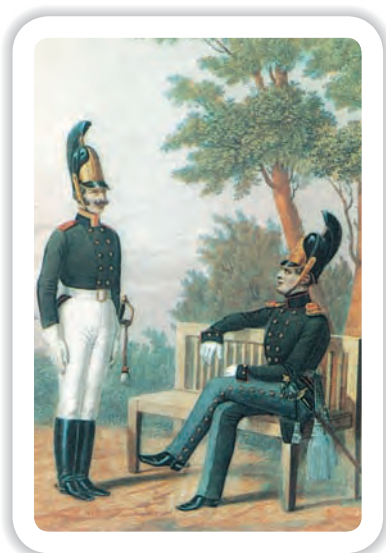
Гренадер Мекленбург-Шверина. Раскрашенная гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.

Пехотинец корпуса генерала Понятовского. Раскрашенная гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.

Тамбур-мажор линейной пехоты. Раскрашенная гравюра Ц. Вейланда. 1812 г.

Форма русской армии. Унтер-офицер и обер-офицер конной артиллерии.

Раскрашенная литография неизвестного художника. Середина XIX в.

Форма русской армии. Рядовой и обер-офицер лейб-гвардии Егерского полка.

Раскрашенная литография Петровского по рисунку Губарева

в сутки. Удивительно, но факт: планируя такие высокие темпы наступления, французский полководец, видимо, совершенно не принимал в расчет силу сопротивления русской армии. А этому фактору, между прочим, необходимо было бы уделить более серьезное внимание. Этого требовала элементарная логика, ибо Наполеону и его генералам прекрасно были известны высокие боевые качества русских войск. В упорных и кровопролитных сражениях 1805–1807 гг. на полях Австрии, Польши и Восточной Пруссии они имели возможность воочию в этом убедиться. Среди наполеоновских генералов и офицеров было немало и таких, кто хорошо помнил силу ударов суворовских чудо-богатырей на зеленых равнинах Италии и в суровых горах Швейцарии. И надо полагать, воспоминания о многих из тех боев и сражений были для них не особенно приятными. И не логичнее было бы предположить, что, сражаясь за свободу и независимость своей Родины, за свои родные очаги, рус-

ский солдат проявит куда более высокую доблесть, чем было до сих пор, когда он был вынужден биться с врагом, защищая союзников, на чужой земле.

Россия могла противопоставить Наполеону значительно меньшие силы, так как господствовавшие в стране феодально-крепостнические отношения исключали возможность создания массовой буржуазной армии, которой располагал противник. Русская армия продолжала носить феодальный характер. Она комплектовалась на основе рекрутской повинности. Это обстоятельство не позволяло выставлять для службы в армии ежегодно более четырех рекрутов на каждую тысячу человек мужского населения призывного возраста. Дело в том, что при решении вопросов комплектования армии интересы государства приходили в столкновение с интересами дворянства, преследовавшего свои узкоклассовые цели. Каждый очередной рекрутский набор вызывал острое недовольство помещиков, не желавших отдавать своих крепостных крестьян в солдаты. И все же только за первое десятилетие XIX в. в стране было проведено более 10 рекрутских наборов, позволивших увеличить численный состав армии почти вдвое³⁰. Однако обстановка требовала неотложного укрепления вооруженных сил. Эта проблема частично была решена, но дорогой ценой: все обученные резервы оказались исчерпанными. В условиях угрожающего нарастания событий потребовались дополнительные усилия не только для восстановления израсходованных резервов, но и для формирования новых. С этой целью накануне войны были проведены еще два рекрутских набора — осенью 1811 г. и весной 1812 г. В первом из них с каждой тысячи человек мужского населения было взято 8 рекрутов, а во втором — 431. Рекруты последнего набора (24 тыс. человек) были направлены на формирование двух новых дивизий. Эта задача была поручена в апреле 1812 г. генералу от инфантерии князю Д.И. Лобанову-Ростовскому. За неделю до войны было начато формирование Украинского конного войска в составе четырех казачьих полков (около 4 тыс. человек)³².

Непосредственная подготовка России к войне с Наполеоном стартовала в начале 1811 г.³³ и продолжалась в течение полутора лет. Основные усилия были направлены на дальнейшее укрепление полевой армии, прежде всего войск на западной

границе страны. Однако с формированием новых частей дело шло трудно. Основная причина заключалась в нехватке резервных контингентов. Попытка их быстро подготовить через 24 рекрутских депо не увенчалась успехом³⁴. В этой связи был принят ряд чрезвычайных мер. В результате проведенных мероприятий численность русской армии с 538 тыс. человек (в начале 1811 г.) к марту 1812 г. увеличилась до 591 тыс. человек (см. Приложение 5). Важнейшими из этих мероприятий явились: упразднение в январе 1811 г. 52 гарнизонных батальонов и создание на их базе 27-й пехотной дивизии и 13 новых линейных пехотных полков; создание внутренней стражи и дополнительных рекрутских депо. Кроме того, были сформированы 2 новых гвардейских полка, 2 кирасирских полка, 3 полка иррегулярной конницы; 26 полевых, 10 резервных и 4 запасные артиллерийские бригады³⁵. В марте 1811 г. мушкетерские полки были переименованы в пехотные. В марте 1812 г. из резервных и запасных частей было начато формирование еще 18 пехотных и 9 кавалерийских дивизий, а также гвардейского резерва. Общая численность этих новых формирований должна была составить около 100 тыс. человек³⁶.

В 1811 г. на западной границе России находилась полевая армия, состоявшая из трех корпусов, которыми командовали генералы П.Х. Витгенштейн, Д.С. Дохтуров и П.К. Эссен. Общая численность этой армии не превышала 100 тыс. человек. В связи с возрастанием военной угрозы военное министерство в начале 1812 г. приняло меры к ее усилению. На западную границу империи было переброшено 6 дивизий: 3 — из Дунайской армии, 2 — с Урала и из Сибири, 1 — из Финляндии³⁷. Весной 1812 г. туда были направлены дополнительные силы, в том числе и за счет вновь созданных формирований.

Однако несмотря на все предпринимаемые усилия, военное министерство России не смогло выставить на границе такую большую армию, какую развернул Наполеон. К началу военных действий в полевых войсках русской армии насчитывалось 486 тыс. человек, но против Наполеона с большим трудом удалось выставить лишь около 220 тыс. солдат. Из них в марте 1812 г. были созданы три армии³⁸. Войска, сражавшиеся против Турции, составляли Дунайскую армию, которой ко-

Обер-офицер Гвардейского экипажа. Раскрашенная литография Бека по рисунку Губарева

Штаб-офицер и унтер-офицер пешей артиллерии. Раскрашенная литография неизвестного художника. Середина XIX в.

мандовал генерал от инфантерии М.И. Кутузов. Ее численность составляла 53 тыс. человек при 216 орудиях³⁹. На Кавказе находились 19-я (генерал-лейтенант маркиз Ф.О. Паулуччи) и 20-я (генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев) пехотные дивизии; 28-я пехотная дивизия под командованием генерала от инфантерии князя Г.С. Волконского — в Оренбурге; 29-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа — в Сибири. В Новороссии и Крыму стояли 13-я пехотная и 8-я кавалерийская дивизии, а также четыре запасных батальона. Этой группой войск командовал генерал-лейтенант герцог Э.О. Ришелье. В Финляндии и Петербурге располагались 6, 21 и 25-я пехотные дивизии. В составе войск, прикрывавших границы России, находилось 28 казачьих полков (в Финляндии и Петербурге — 5, в Закавказье — 9, на Северном Кавказе — 11, в Крыму и Новороссии — 3)⁴⁰. Три учебных гренадерских батальона, два пионерных полка, запасные артиллерийские бригады и часть резервных артиллерийских рот находились в непосредственном подчинении военного министерства.

*Обер-офицер лейб-гвардии
Кирасирского полка.
Акварель Краузе, 1810-е гг.*

*Рядовой и унтер-офицер лейб-гвардии
Гусарского полка. Раскрашенная
литография Фернлунда 2-го
по рисунку Губарева. Середина XIX в.*

Накануне Отечественной войны 1812 года русская армия имела довольно четкую организационную структуру. На западной границе в составе трех армий имелось 11 пехотных и 6 кавалерийских корпусов. Число пехотных дивизий в полевой армии было доведено до 27. Их численность в среднем (без запасной бригады) составляла 10,5 тыс. человек. Пехотная дивизия состояла из четырех бригад — двух пехотных, егерской и артиллерийской. Пехотные бригады были двухполкового состава. Полки состояли из трех батальонов. Батальон имел четыре роты. С началом боевых действий в поход выступали только 1-й и 3-й батальоны. Вторые батальоны полков, за исключением гренадерских рот, которые также уходили в поход вместе с полком, оставались в местах постоянной дислокации как запасные и выполняли задачу подготовки резервов. Гренадерские роты вторых батальонов образовывали в масштабе дивизии два сводных гренадерских батальона трехротного состава. В корпусе из этих батальонов создавалась сводная гренадерская бри-

гада, составлявшая, как правило, корпусной резерв. Оставшиеся в местах постоянной дислокации запасные батальоны сводились в запасную бригаду дивизии⁴¹.

Артиллерийские бригады имели различный состав. Но артиллерийские роты отличались единством штатно-организационной структуры. Их численность составляла 250 человек. На вооружении батарейных рот состояло 14 орудий, легких и конно-артиллерийских рот — по 12 орудий. Это были пушки и единороги калибра 3 фунта (около 76-мм), 6 фунтов (около 95-мм), 12 фунтов (около 120-мм) и полпуда (около 150-мм) с дальностью стрельбы соответственно 1 км, 1,5 км, 2 км и 1,3 км.

Кавалерийские дивизии состояли из трех бригад двухполкового состава (у кирасиров — трехполкового), из них две бригады были драгунские, а третья — легкой кавалерии. Кирасирские и драгунские полки состояли из пяти эскадронов, а гусарские и уланские — из десяти, которые составляли два батальона, по пять эскадронов в каждом. В кавалерии, как и в пехоте, по одному эскадрону от каждого полка (в гусарских и уланских полках — по два эскадрона) оставались на зимних квартирах в качестве запасных эскадронов⁴².

Дивизии сводились в корпуса. Обычно в состав корпуса входили две пехотные дивизии и несколько кавалерийских полков⁴³.

Инженерные войска состояли из пионерных и понтонных рот. Каждый из двух пионерных полков, имевшихся в русской армии, имел по два батальона, состоявших из четырех рот: трех пионерных и одной минерной. Понтонные роты имели по 50 понтонов каждая⁴⁴.

Таким образом, принятая в русской армии организационно-штатная структура позволяла войскам эффективно вести боевые действия в условиях окончательно утвердившейся в начале XIX в. глубокой тактики, организовывать надежное взаимодействие всех элементов боевого порядка и осуществлять устойчивое управление войсками в ходе боя. Что касается армейской организации, то в этом отношении Россия далеко опередила все западноевропейские страны, сделав тем самым новый шаг в развитии военного искусства.

Обер-офицер и нижние чины лейб-гвардии Измайловского полка. Раскрашенная литография Дикгофа по рисунку Губарева. Середина XIX в.

Рядовой и унтер-офицер лейб-гвардии Казачьего полка. Раскрашенная литография Клевезата по рисунку Губарева. Середина XIX в.

Моральный дух русской армии был очень высок. Это объяснялось тем, что война против Наполеона являлась войной справедливой; русская армия защищала не крепостнический строй, а целостность и национальную независимость своей Родины. Большой вклад в дело создания высокого морально-боевого духа народа и армии перед лицом вражеского нашествия внесла Русская Православная Церковь. Она явилась той объединяющей народное сознание силой, которая мобилизовала и сценировала все классы и сословия русского общества на отпор врагу, подняла их на священную борьбу с иноземными захватчиками.

Командный состав русской армии в большинстве своем имел богатый боевой опыт, приобретенный в ходе многочисленных войн, которые Россия вела в конце XVIII — начале XIX в. Многие генералы и старшие офицеры, сражаясь под овеянными славой побед суворовскими знаменами, хорошо усвоили завет великого полководца «побеждать не числом, а умением». Ветера-

ны суворовских походов, а также передовая часть офицерского корпуса являлись носителями и продолжателями всего того ценного, что выработала русская военная школа и ее выдающиеся представители, начиная с Петра I и кончая А.В. Суворовым с его бессмертной «Наукой побеждать». Взгляды передовых военных деятелей находили отражение в ряде официальных документов. К числу таковых относился и вышедший в 1811 г. «Воинский устав пехотной дивизии». В этом уставе подчеркивалась необходимость обучения войск только тому, что требует боевая обстановка; развития самостоятельности и инициативы у подчиненных, высокой стойкости и взаимовыручки в бою. «Опыты поучают, — утверждалось в уставе, — что и самые успехи в военных действиях много от совершенства в искусстве сем зависят»⁴⁵. Наиболее полное отражение боевой опыт русской армии нашел в вышедших накануне и в начале войны таких документах, как «Учреждение для управления большой действующей армией», «Общие правила для артиллерии в полевом сражении» и «Наставление господам офицерам в день сражения». Однако несмотря на то, что русская армия по своим морально-боевым качествам превосходила противника, значительное численное превосходство было все же на стороне последнего, и это обстоятельство существенно осложняло предстоящую борьбу с агрессором.

Русский флот накануне войны представлял значительную боевую силу. Только на Балтике в его состав входили 307 боевых кораблей (31 линейный корабль, 17 фрегатов, 4 корвета, 7 бригов, 2 артиллерийских корабля и 246 канонерских лодок).

Кроме того, имелось еще около 150 гребных и транспортных судов⁴⁶. Забегая вперед, необходимо отметить, что русский Балтийский флот сыграл свою роль в Отечественной войне 1812 года. Он не допустил проникновения французских кораблей к Кронштадту и Петербургу.

Общая обстановка, в которой осуществлялась подготовка России к войне, характеризовалась большой сложностью и напряженностью. На это, в частности, указывал в своем письме канцлеру Н.П. Румянцеву (сыну знаменитого полководца) военный министр Барклай-де-Толли в 1811 г. Обрисовав обстановку, в которой находилась страна, министр пришел к вы-

воду о неподготовленности России к войне. Обосновывал он это не только отсутствием достаточных вооруженных сил, но и скудостью материально-продовольственных запасов, недостатком артиллерии, боеприпасов, слабостью крепостей на западной границе, истощением финансов и т.д.⁴⁷ Поэтому назревавшая война с Францией, за которой стояла почти вся Европа, заставила военное министерство срочно заняться вопросами организации тыла русской армии. Ведущую роль в решении этой проблемы играл военный министр генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли. Еще в марте 1810 г. он представил царю записку «О защите западных пределов России». В этой записке военный министр считал необходимым заблаговременно принять меры на случай войны с Францией и прежде всего создать оборонительный рубеж по линии рек Западная Двина и Днепр, соорудить в местах, прилегающих к этим районам, новые крепости, а имеющиеся — укрепить, создать запасы продовольствия, фуража, боеприпасов и обмундирования⁴⁸. После утверждения этого плана Барклай энергично взялся за его реализацию. В том же 1810 г. вдоль рек Неман, Западная Двина и Березина началось строительство новых крепостей и укрепление старых, создание укрепленных лагерей, баз, депо и складов. Особое значение придавалось крепостям Рига, Динабург, Себеж, Борисов, Бобруйск, Киев и Дрисскому укрепленному лагерю. Общее руководство всеми инженерными работами по укреплению западной границы империи возглавлял генерал-майор К.И. Опперман⁴⁹. Однако несмотря на большой размах фортификационных работ, какого Россия не знала со времен Петра I, результативность их оказалась невелика. Главная причина заключалась в том, что наскоро возведенные укрепления не могли служить надежной опорой не только для полевых войск, но и для находившихся в них гарнизонов. Незавершенные к началу боевых действий инженерные работы, незначительные гарнизоны с большим недокомплектом личного состава, артиллерии и боеприпасов обусловили относительно слабую эффективность большинства крепостей (это потом подтвердил ход боевых действий). Вновь созданные крепости не только оказались недостаточно сильной преградой на пути врага, но даже не явились и теми пунктами, опираясь на ко-

Рядовой и штаб-офицер лейб-гвардии Павловского полка. Раскрашенная литография Петровского по рисунку Губарева. Середина XIX в.

Унтер-офицер Астраханского кирасирского полка. Раскрашенная литография неизвестного художника. Середина XIX в.

торые русские войска смогли бы на более или менее длительное время задержать противника. Все это привело к тому, что на момент вторжения французской армии западная граница России в фортификационном отношении оказалась укрепленной крайне слабо.

Подготовка России к войне потребовала предельного напряжения экономических возможностей страны и больших финансовых затрат. Так, из общей суммы бюджета 1810 г. почти 53% (147,6 млн из 279 млн рублей) было израсходовано на военные цели. В 1811 г. на оборонные расходы пошло 40% государственного бюджета (137 млн из 337,5 млн рублей)⁵⁰. Вся сложность военно-экономической подготовки к войне заключалась в том, что Россия была уже серьезно ослаблена многочисленными войнами, которые ей пришлось вести на протяжении последних десятилетий с Турцией, Францией, Швецией и Персией, а также присоединением к континентальной блокаде. По мере роста военных расходов народное хозяйство страны все больше

и больше переключалось на обеспечение нужд армии и флота, а это тяжелым бременем ложилось на ее экономику.

Одновременно с ведением оборонительных работ в прибалтийских, западных и юго-западных губерниях страны развертывалась сеть магазинов (складов). Они эшелонировались в глубину и составляли как бы три линии. Основные магазины были созданы на линии крепостей, расположенных по Западной Двине и Березине. Наиболее крупные из магазинов первой линии находились в Риге, Шавли, Динабурге, Дисне, Дриссе и Вильно. Вторая линия магазинов размещалась в Гродно, Слониме, Брест-Литовске, Слуцке и Бобруйске. Магазины третьей линии располагались в Луцке, Дубно, Житомире, Киеве и Рославле. Кроме того, в глубоком тылу были созданы крупные базы, размещавшиеся в Пскове, Новгороде, Твери, Трубчевске, Кременчуге и Сосницах. В течение двух лет (1810–1812) в этих магазинах и тыловых базах был сосредоточен продовольственный запас в 5,7 тыс. т муки, 7,5 тыс. т овса и свыше 532 т различных круп⁵¹. По расчетам военного министерства, его должно было хватить на полгода боевых действий. Недостающее количество продовольствия и фуража предполагалось восполнить из урожая 1812 г. Однако несмотря на то, что урожаи 1810–1812 гг. в стране были довольно высокими, для создания подобных запасов потребовались большие усилия властей⁵².

Вместе с тем, отдавая должное усилиям военного руководства в подготовительный период, все же следует указать и на его просчет с размещением магазинов. Большая часть их была размещена слишком близко от границы. Причина такого решения заключалась, видимо, в том, что до начала военных действий отступление не предусматривалось. Поэтому и схема дислокации тыловых частей и складов армии скорее всего отвечала планам ведения наступательной войны, нежели оборонительной. Сложность положения усугублялась еще тем, что войска имели лишь штатные обозы и никакими другими транспортными средствами не располагали. По этой причине в первые же дни войны оказалось невозможным создать подвижные магазины для оперативного снабжения войск. Попытки мобилизовать местные средства результатов не дали. Поэтому при отступлении все накопленные до войны запасы,

Канонир гвардейской конной артиллерии.

Раскрашенная литография Фернлунда 2-го по рисунку Губарева. Середина XIX в.

Рядовой Кавалергардского полка.

Раскрашенная литография Гельферта по рисунку Губарева. Середина XIX в.

оказавшиеся в зоне боевых действий, пришлось бросить либо уничтожить. Следовательно, несмотря на двухлетнюю подготовку и затраченные при этом огромные усилия, военному министерству так и не удалось в полной мере справиться с организацией своего тыла.

Наряду с решением вопросов продовольственно-фуражного обеспечения, русскому правительству одновременно пришлось преодолевать большие трудности в обеспечении армии вооружением и боеприпасами. О сложности решения этой проблемы в короткие сроки прямо доложил правительству еще весной 1810 г. инспектор артиллерии русской армии генерал-лейтенант П.И. Меллер-Закомельский⁵³. Поскольку производство артиллерийского вооружения было сосредоточено в основном лишь на трех казенных заводах (Луганском, Петербургском и Олонском литейных), то встала необходимость неотложного расширения военно-промышленной базы государства за счет включения в нее чугунолитейных заводов Урала и частных заводов, расположенных в центральных губерниях России. Тогда же

передача военных заказов на частные заводы получила законодательное оформление⁵⁴.

Начиная с подготовительного периода Отечественной войны 1812 года Урал постепенно стал приобретать значение важнейшего военного арсенала страны. Тогда в этом регионе в общей сложности работало 28 государственных и 118 частных металлургических заводов. Только в 1811 г. частные заводы Урала получили государственный заказ на производство около 4,7 тыс. т артиллерийских боеприпасов. В пересчете на трехфунтовую гранату или ядро это составляло около 4 млн снарядов⁵⁵. Однако производство боеприпасов на уральских заводах из-за технических трудностей долго не могло быть налажено. Основной причиной являлось отсутствие машин для полировки поверхности снарядов.

Не меньшие трудности выявились с увеличением производства ружей. На 1 января 1810 г. в арсеналах и на оружейных заводах страны имелось всего лишь 176 тыс. ружей и карабинов⁵⁶. Основным поставщиком стрелкового оружия являлся Тульский завод, но производительность его была крайне мала, так как в основе производства лежал ручной труд. В 1810 г. он произвел 96 тыс. ружей. Заказ («урок») правительства ему на 1812 г. составлял 144 тыс. ружей. Столь же напряженные «уроки» получили Сестрорецкий и Ижевский заводы. Надвигавшаяся война требовала резкого расширения производства оружия. Однако принимаемые меры по наращиванию производственных мощностей оказались недостаточными. Поэтому накануне войны значительное количество стрелкового оружия пришлось закупить за рубежом, главным образом в Англии и Австрии.

В своих планах русское военное руководство исходило из тех внешнеполитических отношений, которые сложились к 1810–1811 гг. В частности, в октябре 1811 г. была заключена военная конвенция между Россией и Пруссией о совместных действиях против Наполеона. Со стороны России ее подписали министры иностранных дел (Н.П. Румянцев) и военный (М.Б. Барклай-де-Толли), со стороны Пруссии — генерал Г. Шарнхорст. Наличие такого соглашения открывало широкую перспективу создания мощной антифранцузской коалиции. Но реализовать эту идею было не суждено. Сближение Пруссии

и России не на шутку встревожило Наполеона. Он предпринял энергичные шаги, чтобы расколоть этот союз, пустив в ход против прусского короля все: и посулы, и угрозы, и откровенный шантаж. Перед Фридрихом-Вильгельмом III встал вопрос — с кем идти. Окружение короля во главе с князем К. Гарденбергом склонялось к союзу с Россией, убеждая своего монарха, что Наполеону нельзя доверять, используя в качестве примера испанских Бурбонов, которые, несмотря на союз с Францией, лишились трона. И все же прусский король решил отказаться от союза с Россией и пошел на сближение с Францией. Это была не только трусость перед Наполеоном и вероломство по отношению к России, но и страх перед собственным народом, готовым подняться на освободительную борьбу против французских оккупантов. Король Пруссии не хотел народной войны, так как боялся ее больше, чем Наполеона. Союзный договор между Пруссией и Наполеоном был подписан в феврале 1812 г. Численность прусской армии, согласно этому договору, определялась в 42 тыс. человек, из них 20 тыс. должны были составить экспедиционный корпус и войти в состав «Великой армии». Это был корпус генерала Г. Йорка, поступивший под командование французского маршала Ж. Макдональда. Пруссия также брала на себя обязательство пропустить французские войска через свою территорию.

Естественно, что с осени 1811 г. русский план ведения войны против Наполеона строился в соответствии с заключенной русско-прусской конвенцией. Русские войска были дислоцированы у русско-прусской границы, готовые в случае начала войны сразу же вступить на территорию Германии. Вблизи границы было размещено и большинство их баз снабжения. Предательство Пруссии и двойственная политика Австрии явились причиной отказа России от заблаговременно разработанного плана войны. Поэтому получилось так, что в связи с резким изменением международной обстановки, всего за четыре месяца до нападения Наполеона, Россия оказалась без четко разработанного плана ведения войны. В этих условиях оставался один выход — вести войну оборонительную. Началась срочная разработка соответствующего плана. Отвергнув несколько проектов, Александр I накануне войны утвердил план, представ-

ленный его военным советником прусским генералом К. Фулем. Этот генерал после сокрушительного разгрома Наполеоном Пруссии в 1806 г. перешел на русскую службу.

В основе плана Фуля лежал проект другого прусского генерала — Л. Вольцогена, который в 1807 г. также перешел на русскую службу и стал одним из военных советников царя. Свой проект плана войны Вольцоген предложил Александру I еще в 1810 г.⁵⁷ Исходя в своих расчетах из бюловской стратегической концепции, он рекомендовал царю следующий способ действий в будущей войне: «Способ наших действий должен состоять в том, чтобы, отступая с той из армий, против коей направляются главные силы противника, из одной крепкой позиции на другую, удерживая и ослабляя его постепенно, направить в то же время ему в тыл другую нашу армию»⁵⁸. Таким образом, при разработке плана будущей войны Вольцоген всецело следовал своему учителю Бюлову, полностью сохраняя дух и букву его учения⁵⁹.

Бюловская идея обороны и действий на сообщения противника лежала также и в основе плана Фуля, которому Александр I отдал предпочтение перед всеми другими. На полное сходство планов Вольцогена и Фуля указывают мероприятия военного министерства по дислокации войск и созданию тыловых баз. Как и Вольцоген, Фуль предлагал разделить силы на две армии и так их расположить в приграничной полосе, чтобы они образовали так называемый восходящий угол — «тогда пути отступления их будут иметь расходящееся направление к главному базису, а пути... наступления сойдутся в тылу неприятельской армии»⁶⁰.

Исходя из того что театр военных действий на западе России разделялся огромным лесисто-болотистым районом Полесья на две части — северную и южную, Фуль допускал наступление французской армии только в одном направлении: или севернее, или южнее Полесья. В связи с этим он предложил сформировать две армии и сосредоточить одну из них севернее Полесья, а другую — южнее. В случае наступления противника севернее Полесья, что считалось наиболее вероятным, находившаяся там армия должна была отходить к Двине, к Дрисскому укрепленному лагерю, притягивая к себе противника, а затем

*Бомбардир и фейерверкер
армейской пешей артиллерии.
Художник Л. Киль. 1810-е гг.*

*Кирасир Новгородского
кирасирского полка. Раскрашенная
гравюра Л. Килья. 1810-е гг.*

сковать его в районе Дриссы. Тем временем вторая армия, находившаяся южнее Полесья, совершив маневр в северо-восточном направлении, должна была нанести удар во фланг и тыл Наполеону. Создавшаяся таким образом сложная для противника обстановка борьбы в полуокружении должна была, по мнению Фуля, вынудить Наполеона к отступлению.

Если противник перейдет в наступление южнее Полесья, то второй армии надлежало отступать на Украину, а первой — с севера действовать на вражеские тылы и коммуникации, что в конечном итоге также должно было привести к поражению Наполеона.

План Фуля в целом был порочен в своей основе, так как, во-первых, он полностью игнорировал действительное соотношение сил и средств сторон и не учитывал возможности одновременного наступления противника на обоих направлениях, что, кстати, на самом деле и произошло. События приобрели совершенно иной характер, противоположный тому, который прогнозировал Фуль, опрокинув все его предположения и рас-

четы. Во-вторых, крупнейшим недостатком плана Фуля являлось разделение русской армии на две изолированные друг от друга труднопроходимой полосой Полесья группировки. Это создавало противнику, обладавшему большим превосходством в силах, благоприятные условия для разгрома русской армии по частям. В-третьих, опыт Ульмской катастрофы 1805 года, видимо, ничему не научил прусских кабинетных стратегов. Продолжая придерживаться в своих абстрактных стратегических расчетах шаблонных, догматических схем, они заведомо обрекали русскую армию на поражение. Если бы план Фуля был реализован, то русская армия, запертая в Дрисском лагере, как в мышеловке, была бы неминуемо окружена и уничтожена Наполеоном.

Тем не менее, несмотря на вопиющие недостатки предложенного Фулем плана, Александр I со своим окружением посчитал его наиболее целесообразным для ведения оборонительной войны против Наполеона. Оказывая необоснованное и труднообъяснимое доверие явно несостоятельному плану, царь и придворные круги исходили прежде всего из ошибочной оценки противника. Русский император и его прусский советник считали, что Наполеон может выставить против России не более чем 120–150-тысячную армию, в то время как Россия располагала на своей западной границе 200-тысячной армией. Это заблуждение сыграло роковую роль в разработке стратегического плана войны и явилось причиной серьезных трудностей, вставших перед русской армией сразу же с началом боевых действий.

Стратегическое развертывание русской армии, осуществляемое по плану Фуля, было произведено крайне неудачно. В момент вторжения противника русские войска оказались разбро- санными на пространстве более чем в 600 км.

1-я Западная армия, которой командовал генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли (одновременно он продолжал занимать и должность военного министра), насчитывала 127 тыс. человек и 558 орудий. Она располагалась на фронте 180 км, от Россиен до Лиды, имея впереди левого фланга казачий корпус, выдвинутый в район Гродно. В состав 1-й Западной армии входили 1, 2, 3, 4, 5 и 6-й пехотные, 1, 2, 3-й кавалерийские и конный казачий корпуса. Задача этой армии состояла в прикрытии петербургского направления.

2-я Западная армия под командованием генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона занимала полосу протяженностью 100 км между Неманом и Западным Бугом. Эта армия имела в своем составе 7-й и 8-й пехотные, 4-й кавалерийский корпуса и 9 казачьих полков общей численностью 48 тыс. человек при 216 орудиях. Казачьи полки были развернуты кордоном вдоль границы. 2-я Западная армия прикрывала московское направление.

3-я Западная (Резервная) армия, возглавляемая генералом от кавалерии А.П. Тормасовым, находилась на Волыни, прикрывая киевское направление. Она включала в свой состав три пехотных и один кавалерийский корпуса общей численностью 43 тыс. человек при 168 орудиях.

Номинальным главнокомандующим всеми русскими армиями числился император Александр I, но фактически войсками он не управлял.

Таким образом, в составе трех русских армий, развернутых на западной границе империи, насчитывалось 218 тыс. человек и 942 орудия⁶¹. Всего в их состав входило 262 батальона, 262 эскадрона и 36 казачьих полков (*Приложение 6*). Анализ соотношения сил и средств сторон показывает, что противник имел тройное превосходство в живой силе и почти полуторное — в артиллерии. Положение усугублялось еще и тем, что между 1-й и 2-й Западными армиями имелся 100-километровый разрыв, а 3-я Западная армия была отделена от 2-й армии 200-километровой лесисто-болотистой полосой Полесья. В случае начала военных действий все три русские армии вынуждены были бы действовать на значительном пространстве обособленно одна от другой, без единого управления и координации сил. Это ставило их сразу в исключительно тяжелое положение и давало возможность Наполеону, имевшему общее превосходство в силах, создать наиболее выгодную группировку сил и средств на одном решающем направлении. Если русские войска были растянуты кордоном от Россиен до Луцка (более 600 км), то значительно превосходящие силы противника были сосредоточены лишь на 300-километровом фронте. Следовательно, общая обстановка, в которой оказалась русская армия перед вторжением врага в пределы России, из-за бездарного планирования царских советников сложилась для нее крайне неблагоприятно.

1.3. Вторжение врага

В тревожном ожидании прошла весна 1812 г. Вступило в свои права лето. Жизнь в России текла своим чередом, но с Запада все явственнее доносились пока еще глухие, но неумолимо нараставшие раскаты приближающейся военной грозы. Из Франции и Германии к Висле и Неману сплошным потоком двигались войска «Великой армии». За ними тянулись огромные обозы с продовольствием, военным снаряжением и боеприпасами. 4 (16) мая 1812 г., сопровождаемый огромной свитой, в Дрезден прибыл Наполеон. Здесь он пробыл две недели, принимая своих многочисленных вассалов (австрийского императора, прусского, саксонского, баварского королей, других европейских монархов). Знаки рабского почитания и полной покорности повсюду встречали его. Наполеон был в зените своей славы. Такого триумфа ему не приходилось испытывать еще никогда. 17 (29) мая французский император покинул Саксонию и направился в Восточную Пруссию. Он мчался между бесконечными колоннами своих войск, окруженный блестящей свитой, нагоняемый эстафетами и курьерами, на ходу диктуя и рассылая приказы, обгоняя корпус за корпусом, торопя начатое дело. Более чем полумиллионная армия лишь мельком, мимолетно могла замечать тучную приземистую фигуру в сером сюртуке и треугольной шляпе, устремляющуюся к востоку то в карете, то на арабском скакуне таким бешеным аллюром, какой был непосилен обычным армейским лошадям. На рассвете 9 (21) июня Наполеон прибыл в местечко Вилькавишки, в 50 км от Немана. На следующий день по его приказу началось выдвижение французских войск к реке, по которой проходила русско-прусская граница. В авангарде «Великой армии» шел 3-й полк конных егерей.

Александр I с 14 (26) апреля находился в Вильно. Ввиду надвигавшейся угрозы войны он под предлогом проведения инспекции прибыл к армии. Вместе с ним находились свита и военные советники. Французскому же послу в России Ж. Лористону было заявлено, что Россия войны не желает и готова сделать все, чтобы ее избежать, а царь отправляется в Вильно только потому, что французские войска приближаются к русской границе и он обеспокоен тем, как бы не произошло какого-либо

Наполеон в окружении своих маршалов и генералов.

Литография Марэн-Лавиня по рисунку Д. Монтана. Середина XIX в.

инцидента на границе, который мог бы привести к разрыву отношений с Францией и послужить поводом к войне. Через три недели после приезда Александра I в Вильно к нему неожиданно прибыл посланец Наполеона генерал-адъютант граф Л. Нарбонн. Цель этой миссии, по словам французского генерала, заключалась в том, чтобы предотвратить конфликт, попытаться решить дело мирным путем. В действительности же, посылая Нарбонна к русскому царю, Наполеон преследовал совершенно иные цели. Прежде всего он опасался, как бы русские первыми не начали боевые действия, нанеся упреждающий удар по его еще не завершившим сосредоточение войскам. Поэтому основная задача Нарбонна заключалась в том, чтобы «мирными» предложениями усыпить бдительность русских и выиграть время, необходимое Наполеону для завершения сосредоточения и развертывания «Великой армии». Он должен был также определить состояние боеготовности русской армии.

Хорошо принятый Александром I, Нарбонн провел в Вильно три дня (6–8 (18–20) мая). В течение этого времени он имел две беседы с царем и даже присутствовал на двух смотрах войск.

Однако длительных переговоров с русскими, на которые он рассчитывал, у Нарбонна не получилось: приближенные царя (граф В.П. Кочубей, К.В. Нессельроде и др.) самым деликатнейшим образом выдворили не в меру любопытного француза из Вильно. Возвратившись в Дрезден, Нарбонн доложил Наполеону, что его опасения напрасны: русские не собираются первыми начинать войну.

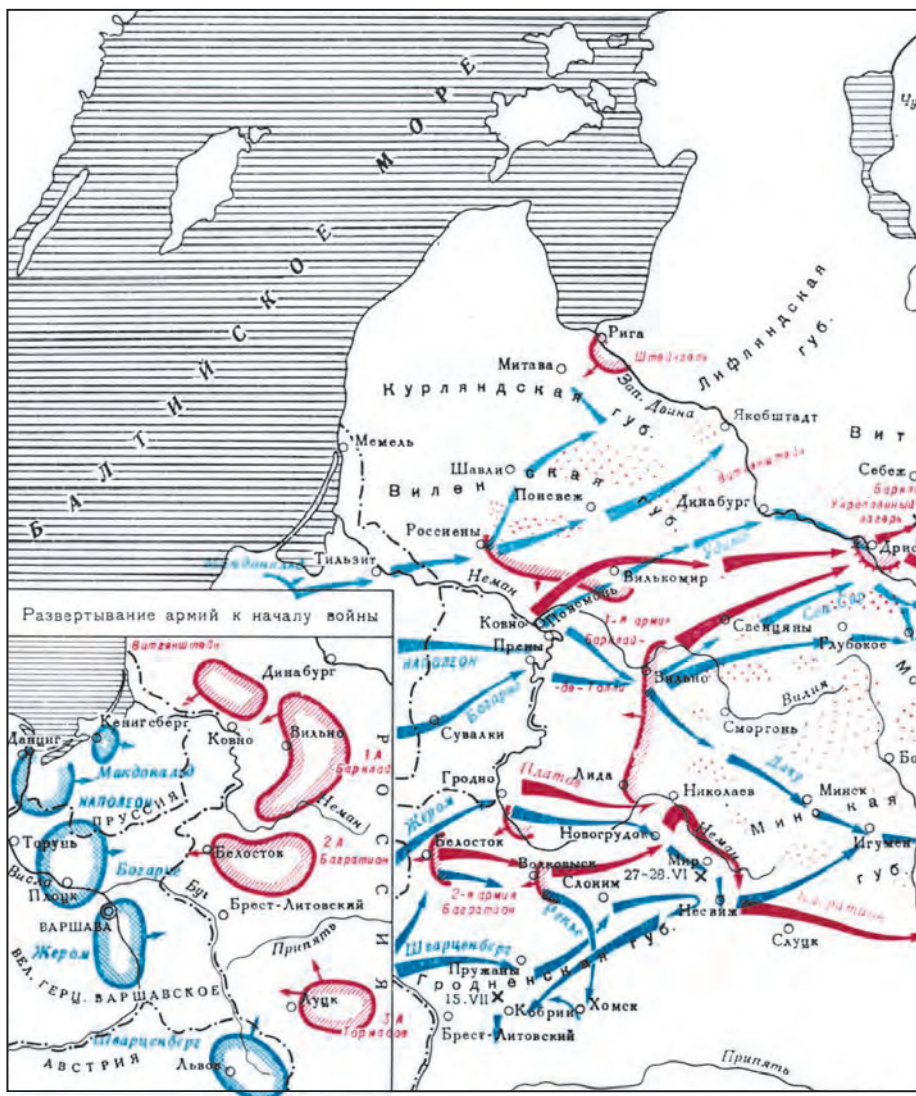
Французский император был удовлетворен миссией своего генерал-адъютанта. Однако визит Нарбонна в Вильно имел неожиданные и притом самые неблагоприятные для Наполеона последствия. М.И. Кутузов, который в то время вел в Бухаресте напряженные переговоры с турками о заключении мира, очень ловко воспользовался визитом Нарбонна в Вильно. Он убедил турок, что дело идет к примирению России с Францией, потому что зачем бы иначе Наполеону было снова начинать переговоры с царем. Результат оказался налицо: через несколько дней после отъезда Нарбонна из Вильно в Бухаресте был подписан выгодный для России мирный договор. Это был последний, завершающий удар русской дипломатии по Наполеону, нанесенный менее чем за месяц до начала войны.

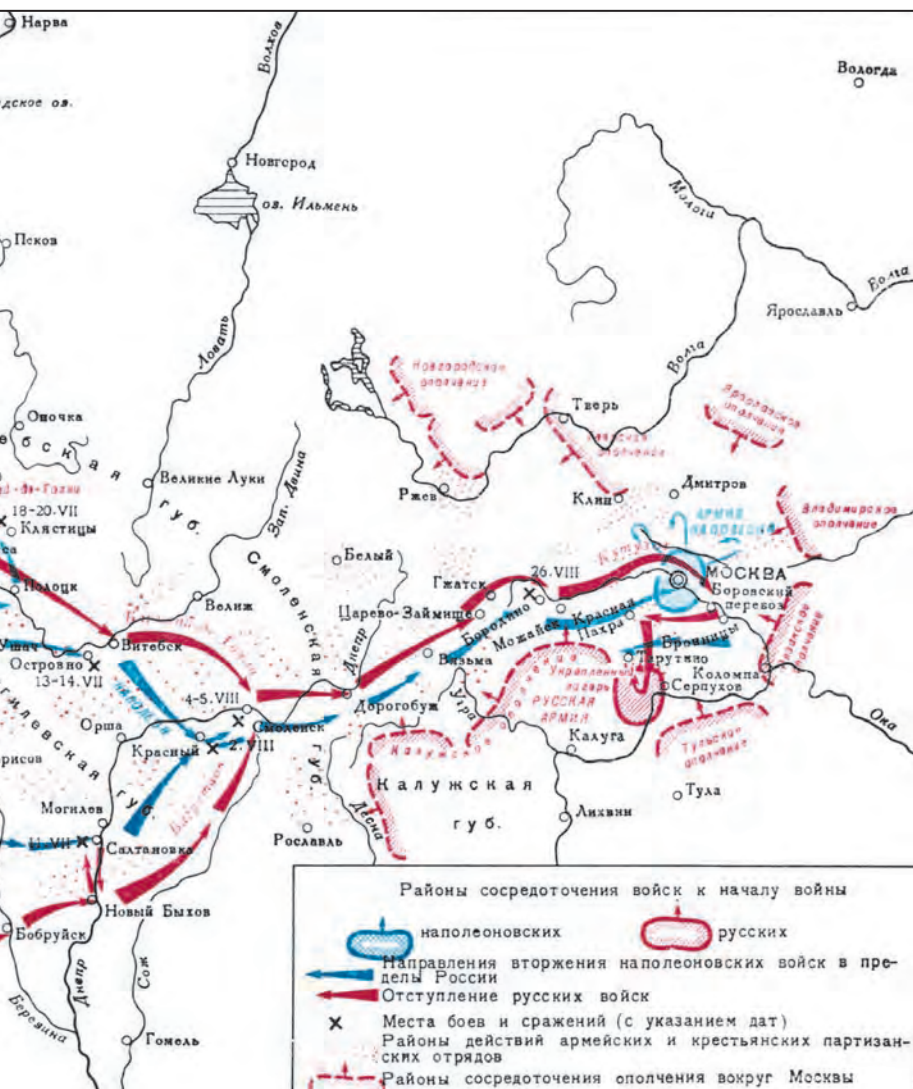
Переход армии Наполеона через Неман. Художник В. Мазуровский

Огромная армия Наполеона стояла на Немане, готовая к вторжению в Россию. Ее главные силы (пехотные корпуса маршалов Л. Даву, Н. Удино, М. Нея, кавалерия маршала И. Мюрата — кавалерийские корпуса генералов Э. Нансути и Л. Монбрена, гвардия, возглавляемая маршалами Ф. Лефевром, Э. Мортье и Ж. Бессьером) сосредоточились в районе западнее Ковно. Они располагались скрытно, не разводя огней и стараясь соблюдать полную тишину. Рано утром 11 (23) июня в район расположения войск прибыл Наполеон. Вместе с начальником главного штаба маршалом Л. Бертье он подъехал к польскому уланскому полку, переоделся в мундир польского полковника, сел на лошадь и поскакал вдоль берега Немана, выбирая места, удобные для переправы войск. Произведя дважды в течение дня рекогносцировку, Наполеон приказал навести четыре понтонных моста на Немане, на участке между Ковно и Панемуню. Мосты наводились на расстоянии 100 м один от другого.

Вернувшись в помещичий дом в Вилькавишках, Наполеон в тот же день обратился с воззванием к армии: «Солдаты! Вторая Польская война началась. Первая кончилась под Фридрихсборгом и Тильзитом. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и войну с Англией. Ныне нарушает она свои клятвы и не хочет дать никакого объяснения своему странному поведению, пока французские орлы не возвратятся за Рейн, предав во власть ее союзников наших. Рок влечет за собой Россию! Ее судьба должна свершиться. Не считает ли она нас изменившимися? Разве мы уже не воины аустерлицкие? Россия ставит нас перед выбором: бесчестье или война. Выбор не может вызывать сомнений. Пойдем же вперед! Перейдем Неман и внесем войну в русские пределы. Вторая Польская война, подобно первой, прославит французское оружие. Но мир, который мы заключим, будет прочен и положит конец 50-летнему кичливому влиянию России на дела Европы»⁶². Это воззвание и явилось своего рода объявлением войны России: никакого другого, обычно принятого в международных отношениях, официального объявления войны Наполеоном сделано не было. Следовательно, нападение Наполеона на Россию было произведено без объявления войны. Что же касается выше приведенного воззвания, то оно было доведено не до всей армии. Наполеон

*Вторжение наполеоновской армии в Россию и ход военных действий
в первый период Отечественной войны 1812 года*

запретил его рассылку в два вспомогательных корпуса — австрийский и прусский. Он не без основания полагал, что его восторженные слова не произведут желаемого воздействия на этих союзников, в искренности которых французский император сомневался. Князю К. Шварценбергу и маршалу Ж. Макдональду было приказано в самых простых выражениях лишь известить подчиненные им войска о начале военных действий. Макдональд исполнил волю Наполеона в следующем приказе, отданном прусскому корпусу: «Россия желает войны, и война началась. Великая армия, к которой вы принадлежите, видит вас с удовольствием в своих рядах. Наши монархи доверяют вашей храбрости. Они следят за вашими действиями и готовят вам хвалы и награды»⁶³.

Первыми в 22 часа 11 (23) июня преодолели Неман на лодках три роты легкой пехоты (вольтижеры) 1-й пехотной дивизии генерала Л. Морана (из корпуса маршала Даву). Эти 300 поляков 13-го пехотного полка заняли небольшой плацдарм на восточном берегу реки и обеспечили наведение переправы. Первым встретил врага конный разъезд лейб-казаков. Обнаружив переправу поляков, начальник разъезда подъесаул Рубашкин сразу же доложил об этом командиру полка генерал-майору графу В.В. Орлову-Денисову и запросил его указаний: атаковать неприятеля или же отступить. Разъезду приказано было отступить, а о вторжении врага на нашу территорию послано донесение вышестоящему командованию. Тем временем между лейб-казаками и поляками произошла небольшая перестрелка. Это были первые выстрелы начавшейся войны, которая по своему размаху, напряженности и ожесточению превзошла все дотоле происходившее.

К рассвету французские саперы генерала Ж. Эбле завершили наведение трех понтонных мостов. Четвертый мост под Ковно был построен несколько позднее. Армия Наполеона, который лично руководил переправой, с утра 12 (24) июня 1812 г. двинулась на восточный берег Немана. Итак, жребий был брошен! Война была решена окончательно и бесповоротно. Нескончаемый поток людей, лошадей, орудий и обозов устремился вперед, через реку, навстречу своей судьбе. Могли ли тогда предполагать упоенные своим могуществом новоявленные завоевате-

ли, что и сотой доли их не суждено будет вернуться обратно из этого рокового для наполеоновской армии похода? Вряд ли...

Начавшийся вскоре проливной дождь, хотя и не остановил движения войск, но испортил дороги и замедлил переправу. На следующее утро 13 (25) июня французский авангард без боя занял Ковно. Находившиеся там казаки не оказали сопротивления и, отступив, сожгли за собой мосты на Вилии. Переправа главных сил «Великой армии» через Неман продолжалась четверо суток. Все это время, днем и ночью, наполеоновские войска, полк за полком, батарея за батареей нескончаемым потоком по скрипучим настилам мостов переходили через Неман и выстраивались на русском берегу. Наполеон стоял у одного из мостов, здороваясь с проходившими полками. Затем, перейдя со Старой гвардией через реку, он без свиты помчался на коне к соседнему лесу. Проскакав километров пять по сыпучему песку и густому еловому лесу и не найдя никаких признаков русских войск, император возвратился обратно на берег реки. Нигде не видно было ни души. Пустынные поля, бескрайние пески и необозримые угрюмые леса простирались перед ним. И зловещая тишина без каких-либо признаков человеческого жилья дополняла эту мрачную картину. Таковы были первые впечатления «Великой армии» и ее предводителя на русской земле.

Войска центральной группировки «Великой армии» осуществили переправу через Неман в районе Прены 15–16 (27–28) июня. Правофланговая группировка противника пересекла русскую границу 17–18 (29–30) июня в районе Гродно. Таким образом, уже с самого начала намечилось отставание войск центра и правого крыла наполеоновской армии от главной, левой группировки.

В Вильно только поздно вечером 12 (24) июня узнали о вторжении Наполеона в Россию. Курьер от генерала Орлова-Денисова примчался к загородной даче Л.Л. Беннигсена, где в то время проходил бал в честь царя. Дежурный генерал-адъютант немедленно доложил об этом важном донесении Александру I. Еще гремела музыка, гости продолжали беззаботно веселиться, когда в одном из кабинетов этого загородного дома царь сделал первые боевые распоряжения. Первым делом был отдан приказ по армии. В нем император Александр I извещал войска о нападе-

А.Д. Балашов у Наполеона.

*Иллюстрация к роману
«Война и мир» Л.Н. Толстого.
Художник А. Николаев. 1973 г.*

нии Наполеона на Россию, вызванном агрессивностью его политики и нежеланием искать какие-либо взаимоприемлемые подходы к разрешению имевших место противоречий. Перед войсками ставилась задача отразить нападение врага. Заканчивался приказ такими словами: «Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог»⁶⁴.

1-й Западной армии был отдан приказ отступить к Свенцянам, а 2-й Западной армии и казачьему корпусу Платова — нанести удар во фланг противнику⁶⁵. Тотчас же был отправлен курьер в Петербург с сообщением о начавшейся войне. На следующий день, вечером 13 (25) июня, царь вызвал находившегося в его свите министра полиции А.Д. Балашова и вручил ему свое личное письмо к Наполеону. Александр предлагал французскому императору вступить в переговоры, но при условии, что его армия оставит русскую территорию. Царь откровенно признался министру, что не рассчитывает на успех его миссии,

но хочет еще раз продемонстрировать Европе свое миролюбие и, кроме того, выиграть время, необходимое ввиду внезапного нападения Наполеона для организованного вступления русских армий в боевое соприкосновение с сильным и опытным противником. Балашов выехал в ту же ночь и уже на рассвете прибыл на аванпосты французской армии у местечка Россиены. Французские гусары доставили его сначала к маршалу И. Мюрату, а затем к маршалу Л. Даву, который весьма грубо, невзирая на протесты, отнял у Балашова царское письмо и отправил его со своим адъютантом Наполеону. Последний принял царского посланца только на пятый день после его прибытия во французскую армию, уже находясь в Вильно. Две беседы Балашова с Наполеоном ни к чему не привели. Как и ожидалось, миссия министра полиции закончилась безрезультатно.

События развивались чрезвычайно быстро. Не встречая сопротивления, противник по трем дорогам устремился на Вильно. Впереди шел Мюрат с кавалерией. Решено было оставить Вильно и уходить в Дрисский лагерь. Однако Барклай не сразу выполнил этот приказ. Он задержал два корпуса (3-й и 4-й пехотные) у Вильно до появления передовых частей противника 15 (27) июня. Теперь уже дальнейших сомнений не было. Основной удар Наполеона был направлен в центр расположения 1-й Западной армии. Он стремился отрезать русских от Двины, растянуть их фронт и, обойдя с правого фланга, принудить к сражению в невыгодной обстановке.

В начале войны Карл-Людвиг-Август Фуль занимал в русской армии довольно видное положение. Вместе с тем он, бесспорно, являлся одной из наиболее странных и курьезных фигур в царском окружении. Кабинетный ученый, военный теоретик, создававший в предвидении всякой войны обширнейшие, детально разработанные планы, из которых затем никогда ничего не выходило, Фуль сделал свою карьеру в прусской армии. Во время Франко-прусской войны 1806 г. он, будучи докладчиком по делам главного штаба при короле Фридрихе-Вильгельме III, составил по обыкновению самый «непогрешимый» план разгрома Наполеона. Однако уже через шесть дней после начала войны прусская армия оказалась наголову разгромленной французами в двух одновременных сражениях — при Иене и Ауэрштедте.

И в этот трагический час прусской истории Фуль изумил всех: он стал хохотать, как полоумный, издеваясь над погибшей прусской армией за то, что она не выполнила в точности его план. После этого краха Фуль бежал из Пруссии и перешел на русскую службу, где стал преподавать военное искусство императору Александру I. Преподавательская деятельность Фуля завершилась тем, что царь, крепко уверовав в гениальность своего учителя, поручил ему разработку стратегического плана войны с Наполеоном. Так появился на свет печально знаменитый «план Фуля». К сказанному следует добавить, что этот вечно раздраженный, упрямый и высокомерный человек, не выучивший за шесть лет пребывания в России ни одного русского слова, с большим презрением относился к русским генералам за незнание ими, как ему казалось, стратегических принципов военной науки. Именно по совету Фуля, не согласовав этого вопроса с руководством русской армии, Александр I приказал устроить «укрепленный лагерь» в местечке Дрисса на Западной Двине. По замыслу Фуля, этот лагерь, где предполагалось сосредоточить 120-тысячную армию, мог по своему срединному положению между двумя столбовыми дорогами одинаково воспрепятствовать Наполеону в наступлении как на Москву, так и на Петербург. И когда Наполеон внезапно перешел через Неман, русской армии было приказано отступить на Свенцяны, а оттуда в Дриссу.

16 (28) июня французы вступили в Вильно. Барклай-де-Толли стягивал отступающие войска к Свенцянам, надеясь дать здесь сражение противнику. Сюда после оставления Вильно отходили 2, 3 и 4-й пехотные корпуса, которыми командовали соответственно генерал-лейтенанты К.Ф. Багговут, Н.А. Тучков 1-й и граф П.А. Шувалов, 6-й пехотный корпус генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова двигался от Лиды на Сморгонь. Казачьему корпусу генерала от кавалерии И.И. Платова приказано было отходить из района Гродно через Сморгонь к Свенцянам. О своем намерении дать Наполеону сражение под Свенцянами Барклай-де-Толли сообщил Багратиону⁶⁶. Одновременно Багратион, армия которого находилась в районе Белосток — Волковыск, получил приказ отходить через Новогрудок к Вилейке (55 км восточнее Сморгони), а если не удастся совершить этот маневр —

отступать к Минску и далее на Борисов. Таким образом, русская армия начала отступление вглубь страны. Она отступала потому, что в сложившейся обстановке иначе поступить было нельзя. Все предвоенные заблуждения относительно сил Наполеона, выставленных им против России, рассеялись, как дым. Превосходство противника в силах было более чем очевидным. Уже в первые дни войны выяснилось, что против 12 пехотных дивизий Барклая-де-Толли действует 17 французских, а против 4 дивизий Багратиона — 11 дивизий противника.

Сыграла свою роль и внезапность вражеского нападения. Если в военно-политическом и стратегическом отношении война для России не являлась неожиданностью, то в оперативно-тактическом плане она была внезапной.

Французская армия продолжала безостановочное наступление, преследуя отходящие на восток русские войска, 2-й пехотный корпус маршала Удино наступал на Вилькомир. Перед ним отходил 1-й русский пехотный корпус генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна. 3-й пехотный корпус маршала Нея вместе с Мюратом (2-й кавалерийский корпус генерала Л. Монбрена и две дивизии 1-го пехотного корпуса) преследовал главные силы 1-й Западной армии, отступавшие к Свенцянам. 1-й кавалерийский корпус генерала Э. Нансути, усиленный одной пехотной дивизией, стремился отрезать в районе Михалишки (65 км северо-восточнее Вильно) путь отступления корпусу генерала Дохтурова, отходившего из района Лиды на соединение с главными силами 1-й Западной армии. Основные силы 1-го пехотного корпуса маршала Даву, усиленного 3-м кавалерийским корпусом генерала Э. Груши и одной дивизией Молодой гвардии (польская дивизия генерала М. Клапареда, так называемый Легион Вислы), были направлены из района Ошмяны (55 км западнее Сморгони) на Минск с тем, чтобы перерезать пути отхода 2-й Западной армии и не допустить ее соединения с 1-й армией. Группировка войск, находившаяся под командованием Даву, насчитывала до 50 тыс. человек⁶⁷.

Одновременно из района Гродно в стык между 1-й и 2-й Западными армиями наступал вестфальский король (5-й пехотный корпус генерала И. Понятовского, 8-й пехотный корпус генера-

ла Д. Вандама и 4-й кавалерийский корпус генерала В. Латур-Мобура). Из района Белостока на Слоним, охватывая армию Багратиона с юга, наступал 7-й пехотный корпус генерала Ж. Ренне. Задача вестфальского короля заключалась в том, чтобы во взаимодействии с маршалом Даву окружить и уничтожить западнее Минска 2-ю русскую Западную армию. Е. Богарне с двумя корпусами (своим 4-м пехотным и 6-м пехотным генерала Л. Гувиона Сен-Сира) находился в районе Рудники (20–25 км южнее Вильно). В зависимости от обстановки он должен был двинуться на Свенцяны против 1-й Западной армии или же на юг — против Багратиона. На крайнем левом фланге 10-й пехотный корпус маршала Макдональда развивал наступление на Шавли и Поневеж, охватывая правый фланг 1-й Западной армии. Сам Наполеон с гвардией оставался в Вильно.

Однако несмотря на внезапность вторжения противника и его довольно высокие темпы наступления в первые дни войны, ни одной более или менее крупной группировки русских войск французам окружить не удалось. Так, корпус Дохтурова, совершая форсированные переходы до 45 км в сутки, успешно сумел избежать столкновения сначала с войсками Даву, а затем и с войсками Нансути. 20 июня (2 июля) он вышел в район Свенцяны, где произошло его соединение с главными силами 1-й Западной армии. Стоявший на границе авангард 4-го пехотного корпуса (1-й и 18-й егерские полки, Изюмский гусарский полк, два казачьих полка и рота легкой артиллерии), которым командовал генерал-майор И. С. Дорохов, с началом войны не получил приказа об отходе и вскоре был отрезан противником от главных сил армии. Оказавшись в затруднительном положении, начальник авангарда не растерялся. В результате стремительного рейда по тылам противника отряд Дорохова вышел в район юго-восточнее Ошмяны, где соединился с казаками Платова. Несмотря на ежедневные стычки с неприятелем и усиленные переходы, когда у изнуренных форсированными маршами людей вместо пота выступала кровь, потери отряда были минимальными. За неделю рейда они составили всего 60 человек⁶⁸.

Тем не менее первые дни войны стоили русской армии больших потерь в личном составе. По некоторым данным, они пре-

вышли 30 тыс. человек⁶⁹. Эти потери приходились главным образом на больных и отставших от своих частей. Довольно много было и дезертиров, особенно из среды уроженцев польских и литовских местностей⁷⁰.

Первые же дни пребывания наполеоновской армии на российской земле ознаменовались повсеместными грабежами и насилиями. Оккупанты беспощадно разоряли крестьянские хозяйства, отбирали продовольствие и скот. Многочисленные бесчинства, творимые разноплеменным войском на захваченной территории, очень скоро привели к массовым возмущениям среди населения, вызвали ненависть к завоевателям. И если вначале кое у кого были еще надежды, что Наполеон принесет избавление от крепостного гнета, то разочарование наступило довольно быстро. Литовские и польские крестьяне первыми смогли убедиться, что Наполеону нет дела до нужд и чаяний простого народа, что он всецело стоит на стороне помещиков-крепостников. Теперь при приближении французских войск крестьяне целыми семьями стали уходить из сел и деревень, уничтожать посеы, угонять скот. Местность перед рвущимся вперед врагом все более и более стала походить на безжизненную пустыню. Наполеоновские войска стали испытывать большие затруднения в снабжении продовольствием и фуражом. В армии началась массовый падеж лошадей⁷¹. В голодающем наполеоновском воинстве обозначилось резкое падение дисциплины, широкое распространение получили бродяжничество и дезертирство. Огромные толпы отбившихся от своих частей вооруженных мародеров и дезертиров рыскали по долам и весям, грабя и уничтожая все, что попадалось им на пути. Это еще более усугубляло положение со снабжением «Великой армии», ставило ее интендантов в безвыходное положение. В создавшихся условиях Наполеону нужна была только скорая и решительная победа. С этой целью он стремился как можно быстрее навязать русской армии генеральное сражение. Сосредоточение 1-й Западной армии в районе Свенцяны как будто бы предоставляло таковой шанс. Но до сражения дело здесь так и не дошло.

20 июня (2 июля) неожиданно для противника Барклай оставил занимаемую позицию и начал отступление к Дриссе. Причина, заставившая его отказаться от сражения под Свенцяна-

ми, заключалась в том, что к этому времени создалась реальная угроза глубокого охвата французами (корпуса Удино и Макдональда) правого фланга 1-й Западной армии. Сражение в таких условиях с главными силами Наполеона было бы, конечно, безумием. 2-я Западная армия Багратиона после неудачной попытки выйти к Минску двигалась в это время через Слуцк к Бобруйску. Следовательно, на ее содействие Барклаю рассчитывать уже не приходилось.

Итак, русская армия продолжала отступление вглубь страны. Но это вовсе не означало, что наступление «Великой армии» походило на триумфальное шествие. На своем пути ей нередко приходилось преодолевать упорное сопротивление российских войск, а иногда терпеть частные неудачи. Первым крупным столкновением французов с русскими был бой у Вилькомира, произошедший 16 (28) июня, в день занятия Наполеоном Вильно. Здесь арьергард 1-го русского пехотного корпуса под командованием генерал-майора Я.П. Кульнева умелыми действиями нанес серьезное поражение передовым частям корпуса Удино. Мужественно отразив несколько яростных атак противника, небольшой русский отряд в течение восьми часов удерживал этот город, пока не получил приказ командира корпуса об отступлении⁷².

В ходе отступления 1-й Западной армии к Дриссе арьергард главной колонны — 2-й кавалерийский корпус генерал-майора Ф.К. Корфа — 24 июня (6 июля) вступил в бой с французской кавалерией под деревней Кочеришки. В течение всего дня русская конница сдерживала наступление превосходящих сил противника на реке Дисна. Кавалерийские атаки, в которых обе стороны рубились с ожесточением, следовали одна за другой. В конце концов, отразив неприятеля, драгуны генерала Корфа с наступлением темноты отошли за реку, уничтожив за собой мост. Стойкое сопротивление арьергарда позволило главным силам армии оторваться от преследовавшего их противника и спокойно продолжить движение к Дрисскому лагерю.

27 июня (9 июля), в годовщину Полтавской битвы, войска 1-й Западной армии сосредоточились в Дрисском лагере⁷³. По этому случаю царем был издан приказ, в частности, говорилось: «...Нынешний день, ознаменованный Пол-

тавской победой, да послужит вам примером! Память победоносных предков наших да возбудит к славнейшим подвигам! Они мощною рукою разили врагов своих; вы, следуя по стезям их, стремитесь к уничтожению неприятельских покушений на веру, честь, Отечество и семейства ваши»⁷⁴. Таким образом, в ходе отступления 1-й Западной армии от Свенцяи к Дрисскому лагерю Наполеону так и не удалось, несмотря на активные действия Удино, охватить Баркляя с севера, отрезать затем ему пути отхода на восток и, навязав сражение в невыгодных условиях, разгромить на западном берегу Двины. Тем не менее Наполеон был доволен общим ходом операции и даже выразил свое неудовольствие маршалу Удино, предпринявшему по собственной инициативе неудачную попытку овладеть крепостью Динабург. Оптимизм Наполеона основывался на том, что обе русские армии отступали по расходящимся направлениям.

Тем временем войска 2-й Западной армии оказались в очень сложном положении. Перед вторжением французских войск их основные силы находились в районе Волковыска, а казачий корпус Платова — у Гродно⁷⁵. Как уже отмечалось, задача этой армии состояла в том, чтобы нанести удар во фланг и тыл главным силам противника, действующего против 1-й Западной армии. Однако эта хорошая идея сразу же оказалась несостоятельной. Дело заключалось в том, что после овладения Вильно сильная группировка маршала Даву без промедления устремилась на Минск, отсекая войска Багратиона от главных сил русской армии. Этот маневр, по замыслу Наполеона, должен был обеспечить ему необходимые условия для последовательного разгрома обеих русских армий. Сразу же с началом боевых действий всякая связь между 1-й и 2-й Западными армиями прервалась. Багратион и его штаб не имели никаких сведений о действиях 1-й армии Баркляя. В создавшихся условиях ни о каких согласованных действиях обеих армий не могло быть и речи. Пять дней провел Багратион в бездействии, продолжая оставаться в районе Волковыска, в ожидании указаний главного командования относительно дальнейших действий. Его предложение о наступлении во взаимодействии с 3-й армией Торماسова и казачьим корпусом Платова на Варшаву осталось без ответа. Только 17 (29) июня в штабе 2-й Западной армии наконец

было получено известие от Баркляя. В нем военный министр сообщал, что его армия оставила Вильно и отступает к Свенцянам, где он предполагает дать сражение⁷⁶. Багратиону от имени царя предписывалось отступить за реку Шара к Вилейке с тем, чтобы надежно прикрыть свои коммуникации, проходящие через Минск и Борисов. По замыслу главного командования, сосредоточение 2-й Западной армии в районе Вилейки, находящейся в 80 км от Свенцяны, обеспечивало оперативную связь между армиями. Платов должен был через Лиду и Сморгонь действовать на Свенцяны, во фланг и тыл главной группировке противника⁷⁷. Получив этот приказ, Багратион сразу же выступил из Волковыска на Слоним⁷⁸. Одновременно в направлении Лиды двинулся и Платов⁷⁹. Сосредоточив все свои войска в районе Слонима, Багратион направился к Новогрудку, чтобы действовать оттуда в соответствии с данными ему указаниями. Во время этого марша к нему прибыл флигель-адъютант царя полковник А.Х. Бенкендорф (будущий шеф жандармов при Николае I) с рескриптом Александра I. Царь сообщал Багратиону, что в связи с изменившейся обстановкой действия 2-й Западной армии и корпуса Платова по первоначальному плану отменяются. Вместо удара во фланг и тыл главной группировке противника им надлежало идти на соединение с 1-й армией⁸⁰. Однако отрешиться полностью от основной идеи плана Фуля Александр I еще не смог. Он продолжал упорно цепляться за нее. Поэтому смысл его приказа сводился к тому, чтобы, отходя на соединение с 1-й армией, Багратион все же имел в виду действовать «в правый фланг неприятеля»⁸¹. Следовательно, требуя от Багратиона установления связи с 1-й Западной армией, главное командование в лице Александра I и его советников, несмотря на резкое ухудшение обстановки, все еще лелеяло надежду на реализацию плана Фуля. Это, в свою очередь, означало, что 2-й Западной армии предстояло теперь совершить трудный и опасный фланговый марш по отношению к главным силам наполеоновской армии, вышедшим в район Вильно.

21 июня (3 июля) 2-я Западная армия прибыла в Новогрудок. Во время этого перехода ее войскам пришлось под непрерывным дождем совершать ежедневные марши по 30–35 км. Движение осуществлялось в основном по проселочным доро-

Военный совет в Дриссе. 1 июля 1812 г. Акварель А. Ансима. 1912 г.

гам в лесисто-болотистой местности, которая и в сухое-то время года была труднопроходимой для войск. В Новогрудке к армии присоединилась прибывшая из Москвы 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского. На следующий день войска армии двумя колоннами выступили к Николаеву, чтобы, переправившись через Неман, идти к Вилейке. Однако в тот момент, когда его войска начали переправу, Багратион получил донесение от Платова о занятии корпусом Даву местечка Вишнева (45 км северо-восточнее Николаева). Таким образом, дорога на север, к 1-й Западной армии, оказалась перехваченной французами. Но это не остановило Багратиона. Он решил ускорить переправу, а затем осуществить прорыв на Вилейку. Но вдруг в ночь на 23 июня (5 июля) войска получили от него приказ остановиться. Причина такого довольно неожиданного для Багратиона решения заключалась в том, что к этому времени он получил новое тревожное донесение, поступившее от арьергарда. Его начальник извещал командующего армией: французские войска, возглавляемые братом Наполеона — Жеромом, перешли в наступление, заняли Слоним, а их передовые части уже настигают войска 2-й Западной армии с тыла. Одно-

временно стало известно, что западнее Николаева показались разьезды итальянского корпуса Евгения Богарне. В такой обстановке нечего было и думать о продолжении движения на север. Нужно было спасать армию, оказавшуюся в критическом положении. А обстановка была действительно угрожающей. 2-я Западная армия, по существу, находилась в западне, готовой вот-вот захлопнуться. Ее войска оказались почти окруженными в районе Николаева, свободным пока что оставался лишь путь на юго-восток, вдоль верхнего течения Немана. Однако марш в этом направлении был сопряжен с огромными трудностями: лесисто-болотистая глухомань была почти непроходима для крупных масс войск с артиллерией и обозами. Но не таков был командующий 2-й армией, чтобы пасовать перед внезапно возникающими препонами. Смертельная опасность лишь удваивала, утраивала его энергию, цементировала волю, обостряла реакцию — это была его привычная стихия, стихия воина «без страха и упрека». Багратион был опытным полководцем, не раз за свою долгую боевую карьеру попадавшим в сложнейшие ситуации и каждый раз с честью выходящим из них. И на этот раз он действовал смело и решительно, с большим воинским мастерством (недаром из всех русских генералов Наполеон особо выделял лишь одного Багратиона, высоко оценивая его военные способности). Его решение было простым и оригинальным: развернув армию на 135 градусов, отходить через Несвиж на Слуцк и далее на Бобруйск. Тем самым Багратион отказывался от предначертанного Александром I плана. Теперь его замысел заключался в том, чтобы идти на соединение с 1-й Западной армией кружным путем, через Бобруйск и Могилев. Данное решение вытекало из объективной оценки обстановки. Если даже 2-й Западной армии в результате сражения с войсками Даву и удалось бы прорваться на соединение с главными силами, то она была бы настолько ослаблена понесенными при этом потерями, что ее присоединение к 1-й армии вряд ли смогло бы принести существенную пользу общему делу. В случае же неудачи прорыва она оказалась бы в гибельном положении — под ударом войск Даву, Жерома и Богарне.

С отступлением 2-й Западной армии от Николаева план Наполеона, нацеленный на ее окружение и уничтожение в этом

районе, рушился. Командующий 2-й русской Западной армией сумел вовремя разгадать замысел врага и своевременно осуществить искусный контрманевр. На рассвете 23 июня (5 июля) переправа 2-й армии через Неман была прекращена, уже переправившиеся на правый берег реки войска возвращены обратно и вскоре начали движение в новом направлении. Узнав о провале своего плана, Наполеон пришел в ярость. Тем не менее царь и Барклай, не зная истинного положения дел и реально сложившейся обстановки, в какой оказалась 2-й Западная армия, были недовольны действиями Багратиона. Они обвиняли его в том, что 2-я армия не приближалась, а удалялась от 1-й Западной армии. Более того, они даже упрекали Багратиона в нерешительности, в боязни сразиться с противником, преградившим ему дорогу. Несуразность этих обвинений была очевидна: они выдвигались против человека, чья легендарная храбрость была широко известна в русской армии еще со времен Очакова, одного из наиболее любимых учеников и ближайших соратников великого Суворова, прославившего свое имя при Треббии, Нови, Сен-Готарде, Шенграбене и Фридланде, бесстрашного воина и мужественного полководца.

Истинная же причина окончательного краха пресловутого плана Фуля заключалась, разумеется, не в нерешительности Багратиона, а в сложности и неясности обстановки начального периода войны, в отсутствии оперативной связи между армиями и в невозможности координировать их действия. В то время когда основные силы русской армии отступали в Дрисский лагерь, войска армии Багратиона в исключительно трудных условиях совершали сложнейший маневр, ведя бои с наседавшим со всех сторон противником.

Следует отметить, что решение Багратиона отступать на Бобруйск было принято им не сразу. Первое время после отступления от Николаева он еще не оставлял надежды пробиться на Минск другой дорогой, проходившей юго-восточнее Николаева, и упредить выход Даву к этому городу. Однако с прибытием 24 июня (6 июля) в местечко Мир, когда обстановка более или менее прояснилась, Багратиону наконец стало доподлинно известно, что противостоящий ему противник обладает подавляющим превосходством в силах⁸². Только после этого он

окончательно отказывается от своего намерения с боем прорываться на Минск и принимает решение идти на Бобруйск, чтобы оттуда искать соединения с 1-й Западной армией через Могилев.

Сознавая всю ответственность за судьбу вверенной ему армии, Багратион послал царю письмо, в котором извещал, что 2-я Западная армия переменяла направление своего движения, намереваясь совершить марш через Несвиж и Слуцк на Бобруйск. Такое решение главнокомандующего 2-й армией — свидетельство его огромного мужества. Он не побоялся в интересах спасения армии послушаться приказа монарха.

26 июня (8 июля) армия Багратиона достигла Несвижа, где остановилась на трое суток для отдыха. Эта дневка являлась крайне необходимой, так как войска были до предела измотаны длительными форсированными маршами по плохим проселочным дорогам, непрерывно продолжавшимися в течение десяти суток. В тот день, когда 2-я Западная армия сосредоточилась в районе Несвижа, Даву занял Минск, а король вестфальский Жером вступил в Новогрудок.

Надо сказать, что действия брата Наполеона с началом войны отличались поразительной пассивностью. Только 18 (30) июня он перешел границу России, переправившись через Неман и заняв Гродно. Но вместо того, чтобы незамедлительно организовать преследование начавшего отступление Багратиона, Жером ограничился высылкой вперед авангарда, а сам с главными силами на четыре дня задержался в Гродно. Только грозный окрик Наполеона вывел короля из бездействия. Оставив пышные пиры польских панов, которые следовали один за другим, он 22 июня (4 июля) выступил из Гродно и через четыре дня достиг Новогрудка. Его авангард, состоявший из трех конных польских полков (бригада генерала Турно), продвинулся далее на юго-восток, к деревне Кареличи (25 км северозападнее Мира). Здесь 26 июня (8 июля) и произошел первый крупный арьергардный бой 2-й Западной армии с преследовавшим ее противником⁸³. Казаки Платова, находившиеся впереди местечка Мир в арьергарде 2-й армии, были атакованы польской кавалерией у Кареличей. Отразив атаку противника, казаки генералы Н.В. Иловыйский и А.А. Карпов, в свою очередь,

Ж. Бонапарт.
Художник С. Лиенард

контратаковали его, опрокинули и гнали более 20 км, до самого Новогрудка. В этом бою особенно отличился казачий полк полковника В.А. Сысоева. Поздно вечером Платов отвел свои полки к Миру. Полагая, что за авангардом противника должны следовать более крупные силы, Багратион приказал Платову продолжать удерживать позицию в районе Мира и любой ценой задержать наступление противника.

В предвидении боя Платов решил использовать старинный казачий прием, так называемый вентерь, представлявший собой способ заманивания противника в засаду. С этой целью он выслал вперед, по дороге к Кареличам, небольшой казачий отряд, а по обеим сторонам дороги устроил засады. Задача передового отряда состояла в том, что при встрече с крупными силами противника он сразу же должен был начать отступление, заманивая его под удар наших главных сил. Замысел казачьего атамана полностью удался. 27 июня (9 июля) три полка польских улан под начальством генерала Турно попали в засаду и после жаркой схватки были разбиты, понеся тяжелые потери. Остатки польской кавалерии спаслись бегством. Казаки преследовали ее более 15 км, захватив до 250 пленных. В ночь на 28 июня (10 июля) корпус Платова был усилен отрядом генерал-майора

*Д.Е. Кутейников.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

И.В. Васильчикова (три полка кавалерии и два полка пехоты)⁸⁴. В свою очередь, противник подтянув силы, на следующий день возобновил наступление. Он занял Мир и двинулся далее по дороге на Несвиж. Платов снова применил тот же прием, который принес ему успех накануне. В засаду был выделен отряд Васильчикова. Пропустив польскую кавалерийскую дивизию генерала А. Рожнецкого (4-го кавалерийского корпуса генерала В. Латур-Мобура) вперед, Васильчиков, когда она достигла деревни Симаково, стремительно ударил ей во фланг. С фронта противника атаковали казаки Платова. Ожесточенный кавалерийский бой с переменным успехом продолжался четыре часа. Поляки сопротивлялись яростно, но в конце концов были смяты и обращены в бегство. В этот момент в их тылу появился возвращавшийся из дальнего поиска летучий казачий отряд генерал-майора Д.Е. Кутейникова. Его удар с ходу довершил полное поражение противника. 4-я легкая кавалерийская дивизия «Великой армии» была почти полностью уничтожена⁸⁵. Ее потери только убитыми составили более 600 человек и, кроме того, несколько сотен пленными. Таким образом, атаман Платов блестяще выполнил поставленную перед ним задачу. Он не только обеспечил надежное прикрытие находившей-

ся в Несвиже 2-й Западной армии, но и нанес под Кареличами и Миром 27–28 июня (9–10 июля) сокрушительное поражение авангарду вестфальского короля. Неудачные действия Жерома Бонапарта вынудили Наполеона подчинить его в оперативном отношении маршалу Даву, который в это время находился в Минске. Местные поляки и их приверженцы устроили французам в этом городе торжественную встречу. Оккупанты вступили в Минск под звон колоколов и гром оркестров, дорогу их усыпали цветы. Тронутый таким восторженным приемом маршал Даву от имени своего императора объявил населению, что «непобедимая армия Наполеона пришла для возвращения полякам отечества»⁸⁶.

В ночь на 29 июня (11 июля) 2-я Западная армия выступила из Несвижа и двумя эшелонами двинулась к Слуцку. Ее главнокомандующий князь П.И. Багратион вместо признательности за искусные действия по спасению армии и одержанные над врагом первые в этой войне победы удостоился от императора Александра I замечания, граничившего с выговором, за то, что не сумел предупредить Даву в выходе к Минску и позволил противнику беспрепятственно овладеть этим городом⁸⁷.

Итак, завершились первые две недели Отечественной войны 1812 года. Вторгшаяся без объявления войны в пределы России наполеоновская армия продвинулась за это время на глубину 180–280 км. Следовательно, темпы ее наступления в эти дни не превышали 12–18 км в сутки. И это в условиях отсутствия какого-либо серьезного противодействия со стороны русских войск, которые отступали вглубь своей территории почти без сопротивления, лишь изредка давая отпор неприятелю, когда к этому вынуждали обстоятельства. Таким образом, замысел Наполеона разгромить русскую армию в приграничном сражении полностью провалился. Правда, в результате умелых и решительных действий маршала Даву ему удалось не допустить соединения 1-й и 2-й русских армий. Но это, пожалуй, и был тот единственный успех, которого Наполеону удалось добиться в начальный период войны. Однако обе русские армии полностью сохранили свою боеспособность и, следовательно, основная борьба предстояла еще впереди. В условиях же все более и более увеличивающейся растяжки коммуникаций и уже

*И.В. Васильчиков.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

начавшихся перебоев в снабжении огромной армии, что прямо отражалось на ее боеспособности, шансы французского полководца на успех в этой борьбе неуклонно снижались. Складывавшаяся обстановка не предвещала для Наполеона ничего утешительного. Кампания, вопреки его расчетам, явно затягивалась. Перед все более мрачнейшим взором французского императора все чаще и все навязчивее начинал вставать грозный призыв «скифской войны»⁸⁸.

1.4. Первые бои и сражения

1-я Западная армия с 27 июня (9 июля) находилась в Дрисском укрепленном лагере. Этот лагерь располагался в изгибе, образуемом рекой Западная Двина между местечком Дрисса и деревней Шатрово. Он занимал территорию 4 км в длину и 3 км в ширину. Невыгоды Дрисского лагеря как в стратегическом, так и в тактическом отношении были очевидны. Находясь в стороне от основных операционных направлений, он не только не обеспечивал их прикрытие, но и обрекал армию на пассивные действия. К тому же укрепленный лагерь был окружен большим лесным массивом, который создавал противнику

идеальные условия для скрытного сосредоточения войск и проведения необходимых перегруппировок.

Расположение ряда редутов на местности было неудачным, в результате чего огневое взаимодействие между ними не могло быть организовано. На левом фланге действия артиллерии ограничивал густой лес. Пространство в прибрежной полосе было слишком узким для маневра войск, а предмостные укрепления слабыми. Спуски к четырем мостам, устроенным на Двине, были настолько круты, что орудия и повозки в случае необходимости пришлось бы спускать на руках. Имелся целый перечень и других существенных недостатков.

Барклай-де-Толли, осмотревший лагерь сразу же по прибытии в Дриссу, отозвался о нем отрицательно. Еще более категорично высказывались его генералы. «Дрисский лагерь мог придумать или сумасшедший, или изменник», — открыто заявляли они. «Русской армии грозит окружение и позорная капитуляция. Дрисский лагерь со своими мнимыми «укреплениями» не продержится и нескольких дней», — утверждалось со всех сторон в окружении царя⁸⁹. Находившийся в небольших чинах при армии Барклая будущий знаменитый военный теоретик К. Клаузевиц, осмотревший этот лагерь как раз перед вступлением туда 1-й русской армии, сделал следующий вывод: «Если бы русские сами добровольно не покинули этой позиции, то они оказались бы атакованными с тыла и безразлично, было бы их 90 или 120 тыс. человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции»⁹⁰. Один из лучших инженерных офицеров русской армии полковник А.Ф. Мишо, осмотрев лагерь, был настолько поражен бездарностью замысла его создателей, что изъявил желание немедленно довести свое мнение до сведения царя⁹¹. Словом, абсолютное большинство русского генералитета решительно было настроено против обороны Дрисского лагеря. Александр I не разделял этого мнения. Это он со всей определенностью высказал тогда в письме Барклаю⁹².

Расположив армию в Дрисском лагере, царь ждал сообщений от Багратиона, который должен был, по его расчетам, нанести удар в тыл Наполеону из района Вилейки. Между тем французы оказались там раньше войск 2-й Западной армии. Тогда Багратион повернул свои войска на Минск, чтобы оттуда идти на

соединение с 1-й армией. К нему срочно был снова направлен полковник Бенкендорф, чтобы поторопить главнокомандующего 2-й армией с началом действий. Но на другой день в Дриссу прибыл адъютант военного министра поручик П.Х. Граббе с сообщением, что Багратион не сможет пробиться на соединение с 1-й армией через Вилейку и идет на Бобруйск. Александр I сначала встревожился, но затем, полагая, что Бенкендорф своевременно доставит приказ во 2-ю армию о нанесении удара во фланг и тыл французам, стал ожидать результатов этих действий. Спустя два дня к Багратиону был направлен флигель-адъютант ротмистр князь С.Г. Волконский с письмом, в котором царь выражал недовольство действиями 2-й армии. Он считал, что отступление армии Багратиона на Бобруйск будет «крайне вредно для общей связи военных дел»,⁹³ и требовал возобновления движения на Минск. Отступление же на Бобруйск допущалось им лишь в крайнем случае.

Вечером 29 июня (11 июля) Волконский прибыл во 2-ю армию, находившуюся уже на марше в Слуцк, и, вручив Багратиону письмо царя, выполнил возложенное на него весьма неприятное поручение. Выбор Александра I, пославшего Волконского с довольно деликатной миссией к Багратиону, был неслучаен. В общении со знаменитым и своенравным потомком грузинских царей нужен был особый дипломатический такт и обходительность, которыми молодой гвардейский офицер владел в совершенстве. Потомок старинного боярского рода, ведущего свое происхождение от Рюрика, блестящий кавалергард, ставший впоследствии видным декабристом и закончивший свою карьеру каторгой, князь С.Г. Волконский, несмотря на свою молодость (ему тогда было всего 23 года), уже зарекомендовал себя боевым офицером. Он с отличием сражался с французами при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, с турками при Батине (1810). За мужество и храбрость, проявленные в боях, успел получить несколько внеочередных повышений в чине, был награжден боевыми орденами и, будучи зачисленным в царскую свиту, пользовался полным доверием Александра I.

Ознакомившись с письмом, Багратион объяснил царскому посланцу, что указания Александра I совершенно не соответствуют обстановке. Поэтому он не стал изменять уже начавше-

С.Г. Волконский.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

еся движение войск. Подробно объяснив, в каком тяжелом положении оказалась его армия, Багратион известил царя о том, что 2-я Западная армия будет продолжать движение к Бобруйску, ибо это и есть тот крайний случай, о котором упоминалось в его письме. В то же время он предложил начать наступательные действия объединенными силами обеих армий, считая, что наступление 2-й армии «без нападения 1-й армии на неприятеля сделалось невозможным, а с удалением оной к Дриссе — и невозможным, и даже бесполезным»⁹⁴.

Тем временем ошибочность плана Фуля стала очевидна и Александру I. Добившись аудиенции у царя, полковник Мишо доложил свои критические замечания по Дрисскому лагерю. Выслушав его, император в сопровождении командования 1-й Западной армии осмотрел лагерь и лично убедился в его непригодности для длительной обороны. После этого авторитет Фуля в глазах царя был окончательно поколеблен. Если раньше они почти не разлучались, то теперь Александр I не только перестал с ним разговаривать, но даже и замечать его⁹⁵.

Был создан военный совет (1 (13) июля), на котором участвовал также в качестве приглашенного и генерал Вольцоген, разделявший взгляды Фуля. Сделавший доклад полковник Мишо

и поддержавший его начальник гвардейской пехотной дивизии генерал-майор А.П. Ермолов подвергли резкой критике идею обороны Дрисского лагеря и высказались за его немедленное оставление⁹⁶. Убедительность их аргументации была такова, что никто им даже не пытался возражать, в том числе и Вольцоген, заявивший, что в данной обстановке лагерь не может выполнить свою миссию. Главнокомандующий 1-й Западной армией Барклай-де-Толли обратил внимание военного совета на то, что Наполеон с главными силами устремился на Глубокое, оставив против Дрисского лагеря лишь авангард Мюрата, расположившийся в Замоше (70 км юго-западнее Дриссы)⁹⁷. Поэтому, считал Барклай, все отчетливее раскрывается замысел Наполеона: разобщить русские армии, разбить их поодиночке и расчистить себе дорогу на Москву. Военный совет единогласно высказался за немедленное оставление Дрисского лагеря и отступление 1-й армии к Витебску, где предполагалось соединение с армией Багратиона.

На следующий день 1-я Западная армия начала переправу через Двину. Оставив 1-й пехотный корпус Витгенштейна в районе Покаевцы (селение на правом берегу Двины напротив Дрисского лагеря) для прикрытия направления на Петербург, армия 4 (16) июля двумя колоннами двинулась к Витебску⁹⁸. На левом берегу Двины для наблюдения за противником остались два кавалерийских корпуса. Кроме того, от 1-го пехотного корпуса за реку был выдвинут передовой отряд под командованием генерал-майора Я.П. Кульнева.

Переправившись через Двину в районе Друи (30 км северо-западнее Дриссы), Кульнев во главе Гродненского гусарского полка 3 (15) июля у селения Оникшты внезапно атаковал французскую кавалерийскую бригаду и опрокинул ее, взяв в плен 200 человек во главе с командиром бригады генералом Сен-Жени⁹⁹. Это был первый французский генерал, взятый в плен русскими войсками в Отечественную войну 1812 года. Узнав о приближении крупных сил противника, Кульнев возвратился с отрядом за Двину.

Французские войска занимали в это время следующее положение. Мюрат с двумя пехотными (Нея и Удино) и двумя кавалерийскими (Нансути и Монбрена) корпусами, а также тре-

мя дивизиями 1-го пехотного корпуса продолжал находиться в районе Замоши, не проявляя никаких попыток активизировать действия. Наполеон после почти трехнедельного пребывания в Вильно, где занимался устройством тыла своей армии, с гвардией, 4-м и 6-м пехотными корпусами выступил в направлении Глубокое. Против 2-й армии Багратиона действовали: в районе Минска — маршал Даву со сводным пехотным и 3-м кавалерийским корпусами; в районе Несвижа — вестфальский король с 5-м и 8-м пехотными и 4-м кавалерийским корпусами. Австрийский корпус князя К. Шварценберга находился на марше из района Слонима на Несвиж. Саксонский корпус генерала Ж. Ренье действовал в районе Слонима против 3-й Западной армии А.П. Тормасова. 10-й пехотный корпус маршала Макдональда медленно наступал в направлении Шавли и Поневежа. Замысел Наполеона теперь заключался в том, чтобы, сосредоточив свои силы между Двиной и Днепром и не допустив соединения 1-й и 2-й русских армий, разгромить их порознь. «Князь Багратион и Барклай-де-Толли не увидятся более друг с другом», — заявил он с усмешкой своим приближенным¹⁰⁰.

6 (18) июля 1-я Западная армия достигла Полоцка. За день до этого Наполеон прибыл в Свенцяны, где получил известие о разгроме русскими под Друей французской кавалерийской бригады. Это его насторожило. Сделав вывод, что русская кавалерия составляет авангард 1-й армии Барклая, которая наконец-то перешла в наступление, французский император остановил дальнейшее продвижение своих войск на Глубокое и приступил к сосредоточению сил в районе Свенцяны, намереваясь дать здесь сражение. Разобравшись на следующий день с обстановкой, он возобновил наступление в прежнем направлении. Узнав в Глубоком об оставлении русскими Дрисского лагеря и их отступлении к Витебску, Наполеон двинулся им наперерез, к Бешенковичам. Туда же получил приказ идти и Мюрат, все еще находившийся в районе Замоши. В его арьергарде шел маршал Удино. Он уничтожил укрепления оставленного русскими Дрисского лагеря и получил приказ остановиться там для действий против корпуса Витгенштейна. С этого времени 2-й пехотный корпус Удино действовал отдельно от главных сил «Великой армии»,

к которым присоединился лишь поздней осенью. Задача его заключалась в том, чтобы очистить от русских правый берег Западной Двины, овладеть Полоцком и надежно обеспечить левый фланг главной группировки «Великой армии», развернувшей наступление на Витебск.

Маршал Даву получил приказ идти наперерез Багратиону и не допустить его соединения с армией Барклая, вестфальский король — преследовать 2-ю русскую армию, генерал Ренне — вторгнуться на Волынь, а маршал Макдональд — овладеть Якобштадтом¹⁰¹.

11 (23) июля 1-я Западная армия прибыла в Витебск. Здесь Барклай-де-Толли, все еще не имея известий от Багратиона, надеялся соединиться со 2-й армией. Войска расположились в районе Витебска. 4-й и 5-й пехотные, 1-й кавалерийский корпуса переправились через Двину и расположились лагерем на реке Лучеса по дороге к Бешенковичам; 2-й пехотный и 2-й кавалерийский корпуса остались на правом берегу Двины у Витебска, а 6-й пехотный и 3-й кавалерийский корпуса — у Старого Села. Штаб армии разместился в селе Белево (3 км восточнее Витебска).

Александр I покинул армию вскоре после оставления ею Дрисского лагеря. К этому времени многие из его окружения уже поняли, что присутствие царя в армии негативно сказывается на управлении войсками, сковывает инициативу командования и порождает целый ряд других отрицательных явлений, оказывающих влияние на руководство боевыми действиями. В связи с этим было решено убедить Александра I покинуть армию. Эту задачу взяли на себя министр полиции генерал А.Д. Балашов, государственный секретарь адмирал А.С. Шишков и председатель департамента военных дел Государственного совета генерал граф А.А. Аракчеев¹⁰². Они составили письмо, в котором обосновали необходимость отъезда царя из армии. Надо сказать, что значительную поддержку этим трем сановникам оказала также сестра Александра I Екатерина Павловна. Будучи умной и проницательной женщиной, она со своей стороны понимала, что ни малейшей пользы от присутствия царя в армии нет, а вред может быть очень большой. В своих письмах брату по этому вопросу великая княгиня справедливо заме-

чала, что императору следует играть роль не только полководца, но и правителя государства. Александр I в ответных письмах даже жаловался, что сестра гонит его из армии¹⁰³.

В ночь на 7 (19) июля Александр I выехал из Полоцка в Смоленск, не назначив единого главнокомандующего всеми армиями. Покидая армию, император оставил ряд инструкций и приказов Барклаю и Багратиону, которые свидетельствуют, что он еще не совсем отказался от скомпрометировавших себя идей Вольцогена и Фуля. В этих целях при оставлении Дрисского лагеря им были отправлены полковники А.И. Чернышев, А.Ф. Мишо и Эйхен с задачей отыскания удобных мест для устройства новых укрепленных лагерей¹⁰⁴.

Перед отъездом из армии 6 (18) июля Александр I подписал воззвание к Москве и манифест «О вооружении всего государства», в которых объявлялось о формировании народного ополчения для отражения вражеского нашествия. Накануне отъезда царь провел секретное совещание с Барклаем-де-Толли, на котором дал ряд указаний о дальнейшем ведении войны. Эти указания в основном сводились к идее уклонения от сражений в целях сохранения армии. Однако это не был какой-то конкретный, целеустремленный план. Его предстояло разработать самому Барклаю. Прощаясь с ним, Александр I еще раз подчеркнул: «Поручаю вам мою армию. Не забывайте, что у меня нет другой, и пусть эта мысль никогда вас не оставляет»¹⁰⁵.

После небольшой остановки в Смоленске Александр I 12 (24) июля прибыл в Москву. Там через три дня после приезда царя состоялись дворянское и купеческое собрания, на которых было принято решение о созыве народного ополчения. Только после этого царь направился в Петербург, отдав ряд распоряжений об ускоренной подготовке резервов и создании дополнительных запасов. В этом плане им были даны личные указания генералам от инфантерии князю Д.И. Лобанову-Ростовскому и М.А. Милорадовичу (Киевский военный губернатор), а также генерал-лейтенанту графу П.А. Толстому (командующий войсками в Поволжье), непосредственно отвечавшим за формирование резервов. Начальнику Тульского оружейного завода генерал-майору Ф.Н. Воронову была поставлена задача довести ежемесячное производство ружей до 13 тыс. единиц¹⁰⁶.

Здесь же, в Москве, Александр I отдал распоряжение о формировании в Нарве 10-тысячного корпуса для прикрытия Петербурга. Командиром вновь формируемого корпуса назначался генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов, так и не успевший отдохнуть после Турецкой кампании. Ему подчинялись все войска, находившиеся в Петербурге и Финляндии, вместе с флотом¹⁰⁷. Основанием для принятия данного решения послужило полученное известие о занятии противником Митава и форсировании им Западной Двины под Юнгфергофом. Небольшая численность Нарвского корпуса объяснялась тем, что для осады Риги Макдональду необходимо было бы задействовать не менее половины всех имеющихся у него сил, после чего наступление его с оставшейся частью корпуса на Петербург представлялось маловероятным. Наступить же всеми силами на Петербург, оставив в своем тылу такую сильную крепость, как Рига, обороняемую многочисленным гарнизоном, французский маршал также не мог. В этом случае он рисковал подвергнуться одновременному удару с фронта и тыла.

Александр I выехал из Москвы в ночь на 19 (31) июля, по пути навестил в Твери любимую сестру Екатерину Павловну и, прибыв 22 июля (3 августа) в Петербург, подписал указ о рекрутском наборе в губерниях, где не созывалось ополчение (по два рекрута со 100 человек). Псковская и Эстляндская губернии по причине военных повинностей от рекрутского набора освобождались, а Волынская и Подольская губернии вместо каждого рекрута выставляли по четыре строевых лошади. При царе учреждалась особая канцелярия, в которой сосредоточивались все военные дела. Во главе ее был поставлен генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев¹⁰⁸.

Отъезд Александра I, вместе с которым армию покинула и огромная свита придворных, развязал руки Барклаюде-Толли, позволил ему целиком сосредоточиться на военных делах. Прежде всего он произвел необходимые перемещения в своем штабе. Начальником штаба 1-й Западной армии еще в Дрисском лагере, сразу же после военного совета 1 (13) июля, был назначен генерал-майор А.П. Ермолов. Теперь же генерал-квартирмейстером армии был назначен полковник К.Ф. Толь, начальником артиллерии армии — генерал-

майор граф А.И. Кутайсов. Затем последовал целый ряд других назначений.

Ближайшей задачей, которую Барклай ставил перед собой, являлось соединение со 2-й армией Багратиона. Между многими поколениями историков много споров вызывал вопрос о так называемом плане Барклая. Одни утверждали, что Барклай-де-Толли якобы еще до начала войны имел план заманивания противника вглубь страны. Другие считали, что такой план у него возник только с началом войны. Третьи доказывали, что отступление 1-й армии происходило только вследствие полной невозможности задержать наступление врага и что при малейших шансах на успех Барклай с готовностью решился бы на генеральное сражение. Четвертые же были уверены, что вплоть до самой Москвы никакого определенного плана действий у русского командования не было, все происходило по обстоятельствам. Но как бы там ни было, историческая заслуга Барклая-де-Толли состоит не в том, что он перед войной или в начале ее говорил о заманивании Наполеона вглубь страны. Многие говорили об этом еще до войны: и шведский наследный принц Бернадот, и даже бездарный Фуль, и другие. Еще Наполеон сказал, что выигрывает битвы не тот, кто предложил план, а тот, кто взял на себя ответственность за его выполнение и выполнил его. Настоящая же заслуга Барклая заключается в том, что в исключительно неблагоприятных условиях начального периода войны, когда отступление русской армии стало делом не свободного выбора, а суровой необходимости, он шел намеченным путем с большой моральной отвагой, не обращая внимания ни на какие препятствия и противодействующие силы.

Михаил Богданович Барклай-де-Толли происходил из древнего шотландского дворянского рода. Его предки еще в XVII в. переселились с берегов туманного Альбиона в Прибалтику. Подобно многим другим представителям прибалтийского дворянства (так называемых остзейских немцев, к которым иногда ошибочно причисляли и Барклая), составлявшего значительную часть российского офицерского корпуса, они в основном предпочитали военное поприще, хотя до высоких чинов в русской армии никто из них не дослужился.

*М.Б. Барклай-де-Толли.
Неизвестный художник.
Первая четверть XIX в.*

Записанный в шестилетнем возрасте в полк, будущий полководец с 15 лет начал действительную военную службу, которой ему суждено было посвятить 42 года своей жизни. В 17 лет (1778) он был произведен в офицеры (корнет). Боевое крещение Барклай-де-Толли получил во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Переведенный в 1788 г. из Финляндского егерского корпуса в Екатеринославскую армию Потемкина, он принимает участие в осаде и штурме Очакова. За проявленную при этом храбрость Михаил Богданович был награжден орденом Владимира 4-й степени и произведен в секунд-майоры. В рядах Изюмского легкоконного полка, входившего в состав отряда полковника М.И. Платова (будущего атамана Войска Донского), Барклай участвовал в бою под Каушанами (1789), а затем во взятии Потемкиным турецких крепостей Аккерман и Бендеры. В 1790 г. он снова переводится в Финляндию, где принимает участие в завершающих боях Русско-шведской войны 1788–1790 гг. Эту войну Барклай закончил в чине премьер-майора. После заключения мира со шведами Михаил Богданович был переведен командиром батальона в Петербургский гренадерский полк, вместе с которым принял участие в Польской кампании 1794 г. В ходе этой войны ему довелось участвовать

в штурме Вильно и в бою под Гродно, за отличие в котором Барклай был награжден орденом Георгия 4-й степени и произведен в подполковники.

Служба в царствование взбалмошного императора Павла I сложилась для Барклая-де-Толли удачно. Немаловажную роль в этом, видимо, сыграл присущий Барклаю педантизм в исполнении служебных обязанностей, строгое и четкое выполнение всех предписанных артикулом нормативов. Гатчинские «реформаторы» эти качества, а также беспрекословное повиновение ценили очень высоко. В 1798 г. Барклай получает чин полковника и назначается шефом 4-го егерского полка. Через год по результатам инспекторской проверки его полк получает отличную оценку, а сам Барклай — чин генерал-майора (1799).

Боевая слава пришла к Барклаю-де-Толли сравнительно поздно, когда ему перевалило уже за 45. Этим рубежом для него стала война с Наполеоном в 1806–1807 гг. За отличие в сражении при Пултуске (1806) Михаил Богданович был удостоен ордена Георгия 3-й степени. Еще большую известность ему принес бой при Гофе (1807). Командуя арьегардом, он в течение многих часов мужественно сдерживал в районе этого немецкого селения натиск многократно превосходящих сил противника. Большую стойкость Барклай проявил и в сражении при Прейсиш-Эйлау (1807), в котором был ранен. За боевые подвиги в войне 1806–1807 гг. он, кроме Георгия 3-й степени, был награжден орденом Владимира 2-й степени, прусским орденом Красного Орла, произведен в чин генерал-лейтенанта и назначен начальником 6-й пехотной дивизии. Во главе этой дивизии Барклай-де-Толли принял участие в Русско-шведской войне 1808–1809 гг. Громкую славу ему принес героический переход во главе небольшого отряда по льду Ботнического залива в Швецию (март 1809 г.). За этот подвиг он был произведен в полные генералы (генерал от инфантерии). Вскоре Барклай был назначен главнокомандующим русскими войсками в Финляндии и победоносно завершил эту войну. После этого он стал генерал-губернатором присоединенной к России Финляндии. Проявленные им на новом посту незаурядные военно-административные способности обратили на него внимание царя Александра I. В январе 1810 г. Барклай-де-Толли назнача-

ется военным министром России, сменив на этом посту небезызвестного графа А.А. Аракчеева. Два с половиной года пребывания его в этой должности совпали с периодом напряженной подготовки России к решительной схватке с Наполеоном. В эту подготовку Михаил Богданович внес весомый вклад. Так, он усовершенствовал организационно-штатную структуру русской армии, в том числе ввел корпусную организацию (на постоянной основе) и армейские объединения (тоже на постоянной основе); сформировал целый ряд новых частей и соединений; завершил реорганизацию артиллерии; организовал более совершенную систему подготовки резервов; ввел новые воинские уставы; добился значительных усовершенствований в боевой подготовке и довольствии войск; увеличил производство вооружений, развернул строительство новых крепостей на западной границе России и реконструкцию устаревших и т.д.

Конечно, за тот небольшой срок, который был ему отпущен историей, многого из задуманного Барклай сделать не успел. И причина заключалась не столько в недостатке времени, сколько в огромных трудностях, обусловленных тяжелым финансово-экономическим положением страны (последствия континентальной блокады, войны, которые Россия почти непрерывно вела на протяжении многих лет, и ряд других обстоятельств). Однако и то, что все же удалось осуществить, сыграло важную роль в деле повышения обороноспособности государства перед лицом вражеской агрессии. В этом состоит большая историческая заслуга Барклая-де-Толли перед Россией.

В 1812 г. Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли шел 51-й год. В армии его знали прежде всего как военного министра, человека деятельного, энергичного, настойчивого, обладающего здравым смыслом и строго спрашивающего за различные упущения по службе. Но это не были мелочные придирки и разносы по пустякам, чем так грешил его предшественник, отличавшийся поверхностными познаниями, если не сказать невежеством, во многих вопросах военного дела, а обоснованные требования специалиста, досконально знающего свое дело. В войсках Барклая ценили за честность и объективность, за справедливость и заботу о солдате, хотя среди определенной части высшего и старшего командного состава у него было

А.А. Аракчеев.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

немало недоброжелателей. У них особое неприятие вызывали пунктуальность и непреклонность военного министра в соблюдении требований военной службы, прежде всего воинской дисциплины, суровое отношение к разного рода лихимствам.

Барклай-де-Толли не отличался блистательными способностями выдающегося полководца, но обладал многими ценными для военачальника качествами. Так, обладая ясным, практичным, аналитическим умом и холодным рассудком, он способен был трезво, без излишних эмоций оценивать обстановку любой сложности, делать из нее соответствующие выводы и принимать необходимое решение. Завидная самостоятельность, редкая предусмотрительность и настойчивость в достижении поставленной цели, граничившая с упрямством, были наиболее характерными чертами Барклая как военачальника. В самые критические моменты он никогда не терял самообладания, всегда сохранял полное спокойствие и удивительное хладнокровие. В бою от его внимания обычно ничего не ускользало, он видел все, просчитывал свои действия на много ходов вперед. Как и большинство русских генералов того времени, Барклай отличался большой храбростью, лично водил войска

в атаки, никогда не кланялся пулям и мужественно исполнял свой воинский долг, пренебрегая опасностью.

Вместе с тем следует иметь в виду, что положение Барклая-Толли на вершине военно-иерархической пирамиды России было довольно сложным. Стремительный взлет его карьеры накануне Отечественной войны 1812 года после долгих лет довольно медленного продвижения по служебной лестнице вызвал далеко не однозначное отношение со стороны большинства бывших сослуживцев, многие из которых являлись в свое время начальниками Барклая или имели старшинство в чине. К тому же на Барклае не сверкали отблески геройской суворовской славы, как на многих сподвижниках великого полководца, чем они заслуженно гордились. Недавние же боевые заслуги Барклая еще не были оценены по достоинству и казались не такими уж яркими по сравнению с подвигами суворовских чудо-богатырей.

Не способствовало укреплению авторитета Барклая-де-Толли и его нерусское происхождение. Недоброжелатели и завистники особенно играли на этом. При ведении войны на территории России, на которую уже сто лет не ступала нога завоевателей, это было весьма существенным фактором, с которым необходимо было серьезно считаться, особенно в случае осложнения обстановки. Поэтому прочность служебного положения Барклая в решающей степени зависела от доверия и поддержки царя...

Согласившись возглавить главную из русских армий в предстоящей Отечественной войне русского народа, сохранив в то же время за собой и пост военного министра, Барклай-де-Толли проявил большое гражданское мужество. Вместе с тем нельзя не отметить, что в этом поступке была и немалая доля самоуверенности, что не совсем согласуется с расчетливым характером Барклая. Дело в том, что до сих пор вся боевая деятельность Барклая-де-Толли не выходила за тактические рамки. Как военачальник он неплохо проявил себя на должностях командира бригады и дивизии, но опыта командования крупными оперативными объединениями у него практически не было. Небольшой опыт на завершающем этапе Русско-шведской войны 1808–1809 гг., когда Барклаю довелось возглавить русские

войска в Финляндии, в этом плане мало чего дал. Скорее всего Барклай в то время смог приобрести лишь первичные навыки командования армией. Поэтому опыт руководства крупными войсковыми объединениями ему предстояло еще накопить, но для этого нужно было время. Тем не менее, несмотря на некоторую робость и неуверенность, допущенные им в первые дни войны, Михаил Богданович довольно быстро вошел в свою роль. Отступление от берегов Немана до Двины было осуществлено им с большим искусством. Он твердо проводил свою линию, не уступая безрассудным требованиям дать Наполеону сражение во что бы то ни стало. В том случае если бы Барклай уступил этим требованиям, разгром русской армии в приграничном сражении со всеми вытекающими отсюда последствиями был бы неминуем. Но он выдержал оказываемое на него колоссальное давление и сохранил армию, хотя и ценой потери значительной части территории. В этом состоит другая крупная историческая заслуга М.Б. Барклая-де-Толли.

Оценивая деятельность Барклая-де-Толли в начале войны 1812 года, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что он не был официальным главнокомандующим всеми русскими армиями. Он был главнокомандующим лишь одной из трех армий. Правда, как военный министр Барклай от имени царя мог отдавать распоряжения двум другим главнокомандующим, которые обладали такими же правами, как и он сам, включая и право самостоятельно обращаться непосредственно к царю. Естественно, в таких условиях положение Барклая-де-Толли было довольно затруднительным, особенно при решении неотложных оперативно-стратегических вопросов.

Наполеон торопил свои войска, требовал от них безостановочного движения вперед, он жаждал сражения, будучи уверенным в победе. 12 (24) июля главные силы французской армии были уже в Бешенковичах (55 км юго-западнее Витебска). Здесь Наполеон впервые увидел, что все жители бежали из города, который оказался совершенно пуст¹⁰⁹. В этот день к нему присоединился Мюрат с корпусами, прибывшими из-под Дриссы. Французский император начал подготовку к генеральному сражению. Именно здесь, под Витебском, пока еще не соединились русские армии, он рассчиты-

*А.И. Остерман-Толстой.
Гравюра Ф. Вендрамини
по рисунку Ф. Ферьера. 1814 г.*

вал разгромить 1-ю Западную армию, а затем обратиться на приближавшуюся армию Багратиона.

Поскольку дорога из Витебска на Оршу была уже перехвачена французской конницей, Барклай решил остановиться в Витебске в ожидании подхода Багратиона. До выяснения обстановки он ограничился высылкой 13 (25) июля 4-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта графа А. И. Остермана-Толстого к Островно (селение в 20 км западнее Витебска) навстречу подходившему противнику¹¹⁰. Остерман-Толстой имел задачу сдерживать наступающего врага на указанном рубеже как можно дольше. Он был усилен тремя кавалерийскими полками (Нежинский и Ингермандландский драгунские и лейб-гусарский). По пути к Островно, в 8 км от Витебска, шедшая в голове корпуса конница встретила передовые разъезды французов, рассеяла их и гнала до самого Островно, где стоял Мюрат с двумя кавалерийскими корпусами. Нежинские драгуны и лейб-гусары, так неосторожно нарвавшиеся на многократно превосходящие силы противника, были встречены сильным артиллерийским огнем, а затем контратакованы французской кавалерией. Под градом ядер и картечи, атакованные неприятелем со всех сторон, оба наших полка были быстро рассеяны французами. Ско-

ротечный кавалерийский бой закончился их полным поражением. Понеся большие потери, драгуны и гусары сумели все же оторваться от противника и отойти на соединение с главными силами. Шесть конных орудий, сопровождавших кавалерию, были захвачены французами. Это были первые трофеи Наполеона в Русской кампании¹¹¹.

Услышав сильную артиллерийскую канонаду, которой Мюрат встретил нашу конницу, граф Остерман приказал пехоте ускорить движение. Не доходя до Островно на пушечный выстрел, он около 10 часов утра развернул свой корпус в боевой порядок по обе стороны дороги Бешенковичи — Витебск, проходившей вдоль левого берега Двины. Фланги корпуса упирались в заболоченный лес. Выдвинутая вперед артиллерия сразу же открыла огонь по подходившему неприятелю. Однако более многочисленная французская артиллерия в ходе непродолжительного артиллерийского боя нанесла ей значительный урон и добилась огневого превосходства. При поддержке артиллерии кавалерия Мюрата атаковала наши 11-ю и 23-ю пехотные дивизии, которыми командовали генерал-майоры Н.Н. Бахметьев и А.Н. Бахметьев. Крайне недовольные и даже раздраженные непрерывным отступлением, продолжавшимся уже целый месяц, солдаты

А.Н. Бахметьев.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

и офицеры 4-го пехотного корпуса с огромным воодушевлением восприняли возможность наконец-то сразиться с врагом. Их энтузиазм превзошел все ожидания. Неоднократные атаки двух кавалерийских дивизий Нансути (1-я легкая кавалерийская дивизия генерала Брюйера и 1-я кирасирская дивизия генерала Сен-Жермена) были отражены. Несмотря на удар сокрушающей силы, полки 11-й и 23-й пехотных дивизий проявили величайшую стойкость и выдающееся мужество, не дрогнув и не отступив ни на шаг перед бешено несущейся в атаку лавиной французских кирасир, гусар и конных егерей. Получив мощный отпор, противник столь же стремительно, как и атаковал, откатился назад, оставив за собой заросшее кустарником поле, усеянное трупами людей и лошадей. После этого по всей линии фронта началась сильная артиллерийская канонада.

Следовавший за Мюратом вице-король, подойдя к Островно, сразу же ввел в бой свою головную 13-ю пехотную дивизию генерала А. Дельзона. Однако прибытие на поле боя французской пехоты не внесло перелома в его ход. Ее попытки обойти позицию русских с флангов успехом не увенчались, а с фронта все атаки противника отражались массивным ружейно-артиллерийским огнем. Несмотря на все усилия, Мюрат и Богарне в течение дня так и не смогли добиться сколько-нибудь существенного результата. Остерман-Толстой стойко продержался до наступления темноты, не отступив ни на шаг с занимаемой позиции. К вечеру его корпус был усилен 1-м кавалерийским корпусом генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова и 3-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта П.П. Коновницына. Им было приказано ночью сменить войска 4-го пехотного корпуса и с утра следующего дня продолжать выполнение поставленной перед ними задачи. 3-я пехотная дивизия заняла позицию у деревни Какувачино (в 8 км от Островно), куда ночью отвел свой корпус Остерман-Толстой. За ночь подкрепления подошли и к противнику. С утра 14 (26) июля бой разгорелся с новой силой. Конница Нансути и пехота Дельзона атаковали дивизию Коновницына, правый фланг которой прикрывался Двиной, а левый — примыкал к густому заболоченному лесу. Центр боевого порядка дивизии, седлавший дорогу, был прикрыт глубоким оврагом. Русские и французы дрались с упорством и оже-

Наполеон диктует своему секретарю. Художник Ш. Штейбен. 1840-е гг.

сточением. Все атаки противника на левом фланге были отбиты солдатами Коновницына. На правом фланге, отбив две атаки врага, Коновницын сам контратаковал его. Но контратака закончилась неудачно, так как в этот момент на поле боя прибыл сам Наполеон с подкреплениями. Об этом Коновницын вскоре узнал от пленных. Натиск неприятеля усиливался. «Что прикажете делать?» — спросил начальника дивизии один из генералов, указывая на изготовившихся к новой атаке французов. «Не пускать неприятеля!» — был ответ. Наполеон наконец решил сломить упорное сопротивление русского арьергарда и проложить себе дорогу на Витебск, где рассчитывал дать генеральное сражение. Он приказал начать общую атаку по всему фронту. Бой достиг кульминационной точки. Храбрость войск и личное бесстрашие Коновницына не смогли остановить наступавшего противника. Гремевшее отовсюду «Да здравствует император!» свидетельствовало о том, что французы ломали напролом и уже на некоторых участках смяли оборону 3-й пехотной дивизии. Им даже удалось овладеть одной русской ба-

тареей. Но стремительная штыковая атака Черниговского пехотного полка, возглавляемого полковником И.М. Ушаковым, позволила вернуть эти орудия обратно. Видя, что ввиду подавляющего превосходства врага в силах позиции не удержать, Коновницын около 17 часов приказал начать отступление. По дороге он встретил спешащие на помощь 1-й кавалерийский корпус Уварова и 1-ю гренадерскую дивизию, ведомую лично командиром 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенантом Н.А. Тучковым 1-м. Как старший по должности, генерал Тучков принял командование арьергардом, который к исходу дня отступил к Витебску. Отдельные подразделения 3-й пехотной дивизии, не успевшие своевременно отойти вместе с главными силами, продолжали сражаться в лесу до наступления темноты. Отбросив после упорного и напряженного боя Коновницына от Какувачино, Наполеон не приобрел ничего, кроме заваленного трупами поля боя. Никаких трофеев французам захватить не удалось. В двухдневном бою под Островно силы противника действительно были слишком велики, и сдерживать длительное время их натиск не было никакой возможности. Однако главная задача — задержать врага, замедлить его наступление — была выполнена. Арьергард 1-й Западной армии отошел за реку Лучеса, надежно прикрыв Витебск¹¹².

Наполеон, остановившийся ночевать близ Какувачино, был в раздумье... Прошел уже месяц со времени вторжения в Россию, а ему еще ни разу так и не удалось помериться силами с русской армией. Развернувшаяся на огромном пространстве вооруженная борьба принимала какой-то странный характер, все более напоминая бой с тенью. Несмотря на все предпринимаемые усилия, противник раз за разом с завидным постоянством ускользал от него. Той быстрой и блистательной победы над русскими, о которой так много и так уверенно любил говорить французский император, никак не получалось. И вот теперь здесь, под Витебском, складывавшаяся обстановка вроде бы предвещала долгожданное сражение — предмет его страстных желаний. Это вселяло в Наполеона надежду решить судьбу войны по своему обыкновению одним сокрушительным ударом. Значительное превосходство над противником в силах придавало ему уверенность в успехе. Привыкший к победам на полях сра-

жений, за которыми, как правило, следовал мир, продиктованный на его условиях, император не видел иного исхода нынешней кампании. Армия разделяла стремления своего полководца. Она тоже желала сражения, будучи уверенной в успехе. Наполеоновское воинство считало, что только решительная победа в битве принесет ему желанный мир и окончание войны.

Под Витебском Барклай-де-Толли также долго и мучительно раздумывал над вопросом, идти или не идти на сражение с Наполеоном. Мотивов для принятия того или иного решения было более чем достаточно. В пользу сражения выступал, например, целый ряд благоприятных факторов, как-то: двигаясь главными силами по одной дороге, французская армия слишком растянулась и не смогла бы в случае сражения быстро сосредоточить свои силы под Витебском; только что проведенный арьергардный бой под Островно показал высокую боеспособность русских войск и их неукротимое стремление как можно скорее сразиться с врагом; Барклай рассчитывал на скорый подход из Орши армии Багратиона. В числе негативных факторов нельзя было не учитывать численное превосходство противника и его пока что достаточно высокую боеспособность, возможность отсечения им путей отхода Багратиона через Оршу на соединение с 1-й Западной армией, отсутствие достаточных резервов для быстрого восполнения понесенных потерь в случае неудачного исхода сражения и ряд других.

Но суровая действительность внесла серьезные коррективы в расчеты Барклая. В тот момент, когда диспозиция на наступление была уже готова и ее собирались разослать командирам корпусов, в штаб 1-й Западной армии прибыл адъютант Багратиона поручик князь А.С. Меншиков с донесением о занятии Могилева войсками маршала Даву, о неудачной попытке 2-й армии пробиться на север и о решении Багратиона отступить к Смоленску. Главнокомандующий 1-й Западной армией сразу же собрал военный совет¹¹³. Начальник штаба армии генерал А.П. Ермолов, коротко обрисовав сложившуюся обстановку, высказался за отступление. Его доводы сводились к следующему: Наполеон под Витебском располагает вдвое большими силами и стремится не допустить соединения 1-й и 2-й русских армий. Кроме того, имея большое превосходство в силах,

Нападение казаков на французский обоз с награбленным. Художник Б. Зворыкин. 1911 г.

он может попытаться отрезать 1-й Западной армии пути отступления на восток. Против доводов Ермолова никто не возразил. Согласился с ним и главнокомандующий армией.

С рассветом 15 (27) июля, когда французы перешли в наступление на Витебск, 1-я армия Барклая снялась с занимаемых позиций и двинулась к Смоленску. Ее отход прикрывал сильный арьергард, которым командовал командир 3-го кавалерийского корпуса генерал-майор граф П.П. Пален. Отходя от Витебска, Барклай направил Багратиону сообщение о выступлении войск 1-й армии к Смоленску.

Уверенность Наполеона, что сражение под Витебском состоится, была настолько велика, что он позволил себе в ожидании подхода отставших дивизий отложить на день переход в наступление. Это явилось грубой ошибкой императора — догнать упущенное время ему уже не удалось, оно было безвозвратно потеряно. Русская армия снова ушла, не приняв сражения.

Наступавшая на Витебск французская армия сразу же встретила упорное сопротивление русских. Боевые столкновения

начались уже на рассвете. Арьергард Палена, сдерживая натиск противника, медленно отходил к городу. В одной из лихих контратак лейб-казаки стремительно ворвались на вражескую батарею, недалеко от которой находился Наполеон. Этот дерзкий налет произвел замешательство в рядах французов. Их продвижение на некоторое время остановилось. Потом противник снова двинулся вперед. Искусными действиями генерал Пален сорвал замысел Наполеона одним коротким броском прорваться к Витебску. Лишь к вечеру неприятелю удалось выйти к реке Лучеса. Здесь Наполеон остановил свои войска и приступил к построению боевого порядка для намечавшегося на следующий день сражения. Приготовления к предстоящему сражению продолжались всю ночь. Французы были настолько увлечены подготовительными мероприятиями, что даже не заметили, как ночью русский арьергард снялся с занимаемой позиции и ушел вслед за армией. И когда на рассвете 16 (28) июля Наполеону доложили об отступлении русской армии, то он долго не мог в это поверить, пока не убедился в достоверности полученного известия. Ярости французского императора не было предела, тем более что, проморгав отход русской армии, он не имел даже понятия, куда она направилась: на Москву или на Петербург. По его приказу на Смоленскую и Петербургскую дороги немедленно были высланы сильные авангарды. Утром того же дня французская армия вступила в Витебск. И здесь Наполеону вновь пришлось испытать разочарование — город был пуст, население его покинуло. Только к вечеру было установлено, что русская армия отступает к Смоленску.

Потери 1-й Западной армии в арьергардных боях под Островно, Какувачино и Витебском составили около 3,8 тыс. человек, в том числе более 800 человек убитыми¹¹⁴. В числе последних был и командир бригады генерал-майор М. Окулов. В бою под Какувачино получил ранение в ногу, но остался в строю начальник артиллерии 1-й армии генерал А.И. Кутайсов. В донесении царю главнокомандующий 1-й армией дал высокую оценку боевым действиям своих войск под Витебском. По его представлению командир 3-го кавалерийского корпуса П.П. Пален был произведен в генерал-лейтенанты, а командир наиболее отличившегося из полков этого корпуса — Сибирского драгун-

ского полковник К. А. Крейц — в генерал-майоры. Все проявившие особую храбрость и мужество в этих боях солдаты, офицеры и генералы 3-го и 4-го пехотных и 3-го кавалерийского корпусов были отмечены боевыми наградами.

1.5. Суровые испытания

Обстановка в армии Багратиона в эти июльские дни была значительно сложнее, чем в полосе действий 1-й Западной армии. 1 (13) июля его армия прибыла в Слуцк, где было получено известие о появлении вражеских разъездов уже на реке Березина, в 40 км от Бобруйска. То были передовые подразделения 2-й легкой кавалерийской дивизии генерала К. Пажоля, которую маршал Даву выслал из Минска к Бобруйску. Сам же он с главными силами своего Сводного корпуса двигался на Могилев. Одновременно другая группа войск Даву под командованием генерала Э. Груши (командир 3-го кавалерийского корпуса) наступала в направлении Борисова, имея задачу преградить путь 2-й Западной армии в случае, если бы ей удалось избежать столкновения с главными силами Даву и двинуться вдоль Березины или Днепра в северном направлении на соединение с 1-й Западной армией. Таким образом, сильная группировка французских войск, возглавляемая одним из лучших военачальников наполеоновской армии маршалом Л. Даву, продвигалась параллельно движению 2-й Западной армии, но несколько севернее и при этом значительно опережая ее. С тыла армию Багратиона продолжали преследовать войска Жерома Бонапарта. Выйдя к Несвижу, они свернули влево и стали обходить 2-ю русскую армию с севера. 8-й пехотный (вестфальский) корпус двинулся через Минск на Борисов, а 5-й пехотный (польский) и 4-й кавалерийский корпуса — через Игумен к Могилеву.

Оценив сложившуюся обстановку, Багратион пришел к выводу: основные усилия противника направлены теперь на то, чтобы ни в коем случае не допустить его соединения с 1-й Западной армией.

2-я Западная армия совершала марш из Слуцка на Бобруйск. В авангарде шел 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского, усиленный несколькими конными полками.

Перед ним стояла задача — в случае, если французам удастся перерезать пути отхода армии к Бобруйску, проложить дорогу вперед любой ценой, невзирая на численность неприятеля и крепость его позиции. В одном переходе за авангардом следовал сам Багратион с 8-м пехотным корпусом и 2-й кирасирской дивизией. Марш армии прикрывал арьергард под командованием М.И. Платова. 120-километровый переход 2-й Западной армии от Слуцка к Бобруйску был совершен в очень сложных условиях: тяжелая песчаная дорога и лесисто-болотистая местность, летний зной и лесные пожары, редкие и малонаселенные деревни, где зачастую не было даже достаточного количества питьевой воды. Но войска стойко преодолели все эти тяготы, в очередной раз сорвав замысел врага.

Едва только Багратион выступил из Слуцка, как получил донесение от Платова. Начальник арьергарда сообщал, что крупные силы противника быстро приближаются к Романову (село в 25 км западнее Слуцка). Главнокомандующий армией приказал арьергарду задержать врага до тех пор, пока отправленные из Слуцка в Мозырь обозы, раненые, больные и пленные не отойдут на безопасное расстояние. Сам же он с главными силами задержался под Слуцком, имея в виду в случае необходимости оказать поддержку арьергарду.

2 (14) июля, не доходя 8 км до Романова, французская пехота остановилась, а кавалерия (семь полков) продолжала движение вперед и с ходу атаковала наш арьергард. Казаки отразили атаку противника, а затем сами контратаковали его и, опрокинув, преследовали до того места, где находилась пехота. Дальнейшее продвижение казачьей конницы было задержано огнем вражеской артиллерии. Приведя себя в порядок под прикрытием пехоты и артиллерии, французская кавалерия снова пошла в атаку, но опять потерпела неудачу. В упорном кавалерийском бою у Романова противник потерпел поражение. Особенно пострадал здесь 1-й конно-егерский полк французов. Все поле боя было усеяно вражескими трупами. Казаки взяли в плен 16 офицеров и до 300 солдат¹¹⁵.

После неудачи под Романовым активность преследующего Багратиона противника резко снизилась. Жером Бонапарт стал действовать очень осторожно, а вскоре преследование им

Атака донских казаков М.И. Платова около г. Несвижа 27 июня 1812 г.

Хромолитография Н. Богатова. 1912 г.

2-й Западной армии в связи с получением новой задачи (идти на соединение с Даву) вообще прекратилось. В эти дни у вестфальского короля произошла ссора с маршалом Даву. Получив от Наполеона приказ взять под свое непосредственное командование войска короля, Даву в целях более тесного согласования действий находившихся теперь в его распоряжении двух группировок войск начал отдавать соответствующие распоряжения Жерому Бонапарту. Последний, обидевшись, отказался повиноваться маршалу. Наполеон, узнав об этом, отстранил своего брата от командования армией, а входившие в ее состав корпуса подчинил Даву. Вестфальский король покинул армию и уехал в свою столицу Кассель. Перед этим из-за разногласий с Жеромом покинул армию и командир 8-го пехотного (вестфальского) корпуса генерал Д. Вандам. Вместо него назначен был генерал А. Жюно¹¹⁶.

Свое кратковременное пребывание в России Вандам оменовал такими же насилиями и бесчинствами, которые «прославили» его имя и в других странах, где ему приходилось вое-

вать — сначала в рядах революционной армии, а затем под знаменами Наполеона. Храбрый и талантливый генерал, опытный военачальник, герой Аустерлица, он вместе с тем отличался крайней бесцеремонностью по отношению к чужому имуществу на захваченных территориях, плохо прикрытым стремлением к личному обогащению, суровостью и необузданностью нрава. Возглавляемые им войска превосходили во французской армии, пожалуй, все другие по части погромов и грабежей. Сам Вандам не только не пресекал эти бесчинства, но даже нередко и поощрял их. Все это снискало ему скандальную известность. Недаром во французской армии за ним прочно утвердилось прозвище «дикий гунн».

Мечтавший о польском престоле Жером Бонапарт также за время похода успел посрамить свой королевский сан. Заискивая перед поляками, дабы обеспечить себе популярность, он в то же время не принимал никаких мер по пресечению бесчинств, творимых его войсками на оккупированной территории. Более того, личное поведение вестфальского короля вызвало много нареканий. За непродолжительное время командования армией он сумел «отличиться» лишь активным участием в пьяном разгуле и организацией диких оргий, которые не прекращались в его главной квартире с самого начала похода.

6 (18) июля 2-я Западная армия сосредоточилась в Бобруйске. Строительство крепости было уже почти завершено, и она представляла собой довольно грозную боевую силу, способную на некоторое время преградить путь врагу. В Бобруйске удалось накопить значительные запасы продовольствия и других материальных средств. Большая заслуга в подготовке крепости к обороне принадлежала генерал-майору Г.А. Игнатьеву. В течение двух лет возглавляемая им резервная дивизия находилась на инженерных работах по строительству Бобруйской крепости. С началом войны Игнатьев, не имея никаких распоряжений от военного министра, по собственной инициативе вступил в командование крепостью и энергично взялся за приведение ее в боевую готовность. Прибывший в Бобруйск Багратион своей властью утвердил его комендантом крепости¹¹⁷.

2-я Западная армия провела в Бобруйске три дня¹¹⁸. Здесь она пополнила запасы продовольствия, оставила больных

и раненых (600 человек) и взяла из резервной дивизии Игнатьева шесть батальонов, включенных в состав 7-го пехотного корпуса¹¹⁹. 7 (19) июля в Бобруйск прибыл флигель-адъютант князь С.Г. Волконский, вручивший Багратиону указания царя о дальнейших действиях. Согласно этим указаниям, 2-я Западная армия должна была переправиться через Березину как можно быстрее и следовать через Могилев и Оршу в Витебск, где намечалось ее соединение с 1-й армией. Решающую роль в выполнении поставленной задачи сыграла Бобруйская крепость. Используя имевшиеся здесь переправы, Багратион сумел быстро, организованно и без каких-либо помех со стороны противника перебросить свою армию на восточный берег Березины и приступить к исполнению полученного приказа. В Бобруйске был оставлен 4-тысячный гарнизон под командованием генерала Игнатьева.

Возникает вопрос: а что же было бы в том случае, если бы своевременно не удалось укрепить Бобруйск и противник смог бы легко овладеть им, как и многими другими городами Белоруссии? В данной обстановке 2-я Западная армия вновь могла бы оказаться в критическом положении. Дело в том, что все переправы через Березину выше Бобруйска были уже захвачены французами. Наведение же новой переправы на болотистых берегах Березины было сопряжено с огромными трудностями и большой потерей во времени. Положение осложнялось еще и тем, что 2-я Западная армия не имела понтонов, а удерживавший в своих руках мосты противник мог свободно перейти на восточный берег реки и оттуда воспрепятствовать переправе наших войск. В создавшейся обстановке Багратион был бы вынужден произвести более глубокий обход в южном направлении и переправиться через Днепр где-нибудь в районе Речицы или Лоева. При таком развитии событий его соединение с 1-й армией в лучшем случае могло бы произойти не раньше конца августа где-то под Москвой. Второй возможный вариант действий Багратиона в создавшейся обстановке мог вообще бы привести к отказу от соединения с 1-й армией и отходу через Полесье на соединение с 3-й Западной армией Торماسова. В этом случае всю тяжесть борьбы с Наполеоном пришлось бы взять на себя 1-й Западной армии Барклая-де-Толли.

Дело казаков Платова под Миром. Художник В. Мазуровский. 1912 г.

Исход ее вряд ли нуждается в каких-либо комментариях. Таким образом, подводя итог данному вопросу, следует отметить, что ни одна из русских крепостей в Отечественную войну 1812 года не сыграла такой важной роли и не оказала такого влияния на дальнейший ход боевых действий, как Бобруйск. В этой связи нельзя не отметить, что весомый вклад в решение сложных оперативно-стратегических задач, вставших перед 2-й Западной армией в те дни, внес и скромный комендант Бобруйской крепости генерал Г.А. Игнатьев. Доблестным исполнением своего воинского долга он оказал неоценимую услугу Отечеству.

К выполнению полученного приказа Багратион приступил немедленно. В тот же день, 7 (19) июля, из Бобруйска к Старому Быхову (16 км севернее Нового Быхова) выступил усиленный конницей 7-й пехотный корпус Н.Н. Раевского. В его авангарде шел полковник В.А. Сысоев с 1000 казаками. В голове главных сил следовала кавалерия генерал-майора графа К.К. Сиверса (4-й кавалерийский корпус), за нею — пехота. Раевскому было приказано спешить, так как накануне в Бобруйске было получено письмо от Могилевского губернатора графа Толстого, в котором сообщалось о приближении неприятеля к Могилеву. 8 (20) июля Бобруйск покинули 8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта М.М. Бороздина и часть кавале-

рии 4-го корпуса Сиверса. Но к этому времени обстановка резко ухудшилась. 8 (20) июля после короткого, но упорного боя с местным гарнизонным батальоном французы овладели Могилевом. Здесь им удалось захватить богатые трофеи: продовольственные склады, рогатый скот, значительное количество лошадей и т.п. Быстрый выход неприятеля к Могилеву и неожиданный захват им этого города явились тяжелым ударом для русского командования. Дорога через Могилев и Оршу на Витебск, куда подходили войска 1-й Западной армии, для армии Багратиона оказалась закрытой.

9 (21) июля войска генерала Раевского были уже у Старого Быхова. На пути к Могилеву, в 6 км от города, их авангард столкнулся с конно-егерским полком французов. Применяв свой излюбленный способ ведения боя — засаду, казаки наголову разгромили противника. Около 500 французских кавалеристов было убито и ранено, более 200 — взято в плен, остальные спаслись бегством. Эта неудача серьезно встревожила маршала Даву. Он решил защищать Могилев и с этой целью выдвинул к деревне Салтановке, где имелась выгодная позиция, все имеющиеся под рукой силы — 28 батальонов пехоты и 48 эскадронов конницы (всего 26 тыс. человек)¹²⁰. Кроме того, Даву с часу на час ожидал подхода корпуса Понятовского и кавалерийской дивизии Пажоля.

Позиция французов, обращенная фронтом на юг, прикрывалась глубоким ручьем, впадавшим в Днепр в 1 км восточнее Салтановки. Левый фланг ее примыкал к Днепру, а правый упирался в небольшое селение Фатова. Общая протяженность позиции противника составляла немногим более 3 км. Она седлала дорогу, ведущую вдоль правого возвышенного берега Днепра из Нового Быхова в Могилев. Перед центром этой позиции, за ручьем, находилась деревня Салтановка, через которую проходил большак.

Багратион, в свою очередь, решил огнем и штыками проложить себе путь через Могилев к Орше. Генерал Раевский, достигший к вечеру 10 (22) июля деревни Дашковка (6 км южнее Салтановки) получил приказ с утра атаковать противника.

В 8 часов утра 11 (23) июля во главе бригады егерей Раевский выступил вперед. Еще одна пехотная бригада следовала за

ним. Остальные войска получили приказ перейти в наступление по первому же сигналу. В 1,5 км от Дашковки были встречены французские стрелки. Под натиском русской пехоты они начали отход к Салтановке. Поскольку силы противника постепенно возрастали, под Салтановкой вся бригада практически уже была введена в бой. Французы отступили на позицию. Преследуя их, егеря Раевского ворвались в деревню, под градом пуль и картечи преодолели плотину и атаковали вражеские укрепления, находившиеся на высоком левом берегу ручья. Однако сломить сопротивление превосходящих сил противника им не удалось, и они были вынуждены отойти назад. Едва только закончился бой авангарда, как Раевский получил записку Багратиона, в которой главнокомандующий армией, не имея точных данных о силах противника, писал: «Я извещен, что перед вами не более 6000 неприятелей. Атакуйте с Богом и старайтесь по пятам их ворваться в Могилев»¹²¹.

Николай Николаевич Раевский, принадлежавший к старинному дворянскому роду, был одним из наиболее выдающихся генералов русской армии периода Отечественной войны 1812 года. Недаром В.А. Жуковский в своем знаменитом произведении «Певец во стане русских воинов» назвал его «славой наших дней».

Военную службу Раевский начал в ранней юности (с 15 лет) и отдал ей большую часть своей жизни. Его боевое поприще началось в Русско-турецкую войну 1787–1791 гг., когда за проявленную при штурме турецкой крепости Бендеры храбрость он был в 16-летнем возрасте произведен в офицеры. Сражаясь под командованием фельдмаршала Г.А. Потемкина с турками на Дунае, а затем в рядах суворовских войск в Польше, Николай Раевский отличился во многих боях и сражениях, проявил себя не только храбрым офицером, каковых всегда было достаточно в русской армии, но и способным, не лишенным военного таланта командиром. Поэтому продвижение его по службе проходило довольно быстро: в 24 года он был уже полковником, а в 30 лет — генералом. Правда, справедливости ради следует отметить, что на первых порах не обходилось и без высокого покровительства (Н.Н. Раевский по матери приходился внучатым племянником князю Г.А. Потемкину-Таврическому). Но даль-

Н.Н. Раевский.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

нейшей военной карьере, своему становлению как видного военачальника Раевский был обязан исключительно своим далеко не заурядным личным качествам. Во время войны с Наполеоном в 1806–1807 гг. генерал-майор Раевский был бессменным начальником пехоты в авангарде Багратиона и, несмотря на неудачный исход этой кампании, вместе со своим начальником стяжал громкую боевую славу, приумноженную затем в лесах Финляндии и придунайских степях. Золотую шпагу с надписью «За храбрость» Раевский получил еще в Польше в 1792 г., а в 1810 г. на Дунае был награжден золотой саблей, украшенной бриллиантами и надписью «За храбрость».

Когда началась Отечественная война 1812 года, Н.Н. Раевскому было 40 лет, он имел чин генерал-лейтенанта и командовал пехотным корпусом во 2-й Западной армии П.И. Багратиона. За его плечами был огромный боевой опыт, приобретенный в 7 войнах и более чем в 40 боях и сражениях, в которых ему довелось участвовать. За минувшую четверть века военной службы под российскими знаменами Раевский дважды сражался в войнах с французами, столько же раз с турками, а также с поляками, персами и шведами. Активный участник славных екатерининских войн, получивший за свои подвиги еще в Польской

кампании 1792 г. высшую для офицера боевую награду — орден Георгия 4-й степени, Н.Н. Раевский был любимцем солдат. Постоянная забота о подчиненных, отеческое к ним отношение, доступность и справедливость снискали ему их огромное уважение и безграничное доверие. Войска его боготворили, несмотря на высокую требовательность и довольно крутой нрав. Солдаты и офицеры ценили в нем прежде всего простоту и человечность в общении, внимание к их нуждам, непоколебимую верность воинскому долгу, умение в решающую минуту вдохновить войска на подвиг, редкую самоотверженность на поле боя и твердость в достижении поставленной цели. Несмотря на слабое здоровье, Раевский стойчески разделял со своими солдатами все тяготы и лишения походно-боевой жизни, не делая для себя никаких исключений. Такое поведение еще более повышало его авторитет в войсках.

Из наиболее характерных черт Н.Н. Раевского как военачальника прежде всего следует отметить такие, как храбрость в наступлении и стойкость в обороне, завидное хладнокровие и непреклонное мужество в критических ситуациях, дерзкая решительность, сочетавшаяся с верным тактическим расчетом и мудрой осмотрительностью в боевой обстановке, неукротимая жажда победы.

Но современники знали Раевского и с другой стороны. Порою он бывал резок, бескомпромиссен, зло-насмешлив и желчен. Все это, безусловно, отражалось на его взаимоотношениях с начальством и сослуживцами. Так, в 1797 г., в эпоху павловских военных «реформ», когда в русской армии начали усиленно насаждаться прусско-гатчинские порядки, а все, что было связано с именами Румянцева, Потемкина и Суворова, освящено славой победоносных екатерининских войн, беспощадно искоренялось и изгонялось, 26-летний полковник Раевский в довольно резкой форме осмелился высказать свое несогласие с нововведениями и тут же был уволен в отставку. Только через четыре года, уже после свержения Павла I, ему удалось вернуться в армию. В 1811 г. главнокомандующий Дунайской армией М.И. Кутузов отстранил Раевского от командования и выслал из армии. Правда, на сей раз все обошлось более благополучно — Раев-

ский вскоре получил новое назначение. В 1812 г. один генерал, не отличавшийся особой доблестью, овладел несколькими брошенными неприятелем пушками и выпросил себе за это награду. Встретившись случайно с Раевским, он, дабы предупредить возможные насмешки, бросился к нему с распростертыми объятиями. Раевский от неожиданности отступил на шаг и, заслонившись рукой от приблизившегося к нему генерала, с сардонической усмешкой произнес: «Кажется, ваше превосходительство, принимаете меня за пушку без прикрытия»¹²². Фурор, конечно, получился бесподобный. Карьерист, о нечистоплотности которого все знали, шептались по углам, но никто не решался высказаться открыто, был публично посрамлен и, конечно же, сделался злейшим врагом Раевского.

Вряд ли можно считать случайным, что независимый, критический взгляд Н.Н. Раевского на положение дел в послевоенной России не оказал соответствующего влияния на близких к нему людей. Его зятя генералы князь С.Г. Волконский и М.Ф. Орлов, сыновья полковники Александр и Николай, сводный брат по матери отставной полковник В.Л. Давыдов (двоюродный брат знаменитого поэта-партизана Дениса Давыдова) оказались в рядах декабристов или им сочувствовавших. И еще один штрих, дополняющий характеристику Н.Н. Раевского, — женой его была внучка Ломоносова.

В бою под Салтановкой в распоряжении командира 7-го пехотного корпуса находилось 10 полков пехоты, 20 эскадронов конницы, 3 казачьих полка и 72 орудия — всего 15 тыс. человек¹²³. Следовательно, маршал Даву имел почти двойное превосходство в силах. Тем не менее, получив повторный приказ Багратиона, Раевский решил атаковать противника. Согласно его замыслу, 26-я пехотная дивизия генерал-майора И.Ф. Паскевича (будущий генерал-фельдмаршал), усиленная тремя казачьими и Ахтырским гусарским полками, должна была совершить обход правого фланга французов. Чтобы осуществить этот маневр, Паскевичу необходимо было преодолеть густой лесной массив, находившийся западнее Салтановки. После его завершения и начала атаки во фланг противнику 12-я пехотная дивизия генерал-майора П.М. Колюбакина должна была нанести удар с фронта.

И. Ф. Паскевич.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

С целью обеспечения движения главных сил дивизии через лес Паскевич выслал вперед два пехотных батальона (по одному от Орловского и Нижегородского пехотных полков) под командованием полковника Ладыженского. При выходе из леса они столкнулись с французским отрядом, направленным Даву в обход левого фланга русских. Произошел встречный бой, в ходе которого неприятель был опрокинут. Преследуя его, орловцы и нижегородцы преодолели по мосту ручей, ворвались в селение Фатова и овладели им. Оценив обстановку, полковник Ладыженский понял, что обход противника не удался: его отряд вышел из леса несколько правее указанного маршрута и оказался перед оконечностью правого фланга французов. Он решил исправить допущенную оплошность. Однако едва его отряд начал выходить из дереvушки, как залегший во ржи французский пехотный полк неожиданно поднялся, дал ружейный залп с расстояния 60 м и ударил в штыки. Завязался жестокий рукопашный бой, в котором верх взяли французы. Решающую роль в этом сыграло их численное превосходство, а также большие потери, понесенные русскими подразделениями в самом начале боя от залпового ружейного огня противника, открытого внезапно и практически в упор. Потеряв почти половину

своего состава, отряд Ладыженского (сам он был тоже ранен) начал поспешное отступление к лесу, преследуемый неприятелем. В это время главные силы дивизии еще совершали марш, с большим трудом продвигаясь по узким тропинкам сквозь лесную чащобу. На середине пути они встретили в беспорядке отходящие под натиском врага остатки передового отряда. Двигавшиеся в голове колонны главных сил егеря коротким ударом опрокинули преследовавших отряд Ладыженского французов и гнали их до самой опушки леса. Выдвинувшись туда, генерал Паскевич накоротке произвел рекогносцировку. Пехота Даву стояла влево от дороги, имея боевой порядок в две линии. Третью линию составляла кавалерия. Впереди на огневых позициях располагалась артиллерия. По мере выхода частей дивизии из леса Паскевич указывал им места в боевом порядке, спешно устанавливал батареи.

Тем временем противник был оттеснен от опушки леса за ручей, а его попытка атаковать правый фланг дивизии была отражена огнем артиллерии и контратакой наших войск. Вскоре с обеих сторон загремела сильная канонада. Не выдержав губительного огня русской артиллерии, неприятель был вынужден отвести свои войска назад на дальность пушечного выстрела.

Раевский с 12-й пехотной дивизией стоял перед Салтановкой. Он ждал завершения обходного маневра Паскевича. Возбужденные близостью долгожданного боя, солдаты в яростном нетерпении ожидали сигнала атаки, готовые штыками разметать засевшего на том берегу ручья врага. Между тем французская артиллерия, находившаяся на высотах севернее ручья, открыла огонь по нашим войскам. Ядра и картечь вырывали из колонн целые ряды, но они вновь и вновь невозмутимо смыкались, а подбитые орудия заменялись новыми. Наконец из-за леса, с левого фланга, донесся отдаленный гул артиллерийской канонады. Услышав его, Раевский подал сигнал атаки. Спешившись, он вместе с двумя своими юными сыновьями и офицерами штаба встал во главе Смоленского пехотного полка. «Вперед, ребята! За царя и Отечество! Я и дети мои укажут вам дорогу!» — обратился командир корпуса к солдатам. Смоляне первыми двинулись в атаку. Наступая ротными колоннами, прославленный полк атаковал противника молча. Над ним гордо реяло осе-

П.М. Колюбакин.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ненное славой многих побед и опаленное огнем бесчисленных сражений старое полковое знамя, на котором красовалась надпись: «За взятие французских знамен в Альпийских горах». Кажется, сам дух Великого Петра и не менее великих как полководцев Румянцева и Суворова, не раз лично водивших этот полк в лихие штыковые атаки, осенял идущих вперед российских воинов. «Дайте мне нести знамя!» — попросил один из сыновей Раевского своего ровесника, 16-летнего подпрапорщика. «Я сам умею умирать!» — ответил юноша¹²⁴. Но силы были слишком неравны. Противник занимал выгодную позицию. Находившиеся на господствующих высотах французские батареи сосредоточили всю силу своего огня на атакующих. Под ураганным огнем врага части 12-й пехотной дивизии несколько раз врывались в Салтановку, но каждый раз вынуждены были возвращаться в исходное положение.

Около 16 часов пришло донесение от Паскевича, который сообщал, что встретил на левом фланге не 6 тыс. французов, как предполагалось, а в три раза больше. Преодолеть их сопротивление его дивизия не в состоянии и поэтому он просит подкреплений. Раевский ответил, что все его атаки на Салтановку противником отбиты, части 12-й пехотной дивизии понесли боль-

шие потери и усилить Паскевича более чем одним батальоном он не может. Дождавшись прибытия этого батальона, Паскевич лично повел его в обход правого фланга французов. Главные силы дивизии получили приказ, как только он осуществит маневр, атаковать противника с фронта в районе Фатова. Когда генерал Паскевич уже почти завершил обход, к нему прибыл адъютант Раевского с приказанием отступить.

Такое решение было принято Багратионом. Прибыв в 12-ю пехотную дивизию, он лично убедился в своем первоначальном заблуждении относительно малочисленности сил Даву. Все пленные в один голос заявляли, что в районе Могилева у французов находится пять дивизий (две из них кавалерийские). Прорываться на Могилев с такими незначительными силами, какие имелись у Раевского, было бессмысленно. Раевский получил приказ отступить к деревне Новоселки, что на полпути между Салтановкой и Дашковкой, дожидаться выхода из леса Паскевича, а затем отходить к Старому Быхову.

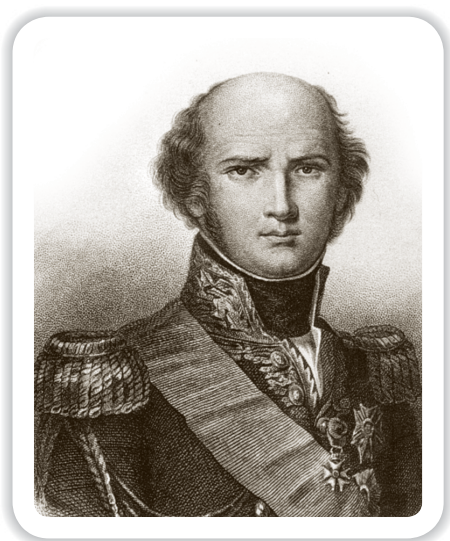
С началом отступления частей Паскевича от Фатова командир действовавшей против него 4-й французской пехотной дивизии генерал Ж. Дессе пытался было организовать активное преследование, но, получив мощный отпор, отказался от своего намерения. 26-я пехотная дивизия осуществила отход через лес без каких-либо помех со стороны противника и благополучно присоединилась к главным силам корпуса. Так закончился бой у Салтановки 11 (23) июля 1812 г., носивший крайне ожесточенный характер¹²⁵. В ходе его не раз возникали моменты, когда казалось, что в неравном бою 7-й пехотный корпус вот-вот дрогнет, но искусные действия генералов Н.Н. Раевского, И.Ф. Паскевича, П.М. Колюбакина и И.В. Васильчикова (принял командование 12-й пехотной дивизией после ранения ее начальника), их личное мужество, храбрость и находчивость позволили спасти положение. Выше всяких похвал были несгибаемая стойкость российских войск, их боевое мастерство и верность воинскому долгу. «Единая храбрость и усердие русских войск, — писал в своем донесении главнокомандующему армией Раевский, — могли избавить меня от истребления против превосходного неприятеля и столь выгодной для него позиции. Я сам свидетель, что многие офицеры и нижние чины, по-

луча по две раны и перевязав их, возвращались в сражение, как на пир. Не могу довольно выхвалить храбрости и искусства артиллеристов: все были герои. Этот бой был первым боем моего корпуса в походе. Войска одушевлены были примерным мужеством и ревностью, достойными удивления»¹²⁶.

Выдающийся подвиг в бою под Салтановкой совершил командир 7-го пехотного корпуса генерал Н.Н. Раевский. В решающий момент боя он лично возглавил атаку войск. Вместе со своим отцом-генералом в бой шли и его юные сыновья. Старший Александр подхватил и понес дальше полковое знамя, после того как вражеская пуля сразила знаменосца, а младший Николай сопровождал отца. Пример командира корпуса, не пожалевшего своих сыновей ради победы, оказал огромное моральное воздействие на подчиненные ему войска. Этот подвиг обессмертил имя Раевского. Он был золотыми буквами запечатлен на скрижалях истории Отечественной войны 1812 года. Генерал П.И. Багратион объявил благодарность войскам, сражавшимся под Салтановкой. Более 400 человек, наиболее отличившихся в бою, удостоились наград. В 10-часовом бою под

Подвиг солдат Раевского под Салтановкой. Художник Н.С. Самокиш. 1912 г.

*Л.-Н. Даву.
Гравюра Модисона.
1-я половина XIX в.*

Салтановкой обе стороны понесли тяжелые потери. Французы потеряли в нем более 4 тыс. человек, русские — около 2,6 тыс. человек¹²⁷.

Таким образом, пробиться к Витебску через Могилев 2-й Западной армии Багратиона не удалось. В связи с этим она снова была вынуждена изменить направление своего движения. Багратион решил идти на Мстиславль (90 км восточнее Могилева), а оттуда, в зависимости от обстоятельств, двигаться на соединение с 1-й Западной армией через Горки (40 км юго-восточнее Орши, примерно на полпути между Оршей и Мстиславлем) или же повернуть к Смоленску.

Весь день 12 (24) июля шло наведение переправы через Днепр в районе Нового Быхова. В целях прикрытия ее от возможного удара противника с севера, вдоль правого берега Днепра, все это время на позиции у деревни Дашковка (45 км севернее Нового Быхова) находился 7-й пехотный корпус Раевского. Одновременно для отвлечения внимания Даву от переправы Багратион приказал казачьему корпусу Платова, получившему к этому времени приказ самостоятельно идти на соединение с 1-й Западной армией вдоль левого берега Днепра, переправиться вброд через Днепр севернее Старого Быхова и про-

известить ложную демонстрацию атаки Могилева с востока. Замысел Багратиона полностью удался.

13 (25) июля Раевский отступил от Дашковки к Старому Быхову. На следующий день главные силы 2-й Западной армии переправились через Днепр и двинулись на Мстиславль, куда прибыли через три дня. Вслед за ними отошел и корпус Раевского. На этот раз марш 2-й Западной армии проходил беспрепятственно. Никаких попыток со стороны противника помешать ему не было. Причина такой пассивности врага заключалась в суровом уроке, полученном им под Салтановкой. Лазутчики, посланные в Могилев, доносили, что на следующий после боя день весь город был завален ранеными французами. Хотя сразу же после боя под Салтановкой к Даву подошли все ранее отставшие войска и его силы возросли до 40 тыс. человек, а на следующий день с ним соединился корпус Понятовского (20 тыс. человек), маршал счел за благо проявить осторожность. Он занялся укреплением Могилева, будучи в полной уверенности, что Багратион повторит попытку прорыва на Оршу. Поэтому Даву на какое-то время потерял из виду 2-ю русскую армию. С самого начала войны он весьма умело отсекал ей все пути соединения с 1-й Западной армией, а здесь, в Могилеве, допустил непростительную опрометчивость, чем не замедлил воспользоваться Багратион, чтобы ускользнуть от своего преследователя. Искусные действия Багратиона ввели в заблуждение одного из лучших французских маршалов, пожалуй, самого талантливого после Наполеона из военачальников «Великой армии». Не имея никаких сведений о местонахождении армии Багратиона и сбивтый с толку демонстративными действиями Платова на левом берегу Днепра, Даву пять дней простоял в Могилеве. А когда же наконец разобрался в обстановке, то время было упущено. 2-я русская армия оторвалась от противника и беспрепятственно уходила на Смоленск, прикрытая со стороны Могилева плотной завесой казачьих отрядов.

1-я Западная армия Барклая между тем отступала от Витебска к Смоленску. На следующий день после ее выступления из Витебска получено было известие, которое, впрочем, не подтвердилось, что Наполеон стремится отсечь армии пути отхода на Смоленск. С этой целью французский император якобы

*М.И. Платов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

направил на Смоленск одновременно две группировки войск: одну из Витебска через Рудню (60 км юго-восточнее Витебска), а другую — из Могилева через Мстиславль. Чтобы сорвать замысел врага и упредить его в Смоленске, Барклай приказал генералу Д.С. Дохтурову идти форсированным маршем со своим 6-м пехотным корпусом и гвардией через Рудню к Смоленску и прибыть туда не позже, чем через три-четыре дня¹²⁸. «Спасение Отечества зависит теперь от ускорения занятия нами Смоленска. Вспомните суворовские марши и идите ими», — напутствовал главнокомандующий армией своего генерала¹²⁹. Дохтуров точно и в установленный срок выполнил полученный приказ. 19 (31) июля его войска вступили в Смоленск. А главные силы армии за два дня перед тем прибыли в Поречье (75 км северо-западнее Смоленска) — первый русский город с начала их отступления от Немана. Несмотря на то что нога завоевателя уже двести лет не вступала на русскую землю¹³⁰, население встретило свою отступавшую армию как родную, трогательно, с душевной теплотой. Не было никаких выражений недовольства, упреков или претензий. Наоборот, народ всячески стремился выразить свое участие к защитникам Отечества, бесплатно предоставил четырехдневный запас продовольствия и про-

сил лишь оружия, чтобы сражаться с врагом. После оставления армией Поречья город опустел.

20 июля (1 августа) 1-я Западная армия пришла к Смоленску. Она расположилась на правом берегу Днепра, выдвинув вперед два авангарда. Один из них под командованием генерал-лейтенанта П.П. Палена находился у Холма (50 км севернее Смоленска), а второй — генерал-майора И.Е. Шевича (командир бригады 1-й кирасирской дивизии) — у Рудни (60 км западнее Смоленска). Никто не сомневался, что наступает решительная битва. Сама мысль оставить без боя Смоленск, древнюю святыню России, казалась невероятной. Барклай писал Багратиону, что он ни в коем случае не намерен отступить дальше и настроен дать неприятелю сражение под Смоленском. Скорое соединение со 2-й Западной армией внушало ему оптимизм. Он просил князя П.И. Багратиона, опередив свою армию, прибыть в Смоленск для согласования совместных действий.

19 (31) июля произошло соединение под Рудней казачьего корпуса Платова с 1-й армией. Достигнув 17 (29) июля Мстиславля, Багратион, еще не знавший, что 1-я Западная армия уже оставила Витебск и отступает к Смоленску, намеревался идти через Горки на Витебск. Однако узнав вскоре об этом, он принял решение отступить к Смоленску. Теперь уже ничто не могло помешать его соединению с 1-й армией. Итак, исключительно упорная и напряженная пятидневная борьба с двумя численно превосходящими вражескими армиями, из которых одна вела фронтальное преследование, а вторая, постоянно угрожая 2-й Западной армии охватом с севера, стремилась отсечь ей пути отхода на восток, закончилась в пользу Багратиона.

Быстрая и умелая организация маршей на труднодоступной местности, непоколебимая твердость и целеустремленность в решении стоящих перед ним задач, главная из которых заключалась в соединении с 1-й Западной армией, свидетельствуют о высоком уровне полководческого мастерства генерала П.И. Багратиона. Недаром Наполеон во время беседы с Балашовым в Вильно, давая оценку русским военачальникам, заметил, что хороших генералов, кроме разве одного лишь Багратиона, в русской армии сейчас нет¹³¹. Так что потомок грузинских царей сполна «оправдал» оценку великого полководца. Блистательно

проведенное отступление 2-й русской Западной армии с берегов Немана до Смоленска на глубину 600 км (всего же 2-й армии в ходе отступления пришлось пройти 750 км, так как оно осуществлялось не по прямой линии) является одним из наиболее выдающихся образцов военного искусства, связанных с отступлением — одним из наиболее сложных видов боевой деятельности войск. Это искусство проявилось прежде всего в умелом сочетании высокой подвижности и маневренности войск с упорными арьергардными боями в ходе отступления. Войска Багратиона совершали отход с темпом 40–45 км в сутки, имея почти все время впереди и позади себя превосходящего в силах противника. Армия отступала с многочисленной артиллерией и громадными обозами в основном по плохим проселочным дорогам, проходящим по лесисто-болотистой или песчаной местности, когда изнуряющая жара сменялась проливными дождями и наоборот. По этой причине растяжка войск на марше достигала 50 км и более. Докладывая царю о действиях своей армии, Багратион в донесении № 434 от 10 (22) июля 1812 г. не без гордости за вверенные ему войска сообщал, что таким маршам, которые им пришлось совершать, удивился бы даже великий Суворов¹³². Любимый ученик и соратник легендарного полководца знал, о чем говорил. Скупому на похвалы, выдававшему за свою долгую боевую карьеру всякое, не раз глядевшему в глаза смерти воину не к чести было преувеличивать трудности, выпавшие на долю предводимых им войск.

21 июля (2 августа), обогнав свои войска, Багратион прибыл в Смоленск, где состоялась его встреча с Баркляем-де-Толли. Недоразумения, которые постоянно возникали между обоими главнокомандующими с самого начала войны из-за несогласованности в действиях их армий, вроде бы пока уладились. Но сразу же встал другой, более важный вопрос — кому возглавить общее командование объединенной армией. Никаких указаний императора Александра I на сей счет не существовало. Князь Багратион был старше Баркляя-де-Толли в чине, но Барклай как военный министр был облечен особым доверием царя и по своему служебному положению был выше Багратиона. Кроме того, ему были известны планы царя насчет дальнейшего ведения войны, он знал о состоянии и дислокации резервов,

материальных запасов и всего того, что было необходимо для обороны государства. Исходя из этих соображений, Багратион добровольно объявил о своем подчинении Барклаю-де-Толли, хотя последний в предшествовавших войнах нередко находился под его начальством.

Первая встреча продолжалась недолго. Оба главнокомандующих расстались довольные друг другом. На следующий день, 22 июля (3 августа), 2-я Западная армия вступила в Смоленск. Она расположилась на левом берегу Днепра. Долгожданное объединение двух русских армий наконец состоялось. Это событие произошло на 40-й день войны. Оно знаменовало собой успешное решение русским командованием ближайшей стратегической задачи. В конкретно сложившихся условиях, обусловленных внезапностью нападения врага, когда на одном операционном направлении оказались сразу две самостоятельные армии, объединение их являлось основной стратегической проблемой, вставшей перед русским командованием. Эта проблема, возникшая сразу же с началом войны, решалась в очень сложной обстановке и потребовала большого напряжения войск и высокого военного искусства российских военачальников.

Почти полтора месяца потребовалось для того, чтобы в упорной и изнурительной борьбе, ценой тяжелых жертв исправить ошибки стратегического развертывания армии. В результате замысел Наполеона уничтожить обе русские армии порознь в приграничной полосе провалился. Причина провала заключалась в том, что русские полководцы Барклай-де-Толли и Багратион превосходно осуществили отступательный маневр, а их войска проявили высокие боевые качества. Изматывая противника в непрерывных боях и стычках, они заставляли его проявлять большую осторожность, действовать нерешительно даже при явном превосходстве в силах. Важную роль сыграли также эвакуация или уничтожение русскими войсками при отходе значительной части своих баз и магазинов.

Несмотря на исключительно неблагоприятную обстановку, в которой осуществлялось отступление русской армии на глубину 500–600 км, она сумела сохранить свои силы. Ее потери убитыми не превышали 10 тыс. человек, раненых и отставших было около 25 тыс. человек. При соединении 1-й и 2-й Запад-

ных армий в Смоленске численность русских войск составила 120 тыс. человек¹³³. Кроме того, 30 тыс. имелось в армии Торماسова и 25 тыс. — в корпусе Витгенштейна. Однако было бы ошибочным полагать, что начальный период войны 1812 года в какой-то степени положительно сказался на дальнейшем ходе военных действий. Совсем наоборот. Мощный первоначальный удар врага, который пришлось выдержать России, хотя и не поверг ее ниц, но существенно осложнил последующую борьбу. Была потеряна огромная территория. Противник оккупировал Курляндскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую губернии, Белостокскую область, часть Смоленской губернии, сумел захватить ряд крепостей, тыловых баз и складов с сосредоточенными на них большими материальными запасами. К этим потерям следует добавить и потерю 35 тыс. обученных солдат, что составляло в общей сложности более трех пехотных дивизий.

Дела же в «Великой армии», несмотря на достигнутые ею успехи, обстояли далеко не блестяще, как могло бы показаться на первый взгляд. Наполеону не удалось добиться основной стратегической цели — разгромить русскую армию в генеральном сражении. Все его попытки не допустить соединения 1-й и 2-й русских армий и уничтожить их поодиночке успехом не увенчались. Наоборот, стремительное продвижение вглубь России оказало пагубное воздействие на его войска. Появились первые признаки разложения «Великой армии». Ее «победный» путь был устлан трупами многих тысяч людей и лошадей. В общей сложности за первые 40 дней войны Наполеон потерял убитыми, ранеными, больными, отставшими и дезертировавшими из армии около 106 тыс. человек¹³⁴. В начале августа 1812 г. его армия насчитывала не более 200 тыс. человек, да и те были разбросаны на обширном театре военных действий¹³⁵. Уменьшение численности главной французской армии зависело, конечно, не столько от боевых потерь, которые в общем-то были не такими уж значительными, сколько от других причин. Во-первых, значительные силы пришлось оставить на Двине против Витгенштейна, а также для осады Бобруйска. Во-вторых, еще более крупные силы понадобилось выделить для охраны сильно растянувшихся коммуникаций и передовых тыловых

Незванные гости. Художник Б. Зворыкин. 1911 г.

баз, развернутых на захваченной территории. В-третьих, в тылу наступающей армии осталось огромное количество отставших от своих частей солдат, которые занимались грабежами и разного рода бесчинствами.

Ни в одной из наполеоновских войн, за исключением разве только Итальянской кампании 1796 года, войска не грабили так бесцеремонно и не опустошали занятую местность так варварски, как в 1812 г. в России. Чтобы как-то задержать обвальное падение дисциплины в армии, Наполеон еще в начале июля подписал суровый приказ: арестовывать всех солдат, уличенных в грабежах и мародерстве, предавать их военно-полевому суду и в случае обвинительного приговора расстреливать немедленно. Но и такие крутые меры, как расстрелы, перед которыми, к примеру, никогда не останавливался маршал Даву, не могли полностью воспрепятствовать грабежам даже в частях 1-го пехотного корпуса. О других корпусах нечего было и говорить. Никогда еще Наполеону не приходилось выслушивать столько докладов и читать столько донесений о дезертирах, отставших, солдатах, покидающих ночью свои полки, чтобы образо-

И.-Н. Мюрат.

Гравюра К. Вебера. 1837 г.

вать грабительские шайки. Дело дошло до того, что император приказал своему начальнику штаба маршалу Л. Бертье передать командиру 3-го пехотного корпуса маршалу М. Нею повеление: «Разослать отряды кавалерии под начальством офицеров главного штаба, чтобы изловить отставших, многие из которых совершают преступления и кончают тем, что попадают в руки казаков»¹³⁶. Больше всех занимались грабежами баварцы, пруссаки, рейнские немцы и хорваты.

Узнав, что маршал Даву не сумел преградить Багратиону дорогу на Смоленск, Наполеон остановил свою армию в районе Велиж — Витебск — Орша. На кантонир-квартирах между Западной Двиной и Днепром французские войска провели две недели. Понятовский со своим корпусом стоял в Могилеве, Даву — в Орше, Ней — между Оршей и Витебском, гвардия, кавалерия Мюрата и итальянский корпус вице-короля — в Витебске и его окрестностях. Главная квартира Наполеона также находилась в Витебске.

Проходил день за днем, но Наполеон с армией продолжал стоять на месте. На него это было не похоже. Свита видела, что император чем-то раздражен. Целые дни проводил он в угрюмой сосредоточенности, обдумывая планы дальнейших дей-

ствий и занимаясь вопросами управления своей огромной империи. Очевидцы свидетельствуют, что ежедневно в эти дни французский император писал лично или диктовал по сто и более писем¹³⁷. Видимо, Наполеона тогда терзала упорная и навязчивая мысль, приобретающая неодолимую власть над его волей и сознанием — закончить войну в этом, а не в будущем году. Но достигнуть этого можно было только одним способом — разгромить русскую армию. Будучи уверен, что это произойдет под Витебском, он обещал своим маршалам закончить войну здесь. Но русские вновь отступили, не приняв сражения. Император оказался в затруднительном положении. Будущее вселяло мрачные предчувствия, перспективы вновь приобретали неясные очертания. А тут еще пришло неприятное известие: генерал Ренье потерпел поражение от 3-й русской армии Торماسова. Это, казалось бы, не такое уж значительное событие имело тем не менее важные последствия. Австрийский корпус Шварценберга, который должен был идти на соединение с главными силами «Великой армии», получил приказ оставаться на месте. Наполеон объяснил причину такого решения своей неуверенностью в том, что Ренье удасться без помощи австрийцев сдержатъ напор русских на Волыни. Таким образом, за месяц до Бородино французский император лишился 30 тыс. солдат, которых мог бы к нему привести князь К. Шварценберг.

Наконец к началу августа решение было принято. Оно было диаметрально противоположно тому, которое Наполеон торжественно объявил своим маршалам 16 (28) июля в предвидении сражения под Витебском. Теперь он сообщил им, что намерен идти на Смоленск. Реакция его сподвижников на это новое и неожиданное для них решение была неоднозначной. Всецело Наполеона поддержал лишь только командующий резервной кавалерией маршал И. Мюрат. Получив от своего повелителя ряд нагоняев за не совсем удачные и активные действия в начале войны, он теперь хотел изъяснением верноподданнического усердия просто загладить допущенные промахи.

Лихой кавалерист, человек легендарной храбрости, не знавший страха в бою, неизменный участник всех наполеоновских походов, сделавшись зятем императора, маршалом Империи

и королем Неаполитанским, Иоахим Мюрат продолжал бояться Наполеона точно так же, как и в те далекие времена Итальянского похода, когда еще служил в его армии простым кавалерийским офицером. Накануне император сказал ему: «Мюрат, первая русская кампания окончена... В 1813 году мы будем в Москве, в 1814 году — в Петербурге. Русская война — это трехлетняя война». Мюрат этому не поверил. Не в духе наполеоновской стратегии были многолетние войны. Да и сам Наполеон хорошо сознавал это. Как можно было воевать годами так далеко от покоренной, но ненавидящей его Европы с сомнительными союзниками на флангах и давать время России вооружаться и копить силы для дальнейшей борьбы? Кошмар испанской войны, вот уже четыре года неистово свирепствовавшей на Пиренейском полуострове, тоже неотступно преследовал его. Один за другим курьеры из далекой Испании привозили ему известия о том, что дела там идут все хуже и хуже, что испанский народ, несмотря на тяжелые потери, продолжает яростную борьбу, убивает и умирает, но даже и не помышляет о капитуляции. Затевать новую многолетнюю войну в России, когда в Испании не видно конца войны, было по меньшей мере опрометчиво. Это хорошо понимали в окружении императора. И когда он объявил о своем новом решении, то Л. Бертье, А. Коленкур, М. Дюрок и П. Дарю — в полную противоположность Мюрату — высказались против дальнейшего наступления. Редко когда они осмеливались так определенно и настойчиво не соглашаться со своим императором. Их, хотя и довольно робко, поддержали маршалы, несмотря на то что с ними не было самого решительного из них — Даву. Понимая всю серьезность момента, они решились на непривычное для них дело — осмелились быть откровенными. Первым начал обер-гофмаршал Дюрок, самый приближенный к Наполеону человек, его друг и любимец. Почтительно и твердо он заявил, что русские явно заманивают «Великую армию» вглубь своей страны, где ее ждет верная гибель. Его решительно поддержали двое других наиболее близких к Наполеону людей — начальник главного штаба маршал Бертье и генерал Коленкур (бывший посол в России). Поддерживаемые маршалами, они говорили Наполеону об ужасающем падеже лошадей, об отсут-

Л.-А. Бертье.
Гравюра Ламбера. 1820 г.

ствии фуража и продовольствия, о дезорганизации в снабжении армии, о свирепствовавшей в войсках дизентерии, о нищетах, к тому же умышленно разоряемой русскими стране, об огромных, поглощающих армию пространствах и невиданной жаре, от которой в изнеможении падают не только люди, но и лошади, о ненадежности союзников и т.п. Но все доводы соратников разбивались о глухую стену монаршего непонимания. Однако они не сдавались. В конце концов Наполеону надоело только отбиваться, и он сам перешел в наступление. Его голос звучал раздраженно: «Я слишком обогатил моих генералов, они думают об удовольствиях, об охоте, о катании по Парижу в своих роскошных экипажах! Война им уже опротивела!» — почти срывался на крик император. Marshals and aides were silent. Military men, they dared not quarrel with their supreme commander. But among them was a man of a different cast and position — the imperial secretary and chief интендант of the army, Count P. Darju, better than anyone else illuminated in matters of supply. Grimly looking past the emperor, Darju reported dispassionately that of 22 thousand horses, having been in the main group of the army, during the march no less than 8 thousand had perished. He said

о том, что люди и лошади снабжены плохо, а дальше будет еще хуже, так как обозы не успевают за наступающими войсками, а надежды на реквизиции в разоренной стране несостоятельны. Тяжеловесный бюрократ-сановник, упрямый, холодный, здравомыслящий и бесстрашный человек, Дарю ничего не скрывал от Наполеона. Под одобрительные взгляды и кивки своих единомышленников он сдержанно рисовал перед императором неприглядную картину действительного положения дел и мрачные перспективы на будущее. Наполеон был крайне раздражен словами Дарю, тем более что не сознавать их серьезности и основательности он никак не мог. А когда Дарю поддержал предложение Дюрока ждать мира в Витебске, поскольку ни в Смоленске, ни в Москве шансов дожидаться его не будет, император буквально взорвался от негодования. В итоге длительное совещание ни к чему не привело. Наполеон был буквально одержим своей новой идеей — идти вслед за русской армией, нагнать ее, навязать сражение, разгромить и продиктовать русскому императору свои условия мира. Никакие возражения сподвижников, выражающих сомнения в реальности этого замысла, им уже не воспринимались. Однако, приняв решение о возобновлении наступления, Наполеон еще некоторое время медлил с отдачей приказа войскам. Не созывая больше никаких совещаний, он вел беседы с отдельными маршалами и генералами о своих ближайших планах. Большинство из них было теперь уже за немедленное наступление. Немаловажную роль в таком изменении их настроений сыграла очень уж неприветливая и голодная витебская стоянка. А император все еще медлил... Он как будто бы ожидал какого-то толчка, способного вывести его из состояния оцепенения. И такой толчок последовал.

29 июля (10 августа) Наполеону доложили, что 2-я легкая кавалерийская дивизия генерала О. Себастиани (из 2-го кавалерийского корпуса) подверглась под Инково, что в 45 км северо-западнее Смоленска, внезапному нападению русской конницы. Наполеон немедленно отдал приказ о наступлении. 31 июля (12 августа) передовые части наполеоновской армии (кавалерия Мюрата) выступили из-под Витебска и двинулись на восток. На следующий день Витебск покинули и главные силы ар-

мии во главе с Наполеоном. В тот же день 1 (13) августа войска Даву переправились через Днепр и повели наступление, целью которого было выйти в тыл русской армии и отрезать ей пути отступления на Москву.

1.6. На других направлениях

В начальный период войны активные боевые действия велись также и на флангах главного фронта борьбы. Перед вторжением Наполеона в Россию 3-я Резервная Западная армия генерала от кавалерии А.П. Тормасова находилась на Украине, в районе Луцка. Весной 1812 г. Барклай-де-Толли, критически относившийся к плану Фуля, сделал попытку улучшить стратегическое развертывание русской армии путем сближения 1-й и 2-й Западных армий. С этой целью 2-я Западная армия была передислоцирована к северу от Полесья сначала в район Пружан, а затем — Волковыска. В районе Луцка, на месте прежнего расположения 2-й Западной армии, была сформирована 3-я Западная армия. По плану военных действий она имела задачу идти к Пинску, откуда должна была действовать во фланг и тыл противнику, наступавшему против 2-й Западной армии. В случае если превосходящие силы противника перейдут в наступление против 3-й Западной армии, она должна была отступить к Киеву.

Однако с началом войны Тормасов не смог сразу же приступить к выполнению поставленной перед ним наступательной задачи. Причина промедления заключалась в том, что главнокомандующий 3-й армией не был своевременно поставлен в известность относительно ближайшего плана действий Багратиона. Он не знал, пойдет ли 2-я Западная армия на соединение с 1-й армией или же начнет отступление к Мозырю. Кроме того, Тормасов, не зная истинных намерений Австрии, счел себя не вправе оставить без надежного прикрытия русско-австрийскую границу. Обстановка прояснилась не ранее чем через три недели.

19 июня (1 июля) австрийский корпус князя К. Шварценберга переправился через реку Западный Буг в районе Дрогочина и двинулся на Слоним, где простоял несколько дней

*А.П. Тормасов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

в ожидании саксонского корпуса генерала Ж. Ренье, который перешел русскую границу в районе Белостока. Здесь саксонцы должны были сменить австрийцев, получивших приказ Наполеона преследовать Багратиона, отступавшего к Несвижу, а затем присоединиться к главной французской армии. Такое решение Наполеона объяснялось его недоверием к австрийскому союзнику. Поэтому он считал более целесообразным иметь 12-й пехотный корпус под своим непосредственным командованием, так сказать, под рукой, а не оставлять его в глубоком тылу своей армии, тем более в виде самостоятельной боевой единицы.

7-й пехотный корпус Ренье получил приказ вторгнуться на Волынь, взбунтовать ее против русских и учредить там конфедерацию. Тем временем Тормасов получил распоряжение военного министра, отданное им от имени царя еще в Дрисском лагере. В нем 3-й Западной армии ставилась задача оставить часть сил для прикрытия границы с Австрией, а главными силами действовать во фланг и тыл противнику, преследующему Багратиона, который отступает к Слуцку. В распоряжении особо подчеркивалось, что в отношении русско-австрийской границы Тормасов может быть спокоен¹³⁸.

А.Г. Щербатов.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

К выполнению поставленной задачи генерал Тормасов приступил немедленно, так как армия под Луцком находилась в компактной группировке и никакого дополнительного времени для ее сосредоточения не требовалось. Для обороны Волынской и Подольской губерний, а также Тернопольской области был оставлен пехотный корпус генерал-лейтенанта Ф.В. Сакена. Из его состава для непосредственного прикрытия границы выделялся отряд генерал-майора М.Д. Хрущева в составе кавалерийской бригады и двух казачьих полков.

Узнав, что саксонский корпус находится в Пружанах (40 км севернее Кобрин), Тормасов с главными силами армии 11 (23) июля выступил ему навстречу. Армия шла через Ковель на Кобрин. Одновременно к Бресту были высланы два отряда, которые шли туда разными дорогами: один под командованием генерал-адъютанта графа К.О. Ламберта (4 батальона, 16 эскадронов, 5 казачьих полков и 6 орудий) — вдоль Буга, другой во главе с генерал-майором князем А.Г. Щербатовым (6 батальонов, 8 эскадронов, казачий полк и 12 орудий) — через Ковель. Их задача состояла в том, чтобы к 13 (25) июля овладеть Брестом, а затем, повернув на Кобрин, выйти в тыл противнику, в то время как сам Тормасов атакует его с фронта. Чтобы ввести

врага в заблуждение, Тормасов выслал еще один сильный отряд в сторону Пинска. Возглавившему его генерал-майору А.П. Мелиссино была поставлена задача имитировать движение в этом направлении главных сил армии.

Замысел главнокомандующего 3-й Западной армией увенчался полным успехом. Введенный в заблуждение действиями отряда Мелиссино, Ренье двинулся со своим корпусом на юго-восток, через Хомск к Пинску.

Вечером 12 (24) июля генерал Щербатов, подойдя к Бресту, узнал, что там находится небольшой отряд саксонской конницы, и решил, не ожидая графа Ламберта, атаковать город. Внезапная ночная атака русской кавалерии увенчалась полным успехом. Брест был взят, а его гарнизон во главе с начальником захвачен в плен. В это же время генерал Мелиссино разбил на реке Пина западнее Пинска авангард саксонского корпуса, которым командовал генерал Габленц. Здесь атака русской конницы, проведенная в сильную бурю с градом, также была неожиданной для противника. Потерпев поражение, он начал отступление к Яново (35 км юго-восточнее Хомска), преследуемый Мелиссино. После разгрома на реке Пина вражеского авангарда генерал Мелиссино приказал кавалерийскому отряду полковника князя С.Э. Жевахова занять Пинск. Жевахов успешно выполнил поставленную перед ним задачу. Находившийся в Пинске вражеский гарнизон был рассеян русской конницей. В освобожденном городе победители захватили французскую пушку — первый трофей русских в Отечественной войне 1812 года¹³⁹.

Соединившись 12 (25) июля в Бресте, отряды генералов Щербатова и Ламберта сразу же выступили по направлению к Кобрину. Они прибыли туда на рассвете 15 (27) июля. Одновременно с юга к Кобрину подошел и Тормасов с главными силами. Город занимал саксонский отряд генерала Кленгеля. Появление крупных сил русских под Кобрином явилось для него полной неожиданностью. Он, как и его начальник Ренье, считал, что 3-я русская армия движется на Пинск.

Проведя короткую рекогносцировку, генерал Тормасов приказал войскам атаковать противника. С запада на город наступал отряд графа Ламберта, с востока — отряд генерал-майора Е.И. Чаплица, с юга — сам Тормасов. В тыл неприятелю был на-

правлен отряд подполковника князя В.Г. Мадатова. Он имел задачу воспрепятствовать отходу противника в северном направлении, на Пружаны. После непродолжительного сопротивления на подступах к Кобрину саксонцы были повсюду опрокинуты и отброшены в город. Их попытка начать отход по пружанской дороге на север была пресечена отрядом Мадатова. Тогда Кленгель решил обороняться в городе. Видя такое упорство противника, генерал Тормасов решил атаковать Кобрин одновременно со всех сторон. Для решения этой задачи было выделено несколько пехотных полков. После артиллерийской подготовки они пошли на штурм. Сломив упорное сопротивление врага, русские войска ворвались в охваченный огнем город. Завязались ожесточенные уличные бои. Наиболее стойкое сопротивление саксонцы оказали в районе монастыря и у моста через реку Мухавец. Несколько часов продолжалась яростная борьба среди сплошных пожарищ. Наконец противник не выдержал натиска русских воинов и выкинул белый флаг. В плен сдались 2,3 тыс. саксонцев во главе с генералом Кленгелем. Более 2 тыс. вражеских солдат и офицеров было уничтожено в ходе боя. В качестве трофеев победителям достались четыре знамени и восемь орудий. Наши потери убитыми и ранеными составили около 300 человек¹⁴⁰. Город Кобрин выгорел почти дотла.

Победа под Кобрином, одержанная 15 (27) июля 1812 г., была первой в войне решительной и полной победой русских войск. В ходе этого крупного боя был полностью уничтожен довольно сильный отряд противника и освобожден город Кобрин. Эта победа последовала после длинной череды многочисленных и однообразных реляций Барклая-де-Толли и Багратиона о непрекращающемся отступлении 1-й и 2-й Западных армий, когда в общественном мнении Европы начинало уже складываться твердое убеждение, что в России нет такой силы, которая была бы способна остановить победное шествие наполеоновской армии. И когда впервые с начала войны гром пушечного салюта, раздавшегося в Петербурге с бастионов Петропавловской крепости, возвестил об одержанной победе, восторгу и изумлению не только иностранцев, но и столичного люда не было предела. Радостная весть с невероятной быстротой распространилась по необъятным просторам Российской империи,

*П.Х. Витгенштейн.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

вселяя надежду и гордость в сердца россиян. И наоборот, она вызвала страх и смятение среди поляков. В Варшавском герцогстве началась паника. Там с ужасом ожидали начала вторжения русских войск и их похода на Варшаву.

Характерной особенностью Кобринской операции 3-й Западной армии, развернувшейся на фронте до 160 км, явились четко спланированные по задачам, месту и времени действия отдельных отрядов, их активные и инициативные действия, решительность в достижении поставленных целей. Все наиболее отличившиеся из ее участников получили щедрые награды. Генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов был награжден орденом Георгия 2-й степени и 50 тыс. рублей.

Накануне боя под Кобрином 7-й пехотный (саксонский) корпус находился в Хомске (45 км восточнее Кобрина), направляясь к Пинску. Командир корпуса генерал Ж. Ренье полагал, что 3-я русская армия идет туда же, и намеревался там ее атаковать. Но вскоре, убедившись в своем заблуждении, он повернул к Кобрину. Однако было уже поздно. На полдороге от Хомска к Кобрину Ренье узнал, что отряд Кленгеля уничтожен, а город Кобрин захвачен русскими. Он немедленно повернул назад, к Хомску, а затем начал отступление к Слониму. Одновременно

Ренье обратился к командиру австрийского корпуса Шварценбергу, находившемуся в Несвиже, с просьбой о помощи.

Тормасов из-за недостатка продовольствия не смог приступить к немедленному преследованию саксонского корпуса сразу же после взятия Кобрина. Эта задача по его приказу частично решалась лишь конницей графа Ламберта. Тем не менее ее успехи были впечатляющими. Она нанесла противнику значительный урон, захватив большое количество пленных и обозов. Однако достижение более решительных целей ей было не под силу. Таким образом, Тормасов упустил верный шанс разгромить корпус генерала Ренье до его соединения с австрийцами. Это соединение произошло 22 июля (3 августа) в Слониме, в тот самый день, когда 1-я и 2-я Западные армии соединились в Смоленске. С этого времени и до окончания кампании 1812 года австрийцы уже не отделялись от саксонцев и действовали вместе с ними сначала против Тормасова, а затем против объединенных 3-й Западной и Дунайской армий.

С началом отступления 1-й Западной армии из Дрисского лагеря к Витебску 1-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна был оставлен на правом берегу Двины с задачей прикрыть петербургское направление. Наполеон в ходе наступления на Витебск вынужден был выделить для действий против него 2-й пехотный корпус маршала Н. Удино. Задача этого корпуса заключалась в том, чтобы очистить от русских правый берег Двины и надежно прикрыть левый фланг и тыл «Великой армии».

После отделения от главных сил армии Витгенштейн продолжал оставаться в Покаевцах, а Удино в это время поднимался вверх по Двине, наступая вдоль левого берега от Дрисского лагеря на Полоцк, который и занял 14 (26) июля. Из Полоцка он двинулся по петербургскому тракту на север, к Себежу. Введенный в заблуждение искусными демонстрациями противника, Витгенштейн не сразу разгадал намерения Удино. Когда же наконец ему удалось разобраться в обстановке, то Удино был уже на правом берегу Двины, у деревни Сивошино, что в 25 км севернее Полоцка. А тем временем кавалерийский отряд генерала Я.П. Кульнева, высланный Витгенштейном за Двину, успешно грюмил там тылы 2-го французского пехотного корпуса. За ко-

роткий промежуток времени им было уничтожено несколько мелких отрядов, тыловых команд и обозов противника, захвачены многочисленные трофеи и большое количество пленных. Среди них был и один офицер из штаба маршала Удино, от которого удалось получить очень важные сведения. Пленный показал, что Удино с двумя своими дивизиями находится в деревне Сивошино, ожидая подхода третьей дивизии. После сосредоточения всех своих сил в районе Сивошино он намеревался двинуться на Себеж, чтобы во взаимодействии с 10-м пехотным (прусским) корпусом маршала Ж. Макдональда, который уже переправлялся через Двину у Якобштадта, выйти в тыл Витгенштейну, отрезать его от Пскова и уничтожить. Витгенштейн уже знал о переправе Макдональда у Якобштадта и намеревался идти против него, когда получил донесение от Кульнева, в котором сообщалось о замыслах противника. Оценив обстановку, он решил сначала разбить находившегося ближе Удино, а затем уже решить вопрос с Макдональдом. В тот же день, 17 (29) июля, Витгенштейн приказал Кульневу возвратиться на правый берег Двины, поручив ему командование авангардом корпуса, а сам двинулся к селу Клястицы, находившемуся на Петербургской дороге, в 20 км севернее Сивошино. Для прикрытия со стороны Якобштадта к Динабургу был выделен отряд генерал-майора Гамена (3 тыс. человек) с задачей не допустить выхода Макдональда в тыл 1-му пехотному корпусу.

Войскам Витгенштейна предстояло совершить марш протяженностью 50 км. Но когда они прошли только треть пути, стало известно, что противник уже занял Клястицы и продвигается на Себеж. Встреча с ним произошла на следующий день к вечеру, у селения Якубово (3 км юго-западнее Клястиц). Витгенштейн приказал Кульневу атаковать неприятеля и овладеть Клястицами, и сам лично повел ему в подкрепление два егерских полка. За авангардом в готовности развить достигнутый им успех выдвигалась 5-я пехотная дивизия генерал-майора Г.М. Берга. Замысел Витгенштейна заключался в том, чтобы, воспользовавшись сильно рассредоточенным положением корпуса Удино (одна из его дивизий находилась в Клястицах, другая — шла от Клястиц на Себеж, а третья — осталась далеко позади для охраны переправ через реку Дрисса), рассеять его и разгромить по частям.

Г.М. Берг.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Кульнев энергично атаковал передовые подразделения 6-й французской пехотной дивизии генерала К. Леграна, занимавшие лес юго-западнее Якубово. Противник оказал упорное сопротивление. Поэтому в оставшееся до наступления темноты время от него удалось очистить только лес. Узнав от пленных, что в Клястицах находится сам Удино со штабом и на следующий день к нему ожидается подход подкреплений, Витгенштейн решил атаковать врага с рассветом. В 3 часа утра 19 (31) июля 23-й егерский полк атаковал неприятеля в Якубово и ворвался в селение, но вскоре был выбит французами. Используя этот успех, Удино сам перешел в наступление. Первая атака врага была отбита артиллерийским огнем. Подтянув резервы, он атаковал снова. И вновь его атака захлебнулась под перекрестным огнем русских батарей. Воспользовавшись этим, Витгенштейн повел в контратаку 5-ю пехотную дивизию. Французы не выдержали штыкового удара русской пехоты, поддержанной эффективным артиллерийским огнем, и начали отступление к Клястицам. Удино с большим трудом удалось привести свои войска в порядок и укрепиться на песчаных высотах правого берега реки Ницца, в 1,5 км юго-западнее Клястиц. Однако остановить мощный натиск

Бой у Клястиц 20 июля 1812 г. Хромолитография Н. Самокиша. Начало XX в.

полков 5-й и введенной вслед за нею в бой 14-й пехотной дивизий французы не смогли. После ожесточенной схватки они были выбиты с высот и к 8 часам утра отброшены за реку Ницца, к селу Клястицы. Укрываясь за строениями, противник сильным ружейно-артиллерийским огнем воспрепятствовал попытке наших войск с хода преодолеть реку и ворваться в Клястицы. Тогда Витгенштейн направил свою кавалерию к северу от Клястиц, поставив ей задачу перейти реку выше по течению. Заметив этот маневр и опасаясь за свой правый фланг, Удино начал отступление. Поддержанные артиллерией, наши егеря бросились в штыки. Французы зажгли мост через реку Ницца. Но это егерей не остановило. Преодолев реку по охваченному пламенем мосту, они ворвались в село и после короткого боя овладели им. На завершающем этапе в сражении приняла участие и 8-я французская пехотная дивизия генерала Ж. Вердье, прекратившая наступление на Себеж и срочным порядком возвратившаяся к Клястицам.

Противник поспешно отступал на юг, преследуемый 12-тысячным авангардом генерала Кульнева. Преследование фран-

цузов продолжалось весь день и велось на глубину 20 км, до реки Дрисса (правый приток Западной Двины). Переправившись к исходу дня через эту реку в районе Сивошино и присоединив здесь третью дивизию своего корпуса, маршал Удино занял выгодную позицию на ее левом берегу.

Таким образом, в сражении под Клястицами 18–19 (30–31) июля 1812 г., в котором со стороны русских участвовало 17 тыс. человек и 108 орудий, а со стороны французов — до 20 тыс. человек и 114 орудий, противник потерпел серьезное поражение¹⁴¹. Его потери только пленными составили 900 человек¹⁴². Кроме того, неприятель потерял большую часть своих обозов, включая генеральские экипажи, и, что особенно важно, почти весь свой пороховой запас. В сражении отличились Севский, Калужский, Пермский, Могилевский пехотные, Гродненский гусарский и Ямбургский драгунский полки. Но особенно показали себя в эти два дня артиллерия корпуса, которой командовал генерал-майор князь Л.М. Яшвиле, и три егерских полка.

Победа русских войск под Клястицами имела важное значение. Во-первых, она позволила сорвать замысел врага окружить и уничтожить корпус Витгенштейна и тем самым открыть себе дорогу на Петербург. Во-вторых, не менее важен был моральный фактор: войска 1-го пехотного корпуса обрели уверенность в своих силах, осознали свое моральное превосходство над противником. 25 июля (6 августа) столица салютовала победе русского оружия под Клястицами. Генерал-лейтенант граф Петр Христианович Витгенштейн был награжден орденом Георгия 2-й степени и пожизненной пенсией 12 тыс. рублей в год¹⁴³.

Начальник авангарда генерал Я.П. Кульнев имел приказ преследовать противника только до тех пор, пока он не остановится, но не вступать с ним в бой до подхода главных сил корпуса. Однако отважный генерал, увлекшись преследованием и явно переоценивший свои силы, а также степень нанесенного французам урона, нарушил приказ командования, даже не поставив его об этом в известность. В ночь на 20 июля (1 августа), воспользовавшись дождливой погодой, он перешел реку Дрисса с намерением атаковать неприятеля. Но его кавалерия, шедшая впереди, в густом предутреннем тумане неожиданно натолкнулась на

превосходящие силы французской кавалерии и была отброшена ею к деревне Боярщина, находившейся в 4 км от реки Дрисса. Полагая, что Удино готовится к дальнейшему отходу, который прикрывает встреченная им кавалерия, Кульнев выдвинул вперед конную артиллерию. Противник противопоставил ей тяжелые орудия. В этих условиях начальник авангарда вводит в бой свои главные силы (четыре полка 14-й пехотной дивизии и шесть приданных ему батарейных пушек). Но их атака окончилась неудачей. Неприятель, умело используя складки местности, занимал скрытное положение, а его предварительная разведка Кульневым организована не была. Подпустив наши войска на близкое расстояние, французская артиллерия встретила их шквальным огнем почти в упор. Приведенные в расстройство полки заколебались. И в этот момент последовала общая контратака врага. Авангард Кульнева в беспорядке был отброшен за реку Дрисса, потеряв шесть батарейных и три конных орудия. Сам Кульнев с Гродненским гусарским полком и остатками артиллерии тщетно пытался прикрыть отступление своих войск. Маршал Удино, который бросил в бой основные силы своего корпуса, имел значительное превосходство в силах. Сдержать их сильный натиск не было никакой возможности. Бой при Боярщине 20 июля (1 августа) закончился поражением русского отряда. Его потери составили около 2 тыс. человек¹⁴⁴.

Собрав свои части на правом берегу Дриссы, Кульнев начал организованное отступление к Клястицам. Это было первое крупное поражение, которое он потерпел за свою долгую боевую жизнь. Кульнев был буквально сражен неудачей. Он сошел с лошади и понуро плелся пешком в последних рядах своего арьергарда, не обращая внимания на сильный обстрел вражеской артиллерии. Прямым попаданием французского ядра ему оторвало обе ноги выше колен. Смерть последовала через несколько минут.

Яков Петрович Кульнев пользовался широкой известностью в русской армии, и его безвременная гибель явилась для нее тяжелой утратой. Почти всю свою жизнь он провел в боях и походах. Начав службу молодым офицером в Русско-турецкую войну 1787–1791 гг., он свою первую боевую награду за отличие при взятии турецкой крепости Бендеры получил из рук знаме-

Сражение при Клястицах. Художник П. Гесс.

нитого князя Потемкина. Затем сражался под командованием А.В. Суворова в Польше и был отмечен великим полководцем как один из героев штурма Праги (1794).

В войне с Наполеоном в 1806–1807 гг. Кульнев командовал Гродненским гусарским полком, неоднократно отличившимся в боях с французами. В Русско-шведскую войну 1808–1809 гг. он возглавлял авангард корпуса П.И. Багратиона и явился одним из главных участников завоевания Финляндии. Ранней весной 1809 г. отряд русских войск под командованием Я.П. Кульнева совершил героический переход по льду Ботнического залива в Швецию. Потом снова бои и сражения с турками на берегах Дуная в 1810–1811 гг. и новые подвиги. Отечественная война 1812 года застала Кульнева в должности начальника кавалерии 1-го пехотного корпуса. Несмотря на ее неудачное для нас начало, Я.П. Кульнев был, пожалуй, единственным из генералов русской армии, который сумел в исключительно сложной обстановке начального периода войны нанести противнику целый ряд поражений. Вилькомир, Оникшты, другие арьергардные бои и рейды по тылам врага — наглядное тому свидетельство. В сражении под Клястицами Кульнев сначала командовал авангардом 1-го пехотного корпуса, а затем центром его боевого порядка и сыграл решающую роль в достижении успеха.

Я.П. Кульнев.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Эти победы принесли 49-летнему генералу новую боевую славу, снискали ему большую популярность не только в армии, но и среди народа. Поэтому, несмотря на свою гибель почти в самом начале кампании, Я.П. Кульнев вошел в историю Отечественной войны 1812 года как один из наиболее выдающихся ее героев. Таковым он и остался в народной памяти, навечно запечатлевшей его славное имя на скрижалях российской военной истории. Величественным памятником герою явилась знаменитая поэма В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», где в целом созвездии военачальников, прославивших российское оружие в грозную годину 12-го года и воспетых поэтом, достойное место нашлось и Я.П. Кульневу. А народная признательность — залог бессмертности подвига. Она выше и весомее всех официальных наград и почестей, воздаваемых своим подданным разного рода властителями.

Популярности Кульнева в немалой степени способствовали и его личные качества. Это был человек горячего нрава и исключительной храбрости. Лихой до бесшабашности кавалерийский офицер, ставший впоследствии идеалом русского гусара, со всеми его достоинствами и недостатками, воинской доблестью и боевыми подвигами, нравами и привычками, странностями

и причудами. В то же время это был отважный и решительный кавалерийский генерал, обладавший огромным боевым опытом (за свою долгую военную карьеру Кульнев участвовал в боях и 55 боях и сражениях). Кульнев пользовался большим авторитетом среди солдат и офицеров. Как и его учитель Суворов, он проявлял огромную заботу о подчиненных, которые платили ему искренней любовью и безграничным доверием, готовы были идти за ним, как говорится, в огонь и воду.

Кульнев отличался от большинства тогдашних русских генералов демократичностью своих отношений с подчиненными, особым вниманием к их нуждам. Отпустив на волю всех своих крепостных, он жил только лишь на свое жалованье, да и то нередко раздавал его нуждающимся офицерам. Походно-боевая жизнь была его стихией, а солдатский бивуак заменял родной очаг. Все имущество генерала умещалось в одной конной повозке. Это был прирожденный воин, человек до мозга костей преданный военной службе. Рыцарское великодушие к побежденным снискало Кульневу большое уважение с их стороны. Так, в национальной финской поэме Рунеберга «Рассказы прапорщика Штоля» Кульневу посвящен ряд теплых строф.

Но был у Якова Петровича и один крупный недостаток. Обычно хладнокровный и осмотрительный перед боем, в ходе его, под вражеским огнем, он часто буквально преображался. Чрезмерно увлекаясь, Кульнев впадал в такой боевой азарт, что начинал действовать очертя голову, неоправданно рискуя как своей, так и чужими жизнями. В конечном счете это его и погубило.

Получив известие о поражении авангарда и гибели Кульнева, Витгенштейн тотчас же выступил из Клястиц навстречу неприятелю. Удино после победы над отрядом Кульнева выделил для его преследования пехотную дивизию генерала Вердье, а сам с главными силами остался у Сивошино. Не зная численности наступающего противника, Витгенштейн действовал осторожно. Он занял позицию у деревни Головчица, в 3 км южнее Клястиц, перекрыв дорогу из Полоцка на север. На ней командир 1-го пехотного корпуса ожидал подхода авангарда, командование которым принял генерал Яшвиль.

Уверенные в победе, французы быстро продвигались вперед. Заняв Головчицу, они с ходу атаковали правый фланг Витген-

Маршал Н. Удино.

Художник И. Пилс

штейна, примыкавший к реке Ницца. Русская артиллерия встретила вражеские колонны сосредоточенным огнем и нанесла им большие потери. Заметив колебание противника, Витгенштейн двинул свои войска в контратаку. Неприятель был повсюду опрокинут и начал отступление. Но на левом фланге значительная группа французской пехоты закрепились в лесу и пыталась организовать сопротивление. Однако она была окружена и при попытке прорваться на юг уничтожена. Ликвидацией этой группы противника руководил лично Витгенштейн. В ходе боя он был ранен пулей в щеку, но тем не менее поля боя не покинул и продолжал руководить войсками. Французский генерал Вердье прилагал большие усилия, чтобы привести свои части в порядок и задержать стремительное наступление наших войск. Но все его попытки оказались тщетными. Вражеская артиллерия быстро подавлялась метким огнем русских орудий и егерей, а батальонные колонны 5-й пехотной дивизии генерала Берга под барабанный бой продолжали неудержимо продвигаться вперед, сметая все на своем пути. Преследование разгромленного противника велось вдоль большой дороги. Одновременно Витгенштейн частью сил стремился охватить его с флангов. Теснимая со всех сторон дивизия Вердье обратилась

в бегство. К вечеру 20 июля (1 августа) она перешла через реку Дрисса у Сивошино и присоединилась к своим главным силам. Ее потери в бою при Головчице и в ходе последовавшего за ним отступления составили более 2 тыс. человек¹⁴⁵. На следующий день Удино отступил к Полоцку, где затем долго простоял в бездействии. Витгенштейн же из-за недостатка сил и прежде всего боеприпасов не решился атаковать противника на занимаемой им сильной позиции.

Главной задачей, которая стояла перед маршалом Ж. Макдональдом, было взятие Риги. Но к ее решению предусматривалось приступить только после разгрома во взаимодействии с маршалом Удино русского корпуса Витгенштейна, находившегося на правом берегу Двины. 10-й пехотный корпус, которым командовал маршал Макдональд, имел в своем составе три дивизии — две пехотные и одну кавалерийскую¹⁴⁶. После отступления русской армии из Дрисского лагеря Макдональд, разделив свои силы, продолжал наступление в северном направлении. Пруссаки двигались на Митаву, а сам маршал с 7-й пехотной дивизией шел на Якобштадт. После овладения этой крепостью он двинулся на Динабург, приступив к совместной с маршалом Удино операции по разгрому Витгенштейна. 20 июля (1 августа) французы заняли Динабург, срыли его укрепления и уничтожили все находившиеся там военные запасы.

Узнав о поражении Удино под Клястицами, Макдональд отказался от намеченного похода на Ригу. Не отважился он также и идти с одной дивизией против Витгенштейна. Последний двинулся было из-под Полоцка против Макдональда, стоявшего в Динабурге, но вскоре в связи с изменившейся обстановкой отменил это решение и вернулся обратно. Изменения в обстановке заключались в следующем. К этому времени Витгенштейн получил известие о соединении 1-й и 2-й Западных армий в Смоленске и о намерении Барклая-де-Толли перейти в наступление против Наполеона. В этой связи на 1-й пехотный корпус возлагалась задача нанесения удара во фланг французской армии. Одновременно из разведывательных данных стало известно о подходе к Удино крупных подкреплений. Вскоре выяснилось, что он усилен 6-м пехотным (баварским) корпусом генерала Л. Гувиона Сен-Сира. Стоявший в Бешенковичах, этот корпус по приказу

Наполеона отделился от главной армии и прибыл под Полоцк на усиление Удино. И наконец, убедившись в пассивности Макдональда, Витгенштейн пришел к выводу, что угрозы его правому флангу со стороны Динабурга пока не существует. Сложившаяся же обстановка, наоборот, диктовала необходимость сосредоточения основных усилий на левом фланге, в районе Полоцка, против Удино и Гувииона Сен-Сира.

Действия прусского корпуса, наступавшего на рижском направлении, также не отличались особой активностью. Этот корпус, которым командовал генерал Ю. Граверт (он же командир 27-й пехотной прусской дивизии), состоял из пехотной и кавалерийской дивизий и, в свою очередь, входил в состав 10-го пехотного корпуса маршала Макдональда.

Захват Риги, самого крупного морского порта и торгового центра России на Балтийском море, являлся одной из первоочередных задач Наполеона. В реализации планов континентальной блокады Англии он играл важную роль. Недаром французский император называл Ригу «предместьем Лондона». Захват ее с моря был исключен: в Балтийском море господствовал русский флот. Кроме того, там находилась сильная английская эскадра адмирала Мартенса. Поэтому оставался только один путь — с суши. И эта задача была возложена на пруссаков. Богатый купеческий город, через который в основном поддерживались торговые связи России с Англией и другими государствами Западной Европы, Рига в 1812 г. имела население численностью 24 тыс. человек¹⁴⁷. Нашествие врага там было встречено с особым беспокойством. 102 года город не подвергался бедствиям войны, спокойно развиваясь и богатея под скипетром Российской империи. Теперь же над ним нависла угроза полного разорения. Пример аналогичных богатых торговых центров — Гамбурга, Бремена, Любека и Данцига — раздавленных и разграбленных французскими завоевателями, стоял у рижан перед глазами. Поэтому не только рижское купечество, но и все население средств для защиты города не жалело. Оборонительные работы шли полным ходом. Однако сил для длительной обороны большого города было недостаточно. Гарнизон Риги, возглавляемый военным губернатором города генерал-лейтенантом И.Н. Эссеном, насчитывал всего 15 тыс. человек. Да и эти войска состо-

*Маршал Ж. Макдональд.
Художник А.-Ж. Грос*

яли в основном из запасных и резервных батальонов, отличавшихся недостаточной боеспособностью. Но враг приближался, и надо было принимать соответствующие меры. 17 (29) июня Рига была объявлена на военном положении. На крепостном валу взвился и затрепетал на свежем балтийском ветру багряный флаг — сигнал боевой тревоги.

С целью организации обороны на дальних подступах к городу Эссен выслал к Митаве отряд генерал-майора И.А. Вельяминова (начальник 33-й пехотной дивизии). 23 июня (5 июля) севернее Шавли произошла первая стычка кавалерийских разъездов. Противник развивал наступление на Митаву. Отряд Вельяминова был усилен еще несколькими батальонами. Командование войсками в районе Митавы принял генерал-лейтенант Ф.Ф. Левиз. 7 (19) июля при Экау (30 км юго-восточнее Митавы) произошел первый крупный бой русских с пруссаками. Они скрестили свое оружие впервые после Семилетней войны. Шеститысячный отряд генерала Левиза (два пехотных, кавалерийский и казачий полки) был атакован прусской дивизией Граверта. Под натиском превосходящих сил противника он вынужден был отступить в местечко Экау, где, используя большое количество каменных строений, организовал прочную оборону. Несколь-

ко яростных атак врага были успешно отражены. Тогда неприятель предпринял обходный маневр. В результате оба фланга нашего отряда оказались охваченными противником. Затем в его тылу показался прусский отряд генерала Ф. Клейста (три пехотных батальона и шесть эскадронов). Находясь в полном окружении, русские еще некоторое время продолжали упорно обороняться, а затем штыками проложили себе дорогу на север. Потери русского отряда в этом бою составили около 600 человек¹⁴⁸. Пруссаки потеряли гораздо больше. Вопреки ожиданиям, прусские войска проявили в этом бою высокий боевой дух, сражались с ожесточением. Этим они даже заслужили одобрение Наполеона, который в знак признательности к своему союзнику наградил многих прусских офицеров орденом Почетного Легиона. На следующий день, 8 (20) июля, прусские войска заняли Митаву.

Ввиду приближения противника к Риге начальник гарнизона принял решение сжечь городские предместья. 11 (23) июля это приказание было исполнено. Грандиозный пожар со страшной силой бушевал целые сутки, оставив после себя многокилометровое безжизненное пространство. Выйдя на подступы к Риге, пруссаки остановились в 15–20 км от города, выдвинув вперед лишь передовые посты. 16 (28) июля генерал Граверт потребовал сдачи Риги, но получил отказ. После этого какая-либо боевая активность прусских войск под Ригой надолго прекратилась.

Таким образом, Макдональд не выполнил ни одной из поставленных перед ним задач. Знаменитый наполеоновский маршал, который за всю свою долгую боевую жизнь был побежден только один раз — в Италии самим Суворовым! — не потому оказался несостоятельным, что оробел перед Витгенштейном и Эссеном, двумя немцами на русской службе, которые как военачальники далеко уступали ему. Дело было в том, что Макдональд совсем не верил своим войскам¹⁴⁹. Из 32,5 тыс. солдат, которые имелись в его распоряжении, две трети составляли пруссаки, остальную часть — вестфальцы и баварцы. Немного было поляков и французов. Из всех этих войск поначалу усердствовали только пруссаки. В первый, самый тяжелый и опасный для России период войны прусские войска, вторгшиеся на русскую землю под знаменами «Великой армии», дрались, что называется,

не за страх, а за совесть. Они надеялись получить в награду от Наполеона значительную часть русской территории — а именно, всю Прибалтику. Русские сначала думали, что их недавние союзники участвуют в войне только для виду, чтобы не раздражать Наполеона, и что по-настоящему биться с ними не станут, но, к своему удивлению, очень скоро убедились в своей ошибке. Пруссаки не только без какого-либо сожаления убивали русских солдат, но и «под метелочку», как выразился один очевидец, ограбили весь край, который занимали в 1812 г.

Итак, не полагаясь на свои немецкие войска, особенно на пруссаков, и, очевидно, дорожа своей боевой репутацией, маршал Макдональд самым откровенным образом бездействовал. Маршал Удино остался без поддержки и, стремясь обойти Витгенштейна, сам оказался обойденным и потерпел поражение.

Наполеон узнал о делах на своем северном фланге еще будучи в Витебске. Он был всем этим очень раздражен и недоволен. Правда, очень скоро ему стало понятно, что никакой решительной победы, о которой всю трубили и в Петербурге, и в Англии, Витгенштейн над маршалом Удино не одержал. Но не в этом было дело. Наполеон понял, что никакой существенной помощи оба его действующих на северном фланге маршала, Удино и Макдональд, ему уже не окажут и что серьезной демонстрации в направлении Петербурга русские могут не опасаться. С большим сожалением французскому императору в конце концов пришлось с этим примириться. В свою очередь, и в Петербурге стало вполне ясно, что решающие события развернутся не на петербургском, а на смоленском направлении. А может быть, и на московском...

Таким образом, если в центре, на главном направлении за 40 дней боевых действий наполеоновской армии удалось продвинуться до рубежа Витебск — Орша — Могилев, то на флангах ее успехи оказались значительно скромнее. На северном фланге наступление противника было остановлено русскими войсками на рубеже реки Западная Двина, а на южном — севернее реки Припять. Следовательно, замысел Наполеона одновременно с ведением наступления против главных сил русской армии развить успех на киевском и петербургском направлениях оказался сорванным.

ГЛАВА 2

За Русь! За Отчизну!

2.1. На подступах к Смоленску

Соединение русских армий в Смоленске вызвало в войсках чувство неподдельной радости. Все понимали, что силы теперь значительно возросли и отступлению пришел конец. Отступление, какими бы причинами оно ни вызывалось, всегда угнетающе действует на войска, тем более когда приходится оставлять родную землю. Поэтому моральная и физическая усталость солдат и офицеров обеих русских армий в ходе их длительного, тяжелого и непрерывного отступательного марша от границы к Смоленску достигла критической отметки. Желание всех было единодушным: прекратить дальнейшее отступление. О наличии такого мнения убедительно свидетельствует письмо Багратиона Барклаю, написанное в эти дни. «Наконец соединением обеих армий совершили мы желание России и достигли предназначенной... цели. Собрав столь знатное количество отборных войск, получили мы над неприятелем ту поверхность, которую имеет он над разделенными нашими армиями»¹. Стремление как можно скорее сразиться с врагом оказалось в объединенной русской армии господствующим, и это несмотря на неблагоприятное соотношение сил. Русская армия насчитыв-

вала 120 тыс. человек (1-я Западная армия — 77 тыс. человек, 2-я Западная армия — 43 тыс. человек)², в то время как Наполеон в течение нескольких дней мог сосредоточить против нее до 200 тыс. солдат. На этой почве между Барклаем-де-Толли и Багратионом наметились серьезные разногласия относительно дальнейшего плана ведения войны. Багратион, поддерживаемый многими генералами как своей, как и 1-й армии, считал возможным дальше не отходить и дать генеральное сражение под Смоленском. Барклай же, учитывая более чем полуторное превосходство противника в силах, опасался рисковать армией. Он знал, что готовых резервов у него нет, и поэтому старался действовать осторожно.

В Смоленске русская армия находилась три дня — с 22 по 25 июля (3–6 августа). 25 июля (6 августа) был собран военный совет, на котором решался вопрос о характере дальнейших действий. На этом совете присутствовали оба главнокомандующих — Барклай-де-Толли и Багратион, их начальники штабов — генерал-майор А.П. Ермолов (1-й армии) и генерал-майор граф Э.Ф. Сен-При (2-й армии), генерал-квартирмейстеры — полковник К.Ф. Толь (1-й армии) и генерал-майор М.С. Вистицкий (2-й армии), а также цесаревич Константин Павлович (командир гвардейского корпуса). Полковник Толь еще до начала заседания военного совета вручил Барклаю-де-Толли записку, в которой предлагал незамедлительно перейти к решительным наступательным действиям в направлении Рудня — Витебск, разобщить французскую армию и разбить ее по частям. За переход в наступление единодушно высказались все участники совета. Их доводы сводились к следующему: во-первых, нужно атаковать противника, пока он еще не сосредоточил всех своих сил на одном направлении; во-вторых, необходимо задержать дальнейшее продвижение противника вглубь страны, выиграть время для завершения формирования резервов, а затем с их помощью разгромить Наполеона; в-третьих, ни в коем случае не сдавать врагу Смоленск — один из древнейших городов России, ключ к Москве³. Уступая требованию своих генералов, Барклай-де-Толли также высказался за наступление. Но в распоряжении войскам он сделал оговорку, чтобы они не удалялись от Смоленска более чем на три перехо-

да. В донесении царю, отправленному в тот же день, Барклай заверил последнего, что рисковать без нужды вверенной ему армией не собирается⁴. Следовательно, можно сделать вывод, что Барклай-де-Толли, идя на вынужденную уступку обстоятельствам, все же не верил в успех задуманного предприятия и стремился, по возможности, смягчить его последствия в случае неудачи. В тот же день он получил донесение Витгенштейна об одержанной им победе под Клястицами и отдал ему соответствующие распоряжения.

На рассвете 26 июля (7 августа) русская армия оставила окрестности Смоленска и тремя колоннами выступила по направлению к Рудне. Атаман Платов с казаками составлял авангард. Южнее Днепра, к Красному, для наблюдения за Оршанской дорогой была выслана 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского. Поскольку это была вновь сформированная дивизия, почти сплошь состоявшая из молодых солдат, то для придания ей большей устойчивости в бою одну из ее бригад заменили на бригаду опытных солдат из 7-го пехотного корпуса. Кроме того, дивизия Неверовского была усилена Харьковским драгунским и тремя казачьими полками. В Красном к ней присоединился отряд генерал-майора Е.И. Оленина (запасные батальоны и смоленские дворяне). Всего отряд Неверовского имел 7 тыс. человек и 14 орудий⁵. В его состав входили Виленский и Симбирский пехотные, 49-й и 50-й егерские полки 27-й пехотной дивизии и части усиления: Полтавский пехотный, 41-й егерский, Харьковский драгунский полки, три казачьих полка, отряд Оленина и батарейная рота.

Наполеон между тем принял решение сосредоточить свои войска в районе южнее Рудни. Он намеревался осуществить фланговый маневр, переправиться через Днепр, а затем ударом с юга овладеть Смоленском и отрезать русской армии путь отступления к Москве. В результате таких действий сторон обстановка могла бы сложиться следующая: в то время как основные силы французской армии сосредоточивались на левом берегу Днепра, русская армия выдвигалась по его правому берегу и находилась бы в 30–40 км севернее войск противника. Следовательно, налицо оказался просчет русского командования, считавшего, что основная угроза обхода со стороны Наполеона на-

висает над правым флангом. Правда, Багратион имел противоположную точку зрения, более опасаясь за левый фланг.

С утра 27 июля (8 августа) русские войска намеревались продолжать марш на Рудню. Но вдруг неожиданно был получен приказ главнокомандующего остановиться, а затем новый приказ — повернуть в северном направлении и идти на Поречье. Такое решение Баркляя-де-Толли объяснялось полученными им данными разведки, доложившей о занятии отрядом французской конницы Поречья. И без того чрезмерно опасавшийся за свой правый фланг, Барклай решил, что его опасения начинают приобретать реальные очертания. Решение было преждевременным и явно ошибочным, поскольку главные силы Наполеона в это время все еще продолжали находиться в Витебске.

А тем временем авангард Платова, не успевший еще получить нового приказа, продолжал движение на Рудню. Не доходя до нее 12 км, у Молева Болота (близ Инково) его передовой отряд под командованием генерал-майора В. Т. Денисова встретил два французских гусарских полка и внезапно атаковал их во фланг. Противник, совершенно не ожидавший здесь появления русских, был опрокинут и начал поспешное отступление. Стоявший в Рудне генерал Себастиани выслал в подкрепление своим гусарам пехотный полк, усиленный кавалерией. Преследовавший неприятеля передовой отряд был отброшен. Но тут подоспел сам Платов с главными силами (семь казачьих полков). Завязался ожесточенный бой. Французы дрались упорно. Им даже удалось выйти на огневые позиции донских батарей. Наши артиллеристы понесли при этом значительные потери. Отразив яростный натиск врага, казаки охватили его с обоих флангов. Вскоре сопротивление французов было сломлено, они были смяты и обратились в бегство. Казачья конница преследовала их на расстоянии 2 км. Между тем на помощь Платову подошел отряд графа П. П. Палена (четыре кавалерийских полка и егерская бригада), имевший задачу поддерживать авангард. Атаман Платов поручил ему дальнейшее преследование разбитого противника, которое велось на глубину до 8 км, почти до самой Рудни. Здесь встреченная сильным огнем французской артиллерии русская конница вынуждена была остановиться.

В бою при Молевом Болоте неприятель потерял только пленными более 300 человек⁶.

От пленных, а также из захваченных среди других трофеев бумаг генерала Себастиани стало известно о намерении Наполеона идти на Смоленск через Поречье. Это окончательно убедило Барклая в правильности принятого им решения. 2-я Западная армия Багратиона получила приказ сменить 1-ю армию на позиции у селения Приказ-Выдра (20 км северо-западнее Смоленска). Однако Барклай, начав было с 1-й Западной армией марш на Поречье, вскоре остановился и занял позицию в районе Лаврово — Мощинки — Стабна (12–16 км севернее Смоленска). Такие нерешительные действия главнокомандующего вызвали осуждение со стороны Багратиона, который, простояв со своей армией два дня у Приказ-Выдры, возвратился в Смоленск. Он по-прежнему считал, что главная опасность русской армии угрожает с юга, и в случае наступления Наполеона на Смоленск через Красный намеревался преградить ему дорогу на левом берегу Днепра.

29–31 июля (10–12 августа) обе русские армии продолжали занимать прежнее положение. 1-я Западная армия стояла на Пореченской дороге, а 2-я Западная армия — под Смоленском. К этому времени выяснилось, что данные о предполагаемом движении Наполеона на Поречье оказались дезинформацией. 31 июля (12 августа) Барклай получил донесение: французский отряд, занимавший Поречье, оставил этот город и начал отход к Витебску. Посчитав, что угроза его правому флангу миновала, Барклай 1 (13) августа вновь обратился на Руднянскую дорогу и на следующий день достиг района Волоковая — Гаврики (30 км северо-западнее Смоленска). Одновременно в соответствии с полученным приказом марш на Рудню совершала и 2-я Западная армия, выдвигавшаяся несколько южнее 1-й армии. Авангард Платова все эти дни продолжал стоять в районе Инково. Барклай-де-Толли полагал, что в связи с приближающимся днем рождения Наполеона — 3 (15) августа — французская армия непременно атакует его, и поэтому начал готовиться к сражению на занятой позиции в районе деревень Волоковая и Гаврики. Однако предположения Барклая не оправдались, события развернулись совершенно иначе. Прав оказался Баграти-

*П.И. Багратион.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

он, заблаговременно предупреждавший, что основные события развернутся не на правом, а на левом берегу Днепра. Ошибка главнокомандующего, не внявшего доводам своего более опытного соратника, дорого обошлась русской армии и едва не поставила ее перед катастрофой.

Генерал от инфантерии князь Петр Иванович Багратион к началу Отечественной войны 1812 года имел репутацию одного из наиболее выдающихся генералов русской армии. Его имя, его подвиги на полях сражений, его военный талант были широко известны не только в России, но и далеко за ее пределами. По своей популярности в армии и обществе он уступал разве только что одному Кутузову. Решающую роль в этом играли не только его личная храбрость, мужество и боевое мастерство, но и слава ближайшего сподвижника и любимого ученика А.В. Суворова. В ярком созвездии соратников великого полководца князь П.И. Багратион, безусловно, являлся звездой первой величины. Ослепительные отблески геройской суворовской славы сверкали на нем, пожалуй, несравнимо ярче, чем на ком-либо из других сподвижников полководца, а ставшие уже легендарными подвиги суворовских чудо-богатырей неразрывно связывались с его именем.

В 1812 г. П.И. Багратиону шел 48-й год. За его плечами была долгая и славная боевая карьера, начавшаяся 30 лет назад. В рядах русской армии он сражался на Кавказе и под Очаковым, на берегах Днестра и Дуная, в Польше, на полях Италии и в горах Швейцарии, на равнинах Австрии и Восточной Пруссии, в лесах Финляндии и на Балканах. Участие в 20 войнах и походах, в более чем 150 боях и сражениях позволило Багратиону приобрести огромный боевой опыт, служило убедительным доказательством его боевых заслуг перед Отечеством.

П.И. Багратион происходил из старинного, но обедневшего грузинского княжеского рода, ведущего свое начало от армяно-грузинской царской династии Багратидов, правивших на кавказских землях на протяжении многих столетий. Его ближайшие предки переселились в Россию в середине XVIII в., обретя в ней свое новое Отечество. Отец Петра Ивановича был полковником русской армии, поселившимся после выхода в отставку в Кизляре, где и родился в 1765 г. будущий полководец. Военную службу П.И. Багратион начал в 17-летнем возрасте сержантом Кавказского мушкетерского полка (1782). Свое боевое крещение он получил на Кавказе, участвуя в боях и походах против непокорных горцев в 1783–1786 и 1790–1792 гг. В 1791 г. в одном из боев молодой офицер был тяжело ранен и в бессознательном состоянии захвачен горцами в плен. Из-за уважения к его отцу, оказавшего когда-то какую-то важную услугу джигитам, они вернули молодому князю свободу, не потребовав за это даже выкупа (случай для того времени беспрецедентный!). В рядах кавказских мушкетеров князь Багратион дослужился до чина капитана, был награжден несколькими боевыми орденами. С началом Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Кавказский мушкетерский полк переводится на Украину и включается в состав Екатеринославской армии Г.А. Потемкина. В ее составе Петр Иванович принимал участие в осаде и штурме Очакова (1788). Потом он участвовал еще в нескольких осадах и штурмах турецких крепостей, в многочисленных боях и стычках с турецкими янычарами на берегах Днестра и Дуная. Полк вернулся на Кавказ — и снова начались нескончаемые схватки с воинственными горскими племенами. После выздоровления от полученной в 1791 г. раны Багратион покидает Кавказ и получает назначе-

ние в Киевский конно-егерский полк, под знаменем которого сражается с польскими конфедератами (1792–1794). За свои боевые подвиги в составе этого полка он производится сначала в секунд-майоры, а затем в премьер-майоры. Весной 1794 г. Петр Иванович переводится в Софийский карабинерский полк, вскоре включенный в состав суворовской армии. Лихие кавалерийские дела карабинеров Багратиона и особенно его выдающаяся храбрость, распорядительность и разумная инициатива, проявленные при штурме Праги (1794), обратили на молодого офицера внимание самого Суворова. Награжденный орденом Георгия 4-й степени и произведенный в подполковники, Багратион становится одним из особо уважаемых великим полководцем офицеров. Обладавший редким даром замечать и выделять из массы офицеров наиболее талантливых их представителей, А.В. Суворов сразу же оценил незаурядные военные дарования молодого грузинского князя, приблизил Багратиона к себе и внимательно следил за его становлением как боевого командира. Со временем он горячо полюбил своего проявившего исключительные способности ученика и ласково называл его не иначе как «князь Петр».

Последовавшая с вступлением на престол Павла I опала А.В. Суворова (февраль 1797 г.), как это ни странно, не отразилась на военной карьере Багратиона, хотя большинство из сподвижников фельдмаршала, не говоря уже об особо близких к нему офицерах, были беспощадно изгнаны из армии. В 1798 г. Багратион получает чин полковника и назначается командиром 6-го егерского полка. В 1799 г. он производится в генерал-майоры и становится шефом этого же полка. Вместе со своим полком генерал-майор П.И. Багратион участвует в Итальянском и Швейцарском походах Суворова (1799), которые принесли ему громкую боевую славу и широкую известность. Почти беспрерывно командуя авангардом союзной русско-австрийской армии, он особенно отличился в сражениях на реках Адда и Треббия, при Нови, при штурме Сен-Готардского перевала и взятии Чертова моста, в боях под Муттенем, Кленталем и многих других. Трижды раненый в ходе этой кампании, Багратион, не залечив раны, возвращался в строй и вновь устремлялся в бой. Орденом Георгия 3-й степени и целым рядом других боевых наград —

как русских, так и иностранных — было отмечено его участие в этих последних суворовских походах.

По возвращении на родину П.И. Багратион назначается шефом лейб-гвардии Егерского батальона, развернутого в 1806 г. в полк. Эту должность он сохранял до конца своей жизни.

Следующим важным этапом в боевой карьере Багратиона стали войны против Франции в 1805 и 1806–1807 гг. В кампанию 1805 года, когда армия М.И. Кутузова совершала стратегический марш-маневр от Браунау к Ольмюцу, Багратион возглавлял ее арьергард. Его войска провели ряд успешных боев с упорно наседающим противником, обеспечив планомерный отход главных сил. Бессмертную славу Багратион стяжал в бою при Шенграбене 4 (16) ноября 1805 г. Оказавшись перед угрозой окружения, Кутузов приказал П.И. Багратиону во что бы то ни стало задержать врага, даже ценой гибели арьергарда. Прощаясь с Петром Ивановичем, главнокомандующий армией перекрестил его, как обреченного на верную гибель. Действительно, шансов на спасение практически не было. Отряд Багратиона должен был пожертвовать собой во имя спасения всей армии. Но Багратион поклялся Кутузову выполнить возложенную на него задачу. Несмотря на огромное превосходство противника в силах, семитысячный отряд Багратиона в течение восьми часов стойко выдерживал бешеный натиск двух французских корпусов (25 тыс. человек) и спас русскую армию от неминуемого разгрома. Когда в конце концов французская дивизия генерала К. Леграна все же зашла отряду Багратиона в тыл, то он лично встал во главе 6-го егерского полка и штыками проложил себе путь к отступлению. Задача, поставленная главнокомандующим перед Багратионом, была выполнена им блестяще, хотя при этом его отряд потерял половину своего состава. Наиболее отличившийся в бою при Шенграбене 6-й егерский полк (шеф полка генерал-майор К.К. Уланиус) первым из полков российской армии получил в награду серебряные трубы с георгиевскими лентами. Сам Багратион за этот подвиг был произведен в генерал-лейтенанты.

В трагическом для русско-австрийских войск Аустерлицком сражении Багратион командовал войсками на крайнем правом фланге. Возглавляемые им войска отразили все атаки противни-

ка и сумели избежать того страшного разгрома, которому подверглись остальные войска союзников. Составив затем их арьергард, они прикрыли отход наголову разгромленной в сражении союзной армии. За боевые подвиги в кампанию 1805 года Багратион кроме повышения в чине был награжден орденом Георгия 2-й степени и австрийским командорским крестом ордена Марии-Терезии.

Во время второй войны с Наполеоном в 1806–1807 гг. Багратион снова командовал то авангардом, то арьергардом русской армии. Сражения при Прейсиш-Эйлау, Гутштате, Гейльсберге и Фридланде, а также целый ряд авангардных и арьергардных боев умножили его боевую славу. Так, при Прейсиш-Эйлау в решающий момент сражения князь Багратион со знаменем в руках лично повел в атаку прибывшую ему на помощь 4-ю пехотную дивизию и после ожесточенного боя штурмом овладел городом. В несчастливом для русской армии Фридландском сражении Багратион, командовавший левым флангом, где Наполеон наносил главный удар, прилагал отчаянные усилия, чтобы предотвратить нависшую над армией катастрофу. Он не раз со шпагой в руке лично водил войска в контратаки, а затем, когда сила одолела силу и сражение все-таки было проиграно, прикрывал отход армии за реку Алле. За боевые подвиги в ходе кампании 1806–1807 гг. Петр Иванович был награжден орденом Александра Невского и золотой шпагой, украшенной алмазами и надписью «За храбрость», а также рядом других наград, в том числе прусских.

В Русско-шведской войне 1808–1809 гг. Багратион командовал 21-й пехотной дивизией, а затем отдельным корпусом. Под его руководством была проведена Аландская экспедиция, в ходе которой русские войска овладели Аландскими островами, а затем, преодолев по льду Ботнический залив, вторглись в Швецию. Появление русских войск под Стокгольмом (Ботнический залив кроме солдат Багратиона преодолели еще два русских отряда) произвело ошеломляющее воздействие на противника и заставило его быстро пойти на заключение мира с Россией. Подвиги Багратиона в завоевании Финляндии были вознаграждены чином полного генерала (генерал от инфантерии) и орденом Владимира 1-й степени.

Летом 1809 г. Петр Иванович был назначен командиром корпуса в Молдавской армии, сражавшейся с 1806 г. с турками. Через месяц после его прибытия на Дунайский театр военных действий скончался главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал князь А.А. Прозоровский. Багратион как старший в чине среди командиров корпусов вступил в командование армией 9 (21) августа 1809 г. Вскоре последовало его утверждение в этой должности. Не вполне удачные до этого действия русских войск на Дунае заметно активизировались. За короткий срок возглавляемые Багратионом войска овладели турецкими крепостями Исакча, Тульча, Бабадаг, Мачин, Гирсово, Кюстенджи, Браилов и Измаил, форсировали Дунай и 4 (16) сентября 1809 г. в сражении при Рассевате разгромили 12-тысячный турецкий корпус Мегмет-паши. 10 (22) октября в сражении под Татарницей они геройски отразили все атаки многократно превосходящего в силах противника. За свои подвиги на Дунае П.И. Багратион был удостоен высшего ордена Российской империи — Андрея Первозванного.

Впервые командуя армией, хотя и малочисленной, П.И. Багратион действовал по-суворовски, дерзко и стремительно, не давая врагу ни малейшей передышки. В течение нескольких недель возглавляемая Багратионом Молдавская армия очистила от противника весь левый берег Дуная и перенесла боевые действия на территорию Болгарии. Однако предпринятая Багратионом осада сильной турецкой крепости Силистрия окончилась неудачей. Осенью 1809 г. русские войска вынуждены были снять осаду и отступить за Дунай. Причина неудачи заключалась в недостатке сил (гарнизон крепости почти не уступал Молдавской армии в численности) и боеприпасов, а также в охвативших армию повальных болезнях. Неудача Багратиона под Силистрией вызвала резкое неудовольствие царя и его окружения. В марте 1810 г. он был снят с должности. Не последнюю роль в этом сыграли придворные интриги. Царедворцы-интриганы и завистники сделали все, чтобы настроить Александра I против попавшего не по своей вине в затруднительное положение полководца. Около полутора лет П.И. Багратион находился не у дел. Однако приближавшаяся новая война с Наполеоном заставила царя и его правительство вновь обратиться к услугам прославленного генерала.

В августе 1811 г. Багратион был назначен главнокомандующим Подольской армией, которая в марте 1812 г. была переименована во 2-ю Западную армию. Предвидя вторжение Наполеона в Россию, Петр Иванович энергично настаивал на проведении заблаговременных мероприятий по отражению вражеской агрессии. В начале Отечественной войны 1812 года, оказавшись из-за неудачного стратегического развертывания русских армий в крайне критической ситуации, Багратион проявил выдающиеся стратегические способности. Искусными действиями он сумел избежать неминуемого окружения и уничтожения своей армии и, преодолев огромные трудности, все же нашел пути к соединению с 1-й Западной армией. Тем самым им был внесен важнейший вклад в срыв замысла Наполеона разгромить русскую армию по частям в приграничной полосе. Умело маневрируя, вовремя ускользая из-под ударов превосходящих сил противника, упорно пробиваясь к намеченной цели, Багратион в то же время не упускал ни малейшей возможности для нанесения по врагу сильных и неожиданных ударов, чтобы замедлить темпы его наступления, максимально измотать в арьергардных боях. И это ему в полной мере удалось. Отступление 2-й Западной армии от Волковыска к Смоленску — один из выдающихся для своего времени образцов ведения этого вида боевых действий.

Петр Иванович Багратион еще при жизни принадлежал к числу наиболее известных и популярных в русской армии полководцев. Пламенный патриот, он превыше всего ставил интересы своего Отечества, честь и национальное достоинство России. «Я на все решусь, чтобы только иметь счастье видеть славу России, и последнюю каплю крови пожертвую ее благосостоянию», — говорил Багратион⁷. Выдающийся военный талант, большое личное мужество и храбрость, заботливое отношение к подчиненным снискали ему любовь и уважение в войсках. Он являл собой редкий тип военачальника, по единому слову которого войска готовы были умереть, но выполнить поставленную задачу.

Как военачальник Багратион выступал носителем передовых для своего времени идей во всех областях военного дела. Он зарекомендовал себя как непревзойденный мастер веде-

ния авангардных и арьергардных боев (для решения этих задач обычно выделялись наиболее способные генералы), смелых маневров в самых сложных условиях боевой обстановки. Воспитание и обучение войск Багратион строил на основе системы, разработанной Суворовым. Но проявляя заботу о солдатах и офицерах, он вместе с тем требовал от них поддержания высокой воинской дисциплины, считая ее основой военной службы. Войска, руководимые П.И. Багратионом, всегда отличались высокой дисциплинированностью. Случаи нерадивого отношения отдельных начальников к своим подчиненным вызывали у Петра Ивановича чувство глубокого возмущения и строго пресекались.

Как человек Петр Иванович Багратион отличался скромностью и неприязнательностью. Он имел относительно спокойный характер, но в то же время ему не чужда была и вспыльчивость. Однако вспышки гнева быстро проходили, зла он не помнил и никогда не мстил. Своей неприхотливостью, выносливостью, спартанским бытом на войне Петр Иванович во многом напоминал Суворова. Он делил с солдатами все тяготы и лишения походно-боевой жизни, глубоко вникал в их быт и повседневные нужды. Спал Багратион всегда одетым и не более трех-четырёх часов в сутки, постоянно был, как говорится, в «боевой готовности», не позволяя себе ни на минуту расслабляться. Это был настоящий воин, рожденный для битв и походов.

Багратион был худощавым, среднего роста человеком; имел хорошо сложенную фигуру, в которой точно были соблюдены все пропорции подлинного изящества: широкие плечи, стройный стан, тонкая талия, смелая и легкая поступь. Он производил впечатление довольно крепкого и сильного человека. Мужественное, смуглое, хотя и некрасивое лицо, быстрый взгляд черных глаз, орлиный нос, черные кудри, беспорядочно венчающие гордую голову прямого потомка грузинских царей, дополняли его облик.

Петр Иванович Багратион отличался веселым нравом, был неистощимым в речах и шутках. Шутки и остроты его были меткими, но не злыми. Он одинаково просто и непринужденно общался со всеми — особенность, свойственная только истинно военным людям. Волны поклонения, начавшиеся еще со времен

Итальянского и Швейцарского походов, бурлили вокруг него, но Багратион не обращал на них никакого внимания. Оставаясь холодно-равнодушным к восторгам и похвалам, он в то же время горячо отзывался на каждое искреннее слово.

Исключительно хладнокровный и беспредельно храбрый в бою, Багратион отличался быстротой и решительностью действий в боевой обстановке, точным расчетом и непреклонностью в достижении поставленных целей, умел использовать любую возможность для достижения успеха. В этом плане он оказался наиболее достойным учеником своего великого учителя А.В. Суворова.

Завершая исторический портрет П.И. Багратиона, необходимо отметить и такой факт. Недруги Петра Ивановича, будучи не в силах игнорировать его как блистательного тактика, в то же время всеми силами стремились принизить его стратегические способности, ставили его как полководца на порядок ниже целого ряда других русских военачальников, делали вид, что как будто бы не ведали и не слышали оценки, данной Багратиону великим полководцем своего времени — Наполеоном. Эти попытки были безосновательны. Дело в том, что за свою долгую боевую жизнь князь Багратион не допустил ни одной скольконибудь значительной оперативно-стратегической ошибки. Наоборот, ему не раз приходилось исправлять своими самоотверженными действиями всякого рода промахи и ошибки своих начальников. А как стратег он вполне показал себя, и притом на должной высоте, и в 1809 г., когда был главнокомандующим Молдавской армией, и в 1812 г., когда возглавлял 2-ю Западную армию...

Пока Барклай-де-Толли более недели без всякой пользы топтался вокруг Смоленска, теряя время и возможность для нанесения по врагу внезапного удара, французская армия устремилась к Красному. Наполеон приступил к осуществлению своего весьма рискованного флангового маневра. Риск состоял в том, что его главным силам предстояло совершить марш перпендикулярно фронту наступления русской армии. В случае более решительных действий Баркляя французская армия подвергалась реальной угрозе быть рассеченной на марше и разбитой по частям. Из Витебска по дороге к Красному шел Мюрат

с 1, 2 и 3-м кавалерийскими корпусами, за ним — пехотные корпуса Нея, Даву, вице-короля Евгения и гвардия. Правее, из Орши и Могилева, в направлении Красного выдвигались корпуса Понятовского, Жюно и Латур-Мобура. На правом берегу Днепра для наблюдения за русской армией была оставлена только одна кавалерийская дивизия Себастиани⁸.

В полдень 2 (14) августа Д.П. Неверовскому, стоявшему со своим отрядом в городе Красном, донесли, что к Лядам (местечко в 15 км западнее Красного) подходит противник. Посчитав, что это один из передовых отрядов французов, он тем не менее вывел дивизию из города и занял позицию впереди его. Вскоре, однако, один за другим стали появляться новые вражеские отряды, которые шли как по столбовой дороге, так и по проселкам. Отступившие из-под Лядов казаки доложили, что неприятель «валом валит». И это не было преувеличением: шел Мюрат со всей кавалерией.

Обнаружив отряд Неверовского под Красным, противник начал обходить его с обоих флангов. Позиция под Красным становилась ненадежной, так как единственная дорога за городом шла по плотине. Оставив в городе батальон егерей с двумя орудиями, Неверовский с главными силами отступил за плотину, где построил свою дивизию в боевой порядок. Левый фланг ее, где была сосредоточена почти вся артиллерия, прикрывали драгуны, правый — казаки. С фронта позиция прикрывалась глубоким оврагом. Не без оснований полагая, что задержать на долго многократно превосходящего в силах противника ему вряд ли удастся, Неверовский выслал назад 50-й егерский полк с двумя конными орудиями. Его командиру полковнику Н.Г. Назимову было приказано в 12 км по дороге из Красного на Смоленск занять переправу на небольшой речке и в случае отхода к ней главных сил дивизии составить ее резерв. Едва только Неверовский успел занять новую позицию, как французы атаковали Красный со всех сторон. Под ураганным огнем противника егеря были вынуждены оставить город, потеряв при этом оба орудия. Мюрат с 15 тыс. конницы и одной пехотной дивизией из корпуса Нея снова стал охватывать отряд Неверовского с обоих флангов. Харьковский драгунский полк, ведомый своим командиром полковником Д.М. Юзефовичем, пошел в ата-

*Русская пехота и французская конница.
Раскрашенная гравюра А. Венецианова. 1812 г.*

ку, но был опрокинут неприятелем. Оставшаяся без прикрытия артиллерия была, в свою очередь, атакована французами, которые захватили пять орудий. Остальным удалось спастись по Смоленской дороге. Казаки также не выдержали удара противника. В результате Неверовский почти с самого начала боя остался без артиллерии и кавалерии. Атакуемый с фронта пехотой, а с флангов — кавалерией, он принял единственное из возможных решений — отступить. Построив пехоту в батальонные каре, командир дивизии обратился к своим молодым солдатам с такими словами: «Ребята! Помните же, чему вас учили; поступайте так, и никакая кавалерия не победит вас! Не торопитесь в пальбе, стреляйте метко во фронт неприятеля. Третья шеренга, передавай ружья, не суетясь. И никто не смей начинать пальбы без моей команды!» Приказание генерала было исполнено с безукоризненной точностью.

Только что опрокинувшая драгунов и казаков, изрубившая половину артиллеристов лавина французской кавалерии во весь опор неслась с двух сторон на неподвижно застывшие пехотные каре. Казалось, еще минута-другая, и все, что стоит на ее пути, будет сметено, раздавлено, уничтожено. Но русские солдаты не дрогнули перед этой всепоглощающей силой. Они встретили удар врага подобно гранитной скале, о которую вдребезги разбиваются грозные волны морского прилива. Как только противник приблизился на ближний ружейный выстрел, барабаны пробили сигнал тревоги, раздалась команда «Пли!», и в тот же миг прогремел, заглушая все другие звуки боя, залп тысяч ружей. Произведенный почти в упор, он буквально разметал ряды атакующих. В одно мгновение все пространство перед русскими каре оказалось устланным телами французских всадников и их лошадей. Лишь небольшим группам вражеских кавалеристов удалось прорваться сквозь этот шквал огня, но и те нашли смерть на русских штыках. Понесся большие потери, французская конница отхлынула назад. Генерал Неверовский поздравил своих солдат с первым успехом. Громкое «Ура!» раздалось ему в ответ.

Отразив атаку французской кавалерии, 27-я пехотная дивизия начала отступление. Остаться на прежнем месте было нельзя: неподвижные каре служили хорошей мишенью для вражеской артиллерии и были бы немедленно расстреляны ею, а окружавшая их со всех сторон кавалерия довершила бы уничтожение. Отступающие каре русской пехоты неприятель продолжал атаковать со всех сторон. Прикрываясь деревьями, которыми была обсажена дорога, каре успешно отбивались от нападавшего противника и продолжали свой путь. Мюрат предложил Неверовскому сдаться, но получил решительный отказ. Французы находились настолько близко, что могли переговариваться с нашими солдатами, убеждая их положить оружие. В ответ на эту «пропаганду» солдаты Полтавского пехотного полка заявили: «Умрем, но не сдадимся!» На пятом километре отступления натиск врага резко усилился, но рвы и деревья помешали ему ворваться в наши боевые порядки. Стойкость русской пехоты сводила на нет все усилия французской кавалерии. Несмотря на то что Мюрат непрерывно вводил в бой все новые и новые ча-

сти, все его усилия уничтожить отряд Неверовского оказались безуспешными. Однако под натиском врага, в ходе отражения его непрерывных атак подразделения, а затем и часть русско-го отряда в конце концов перемешались. Сначала каре перестроились в колонны, чтобы ускорить темп отхода, а затем эти колонны образовали одну общую дивизионную колонну, которая и продолжила дальнейшее отступление, отбивая атаки противника со всех сторон. Так отряд с боями прошел еще 7 км. Но при подходе к речке, на которой занимал оборону 50-й егерский полк, французам все же удалось отсечь хвост колонны. Положение спасли два конных орудия, высланные вперед полковником Назимовым. Под их огнем, открытым с близкой дистанции, неприятель был вынужден отступить, что дало возможность отсеченным противником подразделениям соединиться со своими главными силами. Воспользовавшись некоторым замешательством французов, Неверовский благополучно перешел через речку и под прикрытием 50-го егерского полка закрепился на ее восточном берегу. Мюрат, решив, что к русским подошли подкрепления, преследование прекратил. Ночью дивизия Неверовского отошла к Смоленску.

Таким образом, небольшому отряду генерала Д.П. Неверовского удалось на целых полдня задержать авангард «Великой армии», имевший более чем тройное численное превосходство. В ходе этого ожесточенного боя русский отряд, состоявший на две трети из молодых, недостаточно обученных и впервые участвующих в бою солдат, проявил беспримерную стойкость, отвагу и мужество. Находясь в полном окружении, он в течение семи часов отразил более 40 атак противника и, прокладывая себе дорогу огнем и штыками, с боем прошел 12 км⁹. Потери, понесенные отрядом Неверовского в этом тяжелом бою, были значительны: они составили свыше 80% от его первоначальной численности (более 5,5 тыс. человек)¹⁰. Около половины всех потерь приходилось на раненых, попавших затем в плен к неприятелю. Вынести их с собой оставшимся в строю не было никакой возможности. Тем не менее свою задачу, находясь почти в безнадежном положении, отряд Неверовского выполнил блестяще. Смелый и довольно оригинальный замысел Наполеона нанести внезапный удар на Смоленск с юга и выйти в тыл рус-

*Д.П. Неверовский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

ской армии был сорван. Ее командование получило минимально необходимое время для организации отпора врагу. «Пехота... окруженная многочисленной неприятельской конницей и поражаемая картечными выстрелами... ружейным огнем и штыками прокладывала себе дорогу. Неустрасимость и храбрость русского солдата явились во всем своем блеске», — доносил Неверовский в своем рапорте¹¹.

Начальник Неверовского П.И. Багратион, как один из наиболее компетентных специалистов в военных делах, сам неоднократно находившийся в таком же положении, как Неверовский под Красным, должным образом оценил героизм солдат и офицеров 27-й пехотной дивизии. В своем донесении царю он отмечал: «Хотя урон у него (Неверовского. — *Прим. авт.*) значущий, но нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, с какою дивизия, совершенно новая, дралась против чрезмерно превосходных сил неприятельских. Можно даже сказать, что пример такой храбрости ни в коей армии показать нельзя!»¹² Мужеству русских солдат и доблести их командира в бою под Красным отдал должное и противник. Так, один из секретарей Наполеона писал: «Самая блистательная храбрость наших солдат истощается; ударяя в густую колонну, они рубят ее, но не

могут сломить»¹³. Французский генерал Ф. Сегюр свидетельствовал: «Неверовский отступал, как лев»¹⁴.

Наполеон, узнав о событиях под Красным, выразил крайнее неудовольствие действиями своих генералов. «Я ожидал всей дивизии русских, а не семь отбитых у них орудий», — гневно выговаривал он Мюрату. Причина, по которой последний не смог уничтожить отряд Неверовского, заключалась прежде всего в отсутствии у французов артиллерии. На все три кавалерийских корпуса у Мюрата имелась всего лишь одна конная батарея. Вся остальная его артиллерия отстала на марше. К тому же и действия этого наполеоновского маршала были далеко небезупречны. Он не сумел своевременно сосредоточить всю свою многочисленную кавалерию под Красным, а вводил ее в бой по частям, по мере подхода их к полю боя.

Герой Красного Дмитрий Петрович Неверовский происходил из семьи небогатого украинского помещика. В 1812 г. он имел за плечами уже 26 лет армейской службы, которую начал с 15-летнего возраста рядовым лейб-гвардии Семеновского полка (1786). Произведенный через год в офицеры и назначенный в Малороссийский кирасирский полк, Неверовский принял участие в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. В 1794 г. в рядах суворовских войск он сражался в Польше и за отличие при штурме Праги досрочно был произведен в чин секунд-майора. В 32 года стал полковником, а в 33 года — генералом (1804). Затем участвовал в войне 1805 года с Наполеоном, находясь в составе русского экспедиционного корпуса в Померании. Назначенный в 1809 г. шефом Павловского гренадерского полка, он возглавлял его в течение трех лет. В январе 1812 г. генерал-майор Д.П. Неверовский был назначен начальником только что сформированной им 27-й пехотной дивизии, которая с началом войны 1812 года была включена в состав 2-й Западной армии Багратиона.

Неверовский, хотя и не имел той громкой славы, которую успели снискать себе к 1812 г. многие генералы русской армии, тем не менее пользовался репутацией храброго и дельного офицера, образцового командира полка. Он много сил и времени отдавал обучению и воспитанию вверенного ему личного состава, досконально вникая во все мелочи службы и быта

своих солдат и офицеров, проявляя большую заботу о подчиненных. И те платили ему искренним доверием и неподдельной признательностью.

Дмитрий Петрович свято хранил и развивал суворовские традиции в подчиненных ему частях и подразделениях, стремился творчески применять заветы своего великого учителя в практической деятельности. По образному выражению поэта, это был типичный «слуга царю, отец солдатам». Славные подвиги и громкая боевая слава, выдвинувшие Неверовского в число наиболее прославленных героев Отечественной войны 1812 года, были еще впереди. А здесь, под Красным, его звезда только еще всходила на небосклоне российской военной истории. Верный своим правилам, Неверовский перед боем вывел своих солдат на позицию и лично разъяснил им замысел предстоящих действий. Во время своего «львиного отступления» от Красного к Смоленску отряд Неверовского, проявивший выдающуюся храбрость, мужество и самоотверженность, стяжал бессмертную славу. Во время этого беспрецедентного в своей трагичности отчаянного отступления, каждый шаг которого устилался русскими трупами, его солдаты сражались с полным пренебрежением к опасности. Отступая, они каждый раз, когда обстановка становилась особенно угрожающей, на ходу разворачивались в сторону наседавшего противника и отражали его ружейным огнем почти в упор, с расстояния 20 шагов. Нередко в дело вступали и штыки. За подвиг под Красным Д.П. Неверовский был награжден орденом Георгия 4-й степени. Удостоились боевых наград и многие из его подчиненных.

Неверовский не обладал дарованиями военачальника крупного масштаба. Он был тактиком, прирожденным воином, стойким и храбрым бойцом передовой линии, охотно бравшимся за выполнение самых опасных и рискованных предприятий, умело решавшим боевые задачи любой сложности. Однако следует отметить, что длительная служба в кавалерии оказывала значительное влияние на его тактическое мышление, которое не всегда согласовывалось с принципами боевого применения пехоты. Нередко замашки кавалерийского начальника ставили руководимые им войска в сложное положение. На это в свое время обратил внимание А.П. Ермолов, подвергший некоторые

действия Неверовского, в частности и бой под Красным, нелицеприятной критике.

Отдаленный гул артиллерийской канонады завязавшегося под Красным боя доносился и до правого берега Днепра, вдоль которого армия Багратиона двигалась из Смоленска на Рудню. Марш армии замыкал 7-й пехотный корпус Раевского. В нескольких километрах от Смоленска его нагнал адъютант Неверовского, спешивший с донесением к Багратиону. Он доложил Раевскому, что 27-я пехотная дивизия атакована в Красном крупными силами противника. Так выяснилась причина доносившейся с левого берега Днепра канонады. Пройдя 12 км на запад от Смоленска, Раевский остановил свои войска на привал. Наступила ночь. Вскоре поступило приказание Багратиона — 7-му пехотному корпусу возвратиться назад и через Смоленск идти к Красному на помощь Неверовскому. Выслав немедленно в указанном направлении авангард (две пехотные бригады) под командованием генерала И. Ф. Паскевича, Раевский приказал войскам готовиться к новому маршу. Одновременно он обратился к Багратиону с просьбой усилить его корпус 2-й кирасирской дивизией, стоявшей невдалеке.

Таким образом, задержка Раевского на несколько часов с выступлением из Смоленска к Рудне обернулась на пользу русской армии. Она позволила быстро перенацелить корпус на другое, более угрожаемое направление. Авангард Паскевича на рассвете 3 (15) августа прошел Смоленск и двинулся по большаку на Красный. Часа через полтора он встретил остатки отряда Неверовского, который во 2-й Западной армии считали уже погибшим.

Выяснив обстановку, Паскевич решил занять позицию здесь же, за оврагом, в 6 км от Смоленска, где ему встретились остатки 27-й пехотной дивизии. Главные силы корпуса через несколько часов расположились в 3 км за авангардом. Французы появились только во второй половине дня. Увидев русский авангард, они остановились на расстоянии пушечного выстрела от него. И когда ночью на всем обозримом пространстве в расположении противника запылало бесчисленное множество костров, Раевский и Паскевич смогли воочию убедиться в его значительном численном превосходстве. Раевский отправил донесение Ба-

гратиону, который в это время находился с 8-м пехотным корпусом и кавалерией в Надве (35 км западнее Смоленска). В этом донесении подтверждались данные о движении крупных сил противника от Красного на Смоленск.

Барклай-де-Толли, продолжавший стоять с 1-й Западной армией на позиции в районе Волоковая — Гаврики, все еще не имел точных данных о действиях Наполеона, хотя кое-какие сведения о движении противника на левый берег Днепра к нему уже начали поступать. Однако эти сведения вызывали у него сомнения. Барклай никак не мог представить себе, что Наполеон решил оставить неприкрытым все пространство между Двиной и Днепром, чтобы устремиться с главными силами на левый берег Днепра. После долгих колебаний он в конце концов все же разрешил Багратиону переправиться на левый берег Днепра. И только донесение Раевского открыло ему наконец глаза на истинное положение дел. Поняв, что ему угрожает окружение, Барклай-де-Толли решил прекратить наступление на Рудню и отступить к Смоленску. Для этого русским армиям необходимо было в кратчайший срок преодолеть расстояние 35–45 км. А в течение всего этого времени корпус Раевского, насчитывавший не более 15 тыс. человек, должен был решать задачу исключительной сложности — оборонять Смоленск от основных сил наполеоновской армии.

Располагавшийся по обоим берегам Днепра, Смоленск был обнесен высокой, но ветхой каменной стеной с 30 башнями и бойницами для стрельбы¹⁵. Главная часть города находилась на левом берегу Днепра. Здесь же находились и четыре городских предместья — Красненское, Мстиславское, Никольское и Раченка¹⁶. Стену окружал неглубокий ров. С тыльной стороны ее были оборудованы огневые позиции для артиллерии. Против Красненской дороги находилось большое земляное укрепление (кронверк), называемое Королевским бастионом. Во время двухнедельного пребывания наших войск в Смоленске для укрепления города не было принято никаких мер. Следовательно, считать Смоленск крепостью в прямом значении этого слова можно было лишь с большой натяжкой.

Вечером 3 (15) августа Раевский собрал военный совет, который высказался за сражение на занимаемой позиции впере-

ди Смоленска. Однако прибывший к концу заседания генерал Паскевич выступил против такого решения. Ему весьма аргументированно удалось доказать своим товарищам, что левый фланг позиции уязвим. В случае его обхода противником корпус будет отрезан от переправы через Днепр, прижат к реке и уничтожен. Учитывая большое превосходство французов в силах, вероятность такого маневра с их стороны нельзя было не принимать в расчет. Паскевич предложил отступить в город и обороняться за его стенами. Его предложение военным советом было принято. Сразу же после окончания военного совета Раевский и Паскевич выехали на рекогносцировку в Смоленск. Светлая, лунная ночь способствовала ее успешному проведению. Тут же, у древних крепостных стен, Раевский утвердил решение военного совета и приказал войскам отходить в город. Каждой части назначен был свой участок обороны. На прежней позиции под городом до рассвета оставалась лишь конница.

Оборона Королевского бастиона, где ожидался главный удар противника, была поручена 26-й пехотной дивизии генерала И. Ф. Паскевича. Непосредственно на кронверке была установлена 18-орудийная батарея. Для обороны крепостной стены выделялся Виленский пехотный полк. Левее Королевского бастиона, в Мстиславском предместье, оборону заняли две бригады 12-й пехотной дивизии и бригада генерала Ставицкого, переданная ранее в 7-й пехотный корпус из дивизии Неверовского. В резерве находилась бригада 27-й пехотной дивизии. В госпиталях было собрано и вооружено несколько сотен выздоравливающих солдат, котрые были размещены на городских стенах. Артиллерия почти равномерно распределялась по всему фронту обороны. В ту же ночь к Раевскому подошли Новороссийский драгунский и Литовский уланский полки, выделенные Багратионом из состава 4-го кавалерийского корпуса.

2.2. Смоленское сражение

С рассветом 4 (16) августа Мюрат и Ней двинулись на Смоленск. Русская конница, не вступая в боевое соприкосновение с противником, начала отход к городу. С приближением французского авангарда к Смоленску наши егеря завязали с ним

Защита Смоленска. Хромолитография А. Сафонова. Начало XX в.

перестрелку. Так началось сражение под Смоленском. Вскоре на поле боя прибыл Наполеон, приказавший маршалу Нею атаковать город. Три большие колонны французской пехоты двинулись вперед: левая шла вдоль Днепра на Красненское предместье, центральная — на Королевский бастион, а правая — на Мстиславское предместье. 70 русских орудий открыли огонь по врагу. Невзирая на убийственный обстрел, ядра и картечь, французы подошли ко рву и ворвались на крепостной гласис. Но Орловский пехотный полк встретил их ружейным огнем и остановил дальнейшее продвижение. Несколько раз противник пытался овладеть гласисом, но каждый раз русская пехота залповым ружейным огнем сбрасывала его обратно в ров. Весь гласис был усеян телами убитых и раненых французов. Заметив, что атаки неприятеля слабеют, Паскевич приказал Орловскому, Ладожскому и Нижегородскому пехотным полкам контратаковать его. Стремительным штыковым ударом враг был выбит из рва, понеся при этом большие потери. Полки бросились преследовать разбитого противника, но Паскевич вернул их обратно. На правом фланге неприятель также был отражен, а на левом, где оборонялась 12-я пехотная дивизия,

он так и не решился атаковать. Таким образом, первая атака врага была успешно отражена. В ходе боя наступила пауза.

К 9 часам утра под Смоленском сосредоточились крупные силы противника. Они начали окружать город. В это время Раевский получает от Багратиона записку: «Друг мой! Я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы скорее соединиться с тобою. Держись! Бог тебе помощник!»¹⁷ Итак, Раевский был извещен, что помощь к нему идет. Но теперь нужно было во что бы то ни стало продержаться до ее подхода. Рассчитывать же на прибытие подкреплений он в лучшем случае мог лишь к исходу дня. Следовательно, в течение всего дня его корпусу предстояло сражаться против всей наполеоновской армии.

После первой неудачной попытки штурма Смоленска Наполеон приказал установить сильные артиллерийские батареи и начать бомбардировку города. Артиллерию поддерживала ружейным огнем пехота. Целые полки рассыпались в стрелковые цепи и вели интенсивный обстрел наших боевых порядков. Однако эффективность его была невелика. Прочные укрепления надежно защищали русских солдат. Высокий патриотизм проявили жители города, оказывая его защитникам всевозможную помощь и поддержку. Многие из них принимали непосредственное участие в обороне родного города.

Около полудня на правом берегу Днепра показались передовые части 2-й Западной армии. Багратион сначала намеревался перейти на левый берег Днепра у деревни Катань (20 км западнее Смоленска) и даже навел там мост, но узнав, что Наполеон уже прошел к Смоленску, снял мост и спешно двинулся туда же правым берегом. Форсированным маршем шла к Смоленску и 1-я Западная армия. Утомленные длительным ночным переходом солдаты совершенно забыли об усталости. Они спешили туда, где далеко впереди перед ними окутанный клубами порохового дыма и освещенный заревом начинающих пожаров сверкал златоглавыми куполами церковей древний Смоленск. С возвышенностей западнее города панорама развернувшегося сражения была видна как на ладони. Наполеон, увидев приближение русской армии, радостно воскликнул: «Наконец русские в моих руках!»¹⁸ Теперь он уже не сомневался в близости давно ожидаемого им сражения.

Первым подкреплением, полученным Раевским, была 2-я кирасирская дивизия, которую он два дня назад просил у Багратиона, еще не зная, что ему придется сражаться в городе. Теперь же она ему была не нужна, и он запретил кирасирам переправляться в левобережную часть города. Около 19 часов подошли четыре полка 2-й гренадерской дивизии. Вводить их в бой не пришлось, так как противник особой активности не проявлял, ограничившись огневым боем. К вечеру на высотах правого берега Днепра сосредоточились обе русские армии. К этому времени бой уже стих и французы отошли на исходное положение. В Смоленск прибыли оба главнокомандующих в сопровождении своих генералов. Все понимали важность достигнутого успеха. Поздравления Раевскому и Паскевичу сыпались отовсюду. Но, отдавая должное стойкости 7-го пехотного корпуса, все же следует иметь в виду, что данный успех был одержан прежде всего благодаря пассивности Наполеона. Непонятно, почему он не воспользовался благоприятным случаем, чтобы разгромить Раевского и нанести удар в тыл русской армии. Для решительного штурма Смоленска сил в этот день у него было вполне достаточно. Сдерживать на длительное время натиск противника, обладающего подавляющим превосходством в силах, корпус Раевского вряд ли бы смог. Но французский император предпочел ограничиться бомбардировкой города. Чтобы сломить сопротивление защитников города, этого оказалось недостаточно. Вполне вероятно, Наполеон хотел здесь начать сражение со всей русской армией. В течение всей второй половины дня он видел, как по правому берегу Днепра спешат к Смоленску нескончаемые колонны русских войск. В убеждении, что они идут туда не для того, чтобы через сутки опять отступить, Наполеон ни на минуту не усомнился в близости предстоящего сражения. Поэтому, видимо, он решил не тратить попусту силы на штурм города, который в случае победы от него все равно никуда бы не ушел, а сосредоточить все имеющиеся в его распоряжении войска для предстоящего генерального сражения. Всем отставшим войскам, а их имелось немало, было приказано спешить к Смоленску.

Весь день 4 (16) августа и в ночь на 5 (17) августа непрерывным потоком стекались к городу на Днепре полки, дивизии

и корпуса наполеоновской армии. Утром 5 (17) августа французские войска заняли исходное положение для сражения под стенами Смоленска. На левом крыле, примыкавшем к Днепру западнее Смоленска, находился корпус Нея, в центре — корпус Даву, на правом фланге, примыкавшем к Днепру восточнее города, — корпус Понятовского и кавалерия Мюрата. Гвардия составляла резерв. В 15 км от Смоленска располагался корпус вице-короля Евгения Богарне, имевший задачу обеспечивать левый фланг и тыл армии. Не было только корпуса Жюно, который сбился с дороги и прибыл к Смоленску лишь под вечер. Численность сосредоточенной под Смоленском французской армии достигала 180 тыс. человек.

С восходом солнца Наполеон был уже в войсках. Он с плохо скрываемым нетерпением ожидал, когда раскроются городские ворота и русская армия выйдет из Смоленска для сражения. Но у Баркляя-де-Толли были другие планы. Опасаясь, что Наполеон попытается охватить русскую армию с востока, он принял меры к тому, чтобы парировать этот маневр противника. С этой целью 2-я Западная армия Багратиона получила приказ идти к Дорогобужу, оставив под Смоленском лишь арьергард под командованием генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова (племянника А.В. Суворова). Для прикрытия марша Багратиона было решено продолжать оборону Смоленска. Решение этой задачи возлагалось на один из корпусов 1-й Западной армии. Главные же ее силы вместе с арьергардом 2-й армии располагались под Смоленском, на правом берегу Днепра. Исполнение этого плана началось в ночь на 5 (17) августа.

Дальнейшая оборона Смоленска была поручена 6-му пехотному корпусу генерала от инфантерии Д.С. Дохтурова. Но Дохтуров еще не вполне оправился от болезни и чувствовал себя неважно. Главнокомандующий запросил, сможет ли он возглавить оборону Смоленска. Доблестный генерал ответил: «Лучше умереть на поле, нежели на кровати»¹⁹.

Дмитрий Сергеевич Дохтуров был одним из наиболее заслуженных генералов русской армии. Он происходил из небогатых дворян Ярославской губернии. В 1812 г. ему было 56 лет, 31 год из которых он посвятил военной службе. Службу Дохтуров начал в 1781 г. в лейб-гвардии Семеновском полку. Отечественная

война 1812 года была для него уже четвертой, в которой ему довелось участвовать. А первой была Русско-шведская война 1788–1790 гг., за боевые отличия в которой он удостоился награждения золотой шпагой с надписью «За храбрость». Однако несмотря на столь высокую награду, на первых порах продвижение Дмитрия Сергеевича по службе шло сравнительно медленно. Звание полковника он получил лишь на 40-м году. Но вскоре, уже в царствование Павла I, происходит резкий рывок. Через два года Дохтурова производят в генералы (1797), еще через два года он получает чин генерал-лейтенанта. Причина такого быстрого продвижения заключалась в следующем. В те годы многие русские генералы во главе с фельдмаршалом А.В. Суворовым встретили насаждаемые в русской армии новым самодержцем гатчинские порядки с плохо скрываемой враждебностью и поплатились за это изгнанием со службы. А скромный служака, не обремененный связями, Дохтуров продолжал безропотно тянуть свою армейскую ляжку. Но освобожденные в массовом порядке высшие командные должности надо же было кем-то заполнять. Вот тогда и пробил час Дохтурова.

В отличие от довольно многочисленной когорты русских генералов и офицеров, сражавшихся под победоносными знаменами Суворова, на нем не сверкали отблески геройской суворовской славы. Боевая слава пришла к Дохтурову, когда он находился уже в довольно зрелом возрасте. Эта слава была завоевана им на полях сражений с Наполеоном в 1805 и 1806–1807 гг.

В кампанию 1805 года Д.С. Дохтуров командовал дивизией в армии М.И. Кутузова и особенно отличился в сражении при Кремсе, за которое был награжден орденом Георгия 3-й степени. В неудачном для нас Аустерлицком сражении его дивизия находилась на левом крыле союзной армии, которое подверглось полному разгрому. В ходе отступления оно было охвачено противником с обоих флангов и прижато к покрытым тонким льдом прудам с заболоченными берегами. Положение было безвыходным. Остаткам русско-австрийских войск грозило полное уничтожение или плен. Для отхода оставался лишь единственный путь — через узкую плотину, находившуюся под убийственным перекрестным огнем французских батарей. Движение по ней было равносильно гибели. И вот в этот критический мо-

Д.С. Дохтуров.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

мент во всем величии проявился геройский дух Дохтурова. Обнажив свою золотую шпагу, он обратился к сгрудившимся вокруг него солдатам: «Ребята! Вот шпага нашей матушки Екатерины! Умрем за отца-государя и славу России! Ура!» — и повел их на плотину. Его старались удержать напоминанием о семье. На это последовал ответ: «Нет, здесь жена моя — честь, дети — войска мои!» Пренебрегая опасностью, генерал первым вступил на плотину, на которой вихрем кружилась смерть, безжалостно сметая все живое. За ним устремились остатки его полков. Их порыв был настолько стремителен, что непреодолимое, казалось бы, пространство в короткий промежуток времени было преодолено. Несмотря на все старания, вражеская артиллерия не смогла сдержать отчаянный бросок русских войск. Хотя и со значительными потерями, они все же сумели прорваться сквозь сплошную завесу огня и тем самым избежать позорной капитуляции. Наградой Дохтурову за этот подвиг был орден Владимира 2-й степени.

Затем была война 1806–1807 гг. — новые сражения и новые подвиги. В сражении при Прейсиш-Эйлау Дмитрий Сергеевич был контужен, но не покинул поля боя. Наградой ему за умелое руководство войсками и личную храбрость была золотая шпага,

украшенная алмазами и надписью «За храбрость». В сражении при Гейльсберге он был ранен в четвертый раз, но снова остался в строю. Под Фридландом Дохтуров командовал центром русской армии, а затем вместе с Багратионом прикрывал ее отступление за реку Алле. Когда основные силы возглавляемого им арьергарда уже переправились через реку, он заметил замешательство в частях, еще остававшихся на западном берегу. Не раздумывая ни минуты, Дохтуров бросился на коне в реку, переплыл ее, под ураганным огнем врага восстановил порядок в прикрывавших отход частях и только после этого тем же путем возвратился обратно. Все это происходило под сильным огнем французской артиллерии, бывшей прямой наводкой по нашим переправам. За стойкость и мужество, проявленные во Фридландском сражении, Дохтуров был удостоен ордена Александра Невского.

В 1809 г. Дмитрий Сергеевич назначается командиром 6-го пехотного корпуса, а еще через год произведен в полные генералы. Сразу же с началом Отечественной войны 1812 года 6-й пехотный и 3-й кавалерийский корпуса, находившиеся в районе Лиды, были отрезаны противником от главных сил. Оказавшись в критическом положении, Дохтуров не растерялся. Форсированными маршами по труднопроходимым лесным дорогам, делая переходы по 60–65 км в сутки, он вывел свою группу войск из окружения и через несколько дней соединился с главными силами 1-й Западной армии. И вот теперь ему поручалась новая ответственная задача — оборона Смоленска. От ее успешного решения зависела судьба всей армии, а может быть, и судьба кампании. Задача, поставленная перед Дохтуровым, отличалась исключительной сложностью — под Смоленском сосредоточилась вся французская армия во главе с Наполеоном. Она спешно завершала подготовку к общему штурму. Решительность целей, которые ставил перед собой противник, не оставляла места для сомнений в том, что грядущий день предвещает трудное и жестокое сражение, предстоит кровавая схватка не на жизнь, а на смерть. Не сомневался в этом и главнокомандующий 1-й Западной армией Барклай-де-Толли. Поэтому и поручил защиту этого стратегически важного пункта, каковым являлся Смоленск, именно генералу Дохтурову. Он знал, что на

этого генерала можно положиться, он не подведет и до конца исполнит свой воинский долг, чего бы это ни стоило.

Бесстрашный воин, один из храбрейших генералов русской армии, Д. С. Дохтуров в то же время был очень скромным человеком. Он не любил заискивать перед начальством, вел себя с достоинством, не стремился без необходимости выступать со своими планами и предложениями, старался больше держаться в тени, все поручения выполнял точно, в срок и беспрекословно. В боевой обстановке отличался большим хладнокровием и поразительной невозмутимостью. Никакая опасность его не смущала. В самые напряженные минуты боя Дохтурова часто можно было видеть на наиболее ответственных участках, личным примером вдохновляющего свои войска. Убеденный фаталист, он уверял окружающих, что «на каждой пуле написано, кому она предназначена».

Генерал Д. С. Дохтуров был небольшого роста, тучный, не отличался хорошим здоровьем. Но, как заметил один из современников, «в слабом и малом теле была душа, недоступная слабостям». Справедливость, доступность, простота в обращении с подчиненными и забота о них снискали Дохтурову высокий авторитет и большую популярность в войсках. Хотя ему и не довелось в свое время быть в числе сподвижников Суворова, но суворовские традиции, методы обучения и воспитания войск Дохтуров широко использовал в своей боевой практике. Всем были хорошо известны его пламенный патриотизм, любовь ко всему русскому и удивительная даже по тем временам религиозность.

В полночь войска Дохтурова сменили корпус Раевского в Смоленске. 6-й пехотный корпус был усилен 3-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта П. П. Коновницына, 27-й пехотной дивизией генерал-майора Д. П. Неверовского и одной бригадой 12-й пехотной дивизии²⁰. Боевой порядок корпуса был в один эшелон с выделением резерва. На правом фланге занимала оборону 24-я пехотная дивизия генерал-майора П. Г. Лихачева, в центре — 3-я пехотная дивизия, на левом фланге — 7-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта П. М. Капцевича и остатки 27-й пехотной дивизии. Резерв составляли бригада 12-й пехотной дивизии и часть сил 3-й пехотной дивизии. На высотах правого

Оборона Смоленска. Художник П. Кривоногов. 1966 г.

берега Днепра были установлены сильные артиллерийские батареи, получившие задачу оказать огневую поддержку частям 6-го пехотного корпуса при отражении штурма противника.

К утру 5 (17) августа 1-я Западная армия заняла высоты на правом берегу Днепра, а 2-я армия отошла от Смоленска на 12 км по Московской дороге. В 8 часов утра раздались первые ружейные выстрелы. На отдельных участках завязалась перестрелка между егерями. К 10 часам ружейный огонь, поддерживаемый кое-где артиллерией, уже велся по всему фронту. Противник особой активности не проявлял, хотя небольшие группы его легкой пехоты в ряде мест пытались ворваться в предместья, но были отброшены. К 14 часам французы прекратили огонь и отошли на исходные позиции. Наполеон все еще ждал, что русская армия выйдет из Смоленска и примет сражение. Но его надежды скоро рассеялись. С правого фланга было доставлено донесение о движении русских войск от Смоленска на восток. То была 2-я Западная армия Багратиона. Ее отход к Дорогобужу не мог быть осуществлен скрытно, так как столбовая Московская дорога, по которой она совершала марш, на протяжении нескольких километров проходила вдоль берега Днепра и хорошо просматривалась с другой стороны.

Получив столь важное известие, император Наполеон решил лично убедиться в его достоверности и, бросив все, помчался на правый фланг. Здесь его взору открылась картина, поразившая воображение, — русская армия действительно уходила. Разъяренный до предела, в первом порыве он было принял решение отрезать отступающие войска от тех, которые еще оставались под Смоленском. Но разъезды, срочно высланные для отыскания бродов на Днепре, таковых не нашли (на самом деле брод имелся в 4 км от Смоленска). Тогда, отказавшись от этого плана, Наполеон решил овладеть Смоленском и приказал начать его штурм.

Около 15 часов французская артиллерия открыла ураганный огонь по городу из более чем 150 орудий. Через час последовала общая атака. Маршал Ней наступал на Красненское предместье, маршал Даву — на Мстиславское предместье и Малаховские ворота, генерал Понятовский атаковал Раченку. Неприятель ворвался в городские предместья. На их улицах завязались ожесточенные бои, нередко переходящие в рукопашные схватки. Сражение кипело по всему фронту. Около двух часов русские войска удерживали форштадт, но под давлением численно превосходящего противника были вынуждены отступить в город. Укрывшись за крепостными стенами, части 6-го пехотного корпуса остановили дальнейшее продвижение французов. Все это время наша артиллерия с правого берега Днепра вела сильный огонь по густым боевым порядкам врага, нанося ему тяжелый урон. Вражеская артиллерия также с прежней интенсивностью продолжала бомбардировку города, вызвав в нем многочисленные пожары. Облака густой пыли и черного дыма неподвижно висели над Смоленском. Высоко к небу вздымались багрово-красные языки пламени. Треск и грохот рушившихся в огне пожарищ зданий, мириады носящихся над городом огненных искр, оглушительные разрывы пушечных ядер, заглушающие команды и дробь барабанов, — такова была картина сражающегося Смоленска.

Получив мощный отпор перед городскими стенами (недаром в старину их называли «дорогим ожерельем России»!), неприятель привел свои войска в порядок, подтянул резервы и возобновил наступление. Главный его удар был направлен на Мала-

*А.И. Кутайсов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

ховские ворота, защищаемые Коновницыным. Здесь же находился и Дохтуров. Бой на этом участке достиг наивысшего напряжения. Шквал огня бушевал с невиданной силой, сметая все живое. Но если защитников крепости в какой-то степени прикрывали ее укрепления, то потери атакующего противника были просто ужасающими. До какой степени свирепствовала здесь истребительная стихия, можно понять хотя бы только из того, что буквально в считанные минуты потребовалось четырежды заменять находившиеся у крепостных ворот четыре орудия, так как их расчеты, лошади и материальная часть почти моментально выходили из строя. Немногие из тех, кто окружал в этом пекле наших генералов, уцелели. Почти все они были убиты или ранены. Был ранен пулей в руку и Коновницын. Но он не только не оставил поля боя, но даже не позволил сделать себе перевязку.

Барклай-де-Толли, наблюдавший с правого берега за ходом сражения и видя, что натиск врага все более усиливается, направил в подкрепление Дохтурову 4-ю пехотную дивизию генерал-майора принца Евгения Виртембергского (двоюродного брата Александра I по матери). Принц прибыл в город как раз в то время, когда выбитые противником из предместий наши вой-

ска в большом расстройстве отступали в крепость. Дохтуров приказал ему произвести контратаку, чтобы обеспечить отход войск из форштадта. Атака 4-го егерского полка в районе Малаховских ворот увенчалась успехом. Противник на этом участке был остановлен.

Успех сопутствовал русскому оружию и на левом фланге, у Раченки. Здесь оборону держал неустрашимый генерал Неверовский. В решающую минуту боя ему на помощь подошли гвардейские егеря, отразившие вместе с частями 27-й пехотной дивизии бешеный натиск поляков Понятовского. Он был отбит при активном содействии нескольких артиллерийских батарей, которыми лично руководил начальник артиллерии 1-й армии генерал А.И. Кутайсов. Овладев с большими потерями предметом, поляки неоднократно бросались на штурм крепостной стены. Несколько раз небольшим их группам даже удавалось врываться в разбитые артиллерией городские ворота. Но каждый раз при этом никто из них обратно уже не возвращался. Командовавший здесь польскими войсками генерал Грабовский был заколот гренадером Тобольского пехотного полка. И хотя громкие клики «Да здравствует Отчизна!», неизменно сопровождавшие каждую атаку поляков, еще некоторое время продолжали оглашать прибрежную часть Смоленска, но они все чаще и чаще заглушались громовым русским «Ура!», пока окончательно не стихли. Над опаленной жестоким огнем, но непокоренной врагом древней крепостной стеной продолжал гордо реять российский стяг.

Все попытки французской армии сломить упорное сопротивление русских и ворваться в крепость оказались тщетными. К вечеру, так и не добившись успеха, противник был вынужден прекратить атаки. В ярости Наполеон приказал своей артиллерии сжечь Смоленск. Новый шквал огня обрушился на защитников крепости и уже горевший во многих местах город. Большая толщина крепостных стен, воздвигнутых еще при Борисе Годунове, позволила им устоять перед французскими пушками, но тысячи смертоносных снарядов, обрушившихся на Смоленск, привели к огромным разрушениям в городе и большим жертвам среди мирного населения. Смоленск запылал подобно огромному факелу. Тысячи людей, задыха-

ясь от огненного жара и дыма, бежали из города. Горели колокольни и храмы, от выстрелов сотен пушек стоял адский грохот, повсюду, изрыгая огонь и смерть, рвались ядра и гранаты, повсюду витала смерть, находя все новые и новые жертвы, но церковные службы, проходившие накануне православного праздника Преображения Господня, не прерывались. Погода стояла чудная. Был прекрасный летний вечер. Над Днепром догорали последние лучи заходящего солнца, но в крошечном аду никто этого не замечал. Православный люд, еще во множестве остававшийся в охваченном пожарами городе, возносил молитвы к Всевышнему, прося его о даровании победы российскому воинству. О себе в этот грозный час мало кто думал. Поздно вечером при большом стечении народа из Благовещенской церкви вынесли одну из наиболее почитаемых на Руси древних святынь — икону Смоленской Божьей Матери, которая покидала город. Наблюдавшие сквозь рыдания и слезы эту торжественно-печальную церемонию огромные толпы смолян поняли, что их город обречен. Но гарнизон Смоленска продолжал стоять насмерть. Около 23 часов варварская бомбардировка города прекратилась. Противник отступил от его стен, так ничего и не добившись. Предпринятый им 5 (17) августа штурм Смоленска окончился неудачей.

Ночью Наполеон, смотря на охваченный морем огня город, воскликнул: «Это извержение Везувия! Не правда ли, красивое зрелище, господин обер-штальмейстер?» — «Ужасное, государь», — ответил Коленкур, к которому были обращены слова императора. «Ба! — возразил Наполеон. — Вспомните, господа, изречение одного из римских императоров: труп врага пахнет всегда хорошо!»²¹ Приближенные были ошеломлены.

Успех, одержанный под стенами Смоленска, воодушевил русских генералов. Но мнения их относительно дальнейших действий разделились: одни предлагали перейти утром Днепр и атаковать французскую армию, другие, более осторожные, советовали продолжать оборону города. Иного мнения был Барклай-де-Толли. Он считал, что оборонять дальше пылающие развалины Смоленска не имеет смысла. Исходя из этого он решил оставить крепость и, продолжая удерживать северную часть города (Петербургское предместье), находившуюся на правом берегу Дне-

Битва за Смоленск. Художник А. Адам. 1815–1825 гг.

пра, сковать Наполеона под Смоленском до тех пор, пока Багратион не достигнет Дорогобужа.

В 1 час ночи 6 (18) августа Дохтуров получил приказ оставить крепость и отвести свои войска за Днепр, в правобережную часть города. Вдруг среди ночи французы услышали мощные взрыва неслыханной силы. Это Дохтуров исполнил приказ главнокомандующего о взрыве пороховых складов.

Войска сражались в Смоленске с большим воодушевлением. Оно было настолько велико, что иногда целые полки без всякой команды в едином порыве бросались в штыки. Офицерам и генералам стоило больших усилий сдерживать этот неистовый порыв. Им нередко приходилось обнажать свои шпаги, чтобы остановить, а затем буквально отогнать назад своих солдат. Войска, защищавшие Смоленск, вовсе не считали себя побежденными, когда получили приказ на отступление. В 2 часа ночи казаки поскакали по улицам города, оповещая об отступлении русской армии и приглашая всех, кто хочет уходить из города, собираться немедленно, пока еще не уничтожен мост через Днепр.

Русские в 1812 г. Художник К. Пржецлавский. 1855 г.

Смоленск пылал. Пламя пожара освещало путь русским войскам, покидающим город. Вместе с ними уходили и жители. Стариками, женщины, дети на подводах и пешком тянулись вслед за армией. За два часа до рассвета 6 (18) августа, уничтожив мост через Днепр, 6-й пехотный корпус покинул южную часть города. В его арьергарде шла дивизия Коновницына, оставившая Смоленск последней.

В 4 часа утра войска маршала Даву вступили в оставленный русскими город. К продолжавшимся пожарам прибавились сразу же начавшиеся грабежи. Наиболее бесчинствовали при этом поляки и немцы. Смоленская трагедия произвела очень сильное впечатление на французскую армию. Даже привыкшая за 16 лет кровавой наполеоновской эпопеи, казалось бы, ко всему, она была шокирована видом того страшного зрелища, которое предстало перед нею среди дымящихся руин погибшего города. В частности, в Смоленске находилось большое количество тяжелораненых русских солдат, эвакуированных сюда в свое время из-под Могилева, Витебска и других мест, где происходили арьергардные бои. К ним добавились и раненые при обороне самого Смоленска. Эти тысячи мучившихся без какой-либо медицинской помощи людей находились в Старом городе. Он загорелся еще в самом начале сражения и выгорел дотла при отступлении русских войск, которые, к великому сожалению, уже ничем не смогли помочь оказавшимся в беспомощном положении несчастным. Французы, войдя в город, увидели здесь жуткую картину — огромные кучи обугленных трупов в самых невероятных позах валялись среди еще дымящихся пепелищ и догорающих зданий²².

Двухдневное сражение под Смоленском закончилось. Русские войска, отразив все атаки противника, все же были вынуждены оставить город. Главные силы сторон в сражение так и не были введены. В первый день в нем участвовали: с нашей стороны корпус Раевского (15 тыс. человек), со стороны французов — корпус маршала Нея (22 тыс. человек). На второй день Наполеон из имевшихся в его распоряжении 140 тыс. человек ввел в сражение лишь 45 тыс. Им противостояли русские войска под командованием Дохтурова численностью до 30 тыс. человек. В ходе сражения противник потерял от 10 до 12 тыс. человек. Наши потери составили 6–7 тыс. человек²³.

Утром 6 (18) августа французы заняли южную часть Смоленска. Их передовые части перешли вброд через Днепр и овладели было Петербургским предместьем, отбросив оборонявший его отряд генерал-майора барона Ф.К. Корфа. Главкомандующий армией приказал Коновницину возвратиться в арьергард и очистить северную часть города. Во главе егерской бригады Коновницин блестяще выполнил эту задачу. В течение всего дня противник не пытался больше возобновлять здесь наступление, ограничившись перестрелкой.

6 (18) августа войска 2-й Западной армии продолжали отступление к Дорогобужу, а 1-я армия, отойдя по Петербургской дороге к северу от Смоленска, совершила затем фланговый маневр. По проселкам она вышла на Московскую дорогу и присоединилась ко 2-й армии.

Овладение Смоленском явилось крупным успехом Наполеона, так как значение этого города было огромно. В нем скрещивались все главные дороги, ведущие из глубины России на Запад. Кроме того, после Смоленска до самой Москвы русская армия не имела тыловых баз и вынуждена была снабжаться за счет подвоза издалека. Наконец, вся территория от Смоленска до Москвы представляла собой ровную, открытую местность, удобную для маневрирования большими массами войск. Для Наполеона, сохраняющего численное превосходство, это имело важное значение и давало ему большое преимущество. Когда М.И. Кутузов узнал о падении Смоленска, то в глубоком раздумье произнес: «Ключ к Москве взят!»

Сражение под Смоленском, как и все предыдущие арьергардные бои, показало, что русские войска не просто отступали, а отступая, наносили врагу серьезные удары, изматывали его силы. Русская армия по-прежнему не теряла силы сопротивления. Французская же армия постепенно теряла свои силы в боях с русскими войсками. Кроме того, для французов возникла серьезная угроза партизанской войны. Население русских губерний при приближении врага уничтожало запасы, а само уходило в леса, угоняя с собой и скот. Народный характер войны отчетливо выявился уже на первом этапе войны. С.Н. Глинка отмечает в своих воспоминаниях, что еще до оставления Смоленска «обыватели вооружались кто чем мог и спешили за войсками»²⁴.

Это подтверждает и противник. «Оставшиеся жители все вооружались», — пишет Коленкур²⁵. О начавшемся движении среди народа писал также И.Д. Якушкин: «Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языци, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение»²⁶. Имеются многочисленные свидетельства современников о том, что народ принял самое активное участие в войне на первом же ее этапе и представлял серьезную угрозу для наполеоновской армии. Однако царское правительство боялось своего народа и запрещало вооружать крестьян, так как дворянство не было уверено, куда, получив оружие, «повернется русский народ»²⁷. Вопрос заключался в том, что война породила среди крестьян надежду на освобождение от крепостной зависимости. Правительство и дворянство опасались, что Наполеон декларирует ликвидацию крепостного права и крестьяне пойдут против помещиков. Так, в частности, Раевский еще в начале июля писал из Несвижа: «Я боюсь прокламаций, чтобы не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем краю внутренних беспорядков»²⁸. Неясная позиция крестьянства вызывала серьезную озабоченность местных властей. Поэтому они принимали меры предосторожности против возможных крестьянских волнений. Например, Тверской, Новгородский и Ярославский генерал-губернатор принц Г. Ольденбургский (зять Александра I) предупреждал своих подчиненных: «Внутреннего вооружения поселян надлежит совершенно избегать, ибо оно может иметь последствия самые пагубные»²⁹. Но помещики-крепостники, имевшие все основания опасаться своего народа, все же недооценивали его патриотизма. Дело в том, что русское крестьянство не видело в лице французов своих избавителей от крепостного гнета и справедливо считало, что новое, иноземное рабство лишь ухудшит его положение. В этом его убеждали действия Наполеона, который издал указ о необходимости повиновения крестьян помещикам и посылал военные отряды для подавления крестьянских волнений. Наполеон, по свидетельству Коленкура, не желал придавать войне с Россией «революционный характер»³⁰.

Среди крестьянства сложилось убеждение, что с изгнанием захватчиков должно пасть и крепостное право. То есть крестьянство полагало, что этого оно заслужило своею кровью и своим участием в борьбе против вражеского нашествия.

Во французской армии считали, что с взятием Смоленска кампания 1812 года закончена. Об этом и сам Наполеон говорил маршалу Даву³¹. Но это были лишь одни слова. Он видел, что в его «непобедимой армии» стали уже появляться признаки разложения. Император отчетливо сознавал, что свои замыслы осуществить ему не удалось. Русская армия по-прежнему не принимала генерального сражения и продолжала отходить на восток, полностью сохранив свою боеспособность. Ему было хорошо известно, что всякая задержка в войне более выгодна обороняющемуся, чем нападающему. Полученные же сообщения из Испании и Франции требовали быстрее окончания войны. Кроме того, зимовать в разоренной стране, вдали от баз было невозможно. Проводить реквизиции в опустошенной войной местности было бессмысленно. Неудача Маكدональда под Ригой сорвала возможность хотя бы частично наладить снабжение армии морем. Оставался один выход — ринуться за отступающей русской армией, навязать ей генеральное сражение, разбить ее, овладеть Москвой и добиться мира на почетных условиях.

Напрасно близко стоявшие к Наполеону Бертье и Коленкур настоятельно советовали ему не увлекаться преследованием уходящего вглубь страны противника, не гнаться за далекими перспективами, остановиться на Днепре, укрепить армию, привести в порядок тылы, решить административные вопросы в захваченных областях. Все их доводы не нашли понимания у Наполеона. Правда, во время пятидневного пребывания императора в Смоленске у него иногда все же возникали колебания: не остановиться ли, в самом деле, в треугольнике Витебск — Могилев — Смоленск на зимние квартиры? Но тут же внутренний голос опровергал эту крамольную мысль: а где гарантия, что длительная пауза в войне приведет к желаемой цели? Такой гарантии не было. Более того, и Россия, и Европа расценили бы такую паузу как его поражение. А это, в свою очередь, создало бы для него, Наполеона, крайне невыгодную военно-

политическую обстановку. Поэтому выход был один — идти вперед и искать сражения.

В ходе этой роковой для него кампании Наполеон часто вел себя как зарвавшийся карточный игрок. Куда девались его былая осмотрительность, оперативное предвидение, верный стратегический расчет? Остался лишь один тактический азарт, граничивший с беспашабашностью эскадронного командира. При малейшем, даже небольшом тактическом успехе у него сразу же зарождалась надежда на возможность большого сражения и достижения в нем решительной победы. Сражение 7 (19) августа при Лубине (в 10 км к востоку от Смоленска) послужило толчком, который вновь увлек наполеоновскую армию вслед за отходившими русскими войсками. Обстоятельства, при которых возникло это неожиданное столкновение французов с русскими у села Лубино, были следующие.

После Смоленского сражения Барклай-де-Толли не смог сразу же начать отступление по Московской дороге, так как эта дорога на протяжении 8 км проходила на столь близком расстоянии от берега Днепра, что французской артиллерии с левого берега ничего не стоило бы без каких-либо помех расстреливать войска 1-й армии во время марша. Поэтому Барклай был вынужден отходить сначала на север по Пореченской дороге. Этим маневром он скрывал свои намерения и одновременно вводил противника в заблуждение.

Простояв весь день 6 (18) августа под Смоленском, 1-я Западная армия с наступлением темноты начала отступление по Пореченской дороге, а затем через 4 км резко повернула на юго-восток и проселками направилась на столбовую Московскую дорогу. Армия отступала к Соловьевой переправе через Днепр. Ее арьергардом командовал генерал-майор барон Ф.К. Корф (командир 2-го кавалерийского корпуса). В авангарде шел отряд генерал-майора П.А. Тучкова 3-го (Ревельский пехотный, 20-й и 21-й егерские и Елисаветградский гусарский полки).

Совершив в течение ночи трудный фланговый марш по лесисто-болотистой местности, авангард Тучкова утром 7 (19) августа вышел на Московскую дорогу у Лубино. К этому времени арьергард 2-й Западной армии под командованием князя Горчакова, стоявший два дня на Московской дороге

в 4 км восточнее Смоленска, уже двинулся на соединение со своими главными силами. Для связи с 1-й армией Горчаков оставил три казачьих полка под командованием генерал-майора А.А. Карпова.

Тучков 3-й имел задачу с выходом на столбовую дорогу продолжать движение дальше на восток, к Соловьевой переправе. Но, узнав от казаков об отходе Горчакова из-под Смоленска и о наведении французами переправы через Днепр у села Прудышево (6 км юго-восточнее Смоленска), он пришел к выводу, что противник стремится отсечь 1-ю армию от армии Багратиона. Вскоре его предположения подтвердились. Перебежчик показал, что у Прудышево находится 8-й пехотный (вестфальский) корпус Жюно, которому поставлена задача охватить с востока 1-ю русскую армию. Желая надежно прикрыть движение основных сил, Тучков по собственной инициативе повернул свой отряд на запад и направил его по дороге к Смоленску. Пройдя вперед километра два, он увидел перед речкой Страгань выгодную для обороны позицию и развернул на ней свои войска в боевой порядок.

К этому времени голова колонны главных сил уже начала выходить из лесного массива на Московскую дорогу. Командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Н.А. Тучков 1-й, шедший впереди, усилил брата гренадерской бригадой генерал-майора П.Ф. Желтухина (лейб-гренадерский и графа Аракчеева полки). В это же время корпус Жюно переправился через Днепр по наведенному у Прудышево мосту и двинулся к селу Лубино.

Наполеон 6 (18) августа оставался в Смоленске, дав отдых своим утомленным штурмом войскам. Только вечером он направил корпус Жюно к Прудышево с задачей переправиться там на правый берег Днепра, выйти на Московскую дорогу и отрезать путь на восток тем русским войскам, которые находятся между Смоленском и Лубино.

Утром 7 (19) августа Наполеон приказал 3-му кавалерийскому корпусу Груши начать преследование 1-й русской армии по Пореченской дороге, а всю остальную кавалерию Мюрата двинул на восток по Московской дороге. Следовательно, к этому времени французский император еще не знал о действительном направлении отступления 1-й Западной армии. Только че-

П.А. Тучков.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

рез несколько часов ему удалось разобраться в обстановке. На Московскую дорогу в срочном порядке был направлен корпус Нея. В это время значительная часть войск 1-й Западной армии (2-й пехотный корпус и арьергард Корфа) находились еще под Смоленском. И если бы Наполеон полностью владел обстановкой, ему не составило бы особого труда отрезать их от главных сил и уничтожить.

Около 11 часов утра Тучков 3-й и прибывший к нему генерал-квартирмейстер 1-й армии полковник К.Ф. Толь заметили показавшиеся на Московской дороге войска корпуса Нея. Сознавая, что от действий его отряда зависит успех совершаемого 1-й Западной армией маневра, Тучков 3-й решил во что бы то ни стало задержать наступление противника. Выдвинутая вперед артиллерийская батарея открыла огонь по приближающимся французам. Завязалась перестрелка, все более усиливавшаяся по мере подхода вражеских войск. Так началось сражение при Лубине, или, как его еще называют, сражение при Валутиной горе. Против русского отряда, насчитывавшего всего 5,4 тыс. человек, наступал 3-й французский пехотный корпус маршала Нея, имевший в строю свыше 20 тыс. солдат³². Было очевидно, что надолго задержать обладающего подавляющим превосходством в силах

неприятеля генералу Тучкову не удастся. Наблюдавший за ходом боя маршал Ней быстро оценил открывшуюся перед ним перспективу отсечения пути отхода 1-й русской армии и усилил натиск. Его уверенность в успехе подкреплялась тем, что от Прудисцево в обход левого фланга русских вскоре должны были двинуться корпус Жюно и кавалерия Мюрата.

К действиям отряда Тучкова было приковано и внимание командования 1-й Западной армии. К 15 часам сюда прибыл Барклай-де-Толли со своим начальником штаба А.П. Ермоловым. Убедившись, что наши войска с трудом сдерживают натиск противника, главнокомандующий приказал 3-й пехотной дивизии генерала П.П. Коновницына идти на помощь авангарду. От двух перебежчиков стало известно, что Мюрат ожидает только завершения переправы Жюно у Прудисцево, чтобы вместе с ним идти в обход левого фланга Тучкова. Для парирования этого маневра противника Барклай повернул назад 1-й кавалерийский корпус, которым временно командовал генерал-майор граф В.В. Орлов-Денисов. Ему была поставлена задача — прикрыть левый фланг авангарда.

Между тем на Московской дороге и по обеим ее сторонам кипел ожесточенный бой. Французы неоднократно пытались сбить отряд Тучкова с занимаемой позиции, овладеть Лубино и тем самым закрыть дорогу на восток для 1-й Западной армии, но успеха не имели. Безуспешны были и попытки Нея охватить фланги русского отряда. Кавалерия Мюрата и вестфальская пехота Жюно также рвались на Московскую дорогу в обход левого фланга русских. Но на их пути встала конница Орлова-Денисова. Умело используя местность (густой кустарник и непроходимые болота), она задержала наступавшего здесь противника. Когда два пехотных полка вестфальцев вышли из кустарника и открыли огонь по нашей коннице, Орлов-Денисов приказал ей отступить. Неприятель, заметив отступление, быстро двинулся вперед и тут же был контратакован русской конницей. Стремительная атака гвардейских казаков, которых вел сам граф В.В. Орлов-Денисов, и Мариупольского гусарского полка, возглавляемого полковником князем И.М. Вадбольским, увенчалась полным успехом. Большая часть вражеской пехоты была изрублена на месте, а остатки ее в панике бежали в болота. Пре-

*А. Жюно.
Литография
по оригиналу А. Гро.
Начало XIX в.*

следуя противника, казаки и гусары с ходу атаковали и также опрокинули выходящую из кустарника французскую кавалерию. Введя в бой свежие силы, неприятель возобновил наступление. Бой с переменным успехом продолжался в течение двух часов. Все попытки Мюрата сбить русскую конницу с занимаемой позиции ни к чему не привели. Тогда он направил часть своих войск в обход левого фланга корпуса Орлова-Денисова. Обойдя заболоченный лес, французы вышли ему во фланг и открыли сильный ружейно-артиллерийский огонь. Загнув свой левый фланг назад, Орлов-Денисов одновременно сократил фронт обороны между двумя болотами, а высвободившиеся при этом части вывел в резерв. Тем временем к нему подошли подкрепления — Полоцкий и Перновский пехотные полки и 12 орудий. Это позволило Орлову-Денисову укрепить оборону и заверить главнокомандующего армией, что более он не отступит ни на шаг и удержит Мюрата до конца дня.

Встретив упорное сопротивление русских, наполеоновские военачальники запросили у своего императора подкреплений. Они докладывали Наполеону, что идет самое настоящее сражение, к противнику непрерывно подходят свежие войска и они не в состоянии с имеющимися в их распоряжении силами сломить

Бой у Валутиной горы. Художник П. Гесс

его сопротивление. Мюрат, кроме того, жаловался Наполеону на Жюно, который отказал ему в поддержке.

После переправы через Днепр Жюно, встретив на пути топкое болото, решительно отказался вести свои войска вперед. Мюрат предлагал ему обойти болото и ударить русским в тыл. На это командир вестфальского корпуса ответил, что для такого маневра его корпус слишком слаб, что для обхода требуется много времени, тогда как до наступления темноты остается всего четыре часа. Настойчивые просьбы Мюрата остались безрезультатными. Когда Жюно вышел все-таки через болота на Московскую дорогу, то было уже поздно — соединенная русская армия ушла в направлении Дорогобужа. Снова победа ускользнула от Наполеона. Узнав о поведении своего старого сподвижника в сражении при Лубине, Наполеон в гневе воскликнул: «Жюно упустил русских! Из-за него я теряю кампанию!»³³ Король неаполитанский Мюрат был в бешенстве и, передавая генералу Жюно резкий выговор императора, прибавил от себя: «Вы недостойны быть в армии Наполеона последним драгуном!»³⁴ На этом надломилась боевая карьера герцога д'Абрантес, рассчитывавшего за удачно проведенную операцию под Смоленском

получить от Наполеона, адъютантом которого он был еще под Тулоном, долгожданный маршальский жезл. Такое странное поведение генерала А. Жюно, всегда отличавшегося выдающейся храбростью и пылкостью характера, французские историки объясняют начавшимися у него признаками душевной болезни, которая в последующие месяцы стала быстро прогрессировать и вскоре свела его в могилу...

Войска Нея усиливали нажим на позиции русских. На ряде участков им удалось потеснить их. Борьба на Московской дороге не ослабевала. Тут находились и Барклай, и Ермолов, и Коновницын, и Толь, и Тучков 3-й... Здесь сосредоточивались основные усилия обеих сторон. Во второй половине дня русские войска, сражавшиеся при Валутиной горе, были усилены Екатеринбургским гренадерским полком (шеф полка полковник А.В. Запольский). В резерве за Лубино стояли еще три гренадерских полка и кавалерийская дивизия. Атаки противника следовали одна за другой. Русские войска стойко их отражали, иногда сами контратаковали. Наконец около 19 часов из леса на Московскую дорогу вышел 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута, а к вечеру — и арьергард Корфа. С завершением войсками 1-й Западной армии флангового марша из-под Смоленска к Лубину цель, во имя которой войска Тучкова 3-го, Коновницына и Орлова-Денисова сражались при Валутиной горе, казалось, была достигнута. Врагу не удалось отсечь войскам 1-й армии путь на восток. Однако упорный, кровопролитный бой продолжался с неослабевающей силой. На левом фланге Мюрат сделал последнюю отчаянную попытку сломить сопротивление отряда Орлова-Денисова. Но яростная атака французской кавалерии была отражена сосредоточенным огнем 16-орудийной батареи и залповым ружейным огнем Полоцкого и Перновского пехотных полков³⁵. Под убийственным ружейно-артиллерийским огнем ряды противника смешались, он пришел в расстройство. Лихая атака Сумского гусарского полка довершила его поражение. Конница Мюрата была отброшена в исходное положение.

На правом фланге Ней, подтянув резервы, продолжал упорно атаковать, но по-прежнему без особого успеха. Около 21 часа к нему на поле боя подошла 3-я пехотная дивизия генерала

Ш. Гюдэна (из 1-го пехотного корпуса Даву). Воспользовавшись наступившими сумерками, она незаметно вошла в ложину и стремительно атаковала находившиеся на выходе из нее наши войска. Чтобы исправить допущенную оплошность, Тучков 3-й во главе Екатеринославского гренадерского полка ударил в штыки. Произошла ожесточенная рукопашная схватка, в ходе которой русские grenадеры были опрокинуты численно превосходящим противником. Это была одна из лучших дивизий наполеоновской армии, полностью укомплектованная французами. Большая часть ее личного состава состояла из старых солдат, участников почти всех наполеоновских походов, закаленных в бесчисленных боях и сражениях. По своим боевым качествам 3-я пехотная дивизия мало в чем уступало императорской гвардии.

В ходе жестокого боя генерал П.А. Тучков 3-й, пронзенный французским штыком, упал с лошади и был взят в плен. Однако достигнутый успех французам развить не удалось. Подоспевшие русские резервы восстановили положение. В конце боя был смертельно ранен и французский генерал Гюдэн. С наступлением темноты атаки врага прекратились. Вскоре смолкла и артиллерийская канонада, непрерывно гремевшая целый день. Поле боя осталось за русскими войсками. Ночью генерал П.П. Коновницын, возглавивший арьергард, начал отход по Московской дороге. Для обеспечения его на прежней позиции было оставлено сильное прикрытие из легкой пехоты (егерей) и конницы. Так завершилось сражение при Лубине, более известное в исторических трудах как сражение при Валутиной горе. Это сражение хотя в оперативно-тактическом плане и имело самостоятельное значение, но в то же время явилось, по существу, заключительным этапом Смоленского сражения. Здесь Наполеоном была предпринята еще одна попытка втянуть русскую армию в генеральное сражение в невыгодной для нее обстановке. Но и эта попытка закончилась для него неудачно. Основной причиной этой неудачи, кроме, разумеется, стойкости и мужества русских войск, их искусных действий в ходе сражения, позволивших сорвать все замыслы противника, явилось также и отсутствие согласованности в действиях отдельных корпусов французской армии. Известно, что самого Наполеона на поле сражения под

*С.Ш.Э. Гуден.
Неизвестный художник.
Начало XIX в.*

Валутиной горой не было, а его маршалы, действовавшие независимо друг от друга, поступали по собственному усмотрению. Никакой попытки со стороны Наполеона, находившегося весь день в Смоленске, согласовать действия командиров корпусов и направить их по единому плану, предпринято не было. В то время как Ней и Мюрат истощали свои силы в безуспешных попытках сломить сопротивление русских, Жюно после переправы через Днепр проявил полную пассивность и не принял никакого участия в боевых действиях. Весь день простоял в бездействии и маршал Даву, находившийся в 10 км от места сражения. Только поздно вечером одна из его дивизий была введена в сражение, а вторая направлена в обход правого фланга русских, но с полдороги возвращена назад.

Наоборот, управление войсками со стороны русского командования было на должной высоте. Барклай-де-Толли, прибывший вместе со своим штабом в авангард одновременно с началом сражения, лично осуществлял руководство войсками в течение всего дня и гибко реагировал на все изменения в обстановке, происходившие в ходе сражения.

Наполеон узнал о подробностях боевых действий, развернувшихся 7 (19) августа в районе Валутиной горы, от возвра-

тившегося с поля сражения своего адъютанта генерала Г. Гурго. Он немедленно выехал в корпус Нея и в 3 часа ночи был уже на месте только что отгремевшего боя. Осмотрев, по своему обыкновению, местность, император раздал щедрые награды войскам, излил свой гнев на Жюно и, убедившись, что сражение при Лубине нельзя рассматривать как победу (скорее это была оперативно-стратегическая неудача французской армии), возвратился в Смоленск. Наполеон был в очередной раз поражен слишком дорого купленной победой (поскольку русские войска после сражения при Лубине отступили, то французы засчитали это сражение как свою победу. — *Прим. авт.*). Упорное сопротивление русского арьергарда (с выходом 1-й Западной армии из лесов на Московскую дорогу ее авангард стал исполнять функции арьергарда) в течение целого дня, очень большие потери, понесенные в сражении французами, гибель одного из лучших генералов наполеоновской армии, любимца императора Гюдэна, наконец, невозможность для маршала Нея начать сразу же после сражения преследование отступающего противника — все это очень мало походило на те победы, которые Ней и другие маршалы привыкли одерживать на полях Европы. Ведь русские прекратили огонь поздно вечером лишь после того, как это первыми сделали французы. И свое дальнейшее отступление они начали лишь после того, как все атаки французских войск были ими отражены. Следовательно, отступление русской армии продолжалось не столько под давлением противника, сколько в соответствии с собственными планами. И этот-то признак был самым зловещим. Он уже не в первый раз тревожил императора. Разве где-нибудь случалось так, чтобы солдаты противника в одиночку, укрываясь в кустах, продолжали сражаться против целой роты и чтобы против одинокого, окруженного врагами солдата нужно было выдвигать пушку и стрелять в него ядрами, как пришлось это сделать с русским егерем после взятия Смоленска? А сколько таких егерей приходилось встречать «Великой армии» на каждом своем шагу в России! Такие мрачные размышления обуревали Наполеона, возвращающегося в свою главную квартиру под утро 8 (20) августа с заваленных трупами берегов безвестной речки Страгань.

Французская армия была задержана на целый день под Лубино благодаря разумной инициативе, проявленной начальником авангарда 1-й Западной армии генералом П.А. Тучковым 3-м. Несмотря на большое превосходство противника в силах, он в течение всего дня стойко удерживал занимаемую позицию и не отступил ни на шаг, чем дал возможность 1-й армии успешно завершить фланговый маневр и соединиться со 2-й Западной армией. Однако подвиг доблестного командира бригады в то время должным образом оценен не был.

Жизнь Тучкову помог сохранить случай. Когда вместе с убитым конем он, тяжело раненый, рухнул на землю, над ним зашверкали французские штыки. В этот самый момент из-за туч блеснула луна. Увидев перед собой русского генерала, французы остановились. Раненый в бок и голову, залитый кровью, Тучков был доставлен к Мюрату. По дороге французский офицер, взявший его в плен, просил русского генерала замолвить о нем перед королем хоть словечко. Неаполитанский король принял Тучкова по-рыцарски. Прощаясь с Мюратом, генерал сказал, что у него имеется одна просьба. «Какая, — спросил маршал. — Охотно сделаю все, что можно». — «Не забудьте наградить офицера, который представил меня к вам. Он действовал очень храбро против меня», — сказал Тучков. Мюрат улыбнулся. На другой день офицер получил орден Почетного легиона³⁶.

Возвратившись в Смоленск, Наполеон приказал доставить к нему пленного русского генерала. «Вы, господа, хотели войны, а не я», — сказал он Тучкову, едва только тот вошел в кабинет. — «Какого вы корпуса?» — «Второго, ваше величество». — «Это корпус Багговута. А как вам приходится командир 3-го корпуса Тучков?» — «Он мой родной брат». После этого Наполеон спросил Тучкова, сможет ли он написать письмо царю. Тучков ответил отказом. «Но можете же вы написать вашему брату!» — «Брату могу, государь».

В письме брату П.А. Тучков сообщил о своем пленении, о встрече с Наполеоном и его предложении о заключении мира. Это был первый прямой шаг Наполеона к прекращению войны. По распоряжению императора генералу Тучкову была возвращена шпага, а сам он отправлен во Францию. Его письмо маршал Бертье переслал в главную квартиру Барклая-де-Толли, а отту-

да оно было отправлено царю в Петербург. Никакого ответа на него не последовало³⁷.

Упорное и тяжелое сражение при Валутиной горе (или Лубине) отличалось особым ожесточением. Обе стороны понесли в нем большие потери. Со стороны французов в сражении приняло участие 32 тыс. человек, со стороны русских — около 17 тыс. человек. Потери противника составили до 9 тыс. человек убитыми и ранеными. Русские потеряли около 5 тыс. человек³⁸.

2.3. Кризис в военном руководстве

Русская армия, дав решительный отпор врагу при Лубине, продолжала отступление на восток. К вечеру 8 (20) августа главные силы 1-й Западной армии переправились через Днепр на Соловьевой переправе. На правом берегу Днепра оставались лишь казаки Платова, составлявшие арьергард армии. Войска 2-й армии 9 (21) августа были уже в Дорогобуже. Наполеон неотступно преследовал русскую армию. Его войска двигались к Днепру двумя эшелонами, которые шли как по столбовой дороге, так и по проселкам. В первом эшелоне наступала кавалерия Мюрата, а также корпуса Даву и Нея; во втором — корпуса Жюно, Понятовского и вице-короля. Гвардия составляла резерв.

После оставления Смоленска разногласия в главном командовании русской армии, существовавшие с самого начала войны, резко обострились. Главными действующими лицами в этой борьбе были главнокомандующие армиями — Барклай-де-Толли и Багратион. Выполняя указание царя сохранять армию и не вступать в сражение с Наполеоном при неблагоприятном соотношении сил, Барклай после оставления Дрисского лагеря последовательно и целеустремленно стремился к объединению сил обеих русских армий. Все его действия от Дриссы до Смоленска были подчинены именно этой цели. Багратион же, наоборот, рвался в бой. Он был против отступления и настаивал на решительных действиях. Однако у Барклая оказалось достаточно силы воли и твердости духа, чтобы при нетерпимой морально-психологической обстановке, когда даже его собственный штаб во главе с Ермоловым тайно агитировал против него в его же

армии и когда главнокомандующий другой армией, авторитетнейший из всех русских военачальников Багратион обвинял его почти открыто в измене, — все-таки придерживаться ранее намеченного плана и делать то, что ему повелевала совесть для спасения армии. Агитация против Барклая шла сверху. От своих командиров солдаты научились говорить: «Болтай, да и только». От начальства они узнали, что Ермолов будто бы просил царя произвести его, Ермолова, «в немцы», потому-де, что немцы не в пример русским пользуются влиянием у командования, получают чины и награды. Сверху вниз шли слухи и о том, что состоящий при штабе Барклая генерал Вольцоген — французский шпион. Все это еще до соединения обеих русских армий в Смоленске делало положение Барклая-де-Толли крайне трудным. Доверие войск к нему было серьезно подорвано, и каждый новый оставленный врагу город усиливал зловещую молву о главнокомандующем 1-й Западной армией.

Тяжело было Барклаю отбиваться от нападений Багратиона еще и потому, что за ним не было ни того геройского поприща, ни блестящей репутации в армии, не лежало на нем и отблеска суворовской славы, не было железного характера — словом, не было всего того, что в избытке имелось у Багратиона. Боевой генерал, отличившийся в войнах с Наполеоном в 1806–1807 гг. и со Швецией в 1808–1809 гг., трудолюбивый военный организатор, по происхождению шотландец, которого ошибочно и часто называли немцем, понравившийся императору Александру I своей точностью, пунктуальностью и исполнительностью и ставший военным министром, осторожный стратег, инстинктивно нащупывающий верную тактику, Барклай-де-Толли проявил огромное гражданское мужество, чтобы практически в одиночку противостоять мощному напору сложившейся против него оппозиции и до последней возможности стоять на своем.

Поэтому упорный, бескомпромиссный раздор между Барклаем и Багратионом был не просто ссорой двух генералов, расхождением во мнении двух стратегов. Эта была борьба двух стратегических концепций, двух прямо противоположных взглядов на формы и способы вооруженной борьбы с Наполеоном. За этой борьбой с пристальным вниманием следили все, кто сто-

ял близко к штабам. Когда же о ней узнал Московский военный губернатор и главнокомандующий в Москве генерал от инфантерии граф Ф.В. Ростопчин, то через его посредство в эту борьбу активно включились и широкие круги дворянства.

Князь П.И. Багратион был тогда в расцвете своих сил и на вершине своей военной славы. Он считал стратегию Барклая ошибочной и рвался в бой. Но с имеющимися в его распоряжении силами он не мог противостоять огромным силам Наполеона, а все его призывы к Барклаю оставались безрезультатными. Неистовый гнев Багратиона все нарастал, так как при отсутствии поддержки со стороны Барклая он принужден был и сам тоже отступать, а это было неприемлемо для его натуры. Это он считал гибелью для России.

Еще не прошло и недели со дня вторжения Наполеона на русскую территорию, как между обоими главнокомандующими начались трения. С каждой неделей они все более усиливались. Барклай жаловался царю, видя, что Багратион открыто игнорирует его приказы. Он знал, что главнокомандующий 2-й Западной армией нисколько не верит в то, что приказы из штаба 1-й Западной армии идут от самого царя. Багратион был в состоянии почти непрерывного раздражения. Он ненавидел Барклая и не верил ему. Уже с первых дней войны Багратион без ярости не мог говорить о Барклае. Так, в письме к своему другу начальнику штаба 1-й армии А.П. Ермолову от 3 (15) июля он писал: «Стыдно носить мундир... Что за дурак... Министр Барклай сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать... Признаюсь, мне все омерзело так, что с ума схожу... Прощай, Христос с вами, а я зипун надену». Он несколько раз в эти дни и недели отступления, последние недели своей жизни грозил уйти в отставку, надеть зипун и солдатскую сумку, стать рядовым солдатом и сбросить «опозоренный» Барклаем русский мундир. «Я ни в чем не виноват, — писал Багратион А.А. Аракчееву 26 июня (8 июля), — растянули меня сперва как кишку, пока неприятель не ворвался к нам без выстрела, мы начали отходить неведомо за что. Никого не уверишь ни в армии, ни в России, чтобы мы не были проданы. Я одну всю Россию защищать не могу. Первая армия тотчас должна идти к Вильне непременно, чего бояться? Я весь окружен и куда

продерусь, заранее сказать не могу»³⁹. Багратион хотел повлиять на царя через Аракчеева. Он срывал свой гнев на Барклае. 29 июля (10 августа) Багратион в очередном письме Аракчеву пишет: «Я никак вместе с министром не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу, и вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет. Ей-богу, с ума меня свели от ежеминутных перемен... Армия называется, только около 40 тыс., и то растягивает как нитку, и таскает назад и вбок». Он решительно требует своего увольнения. «Я думал, истинно служу государю и отечеству, а на поверку выходит, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу!»⁴⁰ Во время бесполезного маневрирования русской армией под Смоленском Багратион требует, чтобы Барклай «по пустякам армию не изнурял». Он просил «поручить (2-ю армию) другому, а его уволить»⁴¹. В период Смоленского сражения, посланный к Дорогобужу, Багратион испытывает большую тревогу за исход битвы, он был убежден, что Барклай сдаст Смоленск. А чтобы Багратион ему в этом не смог помешать, отправил его в Дорогобуж. 5 (17) августа главнокомандующий 2-й армией отправляет Барклаю-де-Толли записку, в которой просит его не отступать от Смоленска и удерживать его до последней возможности. «Отступление ваше от Смоленска будет со вредом для нас и не может быть приятно государю и отечеству», — заключает он⁴². Известие об оставлении Смоленска привело Багратиона в ярость. В письме Ростопчину он не скрывает своего крайнего возмущения. Сообщив о героизме войск Раевского и Неверовского при обороне города, Багратион продолжает: «...Но подлец, мерзавец, тварь Барклай отдал даром преславную позицию. Я просил его лично и писал весьма серьезно, чтобы не отступать, но я лишь пошел к Дорогобужу, как (и он) за мною тащится... клянусь вам, что Наполеон был в мешке, но он (Барклай) никак не соглашается на мои предложения и все то делает, что полезно неприятелю... Я вас уверяю, что приведет к вам Барклай неприятеля через шесть дней... Признаюсь, я думаю, что брошу Барклая и приеду к вам, я лучше с ополчением московским пойду»⁴³. Чем больше подробностей о мужестве и стойкости русских войск

Цесаревич Константин Павлович. Художник Д. Доу. 1820-е гг.

в сражении под Смоленском доходило до Багратиона, тем более нарастал его гнев.

7 (19) августа он снова пишет Аракчееву («Аракчееву» для царя). В этом письме Петр Иванович обвиняет Барклая-де-Толли в том, что тот дал ему честное слово не отступать от Смоленска, но нарушил его. «Таким образом воевать не можно, и мы можем неприятеля скоро привести в Москву», — предупреждает он⁴⁴. Больше всего его беспокоят слухи о возможном заключении мира. Багратион решительно выступает против какого-либо сговора с врагом и настаивает на назначении общего главнокомандующего обеими армиями. «Надо командовать одному, а не двоим... Ваш министр, может быть, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Министр самым мастерским образом ведет в столицу за собой гостя... Я не виноват, что министр нерешим, трус, бестолков, медлителен и все имеет худые качества. Вся армия плачет и ругает его насмерть», — говорилось в письме⁴⁵. Здесь же Багратион прямо заявляет о своем недоверии к немцам, которые, по его мнению, буквально заполонили главный штаб.

Положение Барклая в армии после падения Смоленска сделалось просто невозможным. В Дорогобуже все корпусные командиры явились к цесаревичу Константину Павловичу (брату царя) и заявили ему о нарастающем недовольстве в армии действиями Барклая-де-Толли, потребовав, по существу, его смещения. После этого Константин обратился к Барклаю за разрешением на отъезд из армии. Главнокомандующий пытался переубедить цесаревича, но тот настоял на своем. Отъезд Константина немедленно был использован против Барклая, которого обвиняли в том, что он выслал брата царя из армии за критические высказывания.

После оставления Смоленска отношения между Багратионом и Барклаем с каждым днем становились все напряженнее. В сущности, между ними началась открытая и яростная борьба. Дошло до того, что Багратион демонстративно стал обращаться с Барклаем-де-Толли как с подозреваемым в измене. Он с шумом выслал из 2-й армии по подозрению в шпионаже подполковника Лезера, исполнявшего обязанности офицера связи Барклая в штабе Багратиона.

К моменту соединения обеих армий в районе Дорогобужа взгляды Барклай-де-Толли на дальнейший характер вооруженной борьбы под давлением обстоятельств резко изменились. Если до этого он под любым предлогом стремился уклониться от решительного сражения, то теперь вдруг стал его ярым сторонником. Видимо, Михаил Богданович тоже понял, что должен быть предел для отступления. Сразу же после переправы через Днепр Барклай-де-Толли поручил полковнику Толю найти подходящую позицию для генерального сражения. Такая позиция была выбрана в районе селения Умолье (9 км западнее Дорогобужа). 9 (21) августа 1-я Западная армия заняла ее и начала подготовку к сражению. Армия Багратиона вернулась из Дорогобужа и примкнула к левому флангу 1-й армии. На этой позиции русская армия простояла три дня. Но после тщательной рекогносцировки выяснилось, что левый фланг позиции уязвим, противник легко мог его обойти. Эта причина, а также угроза глубокого обхода нашего правого фланга вице-королем Е. Богарне, двигавшимся на Дорогобуж от Духовщины, заставили Барклая отказаться от своего замысла и в ночь на 12 (24) августа отвести войска к Дорогобужу. А через сутки русская армия получила приказ отступать к Вязьме.

Однако идея генерального сражения теперь уже не оставляла Барклай-де-Толли. Вперед для выбора и укрепления позиции, опираясь на которую можно было бы остановить наступление врага, а затем перейти в контрнаступление, были высланы группы офицеров. Их возглавляли генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии полковник К.Ф. Толь и начальник инженеров той же армии генерал-майор Х.И. Труссон. Итак, настал момент, когда оба полководца — и Наполеон, и Барклай-де-Толли — готовили свои армии к решительной схватке. Русская армия, планомерно отступая, выбирала удобную для сражения позицию, французская же — следовала за ней по пятам, готовая в любой момент вступить в сражение.

15 (27) августа русская армия достигла Вязьмы, где арьергарду пришлось вести упорный бой с наседавшим противником. На следующий день этот город был оставлен, и русские войска двинулись к Царево-Займищу, куда подошли 17 (29) августа. Здесь заблаговременно была выбрана сильная позиция, на ко-

К.Ф. Толь.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

торой Барклай-де-Толли решил дать сражение Наполеону. Однако время, отпущенное ему историей, уже истекло. Через несколько часов после вступления в Царево-Займище он узнал о назначении М.И. Кутузова главнокомандующим всеми русскими армиями.

Наполеон 11 (23) августа выехал из Смоленска и догнал армию под Дорогобужем⁴⁶. Он был мрачен и молчалив. Все то, что он видел, не радовало его. Уставшая и голодная армия шла по пустынной дороге. На месте близлежащих деревень виднелись зарева пожаров. Вся местность вокруг была безлюдна. Крестьяне ушли в ополчение или в партизаны, а фураж, продовольствие и скот — все увозилось и угонялось в леса или забиралось русской армией. 16 (28) августа Наполеон был уже в Вязьме. Впереди была Москва. До нее оставалось 200 с небольшим километров. Император терялся в догадках: где же остановится русская армия? Будет ли она защищать свою древнюю столицу?

Шел уже третий месяц войны. Огромная территория оказалась захваченной врагом. В стране создалось крайне напряженное положение. Военные неудачи, недовольство армии и народа нерешительностью Барклай-де-Толли вызвали резкое обострение взаимоотношений в высшем командовании. До предела

натянутые отношения между обоими главнокомандующими не могли долго оставаться незамеченными. Генералы, а вслед за ними офицеры и солдаты видели и сознавали, что действия войск не связываются каким-либо заранее продуманным планом. Армия не получала вовремя подкреплений, формирование резервов осуществлялось очень медленно, к тому же не были подготовлены оборонительные укрепления и необходимые запасы.

Недовольство охватило не только войска. Дворянство и купечество были также серьезно обеспокоены создавшимся положением. Угрожающая военная обстановка повелительно диктовала необходимость незамедлительного принятия решительных мер. Народ требовал поставить во главе армии полководца, пользующегося всеобщим доверием и популярностью. И такой полководец был. Народ и армия в один голос называли имя М.И. Кутузова — самого опытного и заслуженного из русских генералов того времени, одного из наиболее видных сподвижников А.В. Суворова.

Известие о вторжении Наполеона в Россию застало Кутузова в его поместье Горошки на Волыни. И хотя он был уже в отставке, но сбросил с плеч домашний халат, надел генеральский мундир и выехал в Петербург, несмотря на то что его туда не звали. Но Кутузов как подлинный патриот понимал, что теперь не время для личных обид. Он был готов отдать все свои силы и огромный боевой опыт для защиты Отечества от вражеского нашествия.

В тревожные дни приехал Кутузов в столицу. Один за другим прибывали курьеры с печальными известиями об оставлении нашими войсками Вильно, Минска, Витебска и других городов, о выходе войск противника на Двину и Днепр. Особенно заволновались столичная знать и чиновничество, узнав о возможном движении наполеоновской армии через Псков на Петербург. 12 (24) июля М.И. Кутузов был приглашен на срочное созванное секретное заседание Комитета министров. Председатель Комитета граф Н.И. Салтыков обратился к нему с просьбой принять командование Нарвским корпусом, формируемым для защиты столицы. Находившийся в Москве царь Александр I, получив полную тревоги информацию о положении в Петербурге,

М.И. Кутузов — начальник Санкт-Петербургского ополчения.

Художник С. Герасимов. 1953 г.

в тот же день назначил Кутузова командиром этого корпуса⁴⁷. Численность Нарвского корпуса составляла всего 8 тыс. человек⁴⁸. Конечно, для обороны Петербурга эти силы были ничтожны. Корпус имел в своем составе девять батальонов пехоты, пять эскадронов кавалерии и три роты артиллерии. Поэтому было решено для организации надежной защиты столицы привлечь народное ополчение.

17 (29) июля 1812 г. волею дворянства М.И. Кутузов был избран начальником Петербургского ополчения⁴⁹. В этой должности он пробыл около месяца, проявив необычайную энергию в формировании, обучении и оснащении всем необходимым ополченческих дружин⁵⁰.

Обстановка же на театре военных действий продолжала ухудшаться. Положение усугублялось раздором между главнокомандующими 1-й и 2-й Западными армиями. Во всей остроте встал вопрос о назначении единого главнокомандующего всеми русскими армиями. Император Александр I не захотел взять на себя ответственность в решении данного вопроса и возложил его на особый комитет, специально созданный для этой цели.

В день падения Смоленска 5 (17) августа 1812 г. в доме председателя Государственного совета генерал-фельдмаршала графа Н.И. Салтыкова собрались члены чрезвычайного комитета: главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии С.К. Вязмитинов, председатель Департамента военных дел Государственного совета генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев, министр полиции член Государственного совета генерал от инфантерии А.Д. Балашов, председатель Департамента экономики Государственного совета действительный тайный советник граф В.П. Кочубей и председатель Департамента законов Государственного совета действительный тайный советник князь П.В. Лопухин. После тщательного и всестороннего обсуждения положения дел в армии и обстановки, сложившейся на театре военных действий, члены комитета пришли к выводу, что одной из основных причин военных неудач является отсутствие единого стратегического руководства вооруженными силами. Армии и отдельные корпуса, действующие на большом пространстве и изолированно друг от друга, не согласовывали свои усилия, что приводило к негативным последствиям⁵¹.

К кандидатуре главнокомандующего всеми вооруженными силами были предъявлены требования, которые должны были основываться «на известных опытах в военном искусстве, отличных талантах, на доверии общем, а равно и на самом старшинстве»⁵². Для членов комитета было очевидно, что этим требованиям больше всех отвечал М.И. Кутузов. Но в то же время им было хорошо известно и о той неприязни, которую якобы питал царь к этому генералу. После аустерлицкой катастрофы о Кутузове, как считали многие, при дворе и слышать не хотели. Поэтому начались поиски других кандидатур на пост главнокомандующего. Искали долго, перебирая и обсуждая достоинства и недостатки всех наиболее известных генералов. Назывались имена П.И. Багратиона, Л.Л. Бенингсена, А.П. Тормасова, Д.С. Дохтурова, П.А. Палена и других — всего около десятка военачальников. Но ни на одном из них высшие сановники Российской империи так и не смогли остановиться. И когда наконец одним из последних все же была названа фамилия Кутузова, все облегченно вздохнули и пришли к единодушному мнению: предложить Александру I назначить на пост главнокоман-

дующего всеми русскими армиями генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова, за несколько дней перед этим возведенного в княжеское достоинство Российской империи⁵³.

Историк Е.В. Тарле утверждает, что царь уже наперед знал — именно так оно и произойдет, и заранее с этим смирился⁵⁴. В этой связи следует уточнить один факт. Мультируемый советскими историками на протяжении многих десятилетий тезис о ненависти, якобы питаемой царем к Кутузову, является, на наш взгляд, не более чем досужим домыслом. И факт дарования Кутузову княжеского титула — высшего дворянского титула в Российской империи, имевший место, кстати, еще до назначения его главнокомандующим, служит убедительным тому доказательством. Если назначение Кутузова на пост главнокомандующего еще можно как-то связать с «гласом народа», то возведение его в княжеское достоинство являлось полной прерогативой монарха, в данном случае Александра I. И вряд ли бы он, используя свое право самодержца, дал этот титул ненавистному ему человеку. В советской историографии данный факт просто замалчивался, чтобы выдуманной ее эпигонами миф о взаимоотношениях Александра I и М.И. Кутузова не подвергался сомнению и укладывался в надуманную ими схему. То же самое относится и к вопросу о назначении Кутузова на должность главнокомандующего. Ссылка советских историков на «глас народа» нам представляется не вполне убедительной. Само по себе довольно неопределенное понятие в условиях абсолютной монархии, каковой Россия являлась в начале XIX в., вряд ли могло иметь такое уж решающее значение, какое ему отводится в советской историографии. Во всяком случае, и это можно утверждать с большой долей уверенности, никакой абсолютный монарх нигде и никогда в мировой истории не допускал, чтобы во главе его армии стоял человек, которому он не только не доверял, но которого к тому же еще и ненавидел. Так что и тут у разного рода «кутузововедов» концы с концами не сходятся.

Конечно, любимцем царя Кутузов не был. Более того, вполне возможно, и мы не отрицаем этого, царь мог и не питать к нему каких-то особых симпатий. Но, по всей видимости, он мог и опускаться до низменных инстинктов, вроде сведения личных счетов, и умел достойно оценивать заслуги своих под-

данных и взыскивать с них за допущенные промахи, руководствуясь прежде всего не личными эмоциями и интересами, а интересами государства. Поэтому отказывать Александру I в справедливости по отношению к Кутузову было бы по меньшей мере необъективно. Ведь, строго говоря, Кутузов стал «Кутузовым», то есть тем символом, той исторической личностью, под которой мы теперь его знаем и понимаем, только после победы над Наполеоном в 1812 г., а до этого он был просто одним из генералов русской армии, и не более того. А отсюда и ставить его в какое-то особое положение по отношению к царю с исторической точки зрения, как это делают его апологеты, просто несерьезно.

Что же касается осторожности, проявленной царем с назначением Кутузова на пост главнокомандующего (она была высказана им в частном письме к сестре, и именно на ней строят свои «доказательства» советские историки, обосновывая отрицательное отношение Александра I к Кутузову), то она действительно имела место, но причины ее были совершенно иные. За 11 лет своего царствования Александру I уже неоднократно приходилось сталкиваться с таким положением, когда заслуженные в прошлом, но достигшие преклонного возраста военачальники, будучи назначены главнокомандующими, не оправдывали возлагаемых на них надежд (Михельсон, Каменский, Прозоровский и др.). Кутузов тоже имел уже довольно приличный возраст — ему шел тогда 68-й год. И царь вполне резонно сомневался, зная к тому же особенности характера Кутузова, сможет ли больной и старый человек выдержать ту поистине колоссальную нагрузку, которая будет связана с исполнением должности главнокомандующего огромной по тем временам армии, действующей на обширном пространстве против одного из величайших полководцев в мировой истории — Наполеона, находившегося в расцвете своих сил и дарований. И опасения его оказались далеко не беспочвенны. Как известно, Кутузова хватило только на восемь месяцев — в апреле 1813 г. он умер. И кто знает, не чрезмерные ли перегрузки сыграли в этом роковую роль?! Кроме того, Александру I вряд ли могли импонировать такие личные качества Кутузова, как старческая строптивость, упрямство, стремление к самостоятельности в действи-

ях, черты внешней флегматичности, сибаритства и лукавства. Они особенно бросались в глаза людям, которые или не хотели, или просто не способны были углубляться в анализ очень сложной натуры, большого ума и крупных военных дарований старого полководца.

8 (20) августа, в тот самый день, когда 1-я Западная армия переправлялась через Днепр западнее Дорогобужа (на Соловьевой переправе), Кутузов был вызван к царю на Каменный остров в Петербурге, который объявил ему о назначении главнокомандующим всеми русскими армиями и ополчением. В царском рескрипте о назначении говорилось: «Князь Михаил Илларионович! ...Я нахожу нужным назначение над всеми действующими армиями одного общего Главнокомандующего, которого избрание, сверх воинских дарований, основывалось бы и на самом старшинстве. Известные военные достоинства ваши, любовь к Отечеству и неоднократные опыты отличных ваших подвигов приобретают вам истинное право на сию мою доверенность. Избирая вас для сего важного дела, я прошу Всемогущего Бога да благословит деяния ваши к славе Российского оружия, и да оправдает тем счастливые надежды, которые Отечество на вас возлагает».

В тот же день из Петербурга помчались курьеры к Барклауде-Толли, Багратиону, Тормасову, Чичагову, Витгенштейну и Эссену с указом царя о назначении Кутузова.

В частном письме к сестре Екатерине Павловне сам Александр I так объяснял причины, побудившие его остановиться на кандидатуре Кутузова: «Я нашел, что настроение здесь (в Петербурге. — *Прим. авт.*) хуже, чем в Москве и провинции; сильное озлобление против военного министра (Барклая-де-Толли. — *Прим. авт.*), который, нужно сознаться, сам тому способствует своим нерешительным образом действий и беспорядочностью, с которой ведет дело. Ссора его с Багратионом до того усилилась и разрослась, что я был вынужден, изложив все обстоятельства небольшому нарочно избранному мной для этой цели комитету, назначить главнокомандующего всеми армиями; взвесив все основательно, остановились на Кутузове, как на старейшем... Вообще Кутузов пользуется большой любовью у широких кругов населения здесь и в Москве»⁵⁵. Несколько поз-

же в письме той же сестре царь писал: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, находя, что Барклай и Баграцион оба не способны на это, к тому же Барклай делал одну глупость за другой под Смоленском, мне оставалось только уступить единодушному желанию и я назначил Кутузова. В тех обстоятельствах, в которых мы находимся, я не мог поступить иначе. Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос»⁵⁶.

Итак, в самый тяжелый период войны М.И. Кутузов принял командование отступающей армией. Его назначение разрядило то крайнее напряжение в армии, которое нарастало с каждым шагом ее отступления. Оно вселило в войска веру в победу и подняло их боевой дух. В руках Кутузова сосредоточивалось не только руководство всеми армиями, но и решение важных вопросов, связанных с материально-техническим обеспечением войск и пополнением их резервами.

Наполеону вскоре стало известно об изменениях в верховном командовании русской армии. Назначение Кутузова он связывал с непременным изменением стратегии и тактики русской армии. Интуитивно он чувствовал, что приближается момент решительной схватки двух противоборствующих армий.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов навечно связал свое имя с одним из величайших событий русской и всемирной истории и навечно остался в памяти людей истинным представителем русского народа, вручившего ему свою судьбу в наиболее тяжкий момент истории нашего Отечества.

Родился Кутузов в 1745 г. в военной семье (отец его был генерал-поручиком) и по своему происхождению принадлежал к старинному дворянскому роду. Военную службу по обычаям того времени он начал в ранней юности, блестяще закончил военную Инженерную школу и в 16 лет (1761) получил свой первый офицерский чин — прапорщика. Через год Кутузов был уже капитаном. Свою строевую службу в войсках будущий фельдмаршал начал командиром роты в Астраханском

М.И. Голенищев-Кутузов.

Художник Р. Волков.

1813 г.

мушкетерском полку, которым тогда командовал А.В. Суворов. Именно здесь, под Петербургом, впервые пересеклись жизненные и служебные пути двух будущих великих полководцев. Но их совместная служба оказалась короткой — Суворов вскоре был переведен на другой полк. Вновь они встречаются в 1764 г. в Польше, где Кутузов получает свое первое боевое крещение, сражаясь под командованием Суворова.

Затем он принимает активное участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В рядах армии П.А. Румянцева молодой офицер участвует в знаменитых сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, показав себя храбрым, энергичным и инициативным офицером. В дальнейшем, выполняя должность оберквартирмейстера корпуса, Михаил Илларионович проявляет недюжинные способности штабного офицера.

В самом конце этой войны (июль 1774 г.), участвуя в боевых действиях в Крыму, он был тяжело ранен, получив сквозное пулевое ранение головы. Случилось это в бою у деревни Шумы (под Алуштой), когда 29-летний подполковник Кутузов со знаменем в руках вел свой гренадерский батальон на штурм вражеских укреплений. Турецкая пуля ударила ему в левый висок и вылетела у правого глаза. Врачи признали рану смертельной.

Жизнь молодого офицера в буквальном смысле висела на волоске, но он выжил, хотя и лишился одного (правого) глаза. Самая почетная среди русских офицеров награда — орден Георгия 4-й степени — украсила грудь героя. В какой-то мере это было моральным утешением за уготованную ему судьбой печальную участь: в расцвете жизненных сил стать инвалидом.

Для лечения за границей Кутузов получил годичный отпуск с сохранением жалованья. Екатерина II, лично знавшая Михаила Илларионовича, распорядилась дополнительно выделить ему тысячу червонцев, заявив: «Надобно беречь Кутузова: он у меня будет великим генералом»⁵⁷. В своем предсказании императрица не ошиблась. Кутузову удалось не только залечить свою тяжелую рану, но и вернуться в боевой строй.

В 32 года по ходатайству А.В. Суворова, под командой которого он вновь оказался, Кутузов был произведен в полковники и назначен командиром Луганского пикинерного полка. Несколько лет он служил в Крыму под начальством Суворова, являясь его деятельным помощником не только в военных, но и в административных делах. В эти годы Кутузов основательно проходит суворовскую школу обучения и воспитания войск, постигает основные принципы его «Науки побеждать». Учитель высоко ценил своего талантливую ученика, возлагая на него наиболее ответственные задачи по укреплению и охране побережья Крыма.

В 1784 г., в возрасте 39 лет, М.И. Кутузов получает чин генерал-майора, а через год назначается командиром Бугско-егерского корпуса. Обучая своих солдат-егерей боевым действиям в рассыпном строю, он воспитывает их в духе проявления разумной инициативы и самостоятельности. Именно в те годы при самом непосредственном и активном участии Кутузова в русской армии зарождается новый, передовой для того времени способ ведения боя — тактика колонн в сочетании с рассыпным строем стрелков⁵⁸. Заслуги его в формировании, обучении и подготовке корпуса к боевым действиям были отмечены орденом Владимира 2-й степени.

В начале Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. корпусу Кутузова поручается охрана границы России по реке Буг. Поставленную задачу молодой генерал выполнил образцово, за что

удостоился высокой оценки со стороны главнокомандующего армией Г.А. Потемкина. В 1788 г. М.И. Кутузов участвовал в осаде мощной турецкой крепости Очаков. В одном из боев под стенами этой крепости он снова был тяжело ранен в голову и запертво вынесен из-под огня. Врачи снова приговорили его к смерти. Но Кутузов вновь выжил и даже успел принять участие в штурме Очакова (6 декабря 1788 г.). За проявленную при этом храбрость и распорядительность Потемкин награждает доблестного генерала орденом Анны 1-й степени. Кампания 1789 г. пополняет боевую биографию М.И. Кутузова участием в многочисленных боях, осадах и штурмах крепостей. В частности, он принимал участие во взятии турецких крепостей Хаджибей, Аккерман, Бендеры и других, в бою под Каушанами. Заслуги его в этой кампании были отмечены орденом Александра Невского.

В 1790 г. Михаил Илларионович участвует в легендарном суворовском штурме крепости Измаил, командуя войсками на самом ответственном участке — левом фланге. По сигналу общей атаки он лично повел свою 6-ю колонну на штурм дунайской твердыни. В упорном бою, под ураганным огнем противника его войска дважды врывались на вал и дважды сбрасывались турками обратно. Наступил решающий момент, от которого зависел исход штурма. Собрав grenадеров, егерей и казаков, Кутузов ведет их в третью атаку⁵⁹. Стремительным броском, преодолев огненный смерч, они в очередной раз врываются на крепостной вал и овладевают им, затем преодолевают крепостную стену и врываются в крепость. Ожесточенный бой на улицах Измаила завершился полным разгромом врага. За доблесть и мужество, проявленные при штурме Измаила, М.И. Кутузов был произведен в генерал-поручики и награжден орденом Георгия 3-й степени. Кроме того, в знак особых заслуг Кутузова во взятии Измаила Суворов назначает его первым комендантом поверженной крепости.

Кампания 1791 года, которую М.И. Кутузов проделал уже под командованием князя Н.В. Репнина, принесла ему новую боевую славу. Командуя отдельным отрядом, он сначала наголову разгромил 15-тысячный турецкий корпус в сражении при Бабадаге, а затем сыграл решающую роль в достижении победы над

турецкой армией в генеральном сражении при Мачине. Наградой ему за эти подвиги был орден Георгия 2-й степени. Поражение при Мачине явилось для Турции последним ударом, вынудившим ее признать свое поражение в войне и пойти на заключение мира с Россией. В 1792 г. Михаил Илларионович уже сражается в Польше против конфедератов.

Отгремели овеванные славой побед екатерининские войны, и на М.И. Кутузова были возложены новые задачи, с которыми он справляется также блестяще, как и с боевыми задачами на полях сражений. Более года (1793–1794) ему пришлось быть послом в Турции. На этом ответственном посту он проявил выдающиеся дипломатические способности, успешно разрешив в пользу России целый ряд весьма сложных вопросов и значительно улучшив взаимоотношения России с Турцией. Не менее успешной была дипломатическая миссия Кутузова и в Пруссию в 1798 г. За два месяца пребывания в Берлине Михаил Илларионович сумел успешно решить одну из первостепенных задач внешней политики России: привлечь Пруссию на сторону антифранцузской коалиции.

Вскоре после возвращения из Турции (в начале 1795 г.) в связи с угрозой войны со Швецией Кутузов впервые в своей жизни назначается на пост главнокомандующего армией, сосредоточенной на финской границе. Одновременно на него возлагается и руководство Сухопутным шляхетским кадетским корпусом — основным военно-учебным заведением, готовившим командные кадры для русской армии. Должность директора корпуса Михаил Илларионович занимал по совместительству с постом главнокомандующего армией до конца 1797 г., зарекомендовав себя талантливым военным педагогом и воспитателем. Умудренный боевым опытом, разносторонне образованный военачальник, он много сделал для улучшения подготовки офицерских кадров. В кадетском корпусе Кутузов лично преподавал тактику и военную историю, считая их главными дисциплинами для воспитания будущих офицеров. Он стремился передать воспитанникам свой богатый боевой опыт и обширные военные знания, воспитать у них высокий патриотизм, чувство воинского долга, смелость, решительность и инициативу. Относясь с искренней любовью к солдату, он прививал это каче-

ство и своим питомцам. Многие из них во время Отечественной войны 1812 года стали отличными командирами, а некоторые — его ближайшими помощниками. Однако развитие событий не позволило М.И. Кутузову долго заниматься любимым ему делом.

После почти трех лет работы на педагогическом поприще Михаил Илларионович был вынужден оставить должность директора кадетского корпуса и целиком сосредоточиться на командной работе.

Надо сказать, что в последние годы правления Екатерины II М.И. Кутузов пользовался ее особым расположением и даже доверием. В этой связи вряд ли можно признать состоятельным мнение Е.В. Тарле, утверждавшего, что «при дворе, среди аристократии, Кутузов, хотя и потомок старого дворянства, всегда был чужаком»⁶⁰. Конечно, М.И. Кутузов был прежде всего солдатом, а не царедворцем. Но кроме того, он был еще и талантливым дипломатом, который прекрасно чувствовал себя не только при русском, но и при других европейских дворах, где ему приходилось бывать. Но что особенно удивительно, Павел I, не терпевший около себя приближенных своей матери, сохранил к Кутузову полную лояльность. Михаил Илларионович не только не был, подобно многим деятелям прежнего царствования, изгнан со службы, но, наоборот, сохранил за собой все свои посты, чины и должности, пользуясь полным доверием нового императора и играя довольно заметную роль при его дворе. Вряд ли «чужаку» это было по силам. В 1798 г. М.И. Кутузов был произведен в чин генерала от инфантерии, а на следующий год награжден высшим орденом Российской империи — Андрея Первозванного, вновь учрежденным и особо чтимым Павлом I орденом Иоанна Иерусалимского и назначен Литовским военным губернатором.

После свержения Павла I новый император Александр I выказал к Кутузову свое полное расположение и даже приблизил его к себе, назначив в июне 1801 г., через три месяца после своего вступления на престол, Петербургским военным губернатором. Однако через год с небольшим (в августе 1802 г.) за несогласие с военной политикой нового правительства Михаил Илларионович был смещен со своего поста и уволен в от-

ставку. Формальным поводом для опалы послужило обвинение Кутузова в плохом управлении столичной полицией. Заслуженный генерал, участник славных походов Румянцева, Потемкина, Суворова и Репнина, герой многих сражений, один из последних прославивших российское оружие «екатерининских орлов» был вынужден коротать дни в глухой волынской деревне Горошки. Отстраненный от дел опальный генерал тяжело переживал свое изгнание со службы. Грустью и отчаянием пронизаны его письма того времени⁶¹.

Царская опала продолжалась уже более двух с половиной лет. Но судьба не отвернулась окончательно от своего любимца. Свежий ветер перемен развеял грозовые тучи над головой впадшего в немилость военачальника. И вновь, как и прежде, сверкнул луч надежды. Подобно тому как в свое время опального Суворова вызвали из Кончанского, так и теперь в деревню к Кутузову примчался курьер из столицы с приказом императора о назначении его, Кутузова, главнокомандующим русской армией, направлявшейся в Австрию для совместных действий с войсками союзников в войне против Наполеона. Шел март 1805 г.

Война 1805 года с Францией закончилась, как известно, поражением союзников. Главный виновник разгрома союзной армии под Аустерлицем Александр I всю вину за поражение свалил на ее формального главнокомандующего Кутузова, хотя последний всеми силами противился желанию царя и его излишне воинственного окружения дать генеральное сражение Наполеону. Битва под Аустерлицем была дана и проиграна. Когда однажды Кутузова пытались оправдать перед императором, напомнив, что ведь Кутузов же пытался удержать его от сражения под Аустерлицем, Александр холодно возразил: «Слишком мало удерживал». Глубоко уязвленный, молодой и честолюбивый царь долго не мог простить старому генералу «аустерлицкого позора». Хотя вина Кутузова в постигшей русскую армию катастрофе была минимальной, он тем не менее подвергся новой опале. Правда, его на этот раз в отставку не уволили, а лишь отстранили от командования войсками и назначили военным губернатором в Киев, или, как тогда говорили, «отправили в почетную ссылку». Михаил Илларионович тяжело переживал незаслуженную опалу⁶².

Воздавая должное исторической истине, следует отметить, что в этом случае царь сумел все же подняться выше личных обид и, оценивая заслуги М.И. Кутузова в кампании 1805 года в целом и в сражении при Аустерлице в частности, поступил довольно благородно, в полной мере отдав дань справедливости. М.И. Кутузов был награжден одним из высших российских орденов (вторым по старшинству) — орденом Владимира I-й степени. Еще раньше за победу под Кремсом он был удостоен высшего ордена Австрийской империи — Марии-Терезии I класса.

В Киеве Кутузов пробыл более двух лет. Все эти годы назначения в действующую армию ему не давали. Поэтому боевой генерал не смог принять участия ни во второй войне с Наполеоном в 1806–1807 гг., ни в начавшейся в 1806 г. новой войне с Турцией, ни в войне со Швецией в 1808–1809 гг. Лишь весной 1808 г. главнокомандующий Молдавской армией фельдмаршал князь А.А. Прозоровский упросил царя назначить Кутузова командиром корпуса в свою армию. Но летом 1809 г. из-за разногласий с престарелым главнокомандующим Михаил Илларионович был вынужден оставить действующую армию и получил назначение на должность Литовского военного губернатора, оказавшись, таким образом, снова на военно-административной должности.

Война с турками продолжалась уже пятый год. За это время сменилось несколько главнокомандующих, но решительной победы добиться так и не удалось. Боевые действия велись с переменным успехом и не приводили к сколько-нибудь значительным результатам. Поэтому весной 1811 г. Александр I был вынужден назначить главнокомандующим Дунайской (бывшая Молдавская) армией М.И. Кутузова. Перед ним была поставлена чрезвычайно трудная задача: добиться быстрой победы в весьма сложной и неблагоприятной обстановке. И вот тут во всем блеске проявился полководческий талант Кутузова. 22 июня (4 июля) 1811 г. он одерживает победу над 60-тысячной турецкой армией в сражении под Рущуком. Противник потерпел здесь полное поражение, несмотря на четырехкратное превосходство в силах. Осенью того же года в результате блестяще проведенной операции М.И. Кутузов окружил 40-тысячную армию противника при Слободзее и через два месяца принудил ее

к капитуляции (25 ноября (7 декабря) 1811 г.). Победы Кутузова на Дунае вынудили Турцию прекратить многолетнюю войну и пойти на заключение мира, несмотря на активное противодействие Франции. Переговоры шли долго и трудно. В Петербурге уже усомнились в способности Кутузова добиться успеха на мирных переговорах. Было принято решение о его замене адмиралом П.В. Чичаговым. Однако за день до прибытия в армию нового главнокомандующего мир был подписан. Это произошло 16 (28) мая 1812 г. в Бухаресте, менее чем за месяц до вторжения Наполеона в Россию.

По Бухарестскому миру 1812 года Россия приобретала Бессарабию и окончательно утверждалась на Дунае. По своим результатам этот мир может быть поставлен в разряд тех блистательных договоров, которые Россия заключала после победоносных войн XVIII в. Особое значение Бухарестского мирного договора состояло в том, что он был заключен в весьма сложной внешнеполитической обстановке, в условиях неотвратимо надвигавшейся на Россию новой большой войны и тем самым позволил ей избежать крайне тяжелой борьбы на два фронта. Следовательно, услуга, оказанная М.И. Кутузовым Отечеству в этот критический момент, имела неоценимое значение. Во всей своей масштабности она раскрылась буквально через считанные недели, когда Русское государство подверглось невиданному до сих пор вражескому нашествию. За свои заслуги на посту главнокомандующего Дунайской армией и заключение Бухарестского мира М.И. Кутузов был удостоен графского титула.

Сдав командование адмиралу П.В. Чичагову, Кутузов отбыл в бессрочный отпуск (фактически в негласную отставку), который проводил в своем имении Горошки. Там его и застало известие о вторжении Наполеона в пределы России и начале Отечественной войны. Прервав свой отпуск, М.И. Кутузов немедленно выехал в Петербург, куда прибыл в начале июля. К этому времени под влиянием стремительно нараставших событий в общественном мнении произошла переоценка заслуг Кутузова на посту главнокомандующего Дунайской армией в сторону повышения их значимости для России. Даже царь, получив ратифицированные султаном статьи Бухарестского договора, был вынужден

признать его как «Богом дарованный» России. Исходя из этого, и заслуги М.И. Кутузова в деле победоносного и, главное, своевременного завершения Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., а также заключения выгодного для России мира получили должную оценку. 29 июля (10 августа) 1812 г. он был возведен в княжеское Российской империи достоинство с титулом «светлости», а через четыре дня назначен членом Государственного совета. 8 (20) августа 1812 г., как уже указывалось, генерал от инфантерии светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов был назначен главнокомандующим всеми русскими армиями. После своего назначения он пробыл в Петербурге еще три дня, посвятив их ознакомлению с оперативно-стратегической обстановкой на театре военных действий и состоянием резервов.

2.4. Главнокомандующий М. И. Кутузов

Утром 11 (23) августа после молебна в Казанском соборе, который он выслушал, стоя на коленях, М.И. Кутузов выехал в армию. На первой же станции, в Ижоре, он встретил курьера из армии и от него узнал о падении Смоленска. «Ключ к Москве взят!» — в задумчивости произнес новый главнокомандующий, обращаясь к окружающим. Подробности сражения под Смоленском в тот же вечер были рассказаны ему ехавшим из армии в Петербург цесаревичем Константином. По всей дороге жители окрестных городов и селений восторженно приветствовали М.И. Кутузова. В Торжке главнокомандующий встретил генерала Л.Л. Беннигсена, который, разойдясь во взглядах с Барклаем-де-Толли, при главной квартире которого он состоял с самого начала войны, возвращался в Петербург. Именем императора Михаил Илларионович приказал ему вернуться в армию. Вслед за тем он встречает также высланного Барклаем из армии своего бывшего ученика по кадетскому корпусу полковника К.Ф. Толя. Кутузов знал «Карлушу», так он его называл, как одного из наиболее талантливых своих питомцев. Расспросив его и узнав, что деятельность Толя на посту генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии вызвала недовольство не только Барклая, но и Багратиона, Кутузов забирает полковника в свой штаб.

Прибытие М.И. Кутузова в Царево-Займище. Художник С. Герасимов. 1953 г.

17 (29) августа М.И. Кутузов был уже в Гжатске, где его встретили штабные офицеры, высланные Барклаем-де-Толли для рекогносцировки оборонительных позиций на Московской дороге. «Не нужно нам позади армий никаких позиций, мы и без того слишком далеко отступили», — сказал им главнокомандующий и отправил офицеров в армию⁶³. Через два часа Кутузов уже въезжал в Царево-Займище, где находилась вся армия. Обходя строй почетного караула, новый главнокомандующий сказал: «Ну как можно отступить с такими молодцами!»⁶⁴ Затем он объехал весь лагерь, восторженно встречаемый войсками. Громовое русское «Ура!» перекатами летело от одного полка к другому, пересекая из конца в конец весь огромный лагерь, и постепенно замирало за виднеющимися на горизонте далекими холмами. Тотчас же по армии пронеслась присказка: «Приехал Кутузов бить французов».

Никакого плана ведения войны от царя М.И. Кутузов не получил. В этом отношении ему предоставлялась большая самостоятельность, но в то же время на него возлагалась и огром-

ная ответственность. Новый главнокомандующий хорошо понимал, что народ и армия ждут от него решительных действий, которые остановили бы дальнейшее продвижение врага вглубь страны и внесли перелом в ход войны... Но ни народ, ни армия не могли знать, что достаточных сил для решения этой сложной задачи у него не было. Армия срочно нуждалась в пополнении сильными резервами. Поэтому самые первые действия Кутузова в качестве главнокомандующего были направлены на решение вопросов, связанных с подготовкой резервов⁶⁵. Резервы — вот что интересовало Кутузова прежде всего. Это был кардинальный вопрос, от решения которого зависел исход войны. Это была та главная боевая сила, опираясь на которую в ближайшее время можно было попытаться изменить неудачный для нас ход военных действий.

На свой запрос в Военное министерство о состоянии резервов Кутузов получил заверения, что под Москвой сосредоточивается 100-тысячная армия. Основная часть резервов формируется в районе Калуги. По расчетам Военного министерства, они должны были составить один резервный корпус в составе 55 батальонов, 26 эскадронов и 14 артиллерийских рот. Командование им Александр I поручил генералу от инфантерии М.А. Милорадовичу, освободив его от должности Киевского военного губернатора⁶⁶.

Когда началась Отечественная война 1812 года, Михаилу Андреевичу Милорадовичу шел 41-й год. Осененный ослепительными отблесками геройской суворовской славы, один из ближайших сподвижников и любимых учеников великого полководца, прославленный герой многих победоносных походов и сражений, он был в расцвете сил и воинских дарований. Карьера его складывалась на редкость удачно. В 38 лет Милорадович был уже полным генералом, а его боевая репутация имела один из самых высоких рейтингов в системе российской военной иерархии.

М.А. Милорадович происходил из старинного герцеговинского рода, переселившегося в Россию при Петре I. Все его предки были прирожденными воинами и ничего другого, кроме военного ремесла, не признавали. «Военная косточка» позволила им сравнительно быстро занять довольно видное положение

в рядах военно-служивого дворянства. В частности, отец Михаила Андреевича был генералом и наместником Малороссии.

М.А. Милорадович родился в 1771 г. на Украине. Как было заведено в те времена, его еще в детстве записали на военную службу в лейб-гвардии Измайловский полк. Свою боевую карьеру он начал во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг. В 1796 г. Милорадович имел уже чин капитана. Молодой, красивый, ловкий и исполнительный офицер поднимался по служебной лестнице очень быстро. В 27 лет он произведен в генерал-майоры и назначается шефом Апшеронского мушкетерского полка (1798). Во главе этого полка Милорадович на следующий год принимает участие в Итальянском походе А.В. Суворова. Именно с этого похода и начинается его громкая боевая слава. Выдающаяся храбрость, предприимчивость, быстрота реакции и удивительная находчивость в боевой обстановке быстро обратили на М.А. Милорадовича внимание Суворова, который приближает его к себе и назначает на должность дежурного генерала. Однако штабная служба не помешала Михаилу Андреевичу принять самое активное участие во многих боевых делах суворовских чудо-богатырей в Италии и Швейцарии. Лекко, Нови, Сен-Готард, Муттен — вот далеко не полный перечень боев и сражений, в которых покрыл славой свое имя молодой суворовский генерал. Ордена Георгия 4-й степени, Анны 1-й степени, Иоанна Иерусалимского и другие были ему награждены за боевые подвиги в Итальянском и Швейцарском походах 1799 года. В кампании 1805 года против Наполеона Милорадович командовал бригадой, которая особенно отличилась в боях при Амштеттене и Кремсе. Участвовал Михаил Андреевич и в неудачном для нас сражении при Аустерлице. Эта кампания принесла ему чин генерал-лейтенанта и орден Георгия 3-й степени. С началом Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Милорадович назначается командиром корпуса. Действуя быстро и решительно, по-суворовски, он уже в ходе первой кампании взял Бухарест и, очистив всю Валахию от противника, спас ее от неминуемого опустошения турецкими полчищами. В 1807 г. войска под его командованием разбили турок при Турбате и Обилешти. За первую кампанию Михаил Андреевич был награжден золотой шпагой с алмазами и надписью «За хра-

М.А. Милорадович.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

брось и спасение Бухареста», за вторую — орденом Александра Невского. В начале кампании 1809 года боевое счастье впервые изменило Милорадовичу: предпринятый им без должной подготовки штурм турецкой крепости Журжа окончился неудачей. Однако осенью того же года, действуя под командованием Багратиона, он с лихвой исправляет допущенный промах в сражении при Расевате. Наградой ему за отличие в этом победоносном сражении был чин генерала от инфантерии. Отечественная война 1812 года застала М.А. Милорадовича в должности Киевского военного губернатора, на которую он был назначен в 1810 г. Сразу же с ее началом специальным указом царя ему было поручено формирование резервов для действующей армии в районе Москва — Калуга — Рязань.

М.А. Милорадович полководцем, конечно, не был и талантами стратега не обладал. Это был боевой генерал, непревзойденный тактик, как говорится, «боец первой линии», незаменимый исполнитель самых ответственных и опасных поручений. Поэтому его стихией, в которой он чувствовал себя как рыба в воде, было командование авангардами при наступлении и арьергардами при отступлении. Человек беспримерной храбрости, бесстрашный воин, сочетавший в себе бесшашную удаль гусар-

ского корнета с хладнокровным расчетом умудренного опытом военачальника, Милорадович весь, без остатка, отдавался суровой музыке боя, не упуская ни одного из его грозных мгновений, чутко улавливая его бешеный ритм. Умелой, твердой рукой направляя войска на решение стоящих перед ними задач, он зорким, орлиным взглядом охватывал поле боя, ничего не оставляя без внимания, быстро реагируя на любые неожиданности. Нередко его можно было видеть на поле боя, вдохновляющего личным примером войска. Это Милорадович любил и умел делать. Правда, при этом порою нельзя было отличить, где была боевая необходимость, а где — обычная бравада человека, ведущего азартную игру с судьбой. И, как это ни странно, из тысяч витавших вокруг него на полях бесчисленных сражений смертей ни одна не коснулась его, хотя он никогда и не прятался от нее, а наоборот, вел себя дерзко и вызывающе, всем своим видом и поступками выказывая полнейшее презрение к опасности. Недаром А.П. Ермолов, сам человек легендарной храбрости и отваги, говорил о своем боевом соратнике: «Чтоб быть с ним в деле, нужно иметь две жизни: одну свою, а другую в запасе».

Милорадович был заботливым и отзывчивым начальником. В этом отношении он многое перенял у А.В. Суворова, в том числе и манеру общения с солдатами. Всякого рода нарушения и злоупотребления в снабжении и обеспечении войск им, по примеру Суворова, сурово пресекались. Особый дар говорить с солдатами, приобретенный тоже не без воздействия Суворова, умение привлечь их к себе, сплотить и повести за собой — в этом с Милорадовичем мало кто мог сравниться. Его воздействие на солдат было прямо-таки магическим, делало его в полном смысле этого слова их кумиром.

Поражала неутомимость Милорадовича в боевой обстановке. Обычно он раньше всех садился на коня и последним сходил с него. Всегда щеголевато и изысканно одетый, иногда даже экстравагантно, Михаил Андреевич шел в бой, как на бал. Современники по праву называли его русским Баярдом — рыцарем без страха и упрека.

Живой, шумный, Милорадович в мирное время отличался беспечностью и расточительностью, отчего нередко оказывался в затруднительном финансовом положении. Наряду с его

благородством современники отмечали и такую деталь, как недалекость.

М.А. Милорадович вошел в историю Отечественной войны 1812 года как один из наиболее прославленных ее героев. Однако в советской исторической науке его роль незаслуженно при-нижалась. Причина заключалась в «классовом подходе» к изучению исторических событий, когда в угоду идеологическим догмам и их ревностным хранителям отечественная история нещадно извращалась и фальсифицировалась, многое замалчивалось, поскольку не вписывалось в заранее и на все случаи жизни составленные схемы и конструкции. Так случилось и с М.А. Милорадовичем. Дело в том, что во время восстания декабристов на Сенатской площади Петербурга 14 (26) декабря 1825 г. Милорадович, будучи генерал-губернатором столицы, пытался помешать планам мятежников. Он лично выехал к пришедшим первыми на площадь четверем с половиной ротам лейб-гвардии Московского полка (около 700 человек) и стал уговаривать солдат одуматься, остаться верными присяге и возвратиться в казармы. Об умении генерала воздействовать на солдат выше уже говорилось. Они заколебались. Еще немного, и руководители мятежа могли бы остаться одни. Они потребовали от генерал-губернатора удалиться с площади, но тот продолжал агитацию. И тогда раздался выстрел, произведенный из пистолета почти в упор декабристом П. Каховским. Милорадович был смертельно ранен и на следующий день скончался. Убийца, безвестный 28-летний отставной поручик, вошел в историю только потому, что закончил вместе с руководителями тайного общества жизнь на виселице. Ну а прославленный генерал, соратник Суворова, Кутузова и Багратиона, поскольку выступил как «контрреволюционер», был предан забвению, а все его заслуги перед Россией попросту были перечеркнуты.

Не вполне доверяя данным министерства, М.И. Кутузов, находясь еще в пути, начал собирать дополнительные сведения о состоянии действующей армии и резервов. Вскоре выяснилось, что суровая действительность, к сожалению, во многом расходилась со сведениями, которые ему представило Военное министерство. Никакой «второй стены», о которой вновь назна-

ченному главнокомандующему с твердой убежденностью докладывали в Петербурге ответственные чиновники, фактически не существовало. Приняв 18 (30) августа в Царево-Займище командование армией, Кутузов быстро убедился, что войска весьма расстроены и утомлены непрерывными длительными маршами и упорными боями в ходе отступления. Численность армии не превышала 95 тыс. человек. Резервный корпус Милорадовича и Московское ополчение находились еще на пути к армии. Положение с резервами вообще было неясно. Во всяком случае, на основании уже имеющихся данных можно было сделать вывод, что дело с их подготовкой обстояло далеко не так гладко, как считали в Военном министерстве. Ничего общего с истинным положением дел не имели и хвастливые донесения графа Ростопчина в Военное министерство и министру полиции о ходе формирования резервов в Москве⁶⁷.

Не располагая точными данными, Кутузов мог составить лишь в общих чертах план войны. При этом он рассчитывал не только на усиление резервами армий, действовавших на московском направлении, но также считал необходимым перенесение основных усилий Дунайской и 3-й Западной армий против главной группировки противника. Свой замысел Кутузов изложил в письмах командующим этими армиями⁶⁸. Следовательно, основная стратегическая идея Кутузова состояла в объединении усилий всех армий на главном (московском) операционном направлении, там, где решалась судьба войны.

В общих чертах стратегический план Кутузова заключался в том, чтобы, усилив 1-ю и 2-ю Западные армии обещанными Военным министерством крупными резервными формированиями, перейти к активной обороне, остановить наступление Наполеона, а затем во взаимодействии с войсками Дунайской и 3-й Западной армий, которые должны были выйти к этому времени на правый фланг и в тыл противника, перейти в контрнаступление и нанести наполеоновской армии решительное поражение. Реализация этого плана могла привести к резкому изменению всей стратегической обстановки. Разумеется, данный план основывался на той конкретной оперативно-стратегической обстановке, какая предстала перед Кутузовым

в ходе ознакомления с документами Военного министерства в Петербурге. Вплоть до его прибытия в армию, когда он еще не знал действительной обстановки на фронте и пока для него было скрыто фактическое положение с резервами, эта идея перехода к активным наступательным действиям против Наполеона находила свое выражение и в словах, и в действиях Кутузова.

Но 19 (31) августа неожиданно для всех армия получила приказ Кутузова — отступить. Существуют самые различные объяснения и толкования принятия такого решения. Многие считали, что отход русской армии был вызван желанием дать сражение на более выгодной позиции. Известно было твердое намерение Барклая-де-Толли дать сражение Наполеону при Царево-Займище⁶⁹. Смещение с командования не позволило ему реализовать свой замысел.

М.И. Кутузову нелегко было принять решение на продолжение отступления. очевидцы свидетельствуют, что всю ночь накануне главнокомандующий провел в расчетах, обдумывая создавшееся положение... До Москвы оставалось около 150 км. Русские войска, прошедшие за два месяца отступления с непрерывными боями многие сотни километров, нуждались в отдыхе и пополнении. Их неотступно преследовал имевший большое превосходство в силах противник, готовый в любой момент обрушиться на нашу армию. Самым большим ударом для Кутузова в этот момент явилось то, что резервов, о наличии и готовности которых его уверяли в Военном министерстве и на силу которых он возлагал большие надежды, в действительности не оказалось. Остановить противника, не говоря уже о его разгроме, было нечем. Наличных же сил для решения данных задач было явно недостаточно. Вместо ожидавшегося прибытия в армию 60-тысячного корпуса Милорадовича, последний привел в Гжатск лишь 15 тыс. наспех собранных и необученных солдат⁷⁰.

Вместо обещанного Ростопчиным 75-тысячного Московского ополчения налицо оказалось лишь 26 тыс. человек⁷¹. Из них в действующую армию смогли направить только 15 тыс. плохо обученных ополченцев. Это было все, на что мог рассчитывать Кутузов при доукомплектовании своей армии. Совершенно очевидно, что такие ограниченные силы не могли повлиять

на исход борьбы. Таким образом, та «вторая стена», на которую новый главнокомандующий надеялся опереться при реализации своего плана войны, рухнула. Вместе с нею рухнул и намеченный им план. Позади армии — от Гжатска до самой Москвы — никаких войск не было. Только на Украине очень медленно формировал казачьи полки Малороссийский генерал-губернатор князь Я.И. Лобанов-Ростовский, да шесть пехотных полков завершали подготовку в районах Новгорода и Твери. Но царь предупредил Кутузова, чтобы он на них не рассчитывал⁷². Итак, исключительно сложная стратегическая обстановка, недостаток сил и отсутствие резервов вынудили М.И. Кутузова отказаться от первоначально намеченного плана. Вместо него он вынужден был принять тяжелое и непопулярное решение на продолжение отступления вглубь страны. Этим главнокомандующий надеялся выиграть время и изменить неблагоприятное соотношение сил в свою пользу.

Вступив в командование армией, Кутузов прекрасно сознавал, с каким серьезным противником ему придется иметь дело. Тому имеется немало свидетельств. Е.В. Тарле приводит такой пример. Вскоре после прибытия Михаила Илларионовича в армию один из штабных офицеров позволил себе в его присутствии пренебрежительно отозваться о Наполеоне. Главнокомандующий, резко прервав его, строго заметил: «Молодой человек, кто дал тебе право издеваться над одним из величайших людей? Уничтожь неуместную брань!»⁷³ Это весьма примечательный штрих, характеризующий отношение Кутузова к своему противнику.

И все-таки, приняв на себя огромный груз ответственности за судьбу Отечества, М.И. Кутузов не терял надежды одолеть врага, и если не разбить, то хотя бы перехитрить Наполеона; нанести ему поражение, используя все средства и прежде всего факторы времени и пространства. Но это не означало, конечно, что новый главнокомандующий отказывался от активной вооруженной борьбы с врагом. Однако эту борьбу он предполагал вести главным образом «малой кровью», всячески избегать неоправданных потерь и всемерно сохранять живую силу армии. В этой связи показателен такой факт. При отъезде Кутузова в армию племянник спросил его: «Неужели вы, дядюшка,

*М.И. Кутузов
у портрета Суворова.
Ксилография Л. Серякова
по миниатюре Теребенева.
1877 г.*

надеетесь разбить Наполеона?» Не задумываясь, тот ответил: «Разбить? Нет, не надеюсь разбить! А обмануть — надеюсь!»⁷⁴

Анализируя первые действия Кутузова в роли главнокомандующего, без особого труда можно заметить, что он еще меньше, чем до него Барклай, искал генеральной битвы с Наполеоном. Если Барклай-де-Толли бывал иной раз заметно растерян, метался, пытался говорить о скором переходе в наступление, то Кутузов, репутация и авторитет которого в войсках были несравнимо прочнее, сразу же повел себя на редкость спокойно и свою идею «золотого моста» Наполеону, то есть изгнания его из пределов России без излишнего кровопролития, взялся проводить без какой-либо суетливости, настойчиво и последовательно.

Тем не менее положение нового главнокомандующего в первые дни после вступления в должность было крайне затруднительным. Поэтому ему пришлось пустить в ход все свои незаурядные дипломатические способности, весь свой огромный практический опыт общения с людьми разного положения, от простого солдата до утонченного царедворца, много хитрить, изворачиваться, скрывать за вуалью уклончивых предположений, намеков и недоговорок свои истинные намерения. Куту-

зов прекрасно понимал, что отстоять Москву с имеющимися силами он уже не сможет, но в то же время он отдавал себе отчет и в том, что никому, в том числе и ему, не будет позволено сдать Москву без боя. Это он знал твердо, как и то, что именно с этим обязательством ему и было вручено главное командование над армией. Но несмотря на все это, непреклонная вера в правоту своего дела придавала ему уверенность в своих действиях.

Исходя из своего стратегического замысла, М.И. Кутузов наверняка не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не рассчитывал одержать победу, если бы голос двора, армии и, наконец, всей России его к этому не принуждал. Судя по всему, он смотрел на предстоящее сражение как на неизбежное зло, которому нет возможности противостоять, суровое испытание, через которое необходимо пройти.

Восторженная встреча, оказанная ему войсками, торжественный молебен всей армии, священная реликвия — икона Смоленской Богородицы, перед которой коленопреклоненное российское воинство поклялось «положить свои головы за веру, царя и Отечество», его укоризненное: «Как можно с такими молодцами отступать?» — все это, с одной стороны, а с другой — подобный холодному душу для армии его приказ о немедленном отступлении на Гжатск и далее. С одной стороны: «Москва — это еще не Россия», «Лучше потерять Москву, чем армию и Россию» и другие кутузовские афоризмы, а с другой — официальное заявление: «Настоящий мой предмет есть спасение Москвы»⁷⁵. Из Гжатска Кутузов пишет обеспокоенному судьбой столицы Ростопчину: «Не решен еще вопрос — потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»⁷⁶. Словом, никто так и не смог при всех усилиях разгадать истинные намерения главнокомандующего. Он лавировал, нередко противореча себе, твердо заверял одних о своем намерении дать сражение, успокаивал других, оставлял в недоумении третьих, давал надежду всем остальным. Вместе с тем все его усилия в те дни были направлены на то, чтобы показать своей армии, что он ни за что не сдаст неприятелю Москвы. Теперь, по прошествии двух веков, отчетливо видно, что все тогдашние заверения и действия Кутузова были не чем иным, как средством пропаганды, блистатель-

но доказавшим свою действенность. Она сработала примерно по такой схеме. Да, он, Кутузов, не немец, не «изменник» Барклай, а природный россиянин, и ни за что не хотел оставлять древнюю столицу на поругание врагу, да что поделаешь, если в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств пришлось поступить не так, как хотелось, если такова была воля Божия! А большего тогда Кутузову ничего не требовалось. Ему нужно было только, чтобы армия и народ сделали именно такой вывод, развязывающий главнокомандующему руки для реализации намеченного им стратегического плана.

Разница между Кутузовым и Барклаем-де-Толли при внешней схожести их стратегических взглядов состояла в следующем. Кутузов был твердо убежден, что Наполеона погубит не только бескрайнее российское пространство, но также и та безжизненная пустыня, в которую русский народ превратит свою страну, чтобы погубить вторгшихся захватчиков. Барклай же все расчеты строил на том, что Наполеон, непомерно растянув свои коммуникации, ослабит себя и тем самым создаст для русской армии такие условия, в которых она сможет перехватить инициативу в войне.

Когда армия пришла в Царево-Займище и тут узнала, что Барклай-де-Толли смещен, а главнокомандующим назначен М.И. Кутузов, ее восторгу не было предела. Еще 16 (28) августа Багратион получил рескрипт царя о назначении М.И. Кутузова вместо Барклая. В тот же день он пишет Барклаю, который, между прочим, находился тут же, в армии, письмо (Багратион в последнее время предпочитал с ним не разговаривать, а только переписываться). В своем письме командующий 2-й армией подвергает резкой критике позицию под Царево-Займищем, выбранную Барклаем-де-Толли для сражения, и в заключение с плохо скрываемым злорадством сообщает ему о назначении нового главнокомандующего (последнее для Барклая секретом уже не являлось).

Барклай-де-Толли был потрясен и унижен его бесцеремонным смещением. Едва сдерживая негодование, он писал царю: «Если бы я руководим был слепым, безумным честолюбием, то, может быть, ваше императорское величество изволили бы получать донесения о сражениях и, невзирая на то, неприятель

находился бы под стенами Москвы, не встретя достаточных сил, которые были бы в состоянии ему сопротивляться»⁷⁷. В тот же день, 16 (28) августа 1812 г., Барклай-де-Толли подал в отставку с поста военного министра⁷⁸. На следующий день после сражения при Бородино он признается своему начальнику штаба: «Вчера я искал смерти и не нашел ее». Знавший своего главнокомандующего как человека твердого характера и чрезвычайно терпеливого, А.П. Ермолов был очень удивлен, увидев на его глазах слезы, которые Барклай и не пытался скрыть⁷⁹.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов был личностью далеко не заурядной. В нем причудливо сочетались достоинства и слабости выдающегося человека, внешняя обаятельность и сложная натура. В молодости он отличался излишней горячностью и веселым нравом, был острым на язык, но с годами стал на редкость сдержанным, уравновешенным и скрытным человеком. Уклончивость, свойственная ему всегда, в преклонном возрасте стала как бы его второй натурой. Из среды других генералов Кутузов резко выделялся своим умом, хитростью и пронырливостью. Неустрашимый на полях сражений, он умел быть вместе с тем и ловким царедворцем, быстро вникающим не только в военную, но и в придворную обстановку со всеми ее хитросплетениями. Различного рода интриганам не так-то просто было обвести его вокруг пальца.

Природа щедро наградила Михаила Илларионовича не только полководческим талантом, но и выдающимися дипломатическими способностями. Кутузов очень ценил власть, почести, блеск и славу. Делиться с кем-либо боевой славой он не любил и не терпел возле себя соперников⁸⁰. В нем было много и лукавства, и умения играть людьми, когда ему это было нужно, и холодной расчетливости, и непроницаемой скрытности. На последнем этапе своей военной карьеры Кутузов был довольно тяжел для повседневной работы. Заставить выслушать себя или получить необходимую подпись на документе для офицеров штаба было, как правило, невероятно трудно. Лишь узкий круг особо доверенных лиц имел к нему свободный доступ. Это явилось поводом для серьезных нареканий, особенно со стороны его противников в высшем армейском командовании. Кутузов, как отмечали современники, близко знавшие или наблюдавшие

его, уступал Барклаю-де-Толли в административных талантах, а Багратиону — в деятельности, но что поразительно, в нужные моменты он всегда оказывался на своем месте, как это бывало в славные дни «времен очаковских и покоренья Крыма».

Огромный боевой опыт, выдающиеся военные дарования, большие заслуги перед Отечеством, широкая популярность в армии и народе — все это ставило М.И. Кутузова на совершенно исключительное место в грозную для Родины годину. Все знали его как одного из ближайших сподвижников и наиболее талантливых учеников легендарного Суворова. Было хорошо известно, что А.В. Суворов ставил своего «одноглазого Мишеньку» выше всех других своих учеников и соратников. «Хитер, хитер! Умен, умен! Никто его не обманет!» — говорил он о Кутузове. Но не только хитрость и ум ценил в будущем фельдмаршале великий полководец. Беззаветная храбрость, непоколебимая верность воинскому долгу, способность успешно решать самые сложные боевые задачи, выдающиеся организаторские способности имели в глазах Суворова куда большую весомость. Под Измаилом А.В. Суворов был в восторге от поведения Кутузова и называл его своей правой рукой, хотя тот и шел на штурм на крайнем левом фланге. Будущий спаситель Отечества в грозу 12-го года стяжал себе славу наиболее прославленного героя беспримерного Измаильского штурма. Недаром Суворов, следуя негласной и извечной воинской традиции, назначил Кутузова, как наиболее отличившегося при штурме военачальника, первым комендантом поверженной дунайской твердыни.

Но хотя Суворов и сыграл большую роль в судьбе Кутузова, оказав сильное влияние на формирование его как крупного военачальника, Михаил Илларионович все же имел свой собственный полководческий почерк. В этой связи вряд ли уместными являются попытки некоторых историков и писателей «причесать» Кутузова под Суворова. На самом деле это были два совершенно разных человека, два совершенно несхожих между собой полководца. Прежде всего следует иметь в виду, что Кутузов велик именно тем, что у него была своя самостоятельная историческая роль — и он блестяще исполнил ее в конкретно сложившихся условиях. И как стратег, и как тактик Кутузов был вполне своеобразен. Применяемые им формы и способы военных

Портрет А.В. Суворова. Художник К. Штейбен. 1815 г.

действий были не суворовские, а кутузовские, потому что Суворов не мог бы в 1812 г. действовать так, как он действовал в свое время на Рымнике и под Измаилом, под Варшавой или в Швейцарских Альпах.

Также слишком мало общего между этими двумя полководцами было и в личностном плане. Тут их объединяло только одно — оба они пользовались огромной популярностью в войсках. Однако в отношении войск к Кутузову это не было почти то суверенное чувство, с которым солдаты относились к Су-

ворову, да и манера обхождения с солдатами у Кутузова была совсем иная. Суворов, легендарный герой, волшебник, подставляющий поминутно лоб пулям и дразнящий картечь, которая его якобы «не берет», Суворов, всегда и всех побеждающий, был в полном смысле слова обожаем своими солдатами. Фельдмаршал, который босиком и в одной рубахе бегаёт по лагерю и вызывает солдат драться с ним на кулачки, ест и пьёт с ними из одного котла, хлебаёт суп солдатской ложкой, отказывается в 70 лет надеть теплую шинель, пока не пришлют теплую одежду его солдатам, — этот Суворов, конечно, не мог не занимать в душе солдата совсем исключительного положения. Кутузов на такое положение и не претендовал. Но отблеск геройской суворовской славы лежал на нем, как лежал и на Багратионе, и на Милорадовиче, и на Платове; изувеченная голова и ослепший глаз напоминали о том, за что Румянцев ценил, Потемкин уважал, а Суворов любил Кутузова, многочисленные высокие награды, заслуженные не на дворцовом паркете, а на полях победных сражений, красноречиво свидетельствовали о больших заслугах старого генерала перед Отечеством. Кутузов, за плечами которого было уже более полувека ратной службы, умел по-простому, отечески-добродушно поговорить с солдатом. Экстравагантные выходки и фамильярность, так привлекавшие к Суворову сердца солдат, меньше всего подходили к тяжеловесному и тучному князю Кутузову. Но говоря с солдатами, он как бы преображался, общался с ними на равных, видел в солдате не «инструмент, артикулом предусмотренный», а прежде всего человека, защитника Отечества. При этом светлейший князь делался таким же немудрящим, чисто русским человеком, как и сам солдат — вчерашний крепостной крестьянин, этаким сердечным и благожелательным стариком, патриархальным сельским барином, но в то же время сохраняющим определенную дистанцию со своими крестьянами. Это тоже импонировало солдатам. Поэтому они и любили Кутузова. Армия верила ему, как никому другому после Суворова. Между прочим, Багратиона тоже любили в войсках. Но эта любовь была несколько иная. Немногословный, по-восточному сдержанный и вместе с тем способный на сильные чувства и самое бурное их выражение, знаменитый генерал, прославленный герой, не

уступавший в личной храбрости и самому Суворову, Багратион все-таки никогда не пользовался такой большой популярностью в армии, как Кутузов, хотя солдаты любили и уважали его искренне и горячо.

Современники отмечают свойственные истинно русским людям гостеприимство и радушие Кутузова, его добродушие и снисходительность к окружающим, конечно, при условии их лояльного к нему отношения. Но в делах службы, особенно в боевой обстановке, это имело свои пределы. С нерадивыми, верхоглядами, плохо исполняющими свой служебный и воинский долг Кутузов умел быть и непреклонным, даже жестким; строго взыскивал за упущения и промахи, не говоря уже о проступках. Дисциплину в войсках поддерживать он умел. Михаил Илларионович не терпел тех, кто уклонялся от выполнения боевых приказов и распоряжений, ссылаясь на те или иные обстоятельства; не любил карьеристов, интриганов и подобного рода личностей и обычно избавлялся от них при первой же возможности.

М.И. Кутузов отличался большим благочестием, но ханжой при этом не был. Известно также, что Михаил Илларионович, имевший, кстати, довольно большое семейство, любил жить, что называется, на широкую ногу, отчего нередко нуждался в средствах. Чувство Родины у него всегда было на первом месте, но особенно обострилось оно в 1812 г., когда Россия вручила ему свою судьбу.

Своим приказом от 18 (30) августа М.И. Кутузов оставляет Баркляя-де-Толли в занимаемой им должности главнокомандующего 1-й Западной армией, а для себя формирует Главный штаб, возглавить который поручает генералу от кавалерии Л.Л. Беннигсену. Генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего всеми армиями был назначен генерал-майор М.С. Вистицкий, а дежурным генералом — полковник П.С. Кайсаров⁸¹. Командиром 5-го (гвардейского) пехотного корпуса стал генерал-лейтенант Н.И. Лавров.

19 (31) августа русская армия выступила из Царево-Займища и в тот же день прошла Гжатск. Через три дня она была уже на подходе к Можайску. Во время этих маршей резервы, приведенные Милорадовичем, были распределены по полкам, а сам он получил под командование два корпуса (2-й и 4-й пехотные кор-

пуса). Высланный вперед с группой штабных офицеров полковник К. Ф. Толь доложил, что в 12 км западнее Можайска, у села Бородино, ему удалось отыскать выгодную для предстоящего сражения позицию. Рано утром 22 августа (3 сентября) Кутузов, опередив армию, прибыл в Бородино. Осмотрев местность, он пришел к выводу, что избранная для генерального сражения позиция соответствует его намерениям. Тут же им были отданы распоряжения по ее укреплению. Итак, жребий был брошен. Здесь, у неизвестного дотоле села Бородино, русская армия должна была наконец остановиться и, повернувшись лицом к преследующему ее противнику, сразиться с ним в решающей схватке. От ее исхода зависела судьба Москвы.

Кутузов принял решение дать Наполеону генеральное сражение, чтобы не допустить врага к Москве. «Как бы там ни было, — писал он Александру I, — Москву защищать должно»⁸².

Французская армия шла ускоренными маршами, сильно тесня арьергард Кутузова, которым с 19 (31) августа командовал генерал П. П. Коновницын⁸³. Жара стояла нестерпимая. Солдаты наполеоновской армии буквально дрались за глоток мутной воды из болота. Отступая, русские уничтожали за собой все, что только можно было уничтожить. Вокруг полыхали охваченные пожарами деревни и села, горели хутора и заимки. Страдающие от голода оккупанты в поисках провианта огромными толпами рассыпались по обе стороны от Московской дороги, по которой двигались главные силы Наполеона. Их ежедневные потери в стычках с кружащими вокруг казаками и крестьянскими отрядами исчислялись сотнями человек.

Вступив в Гжатск, Наполеон приказал произвести 21 августа (2 сентября) всеобщую переключку боевых сил «Великой армии». Подсчет показал, что в ее рядах находилось всего 103 тыс. человек пехоты, 30 тыс. человек кавалерии и 587 орудий⁸⁴. Правда, в этот подсчет не вошли отставшие части.

Пробыв в Гжатске два дня, французский император в ночь на 23 августа (4 сентября) выступил с гвардией по дороге на Можайск. Отступление арьергарда Коновницына было тяжелым. Ему приходилось непрерывно отбиваться от наседавшего крупными силами противника. Лишь отразив 21 августа (2 сентября) сильно напиравшую баварскую кавалерию, Коновницыну

удалось по крайней мере хоть на сутки разрядить обстановку и спокойно отойти на новую позицию. На следующий день русская армия подошла к Колоцкому монастырю и здесь остановилась. До боя у деревни Шевардино оставалось два дня, а до Бородинского сражения — четыре.

Петр Петрович Коновницын был потомком старинного дворянского рода (род дворян Коновницыных вел свое происхождение от одного предка с царским родом Романовых). Отец его при Екатерине II дослужился до генеральского чина и одно время занимал пост столичного губернатора, водил дружбу со знаменитым князем Г.А. Потемкиным-Таврическим, будучи одним из его приятелей. По обычаям того времени Коновницына записали на военную службу еще в ранней юности. После окончания военной Инженерной школы (1785) он получил свой первый офицерский чин — прапорщика — и начал действительную военную службу в гвардии. В конце Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Петр Петрович по собственному желанию с чином премьер-майора переводится в действующую армию и прибывает на Дунайский театр военных действий. Однако, будучи адъютантом фельдмаршала Потемкина, непосредственного участия в боевых действиях он тогда принять не успел. В то время в штабе главнокомандующего состоялось его довольно близкое знакомство с известным уже тогда генералом М.И. Кутузовым. После Ясского мира (1791), завершившего войну с Турцией, Коновницын был произведен в подполковники и назначен командиром Старооскольского мушкетерского полка. Было ему в то время всего 27 лет.

Боевое поприще Коновницына началось во время Польской кампании 1792–1794 гг. В ходе ее он проявил себя храбрым, мужественным, всесторонне подготовленным командиром полка, отличился в целом ряде боев и сражений, за что был произведен в чин полковника и награжден орденом Георгия 4-й степени. В конце этой войны ему довелось послужить под командованием А.В. Суворова и ознакомиться на практике с суворовской «Наукой побеждать». Этот короткий промежуток времени оставил в сознании Петра Петровича неизгладимый след, заставил на многое взглянуть по-новому, переосмыслить целый ряд господствовавших тогда положений и стать горячим сторонни-

П.П. Коновницын.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ком суворовских методов обучения и воспитания войск. Творческий подход к наследию великого полководца позволил Коновницыну со временем зарекомендовать себя одним из наиболее талантливых и последовательных продолжателей суворовских традиций в русской армии.

В 33 года П.П. Коновницын был уже генералом (1797). Его назначают шефом Киевского гренадерского полка, а через год — шефом Углицкого мушкетерского полка. Однако вскоре его так блестяще начатая военная карьера неожиданно прервалась. Как и многие другие дельные офицеры и генералы, имеющие собственное мнение, он подвергся немилости при Павле I, был уволен из армии и восемь лет провел в отставке. Отстраненный от любимого дела, мучимый вынужденным бездействием, молодой генерал коротал свои дни в глухом медвежьем углу, в забытой богом и людьми деревне. Тем не менее присутствие духа он не теряет, а все свободное время посвящает глубокому изучению военно-теоретических и военно-исторических трудов, живо интересуется всеми новинками в военном деле.

Наконец в конце 1806 г. блеснул луч надежды. В связи с приближением врага к границам России правительство принимает решение о формировании земского ополчения. Петр Петро-

вич немедленно едет в столицу, где его вскоре избирают начальником ополчения Петербургской губернии. На этом посту он проявляет незаурядные организаторские способности, огромную работоспособность, завидную энергию и отличное знание существа дела. Ополчение было сформировано в установленный срок и заметно выделялось среди других в лучшую сторону. Заслуги Коновницына на новом поприще не остались незамеченными. Его деятельность на посту начальника губернского ополчения получила высокую оценку Военного министерства. Награжденный орденом Анны 1-й степени, 42-летний отставной генерал снова принимается на действительную военную службу (конец 1807 г.).

С началом Русско-шведской войны 1808–1809 гг. генерал-майор Коновницын назначается дежурным генералом в главный штаб действующей армии, которой командовал генерал от инфантерии граф Ф.Ф. Буксгевден (январь 1808 г.). В ходе этой победоносной для русской армии кампании Петр Петрович блестяще проявил себя по квартирмейстерской части. Однако штабная служба не очень прельщает боевого генерала, и он под разными предлогами рвется в войска, принимает активное участие в боевых действиях. Его заслуги в завоевании Финляндии были отмечены чином генерал-лейтенанта и орденом Георгия 3-й степени. В конце войны Коновницын был назначен на должность начальника 3-й пехотной дивизии.

Отдаваясь всей душой военной службе, не щадя ни сил, ни времени для обучения и воспитания своих подчиненных, относясь к ним с необыкновенной по тем временам теплотой и заботливостью, Коновницын снискал среди них огромную популярность, был в полном смысле слова боготворим ими. Войска платили ему полной взаимностью. Поэтому не случайно накануне Отечественной войны 1812 года 3-я пехотная дивизия была признана лучшей в русской армии. В то же время «чужачества» ее начальника, его товарищеские отношения с подчиненными и, как тогда говорили, «либерализм» не вызывали одобрения со стороны начальства. Однако высокие деловые качества генерала Коновницына, его высокий профессионализм и служебное рвение, наконец, блестящее состояние дивизии вынуждали военное руководство смотреть на многие допускаемые им

«вольности» сквозь пальцы. Это, по существу, и спасло Коновницына от новой отставки.

Но вот грянула война 1812 года — и загремела боевая слава Коновницына. Героизм, проявленный 3-й пехотной дивизией и ее начальником при Островне, Смоленске и Валутиной горе (Лубино), принес Петру Петровичу широкую известность и выдвинул его в число наиболее знаменитых русских генералов. Его грудь украсили новые боевые награды. За неделю до Бородинского сражения Коновницыну была поручена самая сложная и ответственная задача — командование арьергардом всей русской армии. То, что такая задача поручалась не командиру корпуса, а начальнику дивизии, свидетельствовало об особом доверии к нему главнокомандующего. Сдерживая наступающего по пятам неприятеля, Коновницыну приходилось чуть ли не ежедневно выдерживать тяжелые арьергардные бои с превосходящими силами противника. Несмотря на исключительную сложность обстановки, в которой ему пришлось действовать, Коновницын, как всегда, образцово выполнил возложенную на него задачу, обеспечив отход главных сил армии от Вязьмы до Колоцкого монастыря и их развертывание на Бородинской позиции.

В трагические дни отступления с особой силой проявились присущие Петру Петровичу человечность и доброта. Сплошь и рядом позволял он своим солдатам забирать с собой всех желающих уехать жителей, нередко вместе со скарбом, так что его полки издали походили на какие-то цыганские таборы. Это тоже вызвало серьезные нарекания со стороны командования.

Высокое боевое мастерство, выдающаяся личная храбрость, беспримерное мужество и самоотверженность в самых критических ситуациях, исключительное хладнокровие в минуты смертельной опасности, глубокое чувство гражданского долга и горячий патриотизм — таковы наиболее характерные черты, присущие П. П. Коновницыну, одному из наиболее прославленных героев Отечественной войны 1812 года. В колпаке, с длинной трубкой в зубах и нагайкой в руках Коновницын мог многими часами находиться под самым губительным огнем противника, часто подвергая себя смертельной опасности. Нередко, вдохновляя своих солдат личным примером, он принимал участие и в рукопашных схватках. От подчиненных Петр Петро-

вич требовал соблюдения строгой дисциплины, хотя свое недовольство обычно выражал только насмешкой. Ко всему прочему Коновницын отличался большой религиозностью.

Войска Наполеона преследовали русскую армию, не упуская ее из виду. Впереди, как всегда, шел авангард под командованием бессменного Мюрата. За ним по столбовой дороге с интервалами между корпусами следовали главные силы армии. Правее главных сил по Старой Смоленской дороге выдвигался 5-й пехотный (польский) корпус Понятовского, а левее — по проселкам — 4-й пехотный (итальянский) корпус вице-короля Евгения.

23 августа (4 сентября) Мюрат, имевший под своим началом 25 батальонов и 96 эскадронов, атаковал русский арьергард у села Гриднево (16 км западнее Бородино). В течение всего дня части арьергарда упорно сдерживали натиск превосходящих сил противника, не отступив ни на шаг. Лишь под вечер, когда подошедшие итальянцы создали угрозу обхода правого фланга, Коновницын принял решение на отход. Под покровом темноты наш арьергард отступил к Колоцкому монастырю. Утром 24 августа (5 сентября) противник вновь атаковал Коновницына. Поскольку русская армия занимала позицию при Бородине только двое суток и работы по ее инженерному оборудованию находились еще в полном разгаре, нужно было во что бы то ни стало остановить напавшего противника, не дать ему сорвать проводимые оборонительные мероприятия. Кутузов направил на помощь Коновницыну 1-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова. Уваров был выше Коновницына по должности и в старшинстве имел перед ним преимущество, а потому последний прибыл с докладом о поступлении под его командование. Но Федор Петрович, приняв доклад, возразил: «Не время считаться старшинством. Вам поручен арьергард, я прислан вам на помощь: приказывайте!»

Сначала Коновницын оборонялся успешно. Изюмский гусарский полк (шеф полка генерал-майор И.С. Дорохов), поддержанный сотней гвардейских казаков, атаковал три вырвавшихся далеко вперед французских эскадрона и в жестокой схватке изрубил их. Однако с появлением итальянцев, которые, как и накануне, создали угрозу обхода правого фланга, наш арьергард был вынужден отойти за реку Колоча, где присоединился к главным

силам. Входившие в его состав части были откомандированы в свой корпус. В бою у Колоцкого монастыря был смертельно ранен командовавший казачьими частями арьергарда генерал-майор И.К. Краснов. Это был один из старейших и наиболее заслуженных генералов Войска Донского, участник славных походов Румянцева, Потемкина и Суворова. Приблизившись к реке Колоча, противник увидел перед собой расположившуюся на заранее подготовленной позиции русскую армию. Она стояла в полном боевом порядке, готовая к сражению. Приблизился полдень 24 августа (5 сентября) 1812 года...

2.5. Сражения на флангах

После соединения 22 июля (3 августа) австрийцев с саксонцами в Слониме, они сразу же выступили к Пружанам (80 км юго-западнее Слонима), где стоял граф Ламберт с авангардом 3-й Западной армии. Ему было приказано отступить к Городечне (16 км юго-западнее Пружан, на полдороге между Кобрином и Пружанами), куда из Антополя (25 км восточнее Кобрина) двинулся и Торماسов с двумя пехотными корпусами.

С упорными боями авангард к 29 июля (10 августа) отошел к Городечне, где присоединился к главным силам, уже располагавшимися на позиции. Главнокомандующий 3-й Западной армией генерал А.П. Тормасов занял позицию для сражения на небольших высотах в 1,5–2 км южнее Городечны. Правый фланг ее примыкал к болоту, а слева был заболоченный лес, который ошибочно считали непроходимым. Впереди позиции протекал болотистый ручей, через который имелись две узкие плотины: одна в Городечне, а другая — в Поддубье (3,5 км западнее первой). Войска размещались по обе стороны дороги, ведущей из Кобрина на Пружаны. Численность русских войск не превышала 18 тыс. человек. На первый взгляд позиция при Городечне казалась неприступной. Поэтому первоначальный замысел Тормасова состоял в том, чтобы, оставив на позиции лишь небольшую часть войск, главными силами обойти противника с востока и атаковать его во фланг и тыл.

30 июля (11 августа) австрийские и саксонские войска (около 40 тыс. человек) подошли к позиции, занимаемой русской

армией. Первые встали у Городечны, вторые — у Поддубья. Намеревавшийся атаковать русских противник находился в затруднительном положении. Занимаемая ими позиция действительно была очень сильной, и овладение ею фронтальным ударом было бы сопряжено с большими потерями. Помог случай. Саксонский патруль отыскал тропинку в лесу, ведущую в обход левого фланга русских. Вечером для занятия леса и оборудования болотистой тропы был выслан один саксонский батальон. Союзные генералы приняли решение, которое заключалось в том, что саксонский корпус Ренье с рассветом двинется через лес в обход левого фланга русских, а Шварценберг с австрийцами до завершения этого обходного маневра будет сковывать их с фронта. Затем последует общая атака с фронта и во фланг. Однако с проведением подготовительных мероприятий к сражению противник проявил медлительность, вследствие чего его замысел на внезапный обход нашего левого крыла реализовать в полной мере не удалось.

К обходному маневру саксонцы, усиленные двумя полками австрийской кавалерии, приступили не с рассветом, а лишь в 9 часов утра 31 июля (12 августа). Их движение в лес сразу же было замечено русскими. Тормасов быстро разгадал замысел противника и внес коррективы в принятое ранее решение. Вместо предполагавшегося накануне наступления пришлось перейти к обороне.

Когда около 10 часов утра из леса показались передовые части 7-го (саксонского) пехотного корпуса, то они встретили перед собой 18-ю пехотную дивизию генерал-майора князя А.Г. Щербатова. Находившаяся у Поддубья, на левом фланге 3-й Западной армии, она утром подалась назад и развернулась фронтом на запад для противодействия обходу саксонцев. Вскоре на это направление были перегруппированы и основные силы армии. На прежней позиции от Поддубья до Городечны осталось лишь прикрытие.

Выйдя из леса, генерал Ж. Ренье развернул свой корпус в боевой порядок фронтом на восток и открыл сильный артиллерийский огонь по русским войскам. Саксонцы намеревались прорваться к столбовой дороге Кобрин — Пружаны, расстояние до которой составляло немногим более 4 км, и выйти в тыл основ-

ным силам 3-й русской армии. С этой целью они попытались сначала охватить левый фланг дивизии Щербатова, но Тормазов выдвинул левее ее авангард графа Ламберта и сорвал замысел противника. Тогда Ренье направил в обход отряда Ламберта два находившихся в его резерве кавалерийских полка (саксонский и австрийский). Наблюдавший за этим маневром неприятеля генерал Ламберт выждал, пока два этих полка не оторвались от своих главных сил, а затем стремительно атаковал их. Павлоградский гусарский полк атаковал противника с фронта, а Александрийский гусарский полк ударил ему во фланг и тыл. Австрийцы и саксонцы были смяты и обращены в бегство. Многие из них вместо отхода назад, к лесу, в панике бросились на Кобринскую дорогу, где вскоре были поодиночке переловлены казаками. Эта неудача охладила пыл Ренье, заставив его отказаться от намерения охватить левый фланг русской армии.

Между тем сражение завязалось по всему фронту, протяженность которого достигала 11 км. Однако активных действий противник пока не предпринимал, ограничившись ружейно-артиллерийским огнем. Ренье, убедившись, что для реализации намеченного замысла сил у него недостаточно, обратился к Шварценбергу за подкреплениями. Лишь к 15 часам тот усилил его несколькими пехотными полками. Получив их, Ренье атаковал правый фланг дивизии Щербатова, примыкавший к ручью в районе Поддубья. С северного берега ручья его поддерживала австрийская артиллерия. Атака противника была отражена при активном содействии русской артиллерии. Под вечер Ренье повторил атаку. Ее поддержал со стороны Поддубья один австрийский пехотный полк. Увязая по колено в болотистой тине, австрийцы с большим трудом преодолели ручей и атаковали находившийся на высоте Владимирский пехотный полк. Владимирцы штыками отбросили врага обратно за ручей. Атака саксонцев успеха также не имела. В течение дня австрийцы неоднократно пытались овладеть плотиной в районе Городечны, но каждый раз под шквальным огнем русской артиллерии откатывались обратно. Наступившая ночь прекратила сражение, продолжавшееся 12 часов. Все атаки противника были отражены русскими войсками, удержавшими занимаемые позиции. Несмотря на более чем двукратное превосходство в силах, австро-

саксонцам так и не удалось добиться поставленной цели. По существу, в сражении при Городечне 31 июля (12 августа) 1812 г. они потерпели неудачу. Потери 3-й Западной армии в сражении при Городечне составили 1300 человек⁸⁵. Урон, понесенный австро-саксонскими войсками, был значительно большим. Известно, что только саксонцы потеряли около 1000 человек⁸⁶. Потери австрийцев неизвестны, так как о своем участии в войне 1812 года с Россией они никаких отчетов не давали и вообще не любили о ней впоследствии вспоминать.

Оценив создавшуюся обстановку, Торماسов пришел к выводу, что противник, используя свое численное превосходство, вероятнее всего предпримет новую попытку обхода русской армии на Городечненской позиции. Поэтому им было принято решение отойти к Кобрину. Проведя ночь на поле сражения, 3-я Западная армия перед рассветом 1 (13) августа снялась с занимаемых позиций и начала отступление. На принятое Тормасовым решение, кроме указанной выше основной причины, оказал влияние и ряд других. В частности, ввиду враждебности местного населения 3-я армия уже некоторое время испытывала серьезные затруднения с продовольствием; в ее тылу появились белорусские партизанские отряды, действующие на стороне противника; агентурная разведка доносила о подготовке поляков к вторжению на Волынь. В таких условиях Тормасов был вынужден отказаться от намерения искать нового генерального сражения с численно превосходящим противником. Теперь все его помыслы были направлены на то, чтобы выиграть время для соединения с Дунайской армией, находившейся на марше из Валахии к Днестру.

Неожиданное для противника отступление 3-й русской армии к Кобрину дало возможность князю К. Шварценбергу, возглавлявшему объединенное австро-саксонское войско под Городечной, объявить себя победителем в этом сражении. Наградой ему за одержанную «победу» был фельдмаршальский жезл. Наполеон хотел наградить наиболее отличившихся в Городечненском сражении австрийцев орденом Почетного легиона, однако венский двор не согласился на это.

Достигнув Кобрина, 3-я Западная армия продолжала отступление далее, на Ковель. По пути она присоединяла к себе выделенные ранее для решения частных задач отдельные отря-

ды (Мелиссино, Хрущова и др.). Отступавшую русскую армию противник почти не преследовал. Из Ковеля Торماسов отступил за реку Стырь, сосредоточив свою армию в районе Луцка. На реке Стырь противоборствующие стороны несколько недель провели в полном бездействии. В сентябре, получив подкрепления, 3-я Западная армия перешла к активным наступательным действиям.

Кроме 3-й Западной армии Тормасова, на левом (южном) фланге театра военных действий находились также: в районе Мозыря 2-й резервный корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля и Бобруйская крепость. Для действий против них из состава главных сил «Великой армии» была выделена 17-я пехотная (польская) дивизия генерала Я.-Г. Домбровского. Не имея достаточных сил для активных действий против корпуса Эртеля и гарнизона Бобруйска, Домбровский ограничился лишь наблюдением за ними. После отступления армии Тормасова за реку Стырь Шварценберг получил приказ Наполеона выделить часть своих сил для действий против корпуса Эртеля. Это приказание было исполнено, и пятитысячный австрийский отряд под командованием генерала И. Мора направился в район Мозыря. Удаление его от главных сил 12-го пехотного (австрийского) корпуса составляло около 300 км.

С началом Отечественной войны 1812 года Дунайская армия стояла в Валахии, где Чичагов ожидал ратификации Бухарестского мира. Одновременно он вел подготовку к походу в Далмацию. Для этого похода, который он намеревался возглавить сам, предназначался 20-тысячный корпус с 36 орудиями⁸⁷. В тот самый день, когда 1-я Западная армия Барклая-де-Толли вступила в Дрисский лагерь, авангард экспедиционного корпуса под командованием генерал-майора графа И.К. Оурурка выступил в Сербию. 15 (27) июля Чичагов получил приказ царя, отданный в Смоленске, которым поход к Адриатическому морю отменялся, а Дунайской армии ставилась задача идти на соединение с 3-й Западной армией Тормасова. 19 (31) июля армия Чичагова начала поход на Волынь. 13 батальонов и 19 эскадронов были оставлены для охраны границы с Турцией. В состав Дунайской армии входили пять корпусов, которыми командовали генералы граф А.Ф. Ланжерон, А.Л. Воинов, П.К. Эссен 3-й,

М.Л. Булатов и И.В. Сабанеев. Необходимо отметить, что эти корпуса были довольно малочисленны и по своему составу не намного превосходили усиленную пехотную дивизию. Авангард армии, уже находившийся в Сербии, получил приказ возвращаться назад. Командование им вместо отозванного в армию графа Орурка принял генерал-майор Н.И. Лидерс. Сербы прощались с русскими солдатами трогательно, как с братьями. В каждом селении они в изобилии снабжали их продовольствием и вином, предоставляли подводы и очень сожалели, что русские не берут их с собой воевать с Наполеоном.

События на правом (северном) фланге театра военных действий развивались несколько иначе. Присоединив к себе 6-й пехотный (баварский) корпус Л. Гувиона Сен-Сира, маршал Н. Удино 25 июля (6 августа) перешел в наступление из Полоцка в северном направлении. Витгенштейн, оставив у Динабурга небольшой заслон, с главными силами своего корпуса двинулся навстречу неприятелю. Встреча сторон произошла 29 июля (10 августа) у села Коханово (55 км северо-западнее Полоцка). Витгенштейн решил атаковать противника и отдал необходимые распоряжения, но сам из-за разболевшейся раны, полученной накануне, в предстоящем сражении участвовать не смог и передал командование своему начальнику штаба генерал-майору Ф.Ф. Довре.

Построив корпуса в боевой порядок, Довре почти весь следующий день ожидал атаки французов. Однако противник активности не проявлял. Тогда Довре сам атаковал вражеский авангард и после упорного боя отбросил его за реку Свольна, где находились главные силы Удино. В ночь на 31 июля (12 августа) противник начал отступление к Полоцку. Причина такой нерешительности одного из храбрейших наполеоновских маршалов заключалась в неверной оценке им обстановки. Из решительных действий русских на реке Свольна он сделал вывод, что к ним подошли крупные подкрепления.

Русские войска преследовали отступающих французов вплоть до самого Полоцка, к которому вышли 4 (16) августа, в тот самый день, когда началось сражение под Смоленском. 5 (17) августа Удино собрал военный совет, на котором решался вопрос — отходить или не отходить за Двину. В первом слу-

чае Полоцк предполагалось удерживать в качестве предместного укрепления. Однако этот совет так и не удалось закончить. Французские генералы были вынуждены его прервать, услышав звуки артиллерийской канонады, возвестившей о переходе русских в наступление.

Несмотря на значительное численное превосходство противника (корпуса Сен-Сира и Удино насчитывали до 30 тыс. человек, а Витгенштейн располагал лишь 18 тыс. человек⁸⁸), Витгенштейн решил атаковать его. Это намерение окрепло тем более, когда он заметил начавшуюся переправу французских войск на левый берег Двины.

Утром 5 (17) августа русские войска атаковали мызу Спас, находившуюся в 3 км севернее города и являвшуюся ключом вражеской позиции. Овладение ею означало рассечение французской армии на две части. Так началось сражение под Полоцком. Основные события развернулись в районе мызы. Очень удачно действовала русская артиллерия. От ее огня неприятель понес существенный урон. Удино быстро определил направление главного удара русских и направил к мызе Спас крупные подкрепления. Нарастивая усилия на основном направлении, Витгенштейн перегруппировывает туда с центра три пехотных полка во главе с генерал-майором Г.М. Бергом. Противник, заметив ослабление нашего центра, сразу же атаковал его, но был отбит. Данный успех был одержан благодаря тому, что Витгенштейн успел своевременно усилить центр свежими войсками. Сражение кипело по всему фронту, протяженность которого составляла более 8 км. Русские войска наступали на Полоцк с севера и северо-запада. Боевые действия с переменным успехом велись до наступления темноты. Ночь прекратила сражение. Сломить сопротивление противника русским войскам в течение дня так и не удалось. Раненный в ходе сражения маршал Удино сдал командование генералу Гувиону Сен-Сиру. Последний вместо предполагаемого Удино отступления за Двину решил атаковать русских и отбросить их от города. Замысел Сен-Сира заключался в том, чтобы коротким, мощным ударом прорвать центр боевого порядка русских войск и тем самым решить исход сражения в свою пользу. С этой целью он принял решение сосредоточить на узком участке фронта сильную ударную

группировку, включавшую в свой состав три пехотные дивизии — две баварские и одну французскую⁸⁹.

Витгенштейн, не добившись успеха в первый день сражения, отказался от намерения овладеть Полоцком. Он не без основания полагал, что в оперативно-тактическом плане взятие этого города ему ничего не даст, а приведет лишь к новым потерям и дальнейшему ослаблению корпуса. Тем более что рассчитывать на скорое пополнение своих войск ему не приходилось. Однако попытка дезинформировать противника и тем самым принудить его к отходу за Двину и оставлению Полоцка им все же была предпринята. В ночь на 6 (18) августа в 4 км ниже и выше Полоцка по приказу Витгенштейна русские саперы приступили к постройке мостов на Двине. К утру они были готовы. Но Сен-Сир на это никак не отреагировал.

Первая половина дня 6 (18) августа прошла спокойно. Русские и французы продолжали занимать прежнее положение. Лишь изредка в передовых цепях вспыхивали короткие перестрелки. Казалось, ничто не предвещало возобновления сражения. Витгенштейн отдал войскам приказ — в 21 час начать отход к Гамзелеву (6 км северо-западнее Полоцка). Однако под прикрытием этого обманчивого затишья Сен-Сиру удалось скрытно произвести сосредоточение своей ударной группировки в районе мызы Спас. Этот маневр был осуществлен противником настолько искусно, что явился для русского командования полной неожиданностью.

Едва только на колокольне иезуитского монастыря в Полоцке пробило 17 часов, как раздался оглушительный грохот 60 французских орудий, внезапно открывавших огонь по центру боевого порядка русских войск. Витгенштейн в это время обедал в Присменице (небольшая деревушка в 2 км северо-западнее мызы Спас). Французское ядро, пробив стену, влетело в комнату, где он находился, разворотило противоположную стену дома и разорвалось на улице. Вслед за короткой, но сильной артиллерийской подготовкой три дивизии противника, развернувшись в боевой порядок северо-западнее мызы Спас, атаковали центр русского корпуса. Левее их наступала дивизия генерала Вердье. За пехотными колоннами французов и баварцев выдвигалась кавалерия. Несмотря на внезапность вражеского

*Маршал
Л. Гувин Сен-Сир
в битве под Полоцком
18 августа 1812 г.
Художник Г. Верне*

нападения, русские войска построились в боевой порядок довольно быстро, хотя, конечно, в некоторых частях не обошлось и без паники. Неприятель шел вперед безостановочно. Передовые цепи наших стрелков были опрокинуты им с ходу. Под угрозой оказались наши батареи, находившиеся впереди боевых порядков пехоты. В этот критический момент 5-я пехотная дивизия генерала Берга, не завершив еще перестроения в колонны, стремительно двинулась навстречу наступающему врагу. Наша артиллерия открыла по нему беглый огонь картечью. Неожиданная атака противника в центре была отражена. Сен-Сир бросил вперед кавалерию. Навстречу ей вылетела наша конно-артиллерийская рота. Удивленные этим французские кирасиры повернули назад. Их преследовал Гродненский гусарский полк, возглавляемый своим командиром полковником Ф.В. Ридигером. Настигнув задние ряды отступавших латников, гусары отважно врубались в них и нанесли противнику серьезный урон.

Однако несмотря на достигнутый успех, Витгенштейн понимал, что противостоять долго превосходящим силам противника он не сможет. Исходя из этого командир корпуса отдал приказ отступать к Присменице. Несмотря на сильный натиск французов и баварцев, отход был осуществлен в полном

Сражение у Полоцка 18 августа 1812 г. Гравюра Г. Ругендаса. 1810-е гг.

порядке. Некоторые наши полки и даже батальоны, будучи отрезаны противником, штыками проложили себе дорогу назад. Даже неприятель был восхищен мужеством и храбростью русских солдат. Об этом писал впоследствии в своих мемуарах наполеоновский маршал Л. Гувион Сен-Сир.

Основные события развернулись в районе Присменицы, находившейся вблизи от Себежского тракта, в 4,5 км севернее Полоцка. Здесь Витгенштейн привел свои расстроенные войска в порядок и приготовился к отражению наступления противника. Оно не заставило себя ждать. Завязался упорный и кровопролитный бой. Враг любой ценой стремился прорвать русский центр. Но три его яростные атаки были успешно отражены нашими войсками. Во время одной из них французскую пехоту поддержала кавалерийская бригада, ударившая по правому флангу 5-й пехотной дивизии. Ее встретил Сводный полк гвардейских кирасиров. Лихая контратака этой отборной конницы увенчалась полным успехом. Вражеская кавалерия была опрокинута. Преследуя ее, кирасиры овладели 15-орудийной французской батареей, а затем рассеяли французских кирасиров, едва не захватив при этом в плен самого Сен-Сира. Преследование разбитой вражеской кавалерии велось вплоть до городских предместий. Из захваченных орудий увезти удалось лишь два, а остальные пришлось заклепать. С командующим же

франко-баварскими войсками приключилось следующее. Заметив поражение своей конницы, он помчался к ней на дрожках (из-за полученного накануне ранения генерал Л. Гувион Сен-Сир не мог сидеть верхом на коне) и пытался остановить ее бегство. В вихревом круговороте, образовавшемся от сотен мчавшихся во весь опор всадников, ошалевшие лошади понесли дрожки, они опрокинулись, и несколько минут распластанный на земле французский генерал находился среди наших кирасиров. Последние, надо сказать, в пылу скоротечного кавалерийского боя не заметили вывалившегося из дрожек французского генерала, и это спасло его от неминуемого плена. Удачные действия русской конницы вызвали большое замешательство в рядах противника. Войска, находившиеся на его левом фланге, начали в беспорядке отступать к городу. Пехота, артиллерия, обозы — все смешалось и обратилось в паническое бегство, направляясь к мостам через Двину. Лишь вовремя подоспевшая баварская пехота сумела остановить наших кирасиров.

Между тем французам после ожесточенного боя все же удалось овладеть Присменицей и отбросить наши войска в находившийся поблизости лес. При этом ими были захвачены семь русских орудий. Удовольствовавшись достигнутым успехом, Сен-Сир приказал прекратить атаки и отвел свои войска к Полоцку. Витгенштейн по Себежской дороге отступил к селу Белое (17 км севернее Полоцка). Противник его не преследовал. Итак, в двухдневном сражении под Полоцком 5–6 (17–18) августа 1812 г. Витгенштейн потерпел поражение и был вынужден отступить от города. Потери русских войск в этом сражении составили 5,5 тыс. человек⁹⁰. Три генерала (Г.М. Берг, Гамен и Козачковский) были ранены. Противник потерял 3 тыс. человек⁹¹. Из четырех выбывших у него из строя генералов двое были командиры дивизий (Ж. Вердье и Б. Деруа)⁹². Последний из них получил смертельное ранение. Л. Гувион Сен-Сир за победу под Полоцком получил звание маршала Франции.

Лишь через три дня противник предпринял попытку продвигаться по Себежской дороге в северном направлении. Однако попытка баварцев отбросить авангард 1-го пехотного корпуса, которым командовал генерал-майор Е.И. Властов, окончилась неудачей. На следующий день — 11 (23) августа — Витгенштейн

*Преследование конногвардейцами французских конных егерей
под Полоцком 16 августа 1812 г. Художник Ф.А. Чирка*

отвел свои главные силы за реку Дрисса, где позиция для обороны была более выгодной. Авангард же остался у села Белого, в 6 км южнее этой реки. Маршал Гувион Сен-Сир расположил свои корпуса вокруг Полоцка. Его авангард стоял на Себежской дороге, находясь от русского на удалении 10 км. В таком положении стороны оставались до начала октября.

Таким образом, в конце июля — начале августа противнику удалось добиться некоторых успехов на северном и южном флангах своего фронта. Однако эти успехи оказались далеко не достаточными для того, чтобы коренным образом изменить обстановку на киевском и петербургском направлениях. Уже к середине августа Наполеону стало ясно, что наступление его фланговых группировок на Киев и Петербург, по существу, провалилось. И это несмотря на то, что в их составе действовало более пяти корпусов, то есть почти треть всех сил «Великой армии», вторгшихся в Россию в июне 1812 г. (более 37% пехотных и 25% кавалерийских частей). Выделение таких крупных сил на фланги серьезно ослабило главную группировку наполеоновской армии. Следовательно, действия 3-й Западной армии Тормасова и 1-го пехотного корпуса Витгенштейна оказали значительное влияние на общий ход борьбы с Наполеоном

и в немалой степени способствовали изменениям в соотношении сил и средств на главном — московском — направлении. Вряд ли есть необходимость в особом воображении, чтобы предположить, какой исход могло бы иметь Бородинское сражение, располагай Наполеон кроме имеющихся в его распоряжении сил еще двумя корпусами — 6-м баварским Гувиона Сен-Сира и 12-м австрийским Шварценберга. Но этих корпусов там не оказалось, потому что они были отвлечены на себя Тормасовым и Витгенштейном.

Мало известный до того генерал П.Х. Витгенштейн приобрел в те летние дни 1812 г. особую популярность и широкую известность как «защитник Петрова града». Готовившийся к эвакуации Псков вздохнул с облегчением, когда узнал, что ему не придется разделить судьбу Смоленска, что угрожавший ему враг остановлен на берегах Двины. Благодарные псковичи поднесли Витгенштейну одну из своих самых почитаемых реликвий — икону святого благоверного князя Гавриила, псковского чудотворца, с надписью «Защитнику Пскова». Депутация горожан вручила этот дар генералу со словами: «Все граждане (Пскова. — *Прим. авт.*) от мала до велика с чувствительностью зывают: граф Витгенштейн, благодетель, защитник наш! Помоги ему, Господи, и продли его жизнь в здравии и благополучии для охранения нас!»⁹³ Псковское дворянство постановило воздвигнуть Витгенштейну памятник на главной площади Пскова, но тот, поблагодарив за оказанную честь, попросил отменить это решение⁹⁴.

Генерал-лейтенант Петр Христианович Витгенштейн происходил из древнего германского рода графов Сайн-Витгенштейн-Берлебург. Отец его граф Христиан-Людвиг-Казимир, будучи офицером прусской армии Фридриха II, участвовал в Семилетней войне 1756–1762 гг. В 1761 г. он был взят в плен русскими войсками и вскоре перешел на русскую службу. Петр Христианович родился в 1768 г. в г. Нежин, где его отец проходил в то время службу. В 13-летнем возрасте он был записан на службу в гвардию (лейб-гвардии Семеновский полк). Первый офицерский чин корнета молодой аристократ получил только в 1790 г. после нескольких месяцев службы в лейб-гвардии Конном полку. В 1793 г. с чином премьер-майора Витгенштейн перевелся из

гвардии в армию — в Украинский легкоконный полк. В 1794 г. он участвует в Польской кампании, с которой и начинается его боевое поприще. Командуя эскадроном, Витгенштейн особенно отличился в сражении при Остроленке, за что был удостоен ордена Георгия 4-й степени. Затем он участвует в штурме войсками А.В. Суворова Праги, где также был отмечен среди наиболее отличившихся офицеров. В 1796 г. Петр Христианович принимает участие в Персидском походе графа В.А. Зубова, проявляет выдающуюся храбрость при штурме Дербента и, как герой штурма этой крепости, был отправлен с ее ключами в Петербург. В возрасте 30 лет Витгенштейн получает чин полковника (1798), а на следующий год производится в генерал-майоры и назначается шефом Мариупольского гусарского полка. Как и многим другим генералам русской армии, ему не удалось избежать царской опалы в правление Павла I: в январе 1801 г. он был уволен в отставку. Однако опала продолжалась недолго. Через два месяца в результате дворцового переворота Павел I был свергнут, а новый император Александр I вскоре вновь призвал Витгенштейна на военную службу и восстановил в прежней должности. Во главе кавалерийской бригады граф П.Х. Витгенштейн участвовал в войне 1805 года с Наполеоном, отличился в целом ряде боев и сражений, в том числе и при Аустерлице, и за боевые подвиги был награжден орденами Георгия 3-й степени и Анны 1-й степени. Командуя кавалерийскими соединениями, Петр Христианович довольно успешно действовал и во второй войне с Наполеоном в 1806–1807 гг. За боевые отличия в этой войне он был удостоен ряда наград, в том числе золотой шпаги с надписью «За храбрость», и произведен в генерал-лейтенанты. Отечественную войну 1812 года 44-летний генерал П.Х. Витгенштейн встретил в должности командира 1-го пехотного корпуса, входившего в состав 1-й Западной армии. В первые же дни войны Барклай-де-Толли по согласованию с царем возлагает на него решение важной и ответственной оперативно-стратегической задачи — прикрытие петербургского операционного направления. Выбор главнокомандующего армией объяснялся тем, что, по его мнению, предприимчивый, решительный и инициативный граф Витгенштейн более, чем кто-либо из других командиров корпусов, подходил для решения данной задачи.

Лихой рубака-гусар, не знавший страха в бою, кавалерийский генерал, умевший личным примером увлечь войска на подвиги и образцово выполнять частные тактические задачи на поле боя, П.Х. Витгенштейн тем не менее не обладал крупным полководческим талантом и не был способен к самостоятельному проведению операций большого масштаба. Это был военачальник средних способностей, прекрасный тактик, но неважный стратег. Не «серая бездарность» — ярлык, навешанный ему историками-«марксистами», — а обычный генерал, не лучше, но и ничем не хуже многих других генералов того времени. И не его вина, а беда, что оказавшись весной 1813 г. на посту главнокомандующего русской армией, за короткий срок он дважды потерпел поражение от Наполеона. И в этом нет ничего удивительного. Наполеон был великим полководцем своего времени, и от него терпели поражения куда более талантливые, чем Витгенштейн, военачальники. Но почему-то никому не приходило в голову причислить всех их к бездарям. К Витгенштейну же вышеназванные историки оказались более чем несправедливыми.

П.Х. Витгенштейн отличался горячностью характера, как и всякий прирожденный гусар, вспыльчивостью, излишней доверчивостью и какой-то странной для человека его положения несамостоятельностью. В то же время это был человек, исполненный рыцарского достоинства и благородства. Наглядным тому свидетельством является такой пример. Когда после поражения русской армии под Бауценом (май 1813 г.) разъяренный неудачей генерал М.А. Милорадович публично потребовал от Витгенштейна ухода с поста главнокомандующего, тот с достоинством ответил: «Вы старше меня (Витгенштейн имел в виду здесь не возраст, а старшинство в чине. По возрасту Милорадович был на три года моложе его. — *Прим. авт.*), и я охотно буду служить под начальством вашим или другого, кого император определит на мое место».

От многих других генералов Витгенштейн отличался равным, товарищеским отношением к офицерам, гуманностью и добротой к солдатам, неукоснительной заботой о подчиненных. Он резко выступал против грубости старших начальников по отношению к подчиненным офицерам и не допускал

Ф.Ф. Винценгероде.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

жестокое обращения офицеров с солдатами. Все это, а также блистательная храбрость на поле боя и полное презрение к опасности снискали Витгенштейну большую популярность в войсках, которые искренне любили своего генерала и беспредельно верили ему. Подводя итог характеристике генерала П.Х. Витгенштейна (впоследствии он станет князем и генерал-фельдмаршалом) как человека и военачальника, можно без каких-либо преувеличений сказать, что это был рыцарь без страха и упрека.

В период событий, происходивших в районах Смоленска и Полоцка, на коммуникациях противника в Витебской и Смоленской губерниях активно действовал отдельный кавалерийский отряд генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде⁹⁵. При поддержке местного населения он громил небольшие вражеские гарнизоны, захватывал обозы, уничтожал команды фуражиров и отбившиеся от своих частей многочисленные шайки мародеров. Применяя партизанские методы борьбы, казаки и драгуны сеяли панику в тылах противника, наводя ужас на оккупантов. За время своего рейда, продолжавшегося около двух недель, отряд Винценгероде уничтожил и взял в плен несколько тысяч вражеских солдат и офицеров, захватил большие трофеи.

Значительные результаты в эти дни были достигнуты и на внешнеполитическом фронте. В середине августа в городе Або (Финляндия) состоялась первая личная встреча Александра I с наследником шведского престола Бернадотом, завершившаяся подписанием 18 (30) августа 1812 г. военного соглашения между Россией и Швецией, направленного против Наполеона. Наиболее важным из положений этого договора являлось то, что в нем предусматривалась возможность использования находившихся в Финляндии русских войск для боевых действий с французами в Прибалтике. В соответствии с этим 17-тысячный корпус генерал-лейтенанта графа Ф.Ф. Штейнгеля перебрасывался морем из Финляндии в Ревель, а затем направлялся под Ригу⁹⁶. Правда, в ходе переговоров не обошлось и без трений. Бернадот попытался воспользоваться затруднительным положением русского императора и кое-что для себя выторговать. Не решаясь лично поставить перед Александром I вопрос о передаче Швеции Аландских островов, он обратился за содействием к своему старому знакомому еще по Парижу флигель-адъютанту царя полковнику А.И. Чернышеву. Тот немедленно доложил об этом зондаже своему императору. Александр I поручил передать Бернадоту, что «хотя император и дорожит его дружбой и тесной связью со Швецией, однако не уступит ни аршина земли, даже если бы довелось ему удалиться в Сибирь и там сражаться за неприкосновенность империи»⁹⁷. Чтобы должным образом оценить проявленные русским императором в этой весьма деликатной ситуации мужество и твердость, нужно иметь в виду, что за несколько часов до этого он получил известие о падении Смоленска.

Усиление гарнизона Риги за счет Финляндского корпуса существенно укрепило группировку русских войск в Прибалтике и позволило стабилизировать обстановку на крайнем правом фланге театра военных действий.

ГЛАВА 3

Бородинское сражение

3.1. Силы и планы сторон

М.И. Кутузов решил дать генеральное сражение Наполеону на позиции у села Бородино, в 124 км западнее Москвы. Эта позиция была, по его мнению, вполне подходящей для ведения боя в глубоких расчлененных боевых порядках. Оценивая качества избранной позиции, он доносил Александру I: «Позиция, в которой я остановился, при деревне Бородине, в 12 верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе»¹.

Бородинская позиция занимала около 8 км по фронту. Ее передний край проходил по линии деревень Маслово, Горки, села Бородино и деревни Семеновское. Правый фланг примыкал к Москве-реке у деревни Маслово, левый — к большому и труднопроходимому Утицкому лесу. Центр опирался на высоту Курганная. В тылу находились лес и густой кустарник, что позволяло скрытно расположить войска и осуществлять маневр резервами. Позиция полого возвышалась над окружающей местно-

стью и обеспечивала хороший обзор и обстрел. Подступы к ее правому флангу прикрывала река Колоча, протекающая по глубокому оврагу, а центр — ручьи Семеновский и Каменка, также имеющие крутые и обрывистые берега. Перед левым флангом каких-либо естественных препятствий не имелось. Слегка всхолмленное Бородинское поле местами было покрыто кустарником и изрезано оврагами. В целом местность, за исключением отдельных участков, допускала возможность ведения боевых действий пехотой в батальонных колоннах и применение крупных кавалерийских масс. Вместе с тем река Колоча, ручьи и овраги, находившиеся перед фронтом позиции, серьезно затрудняли действия наступающего противника и ограничивали ему свободу маневра.

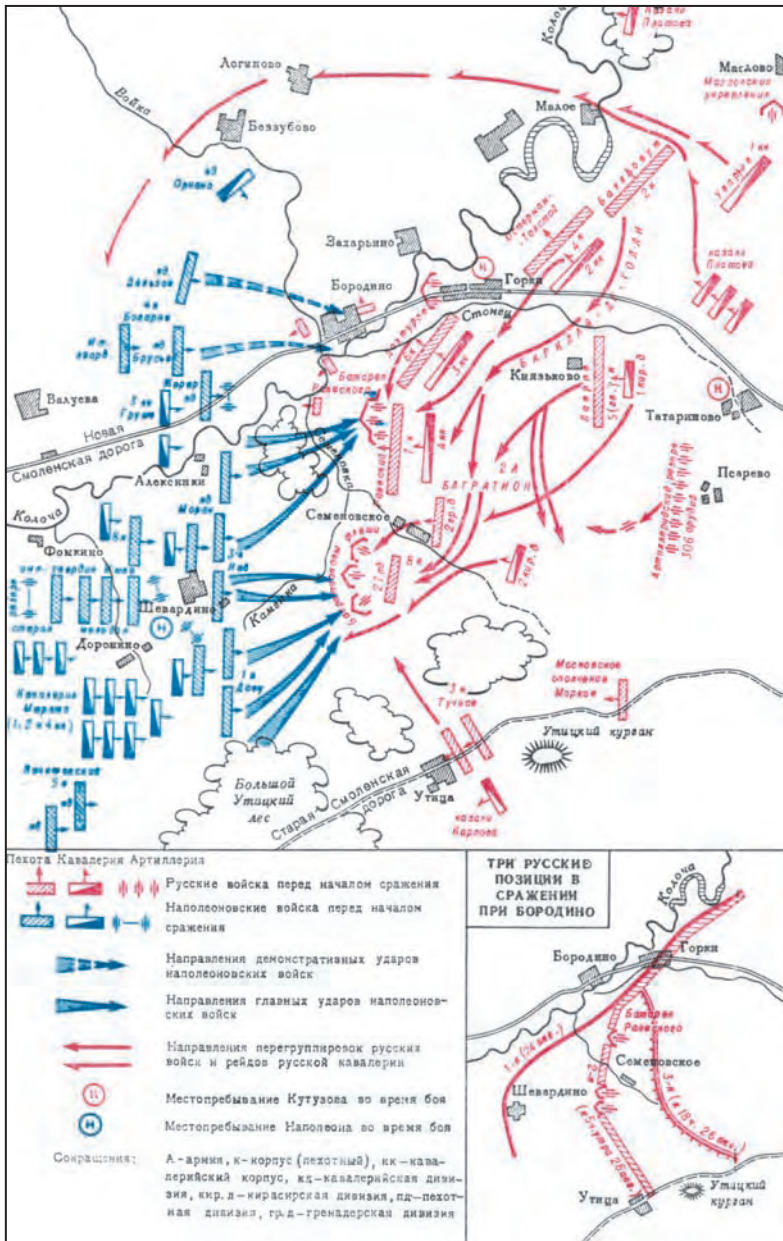
Заняв Бородинскую позицию, Кутузов прикрыл основные пути, ведущие к Москве, — Новую и Старую Смоленские дороги. Тем самым он резко ограничил возможности Наполеона в выборе формы маневра. Охват с флангов занимаемой русскими позиции был затруднен, так как в результате искусного использования ими местности они надежно прикрывались. Можно было произвести глубокий обход с юга, но это был бы довольно рискованный маневр. Он привел бы к чрезмерной растяжке фронта действий и распылению сил. Не было никакой гарантии, что Кутузов не обрушился бы всеми силами на оставленную против него часть сил французской армии и не разгромил бы ее по частям. Посылать же в глубокий обход незначительные силы не имело никакого смысла. Наполеон был вынужден, таким образом, принять сражение на невыгодной для него местности и применить фронтальный удар на узком участке фронта. Следовательно, совершенно очевидно, что не Наполеон, а Кутузов диктовал условия предстоящего сражения.

Готовясь к сражению с численно превосходящим противником, Кутузов особое внимание уделил инженерному оборудованию позиции. Общее руководство всеми фортификационными работами он поручил своему начальнику штаба генералу Л.Л. Беннигсену. Практически же их осуществляли начальники инженеров 1-й и 2-й Западных армий генерал-майоры Х.И. Труссон и Е.Х. Ферстер. Численность инженерных войск, которыми располагала русская армия, была явно недостаточ-

на — всего пять рот пионеров (около 500 человек). Поэтому в помощь им направлялись солдаты из всех пехотных частей. Наряду с армейскими частями самое активное участие в строительстве укреплений принимали ратники Московского и Смоленского ополчений. Еще до прибытия на Бородинское поле, когда армия находилась на марше из Царево-Займища, Кутузов неоднократно обращался к Московскому генерал-губернатору Ростопчину с просьбой прислать в армию необходимый для инженерных работ шанцевый инструмент. Однако его просьба не была своевременно выполнена. Топоры, пилы, кирки, лопаты и другой инструмент были доставлены в армию лишь в день Бородинского сражения. Поэтому при строительстве укреплений пришлось обходиться только теми весьма ограниченными орудиями труда которые удалось собрать в армейских частях и у местного населения.

На правом фланге, у деревни Маслово, были построены (не полностью) редут и два люнета (так называемые Масловские укрепления) на 26 орудий. Для прикрытия переправы через Колочу на высотах у деревни Горки располагались четыре батареи (32 орудия). В центре, на кургане между селом Бородино и деревней Семеновское, был возведен большой люнет (недостроен), на котором установлена 18-орудийная батарея. За этим безымянным курганом еще при подготовке к сражению закрепилось название «высота Курганная». Впоследствии его назвали «батареей Раевского», войска которого оборонялись на этом участке. На левом фланге, левее деревни Семеновское, оборудованы были три флешы на 36 орудий (фактически установлены только 24). Они прикрывали наиболее уязвимый в плане обороны участок позиции. Эти укрепления получили название «Семеновские флешы». Впоследствии за ними утвердилось наименование «Багратионовы флешы», в честь П.И. Багратиона, возглавившего их оборону. В 2 км впереди Семеновских флешей, у деревни Шевардино, был сооружен редут, игравший роль передового опорного пункта. На Шевардинском редуте были установлены 12 батарейных орудий.

Всего на Бородинском поле было возведено укреплений на 96 артиллерийских орудий. Особенностью инженерной подготовки выбранной позиции был отказ от строительства

Сражение при Бородино 26 августа (7 сентября) 1812 г.

непрерывной цепи укреплений. При этом некоторые укрепления были замаскированы настолько искусно, что во время сражения вступление их в действие явилось для противника полной неожиданностью. Кроме флешей, редутов и люнетов было подготовлено также более десятка групповых окопов. Артиллерия располагалась в усиленных опорных пунктах, позволяющих вести массированный перекрестный огонь по противнику. В ходе сражения она настолько хорошо простреливала расположение неприятеля, что тот почти и не пытался совершать охваты, а вынужден был вести только фронтальные атаки. Оборонительные работы на позиции продолжались вплоть до утра 26 августа (7 сентября). Однако в полном объеме завершить их так и не удалось.

К началу Бородинского сражения русская армия насчитывала 120 тыс. человек и 640 орудий. Французская армия имела 130–135 тыс. человек и 587 орудий². Таким образом, русские имели небольшое преимущество в артиллерии, особенно в орудиях крупного калибра.

Замысел Кутузова состоял в том, чтобы активной обороной нанести противнику возможно большие потери, изменить соотношение сил и сохранить свои войска для последующих сражений и полного разгрома наполеоновской армии. В соответствии с этим замыслом строился боевой порядок русских войск, включавший четыре группировки: правое крыло, центр, левое крыло и резервы. На правом крыле, от деревни Маслово до деревни Горки, располагались 2-й и 4-й пехотные корпуса. За ними, составляя вторую линию, находился 2-й кавалерийский корпус. Командование войсками правого крыла осуществлял генерал от инфантерии М.А. Милорадович. В центре позиции, от деревни Горки до высоты Курганная, находился 6-й пехотный корпус, а позади него — 3-й кавалерийский корпус. Войска центра прикрывали Новую Смоленскую дорогу и подступы к высоте Курганная со стороны Бородино. Командовал ими генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров. Войска правого крыла и центра входили в состав 1-й Западной армии. Общее руководство ими возглавлял главнокомандующий этой армией генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли. В резерве 1-й армии находились 1-й кавалерийский и Казачий (девять полков) корпуса.

На левом крыле, от высоты Курганная до Утицкого леса, находились войска 2-й Западной армии Багратиона: 7-й и 8-й пехотные корпуса, а за ними во второй линии — 4-й кавалерийский корпус. Резерв армии составляли 2-я Сводная гренадерская и 2-я кирасирская дивизии. Старую Смоленскую дорогу в районе деревни Утицы прикрывали казачий отряд (восемь полков) генерал-майора А.А. Карпова и Московское ополчение, которым командовал генерал-лейтенант граф И.И. Марков.

Правое крыло русской армии прикрывалось тремя, центр — двумя и левое крыло — одним передовыми отрядами, состоявшими из егерских полков.

Главный (общий) резерв армии состоял из 3-го и 5-го (гвардейского) пехотных корпусов, 1-й кирасирской дивизии и артиллерийского резерва (324 орудия). Эти резервы располагались за центром позиции, в районе деревни Князьково, вблизи от Новой Смоленской дороги. Численность общего резерва достигала 40 тыс. человек. Резервам придавалось большое значение. Именно наличие сильных резервов, в том числе и артиллерийского, позволяло придать обороне активный характер и вести упорное, длительное сражение, истощая атакующего противника. В диспозиции Кутузова на сражение, подписанной им 24 августа (5 сентября), специально указывалось, что «резервы должны быть сберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит еще резерв, не побежден»³.

Штаб русской армии размещался в деревне Татариново, находившейся в 3,5 км от переднего края. Передовой командный пункт главнокомандующего был оборудован на высоте вблизи деревни Горки.

Таким образом, основная группировка войск русской армии была сосредоточена на правом крыле и в центре. Здесь, у Новой Смоленской дороги, было сконцентрировано около 70% всех ее сил. Такая мощная группировка сил и средств, по замыслу Кутузова, предназначалась для надежного прикрытия кратчайшего направления на Москву, пролежавшего вдоль Новой Смоленской дороги, а также создавала постоянную угрозу флангу и тылу противника, вынужденного наносить свой главный удар севернее Старой Смоленской дороги. Следовательно, основной части сосредоточенных здесь сил отводилась роль резерва,

который Кутузов мог бы использовать для маневра с целью усиления левого фланга и центра, а также для нанесения в случае необходимости контрудара по врагу. Кроме того, на эти войска возлагалась задача не допустить обхода противником одного из флангов русской армии. Хорошо изучив стратегические и тактические приемы Наполеона, Кутузов создал такую группировку сил, которая не позволяла его противнику применить при Бородино свои излюбленные методы действий.

Боевой порядок русских войск был глубоким, устойчивым и давал возможность осуществлять широкий маневр силами и средствами на поле боя. Его первую линию составляли пехотные корпуса, вторую — кавалерийские корпуса и третью линию — армейские и главный (общий) резервы. Боевые порядки пехотных корпусов строились в линию пехотных дивизий. Дивизии строились в две линии полков, полки — в батальонные колонны. Впереди линейной пехоты были развернуты цепи егерей.

Кавалерийские корпуса строились на расстоянии 250–300 м позади пехоты в две линии полков, развернутых поэскадронно. В 800 м за кавалерией располагались резервы. Общая глубина боевого порядка русской армии составляла 3–4 км. Это был расчлененный боевой порядок, основанный на принципах тактики колонн и рассыпного строя. В диспозиции Кутузов указывал: «В сем боевом порядке намерен я привлечь на себя силы неприятельские и действовать сообразно его движениям... При счастливом отпоре неприятельских сил дам собственные повеления на преследование его»⁴. Таким образом, из диспозиции следует, что в основу своего замысла на сражение Кутузов заложил идею активно-оборонительного сражения.

Усиленно готовился к предстоящему генеральному сражению и Наполеон. Едва только передовые французские части в середине дня 24 августа (5 сентября) вышли к реке Колоче, как он сразу же прибыл в их боевые порядки. Осмотрев занимаемую русскими войсками позицию, французский император убедился, что правый ее фланг недоступен для обхода, а потому все свое внимание сосредоточил на левом фланге и центре. Но атаковать их можно было, только переправившись на правый берег Колочи, поэтому наступавшие по Новой Смоленской до-

роге главные силы французской армии должны были свернуть с нее вправо. Однако подступы к левому флангу русских войск прикрывал Шевардинский редут. Кутузов приказал удерживать его до тех пор, пока не будет завершено сооружение полевых укреплений на главной позиции.

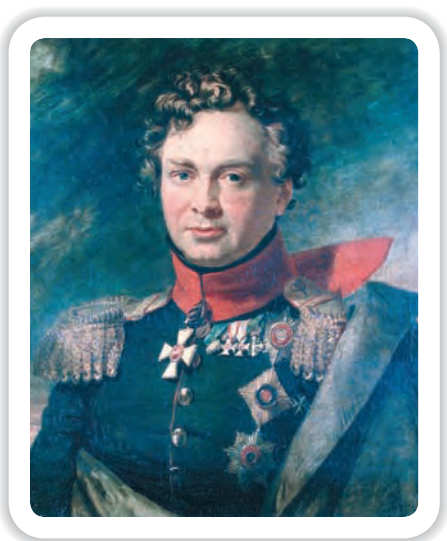
Замысел Наполеона состоял в следующем. После овладения Шевардинским редутом нанести главный удар по левому флангу русской армии, смять его и, развивая успех в северо-восточном направлении, выйти в тыл русским, прижать остатки их войск к Москве-реке и уничтожить, открыв себе дорогу на Москву. Падение древней столицы России вынудит императора Александра I принять предложенный Наполеоном мир. То, что после разгрома своей армии и потери Москвы русский царь пойдет на мир, Наполеон нисколько не сомневался. Итак, желанный час настал. Генеральное сражение, которого Наполеон жаждал в течение двух с половиной месяцев, судя по всему, должно было состояться. Русская армия продолжала укреплять занимаемую позицию и, похоже, не собиралась уходить. Теперь здесь, на Бородинском поле, должна была решиться судьба войны.

3.2. Бой при Шевардино

Бой при деревне Шевардино явился завязкой Бородинского сражения. Шевардино поручено было оборонять сводному отряду генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова, насчитывающему в своем составе 8 тыс. пехоты, 4 тыс. конницы и 36 орудий. В состав отряда входили 27-я пехотная, 2-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизии, 5-й егерский полк, два сводных гренадерских батальона и два драгунских полка⁵. Протяженность по фронту занимаемой им позиции равнялась 4 км, от хутора Алексинки до Старой Смоленской дороги. Основу ее составлял Шевардинский редут, находившийся в 300 м юго-западнее деревни Шевардино. Непосредственно на редуте располагалась 12-я артиллерийская рота подполковника Винспьера с пятью орудиями. Слева и справа от укрепления были установлены другие орудия.

Непосредственно за Шевардинским редутом находилась 27-я пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского,

А.И. Горчаков.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

построенная в две линии батальонных колонн, позади и слева от нее — 2-я кирасирская дивизия, которой командовал генерал-майор И.М. Дука. На правом берегу Колочи, от хутора Алексинки до деревни Фомкино, в прилегающих рощах и кустах рассыпались цепью три егерских полка (6, 41 и 49-й) под общим командованием полковника А.С. Глебова (командира 6-го егерского полка).

Выдвижение войск князя Горчакова на указанную им позицию проходило под гул артиллерийской канонады, доносившейся со стороны Колоцкого монастыря, где арьергард Коновницына вел упорный бой с наседавшим противником. Вскоре у реки Колоча показали части отходившего под натиском врага арьергарда. Одни из них сразу же проследовали на главную позицию, а другие присоединились к защитникам редута. Егеря полковника Ф.Г. Гогеля (шеф 5-го егерского полка и командир егерской бригады 26-й пехотной дивизии) примкнули к отряду Глебова. Рядом с кирасирами разместились восемь конных орудий под прикрытием двух эскадронов Ахтырского гусарского полка. 4-й кавалерийский корпус (командир — генерал-майор граф К.К. Сиверс) занял позицию по обе стороны редута: бригада генерал-майора И.Д. Панчулидзева (Харьковский

и Черниговский драгунские полки) — справа от него, а бригада полковника Г. А. Эммануэля (Киевский и Новороссийский драгунские полки) — слева. Шесть казачьих полков под общим командованием генерал-майора А. А. Карпова прикрыли Старую Смоленскую дорогу.

Кавалерия Сиверса еще не успела занять места в боевом порядке, как казаки сообщили о том, что показался неприятель. Французская армия приближалась к Бородинскому полю тремя густыми колоннами. В центре, по Новой Смоленской дороге, как уже отмечалось, наступала главная группировка «Великой армии». Левее ее, проселками, шел итальянский корпус вице-короля Евгения, правее, по Старой Смоленской дороге, — польский корпус Понятовского. Все три колонны держались на одной высоте. Около 14 часов 24 августа (5 сентября) передовые части французской кавалерии, достигнув деревни Валуево, начали сворачивать с дороги вправо и переходить через реку Колоча в районе деревни Фомкино и хутора Алексинки. Они направлялись к Шевардино.

Переход французов через Колочу прикрывали густые цепи вольтижеров (стрелков). Наши егеря, занимавшие позицию вдоль Колочи, встретили противника сильным ружейным огнем. Эти выстрелы эхом пронеслись по Бородинскому полю, возвестив о начале боя за Шевардинский редут. Французская кавалерия смешалась, быстро повернула назад и скрылась в ближайшем лесу. Тем временем Наполеон, уже закончивший осмотр местности из Валуево и оценивший ее, приказал без промедления овладеть Шевардинским редутом, который создавал серьезную помеху развертыванию его армии для сражения. Кавалерийские корпуса Нансути и Монбрена, три пехотные дивизии из корпуса Даву (Л. Морана, Ж. Компана и Л. Фриана) получают приказ овладеть правым берегом Колочи, выбить оттуда русских егерей, атаковать и взять редут. Содействовать им должен был корпус Понятовского. Всего на Шевардинский редут Наполеон бросил 40 тыс. человек (30 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы)⁶.

Первыми в атаку пошли поляки Понятовского. Они имели задачу обойти укрепление с юга и выйти в тыл оборонявшимся его войскам. Свернув со Старой Смоленской дороги влево,

передовые части польского корпуса атаковали наших егерей, занимавших позицию южнее редута. Егеря оказали отчаянное сопротивление, но сдержать многократно превосходившего в силах противника не смогли. На помощь им устремился Киевский драгунский полк во главе со своим шефом полковником Г.А. Эммануэлем, поддержанный ахтырскими гусарами (командир полка полковник Д.В. Васильчиков). Стремительной контратакой наша конница отбросила поляков в лес.

Почти одновременно с корпусом Понятовского с фронта Шевардинский редут атаковала 5-я пехотная дивизия генерала Компана, которого Наполеон называл «мастером по взятию редутов». Свернув с Новой Смоленской дороги, эта дивизия, шедшая в голове 1-го пехотного корпуса маршала Даву, переправилась через Колочу и после упорного боя, продолжавшегося около часа, оттеснила русских егерей и заняла деревню Фомкино. Здесь французы установили сильную батарею и открыли огонь по Шевардинскому редуту. Русская артиллерия открыла ответный огонь. Завязалась ожесточенная артиллерийская дуэль.

Было около 16 часов. Встретив упорное сопротивление русских в районе Шевардино, Наполеон понял, что овладеть редутом с ходу ему не удалось. Поэтому новый удар он решил нанести более крупными силами и одновременно с трех сторон. С севера, от хутора Алексинки, при поддержке кавалерии Мюрата должны были наступать дивизии Морана и Фриана, с запада — дивизия Компана и с юго-запада — корпус Понятовского.

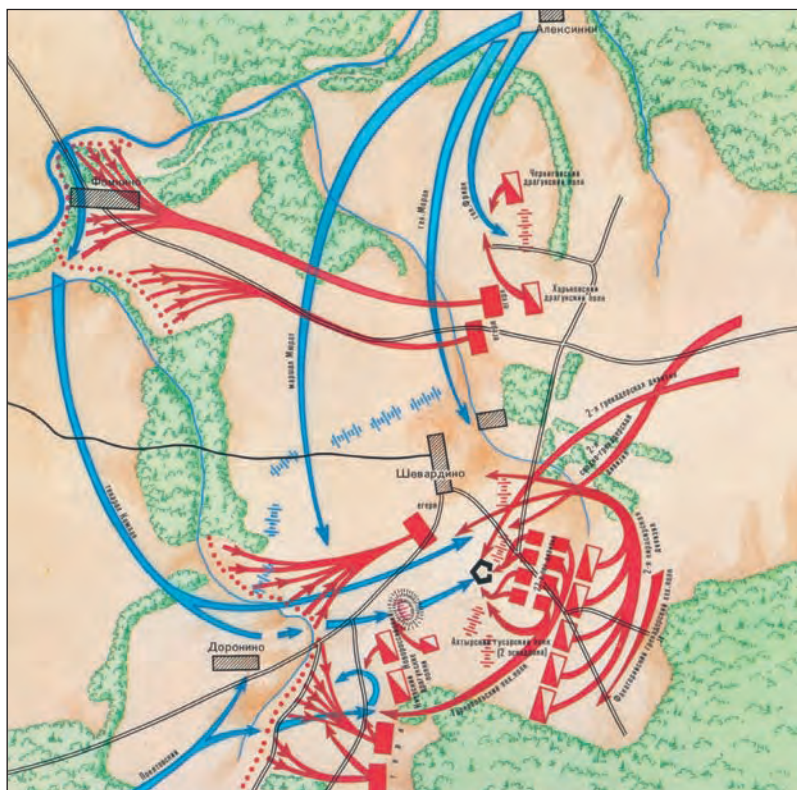
Совершив глубокий обход русской позиции с запада, передовой полк дивизии Компана вышел к деревне Доронино и атаковал ее. Оборонявшиеся здесь русские егеря после упорного сопротивления были вынуждены начать отход. Заметив это, граф К.К. Сиверс во главе Новороссийского драгунского полка, шефом которого он был, поспешил им на помощь. Стремительная атака новороссийских драгун увенчалась полным успехом. Противник был опрокинут и бежал с поля боя, преследуемый нашей конницей. Только когда стало известно, что полякам удалось обойти егерей с левого фланга, драгуны получили приказ вернуться в исходное положение, прикрыв при этом отход егерей из Доронино и артиллерии с ближайших высот. Лишь по-

Атака Шевардинского редута. Литография Н. Самокиша. 1910 г.

сле этого французы вновь заняли Доронино и расположенный всего в 200 м от Шевардинского редута Доронинский курган, на котором установили 8-орудийную батарею. На западном склоне этого кургана находился 61-й линейный полк дивизии Компана, а на восточном — наши егеря. Всего 50 м разделяло противников, которые вскоре вступили в яростный рукопашный бой, продолжавшийся более часа.

А в это время на левом фланге русской позиции с трудом сдерживали натиск целой польской дивизии 5-й и 50-й егерские полки. На помощь им Горчаков направил Тарнопольский пехотный (27-й пехотной дивизии) и Фанагорийский гренадерский (2-й гренадерской дивизии) полки. Жестокий кровопролитный бой возобновился с новой силой. В ходе его рвавшийся к редуту враг был остановлен.

Бой за Шевардинский редут

Тем временем Компан атаковал одновременно с обоих флангов 27-ю пехотную дивизию Неверовского. Наступающего противника активно поддерживала батарея, ведущая почти в упор огонь с Доронинского кургана. Численный перевес был явно на стороне противника. Около 17 часов войска Компана ворвались на Шевардинский редут. В это же время 1-я пехотная дивизия генерала Морана захватила деревню Шевардино. На этом этапе боя превосходство противника было подавляющим. Редут и находившиеся около него русские войска были буквально засыпаны градом пуль и картечи. Кругом рвались ядра и гранаты. Используя мощную огневую поддержку, французы, несмотря на трехкратное численное превосходство, лишь после же-

стокого трехчасового боя, часто переходящего в рукопашные схватки, смогли овладеть недостроенным редутом и деревней Шевардино. Но торжество их было недолгим. Подоспевшие гренадерские батальоны с ходу перешли в контратаку. Впереди их шли священники в полном облачении и с православными крестами в руках. Одним коротким, сокрушительным штыковым ударом враг был выбит с редута. Но французы на этом не успокоились и снова пошли в атаку. В ходе ожесточенного боя пехоте Компана вновь удалось ворваться на редут. Но здесь их встретили Симбирский и Одесский пехотные полки 27-й пехотной дивизии, возглавляемые командиром бригады полковником П. С. Лошкаревым. Их контратакой противник вторично был выбит с редута и отброшен в исходное положение. Начало смеркаться. Компан в третий раз повел своих солдат на штурм Шевардинского редута. Французы атаковали яростно, наращивая силу удара из глубины за счет подходящих резервов. Изнуренные продолжительным боем, сильно расстроенные и уже понесшие значительные потери, полки дивизии Неверовского на этот раз вынуждены были отойти.

Получив сведения о тяжелом положении на редуте, Багратион направляет на помощь его защитникам 2-ю гренадерскую дивизию генерал-майора принца Карла Мекленбургского. Князь Горчаков лично повел в бой прибывшие гренадерские полки. Стремительная атака этой отборной русской пехоты, поддержанная частями 27-й пехотной дивизии и егерями, увенчалась полным успехом. Шевардинский редут был взят нашими войсками в третий раз. При этом был уничтожен целый батальон 61-го французского линейного полка. На другой день, когда император производил смотр этому полку, — пишет Ф. Сегюр, — он спросил о том, где 3-й батальон. «Он на редуте!» — был ответ⁷.

Над полем боя спустилась ночь. Огонь с вражеской стороны постепенно стихал. Воспользовавшись темнотой, французы решили внезапно атаковать русских и тем самым переломить ход боя в свою пользу. С этой целью в промежуток между редутом и деревней Шевардино они направили сильную колонну пехоты численностью до полка. Движение противника некоторое время оставалось незамеченным. Но затем передовые подразделения обнаружили его приближение. С целью освещения местно-

К.К. Сиверс.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

сти были подожжены находившиеся в расположении французов стога сена. В результате замысел врага нанести неожиданный удар был сорван. Горчаков приказал Неверовскому задержать неприятеля, а кирасирам — атаковать его во фланг. Один из полков 27-й пехотной дивизии ударил в штыки. В багряных отблесках ночного пожарища завязался жестокий рукопашный бой. Боевые порядки русских и французов смешались. Бой распался на отдельные схватки, кипевшие тут и там между пылающими стогами сухого сена. Во внезапно расколовшейся ночной тишине повсюду слышался скрежет металла, лязганье скрепляющихся штыков, крики раненых да предсмертные стоны умирающих. Противник не выдержал и начал отступать. В этот момент подоспевшая 2-я кирасирская дивизия ударила ему во фланг. Французы обратились в бегство. Поражение их было полным. Преследуя разбитого врага, кирасиры с ходу ворвались на Доронинский курган и овладели им. Находившийся там неприятель был порублен латниками. В этой ночной атаке особенно отличились Малороссийский и Глуховский кирасирские полки, которых вели в бой лично их шефы генерал-майоры И.М. Дука (он же и командир дивизии) и И.С. Леонтьев. Противник потерял в этом бою только убитыми 300 человек, а также пять орудий⁸.

Заметив сильное замешательство среди французов, находившийся невдалеке от места боя Мюрат лично бросился с отрядом кавалерии к Шевардинскому редуту спасать положение. Одновременно на помощь расстроенным французам был направлен 111-й линейный полк 5-й пехотной дивизии. Двумя колоннами шел он ускоренным маршем от Фомкино к деревне Доронино. Узнав об этом, командир 4-го кавалерийского корпуса К.К. Сиверс послал на помощь кирасирам драгунскую бригаду генерал-майора И.Д. Панчулидзева. Драгуны и кирасиры так стремительно атаковали прямо на марше одну из колонн противника, что она хотя и перестроилась в каре, но не успела сделать ни одного выстрела. Каре было прорвано. Многие вражеские солдаты полегли под русскими саблями, остальные в панике разбежались в разные стороны. Ночная темнота спасла 111-й французский линейный полк от полного уничтожения. Он потерял около 300 человек только убитыми, всю свою артиллерию и обоз.

Приведя свои войска в порядок, маршал Даву предпринял еще одну попытку овладеть Шевардинским редутом, но безуспешно. Русские войска прочно занимали свои позиции. Вскоре Кутузову, который лично прибыл на поле боя сразу же с его завязкой и вместе с Багратионом руководил боевыми действиями русских войск, доложили о том, что на правый берег реки Колоча переправились крупные силы противника. Вслед за тем поступило сообщение о появлении больших сил неприятеля и на Старой Смоленской дороге. Стало ясно, что к Бородинскому полю подходят главные силы наполеоновской армии.

К этому времени задача, поставленная перед отрядом Горчакова, была уже выполнена. Полностью разрушенный в ходе многочасового беспримерного по ожесточению боя Шевардинский редут теперь уже не представлял какой-либо тактической ценности, и дальнейшая его оборона потеряла всякое значение. Свое предназначение он полностью оправдал. Поэтому в 23 часа А.И. Горчаков получил приказ оставить укрепление и отойти на главную позицию. Сам князь уходил с Шевардинского редута последним вместе с одним из батальонов Одесского пехотного полка, в строю которого оставалось не более 200 человек. Французская кавалерия сделала

попытку отрезать отходящий батальон. Оказавшись в сложном положении, Горчаков послал своего адъютанта с приказанием немедленно вернуть назад 2-ю кирасирскую дивизию, которая уже успела отойти от редута на значительное расстояние. Между тем французская кавалерия от Шевардино приближалась все ближе. В густой темноте нельзя было различить ее численности, но по гулу земли от топота множества конских копыт можно было определить, что противник располагал значительными силами. В этой обстановке Горчаков приказал своим солдатам имитировать атаку врага — не стрелять, а лишь бить в барабаны и кричать «Ура!» Внезапно раздавшееся среди ночной темноты громовое «Ура!» и барабанный бой, возвещающий атаку, привели неприятеля в замешательство. Он остановился, чтобы разобраться в обстановке. Успешно примененная генералом Горчаковым военная хитрость дала батальону возможность продержаться до подхода кирасирской дивизии, которая, повернув назад, сразу же пошла в атаку и опрокинула французскую кавалерию, захватив четыре пушки. Отход русских войск с занимаемой позиции, которую они героически обороняли в течение девяти часов, совпал с очередной атакой противника. В районе Шевардино наступала дивизия Морана, на левом фланге Понятовский ввел в бой свежую дивизию. Компан в очередной раз атаковал Шевардинский редут. Около полуночи испанский полк его дивизии ворвался в уже оставленное русскими укрепление. Сдерживая сильный натиск врага, отряд Горчакова с боем отходил на соединение с главными силами. Отход совершался организованно и в полном порядке. Там, где противник проявлял особую активность, русские войска останавливались и давали ему должный отпор.

После полуночи успешно выполнивший поставленную задачу племянник великого Суворова отвел свои войска на основную позицию, за Семеновский овраг. Так закончился Шевардинский бой, являвшийся преддверием Бородинского сражения. Обе стороны потеряли в нем по 6 тыс. человек. При этом некоторые из французских частей (например, 6-й линейный полк), сражавшиеся непосредственно в районе редута, потеряли до половины своего состава⁹.

Ж.-Д. Компан.
Гравюра Форестье. 1820 г.

Глубокой ночью в палатку Наполеона с сообщением о взятии Шевардинского редута вошел дежурный генерал О. Коленкур. На вопрос императора: «Сколько взято в плен?» — он ответил, что ни одного пленного нет. Удивленный этим, Наполеон задавал вопрос за вопросом: «Разве кавалерия не вступила вовремя?», «Неужели эти русские решили победить или умереть?» и т.п. Ему ответили, что русские предпочитают умирать, но не сдаваться.

Бой под Шевардино дал возможность Кутузову выиграть время для завершения оборонительных работ на главной позиции, а также позволил более точно определить группировку сил противника на направлении его главного удара. В результате этого боя было установлено, что основные силы Наполеона сосредотачиваются в районе Шевардино, против центра и левого фланга русской армии. Бой при Шевардино укрепил в русских войсках уверенность в победе. Этому же мнения придерживался и их главнокомандующий. В приказе, отданном в ночь на 25 августа (6 сентября), Кутузов писал: «Горячее дело, происходившее вчерашнего числа на левом фланге, кончилось ко славе российского войска»¹⁰. Наполеону же овладение редутом и полем боя при Шевардино дало повод объявить себя победителем.

3.3. У села Бородино

В течение 25 августа (6 сентября) обе стороны готовились к сражению. На рассвете Наполеон в сопровождении своих маршалов проехал вдоль линии французских аванпостов, а затем весь день изучал местность и расположение русских войск. Его основной вывод сводился к тому, что с потерей передового укрепления у Шевардино левый фланг русских оказался сильно ослабленным. Именно здесь он окончательно и решил нанести свой главный удар, тем более что местность на этом направлении представлялась ему удобной для наступления. Укрепление ее русскими за оставшееся время вряд ли было возможно, в этом Наполеон был твердо убежден. Далее, по его расчетам, выходило, что силы русских не превышают численности «Великой армии». Что же касается боевых качеств, то французский император не сомневался в превосходстве своей армии. Предложение маршала Даву об обходном маневре с юга было им отвергнуто на том основании, что это вынудит Кутузова оставить позицию при Бородино, а значит, столь необходимое генеральное сражение снова отодвинется. Так стоит ли вновь испытывать судьбу и медлить со сражением, в успешном исходе которого Наполеон не сомневался, только из-за того, что овладение несколькими укрепленными пунктами противника приведет к излишним жертвам? Кроме того, Наполеон отлично понимал, что для такого глубокого маневра у него нет достаточного превосходства в силах, лошади в кавалерии и артиллерии утомлены, а обход потребует значительного времени, которым опытный и хитрый Кутузов не замедлит воспользоваться. Играть же ва-банк он не хотел.

Вечером император диктует начальнику штаба маршалу Бертье приказ и распоряжения на предстоящее сражение. Решающий участок, где он нанесет главный удар по русской армии, — ее левый фланг. На этом направлении концентрировались основные силы «Великой армии» — корпуса Даву, Нея, Жюно, императорская гвардия, большая часть кавалерии Мюрата (три корпуса) и артиллерии (около 300 орудий). Корпус Понятовского получил приказ двигаться через Утицкий лес в обход левого фланга русских, а корпус вице-короля Евгения с 3-м ка-

валерийским корпусом Э. Груши — атаковать село Бородино и Курганную батарею, обеспечивая главную ударную группировку с севера. Следовательно, на Е. Богарне и Понятовского возлагалось нанесение вспомогательных ударов в ходе сражения. Командующему гвардейской артиллерией генералу Ж. Сорбье было приказано в 6 часов утра 26 августа (7 сентября) открыть огонь со стороны Шевардинского редута. Это должно было послужить сигналом к началу сражения.

Несмотря на уверенность в победе, Наполеон все же в целях предосторожности отдал распоряжение возвести несколько полевых укреплений — батареи около Утицкого леса, за деревней Шевардино, напротив села Бородино. Через реку Колоча французские саперы должны были навести четыре моста. Свой командный пункт на время сражения император приказал оборудовать вблизи Шевардинского редута (несколько впереди и левее его).

Поздно вечером войскам был зачитан приказ Наполеона: «Воины! Вот сражение, которого вы так желали. Победа зависит от вас, она нужна нам. Она доставит нам все нужное, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение в отечество! Действуйте так, как действовали вы под Аустерлицем, при Фридрихс-Вальде, Витебске и под Смоленском. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспомнит о ваших подвигах. Да скажут о каждом из вас — и он был в великой битве под Москвой!»

Тщательно готовилась к предстоящему сражению и русская армия. Первоначальный замысел Кутузова заключался в том, чтобы навязать противнику сражение на невыгодной для него местности. В соответствии с этим строился и боевой порядок русской армии. Убедившись же в том, что Наполеон намерен нанести главный удар по его левому флангу, Кутузов в ночь перед сражением внес изменения в первоначальное построение боевого порядка. Прежде всего по его указанию были усилены войска, занимавшие Семеновские флеши и Курганную батарею. Оборона флешей была возложена на 2-ю Сводно-гренадерскую дивизию генерал-майора графа М.С. Воронцова (будущий генерал-фельдмаршал). За нею во второй линии, в долине ручья Семеновского, встала 27-я пехотная дивизия Неверовского. За ручьем, восточнее деревни Семеновское, заняла позицию

2-я гренадерская дивизия принца К. Мекленбургского, а позади ее кавалерия — 4-й кавалерийский корпус и 2-я кирасирская дивизия. Таким образом, боевому порядку русских войск на левом фланге была придана необходимая глубина и, следовательно, их оборона здесь приобрела большую устойчивость.

Кроме того, Кутузов приказал скрытно перевести из резерва 3-й пехотный корпус Тучкова, усиленный 7 тыс. московских ополченцев, в район Утицы и выделить в распоряжение Багратиона артиллерийский резерв в составе 168 орудий, расположив его в районе Псаревы. По замыслу Кутузова, 3-й пехотный корпус должен был занять позицию почти перпендикулярно 8-му пехотному корпусу и быть готовым к нанесению внезапного удара во фланг противнику в случае его прорыва на нашем левом фланге. «Когда неприятель употребит в дело последние резервы свои на левый фланг Багратиона, то я пущу ему скрытое войско во фланг и тыл», — докладывал царю Кутузов¹¹. Для прикрытия промежутка между корпусом Тучкова и 2-й армией Багратиона в Утицкий лес были высланы четыре егерских полка.

Произведенная перегруппировка войск существенно усиливала левое крыло русской армии. Эти изменения, быстро и скрытно произведенные перед самым сражением, явились полной неожиданностью для противника. Однако свой замысел использования 3-го пехотного корпуса Кутузову реализовать не удалось. Причина заключалась в его излишней скрытности. Приняв данное решение, он даже не считал нужным поставить об этом в известность своего начальника штаба.

Объезжая перед самым сражением войска, Беннигсен обнаружил «неправильно» стоявший корпус Тучкова, приказал ему выдвинуться вперед и встать фронтом к противнику. Все возражения командира корпуса начальником Главного штаба во внимание приняты не были. Таким образом, вместо решения поставленной перед ним особой задачи 3-й пехотный корпус, по существу, образовал крайний левый фланг русской армии, прикрыв Старую Смоленскую дорогу в районе Утицы.

6-й пехотный корпус своим левым флангом, а 7-й пехотный корпус — правым примыкали к Курганной высоте, защита которой непосредственно возлагалась на 26-ю (генерал-майор

Молебен накануне Бородинского сражения.

Цветная литография с рисунка Н. Самокиша

И.Ф. Паскевич) и 12-ю (генерал-майор И.В. Васильчиков) пехотные дивизии. 1-й кавалерийский корпус Уварова был переведен за Масловскую рощу. Смоленское и часть Московского ополчения были размещены за боевыми порядками войск и предназначались для оказания помощи раненым, а также для решения других тыловых задач. Свой штаб Кутузов перевел из Татариново в Горки.

В продолжение всего дня 25 августа (6 сентября) в кустах впереди Бородинской позиции и в Утицком лесу южнее флешей слышалась перестрелка. Ее вели русские егеря с французскими стрелками, пытавшимися произвести разведку в лесу. На правом фланге к Колоचे и Москве-реке неоднократно приближалась французская кавалерия, чтобы утолить жажду и напоить лошадей. Но каждый раз под огнем наших егерей она вынуждена была отходить обратно.

Придавая большое значение моральному духу войск накануне решительного сражения, М.И. Кутузов в течение почти всего

дня объезжал войска, разговаривал с солдатами. Остановившись перед Симбирским пехотным полком, он сказал: «Вам придется защищать землю родную, послужить верой и правдой до последней капли крови. Каждый полк будет употреблен в дело. Вас будут сменять, как часовых, через каждые два часа. Надеюсь на вас! Бог нам поможет! Отслужите молебен»¹². Дружное громкое «Ура!» сопровождало Кутузова при объезде войск. По их боевому настрою и спокойной решимости полководец видел, что войска понимают важность предстоящего сражения. Поэтому никакого приказа, который обычно издается перед битвой, он не стал отдавать. Зловещее зарево пожарищ, каждый вечер окаймлявшее западную часть небосклона, та огненная черта, неумолимо продвигавшаяся на восток, горе и слезы десятков тысяч лишившихся всего соотечественников, красноречивее всяких слов зывали к священной мести за поруганное Отечество. Ближе к вечеру вдоль занимаемых войсками позиций пронесли икону Смоленской Божьей Матери и за центром

*Наполеон в палатке ночью.
Художник К. Штейбен. 1846 г.*

боевого порядка армии отслужили молебен под открытым небом. С величавой торжественностью, без суетливости, не спеша, молилось православное воинство, и каждый из молящихся перед священным ликом Богородицы сознавал, что грядущий день может быть для него последним, что завтра решится не только его личная судьба, но нечто большее — судьба сражения, а вместе с ним и судьба Родины. Никто не боялся тогда умереть — боялись только одного, что тела павших не загородят врагу дороги к Москве...

Наступила ночь перед сражением, холодная и ветреная. На затянутом облаками небе лишь изредка мерцали звезды. Протяжно переключались часовые в передовых цепях. Никто не спал. Тесно сбившись вокруг дымящихся костров, солдаты чистили ружья, точили штыки и, готовясь к смерти, надевали чистые нижние рубахи. Шепотом завещали они землякам передать поклон: кто — жене, кто — родителям, кто — братьям, кто — благословение детям... Они знали, что завтра будут драться за свою священную столицу не на жизнь, а на смерть. Каждый считал подступы к Москве воротами в свой дом, а когда враг у ворот, то и разговор предстоит особый.

Если в русском лагере в ночь перед сражением царили тишина и спокойствие, то в стане врага, наоборот, царил крайнее возбуждение. В отличие от русской армии разноплеменное войско Наполеона нуждалось в своего рода моральном допинге. И французский император, объезжая свои корпуса, не скупился на громкие слова. В ход шло все — и лесть, и щедрые посулы, и потакание низменным страстям... Громкие клики: «Да здравствует император!» неслись по французским бивуакам. Ярче обыкновенного сверкали огни костров в расположении противника, рекой лилось вино... Проверив готовность своих войск к сражению, Наполеон прибыл на ночлег в палатку, разбитую слева от столбовой дороги между Валуево и Бородино. В эти ночные часы его больше всего беспокоила мысль: не отступят ли русские вновь без сражения? Несколько раз он просыпался и посылал адъютантов узнать, не отходят ли русские. Получив отрицательный ответ, на некоторое время успокаивался и засыпал на час-полтора, а затем повторялось все сначала. Приближался рассвет. Наступал понедельник 26 августа

(7 сентября) 1812 г. — по словам А.С. Пушкина, «великий день Бородина» — день, которому навечно было суждено войти в анналы не только российской, но и мировой истории.

Все было готово к сражению. Первый выстрел прозвучал перед рассветом с русской стороны. Его произвело одно из тяжелых орудий с батареи, находившейся впереди Семеновского. В предрассветном сумраке его расчету показалось, что приближается противник. Но ошибка быстро обнаружилась, и на этом все смолкло. Услышав выстрел, Кутузов, уже давно бодрствовавший, сразу же поехал на батарею у деревни Горки. Поехал один, его главная квартира только еще пробуждалась ото сна. Поднявшись на высоту, он при свете догоравших бивуачных огней наблюдал, как армия становится в ружье. Вскоре вокруг него собрались адъютанты и офицеры штаба.

Так же рано, еще до рассвета, поднялся и Наполеон. Выйдя из своей палатки, он направился верхом к Шевардино. Французская армия строилась в боевой порядок. Барабаны били сбор. Ротные и эскадронные командиры, построив своих солдат, читали им приказ императора. Занялась заря, туман начал рассеиваться, блеснул первый луч солнца. «Это солнце Аустерлица!» — радостно воскликнул Наполеон.

Около 6 часов утра с французской батареи у Шевардино загремели выстрелы. Русская артиллерия сразу же открыла ответный огонь. В мгновение ока все пришло в движение. Свыше 100 французских орудий сосредоточило огонь по Семеновским флешам. Одновременно сильная ружейная стрельба донеслась и со стороны села Бородино. Противник одновременно атаковал левое крыло и центр русской армии. По всему фронту завязалась интенсивная перестрелка передовых частей.

Бородино занимал лейб-гвардии Егерский полк (около 1900 человек с 14 орудиями) под командованием полковника К.И. Бистрома. В самом селе находились два батальона, а третий был развернут впереди цепью. Неподалеку, около моста через реку Колоча, находилась команда матросов Гвардейского экипажа (30 человек), которой командовал мичман М.Н. Лермонтов. Перед ней стояла сложная задача оборонять единственную переправу через реку Колоча, а в случае угрозы ее захвата противником уничтожить¹³. Выдвинутые к Бородино гвардей-

*Кутузов осматривает
позицию при Бородино.*

Акварель В. Шевченко.

Фрагмент.

1970-е гг.

ские егеря составляли передовой отряд, имевший задачу удерживать это село как можно дольше.

Действиям на левом фланге Наполеон придавал важное значение. 4-му пехотному корпусу вице-короля Евгения Богарне, наносившему отвлекающий удар, ставилась задача захватить Бородино и полностью очистить от русских левый берег Колочи. Угрожая правому флангу русской армии, вице-король должен был сковать находившиеся там войска противника и отвлечь на себя большую часть резервов Кутузова.

Атаку Бородино вице-король поручил 13-й пехотной дивизии генерала А. Дельзона (8 тыс. человек и 22 орудия)¹⁴. Под прикрытием густого тумана, окутавшего окрестности болотистой Колочи, она внезапно с трех сторон атаковала русских егерей. Полковник Бистром приказал 3-му батальону, находившемуся впереди в цепи охранения, задержать противника. Одновременно он усилил его двумя ротами под общим командованием капитана Петина. Находившийся на батарее позади Бородино Барклай-де-Толли, заметив подавляющее превосходство противника, приказал егерям отступать. Но не успел его адъютант доскакать до них, как град пуль и снарядов обрушился на защитников Бородино. 3-й батальон гвардейских егерей,

возглавляемый полковником П.С. Макаровым, ударил в штыки на наступающих густой колонной французов. Они встретили атакующих плотным ружейным огнем. В результате егеря были отброшены многократно превосходящим их в численности противником. Однако капитан Петин быстро привел солдат в порядок и, невзирая на полученную рану, а также сильный огонь неприятеля, повторно повел их в штыковую атаку. Это дало возможность батальону Макарова организованно отойти к Бородино. Дивизия Дельзона, задержанная егерями Петина не более чем на четверть часа, продолжала наступление. 2-й батальон лейб-гвардии Егерского полка, которым командовал полковник Рихтер, встретил наступающего противника сильным ружейным огнем и вслед за тем, контратаковал его, заставил остановиться. 1-й батальон полковника Грабовского прикрывал 12-орудийную батарею, защищавшую мост. Все уси-

Атака гвардейских егерей и матросов. Художник В. Келерман. 1955 г.

лия французов овладеть ею оказались тщетными. В ходе этого боя Барклай-де-Толли в полной парадной форме, при всех орденах и в шляпе с черным султаном продолжал находиться со своим штабом на батарее у Бородино. Кругом свистели вражеские ядра и пули, но главнокомандующий 1-й Западной армией продолжал невозмутимо оставаться на прежнем месте, демонстративно пренебрегая смертельной опасностью. Он лично руководил боевыми действиями в районе Бородино. Исполняя его приказ, гвардейские егеря после упорного боя, продолжавшегося более часа, оставили село Бородино и начали отход к мосту. Их преследовал 106-й линейный полк противника. Когда егеря перешли мост, матросы, находившиеся под сильным вражеским огнем, подожгли его. Но французы стремительным броском, буквально на плечах егерей, ворвались на горящий мост. Командир французской бригады генерал Л. Плезонн, который лично вел 106-й полк в атаку и первым вступил на охваченный пламенем мост, пал на середине его, сраженный русской пулей. Тем не менее французские гренадеры все же овладели мостом и неожиданно для нашего командования оказались на правом берегу Колочи. Они попытались с ходу атаковать 12-орудийную батарею, защищавшую мост, но были отражены. Однако наши пушки после этого все же пришлось отвести назад.

Используя успех передовых подразделений, генерал Дельзон приступил к переправе своей дивизии через реку Колоча. В этот критический момент Барклай-де-Толли выдвигает в район моста два егерских полка — 1-й полковника М.И. Карпенкова и 19-й полковника Н.В. Вуича. Поддержанные гвардейскими егерями и артиллерией, они с ходу контратаковали противника. Ошеломленный неожиданным ударом, неприятель был смят и начал поспешное отступление к мосту, однако быстро перейти через него не смог, так как матросы и егеря перед этим уже успели разобрать часть полусгоревшего настила. В жарком штыковом бою 106-й французский линейный полк был уничтожен почти полностью. Участвовали в этой контратаке и оставшиеся в живых гвардейские матросы во главе с раненым мичманом Лермонтовым. Они дружно ринулись вслед за своим командиром врукопашную и самоотверженно действовали вместе с егерями. После отступления остатков французского полка за реку

*Памятник лейб-гвардии Егерскому полку и матросам
Гвардейского экипажа на Бородинском поле*

Колоча мост был полностью уничтожен матросами при помощи егерей. Вся эта трудоемкая работа проводилась под сильным вражеским огнем. В результате боя у села Бородино правый фланг нашей позиции был надежно обеспечен.

Героями этого скоротечного и крайне ожесточенного боя у Бородинского моста стали полковники Карпенков и Вуич. За проявленное в ходе его мужество и героизм оба они были произведены в генерал-майоры. Тогда же по поручению Барклай-де-Толли его адъютант мичман Гвардейского экипажа Римский-Корсаков передал в Главный штаб представление к награждению отличившихся в бою при Бородино матросов. За этот бой мичман Лермонтов был награжден орденом Анны 3-й степени, а все гвардейцы его отряда — знаками отличия Военного ордена (Георгиевским крестом). Выдающуюся храбрость в бою за Бородино проявил и командир лейб-гвардии Егерского полка полковник Бистром, также произведенный тогда в генерал-майоры. При обороне села и в бою у моста его полк потерял 720 человек, в том числе 27 офицеров. Это составляло около 40% рядового состава и более половины офицерского. Команда гвардейских матросов потеряла более трети своего состава. 145 человек (51 офицер и 94 солдата) из лейб-гвардии Егерского полка были представлены к наградам. К сожалению, история почти не сохранила для нас имен рядовых героев Бородинского сражения. Тем ценнее те немногие его участники, которые оставили след на ее скрижалях. Одним из них был унтер-офицер лейб-гвардии Егерского полка Леонтий Шитиков, отличившийся в том достопамятном бою у села Бородино, дважды раненый в ходе его и награжденный за боевые отличия медалью.

После того как французы были отброшены за реку Колоча, активные боевые действия противника на правом фланге русской армии прекратились. Наши войска прочно закрепились на правом берегу Колочи. Получив мощный отпор у села Бородино, французы в дальнейшем уже не предпринимали попыток перейти в наступление на этом направлении. В течение всего дня они ограничивались лишь перестрелкой с нашими егерями. И хотя Бородино осталось в руках противника, попытка Наполеона сковать силы правого крыла русской армии закончилась

неудачей. Кутузов правильно разгадал суть его маневра, носящего отвлекающий характер, и не произвел никаких перегруппировок своих войск. Более того, в ходе сражения, будучи спокойным за прочность своего правого фланга, он смело перебрасывает сначала 2-й пехотный корпус к Утице, а затем 4-й пехотный корпус — к Курганной батарее.

100 лет спустя в честь русских воинов, сражавшихся у села Бородино, на берегу реки Колоча был воздвигнут памятник, на пьедестале которого высечена надпись: «Лейб-егеря доблестным предкам и их боевым товарищам чинам Гвардейского экипажа».

3.4. На Семеновских флешах

С самого начала сражения основные события развернулись на левом фланге русской армии в районе Семеновских флешей. Именно здесь Наполеон наносил свой главный удар. В районе деревни Шевардино располагалась основная группировка его войск — 1, 3 и 8-й пехотные, 1, 2 и 4-й кавалерийские корпуса. Позади них находилась императорская гвардия¹⁵. Часть гвардейской артиллерии (48 орудий) была выдвинута вперед для поддержки 1-го и 3-го пехотных корпусов. Для первоначального удара на главном направлении и развития успеха, в котором он не сомневался, Наполеон сосредоточил 43 тыс. человек и свыше 200 орудий. Это были семь пехотных и восемь кавалерийских дивизий, возглавляемых маршалами Даву, Неем, Мюратом и генералом Жюно. Французский император предполагал, что основная часть этих сил вступит в сражение, когда русские укрепления уже будут взяты, оборона противника прорвана и встанет задача оттеснить его к реке Москва. Для первой атаки флешей Наполеон выделил только две пехотные дивизии под общим командованием маршала Даву.

В свою очередь, для обороны флешей командующий 2-й Западной армией П.И. Багратион из имевшихся в его распоряжении 30 тыс. солдат выделил 8 тыс. человек и 50 орудий. Это были дивизии Воронцова и Неверовского. Непосредственно на флешах располагались 11-я и 32-я батарейные роты, которыми соответственно командовали полковник А.А. Богуславский и под-

полковник Белинсгаузен. На левом укреплении было 12 орудий, на правом — 7 и на среднем — 5. На каждой флеше находилось по батальону гренадеров из дивизии Воронцова, прикрывавших артиллерию. Остальные батальоны 2-й Сводно-гренадерской дивизии встали в линию фронта между укреплениями и позади них. Части дивизии Неверовского находились в ложине ручья Семеновского, между средней и правой флешами. Особенностью построения флешей являлось то, что они обеспечивали нашим артиллеристам возможность вести огонь не только с фронта, но и во фланг атакующим войскам. Таким образом, между флешами было организовано огневое взаимодействие. При отражении массированных атак противника это приобрело очень большое значение.

Первая атака французов на Семеновские флешы

*Сражение при Бородино. Раскрашенная литография
Виктора по оригиналу П. Гесса. Середина XIX в.*

Около 6 часов утра 4-я и 5-я пехотные дивизии генералов Ж. Дессе и Ж. Компана из 1-го пехотного корпуса маршала Даву, поддерживаемые мощным артиллерийским огнем, двинулись в наступление. Командир корпуса сам вывел эти дивизии на опушку Утицкого леса и начал строить их в колонны для атаки левой флеша. Русская артиллерия открыла по ним огонь с расстояния 500 м. Несмотря на потери, французы быстро закончили построение и двинулись вперед. Их атаку поддерживали три сильные батареи, которые вели огонь по флешам с дистанции 1000 м. Под гром артиллерийской канонады, с барабанным боем и развивающимися знаменами французская пехота неудержимо приближалась к флешам. Однако пройдя всего 250–300 м, она попала под губительный картечный огонь русских батарей. В сражение вступила основная масса артиллерии 2-й русской армии

(2, 12, 26 и 3-я резервная артиллерийские бригады), усиленной несколькими артиллерийскими ротами из 1-й армии. Действиями артиллерии 2-й Западной армии управлял лично ее начальник генерал-майор К.Ф. Левенштерн. Смертоносный шквал огня и металла обрушился на врага. Эффективность его была ужасающей. Наступающий в густых боевых порядках противник несет огромные потери. Русская картечь вырывала буквально целые ряды из вражеских колонн. Отражению этой атаки во многом способствовал и сильный фланговый огонь егерей, которые находились впереди флешей, вдоль ручья Каменка, и растянулись стрелковой цепью вплоть до Утицкого леса. Это была егерская бригада 3-й пехотной дивизии (20-й и 21-й егерские полки), которой командовал генерал-майор князь И.Л. Шаховской.

Попав, таким образом, под ураганный огонь русской артиллерии и сильный ружейный огонь егерей, французы в течение каких-то нескольких минут понесли большие потери, заколебались, не выдержали и быстро отступили обратно в лес.

Одновременно с первой атакой французов на флешу в обход левого фланга русской армии по Старой Смоленской дороге двинулись войска 5-го пехотного корпуса Понятовского¹⁶.

Итак, первый натиск врага был успешно отражен защитниками флешей. Дело, по существу, было решено артиллерией. Но это, видимо, была лишь проба сил. Через полчаса французы начали вторую атаку. Выдвинувшаяся вперед их артиллерия открыла сильный огонь по русским укреплениям. Маршал Даву торопился выполнить приказ Наполеона — овладеть Семеновскими флешами. Приведя свои войска в порядок, он вновь бросает их в атаку. Возглавил ее генерал Компан. Однако огонь русских был настолько силен, что передовая бригада противника, выйдя из леса, в нерешительности остановилась. Компан пытался вдохновить ее личным примером, но в тот же миг был тяжело ранен осколком гранаты. Французы начали отступать. Наблюдавший за ходом боя маршал Даву быстро прискакал к 5-й пехотной дивизии, остановил ее и лично повел в атаку. Во главе 57-го линейного полка ему удалось ворваться на левую флешу. На ней произошла яростная рукопашная схватка. Во время ее лошадь под маршалом была убита ядром, а сам он контужен. Контузия была настолько сильной, что Наполеона ошибочно известили о гибели Даву. Принявший здесь командование французскими войсками генерал Дессе через несколько минут также был тяжело ранен. Заменивший его первый адъютант Наполеона генерал Ж. Рапп вскоре тоже выбыл из строя, получив ранение.

Увидев, что неприятель захватил левую флешу, Багратион приказал Неверовскому контратаковать его. Грозно забили русские барабаны, и из-за порохового дыма, густо окутавшего флешу, со штыками наперевес ринулись на врага батальоны уже закаленной в боях 27-й пехотной дивизии. Противник не выдержал этой стремительной контратаки, был выбит с флешу и начал отступать. По приказу Багратиона его преследовали два полка 4-го кавалерийского корпуса — Ахтырский гусарский и Новороссийский драгунский. Им удалось отбить все 12 захваченных французами орудий, но увезти их наши кавалеристы не смогли, так как на выручку своей пехоте подоспели две французские кавалерийские бригады. Таким образом, и вторая

атака противника на Семеновские флеши была успешно отражена войсками 2-й Западной армии. В ходе ее французы понесли большие потери.

Неудача первых двух атак, упорство, с каким русские отстаивали свои позиции, вынудили Наполеона выделить дополнительные силы для захвата флешей. 3-й пехотный корпус маршала Нея получил приказ выдвинуться вперед и занять место в боевой линии левее корпуса Даву. 10-я пехотная дивизия генерала Ф. Ледрю, выдвигавшаяся в голове 3-го корпуса, имела боевой порядок в четыре линии батальонных колонн. Две другие дивизии Нея (11-я и 25-я пехотные) должны были наступать за дивизией Ледрю. Для поддержки пехоты Наполеон направляет почти всю резервную кавалерию Мюрата. Она распределена следующим образом: 1-й кавалерийский корпус Нансути (три кавалерийские дивизии — 5 тыс. человек) — за корпусом Даву; 4-й кавалерийский корпус Латур-Мобура (две кавалерийские дивизии — 3,5 тыс. человек) — за корпусом Нея; 2-й кавалерийский корпус Монбрена (две кавалерийские дивизии — около 4 тыс. человек) — левее и позади корпуса Латур-Мобура для связи между войсками Нея и Е. Богарне. С целью объединения в одних руках руководства всей кавалерией, действовавшей на направлении главного удара, Наполеон подчиняет Мюрату и кавалерийские дивизии, входившие в состав 1, 3 и 8-го пехотных корпусов. Таким образом, французский император доводит численность группировки, предназначавшейся для наступления на флеши, более чем до 30 тыс. штыков и сабель при 160 орудиях. Поскольку основные резервы, посланные Кутузовым, могли прибыть в распоряжение Багратиона только через полтора-два часа, то перед третьей атакой флешей у французов оказалось почти двойное превосходство в силах: им противостояло всего 15–16 тыс. русских воинов. Количество орудий было примерно равным.

П.И. Багратион, лично руководивший боем у Семеновских флешей, заметив, что противник сосредотачивает крупные силы для новой атаки, принимает решение усилить левый фланг своей армии. В соответствии с этим решением 2-я гренадерская дивизия получает приказ занять позицию восточнее деревни Семеновское, командир 7-го пехотного корпуса Раевский, участок

которого еще не был атакован, — передвинуть к флешам всю вторую линию своих войск (восемь батальонов)¹⁷, 2-я кирасирская дивизия — построиться за флешами. В результате к 7 часам 30 минутам Багратион сосредоточил в районе флешей до 16 тыс. штыков и сабель. К 8 часам утра, когда подошли батальоны из корпуса Раевского, численность защитников флешей возросла до 20 тыс. человек. Считая все же свои силы недостаточными, командующий 2-й армией потребовал от командира 3-го пехотного корпуса Тучкова, хотя последний не был ему подчинен, направить к флешам 3-ю пехотную дивизию Коновницына. Тучков, на участке которого в районе Утицы было еще тихо, выполнил требование Багратиона. Однако дивизия Коновницына (4 тыс. человек и 36 орудий) могла подойти к флешам не ранее 10 часов утра. Прекрасно понимая, что на стороне неприятеля по-прежнему значительный перевес в силах, Багратион тогда же обращается к главнокомандующему с просьбой о немедленном подкреплении.

М.И. Кутузов, внимательно следивший за ходом сражения, к этому времени и сам уже пришел к выводу о необходимости срочного усиления 2-й армии резервами. Он направляет в рас-

М.И. Кутузов на Бородинском поле. Художник С. Герасимов. 1952 г.

поражение Багратиона кавалерийскую бригаду (три полка) генерал-майора Н.М. Бороздина из 1-й кирасирской дивизии, бригаду гвардии (лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки) под командованием полковника М.Е. Храповицкого и около 100 орудий из главного артиллерийского резерва. Кроме того, 2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута получает приказ главнокомандующего сняться с занимаемой позиции и срочно идти на левый фланг в распоряжение командующего 2-й армией князя Багратиона. Таким образом, общая численность войск для защиты Семеновских флешей доводилась Кутузовым до 30 тыс. человек и 300 орудий. Такое сосредоточение сил на довольно ограниченном участке сражения свидетельствовало, что предстоящее столкновение будет небывалым по ожесточению и кровопролитию. Однако выделенные Багратиону резервы могли прибыть лишь к 11 часам, а пока что враг продолжал сохранять значительное превосходство в силах.

После мощной артиллерийской подготовки в 7 часов 30 минут войска Даву и Нея устремились в новую атаку на флешу. Эта третья атака, как и две первые, была лобовой. Следует отметить, что к этому времени в результате непрерывного полтора часового обстрела вражеской артиллерии часть русских укреплений была уже разрушена, а оборонявшие их войска понесли существенные потери. Однако когда вражеские колонны приблизились на картечный выстрел — 200 м, защитники флешей встретили их убийственным огнем. Наполеон решил на этот раз подавить русских численностью. По его приказу атакующие французские войска имели чрезмерно густые боевые порядки. Масса людей была настолько плотной, что ее не могла остановить даже артиллерия, сметавшая шквальным огнем целые колонны неприятеля.

Несмотря на огромные потери, частям 5-й пехотной дивизии противника удалось снова ворваться на левую флешу. Дивизия Ледрю прорвалась в промежутки между укреплениями, а сам маршал Ней во главе 24-го легкого пехотного полка сквозь огненный смерч рвался к правой флешу и вскоре овладел ею. 2-я Сводно-гренадерская дивизия Воронцова, оказавшая отчаянное сопротивление врагу, понесла огромные потери. Находясь непосредственно на флешах, она приняла на себя всю мощь

вражеского удара. Около 8 часов утра, увидев сквозь образовавшийся в густой пелене пыли, гари и порохового дыма разрыв, что левая флешь захвачена противником, М.С. Воронцов лично повел один из своих гренадерских батальонов в штыки с целью выбить оттуда неприятеля. В завязавшейся близ укрепления жестокой рукопашной схватке сам генерал был ранен штыком, а его батальон почти полностью уничтожен. М.С. Воронцов был первым из русских генералов, выбывшим из строя в тот кровавый день Бородино. Его гренадеры сдерживали бешеный натиск врага около часа, пока почти все не полегли на флешах. Через два с половиной часа после начала сражения 2-я Сводно-гренадерская дивизия перестала существовать. «Мы не совершили великих дел, — писал впоследствии доблестный командир героически павшей на Бородинском поле дивизии, — но в наших рядах не было ни беглецов, ни сдавшихся в плен. Если бы на следующий день меня могли спросить, где моя дивизия, я ответил бы как граф Фуэнтес при Рокруа, указав пальцем назначенное нам место: «Вот она!» Из 4 тыс. человек, находившихся в ее строю перед сражением, 2-я Сводно-гренадерская дивизия потеряла на Бородинском поле 3700 человек. Из 18 старших офицеров дивизии выбыли из строя 15.

И с каким бы уважением мы ни относились к творчеству нашего великого поэта А.С. Пушкина, вряд ли можно согласиться с его злой и довольно пошленькой эпиграммой на М.С. Воронцова — героя одной из величайших битв в истории нашего Отечества, человека, много сделавшего для укрепления могущества и величия Российского государства в первой половине XIX в. «Подлецы», как изволил окрестить поэт заслуженного, поседевшего в бесчисленных боях и походах генерала, бесстрашно сражавшегося на Бородинском поле за Отечество, как известно, стараются не рисковать своей головой за интересы государства и уж во всяком случае не проливают свою кровь на бранных полях. Воронцов же не щадил своей жизни и не жалел своей крови в боях и сражениях за Родину, и одним из свидетельств того является его подвиг на Семеновских флешах в ходе сражения при Бородино.

Чтобы восстановить положение в районе флешей, Багратион приказал 27-й пехотной дивизии, стоявшей во второй ли-

М.С. Воронцов.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

нии, контратаковать противника. Генерал Неверовский повел свою дивизию в штыки. За нею вперед двинулась и кавалерия. Ожесточенный бой, чуть было несколько стихнувший, разгорелся с новой, еще более страшной силой. Большие массы пехоты и кавалерии сошлись в ближнем бою. Завязалась яростная рукопашная схватка. Под натиском превосходящих сил противника части 27-й пехотной дивизии были вынуждены несколько отступить. Сам генерал Неверовский был контужен. В этот момент к флешам подошли восемь батальонов из корпуса Раевского. Багратион тот час же бросил их в атаку во фланг пехоте Нея. Приведенная тем временем в порядок дивизия Неверовского атаковала противника с фронта. Одновременно во фланг французам с юга Багратион направил 2-ю кирасирскую дивизию. Навстречу русским латникам бросился Мюрат с одной из кавалерийских дивизий. Но русская тяжелая конница опрокинула неприятеля и врубилась в ряды вражеской пехоты. Произошла жестокая рубка. Французы обратились в бегство.

К 9 часам утра после ожесточенного штыкового боя русская пехота при поддержке кирасиров выбила противника из флешей. Войска Даву и Нея были вынуждены отступить на исходные позиции. Таким образом, и третья атака врага на флеш,

*В атаку спешит сводно-гренадерская дивизия.
Фрагмент панорамы «Бородинская битва». Художник Ф. Рубо. 1912 г.*

продолжавшаяся полтора часа, была успешно отражена русскими войсками. По сравнению с двумя предыдущими атаками противника эта, третья, была наиболее яростной, а завязавшийся в результате ее бой на флешах — очень тяжелым и кровопролитным. Основную тяжесть его, наряду со 2-й Сводно-гренадерской дивизией, пришлось выдержать 27-й пехотной дивизии. Обороняя флеша после гибели дивизии Воронцова, эта прославленная дивизия потеряла две трети своего состава. Снова отличился, проявив выдающуюся храбрость и мужество, ее доблестный командир. Несмотря на беззаветную отвагу и полное презрение к опасности, он уцелеет в этом смертоносном вихре. Тысячи убитых и раненых солдат устлали залитые кровью флеша и все пространство вокруг. Летая над головами десятков тысяч исступленно сражающихся на этом небольшом клочке русской земли бойцов, сошедшихся сюда почти со всех концов Европы, смерть собирала свою обильную жатву. Но Неверовского, все эти грозные часы бесстрашно смотревшего ей в глаза, она пощадила. Погибнет он спустя год с небольшим в далекой Германии, получив смертельную рану в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом. Похоронят его в небольшом немецком городке Галле. И только спустя 100 лет, в 1912 г., прах героя перевезут в родную Россию и торжественно, со всеми воинскими почестями, предадут земле на Бородинском поле, на одной из флешей. Тогда же здесь установят памятник и его 27-й пехотной дивизии, на котором будет высечено: «Бессмертной дивизии Неверовского — героям Шевардина и Семеновских флешей».

Очередная неудача и огромные потери в боях за флеша привели Наполеона в ярость. Он вновь подтверждает свой приказ — во что бы то ни стало взять Семеновские флеша — и посылает на помощь Нею одну из лучших дивизий, какими только располагал образцовый корпус Даву — 2-ю пехотную дивизию генерала Л. Фриана. Эта отборная дивизия до сих пор сохранялась Наполеоном и еще ни разу с самого начала кампании не вводилась в бой. В 9 часов 20 минут последовала четвертая атака на флеша. Пять пехотных дивизий противника атаковали полуразрушенные укрепления. Бой возобновился с невиданным ожесточением. Интересны впечатления одного француз-

ского офицера-кирасира: «Вся местность перед флешами была завалена телами французов, а сами флешы и местность позади них — телами русских. На этом пункте русские переходили несколько раз в наступление. Тела убитых затрудняли движение сражающихся, они ходили по крови, которую насыщенная земля отказывалась поглощать. Этот редут (флешы. — *Прим. авт.*) — ключ для поля сражения — был блистательно атакован и столь же мужественно обороняем»¹⁸. Ценой больших потерь французам снова удалось овладеть флешами. Около двух полков их пехоты прорвалось вглубь и даже захватило часть деревни Семеновской.

Но Багратион успел привести в порядок и перегруппировать свои силы. Сначала он бросил в контратаку четыре кавалерийских полка (Сумской и Мариупольский гусарские, Курляндский и Оренбургский драгунские) под командованием генерал-майора И. С. Дорохова. Драгуны и гусары, предводимые своим боевым командиром, смело атаковали противника. На помощь своей пехоте бросилась французская кавалерия. Но это не остановило нашу конницу. Оренбургский драгунский полк, возглавляемый своим шефом генерал-майором С. В. Дятковым, атаковал вражескую кавалерию с фронта, а Мариупольский гусарский (командир полковник князь И. М. Вадбольский) и Курляндский драгунский (командир полковник С. Н. Ушаков) полки, осуществив искусный маневр, ударили неприятелю во фланг. Стремительный удар нашей конницы увенчался полным успехом. Вражеская кавалерия была опрокинута и отброшена далеко за флешы. Во время атаки под Дороховым убило лошадь, и толпа вражеских всадников вихрем пронеслась над ним. Только какое-то невероятное чудо помогло генералу спастись, и он избежал страшной участи быть растоптанным десятками конских копыт. Находившийся рядом трубач Мариупольского гусарского полка отдал Дорохову своего коня. Генерал молча пожал солдату руку, вскочил в седло и, промчавшись стороной, догнал ушедшие вперед полки. Несказанно обрадовались закаленные в жестоких сабельных сечах усачи-гусары, увидев своего бригадного командира живым и невредимым. Они уже посчитали его погибшим. Собрав свою конницу, Иван Семенович Дорохов отвел ее в исходное положение.

И.С. Дорохов.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

В результате успешной контратаки конницы Дорохова дальнейшее продвижение противника в районе флешей на некоторое время было приостановлено. Тем временем к Багратиону подходили посланные Кутузовым резервы. Пока они сосредоточивались, он, используя успех конницы, контратаковал французов всеми имеющимися под рукой силами — в общей сложности около двух дивизий. Войска в атаку повел лично командир 8-го пехотного корпуса генерал-лейтенант М.М. Бороздин. Затем, наращивая силу удара, командующий 2-й армией вводит в бой 2-ю гренадерскую дивизию. Под мощным ударом русских полков противник сначала попятился назад, а затем начал отступление по всему фронту. Маршалы Даву и Ней уже несколько раз посылали к Наполеону своих адъютантов просить подкреплений. Но император каждый раз отвечал, что еще слишком рано вводить в дело свежие войска. Он приказал артиллерии усилить огонь по всей боевой линии. Но русские батареи, занимавшие более выгодные огневые позиции, успешно противодействовали неприятелю.

Охваченные наступательным порывом, войска 8-го пехотного корпуса всюду опрокидывали врага, тесня его к флешам. На некоторых участках противник даже обратился в бегство.

Заметив отход своей пехоты, Наполеон приказал кавалерии Мюрата восстановить положение. Несколько полков французской кавалерии контратаковали нашу пехоту, но были отражены сильным ружейно-артиллерийским огнем. Самому Мюрату, возглавившему контратаку своей кавалерии, едва удалось избежать плена. Соскочив с убитого коня, он спасся в левой флеш, где еще находился один французский батальон, и вместе с ним ушел в Утицкий лес. К 10 часам флеш были полностью очищены от противника. Над ними победно взвились российские знамена. Четвертая атака французами Семеновских флешей продолжалась 40 минут и закончилась для них, как и три первые, неудачей. Ни настойчивость войск Даву и Нея, ни посланные Наполеоном подкрепления не смогли заставить русских отступить. Неприятель был отброшен от флешей с большими потерями и вновь оказался на исходных позициях.

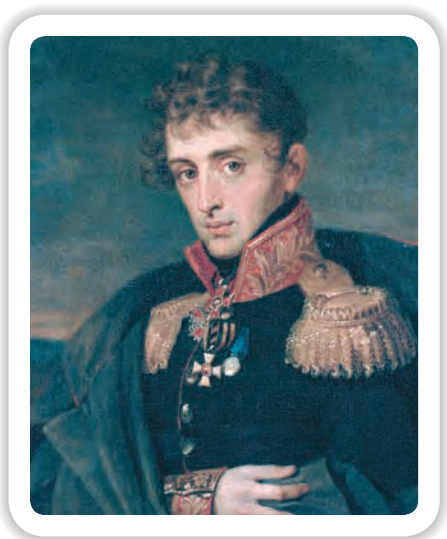
В 10 часов войска Даву и Нея, поддерживаемые кавалерией Нансути и Латур-Мобура, в пятый раз устремились в атаку на флеш. Противник никак не мог смириться с неудачей и теперь уже действовал просто напролом, не считаясь ни с какими жертвами. Очередная его атака началась без какой-либо паузы после только что завершившейся. Не успели наши войска как следует закрепиться на отбитых у врага флешах, как завязалась новая жаркая схватка. В результате французы вновь захватили флеш. Но по приказу Багратиона остатки дивизии Неверовского атаковали противника с фронта, подошедшая от Утицы 3-я пехотная дивизия Коновницына совместно с кирасирами — справа, а 2-я гренадерская дивизия — слева. Примчавшийся к Наполеону адъютант Нея доложил, что нельзя терять ни минуты: Багратион снова перешел в наступление и маршал Ней более не в состоянии сдерживать натиск русских. Настало время поддержать маршала, чтобы он не был раздавлен и отброшен. Однако усилить свои сражавшиеся на флешах войска Наполеон в этот момент не смог. И дело заключалось не в том, что он не хотел этого, а в том, что сделать это ему помешали сложившиеся обстоятельства. Как раз в это время Кутузов, чтобы облегчить положение Багратиона и помочь ему, приказал казакам Платова и 1-му кавалерийскому корпусу Уварова нанести внезапный удар по левому флангу и тылу

французской армии. Замысел Кутузова заключался в том, чтобы, бросив массу конницы в тыл неприятеля, заставить его оттянуть на левый фланг свои силы и тем самым ослабить натиск в районе Семеновских флешей. Расчет полководца оказался верным. Использовать свои резервы на направлении главного удара после преподнесенного ему Кутузовым сюрприза Наполеон так и не решился.

А тем временем, когда все внимание Наполеона было сосредоточено на отражении неожиданного удара русской конницы, дела для французов в районе Семеновских флешей складывались неблагоприятно. Прибывшая в распоряжение Багратиона дивизия Коновницына с ходу атаковала противника. Громовое «Ура!» идущих в штыковую атаку русских полков на какое-то мгновение заглушило все другие звуки боя, сотни оглушительно грохотавших вокруг орудий и заставило содрогнуться неприятеля. Но он с обреченной решимостью все же принял вызов. Произошла жестокая свалка на подступах к флешам, перекинувшаяся затем и на сами укрепления. Волны французских атак разбились о железное упорство русских солдат, и наоборот. В ожесточенных штыковых схватках перемалывались отборные силы противоборствующих сторон. Обе они несли огромные потери. Командир Сводной гренадерской бригады полковник князь Кантакузен, ворвавшийся во главе своих grenадер на среднюю флешь, пал на ней, сраженный французской пулей. Спустя некоторое время эту же флешь, оставленную grenадерами, атаковала бригада 3-й пехотной дивизии (Ревельской и Муромский пехотные полки), возглавляемая генерал-майором А.А. Тучковым. Под ураганным огнем противника солдаты заколебались, а затем в нерешительности остановились. «Ну, что вы стоите, ребята!» — с укоризной обратился к ним подоспевший командир бригады. Не дожидаясь ответа, генерал выхватил у прапорщика знамя Ревельского пехотного полка, шефом которого был, и бросился с ним вперед, увлекая за собой солдат. В клубах густого порохового дыма какое-то время был еще виден силуэт молодого генерала со знаменем в руках. Затем он внезапно исчез. Французское ядро угодило Тучкову прямо в грудь. Огонь вражеской артиллерии на этом участке был настолько плотным, что тело павшего генерала впоследствии так и не смогли

А.А. Тучков.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

отыскать: оно было буквально разнесено в клочья густо падающими ядрами и гранатами. Генерал-майор Александр Алексеевич Тучков был младшим из четырех братьев Тучковых, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. Он погиб в возрасте 34 лет. После войны на месте гибели мужа его вдова основала величественный Спасо-Бородинский монастырь, который и поныне является одной из главных достопримечательностей Бородинского поля. Сделавшись настоятельницей основанного ею женского монастыря (1838), Маргарита Михайловна Тучкова остаток своих дней, около 15 лет, провела около безымянной могилы мужа.

Личный пример храброго генерала А.А. Тучкова сыграл свою роль. Вдохновленные им ревельцы и муромцы несокрушимой лавиной устремились вперед и выбили противника с флешей. При отражении пятой атаки врага на Семеновские флешей дважды был контужен П.П. Коновницын, но, как и многие другие военачальники в этот день, не оставил поля боя. Был тяжело ранен также и герой Шевардино генерал-лейтенант князь А.И. Горчаков. Пятая атака французов на флешей, продолжавшаяся около получаса, также не увенчалась успехом. Семеновские флешей остались за русскими.

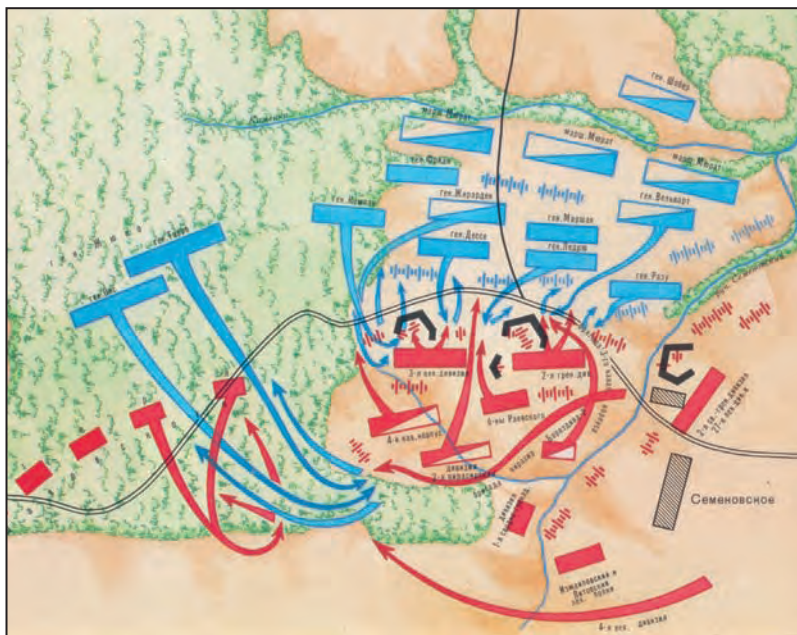
Напряжение боя все возрастало. Не успела еще затихнуть пятая атака противника на флешей, как он около 10 часов 30 минут начал шестую. После безрезультатных фронтальных атак, продолжавшихся пять часов, которые вели войска Даву, Нея и Мюрата, Наполеон решил привлечь для захвата флешей 8-й пехотный (вестфальский) корпус Жюно. Перед ним была поставлена задача обойти русские укрепления с юга и нанести им удар в тыл. Даву и Ней должны были продолжать атаки с фронта.

Багратион, успевший перегруппировать свои войска, встретил врага артиллерийским огнем и контратаками 27-й пехотной и 2-й гренадерской дивизий. В ходе боя ему доложили, что вестфальцы Жюно, оттеснив егерей князя Шаховского, начали обход флешей слева и угрожают выходом в тыл защитникам укреплений. В распоряжении Багратиона было очень мало сил, чтобы воспрепятствовать этому маневру противника. Ему пока удавалось, хотя и с трудом, лишь сдерживать мощный напор врага с фронта. Создалось критическое положение. Но все-таки войска Жюно удалось остановить в результате умелых и инициативных действий русской артиллерии.

Вестфальская пехота уже завершала выход из Утицкого леса и выстраивалась на его опушке, чтобы начать атаку во фланг и тыл войскам Багратиона. Как раз в этот момент здесь оказалась лейб-гвардии 1-я конная батарея, направлявшаяся в район флешей. Ее командир капитан Захаров, увидев угрозу Семеновским укреплениям с тыла, по собственной инициативе с ходу развернул орудия, занял огневую позицию и открыл беглый огонь по противнику, готовившемуся к атаке. Подвергшиеся неожиданному огневому удару вестфальцы смешались и бросились обратно в лес. Таким образом, артиллерия сделала свое дело — задержала врага на целых четверть часа. Но силы, конечно, были неравны: одна батарея против целого корпуса! Больше того, что она сумела сделать, одна-единственная батарея, хотя и гвардейская, сделать уже не могла. Оправившись от первого замешательства и разобравшись в обстановке, противник открыл по русской батарее, не имеющей даже пехотного прикрытия, сильный огонь. Среди артиллеристов появились первые потери. Вскоре на руках своих солдат скончался смертельно раненный капитан Захаров. «Захаров за Бородино

вполне заслужил Георгиевский крест, а мы не могли ему поставить даже деревянного», — сожалел тогда его командир полковник П.А. Козен. Но позднее, к 100-летию юбилею Бородинской битвы, памятник 1-й батарее лейб-гвардии Конной артиллерии все же был установлен. Он и поныне стоит на опушке Утицкого леса, в 150 м от левой флеша. На его постаменте высечены слова: «Все тленно, все проходяще, только доблесть никогда не исчезнет, она бессмертна».

Время, выигранное артиллеристами капитана Захарова, позволило Багратиону принять меры для срыва обходного маневра противника. Против войск Жюно были направлены кирасиры генерал-лейтенанта князя Д.В. Голицына¹⁹, кавалерийская бригада Дорохова, часть сил 3-й пехотной дивизии Коновницына и только что подошедшая с правого фланга Бородинской позиции передовая бригада 2-го пехотного корпуса Багговута. Корпус Жюно был атакован русскими войсками, разбит и отброшен в лес, где его разгром довершили части 4-й пехотной

Шестая атака французов на Семеновские флеша

дивизии генерал-майора принца Евгения Виртембергского. Наступление Даву и Нея к этому времени также было отбито частями 3-й пехотной и 2-й гренадерской дивизий. Несмотря на упорство и бурный натиск, они были отброшены в исходное положение. Таким образом, произвести обходный маневр Семеновских флешей со стороны леса Наполеону не удалось. Незадачливый Жюно снова не оправдал доверия своего императора; более того, он потерпел поражение. Французскую армию в борьбе за Семеновские флешы в шестой раз постигла неудача. Это был крупный успех Багратиона.

Седьмую атаку на флешы Наполеон решил провести теми же силами, что и предыдущую. Около 11 часов Даву и Ней вновь повели свои войска на штурм Семеновских укреплений, а Жюно снова направлен в обход флешей. На этот раз он двинул обходные колонны южнее, стремясь глубже охватить левый фланг Багратиона и в то же время избежать контратаки на свой левый фланг. Однако и этот маневр не удался. Полки 2-го пехотного корпуса — Брестский, Рязанский, Минский и Кременчугский — стремительной контратакой во фланг опрокинули вестфальцев и вынудили их отступить. Наступление корпусов Даву и Нея было остановлено огнем артиллерии и контратакой частей 2-й гренадерской дивизии принца Карла Мекленбургского. В критическую минуту боя, когда защитники флешей уже изнемогали в неравной борьбе с превосходящими силами врага, подоспели гренадеры. 29-летний генерал русской службы, царский родственник принц Карл Мекленбургский лично повел в штыковую контратаку на наступающего противника Киевский, Московский и Астраханский гренадерские полки. В коротком, но ожесточенном рукопашном бою противник был опрокинут и отброшен в исходное положение. Обе стороны понесли большие потери. Сам принц получил сильную контузию от артиллерийского ядра в бок и выбыл из строя. Командир Астраханского гренадерского полка полковник барон Буксгевден, уже истекая кровью от трех полученных ран, продолжал вести своих гренадеров вперед, пока не был сражен наповал вражеской пулей. Был ранен в штыковой схватке и командир Московского гренадерского полка полковник И.Я. Шатилов. Многих храбрых офицеров и солдат-гренадеров потеряла дивизия в том

*Эпизод Бородинского сражения. Иллюстрация к стихотворению
М. Ю. Лермонтова «Бородино». Хромолитография Н. Богатова. 1912 г.*

жестоком бою. В день Бородинского сражения 2-я гренадерская дивизия участвовала в отражении пяти атак неприятеля на флешу, потеряв при этом убитыми и ранеными 3,5 тыс. солдат и 144 офицера. В 1912 г. на Бородинском поле около того места, где была средняя флешь, был поставлен памятник 2-й гренадерской и 2-й Сводно-гренадерской дивизиям. На нем выбита короткая надпись: «И клятву верности сдержали мы в Бородинский бой».

Несмотря на настойчивые усилия и огромные потери, Наполеону и на этот раз не удалось прорвать русскую оборону на левом фланге. Седьмой по счету штурм флешей, продолжавшийся около получаса, как и все предыдущие, окончился для противника неудачей.

Сражение длилось уже около шести часов. Все поле боя было завалено тысячами тел убитых или тяжело раненых людей и лошадей. В некоторых местах, где происходили наиболее ожесточенные схватки, они лежали горами. Тучи черного дыма и пыли неподвижно висели над почти полностью разрушенными жесто-

ким артиллерийским огнем и заваленными трупами флешами. Поле боя потонуло в сизой пучине порохового дыма. Солнце уже не блистало, оно превратилось в тускло-красный шар, каким-то фантастически-странным фонарем повисшим над битвой. Тысячепушечный оркестр то затихал, то снова гремел с ужасающей силой. Эта музыка артиллерийского боя была нестройна и дика. Русские войска, несмотря на тяжелые потери, продолжали стойко удерживать занимаемые позиции. Они не уступили врагу ни одной пяди земли. «Упорство русских, — вспоминал один наполеоновский офицер, — приобрело ужасный, зловещий характер»²⁰. Несмотря на невероятные усилия, Наполеону так и не удалось сломить упорное сопротивление русских. Фронтальные атаки французских войск успеха не имели. Безрезультатны оказались и две комбинированные, когда они пытались нанести одновременные удары с фронта и во фланг. В артиллерийском противоборстве французы явно уступали русским. И это французский император, как бывший артиллерист, отчетливо видел. Но Наполеон не мог и не хотел отступить от намеченного плана. В стремлении достигнуть решения поставленной задачи он производит перегруппировку сил, сосредоточивает против Семеновских флешей до 40 тыс. солдат и свыше 400 орудий. Багратион для защиты флешей имел около 20 тыс. солдат и 300 орудий.

В 11 часов 30 минут французы предприняли восьмую атаку флешей. Это скорее походило на решительный штурм. Битва достигла своего апогея. «Для людей, наблюдавших в эти страшные часы князя Багратиона, хорошо знавших его натуру, помнивших всю его карьеру, в которой самое изумительное было то, что он каким-то образом прожил до сорока семи лет, не могло быть сомнений, что на этот раз третьего решения быть не может: или флеша останутся в руках Багратиона, или сам он выбудет из строя мертвым или тяжелораненым», — писал академик Е.В. Тарле²¹.

Атакующего врага встретили огнем 300 русских орудий. На небольшом участке местности, протяженность которого по фронту составляла не более 1,5 км, разыгралась беспрецедентная по своей ярости огненная стихия, изрыгаемая жерлами 700 пушек. Казалось, все силы ада сошлись здесь и в своей бешеной

пляске опрокинули небо на землю, вздыбили преисподнюю. Густые колонны вражеской пехоты шли напролом, несмотря на жесточайший огонь, причиняющий им большой урон. Волна за волной перехлестывали через мелкий кустарник и неудержимой лавиной накатывались на Семеновские флешы. То шли линейные французские полки. Разрываемые русскими ядрами и картечью ряды французов тут же смыкались и смело продолжали движение вперед, не отвечая на огонь.

Видя, что артиллерийский огонь не сможет остановить врага, Багратион решил контратаковать его на подходе к флешам. Все левое крыло нашего фронта пришло в движение, заколыхалось штыками и двинулось вперед, навстречу неприятелю. Одни только резервы, удерживаемые дисциплиной, продолжали стоять неподвижно. Две громадные массы войск сошлись друг с другом, грозно сверкнули штыки, и завязался ожесточенный рукопашный бой. Боевые порядки сторон быстро перемешались. Десятки тысяч людей бились штыками, прикладами, саблями, тесаками, камнями, кулаками и всем, что попадалось под руку, попирали ногами павших и сами, сраженные врагом, падали тут же, увеличивая устилавшие землю груды тел. В этом бою все, от солдата до генерала, проявили чудеса храбрости.

Под давлением превосходящего своей численностью противника русские войска постепенно были оттеснены почти к самым флешам. Гренадеры 57-го линейного полка из корпуса маршала Даву с ружьями наперевес, не отстреливаясь, чтобы не терять времени на остановки, атаковали среднюю флешь. Осыпанные пулями и картечью, они, презирая смертельную опасность, продолжали стремительное движение вперед. Наблюдавший эту картину скупой на похвалы Багратион не смог сдержать своего восхищения перед храбростью неприятеля. «Браво, браво!» — не без восторга крикнул он навстречу 57-му линейному полку.

Около 30 минут продолжался жестокий рукопашный бой, в котором в общей сложности участвовало не менее 25–30 тыс. человек. Ценой тяжелых потерь врагу в очередной раз удалось овладеть Семеновскими флешами. Они были захвачены вновь введенными Наполеоном в сражение 2-й пехотной дивизией генерала Л. Фриана (из корпуса Даву) и 25-й пехотной дивизи-

Смертельное ранение генерала Багратиона на Бородинском поле.

Художник А. Вепхвадзе. 1948 г.

ей генерала Ж. Маршана (из корпуса Нея) при поддержке кавалерии 1-го и 3-го пехотных корпусов. Собрав остатки войск, защищавших флеш, Багратион лично повел их в контратаку. Она развивалась успешно. Не ожидавший такого нового яростного натиска русских войск, сопротивление которых он считал уже сломленным, противник в замешательстве начал отходить. Русские уже ворвались на среднюю флеш. Французская артиллерия вновь усилила огонь, прикрывая отступление своих войск. И вот раздался очередной залп французских батарей. Осколок вражеской гранаты попал в левую ногу П.И. Багратиона и раздробил ему берцовую кость. Командующий 2-й армией несколько мгновений силился скрыть свою рану от окружающих. Но ранение было настолько тяжелым, кровь лилась так обильно, что он стал медленно и молча валиться с лошади. Его успели подхватить, положили на землю, затем вынесли из-под огня. То, чего Багратион так опасался, во избежание чего пересиливал несколько минут страшную боль, случилось. С быстротой молнии по войскам пронесся слух о гибели командующего.

Они заколебались, пришли в замешательство. Солдаты любили Багратиона, верили в его удачу, в его неуязвимость и непобедимость. И вот теперь все их надежды рухнули...

Когда Багратиона уносили с поля боя, кирасир Андрианов, ординарец командующего армией, подбежал к носилкам и сказал: «Ваше сиятельство! Вас будут лечить, во мне уже нет вам надобности». Затем он бросился в гущу сражающихся и, поразив нескольких французов, пал смертью храбрых. На перевязочном пункте, увидев возвращающегося после перевязки адъютанта Баркляя-де-Толли В.И. Левенштерна, Багратион позвал его к себе и слабым голосом произнес: «Скажите генералу Баркляю, что участь армии и ее спасение зависят от него. До сих пор все идет хорошо, но пусть он следит за моей армией». Багратион к этому времени знал о героическом поведении Баркляя-де-Толли в сражении, его самоотверженных действиях на поле боя и уже заочно помирился с ним. Рана князя П.И. Багратиона оказалась смертельной. Через 17 дней после ранения, 12 (24) сентября 1812 г., он умер от гангрены в имении своего родственника князя Б.А. Голицына (село Симы Владимирской губернии).

Вскоре на флешах был тяжело ранен и начальник штаба 2-й армии генерал-майор граф Э.Ф. Сен-При. 36-летний потомок старинного французского аристократического рода находился на русской службе с 16-летнего возраста. Он участвовал во многих войнах, боях и сражениях за свое новое Отечество, а последние семь лет был близким другом, верным и неразлучным соратником Багратиона. Через полтора года он также сложит голову, но уже на родной земле, в сражении со своими соотечественниками под Реймсом.

Итак, в самый решающий момент борьбы за флешы вышел из строя их главный защитник — Багратион, «генерал по образу и подобию Суворова», как называли его в армии. Заметив начавшееся расстройство в русских войсках, противник усилил натиск. Даву и Ней немедленно бросают свои войска в контратаку. Они предпринимая последние усилия, чтобы, окончательно овладев флешами, завершить прорыв фронта русской обороны на направлении главного удара. Они вновь просят у Наполеона подкреплений, обещая принести ему победу на острие

своих шпаг. Император, однако, не решается бросить в сражение свой последний резерв — гвардию. Он медлит, тянет время, время от времени советуется со своим начальником штаба Бертье, наконец посылает вперед одну дивизию Молодой гвардии, снова колеблется и возвращает уже посланные подкрепления обратно.

Тем временем лишенные единого и твердого руководства, утраченного с ранением Багратиона и его начальника штаба, части 8-го пехотного корпуса начали беспорядочное отступление. Оно могло бы иметь самые пагубные последствия, если бы П.П. Коновницын не принял тотчас командования войсками 2-й Западной армии. К 12 часам 30 минутам он отвел ее левый фланг за Семеновский овраг, привел там в порядок, быстро занял близлежащие высоты и установил на них сильные батареи. Попытка врага с ходу прорвать боевой порядок русских войск на этой позиции успеха не имела.

Таким образом, на редкость кровопролитные, беспримерные по напряженности и ожесточению бои за Семеновские флеши закончились. Французам в конце концов все же удалось овладеть ими. Но этот успех достался дорогой ценой. Здесь сражались и погибли их лучшие войска. Неизвестно, чем закончилась бы восьмая атака противника на флеши, если бы не выбыл из строя П.И. Багратион. В масштабе Бородинского сражения бои за Семеновские флеши явились одним из наиболее важных этапов борьбы. Их оборона, проведенная войсками Багратиона с исключительным мужеством и упорством, обескровила главную ударную группировку врага. Огромные, невиданные до сих пор потери наполеоновской армии в боях за эти недостроенные и в общем-то далеко не совершенные в инженерном отношении укрепления истощили силы противника и заметно подорвали его боевой дух.

3.5. У Семеновского оврага

После ранения П.И. Багратиона во временное командование войсками левого крыла русской армии вступил генерал-лейтенант П.П. Коновницын. В этот ответственный момент с особой силой проявились его большой организаторский

талант, выдающиеся военные способности, неустрашимая храбрость и редкое хладнокровие. Именно благодаря его усилиям, железной выдержке и распорядительности был предотвращен прорыв обороны русской армии на левом фланге и разгром действовавших там войск. Коновницын вступил в командование 2-й Западной армией как старший по чину, ибо к этому времени все другие генералы армии, имевшие перед ним старшинство в чине, за исключением Н.Н. Раевского, уже были из строя. После отхода за ручей Семеновский Коновницын послал Раевскому записку с предложением вступить в командование 2-й армией. Однако сложная обстановка в районе Курганной батареи, которую обороняли войска Раевского, не позволила последнему воспользоваться этим предложением.

М.И. Кутузов, узнав о тяжелом ранении Багратиона, сразу же послал на левый фланг находившегося в его свите генерала от кавалерии герцога Александра Виртембергского, приходившегося Александру I дядей (по матери). Герцог занимал должность генерал-губернатора Белоруссии, но в связи с оккупацией своего наместничества французской армией, естественно, оказался не у дел и был прикомандирован к штабу главнокомандующего. Кутузов поручил ему разобраться с обстановкой на левом фланге. После доклада герцога главнокомандующий приказал генералу от инфантерии Д.С. Дохтурову вступить во временное командование 2-й Западной армией²². Выбор Кутузова был не случайным. От войск 2-й армии, по существу, выполнивших основную часть возложенных на них задач, теперь требовалась лишь непоколебимая стойкость, чтобы не позволить обескровленному в боях за флешы противнику развить достигнутый им успех. А в стойкости бесстрашного защитника Смоленска и своего старого соратника Кутузов не сомневался, как не сомневался он и в способности Дохтурова вдохновить подчиненные войска на образцовое исполнение ими своего воинского долга.

Как уже отмечалось, после оставления флешей войска 8-го пехотного корпуса отошли за Семеновский овраг, по дну которого протекал ручей и который тянулся вдоль вновь занятой нашими войсками позиции с юго-востока на северо-запад. В нижнем течении берег ручья был крутой и обрывистый, а выше деревни

Схватка русских гренадер с дивизией Фриана.

Фрагмент панорамы «Бородинская битва». Художник Ф. Рубо. 1912 г.

Семеновское — более отлогий. Сама деревня размещалась на возвышенности перпендикулярно оврагу. Еще при подготовке к сражению все дома ее были разобраны и использованы как строительный материал при возведении оборонительных сооружений. Семеновский овраг служил важным оборонительным рубежом. Здесь Коновницын и построил свои войска для обороны. На левом фланге стояли гвардейские полки — Измайловский и Литовский. Между ними и деревней Семеновское находились остатки 3-й пехотной дивизии. Справа от них — остатки 2-й гренадерской дивизии, занимавшие саму деревню и возвышенность севернее ее. На правом фланге — от деревни Семеновское до устья ручья Семеновский — занимали оборону остатки 27-й пехотной дивизии, усиленной пехотной бригадой генерал-майора И.П. Росси. Позади пехоты, во второй линии, находилась конница — 4-й кавалерийский корпус, 2-я кирасирская дивизия и по одной бригаде от 3-го кавалерийского корпуса и 1-й кирасирской дивизии.

Овладев флешами, Наполеон посчитал, что разгром левого фланга русской армии предрешен. Для развития успеха он бросил на деревню Семеновское корпус маршала Нея, усилен-

Бой за Семеновский овраг

ный дивизией Фриана, а также кавалерийские корпуса Нансути и Латур-Мобура. В первом часу дня французы пошли в атаку. Но она была отражена. Сильный огонь русской артиллерии и пехоты заставил противника отступить. В это время по приказу М.И. Кутузова командование войсками 2-й армии принял Д.С. Дохтуров. «В пожар и смятение левого крыла, — писал участник Бородинского сражения Ф.Н. Глинка, — въехал человек на усталой лошади, в поношенном генеральском мундире, со звездами на груди, росту небольшого, но сложенный плотно, с чисто русской физиономией. Он не показывал порывов храбрости блестящей посреди смертей и ужасов. Окруженный семьей своих адъютантов, разъезжал спокойно, как добрый помещик между работающими поселянами; с заботливостью дельного человека он искал толку в кровавой сумятице местного боя. Это был Д.С. Дохтуров»²³. От его самообладания и мужества не раз зависела судьба операций и успех сражений. Недаром этого храброго генерала называли «Железный». Назначая Дохтурова командующим левым флангом, М.И. Кутузов в записке ему написал: «Рекомендую Вам держаться до тех пор, пока от меня не воспоследует повеление к отступлению».

Прибыв в расположение 2-й армии, Д.С. Дохтуров обратился к войскам с кратким призывом: «За нами Москва, за нами мать городов русских!» Единым патриотическим порывом были охвачены все — от рядового до генерала. А новый командующий армией, твердый и неустрашимый, своим присутствием в самых опасных местах вселял в солдат уверенность в победе. В ходе сражения под ним убило одну лошадь, ранило другую, а он как ни в чем не бывало продолжал спокойно разъезжать от одного полка к другому, не выходя из-под огня.

После первой неудачной атаки на Семеновское Наполеон меняет тактику. Артиллерия получает приказ усилить огонь, а нанесение главного удара возлагается на кавалерию. Правее деревни Семеновское устремляется в атаку кавалерийский корпус Нансути, левее — Латур-Мобура. Их цель состояла в том, чтобы взять в клещи обороняющиеся русские войска и тем самым содействовать пехоте, наступающей в центре, в их разгроме.

Русские войска, стоявшие правее деревни Семеновское, были отчасти прикрыты гребнем небольшой высоты, но полки

3-й пехотной дивизии, а также лейб-гвардии Измайловский и Литовский, находившиеся левее ее, были совершенно открыты и подверглись страшному огню вражеских батарей с расстояния 600 м. Ядра и картечь градом сыпались на наши полки, построенные в батальонные каре. Артиллерийский огонь противника был настолько силен, что русские солдаты считали атаки французов, во время которых стрельба затихала, настоящим отдыхом для себя. «Истребляя ряды наши, неприятельский огонь не производил в них никакого беспорядка. Ряды смыкались и были поверяемы с таким хладнокровием, как бы находились вне выстрелов», — доносил полковник А.П. Кутузов, возглавивший лейб-гвардии Измайловский полк после ранения его командира²⁴.

Атака вражеской конницы была встречена сильным артиллерийским огнем. Но она стройными рядами продолжала движение вперед. Успех ее казался Наполеону несомненным, и он откровенно любовался массивированной кавалерийской атакой. Сначала шагом, потом рысью и наконец в карьер понеслись французские кирасиры на каре русских гвардейцев. Засверкали на солнце кирасы, заблестели медные налобники на шлемах, зазвенели палаши. Всадники стремительно проскочили долину и стали подниматься на отлогий берег. Казалось, нет такой силы, которая может устоять перед их натиском. Еще каких-нибудь 50 шагов — и русская гвардия будет смята, не устояв перед натиском железной лавины. Каре русской гвардейской пехоты стояли неподвижно, сохраняя грозное величие перед лицом смертельной опасности, подобно непобедимым римским легионам перед полчищами гуннов за 14 столетий до Бородино. Подпустив неприятеля на ближний ружейный выстрел, каре внезапно и дружно открыли беглый батальный огонь. Перед ружейным огнем, который велся почти в упор, латы не являлись надежной защитой. Все пространство перед русскими каре в считанные минуты оказалось усеянным телами людей и лошадей. Под шквалом свинца стройные ряды французских латников раскололись. Они устремились в промежутки между каре, прорвались сквозь них и вышли им в тыл. Через несколько минут русская пехота оказалась в окружении многочисленной вражеской кавалерии. Но гвардейцы не дрогнули. Продолжая вести ружейный огонь, каре

Э.-А. Нансути.

*Гравюра Бювине по рисунку
Вотьера. Начало XIX в.*

В.-Н. Лотур-Мобур.

*Гравюра Бовине по рисунку
Вотьера. Начало XIX в.*

ощетинилось штыками. Лошади французов не шли на сверкающую сталь штыков, шарахались в стороны. Убедившись в невозможности прорвать каре, кирасиры в нескольких десятках шагов от них начали формировать колонны с намерением ударить массой. Воспользовавшись замешательством противника, возникшим при перестроениях, когда каждый всадник искал свое место в колонне, наши каре неожиданно для французов с криком «Ура!» перешли в штыковую контратаку. Застигнутый врасплох враг не смог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Передние ряды французских латников подались назад, но задние их сдерживали и мешали отходить. Поражаемые русскими штыками кирасиры бросились в разные стороны, налетая друг на друга. Началась паника. Раздались отчаянные крики. И вдруг вся эта многотысячная конная масса обратилась в бегство. Конные гренадеры попытались исправить неудачу кирасиров, но их постигла та же участь.

После двух неудач кирасиры Нансути, получив подкрепление, пошли в третью атаку. И вновь гвардейцы проявили свою неустрашимость и железную стойкость. Противник в очередной

раз был отброшен. При этом лейб-гвардии Литовский полк перешел в контратаку и преследовал неприятеля до ближайшей высоты. «По ожесточению солдат, — доносил в рапорте его командир, — в плен никого не взяли»²⁵. К сказанному следует добавить, что из имевшихся тогда в составе русской гвардии частей Литовский полк был самым молодым. Он был сформирован лишь в конце 1811 г. и первое боевое крещение получил на Бородинском поле.

Русская гвардия успешно выдержала таранный удар отборной французской конницы, «железных людей», как называл их Наполеон, и не только выдержала, но и нанесла ей серьезное поражение. Гвардейские полки стояли на Семеновских высотах как неприступный каменный утес, о который трижды разбивались ураганные атаки французской кавалерии. Их спасли высокая боевая выучка и организованность. Стоило бы им только на миг замешкаться, проявить робость и нерешительность — и они бы погибли, сметенные железной, всеокрушающей волной тяжелой вражеской кавалерии.

Свидетелями беспримерного героизма Измайловского и Литовского полков стали Дохтуров и Коновницын, находившиеся в их каре в течение всего боя с кавалерией Нансути. В своих донесениях вышестоящему командованию они дали высокую оценку действиям этих полков, отметили образцовое выполнение ими поставленных боевых задач²⁶. За отличие в Бородинском сражении все батальоны лейб-гвардии Измайловского и Литовского полков получили Георгиевские знамена. Командир Измайловского полка (он же и командир гвардейской бригады) полковник М. Е. Храповицкий и командир Литовского полка полковник И. Ф. Удом были произведены в чин генерал-майора. Умело руководя действиями своих полков в исключительно сложной обстановке, оба они проявили высокое мужество и личную храбрость. Будучи ранен, полковник Храповицкий перед тем, как покинуть поле боя, нашел в себе силы объехать под огнем противника все батальоны и лично поблагодарить солдат и офицеров за стойкость и мужество, проявленные при отражении вражеских атак.

Само собой разумеется, что отражение одной нашей гвардейской пехотной бригадой массированных атак целого кавале-

Русские гвардейцы отражают атаку французской кавалерии.

Хромолитография А. Сафонова. 1902 г.

рийского корпуса противника, притом самого сильного из имеющих у Наполеона четырех таких корпусов, стоило немалых жертв. Так, лейб-гвардии Литовский полк потерял 55% своего состава²⁷. Не меньшие потери были и у измайловцев.

Французские кирасиры и конные гренадеры долго еще кружили вокруг русских каре у деревни Семеновское. Несколько эскадронов доскакали даже до стоявшего в резерве гвардейского корпуса, но увидев крупные силы русских, поспешно отступили. Поражение 1-го кавалерийского корпуса Нансути довершила 2-я кирасирская дивизия генерал-майора И.М. Дуки при активном содействии конницы графа К.К. Сиверса и генерала И.С. Дорохова. Разбитый противник был отброшен за Семеновский овраг.

Одновременно с Нансути севернее деревни Семеновское прорвать русскую оборону пытался 4-й кавалерийский корпус В. Латур-Мобура. Перебравшись поодиночке через Семеновский овраг, который имел в этом месте крутые склоны и болотистое

*М.Е. Храповицкий.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

дно, французские кавалеристы (18 эскадронов 7-й кирасирской дивизии генерала Ж. Лоржа и 12 эскадронов 4-й легкой (польской) дивизии генерала А. Рожнецкого) атаковали оборонявшиеся русские войска. Удар противника в некоторой степени для русских оказался неожиданным. Кирасирам Лоржа удалось прорваться на стыке 27-й пехотной и 2-й гренадерской дивизий и выйти в тыл гвардейским полкам. Против прорвавшейся французской конницы Дохтуров бросил кирасирскую бригаду генерал-майора Н.М. Бороздина и полки 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора К.К. Сиверса. Среди невысоких холмов севернее деревни Семеновское развернулся ожесточенный кавалерийский бой, в ходе которого противник был отброшен за Семеновский овраг. Положение на правом фланге 8-го пехотного корпуса было восстановлено.

В то время как крупные силы французской кавалерии яростно атаковали русские войска в районе Семеновского оврага с флангов, пехотная дивизия Фриана наступала в центре. После упорного боя ей удалось сломить сопротивление 2-й гренадерской дивизии и ворваться на западную окраину деревни Семеновское. Вскоре противник овладел этой деревней. Наши гренадеры отошли на пушечный выстрел к востоку от Семеновского. Введя

И.Ф. Удом.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

в бой свой резерв, Фриан развернул наступление на Семеновские высоты, являвшиеся ключом русской позиции. Однако несмотря на значительное численное превосходство, атаки неприятеля успеха не имели. В конце концов после ряда атак ему все же удалось овладеть одной, но господствующей высотой и создать угрозу правому флангу нашей гвардейской бригады. Но французы недолго хозяйничали на этой высоте. Лейб-гвардии Литовский полк, поддержанный остатками 2-й гренадерской и 27-й пехотной дивизий, атаковал их. Раненый в ходе этой атаки командир полка И.Ф. Удом передал командование полковнику Шварцу, единственному штаб-офицеру полка, еще остававшемуся в строю. Противник, не выдержав натиска русских гвардейцев и гренадеров, оставил высоту. Сам Шварц в ходе боя получил два ранения, но не покинул своих солдат и остался в строю. Раны, однако, оказались смертельными, и на следующий день отважный офицер скончался. Гвардейцы с честью исполнили свой долг. Полк понес огромные потери (в некоторых ротах осталось лишь по несколько человек), но задачу свою выполнил до конца.

Наряду с гвардейской пехотой в отражении атак противника в районе Семеновского оврага особенно отличились артиллеристы. Гвардейская артиллерийская бригада (две батарейные

и две легкие роты) занимала огневые позиции в линии батальонных колонн пехоты. В начале сражения она находилась в резерве у деревни Князьково. Около 12 часов, после оставления Семеновских флешей, бригада была направлена к деревне Семеновское. 1-я гвардейская легкая артиллерийская рота, которой командовал штабс-капитан Н.И. Ладыгин (штатный командир роты в самом начале боя был контужен и выбыл из строя), расположилась на левом фланге Измайловского полка. Метким картечным огнем она отразила две атаки противника и подавила две французские батареи, но и сама понесла тяжелые потери. Мужественно сражалась 2-я легкая артиллерийская рота гвардейской артиллерии капитана Гогеля. Когда французские кирасиры пошли в атаку, батарея на рысях выдвинулась вперед и, развернувшись к бою, ожидала приближения противника. Орудия были заряжены картечью. Не доходя до батареи 300 м, французская кавалерия неожиданно раздалась в обе стороны и открыла следовавшую за ней конно-артиллерийскую батарею, снявшуюся уже с передков. Залпы раздалась одновременно с обеих сторон. Артиллерийская дуэль продолжалась недолго. Вражеская батарея была подавлена. Вслед за тем кирасирская бригада Н.М. Бороздина атаковала смешавшихся под картечным огнем нашей батареи французских кирасиров, смяла их и захватила два орудия. Командир роты капитан Гогель был контужен в самом начале боя, и в дальнейшем ротой командовал поручик А.А. Столыпин (дядя поэта М.Ю. Лермонтова). Героически действовали гвардейские батарейные роты капитанов Базилевича и Таубе. Своим метким огнем они нанесли большой урон кирасирам Нансути. Разбиваясь раз за разом о неприступные пехотные каре гвардии, французская кавалерия неоднократно врвалась на огневые позиции наших батарей. Гвардейские артиллеристы были вынуждены отбиваться от вражеских латников не только штыками и тесаками, но также банниками, пыжовниками и пальниками. Среди орудий несколько раз вспыхивали ожесточенные рукопашные схватки. Но захватить нашу артиллерию противнику так и не удалось. Артиллеристы, отразив все нападения врага, грудью отстояли свою материальную часть. Особое мужество проявил первый номер 2-го орудия 1-й гвардейской батарейной роты бомбардир Афанасьев. Во время одной из схва-

ток на батарее, ловко орудуя приборником, он сбил с коней нескольких всадников. За мужество и храбрость в сражении при Бородино артиллерийские офицеры Базилевич, Ладыгин и другие были награждены орденами Георгия 4-й степени. Награды получили и многие рядовые солдаты гвардейской артиллерии. По образному выражению участника тех событий Ф.Н. Глинки, Бородинское сражение стало днем русской артиллерии.

После мощного отпора, полученного в районе Семеновского оврага, активность противника на этом направлении резко снизилась. Он был вынужден прекратить здесь все свои атаки. Однако французская артиллерия продолжала действовать с прежней интенсивностью. Русские батареи успешно ей противодействовали. Лишь поздно вечером, около 21 часа, неприятель предпринял последнюю попытку обойти наш левый фланг и овладеть Семеновским. Но на его пути встал лейб-гвардии Финляндский полк (командир полковник М.К. Крыжановский). С началом боя у Семеновского оврага этот полк находился в резерве 8-го пехотного корпуса. Когда французской кавалерии на отдельных участках удалось прорваться сквозь наши боевые порядки, он был введен в бой. Вместе с лейб-гвардии Измайловским и Литов-

Атака лейб-гвардии Литовского полка. Художник Н. Самокиш. 1912 г.

ским полками финляндцы, проявив непоколебимую твердость и высокое мужество, приняли активное участие в отражении атак противника и внесли достойный вклад в достижение общего успеха. И вот теперь им поручено было сорвать обходный маневр врага. Полк поставленную задачу выполнил образцово. Стремительной атакой в штыки неприятель был выбит из Семеновского, куда он успел уже ворваться, и отброшен в лес. Среди отличившихся в тот славный день финляндцев был и 27-летний капитан А.Г. Огарев (дальний родственник Н.П. Огарева — друга и соратника А.И. Герцена). В самом конце сражения, командуя цепью стрелков, он был смертельно ранен и похоронен на Бородинском поле (уже после изгнания французов). Его могила находится рядом с памятником лейб-гвардии Финляндскому полку, который особенно отличился в конце сражения.

В сражении при Бородино Российская императорская гвардия стяжала геройскую славу, еще раз подтвердив свои высокие боевые качества отборного войска. Навсегда остались в памяти потомков подвиги, свершенные ее прославленными полками на Бородинском поле. О самоотверженности и выдающейся храбрости гвардии свидетельствуют рапорты командиров и наградные документы, воспоминания непосредственных участников. В них запечатлены имена и многих рядовых солдат, сражавшихся в тот достопамятный день под гвардейскими знаменами, — Головкин, Щедров, Лыткин, Романов, Руслов, Васильев, Павлов... «Отчего при Бородине дрались так храбро?» — «Оттого, сударь, что тогда никто не ссылался и не надеялся на других, а всякий сам себе говорил: хоть все беги, я буду стоять! Хоть все сдайся, я умру, а не сдамся! Оттого все стояли и умирали!» — это слова рядового русской армии, участника Отечественной войны 1812 года, приведенные Ф. Глинкой в «Письмах русского офицера».

3.6. На Курганной батарее

Около 9 часов утра, когда войска П.И. Багратиона отбивали третью атаку на флешу, Наполеон отдал приказ своему 4-му пехотному (итальянскому) корпусу атаковать Курганную высоту²⁸. Эта высота находилась в центре поля между Бородино и деревней Семеновское, занимая господствующее по отношению

Наполеон на Бородинских высотах. Художник В. Верещагин. 1897 г.

к окружающей местности положение. Она вошла в историю как «батарея Раевского», поскольку защищали ее войска 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского.

Весь день и всю ночь накануне сражения солдаты и ополченцы строили на Курганной высоте укрепление. Оно имело бруствер высотой около 1,5 м. С внешней стороны его находился ров глубиной более 2 м. На высоте располагалась батарея из 18 орудий. Перед батареей на расстоянии до 100 м была вырыта цепь волчьих ям. Тылную ее сторону замыкала горжа с двойным палисадом.

К началу сражения Курганную батарею обороняли четыре полка 26-й пехотной дивизии генерал-майора И.Ф. Паскевича. Два батальона Полтавского пехотного полка были размещены во рву батареи, Нижегородский и Орловский пехотные полки стояли на правом, а Ладожский пехотный полк — на левом фланге. Три егерских полка — 18, 19 и 40-й — находились против горжи укрепления в резерве. Начальник артиллерии дивизии полковник Шульман получил приказ: ни при каких обстоятельствах не свозить орудий с батареи, а в случае приближения противника отослать назад лошадей и зарядные ящики.

Южнее дивизии Паскевича в две линии стояли четыре полка 12-й пехотной дивизии генерал-майора И.В. Васильчикова. В общем, Раевский расположил свои войска таким образом, чтобы в случае штурма противником высоты Курганная можно было нанести по нему одновременные удары с обоих флангов²⁹.

Войска вице-короля Евгения Богарне находились на правом берегу реки Колоча и у Семеновского оврага, а его артиллерия уже несколько часов вела интенсивный обстрел Курганной высоты. Получив приказ Наполеона, Е. Богарне поручает защиту Бородино 13-й пехотной дивизии генерала А. Дельзона, посылает кавалерийскую дивизию генерала Ф. Орнано на правый берег реки Война для наблюдения за правым флангом русской армии, а сам с тремя дивизиями (1, 3 и 14-я пехотные) и кавалерией Груши двинулся через реку Колоча на Курганную высоту.

В 9 часов утра головные части 1-й и 14-й пехотных дивизий противника, которыми командовали генералы Л. Моран и Ж. Брусье, преодолев Колочу, устремились в атаку. Когда они стали подходить к батарее, завязалась упорная перестрелка между русскими егерями и стрелками противника, находившимися в кустарнике. Оттеснив егерей, войска Богарне атаковали Курганную высоту. Несмотря на сильный огонь орудий с батареи и стоявших по ее сторонам артиллерийских рот, неприятель упорно продвигался вперед. Но солдаты Раевского держались стойко. Хотя к этому времени 7-й пехотный корпус был уже значительно ослаблен (восемь батальонов, взятых из его состава, сражались на флешах), тем не менее первую атаку врага на Курганную высоту он успешно отразил. Противник, понеся тяжелые потери, отступил к оврагу. Большие потери итало-французских войск в ходе этой атаки объяснялись тем, что им пришлось начать наступление с рубежа, находившегося на удалении 800 м. Наступление велось в густых колоннах по совершенно ровной и открытой местности под прицельным огнем русской артиллерии (более 200 орудий). Далее, с подходом к Курганной высоте, противник сначала попадает в сферу картечного, а затем в зону массивованного ружейного огня. Поэтому естественно, что все подступы к высоте и ее склоны после отражения атаки врага оказались устланными телами его солдат.

**Артиллеристы
на Бородинском поле.**

Иллюстрация к стихотворению

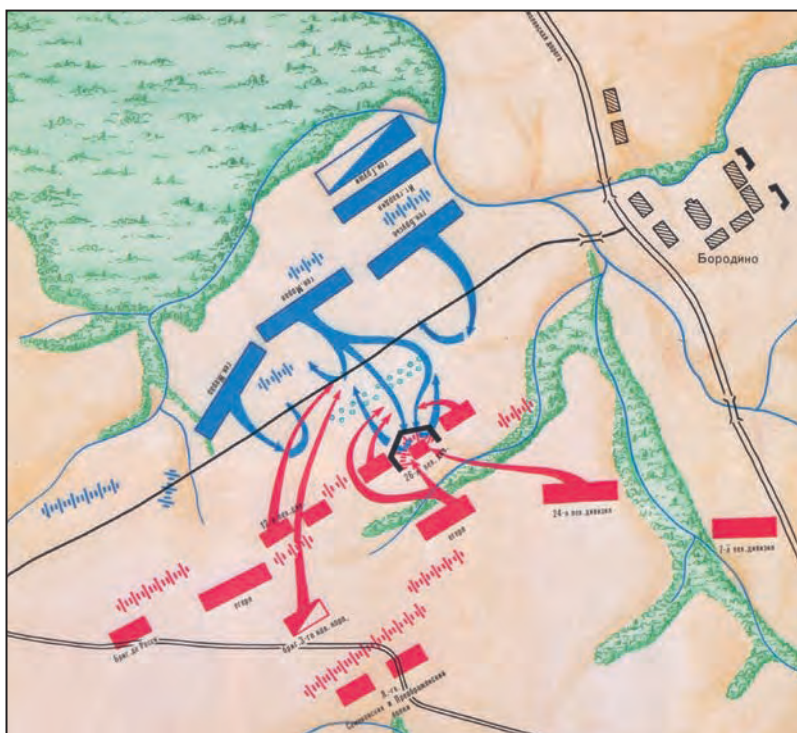
М. Ю. Лермонтова «Бородино».

Художник В. Шевченко. 1970-е гг.

После первой неудачи Е. Богарне приказал усилить артиллерийский огонь по Курганной батарее и начал подготовку к новой атаке. 14-я пехотная дивизия Брюсье частью сил заняла овраг, находившийся между Бородино и Курганной высотой. 3-я пехотная дивизия генерала Э. Жерара продолжала оставаться в резерве, а 1-я пехотная дивизия Морана под прикрытием сильного артиллерийского огня около 10 часов двинулась во вторую атаку на батарею Раевского. Несмотря на сильный картечный и ружейный огонь, французы храбро продвигались вперед. Это была одна из лучших дивизий «Великой армии», выделенная Наполеоном из состава 1-го пехотного корпуса на усиление своему пасынку Е. Богарне. На этот раз Моран разделил свою дивизию на два отряда. Один из них в ходе атаки остановился на полускате, а другой под командой бригадного генерала Ш. Бонами продолжал наступление, поддерживаемый огнем первого отряда. Русские артиллеристы вели беглый огонь по противнику, не жалея снарядов. Бой достиг своей кульминации. Но в эту решающую минуту у наших артиллеристов кончились боеприпасы... Под прикрытием густого порохового дыма, окутавшего всю высоту и прилегающие к ней подступы, генерал Бонами во

главе 30-го линейного полка подошел ко рву, заваленному обвалами разбитого французскими ядрами бруствера, и без выстрела ворвался на высоту³⁰. Положение на батарее сложилось критическое. Колонна за колонной, волна за волной шли на приступ французы. На бруствере завязалась яростная рукопашная схватка. Ров был завален убитыми и ранеными, а неприятель все валил и валил. Вот уже значительное количество его солдат оказалось на Курганной высоте. Над ней взметнулось французское знамя. После жестокого штыкового боя бригаде Бонами удалось овладеть Курганной высотой. Французы захватили все 18 находившихся на ней русских орудий, но воспользоваться ими не смогли из-за отсутствия зарядов. Вслед за частями Морана к Курганной высоте подошли дивизии Брусье и Жерара. Неприятель стал подтягивать к высоте свои пушки, чтобы закре-

Вторая атака на батарею Раевского

питься на этом очень важном в тактическом отношении участке. Еще несколько минут промедления — и враг утвердился бы на одном из важнейших пунктов Бородинской позиции. Но случайность, которая на войне иногда играет решающую роль, быстро свела на нет достигнутый врагом успех.

Незадолго до этого М.И. Кутузов послал начальника штаба 1-й Западной армии генерал-майора А.П. Ермолова с поручением на левый фланг позиции к Багратиону. В тот момент, когда Ермолов проезжал мимо Курганной батареи, французы ворвались на нее. Оборонявшие высоту части 26-й пехотной дивизии в беспорядке отходили под натиском врага. Ермолов сразу же оценил опасность, нависшую над всей русской армией, и принял решение: прежде чем ехать во 2-ю армию, немедленно выбить неприятеля с Курганной высоты. Он приказал сопровождавшим его двум конно-артиллерийским ротам под командованием полковника А.П. Никитина открыть огонь по овладевшему высотой противнику³¹. Сам же, подскакав к стоявшему невдалеке 3-му батальону Уфимского пехотного полка (24-й пехотной дивизии), повел его в атаку на Курганную высоту. Одновременно с другой стороны на высоту устремился батальон Томского пехотного полка (той же дивизии), атаку которого возглавил адъютант Баркляя-де-Толли майор В.И. Левенштерн. В это же время Паскевич, собрав остатки своей дивизии, повел их против неприятеля, обходившего высоту справа, а Васильчиков с двумя полками 12-й пехотной дивизии атаковал французов левее Курганной батареи. Сюда подошли второй батальон уфимцев и Оренбургский драгунский полк. Таким образом, овладевший Курганной высотой противник был охвачен с трех сторон. Образовалась как бы дуга, которая опоясала бригаду Бонами, лишив ее сообщения с главными силами. Ей оставалось либо умереть на высоте, либо положить оружие и сдать в плен или же попытаться проложить себе дорогу назад силой оружия. Французы выбрали последнее. С новой силой закипел бой, яростный и ужасный. «В мгновение ока, — писал Раевский в донесении Дохтурову, — опрокинули они (12-я и 26-я пехотные дивизии. — *Прим. авт.*) неприятельские колонны и гнали их до кустарников столь сильно, что едва ли кто из французов спасся»³².

Пока Васильчиков и Паскевич громили неприятеля слева и справа от высоты, Ермолов с батальоном уфимцев и 18-м егерским полком (шеф полка генерал-майор Ф.П. Алексаполь) стремительной контратакой ворвался на Курганную батарею. В результате короткого (всего 15 минут), но крайне ожесточенного рукопашного боя противник на высоте был уничтожен. Над ней вновь взвилось русское знамя. Исколотый штыками генерал Бонами попал в плен. Чтобы спастись от неминуемой смерти, он в самый последний момент, когда разгоряченные боем русские егеря едва было не подняли его на штыки, закричал оказавшемуся ближе всех к нему фельдфебелю Золотову: «Я — король!» В первую минуту этому поверили. Занесенные над генералом штыки разом опустились. Среди солдат сразу же разнесся слух, что пленен король неаполитанский маршал Мюрат. Примчавшийся с взятой батареи адъютант доложил Кутузову о пленении Мюрата. Все вокруг закричали «Ура!» Однако по лицу главнокомандующего пробежала легкая тень сомнения. С минуту он сидел в задумчивости. Потом, обернувшись к свите, снял фуражку, перекрестился и громко произнес: «Надобно подождать подтверждения». Вскоре показались два казака и между ними кто-то на маленькой крестьянской лошади. Это был покрытый ранами генерал Бонами. Отчаянная храбрость в бою за Большой редут, как французы называли Курганную батарею, едва не стоила ему жизни. Когда бригадный генерал предстал перед Кутузовым, ошибка сразу же раскрылась. Взявший в плен французского генерала фельдфебель 18-го егерского полка Золотов был произведен в офицеры (получил чин подпоручика)³³.

Геройская контратака Ермолова произвела на французов сильное впечатление. Она позволила нашим войскам перехватить утраченную было инициативу и восстановить положение на центральном участке фронта сражения. В решающий момент А.П. Ермолов проявил исключительное мужество, отвагу и находчивость. «Начальник главного штаба генерал-майор Ермолов, — писал М.И. Кутузов в своей реляции, — видя неприятеля, овладевшего батареею, важнейшую во всей позиции, со свойственною ему храбростию и решительностию вместе с отличным генерал-майором Кутайсовым взял один только Уфимского пехотного полка баталион и, устроив сколько можно скорее

Контратака А.П. Ермолова на батарею Раевского.

Хромолитография А. Сафонова. Начало XX в.

бежавших, подавая собою пример, ударил в штыки, неприятель защищался жестоко, но ничто не устояло противу русского штыка». Человек редкой воли, энергии и храбрости, Ермолов отличался среди русских генералов блистательным умом и безукоризненной честностью. Он вошел в историю Отечественной войны 1812 года как один из ее наиболее прославленных героев.

После взятия Курганной батареи Раевский приказал бить «сбор», но остановить разгоряченных боем солдат оказалось не так-то просто: многие продолжали преследование отступающего противника. Тогда был отдан приказ драгунским полкам — Сибирскому, Оренбургскому и Иркутскому из 3-го кавалерийского корпуса — обогнать пехоту и заворотить ее назад. Драгуны не только выполнили этот приказ, но и, поддержанные огнем конной батареи, несколько раз по собственной инициативе атаковали французов.

Тем временем М.И. Кутузов, заметив обозначившийся успех противника в центре, приказал 4-й пехотной дивизии генерал-

майора Евгения Виртембергского (из 2-го пехотного корпуса), которая следовала с правого крыла армии на левое, выбить французов с Курганной батареи. Когда неприятель ворвался на батарею, эта дивизия, проходя мимо, как раз поравнялась с нею. Однако выполнять поставленную задачу 4-й пехотной дивизии не пришлось. В результате быстрых и решительных действий Барклея-де-Толли, Раевского, Паскевича, Васильчикова и прежде всего Еромолова батарея была уже отбита у противника. 4-я пехотная дивизия заняла позицию слева от высоты Курганной и приняла участие в отражении атак французской кавалерии. Через два часа, когда противник в районе Курганной высоты прекратил атаки, принц Евгений Виртембергский с одной половиной своей дивизии продолжил движение на левый фланг армии, а вторая половина осталась в резерве.

Высокое мужество в бою за Курганную высоту проявили русские артиллеристы. Они действовали в соответствии с приказом начальника артиллерии русской армии генерал-майора графа А.И. Кутайсова, отданном накануне Бородинского сражения. В этом приказе говорилось: «Подтвердить от меня во всех рогах, чтобы она (артиллерия. — *Прим. авт.*) с позиций не снималась, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем господам офицерам, что отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, что неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий»³⁴. Если раньше артиллеристы, спасая орудия, увозили их с позиций до приближения опасности, ибо потеря орудия приравнивалась к потере знамени, то в Бородинском сражении было иначе. До конца оставаясь на огневых позициях, они вели огонь до последней возможности, расстреливая противника картечью в упор.

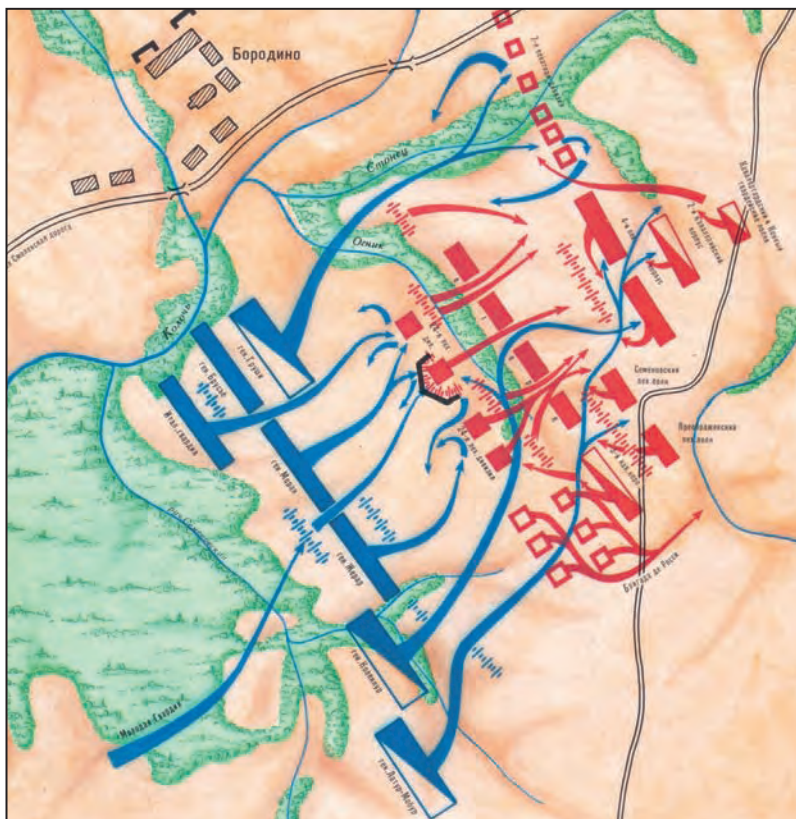
Накануне генерального сражения Кутайсов лично осмотрел каждую батарею, отдал распоряжения о доставке боеприпасов, сделал наставления офицерам. Как только на Бородинском поле раздались первые выстрелы, он был уже на коне. По свидетельству очевидцев, этот молодой генерал (Кутайсову было

А.П. Ермолов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

всего 28 лет) появлялся преимущественно там, «где наиболее угрожала опасность». Около полудня Кутайсов прибыл на командный пункт М.И. Кутузова. В этот момент главнокомандующий посылал А.П. Ермолова на левый фланг армии выяснить обстановку и сделать все, что можно, для подкрепления войск 2-й армии. Вместе с Ермоловым к Багратиону решил отправиться и Кутайсов. В районе Курганной высоты он оказал Ермолову и Раевскому самое деятельное содействие в восстановлении порядка среди отступавших частей 26-й пехотной дивизии. Когда наши войска перешли в общую контратаку, Кутайсов отделился вправо, пожал руку Паскевичу и повел колонну пехоты в штыки. Больше начальника артиллерии не видели. К вечеру прибежала его лошадь, седло и чепрак на ней были залиты кровью. Так узнали о гибели доблестного генерала.

Смерть А.И. Кутайсова, которого современники единодушно признавали одним из наиболее талантливых военачальников русской армии, оказала крайне негативное воздействие на боевое применение нашей артиллерии в Бородинском сражении. Потеря в самый разгар битвы командующего артиллерией привела к несогласованности в действиях этого рода войск, игравшего такую большую роль в развернувшихся на Бородин-

Третья атака на батарею Раевского

ском поле боевых действий. Замысел Кутайсова на использование артиллерии в сражении, многие его устные распоряжения и указания артиллерийским частям остались неизвестными заменившему его генералу. Последствия утраты не замедлили сказаться. Так, большинство артиллерийских рот, расстреляв боеприпасы, не знали, откуда пополнять свой боекомплект, где занимать новые огневые позиции, какой производить маневр и т.п. Значительная часть общего артиллерийского резерва русской армии так и не была введена в сражение, так как о нем просто некому было вспомнить. Впоследствии даже М.И. Кутузов, объясняя причины, из-за которых не удалось добиться

решительного успеха при Бородино, одной из основных называл смерть Кутайсова³⁵.

Среди павших в боях за Курганную высоту был и командир Московского пехотного полка (7-й пехотной дивизии) полковник Ф. Ф. Монахтин. Получив в рукопашном бою две штыковые раны, он продолжал вести свой полк в атаку. Раненый в третий раз (картечная пуля попала в живот), отважный офицер собрал последние силы, приподнялся с земли и крикнул, указывая своим солдатам на высоту: «Ребята! Представьте себе, что это — Россия, и отстаивайте ее грудью богатырскою!» Тяжко израненный, Ф. Ф. Монахтин прожил еще несколько дней. Узнав о сдаче Москвы врагу, он сорвал со своих ран все повязки и вскоре скончался.

Противник, выбитый с Курганной высоты, сосредоточил против нее большую массу артиллерии, которая вела перекрестный огонь, причиняя нашим войскам большой урон. На отбитой у врага батарее дважды заменялись вышедшие из строя орудия. Из-за больших потерь среди орудийных расчетов их пришлось пополнять за счет солдат-пехотинцев. Оборону Курганной высоты возглавил А. П. Ермолов. Раевский командовал прикрывавшими ее войсками.

Противник не оставлял своих попыток овладеть Большим редутом, его атаки следовали одна за другой. Но русские богатыри стояли насмерть. Атакующие Курганную высоту вражеские войска раз за разом откатывались в исходное положение. Потери с обеих сторон были велики, но накал в боевых действиях не спадал. Бой в районе Курганной высоты продолжался уже в течение полутора часов. К ее защитникам присоединилась вся свита Барклая-де-Толли, который на Бородинском поле появлялся на самых опасных участках сражения. Под ним уже было убито и ранено пять лошадей, но с ледяным хладнокровием, с какой-то мрачной решимостью, демонстративно выказывая полнейшее презрение к витавшей вокруг смерти, он невозмутимо продолжал оставаться под ураганным огнем противника и руководить войсками.

Здесь следует пояснить, что по ходу сражения в руководстве русскими войсками произошло перераспределение функций между командованием 1-й и 2-й армий. Войска, оборонявшие Курган-

ную высоту, входили в состав 2-й Западной армии, но поскольку ее командующий Багратион целиком был поглощен обороной Семеновских флешей, где противник наносил главный удар, то руководить боевыми действиями своих войск в районе Курганной высоты он просто физически не мог. Поэтому по распоряжению главнокомандующего М.И. Кутузова руководство войсками там около 10 часов утра возглавил Барклай-де-Толли, войска которого постепенно перемещались с правого крыла в центр и далее на левое крыло армии, где решалась судьба битвы.

По приказу Барклая-де-Толли войска Раевского, которые держались «до тех пор против повторенных атак противника, пока от потерь убитыми и ранеными» не приведены были «в совершенное расстройство», оставили высоту³⁶. Их место заняла 24-я пехотная дивизия генерал-майора П.Г. Лихачева (из 6-го пехотного корпуса), которому Ермолов передал командование на Курганной высоте. Сам же Ермолов после этого был вынужден оставить поле боя из-за сильной контузии.

Во время отражения второй атаки врага на Курганную высоту активную поддержку пехоте оказала конница. Полки 3-го кавалерийского корпуса, возглавляемого генерал-майором К.А. Крейцем, неоднократно ходили в атаку на пехоту и кавалерию противника. Атаки эти велись с переменным успехом. Сам командир корпуса получил три ранения, но оставался в строю до тех пор, пока в жестокой сабельной рубке во время одной из атак не был сброшен с лошади и в бессознательном состоянии вынесен с поля боя. Боевые действия 3-го кавалерийского корпуса сыграли большую роль в срыве попыток противника осуществить прорыв центра русской армии.

Несмотря на все усилия, Е. Богарне так и не удалось овладеть Курганной высотой. В двух атаках на эту высоту полегли его отборные полки. Это дало повод неприятелю окрестить ее «редутом смерти». Один из участников того боя офицер 4-го пехотного корпуса Ц. Ложье вспоминал: «...огонь русских батарей отличался такой силой, что в мгновение ока все пространство перед высотой покрывалось телами людей и лошадей, мертвых или раненых»³⁷. После кровавой схватки Курганная высота осталась в руках русских. Вставшая после полудня на ее защиту дивизия Лихачева расположилась следующим образом: Томский

К.А. Крейц.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

пехотный и 40-й егерский полки, а также одна рота Бутырско-го пехотного полка — непосредственно на батарее, по ее сторонам — Ширванский, Уфимский пехотные и 19-й егерский полки; за горжей укрепления — Бутырский пехотный полк. Правее дивизии Лихачева, по берегу ручья Огник, встала 7-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта П.М. Капцевича, а южнее, примкнув к деревне Семеновское, бригада 4-й пехотной дивизии генерал-майора И.П. Росси (Волынский и Тобольский пехотные полки). Таким образом, понесший большие потери в борьбе за Курганную высоту 7-й пехотный корпус был заменен 6-м пехотным корпусом Д.С. Дохтурова.

М.И. Кутузов полагал, что Наполеон, не добившись успеха на левом фланге, снова предпримет попытку прорвать центр русской позиции. Поэтому им своевременно были приняты меры по усилению этого участка. Около полудня по распоряжению главнокомандующего с правого фланга в район Курганной высоты был перегруппирован 4-й пехотный корпус А.С. Остермана-Толстого.

Приближался полдень. Битва длилась уже более шести часов, но ни о трофеях, ни о пленных Наполеону никто не докладывал. Не видно было и конца сражению, а тем более победы.

С разных сторон то и дело на взмыленных конях прибывали адъютанты маршалов, и все, как сговорившись, докладывали одно и то же. Все просили подкреплений, все говорили, что русские продолжают удерживать свои позиции, что адский огонь противника производит страшные опустошения в рядах французских войск. Что же было делать? Что необходимо было еще предпринять? Вроде бы все делалось, как и прежде, все те же испытанные в многочисленных битвах приемы и способы, те, что приносили неизменный успех под Лоди, Маренго, Арколе, Аустерлицем, Иеной, Ваграмом, Фридландом и во многих других сражениях. Прежде обычно после двух-трех атак скакали с поздравлениями и веселыми лицами маршалы и адъютанты, объявляя о громадных трофеях и тысячах пленных, а Мюрат просил только одного — позволения пустить в дело кавалерию для захвата обозов... Теперь же что-то странное происходило с его войсками. Уже столько часов невероятной по упорству битвы, а французам так и не удается сломить сопротивления русских. Их упорство приобретало какой-то ужасный, зловещий характер. Маршалы, как один, просили императора бросить в бой гвардию. Эти 19 тыс. отборных солдат, ветеранов всех его походов, были личным резервом Наполеона.

Наступил критический момент сражения. После того как французам удалось после многочасового тяжелого и кровопролитного штурма наконец овладеть Семеновскими флешами, Наполеону показалось, что он близок к победе. И тогда, чтобы завершить разгром левого крыла русских, а заодно прорвать и центр их боевой позиции, он отдает приказ, которого так долго ждали: «Гвардию — в огонь!»

Однако как только полки Молодой гвардии двинулись вперед, Наполеон вынужден был отменить свой только что отданный приказ. Адъютанты, во весь опор примчавшиеся с левого фланга, с тревогой повторяли только одно слово: «Казачи... казаки!» Только теперь Наполеон понял, что русский главнокомандующий Кутузов перехитрил его.

Мысль о набеге конницы на левый фланг и тыл французской армии возникла у Кутузова в начале сражения. Около 8 часов утра в его штабе уже обсуждались вопросы организации данного маневра. После этого казачий атаман М.И. Платов насколько

Ф.П. Уваров.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ко раз высылал разведку с целью уточнить броды через реку Колоча и определить силы противника в районах села Бородино и деревни Беззубово. Около 10 часов М.И. Кутузов, уже некоторое время непрерывно получавший донесения о сосредоточении главных сил противника против нашего левого крыла, решил лично убедиться в этом. Он въехал на пригорок и, невзирая на обстрел его вражеской артиллерией, начал через подзорную трубу изучать обстановку на левом фланге. Тщетно убеждали его покинуть опасное место. Старый полководец ни на какие угрозы не реагировал. Наконец, исчерпав все доводы, адъютанты насильно взяли лошадь за уздцы и вывели главнокомандующего из-под обстрела. Результатом его личной рекогносцировки явились два приказа: первое — Милорадовичу, стоявшему с 4-м пехотным и 2-м кавалерийским корпусами на правом фланге армии, сблизиться с центром; второе — Платову с казаками и Уварову с 1-м кавалерийским корпусом переправиться вброд через Колочу, обойти и атаковать левое крыло неприятеля. Этим смелым маневром Кутузов намеревался отвлечь внимание Наполеона с главного направления, оттянуть его резервы, нацеленные на наш левый фланг, и тем самым облегчить его положение.

Местность, на которой предстояло ввести в сражение нашу конницу, была невыгодной для применения крупных кавалерийских масс: нужно было перейти через глубокий овраг, а затем преодолеть реку с обрывистыми берегами. Деревня слева и лес справа были заняты пехотой противника. Первым около 12 часов дня переправился через Колочу генерал-майор граф В.В. Орлов-Денисов с полками лейб-гвардии Казачьим и Гусарским, Елисаветградским гусарским. Под огнем французской артиллерии он построил свои полки в боевой порядок и атаковал противника, который поспешно отступил, оставив два орудия. Вслед за тем весь 1-й кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова с 12 конными орудиями внезапно появился у деревни Беззубово и заставил отойти итальянскую кавалерийскую дивизию генерала Ф. Орнано, которая даже не приняла боя, за реку Войну. Но 84-й линейный полк из дивизии Дельзона успел построиться перед плотиной в несколько каре. В одном из них вынужден был укрыться и сам вице-король со своей свитой, только что срочно прискакавший на свой левый фланг. После нескольких атак русская конница все же заставила вражескую пехоту отойти за плотину.

Рейд казаков атамана Платова в тыл наполеоновской армии.

Художник С. Зелихман. 1959 г.

Казачья Платова (девять полков)³⁸ двинулись в тыл противника правее корпуса Уварова. Для достижения скрытности они решили воспользоваться лесистой, пересеченной местностью севернее Беззубово. Разведав броды на реке Война выше по течению, казаки незаметно переправились через нее западнее деревни Беззубово. Рассыпавшись по перелескам на правом берегу Войны, они выждали удобный момент и лавой обрушились на прикрывавшие левый фланг и тыл корпуса Е. Богарне отряды противника. Пытавшаяся укрыться в лесу вражеская пехота была выбита оттуда (при этом казаки широко применили дробинки), а кавалерия опрокинута и обращена в бегство.

Платов нанес удар в стык между дивизиями Дельзона и Орнано. Дерзкие и стремительные действия казачьих полков вызвали страшную панику в рядах противника. Потеряв немало солдат убитыми и более 250 человек пленными, он начал поспешное отступление, вскоре превратившееся в беспорядочное бегство. Обозные солдаты бросали свои повозки и разбежались в разные стороны, по дорогам, сломя голову, мчались многочисленные повозки, фуры, зарядные ящики, артиллерийские орудия. Паника в тылах быстро перекинулась и на войска. Бежали целые подразделения. Воспользовавшись этим, гвардейские казаки стремительным броском прорвались через плотину, опрокинули стоявшего за ней противника и начали его преследование. Попытка генерала Дельзона остановить наступление русской конницы ни к чему не привела. Его полки были смяты, опрокинуты и увлечены общим бегством. Внезапный фланговый удар русской конницы, громовое казачье «Ура!», страшная паника, возникшая в тылах левого фланга французской армии, парализовали на какое-то время неприятеля. Кавалерийский рейд, осуществленный русской конницей на глубину 4–5 км, явился полной неожиданностью для Наполеона.

С овладением противником деревней Семеновское центральный опорный пункт русской армии — Курганная высота — оказался под огнем с трех направлений. Наполеон сосредоточил на этом участке поля боя более чем 35-тысячную группировку войск, имевшую до 300 орудий, и готовился начать новую атаку. Но в это время поступило донесение о появлении на левом фланге французской армии крупных сил русской конницы. Отменив

свой приказ о вводе в сражение Молодой гвардии (13 тыс. человек), Наполеон сам направился к вице-королю Евгению Богарне, намереваясь лично разобраться с причиной отступления его войск, а также возникшей в тылах армии паникой. Уяснив обстановку, он отдал распоряжение о снятии с направления главного удара 20 тыс. войск и переброске их на левый фланг. Одновременно французский император приказал приостановить атаку на Курганную батарею. Вскоре прибывшие на усиление 4-го пехотного (итальянского) корпуса войска остановили наступление русской конницы. Таким образом, цель, поставленная М.И. Кутузовым, была достигнута — натиск врага на войска 2-й Западной армии заметно ослаб, а третья атака на Курганную высоту была отложена на целых два часа. Русский главнокомандующий получил возможность перегруппировать свои войска и усилить центр боевого порядка.

Русская конница находилась в тылу противника до 15 часов. Кутузов с высоты у деревни Горки лично наблюдал за ее действиями. Когда он убедился, что его замысел полностью реализован, то отдал коннице приказ на отход. Однако Уваров некоторое время еще медлил с выполнением этого приказа. Делая вид, что готовится возобновить атаку, он продолжал держать противника в напряжении и отступил только после повторного приказания. Вслед за ним отошел назад и Платов. Дерзкий рейд кавалерийских корпусов Платова и Уварова, осуществленный в самый разгар Бородинского сражения, оказал чрезвычайное влияние на его последующий ход и в конечном счете на исход. Важнейшее значение этого рейда заключалось в том, что он лишил Наполеона возможности достигнуть решительной и полной победы, уже склонявшейся в его сторону. Однако вклад, внесенный М.И. Платовым и Ф.П. Уваровым в успешные действия русских войск на Бородинском поле, не был тогда по достоинству оценен главнокомандующим князем М.И. Кутузовым. Свидетельством тому является тот факт, что в длинном списке отличившихся в Бородинском сражении и награжденных за это фамилий ни того, ни другого нет.

Был третий час пополудни. Угрюмым, с плохо скрываемым беспокойством и раздражением возвращался Наполеон с берегов Войны к Шевардино. Укрепив левое крыло и убедившись,

что действия русской конницы уже не представляют опасности, Наполеон решил возобновить атаку Курганной высоты. Против 2-й русской армии было приказано ограничиться артиллерийской канонадой.

Император понимал, что до тех пор, пока Большой редут не будет взят, победа над русскими невозможна.

Огневую подготовку третьей атаки Курганной высоты осуществляла мощная артиллерийская группировка, насчитывавшая до 300 орудий. Французская артиллерия вела по защитникам высоты и находившейся на ней батарее перекрестный огонь с трех направлений. После захвата Семеновских флешей Наполеон расположил на них артиллерию, которая начала обстрел Курганной высоты с юга. Одновременно по ней велся огонь с севера, со стороны Бородино, и с запада, из-за Семеновского оврага. Густо падавшие ядра и гранаты взрывали землю, ломали в щепы, крушили, разбивали вдребезги все, что встречали на своем пути, уничтожали людей, лошадей, орудия, зарядные ящики. Разрывные снаряды выводили из строя сразу по десятку человек. Стоял невообразимый гул и грохот. Мощная орудийная канонада напоминала непрекращающиеся раскаты грома. Пушки не выдерживали темпа огня и разрывались. За час с небольшим только в конно-артиллерийской роте Никитина было убито и ранено 90 человек и 113 лошадей³⁹. Не хватало людей для обслуживания орудий. В качестве артиллерийской прислуги привлекали солдат из пехоты. Но ни чугун, ни огненный смерч не могли сломить стойкости и мужества русского солдата. «В сем положении, — писал в своем донесении Кутузову Барклай-де-Толли, — наши храбрые войска выдержали страшный огонь с удивительным мужеством»⁴⁰.

Курганную высоту, как уже отмечалось, обороняли войска 24-й пехотной дивизии. Правее ее находилась 7-я пехотная дивизия. Обе они входили в состав 6-го пехотного корпуса генерала Д.С. Дохтурова. Левее высоты занимал позицию 4-й пехотный корпус генерала А.И. Остермана-Толстого. Позади него стояли Преображенский и Семеновский гвардейские полки, за ними — 2-й и 3-й кавалерийские корпуса. И наконец последнюю, четвертую линию составляли Кавалергардский и лейб-гвардии Конный полки. Следовательно, боевой порядок русских

войск в центре имел большую глубину, что предопределяло его значительную устойчивость в случае массированных атак противника. Общее руководство войсками в центре осуществляли Барклай-де-Толли и Милорадович. Чтобы поддерживать боевой дух войск, они бесстрашно бросались в те места, где положение становилось наиболее угрожаемым, где смерть наиболее обильно собирала свою кровавую жатву. Завидев Барклая там, где огонь противника был самым убийственным, Милорадович воскликнул: «Он удивить меня хочет!» — и бросился еще дальше, вперед, под перекрестный огонь французских батарей. В наиболее опасном месте он остановил лошадь, спешился и, сев на землю, объявил, что будет здесь обедать. Такое отчаянное молодечество было вообще свойственно Милорадовичу⁴¹.

Под стать своему генералу были и его адъютанты. Один из них, поручик Д.Г. Бибиков, получил приказ отыскать в разгар битвы принца Евгения Виртембергского и передать, чтобы он прибыл к Милорадовичу. Артиллерийский грохот в течение всего этого дня был ужасающий — сильнее, чем при Прейсиш-Эйлау, сильнее, чем при Ваграме, сильнее, чем в любой другой битве всей наполеоновской эпопеи. Даже близкие ружейные выстрелы не были слышны, они совершенно терялись в этом оглушительном орудийном громе и треске. Очевидно, Бибиков не мог прокричать принцу то, что было велено, и он поднял руку, показывая, где находится Милорадович. В этот момент ядро оторвало у него руку. Падая с лошади, Бибиков поднял другую руку и показал снова, куда только что показывал. В то же мгновение вражеская пуля ударила ему и в эту руку⁴². За отличие в Бородинском сражении Д.Г. Бибиков (он приходился племянником М.И. Кутузову) был произведен в штабс-капитаны и награжден орденами Георгия 4-й степени и Анны 2-й степени. Но на Бородинском поле его военное поприще не закончилось. После выздоровления от полученных ран Бибиков вернулся в армию. Закончил он службу много лет спустя в чине генерала от инфантерии и генерал-адъютанта.

Выбыл из строя, получив сильную контузию, командир 4-го пехотного корпуса граф А.И. Остерман-Толстой. Были тяжело ранены оба дивизионных начальника этого корпуса, два брата

*Бой за Курганную батарею. Иллюстрация к стихотворению
М. Ю. Лермонтова «Бородино». Художник В. Шевченко. 1970-е гг.*

Бахметьевы; одному из них — начальнику 23-й пехотной дивизии генерал-майору А.Н. Бахметьеву — оторвало ногу.

Вице-король, оставив дивизию Дельзона и три кавалерийских полка у Бородино, выехал на правый берег Колочи к соборным там войскам. Они уже изготовились для штурма Большого редута. Французские войска охватывали его полукольцом с трех сторон. Дивизии Брусье, Жерара и Морана предназначались для атаки с фронта. Кавалерийская дивизия из корпуса Груши должна была обойти Курганную высоту слева, а 4-й кавалерийский корпус Латур-Мобура — справа.

Как только в 14 часов завершилась артиллерийская подготовка, пехота и кавалерия противника сразу же ринулись в атаку. Несмотря на сильный огонь с русской стороны, французы шли напролом. Их кавалерия, обойдя войска, оборонявшие Курганную высоту с флангов, ворвалась в боевые порядки пехоты. Кое-где ей даже удалось прорваться сквозь интервалы батальонных каре. Наиболее сильный удар вражеской кавалерии пришлось выдержать частям 4-го пехотного корпуса. Их атаковали кирасиры и уланы 4-го французского кавалерийского корпуса (7-я кирасирская дивизия генерала Ж. Лоржа и 4-я легкая кавалерийская дивизия генерала Рожнецкого). Преодолев Семеновский овраг, они всей массой устремились вперед, намереваясь одним мощным коротким ударом смять и изрубить нашу пехоту, только что выдержавшую жестокий обстрел французской артиллерии и понесшую при этом значительные потери. Враг считал, что русские войска настолько расстроены его артиллерией, что выдержать массированную кавалерийскую атаку им просто будет не по силам. Но он жестоко просчитался.

Батальоны 11-й и 23-й пехотных дивизий не дрогнули перед этой лавиной бешено мчавшихся на них всадников. Подпустив вражескую кавалерию на 60 шагов, они встретили ее таким дружным залповым (или, как тогда выражались, «батальным») ружейным огнем, что атака противника враз захлебнулась. Усев землю телами убитых и раненых людей и лошадей, он искал спасения в бегстве. Особенно отличились при отражении этой массированной кавалерийской атаки врага 34-й егерский полк (шеф полковник Е.М. Пиллар) и бригада 11-й пехотной дивизии (Кексгольмский и Перновский пехотные полки) под командова-

нием генерал-майора П.Н. Чоглокова (он же и шеф Перновского пехотного полка), оказавшиеся на острие его главного удара. При этом перновцы, как это ни странно, сами контратаковали французскую кавалерию, опрокинули ее и даже пытались преследовать, но быстро отстали от уносивших неприятеля лошадей. В бессильной ярости гренадеры первой шеренги бросали вдогонку всадникам ружья со штыками наподобие дротиков. На помощь пехоте пришли Сумской и Мариупольский гусарские, а затем Иркутский, Сибирский и Псковский драгунские полки. Особую лихость проявили при этом псковские драгуны, предводимые своим командиром полковником А.А. Зассом. Наша конница преследовала неприятеля до самых его резервов. Встреченная здесь сильным артиллерийским огнем, она повернула назад. Противник ее преследовал. Кирасирам Лоржа удалось с ходу прорваться сквозь интервалы наших батальонных колонн и выйти в тыл 11-й пехотной дивизии. Но наша пехота не дрогнула. Все атаки французской кавалерии с тыла были отражены залповым ружейным огнем.

Тем временем полки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов вновь собрались, пошли в атаку и отбросили прорвавшуюся в наш тыл французскую конницу. Кавалерийское сражение продолжалось около полутора часов. Русская и французская конница попеременно друг друга опрокидывала, затем под прикрытием пехоты и артиллерии вновь собиралась, строилась и снова бросалась в атаку. Наконец после невероятных усилий нашей кавалерии при поддержке конной артиллерии удалось окончательно отбросить противника в исходное положение. Здесь, в центре Бородинской позиции, между 14 и 16 часами произошла «кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случавшихся»⁴³. Табуны лошадей без всадников, разметав по ветру гривы, с ржанием носились по полю среди мертвых и раненых; повсюду были разбросаны подбитые орудия, чернели остовы сгоревших зарядных ящиков⁴⁴.

Было уже около 15 часов. Добиться решающего успеха в единоборстве с русской армией Наполеону так и не удалось. Он отдает Мюрату и Е. Богарне приказ о совместном штурме Большого редута. Вице-король поскакал на правый фланг, чтобы организовать одновременную атаку Курганной высоты всеми

Э. Груши.

Гравюра Форестье. 1820 г.

своими силами. Прибыв в 9-й линейный полк, входивший в состав 14-й пехотной дивизии генерала Брусье, он обратился к солдатам: «Храбрые воины! Вспомните, как вы действовали со мной у Ваграма, когда мы прорывали центр неприятеля!» После этого он встал во главе полка и повел его в атаку на Большой редут. Одновременно Мюрат приказал генералу О. Коленкуру (брат бывшего посла Наполеона в России), возглавившему после гибели Л. Монбрена 2-й кавалерийский корпус, атаковать вместе с войсками вице-короля Курганную высоту. Генерал Коленкур лично возглавил атаку 2-й кирасирской дивизии генерала Ватье.

Внимательно следивший за ходом сражения Барклай-де-Толли видел, что враг не унимается в своих попытках переломить ход боевых действий. По всей видимости, он не оставил своего намерения прорвать центр русской армии. И подтверждение этому не замедлило последовать. Вновь показалась французская кавалерия, за которой в колоннах следовала пехота. Из всей нашей конницы, не задействованной в сражении, оставалась лишь бригада гвардейской кавалерии, которой командовал генерал-майор И.Е. Шевич (1-я кирасирская дивизия). В состав этой бригады входили Кавалергардский и Конногвардей-

ский полки. Барклай-де-Толли приказал ей атаковать противника. По рядам отборных латников, узнавших об этом приказе, прокатилось ликующее «Ура!» Но пока они выдвигались вперед, полки 2-й кирасирской дивизии французов врубались в боевые порядки 24-й пехотной дивизии, прикрывавшей Курганную батарею. 3-я дивизия легкой кавалерии генерала Шастеля, которую лично вел в атаку командир 3-го кавалерийского корпуса Э. Груши, прорвала нашу оборону севернее Курганной высоты и вышла в тыл 7-й пехотной дивизии. В это же время вражеская пехота приблизилась вплотную к кургану. Она наступала с фронта и одновременно охватывала оборонявшие его наши войска с обоих флангов. Со стороны противника в этой атаке участвовали 17-й линейный полк из дивизии Морана, 21-й линейный полк из дивизии Жерара, 9-й и 35-й линейные полки из дивизии Бруссе.

Преодолев под ураганным огнем нашей артиллерии разрушенный во многих местах бруствер, французские кирасиры опрокинули первую линию русской пехоты, которая смешалась со второй линией. В результате ожесточенной схватки бригаде саксонских кирасиров генерала И. Тилемана удалось ворваться на Курганную батарею с тыла. Русская артиллерия ударила по ней картечью в упор, но саксонцы продолжали рваться вперед по трупам павших. Давший обещание Наполеону взять Большой редут живым или мертвым генерал Огюст Коленкур одним из первых ворвался на батарею и тут же был сражен русской пулей. Он был убит одним из последних выстрелов, раздавшихся с Курганной батареи. Как раз в этот момент к высоте подошел наступавший с фронта 9-й линейный полк, возглавляемый лично командиром 4-го пехотного корпуса Е. Богарне. Три батальона этого полка со штыками наперевес устремились в бушующее пекло. Одновременно с ними с фронта и с фланга на Большой редут двинулся Легион Вислы (поляки) из состава Молодой гвардии. Брестский и Рязанский пехотные полки грянули «Ура!» и ударили в штыки⁴⁵. На Курганной высоте и на подступах к ней закипел жестокий рукопашный бой. Сломанные штыки не останавливали сражавшихся: бились прикладами, тесаками, кулаками. Бой был ужасен по своему ожесточению. Он продолжался около получаса. Обе стороны сражались

*Е.-Н. Богарне.
Художник И. Рихтер.
1830 г.*

на одном месте, не продвигаясь ни на шаг. Их потери множились с необыкновенной быстротой, груды павших возвышались тут и там, и новые жертвы продолжали громоздиться на мертвые тела. И вот с громовым «Ура!» в схватку бросается наш последний небольшой резерв. Не выдержав его удара, враг попятился назад. Так среди перепаханной снарядами земли, огня, дыма и потоков крови стояли герои Бородино.

Отражая попытки врага овладеть Курганной высотой, 24-я пехотная дивизия и войска 4-го пехотного корпуса несли большие потери. Потери наступающих французских войск также были огромны. Например, 9-й линейный полк, укомплектованный полностью парижанами (d'enfants de Paris) в ходе двухчасового боя за Большой редут потерял 2010 человек, в том числе 42 офицера. Командовавший им полковник получил два пулевых ранения⁴⁶. Не менее дорогую цену за одержанный успех заплатили и другие полки 4-го пехотного корпуса Е. Богарне.

Положение в районе Курганной высоты для русских войск сложилось критическое. Воспользовавшись тем, что французская кавалерия сковала русские резервы и на некоторое время изолировала их, пехота противника ворвалась на высоту. Орудия Курганной батареи дали по врагу последний залп в упор

и замолчали. Артиллеристы вступили в рукопашную схватку с противником, ворвавшимся на их огневые позиции. Французская пехота взбиралась на вал со всех сторон, ее сбрасывали штыками и прикладами в ров, уже почти заваленный телами убитых и раненых. Но на место павших врагов заступали новые, продолжая с тем же ожесточением рваться вперед. Защитники высоты, покрытые потом и пороховой гарью, забрызганные кровью и опаленные огнем, сражались стойко, яростно отбиваясь от многократно превосходящего в силах врага. Чаще всего они падали на изрытую снарядами и залитую кровью землю вместе с окружавшими их врагами. Повсюду кипел жестокий рукопашный бой. В плен не брали ни с той, ни с другой стороны. Раненые не покидали поля боя.

*«...Земля тряслась, как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой», —*

писал в своем знаменитом стихотворении «Бородино» М.Ю. Лермонтов, повествуя о кульминационном этапе Бородинского сражения.

Перед взором ворвавшихся на Курганную батарею представила ужасающая картина: она была вся завалена трупами, на полуразрушенных брустверах не осталось ни одной целой бойницы, большая часть орудий была опрокинута или сброшена с разбитых лафетов. Почти все артиллеристы батареи пали тут же, у своих орудий, изрубленные саксонскими кирасирами.

24-пехотная дивизия, защищавшая Курганную высоту, почти вся полегла в ходе страшного побоища, развернувшегося как на самой батарее, так и на подступах к ней. Последние ее защитники, все до единого, были переколоты штыками ворвавшихся на батарею французов. Начальник дивизии генерал Лихачев, уже пожилой человек, несмотря на мучившую его болезнь, не оставил своих солдат и был с ними до конца. Он сидел на складном стуле в переднем углу укрепления, отдавая приказания и вдохновляя защитников батареи: «Помните, ребята, деремся за Москву!» Когда противник ворвался на бата-

рею, Лихачев встал и со шпагой в руке пошел на неприятельские штыки, чтобы принять смерть в бою. Оказавшись в самой гуще рукопашной схватки, он получил несколько ранений, но продолжал отбиваться от наседавших врагов. Израненный, истекающий кровью генерал сражался до последней возможности, пока в неравной схватке не потерял сознания. При виде этого убеленного сединами воина солдаты 9-го французского полка проявили уважение к мужеству и сохранили ему жизнь. Взятый в плен, Лихачев тотчас же был доставлен к Наполеону. Отдавая дань храбрости русского генерала, тот возвратил ему шпагу и обещал свободу, но при одном условии: если эта шпага не будет больше поднята в войне против Франции. Лихачев отказался принять оружие из рук врага. Тяжелораненого генерала приказано было отправить во Францию. Но довести его удалось только до Кенигсберга. Там П.Г. Лихачев скончался от ран и был похоронен на немецкой земле.

В ходе штурма французами Курганной высоты казалось, что вся возвышенность в центре Бородинского поля превратилась в движущуюся железную гору: блеск оружия, касок, разноцветных кирас, сверкающих всеми цветами радуги под пробивающимися сквозь густой и тяжелый пороховой дым солнечными лучами и причудливо перемешивающийся с яркими вспышками орудийных залпов. Всюду бушевал огненный смерч, пронзительно свистели картечь и пули, с визгом, разрывая воздух, пролетали ядра. Взлетали на воздух зарядные ящики. Раскаленные до предела пушки не выдерживали бешеного темпа и разрывались, поражая прислугу. Только буря, ворвавшаяся в чащу леса, могла уподобиться действию артиллерии, бьющей почти в упор, с дистанции картечного выстрела, по густым боевым порядкам войск как той, так и другой стороны. Разноголосые крики, восклицания победителей и проклятия побежденных, вопли раненых и стоны умирающих, произносимые на всех европейских языках, ржание коней заглушались барабанным боем и невиданной до сих пор артиллерийской канонадой. Многие батальоны так перемешались между собой, что в общей свалке нельзя было отличить неприятеля от своих. Изувеченные люди и лошади валялись горами. В эти груды убитых и раненых ударили ядра, разрывая и разбрасывая вокруг человеческие и кон-

П.Г. Лихачев.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ские тела. Артиллерия скакала по трупам, как по бревенчатым мостовым, давя их и втискивая в пропитанную кровью землю. Раненые брели в тыл, к перевязочным пунктам, пока могли, а выбившись из сил, падали, но не на землю, а на груды павших раннее. Повсюду сверкало пламя и гремел оглушительный гром, от которого на несколько верст вокруг дрожала земля. Временами ничего не было видно за дымом, изрыгаемым жерлами тысячи орудий, гремевших не переставая. Страшное зрелище представляло тогда поле битвы. Над Курганной высотой солнце закрывалось кроваво-грязной пеленой. Она походила на клокочущий огнем вулкан. Весь левый фланг был затянут густыми черными облаками дыма, перед центром пылало Бородино, а правый фланг весь сиял под яркими лучами солнца. В одно и то же время над полем битвы властвовали день, вечер и ночь...

Около 16 часов после исключительного по ожесточенности, на редкость кровопролитного боя Курганная батарея пала. Остатки оборонявших ее войск отошли к востоку на расстояние пушечного выстрела. Их отход был осуществлен в полном порядке, без потери связи с остальной частью армии.

Ценой огромных потерь и величайшего напряжения врагу в конце концов все же удалось овладеть этим важным опор-

В.Г. Костенецкий.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ным пунктом. Но вместо ожидаемого здесь решительного успеха Наполеон был вынужден довольствоваться лишь успехом тактическим. Как и в начале сражения, он имел перед собой по-прежнему сплошной, нигде непоколебленный фронт русской обороны. Развить же достигнутый тактический успех он уже не мог из-за тяжелых потерь, физической усталости войск и упорного сопротивления русских. Перед Наполеоном встала дилемма: нанести завершающий удар с использованием своего последнего резерва — гвардии или же признать свою неудачу и отказаться от продолжения сражения.

Вначале французский император больше склонялся к первому варианту. Но прежде чем окончательно остановиться на нем, он сел на коня и поскакал на Семеновские высоты, а затем к Курганной батарее (Большому редуту). В результате проведенной рекогносцировки Наполеон пришел к выводу, что ожидать решительного успеха от ввода в сражение гвардии весьма сомнительно. В случае же неудачи он рисковал остаться без своего последнего резерва. А это, если Кутузов введет в сражение резервы и сам перейдет в наступление, грозило непредсказуемыми последствиями. Поэтому, взвесив все за и против, император в ответ на настойчивые просьбы маршалов ввести в сра-

жение гвардию, заявил, что за 3 тыс. верст от Франции он не может рисковать своим последним резервом⁴⁷.

С падением Курганной батареи сражение не прекратилось: на центральном участке Бородинской позиции продолжались упорные и ожесточенные кавалерийские бои. Отступившие от Курганной высоты русские войска построились в каре, на которые вскоре устремилась неприятельская конница. Наполеон предпринял последнюю попытку прорвать центр боевого порядка русской армии. Поскольку пехота для решения такой задачи была уже неспособна, то она была возложена на кавалерию, пострадавшую в ходе сражения значительно меньше пехоты и еще не утратившую своей ударной мощи. Прорвавшись сквозь заградительный огонь наших батарей, польские уланы из дивизии Рожнецкого напали на канониров. На выручку им бросился находившийся поблизости с небольшой группой солдат начальник артиллерии 6-го пехотного корпуса генерал-майор В.Г. Костенецкий, который обладал редкой физической силой: один приподнимал пушку, руками разгибал подковы и т.п. Имея огромный рост, он носил не обыкновенную саблю, а палаш полуторной длины, специально выданный ему из арсенала Оружейной палаты. Костенецкий славился редкой неустранимостью и присутствием духа в минуты опасности. Так было и под Бородино, когда он, вступив в единоборство с вражескими кавалеристами и не удовлетворившись своим рыцарским мечом, принялся крушить их артиллерийским банником. В пылу схватки банник сломался в богатырских руках генерала, но вдохновленные его примером артиллеристы отбили нападение противника. М.И. Кутузов хорошо знал и высоко ценил Костенецкого как талантливого артиллериста. И не случайно именно его назначил начальником всей русской артиллерии после гибели генерала А.И. Кутайсова.

Зловеще сверкали в ярких лучах заходящего солнца сабли, палаши, каски и кирасы, когда французская кавалерия всеми силами устремилась на прорыв нашего центра. Казалось, наступила решающая минута сражения. Грозная лавина вражеских всадников неслась во весь опор на поредевшие каре русской пехоты. Барклай-де-Толли понимал, что понесшей большие потери в борьбе за Курганную высоту нашей коннице не сдержать

Кавалерийский бой во ржи. Фрагмент панорамы «Бородинская битва». Художник Ф. Рубо. 1912 г.

этого нового массивованного удара врага. Многие кавалерийские части были в полном смысле этого слова обескровлены. Например, в Сибирском драгунском полку оставалось в строю всего 123 человека, в том числе 3 офицера. Старший из них — поручик — командовал полком⁴⁸. И в тот момент, когда кирасирам Лоржа удалось прорваться между интервалами каре 4-го пехотного корпуса, к месту прорыва подоспела из резерва кавалерийская бригада Шевича. Два отборных полка русской конной гвардии, к которым примкнули остатки 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, повел в атаку лично Барклай-де-Толли. Он скакал впереди их в парадной генеральной форме со всеми орденами и в шляпе с черным султаном. А навстречу им летели разъяренные боем и сверкавшие сталью саксонские кирасиры. На полном скаку две конные лавы врезались одна в другую. Завя-

залась жестокая сеча. После короткой схватки неприятель был опрокинут и показал тыл. Затем последовали новые атаки врага, но все они были отражены нашей конницей.

Одновременно 3-й кавалерийский корпус Груши атаковал 7-ю пехотную дивизию П.М. Капцевича с фронта и правого фланга. Несмотря на сильный огонь нашей артиллерии, легкой кавалерийской дивизии генерала Шастеля и 6-й драгунской дивизии генерала А. Лагуссе удалось прорваться сквозь интервалы пехотных каре и зайти им в тыл. На помощь 7-й дивизии, попавшей в тяжелое положение, бросились кавалергарды и конногвардейцы, только что отбросившие саксонских кирасиров. Вскоре подошли 2-й, а за ним и 3-й кавалерийские корпуса. Произошел новый ожесточенный кавалерийский бой, превзошедший по размаху и напряженности все, имевшее до сих пор место на центральном участке сражения. Этот бой был долгим и упорным, шел с переменным успехом. В яростных

схватках нередко можно было видеть, как потомки древних рыцарских родов Франции — бароны, графы, маркизы и герцоги — рубились один на один с представителями самых знаменитых российских фамилий. Храбрость с обеих сторон выказывалась беспримерная. Генерал Н.М. Сипягин вспоминал: «Офицеры наши в Бородинском сражении, упоенные каким-то самозабвением, самоотверженно выступали вперед и падали перед своими батальонами»⁴⁹. Опрокинутая противником наша конница отходила, под прикрытием пехоты и артиллерии перестраивалась и снова шла в атаку. То же самое происходило и у противника. Наконец сопротивление врага было сломлено, и он с большими потерями был отброшен в исходное положение. Французская кавалерия понесла здесь невосполнимые потери в командном составе. Был тяжело ранен командир 3-го кавалерийского корпуса генерал Э. Груши, убит командир 3-й легкой кавалерийской дивизии генерал Шастель, выбыли из строя убитыми и ранеными многие из бригадных, полковых и эскадронных командиров, множество младших офицеров. Немалые потери, особенно в командном составе, понесла и наша конница. В числе убитых в том бою был и командир кавалергардов полковник К.К. Левенвольде, последний представитель баронского рода, ведущего свое происхождение от тевтонских рыцарей.

В этом кавалерийском сражении наряду с гвардией особенно отличились полки 3-го кавалерийского корпуса (Сибирский, Иркутский, Оренбургский драгунские и Мариупольский гусарский), а также Сумской гусарский полк. На Бородинском поле русская кавалерия проявила беспримерную отвагу и беззаветное мужество. Рапорты и донесения командиров сохранили имена многих кавалеристов, показавших образцы героизма и самоотверженности. Среди рядовых Кавалергардского полка это были Вергун, Долгой, Павлов и другие, с «неустрасимостью бросавшиеся неоднократно на неприятельскую конницу и поражавшие оную с отличным мужеством», Нагулин, Мостовой, Прилуцкий, «несмотря на раны, не оставлявшие ни на минуту свои взводы». В конечном счете поле боя осталось за русской конницей. Она опрокинула французскую кавалерию и гнала ее до самой пехоты. При Бородино кавалерия Мюрата была обе-

сковлена окончательно, она потеряла здесь около 60% своего состава и до конца войны уже не могла играть сколько-нибудь существенной роли при ведении боевых операций. Недаром Бородинское поле прочно вошло в историю как «могила французской кавалерии».

К 17 часам все атаки французов в центре были отбиты. По приказу Милорадовича войска заняли возвышенность, находившуюся недалеко от Курганной высоты, и, установив на ней сильные батареи, открыли массированный артиллерийский огонь по противнику. Жестокая канонада с обеих сторон продолжалась до глубокой ночи. К исходу дня русская артиллерия, причинив противнику значительный урон, заставила вражеские батареи замолчать.

Русская армия была полна решимости сражаться до конца. Барклаю-де-Толли, который предлагал начать отступление, возмущенный Кутузов резко ответил: «Что касается до сражения, то ход его главнокомандующему известен как нельзя лучше. Неприятель отражен на всех пунктах»⁵⁰.

3.7. На Старой Смоленской дороге

Левый фланг был наиболее слабым звеном позиции, занимаемой русской армией при Бородино. Самым же незащищенным участком на левом фланге являлась Старая Смоленская дорога, ведущая в тыл нашей армии. Оборону этого ответственного участка Кутузов возложил на отряд генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова 1-го. Решение о передвижении 3-го пехотного корпуса из резерва на левый фланг было принято главнокомандующим после боя за Шевардинский редут. Произведенная оценка обстановки позволила М.И. Кутузову прийти к выводу, что главный удар Наполеоном будет нанесен по левому флангу русской армии. Затем, развивая успех вдоль Старой Смоленской дороги, противник, вероятнее всего, будет стремиться охватить ее с юга и отрезать от Можайска. Для срыва такого замысла Наполеона он решил использовать корпус Тучкова. Над местом, где этот корпус должен был находиться, на плане русской позиции М.И. Кутузов собственноручно написал: «Расположить скрытно». Для определения точного места распо-

Н.А. Тучков.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

жения отряда на левый фланг был направлен офицер инженерных войск Фелькнер. Такое место он нашел за высоким курганом восточнее деревни Утицы. Окружающая местность была заболочена, сплошь покрыта лесом и кустарником. Утицкий курган господствовал над ней. В связи с тем что здесь не были возведены какие-либо дополнительные укрепления, курган стал главным опорным пунктом нашей обороны на крайнем левом фланге. В ночь на 25 августа (6 сентября) сюда прибыл отряд Тучкова. Заняв указанную позицию, он был готов к выполнению поставленной задачи. По замыслу Кутузова, войска 3-го пехотного корпуса должны были внезапно атаковать противника, если он попытается зайти в тыл защитникам Семеновских флешей. Однако план главнокомандующего, связанный с использованием Утицкого отряда, был сорван еще до начала сражения. Объезжая рано утром 25 августа войска на левом фланге армии, генерал Л.Л. Беннигсен, как уже отмечалось, неожиданно для себя встретил отряд Тучкова. Ничего не зная о замыслах Кутузова (таково, к сожалению, было взаимопонимание между главнокомандующим и его начальником штаба!), он приказал ему выйти из засады и примкнуть к левому флангу Багратиона. Тучков пытался возражать, ссылаясь на полу-

ченный приказ, но пришедший в ярость начальник штаба армии не захотел его слушать. Командир корпуса вынужден был подчиниться. Его войска вышли из засады и расположились на открытом месте. Следовательно, в результате вмешательства Беннигсена была исключена возможность нанесения внезапного удара по противнику в случае его обходного маневра против нашего левого фланга.

Утицкий отряд включал полностью 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова, состоявший из двух дивизий: 1-й гренадерской П.А. Строганова и 3-й пехотной П.П. Коновницына. Из войск этого корпуса и егерей дивизии Неверовского был создан специальный отряд во главе с генерал-майором князем И.Л. Шаховским, который должен был поддерживать связь между корпусом Тучкова и защитниками флешей. К шести казачьим полкам генерал-майора А.А. Карпова, охранявшим Старую Смоленскую дорогу, присоединились еще два полка. Кроме того, в составе отряда Тучкова было около 15 тыс. ратников Московского и Смоленского ополчений⁵¹.

Ополченцы прибыли на Бородинское поле 23–24 августа. Общая их численность составляла 27 тыс. человек. В рядах ополчения находились крепостные крестьяне, горожане, студенческая молодежь. Среди ополченцев находилось несколько известных писателей и поэтов, в том числе и В.А. Жуковский. Ополченцы были полны чувства высокого патриотизма, ненависти к врагу, горели желанием помочь армии разгромить захватчиков и спасти страну. Однако военная подготовка ратников из-за недостатка времени была слабой, полностью завершить ее не удалось. Имелся большой некомплект офицерского состава, не хватало вооружения и обмундирования. Значительная часть ратников была вооружена лишь пиками и топорами. Но несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, боевой дух ополченцев был очень высок. После присоединения к армии часть ополчения была направлена в распоряжение военного коменданта Можайска и помощника начальника военной полиции⁵². Остальных распределили на две части. Одна из них пошла на пополнение войск 1-й и 2-й Западных армий, а другая была выдвинута на Старую Смоленскую дорогу, где вошла в состав Утицкого отряда Тучкова.

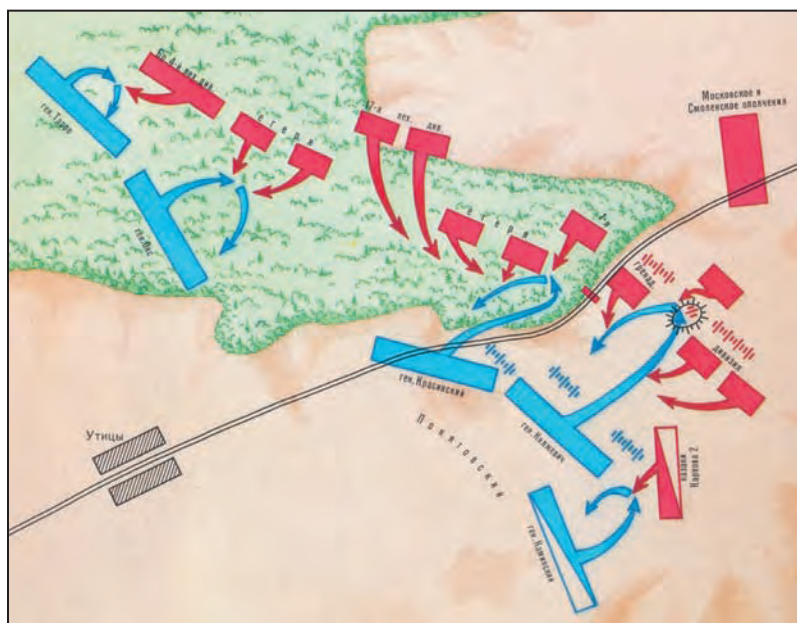
Отряд Московского ополчения на Утицком кургане возглавлял 62-летний боевой генерал, соратник Суворова и старый сподвижник Кутузова генерал-лейтенант граф И.И. Марков. В его составе были три пехотных (1, 3 и 4-й) и три егерских (1, 2 и 3-й) полка. Позднее к ним присоединились 6-й и 7-й пехотные полки, прибывшие в самый разгар сражения. Прямо с марша они вступили в бой. Из состава Смоленского ополчения к Утице были направлены хорошо вооруженные и уже получившие боевой опыт во время Смоленского сражения ратники. Их возглавлял 62-летний генерал-лейтенант Н.П. Лебедев.

В ночь на 26 августа по приказу главнокомандующего исполняющий должность офицера квартирмейстерской части при начальнике Московского ополчения капитан Гоziуш провел его части на Старую Смоленскую дорогу, где они присоединились к 3-му пехотному корпусу.

Утро 26 августа (7 сентября) отряд Тучкова встретил в болотистой лощине, восточнее деревни Утицы. Его боевой порядок был следующим. Войска Тучкова были построены в четыре линии, находясь на одной высоте с егерями Шаховского. Две первые линии составляли полки 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, две последние — гренадеры генерал-майора графа П.А. Строганова. За гренADERами расположились ополченцы, части которых составляли резерв.

Вскоре передовые посты Утицкого отряда все отчетливее и отчетливее стали слышать иностранную речь и треск сучьев в лесу. Неприятель приближался к Утице.

Согласно общему плану Наполеона, перед 5-м пехотным (польским) корпусом Понятовского была поставлена задача — обойти левый фланг русской армии и выйти в тыл защитникам Семеновских флешей. Маршал Даву предлагал другой план. Он просил подчинить ему корпус Понятовского, вместе с которым его пять дивизий (всего 46 тыс. человек и 200 орудий) обойдут русских с юга и ударят им в тыл. Пока главные силы французской армии будут вести фронтальные атаки, он, Даву, пройдет безостановочно от одного укрепления к другому и уничтожит основные силы Кутузова. Даву брался выполнить глубокий обходной маневр за 18 часов. Наполеон очень любил подобные обходы, которые всегда приводили к полному разгрому противника. Но

Бой за Утицкий курган

теперь он категорически отверг план своего маршала, опасаясь распыления сил и разгрома их русскими по частям. Менее глубокий обход, и то лишь Семеновских флешей, должен был осуществить корпус Понятовского. Однако в связи с тем, что французам удалось заблаговременно обнаружить местонахождение Утицкого отряда, Наполеон изменил ему задачу. Теперь поляки должны были наступать не на Семеновские флешы, а на Утицу, «так как противник удлинил свой левый фланг».

На рассвете 26 августа (7 сентября) войска Понятовского построились в боевой порядок и изготовились к выполнению поставленной задачи. Около 5 часов утра они выступили по Старой Смоленской дороге в сторону Утицы. Вступить в сражение Понятовский должен был в тот момент, когда от Шевардинского редута прогремит залп гвардейской артиллерии, служивший сигналом к началу общего сражения. Но вот уже прогремели выстрелы, а Понятовский не прошел еще и половины пути. Причиной этого было плохое состояние лесных дорог,

*И.-А. Понятовский.
Гравюра М. Эслингера.
1-я половина XIX в.*

а также крайне скудная осведомленность польского генерала о расположении и численности русских войск на пути его следования. Озабоченный столь медленным выдвиганием польского корпуса, Наполеон шлет к Понятовскому одного за другим своих ординарцев с требованием ускорить движение. Только в начале 9-го часа передовые части поляков появились перед деревней Утицей.

Н.А. Тучков, заметив подход крупных сил противника, приказал артиллерии открыть по нему огонь. Передовые части поляков, встретив отпор, сразу же подались назад и скрылись в чаще кустарника. Вскоре на опушке леса и в зарослях кустарника недалеко от Утицы разгорелся ожесточенный огневой бой между нашими егерями и польскими стрелками. Желая выяснить подробности сложившейся обстановки, командир Павловского гренадерского полка полковник Рихтер направился в стрелковую цепь и стал лично управлять действиями егерей. Но вскоре он был тяжело ранен. Командование полком принял майор Мусин-Пушкин.

Получив сведения о том, что в районе Утицы сосредоточены крупные силы русских с артиллерией, Понятовский приказал своим войскам готовиться к общей атаке. Вперед выдвигается

12 орудийная батарея. Н.А. Тучкову было совершенно ясно, что занимаемая им по распоряжению Беннигсена позиция крайне неудобна и ее необходимо как можно скорее оставить. Поэтому он принимает решение отвести войска к Утицкому кургану. Тем более что к этому времени в 3-м пехотном корпусе осталась только одна дивизия. Дивизия Коновницына была направлена на помощь защитникам Семеновских флешей. Под прикрытием егерей и артиллерии, под покровом дыма от загоревшейся под перекрестным артиллерийским огнем деревни Утицы гренадеры Строганова начали отход на новую позицию.

Сложность ситуации, в которой оказался Тучков, заставила его обратиться к Кутузову с просьбой о подкреплении. Получив донесение о положении на крайнем левом фланге, главнокомандующий, полагавший, что Тучков продолжает находиться в засаде, был крайне удивлен, что тот сам подвергся атаке противника. На бедного Тучкова в главной квартире пало даже подозрение, что он «не умеет держаться». Когда все выяснилось, Кутузов направляет на помощь Тучкову 17-ю пехотную дивизию из 2-го пехотного корпуса Багговута.

Тем временем поляки заняли оставленную русскими войсками деревню Утицу и, установив там 22 артиллерийских орудия, открыли сильный огонь по нашим гренадерам, находившимся уже на Утицком кургане. По распоряжению Тучкова на кургане устанавливается 6-орудийная батарея. Завязалась артиллерийская дуэль. Противник, обладавший многократным численным превосходством над нашей батареей, быстро захватил и огневое превосходство. Тем не менее русские артиллеристы оказали врагу достойное сопротивление. Они вели непрерывный огонь до тех пор, пока не потеряли почти весь личный состав и не расстреляли большую часть боеприпасов. Но и после этого оставшиеся в строю четыре орудия продолжали неравную борьбу, продолжая сдерживать, по мере своих возможностей, натиск врага.

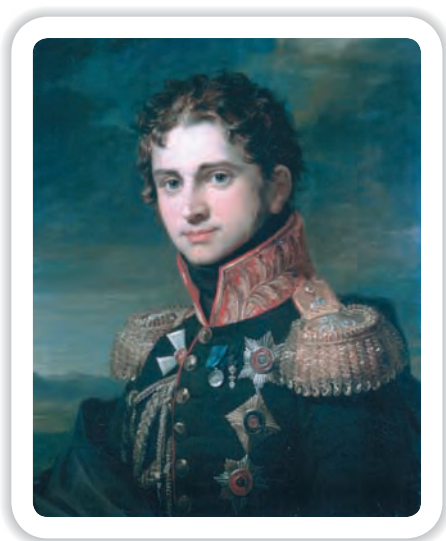
Понимая, какое важное тактическое значение имеет Утицкий курган, Понятовский решил во что бы то ни стало овладеть им. Количество введенных в бой артиллерийских орудий он доводит до сорока. Интенсивность огня резко возросла. Участники этого боя с обеих сторон единодушно отмечают высокую

активность артиллерии. Ураганный огонь многих десятков орудий сотрясал Утицкий лес, тяжело гудела земля, кругом рвались ядра и гранаты, свистела картечь, из-за непрекращающейся ни на мгновение артиллерийской канонады совсем не было слышно ружейных выстрелов. Несмотря на все усилия, противник так и не смог продвинуться вперед.

11 часов дня. Бородинское сражение в самом разгаре. Основные силы наполеоновской армии штурмуют Семеновские флеши. Наполеон с нетерпением ждет, когда же наконец Понятовский ударит в тыл их защитникам и тем самым окажет решающую поддержку наступавшим войскам Даву, Нея, Мюрата и Жюно. Но все его ожидания оказались тщетными. Поставленную перед ним задачу Понятовский не выполнил. Понимая это, он предпринимает решительный штурм Утицкого кургана. В ходе ожесточенного боя поляки, используя свое численное превосходство, врываются на высоту и овладевают ею. Потеря Утицкого кургана создала серьезную опасность для всей русской армии. Она угрожала выходом противника в тыл отряду Тучкова, а впоследствии могла привести и к обходу с фланга всей русской армии. Положение стало критическим. Необходимо было любой ценой вернуть высоту. Но имеющимися в распоряжении Тучкова силами сделать это было невозможно. С нетерпением ждет он подкрепления. Наконец после полудня поручик Виленкин сообщает о подходе войск Багговута. Вскоре сквозь пороховой дым, густо стелющийся по лесу, показались передовые части 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта З.Д. Олсуфьева. Это были Белозерский и Вильманstrandский пехотные полки.

Тучков спешно организует войска для контратаки. Он направляет адъютантов к командирам дивизий с приказом атаковать неприятеля. По его замыслу, гренадерская дивизия Строганова должна нанести удар по правому флангу противника, Олсуфьев с двумя своими полками — по левому⁵³, а сам генерал Н.А. Тучков, обнажив шпагу, лично ведет в атаку Павловский гренадерский полк в центре. Ни убийственный огонь вражеской артиллерии, ни яростные контратаки противника не смогли остановить мощного и стремительного натиска русских воинов. Со штыками наперевес они ворвались на курган и после

П.А. Строганов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ожесточенного рукопашного боя, продолжавшегося более часа, выбили с него неприятеля. Лязг оружия, треск ружейных выстрелов, грохот барабанов, крики «Ура!» и «За отчизну!», резкие, отрывистые команды, порою перекрывающие шум боя, — все слилось в сплошной, зловещий гул, среди которого хищным черным вороном, широко распластав над полем боя крылья, кружила смерть. Она жадно собирала здесь свою обильную кровавую жатву.

Первыми на вершину высоты ворвались гренандеры Павловского полка. Не устояв перед русскими штыками, медленно, а затем все быстрее и быстрее неприятель скатывался с Утицкого кургана. Но дорогой ценой досталась нам эта победа. Во время атаки был тяжело ранен генерал-лейтенант Н.А. Тучков. Гренандеры подхватили своего командира, бережно опустили на землю. Из слабеющих уст его послышался вопрос: «Кто там, на кургане?». Услышав о том, что курган взят, он тихо произнес: «Спасибо»⁵⁴. Рана оказалась смертельной. 30 октября (11 ноября) 1812 г. Н.А. Тучков скончался от ран в Ярославле.

Среди особо отличившихся в бою за Утицкий курган был и 47-летний командир Белозерского пехотного полка подполковник Е.Ф. Керн (будущий муж знаменитой красавицы

Е.Ф. Керн.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

А.П. Керн, урожденной Полторацкой, воспетой А.С. Пушкиным). Его доблесть привела в восхищение даже прибывшего в это время к Утицкому кургану П.П. Коновницына. «Славно, Керн! — воскликнул известный своим бесстрашием генерал. — Будь в моей воле, я снял бы с шеи моей Георгиевский крест и надел его на тебя»⁵⁵. За Бородинское сражение Е.Ф. Керн получил чин полковника и был назначен шефом Белозерского пехотного полка.

Выбитый с Утицкого кургана противник отступил в лес и на протяжении двух последующих часов ограничивался лишь ведением артиллерийского огня. Не имея связи с главными силами, Понятовский выжидал, тянул время и не отваживался на активные действия, опасаясь быть завлеченным в засаду.

Командование войсками Утицкого отряда принял только что прибывший на левое крыло командир 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенант К.Ф. Багговут. Солдаты узнавали его издалека: по видной осанке и могучему телосложению. Будучи довольно высокого роста, Багговут в то же время был очень широк в плечах, дюж и тучен. Широкая грудь увешена была многочисленными звездами и крестами, заслуженными генералом в боях и походах. В армии была хорошо известна его выдающа-

ся храбрость. Багговут разъезжал по войскам на вороном аргамаке. Могучий конь гнулся под седоком, весь облик которого напоминал о древнерусских былинных богатырях.

На отбитом у неприятеля Утицком кургане К.Ф. Багговут распорядился установить артиллерию, а войска расположил в оборонительном боевом порядке на случай отражения новых атак противника. К этому времени на подкрепление к нему подошел принц Евгений Виртембергский с двумя полками своей 4-й пехотной дивизии⁵⁶.

Наполеон, никак не ожидавший такого упорного сопротивления русских в Утицком лесу, приказал Понятовскому как можно скорее выбить их из леса. Около 13 часов, когда Понятовскому стало известно об успехах французов на флешах, он принял решение возобновить атаки. Построившись в две колонны, его войска пошли лесом в обход левого фланга Багговута. Но здесь они встретили упорное сопротивление только что прибывшей на левое крыло бригады 17-й пехотной дивизии, возглавляемой графом П.И. Ивеличем. На помощь ей в ходе лесного боя подошли Кременчугский и Минский полки 4-й пехотной дивизии, приведенные принцем Евгением Виртембергским, а также ратники Московского ополчения. Несмотря на сильный ружейный огонь противника, русские войска бросились в штыковую контратаку и после ожесточенного рукопашного боя опрокинули поляков.

Почти одновременно с этим обходным маневром неприятеля значительные его силы атаковали отряд Багговута с фронта. В отражении этой атаки врага особенно отличился Таврический гренадерский полк под командованием полковника Н.С. Сулимы. Более получаса он сдерживал натиск многократно превосходящего в силах противника. Подошедшие вскоре подкрепления заставили неприятеля отступить. За мужество и стойкость, проявленные в Бородинском сражении, Н.С. Сулима был произведен в генерал-майоры.

Потерпев неудачу в попытке обойти левый фланг русских, Понятовский снова атаковал Утицкий курган. Невзирая на сильный огонь нашей артиллерии, поляки храбро шли вперед и едва не ворвались на его вершину. Но в этот момент их контратаковал Кременчугский пехотный полк, возглавляемый полковником Д.И. Пышницким. Не выдержав мощного штыкового удара,

*Лейб-гвардии Гренадерский полк в сражении при Бородино
26 августа 1812 г. Художник М.Б. Греков. 1912–1913 гг.*

враг поспешно отступил. «В одну минуту неприятель был согнан с батареи и дерзость сего столь наказана штыками русских, что гора сия и была усеяна трупами неприятеля, — писал Багговут в своем донесении Барклаю-де-Толли, — а остальные спаслись бегством»⁵⁷. За отличие в сражении при Бородино полковник Пышницкий был произведен в генерал-майоры.

Итак, на протяжении многих часов все усилия 5-го пехотного корпуса противника разбивались о непоколебимую стойкость защитников Утицкого кургана. И только тогда, когда войска 2-й Западной армии отошли за Семеновский овраг и над Утицким отрядом нависла угроза оказаться отрезанным от главных сил армии, Багговут был вынужден оставить занимаемые позиции и начать отход на север, к верховьям Семеновского ручья, чтобы встать в одну линию с основными силами 2-й армии. Понятовский, воспользовавшись тем, что русские орудия умолкли, вновь перешел в наступление. Это заставило Багговута прекратить начавшееся было отступление и дать отпор неприятелю. Кровавопролитный бой в лесу продолжался до наступления сумерек. Все попытки врага отрезать Утицкому отряду пути отхода к Семеновскому оврагу оказались безуспешными, несмотря на

то, что он обладал значительным численным превосходством. Исход боя решили умелые действия артиллерийской роты подполковника Башмакова и стремительный удар егерей во фланг противнику. Отброшенный вглубь леса, он был вынужден прекратить преследование. Неудачей закончилась и попытка вестфальцев из корпуса Жюно выйти на пути отхода Утицкого отряда. Таким образом, отход от Утицкого кургана на соединение с главными силами 2-й Западной армии был осуществлен генерал-лейтенантом К.Ф. Багговутом блестяще.

Вместе с регулярными войсками самое активное участие в боях на Старой Смоленской дороге приняли ратники Московского и Смоленского ополчений. Они сражались, не уступая солдатам ни в храбрости, ни в умении противостоять противнику. В критический момент сражения, когда Утицкий курган был захвачен противником, ополченцы дружно бросились в контратаку. При этом особенно отличился 6-й пехотный полк во главе со своим командиром генералом Лопухиным. Вместе с лейб-гренадерским и Павловским полками он, «находясь под сильным картечным огнем, ударил в штыки на неприятеля, овладевшего высотой, и опрокинул одного». Уже в разгар сражения прибыл на Утицкий курган 7-й пехотный полк Московского ополчения (командир полка — генерал-майор Арсеньев). Находясь в течение нескольких часов под сильнейшим огнем противника, этот полк «оказал примерное мужество... и, презирая всякую опасность, везде побеждал неприятеля». Отважно действовали и егерские части ополчения. Так, 2-й егерский полк, находясь более шести часов под непрерывающимся артиллерийским обстрелом врага, не отступил ни на шаг. Непрерывно следовавшие одна за другой штыковые атаки ополченцев наводили ужас на противника. «Вдруг высокий лес ожил и завыл бурею. Семь тысяч русских бородачей высыпали из засады, — вспоминает один из участников этого боя — польский офицер. — Со страшным криком, с самодельными пиками и домашними топорами они кидаются на неприятеля, как в чащу леса, и рубят людей, как дрова»⁵⁸. Высокое боевое мастерство и личное мужество при ведении боевых действий в районе Утицкого кургана проявили командиры ополченческих соединений: бывший директор Тульского оружейного завода генерал-лейтенант В.Н. Чичерин

и генерал-майор Ф.И. Талызин, командовавшие соответственно 1-й и 3-й дивизиями Московского ополчения. Неоценимую роль в спасении нескольких тысяч раненых сыграли смоленские ополченцы. В ходе сражения значительная часть их выполняла обязанности санитаров. Они с большим мужеством и самоотверженностью действовали под огнем противника, нередко выбегали вперед боевых порядков и выхватывали раненых чуть ли не из рук противника. Главнокомандующий М.И. Кутузов, узнав об этом, со слезами на глазах благодарил смолян за усердие и мужество.

Значительная часть ополченцев до конца сражения оставалась в резерве. Это не осталось незамеченным противником, который принял их за нашу гвардию. Данное обстоятельство явилось одной из причин отказа Наполеона ввести в сражение свою гвардию. Таким образом, действия ополчения на Старой Смоленской дороге в немалой степени способствовали выполнению стоящей перед Утицким отрядом задачи. Все ополчен-

Московские ополченцы в боях на Старой Смоленской дороге.

Художник В. Келерман. 1957 г.

цы были награждены за Бородинское сражение 5 рублями каждый, а 52 наиболее отличившихся ратника удостоены знака отличия Военного ордена (Георгиевского креста). Различные боевые награды получили свыше 200 офицеров и все генералы ополчения.

Поздно ночью войска Понятовского отошли за Утицу и заняли оборонительную позицию, так и не сумев выполнить поставленную задачу. О том, какое большое значение придавал Наполеон действиям на Старой Смоленской дороге, свидетельствует такой факт. В ходе сражения, прежде чем решиться на какой-либо ответственный шаг, он неоднократно повторял: «На моей шахматной доске не все ясно. Я жду известий от Понятовского»⁵⁹.

Героически сражаясь на Утицком кургане, войска 2-го и 3-го пехотных корпусов, Московского и Смоленского ополчений сорвали планы Наполеона, не позволив его войскам обойти левый фланг русской армии. Они сковали значительные силы противника и в значительной степени способствовали успешным действиям 2-й Западной армии Багратиона на Семеновских флешах, а затем на Семеновском овраге. Тем самым Утицкий отряд внес весомый вклад в общий исход Бородинского сражения. Если бы не необдуманное вмешательство Беннигсена в планы М.И. Кутузова, то не исключено, что этот отряд мог оказать решающее влияние на ход боевых действий под Бородино.

3.8. Итоги сражения

К вечеру 26 августа (7 сентября) русская армия занимала почти те же позиции, что и в начале сражения, от Горок до Семеновского оврага, отойдя в общем на 1–1,5 км от главной позиции. До самого позднего вечера продолжались отдельные стычки стрелков, не смолкала артиллерийская канонада. Наполеону временами даже казалось, что русская армия вот-вот перейдет в наступление. Около 17 часов он выехал на рекогносцировку. Чтобы рассмотреть все лучше и детальнее, император оставил свиту за леском и выехал далеко вперед, почти к самым Горкам, не обращая внимания на свистевшие вокруг пули. Маршалы Бертье и Бессьер, а также Дюрок, Коленкур и один паж сопровождали его. На короткое время по пути к ним присоединился

Мюрат. Остановившись под пулями русских стрелков, Наполеон угрюмо вопрошал, обращаясь к спутникам: «Где ж наши выгоды? Я вижу победу, но не вижу выгод!» Ознакомившись с расположением русских войск, он решает сбить их с занимаемых позиций. Все сопровождающие его возражают. «Войска наши утомлены до изнеможения! — говорят маршалы. — Одна надежда на гвардию! Мы в 600 милях от Франции! Мы потеряли до 30 генералов. Чтобы атаковать русских, надобно жертвовать новыми войсками, ожидать новых потерь!» — «И что ж будет, если захватим батарею? (курган Горецкий, недалеко от Курганной высоты. — *Прим. авт.*) Получим в добычу еще одну горстку русских — и только! Нет, государь, — заключил маршал Бертье, — наша цель — Москва!» «Нужно беречь гвардию, — добавил маршал Бессьер, — вся надежда на гвардию. Она будет отвечать Франции за императора!» Все дружно убеждали Наполеона покинуть опасное место, но тот упрямился. Тогда один из генералов со словами: «Не здесь, государь, ваше место! Смотрите, русские нас заметили, на нас наводят пушки!» — взял под уздцы его лошадь и повел ее назад. Едва они отъехали всего несколько шагов, как русская картечь вспахала землю на том самом месте, где только что стоял император французов⁶⁰.

От Горок Наполеон направился к Семеновскому. Здесь он увидел скопление крупных сил русских, готовых, как ему показалось, двинуться вперед. Это произвело на императора сильное впечатление. По его приказу гвардейская артиллерия Сорбье немедленно сосредоточила огонь по этим колоннам и сорвала их атаку. Однако Наполеон задумался. Сквозь стелющиеся по земле облака порохового дыма он видел стоявшую в боевом порядке, не сломленную и не поколебленную русскую армию. Она не была побеждена и стояла, готовая к бою. Император французов был подавлен. Еще ни одно из полей сражений, в которых он участвовал, не имело такого ужасного вида. Нет перед ним тысяч пленных, сотен захваченных орудий, нет трофейных знамен. Вряд ли гвардия сможет сделать то, чего не смогла сделать вся армия. Поэтому, подтвердив еще раз, что он не намерен рисковать своей гвардией, Наполеон отправляется на командный пункт у Шевардино. По дороге он вызывает маршала Мортье и отдает ему приказ о выдвижении вперед Молодой

гвардии, но с тем условием, чтобы она ни в коем случае не переходила Семеновского оврага⁶¹.

М.И. Кутузов на протяжении всего сражения чутко улавливал его пульс, своевременно учитывая изменения обстановки на том или ином участке и оперативно реагируя на них. Уже во второй половине дня он верно определил, что противник в результате непрерывных и кровопролитных атак до предела утомлен и истощен, что он измотан сражением в гораздо большей степени, чем русские войска. Богатейший боевой опыт подсказывал Кутузову, что победа остается на стороне того, кто в решающий момент сражения найдет в себе силы выстоять до конца.

Так и получилось. Наполеон, дождавшись наступления темноты, отдал распоряжение об отводе своих расстроженных войск в исходное положение. Французы оставили захваченную ценой огромных потерь Курганную высоту, Утицкий курган, село Бородино, деревню Утицу и отступили за реку Колоча. На правом берегу ее остались лишь их передовые отряды. В течение всей ночи неугомонные казаки продолжали держать французские войска в постоянном напряжении. Целые дивизии противника из предосторожности против ночного нападения на многие часы становились в ружье. Во время одной из ночных тревог даже императорская гвардия была вынуждена спешно построиться в каре вокруг шатра Наполеона⁶². С победителями обычно таких казусов не бывает!

В донесении М.И. Кутузова царю говорилось: «...войска, в центре находящиеся под командою генерала от инфантерии Милорадовича, заняли высоту, близ кургана лежащую, где, поставя сильные батареи, открыли ужасный огонь на неприятеля. Жестокая канонада с обеих сторон продолжалась до глубокой ночи. Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю цельными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступила»⁶³. Таким образом, к исходу дня Бородинская позиция оставалась в руках русской армии. В течение ночи нашими войсками вновь были заняты Курганная высота, Утицкий курган и деревня Утица. Следовательно, первоначальное положение русских войск в основном было восстановлено. В донесении Александру I Кутузов докладывал: «Место баталии нами

М.И. Кутузов на командном пункте в день Бородинского сражения.

Художник А. Шепелюк. 1951 г.

одержано совершенно, и неприятель ретировался тогда в ту позицию, в которую пришел нас атаковать»⁶⁴.

Несмотря на огромные потери, русская армия продолжала сохранять полный порядок. Войска горели желанием продолжать сражение. Кутузов тоже считал возможным возобновить его на следующий день. О своем намерении он сообщил вечером Барклаю-де-Толли и Дохтурову. Войска с восторгом восприняли эту весть. Поздно вечером Кутузов поручает полковнику К.Ф. Толю отправиться на левый фланг и изучить состояние 2-й армии. Из его доклада, рапортов командиров соединений стало ясно, что эта армия понесла огромные потери. Были роты и батальоны, истребленные почти целиком. Были и дивизии, от которых осталось всего по несколько сотен человек. Были корпуса, больше походившие по своей численности на бригады. Простейший анализ показывал, что продолжать сражение с оставшимися силами практически было невозможно. Исходя из сложившейся обстановки, М.И. Кутузов принима-

ет решение оставить Бородинское поле. По его замыслу, в Бородинском сражении следовало измотать противника и не пустить его в Москву. Если первая цель была достигнута, то второй достигнуть не удалось. Планируя это сражение как оборонительное, Кутузов, естественно, стремился к победе. Однако предполагая, что добиться победы будет нелегко, в диспозиции от 24 августа (5 сентября) он указал: «На случай неудачного дела генералом Вистицким несколько дорог открыто, которые сообщены будут главнокомандующим и по коим армии должны будут отступать»⁶⁵. На рассвете 27 августа (8 сентября) русская армия начала отход к Можайску.

Бородинское сражение продолжалось 12 часов. Оно было одним из самых кровопролитнейших, известных до сих пор в военной истории. Потери русской армии в нем, включая и бой при Шевардино, составили более 55 тыс. человек, в том числе 29 генералов⁶⁶. В командном составе потери исчислялись в 874 человека⁶⁷, из них убитыми — 6 генералов и 166 офицеров, ранеными — 23 генерала и около 700 офицеров⁶⁸. Из общего количества понесенных русской армией потерь на 1-ю Западную армию приходилось 38,5 тыс.⁶⁹ Остальные потери падают на 2-ю армию⁷⁰.

Наполеоновская армия при Бородино потеряла более 50 тыс. человек (по французским данным, 30 тыс. человек), в том числе 47 генералов (из них 12 убитыми). Таким образом, «Великая армия» Наполеона потеряла 39% своего состава. Особенно тяжелые потери понесла кавалерия — около 16 тыс. человек, или 57% ее состава⁷¹. Русская армия потеряла 46% своего состава.

Наибольшие потери противник понес утром, когда его войска атаковали Семеновские флешы; наши войска — во второй половине дня, когда долго стояли в плотных боевых порядках под перекрестным огнем французских батарей. На остальных этапах сражения потери были примерно равными. Трофеи с обеих сторон были примерно равны. Наши войска в ходе сражения захватили у противника 13 орудий, а потеряли — 15. Кроме того, у нас было подбито 37 пушек. Число подбитых орудий у противника неизвестно, но, по всей вероятности, оно было не меньшим. Пленных с обеих сторон оказалось крайне мало. Ожесточение сражавшихся было таково, что в большинстве своем их

просто не брали. В самый разгар сражения Милорадович и Раевский даже давали червонцы тем солдатам, которые не убивали пленных, а приводили их живыми⁷². В плен нашими войсками было взято до 1000 французов и их союзников, французами — 700 человек⁷³. Вскоре после изгнания врага из Москвы на Бородинском поле было сожжено около 59 тыс. человеческих тел и 35,5 тыс. конских трупов⁷⁴.

Давая оценку сражению при Бородино, Наполеон, уже будучи на острове Святой Елены, говорил: «Из всех моих сражений самым ужасным было то, которое я дал под Москвою. Французы показали себя в нем достойными одержать победу, а русские стяжали славу быть непобедимыми»⁷⁵. Бородинское сражение не дало ярко выраженного успеха ни той, ни другой стороне. Наполеон стремился в этом сражении разгромить русскую армию, открыть путь на Москву и, принудив Россию к капитуляции, продиктовать ей условия мирного договора, как это было пять лет тому назад в Тильзите. Но ни одной из этих целей он не достиг.

Не удалось и Кутузову остановить наступление противника, преградить ему дорогу к Москве и начать изгнание врага из пределов России. Однако задачи активной обороны непосредственно в сражении русская армия полностью выполнила: удержала за собой поле боя и нанесла врагу огромные, невосполнимые потери. Следовательно, в отличие от стратегических, тактические цели были достигнуты. Бородинская битва знаменовала собой кризис наполеоновской стратегии генерального сражения. Именно здесь, на Бородинском поле, впервые с особой силой проявилась вся несостоятельность наполеоновской теории достижения целей войны в одном генеральном сражении, которая стала для него и его последователей своего рода «рецептом победы». Стремясь в любой обстановке разгромить армию противника и достигнуть решительной победы одним мощным ударом, Наполеон канонизировал это положение, превратил его в шаблонный принцип, якобы безотказно действующий в любое время и при всех обстоятельствах.

Подводя итог Бородинскому сражению, необходимо отметить три главных результата: Наполеону не удалось сломить сопротивление русской армии, разгромить ее в генеральном

сражении и открыть себе свободный путь на Москву; огромные потери, понесенные в сражении, серьезно подорвали боевые возможности наполеоновской армии; в сражении при Бородино наполеоновская армия понесла невосполнимый моральный ущерб, в то время как у русских войск возросла уверенность в победе над врагом.

С точки зрения военного искусства Бородинское сражение изобиловало примерами тактического мастерства русских войск. В первую очередь следует отметить применение ими на поле боя широкого маневра, как по фронту, так и из глубины. Маневр силами и средствами в ходе сражения придавал обороне русской армии особую устойчивость и лишал противника возможности создать решающее превосходство в силах на том или ином направлении. Все его атаки оказались бесплодными. Далее, если у французов почти все атаки были, как правило, лобовыми, то у русских контратаки были построены в основном на сочетании фронтальных и фланговых ударов. Заслуживает внимания умелое взаимодействие в сражении всех трех родов войск русской армии — пехоты, артиллерии и кавалерии. Главную тяжесть боев, естественно, вынесла на своих плечах

Конец Бородинского сражения. Художник В. Верещагин. 1899–1900 гг.

*26 августа 1812 г. Иллюстрация к стихотворению
М. Ю. Лермонтова «Бородино». Художник В. Шевченко*

пехота, составлявшая основу боевого порядка армии. Она же понесла и наибольшие потери, являвшиеся следствием крайнего напряжения борьбы, а также чрезмерной плотности боевых построений. На протяжении всего сражения пехота бесчисленное количество раз контратаковала противника, доводя каждый раз контратаку до штыкового удара. В этих контратаках, отличавшихся крайним ожесточением, она наносила противнику большие потери, но несла потери и сама. При значительной плотности войск первой линии общая глубина боево-

го порядка русской армии позволяла французской артиллерии поражать не только обе линии пехоты, но и кавалерию, а иногда и общий резерв. Такое расположение войск, принятое для противодействия массированным атакам противника, вынуждало их находиться по нескольку часов в бездействии под сильным огнем вражеской артиллерии. Разумеется, потери при этом были довольно велики.

Важную роль в сражении сыграла легкая пехота (егеря). Действуя, как правило, в рассыпных строях, они метким прицельным огнем наносили большой урон неприятелю. Особенно чувствительными для него были огромные потери в командном составе и артиллерийской прислуге.

Большую роль в Бородинском сражении сыграла кавалерия, в полной мере проявившая свои высокие боевые качества. Хотя по своей численности русская кавалерия и уступала французской, но ее действия в ходе битвы отличались большей решительностью в контратаках, искусным маневрированием на поле боя и внезапностью. Вследствие умелого использования и тесного взаимодействия с другими родами войск ее потери оказались сравнительно небольшими — менее одной трети от первоначального состава.

Выдающуюся роль в сражении сыграла артиллерия. Она явилась одним из главных средств отражения атак противника. Об этом свидетельствует такой показатель, как расход снарядов в ходе сражения. Он превысил 60 тыс. снарядов, то есть около 100 снарядов (ядер, гранат и картечных выстрелов) на одно орудие. Впрочем, следует отметить, что и у французской артиллерии данный показатель был очень высок — 91 тыс. выстрелов⁷⁶. Об эффективности боевых действий артиллерии говорит такой факт: наибольшие потери в сражении при Бородино (до 75%) противник понес в боях за такие артиллерийские пункты, как Семеновские флешы и Курганная батарея. Используемая массированно, русская артиллерия являлась важнейшей составной частью этих главных опорных пунктов наших войск, борьба за которые вылилась, по существу, в основное содержание Бородинского сражения. Опираясь на огневую мощь артиллерии, наши пехота и кавалерия могли успешно маневрировать на поле боя; за ее огненным щитом, расстроенные противником,

они приводили себя в порядок и вновь шли в бой. На заключительном этапе сражения русская артиллерия показала свое полное превосходство над артиллерией противника.

В Бородинском сражении очень отчетливо проявились характерные черты тактики колонн и рассыпного строя. Обе стороны ставили перед собой решительные цели, действия войск отличались высокой активностью и настойчивостью. Боевые порядки наступающих и обороняющихся войск состояли из одинаковых элементов: рассыпной строй стрелков (егерей), батальонные колонны линейной пехоты, развернутые строи и колонны конницы, резервы и сильные группировки артиллерии. Атаки и контратаки, как правило, готовились огнем стрелков и артиллерии и осуществлялись прямым ударом сомкнутых масс пехоты и конницы. Маневр превратился в важнейший элемент боя и широко применялся как в наступлении, так и в обороне. Силы и средства распределялись по фронту не равномерно, а сосредоточивались на основных направлениях. Выявилась важная роль системы артиллерийских опорных пунктов. Одним из важнейших условий достижения успеха в сражении явилось наличие сильных резервов и своевременный ввод их в действие. Именно благодаря таким резервам русской армии удалось отразить все мощные удары противника. Однако в результате продолжительного и крайне напряженного сражения они были почти полностью израсходованы. К исходу дня в резерве у Кутузова оставались лишь шесть полков и несколько рот артиллерии⁷⁷.

Наполеону же удалось полностью сохранить свою гвардию, которая так и не была введена в сражение. Кроме того, на подходе к нему находились шедшая из Смоленска 1-я дивизия Молодой гвардии генерала А. Делаборда и спешившая из Витебска на соединение со своим корпусом 15-я пехотная (итальянская) дивизия генерала Д. Пино. С учетом этих двух дивизий численность «Великой армии» после Бородино составляла 95 тыс. человек. У Кутузова же под ружьем оставалось не более 65 тыс. человек.

В сражении при Бородино со всей отчетливостью проявились и недостатки тактики колонн и рассыпного строя. Основными из них являлись: большие потери от огня противника

при плотных и глубоких построениях боевых порядков войск и невозможность одновременного сочетания огня и удара, поскольку гладкоствольная, заряжаемая с дула артиллерия только подготавливала атаку пехоты, но поддерживать ее не могла.

За мужество и героизм, проявленные в Бородинском сражении, все рядовые его участники были награждены 5 рублями каждый⁷⁸. Наиболее отличившиеся при Бородино солдаты и унтер-офицеры, кроме того, были удостоены знаков отличия Военного ордена (Георгиевских крестов). Всего таких награждений было произведено 2000⁷⁹. Главнокомандующий армией генерал от инфантерии светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов произведен в генерал-фельдмаршалы и, кроме того, пожалован 100 тыс. рублей⁸⁰. Командующий 1-й Западной армией генерал от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли награжден орденом Георгия 2-й степени; командующий 2-й Западной армией генерал от инфантерии князь П.И. Багратион — 50 тыс. рублей; генералы от инфантерии М.А. Милорадович и Д.С. Дохтуров — алмазными знаками к ордену Александра Невского; генерал-лейтенанты Н.Н. Раевский, граф А.И. Остерман-Толстой и К.Ф. Багговут — орденами Александра Невского; генерал-лейтенант М.М. Бороздин (командир 8-го пехотного корпуса) — орденом Владимира 2-й степени.

Орденом Анны 1-й степени были награждены: генерал-майор А.П. Ермолов (начальник штаба 1-й армии), генерал-майор И.Ф. Паскевич (начальник 26-й пехотной дивизии), генерал-майор И.М. Дука (начальник 2-й кирасирской дивизии), генерал-майор А.И. Цвилинев (командир бригады 1-й гренадерской дивизии), генерал-майор барон Г.В. Розен (командир 1-й гвардейской пехотной бригады), генерал-майор И.Е. Шевич (командир бригады 1-й кирасирской дивизии), генерал-майор П.Н. Чоглоков (командир бригады 11-й пехотной дивизии), генерал-майор князь И.С. Гуриэлов (командир бригады 23-й пехотной дивизии), генерал-майор П.Н. Ивашев (начальник инженеров Главной армии) и генерал-майор Е.Х. Ферстер (начальник инженеров 2-й армии). Генерал-майоры М.С. Вистицкий (генерал-квартирмейстер Главного штаба) и граф М.С. Воронцов (начальник 2-й Сводно-гренадерской дивизии) получили ордена Анны 1-й степени с алмазами.

Ф.К. Корф.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Ордена Георгия 3-й степени были удостоены: генерал-лейтенанты — П.М. Капцевич (начальник 7-й пехотной дивизии), Н.И. Лавров (командир 5-го пехотного корпуса), князь Д.В. Голицын (командир Кирасирского корпуса), князь А.И. Горчаков (начальник пехоты 2-й армии), З.Д. Олсуфьев (начальник 17-й пехотной дивизии); генерал-майоры — Н.М. Бороздин (командир бригады 1-й кирасирской дивизии), барон К.Ф. Левенштерн (начальник артиллерии 2-й армии), граф К.К. Сиверс (командир 4-го кавалерийского корпуса), принц Евгений Виртембергский (начальник 4-й пехотной дивизии), В.Г. Костенецкий (начальник артиллерии 6-го пехотного корпуса), В.Д. Лаптев (командир бригады 11-й пехотной дивизии), Н.В. Кретов (командир бригады 2-й кирасирской дивизии) и Б.Б. Фок (командир бригады 1-й гренадерской дивизии).

Золотые шпаги, украшенные алмазами, с надписью «За храбрость» получили: генерал-лейтенант П.П. Коновницын (начальник 3-й пехотной дивизии); генерал-майоры — князь И.Л. Шаховской (командир егерской бригады 3-й пехотной дивизии), граф А.П. Ожаровский (состоял при Главной квартире), С.Д. Панчулидзе 2-й (командир бригады 2-го кавалерийского корпуса), А.С. Чаликов (командир 2-й бригады легкой гвардей-

ской кавалерийской дивизии), а также царские родственники герцог А. Виртембергский и принц А. Ольденбургский.

В чин генерал-лейтенанта были произведены генерал-майоры — барон Ф.К. Корф (командир 2-го кавалерийского корпуса), А.Н. Бахметьев (начальник 23-й пехотной дивизии), И.В. Васильчиков (начальник 12-й пехотной дивизии), Д.П. Неверовский (начальник 27-й пехотной дивизии), граф П.А. Строганов (начальник 1-й гренадерской дивизии), принц Карл Мекленбургский (начальник 2-й гренадерской дивизии) и И.С. Дорохов (командир бригады 3-го кавалерийского корпуса)⁸¹.

Кроме вышеперечисленных генералов, за отличие в сражении при Бородино 30 офицеров и генералов были награждены орденом Георгия 4-й степени, 40 — орденом Анны 2-й степени с алмазами, 100 — орденом Анны 2-й степени, 350 — орденом Анны 3-й степени, 200 — орденом Владимира 4-й степени, 3 — орденом Владимира 3-й степени, 250 — золотыми саблями или шпагами с надписью «За храбрость»⁸². Несколько полковников были произведены в чин генерал-майора. Наградой многим офицерам было повышение в чине или в должности.

Часть II

КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ

ГЛАВА 4

Русский орел расправляет крылья

4.1. Тарутинский марш-маневр

Сумрачной была ночь на 27 августа (8 сентября) на Бородинском поле. Шел мелкий холодный дождь, дул осенний ветер. Тускло и редко горели бивуачные огни. Командиры и начальники с трудом собирали вокруг себя людей, разметанных бушевавшим целый день огненным вихрем. Кутузов в ту ночь не смыкал глаз. Отдав распоряжение об отступлении армии, он сначала принял Баркляя-де-Толли, затем долго беседовал с Беннигсеном, а на рассвете диктовал донесение царю. В этом донесении Кутузов ни единым словом не обмолвился ни о победе, ни об отступлении французов, а говорил только о небывалом по упорству и размаху сражении, беспримерном мужестве и героизме войск, об огромных потерях с обеих сторон и своем намерении отойти за Можайск, а там «увиджу, что могу предпринять»¹.

Отступление русской армии от Бородино началось сразу же после полуночи. Первой выступила артиллерия, за нею часа через три тронулась пехота, потом кавалерия. К рассвету на Бородинском поле оставался только арьергард под командованием атамана Платова. Противник продолжал стоять неподвижно. Около 8 часов утра из французского лагеря выехала боль-

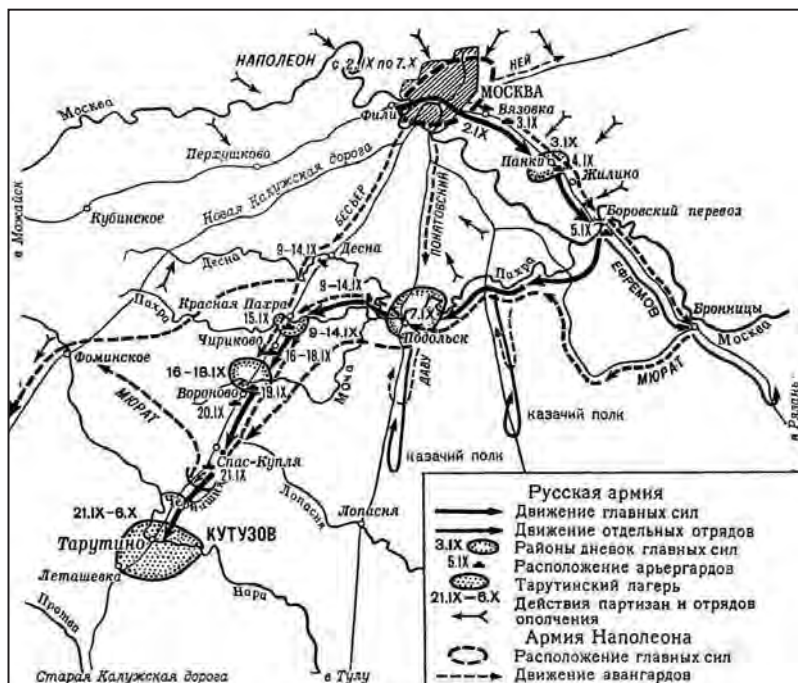
шая группа всадников и вскоре приблизилась почти вплотную к линии аванпостов. Из нашей передовой цепи хорошо было видно Наполеона, обозревающего поле вчерашнего сражения. Убедившись, что русская армия отступает к Можайску, он около полудня двинулся вперед. В авангарде, как обычно, шел Мюрат. На некотором удалении за ним — гвардия, корпуса Даву и Нея. Слева следовал вице-король, справа — Понятовский. Корпус Жюно был оставлен на поле сражения для сбора раненых и наведения порядка в тылу армии.

К вечеру французский авангард подошел к Можайску. Мюрат имел задачу овладеть этим городом и продвинуться восточнее его. Но казаки Платова оказали упорное сопротивление и удерживали Можайск до утра следующего дня, то есть столько времени, сколько нужно было для вывоза всех имеющихся там запасов и раненых. Все усилия Мюрата, подкрепленного Молодой гвардией, овладеть городом окончились неудачей².

На следующий день русский арьергард оставил Можайск. Под сильным напором противника Платов отступал слишком поспешно и позволил приблизиться Мюрату к нашим главным силам на расстояние до 3 км. Это вызвало неудовольствие Кутузова, и Платов был заменен М.А. Милорадовичем³. Одновременно арьергард был усилен свежими войсками. На его усиление прибыли: 1-й кавалерийский корпус Уварова, шесть егерских (4, 11, 30, 33, 36 и 48-й) и четыре пехотных (Бутырский, Либавский, Софийский и Томский) полка⁴.

Русская армия отходила за реку Нара, к Крутицам, а Милорадович в течение всего дня 29 августа (10 сентября) отражал настойчивые атаки Мюрата на позиции у села Крымского. В результате французский авангард был отброшен с большими потерями, и его продвижение остановлено почти на двое суток. Русская армия могла теперь спокойно отходить к Москве, ее уже не беспокоил близкий гул артиллерийской канонады. Надо сказать, что Милорадович умело справлялся с порученной ему задачей, удерживая неприятеля километрах в тридцати, а иногда и более от главных сил армии. Расстояние от Бородино до Москвы в 124 км было преодолено русскими войсками за шесть суток. Получив мощный отпор под Можайском и у Крымского, Мюрат больше уже не пытался нападать

на наш арьергард. Дело было здесь, конечно, не только в нерешительности и пассивности Мюрата. Неаполитанский король по своей горячей натуре способен был очертя голову бросаться туда, куда приказывал ему повелитель. После Бородинского сражения вражеская конница оказалась ослабленной в большей мере, нежели русская. Ее невысокая активность являлась следствием тех огромных потерь, которые она понесла в только что закончившейся битве. При резком падении боеспособности своей наиболее подвижной и маневренной части войск — кавалерии, Наполеон, естественно, не мог организовать эффективного преследования отступающей русской армии. На одно из замечаний Мюрата, недовольного действиями 1-го кавалерийского корпуса Нансути, его командир ответил: «Это происходит от того, что лошади мои не имеют патриотизма. Наши солдаты хорошо дерутся без хлеба, но лошади без овса не исполняют своей обязанности»⁵.

Тарутинский марш-маневр

В первые дни после Бородино русская армия отходила к Москве четырьмя колоннами. Первая колонна под командованием Д.С. Дохтурова следовала по Старой Смоленской дороге. В ее состав входили войска 2-й армии, 2-го и 3-го пехотных корпусов. Вторая колонна, которую возглавлял М.А. Милорадович, двигалась между Новой и Старой Смоленскими дорогами. В ее состав входили 4, 5 и 6-й пехотные корпуса. Третью колонну составляла артиллерия, которая передвигалась по Новой Смоленской дороге. Четвертую колонну составляли 2-й и 3-й кавалерийские корпуса, совершавшие отход левее Новой Смоленской дороги⁶. Последние четыре перехода войска осуществляли марш тремя колоннами. Основная их масса следовала по Старой Смоленской дороге и вблизи от нее⁷. Отступление осуществлялось в полном порядке, о чем свидетельствует и противник⁸. Немаловажная заслуга в этом принадлежала арьергарду Милорадовича, который своими умелыми и активными действиями исключил всякие попытки неприятеля помешать организованному отходу русских войск⁹.

Русское командование в этот период принимало все зависящие от него меры, чтобы не допустить врага к Москве. Так, в одном из писем к Ф.В. Ростопчину Кутузов, сообщая о приближении русской армии к Москве, отмечал, что с подходом резервов он не только сможет «противиться неприятелю, но даже ожидать и поверхности над оным»¹⁰. Однако не так-то легко и не так-то просто было принять решение на новое сражение под Москвой. Поэтому важнейшим вопросом, над которым все это время работал М.И. Кутузов, был вопрос: как быть с Москвой? Ответ на него не мог быть однозначным: предстояло или сражаться у стен Москвы и защищать ее до последнего солдата, или оставить вторую столицу без боя и сохранить армию. Люди, имевшие возможность видеть Кутузова в эти дни, свидетельствуют, с каким напряжением ума полководец обдумывал свои дальнейшие действия. Его тревога все возрастала. Заканчивался третий день отступления, но ни подкреплений, ни сведений о них не было. Главнокомандующий запрашивает по этому вопросу князя Д.И. Лобанова-Ростовского, непосредственно занимавшегося формированием резервов. Одновременно он предписывает ему ускорить отправку к Москве новых войск, Туль-

скому и Калужскому губернаторам — прислать продовольствие для армии, а начальникам ополчений этих губерний — усилить охрану их границ. 29 августа (10 сентября) М.И. Кутузов пишет Александру I: «Сегодня нахожусь я в деревне Наре и должен отступить еще, потому что не одно из тех войск, которые ко мне для подкрепления следуют, еще не сблизилось, а именно: три полка, в Москве сформированные под ордером Клейнмихеля, и полки формирования князя Лобанова-Ростовского, которые приближаются к Москве»¹¹.

30 августа (11 сентября), когда в Петербурге праздновали отпор, данный Наполеону при Бородино, главные силы русской армии расположились у села Большие Вяземы. Арьергард с боем отходил к селу Кубенскому. За ним по пятам следовала кавалерия Мюрата. Здесь, в Больших Вяземах, Кутузов получает сообщение о том, что два вражеских корпуса совершают обход его с флангов: войска вице-короля Е. Богарне идут на Рузу, а Понятовского — на Верею. К концу этого трудного для него дня главнокомандующему доставили царский рескрипт. Александр I извещал Кутузова, что запрещает присоединение полков Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля к армии, которая впредь будет пополняться рекрутами только «по мере их приготовления». А пока он рекомендовал Кутузову использовать «московскую силу» (новое Московское ополчение), якобы доведенную Ростопчиным до 80 тыс. человек. Для Кутузова это был удар, жестокий и неожиданный. Ведь в расчете на резервы Кутузов строил свои планы по защите Москвы.

И вновь скачут гонцы (полковник князь Кудашев, ротмистр граф Апраксин и другие) к Московскому генерал-губернатору с требованием как можно скорее прислать подкрепления, боеприпасы для артиллерии и подводы для отправки раненых. Внешне главнокомандующий оставался спокойным. Но тон его писем выдавал возрастающее волнение. Многие из них заканчивались словами: «Ради Бога, прошу помощи скорейшей»¹².

В ночь на 31 августа (12 сентября) армии был отдан приказ о движении к Москве. Командиры корпусов получили распоряжение начать марш в 2 часа ночи. Лагерь ожил задолго до этого времени. И вот уже колонны войск двинулись по Большой дороге к Москве. И лишь арьергарду было приказано отойти к Се-

туни и там ждать неприятеля. Утром в главную квартиру поступило донесение Беннигсена о том, что позиция для сражения найдена в 3 км от Москвы. Кутузов посмотрел на карту. До города оставался один переход...

Отводя армию вглубь страны, М.И. Кутузов отчетливо сознавал, что неперенным условием перехода в контрнаступление является создание численного превосходства над противником, наличие крупной группировки войск для его осуществления. Хотя в сражении при Бородино наполеоновской армии был нанесен мощный удар и она была серьезно ослаблена, однако соотношение в силах все же еще оставалось неблагоприятным для русской армии. Более того, в результате Бородинского сражения оно ухудшилось. Если до него соотношение сил было 1,1:1 в пользу противника, то теперь оно стало почти 1,5:1. Для Кутузова положение усугублялось тем, что отсутствовали те источники, которые давали бы возможность быстро увеличить численность армии. Тщательный анализ сложившейся обстановки приводил его к выводу — в таких условиях давать новое сражение под Москвой было бы слишком рискованным шагом. Ради спасения армии и государства, во имя будущей победы над врагом необходимо было пожертвовать Москвой.

1 (13) сентября, на шестой день после отступления с Бородинского поля, русская армия подходила к Москве. До стен древней столицы оставалось около 4 км. В дорожном экипаже к Поклонной горе подъехал генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов. С первого взгляда опытному военачальнику можно было заметить, что выбранная Беннигсеном позиция была слишком обширной для армии, так и не получившей подкреплений: по фронту она занимала около 6 км, в глубину — до 2 км. Правый фланг ее упирался в изгиб Москвы-реки, центр находился западнее села Троицкого, а левый фланг примыкал к Воробьевым горам. С высоты Поклонной горы было хорошо видно, что две извилистые речки, пересекавшие позицию с запада на восток, разобщали войска в случае их размещения на этой местности; бесчисленные овраги и рытвины могли бы серьезно затруднить передвижение войск на поле боя, а в тылу протекала широкая Москва-река с крутым правым берегом, обращенным в сторону наших войск. В случае неудачного исхода сражения

им необходимо было бы переправляться через нее. Но на реке имелось только восемь наплавных мостов, которыми в случае необходимости могла воспользоваться лишь пехота. Для артиллерии и конницы мосты эти были непригодны, а крутой берег реки труднодоступен.

Между тем к Кутузову, оставившему экипаж и сидевшему на маленькой дорожной скамейке, подходили и подъезжали генералы и располагались небольшими группами поодаль. Подъехал генерал-губернатор Москвы Ростопчин. Никакого войска — 80-тысячной «московской силы» — с ним не было. Заметив Барклая-де-Толли, Кутузов попросил его внимательно осмотреть позицию и доложить о ней свое мнение. С такой же просьбой главнокомандующий обратился к Ермолову и Толю. Барклай, преодолевая болезненное состояние (уже несколько дней его мучила малярия), верхом объехал позицию и, убедившись в ее непригодности, высказал свое заключение Кутузову. Вскоре подъехали Ермолов и Толь. Они тоже критически отнеслись к выбранной Беннигсеном позиции. Главнокомандующий выслушал всех троих внимательно. Он даже пощупал пульс на руке Ермолова и спросил его: «Здоров ли ты?», когда тот с горячностью доказывал, что позиция крайне неудачна.

До фельдмаршала долетали слова спорящих между собой адъютантов его свиты и офицеров штаба. Спорили не о том, давать или не давать сражение. Казалось, всем было ясно — давать непременно. Наперебой высказывались предложения, как лучше расположить войска. Чуть поостыв, стали любоваться Москвой, которая отсюда, с высоты Поклонной горы, казалась сказочным городом. Было ясное утро. В лучах осеннего солнца золотились, голубели купола бесчисленных церквей, пестрели разноцветной мозаикой крыши домов, отчетливо вырисовывались величественные башни древнего Кремля. У себя за спиной Кутузов услышал взволнованные голоса: «Лучше умереть у ее стен!» Окажись подобная позиция где-нибудь в другом месте, ее оставили бы без долгих разговоров, немедленно. Но здесь, в виду Москвы, все медлили, совещались и придумывали хоть какую-то зацепку, которая позволила бы склониться в пользу сражения. По тогдашним понятиям, не существовало столь великой жертвы, которую нельзя было бы прине-

М.И. Кутузов на Поклонной горе перед военным советом в Филях.

Хромолитография по оригиналу А. Кившенко. 1893 г.

сти во имя спасения Москвы. Кутузов по себе знал, что значит для сердца русского человека Москва, и при мысли о том, что ее придется оставить на поругание врагу, в его душе рождались мучительные переживания. Но разум настойчиво и методично подсказывал, что самым страшным преступлением перед Родиной будет потеря армии.

Около полудня, отдав распоряжение главным военачальникам о том, что на 17 часов для решения вопроса о сражении назначается военный совет, главнокомандующий направился в деревню Филя. Последние его слова, когда он покидал Поклонную гору, были обращены к принцу Евгению Виртембергскому: «В этом деле мне надобно полагаться только на самого себя, каков бы я ни был, умен или прост»¹³.

К этому времени М.И. Кутузовым были произведены необходимые перемещения в высшем командном составе. Исполняющим должность командующего 2-й Западной армией вместо П.И. Багратиона был назначен генерал от инфантерии М.А. Милорадович, а командиром 3-го пехотного корпуса вместо Н.А. Тучкова — генерал-лейтенант П.П. Коновницын¹⁴. Начальником 3-й пехотной дивизии вместо П.П. Коновницына стал генерал-майор князь И.Л. Шаховской, начальником

Военный совет в Филях в 1812 г. Художник А. Кившенко. 1882 г.

11-й пехотной дивизии вместо Н.Н. Бахметьева — генерал-майор П.Н. Чоглоков, начальником 23-й пехотной дивизии вместо А.Н. Бахметьева — генерал-майор В.Д. Лаптев, начальником 24-й пехотной дивизии вместо П.Г. Лихачева — генерал-майор Б.Б. Фок. Одновременно были осуществлены и назревшие организационные мероприятия. Так, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса были сведены в один под командованием генерал-лейтенанта барона Ф.К. Корфа. В кавалерийских полках было уменьшено количество эскадронов. Личный состав расформированных подразделений пошел на доукомплектование оставшихся. Пехотные полки, в которых осталось менее 300 штыков, сведены в один батальон. Для замещения офицерских вакансий Кутузов разрешил командирам полков и артиллерийских рот представлять к производству в офицеры наиболее достойных портупей-прапорщиков, подпрапорщиков и даже унтер-офицеров. Многие армейские полки были доукомплектованы за счет ратников ополчения¹⁵.

Подмосковная деревня Филя, состоявшая всего из нескольких крестьянских дворов, располагалась недалеко от Поклонной горы, в 4 км от Дорогомиловской заставы. Здесь, в избе крестьянина А. Фролова, разместилась главная квартира Кутузова.

Эта крестьянская изба стала местом проведения 1 (13) сентября 1812 г. военного совета, решившего участь Москвы.

Осенний день клонился к закату, однако не было еще отдаленных приказаний о подготовке ни к сражению, ни к оставлению Москвы. Один за другим входили в избу генералы и рассаживались за крестьянским столом, стоявшим в переднем углу. Кутузов сидел в стороне на походном кресле. Целый час ждали Беннигсена. В горнице слышались встревоженные, приглушенные голоса. С приходом начальника Главного штаба совещание началось. Несколько позже прямо с передовых позиций прибыл Раевский. На военном совете присутствовало 11 человек: генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен, генералы от инфантерии М.Б. Барклай-де-Толли и Д.С. Дохтуров, генерал-лейтенанты П.П. Коновницын, Н.Н. Раевский, А.И. Остерман-Толстой, Ф.П. Уваров, генерал-майор А.П. Ермолов, полковники К.Ф. Толь (и.д. генерал-квартирмейстера Главного штаба армии) и П.С. Кайсаров (дежурный генерал Главного штаба армии, исполнявший на военном совете обязанности секретаря).

Беннигсен поспешил открыть военный совет вопросом: выгодно ли сразиться под стенами Москвы или оставить ее неприятелю без боя? Но Кутузов прервал его и заметил, что вопрос начальника Главного штаба поставлен неправильно и что ему нужно знать мнение членов совета: следует ли рисковать армией, занимающей невыгодную позицию, или оставить Москву и сохранить армию? Затем главнокомандующий охарактеризовал сложившуюся обстановку и в заключение сказал: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор останется надежда счастливо довершить войну, но по уничтожении армии не только Москва, но и вся Россия была бы потеряна»¹⁶. Потом он поставил перед военачальниками вопрос: «Ожидать ли нападения неприятеля в неудобной позиции или отступить за Москву?» В развернувшихся прениях главными действующими лицами были Беннигсен и Барклай-де-Толли. Их мнения были прямо противоположными. Барклай без обиняков заявил, что на занимаемой позиции армия подвергнется неминуемому разгрому, и предложил отступить. Беннигсен энергич-

но ему возражал, ссылаясь на тяжкие для страны и армии последствия, которые будут связаны со сдачей Москвы. «Стыдно оставлять столицу без выстрела! Если мы решимся отступить, то никто не поверит, что Бородинское сражение нами выиграно, когда последствием его окажется потеря Москвы!» — горячился начальник штаба. Он высказался за сражение. Один за другим высказывали свое мнение участники совета. Почти все признавали позицию, выбранную Беннигсеном, непригодной. Но трудно, почти невозможно было произнести три роковых слова: «Оставить без боя». Казалось, лучше погибнуть под Москвой, чем отступить. Скоро выяснилось, что мнения разделились. Беннигсена поддержали Дохтуров, Ермолов, Коновницын и Уваров. С доводами Баркляя-де-Толли согласились Раевский, Остерман-Толстой и Толь. Когда все высказались, фельдмаршал подвел итог оживленной дискуссии. В наступившей тишине уверенно прозвучали его слова: «С потерей Москвы еще не потеряна Россия... Знаю, что вся ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества!» Затем, встав с кресла, он объявил свое решение: «Властью, данной мне государем и Отечеством, приказываю отступить!» — и вышел из комнаты¹⁷. Кутузов был явно подавлен — это было ясно всем, наблюдавшим его.

Военный совет продолжался довольно долго. Все с нетерпением ожидали его решения. Наконец уже поздно вечером распахнулись двери избы и один за другим на крыльцо начали выходить генералы — участники совета. Мало-помалу, сначала шепотом, а затем все слышнее и слышнее понеслась скорбная весть о решении Кутузова оставить Москву. Отчаяние овладело многими. Офицеры стыдились глядеть в глаза друг другу. С Москвою были связаны понятия о чести, славе и достоинстве Отечества. Сдача ее врагу без боя ассоциировалась с поражением, с бессилием отстоять национальную святыню. И при этом необходимо иметь в виду, что русская армия побежденной себя не считала, ибо все, от солдата до генерала, были твердо убеждены, что сражение при Бородино проиграно не было.

Решение Кутузова оставить Москву без сражения — свидетельство большой силы воли полководца. На такой шаг мог решиться только человек, обладавший качествами крупного го-

сударственного деятеля, твердо верившего в правильность своего стратегического замысла, осуществление которого должно было привести к разгрому и уничтожению наполеоновской армии. В своем решении он исходил из реальных условий, из сложившейся к этому времени оперативно-стратегической обстановки. Кутузов считал, что сейчас главное — оторваться от противника, выиграть время для пополнения армии резервами и подготовки ее к переходу в контрнаступление.

Тотчас же после окончания военного совета конные вестовые помчались по улицам Москвы, оповещая жителей об отступлении русской армии и о предстоящем вступлении неприятеля в город. Поздно вечером Ф.В. Ростопчину доставили письмо Кутузова, в котором главнокомандующий излагал причины оставления Москвы и просил направить к нему офицеров полиции, которые могли бы провести армию через город¹⁸.

По окончании совета фельдмаршал остался один. Он долго ходил взад и вперед по комнате, когда к нему вошел офицер, находившийся при нем 20 лет. Однако все его попытки отвлечь главнокомандующего от мрачных размышлений успеха не возымели. Наконец, уже собираясь уходить, офицер спросил: «Где же мы остановимся?» Будто очнувшись, Кутузов подошел к столу, сильно ударил по нему рукой и с жаром произнес: «Это мое дело! Но уж доведу я проклятых французов, как в прошлом году турок, до того, что они будут жрать лошадиное мясо!» Впрочем, волнение главнокомандующего продолжалось недолго. Вскоре он успокоился и отдал необходимые распоряжения об отступлении. Вернувшись поздно ночью к себе в комнату, Кутузов так и не заснул. Несколько раз за эту ночь адъютанты слышали, что он плачет. Как полководец, он видел неизбежность оставления Москвы, но как русский человек вряд ли мог безропотно смириться с этим.

В ночь на 2 (14) сентября русская армия вновь начала отступление. Она двигалась двумя нескончаемыми колоннами через Дорогомиловский мост и Замоскворечье на Рязанскую дорогу. При виде войск, покидающих город, высыпавшие, несмотря на ночь, многочисленные толпы жителей испытывали чувство смутения и в то же время какую-то отчаянную решимость. Теперь уже никто не хотел оставаться в Москве.

Главнокомандующий в Москве генерал от инфантерии граф Ф. В. Ростопчин сразу же приступил к исполнению полученных от фельдмаршала М. И. Кутузова приказаний. Все воинские команды и ведомства были выведены им из города. Однако со снятием караулов он явно поспешил, осуществив это мероприятие уже в 4 часа ночи. Оно имело целый ряд негативных последствий. Полиция и пожарные команды с техникой были отправлены во Владимир. Все подводы, какие только можно было найти, использовались для эвакуации раненых и казенного имущества. Всего для этого было задействовано 63 тыс. конных подвод¹⁹. Специально созданные команды уничтожали бочки с вином на винном дворе и жгли на Москве-реке речные суда с казенным и частным имуществом, которые по каким-либо причинам не могли уйти из Москвы. В арсенале по низким ценам распродавалось оружие (ружья, карабины, сабли, пики, кортики, тесаки и т. п.). Тогда же управляющий Московской митрополией Августин вывез из города православные святыни — иконы Смоленской, Владимирской и Иверской Богоматери²⁰. Впереди несли церковные хоругви, за ними шло духовенство. Синодальный хор пел канон Божией Матери. Из каждой церкви, мимо которой проходило шествие, выходило духовенство с крестами, звонили колокола, неслись громкие восклицания: «Матерь Божия, спаси землю русскую!»

Была темная осенняя ночь. Вокруг первопрестольной пылали многочисленные деревни и села. Огромное зловещее зарево разливалось по небу, охватывая полгоризонта. По Владимирской дороге двигались бесчисленные обозы...

К утру нескончаемый поток карет, колясок, бричек, простых телег потянулся по московским улицам на восток. Все стремились успеть выехать из города, чтобы не оказаться во власти оккупантов. Русские люди, оставляя свои дома и имущество, даже не пытались задумываться над вопросом — хорошо ли или плохо им будет под управлением французов в Москве. Вместе с армией Москву покинуло почти все ее население. В 1812 г. в Москве насчитывалось 270 тыс. жителей, а к моменту вступления в нее французской армии осталось не более 10–12 тыс. человек²¹. При уходе французов из Москвы в октябре 1812 г. в ней находилось не более 3 тыс. жителей²². Решиться на такой шаг

людей заставило не только чувство оскорбленного национального достоинства, но и крепнувшее изо дня в день чувство сопротивления врагу.

Оставление Москвы — наиболее драматический акт Отечественной войны 1812 года. В результате неожиданной, спешной и неорганизованной эвакуации в Москве были оставлены огромные материальные ценности: большие запасы фуража и продовольствия, 320 т пороха, около 50 тыс. артиллерийских снарядов, 156 орудий, 82 тыс. ружей, карабинов, мушкетов, штуцеров и пистолетов (правда, половина из них были неисправными)²³, 40 тыс. сабель, 1,6 млн патронов²⁴. Также остались в Москве не вывезенными 608 старинных русских, 453 трофейных польских, шведских и турецких знамен, более 1000 других военных реликвий. Почти все они погибли в огне. Перед вступлением французов в Москву в ней находилась 31 тыс. раненых и больных солдат. Несмотря на все принятые местными властями меры, до одной трети их эвакуировать не удалось. Большинство из них погибли во время пожара или от наступившего затем голода²⁵.

Конечно, основная вина за создавшееся положение лежит на главнокомандующем армией, до самого последнего момента державшем Ростопчина в неведении относительно своих замыслов и не отдавшем никаких предварительных указаний по эвакуации Москвы. Советские историки, особенно такой апологет Кутузова, как П. А. Жилин, конечно, умалчивают об этом факте, сваливая всю вину за случившуюся катастрофу на Ростопчина. Но это — фальсификация. Будем справедливы: что мог сделать Московский генерал-губернатор, по существу, обманутый Кутузовым и поставленный перед фактом всего за несколько часов до сдачи города? Будь на месте Ростопчина хоть в сто раз более талантливый губернатор, он также мало что мог бы изменить к лучшему.

В то же время немалую долю ответственности вместе с Кутузовым разделяет и Московский военный губернатор. Зная истинное положение дел на фронте и вполне реальную возможность оставления русской армией Москвы (даже в случае нового сражения под ее стенами), он слишком легкомысленно доверился заверениям Кутузова и не принял никаких мер по

заблаговременной эвакуации хотя бы части скопившихся в городе огромных материальных запасов. Более того, Ростопчин всячески тормозил дело и с передачей их в армию (например, артиллерийских снарядов, фуража и продовольствия), как того требовал Кутузов.

Главнокомандующий в Москве граф Федор Васильевич Ростопчин имел от роду 49 лет. Свою карьеру этот потомок Чингисхана сделал при Павле I, любимцем которого был. Покойный император сделал его министром, возвел в графское достоинство, осыпал почестями и наградами. Но после свержения Павла I Ростопчин попал в опалу и около 10 лет находился не у дел. Лишь в 1810 г. Александр I вспомнил о сановнике своего отца, вызвал его ко двору и пожаловал камергером. За полмесяца до начала войны 1812 года Ростопчин был назначен военным губернатором и главнокомандующим в Москву. Этот пост считался одним из важнейших в Российской империи, и кандидатура Ростопчина для его занятия являлась совершенно неподходящей. Но тем не менее назначение состоялось, и бывший гатчинец, заслуживший самые высокие государственные награды не в боях и походах, а на вахт-парадах и дворцовом паркете, прибыл в Москву. Хотя Ростопчин был человеком неглупым и довольно энергичным, но крайняя взбалмошность и неорганизованность, не говоря уже об отсутствии боевого опыта, проявились с первых же дней его «командования» во второй столице. Чрезвычайно самолюбивый и самоуверенный, без особых способностей и призвания к чему бы то ни было, остряк (не всегда удачный), фанфарон и крикливый балагур, новый главнокомандующий к тому же был типичным демагогом популистского толка. Когда в результате вражеского нашествия возникла непосредственная угроза Москве, Ростопчин взял на себя роль своеобразного демагога-патриота. Он стал издавать так называемые афишки, которые развешивались, разносились и рассылались по всей Москве. Писались они довольно бойким языком, на лихом, разухабистом жаргоне с псевдонародными вывертами. Однако из-за своей никчемности, надуманности и пошлости эти афишки особого впечатления на народ не производили. Все знали, что этот великосветский барин, говоривший у себя дома с женой, француженкой-католичкой, и со своими приятелями

Ф.В. Ростопчин.
Художник О. Кипренский.
1820 г.

только по-французски, в годину нависшей над страной смертельной опасности вдруг вздумал прикинуться таким бойким московским мастеровым. Его кипучая деятельность накануне падения Москвы в основном заключалась в официальных успокоительных заверениях жителей города, что «Бонапарту в первопрестольной не быть», а также в публичном наказании плетми людей, заподозренных в шпионаже. Все действия и поступки военного губернатора были непоследовательны и крайне противоречивы, что лишний раз свидетельствует о необузданности его характера. Он то возмущался «барынями», убегаящими из Москвы, то поощрял стихийно начавшуюся эвакуацию. Анализ действий Ростопчина показывает, что он, по-видимому, в самом деле был убежден, что русская армия остановит Наполеона на ближних подступах к Москве. Он ликовал, когда произошла замена Барклая Кутузовым. С приближением же врага к Москве от него неоднократно слышали заявления вроде того, что в крайнем случае Москву лучше сжечь, чем отдать французам. Нередко генерал-губернатора можно было видеть запросто разгуливающим по Москве. При этом он не чурался разговоров с простым народом. Однако все эти «беседы» с москвичами выливались в банальное хвастовство и легкомысленную,

но бойкую, с каламбурами и прибаутками, говорильню. И это в то время, когда до каждого горожанина тысячами путей доходили вести одна тревожнее другой. Разумеется, что такого рода «общение с народом», походившее больше на самое заурядное балагурство, успех имело минимальный. И неслучайно в день оставления Москвы Ростопчину, по существу, пришлось спастись бегством от гнева обманутых им жителей. Оказавшись в нелепом положении, этот демагог всю свою ярость обрушил на Кутузова, сделавшись его злейшим врагом. Ненависть Ростопчина к фельдмаршалу не знала пределов. При каждом удобном случае он стремился опорочить старого полководца, которому годился в сыновья, писал на него царю злобные доносы. Только своей вины в трагедии, постигшей Москву, ее генерал-губернатор никак не хотел признать.

Утром 2 (14) сентября передовые части противника попытались стремительным броском ворваться в Москву. Кутузов поставил перед начальником арьергарда задачу — любыми средствами задержать неприятеля, чтобы дать возможность русской армии спокойно пройти через город. Она уходила по Рязанской дороге в направлении Бронниц. Получив приказ Кутузова, Милорадович послал штабс-ротмистра Акинфова парламентом к Мюрату. Через этого офицера он предложил начальнику французского авангарда заключить перемирие на 4 часа и одновременно предупредил его, что если французы хотят занять Москву невредимой, то должны прекратить наступление и дать возможность русским войскам выйти из города, иначе они будут защищать каждый дом и сражаться до последнего, а вместо Москвы оставят французам после себя одни развалины. Мюрат принял предложение Милорадовича.

К концу дня основная часть русской армии покинула Москву. Поздно вечером ее главные силы находились в 15 км к востоку от города. Войска расположились на ночлег у села Панки. Миновав городскую заставу, экипаж Кутузова остановился. Фельдмаршал встал во весь рост и, обнажив седую голову, долго смотрел в сторону Москвы. Казалось, будто старый полководец, всю свою долгую боевую жизнь сражавшийся с врагами России на ее рубежах или же за их пределами, принимал теперь на себя здесь, в сердце Российского государства, всю обиду и боль не побеж-

Русская армия и жители оставляют Москву в 1812 г.

Художники А. Соколов и А. Семенов. 1958 г.

денных врагом его защитников, проходивших мимо него с печальными и сосредоточенными лицами. А может быть, в душе прощался с первопрестольной, которую ему уже не суждено было увидеть... Но как бы там ни было, главнокомандующий уже знал, чего еще не знала его армия, — оставление Москвы стало последней жертвой ради великой победы. И в эти трагические для России часы армия верила ему.

В Филях решалась не только судьба Москвы и армии. Здесь у Кутузова созрел конкретный план дальнейшего ведения войны. Этот план основывался на точном учете своих сил и средств, а также сил и средств противника, многочисленные войска которого, разбросанные на огромных просторах России, насчитывали еще около 400 тыс. человек. Конечную цель русский главнокомандующий видел в окружении и уничтожении армии противника. На военном совете в Филях, обосновывая свои действия, он между прочим сказал: «Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасет

армию. Наполеон — как бурный поток, который мы еще не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосет»²⁶.

Последующие действия М.И. Кутузова показывают, что он упорно и последовательно, шаг за шагом следовал намеченному плану. Первым звеном его явилось проведение Тарутинского марш-маневра — маневра, который коренным образом изменил стратегическую обстановку в пользу русской армии.

После оставления Москвы русская армия двигалась в сторону Рязани, куда было приказано перевозить сосредоточенные в Коломне запасы продовольствия и вооружения. 4 (16) сентября армия находилась уже у Боровского перевоза, на правом берегу Москвы-реки. Но отсюда она неожиданно повернула к Подольску, то есть на запад, имея справа от себя реку Пахра. Маневр этот был для всех совершенно внезапным. Отступить на запад — туда, откуда шла наполеоновская армия? Многим это было совершенно непонятно.

Первые сведения о предпринятом маневре содержались в письме Кутузова от 3 (15) сентября генерал-майору Ф.Ф. Винценгероде, прикрывавшему со своим отрядом Ярославскую дорогу. «Я намерен сделать завтра переход по Рязанской дороге, — писал фельдмаршал, — далее вторым переходом выйти на Тульскую, а оттуда на Калужскую дорогу на город Подольск. Сим движением я намерен привлечь все внимание неприятеля на свою армию, угрожая его тылу»²⁷. И лишь 4 (16) сентября Кутузов сообщает о своем замысле Александру I, разъясняя, что предпринятый им маневр позволит прикрыть города Тулу и Брянск с важнейшими оружейными и литейными заводами, создаст надежную защиту имеющимся в южных районах империи ресурсам и обеспечит связь с армиями Тормасова и Чичагова²⁸.

30 августа (11 сентября) по Петербургу прокатился слух о Бородинском сражении, об одержанной Кутузовым «большой победе». Радостная весть, пришедшая как раз к царским именинам, держала двор и всю столицу в необыкновенном возбуждении около двух дней. Но вскоре явился курьер, посланный Ростопчинным к царю 1 (13) сентября с известием о сдаче Москвы, а через три дня прибыл курьер с коротеньким извещением и от самого Кутузова. Уже никаких сомнений в том, что роковое событие свершилось, не могло остаться. Только 4 (16) сентября,

А.Ф. Мишо.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

то есть через двое суток после сдачи Москвы, Кутузов послал царю донесение об этом. Причину оставления первопрестольной он объяснял ослаблением армии после Бородинской битвы. «Осмеливаюсь всеподданнейше донести вам, — писал главнокомандующий, — всемилостивейший государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России»²⁹. После этого лаконичного донесения фельдмаршал надолго умолк. Почти две недели он ни строки не написал царю, несмотря на настойчивые просьбы последнего писать через каждые двое суток. Правда, за эти дни молчания Кутузов дал возможность Александру I услышать устный доклад о происшедших событиях. С подробным сообщением об оставлении Москвы он послал в Петербург полковника А.Ф. Мишо, прибывшего туда 8 (20) сентября.

— Вы мне привезли печальные известия, полковник? — спросил царь представшего перед ним Мишо.

— К несчастью, очень печальные: оставление Москвы, — был ответ.

— Как, мы проиграли битву? Или мою древнюю столицу сдали без сражения?

— Государь, так как окрестности Москвы, к несчастью, не представляют никакой позиции, на которой можно было бы

рискнуть дать сражение с силами, меньшими, чем у противника, фельдмаршал Кутузов счел лучшим сохранить для вашего величества армию, потеря которой, не приведя к спасению Москвы, могла бы иметь самые большие последствия...

— Вошел ли неприятель в город?

— Да, государь, и город теперь превращен в пепел, я оставил его весь в пламени.

При этих словах на глазах царя показались слезы³⁰.

Самостоятельное решение М.И. Кутузова об оставлении Москвы вызвало резкое недовольство в Петербурге. Было созвано специальное заседание Кабинета министров, который, ввиду неполноты имеющихся в его распоряжении данных, не вынес какого-либо решения, но обязал главнокомандующего представить протокол военного совета в Филях, а на будущее — присылать более полные донесения³¹. Обеспокоенный судьбой Петербурга, царь с раздражением писал Кутузову, что на его ответственности защита столицы и, кроме того, он еще обязан ответить «оскорбленному Отечеству в потере Москвы»³². Но страхи и опасения Александра I насчет столицы были напрасными. Для Наполеона Москва была заветной целью. Здесь, в Москве, он надеялся продиктовать русским условия мира и победоносно завершить войну. Мысль о мире с взятием Москвы овладела в наполеоновской армии всеми — от солдата до маршала³³.

После заключения «джентльменского» соглашения с Мюратом арьберггард Милорадовича медленно отступал от Поклонной горы к Москве. Вслед за ним продвигались французы. Верхом, в сопровождении огромной свиты, Наполеон утром 2 (14) сентября медленно ехал к Поклонной горе. Впереди его густой цепью двигались конные егеря. Маршалы следовали поодаль. Раздражение и обида против императора, не давшего им гвардию, чтобы довершить победу при Бородино, у них все еще не прошли. Было 2 часа дня, когда Наполеон поднялся на Поклонную гору. Перед его взором открылась Москва. Яркое солнце заливало огромный, сверкавший бесчисленными золочеными куполами церковей город. Остановив коня и не скрывая восторга, император радостно воскликнул: «Москва!» Шедшая за свитой Старая гвардия, забыв дисциплину, сломала стройные ряды и устремилась на гору. Завороженные открывшимся зрелищем, гвардей-

цы застыли в изумлении, а затем загремело тысячеголосое: «Москва! Москва! Да здравствует император!» Маршалы сразу забыли свои обиды и бросились к Наполеону с поздравлениями: «Вот наконец этот знаменитый город!» — «Пора, пора!» — ответил император. Даже в этот миг упоения славой и могуществом он не забывал, чего стоило добраться до этой знаменитой европейско-азиатской красавицы. Ни Милан, ни Венеция, ни Рим, ни Александрия и Каир, ни Вена, ни Берлин, ни Мадрид, ни Варшава, ни Амстердам, ни Антверпен — ни одна столица мира, куда он вступал победителем, не имела в его глазах и в глазах его не знавшей поражений армии такого огромного военно-политического значения, как этот древний русский город, соединительное звено Европы и Азии, ключ к мировому владычеству.

В Москве Наполеон ждал просьбы императора Александра о мире, армия ждала окончания тяжелого и мучительного похода с его полуголодными рационами, отсутствием питьевой воды, палящим зноем, отвратительными дорогами, постоянными кровопролитными стычками с упорным и храбрым противником. Сподвижники Наполеона, пережившие эти незабываемые минуты на Поклонной горе, от рядового гвардейца до маршала Франции, говорили потом, что для них это была кульминационная точка похода 1812 года. Они готовы были поверить, что сопротивление России сломлено и что подписание перемирия, а затем и мира — вопрос дней³⁴.

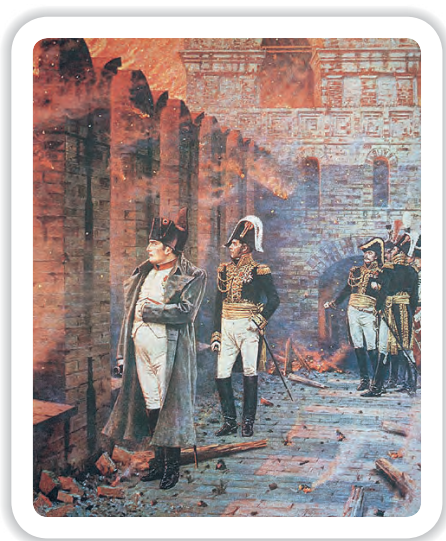
Солнце между тем склонялось к западу. Кавалерия Мюрата уже вступила в город. Параллельным потоком левее ее, через Тверскую заставу, в Москву вливался корпус итальянского вице-короля Евгения Богарне, а правее, на Воробьевых горах, показался корпус Понятовского. Наполеон хотел принять депутацию от города тут, на Поклонной горе. Он знал, что Мюрат и Е. Богарне, прежде всего войдя в соприкосновение с московскими властями, должны прислать эту депутацию с ключами от города. Время шло, но никакой депутации не являлось. Вдруг совсем невероятная новость распространилась сначала в гвардии, потом в свите и наконец дошла до Наполеона: никакой депутации от жителей не будет, потому что никаких жителей в Москве нет, она пуста. Это известие показалось императору настолько диким, настолько невозможным, что он в первую минуту просто

не поверил ему. Подождав еще немного, Наполеон направился к Дорогомиловской заставе. По дороге он подозвал графа Дарю и сказал ему: «Москва пуста! Какое невероятное событие!.. Ступайте и приведите мне бояр!» Съездив в город, Дарю никаких «бояр» оттуда не привел. Он только подтвердил, что город действительно пуст, все жители покинули его³⁵.

Мюрат вступил в Москву в середине дня. В это время к нему снова явился штабс-ротмистр лейб-гусарского полка Акинфов с предложением Милорадовича продлить перемирие до следующего утра. Неаполитанский король согласился. Его кавалерия вступала в город, смешавшись с казаками русского арьергарда. Полагаясь на соглашение с Милорадовичем, Мюрат не побоялся растянуть свою конницу по бесконечно длинному и узкому Арбату (в случае атаки русских она могла бы быть легко истреблена). Было глухо, кругом царила жуткая пугающая тишина. В голове противника двигался 10-й польский уланский полк полковника Уминского, за ним прусские уланы майора Вертера, потом вюртембергские конные егеря, затем четыре полка легкой французской кавалерии и конная артиллерия. Вражеские кавалеристы были неприятно удивлены видом громадного безлюдного города, затем удивление сменилось тревогой, которая увеличивалась с каждым шагом, по мере того как они приближались к Кремлю. Кавалерия шла осторожно, опасаясь засады. Внезапного нападения ждали на каждом углу. Но тишина продолжала царить над словно вымершим городом и час, и другой, пока французская армия бесконечным потоком вливалась в город. Только когда головной отряд кавалерии Мюрата подошел к Кремлю, оттуда из-за запертых ворот раздалось несколько выстрелов. Французы ядром выбили ворота и картечью перебили несколько человек, там оказавшихся. В истории так и осталось невыясненным, что это были за люди. Вражеские войска заняли московский Кремль. К вечеру 2 (14) сентября Наполеон получил донесения от Мюрата, Богарне и Понятовского о том, что Москва занята французскими войсками без боя.

Было уже поздно, и император решил провести свою первую ночь в покоренной Москве не в Кремле, а в одном из домов на Дорогомиловской заставе (в доме трактирщика). Но еще до отхода ко сну к нему один за другим явились несколько адъю-

В Кремле — пожар!
Художник В. Верещагин.
1887–1898 гг.

тантов и ординарцев. Они прибыли из разных концов города, а докладывали об одном и том же: в Москве начались пожары. Надо сказать, что Наполеон далеко не сразу осознал истинный смысл и размеры того грозного явления, о котором ему докладывали. У него составилось сначала такое представление, что это солдаты его армии, рассеявшись по городу, громят брошенные дома и по их неосторожности возникают пожары. Он вызывает маршала Э. Мортье, только что назначенного военным губернатором Москвы, и грозно приказывает ему немедленно прекратить начавшиеся грабежи. «Вы мне отвечаете своей головой за это!» — добавил император³⁶. Он еще не успел заснуть, когда в третьем часу ночи ему сообщили, что горит уже вся центральная часть города; загораются дома, куда никто из французских солдат не только не входил, но где и поблизости французских войск не было. Поднялся сильный ветер, искры сыпались густым огненным дождем и зажигали другие здания. С наступлением рассвета широко распространившийся пожар, подобно огненному морю, бушевал над огромным городом. Когда Наполеон проезжал утром 3 (15) сентября из Дорогомилово в Кремль, где решил поселиться, пожары охватили уже полгорода и продолжали распространяться дальше.

Э.-А. Мортье.

*Гравюра Бовине по рисунку
Вотьера. 1-я четверть XIX в.*

Въезд французского императора в Кремль был обставлен торжественно, под звуки военной музыки и бой барабанов. Сопровождавшая его гвардия находилась в парадной форме. Для резиденции Наполеону был подготовлен Екатерининский дворец (ныне на его месте находится Большой Кремлевский дворец). Гарнизон Кремля составила императорская гвардия, ставшая бивуаками на кремлевских площадях.

Несколько ранее въезда Наполеона в Кремль арьергард Милорадовича заканчивал выход из Москвы на Рязанскую дорогу, которая уже оказалась перерезанной польской конницей. Недолго думая, бесстрашный Милорадович один помчался навстречу неприятелю (в этот момент ни одного адъютанта или ординарца при нем не оказалось). Удивленные появлением русского генерала польские уланы остановились и на вопрос: «Кто ими командует?» — почтительно назвали генерала Себастиани. Милорадович с подоспевшими адъютантами поспешил навстречу французскому генералу, с которым был хорошо знаком еще по Бухаресту³⁷. После взаимных приветствий Милорадович обвинил противника в нарушении условий соглашения, по которому его войскам гарантировался беспрепятственный выход из города. Себастиани сослался на то, что

никаких указаний на сей счет от Мюрата он не получал, но, зная Милорадовича, верит его слову. Он приказал своей кавалерии остановиться параллельно Рязанской дороге, по которой свободно проходили последние части русского арьергарда с обозами. Наблюдая за их движением, французский генерал сказал Милорадовичу: «Признайтесь, что мы предобрые люди. Все это могло быть наше». — «Ошибаетесь, — возразил русский генерал. — Вы не взяли бы этого иначе, как перешагнув через мой труп, а 100 тысяч, которые там (он махнул рукой в направлении, где находилась русская армия), отомстили бы за мою смерть!»³⁸ Когда арьергард отошел на 4 км от линии соприкосновения с противником, генералы, распрощавшись, разъехались.

Едва Милорадович расположился в ближайшей деревне, как к нему прибыл генерал Панчулидзеv, доложивший, что два эскадрона его бригады заблудились в Москве и не успели присоединиться к главным силам. Теперь они находятся за линией расположения противника. Милорадович вскочил на коня и один, даже без трубача, помчался прямо через французские аванпосты к остановленным противником эскадронам. Отдав приветствие Себастиани и не дожидаясь его ответа,скомандовал эскадронам: «По три на-право, заезжай!» и повел их мимо изумленных французов в нашу сторону. Вместе с кавалеристами было освобождено и много подъехавших из Москвы экипажей.

Свою задачу командующего арьергардом при оставлении нашей армией Москвы М.А. Милорадович выполнил блестяще. Выигранные им многие часы драгоценного времени позволили русской армии без каких-либо помех отступить от Москвы, а также сохранить значительное количество казенного и частного имущества, которое за это время успели вывезти из города, эвакуироваться десяткам тысяч жителей. Вряд ли какой-либо другой генерал смог бы справиться в то время с этой непосильной задачей. Преимущество же Милорадовича заключалось в том, что противник (в данном случае наполеоновские генералы, умеющие ценить храбрость и отвагу) знал и уважал его; имя этого русского генерала гремело по Европе еще со времен Итальянского и Швейцарского походов Суворова...

Москва горела целую неделю — с 2 по 9 сентября. Полностью выгорели Арбат, Китай-город, Пречистенка, Таганка, весь центр города, вся его яузская часть. Всепожиряющий огненный смерч прошелся через всю Москву, от Дорогомиловской заставы до Рязанской дороги. До пожара в Москве насчитывалось около 9200 домов (из них почти $\frac{3}{4}$ были деревянными), осталось от них лишь 30 процентов³⁹. Деревянные постройки, узкие улицы, сильный ветер — все это способствовало пожару, быстро охватившему почти весь город. И лишь проливной дождь, начавшийся 7 (19) сентября, смирил разбушевавшуюся огненную стихию.

Сотни историков, литераторов, мемуаристов и публицистов, писавших о войне 1812 года, не прошли мимо причин и оценки московского пожара. Мнения их диаметрально расходятся: русские авторы в основном доказывают, что Москву сожгли французы, последние — наоборот. Известно, что по приказу Кутузова в день вступления французов в Москву там были уничтожены склады с вооружением, боеприпасами, фуражом и продовольствием. Вывезти их русская армия ввиду поспешного оставления Москвы не имела возможности, но и оставлять эти матери-

Вид на Кремль во время пожара в Москве. Художник Шмидт

альные ценности врагу было нельзя. Необходимо было лишить его того, в чем он наиболее нуждался.

Взрывы гремели всю ночь и по всему городу. Взрывались прежде всего военные объекты. Первый крупный пожар вечером 2 (14) сентября возник на винном дворе, потом запылал взорванный пороховой магазин. Почти одновременно с ним разом в нескольких местах загорелись дома, церкви и фабрики. Таким образом, совсем не исключено, что причиной пожаров явились поджоги. Но известно и то, что с первого же дня пребывания французов в Москве город был объявлен трофеем и отдан солдатам на разграбление. Грабежи и бесчинства сопутствовали каждому шагу оккупантов. Толпы пьяных наполеоновских вояк бродили по городу в поисках добычи. Они врываются в уцелевшие дома и тащили все, что попадалось под руку. Тех жителей, которые встречались им на улицах или во дворах, грабили, раздевали догола; сопротивлявшихся избивали, нередко до смерти. Кое-кто из солдат прибегал и к пыткам, особенно в отношении церковных служителей, от которых добывались сведения, где припрятаны церковные ценности, золото и серебро. Схваченных на улицах москвичей заставляли работать, носить за собой мешки с награбленными вещами, вытаскивать из горевших домов имущество. В домах, отведенных для постоя, неумеренно топились камины и печи. Неосторожное обращение захватчиков с огнем в густо застроенном городе, состоявшем преимущественно из деревянных домов, также могло явиться одной из основных причин начавшихся пожаров.

Однако французское командование не спешило с наведением порядка. Повальные грабежи и пьянство не прекращались. Дисциплина в «Великой армии» падала на глазах. Все попытки наполеоновских генералов навести хоть какой-то порядок в войсках ни к чему не приводили. Тот первый, чудовищный приказ, согласно которому Москва объявлялась трофеем, а грабеж узаконивался, сделал свое дело. Разграбление Москвы «Великой армией» и ее гибель в огне привели Европу в состояние шока. «Цивилизованные европейцы» уподобились ордам диких гуннов или вандалов. Общественное мнение осуждало Наполеона. Поэтому нужно было срочно создать легенду, что Москву разрушили и сожгли сами русские. Теперь чуть ли не всех оставших-

ся в Москве жителей объявили поджигателями, обвиняли в неповиновении властям и устраивали над ними расправы. Расстрел был единственной мерой наказания, которую выносили «поджигателям» военно-полевые суды.

В военном отношении пожар Москвы также имел свои последствия. Во-первых, он создал для французской армии крайне тяжелые условия пребывания в городе и способствовал ее разложению. Дальнейшее наступление противника прекратилось. Во-вторых, он позволил русской армии оторваться от преследующего ее противника и скрытно осуществить свой фланговый марш-маневр.

6 (18) сентября русская армия форсированным маршем перешла на Тульскую дорогу и сосредоточилась в районе Подольска. Здесь она находилась два дня, а ее арьергард — у Боровской переправы. Позиция у Подольска была довольно выгодной, но она находилась слишком близко от Москвы, что давало Наполеону возможность в случае необходимости быстро перейти к активным действиям. Поэтому Кутузов отвел войска дальше, к Красной Пахре. Здесь русская армия находилась до 15 (27) сентября. Позиция у Красной Пахры была удобной, но имела тот же недостаток, что и позиция у Подольска.

Тем временем оставленный на Рязанской дороге арьергард создавал видимость, что прикрывает отход главных сил. Вскоре Мюрат доложил Наполеону, что русский арьергард отброшен. Но неаполитанский король был введен в заблуждение. Русская конница, продолжая оказывать сопротивление, с 5 (17) сентября отходила все дальше к Рязани, увлекая за собой авангард Мюрата, а затем неожиданно для него исчезла, рассыпавшись по лесам. Только тогда противник, к своему удивлению, обнаружил, что отходивший перед ним русский арьергард никого не прикрывал, что дорога на Рязань пуста, а 70-тысячная армия русских исчезла.

Узнав об этом очередном сюрпризе, преподнесенном ему русскими, Наполеон сразу же разослал по всем дорогам сильные конные отряды, чтобы установить местонахождение русской армии. Однако в течение нескольких дней сделать этого ему так и не удалось. Мюрат с Рязанской дороги, Понятовский — с Тульской и Бессьер — с Калужской — докладывали одно и то же —

Мародеры. Художник Б. Зворыкин. 1911 г.

русской армии нигде нет. В результате проведенного Кутузовым искусного маневра и умелых действий арьергарда, дезориентировавшего неприятеля, французы потеряли соприкосновение с русской армией на целых две недели. Только 14 (27) сентября Мюрату удалось обнаружить ее расположение. Это ускорило решение Кутузова об отходе к Тарутино. Но против этого решения главнокомандующего выступили Барклай-де-Толли и Беннигсен. Первый настаивал на необходимости дать сражение у Красной Пахры, второй выступал за переход в наступление с целью разгрома Мюрата. Однако Кутузов не согласился ни с тем, ни с другим, считая их предложения преждевременными, а нахождение армии в непосредственной близости от главных сил Наполеона опасным. Тщательно изучив весь район южнее Москвы, фельдмаршал остановил свой выбор на селе Тарутино. Позиция у этого села позволяла контролировать Старую Калужскую, Тульскую и Рязанскую дороги и держать под ударом противника, куда бы он ни двинулся. После пятидневного пре-

В покоренной Москве («Поджигатели» или «Расстрел в Кремле»).

Художник В. Верещагин. 1897–1898 гг.

бывания в Красной Пахре армия совершила еще два перехода по Калужской дороге, перешла через реку Нара и 21 сентября (3 октября) расположилась лагерем у села Тарутино.

Фланговый марш-маневр Кутузова коренным образом изменил стратегическую обстановку. Менялся и характер боевых действий: вместо оборонительных они становились наступательными. В самом замысле маневра были заложены основы наступательной стратегии. По своему замыслу и осуществлению фланговый марш-маневр явился выдающимся образцом военного искусства. Редко кому из полководцев приходилось в такой сложной обстановке совершать подобного рода маневры. Цель и сущность Тарутинского флангового маневра были изложены Кутузовым в донесении царю от 4 (6) сентября. Успех марш-маневра во многом был обеспечен скрытностью его проведения. Войска совершали марш в основном ночью. Двигаясь двумя колоннами по проселочным дорогам, они соблюдали строжайшую дисциплину и образцовый порядок. По приказу главнокомандующего все генералы безотлучно находились при своих соединениях⁴⁰. Тарутинский маневр является одним из наиболее крупных событий Отечественной войны 1812 года, важнейшим этапом на пути к победе над Наполеоном. Он завершил собой целую полосу военных действий, когда русская армия вынуждена была обороняться и отступать вглубь страны под натиском превосходящих сил противника. Став лагерем у села Тарутино, русские войска заняли те исходные рубежи, с которых вскоре началось их победоносное контрнаступление.

4.2. На берегах Чернишни

После сосредоточения русской армии в Тарутине М.И. Кутузов приказал создать там укрепленный лагерь. С фронта этот лагерь прикрывался рекой Нара, крутые берега которой представляли серьезный оборонительный рубеж. Правый фланг находился на высотах, за которыми простиралась обширная равнина, хорошо простреливаемая со стороны лагеря артиллерийским огнем и благоприятная для действий кавалерии. Левый фланг, примыкая к густому лесу, проходил по равнине, пересеченной оврагами, и прикрывался с северо-запада рекой Истья. С тыла

Тарутинский лагерь. Художники А. Соколов и А. Семенов. 1958 г.

к лагерю подступал большой лесной массив. Располагаясь на местности, выгодной для организации обороны, Тарутинский лагерь был дополнительно усилен в инженерном отношении. Вдоль всего фронта, а также на флангах были возведены редуты и люнеты, в лесу на левом фланге сделана большая засека. В создании прочной обороны большая заслуга принадлежала инженерно-саперным частям армии, возглавляемым бывшим адъютантом А.В. Суворова генерал-майором П.Н. Ивашевым.

Русская армия располагалась в Тарутинском лагере компактной группировкой по обеим сторонам Старой Калужской дороги в следующем боевом порядке. Впереди Тарутино, на левом берегу Нары занял позицию авангард, состоявший из 2-го и 4-го кавалерийских корпусов под общим командованием генерала М.А. Милорадовича. Главные силы армии располагались на правом берегу Нары. В 600–700 м от реки стояли 2-й и 6-й пехотные корпуса. За ними на расстоянии 800 м находились 3, 4, 5 и 7-й пехотные корпуса. За второй линией пехотных корпусов стояла кавалерия (1-й кавалерийский корпус и отряды легкой конницы). Главный резерв составляли 8-й пехотный и Кирасирский корпуса. За ним был расположен мощный артиллерийский резерв (400 орудий), предназначавшийся для массиро-

ванного использования в случае отражения атаки противника на лагерь. С фронта лагерь прикрывали семь егерских полков под командованием полковников Ф.Г. Гогеля и Я.А. Потемкина. Кроме того, севернее реки Истья находился крупный конный отряд генерал-лейтенанта И.С. Дорохова (гусарский, драгунский и три казачьих полка). Он обеспечивал левый фланг Тарутинского лагеря. К нему примыкали подвижные партизанские отряды капитана А.Н. Сеславина и штабс-капитана А.С. Фигнера⁴¹. Главнокомандующий со штабом размещался в небольшой деревушке Леташовка, в 5 км южнее Тарутино.

Характерной особенностью группировки русских войск в укрепленном лагере под Тарутино была не только ее способность к отражению возможных ударов противника вдоль Старой Калужской дороги, но и парирование его обходных маневров. Выделение многочисленных подвижных отрядов позволяло вести активную разведку во всех направлениях, а также постоянно воздействовать на коммуникации противника. Стратегическое значение тарутинской позиции состояло в том, что она надежно прикрывала южные районы России со стороны Москвы. Из Москвы в южном направлении проходили три главные дороги: правая — через Боровск и Малоярославец, средняя — через Тарутино и левая — через Подольск, Серпухов. Все эти дороги сходились в Калуге.

Пребывание в Тарутино Кутузов использовал для того, чтобы дать армии необходимую передышку и создать благоприятные условия для перехода в контрнаступление, а также укрепить руководство войсками. Еще на пути к Тарутино главнокомандующий пришел к убеждению, что дальнейшее разделение армии на 1-ю Западную и 2-ю Западную себя уже исчерпало, оно не только не вызывается необходимостью, но и создает большие затруднения в управлении войсками. После Бородинского сражения и оставления Москвы обе армии находились вместе, их штабы часто размещались в одном населенном пункте, а войска — в расположенных рядом селах. Поэтому еще на марше к Тарутино, 16 (28) сентября М.И. Кутузов объединяет обе армии в одну — 1-ю Западную армию под командованием М.Б. Барклая-де-Толли. Командующему бывшей 2-й Западной армией М.А. Милорадовичу был подчинен специально создан-

К.Ф. Левенштерн.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ный Главный резерв (3-й, 5-й пехотные и Кирасирский корпуса). Начальником штаба армии стал генерал-майор А.П. Ермолов, начальником кавалерии — генерал-лейтенант Ф.П. Уваров, начальником артиллерии — генерал-майор К.Ф. Левенштерн, дежурным генералом — полковник П.А. Кикин, начальником инженеров — генерал-майор Е.Х. Ферстер, помощниками начальника артиллерии — генерал-майоры В.Г. Костенецкий и О.И. Бухгольц⁴². Однако Барклай-де-Толли через три дня после назначения на эту должность, 19 сентября (1 октября), под предлогом болезни подал Кутузову рапорт об увольнении⁴³. На следующий день прошение Барклая об отставке М.И. Кутузовым было подписано⁴⁴. Удовлетворив просьбу Барклая-де-Толли, главнокомандующий принял командование 1-й Западной армией на себя⁴⁵. Таким образом, Кутузов отстранил Барклая-де-Толли от руководства армией. Причиной такого решения фельдмаршала была, конечно, не болезнь Барклая. Истинная причина заключалась в том, что с приходом армии в Тарутино взаимоотношения в среде высшего генералитета до крайности обострились. Против Кутузова создалась сильная оппозиция во главе с Беннигсеном, Барклаем-де-Толли, Ростопчиным и английским представителем генералом Р. Вильсоном⁴⁶. Все они

критиковали действия главнокомандующего, особенно в письмах царю, которому каждый из них имел право писать, и стремились любыми средствами добиться смещения его с должности. Эта цель их объединяла, но причины к тому у каждого были разные. Как пишет П.А. Жилин, назначение Кутузова главнокомандующим всеми армиями, безусловно, удручающе отразилось на Барклае, и хотя он уверял Александра I, что этим его самолюбие не задето, однако все его дальнейшее поведение, в том числе и настойчивые поиски смерти в сражении при Бородине, отражает то тревожное состояние духа, в котором он находился⁴⁷. Особенно осложнилось положение Барклая-де-Толли после объединения 1-й и 2-й Западных армий. Этим актом он практически был лишен всякой самостоятельности и власти. Естественно, действия М.И. Кутузова вызвали со стороны Барклая резкую критику, вначале скрытую, а затем и открытую. Донося царю о беспорядках в армии, о плохом управлении ею, Барклай-де-Толли во всем обвинял Кутузова и его начальника штаба Беннигсена, «которые не знают другого высшего блага, как только удовлетворение своего самолюбия, из которых один доволен тем, что достиг крайних целей своих желаний, проводит время в совершенном бездействии и которым руководят все молодые люди, его окружающие; другой — разбойник, которого присутствие втайне тяготит первого, производит только зло своею нерешимостью и путаницею, которую водворяет во всех частях управления войсками»⁴⁸.

Поскольку Барклай-де-Толли перешел в открытую оппозицию к Кутузову и не скрывал своего враждебного отношения к его действиям как главнокомандующего, а проводимая им политика становилась прямой помехой подготовке армии к контрнаступлению, фельдмаршал М.И. Кутузов был вынужден освободиться от такого помощника и удалить его из армии. Впрочем, поведение Барклая-де-Толли не вызвало одобрения и со стороны царя⁴⁹. После получения «отпуска по болезни» М.Б. Барклай-де-Толли уехал в Калугу, а затем прожил некоторое время во Владимире. Поздней осенью, не заезжая в Петербург, он уехал в свое имение в Лифляндии.

Что касается взаимоотношений Кутузова с другим лидером оппозиции Ф.В. Ростопчиным, то они складывались тоже очень

непросто. До сдачи Москвы между ними велась довольно оживленная дружеская переписка. Главнокомандующий армией любезно, но довольно настойчиво просил Московского генерал-губернатора оказывать всемерную помощь в формировании резервов генералу Милорадовичу, так и Действующей армии. Ростопчин одним из первых подал голос за назначение М.И. Кутузова главнокомандующим и немало содействовал этому назначению, красочно описывал его достоинства в своих «афишках», обещал Кутузову выслать кроме 30-тысячного Московского ополчения еще до 80 тыс. «вольной московской дружины»⁵⁰. Фельдмаршал, разумеется, рассчитывал на эти подкрепления, но под стенами Москвы, к своему великому огорчению, вынужден был убедиться, что обманут в своих ожиданиях. Это обстоятельство коренным образом изменило его отношение к Ростопчину. Кутузов не пригласил его даже на военный совет в Филях, демонстративно отвернулся от Ростопчина и не захотел с ним разговаривать у Яузского моста в Москве. Наконец после оставления Москвы, когда Ростопчин отступал вместе с армией, Кутузов запретил допускать его в свой штаб. Для крайне самолюбивого и самоуверенного вельможи, каким был граф Ростопчин, все это было смертельным оскорблением. Первое время он был просто шокирован. Как это так, его, хозяина Москвы, уверявшего ее жителей, что город ни в коем случае не будет сдан врагу, даже не предупредили о сдаче, его не пригласили на военный совет, где решалась судьба Москвы, с ним не считались, его откровенно третировали. Все это приводило Ростопчина в бешенство, и когда он увидел, что в армии против Кутузова образовалась оппозиция, то не раздумывая примкнул к ней и вскоре сделался одним из ее руководителей. Не уставая, Ростопчин писал одно за другим письма царю, полные клеветы, дышавшие злобой и ненавистью по отношению к Кутузову. Вот один из образчиков такого рода ростопчинских посланий Александру I: «Вот уже дня четыре Кайсаров подписывает все бумаги, подделывая подпись Кутузова, чтобы с ним никто не мог видаться. Он только ест и спит целый день»⁵¹. Бурная оппозиционная деятельность потерявшего свою синекуру генерал-губернатора при штабе армии продолжалась недолго. Дойдя с войсками до своего имени Вороново, Ростопчин сжег его и, видимо, поняв

П.В. Чичагов.
Художник Дж. Сэксон. 1824 г.

всю двусмысленность своего положения при армии, покинул ее и уехал во Владимир.

7 (19) сентября Кутузов назначает на должность дежурного генерала Главного штаба генерал-лейтенанта П.П. Коновницына⁵². К нему переходят все текущие вопросы по управлению войсками, с которыми Беннигсен явно не справлялся. Тем самым главнокомандующий резко ограничил полномочия своего начальника штаба, которого ему в свое время навязал царь и которому он не доверял. С этого времени Беннигсен остается лишь номинальным начальником Главного штаба армии. Генерал-квартирмейстером Главного штаба стал полковник К.Ф. Толь⁵³. Командиром 3-го пехотного корпуса вместо П.П. Коновницына был назначен генерал-лейтенант граф П.А. Строганов, а командиром 4-го кавалерийского корпуса вместо заболевшего графа К.К. Сиверса — генерал-лейтенант И.В. Васильчиков.

Важным организационным мероприятием явилось объединение 17 (29) сентября Дунайской и 3-й Западной армий в одну под командованием адмирала П.В. Чичагова⁵⁴. Выступив в середине (конце) июля из Валахии, Дунайская армия в начале (середине) сентября сосредоточилась на Волини, где произошло ее соединение с 3-й Западной армией. Объединенная

армия получила наименование 3-й Западной⁵⁵. Генерал Тор-масов отзывался в главную квартиру Кутузова. Таким образом, после проведенной М.И. Кутузовым в сентябре 1812 г. реорганизации Действующая армия приобрела следующий вид: вместо четырех армий остались две — 1-я Западная в районе Тарутино, возглавляемая самим Кутузовым, 3-я Западная армия Чичагова в районе Любомля и два отдельных корпуса: корпус П.Х. Витгенштейна под Полоцком и 15-тысячный корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля, переброшенный из Финляндии в район Риги.

Одновременно с укреплением руководства войсками проводились мероприятия по реорганизации самих войск. В середине сентября Александр I порекомендовал Кутузову, ввиду некомплектности многих полков и невозможности в ближайшее время пополнить их, расформировать несколько дивизий и за счет их укомплектовать оставшиеся части⁵⁶. Выполнение этого «пожелания» царя и его советников привело бы к заметному сокращению состава армии и ликвидации многих полков, имевших давние традиции и славную боевую историю. Кутузов решительно воспротивился этому и, идя на риск прямой конфронтации с царем, стал проводить собственную линию. Он решил сохранить все соединения и части армии, расформировав лишь в каждой пехотной дивизии по два полка (один пехотный и один егерский), личный состав которых должен был пойти на доукомплектование четырех остающихся полков этой же дивизии. Однако расформированные полки не упразднились. По распоряжению главнокомандующего в них сохранялось оряздро из 60 офицеров, унтер-офицеров и барабанщиков. Все эти команды должны были убыть в места формирования резервов для воссоздания своих полков⁵⁷. К 15 (27) сентября в армию из Калуги и Рязани прибыли восемь резервных пехотных полков, два егерских батальона и восемь резервных эскадронов (всего более 14 тыс. человек), приведенные генерал-майорами В.А. Русановым и Н.А. Ушаковым⁵⁸. Чуть позже на укомплектование армии поступили еще три пехотных и два егерских полка под командованием генерал-майора князя Н.Ю. Урусова⁵⁹. Прибытие этих пополнений повлияло на первоначально принятое Кутузовым решение о расформировании двух полков в каждой ди-

визии. Все полки остались на месте, будучи доукомплектованными за счет прибывших резервов. Правда, это доукомплектование было проведено лишь частично. Всего после оставления Москвы и за время пребывания армии в Тарутино для ее укомплектования прибыло 35 тыс. рекрутов, что позволило довести численность регулярной пехоты до 80 тыс. человек⁶⁰. Численность конницы была увеличена более чем в 2,5 раза. Такое значительное пополнение дало возможность сравнительно быстро восстановить силы русской армии.

За три недели пребывания русских войск в Тарутинском лагере — с 21 сентября (3 октября) по 11 (23) октября 1812 г. — их численность была доведена до 130 тыс. человек. С учетом более 100 тыс. человек подготовленного и обученного ополчения, непосредственно участвовавшего в войне, русские войска почти в 2,5 раза превосходили основную группировку «Великой армии».

В целях повышения подвижности войск Кутузов сократил обозы в дивизиях и полках, включил в соединения большее число кавалерии, сформировал новые части легкой и конной артиллерии, создал пять пионерных (саперных) рот и конносаперную команду (600 человек)⁶¹. Последние подчинялись непосредственно главнокомандующему и предназначались для устройства дорог и наведения мостов. Подобные войска были впервые введены в русской армии и как оправдавшие себя получили позже штатное организационное оформление.

Большое внимание уделялось увеличению численности армии. Резервы для пополнения армии личным составом формировались в трех основных пунктах по родам войск: в Арзамасе — для пехоты, в Муроме — для кавалерии, в Нижнем Новгороде — для артиллерии. Формированием пехотных резервов руководили генерал от инфантерии князь Д.И. Лобанов-Ростовский и генерал-лейтенант А.А. Клейнмихель; кавалерийских — генерал-лейтенант А.С. Кологривов; артиллерийских — генерал-майор В.Ф. Ильин. Продовольственными вопросами занимался сенатор В.С. Ланской (главноуправляющий по продовольственной части армии).

Численность резервных формирований для пехоты в короткий срок была доведена до 100 тыс. человек, для кавалерии —

до 20 тыс., для артиллерии — до 10 тыс. человек. Очень важным источником пополнения армии явилось ополчение, формирование которого приняло широкий размах. Общее число ратников достигало свыше 190 тыс. человек. Одним из самых значительных пополнений, поступивших в армию в это время, явилось прибытие с берегов Тихого Дона 26 казачьих полков⁶². Кроме них прибыло несколько уральских и оренбургских казачьих полков, а также башкирские и калмыцкие конные части. Принимались действенные меры по материально-техническому обеспечению армии. Было заготовлено большое количество оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия и фуража.

Обучение войск велось целенаправленно, в соответствии с предстоящими задачами. Основное внимание уделялось стрельбе, преодолению разного рода препятствий, маршевой подготовке с полной выкладкой по пересеченной местности и бездорожью. Большое значение Кутузов придавал укреплению морального состояния войск. «Пребывание в Тарутине было для Кутузова, — писал участник Отечественной войны 1812 года генерал А.И. Михайловский-Данилевский, — одной из блистательных эпох его достолавной жизни. Со времени Пожарского никто не стоял так высоко в виду всей России... В Тарутине в неимоверно краткое время Кутузов привел в самое стройное положение армию, утомленную тысячеверстным отступлением и кровавыми сражениями, вручил народу оружие, осадил Наполеона в Москве и... извлекал все выгоды из нового рода войны»⁶³. На памятнике, воздвигнутом у села Тарутино, высечены слова: «На сем месте российское воинство под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу».

Еще по дороге в Тарутино, у Красной Пахры, в главную квартиру М.И. Кутузова прибыл из Петербурга царский флигель-адъютант полковник А.И. Чернышев. Он привез разработанный военными советниками царя план разгрома Наполеона. Замысел его сводился к тому, чтобы одновременно с наступлением Главной армии Кутузова в направлении Смоленска армией Чичагова с юга и корпусами Витгенштейна и Штейнгеля с севера отбросить фланговые группировки противника в Польшу

и Восточную Пруссию, а затем, соединившись в районе Минска, выйти в тыл основным силам французской армии. Окружение и уничтожение армии Наполеона планировалось осуществить в междуречье Западной Двины, Днепра и Березины⁶⁴.

В отличие от русской армии Наполеон был лишен возможности быстро усилить свои войска. За все время пребывания в Москве ему удалось получить в качестве пополнения всего лишь не более 15 тыс. человек за счет свежих войск, а также отставших от своих частей и залечивших раны солдат. Вторгшись далеко вглубь России, Наполеон вынужден был разбросать свои силы для охраны непомерно растянувшихся коммуникаций и содержания многочисленных гарнизонов городов. Корпус Макдональда (32 тыс. человек) оставался в районе Риги для обеспечения левого крыла «Великой армии», корпус Шварценберга (34 тыс. человек) вместе с саксонским корпусом Ренье действовал против 3-й Западной армии, обеспечивая правое крыло «Великой армии». Корпуса Удино и Сен-Сира находились в районе Полоцка, сдерживая войска Витгенштейна. Корпус маршала К. Виктора располагался в районе Орша — Смоленск, составляя оперативный резерв «Великой армии». Корпус марша-

Москва, 24 сентября 1812 г. Художник Х.В. Фабер дю Фор. 1830-е гг.

ла П. Ожеро охранял пространство между Вислой и Неманом, являясь стратегическим резервом Наполеона. Польская дивизия генерала Я.-Г. Домбровского стояла под Бобруйском, а корпус Жюно — в Можайске.

Заняв Москву, Наполеон распорядился создать вокруг нее ряд опорных пунктов как для защиты от нападения, так и для обеспечения сбора продовольствия и фуража, нужда в которых с каждым днем становилась все острее. В связи с этим на Петербургскую дорогу были направлены войска Жюно, на Владимирскую — Нея, на Подольскую — кавалерия Мюрата. Корпус Даву обосновался в Новодевичьем монастыре, завладев всеми монастырскими запасами. Опорными базами французской армии должны были стать Можайск, Клин, Богородск и Верейя. Однако расчеты Наполеона на получение ресурсов не оправдались. Постоянное и упорное сопротивление местного населения свело их на нет. Фуражировки в окрестных селах становились делом не только опасным, но и безрезультатным. Крестьяне или уничтожали отдельные группы французских солдат, или уходили от больших отрядов в леса, увозя с собой хлеб и угоняя скот. В Москве еще много оставалось сладостей и вина, но не было ни хлеба, ни мяса. Грабежи, начавшиеся сразу же с вступлением в нее наполеоновского воинства, продолжались и в последующие дни. Через три недели огромный город был полностью разграблен. Упадок дисциплины, моральное разложение наполеоновской армии зашли слишком далеко. Солдаты, несущие личную охрану Наполеона, отказывались повиноваться офицерам. Даже гвардейские офицеры перестали салютовать императору при разводе караулов. Но самой большой угрозой для врага было крепнущее с каждым днем партизанское движение. Ожесточение и ненависть народа к иноземным захватчикам особенно возросли с момента занятия ими Москвы. Все дороги, ведущие в Москву, находились под контролем партизан. Практически ни один французский транспорт не мог беспрепятственно двигаться к городу. Недостаток продовольствия, упадок дисциплины в разноплеменной армии, ненадежность растянутых на тысячу километров коммуникационных линий, ущерб, наносимый ежедневно партизанами, — все это побуждало Наполеона к отступлению. Но он понимал, что его уход из

Москвы будет воспринят в Европе как признание неудачного похода. Реально же французский император понимал, что война зашла в тупик. Теперь, когда его предположения, что с потерей Москвы русские пойдут на мир, не оправдались, подписание мирного договора становилось для Наполеона единственным приемлемым вариантом завершения кампании в России. Только этот мир мог еще сохранить его армию и поддержать престиж Франции в Европе. И Наполеон начинает предпринимать определенные шаги, чтобы склонить русское правительство к переговорам.

Сначала попытки Наполеона довести до Александра I предложения о мире были сугубо конфиденциальны, о них мало кто знал. Еще 6 (18) сентября Наполеон принял в Кремле начальника Московского воспитательного дома генерал-майора И. В. Тутолмина, который пришел к французским властям с просьбой поставить стражу для охраны оставшихся в этом учреждении воспитанников. Воспользовавшись этим визитом, Наполеон предложил Тутолмину написать в Петербург императрице Марии Федоровне (шефу всех воспитательных домов России) и сделать приписку Александру I, что он, Наполеон, как и прежде уважает его и что между двумя императорами пора заключить мир. Начальник воспитательного дома все это написал. В тот же день один из его подчиненных отправился в Петербург.

Вторично, уже с личным письмом к русскому царю, Наполеон обратился 8 (20) сентября. На этот раз письмо повез дворянин И. А. Яковлев (отец А. И. Герцена). Семья Яковлева не успела покинуть Москву, и Наполеон разрешил ей выезд при условии, если его письмо будет вручено Александру I. В этом письме французский император стремился остаться в позе бесспорного, но великодушного победителя, который облегчал русскому царю трудную задачу начать переговоры о мире. Он обвинял русских и особенно Ростопчина в гибели Москвы, писал, что ведет войну без всякого озлобления, и уверял, что простой записки от Александра будет достаточно, чтобы прекратить всякие военные действия.

Миновал сентябрь, наступил октябрь. Однако ни на первое, ни на второе письмо ответа не последовало. Наполеон все чаще терял самообладание. За окнами его дворцовых покоев

лил дождь, зловеще завывал ветер, по небу мчались тяжелые свинцовые тучи. Чтобы как-то развеяться, он устраивал в Кремле смотры гвардии, принимал курьеров из Парижа и из оккупированных губерний России, следил за наведением порядка в опустошенном и выгоревшем более чем на две трети городе, но тревога и смятение охватывали его все больше. Временами Наполеону казалось, что он попал в ловушку, которая вот-вот должна захлопнуться.

21 сентября (3 октября), в тот самый день, когда русская армия достигла Тарутино, Наполеон собрал маршалов и сообщил, что намерен сжечь остатки Москвы и идти через Тверь на Петербург. Он рисовал перед ними картину всеобщего восхищения в Европе, когда там узнают, что «Великая армия» за короткое время завоевала две русские столицы. Но маршалы категорически возражали. Они считали немыслимым идти на север, имея в тылу русскую армию. Тогда Наполеон быстро сменил тему разговора и объявил, что принял решение начать переговоры о мире с русским главнокомандующим и одновременно послать к царю в Петербург герцога А. Коленкура (бывшего посла Франции в России). Но Коленкур решительно заявил, что его поездка принесет лишь вред, так как лишний раз убедит русских в трудном положении французской армии. «Хорошо, — круто оборвал его император, — в таком случае я пошлю Лористона». Лористон, бывший послом Франции в России перед войной, повторил то же самое, что сказал Коленкур. Но Наполеон прекратил спор, приказав Лористону немедленно ехать к Кутузову за пропуском для дальнейшей поездки в Петербург к царю. Через день генерал-адъютант императора Ж. Лористон отправился в Тарутино с письмом Наполеона, в котором предлагалось начать переговоры «о многих важных делах». Император напутствовал его словами: «Я хочу мира, мне нужен мир, нужен во что бы то ни стало, спасите только честь»⁶⁵.

Лористон прибыл в главную квартиру Кутузова вечером 23 сентября (5 октября). Во время встречи с М.И. Кутузовым Лористон выразил неудовольствие тем, что со стороны России война ведется «варварским способом», что в ней участвует не только армия, но и весь народ. Он настаивал, чтобы такой метод борьбы был прекращен. Кутузов решительно отверг эти

Кутузов отвергает предлагаемый Лористоном мир.

Раскрашенная гравюра неизвестного художника. 1813 г.

обвинения. Он заявил, что первый раз в жизни слышит жалобы на горячую любовь целого народа к своему Отечеству, народа, защищающего свою Родину от чужеземных захватчиков. По его мнению, такой народ по всей справедливости достоин похвалы и удивления. На предложение о заключении мира М.И. Кутузов ответил отказом. Он напомнил Лористону, что не русские начали войну. О мире и думать не следует, ибо война, по его словам, только начинается. «Я буду проклят потомством, — заявил Кутузов, — если во мне будут видеть первопричину какого бы то ни было соглашения, потому что таково теперешнее настроение моего народа»⁶⁶.

Миссия Лористона закончилась неудачей. Характерно, что на следующий день после визита в главную квартиру Кутузова наполеоновского посланца генерал М.А. Милорадович имел на аванпостах встречу с маршалом Мюратом. В ходе состоявшегося между ними короткого разговора Мюрат сказал, что лично

он желает мира. На это русский генерал ответил, что если бы сейчас кто-либо в России и пожелал заключить мир, народ этого просто не поймет. А что касается лично его, то он разделяет мнение народа⁶⁷.

После крушения всех своих попыток склонить русских к началу мирных переговоров Наполеон оказался в очень сложном положении. Разложение армии продолжалось. Отряды русских партизан и дружины народного ополчения плотным кольцом окружали Москву. Доставать провиант и фураж стало невозможно. Остаться на зиму в разоренном городе означало обречь армию на верную гибель. И Наполеон принимает решение покинуть Москву и отвести армию в междуречье Днепра, Березины и Западной Двины. Там он рассчитывал перезимовать, а с наступлением весны возобновить военные действия против России. Однако уйти из Москвы к Днепру по опустошенной Смоленской дороге означало признаться в провале всей кампании. Такой вариант был неприемлем. Поэтому оставался один выход — идти к Днепру южным путем, через Калугу, сохраняя видимость наступления против русской армии и используя районы, не затронутые войной. Осуществить новый поход предполагалось в течение месяца. В начале ноября Наполеон рассчитывал сосредоточить свою армию в районе Смоленск — Могилев — Витебск.

М.И. Кутузов, находясь в Тарутинском лагере, внимательно следил за действиями противника. Тогда же им был разработан план контр наступления, предусматривавший полный разгром вторгшейся в Россию наполеоновской армии. Наиболее вероятным русский полководец считал такой вариант, когда Наполеон будет стремиться отступать к Днепру через южные, еще не разоренные войной районы страны. Исходя из этого, Главной армии ставилась задача не допустить прорыва врага на юг, принудить его к отступлению по уже разоренной войной Смоленской дороге, а затем в ходе параллельного преследования неустанно изматывать вражеские войска в боях и разного рода стычках. Корпус Витгенштейна с севера, а 3-я Западная армия Чичагова с юга должны были выйти к реке Березина и перерезать противнику пути отхода на запад. Окружить и уничтожить армию Наполеона предполагалось в междуречье Днепра, Западной Двины и Березины.

К началу октября Кутузов завершил подготовку к контрнаступлению. Его армия была способна теперь перейти от обороны к ведению активных боевых действий, что наглядно показали события, которые разыгрались 6 (18) октября на реке Чернишня, в 8 км к северу от Тарутинского лагеря. В этом районе располагался авангард французской армии под командованием Мюрата, включавший в свой состав почти всю резервную кавалерию, 4 пехотные дивизии и 187 орудий, всего до 20 тыс. человек, в том числе 8 тыс. кавалерии⁶⁸. Французы находились на правом берегу реки Чернишня, занимая позицию от впадения Чернишни в реку Нара до селения Дмитриевское. Правый фланг их был защищен крутыми, обрывистыми берегами Нары и Чернишни, но левое крыло находилось на открытой местности, лишенной каких-либо естественных препятствий.

Воспользовавшись тем, что авангард противника находился на большом удалении от основных сил французской армии, Кутузов решил разгромить его. Русские войска, предназначенные для наступления, были разделены на две группировки: левую — под командованием М.А. Милорадовича и правую — во главе с Л.Л. Беннигсеном. Главный удар наносила правая группировка (2, 3 и 4-й пехотные, 1-й кавалерийский корпуса, 10 казачьих полков и 20-й егерский полк). Она включала три колонны. Первая (правая) колонна, возглавляемая генерал-майором графом В.В. Орловым-Денисовым, получила задачу обойти левый фланг противника, выйти ему в тыл, перерезать столбовую Московскую дорогу и отрезать французам пути отхода на север. В состав этой колонны были назначены все 10 казачьих полков, 20-й егерский полк полковника И.Ф. Капустина и рота Донской казачьей артиллерии. Поддерживала ее легкая гвардейская кавалерийская дивизия, усиленная Нежинским драгунским полком и полуротой конной артиллерии. Атака левого фланга противника была возложена на вторую (центральную) колонну генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута (2-й и 3-й пехотные корпуса). Третья (левая) колонна генерал-лейтенанта графа А.И. Остермана-Толстого (4-й пехотный корпус) обеспечивала связь группировки Беннигсена с группировкой Милорадовича и прикрывала левый фланг колонны Багговута. С началом боевых действий она поступала в подчинение Д.С. Дохтурова.

К.Ф. Багговут.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Войска Милорадовича, также состоявшие из трех колонн, должны были сковать центр и правый фланг противника. 6-й пехотный корпус Д.С. Дохтурова, действовавший в центре, составлял четвертую колонну. На крайнем левом фланге находились пятая и шестая колонны (7-й и 8-й пехотные корпуса, гвардия, резервная кавалерия и резервная артиллерия). Отдельный отряд генерал-лейтенанта И.С. Дорохова должен был атаковать неприятеля с тыла. Кутузов со своим штабом находился на левом фланге армии.

В ночь на 6 (18) октября русская армия выступила из Тарутинского лагеря. Переправившись через реку Нара, она прошла лес и перед рассветом начала выходить на исходные позиции для атаки. Погода стояла сухая, но земля из-за прошедших накануне дождей была влажной. Это способствовало скрытному выдвиганию больших масс войск в назначенные им районы. Благоприятствовала маршу и темная ночь, ночное небо было сплошь затянуто густыми, тяжелыми, низко нависшими облаками. В целях достижения внезапности были приняты строгие меры по соблюдению дисциплины на марше (запрещалось громко разговаривать и курить, лошадей приказано было удерживать от ржания и т.п.). В лагере противника было тихо, ярко

*В.В. Орлов-Денисов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

горели многочисленные костры, французы явно не ожидали нападения.

Казачьи полки Орлова-Денисова сосредоточились напротив оконечности левого фланга вражеского авангарда. Они стояли на опушке леса вдоль дороги, ведущей в северо-западном направлении, из деревни Стромилowo в селение Дмитриевское. Стромилowo находилось в 500 м позади, Дмитриевское — в 1 км впереди. Левее казаков, на северо-западной опушке леса, в 1 км от деревни Тетеринка, должны были развернуться основные силы Беннигсена. Далее на юго-запад, в 3 км от реки Чернишня, располагались войска Милорадовича. От противника их скрывала большая возвышенность, находившаяся между ними и рекой Чернишня, справа от столбовой дороги Тарутино — Москва.

Наступал рассвет. Орлов-Денисов вывел свою конницу из леса и приготовился к атаке. Однако пехота, которая должна была наступать левее, на Тетеринку, все еще не появлялась. Во вражеском лагере войска уже начали подниматься с ночлега. Опасаясь с минуты на минуту быть обнаруженным неприятелем, Орлов-Денисов в 7 часов утра был вынужден начать атаку самостоятельно, не дожидаясь общего сигнала (три пушечных выстрела). Атака казаков была внезапной и стремительной.

Застигнутые врасплох французы не успели даже стать в ружье. Правда, их артиллеристы все же успели развернуть отдельные орудия и сделать несколько выстрелов. Но они не смогли остановить стремительно приближавшуюся казачью лаву. Противник в панике бежал за Рязанский овраг, находившийся в 4 км к западу от его позиции. Французский лагерь на левом фланге с 38 пушками был захвачен казаками.

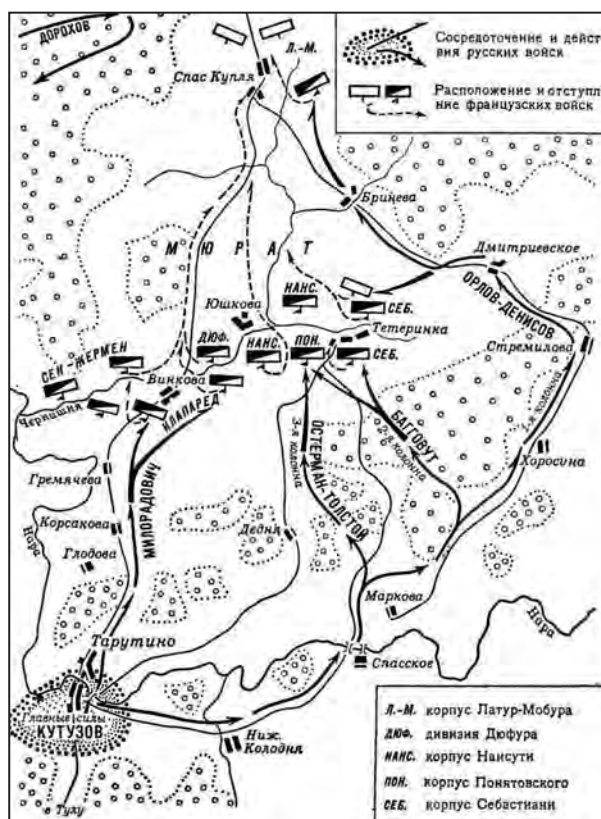
Пока Орлов-Денисов собирал свою рассыпавшуюся по французским бивуакам конницу, чтобы вести ее дальше в тыл противнику, из леса показалась пехота Багговута. Но это был не весь корпус, а лишь шедшая в его голове егерская бригада с полуротой артиллерии. Ее выстрелы по диспозиции должны были послужить сигналом к началу общей атаки. Эту бригаду вел лично командир корпуса. Марш 2-го и следовавшего за ним 3-го пехотных корпусов был задержан в лесу противоречивыми распоряжениями, поступавшими то от Беннигсена, то из главной квартиры Кутузова. Вдобавок к этому войска еще умудрились и заблудиться в лесу (Волынский и Кременчугский полки 4-й пехотной дивизии и следовавшая за ними 17-я пехотная дивизия). Из 4-й пехотной дивизии занять исходное положение вовремя успел лишь головной Тобольский пехотный полк, ведомый лично начальником дивизии принцем Евгением Виртембергским.

Выйдя из леса, Багговут сразу же приказал артиллерии открыть огонь по противнику. Но одновременно открыла огонь по показавшейся из леса русской пехоте и вражеская артиллерия, находившаяся на огневых позициях у Тетеринки. Одним из первых ее выстрелов был убит командир 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенант К. Ф. Багговут. Его гибель внесла замешательство в ряды перешедших было в наступление 4-го и 48-го егерских полков и привела в целом к нарушению управления войсками второй колонны. Егеря, рассыпавшиеся в стрелковые цепи, завязали огневой бой с противником. Но все их попытки возобновить атаку окончились ничем. Главные силы второй колонны и третья колонна Остермана-Толстого вступили в бой со значительным опозданием.

Мюрат тем временем успел привести свои войска в порядок, переменить фронт действий и отвести свое левое крыло из-под

удара русских войск. Отправив в тыл свои обозы, чтобы не мешали отступлению, он перебросил часть сил с правого фланга против казаков Орлова-Денисова и сильным артиллерийским огнем отражал атаки русских на левом фланге. Наиболее упорная борьба завязалась за деревню Тетеринка. Французы оказали здесь упорное сопротивление. Беннигсен стягивал сюда дополнительные силы. Подошли 4-я и 17-я пехотные дивизии. Прибывший в этот район П.П. Коновницын стал организовывать выдвижение частей 4-го пехотного корпуса для оказания помощи наступавшим на Тетеринку войскам. Вскоре на этом участке боя было сосредоточено 46 батальонов.

К этому времени казачьи полки Орлова-Денисова обошли севернее деревни Тетеринка Рязанский овраг, переправились

План сражения
при Тарутино
(р. Чернишня)

через реку Чернишня и перерезали Московскую дорогу у села Богородское. В результате этих успешных действий наша первая колонна вышла в тыл Мюрату. Над ним нависла угроза окружения. Чтобы ликвидировать возникшую опасность, французский маршал бросил против казаков кирасиров Латур-Мобура. Тяжелая, закованная в латы французская кавалерия устремилась на легкую иррегулярную русскую конницу. Завязался ожесточенный бой, который долго шел с переменным успехом. Сломить сопротивление врага и отрезать ему путь на Спас-Куплю казакам не удалось, хотя они и были поддержаны частью сил 4-й пехотной дивизии.

Пока разворачивались все эти события, войска нашего левого крыла и центра продолжали неподвижно стоять на своих исходных позициях, несмотря на то что по диспозиции им надлежало сразу же с началом сражения атаковать и опрокинуть противостоящего противника. Однако фельдмаршал Кутузов не спешил вводить их в бой. Генералы, особенно Милорадович, несколько раз просили его идти вперед, но получили решительный отказ. Выведенный из себя настойчивостью Милорадовича, главнокомандующий даже вспылал: «У вас на языке только атаковать, а вы не видите, что мы еще не созрели для сложных движений и маневров!»⁶⁹ По всей видимости, весь расчет старого полководца строился на том, что в случае достижения Беннигсеном внезапности его удар по левому флангу противника решит исход сражения. Если же достигнуть этого не удастся, то один вид не вступивших в сражение и стоявших в боевом порядке корпусов позволит нейтрализовать неудачу Беннигсена.

Увидев, что левое крыло противника начало отступление, Кутузов приказывает стоявшим в центре пехотным корпусам и кавалерии генерал-лейтенанта Ф.К. Корфа выдвинуться к реке Чернишня. Одновременно генерал-лейтенант И.В. Васильчиков получает приказ идти на правый фланг неприятеля. Именно к этому этапу сражения относятся слова главнокомандующего, написанные им в донесении царю, что «движения войск под Тарутиным уподоблялись маневру на учебном месте»⁷⁰. Вскоре вся линия центра и левого крыла стройными колоннами двинулась вперед. Неоднократные попытки Мюрата остановить дальнейшее продвижение русских войск ни к чему не привели. Про-

тивник повсюду был опрокинут. Главные силы русской армии, выйдя к реке Чернишня, остановились. Дальнейшее наступление продолжали лишь 2-й кавалерийский, 2-й и 4-й пехотные корпуса. Оно велось до села Богородское, то есть на глубину 4 км. Казаки Орлова-Денисова преследовали разбитого неприятеля до Спас-Купли. Преследование врага русскими войсками было прекращено по приказу главнокомандующего. Всего в ходе сражения они продвинулись на глубину до 7 км. К вечеру 6 (18) октября сражение на реке Чернишня закончилось, и русская армия возвратилась в Тарутино.

На полпути от Богородского в Тарутино стояли трофейные орудия. Кутузов сидел на крыльце полуразрушенной избы и, указывая на французские пушки, приветствовал бодро проходившие мимо него полки: «Вот сегодня ваш подарок государю и России! Благодарю вас именем царя и Отечества!» В ответ ему неслось солдатское «Ура!»⁷¹ Трофеи, захваченные в сражении на реке Чернишня, в самом деле были внушительны⁷². Достаточно сказать, что начиная с 1805 г., когда начались войны России с Наполеоном, русским войскам никогда не удавалось захватить такого количества орудий у французов, как на Чернишне.

На следующий день в армии служили благодарственный молебен. Кутузов присутствовал на нем в походной церкви гвардейского корпуса, куда принесли икону Смоленской Божией Матери. Эта священная реликвия русского народа неотлучно сопровождала армию с берегов Днепра, была вместе с нею как в дни тяжелых испытаний, так и в дни победных торжеств.

Мюрат к исходу дня отступил к селу Вороново. Решение Кутузова о прекращении преследования разбитого противника было воспринято генералитетом армии с явным неудовольствием. Во главе недовольных стоял Беннигсен, считавший, что Кутузов преднамеренно помешал ему одержать решительную победу. Многим генералам действительно было непонятно, почему главнокомандующий лишил их удовольствия воспользоваться плодами одержанной победы. Причина же подобных действий Кутузова заключалась в том, что он, в отличие от абсолютного большинства своих генералов, руководствовался прежде всего не тактическими, а стратегическими интересами. Фельдмар-

шал был убежден, что Наполеон в ближайшее время будет вынужден оставить Москву и, следовательно, предстоящая встреча с главными силами французской армии ему представлялась неизбежной реальностью. Поэтому он считал необходимым бегство силы своей армии для решения главной задачи, а не расходовать их для решения задач частных, сколь бы заманчивыми они ни были. В день сражения предположения Кутузова подтвердились. От командира партизанского отряда полковника князя Н.Д. Кудашева (зять М.И. Кутузова), действовавшего на Подольской дороге, прибыл гонец, доставивший перехваченное предписание маршала Бертье одному французскому генералу об отправлении всех тяжестей на Можайскую дорогу. Предписание недвусмысленно давало понять о намерении Наполеона в скором времени оставить Москву. Кутузов понял, что назревают решающие события. Вот почему, когда генералы просили у него разрешения на преследование отступавшего авангарда противника, он ответил отказом. «Если не сумели мы взять Мюрата живым и прийти вовремя на места, то и преследование будет бесполезно. Нам нельзя отдаляться от позиции»⁷³, — пояснил главнокомандующий причину отказа.

В сражении на реке Чернишня русские войска нанесли серьезное поражение авангарду «Великой армии». Французы потеряли около 2,5 тыс. человек убитыми и ранеными. Среди убитых были и два бригадных генерала. Свыше 1000 вражеских солдат было взято в плен. Кроме того, противник потерял 38 орудий, одно знамя и часть обоза⁷⁴. Наши потери составили 300 человек убитыми и 904 — ранеными⁷⁵. Сражение на реке Чернишня явилось первой крупной победой русской армии после Бородинского сражения. Она значительно укрепила морально-боевой дух наших войск накануне контрнаступления. С известием о победе в Петербург был отправлен полковник А.Ф. Мишо, тот самый, который месяц назад привез туда скорбную весть об оставлении Москвы.

За победу на реке Чернишня (при Тарутино) генерал-фельдмаршал князь М.И. Голенищев-Кутузов был награжден очень редкой и чрезвычайно почетной наградой — золотой шпагой, украшенной алмазами и лавровым венком. Л.Л. Беннигсен получил 100 тыс. рублей и алмазные знаки к ордену Ан-

дrea Первозванного⁷⁶. Герой Тарутино генерал-адъютант граф В.В. Орлов-Денисов был удостоен ордена Георгия 3-й степени⁷⁷. Такую награду за сражение на реке Чернишня получили только три человека. Кроме Орлова-Денисова это были два прикомандированных к штабу главнокомандующего армией царских родственников: генерал от кавалерии герцог Александр Виртембергский (генерал-губернатор Белоруссии) и генерал-лейтенант принц Август Ольденбургский (Ревельский военный губернатор). Удивительно, но факт, что не внесшие никакого вклада в победу на реке Чернишня, а только присутствовавшие при сем два немецких принца были удостоены такой высокой боевой награды, за которую обычные генералы, как правило, рисковали головой на поле боя. Но... такова была воля главнокомандующего князя Кутузова, собственноручно представившего царю наградную реляцию, в которой соответствующим образом были расписаны «героические подвиги» двух этих придворных генералов. Что крылось за этим? Лукавство, своекорыстный расчет или банальное заискивание перед близкими к царю людьми? Дать ответ на этот вопрос трудно. В исторической литературе он не поднимался, а «кутузоведы» никогда на данный факт не обращали внимания. А между тем он весьма показателен. Кстати, и за Бородинское сражение, в котором оба эти принца участвовали как наблюдатели, Кутузов оценил их «подвиги» куда выше, чем заслуги действительных героев сражения, скажем, таких как Милорадович, Дохтуров, Раевский, Коновницын и др. В частности, герцог А. Виртембергский был представлен им к ордену Владимира 1-й степени, а более молодой принц А. Ольденбургский — к Владимиру 2-й степени. Правда, у царя хватило мужества более трезво взглянуть на «боевые подвиги» своих родичей и не утвердить эти представления. Однако и при понижении степени определенных тогда им царем наград оба они оказались уравненными в заслугах с таким героем Бородино, как П.П. Коновницын. Так что «щедроты царские» и в те времена раздавались не всем и не всегда по заслугам.

А в целом все же следует сказать, что награды в то время ценились очень высоко, ими не разбрасывались, награждали скупно и сравнительно редко. Все награды генералам утверждались

*Л.Л. Беннигсен.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

лично царем. Например, из 50 генералов, представленных Кутузовым к награждению за отличие в Бородинском сражении, около $\frac{1}{3}$ получили награды ниже тех, к которым были представлены. И за победу на реке Чернишня было награждено всего лишь около 30 генералов и офицеров. Большинство из них были командирами казачьих частей. Из начальников дивизий был награжден один лишь генерал-лейтенант З.Д. Олсуфьев, получивший орден Владимира 2-й степени⁷⁸. Все рядовые участники сражения получили в награду по 5 рублей⁷⁹.

Командиром 2-го пехотного корпуса вместо павшего в бою К.Ф. Багговута был назначен прибывший недавно в армию генерал-лейтенант князь С.Н. Долгоруков.

После сражения на реке Чернишня отношения между Беннигсеном и Кутузовым обострились до крайней степени. Беннигсен был в негодовании, которое не только не слабело, а усиливалось с каждым днем. Он никак не мог смириться с тем, что Кутузов умышленно, как он считал, не помог ему и не позволил добиться под Тарутино решительной победы. Выходки начальника штаба против своего главнокомандующего становились все более дерзкими и наглыми. Вскоре после сражения на Чернишне Беннигсен написал Кутузову: «Войска его импера-

торского величества совершили сию победу с такой правильностью и порядком, какую можно видеть на одних только маневрах. Жаль, очень жаль, что ваша светлость слишком были далеко от места действия и не могли видеть вполне прелестной картины поражения»⁸⁰. Не довольствуясь личными выпадами против фельдмаршала, Беннигсен пустился в закулисные интриги, один за другим следовали доносы в Петербург, фабриковались грязные инсинуации, всякого рода домыслы и слухи. Дело дошло до того, что Беннигсен даже обвинил Кутузова в трусости! Конечно, Кутузову, которого за храбрость прямо перед фронтом только что одержавших громкую победу «чудо-богатырей» целовал сам Суворов, не пришлось оправдываться от подобного рода злобных наветов. Раны и многочисленные награды, заслуженные на полях сражений, были красноречивее всяких оправданий. Однако положение становилось нетерпимым. Правда, Кутузов тоже не оставался в долгу. «Где этот дурак? Рыжий! Трус!» — кричал фельдмаршал, получив сведения об очередной интриге Беннигсена и прикидываясь, будто бы забыл как нарочно нужную фамилию и силится ее вспомнить. Когда ему решились подсказать, не Беннигсена ли он имеет в виду, главнокомандующий воскликнул: «Да! Да! Да!»

Повторялась на глазах всей армии история Багратиона с Барклаем. Но Беннигсен по своей репутации, силе и способностям был гораздо слабее Багратиона, а Кутузов по своему военному и моральному авторитету, популярности в армии и широких массах русского народа был несравненно сильнее Барклая. Если Барклаю не под силу было бороться с оппозицией Багратиона, то Кутузов быстро и без особого труда покончил с оппозицией Беннигсена. Да другого исхода просто не могло и быть. Любого иного решения данного вопроса армия и народ просто бы не приняли. Беннигсен, немец по национальности, был известен прежде всего как виновник страшного поражения русской армии под Фридландом в 1807 г. Будучи тогда главнокомандующим, он прославился, кроме того, взяточничеством и корыстным покровительством интендантским ворами, доведшим армию в полном смысле слова до голода. При такой репутации не ему было тягаться с Кутузовым.

После очередного доноса Беннигсена царю, превосходившего по своей злобности и развязности все, до тех пор им сочиненные, фельдмаршал Кутузов вызвал генерала и приказал ему немедленно покинуть армию. Это произошло в ноябре 1812 г. По свидетельству ряда источников, Александр I переслал этот донос Кутузову⁸¹. Во всяком случае достоверно известно, что уже 9 (21) октября Кутузов имел разрешение царя на высылку Беннигсена из армии⁸². Однако, получив это право, фельдмаршал не спешил им воспользоваться. Развязка наступила лишь 15 (27) ноября. Вызвав в этот день начальника Главного штаба, Кутузов вручил ему следующее предписание: «Главная квартира мест. Круглое. По причине болезненных ваших припадков извольте, ваше высокопревосходительство, с получением сего отправиться в Калугу, где и ожидать дальнейшего вашего назначения от его императорского величества. Генерал-фельдмаршал князь Голенищев-Кутузов»⁸³.

В солнечное теплое утро 6 (18) октября в Кремле проходил обычный ежедневный строевой смотр войск. На этот раз Наполеон смотрел 11-ю пехотную дивизию генерала Ж. Разу из корпуса Нея. Значительную ее часть составляли португальцы, сохранившие, несмотря на все превратности лагерной жизни, коричневый цвет своих мундиров. В дыму бивуачных костров также не изменились их черные кивера, но широкие белые панталоны, которые португальцы носили навывпуск, стали грязно-серыми, а вместо розовых лампасов проглядывала какая-то грязноватая размазня. Император старался не замечать этих погрешностей в форме одежды: смотр ведь проходил не в Париже! А строй португальское воинство держало сносно.

Строевой смотр уже подходил к концу, когда вдруг издалека донеслась глухая артиллерийская канонада. Маршалы, стоявшие за Наполеоном, с тревогой переглянулись: орудийные раскаты доносились с юга. Мюрат не собирался атаковать русских. Неужели Кутузов сам перешел в наступление? Это была неприятная новость. Император делал вид, будто не слышит канонады и не видит тревоги на лицах свиты. Никто из маршалов не решался обратить его внимание на подозрительную пушечную пальбу, боясь порывов его необузданного гнева: в последние дни Наполеона раздражал любой пустяк. Все смотре-

*Москва в 1812 г. Наполеон
покидает Кремль.
Художник М. Оранж*

ли на начальника Главного штаба маршала Бертье, но тот делал вид, что не замечает устремленных на него взглядов. Красивый герцог Виченцкий Коленкур кивал на рыжего Нея — маршал Ней стоял ближе всех к императору. Наконец осмелился обергофмаршал Дюрок. «Вероятно, русские напали на неаполитанского короля», — спокойно сказал он Наполеону. Тот изменился в лице, но быстро овладел собой. Его взволновало не нападение как таковое, а сам факт: значит, русские все-таки не желают мириться! Он закончил смотреть, похвалил генерала Разу и маршала Нея и быстрыми шагами ушел во дворец. Его завтрак прервал маршал Бертье, доложивший, что прискакал адъютант Мюрата. Предположения маршалов оказались верными: русские напали на авангард «Великой армии» и отбросили его. Наполеон в сильном волнении выскочил из-за стола и начал бегать по комнате. Он понял свою ошибку, в которой не хотел сознаваться, — он слишком надолго засиделся в Москве, ожидая мира!

Таким образом, внезапная атака русских на реке Чернишня оказалась полной неожиданностью не только для Мюрата,

но и для Наполеона. Последний воспринял поражение Мюрата как своего рода вызов, брошенный ему Кутузовым. К Наполеону как бы вернулся весь пыл его прежних лет. Вся французская армия пришла в движение. Еще до рассвета 7 (19) октября император выступил из Москвы, воскликнув: «Идем к Калуге, и горе тем, кто попадется нам на пути!»⁸⁴

100-тысячная армия покидала Москву. Огромнейший обоз, насчитывающий до 40 тыс. повозок, растянулся на многие километры по Калужской дороге. Подобно гигантскому шлейфу за уходящими на юг войсками катился бесконечный поток фур, телег, карет, переполненные доверху возы награбленного и увозимого из Москвы добра; шли пешком и ехали в экипажах тысячи всякого люда — иностранцы с женами и детьми, оставшиеся в Москве при вступлении французов и теперь уходившие, опасаясь мести со стороны русских. Обоз был так велик, армия растянулась на такую глубину, что Наполеон, пропуская мимо себя свои войска, тут же выказал озабоченность, что такое движение очень опасно. Но он еще не мог решиться приказать своим солдатам бросить награбленную добычу. Это он сделает позднее. А теперь выступившая из Москвы наполеоновская армия напоминала собой какое-то бродячее племя или скорее войско каких-нибудь гуннов или скифов, возвращающееся восвояси после большого набега с пленниками и добычей...

4.3. Враг не прошел!

После ухода Наполеона из Москвы там остался 8-тысячный отряд под командованием маршала Э. Мортье. Перед ним была поставлена задача заминировать и взорвать Кремль. Эта варварская акция не вызывалась никакими военными соображениями, а была актом мести Наполеона русскому народу. Однако врагу не удалось в полной мере осуществить свой замысел. Шли дожди, и многие мины не взорвались. Тем не менее произведенные взрывы причинили большой ущерб: сильно пострадали некоторые здания, башни и кремлевские стены. В Москве вновь начались пожары. Древняя столица России была сожжена и до предела разорена. Общий материальный ущерб, нанесенный ей оккупантами, достигал нескольких миллиардов ру-

блей. После ухода врага из Москвы в городе было найдено около 12 тыс. трупов. Значительная часть их — это жертвы расправ захватчиков над жителями города. Остальную часть составляли пленные и раненые солдаты, которых оккупационные власти рассматривали как потенциальных партизан и чаще всего расстреливали.

10 (22) октября в оставленную врагом Москву вступил казачий отряд генерал-майора И.Д. Иловайского 4-го, изгнавший из города последние остатки мародерствующего французского гарнизона⁸⁵. 17 (29) октября было опубликовано «Известие об освобождении Москвы».

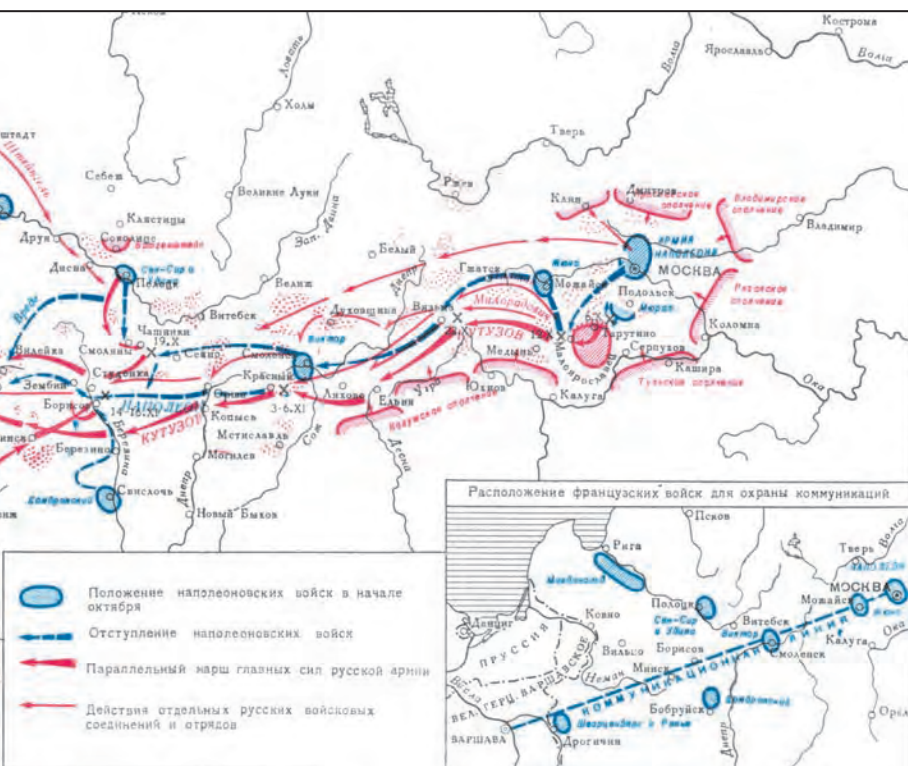
Выступив из Москвы по Старой Калужской дороге, Наполеон заявил приближенным, что «идет поразить Кутузова на том самом месте, где тот только что одержал победу»⁸⁶. Но когда он через два дня достиг Красной Пахры, то узнал здесь, что после сражения у Тарутино русская армия не преследовала войска Мюрата, как предполагал Наполеон, а отошла назад, в Тарутинский лагерь. Авангард Мюрата продолжал располагаться у села Вороново, куда он отступил сразу же после поражения на реке Чернишня. Русский авангард под командованием М.А. Милорадовича вел за ним наблюдение, но никаких действий не предпринимал.

Оценив обстановку, Наполеон понял, что двигаться дальше не имеет смысла. Рассчитывать на победу над русской армией, занимавшей сильно укрепленную оборонительную позицию под Тарутино, было весьма проблематично. В его распоряжении была уже далеко не та армия, которой он располагал под Бородино. «Московское сидение» оказало самое негативное влияние на боеспособность «Великой армии». В этих условиях Наполеон решил возвратиться к своему первоначальному плану. Он приказал повернуть главные силы армии от Красной Пахры к селу Фоминское (30 км севернее Тарутино) на Новой Калужской дороге. Оттуда император предполагал направиться к Калуге через Боровск и Малоярославец. Марш от Красной Пахры к Фоминскому наполеоновской армии предстояло совершить по проселочным дорогам. Его прикрывал корпус маршала Нея. Соединившись у Вороново с Мюратом, он должен был отвлечь внимание Кутузова от Новой Калужской дороги. Корпус Поня-

*Контрнаступление
русской армии в 1812 г.*

товского получил приказ идти к Верее. Туда же направлялся и отряд Мортье. Корпусу Жюно, стоявшему в Можайске, надлежало быть готовым для движения к Вязьме. Наполеон принял ряд мер, чтобы скрыть маневр своей армии на Новую Калужскую дорогу. По его приказу маршал Бертье послал к Кутузову полковника Бартелеми с письмом, якобы составленным еще в Москве. В письме содержались предложения, которые уже высказывал Кутузову Лористон⁸⁷. На самом деле миссия Бартелеми носила разведывательный характер. Наполеону важно было убедиться, что русская армия действительно продолжает находиться в Тарутинском лагере. Имелось в виду также дезориентировать Кутузова, убедить его в том, что французская армия якобы продолжает оставаться в Москве, поскольку именно «оттуда» Бартелеми и вез письмо маршала Бертье.

Но Наполеону не удалось ввести в заблуждение русское командование. Еще 4 (16) октября командир партизанского отряда, действовавшего в районе села Фоминское, капитан А.Н. Сеславин доложил о движении по Новой Калужской дороге крупных сил противника⁸⁸. То была легкая кавалерийская дивизия генерала Ф. Орнано, входившая в состав 4-го пехотного (итальянского) корпуса. Учитывая важность поступившего донесения, Кутузов сразу же приказал отряду генерал-лейтенанта И.С. Дорохова, ранее предназначавшемуся для действий в тылу авангарда Мюрата, перейти на Боровскую дорогу и перехватить вражескую кавалерию⁸⁹. К моменту прибытия Дорохова в указанный район, 7 (19) октября, село Фоминское уже было занято противником. В тот же день сюда со стороны Москвы подошла еще одна французская пехотная дивизия под командованием генерала

Кутузову сообщают об отступлении Наполеона

Ж. Брусье. Общая численность войск противника в этом районе достигала 10–12 тыс. человек. Ввиду многократного численного превосходства неприятеля генерал Дорохов не решился его атаковать и просил Кутузова усилить его пехотой⁹⁰.

Из поступавших в Главный штаб донесений командиров партизанских отрядов для М.И. Кутузова становилось все более очевидным, что именно со стороны Новой Калужской дороги над его армией нависает основная опасность. В данной связи чрезвычайно большое значение на этом направлении приобретал город Малоярославец — крупный узел дорог, расходящихся на Москву, Смоленск и Калугу. Овладев этим городом, Наполеон мог создать серьезную угрозу русской армии с фланга и тыла. Кроме того, под угрозой оказывалась ее главная тыловая база — Калуга.

8 (20) октября Кутузов выслал к Фоминскому два полка (егерский и пехотный), а еще через день, 10 (22) октября, двинул туда 6-й пехотный корпус Дохтурова, усиленный гвардейской конницей. Между тем к 9 (21) октября в районе Фоминского сосредоточился весь 4-й пехотный корпус вице-короля Е. Богарне, шедший в авангарде «Великой армии». Отбросив отряд Доро-

хова, он двинулся на Боровск. За вице-королем следовали гвардия и корпус Даву. Ней оставался на Старой Калужской дороге, поджидая Мюрата. 10 (22) октября в Фоминское прибыл Наполеон. На следующий день он направился в Боровск. Вечером 10 (22) октября Дохтуров достиг села Аристово (15 км севернее Тарутино). Здесь вскоре к нему прибыл капитан Сеславин, доложивший, что лично видел Наполеона с его свитой и гвардией в Фоминском, а захваченный им в плен гвардейский унтер-офицер показал, что французская армия покинула Москву и направляется на Малоярославец⁹¹.

Получив столь важные данные, Дохтуров немедленно направил к Кутузову гонца. Поздно вечером того же дня генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов узнал от прибывшего из штаба Дохтурова майора Д.Н. Болговского об оставлении Наполеоном Москвы и о движении его армии на Малоярославец. Не скрывая слез, он бросился на колени перед иконой и, перекрестившись, произнес: «Боже, Создатель мой! Наконец Ты внял молитве нашей, и с сей минуты Россия спасена!»⁹² Едва справившись с охватившим его волнением, Кутузов сразу же приступил к осуществлению самых энергичных мер для срыва вражеского плана. Первым делом он отдал распоряжение Дохтурову идти форсированным маршем к Малоярославцу и преградить там Наполеону дорогу на Калугу. На следующий день такой же приказ получил атаман Платов. Начальнику инженеров армии генералу П.Н. Ивашеву было приказано срочно подготовить маршруты выдвижения армии от Тарутино до Малоярославца. Только за один день, 11 (23) октября, главнокомандующий отдал 16 письменных приказов войскам, не считая многих устных распоряжений⁹³.

Как только Кутузову доложили о начале движения войск противника от Вороново на Новую Калужскую дорогу, вся армия после полудня 11 (23) октября немедленно выступила к Малоярославцу. Ее численность на этот день составляла 97,1 тыс. человек (без казаков) и 929 орудий. По родам войск распределение сил было таково: пехота — 76,6 тыс. человек (в том числе 5,5 тыс. ополченцев), кавалерия — 10,7 тыс. человек, артиллерия — 9 тыс. человек, инженерные войска (пионеры) — 800 человек⁹⁴. Следовательно, за время трехнедельного пребывания

в Тарутинском лагере численность русской армии возросла на 29 тыс. человек, не считая более 30 казачьих и других полков иррегулярной конницы. В организационном отношении она делилась на семь пехотных и четыре кавалерийских корпусов⁹⁵. Прибывший 8 (20) октября в Главную армию бывший командующий 3-й Западной армией, старый сослуживец М.И. Кутузова генерал от кавалерии А.П. Тормасов получил под свое командование 3, 5, 6, 7 и 8-й пехотные, 1-й кавалерийский и Кирасирский корпуса. М.А. Милорадович командовал 2-м и 4-м пехотными, 2-м и 4-м кавалерийскими корпусами. Артиллерией командовал генерал-майор барон К.Ф. Левенштерн.

Малоярославец — небольшой уездный город Калужской губернии. Он находится в 115 км к юго-западу от Москвы и стоит на крутом правом берегу реки Лужа (правый приток реки Протва, впадающей в Оку). Река, образуя вокруг города дугу, прикрывает Малоярославец с севера. На вершине речной дуги был единственный мост, служивший своего рода воротами в город со стороны Боровска (20 км севернее Малоярославца). Упорное стремление Наполеона обойти русскую армию слева и прорваться на Калугу и твердое решение Кутузова ни под каким видом не пропустить врага на юг определили стратегическое значение этого безвестного до тех пор небольшого населенного пункта, тот упорный и крайне ожесточенный характер борьбы, развернувшейся на улицах Малоярославца.

Приказ главнокомандующего Дохтуров получил рано утром 11 (23) октября и тотчас же по кратчайшему маршруту (через село Спасское) выступил к Малоярославцу. Ему предстояло совершить 30-километровый марш параллельно Новой Калужской дороге, по которой на Малоярославец направлялась французская армия. Главные ее силы в это время находились на марше из Фоминского в Боровск, в 15 км севернее корпуса Дохтурова, а авангард (4-й пехотный корпус Е. Богарне) уже вступил в Боровск (15 км западнее Аристово, где находился 6-й пехотный корпус Дохтурова). К вечеру его головная дивизия подошла к Малоярославцу. Наблюдение за Новой Калужской дорогой, по которой двигался противник, Дохтуров возложил на конницу Дорохова. Таким образом, неприятель находился к Малоярославцу ближе, чем наши войска. К тому же он совершал марш по

С.И. Беляев.
Художник А. Шепелюк.
1952 г.

столбовой дороге, в то время как войскам Дохтурова предстояло идти по испорченным осенней непогодой проселкам.

Жители Малоярославца, узнав о приближении к их городу противника, сожгли мост через реку Лужа и задержали его продвижение. Французы стали наводить понтонный мост. Тогда Савва Беляев с товарищами на глазах у врага разрушил плотину городской мельницы. Поток воды снес понтоны. Только через несколько часов французы смогли начать переправу и вскоре вступили на окраину города. В Малоярославце С. Беляеву поставлен памятник. Надпись на нем гласит: «Доблестному патриоту Беляеву — благодарная Россия». Одновременно и жители села Спасское (8 км восточнее Малоярославца) уничтожили плотины на реке Протва, что привело к резкому подъему воды в реке. Но это уже задержало марш корпуса Дохтурова к Малоярославцу на целых шесть часов, затраченных на постройку мостов. Только в 2 часа ночи 12 (24) октября он смог переправиться через реку Протва. На рассвете 12 (24) октября его войска подошли к Малоярославцу, в виду которого уже находился Платов с казаками. Город же занимали два французских батальона.

Следует отметить, что движение наполеоновской армии к Малоярославцу совершалось в довольно медленном темпе.

Объяснялось это прежде всего стремлением Наполеона выманить русскую армию из Тарутинского лагеря и навязать ей полевое сражение на Новой Калужской дороге, где-то в районе Боровска. Появление на левом фланге французской армии сначала конницы Дорохова, а затем в Аристово — корпуса Дохтурова еще более утвердило его в заданном предположении. Эти войска он посчитал за авангард русской армии, направлявшейся к Новой Калужской дороге. По этой причине и командир 13-й пехотной дивизии генерал А. Дельзон, подойдя к Малоярославцу, не стал занимать его главными силами, ограничившись введением в город лишь двух батальонов. Свои основные силы он расположил на левом берегу Лужи с тем, чтобы с началом сражения под Боровском быстро направиться туда. В результате своих заблуждений французский император потерял много драгоценного времени, которое Кутузов умело использовал для того, чтобы упредить своего противника в Малоярославце.

Предоставив своим войскам после трудного марша короткий отдых, Дохтуров атаковал Малоярославец. Задача выбить французов из города была возложена на генерала Дорохова. В 5 часов утра 12 (24) октября, еще до рассвета, 33-й егерский полк (шеф полка — полковник А.И. Бистром 2-й) стремительно атаковал противника и отбросил его к реке Лужа. Дельзон вводит в бой всю свою дивизию и отбрасывает наших егерей от реки. На помощь им Дорохов направляет 6-й и 19-й егерские полки, возглавляемые соответственно полковником А.С. Глебовым и генерал-майором Н.В. Вуичем. Вновь завязался ожесточенный бой.

Прибывший тем временем в дивизию Дельзона вице-король Е. Богарне, увидев перед собой крупные силы русских, отбросил всякую мысль о появлении Кутузова у Боровска и отдал главным силам своего корпуса приказ спешить к Малоярославцу. Начавшееся сражение под Малоярославцем явилось жестоким ударом для Наполеона. Когда ему доложили об этом, он в изумлении воскликнул: «Что это — битва?»⁹⁶ Император погрузился в тягостное раздумье. Неужели русские его опередили? Значит, его маневр не удался? Выходит, «хитрый лис» Кутузов снова перехитрил его? Получается, что сражение навязывают ему русские на своих условиях, а не он, Наполеон, им. Однако в сво-

ем грубом оперативном просчете император французов никак не хотел признаться даже самому себе.

В Малоярославце шла жестокая борьба. Русские батареи вели сильный огонь по переправе, нанося противнику большой урон. Командир дивизии генерал Дельзон был убит. Принявший командование начальник штаба дивизии бригадный генерал А. Гильемино, используя численное превосходство, вновь ворвался в город и занял его. На помощь 13-й пехотной дивизии противника вскоре подошла 14-я пехотная дивизия генерала Ж. Брусье. Дохтуров также вводил в бой один полк за другим. Ожесточенные, кровопролитные уличные бои велись с переменным успехом. Введенные Дохтуровым в бой Либавский и Софийский пехотные полки неоднократно бросались в штыковые атаки и отбрасывали неприятеля до самой реки, но, контратакованные превосходящими силами французов, каждый раз откатывались в исходное положение. Наши батареи, особенно стоявшие влево от города, вели массированный огонь по переправе, причиняя противнику большой урон. Но он продолжал яростно наседавать. До 11 часов дня город пять раз переходил из рук в руки.

Дохтуров с нетерпением ожидал подхода главных сил армии, которые совершали 40-километровый марш. Они шли сначала по Старой Калужской дороге, а затем, свернув вправо, проселками, параллельно реке Протва двинулись на Спасское. Нетерпение и тревога Дохтурова возрастали по мере того, как количество его незадействованных в бою частей с неумолимой быстротой сокращалось, а к Е. Богарне подходили все новые и новые силы. С высот восточнее Малоярославца хорошо просматривались подходящие к противнику свежие войска. То были 15-я пехотная дивизия генерала Д. Пино и итальянская гвардия. За ними выдвигался корпус маршала Даву, которому Наполеон, получив донесение Е. Богарне о завязавшемся в Малоярославце сражении, приказал подкрепить вице-короля. Сам Наполеон прибыл к Малоярославцу в полдень и остановился на берегу реки Лужа. Окинув взором место сражения, он приказал навести мост выше города. Однако основное внимание императора было сосредоточено не столько на самом сражении, сколько приковано к местности влево от него. Там, за далекими холмами высокого правобережья реки Лужа, в неясных очертаниях

играющего солнечными бликами осеннего дня находилось село Спасское, к которому приближалась армия Кутузова. Тревожные предчувствия французского полководца оказались небеспочвенными. Вскоре он собственными глазами удостоверился в худшем, что только могло произойти в сложившейся обстановке. На одном из холмов из-за густых пыльных облаков, обычно сопутствующих движению крупных масс войск, блеснули штыки. Все сомнения Наполеона мгновенно рассеялись: русская армия, предводимая Кутузовым, готова была преградить ему желанный путь на Калугу.

Кутузов с 3, 5, 7 и 8-м пехотными, 1-м кавалерийским и Кирасирским корпусами шел к Малоярославцу всю ночь. Настроение войск было унылым, они видели, что их ведут не вперед на врага, а назад. Значит, опять опостылевшее всем отступление... Но на рассвете до них донесся отдаленный гул артиллерийской канонады. С каждым очередным километром он становился все отчетливее. Солдаты воспрянули духом; они поняли, что не отступают, а приближаются к полю сражения. Переправившись через реку Протва и не доходя до Малоярославца 5 км, Кутузов разрешил наконец сделать привал. Дальше к Малоярославцу продолжал марш только 7-й пехотный корпус Раевского. Он подошел к городу около 14 часов и с ходу вступил в бой. Через час Малоярославец был почти полностью очищен от противника. В шестой раз русские войска овладели городом. Французы удержали за собой лишь узкую полосу местности в его прибрежной части.

Е. Богарне вводит в бой дивизию Пино. Атака ее была яростной. Впереди батальонов шли офицеры, принадлежавшие к самым знатным родам Италии. Эта дивизия, в отличие от двух других 4-го пехотного корпуса (13-й и 14-й пехотных дивизий), была чисто итальянской. С самого начала войны она не участвовала еще ни в одном бою, и теперь итальянцы горели желанием блеснуть храбростью перед французами. Но бравурный порыв пылких южан оказался кратковременным. Русский свинец быстро охладил их горячий темперамент, а русские штыки разнесли в пух и прах остатки итальянской самоуверенности. Большинство офицеров дивизии выбыли из строя убитыми или ранеными. В числе раненых оказался и сам командир ди-

визии. Атака итальянской дивизии окончилась неудачей. После этого вице-король бросает в сражение свою итальянскую гвардию и две дивизии из корпуса Даву. Невзирая на убийственный огонь русской артиллерии по мостам, они переправились через реку Лужа, ворвались в Малоярославец и после ожесточенных уличных боев в объятном пламенем городе овладели им.

Малоярославец горел, оттуда неслись крики и вопли раненых, не успевших отползти от горевших зданий и с улиц, куда валились обломки пылавших домов и церквей. Ни французы, ни русские не могли им помочь: город пылал так, что приблизиться к некоторым его кварталам нельзя было никоим образом.

Не задерживаясь в Малоярославце, противник с ходу атаковал отступившие из него войска Дохтурова и Раевского. Он стремился проложить себе путь на юг. Но здесь у него произошла осечка. Русская артиллерия встретила густые колонны французов и итальянцев плотным огнем. Под градом картечи, неся большие потери, они дрогнули и откатились обратно в город, преследуемые русскими войсками. При отражении этой атаки противника особенно отличилась гвардейская конная артилле-

Бой за Малоярославец 12 октября 1812 г. Хромолитография Н. Самокиша. Начало XX в.

рия под командованием полковника П.А. Козена. Ворвавшиеся в Малоярославец войска наших 6-го и 7-го пехотных корпусов встретили ожесточенное сопротивление врага. Вновь по всему городу завязались кровопролитные уличные бои, которые велись с переменным успехом. Очень эффективно с обеих сторон действовала артиллерия, часто применявшая, особенно на угрожаемых участках, перекрестный огонь. Русская артиллерия срывала все попытки противника прорваться из города в южном направлении, французская — пресекала все попытки русских войск приблизиться к мостам через реку Лужа. Действиями одной из французских батарей на левом берегу Лужи лично руководил Наполеон. Сражение, собственно, ограничивалось границами города.

Во второй половине дня к месту сражения подошли основные силы русской армии. Обойдя Малоярославец с юга, они заняли позицию за городом, по обе стороны Новой Калужской дороги. Путь врагу на юг был перекрыт.

Борьба за город не стихала. Кутузов сразу же отправился к сражающимся войскам. Вокруг него свистели ядра и даже пули. Фельдмаршала тщетно уговаривали удалиться из-под огня. Но он не внимал просьбам окружающих, желая лично ознакомиться с положением дел. Кутузов полностью отдавал себе отчет в том, что здесь, под Малоярославцем, решается судьба кампании, «а потому ни в одном из сражений Отечественной войны он не оставался так долго под выстрелами неприятельскими, как в Малоярославце»⁹⁷.

Вслед за главными силами, гораздо раньше, чем его ожидали, к Малоярославцу подошел арьергард Милорадовича, пройдя за день 55 км. Поистине суворовский переход! Любимый ученик великого полководца в очередной раз с блеском подтвердил верность заветам своего учителя. Обрадованный Кутузов по-отечески обнял генерала со словами: «Ты ходишь скорее, чем летают ангелы!»⁹⁸

Убедившись в сосредоточении всей русской армии под Малоярославцем, Наполеон понял, что дорога на Калугу теперь для него закрыта накрепко. Своим маршалам в связи с этим он заявил, что данное обстоятельство совсем перевернуло положение дел⁹⁹. Приближался вечер. Упорные бои в Малоярославце

продолжали бушевать с прежней силой. Но там с обеих сторон была задействована лишь часть сил. Главные же силы сторон в течение всего дня так и не были введены в сражение. Они стояли в полной боевой готовности друг против друга, разделенные заваленными трупами, пылающим городом. Русская армия занимала позицию южнее Малоярославца, охватывая его дугой с трех сторон, французская (гвардия, кавалерия и главные силы корпуса маршала Даву) — находилась на высотах севернее Малоярославца. Но, в отличие от Кутузова, сосредоточившего все свои силы в решающий момент на главном направлении, войска Наполеона оказались разбросанными на значительном пространстве. Отряд маршала Мортье находился на марше из Москвы к Верее, корпус Понятовского — в районе Медыни, корпус маршала Нея — на марше из Фоминского к Боровску, отряд маршала Мюрата следовал за Неем. Таким образом, выходило, что Кутузов переиграл французского императора по всем статьям. В сложившейся обстановке идти на риск решительного сражения со всей русской армией было, конечно, бессмысленно. И Наполеон, безусловно, отдавал себе в этом отчет. Впервые за его долгую боевую карьеру грозный призрак грядущего поражения со всей своей беспощадной неотвратимостью замаячил перед непобедимым доселе французским полководцем. И причиной тому являлись, хотя Наполеон в этом даже самому себе не хотел признаваться, его грубый оперативно-стратегический просчет и непомерная самонадеянность. Такого раньше за ним не замечалось...

Вечером М.И. Кутузов решил выбить противника из Малоярославца. Вызвав Коновницына, фельдмаршал сказал ему: «Петр Петрович! Ты знаешь, как я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться в огонь, но теперь прошу тебя очистить город!» На помощь сражавшимся в городе войскам Коновницына повел свою бывшую дивизию — 3-ю пехотную. Враг не устоял под ее мощным ударом и отступил. Русские войска в восьмой раз овладели городом. После этого в Малоярославец был введен 8-й пехотный корпус Бороздина, сменивший все до тех пор сражавшиеся в нем войска. Он имел приказ остаться на ночь в городе, бои в котором завершились только около 23 часов. Однако вскоре после полуночи французам все же удалось сно-

ва выбить русские войска из города. Таким образом, в течение дня Малоярославец восемь раз переходил из рук в руки. К исходу дня русская армия продолжала занимать высоты южнее Малоярославца. Но после оставления города частями 8-го пехотного корпуса она отступила на новую позицию, находившуюся в 2–2,5 км позади первой.

Наполеон был недоволен исходом сражения. Поздно вечером он вместе с гвардией отступил в деревню Городня, находившуюся в 8 км к северу от Малоярославца. Там император сразу же собрал военный совет, на котором повел себя довольно странно. Бросив несколько ничего не значащих фраз, он обхватил руками голову и, опершись локтями о стол, уставился неподвижным взглядом в лежавшую перед ним карту. После довольно продолжительного и тягостного молчания Наполеон, словно очнувшись, оглядел отрешенным взглядом присутствующих и отпустил их, так и не объявив своего решения.

Изгнание из Москвы остатков наполеоновской армии отрядом легкой кавалерии под командованием генерала Иловайского 10 октября 1812 г.

Раскрашенная гравюра И. Иванова. 1-я четверть XIX в.

В сражении под Малоярославцем Кутузов достиг своей главной цели — наступление Наполеона на Калугу было приостановлено. Но окончательной развязки события еще не получили. Кутузов был убежден: завтра предстоит генеральное сражение. Об этом он и сообщал царю в своем донесении, одновременно заверив его, что ни под каким видом Наполеона в Калугу не пустит¹⁰⁰.

Упорное и ожесточенное сражение под Малоярославцем продолжалось 18 часов. С каждой из сторон в ходе его было введено в бой по 24 тыс. человек. Потери в сражении каждой из сторон составили по 6 тыс. человек¹⁰¹. Французы потеряли двух генералов убитыми и трех — ранеными. Русская армия потеряла одного генерала — был тяжело ранен в ногу начальник 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант И. С. Дорохов.

Боевой, заслуженный военачальник, герой многих войн и походов, один из лучших кавалерийских генералов русской армии, Дорохов в 50-летнем возрасте был вынужден навсегда покинуть ратный строй. Непрестанные душевные терзания вырванного волею судьбы из привычной военной среды генерала, отчаяние от горестного сознания невозможности дальнейшего служения Отечеству на бранном поприще, жестокие страдания от полученной раны, продолжавшиеся более двух лет, в конце концов свели лихого гусара в могилу. Незадолго до смерти Иван Семенович Дорохов написал жителям Вереи: «Если вы слышали о генерале Дорохове, который освободил ваш город от врага Отечества нашего, почтенные соотчичи, то ожидаю от вас за сие воздаяния: дать мне три аршина земли для вечного моего успокоения при той церкви, где я взял штурмом укрепление неприятеля, истребив его наголову, и за что дети мои будут вам благодарны, а я и в могиле награжден буду любовью вашею»¹⁰². Просьба героя Отечественной войны 1812 года была исполнена: он был захоронен в Рождественском соборе.

За сражение под Малоярославцем генерал от инфантерии Д. С. Дохтуров и генерал-лейтенант П. П. Коновницын были награждены орденами Георгия 2-й степени; генерал-лейтенант Н. Н. Раевский и полковник Д. П. Ляпунов (командир Псковского пехотного полка 7-й пехотной дивизии) — орденами Георгия 3-й степени. Ордена Владимира 2-й степени были удостоен-

ны генерал-лейтенанты М.М. Бороздин (командир 8-го пехотного корпуса) и И.С. Дорохов, а также генерал-майор А.П. Ермолов. Золотые шпаги, украшенные алмазами и надписью «За храбрость», получили генерал-лейтенант П.М. Капцевич (начальник 7-й пехотной дивизии), генерал-майор П.М. Колюбакин (начальник 12-й пехотной дивизии) и генерал-майор Н.В. Вуич (шеф 19-го егерского полка и командир егерской бригады 24-й пехотной дивизии). Командир егерской бригады 11-й пехотной дивизии и шеф 33-го егерского полка А.И. Бистром был произведен в генерал-майоры. Полковники А.С. Глебов (командир 6-го егерского полка) и А.П. Никитин (командир 7-й конно-артиллерийской роты) были награждены орденами Владимира 3-й степени¹⁰³. Удостоены боевых наград были и другие отличившиеся в сражении генералы, офицеры и солдаты. Генерал-лейтенант П.П. Коновницын получил звание генерал-адъютанта.

На рассвете 13 (25) октября Наполеон отправился в Малоярославец, чтобы осмотреть место сражения. Но по дороге туда он чуть было не попал в руки казаков, действовавших в тылу противника. Только подоспевшие вовремя два эскадрона гвардейской кавалерии дали ему возможность спастись. Император со свитой приехал в Малоярославец. Город лежал в развалинах, на улицах валялись обуглившиеся трупы нескольких тысяч людей. Это были жители Малоярославца, русские и французские раненые, заживо сгоревшие накануне при общем пожаре города, который в нескольких местах все еще продолжал гореть. Кругом стоял едкий, тяжелый смрад. Зрелище было ужасное. Около 17 часов Наполеон возвратился в Городню. Первым делом император вызвал к себе лейб-медика Ювана и приказал ему немедленно изготовить флакончик с сильнодействующим ядом. Налет казаков был учтен Наполеоном. С этого момента он не расставался со смертоносным пузырьком: попасть в плен живым теперь ему уже не грозило. Весь вечер Наполеон провел в раздумье. В просторной деревенской избе, откуда как на ладони виден был еще чадивший пожарами Малоярославец, он молча выслушивал мнения прибывавших к нему одного за другим маршалов. Все они убеждали его отказаться от намерения пробиваться к Калуге и предлагали начать отступление. Особенно

категоричен был маршал Ж. Бессьер. Он считал бессмысленным атаковать Кутузова в виду прочности занимаемой им позиции. «И какая позиция? Только что мы узнали ее силу. И против каких врагов? Разве мы не видели вчерашнего поля битвы? — вопрошал маршал с гасконской горячностью. — Разве не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, едва одетые, шли там на смерть!»¹⁰⁴ Бессьер решительно советовал отказаться от нового сражения с русской армией и отступить. В конце концов маршалам и ближайшему окружению удалось убедить Наполеона отказаться от нового сражения. А при таком решении закономерно следовало другое — начать отступление. Но идти к Смоленску через Медынь и Ельню, как предполагалось ранее, было невозможно: в районе Медыни находился казачий корпус Платова. Поэтому оставался только один путь отхода — в направлении Боровска, Вереи, Можайска и далее по разоренной еще летом Смоленской дороге.

Утром 14 (26) октября Наполеон отдал приказ начать отступление по этому пути. Только теперь окончательно выявились роль и значение сражения под Малоярославцем. Русскому командованию стало ясно, что сражение при Малоярославце явилось поворотным пунктом Отечественной войны, определившим ее дальнейший ход. Оно ознаменовало собой кульминационную точку борьбы за стратегическую инициативу, которая в упорной и напряженной борьбе была наконец вырвана у противника, подвело итог всей борьбе за переход русской армии в контрнаступление, положило начало изгнанию врага из пределов России.

Аналогичную оценку событиям под Малоярославцем давал и противник. В частности, один из сподвижников Наполеона, французский генерал Ф. Сегюр писал: «Помните ли вы это злосчастное поле битвы, на котором остановилось завоевание мира, где 20 лет непрерывных побед рассыпались в прах, где началось великое крушение нашего счастья?»¹⁰⁵

Принимая такое трудное для него решение, Наполеон понимал, что ему предстоит, если он попытается прорваться к Калуге, выдержать генеральное сражение, не меньшее по масштабам, чем Бородино. И он не решился! В первый раз в своей жизни Наполеон отступил от ожидавшей его решительной битвы.

*Обер-офицер, урядник
и казак пеших полков
Тульского ополчения.
Раскрашенная литография
Клевезата по рисунку
Губарева. Середина XIX в.*

В первый раз за эту кровавую Русскую кампанию он повернулся спиной к противнику. Отступление «Великой армии» из России началось не 7 (19) октября, когда Наполеон вывел ее из Москвы и повел на Калугу, как иногда считается, а только через неделю после этого — 14 (26) октября, когда он решился окончательно отказаться от прорыва на Калугу и начать отступление к Смоленску.

Весь день 13 (25) октября противник не проявлял никакой активности. Кутузов начал опасаться, что Наполеон, отказавшись от продолжения сражения, попытается обойти русскую армию с запада и прорваться к Калуге через Медынь. Предвидя такой поворот событий, он в ночь на 14 (26) октября передвинул главные силы армии к Детчино (20 км южнее Малоярославца), откуда можно было действовать против Наполеона в любом направлении. На прежнем месте был оставлен лишь авангард Милорадовича (два пехотных и два кавалерийских корпуса). 15 (27) октября русская армия отошла еще на 20 км к юго-западу от Детчино, к Полотняному Заводу. Теперь она располагалась в 25–30 км юго-восточнее дороги Юхнов — Медынь. В 40 км за ней находилась Калуга. Чтобы надежнее обеспечить себя с севера, Кутузов выслал к Медыни казачий кор-

пус Платова. Ему была поставлена задача вести наблюдение за действиями противника. В подкрепление казакам была направлена 26-я пехотная дивизия И. Ф. Паскевича, усиленная кавалерией и артиллерией.

Во время сражения под Малоярославцем М.И. Платов с 20 казачьими полками стоял на берегу реки Лужа, западнее города. Его задача состояла в том, чтобы, угрожая правому флангу и тылу противника, отвлечь часть его сил из-под Малоярославца. Однако донской атаман не проявил должной активности. Раздраженный этим, Кутузов послал ему строгий приказ активизировать действия ночью. В ночь на 13 (25) октября Платов выслал три казачьих отряда за реку Лужа. Под покровом ночной темноты они скрытно приблизились к столбовой дороге Боровск — Малоярославец, по которой в это время перемещалась французская артиллерия. Внезапный налет казаков увенчался полным успехом — было захвачено более 50 орудий¹⁰⁶. Пока одни из казаков разворачивали пушки, чтобы увезти их за реку Лужа, другие бросились на обоз, а третьи поскакали по дороге на Боровск и вскоре встретили небольшую группу конных французов, неподвижно стоявших на месте. Среди них был Наполеон, направлявшийся в Малоярославец. Императора сопровождали свита и три конвойных взвода. В предутренних сумерках казаки его не заметили. Не вступая в бой с регулярной кавалерией, они рассыпались на мелкие группы и с гиканьем понеслись на находившийся поблизости огромный обоз, в котором, по данным разведки, находились бочонки с золотом. Все усилия казачьих начальников собрать свое войско ни к чему не привели. Между тем из Городни подоспела гвардейская кавалерия противника. Атакованные ею казачьи полки так же внезапно, как и появились, покинули дорогу, увозя с собой богатую добычу и 11 пушек. Одновременно отдельно действовавший казачий отряд генерал-майора Д. Е. Кутейникова атаковал французов под Боровском. Здесь казаки захватили большое количество пленных и обоз с награбленным французами в Москве церковным серебром. Среди разных бумаг, захваченных ими, находилось письмо маршала Бертье начальнику топографической службы французской армии генералу Сансону с приказанием собрать сведения о дорогах из Москвы, Боровска и Меды-

ни на Смоленск. В тот же день другой казачий отряд под командованием полковника Г.Д. Иловайского 9-го (три полка) разбил под Медынью авангард корпуса Понятовского, которым командовал генерал Ш. Лефевр-Денуэт.

На рассвете 14 (26) октября Наполеон с гвардией и двумя кавалерийскими корпусами выступил из Городни к Малоярославцу. Пройдя около 5 км, он остановился, велел разложить у дороги костер и долго сидел около него в глубоком раздумье. Причина озабоченности императора заключалась в том, что из только что доставленного донесения ему стало известно об отступлении русской армии от Малоярославца. Тут же, в поле, он отдал маршалу Даву приказ — с двумя дивизиями и кавалерией своего корпуса идти вслед за ушедшей на юг русской армией, а с наступлением темноты повернуть обратно и составить арьергард «Великой армии», начавшей отступление через Боровск и Верею на Можайск. В тягостном молчании, опустив глаза, словно пристыженное и сконфуженное, как будто предчувствуя свой тяжкий жребий, тронулось наполеоновское воинство в свой обратный путь к Смоленску. Посреди его ехал и вождь, мрачный и молчаливый, но еще не в полной мере осознавший всю глубину постигшей его катастрофы. Временами казалось, что он тревожно измерял в мыслях расстояние, отделявшее его от берегов Днепра. Но все они — и войско, и его предводитель — уже были обречены историей, хотя им и предстояло еще пройти долгий и тяжкий путь от Малоярославца до Ватерлоо. Сквозь разрывы низко плывущих над стылой землей тяжелых осенних туч, над понуро шагающими по ней завоевателями уже грозно сверкнул карающий меч Немезиды...

Продвинувшись на несколько километров южнее Малоярославца (это были последние версты вражеского наступления по русской земле!), Даву вскоре встретился с русским арьергардом. Возглавлявший его М.А. Милорадович к этому времени убедился, что французская армия не наступает, а за ним идет только вражеский авангард. Поэтому он решил остановиться и дать отпор неприятелю. С обеих сторон открылась артиллерийская канонада, продолжавшаяся несколько часов. После этого Даву тихо отступил за реку Лужа. Преследуя его, войска Милорадовича заняли Малоярославец. Этот город был пол-

В Городне — пробиваться или отступить? Художник В. Верещагин. 1887–1895 гг.

ностью разрушен и выгорел на 90%. Утром 15 (27) октября М.И. Кутузов получил донесение Милорадовича о том, что Наполеон отступает от Малоярославца к Боровску. Перед этим главнокомандующему пришлось употребить весь свой авторитет, чтобы успокоить жителей Калуги, опасавшихся за судьбу своего города.

Отход наполеоновской армии к Боровску ставил перед русским командованием целый ряд сложных вопросов. Было неясно, пойдет ли противник из Боровска через Верею на Можайск или через Медынь на Юхнов. Поэтому в ожидании развития событий Кутузов, как уже отмечалось, решил отойти к Полотняному Заводу. Милорадовичу было приказано фланговым маршем перейти от Малоярославца в район Медыни, а для наблюдения за Боровском оставить отряд генерал-майора А.А. Карпова (три казачьих полка, егерская бригада и несколько орудий). Одновременно, чтобы не упустить Наполеона из виду, Куту-

зов выдвинул вперед сильные кавалерийские отряды. Платов с 15 казачьими полками, партизанские отряды полковников П.С. Кайсарова, князя Н.Д. Кудашева, И.Е. Ефремова, капитанов А.Н. Сеславина и А.С. Фигнера должны были установить непосредственное наблюдение за французской армией и теснить ее со всех сторон. Отряд генерал-майора графа В.В. Орлова-Денисова (шесть казачьих полков) вместе с 26-й пехотной дивизией Паскевича получил приказ идти наперерез противнику к Гжатску. Подполковник Д.В. Давыдов, находившийся со своим отрядом в районе Вязьмы, получил на усиление два казачьих полка и приказ активизировать действия на главной коммуникации противника.

Как только было установлено, что Наполеон начал отступление, войскам русской армии сразу же была поставлена задача — перейти к решительному преследованию, настигнуть армию противника и не дать ей возможности организованно отойти к своим базам. В своем приказе войскам М.И. Кутузов писал: «Воины! Потщимся выполнить сие (разгромить врага. — *Прим. авт.*), и Россия будет нами довольна, и прочный мир водворится в неизмеримых ее пределах»¹⁰⁷. В этом обращении главнокомандующего к войскам нашла свое отчетливое выражение основная идея окончательного и полного разгрома врага.

4.4. Народная война

Вторжение Наполеона в Россию всколыхнуло всю страну. По необъятным просторам огромной державы, от Балтики до Великого океана, тревожным набатом загревели колокола, сзывая народ на защиту Отечества. Великая страна от мала до велика поднялась на отпор врагу. Подъем народа был необычайно велик. Все сословия Российской империи стремились внести свою лепту в дело спасения Родины. Огромные массы людей стекались в православные храмы, с амвонов которых под величавые звуки церковных песнопений звучали пламенные призывы к священной борьбе против чужеземных захватчиков. Такого всенародного подъема Русь не переживала уже 200 лет, со времен Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, когда сапог иноземного завоевателя последний раз топтал русскую землю. Па-

триотический почин православной церкви активно поддержали и представители других конфессий.

К осени народное сопротивление врагу приобрело особенно широкий размах. Пожар Москвы, грабежи и бесчинства французских оккупантов вызвали в народных массах священное чувство гнева и мести. Мощное партизанское движение охватило Смоленскую, Московскую, Калужскую губернии, часть Тверской, Владимирской и Ярославской губерний.

Главная задача русского командования после Бородинского сражения состояла в том, чтобы добиться коренного изменения соотношения сил в свою пользу и создать условия для перехода в контрнаступление. Для решения этой важнейшей стратегической задачи М.И. Кутузов умело использовал так называемую малую войну. В это понятие он вкладывал новое содержание. Раньше «малую войну» вели только войсковые партизанские отряды. Кутузов решил сочетать действия армейских партизан с борьбой крестьянских партизанских отрядов и народного ополчения. Взаимодействие этих сил координировалось Главным штабом армии.

По указаниям Кутузова было создано и направлено в тыл врага более 15 армейских партизанских отрядов. В сентябре — октябре между Смоленском и Гжатском действовал отряд подполковника Д.В. Давыдова, между Гжатском и Можайском — отряд генерал-лейтенанта И.С. Дорохова, между Можайском и Москвой — отряд капитана А.С. Фигнера. В районе Можайска находились также отряды полковника князя И.М. Вадбольского и донского казачьего полковника И.Ф. Чернозубова. Между Боровском и Москвой удары по коммуникациям противника наносили отряды капитана А.Н. Сеславина и поручика М.А. Фонвизина. Севернее Москвы вооруженную борьбу с врагом вела группа партизанских отрядов под общим командованием генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде¹⁰⁸. Общая их численность составляла 3200 человек¹⁰⁹. На Рязанской дороге действовал отряд донского казачьего полковника И.Е. Ефремова, на Серпуховской — полковника князя Н.Д. Кудашева, на Каширской — майора С.И. Лесовского. Всего в составе армейских партизанских отрядов к концу сентября находилось 36 казачьих, 7 кавалерийских и 6 пехотных полков, 5 эскадронов и до 30 артиллерийских

Д.В. Давыдов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

орудий. Во главе партизанских отрядов стояли смелые и энергичные кадровые офицеры, в основном кавалеристы.

Особенно умелыми, активными и отважными действиями прославился Д.В. Давыдов — организатор и руководитель первого партизанского отряда в Отечественную войну 1812 года. Будучи командиром батальона (четыре эскадрона) Ахтырского гусарского полка, он за пять дней до Бородинского сражения обратился к П.И. Багратиону (адъютантом которого в свое время состоял) с предложением создать специальный конный отряд в 1000 человек, который бы действовал на коммуникациях противника и дезорганизовывал его тылы. Руководить этим отрядом Давыдов вызвался сам. Багратиону идея понравилась. Он доложил о ней М.И. Кутузову и просил утвердить принятое им решение о направлении во вражеский тыл сильного конного отряда во главе с подполковником Д.В. Давыдовым. Кутузов решение Багратиона в принципе одобрил, но выделить в распоряжение Давыдова 1000 кавалеристов отказался. «Для опыта» главнокомандующий распорядился дать под команду Давыдова конный отряд численностью лишь в 130 человек (50 гусар и 80 казаков)¹¹⁰. За день до Бородинского сражения отряд Давыдова выступил в направлении Юхнова, а оттуда пошел в район

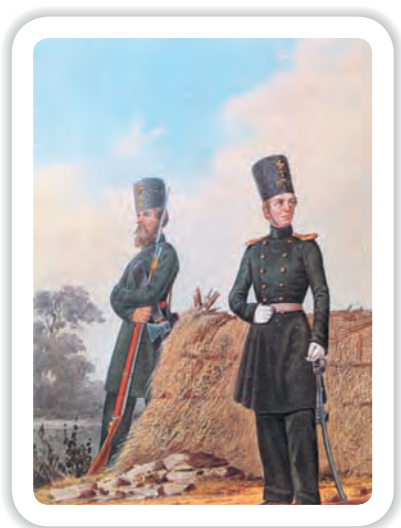
Вязьмы. Это был первый партизанский отряд, созданный в ходе Отечественной войны 1812 года. Уже первые боевые столкновения отряда Давыдова с врагом показали довольно высокую эффективность партизанских действий. Так, 12 (24) сентября отряд Давыдова внезапно напал на крупный вражеский транспорт и захватил его. В плен было взято 370 французских солдат и 2 офицера. При этом партизаны освободили около 200 русских военнопленных. Затем в селе Юренево партизанам Давыдова удалось взорвать крупный склад боеприпасов противника. Разъяренный их дерзкими действиями, французский военный губернатор Смоленской губернии генерал Л. Бараге д'Илье разослал по всем подчиненным ему гарнизонам циркуляр, в котором предписывал объявившихся партизан немедленно уничтожить, а их командира поймать и расстрелять. В документе подробно описывались приметы Давыдова. Однако выполнить грозный приказ генерала оккупационным властям так и не удалось. Партизаны были неуловимы, а их численность быстро росла за счет добровольцев из числа местных жителей и освобождаемых военнопленных. Они продолжали наносить по врагу удар за ударом.

Племянник писателя Д.И. Фонвизина, будущий декабрист М.А. Фонвизин успешно действовал в Боровском уезде Московской губернии. Армейских партизан здесь активно поддерживал отряд местных крестьян, насчитывавший свыше 1000 человек. Отряд Вадбольского захватил в плен несколько сот французских солдат и офицеров, в том числе курьера Главного штаба с важными документами. В конце сентября Кутузов подчинил его генералу Дорохову. На отряд Сеславина была возложена задача вести разведку и способствовать развертыванию крестьянского партизанского движения в заданном районе. Он блестяще выполнил это задание. Именно Сеславин первым установил, что Наполеон оставил Москву и движется на Калугу. Поэт В.А. Жуковский посвятил отважному партизану вдохновенные строки:

*«Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками,
Там брошен в прах и меч, и щит
И услан путь врагами».*

Обер-офицер и пеший казак Владимирского ополчения. Раскрашенная литография Бира по рисунку Губарева. Середина XIX в.

Воин и обер-офицер купеческих и мещанских сотен Московского ополчения. Раскрашенная литография Гельферта по рисунку Губарева. Середина XIX в.

В славной когорте армейских партизан видное место занимал Фигнер. В совершенстве владея французским, итальянским и немецким языками, он переодевался в форму офицера наполеоновской армии, пробирался в стан врага и добывал ценнейшие разведывательные сведения. Несколько дней Фигнер провел в оккупированной противником Москве. Создав там небольшой вооруженный отряд, он произвел ряд ночных нападений на французских солдат, намеревался даже пробраться в Кремль и убить Наполеона. Отозванный командованием из Москвы, Фигнер создал в конце сентября партизанский отряд из отставных солдат и крестьян и совершал с ним смелые налеты на врага. За короткое время партизаны под его командованием уничтожили в окрестностях Москвы почти все продовольствие, взорвали артиллерийский парк на Можайской дороге, привели в негодность 6 захваченных французских орудий и взорвали 18 зарядных ящиков к ним, истребили около 400 вражеских солдат и более 60 взяли в плен¹¹¹.

Конный казак Московского ополчения.

Раскрашенная литография

Ферлунда 2-го по рисунку Губарева.

Середина XIX в.

Пеший казак и егерь Московского ополчения. *Раскрашенная литография*

Клевезата по рисунку Губарева.

Середина XIX в.

Одной из первых крупных операций, проведенных партизанами, был штурм и освобождение города Вереи. Французы держали там сильный гарнизон, охранявший коммуникацию Боровск — Можайск. Кутузов приказал генералу И.С. Дорохову выдвинуться к Верее, овладеть ею и разрушить возведенные там неприятелем укрепления. Выделенный для этой цели Дороховым отряд (пять батальонов пехоты, четыре эскадрона кавалерии, два казачьих полка, отряд полковника Вадбольского и восемь орудий), возглавляемый им лично, 10 (22) октября еще до рассвета переправился через реку Протва и скрытно подошел к Верее¹¹². Город, расположенный на возвышенности, был обнесен валом и палисадом. Пятеро местных жителей (Гречишкин, Жуков, Прокудин, Шушукин и один отставной солдат), рискуя жизнью, умело подвели колонны к городу и первыми бросились на крепостной вал. Все они за свой подвиг были награждены Знаками отличия Военного ордена. Внезапно, без выстрелов, отряд ворвался в город. Батальон вестфальцев, за-

стигнутый врасплох, открыл беспорядочную стрельбу, но, убедившись в бесполезности сопротивления, вскоре сложил оружие. Бой продолжался не более часа. Противник потерял убитыми более 300 человек. В плен было взято до 400 солдат и офицеров 8-го пехотного (вестфальского) корпуса¹¹³. Вскоре к Верее из Можайска подошли четыре батальона и четыре эскадрона противника. Отряд Дорохова встретил их сильным огнем. Убедившись, что город уже захвачен русскими, а его гарнизон уничтожен, вестфальцы поспешили отступить, преследуемые русской конницей. Сразу после взятия Вереи к Дорохову прибыл крестьянский партизанский отряд (до 1000 человек), возглавляемый священником Иваном Скобеевым¹¹⁴. Дорохов, раздав крестьянам 500 трофейных ружей и имевшееся в городе продовольствие, ушел со своим отрядом по дороге на Медынь¹¹⁵.

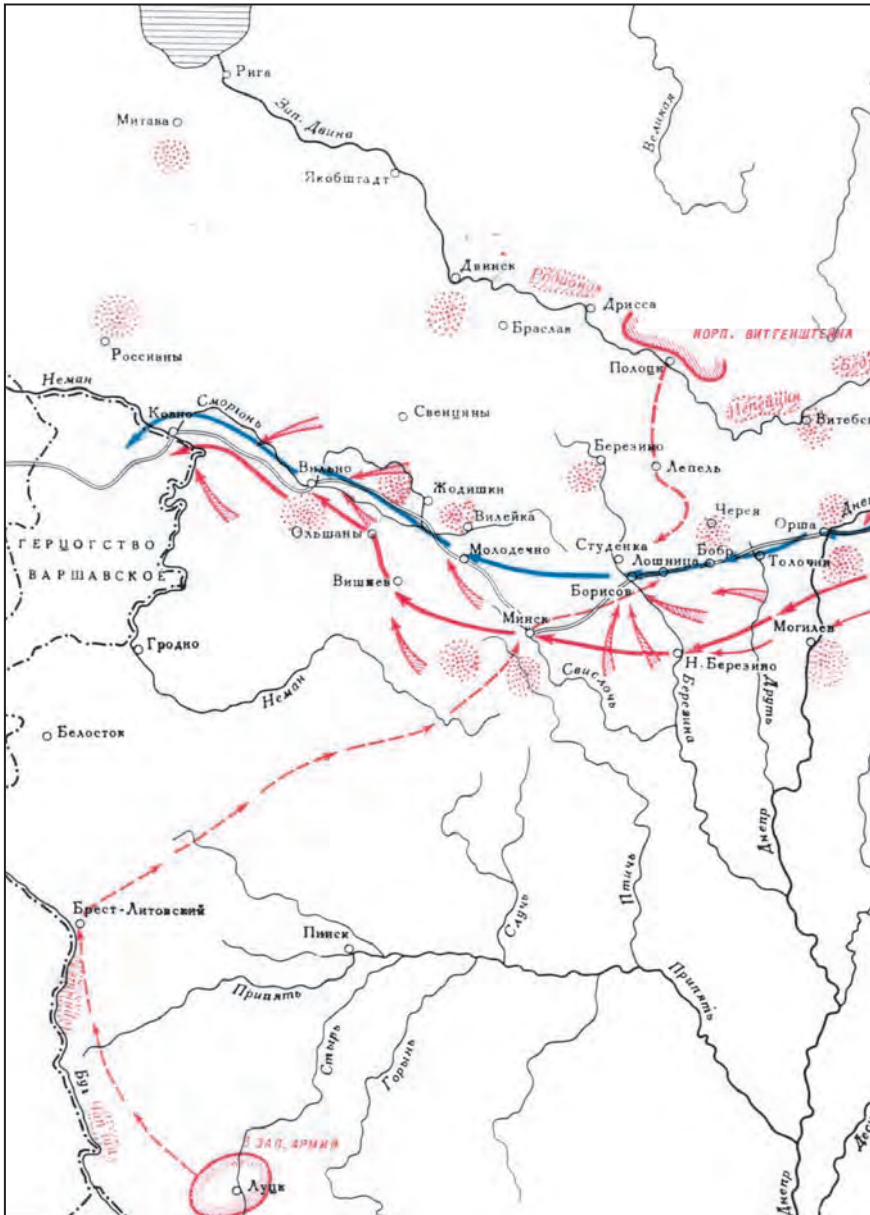

Нападение партизан отряда И.С. Дорохова на французский обоз в районе Перхушкова. Хромотипография А. Сафонова. Начало XX в.

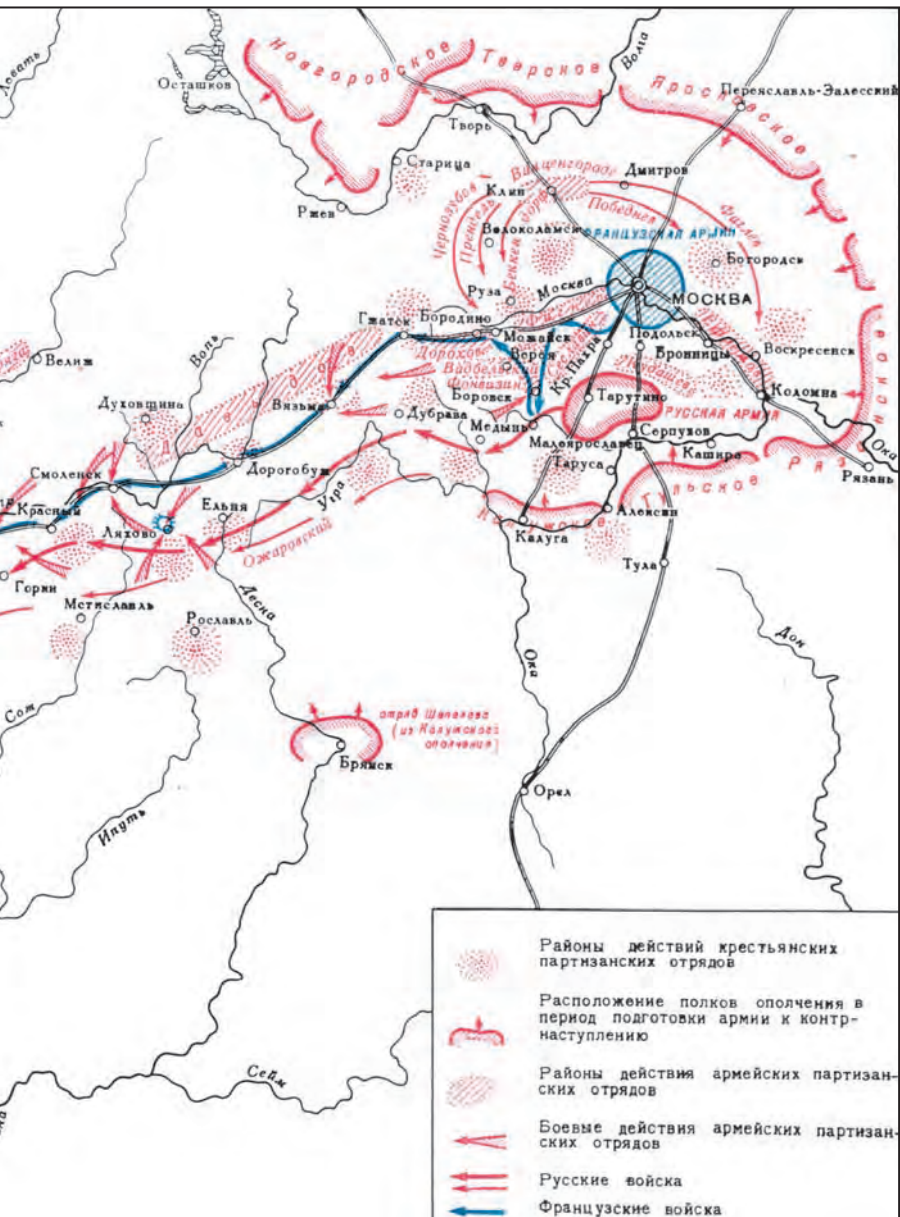
Партизанские отряды наносили внезапные удары по коммуникациям противника, громили его гарнизоны, уничтожали команды фуражиров и обозы, вели разведку в тылу врага. Кроме того, армейские партизаны вносили известный порядок и организованность в действия стихийно возникавших крестьянских отрядов, снабжали их оружием и боеприпасами, обучали военному делу, вели агитационную работу на оккупированных врагом территориях. В листовках, которые печатались в походной типографии Главного штаба, русское командование информировало население о ходе войны, популяризировало партизанские методы борьбы, высоко оценивало мужество и стойкость поднявшихся на борьбу с захватчиками народных масс, сообщало о начавшемся разложении наполеоновской армии и выражало уверенность в скорой победе над врагом. Ведущие вооруженную борьбу в тылу врага народные мстители уважительно именовались «почтенными гражданами» и «верными сынами Отечества». Листовки являлись одной из форм направляющего воздействия русского командования на ход народной войны.

Придавая большое значение «малой войне», М.И. Кутузов сам нередко инструктировал командиров войсковых партизанских отрядов, беседовал с крестьянами, которые приходили и приезжали в Тарутинский лагерь. Оттуда они уезжали с оружием и боеприпасами, а также с листовками походной типографии. Немало оружия крестьяне подобрали на местах боев, а также отбили у неприятеля. В результате у населения скопилось довольно много вооружения. По данным Главного штаба, только жители Московской, Смоленской и Калужской губерний осенью 1812 г. имели до 50 тыс. ружей и пистолетов.

Уже к началу осени 1812 г. вооруженное сопротивление народных масс иноземным захватчикам резко возросло, разнообразнее стали формы и методы борьбы. Повсюду действовали крестьянские партизанские отряды. Их организаторами и руководителями нередко выступали бежавшие из плена или раненые и укрытые жителями русские солдаты. Так, в Гжатском уезде Смоленской губернии большой популярностью у крестьян пользовался Е.В. Четвертаков. Ермолай Васильевич родился

Народное ополчение и партизанское движение в Отечественной войне 1812 года

*Е.С. Стулов. Художник
М. Тербенев. 1810-е гг.*

в семье крепостного крестьянина на Черниговщине. В 1804 г. помещик отдал его в солдаты. Рядовой Четвертаков служил в Киевском драгунском полку, в составе которого принимал участие в войнах с Наполеоном в 1805 г. и 1806–1807 гг. Участвовал в боях с первых дней Отечественной войны. В середине августа в одном из арьергардных боев под Царево-Займищем драгун Ермолай Четвертаков попал в плен, но уже на четвертый день бежал. В селах Зибково и Басманы Смоленской губернии он организовал из крестьян партизанский отряд численностью в 300 человек. Партизаны Четвертакова контролировали территорию протяженностью более 40 км, вывели из строя до 1000 солдат и офицеров противника, захватили 4 орудия, 18 фургонов с боеприпасами и другим военным имуществом. Организатором другого партизанского отряда на Смоленщине стал рядовой Московского пехотного полка Степан Еремеев. Во время обороны Смоленска он был тяжело ранен и остался на занятой врагом территории. Выздоровев, Еремеев создал партизанский отряд, действовавший на Смоленской дороге. В районе Гжатска, Можайска Московской губернии действовал 2-тысячный партизанский отряд, возглавляемый рядовым Елисаветградского гусарского полка Федором

Потаповым, называвшим себя «Самусем». За короткое время партизаны Самуся уничтожили и взяли в плен около 3 тыс. оккупантов¹¹⁶. За боевые заслуги перед Отечеством Е. Четвертков, С. Еремеевко и Ф. Потапов были награждены Знаками отличия Военного ордена и получили звания унтер-офицеров. В районе Звенигорода Московской губернии прославились своими действиями отряды под командованием волостного головы Ивана Андреева и сотника Павла Иванова. Они уничтожили и взяли в плен более 2 тыс. солдат противника. В Сычевском уезде Смоленской губернии мужественно сражались с врагом партизанские отряды под руководством крестьян Агапия Иванова, Сергея Миронова, Максима Васильева, Андрея Степанова и Антона Федорова. Широкою известность получила крестьянка хутора Горшково того же уезда старостиха Василиса Кожина. За отказ дать продовольствие оккупанты расстреляли ее мужа. Она организовала партизанский отряд из подростков, стариков и женщин, который успешно действовал, нанося существенный урон захватчикам. История сохранила для нас имена отважных юных партизан — Федора Колычева, Сергея Никольского, Ильи Носова, Василия Лаврова, Ивана Лебедева.

Самым крупным не только в Московской губернии, но, пожалуй, на всей оккупированной врагом территории был партизанский отряд, организованный крепостным крестьянином села Павлово Богородского уезда Г.М. Куриным. Отряд Герасима Курина насчитывал около 6 тыс. человек¹¹⁷. Целая дивизия! Интересно, что он был создан еще до вступления французов в эти места. Узнав о захвате врагом Богородска 11 (23) сентября, Герасим Матвеевич Курин сразу же приступил к организации отряда. Он привлекает к командованию им волостного голову Е. Стулова и сотенного И. Чушкина, устанавливает связь с начальником Владимирского ополчения князем Б.А. Голицыным. Только в течение одной недели (конец сентября) партизаны Г. Курина провели семь крупных боев с французскими отрядами и не допустили врага на территорию своей Вохонской волости. За заслуги перед Отечеством Г.М. Курин и Е.С. Стулов были награждены Знаком отличия Военного ордена.

Отряды крестьян в ряде случаев оказывали содействие армейским частям. Например, при обороне Юхнова вместе с гарнизоном принимало участие около 2 тыс. горожан и крестьян, в защите Рославля — около 500 крестьян. Оба эти города не были заняты французской армией в ходе ее наступления, но находились под постоянной угрозой захвата врагом.

Наряду с партизанскими отрядами на оккупированной территории действовали дружины самообороны. Укрыв свои семьи в лесах, крестьяне вооружались тем чем мог и охраняли деревни и села от французских фуражиров и мародеров. Население прилегающих к театру военных действий местностей создало отряды пограничной стражи, которые именовались в то время «кордонами». Так, Калужский гражданский губернатор П.Н. Каверин доносил в конце сентября генералу Л.Л. Беннигсену о том, что с приближением французов к границам губернии жители семи уездов организовали пограничные кордоны, а внутри губернии в каждом селении выставили усиленные караулы. Результатом подобного рода мероприятий явилось поддержание твердого порядка в прифронтовой полосе, исключаяющего всякого рода бесчинства и грабежи в отношении мирного населения.

С перемещением зоны боевых действий вглубь страны жители подвергшихся вражескому нашествию районов вступали в активную борьбу с захватчиками. Например, только за короткий промежуток времени, в течение которого велись боевые действия на территории Калужской губернии, народные ополченцы истребили более 5 тыс. вражеских солдат и до 350 человек взяли в плен¹¹⁸. Аналогичным образом была организована защита Ярославской, Тверской, Владимирской, Черниговской и других ставших прифронтовыми губерний. Массовый подъем населения на защиту родных очагов, его стойкое и мужественное сопротивление захватчикам задержало их продвижение вглубь нашей страны, спасло сотни тысяч мирных жителей от грабежей и насилий, а также позволило местным властям завершить формирование ополчений. По мере готовности ополченческие части поступали в распоряжение армейского командования.

Формирование народного ополчения в стране началось в июле 1812 г. Правовой базой этого движения явились два

Василиса Кожина.
Художник А. Смирнов. 1810 г.

царских манифеста от 6 (18) и от 18 (30) июля¹¹⁹. Образованный 31 июля (12 августа) Особый комитет по ополчению издал ряд распоряжений, определявших порядок зачисления в ополчение, его финансирование, снабжение продовольствием и обмундированием¹²⁰. Набор в ополчение проводился в 16 губерниях России, ближайших к театру военных действий, разбитых на три округа. В ополчение первого округа входили Московская, Тверская, Калужская, Смоленская, Тульская, Владимирская, Рязанская и Ярославская губернии. В ополчение второго округа вошли Петербургская и Новгородская губернии. В ополчение третьего округа были включены Костромская, Нижегородская, Казанская, Вятская, Симбирская и Пензенская губернии. Первый ополченческий округ, предназначенный для защиты Москвы, возглавил генерал от инфантерии граф Ф.В. Ростопчин. Второй ополченческий округ, образованный для прикрытия петербургского направления, возглавил генерал от инфантерии граф М.И. Голенищев-Кутузов. После назначения Кутузова главнокомандующим над всеми армиями и ополчениями второй округ с 27 августа (8 сентября) возглавил генерал-лейтенант барон П.И. Меллер-Закомельский, которого вскоре сменил тайный советник, сенатор А.А. Бибиков.

Ополченцы 1812 г. Художник А. Архипов. 1982 г.

Третий (резервный) ополченческий округ возглавлял генерал-лейтенант граф П.А. Толстой.

Формирование ополчения проходило быстро и с большим подъемом. Например, в Москве оно началось немедленно по получении манифеста. 28 июля (9 августа) был избран начальник Московского ополчения. Им стал боевой, заслуженный генерал, сподвижник Суворова — И.И. Марков. Тогда же были учреждены два комитета: один — для зачисления в ополчение, обеспечения его вооружением и продовольствием; другой — для приема пожертвований от населения. Москва и Московская губерния дали наибольшее число ополченцев — 12 полков общей численностью 25,8 тыс. человек¹²¹. Состав ополчения: крестьяне, дворовые люди, ремесленники, мещане, интеллигенты, дворяне. Среди московских ополченцев были поэты В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.С. Грибоедов, редактор «Русского вестника» С.Н. Глинка и другие известные в России люди.

Каждая губерния выставляла свое ополчение. Численность и состав губернских ополчений были различны. Так, к началу

сентября 1812 г. Владимирская губерния выставила шесть полков ополчения (15 тыс. ратников), Тверская — шесть полков (13,3 тыс. человек), Ярославская — пять полков (11,1 тыс. человек), Рязанская — семь полков (16 тыс. человек), Калужская — шесть полков и отдельный батальон (15 тыс. человек), Тульская — семь полков и артиллерийскую роту (15 тыс. человек) и т.д. Всего первый ополченческий округ насчитывал 123,3 тыс. ратников¹²². В его состав входили 47 полков пехоты и 8 полков конницы. Организация ополчения второго округа имела свои особенности. Если Новгородское ополчение имело полковую организацию (всего — четыре полка), то Петербургское ополчение состояло из дружин (всего — 15 дружин)¹²³. Общая численность ополчения второго округа составляла 24 тыс. человек¹²⁴. В третьем округе было сформировано 23 полка ополченцев общей численностью около 46 тыс. человек. Общее число ополченцев всех трех округов составляло 193 тыс. человек¹²⁵.

К концу сентября формирование ополчения в основном было завершено. Правда, в связи с поспешностью формирования ополченческих частей они не имели достаточной военной подготовки, были вооружены в основном пиками, и поэтому их нельзя было включать сразу в Действующую армию. По этой причине ополчение сначала использовалось в основном для охраны подмосковных губерний, создания партизанских отрядов, прикрытия важных дорог и объектов (Брянск, Калуга, Коломна) и для перекрытия путей, ведущих к Москве. Исключение составляли лишь Московское и Смоленское ополчения, принявшие участие в Бородинском сражении, а затем использованные для доукомплектования регулярных частей 1-й и 2-й Западных армий.

Петербургское ополчение (15 тыс. ратников) в сентябре целиком влилось в корпус Витгенштейна¹²⁶. Новгородское ополчение было направлено в распоряжение генерала Винценгероде.

Ополчение третьего округа, в который входили приволжские губернии, мыслилось как резерв первых двух округов и до особого распоряжения должно было находиться на своих местах.

Ополченцы одевались в крестьянскую одежду: рубаха-косоворотка, длинный серый кафтан, шаровары из грубого крестьянского сукна, сапоги и фуражка с крестом — знак ополченца.

Петербургский ополченец.

*Гравюра неизвестного
художника. 1812 г.*

Офицеры носили обычные армейские мундиры. Большинство из них находились в отставке и с началом войны вновь вернулись на военную службу. В 1812 г. в армию вернулись также 37 отставных генералов¹²⁷.

Говоря о всенародном подъеме, необходимо отметить, что ополчение создавалось и в других местах, где официально его формирование не предусматривалось — на Украине и на Дону, на Северном Кавказе, на Урале и даже в Финляндии. Численность этого ополчения составила около 190 тыс. человек¹²⁸. Стремление народа идти с оружием в руках защищать свою Родину позволило довольно быстро сформировать ополчение и в этих регионах. Так, Тихий Дон поднялся почти поголовно, включая 19-летних юношей. Вместе с казаками в ополчение активно вступали и приписанные к Войску Донскому калмыки и татары. Всего на Дону было сформировано 26 казачьих ополченческих полков и 2 калмыцких полка (всего — 15 тыс. человек)¹²⁹. Важный вклад в формирование Донского ополчения внес наказной атаман Войска Донского генерал-лейтенант А.К. Денисов. Урал выставил 25 полков (по 500 человек каждый). Оренбургские казаки сформировали Атаманский полк численностью в 1000 сабель. Характерно, что в ураль-

ские полки поступило добровольцами до 400 татарских князей и мурз. Один старый мурза явился в ополчение со всем своим родом — сам 21-й. Четыре конных полка сформировали крымские татары. Лифляндская губерния кроме ополчения (2,3 тыс. человек) выставила 2-тысячный конный полк и несколько отрядов вольных стрелков. Все студенты Дерптского университета вместе со своими профессорами поступили на военную службу. В Полтавской губернии было сформировано девять конных полков (по 1200 человек каждый). Курское дворянство постановило выставить 15 тыс. ратников (в том числе 1000 конных) и т.д. Даже тунгусы, услышав о нашествии Наполеона только через два года, хотели на своих оленях немедленно выступить на помощь Белому Царю.

Кроме формирования ополченческих частей по всей империи производились огромные материальные пожертвования на дело защиты Отечества. В фонд обороны государства поставлялись лошади, продовольствие, обмундирование, большие денежные суммы. К примеру, вклад Курской губернии деньгами, хлебом и лошадьми составил в денежном исчислении более 2 млн рублей. Лифляндское дворянство (как добровольно, так и по приказу) пожертвовало более 3 млн рублей в виде продовольствия, обмундирования, лошадей, затрат на формирование ополчения, найм и содержание рабочих, ведущих работы по укреплению Риги и других крепостей. Пермская губерния пожертвовала 211 тыс. рублей, Томская — 120 тыс., Иркутская — 170 тыс., Финляндия — 200 тыс., Полтавская губерния — до 3 млн рублей и т.д.¹³⁰ В Псковской губернии сначала было решено выставить ополчение. Разнарядка была определена — 20 ополченцев с 1000 человек. Но правительство отменило это решение, возложив на губернию задачу продовольственного снабжения корпуса Витгенштейна. Расходы псковичей на это за время войны составили около 13 млн рублей. Более 100 тыс. рублей внесли греческая и армянская общины Екатеринославской губернии. И этот список можно было еще долго продолжать.

И наконец, несколько десятков лиц, не удовлетворившись оказанием финансовой помощи государству, сформировали, обмундировали и вооружили ополченческие части и подраз-

деления за свой счет. Это были отдельные полки, батальоны и эскадроны. Перечислить их все нет никакой возможности. Поэтому ограничимся лишь упоминанием наиболее известных из таких формирований. Первым среди них следует назвать Московский конный казачий полк, сформированный знаменитым московским богачом, сыном фаворита Екатерины II, обер-прокурором 6-го департамента Сената графом М.А. Дмитриевым-Мамоновым. По заказу этого сановника из Нижнего Новгорода было доставлено и вручено сформированному им полку знамя Дмитрия Пожарского. Уже после изгнания Наполеона из России, в 1813 г., М.А. Дмитриев-Мамонов был утвержден шефом этого полка и произведен в генерал-майоры. Московский гусарский полк сформировал отставной гвардейский ротмистр граф П.И. Салтыков, причем этот полк был объявлен регулярным и не входил в Московское ополчение. Два полка Московского ополчения — 1-й егерский и 1-й пехотный — сформировали тайный советник Н.Н. Демидов и камергер князь П.Г. Гагарин. В Тверской губернии на средства сестры императора Александра I, великой княгини Екатерины Павловны, супруги Тверского генерал-губернатора принца Георга Ольденбургского был сформирован отдельный егерский батальон. Для его укомплектования были использованы удельные крестьяне великой княгини. В Петербургской губернии граф Ф. М. д'Оливейра сформировал 1-й Петербургский казачий полк (в некоторых источниках он называется «полком Яхонтова»), а отставной штабс-капитан барон К.К. Боде — 2-й Петербургский казачий полк. В Херсонской губернии коллежский асессор, сын первого атамана Бугского казачьего войска В.П. Скаржинский сформировал эскадрон. Малороссийский генерал-губернатор князь Я.И. Лобанов-Ростовский сформировал Полтавский конный полк Украинского казачьего войска, генерал-майор князь В.П. Оболенский — 3-й Украинский казачий полк. В Астраханской губернии князем С. Тюменевым был сформирован калмыцкий полк.

По указанию М.И. Кутузова из ополчения была создана единая система обороны центральных и южных губерний России. Тверское ополчение (начальник — генерал-лейтенант Я.И. Тыртов) стояло между Клином и Тверью, Ярославское (начальник —

Кампания пожертвований в Москве 1812 г. Художник В. Правдин. 1958 г.

генерал-майор Я.И. Дедюлин) — прикрывало Ярославскую дорогу в районе Переяславля-Залесского, Владимирское (начальник — генерал-лейтенант князь Б.А. Голицын) — заслоняло врагу путь во Владимир, Рязанское (начальник — генерал-майор Л.Д. Измайлов) — стояло под Коломной, прикрывая дорогу на Рязань. Тульское ополчение (начальник — генерал-майор Н.И. Богданов) находилось между Каширой и Алексином, а Калужское (начальник — генерал-лейтенант В.Ф. Шепелев) — севернее Калуги. 5-тысячный отряд из состава Калужского ополчения прикрывал Брянск. 60-тысячное Черниговское и Полтавское ополчения несли охрану границ Черниговской и Киевской

*И.М. Вадбольский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

губерний. В общей сложности в обороне прифронтовых губерний принимало участие около 200 тыс. ратников.

Находившаяся в Москве наполеоновская армия оказалась блокированной со всех сторон партизанами и ополчением. Армейские и крестьянские партизанские отряды составляли первое кольцо блокады, ополчение — второе. Все попытки врага расширить занятую территорию потерпели крах. Ежедневно оккупанты теряли обозы с продовольствием, боеприпасами и другими воинскими грузами, а также до 300 солдат и офицеров¹³¹. Общие потери наполеоновской армии от действий партизанских отрядов и ополчения составили более 30 тыс. солдат и офицеров¹³². Это было равноценно целому пехотному корпусу полного состава! Партизаны и отряды ополченцев в основном уничтожали отбившиеся от своих частей шайки мародерствующих солдат разных национальностей, различные команды и небольшие гарнизоны, фуражиров, тыловые части и подразделения, но иногда вступали в бой и с регулярными частями, причиняя им значительный урон. Активное сопротивление населения оккупированных районов сорвало все попытки французского командования заготовить для своей армии продовольствие и фураж.

Польские и литовские помещики обещали Наполеону создать в западных губерниях России вспомогательные части для его армии. Но эта затея провалилась. Не скрывая иронии, французский император писал находившемуся в Литве своему министру иностранных дел Г.-Б. Маре (герцогу Бассано): «Я получил из Литвы значительное подкрепление: Огинский прибыл с 12 солдатами новой гвардии». Французы пытались использовать русских крестьян в качестве проводников и разведчиков. Однако ни обещания наград, ни угрозы, ни даже жестокие наказания не дали желаемых результатов. Во время Отечественной войны 1812 года многие русские патриоты повторили подвиг Ивана Сусанина. Так, крестьянин Семен Силаев отказался провести вражеский отряд в город Белый и был за это расстрелян французами.

Наполеон не нашел в России социальной опоры своим захватническим устремлениям. Население оккупированных французами районов, прежде всего крестьянство, не вступало в сотрудничество с врагом. На зверства и притеснения захватчиков народ ответил массовым вооруженным сопротивлением, объявил врагу беспощадную борьбу на истребление. Мощный пожар народной войны спутал все планы Наполеона и явился одной из главных причин его бегства из Москвы. Народная война сыграла важную роль в период напряженной борьбы русской армии за стратегическую инициативу. Именно партизаны своевременно установили, в каком направлении двинулся Наполеон после выхода из Москвы. Одновременно с данными, доставленными А.Н. Сеславиным генералу Дохтурову, из Боровска явился крестьянин (имя его осталось неизвестным), рассказавший, что лично наблюдал движение французов на Малоярославец. После получения этих сведений у русского командования сомнений не оставалось: французская армия оставила Москву и по Новой Калужской дороге направилась на Малоярославец.

Вместе с регулярными войсками в сражении при Малоярославце участвовали ратники Московского, Тульского и Донского ополчений. Так, воины 1-го конного полка Тульского ополчения в ходе сражения первыми бросились с крутого берега в реку Лужа, преодолели ее и, стремительно атаковав противника, нанесли ему большие потери. Пешие ратники, вооружен-

ные в основном пиками и топорами, бесстрашно шли в атаку, вызывая панику и смятение в рядах врага. Именно их имел в виду наполеоновский маршал Бессьер, когда на следующий день после сражения под Малоярославцем говорил своему императору о неистовстве русских ополченцев, идущих на верную смерть.

По приказанию М.И. Кутузова Владимирское ополчение вступило в Москву и приступило к несению там гарнизонной и караульной службы. Отряд калужских и черниговских ратников 14 (26) октября атаковал под Ельней крупный французский отряд (1200 человек) и разгромил его.

С началом контрнаступления М.И. Кутузов поставил перед войсковыми партизанами новые задачи. Теперь они должны были оказывать главным силам армии активное содействие в разгроме и уничтожении врага: повсюду и со всех сторон нападать на отступающие войска противника, разрушать на путях их движения переправы, уничтожать продовольствие и фураж, вести непрерывную разведку.

В ходе контрнаступления и изгнания врага из пределов России армейские партизанские отряды и ополченцы участвовали во всех крупных сражениях. Так, в разгроме корпуса маршала Даву отличились 1-й и 2-й егерские, 7-й пехотный и один конный полки Московского ополчения. Доблестно сражались донские казаки-ополченцы. Например, только один полк войскового старшины И. Попова уничтожил до 1300 солдат и офицеров противника. 28 октября (9 ноября) партизанские отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера, соединившись с более крупным отрядом генерала В.В. Орлова-Денисова, атаковали в районе Ляхово французскую бригаду генерала Ж. Ожеро (брат маршала) и вынудили ее капитулировать. За этот подвиг все три партизанских командира были повышены в чине: Д.В. Давыдов и А.Н. Сеславин произведены в полковники, а А.С. Фигнер — в подполковники¹³³. Полковник А.Н. Сеславин вскоре после этого был назначен командиром Сумского гусарского полка. 4 (16) ноября партизаны Давыдова приняли активное участие в сражении под Красным. В этом сражении ими было захвачено большое количество пленных, включая двух генералов, и огромный обоз с награбленным французами имуществом. 9 (21) но-

А.Н. Сеславин.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ября партизанский отряд Д. Давыдова освободил город Копысь на Днепре. Здесь располагалось крупное кавалерийское депо противника, насчитывающее до 3 тыс. человек личного состава. Неприятель пытался организовать сопротивление, но казаки 1-го Бугского полка прорвались вдоль берега реки и ударили ему в тыл. В городе завязались ожесточенные уличные бои. Противник сражался до последнего, да и партизаны пощады ему не давали. Наконец, не выдержав мощного натиска партизан, французы, бросая оружие, в панике бросились к Днепру. В одно мгновение река покрылась плывущими и тонущими в ледяной воде людьми. Но не многим из них посчастливилось найти спасение на том берегу. За этот бой Денис Давыдов был награжден орденом Георгия 4-й степени. Свой боевой путь в Отечественной войне отряд Д.В. Давыдова завершил в Гродно 9 (21) декабря. Находившийся в этом городе австрийский гарнизон при появлении партизан капитулировал без боя. Многие соратники Дениса Давыдова по партизанским делам за храбрость и мужество были отмечены боевыми наградами, а сотнику Ситникову вручена золотая шпага с надписью «За храбрость». Сам же поэт-партизан, певец гусарской удали Д.В. Давыдов за боевые подвиги в тылу врага кроме уже упомянутых чина полковника

*А.С. Фигнер. Неизвестный
художник. 1-я половина XIX в.*

и Георгиевского креста был награжден еще и орденом Владимира 3-й степени¹³⁴. Следует отметить, что, несмотря на крайнюю жестокость и все ужасы партизанской войны, когда жестокость с обеих сторон была обычным явлением, Давыдов выгодно отличался от многих партизанских командиров своим гуманным, поистине рыцарским отношением к побежденному противнику. Пленным в его отряде, как правило, сохраняли жизнь, в отличие, например, от отряда Фигнера, где такая гуманность была крайне редким явлением.

Умело и мужественно действовал партизанский отряд А.Н. Сеславина. Герой Бородинского сражения (за храбрость, проявленную в ходе его, награжден орденом Георгия 4-й степени), Александр Никитич предпочел суровую, опасную и полную превратностей партизанскую жизнь почетной, престижной и сравнительно безопасной службе адъютанта Барклая-де-Толли. После Д.В. Давыдова Сеславин является, пожалуй, наиболее известным из партизан Отечественной войны 1812 года. Особенно он отличился 13 (25) ноября в бою за город Борисов. В этом бою его партизаны окружили и принудили сложить оружие 3-тысячный французский отряд. Через девять дней А.Н. Сес-

лавин лихой кавалерийской атакой овладел городом Молодечно. 23 ноября (5 декабря) он со своими партизанами стремительно ворвался в Ошмяны, откуда только что выехал Наполеон. За свои подвиги на завершающем этапе Отечественной войны полковник А.Н. Сеславин получил звание флигель-адъютанта.

Партизаны успешно действовали не только на главной коммуникации противника, но и на флангах, особенно на левом. Самым громким делом здесь был рейд отряда полковника А.И. Чернышева в Польшу¹³⁵. Отряд состоял из четырех казачьих полков (трех украинских и одного донского) и имел численность 4,1 тыс. человек. Во время этого рейда, продолжавшегося около полутора месяцев — с 20 октября (1 ноября) по 1 (13) декабря, казаки дошли до Люблина, разгромили несколько гарнизонов и рекрутских команд противника, уничтожили ряд его тыловых баз. За это время они провели более 30 боев, уничтожили и взяли в плен несколько тысяч вражеских солдат и офицеров, захватили 26 орудий. За образцовое выполнение боевого задания все три украинских полка были награждены серебряными трубами, что для кавалерийских частей считалось тогда очень почетной наградой. А.И. Чернышев за этот рейд был произведен в генерал-майоры и получил звание генерал-адъютанта.

Перед Черниговским и Полтавским ополчениями Кутузов 22 октября (3 ноября) поставил задачу очистить от противника южную часть Белоруссии и освободить Могилев. Украинским ополченцам, которых возглавлял генерал-лейтенант граф Н.В. Гудович (начальник Черниговского ополчения), должны были содействовать калужские ратники и армейские партизанские отряды, в том числе генерала графа А.П. Ожаровского. Несмотря на упорное сопротивление врага, осеннюю непогоду и тяжелые дороги, украинские ополченцы и партизаны своевременно выполнили приказ. 12 (24) ноября отряд Ожаровского внезапно для противника ворвался в Могилев и тем самым спас город от уничтожения. Через два дня в него вступило Украинское ополчение. Здесь оно получило новый приказ главнокомандующего — соединиться с 3-й Западной армией и прикрыть Волынь с северо-востока. В ходе освобождения южной Белоруссии ратники ополчения и партизаны уничтожили и взяли в плен около 10 тыс. вражеских

*А.П. Ожаровский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

солдат и офицеров. Большую помощь партизанам и ополченцам оказали белорусские крестьяне. Они по-братски делились с ними запасами продовольствия, отдавали лошадей, теплую одежду и обувь, служили проводниками и разведчиками. Белорусские партизаны блокировали в селах французские гарнизоны, уничтожали небольшие отряды противника, захватывали его обозы. Некоторые села и большинство деревень были освобождены силами белорусских партизан. Активная поддержка населения наступающей русской армии способствовала быстрому освобождению Белоруссии от французских оккупантов.

Таким образом, партизанские отряды и ополченческие формирования оказали регулярной армии значительную помощь и внесли ощутимый вклад в дело разгрома наполеоновских полчищ. Их ратные подвиги служат ярким примером патриотизма и боевого содружества русского, украинского, белорусского и других народов России.

Велико было и политическое значение участия широких народных масс в борьбе с вражеским нашествием. Народный характер Отечественной войны 1812 года проявился как в непосредственном участии народа в вооруженной борьбе с врагом,

так и в его напряженном труде по обеспечению армии и ополчения всем необходимым для ведения войны. Свой весомый вклад в дело победы над врагом, наряду с армией, ополчением и партизанами, внесли и тульские оружейники, и уральские металлурги, и ярославские текстильщики, и калужские крестьяне, и украинские хлеборобы, и заволжские скотоводы — все классы и сословия России в грозную годину внесли свою посильную лепту на алтарь Отечества.

Эпопея 1812 года, по словам В.Г. Белинского, возбудила народное сознание и народную гордость. Защитив свою Отчизну от внешнего врага, народные массы вполне обоснованно надеялись избавиться от крепостного гнета. 1812 год вошел в историю нашей Родины не только славной страницей героической борьбы народов России против иностранных поработителей, но и важной вехой в развитии их освободительного движения. В этот тяжкий для нашего Отечества период снова во всем величии проявились самоотверженность, стойкость и мужество народа, его беззаветная любовь к Родине и готовность пойти ради ее блага на любые жертвы и испытания, как бы тяжелы они ни были.

4.5. Вперед, на Запад!

Свое отступление из России наполеоновская армия начала 14 (26) октября. Выступив из района Малоярославца, она через Боровск, Верею и Можайск двинулась на север, к Смоленской дороге. В Верею к ней присоединился отряд маршала Мортье, отступавший из Москвы, и польский корпус Понятовского, отступивший из-под Медыни. Французская армия вытянулась теперь в одну огромную колонну, растянувшуюся по дороге на много верст. Утром 17 (29) октября Наполеон вместе с гвардией, составлявшей авангард армии, прошел Бородино. Поле, где 53 дня назад проходило сражение, все еще сохраняло следы ожесточенной борьбы: всюду валялись так и не убранные трупы людей и лошадей, обломки оружия, разбитые лафеты, взорванные зарядные ящики... Генерал Жюно, шесть недель простоявший со своими вестфальцами в Можайске, так и не сумел найти свободных людей для погребения павших в битве. Не уда-

лось ему и собрать для этой цели местных жителей. Молча, не глядя по сторонам, хотя и имел привычку внимательно рассматривать поля сражений, проехал Наполеон по Бородинскому полю, не бросив даже прощального взгляда в сторону многих тысяч своих павших соратников, так и оставшихся истлевать непогребенными на чужой земле.

Арьергардом «Великой армии» командовал маршал Даву — пожалуй, самый жестокий и беспощадный из всех наполеоновских маршалов. Выполняя волю своего императора, он оставил за собой выжженную пустыню. Города Боровск, Верея, все без исключения деревни и села, лежавшие на пути отступления врага, были разграблены и сожжены. Сплошным заревом пожарищ и страшными опустошениями обозначали свой путь несостоявшиеся завоеватели, вымещая в бессильной ярости свою неистовую злобу к такой неприветливой для них стране. На бессмысленную жестокость врага непокорившийся народ отвечал тем же.

С развертыванием наступательных действий русской армии резко активизировались действия партизан. Теперь они все чаще выходили из лесов и все смелее нападали на отступающие колонны противника. Более тесным становится их взаимодействие с регулярными войсками.

17 (29) октября, в тот самый день, когда французская армия вышла на Смоленскую дорогу, Кутузов выступил со своей позиции у Полотняного Завода. Убедившись, что Наполеон оставил всякие попытки прорваться к Калуге через Медынь (до сих пор у русского командования твердой уверенности в этом не было: все пленные в один голос заявляли, что французская армия направляется через Медынь на Калугу), он двинулся вслед за ним к Смоленской дороге. Обе армии к этому времени разделяло расстояние в 80 км. Однако и теперь Кутузову еще не совсем было ясно: какой дорогой пойдет Наполеон? Имелись серьезные основания опасаться, что он попытается отойти к Витебску через Белый и Велиж, то есть по неразоренной еще местности. В случае же отступления противника по Смоленской дороге вести фронтальное преследование, не рискуя подвергнуть армию голоду, было нельзя. В этих условиях главнокомандующий русской армией основную роль отводит партизанским от-

*П.В. Голенищев-Кутузов.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

рядам и казачьей коннице. Им была поставлена задача настигнуть армию Наполеона и опередить ее, имея целью «всемерное истребление неприятеля». Нанося непрерывные удары по флангам и коммуникациям противника, уничтожая его обозы и фуражиров, изматывая постоянными нападениями и держа в непрерывном напряжении французскую армию, казаки и партизаны должны были создать необходимые условия для полного разгрома «Великой армии». Тогда же по распоряжению Кутузова был сформирован «летучий» отряд под командованием генерал-майора графа А.П. Ожаровского, предназначенный для действий на коммуникациях противника¹³⁶. Командующим отрядом, действующим севернее Москвы, вместо вероломно захваченного французами в плен генерал-адъютанта Ф.Ф. Винценгероде был назначен прибывший из Петербурга генерал-адъютант П.В. Голенищев-Кутузов. Генерал-лейтенант барон Ф.Ф. Винценгероде, узнав о готовящемся французами взрыве Кремля, вместе со своим адъютантом ротмистром Л.А. Нарышкиным и одним казаком-трубачом лично прибыл в качестве парламентаря в Москву, чтобы предотвратить этот варварский акт. Но французский маршал Мортье отказался вести переговоры, а парламентарей объявил военнопленными.

В середине (конце) октября 1812 г. русская армия перешла в контрнаступление. Началось изгнание врага из пределов России. На первом этапе контрнаступление осуществлялось в форме параллельного преследования, которое велось по четырем маршрутам. Севернее Смоленской дороги наступал отряд генерал-майора П.В. Голенищева-Кутузова. Он имел задачу наносить удары по правому флангу отступающей французской армии и воспрепятствовать ее возможному движению на север от Смоленской дороги. Фронтальное преследование вдоль Смоленской дороги вели казачьи полки атамана Платова, усиленные 26-й пехотной дивизией. Левее Смоленской дороги наступал авангард Милорадовича (2-й и 4-й пехотные, 2-й и 4-й кавалерийские корпуса, казачий отряд генерала Карпова). Южнее его, параллельно Смоленской дороге, двигались главные силы армии, при которых находился сам Кутузов.

С переходом в контрнаступление Кутузов отдал приказ, в котором ставилась общая задача войскам: «После таких чрезвычайных успехов, одерживаемых нами ежедневно и повсюду над неприятелем, остается только быстро его преследовать, и тог-

Преследование казаками отступающих французов. Художник А. Дезарно. 1827 г.

да, может быть, земля русская, которую мечтал он поработить, усеется костями его. Итак, мы будем преследовать неутомимо. Настает зима, вьюги и морозы. Вам ли бояться их, дети Севера? Железная грудь ваша не страшится ни суровости погод, ни злости врагов. Она есть надежная стена Отечества, о которую все сокрушается... Пусть всякий помнит Суворова: он научал сносить и голод, и холод, когда дело шло о победе и о славе русского народа. Идем вперед! С нами Бог! Перед нами разбитый неприятель! Да будет за нами тишина и спокойствие!»¹³⁷

Наполеон стремился как можно быстрее преодолеть расстояние до Смоленска, где находились крупные запасы продовольствия и фуража, а также имелась возможность усилить армию свежими войсками. С этой целью он поставил перед маршалами задачу ускорить движение, каких бы это жертв ни стоило, какого бы напряжения при этом войскам ни пришлось испытать. Император приказал командирам корпусов избегать крупных столкновений с русскими войсками, чтобы не тратить на это ни сил, ни времени.

Выступив 14 (26) октября из-под Малоярославца, французская армия через два дня была уже в Можайске, еще через день — в Гжатске, а 19 (31) октября Наполеон со свитой и гвардией вступил в Вязьму. За пять дней она преодолела расстояние в 200 км. «Скорость, с какою идет неприятель, так велика, — доносил Кутузову А.П. Ермолов, — что без изнурения людей догнать его невозможно»¹³⁸. Об этом же писал в своем донесении и Платов: «Неприятель бежит так, как никогда никакая армия ретироваться не могла. Он бросает на дороге все свои тяжести, больных, раненых, и никакое перо историка не в состоянии изобразить картины ужаса, которые оставляет он на большой дороге»¹³⁹. Исходя из такого высокого темпа отступления врага, Кутузов потребовал от войск резко увеличить темпы преследования¹⁴⁰.

Русская армия не давала противнику передышки ни днем, ни ночью, не позволяла ему закрепиться ни на одном из выгодных рубежей, а тем более изменить путь отступления.

Первое крупное столкновение с противником в ходе контр-наступления русской армии произошло 19 (31) октября у Колоцкого монастыря. На рассвете казаки Платова, обойдя слева

французский арьергард, который намеревался здесь на некоторое время задержаться, чтобы дать возможность уйти дальше вперед обозам, внезапно атаковали неприятеля во фланг. Два французских батальона были мгновенно опрокинуты и обращены в бегство. Хотя маршалу Даву и удалось довольно быстро восстановить положение, однако держаться дальше на избранной позиции он не мог и вынужден был отступить. В ходе этого скоротечного боя противник понес значительные потери. Казаки захватили 2 знамени и 27 пушек, брошенных французами из-за недостатка лошадей. Это были первые трофеи русской армии в ходе контрнаступления¹⁴¹. С лошадьми у французов с каждым днем становилось все хуже и хуже. Только на пути от Можайска до Колоцкого монастыря они были вынуждены бросить более 500 лошадей¹⁴².

В дальнейшем арьергард «Великой армии» вплоть до самой Вязьмы отступал под непрерывными ударами казачьих полков Платова. В ходе своего поспешного отхода и почти ежедневных стычек с казаками он понес большие потери в личном составе, особенно много отставшими. Вся столбовая Смоленская дорога усеяна была трупами людей и лошадей, забита брошенными пушками, взорванными зарядными ящиками и преданными огню обозами. Вместе с казаками Платова в этот период на Смоленской дороге активно действовали партизанские отряды Орлова-Денисова, Давыдова, Сеславина, Фигнера и Кудашева. Однако поспешное отступление противника вовсе не означало, что он безостановочно бежал на запад. 100-тысячная наполеоновская армия была еще довольно сильна, она полностью сохранила свою боеспособность и продолжала оставаться весьма серьезным противником. На участке Можайск — Вязьма французские войска, настигаемые нашей конницей, каждый раз оказывали ей упорное сопротивление и неоднократно со значительными потерями отбрасывали ее в исходное положение. А под Гжатском арьергард Даву даже контратаковал передовые части Милорадовича, пытавшегося отрезать его от главных сил французской армии, и отбросил их от Смоленской дороги. Только обходный маневр русской конницы вынудил противника вновь начать отступление. Тем не менее Наполеон выразил недовольство действиями Даву. По его мнению, арьергард от-

ходил слишком медленно и тем самым задерживал отступление всей армии. При каждом нападении казаков Даву строил войска в боевой порядок и посылал к шедшим впереди его корпусам просьбы о подкреплении.

«Великая армия» отступала по Смоленской дороге в следующем порядке. В ее авангарде шла гвардия, при которой находился и сам Наполеон. За ней следовали корпуса Жюно, Нея, Понятовского и Е. Богарне. Замыкал марш корпус Даву, находившийся в арьергарде. Хорошая осенняя погода, стоявшая довольно долго, начала быстро портиться. Стало холодать. Студеные северные ветры делали бивуаки непригодными для более или менее сносного отдыха, вынуждая войска преждевременно, гораздо раньше обычного, подниматься с неудобного ночлега и снова устремляться в путь. Обычно они снимались с бивуаков еще задолго до рассвета и начинали марш в темноте, освещая свой путь фонарями. На переправах, как правило, всякий порядок нарушался. Все стремились переправиться как можно скорее, а в итоге создавались громадные пробки, на ликвидацию которых затрачивались многие часы. Запасы продовольствия, имевшиеся в войсках, быстро истощились. В ход пошла конина. Надвигался голод. Сворачивать с дороги для добывания продовольствия и фуража было равносильно смерти. Страх попасть в руки казаков, а еще хуже — крестьян-партизан на первых порах превозмогал еще у наполеоновских солдат чувство голода и удерживал их в строю. Но несмотря на все принимаемые меры, в войсках вскоре появились и быстро стали нарастать признаки разложения. Они усиливались с каждым днем. Целые подразделения отказывались повиноваться своим начальникам, начали бросать оружие. Пример тому подали спешенные кавалеристы, переведенные в пехоту. Безоружные солдаты, сбиваясь в толпы, тащились за армией, образуя своего рода длинный, никем и ничем не управляемый, кроме стадного инстинкта, шлейф. Эти неорганизованные и деморализованные толпы увеличивались с каждым днем, подобно сорвавшейся с горы и стремительно несущейся вниз снежной лавине. Больные и обессилевшие без малейшего сострадания бросались товарищами прямо на дороге, беспомощные раненые выбрасывались из повозок. Опасаясь потерять знамена, полковые

командиры, особенно из войск Рейнского союза, стали снимать их с древков и вручать на сохранение самым надежным и крепким солдатам. Они прятали знамена в ранцы или под мундиры, обвязывая их вокруг тела.

После оставления Гжатска Наполеон уже не ехал более верхом среди войск, а, пересев в карету и облачившись в соболью шубу, теплые сапоги и высокую меховую шапку, старался не маячить перед их глазами. В Вязьме он предоставил своей гвардии однодневный отдых, и 21 октября (2 ноября) двинулся дальше, на Смоленск, до которого предстояло пройти около 160 км. В этот день в Вязьму прибыл корпус маршала Нея. Наполеон приказал ему здесь остановиться, пропустить мимо себя всю армию, а затем составить ее арьергард, заменив на этом посту маршала Даву. Е. Богарне и Понятовский в это время сосредоточились в селе Федоровское (12 км северо-восточнее Вязьмы) на Смоленской дороге, куда из Царево-Займища подходил арьергард Даву.

Главные силы русской армии во главе с Кутузовым 21 октября (2 ноября) вышли к селу Дуброва (25 км восточнее Вязьмы), Милорадович — к селу Спасское (4 км восточнее Федоровского), а Платов следовал по пятам за французским арьергардом, находившимся от своих главных сил на расстоянии 5–7 км. Такая обстановка создавала благоприятные условия для рассечения двигавшейся по Смоленской дороге «Великой армии» и разгрома ее по частям. Кутузов не замедлил воспользоваться этим и отдал Милорадовичу распоряжение выйти на Смоленскую дорогу, перерезав арьергарду Даву пути отхода на запад. Платов получил приказ усилить натиск с фронта.

Еще до получения этого распоряжения возглавлявшие кавалерию Милорадовича генерал-адъютанты Васильчиков и Корф приблизились почти вплотную к большой дороге. В зрительную трубу с сельской колокольни они увидели двигавшиеся по ней в большом беспорядке войска противника. На их глазах казаки Карпова произвели налет на столбовую дорогу и прямо из середины французских войск выхватили несколько обозов. Генералы предложили Милорадовичу воспользоваться моментом и атаковать неприятеля всеми силами. Корф, который до войны командовал дивизией в Вязьме и хорошо знал эти места, брался

Отступающие войска французов под Вязьмой. Художник В. Адам. Середина XIX в.

скрытно вывести войска на удобную для атаки позицию. Милорадович с радостью поддержал своих генералов, но вскоре был вынужден пересмотреть уже было принятое решение. Дело заключалось в том, что день был уже на исходе, приближался вечер, и поэтому атаку сообща решили отложить до утра.

На рассвете 22 октября (3 ноября) кавалерийские корпуса Корфа и Васильчикова выступили из Спасского и, пройдя проселками, вышли к Смоленской дороге в 2–3 км юго-западнее села Федоровское. За ним выдвигалась пехота. В это время корпуса Е. Богарне и Понятовского были на подходе к Вязьме. Корпус Нея располагался в 1 км южнее этого города, его наблюдали партизанские отряды Сеславина и Фигнера. Арьергард Даву только что выступил в направлении Федоровского. Многочисленные обозы и толпы отставших солдат затрудняли его движение. Кутузов с главными силами армии продолжал находиться в Дуброве, а Наполеон с гвардией — в селе Семлево (около 30 км юго-западнее Вязьмы). Таково было положение войск сторон накануне Вяземского сражения.

Прибывший к передовым войскам Милорадович приказал командиру 4-го кавалерийского корпуса Васильчикову атако-

вать неприятеля. Первой пошла в атаку кавалерийская бригада полковника Г. А. Эммануэля (Киевский драгунский и Ахтырский гусарский полки). В предрассветных сумерках она внезапно обрушилась на двигавшуюся по дороге колонну противника (это была пехотная бригада генерала Нагеля из корпуса Е. Богарне), смяла, рассеяла ее и заняла дорогу. Часть французской армии вместе с арьберггардом была отсечена от главных сил. Чтобы закрепить достигнутый успех, Милорадович выдвинул на Смоленскую дорогу три конные батареи. Они сразу же открыли огонь по вражеским войскам, пытавшимся проложить себе дорогу к Вязьме. За батареями по обе стороны от дороги в ожидании подхода пехоты встали кавалерийские полки.

Платов еще не трогался с ночлега, когда услышал, что впереди, в тылу находившегося перед ним противника, заговорила артиллерия. Сначала он подумал, что французов атаковал один из наших «летучих» отрядов, но интенсивность артиллерийской канонады вскоре заставила его отказаться от этой мысли. А тем временем к нему поступило известие о вступлении в бой отряда Милорадовича. Узнав об этом, Платов тотчас же

Освобождение Вязьмы. Акварель неизвестного художника. 1-я четверть XIX в.

двинулся вперед. Все регулярные войска своего отряда (26-ю пехотную дивизию и два драгунских полка) он объединил под командованием находившегося при нем генерал-майора А.П. Ермолова. Но поскольку 26-я пехотная дивизия отстала на марше, а поджидать ее времени не было, атаман Платов приказал посадить на казачьих лошадей 300 человек находившегося поблизости 5-го егерского полка и направил их вперед. Вслед за ними двинулись оба драгунских полка, вся донская артиллерия и несколько казачьих полков¹⁴³. Вскоре этот импровизированный отряд, возглавляемый лично Платовым, настиг у села Федоровское французский арьергард. Но здесь наши казаки, драгуны и егеря встретили упорное сопротивление противника. Маршал Даву, увидев, что путь для его отступления к Вязьме перекрыт русскими, остановился, чтобы произвести перегруппировку своих войск, отразить натиск противника с тыла, а затем идти на прорыв. Тем временем Е. Богарне и Понятовский, услышав сильную артиллерийскую канонаду сзади и получив затем известие о появлении крупных сил русских у Федоровского, поняли, что Даву попал в критическое положение. Они сразу же приостановили движение своих корпусов к Вязьме, а затем, после короткого совещания, повернули их назад, на выручку арьергарда. У Милорадовича к этому времени успел выйти на Смоленскую дорогу лишь 2-й пехотный корпус князя Долгорукова, имевший в своем составе две дивизии: 4-ю пехотную — принца Евгения Виртембергского и 17-ю пехотную — генерала Олсуфьева. Оседлав столбовую дорогу, они развернулись фронтом на восток и плотно перекрыли врагу путь на Вязьму. Было 10 часов утра, когда войска Даву сомкнутыми колоннами выступили из Федоровского, намереваясь проложить себе дорогу на запад. Одновременно подошедшие от Вязьмы 4-й и 5-й пехотные корпуса противника развернулись в боевой порядок западнее Федоровского. Их артиллерия открыла сильный огонь по русским войскам 2-го пехотного корпуса. Превосходство врага было подавляющим. Оказавшись между двух огней, поражаемые с фронта и тыла, русская пехота и кавалерия вынуждены были сойти с дороги. При отходе находившийся за дорогой, на крайнем левом фланге Харьковский драгунский полк не успел вовремя отступить и был отрезан от главных сил. Однако это

не обескуражило харьковчан. Полк во главе со своим командиром полковником Д.М. Юзефовичем во весь опор пронесся мимо вражеских колонн, не потеряв при этом ни одного человека. Изумленный такой отвагой русских кавалеристов противник не успел даже произвести ни одного выстрела.

Но оставление нашими войсками Смоленской дороги не улучшило положения корпуса Даву. Милорадович, заняв своими войсками позицию вдоль дороги, взял ее под жесткий огневой контроль. Неся большие потери от мощного огня русской артиллерии и егерей, войска Даву вынуждены были отказаться от прорыва и отступить к Федоровскому. Те колонны, которые все же пытались прорваться к Вязьме по Смоленской дороге, были попросту расстреляны русской артиллерией и многочисленными стрелками. Остатки их в полном беспорядке отступили вслед за своими главными силами. Зажатый в селе Федоровское французский арьергард оказался в безвыходном положении: прорыв по Смоленской дороге не удался, а с востока его непрерывно атаковал Платов, к которому тем временем подошла 26-я пехотная дивизия Паскевича.

Чтобы отбросить войска Милорадовича от Смоленской дороги и обеспечить отход Даву к Вязьме, вице-король и Понятовский предприняли ряд атак. Но все они были отражены русскими войсками. Неудача противника объяснялась главным образом тем, что Милорадовичу удалось к этому времени подтянуть к Смоленской дороге всю свою пехоту, в результате чего численное превосходство врага было сведено к минимуму. Потеряв надежду на помощь извне, Даву бросил свои обозы и, преследуемый казаками, двинулся по лесу вдоль речки Черногрязь (1–1,5 км севернее Смоленской дороги) в направлении Вязьмы. Пройдя более 5 км по лесисто-болотистой местности, он вышел на левый фланг корпуса вице-короля. В бою под Федоровским и при выходе из окружения 1-й пехотный корпус маршала Даву потерял почти треть своего состава и обоз.

Отразив атаки вице-короля и Понятовского, Милорадович около полудня перешел в наступление в направлении Вязьмы. Вскоре войска его правого фланга соединились с отрядом Платова, завершившим разгром французского арьергарда. Под натиском русских войск противник начал отступление к городу.

Получив от Нея в подкрепление одну дивизию, Богарне и Понятовский остановились и попытались отразить наступление Милорадовича и Платова, чтобы дать возможность своим тылам уйти из Вязьмы. Однако их сопротивление было непродолжительным. Противник отступил на позицию, находившуюся в 4 км от города. Русская кавалерия, к которой присоединились партизанские отряды Сеславина и Фигнера, начала охватывать его фланги, угрожая отрезать от Вязьмы.

Вскоре после полудня к Милорадовичу прибыло подкрепление, высланное Кутузовым, — Кирасирский корпус (2 тыс. человек) во главе с генерал-адъютантом Ф.П. Уваровым. Кирасиры вышли к Вязьме с юга и остановились перед болотистой речкой Улица, мост через которую был сожжен французами. От города их отделяло расстояние всего в 2 км. На северном берегу Улицы находилась деревня Крапивна, у которой стоял корпус маршала Нея. Поскольку местность не благоприятствовала действиям тяжелой конницы, Уваров ограничился артиллерийской перестрелкой с противником. Тем не менее появление крупного кавалерийского отряда русских к югу от Вязьмы вызвало у французского командования большую тревогу. Оно опасалось, что его войска, находившиеся к востоку от Вязьмы, могут быть отрезаны от города. Е. Богарне, Даву, Ней и Понятовский съехались на совещание. Теснимые русскими с фронта, угрожаемые с флангов, озабоченные больше всего сохранением путей отхода, наполеоновские военачальники решили отступить непосредственно к городу, дать здесь отпор противнику, а затем продолжать отступление. Но Милорадович упредил неприятеля. После сильной артиллерийской подготовки, которая продолжалась более часа (артиллерия противника в это время интенсивно вела ответный огонь), он около 14 часов атаковал врага по всему фронту. Однако французы не приняли боя и поспешно отступили в город. Оставив в нем арьергард, получивший задачу задержать наступление русских, их главные силы двинулись по Смоленской дороге дальше на запад. Ворвавшиеся было в Вязьму на плечах отступавших французов наши егеря были встречены сильным огнем засевшего в домах и за заборами противника. Милорадович принял решение штурмовать город. Для решения этой задачи были выделены 11-я и 26-я пехот-

ные дивизии, которыми командовали генерал-майоры П.Н. Чоглоков и И.Ф. Паскевич.

Быстро сгущались сумерки. В Вязьме начались пожары. Головные полки атаковавших город дивизий — Перновский и Белозерский пехотные — двинулись вперед с музыкой, барабанным боем и развернутыми знаменами. Стремительным броском в 16 часов они ворвались в охваченный пламенем город и завязали бой на его улицах. Враг оказал упорное сопротивление. Чоглоков и Паскевич были вынуждены ввести в бой свои главные силы. Одновременно с севера город охватили казаки Платова, а с юга и востока — войска Милорадовича. Небольшие отряды русской конницы появились западнее Вязьмы, угрожая перерезать единственный для противника путь отхода на запад — дорогу на Смоленск. К 19 часам после упорных уличных боев город Вязьма был очищен от французов¹⁴⁴. Остатки оборонявшихся в нем вражеских войск в беспорядке отступили, уничтожив за собой мост через реку Вязьма.

В результате 10-часового сражения под Вязьмой 22 октября (3 ноября) 1812 г., несмотря на численное превосходство противника, русские войска одержали полную и решительную победу. В нем участвовало около 37 тыс. французов и 25 тыс. русских войск, располагавших более чем 80 орудиями. Противник потерял в этом сражении до 7 тыс. человек, в том числе более 2 тыс. пленными¹⁴⁵. Потери русских войск составили около 2 тыс. человек¹⁴⁶.

Поражение под Вязьмой оказало сильное моральное воздействие на французскую армию и ускорило ее разложение. С точки зрения военного искусства Вяземское сражение — пример умелого применения фронтального и параллельного преследования, нанесения ударов во фланг и тыл по арьергарду противника, искусного маневрирования силами и средствами, четкого взаимодействия между войсками, действующими с фронта и продвигающимися по параллельным путям. Под Вязьмой русское командование впервые сделало для себя открытие — боеспособность наполеоновской армии резко снизилась, теперь она уже не представляла собой той грозной боевой силы, отражение натиска которой требовало огромных усилий. Теперь противник вынужден был сам обороняться. В сражении при Вязьме он потерпел свое первое

Отступление. Бегство на большой дороге. Художник В. Верещагин. 1887–1895 гг.

крупное поражение в войне, открывшее длинную череду его непрерывных неудач, завершившихся капитуляцией Парижа.

Во время Вяземского сражения главные силы русской армии находились на марше из Дубровы к Вязьме. К исходу дня они прибыли в село Быково (8 км юго-восточнее Вязьмы). Причина столь медленного движения главных сил заключалась в том, что Кутузов в течение трех дней не имел связи с авангардом Милорадовича. Не знал он и о намерении последнего атаковать французскую армию у села Федоровское. Донесение Милорадовича главнокомандующему, в котором он сообщал о сложившейся обстановке и принятом им решении, по ошибке забыли вложить в конверт. И когда дежурный генерал Главного штаба П.П. Коновницын вскрыл доставленный от Милорадовича пакет, он оказался пустым. Кроме того, Кутузов был введен в заблуждение ложными сведениями, поступившими от казаков, о том, что Милорадович якобы атаковал противника под Вязьмой, но потерпел поражение и был вынужден отступить. Это заставило его остановиться на восемь часов и заняться выяснением обстановки. Генералы были недовольны медлительностью Кутузова. Они просили его идти вперед и завязать боль-

Ночной привал французской армии. Художник В. Верещагин. 1896–1897 гг.

шое сражение. Однако главнокомандующий решительно воспротивился этому, так как частное сражение, по его мнению, не могло решить главной задачи — разгрома армии Наполеона. «При этом сказать должно, — писал Кутузов Александру I, — что при Вязьме не был он (противник. — *Прим. авт.*) еще в таком расстройстве, имея еще почти всю артиллерию, и тех значительных потерь в людях еще сделано не было, которые он понес ретиратой до Смоленска»¹⁴⁷.

Покинув Вязьму, Наполеон поспешно отходил к Смоленску, надеясь получить там продовольствие и привести в порядок войска. В день сражения под Вязьмой, 22 октября (3 ноября), он находился в Семлево, откуда выступил по дороге на Дорогобуж. Во время этого марша император получил известие о сражении под Вязьмой, а затем и о поражении, понесенном там его маршалами. Наполеон был вне себя от негодования. «Как могло статься, что не взяли в плен неприятельского корпуса, отважившегося отрезать сообщение нашим войскам?» — писал разбитым военачальникам по поручению императора маршал Бертье¹⁴⁸.

Весь день 23 октября (4 ноября) Наполеон простоял в Славкове (25 км восточнее Дорогобужа), ожидая подхода отступавших из-под Вязьмы войск. Далее французская армия двигалась одной колонной в следующем порядке: в авангарде шел вестфальский корпус Жюно. Колонну главных сил возглавляла Молодая гвардия, за ней двигались остатки кавалерии Мюрата, потом Старая гвардия, корпуса Понятовского, Е. Богарне и Даву. В аррьергарде находился корпус Нея. Быстрыми переходами Наполеон стремился оторваться от преследующего его противника.

В результате боевых действий русской армии от Малоярославца до Вязьмы Наполеон потерял в общей сложности около 30 тыс. солдат и офицеров, в том числе более 10 тыс. пленными, а также большое количество лошадей, обозов и зарядных ящиков¹⁴⁹. Следовательно, уже в первую неделю контрнаступления русской армии врагу было нанесено серьезное поражение. Оно явилось не следствием каких-либо стихийных факторов (осенняя распутица, мороз и т.п.), а результатом активных действий русской армии и партизанских отрядов. Именно бои, прежде всего сражение под Вязьмой, а также непрерывные налеты партизан причинили «Великой армии» наибольший урон. Пенять на погоду в этот период не было никаких оснований. Почти до конца октября погода стояла сравнительно теплая и сухая. Первый снег выпал только на следующий день после сражения под Вязьмой — 23 октября (4 ноября)¹⁵⁰. Зима как таковая началась с 25 октября (6 ноября), когда наполеоновская армия находилась в районе Дорогобужа. Первые морозы продолжались пять дней — с 25 по 30 октября (6–11 ноября). Затем они спали и во время сражения под Красным не превышали -8°C . Потом потеплело, и от Красно-го до Орши морозы не опускались ниже -2 – -4°C .

После сражения под Вязьмой напряженность в боевых действиях не ослабевала. 23 октября (4 ноября) Кутузов поставил Милорадовичу и Платову более решительные задачи. «Старайтесь выиграть марш над неприятелем так, чтобы главными силами вашими по удобности действовать на отступающие головы его колонн, нападая во время марша и совершая беспрестанные ночные тревоги», — подчеркивалось в приказе¹⁵¹.

В связи с возрастанием размаха боевых действий Кутузов производит перегруппировку войск. Отряд Милорадовича теперь

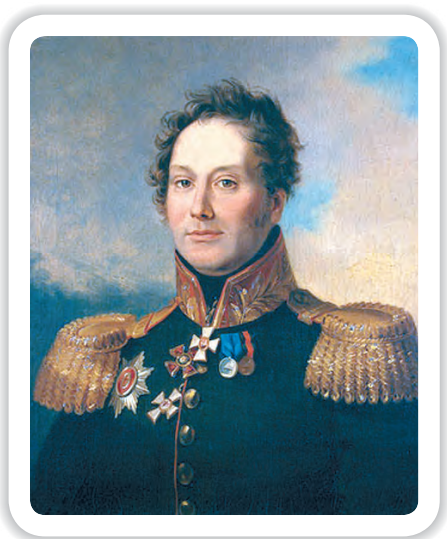
должен был вести фронтальное преследование противника, наступая вдоль Смоленской дороги. Отряд Платова получил направление севернее дороги, а отряд Орлова-Денисова — южнее. Опережая неприятеля на один переход, фланговые отряды должны были наносить непрерывные удары по его головным колоннам, задерживать отступление французской армии, изнурять и обескровливать ее. Применение казачьей конницы на флангах осуществляющей преследование врага группировки русских войск явилось более целесообразным, так как оно давало ей свободу маневра, позволяло широко использовать проселочные дороги и, опережая противника, выходить на пути его отхода. Партизанским отрядам Давыдова и графа Ожаровского было приказано идти к Смоленску¹⁵². Главные силы русской армии по-прежнему вели наступление южнее Смоленской дороги. Это давало Кутузову возможность удерживать наполеоновскую армию на разоренной Смоленской дороге, воспретить ее возможное движение через Ельню на Могилев и прикрыть от противника продовольственные районы. С целью более надежно обезопасить южные районы Кутузов направил в район Ельни Калужское и Тульское ополчения, усилив их несколькими полками регулярной и казачьей конницы. Одновременно Украинскому ополчению был отдан приказ как можно быстрее овладеть Могилевом¹⁵³. Соответствующие приказания в целях координации боевых действий по разгрому армии Наполеона получили Чичагов и Витгенштейн¹⁵⁴.

Наполеон вел свою армию в Смоленск форсированными маршами, без дневок. Она уже не получала продовольствия, а питалась только мясом падших лошадей. Число отставших от своих частей и безоружных солдат возросло до такой степени, что стало угрожать армии полной потерей боеспособности. Лишь гвардия, которой были отданы все имевшиеся в армии продовольственные запасы, сохраняла дисциплину и порядок. С конца октября к голоду добавился зимний холод. И хотя ртутный столбик во время этих первых зимних морозов пока еще не опускался ниже -10°C , но снежные вьюги и порывистые пронизывающие ветры делали даже легкий мороз нестерпимым для большей части наполеоновского воинства, не привыкшего к столь суровым климатическим условиям. Пять суток непрерывно шел сильный снегопад, в результате чего все простран-

ство между Вязьмой и Смоленском превратилось в безжизненную, покрытую глубоким снегом равнину. Дороги покрылись гололедом. Не подкованные на шипы французские лошади падали под пушками и седоками. Остатки кавалерии были обречены. Для артиллерии лошадей стали брать из обозов, а обозы бросать прямо на дороге вместе с награбленной во время похода добычей. Близ Семлева французы бросили в озеро большую часть трофеев из Московского арсенала (до сих пор живут легенды о золоте и других ценностях, якобы затопленных здесь по приказу Наполеона). Наполеону было уже не до трофеев: он стремился сохранить лошадей для артиллерии. Голодные, продрогшие до костей от холода солдаты «Великой армии» располагались на ночь прямо на мерзлой земле, в глубоком снегу. А по утрам, поднимаясь с бивуаков, чтобы совершить очередной переход, они оставляли там многие десятки своих товарищей, так и оставшихся лежать у потухших костров: одних уже заочневших, других — не имевших сил подняться и оставшихся у остывших головешек в ожидании своего смертного часа. Резко усилилось дезертирство. Сотни наполеоновских солдат, преодолев страх смерти, пробирались по ночам в расположение русских войск, чтобы сдаться в плен. Грязные, голодные, часто больные, они были без оружия, закутанные в какие-то лохмотья, в разбитой до предела обуви или в подобии таковой. К примеру, у многих вместо обуви «красовались» самодельные опорки из рваного тряпья, вместо теплой одежды на теле болтались куски мешковины, шкуры павших лошадей и т.п.

Сила ударов русской армии по врагу все нарастала. На пути от Вязьмы к Смоленску он потерпел ряд новых, довольно чувствительных поражений. Так, 26 октября (7 ноября) при подходе к Дорогобужу передовые части Милорадовича атаковали французский арьергард, расположившийся на ночлеге у реки Осма, в 8 км от города. Застигнутый врасплох неприятель не смог оказать какого-либо сопротивления. Он в панике бросился на мост через Осму, надеясь найти спасение на том берегу реки. Обезумевшая толпа, толкаясь и давя друг друга, ворвалась на мост, сбросила в реку пытавшиеся переправиться на ее западный берег орудия, а заодно и многих своих сотоварищей, и устремилась к Дорогобужу. Преследуя бегущего противника, авангард

М.И. Карпенков.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Милорадовича, возглавляемый генерал-майором А.А. Юрковским (егерская бригада), подошел к Дорогобужу и с ходу ворвался в него. Но в центре города он встретил упорное сопротивление французов, закрепившихся на укрепленной высоте возле собора. Направив часть своих сил в обход, Юрковский атаковал вражеское укрепление с фронта. Под угрозой окружения неприятель был вынужден оставить Соборную высоту и отступить в западную часть города. Дорогобуж оборонял корпус маршала Нея, находившийся в арьергарде «Великой армии». Одна из его дивизий находилась в самом городе, другая — за городом. Ней имел приказ Наполеона задержать, насколько это возможно, русских под Дорогобужем, чтобы дать возможность главным силам армии отступить к Соловьевой переправе через Днепр. Но попытка противника удержаться в западной части Дорогобужа была сорвана русскими егерями и подоспевшей им на помощь 4-й пехотной дивизией принца Евгения Виртембергского. Под их стремительным натиском французы поспешно отступили, бросив шесть орудий¹⁵⁵.

Получив донесение об освобождении Дорогобужа, Кутузов направил туда для поддержания порядка и оказания помощи возвращающимся из лесов жителям Смоленское ополчение.

Не задерживаясь в освобожденном городе, генерал Юрковский продолжал преследование врага вдоль Смоленской дороги. Его путь лежал к Соловьевой переправе. Вся дорога была усеяна телами замерзших французов. За рекой Ужа, у сгоревшего села Усвят, егеря встретили большой отряд противника, расположившийся на отдых. Под прикрытием восьми пушек и сдвинутых повозок французские солдаты грелись у костров. Подтянув свои десять орудий, Юрковский приказал им открыть огонь по противнику. При первых же выстрелах неприятель, бросив пушки и обоз, бежал к Днепру. Восстановив сожженный мост через реку Ужа, отряд Юрковского двинулся дальше на запад. Почти на каждой версте егеря встречали до 50 и более вражеских солдат, отрешенно сидевших у дороги, без оружия, обессиливших и абсолютно ни на что не реагирующих. Замерзающие на ледяном ветру «завоеватели» с безучастной покорностью ожидали смерти. Они были не в состоянии даже развести огонь. В деревне Михалевка, в 18 км от Соловьевой переправы, буквально заваленной трупами замерзших французов, егеря генерала Юрковского захватили в плен до 2 тыс. отставших от своих частей вражеских солдат. Почти все они были безоружны и не пытались оказать никакого сопротивления. Наоборот, сдачу в плен регулярным войскам они восприняли с величайшей радостью.

Не доходя до Соловьевой переправы 5 км, Юрковский, застигнутый сильной метелью, был вынужден остановиться в лесу. В этот день его егеря захватили у противника 19 орудий¹⁵⁶.

С 28 октября (9 ноября) преследование врага на Смоленской дороге осуществлял авангард, возглавляемый генерал-майором М.И. Карпенковым. В состав его входили три полка: 1-й егерский, Московский драгунский и один казачий и четыре орудия. Юрковский получил приказ присоединиться к главным силам Милорадовича, который в это время двинулся на юг от Смоленской дороги на соединение с главными силами армии. В тот же день отряд Карпенкова достиг Соловьевой переправы, но воспрепятствовать противнику в уничтожении моста через Днепр не смог. На следующий день он переправился по тонкому льду на правый берег Днепра, где захватил до 1000 пленных, 12 орудий и огромный обоз¹⁵⁷. После овладения Соловьевой перепра-

вой генерал-майор Карпенков двинулся прямо на Смоленск. В районе Валутиной горы он получил приказ войти в подчинение атамана Платова¹⁵⁸.

Непосредственное командование главными силами армии с 21 октября (2 ноября) возглавил бывший главнокомандующий 3-й Западной армией генерал от кавалерии А.П. Торماسов, незадолго перед этим прибывший в распоряжение Кутузова¹⁵⁹.

4.6. На северном фланге

В то время когда главные силы русской армии под командованием М.И. Кутузова готовились к переходу в контрнаступление, важные события происходили на флангах стратегического фронта. Как уже отмечалось, для действий на северо-западном (петербургском) направлении против войск П.Х. Витгенштейна Наполеон выделил сначала 2-й и 6-й пехотные корпуса маршалов Н. Удино и Л. Гувион Сен-Сира, а затем туда был направлен 9-й пехотный корпус маршала К. Виктора, прибывший в августе в район Смоленска. Обеспечение южного фланга осуществляли корпуса Ренье и Шварценберга. Им противостояла 3-я Западная армия Чичагова.

В начале октября корпус Витгенштейна был значительно усилен: из-под Риги подошел корпус Штейнгеля, прибыли дружины Петербургского ополчения во главе с сенатором А.А. Бибиковым, а затем несколько дружин Новгородского ополчения. После того как общая численность войск, находившихся в распоряжении Витгенштейна, возросла до 50 тыс. человек (в том числе 9 тыс. ополчения) при 170 орудиях¹⁶⁰, было принято решение перейти в наступление с целью разгрома полоцкой группировки противника (30 тыс. человек). Французы сильно укрепили город Полоцк и были преисполнены решимости оборонять его до последней возможности. 2-м пехотным корпусом в это время командовал маршал Гувион Сен-Сир, принявший его после тяжелого ранения в сражении под Полоцком 5–6 (17–18) августа 1812 г. маршала Удино. В командование 6-м пехотным (баварским) корпусом вступил баварский генерал К. Вреде.

Для овладения Полоцком Витгенштейн разделил войска на четыре отряда. Два из них под его личным командованием долж-

ны были соединиться у Юровичей (12 км северо-восточнее Полоцка) и далее наступать на Полоцк с северо-востока, по Невельской дороге. 3-й отряд генерал-майора князя Л.М. Яшвиля получил задачу наступать на город с северо-запада, по Себежской дороге. 13-тысячный отряд генерал-лейтенанта графа Штейнгеля должен был переправиться через Западную Двину в районе Друи и, наступая на Полоцк левым берегом реки, выйти в тыл противнику.

4 (16) октября русские войска начали наступление на Полоцк. Им пришлось действовать в лесисто-болотистой местности, которая, будучи труднопроходимой даже в обычное время, из-за прошедших недавно сильных дождей сделалась вообще почти непреодолимой. Только неимоверное мужество, стойкость и упорство русского солдата позволили преодолеть, казалось бы, непреодолимое. Отряд Штейнгеля переправился через Западную Двину и на следующий день подошел к Дисне. Отряды Витгенштейна, совершив темной осенней ночью длительный и трудный переход, на рассвете подошли к Юровичам. Селение было занято французами, которыми командовал генерал Н. Мезон. Коротким, но мощным ударом противник был выбит из Юровичей и отброшен к Полоцку. Обнаружив приближение русских, маршал Сен-Сир привел свои войска в боевую готовность на подступах к городу и приготовился к обороне. Опасаясь за свой тыл, он переправил большую часть имевшейся у него кавалерии (много лошадей у французов пало из-за недостатка кормов) на левый берег Двины. Беспечность противника была поразительной! 5 (17) октября, когда Штейнгель находился уже на левом берегу Двины, всего в 35 км от Полоцка, французы об этом еще ничего не знали.

6 (18) октября Витгенштейн приказал своему авангарду выбить неприятеля из леса, находящегося между деревней Громы (7 км северо-восточнее Полоцка) и французским лагерем. Генералу Яшвилю, стоявшему в 3–5 км от реки Полота, было приказано атаковать противника, чтобы отвлечь на себя его внимание и резервы с главного направления, где действовали войска Витгенштейна. Авангард овладел деревней Громы и начал успешно продвигаться по лесу. Но когда он приблизился к его юго-западной опушке и начал выходить на поляну, где находи-

лись французские укрепления, то был встречен сильным артиллерийским огнем и контратакован вражеской кавалерией. На помощь ему пришла наша конница, отбросившая противника к окопам. Тем временем выдвигавшиеся за авангардом головные части отрядов Витгенштейна начали выходить из леса и выстраиваться впереди его в боевой порядок. Сам Витгенштейн направился на рекогносцировку Витебской дороги, подходившей к Полоцку с востока, вдоль правого берега Двины. Воспользовавшись тем, что основные силы русских еще не вышли из леса, Сен-Сир бросил в атаку свою кавалерию. Его замысел состоял в том, чтобы отсечь левофланговые части Витгенштейна от его главных сил, прижать их к Двине и уничтожить. Хотя французам и удалось овладеть нашей батареей, но для выполнения поставленной задачи их сил было явно недостаточно. Заметив опасность, нависшую над его войсками, Витгенштейн сразу же устремился к угрожаемому участку. Он бесстрашно несся верхом на коне вдоль фронта, осыпаемый вражескими пулями. Французские кавалеристы атаковали его конвой. Завязался сабельный бой, в котором наряду со своими гусарами рубился и сам Витгенштейн. Но силы были неравны. Генерала спасла от неминуемого плена или гибели лишь вовремя подоспевшая на помощь наша конница. Она опрокинула французов и отбила только что захваченную ими батарею.

Жаркий огневой бой шел по всей линии. Не выдержав нашего огня, противник подался назад в центре. Воспользовавшись этим, наши егеря по собственной инициативе атаковали французов и ворвались в их передовые укрепления. За стрелками вперед двинулись колонны линейной пехоты. Витгенштейн лично повел в атаку войска правого фланга. Но Сен-Сир обошел с тыла потерянные окопы и вернул их обратно. Однако вскоре неприятель вновь был выбит из них. На центральном участке особенно отличились два недавно сформированных резервных гвардейских батальона. Командир корпуса запретил без крайней необходимости вводить их в бой. Однако гвардейцы так настойчиво просили командование о разрешении принять участие в атаке, что в конце концов добились своего. Свой первый шаг на поле боя они ознаменовали таким штыковым ударом, который составил бы большую честь и старым, отборным полкам.

Наращивая усилия, Витгенштейн вводит в бой резерв. Французы упорно сопротивлялись. Маршал Гувион Сен-Сир был ранен, но не оставил поля боя и продолжал руководить войсками. Противник несколько раз контратаковал наше правое крыло, его кавалерия неоднократно ходила в атаку в центре. Не добившись успеха, он отступил в укрепленный лагерь. Витгенштейн, узнав, что Финляндский корпус Штейнгеля еще далеко от Полоцка, отложил атаку лагеря. Вечером он отвел свои войска в исходное положение. Бой на подступах к Полоцку 6 (18) октября носил упорный и ожесточенный характер, но завершился, по существу, безрезультатно, хотя в течение всего дня русские войска и имели успех, продвинувшись на глубину до 4 км.

Отряд генерала Яшвиля атаковал противника лишь около 16 часов. Французы оставили свои укрепления северо-западнее реки Полота почти без сопротивления и к вечеру с боем отошли к Полоцку. Штейнгель в тот день дошел до Рудни (9 км от Полоцка), откуда донес Витгенштейну, что его корпус на следующий день атакует Сен-Сира с тыла.

В бою 6 (18) октября Петербургское ополчение получило первое боевое крещение. В этот день ратники проявили выдающуюся храбрость и беззаветный героизм. Истекая кровью, раненые не хотели покидать поля боя, умирающие от ран вдохновляли идущих в атаку товарищей. Сбросив с себя зипуны и кафтаны, ополченцы бесстрашно бросались на врага, сходились с ним врукопашную, дрались пиками и топорами, а иногда и дубинами. Перед каждой атакой они истово осеняли себя крестным знамением и со словами: «Господи, благослови!» шли в огонь, под град пуль и картечи. В ходе боя трижды перекрестный огонь вражеских батарей вынуждал ратников к отступлению. Но каждый раз, вдохновляемые своим командиром Бибиковым: «Стой, ребята! Куда вы? Мы русские, православные, с нами Бог! Вперед! Ура!», — они с новым мужеством вновь и вновь бросались в атаку.

В ночь на 7 (19) октября Сен-Сир получил донесение о приближении русских левым берегом Двины к Полоцку. Ввиду возникшей угрозы с тыла он решил оставить Полоцк и отойти за Двину. Но этот отход, по его замыслу, должен был начаться лишь с вечера следующего дня, а до этого времени французские войска получили приказ сдерживать русских на правом берегу Двины. Для

А.И. Бибиков.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

обеспечения тыла на левый берег реки было приказано направить по одному полку от каждой дивизии. Пассивность и нерешительность Штейнгеля позволили противнику выполнить поставленную перед ним задачу. Бездействовал и Витгенштейн, позволив неприятелю спокойно отправлять из Полоцка за реку артиллерию, обозы, больных и раненых. Около 16 часов французские войска начали организованный отход к Полоцку. Только после этого русская артиллерия открыла огонь по противнику. Его батареи ответили. Завязался огневой бой, продолжавшийся до позднего вечера. Французы стремились во что бы то ни стало удержать город до тех пор, покуда не закончится его эвакуация. Имущества у захватчиков с июля по октябрь накопилось немало.

В 2 часа ночи 8 (20) октября Витгенштейн бросил свои войска на штурм Полоцка. В нем приняли участие три колонны войск, возглавляемые генерал-майорами Е.И. Властовым и И.И. Дибичем (генерал-квартирмейстер 1-го пехотного корпуса, будущий генерал-фельдмаршал), полковником Ф.В. Ридигером. Сильный огонь противника, топкие и непроходимые места, глубокие ямы и рытвины, а также двойные палисады не смогли сдержать русских солдат, которые стремительным броском с трех сторон ворвались в объятый пламенем город.

Наиболее упорное сопротивление враг оказал в западной части Полоцка. Здесь нашим войскам сначала предстояло овладеть мостом через реку Полота, протекавшую в глубоком овраге. Большой деревянный мост висел над ним, как над пропастью. Сразу же за мостом начинался въезд в город, прорытый сквозь высокую гору, на вершине которой французами была установлена сильная артиллерийская батарея. У подножия горы имела крепкая ограда с бойницами для стрелков.

Первой подошла к мосту 12-я дружина Петербургского ополчения, которой командовал статский советник И. Ю. Николаев. Добровольцы бросились в овраг, перешли Полоту вброд, поднялись на противоположный берег и с криком «Ура!» подали сигнал атаки. Оборонявший мост противник посчитал себя обойденным, пришел в расстройство и не успел даже взорвать мост. Стремительным броском ратники, разбросав прикрывавшие его рогатки, ворвались на мост, штыками и топорами проложили себе дорогу в город.

Главные силы Сен-Сира были уже за Двиной, а его арьергард, оказывая упорное сопротивление на улицах Полоцка, медленно отходил к переправам. Достигнув их, он переправился на левый берег Двины и уничтожил за собой мосты. Полоцк был взят русскими войсками еще до рассвета. В ходе штурма он серьезно пострадал. Витгенштейн не счел даже нужным оставлять в разоренном, охваченном пожаром городе свои войска. Жители Полоцка, основную часть которых составляло еврейское население, проклинали изгнанных захватчиков и радостно приветствовали своих избавителей.

При ночном штурме Полоцка особенно отличились петербургские ополченцы. Витгенштейн в своем благодарственном приказе войскам по случаю одержанной победы высоко оценил их подвиг, назвал ополченцев «защитниками России». Донося Кутузову о взятии Полоцка, он отмечал, что ополченцы дрались с таким отчаянием и такой неустрашимостью, что ни в чем не отставали от солдат регулярной армии. Известный партизан Д. В. Давыдов говорил: «Граф Витгенштейн обязан был взятием Полоцка ополчению».

Сражение под Полоцком 6 (18) октября и его штурм 7–8 (19–20) октября отличались большим упорством и ожесточением.

В ходе его обе стороны понесли большие потери: противник — от 6 до 8 тыс. человек, в том числе более 2 тыс. пленными; русские войска — 8 тыс. человек убитыми и ранеными¹⁶¹.

На следующее утро в главном православном Полоцком соборе был совершен торжественный молебен об одержанной победе и панихида по павшим на поле брани. Победители были вынуждены проводить церковную службу в оскверненном врагом храме: двери и окна его были выбиты; полы разворочены и загажены нечистотами; церковная утварь разграблена или поломана; иконостас разбит, расстрелян из ружей и пистолетов, исколот штыками. Архимандрит, отправлявший службу, едва мог двигаться после перенесенных пыток, когда оккупанты требовали от него выдать церковные ценности.

Победа под Полоцком имела большое значение. От врага был очищен правый берег Западной Двины. Русские войска овладели важной стратегической позицией, создав серьезную угрозу левому флангу «Великой армии» Наполеона. Это был первый город, взятый русскими войсками после длительного периода отступления и целого ряда серьезных неудач, преследовавших нашу армию с самого начала войны. Освобождение Полоцка и поражение под его стенами врага знаменовало собой начало изгнания иноземных захватчиков с русской земли. За победу под Полоцком П.Х. Витгенштейн был произведен в чин полного генерала (генерала от кавалерии), а незадолго до этого за победу под Головчицами 20 июля (1 августа) 1812 г. ему был вручен орден Александра Невского. Различными наградами были отмечены все ближайшие сподвижники Витгенштейна, а также особо отличившиеся в сражении солдаты и офицеры. Кроме того, рядовым участникам сражения под Полоцком и штурма города было выдано в качестве награды по 5 рублей — для солдата по тем временам сумма немалая.

Получив донесение о взятии Полоцка, М.И. Кутузов поставил перед корпусом Витгенштейна задачу — обойти правый фланг Сен-Сира и отсечь его от главных сил французской армии. Затем, отбросив войска Сен-Сира в Литву, соединиться на реке Березина с 3-й Западной армией Чичагова и совместно с нею отрезать Наполеону пути отхода на запад.

Штурм Полоцка 6 октября 1812 г. Хромолитография Н. Самокиша. Начало XX в.

Сразу же после овладения Полоцком саперы 1-го пехотного корпуса приступили к наведению мостов на Двине, но из-за быстрого течения реки работы затянулись. Сен-Сир воспользовался этим и двинул крупные силы под командованием генерала Вреде против отряда Штейнгеля. В тот же день, 8 (20) октября, баварский корпус Вреде, усиленный тремя пехотными и одним кавалерийским полками французов, а также швейцарским полком, внезапно атаковал у селения Экимания авангард Финляндского корпуса (егерская бригада), которым командовал полковник П.П. Турчанинов. Наш авангард был разбит, потеряв только пленными до 1800 человек. После поражения своего авангарда Штейнгель поспешно отступил к Дисне и там переправился на правый берег Двины. Узнав об этом, Витгенштейн усилил Финляндский корпус одной пехотной дивизией и приказал Штейнгелю немедленно возвратиться на левый берег.

Наконец 11 (23) октября войска Витгенштейна по наведенным мостам переправились на левый берег Двины. На правом берегу для наблюдения за Макдональдом был оставлен лишь отряд генерал-майора Е.И. Властова. Маршал Сен-Сир отступил к Лепелю, намереваясь соединиться с корпусом Виктора, стоявшим

между Сенно и Оршей. Между тем маршал К. Виктор, узнав о поражении Сен-Сира под Полоцком, сам выступил ему навстречу. В руководстве войсками противника начались раздоры. Раненый 6 (18) октября в сражении под Полоцком маршал Л. Гувион Сен-Сир через два дня был вынужден сдать командование войсками старшему после себя генералу К. Леграну. Однако командир 6-го пехотного (баварского) корпуса генерал К. Вреде отказался по-виноваться новому командующему. Раздраженный этим, Легран через три дня отказался от командования корпусами. Его принял генерал Мерль, но при условии не иметь никакого дела с Вреде. Желая положить конец раздорам среди генералов, Сен-Сир снова взял командование на себя, хотя и был прикован к госпитальной койке. Однако Вреде теперь уже не слушался и маршала.

12 (24) октября, в день сражения армии Кутузова под Малоярославцем, Витгенштейн перешел в наступление на левом берегу Двины. Его войска двинулись на Ушач. Не выполнивший приказа Сен-Сира соединиться со 2-м пехотным корпусом Вреде дорого заплатил за свое послушание. 13 (25) октября он был настигнут у села Коблучи авангардом Финляндского корпуса под командованием генерал-майора Б.Б. Гельфрейха и обойден справа. Баварцы обратились в бегство. Русские войска в течение всего дня безостановочно гнали противника вплоть до села Глубокое. Баварцы потеряли около 1000 человек убитыми, ранеными и пленными, 8 пушек и 22 знамени, находившихся в обозе¹⁶². Отрезанный от французов, Вреде даже и не пытался соединиться с ними. Чтобы спасти свой корпус, он начал поспешное отступление к Виленской дороге.

17 (29) октября в Ушаче Витгенштейн соединился с Штейнгелем, который до сих пор действовал отдельно. Отсюда он двинулся на Лепель. Противник отступал к Чашникам, в районе которых произошло соединение корпусов Сен-Сира и Виктора.

Наполеон был в Вязьме, когда получил донесение маршала Виктора о его выступлении на помощь Сен-Сиру. Император одобрил это решение, приказав обоим маршалам отбросить русских обратно за Двину и овладеть Полоцком. Прибывший в Чашники Виктор принял главное командование над 2-м и 9-м пехотными корпусами. Не участвовавший еще в боях его корпус выгодно отличался от уже изрядно потрепанного русскими

Ф.Ф. Штейнгель.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

и понесшего значительные потери 2-го пехотного корпуса. Победителю двух наполеоновских маршалов (Удино и Сен-Сира) графу П.Х. Витгенштейну теперь предстояло помериться силами и с третьим — Виктором.

Ничего не зная о подходе на помощь Сен-Сиру Виктора, он 19 (31) октября подошел к Чашникам. Впереди этого населенного пункта, на правом берегу реки Ула, фронтом на запад, стоял корпус Сен-Сира, которым снова временно командовал генерал Легран. Корпус Виктора располагался за рекой Лукомля (приток Улы), в 2,5 км позади 2-го пехотного корпуса. Всего в составе двух корпусов противника насчитывалось до 36 тыс. человек. Витгенштейн располагал 30 тыс. человек и 114 орудиями: 27 тыс. пехоты (в том числе 7 тыс. ополчения) и 3 тыс. кавалерии¹⁶³.

В 7 часов утра авангард 1-го пехотного корпуса, которым командовал генерал-майор князь Л.М. Яшвиль, атаковал противника. Сразу же завязался жаркий бой. Вскоре подоспел Витгенштейн с главными силами. Яшвиль повел свои полки в штыковую атаку и, сломив после ожесточенной схватки сопротивление французов, ворвался в Чашники. Легран отвел свои войска на вторую позицию, находившуюся в 1,5 км восточнее первой, тщетно упрасивая Виктора о подкреплении. Но маршал не трогался

*Л.М. Яшвиль.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

с места. В ответ на повторное настойчивое требование Леграна о помощи он ответил, что сначала хочет определить численность русских войск, а уж потом действовать согласно принятому им плану, о содержании которого он никому не сообщал. Между тем Легран, сбитый русскими и со второй позиции, отступил за реку Лукомля. На этом бой при Чашниках 19 (31) октября закончился. В нем, как и под Полоцком, вновь отличились ополченцы. После боя в расположение 1-го пехотного корпуса прибыл курьер от главнокомандующего фельдмаршала М.И. Кутузова, привезший известия об успехах Главной армии, освобождении Москвы и повсеместном отступлении неприятеля. Это сообщение вызвало ликование в войсках. Они с жадностью слушали приказ Кутузова, в котором им доводился призыв царя: «Потушите кровью неприятельской пожар московский!»

В тот же день высланный Витгенштейном вверх по Двине небольшой отряд генерал-майора В.И. Гарпе (два пехотных и один кавалерийский полки, сотня казаков и шесть орудий) после небольшого боя овладел Витебском. Весь его гарнизон (300 человек с двумя пушками) и чиновники созданной оккупантами местной администрации во главе с французским губернатором были взяты в плен.

20 октября (1 ноября) Виктор и Легран начали отступление к Сенно. Их преследовали небольшие русские отряды. Главные же силы Витгенштейн остановил в Чашниках, заняв сильную позицию на реке Ула. Основные его усилия в этот период были направлены на то, чтобы установить местонахождение армии Чичагова и организовать с ней оперативное взаимодействие. С этой целью в направлении Борисова и Минска им были высланы конные разъезды и разведчики. Эта мера, однако, никакого результата не дала — установить местонахождение 3-й Западной армии не удалось. Возвратившиеся разведчики доложили, что и Минск, и Борисов по-прежнему заняты неприятелем. Не было надежной связи и со штабом главнокомандующего, она осуществлялась дальними окольными путями. Находившийся перед 1-м пехотным корпусом противник обладал превосходством в силах. Неясным было положение на правом фланге. В случае наступления маршала Макдональда вверх по Двине коммуникации Витгенштейна могли оказаться под угрозой. Все это вместе взятое серьезно беспокоило Витгенштейна, вынуждало его действовать осторожно. Однако следует отметить, что проявляемая им осторожность все же больше походила на нерешительность. Победителя при Полоцке и Чашниках было просто не узнать. Оказавшись в сложной и неясной обстановке, он как бы утратил всю свою былую храбрость, инициативу и решительность.

В то же время и маршал Виктор, опасаясь наступления Витгенштейна, 23 октября (4 ноября) отступил от Сенно к Черее (около 30 км юго-западнее Сенно). Этим он стремился более надежно прикрыть дорогу из Орши на Борисов, по которой должен был отступать Наполеон. Однако последний посчитал, что Витгенштейн, находясь в Чашниках, создает реальную опасность главной коммуникации французской армии. Поэтому по распоряжению императора маршал Бертье 26 октября (7 ноября) направляет Виктору повторный приказ — отбросить русских за Двину и овладеть Полоцком. «Ступайте вперед! Того требуют император и необходимость», — такими словами заканчивался этот приказ¹⁶⁴. Виктору ничего не оставалось, как подчиниться столь категоричному приказу. Однако с его исполнением произошла задержка. Дело заключалось в том, что в отношении способа действий у Виктора возникли разногласия с маршалом Удино, только что возвра-

тившимся из Вильно, где он лечился от ран, и вновь вступившим в командование своим корпусом. Следствием этих разногласий явились вялость и нерешительность в действиях маршалов. Только 31 октября (12 ноября) они выступили из Черей и на следующий день подошли к селу Смоляны (4 км юго-восточнее Чашников). 2 (14) ноября противник атаковал русские войска, одновременно демонстрируя обход обоих их флангов. Прикрытый озерами, корпус Витгенштейна продолжал удерживать занимаемые позиции. Шесть раз французы атаковали Смоляны и шесть раз были отражаемы ружейно-артиллерийским огнем. Несколько раз маршал Виктор пытался бросить в атаку кавалерию, но русская артиллерия каждый раз пресекала эти попытки в самом начале. К тому же французская кавалерия к этому времени уже не представляла собой серьезной боевой силы: отощавшие от бескормицы лошади были до предела изнурены, не подкованные на шипы, они не могли передвигаться по гололедице. Видя неудачу всех своих атак на Смоляны, противник к вечеру был вынужден прекратить их, так и не добившись успеха. Его потери в бою при Смолянах 2 (14) ноября составили около 3 тыс. человек¹⁶⁵. Потери русских войск были в несколько раз меньшими, поскольку все атаки противника отражались в основном огнем. За незначительные в общем-то победы при Чашниках и Смолянах Витгенштейн был награжден одной из самых высоких наград России — орденом Владимира 1-й степени. О значимости этой награды говорит такой факт: даже за Бородинское сражение из представленных тогда Кутузовым к ордену Владимира 2-й степени восьми человек такой награды никто не получил. На следующий день маршал Виктор (имея преимущество в старшинстве перед Удино, он осуществлял общее руководство обоими корпусами) отступил обратно в Черей, преследуемый русской конницей. В ходе преследования французы потеряли до 600 человек только пленными¹⁶⁶.

Отразив наступление противника, Витгенштейн тем не менее не отважился сам перейти в наступление, а предпочел остаться на месте. Его не оставляли прежние опасения. К тому же как Кутузов, так и царь не исключали вероятности прорыва Наполеона на запад в направлении Сенно — Лепель. В этом случае Витгенштейн неминуемо бы подвергся удару главных сил «Великой

*Маршал К. Виктор.
Неизвестный художник.
Начало XIX в.*

армии». Поэтому он решил не рисковать, а выждать развития событий, по-прежнему занимая позицию на реке Ула в районе Чашников. В таком положении корпус Витгенштейна находился до 9 (21) ноября, когда Наполеон выступил из Орши по направлению к Борису (а не на Сенно, чего опасался Витгенштейн). Кутузов с главными силами армии находился на марше в Копысь. Настало время решительных действий.

4.7. На южном фланге

3-я Западная армия до середины (конца) октября продолжала находиться на берегах Западного Буга, так и не выступив в поход к реке Березина. Ее основные силы располагались в районе Бреста, испытывая недостаток в продовольствии. Кроме того, Чичагов опасался, что в случае выступления его к Березине вслед за ним устремится и австрийский корпус Шварценберга. Его опасения усилились еще больше, когда он узнал о подходе к австрийцам дивизии генерала И. Дюрюта из 11-го пехотного корпуса маршала Ожеро. Теперь силы фельдмаршала К. Шварценберга возросли до 50 тыс. человек.

Наконец 18 (30) октября, оставив у Бреста три корпуса (всего 27 тыс. человек) под общим командованием генерал-лейтенанта

А.П. Мелиссино.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Ф.В. Остен-Сакена (будущий генерал-фельдмаршал) для скопления австрийцев и саксонцев, Чичагов с остальными силами выступил в поход к Березине¹⁶⁷. Его путь к берегам этой реки пролегал через Пружаны, Минск и Борисов. Группировка войск, с которой Чичагов двинулся к реке Березина, насчитывала 32 тыс. человек с 180 орудиями. В ее состав входили корпуса генерал-лейтенантов А.Л. Воинова и И.В. Сабанеева под общим командованием генерала от инфантерии графа А.Ф. Ланжерона, а также авангарды, подчиненные непосредственно командующему армией, которыми командовали генерал-лейтенант граф К.О. Ламберт и генерал-майор Е.И. Чаплиц, 2-й резервный корпус (15 тыс. человек) генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля, находившийся в районе Мозыря, получил приказ идти на соединение с 3-й армией во время ее движения к реке Березина. Такой же приказ был отдан и только что прибывшему из Сербии отряду генерал-майора Н.И. Лидерса (3,5 тыс. человек). С их учетом численность выступившей в поход 3-й Западной армии Чичагова должна была возрасти до 50 тыс. человек.

20 октября (1 ноября) армия Чичагова подошла к Пружанам. В последующем войска армии продолжали беспрепятственное движение вперед и 25 октября (6 ноября) вступили в Слоним.

Здесь Чичагов узнал, что австрийский корпус князя Шварценберга, бросившийся за ним вдогон и опередивший Остен-Сакена на два перехода, уже достиг Волковыска. Командующий 3-й армией высылает туда флигель-адъютанта полковника А.И. Чернышева с одним казачьим полком, чтобы задержать противника. Казаки, уничтожив все мосты на местности, через которую предстояло проходить неприятелю, довольно серьезно замедлили его продвижение. Это позволило Чичагову без каких-либо помех продолжить марш на Несвиж. Здесь следует отметить, что свой марш из района Дрогичина (70 км северо-западнее Бреста) к Волковыску Шварценберг совершил такими усиленными переходами, каких никак нельзя было ожидать от австрийских войск, привыкших к медленным передвижениям. Причина такой активности заключалась в том, что основная задача, поставленная перед ним Наполеоном, заключалась в сковывании 3-й русской армии на Буге. Шварценберг должен был любой ценой воспрепятствовать ее выходу на коммуникации главной группировки «Великой армии». И когда такая опасность возникла, он сделал все возможное, чтобы ее устранить. Его марш с тыла прикрывал саксонский корпус Ренье.

Когда Остен-Сакен узнал об уходе противника в северо-восточном направлении, то сразу же двинулся вслед за ним. Преследуя саксонцев, он уже 27 октября (8 ноября) достиг их близ Рудни (50 км юго-западнее Волковыска). Стремительной атакой русского авангарда, которым командовал генерал-майор А.П. Мелиссино, вражеский арьергард был опрокинут и бежал по направлению к Волковыску, потеряв только пленными до 100 человек, а также часть обоза. Через четыре дня у местечка Порозов (20 км юго-западнее Волковыска) Остен-Сакен достиг уже главные силы саксонцев. Но противник, не приняв боя, поспешно отступил к Волковыску. Шварценберг тем временем шел от Волковыска к Слониму.

В темную метельную ночь на 3 (15) ноября войска Остен-Сакена атаковали Волковыск, занятый саксонским арьергардом. Нападение русских для противника было неожиданным. Только случай позволил командиру 7-го пехотного корпуса генералу Ж. Ренье и девяти подчиненным ему саксонским генералам, ночевавшим в городе, избежать плена. К утру саксонцы

*Ф.В. Остен-Сакен.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

были выбиты из Волковыска. Главные силы саксонского корпуса во время этого боя находились вне города. 3 (15) ноября они несколько раз пытались вернуть его обратно, но все их усилия оказались тщетными. Утром 4 (16) ноября Остен-Сакен атаковал саксонский корпус, находившийся на позиции северо-восточнее Волковыска. Завязался довольно жаркий огневой бой, продолжавшийся несколько часов. Около полудня разведка донесла о приближении с юга к Волковыску австрийского корпуса Шварценберга. Кавалерийские разъезды австрийцев находились уже в 5 км от города. Ввиду явного превосходства противника в силах Остен-Сакен приказал прекратить бой и начал отступление в западном направлении. Арьергарду было приказано удерживать Волковыск, покуда главные силы не отойдут на значительное расстояние. Заметив отступление русских, Ренье сразу же двинулся вперед. Саксонцы попытались с ходу овладеть Волковыском, но были отбиты. После этого арьергард оставил город и последовал за главными силами, отступавшими к Свислочи (35 км западнее Волковыска). Шварценберг соединился с Ренье. Вслед затем оба корпуса противника перешли к преследованию Остен-Сакена. Отступая все дальше и дальше на юго-запад, последний увлекал за собой врага. 13 (25) ноября он достиг Бреста, пол-

ностью выполнив поставленную задачу. Австрийский и саксонский корпуса, оттянутые на себя войсками Остен-Сакена, были вынуждены прекратить преследование Чичагова и к середине (концу) ноября вновь оказались на берегах Буга. Использовать их на главном направлении Наполеон так и не смог.

С прибытием в Слоним перед Чичаговым встала проблема организации оперативного взаимодействия с Витгенштейном, так как в соответствии с замыслом М.И. Кутузова оба они должны были решать одну общую задачу. Для этого Чичагову нужно было первым делом установить прямую связь с Витгенштейном (до сих пор связь между ними осуществлялась дальними, круглыми дорогами и информация приходила с большим опозданием). Решение данной задачи он возложил на полковника А.И. Чернышева, который со своим казачьим полком должен был отыскать местонахождение 1-го пехотного корпуса и уведомить Витгенштейна о движении 3-й Западной армии к Борисову. Чернышеву предстояло совершить глубокий рейд по оккупированной врагом территории, среди враждебно настроенного к русской армии населения¹⁶⁸. Царский флигель-адъютант блестяще выполнил поставленную перед ним задачу. Пройдя за четверо суток около 430 км, он 29 октября (10 ноября) прибыл в Чашники, где в то время находился штаб графа Витгенштейна. Таким образом, впервые с начала войны Витгенштейн получил сведения непосредственно из 3-й армии и из первых рук узнал о направлении ее движения и планах Чичагова. Во время своего смелого рейда близ селения Радошкевичи, на дороге Минск — Вильно Чернышеву удалось захватить четырех курьеров Наполеона, а также освободить плененного французами генерала Ф.Ф. Винценгероде, которого наполеоновские жандармы везли из Вереи во Францию. Удивлению генерала, освобожденному казаками из плена в глубоком тылу противника, не было предела.

26 октября (7 ноября) 3-я Западная армия выступила из Слонима и через Несвиж направилась к Минску. Вид бодро шагающих по белорусским дорогам русских солдат, многочисленные колонны русской пехоты, кавалерии и артиллерии произвели на местное население потрясающее впечатление. До сих пор оно слепо верило распространяемым оккупационными властями и их прислужниками лживым уверениям о том, что русская армия разби-

та и рассеяна где-то около Москвы, а Белоруссия полностью и навсегда очищена от русских, что власть Наполеона на захваченных территориях прочна и несокрушима. И вот теперь неожиданное появление крупных сил русских войск в глубоком тылу французов явилось для белорусов громом среди ясного неба. Сформированная оккупантами национальная гвардия поспешно прятала оружие, форму и разбегалась по домам. Французские гарнизоны и всякого рода команды бежали в крупные города.

1 (13) ноября авангард 3-й Западной армии под командованием генерал-лейтенанта графа Ламберта разбил под местечком Ново-Свержен (20 км севернее Несвижа) 3,5-тысячный польский отряд генерала Косецкого, высланный минским губернатором генералом Брониковским. В этом бою особенно отличились 10-й и 14-й егерские полки. Первым из них командовал полковник И.Д. Иванов, вторым — полковник А.И. Красовский. Совершив по проселкам глубокий обход противника, егеря за два часа до рассвета вышли к Ново-Свержену и внезапно, без выстрела атаковали находившихся там поляков. Попытавшиеся оказать сопротивление были тут же уничтожены штыками, остальные разбежались. Одновременно отряд генерал-майора графа И.К. Орурка выбил поляков из местечка Мир, захватив при этом до 400 человек пленными.

Граф Ламберт безостановочно преследовал разбитых поляков, не давая им опомниться. 3 (15) ноября, пройдя около 20 км, он настиг генерала Косецкого у местечка Кайданово (30 км юго-западнее Минска). В завязавшемся бою польский отряд был полностью уничтожен. Из 3,5 тыс. человек уцелело лишь около сотни кавалеристов во главе с самим Косецким, спасшихся бегством. Кроме поляков здесь в полном составе были пленены два французских батальона, составлявших самую надежную часть отряда Косецкого. Отсеченные от главных сил Житомирским драгунским полком, французы еще некоторое время продолжали стойко сопротивляться, но когда подоспели четыре конных орудия и почти в упор ударили по их каре картечью, противник был вынужден положить оружие. В бою под Кайданово русскими войсками в качестве трофеев были взяты две пушки, два знамени, большой обоз и военный оркестр в полном составе (он был отдан в 14-й егерский полк)¹⁶⁹. Среди особо отличившихся здесь

кроме житомирцев были Стародубовский драгунский, Александрийский гусарский и Татарский уланский полки.

Развивая достигнутый успех, Ламберт 4 (16) ноября вступил в Минск. Здесь находилась крупная тыловая база французской армии. За три месяца противник сосредоточил в этом городе значительные запасы продовольствия, пороха, свинца и обмундирования. Одного только хлеба было захвачено столько, что его хватило для снабжения всей 3-й Западной армии в течение целого месяца. В госпиталях Минска было пленено более 2 тыс. больных и раненых французов. Быстрые и решительные действия авангарда Ламберта позволили ему упредить польского генерала Домбровского, который форсированным маршем шел со своей дивизией от Бобруйска к Минску. Он имел приказ Наполеона во что бы то ни стало удержать этот город. М.И. Кутузов также торопил Чичагова, требуя от него как можно быстрее овладеть Минском. Следовательно, этот город играл важную роль в планах как Наполеона, так и Кутузова. Каждый из противников благоприятное развитие последующих событий в решающей степени связывал с обладанием этим важным стратегическим пунктом.

Несколько ранее, в Несвиже, который противником был очищен без боя, высланный генералом Ламбертом отряд захватил более чем на 1 млн золотом драгоценностей, награбленных французами в Москве и свезенных для временного хранения в Несвиж¹⁷⁰.

Главные силы 3-й Западной армии быстро продвигались вслед за авангардом. Чичагов вступил в Минск уже на следующий день после его занятия передовыми частями. Здесь он получил первое донесение от Витгенштейна. Одновременно пришли и неблагоприятные вести. Выше было сказано, что, выступая из Бреста, Чичагов приказал генералам Лидерсу и Эртелю идти на соединение с ним. Первый должен был присоединиться к главным силам армии в Несвиже, второй — идти через Игумен на Минск. Однако вопреки полученному приказу 15-тысячный корпус Эртеля так и не тронулся из Мозыря. Генерал-лейтенант Ф.Ф. Эртель ограничился лишь высылкой к Чичагову шести слабых запасных батальонов, четырех эскадронов и одного казачьего полка. Причину прямого неисполнения приказа он объяснил разного рода причинами, главными из которых, по его мнению, являлись: опасение

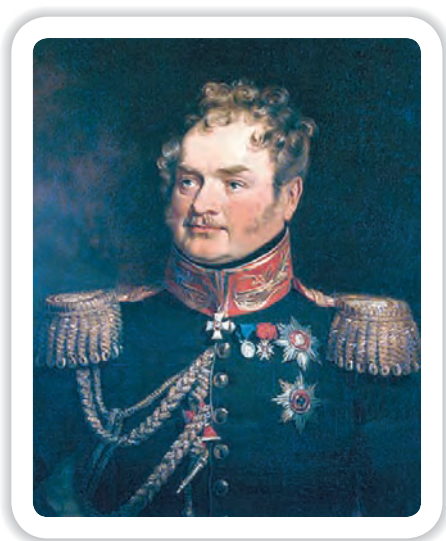
оставить без надежной охраны большие материальные запасы, сосредоточенные в Мозыре; невозможность после ухода корпуса в Минск эффективного снабжения Бобруйской крепости и наличие в корпусе большого количества больных солдат (до 2 тыс. человек). Вместо того чтобы незамедлительно приступить к выполнению полученного приказа, Эртель запросил новых разъяснений у Чичагова — как ему поступать в данном случае. Пока он ждал этих разъяснений, на реке Припять начался осенний ледоход, исключивший всякую возможность исправить допущенное промедление. Результатом всей этой истории явилось смещение генерала Ф.Ф. Эртеля с должности и назначение на его место генерал-майора С.А. Тучкова 2-го (дежурный генерал 3-й Западной армии, один из четырех братьев Тучковых). Новому командиру корпуса было приказано немедленно идти через Рогачев и Могилев на соединение с главными силами армии. Одновременно Чичагов отдал приказ Остен-Сакену срочно направить к нему корпус генерал-лейтенанта П.К. Эссена 3-го. Отряд генерала Лидерса к этому времени уже присоединился к армии.

После занятия Минска адмирал П.В. Чичагов приказал генералу Ламберту овладеть городом Борисовым. С этой целью его авангард был усилен двумя пехотными полками и ротой артиллерии. Другой авангард под командованием генерал-майора Е.И. Чаплица (начальник 8-й кавалерийской дивизии) былслан к местечку Зембин (20 км северо-западнее Борисова) для наблюдения за рекой Березина выше Борисова. Отряд полковника Г.А. Луковкина (командир донского казачьего полка) получил задачу выдвинуться к Игумену и наблюдать за польской дивизией Домбровского. Бежавший из Минска вражеский гарнизон (до 4 тыс. человек) во главе с генералом Брониковским направлялся к Борисову. На соединение с ним спешно шел Домбровский, имевший в строю до 3 тыс. человек¹⁷¹.

Выполняя полученный приказ, генерал Ламберт без промедления выступил к Борисову. Совершив за день 40-километровый переход, он к исходу 8 (20) ноября достиг местечка Жодино (15 км юго-западнее Борисова). Здесь от захваченных в плен поляков Ламберт узнал о движении Домбровского на Борисов. Попытка перехватить противника на марше представлялась весьма сомнительной. Поэтому начальник авангарда решил идти

К.О. Ламберт.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

прямо на Борисов и попытаться упредить в этом Домбровского. Дав своим войскам кратковременный отдых в Жодино, он в ночь на 9 (21) ноября выступил к Борисову.

Была темная и холодная осенняя ночь, промозглый студеный ветер пробирал до костей, затруднял движение и без того по тяжелой дороге. Тем не менее уже за час до рассвета русские войска были под городом. Ламберт решил атаковать оборонявшего его противника с ходу. Несмотря на большую усталость от длительного марша по тяжелым осенним дорогам, солдаты были готовы к выполнению поставленной задачи. Перед ними находился тет-де-пон (предмостное укрепление), располагавшийся на правом берегу Березины; сам город был за рекой. 14-му егерскому полку предстояло атаковать правый фланг противника, а 38-му егерскому полку — левый фланг. С завязкой боя на флангах 7-й егерский полк должен был нанести внезапный удар в центре. Резерв составляли 13-й егерский, Витебский пехотный, Арзамасский драгунский, Александрийский гусарский полки и две роты артиллерии.

Польская дивизия генерала Домбровского пришла в тет-де-пон в 3 часа ночи, упредив, таким образом, русский авангард на четыре с небольшим часа. Утомленные тяжелым форсирован-

ным переходом польские солдаты сразу же расположились на отдых. Они даже не могли предположить близости противника, поэтому занятие ими укреплений было отложено до утра. И когда русские войска неожиданно для них атаковали предмостные укрепления, удивление поляков было неопишимо.

Атака 14-го егерского полка была успешной. Правый редут противника был захвачен. Защищавшие его поляки не устояли перед штыками егерей и обратились в бегство. Однако 38-й егерский полк, ворвавшийся на левый вражеский редут, был выбит с него контратакой противника. В подкрепление ему Ламберт посылает 7-й егерский полк генерал-майора Энгельгардта. Стремительная атака этого полка увенчалась полным успехом. Левый редут был взят. Среди павших в ходе этой схватки был и генерал Энгельгардт, лично возглавивший атаку своего полка.

В самом начале боя за тет-де-пон Домбровский получил приказ маршала Удино, спешившего к Борису из Бобра, удерживать предмостное укрепление во что бы то ни стало. Не видя возможности вернуть назад редуты, польский генерал, старый сподвижник Наполеона, решил обойти отряд Ламберта с флангов и ударить ему в тыл. Для этого маневра он использовал подразделения, которые замыкали марш дивизии и ночевали вне предмостного укрепления. Когда показались обходящие колонны неприятеля, Ламберт бросил против них свой резерв. Враг был отброшен. Теперь оставалось только овладеть ретраншементом (укрепленным лагерем), который поляки, возглавляемые Домбровским и Брониковским, продолжали упорно защищать. 13-й и 38-й егерские полки пошли на штурм, но были отбиты. Граф Ламберт бросился к ним, чтобы лично возглавить повторную атаку, но в этот момент был тяжело ранен (пуля раздробила колено). Войска заколебались. Увидев это, Ламберт отказался покинуть поле боя и, преодолевая страшную боль, заявил бросившимся к нему на помощь егерям: «Я остаюсь с вами! Или умру, или дождусь, пока вы для меня отведете в Борисове квартиру»¹⁷². Положение спасла артиллерия. Полковник И. Магденко прискакал со своей конно-артиллерийской ротой и, развернувшись на огневой позиции в непосредственной близости от неприятеля, открыл по нему убийственный огонь кар-

течью. Под прикрытием огня артиллерии полковник Красовский собрал пришедшие в расстройство полки, подкрепил их резервом и повел в атаку на ретраншемент. Мощный штыковой удар русской пехоты был неотразим. Опрокинутый противник бежал к реке. Наперерез ему, отсекая от моста, к которому стремились поляки, ударил 14-й егерский полк, поддержанный александрийскими гусарами и арзамасскими драгунами. На подступах к мосту произошла яростная рукопашная схватка. Часть поляков все же сумела прорваться к мосту. Наша конница и егеря преследовали их до самого города (мост через Березину был довольно длинный) и буквально на плечах наголову разгромленного врага ворвались в Борисов. Город был взят с ходу. Восточнее его Домбровский попытался привести в порядок остатки своих войск и организовать хоть какое-то сопротивление, но был опрокинут подоспевшей русской конницей. Рассеянные в разные стороны жалкие остатки его 17-й пехотной дивизии и бывшего минского гарнизона в полном беспорядке бежали по Оршанской дороге.

Бой за Борисов, начавшийся с рассветом 9 (21) ноября, закончился около 16 часов полным разгромом противника и взятием русскими войсками Борисова. Здесь ими была захвачена основная переправа через Березину. Бой за Борисов отличался большим упорством и кровопролитием. Отряд генерала Ламберта, насчитывавший 3,2 тыс. человек, потерял в ходе его почти половину своего состава (около 1,5 тыс. человек убитыми и ранеными). Потери противника были несравнимо больше. В этом бою он потерял только пленными 2,5 тыс. человек, 8 пушек и 2 знамени. Всего же за неделю боевых действий авангард Ламберта почти полностью уничтожил 6-тысячный отряд генерала Брониковского, наголову разгромил дивизию генерала Домбровского и пленил более 6,5 тыс. солдат и офицеров противника¹⁷³.

За умелое руководство авангардом 3-й Западной армии во время ее похода с берегов Западного Буга к Березине и взятие Борисова генерал-адъютант граф К. О. де Ламберт был награжден орденом Владимира 2-й степени. Однако тяжелое ранение надолго вырвало этого талантливого кавалерийского генерала из боевых рядов. В армию Ламберт возвратился лишь вес-

ной 1814 г., накануне взятия русскими войсками Парижа, в котором он принял самое активное участие, командуя Гренадерским корпусом.

Среди русского генералитета Карл Осипович Ламберт был довольно интересной личностью. Потомок старинного французского рода, сын генерала королевской армии, эмигрировавшего с началом революции из Франции в Россию, он вместе с братом (вскоре погибшим в бою) в ранней молодости поступил на службу в русскую армию и уже почти 20 лет доблестно сражался под ее знаменами во славу своего нового Отечества. Боевое крещение молодой французский аристократ получил в Польской кампании 1794 года, будучи кавалерийским офицером в армии А.В. Суворова. За выдающуюся храбрость, проявленную при штурме Праги, он был удостоен высшей для офицера боевой награды — ордена Георгия 4-й степени. Затем в его боевой биографии были Персидский (1796) и Швейцарский (1799) походы. Командуя полком в корпусе А.М. Римского-Корсакова, действовавшего в Швейцарии, Ламберт отличился в неудачном для нас сражении при Цюрихе, был ранен и произведен в генерал-майоры. В войне с Наполеоном 1806–1807 гг., сражаясь против своих бывших соотечественников на полях Польши и Восточной Пруссии, французский граф принял активное участие во многих боях и сражениях, неоднократно отличился и за боевые подвиги был удостоен нескольких наград, в том числе ордена Георгия 3-й степени. Войну 1812 года, имея 40 лет от роду, Карл Осипович встретил в должности начальника 5-й кавалерийской дивизии, входившей в состав 3-й Западной армии. Возглавляемая им конница в первых же боях с врагом нанесла ему целый ряд чувствительных ударов. Боевые успехи Ламберта на фоне неудачного для нашей армии общего хода боевых действий с началом вражеского нашествия принесли ему заслуженную славу. За отличие в бою при Кобрине он был награжден золотой шпагой, украшенной алмазами и надписью «За храбрость»; за сражение при Городечне получил чин генерал-лейтенанта.

Как военачальник Ламберт отличался большой личной храбростью, мужеством и распорядительностью. Веселый, открытый нрав, хорошая коммуникабельность, неукоснительная забота о подчиненных и уважительное к ним отношение, неизменная

боевая удача снискали ему большую популярность в подчиненных войсках, а александрийские гусары, шефом которых Ламберт был многие годы, буквально боготворили его. В то же время К.О. Ламберт был не только лихим гусаром, но и опытным генералом, прекрасно разбирающимся в тонкостях военного искусства. Не случайно ряд серьезных военных специалистов в свое время отмечали, что ранение Ламберта в бою за Борисов повлекло самые негативные последствия для исхода Березинской операции. Уже будучи тяжело раненым, перед тем как покинуть армию, Ламберт обратил внимание Чичагова на то, что после потери переправы в Борисове самым вероятным местом, где Наполеон попытается переправиться через Березину, является Студянка. Однако адмирал не обратил внимания на предупреждение Ламберта и не прикрыл должным образом указанное направление. И жестоко за это поплатился. Наполеону удалось выскользнуть из уготованной ему западни как раз в районе Студянки, а Чичагов навечно опозорил себя, оставшись в нашей отечественной истории персонажем только однозначно негативным.

В то время когда ее авангард штурмовал Борисов, 3-я Западная армия была на марше туда из Жодино. Но несмотря на все предпринятые усилия ускорить движение походных колонн, она прибыла на поле боя, когда уже все было кончено. На следующий день войска армии сосредоточились в Борисове, а авангард выдвинулся вперед и расположился на Оршанской дороге. Таким образом, за 24 дня в сложных условиях предзимья войска 3-й Западной армии совершили марш с берегов Западного Буга до реки Березина, общая протяженность которого составила около 450 км. Значительная часть этого пути была пройдена с боями. Воля царя и приказ главнокомандующего — выйти на пути отхода армии Наполеона и преградить ей дорогу на запад — 3-й Западной армией адмирала П.В. Чичагова были успешно выполнены. Наполеон с остатками своей «Великой армии» в это время только что переправился через Днепр. Дальнейший его путь лежал к Березине.

ГЛАВА 5

Разгром врага

5.1. Гром победы, раздавайся!

Партизанские отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера, действовавшие после Вязьмы южнее Смоленской дороги, 26 октября (7 ноября) выдвинулись в район западнее Ельни. В селе Ляхово в то время находилась французская бригада генерала Ж. Ожеро (более 2,5 тыс. человек), входившая в состав дивизии генерала Л. Бараге д'Илье. Эта бригада была выдвинута из Смоленска в район Ельни по приказу Наполеона и предназначалась для содействия его плану прорыва на Калугу через Ельню. После отказа Наполеона от намеченного плана Бараге д'Илье был послан приказ возвратиться в Смоленск. Однако до адресата он не дошел, и войска продолжали оставаться в ранее занимаемых районах. Обнаружив изолированное положение отряда Ожеро, партизанские командиры приняли решение атаковать его. Но поскольку собственных сил у них было недостаточно (в трех отрядах насчитывалось всего около 1200 человек), то они обратились за содействием к находившемуся поблизости генералу Орлову-Денисову. Отряд последнего состоял из шести казачьих и Псковского драгунского полков и насчитывал около 2 тыс. человек¹. Откликнувшись на предложение партизан, Орлов-Денисов сра-

зу же соединился с ними и объединив их под своим командованием, выступил против Ожеро. Предварительно им был выслан сильный отряд к Долгомостью, где находились главные силы Бараге д'Илье, чтобы изолировать от них бригаду Ожеро. Утром 28 октября (9 ноября) объединенный партизанский отряд, насчитывающий до 1,5 тыс. человек, окружил французскую бригаду. Для противника это явилось полной неожиданностью: он никак не мог взять в толк, откуда могли появиться здесь русские войска. Атакованный одновременно со всех сторон неприятель оказал яростное сопротивление. Орлов-Денисов предложил генералу Ожеро капитулировать, но получил решительный отказ. Тем временем Бараге д'Илье, узнав о грозящей Ожеро опасности, выслал ему на помощь отряд кирасиров. Орлов-Денисов был вынужден направить против них часть войск из-под Ляхово. Получив подкрепление, отходивший из-под Долгомостья наш отряд, в свою очередь, контратаковал врага. В ходе ожесточенного кавалерийского боя французы были опрокинуты и обратились в бегство. Казаки и драгуны преследовали их на протяжении 5 км, пока не прижали к болотистому ручью, где и завершили полное уничтожение противника. 700 французских кирас, снятых с убитых, явились убедительным подтверждением одержанного успеха. Этот трофей Орловым-Денисовым был передан в дар псковским драгунам, наиболее отличившимся в бою под Долгомостью. Псковский драгунский полк, возглавляемый полковником А. А. Зассом, по существу, решил исход этого боя.

После ликвидации угрозы со стороны Долгомостья Орлов-Денисов повторил Ожеро свое требование о сдаче, добавив, что Бараге д'Илье также окружен. Французский генерал лично выехал для переговоров. К этому времени его бригада уже понесла большие потери («Все поле, на котором было действие, покрыто его (противника. — *Прим. авт.*) телами», — отмечал очевидец)². Надежды на помощь извне рассеялись. Положение было безвыходным. Все эти причины заставили генерала Ожеро прекратить сопротивление и сложить оружие. В плен кроме командира бригады сдались 60 офицеров и около 2 тыс. солдат³. «Победа сия, — писал М. И. Кутузов в донесении царю, — тем более знаменита, что при оной еще в первый раз в продолжение нынешней кампании неприятельский корпус сдался нам»⁴.

Наступившая ночь помешала Орлову-Денисову сразу же обратиться против Бараге д'Илье. Тот же, не преминув воспользоваться этим, поспешил отступить к Смоленску. За победу при Ляхово генерал-майор граф В.В. Орлов-Денисов был награжден алмазными знаками к ордену святой Анны 1-й степени.

В тот же день Платов нанес поражение корпусу вице-короля Е. Богарне на реке Вопь⁵. Наполеон направил этот корпус от Дорогобужа через Духовщину к Витебску. 26 октября (7 ноября) Е. Богарне переправился через Днепр в Дорогобуже и двинулся к Духовщине. Платов, своевременно обнаруживший этот маневр неприятеля, устремился вслед за ним по Духовщинской дороге. Быстро нагнав противника, он начал неотступно преследовать его по пятам и одновременно совершать с разных сторон непрерывные налеты на отступающие колонны итальянских войск. За два первых дня преследования казаки захватили до 3 тыс. пленных и 64 орудия, брошенных противником на дороге⁶. Итальянцам предстояла переправа через реку Вопь. В ночь на 28 октября (9 ноября) Е. Богарне выслал своих саперов вперед для наведения переправы. Однако в результате осеннего паводка и начавшегося ледохода построенный итальянцами мост был снесен. Прибывшие первыми к переправе обозы в беспорядке сгрудились на берегу. Вскоре сюда стали подходить и войска. Беспорядок нарастал. Казаки наседали. Вице-король усилил свой арьергард одной дивизией, поставив ему задачу во что бы то ни стало задержать русских, а остальным войскам приказал переходить реку вброд. Вскоре выяснилось, что переправить артиллерию через реку возможности нет: все спуски к реке быстро вышли из строя. О спасении обозов уже никто и не помышлял. В создавшейся обстановке в рядах противника началась страшная паника. Артиллеристы выпрягли лошадей и, бросив орудия, устремились в обоз спасать свое имущество. Вслед за ними туда же бросились кавалеристы и пехотинцы. Начался дикий грабеж, в ход пошло оружие, загремели выстрелы. Нагруженные добычей солдаты бросались в реку и массами тонули в ее ледяных волнах. Эту беспорядочную, стихийную переправу через реку Вопь сами французы считают одной из наиболее губительных за всю кампанию 1812 года.

Тем временем под натиском казаков Платова арьергард итальянцев был отброшен за реку. В бою на реке Вопь и переправе через нее противник потерял более 2 тыс. человек убитыми и утонувшими, до 3,5 тыс. пленными, 23 орудия и весь свой обоз⁷. После этого разгрома в 4-м пехотном корпусе вице-короля осталось всего 12 пушек. Наступившая метельная и морозная ночь еще более усугубила бедствия промокших до нитки после ледяной купели в Вопи итальянцев. Немало их после этого кошмарного, жуткого до умопомрачительства ночлега так и осталось навечно лежать в русских снегах. А утром следующего дня совершенно потерявшее боеспособность, голодное и полумерзшее итальянское войско неорганизованными толпами направилось к Духовщине. Все усилия командира корпуса и его генералов навести хоть какое-то подобие порядка в войсках ни к чему не привели. Войска почти полностью вышли из повиновения.

На подходе к Духовщине путь итальянцам преградила казачья бригада полковника В.Д. Иловайского 12-го, составлявшая авангард отряда генерала П.В. Голенищева-Кутузова. Вице-король во главе своей гвардии атаковал казаков, отбросил их и занял Духовщину. Отсюда он послал донесение Наполеону, в котором извещал о своем поражении и испрашивал дальнейших указаний. Поскольку гонцу с донесением проехать в Смоленск было невозможно, так как все дороги находились под контролем казаков, то для его сопровождения была выделена целая пехотная дивизия, вернее ее остатки. В Духовщине Е. Богарне не нашел никакого продовольствия, город был пуст. Идти к Витебску без продовольствия, без артиллерии, имея в своем распоряжении почти полностью деморализованные и потерявшие боеспособность остатки частей было бессмысленно. Поэтому, предоставив своим войскам в Духовщине суточный отдых и не дожидаясь указаний императора, вице-король принимает решение идти в Смоленск на соединение с главными силами. Уходя, он сжег Духовщину. Преследуемые Платовым остатки 4-го пехотного (итальянского) корпуса 31 октября (12 ноября) вступили в Смоленск, где в этот же день сосредоточились все корпуса «Великой армии». 29 октября (10 ноября) войсковой атаман Войска Донского генерал от кавалерии М.И. Пла-

тов за свои заслуги в Отечественной войне 1812 года получил титул графа⁸.

Матвей Иванович Платов был одним из старейших и наиболее заслуженных генералов российской армии. Один из сподвижников великого Суворова еще со «времен очаковских и покоренья Крыма», герой Очакова и Измаила, он пользовался большим авторитетом в армии. Яркие отблески героической суворовской славы сверкали на нем в неменьшей степени, чем на других учениках и соратниках А.В. Суворова, таких как Кутузов, Багратион или Милорадович. Все они были видными представителями славной когорты суворовских чудо-богатырей, ставших к тому времени уже почти живой легендой.

Атаман Платов родился 6 (17) августа 1751 г. в станице Старочеркасской (ныне Аксайский район Ростовской области). Происходил из донских дворян, в роду которых военная служба считалась наследственной. Именно за ратные заслуги на царской службе один из предков Платова был в свое время удостоен дворянского звания. В 1812 г. Матвеем Ивановичу было уже за 60, из которых 48 лет он посвятил военной службе. Ратную службу Платов начал в 13-летнем возрасте, когда был зачислен урядником в один из донских казачьих полков. Отечественная война 1812 года была для него уже восьмой по счету, в которой ему довелось участвовать. А первой была Русско-турецкая война 1768–1774 гг., с которой и началось боевое поприще самого прославленного из донских атаманов. В начале этой войны Платов был произведен в офицеры и вскоре получил в командование казачью сотню. Во главе ее юный офицер отважно сражался с турецкими янычарами и крымскими татарами, участвовал во многих стычках и боях. Выдающаяся храбрость и завидное усердие в службе, воинская смекалка и рано проявившиеся хорошие командирские качества обратили на него внимание высшего начальства, способствовали быстрому продвижению по служебной лестнице. Уже в 20 лет Платов стал командиром казачьего полка. Еще до назначения на эту должность он особо отличился при взятии татарской крепости Перекоп. Это и сыграло решающую роль при выдвижении молодого казачьего офицера на столь высокую для его возраста командную должность. И Платов полностью оправдал доверие командования.

М.И. Платов. Художник В. Тропинин. 1812 г.

В 1772 г. в бою на реке Калалы (Крым) он с небольшим отрядом казаков сумел отразить мощный удар 20-тысячного корпуса крымских татар, предводимых принцем Шабаз-Гиреем, продержаться до подхода подкреплений, не отступив ни на шаг, а затем вместе с ними завершить разгром врага. В конце войны Матвей Иванович сражался на Кубани против горцев и поддерживавших их турок. Войну закончил в чине войскового старшины. Затем вместе со своим полком участвовал в подавлении восстания, возглавляемого Е.И. Пугачевым (1775). После этого еще три года вел борьбу с остатками повстанческих отрядов, продолжавших сопротивление на территории Казанской и Воронежской губерний. В 1782–1784 гг. казачий полк Платова нес службу сначала в Крыму, а затем под командованием А.В. Суворова снова сражался с горцами на Кубани. Именно там, в предгорьях Кавказа, в непрерывных схватках с воинственным противником М.И. Платов впервые начал постигать на практике суворовскую «Науку побеждать». В 1787 г. он был произведен в полковники.

Новую боевую славу и известность Платову принесла Русско-турецкая война 1787–1791 гг. Эту войну он начал в рядах Ека-теринославской армии Г.А. Потемкина. Участвовал в осаде и взятии мощной турецкой крепости Очаков (1788). Во время ее штурма полк Платова действовал на направлении главного удара, наступая на сильно укрепленный замок Гассан-паши — основной опорный пункт в обороне противника. На следующий год, командуя небольшим отдельным отрядом казаков и конных егерей, полковник Платов разбил численно превосходящего неприятеля в бою под Каушанами, пленив трехбунчужного турецкого пашу. За этот подвиг он был произведен в бригадиры. Через две недели бригадир Платов принудил к сдаче крепость Аккерман, гарнизон которой капитулировал без боя. А в конце 1790 г. боевая судьба вновь свела его со своим бывшим командиром Суворовым. Произошло это под стенами грозного Измаила, взять который Потемкин приказал А.В. Суворову. При штурме этой, как считалось, неприступной турецкой крепости Платов командовал 5-й штурмовой колонной. Его соседом слева был генерал-майор М.И. Кутузов, командовавший 6-й колонной. За мужество и героизм, проявленные при взятии Измаила, Мат-

вей Иванович был награжден орденом Георгия 4-й степени — высшей офицерской наградой российской армии, а по заключении мира с Турцией в 1791 г. произведен в генерал-майоры. Не прошло и пяти лет, как Платов снова встал в боевой строй. На этот раз ему предстояло принять участие в Персидском походе 1796 года, который возглавил граф В.А. Зубов. Командуя авангардом русского войска, Платов и его донцы имели почти ежедневные стычки и бои с неприятелем, отличились при взятии крепости Дербент, а затем, перейдя реку Самур, овладели крепостями Куба и Баку.

Заслуги Матвея Ивановича в Персидском походе 1796 года были вознаграждены орденом Владимира 3-й степени и саблей, украшенной алмазами. В 1798 г. он получил от императора Павла I Командорский крест ордена св. Иоанна Иерусалимского (этот мальтийский орден был учрежден новым императором, принявшим титул великого магистра Мальтийского ордена, вместо ордена св. Георгия, награждение которым при Павле I было прекращено; в данном случае Командорский крест являлся аналогом ордена Георгия 3-й степени). Но в правлении сумасбродного Павла I времена были полны парадоксов: сегодня тебя награждали или объявляли о производстве в следующий чин, а завтра могли без каких-либо объяснений изгнать из армии или, еще хуже, бросить на тюремные нары. Сию превратность судьбы испытали тогда многие русские генералы и офицеры, начиная от генерал-фельдмаршала А.В. Суворова и кончая самым заурядным прапорщиком какого-нибудь заштатного гарнизона. Не миновала она и казачьего генерала М.И. Платова. В том же 1798 г. он был неожиданно арестован по абсурдному обвинению (участие в военном заговоре против царя) и сослан в Кострому, а вскоре как государственный преступник заключен в Петропавловскую крепость. Более года провел Матвей Иванович в заточении. В январе 1801 г. он также неожиданно был освобожден и назначен главным помощником войскового атамана Войска Донского. В сентябре 1801 г. император Александр I произвел Платова в генерал-лейтенанты и назначил войсковым атаманом Войска Донского. Новый атаман провел ряд усовершенствований, направленных на улучшение организационной структуры вверенного ему войска и повышение его мо-

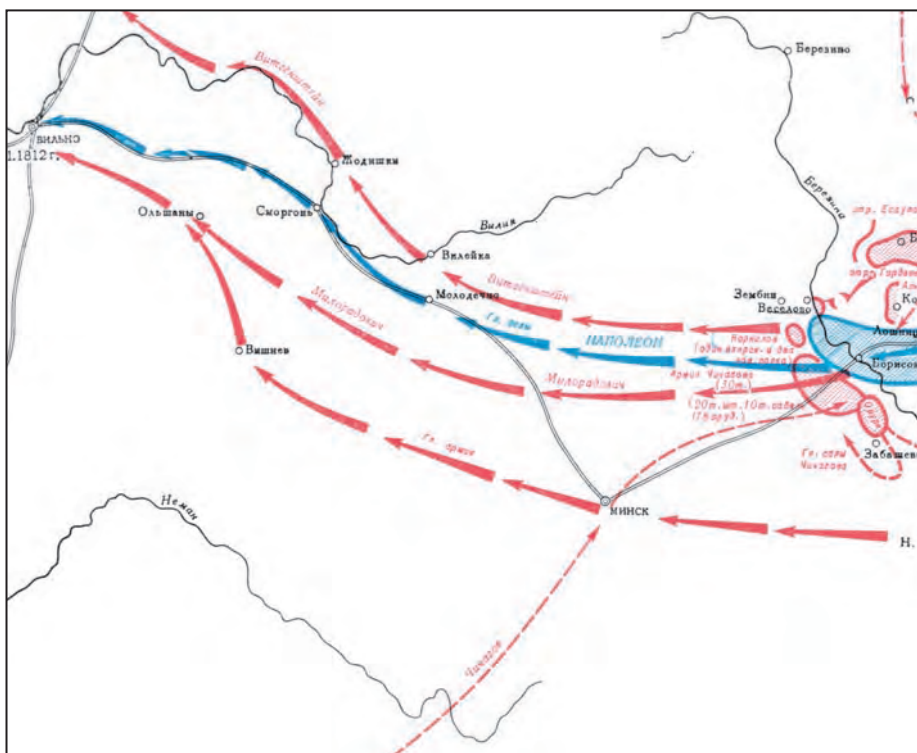
билизационных и боевых возможностей. По инициативе Платова столица донских казаков была переведена в Новочеркасск. В войну с Наполеоном 1806–1807 гг. Платов командовал всеми казачьими войсками Действующей армии. Он прибыл в армию в феврале 1807 г., накануне сражения при Прейсиш-Эйлау, в котором принял активное участие. Затем командовал авангардом русской армии, перешедшей к преследованию отступающего Наполеона. В дальнейшем умело руководил действиями казачьих частей на ТВД. Ведя «малую войну» против неприятеля, непрерывно держа его в постоянном напряжении, нанося удары по его флангам и тылу, нарушая коммуникации и снабжение войск, казаки нанесли немалый урон наполеоновской армии. За эту кампанию Матвей Иванович был награжден орденами Владимира 2-й степени и Александра Невского. Высшим орденом Пруссии наградил его и прусский король.

После заключения Тильзитского мира (1807) атаман Платов отправился на Дунай, где шла очередная Русско-турецкая война 1806–1812 гг. Там он сначала возглавлял казачьи войска Молдавской армии, а затем командовал корпусом (1809). 22 августа овладел крепостью Гирсово, а через восемь дней другой крепостью — Кюстенджи. 4 сентября отличился в сражении при Расевате, где было наголову разгромлено турецкое войско Хозрев Мегмет-паши. Столь же успешно корпус Платова действовал 10 октября и в сражении при Татарнице, где было разбито войско сераскира Пегливана. За кампанию 1809 года, которую Платов провел под главным командованием князя П.И. Багратиона, он был удостоен награждения орденом Георгия 2-й степени и произведен в полные генералы (генерал от кавалерии). В начале 1810 г. Платов покинул Действующую армию и возвратился на Дон, а затем приехал в Петербург, где находился до весны 1812 г. Накануне Отечественной войны 1812 года вступил в командование всеми казачьими войсками, находившимися на западной границе империи. Вскоре по инициативе Матвея Ивановича большая часть их (14 полков) была сведена в отдельный Казачий корпус, командование которым он принял на себя. Этот корпус дислоцировался в районе Гродно. При отступлении 2-й Западной армии Багратиона от границы к Днепру Платов командовал ее арьергардом. Действуя искусно и реши-

тельно, он уже в первые дни войны нанес ряд серьезных поражений противнику — в том числе под Кареличами (26 июня) и у местечка Мир (27–28 июня). Это были первые победы русских войск над врагом в Отечественной войне 1812 года. При отступлении армии к Москве снова командовал арьергардом. В ходе Бородинского сражения вместе с генералом Ф.П. Уваровым нанес знаменитый внезапный удар во фланг и тыл наполеоновской армии, который оказал большое влияние на дальнейший ход и исход боевых действий в этом сражении. Однако в силу ряда причин Платов и Уваров в полном объеме поставленную перед ними Кутузовым задачу не выполнили, что вызвало большое недовольство главнокомандующего. Следствием этого явилось то, что оба эти генерала (чуть ли не единственные из всех, участвовавших в сражении) не были представлены к наградам за Бородинское сражение. Более того, донской атаман после Бородино попал даже в опалу у своего старого боевого товарища фельдмаршала М.И. Кутузова, был отстранен от командования и числился состоящим при главной квартире главнокомандующего. Снова к активной боевой деятельности М.И. Платов вернулся только накануне сражения под Малоярославцем. С этого времени начинается новый этап боевой деятельности Матвея Ивановича в Отечественной войне 1812 года. Он принимает самое активное участие в преследовании отступающей наполеоновской армии. 19 (31) октября Платов во главе 20 казачьих полков настигает у Колоцкого монастыря арьергард Наполеона и наносит ему поражение. Затем казаки Платова, неотступно преследуя врага, внесли весомый вклад в дело его разгрома под Вязьмой (22 октября) и продолжили преследование в направлении Смоленска.

Геройские подвиги донских казаков в 1812 г. принесли возглавлявшему их атаману М.И. Платову широкую известность. Среди казачества он пользовался большой популярностью и непререкаемым авторитетом. Вся внешность донского атамана в полной мере соответствовала облику воина, которого не могли поколебать ни возраст, ни долговременная служба, ни старые, полученные в бесчисленных боях и сражениях раны. Он очень искусно умел сохранять золотую середину между простотой своих предков, казаков-станичников, и до-

стоинством знатного вельможи. Дом его всегда был открыт для каждого. Гостеприимство и хлебосольство войскового атамана были хорошо известны не только на Дону, но и далеко за его пределами. Свой талант военачальника, огромный боевой опыт Платов сочетал с личной храбростью, поразительным хладнокровием в критические моменты и полным презрением к опасностям. В боевой обстановке он разделял с рядовыми казаками все трудности и лишения походно-боевой жизни, не делая для себя никаких исключений, проявлял большую заботу о подчиненных, вникал в их нужды и чаяния. Уже находясь в довольно пожилом возрасте, Матвей Иванович нередко, как и в годы своей боевой юности, личным примером увлекал казачьи полки в лихие конные атаки. В благодарной памяти потомков воинская слава атамана М.И. Платова и его боевые подвиги пережили века. Подтверждением этому слу-

жит недавнее восстановление в Новочеркаске памятника знаменитому атаману.

Наполеон с гвардией прибыл в Смоленск 29 октября (10 ноября)⁹. В последующие дни к городу один за другим подходили измученные тяжелыми переходами, наполовину разбитые корпуса его армии. С момента начала отступления главная группировка «Великой армии», находившаяся под командованием самого Наполеона, потеряла уже более половины своего состава. Теперь в ее рядах насчитывалось не более 50 тыс. человек. Некоторые корпуса сохранили только свои названия. Например, в корпусах Жюно и Понятовского в строю оставалось лишь по 700–800 солдат. Кавалерия насчитывала не более 5 тыс. сабель. О состоянии французской армии в этот период красноречивее всего свидетельствует доклад маршала Бертье, представленный им Наполеону в день вступления в Смоленск:

Березина. Преследование наполеоновской армии

«Они (корпуса. — *Прим. авт.*) почти в совершенном разброде. Только четвертая часть солдат остается при знаменах; прочие идут сами по себе, разными направлениями, стараясь сыскать пропитание и избавиться от службы. Все думают только о Смоленске, где надеются отдохнуть. В последние дни много солдат побросали патроны и ружья... солдаты изнурены голодом и усталостью, многие умерли на дороге и на биваках. Такое бедственное положение беспреестанно усиливается и подает опасение, что если скоро не отвратим его, то не будет у нас войск в сражении»¹⁰.

В день прибытия Наполеона в Смоленск ему одно за другим доставили несколько крайне неприятных донесений: о капитуляции генерала Ожеро в Ляхово; о разгроме вице-короля на реке Вопь; о взятии русскими Витебска и об отступлении маршалов Виктора и Гувиона Сен-Сира перед Витгенштейном; о движении Чичагова на Минск. Все эти известия поступили к Наполеону, когда он был в крайне раздраженном состоянии: накануне он получил донесение из Парижа о неудавшейся там попытке антиправительственного мятежа, во главе которого стоял отставной республиканский генерал К. Мале.

Надежды Наполеона найти в Смоленске продовольствие не осуществились. Его запасы оказались крайне скудными. Их едва хватило лишь для гвардии и первых вслед за нею вступивших в город войск. Народное восстание на Смоленщине не позволило французским чиновникам выполнить приказ императора о создании необходимых продовольственных запасов, а казенные деньги, выделенные на закупку продовольствия у населения, когда выявилась явная несостоятельность этого мероприятия, были ими разворованы. В припадке гнева Наполеон приказал расстрелять главного провиантского чиновника.

Император сразу же понял, что в создавшейся обстановке оставаться в Смоленске, как планировалось ранее, невозможно, и не только по причине недостатка в запасах, но и из-за угрозы его коммуникациям, исходящей от Витгенштейна и Чичагова. Спешить надо было и потому, что русские войска и партизаны со всех сторон обложили Смоленск, а главные силы Кутузова выходили западнее Смоленска на пути отхода «Великой армии». Тем не менее, опираясь на имеющиеся в его распоря-

Отступление Наполеона. Художник А. Нортерн. 1851 г.

жении силы и надеясь на соединение с корпусами Виктора и Гувиона Сен-Сира, Наполеон не терял надежды стать на зимние квартиры между Могилевом, Оршей и Полоцком и создать себе условия для нового похода. В случае неудачи он считал возможным отойти дальше на запад, оставив Белоруссию. Однако тотчас же покинуть Смоленск было нельзя, необходимо было дождаться сосредоточения здесь всей армии, находившейся еще между Смоленском и Соловьевой переправой.

Французские войска отходили к Смоленску с ликованием: они надеялись найти здесь то, что им обещали их начальники, — необходимую пищу, теплые зимние квартиры, конец всем тяготам и лишениям. По мере приближения к городу порядок в их рядах все чаще и чаще нарушался. И вот наконец, когда показались крепостные стены Смоленска, многотысячные беспорядочные толпы рванулись в город. От тесноты в воротах возникла невероятная давка с многочисленными человеческими жертвами. Тут и там вспыхивали крупные драки,

Бедственное положение французской армии во время отступления из Москвы.

Раскрашенная гравюра М. Дюбурга по оригиналу Д. Аткинсона. 1813 г.

гремели выстрелы, падали сраженные пулями или штыками своих же сотоварищей... Но массы людей, не останавливаясь и шагая по трупам, продолжали ломиться вперед. Однако там их ждало жестокое разочарование — ни сытной пищи, ни желанного жилья там не было, а был приказ, не останавливаясь, идти дальше... В эти дни Смоленск представлял собой ужасное зрелище. В результате быстрого, хотя и кратковременного похолодания до -20°C резко увеличилась смертность. Весь город был буквально завален трупами, забит пушками и обозами. Солдаты, спасаясь от мороза, кутались во что попало (женские салоны, поповские рясы, стихари, рогожи и т.п.), ноги заматывали соломой.

После четырехдневного пребывания в Смоленске Наполеон, не дав как следует отдохнуть своим войскам и не успев привести их в порядок, решил отступить дальше на запад¹¹. За эти дни им была проведена некоторая реорганизация армии. Так, все конные полки, когда-то составлявшие четыре резервных кавалерийских корпуса, теперь были сведены в один. Его возглавил генерал В. Латур-Мобур. Часть безоружных солдат была вновь

вооружена и поставлена в строй. Некоторые понесшие большие потери части были расформированы, а их личный состав пошел на доукомплектование других частей.

Весь трагизм положения Наполеона заключался не только в огромных потерях армии, но и в невозможности подкрепить ее свежими силами. Если еще в Дорогобуже он ободрял своих маршалов надеждой на занятие прочной позиции под Смоленском и прекращением дальнейшего отступления, то теперь вся бесплодность этих мечтаний стала очевидной. Ни о каком серьезном сопротивлении в сложившейся ситуации уже нельзя было и думать.

Французская армия выступила из Смоленска пятью эшелонами. 1 (13) ноября по направлению к Красному двинулись остатки корпусов Жюно и Понятовского, гвардейская артиллерия, спешенные кавалеристы, артиллерийские парки и обозы. На следующий день выступил сам Наполеон с гвардией, 3 (15) ноября — корпус Е. Богарне, 4 (16) ноября — корпус Даву и наконец 5 (17) ноября — корпус Нея. Покидая город, враг поджег его и взорвал крепостные сооружения.

Почти целую неделю шли колонны французских войск и обозы по дороге к Красному и далее на Оршу. Установленные Наполеоном интервалы между ними объяснялись его желанием предоставить войскам возможность в связи с наступившими холодами располагаться на отдых в населенных пунктах. Однако, расчленив армию на отдельные, изолированные друг от друга эшелоны, он тем самым невольно создал русским благоприятные условия для ее разгрома по частям. И Кутузов не замедлил воспользоваться этим.

Под Смоленском М.И. Кутузов повторил в новом варианте свой Тарутинский марш-маневр. Он осуществил диагональный марш-маневр через Ельню к Красному, чтобы перехватить там отступающего Наполеона. Проведя два дня в Ельне, главные силы русской армии 29 октября (10 ноября) выступили на Рославльскую дорогу, через день повернули на Мстиславльскую дорогу и 1 (13) ноября подошли к селу Щелканово (30 км южнее Смоленска). На следующий день Кутузов выступил из Щелканово и двинулся к Красному, наперерез французской армии. С целью разведки и выявления намерений противника им были

высланы вперед два сильных «летучих» отряда — графа Орлова-Денисова и графа Ожаровского.

На пути к Красному Орлов-Денисов разгромил несколько французских депо, взяв при этом до 1,5 тыс. пленных, и, что гораздо важнее, захватил направлявшийся в Смоленск большой обоз с продовольствием (400 телег), стадо рогатого скота и 1000 лошадей¹². Затем он атаковал ночью в селе Червонное (30 км восточнее Красного) остатки польского корпуса Понятовского, направлявшиеся в Могилев и далее в Польшу на переформирование. Хотя полякам и удалось отразить внезапное нападение казаков, но увидев, что дорога на Могилев отрезана, они были вынуждены возвратиться в Смоленск. Основная задача, поставленная главнокомандующим перед Орловым-Денисовым, была им успешно выполнена — удалось установить, что Наполеон оставил Смоленск и отступает через Красный на Оршу. В этой связи Орлов-Денисов решил атаковать противника на марше и просил Кутузова выслать подкрепления. Главнокомандующий отдал распоряжение сформировать два отряда под командованием генерал-майоров Н.М. Бороздина и М.К. Крыжановского и немедленно направить их на помощь Орлову-Денисову. Одновременно авангарду Милорадовича, повернувшему из района западнее Дорогобужа на Ляхово и теперь уже обходившего Смоленск с юга, Кутузов приказал усиленными маршами идти к Красному и преградить там пути отхода врагу.

В эти же дни М.И. Кутузов предпринял ряд мер для установления непосредственной связи с корпусом Витгенштейна, находившимся в районе Чашников. К нему с небольшим отрядом был направлен полковник А.Н. Сеславин. Находившийся в Духовщине отряд генерал-майора П.В. Голенищева-Кутузова получил приказание идти на соединение с графом Витгенштейном.

В конце октября (начале ноября) высокой эффективностью отличались действия «летучих» отрядов. Действуя по проселочным дорогам, прилегавшим к основному тракту, вдоль которого отступала французская армия, они уничтожали или захватывали в плен отдельные группы противника. Так, 1 (13) ноября «летучий» отряд Орлова-Денисова атаковал и уничтожил вражеский отряд численностью до 1000 человек. Более 500 французских солдат пали в бою, остальные были пленены¹³. В тот же

С оружием в руках — расстрелять! Художник В. Верещагин. 1887–1895 гг.

день генерал Н. М. Бороздин разгромил другой французский отряд численностью до 700 человек¹⁴. Другие отряды, в том числе и партизанские, совершали стремительные налеты на колонны противника по всем дорогам, ведущим от Смоленска к Красному и далее к Орше, наносили им большой урон, добывали ценные разведывательные сведения, разбрасывали на путях отхода врага листовки и прокламации, изготовлявшиеся в штабе Кутузова¹⁵. Такого рода «малая война» и проводимая в ходе ее агитационная работа производили большой эффект. Они серьезно подрывали остатки боеспособности наполеоновской армии.

Надо сказать, что в ходе стремительного преследования противника русская армия испытывала не меньшие трудности, чем сам противник. Об этом необходимо упомянуть хотя бы потому, что в абсолютном большинстве трудов по Отечественной войне 1812 года внимание читателя обыкновенно заостряется лишь на бедствиях, которые довелось перенести французам. На самом же деле неблагоприятные погодные условия были одинаковы для обоих противников. Другое дело, что русские солдаты были более привычны к ним и преодолевали их более мужественно, нежели разноплеменные войска Наполеона, среди которых было много уроженцев южных стран. Что касается

Н.М. Бороздин.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

снабжения войск, особенно продовольствием и фуражом, то обе армии вели боевые действия на местности, уже опустошенной в ходе летней кампании. А то, что еще можно было найти, забирала французская армия, которая, как известно, двигалась впереди русской. Чем дальше продвигалась вперед русская армия, чем более растягивались ее коммуникации, тем больше возникало трудностей со снабжением. Уже после сражения под Вязьмой в донесениях Милорадовича и Платова Кутузову все настойчивее начинают звучать тревожные нотки о недостатке продовольствия и усталости войск¹⁶. И это было вполне объяснимо. При том стремительном преследовании противника, которое осуществляла русская армия, за ней не поспевали ни войсковые обозы, ни подвижные магазины с продовольствием и фуражом. Пока войска питались за счет десятидневного запаса, выданного на руки и в ротные обозы еще в Тарутино, недостаток в продовольствии и фураже особенно не ощущался, но как только этот запас иссяк, продовольственная проблема встала во всей своей остроте. Командование армии, конечно, принимало необходимые меры по исправлению создавшегося положения, но для того чтобы они заработали в полную силу, нужно было определенное время¹⁷. А пока командиры и начальники всех степеней,

проявляя высокое мастерство и незаурядную находчивость, выкручивались, как могли. Например, Милорадович в самые голодные дни говорил своим войскам: «Чем меньше хлеба, тем больше славы!» Обычные «Ура!» и «Рады стараться!» гремели в ответ любимцу солдат¹⁸.

Несмотря на все стоящие на их пути трудности, русские войска безостановочно, не давая врагу ни дня передышки, гнали его на запад. Под их непрерывными и мощными ударами некогда непобедимая «Великая армия» Наполеона бежала к Днепру. Весь путь победоносного шествия российской армии от развалин сгоревшего дотла Малоярославца до опаленных огнем войны древних стен Смоленска был устлан трупами врага, брошенными им обозами, пушками, различным оружием и снаряжением. Освобождая шаг за шагом священную русскую землю от иноземных захватчиков, российские полки гордо несли вперед, на запад, свои овеянные славой побед боевые знамена, с каждым днем приближая заветный час полного и окончательного изгнания врага из пределов Отечества.

В один и тот же день, 2 (14) ноября, выступили к Красному Наполеон из Смоленска, Кутузов из Щелканово. В это время их разделяло расстояние в 30 км. Французы шли к Красному с северо-востока, русские — с юго-востока. Первым предстояло совершить 40-километровый переход, вторым — 50-километровый. В Щелканово тогда Кутузов еще не имел точных данных о намерениях Наполеона. Отдельные сведения, полученные им из различных источников, говорили о том, что противник предполагает отступить из Смоленска дальше на запад, но по какой именно дороге, однозначного ответа не было. Назывались три вероятных направления — на Витебск, на Сенно и на Оршу. Поэтому, двинувшись на Красный и пройдя примерно треть пути, Кутузов остановил свои войска на дневку, чтобы дожидаться прояснения обстановки. Подоспевшее тем временем донесение от Орлова-Денисова окончательно развеяло его сомнения. Главные силы русской армии двинулись к Красному, наперерез армии Наполеона. Используя создавшуюся обстановку, М.И. Кутузов решил атаковать растянувшуюся по дороге из Смоленска на Красный французскую армию и разгромить ее по частям.

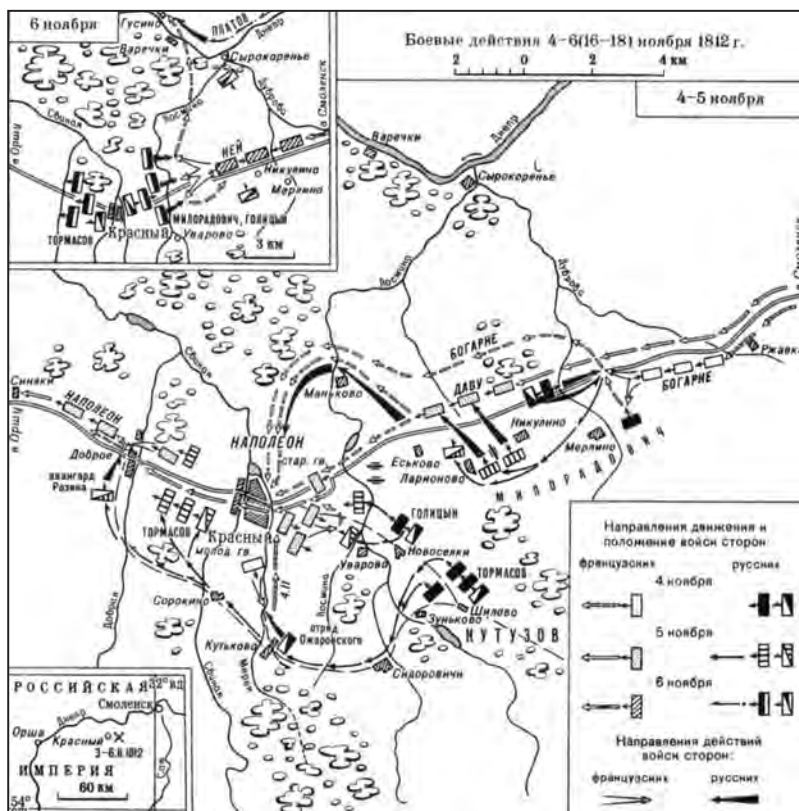
Милорадович во второй половине дня 3 (15) ноября вышел к столбовой дороге в районе селения Ржавки (15 км северо-восточнее Красного) и увидел двигавшуюся французскую гвардию. Появление крупных сил русских на Красненской дороге явилось для Наполеона полной неожиданностью. Милорадович выдвинул вперед артиллерию и приказал ей открыть огонь по противнику. Когда тот был приведен в расстройство, его атаковала конница генерал-адъютанта Е.И. Меллер-Закомельского. К этому времени Наполеон с главными силами своей гвардии (12–13 тыс. человек) уже прошел к Красному. Под удар попали лишь несколько небольших колонн ее арьергарда. Отрезанные от основных сил, они оказали упорное сопротивление, но отразить атаку русской конницы не смогли. В ходе ожесточенного боя французские гвардейцы были разбиты. Часть из них попала в окружение и была вынуждена положить оружие, другие повернули назад, к Смоленску, а третьи рассыпались по прилегавшему к Днепру лесу. Нашими войсками было захвачено 11 орудий. Наполеон, прорвавшийся к Красному, понял допущенную им ошибку, приостановил дальнейшее отступление и стал ожидать прибытия выходявших из Смоленска эшелонов. «Летучий» отряд Ожаровского, занявший накануне Красный, с большими потерями был выбит из него шедшей в авангарде наполеоновской гвардии польской дивизией (легион «Висла») генерала М. Клапареда.

После боя у деревни Ржавки Милорадович оставил на дороге небольшой отряд генерала Юрковского, а свои главные силы (16 тыс. человек) отвел на 4 км к юго-востоку и расположился на ночлег в селе Угрюмово.

В течение всей первой половины дня 14 (16) ноября передвижений французов по Красненской дороге не наблюдалось. Лишь около 15 часов у Ржавки показалась колонна 4-го пехотного корпуса Е. Богарне. Милорадович тотчас же выдвинул вперед 2-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса. Выйдя на столбовую дорогу, они развернулись фронтом на восток и преградили врагу путь на Красный. Параллельно дороге была развернута 26-я пехотная дивизия генерала Паскевича.

Вице-король, увидев, что дорога на Красный отрезана, построил свой корпус в боевой порядок, намереваясь осуществить прорыв. За ним следовали огромные толпы безоружных сол-

дат: отбившиеся от своих частей пехотинцы, потерявшие лошадей кавалеристы и лишившиеся орудий артиллеристы. Артиллерия, которой Наполеон снабдил своего пасынка в Смоленске взамен потерянной им на реке Вопь, была уже большей частью брошена итальянцами на последнем переходе из Смоленска. У вице-короля оставалось лишь 17 орудий. Тем не менее несмотря на подавляющее превосходство русских в силах, он решил проложить себе дорогу в Красный с боем. Одна колонна противника атаковала дивизию Паскевича, другая пошла напролом по столбовой дороге, а третья осталась в резерве. Неравный бой продолжался недолго. Противник был повсюду опрокинут, где штыками, а где контратаками кавалерии. Ми-

*Е.И. Меллер-Закомельский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

лорадович предложил неприятелю сдаться, но ответа не получил и приказал атаковать его. Итальянские войска были сбиты с большой дороги и рассеяны в разные стороны. Поражение врага было полным. Остатки итальянского корпуса, воспользовавшись наступившими вечерними сумерками, в обход деревни, проселками двинулись к Красному. В бою у села Мерлино 4-й пехотный (итальянский) корпус противника потерял до 2 тыс. человек, в том числе 1,5 тыс. пленными, одно знамя и все свои 17 орудий¹⁹.

Основные силы русской армии (3, 5, 6 и 8-й пехотные корпуса) сосредоточились в этот день в районе села Шилово, которое находилось в 6 км к юго-востоку от Красного. Перед ними на позиции у Красного стоял Наполеон с гвардией и остатками корпусов Жюно и Понятовского²⁰. Французский император ожидал здесь свои отступавшие из-под Смоленска корпуса. Получив известие о разгроме войск Е. Богарне, он понял, что маршалам Даву и Нею без больших потерь к Красному не прорваться. Исходя из этого Наполеон решил на следующее утро атаковать Кутузова. Его расчет строился на том, что, подвергшись нападению, Кутузов непременно подтянет к себе войска Милорадовича и тем самым освободит Красненскую дорогу для сво-

бодного прохода Даву и Нею. Вечером Наполеоном были отданы необходимые распоряжения к атаке. Основная роль отводилась гвардии, поскольку особых надежд на поляков и вестфальцев он уже не возлагал.

Одновременно готовился к решительному сражению и Кутузов. Он разделил свои войска на две части. Основные силы под командованием А.П. Тормасова (5, 6 и 8-й пехотные корпуса и 1-я кирасирская дивизия) получили задачу утром 5 (17) ноября выступить из села Шилово и, обойдя Красный с юга, выйти к селу Доброе (3 км западнее Красного), где преградить врагу путь отхода на запад. Отряду князя Д.В. Голицына (3-й пехотный корпус и 2-я кирасирская дивизия) была поставлена задача, перейдя в наступление из района Шилово, атаковать противника в Красном²¹. Авангард Милорадовича (2, 4 и 7-й пехотные, 1-й и 4-й кавалерийские корпуса) должен был, скрытно расположившись в районе селений Мерлино и Ржавка (10–15 км северо-восточнее Красного), пропустить корпус Даву к Красному, а затем ударить ему в тыл. Однако реализовать свой замысел Кутузову в полной мере не удалось.

Рано утром 5 (17) ноября Наполеон осмотрел передовую позицию русских в районе деревни Уварово (2,5 км юго-восточнее Красного) и, убедившись, что она занимается незначительными силами, приказал ее атаковать. Вследствие плохо организованной разведки ему не было известно, что главные силы русской армии находятся в глубине, у села Шилово. Атакованный противником в деревне Уварово Черниговский пехотный полк (3-й пехотной дивизии) оказал стойкое сопротивление. Сразу же с переходом французов в наступление командовавший здесь русскими войсками князь Д.В. Голицын послал подкрепление черниговцам, а затем выдвинул навстречу противнику 3-й пехотный корпус графа Строганова, занявший позицию за Лосминским оврагом. Вправо, к Красненской дороге, им была выслана кирасирская бригада. Занявшая огневые позиции на высотах восточнее Лосминского оврага русская артиллерия открыла сильный огонь по наступающему противнику, а также взяла под обстрел и Красненскую дорогу, куда Наполеон направил часть сил для открытия сообщения с маршалом Даву. Вскоре с обеих сторон загремела сильная артиллерийская канонада.

Д.В. Голицын.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Атаковать Наполеона ввиду недостатка сил князь Голицын не решался. Он обратился за поддержкой к Милорадовичу, находившемуся в 3–4 км северо-восточнее, но последний в это время уже вел бой с корпусом маршала Даву, двигавшимся по направлению к Красному. Батареи Милорадовича вели интенсивный обстрел Красненской дороги, по которой почти бегом проходили французские колонны. Стремясь быстрее выйти из-под сильнейшего артиллерийского огня, некоторые из них сходили с дороги вправо и укрывались в лесу. Затем по проселкам, окольными путями они пробирались к Красному. Когда войска Даву поравнялись с деревней Еськово (4 км от Красного), Милорадович вышел на дорогу и атаковал их с тыла. В результате этой атаки было захвачено в плен более 1000 вражеских солдат, 1 знамя и 13 орудий²². Однако предотвратить прорыв корпуса Даву к Красному Милорадовичу не удалось.

Князь Голицын, убедившись, что его правый фланг надежно обеспечен, двинул свои войска вперед, за Лосминский овраг. Чтобы задержать его наступление, Наполеон приказал полку гвардейских вольтижеров контратаковать русских. Навстречу противнику понеслись Новгородский и Малороссийский кирасирские полки, возглавляемые лично начальником 2-й ки-

расирской дивизии генерал-майором И.М. Дука. Свернувшись в каре, вольтижеры отбили их атаку. Но подоспевшая конно-артиллерийская батарея открыла огонь картечью по вражескому каре и быстро привела его в расстройство. После этого князь И.Л. Шаховской с двумя пехотными полками ударил в штыки и смял противника, а кирасиры генерала Дука, врубившись в ряды в беспорядке отступавших гвардейских вольтижеров, довершили их уничтожение. Из французской линии на помощь попавшему в затруднительное положение полку двинулись было войска, но, увидев его полный разгром, возвратились обратно. Все произошло очень быстро, буквально в течение получаса. Один из лучших полков наполеоновской гвардии был полностью уничтожен и прекратил свое существование. После этого Наполеон приказал своим войскам отступить. Причина такого необычного для императора решения заключалась в донесении, извещавшем его о том, что крупные силы русских приближаются к селу Доброе. То были войска Торماسова, приступившие с утра 5 (17) ноября к выполнению поставленной перед ними задачи. Наполеон сразу же оценил масштабы нависшей над его армией катастрофы. Отрезав ему путь отступления к Орше, Кутузов создавал реальную угрозу окружения французской армии в районе Красного. Прижатая русскими войсками к Днепру, она оказалась бы в безвыходном положении. Ждать Нея стало уже бессмысленно. Необходимо было принимать срочные меры по спасению основных сил армии. Поэтому, передав командование войсками в Красном маршалу Даву, Наполеон поскакал через Доброе к местечку Ляды (18 км западнее Красного), куда заблаговременно была выслана часть гвардии для обеспечения отступления.

Между тем Милорадович и Голицын продолжали усиливать натиск на противника. Особенно успешно действовала русская артиллерия, наносящая неприятелю большой урон. Среди особо отличившихся в бою под Красным была батарея полковника А.П. Никитина. Неся большие потери, французы отступали к городу. Вскоре их отступление превратилось в бегство. Одна из вражеских колонн, отступавшая слишком медленно, оказалась отрезанной от города. Атакованная Орденским и Екатеринбургским кирасирскими полками (2-й кирасирской дивизии),

*И.Л. Шаховской.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

которых вел в бой генерал-майор Н.В. Кретов, она была рассеяна и уничтожена: частью порублена, частью взята в плен. При этом особенно отличились екатеринославские кирасиры, которыми командовал полковник М.М. Волков.

Преследуя отступающего противника, русские войска с ходу ворвались в Красный и после непродолжительного боя овладели им. Выбитый из города противник (часть гвардии, остатки корпусов Даву, Е. Богарне, Жюно и Зайончека) начал поспешное отступление к Доброму. В бою под Красным враг потерял только пленными до 7 тыс. человек и 28 орудий²³.

Когда отряд Тормасова двинулся в обход противника, Кутузову стало известно о нахождении в Красном самого Наполеона. Это существенно меняло положение вещей. Дело в том, что сражение с Наполеоном в планы фельдмаршала никак не входило. Отдавая накануне диспозицию, Кутузов исходил из предположения, что основная масса французских войск, собравшихся в Красном, к утру отойдет к Лядам. Когда он убедился в обратном, то сразу же отказался от своего намерения стать на пути отступления всей наполеоновской армии. Тормасову было послано приказание остановиться. Стратегический план Кутузова сводился к тому, чтобы уничтожить вражескую армию,

не прибегая к решительному сражению. Этой цели наиболее полно отвечал избранный им способ параллельного преследования противника в сочетании с активными действиями «летучих» и партизанских отрядов. Именно непрерывная изнурительная «малая война», голод и зима, по мысли русского полководца, должны были до предела измотать врага, подорвать его боеспособность и подготовить почву для полного разгрома «Великой армии» Наполеона. Но сейчас, считал он, это время еще не наступило. Кутузов рассчитывал добиться максимальных результатов без излишнего пролития русской крови. Эту мысль он достаточно четко выразил в своем обращении к войскам Торماسова, горевших желанием сразиться с неприятелем и выразивших недовольство полученным запретом главнокомандующего. «За десятерых французов не отдам я и одного русского. Неприятель скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придем на границу?» — отпарировал фельдмаршал обращенные к нему упреки²⁴.

В 11 часов дня, когда к Кутузову поступило донесение о поражении, нанесенном Милорадовичем корпусу Даву, Тормасову было разрешено продолжить движение в тыл противнику. Впереди шел авангард (лейб-гвардии Егерский и Финляндский, лейб-кирасирские Его и Ее Величества и один казачий полки, рота легкой гвардейской артиллерии), возглавляемый генерал-майором бароном А.В. Розеном, командиром бригады 1-й кирасирской дивизии. Совершив трудный марш по бездорожью, по колону в снегу, авангард около 15 часов вышел к столбовой дороге. К этому времени главные силы отступавшего от Красного противника уже миновали Доброе, и только прикрывавший их отход аррьергард подходил к этому селению, загроможденному пушками и обозами и с одного конца уже объятому пламенем. Развернув войска в боевой порядок, генерал Розен под прикрытием стрелков и артиллерии с ходу атаковал врага. Гвардия, участвовавшая в сражении впервые после Бородино, шла в атаку с барабанным боем и развернутыми знаменами. Французы, сомкнув колонны, двинулись ей навстречу. Русские кирасиры, возглавляемые генерал-майором К.В. Будбергом (шеф лейб-кирасирского Его Величества полка) атаковали противника, но были отбиты. Тогда гвардейские егеря, предводимые генерал-

майором К.И. Бистромом 1-м, ударили в штыки. Враг встретил их батальным (залповым) огнем. Однако натиск русской гвардии был настолько мощным и неотразимым, что французы перед ним не устояли и начали отходить к селению. В этот момент последовал стремительный бросок лейб-гвардии Финляндского полка (командир — генерал-майор М.К. Крыжановский). Финляндцы ворвались в Доброе, где захватили шесть пушек. Сопrotивление противника в этом селе было быстро сломлено. Окруженный со всех сторон в охваченном пожаром населенном пункте, он был вынужден положить оружие. Много вражеских солдат, не успевших вовремя уйти из Красного, рассеялись по ближайшим лесам. Большинство из них пыталось найти спасение в бегстве на запад, но сделать это редко кому удавалось. Обычно, побродив день-другой по заснеженным лесам, они по ночам толпами выходили к нашим бивуакам, вымаливая кусок хлеба и место у огня. Постепенно даже часовые перестали обращать внимание на таких бродяг, наводнивших все окрестности.

Вскоре после разгрома арьергарда Даву под Добрым туда подошли главные силы Торماسова. Командующий отрядом поставил свои корпуса по обе стороны дороги фронтом на запад. Войска Милорадовича и Голицына в ожидании подхода корпуса маршала Нея продолжали оставаться в районе Красного, занимая позицию фронтом на восток. Наполеон был в Лядах, куда под вечер прибыла его гвардия. Хотя ее отступление от Красного до Лядов проходило по местности, контролируемой партизанами, однако помешать ему последние не смогли. Вспоминая эти события, знаменитый партизан Денис Давыдов описал картину, всю жизнь стоявшую у него перед глазами: «Подошла Старая Гвардия, посреди коей находился сам Наполеон... мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружья под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хоть одного рядового от этих сомкнутых колонн, но они, как гранитные, пренебрегая всеми усилиями нашими, оставались невредимы. Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти испытанных воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, белых ремнях, с красными султанами и эполетами, они каза-

В штыки! Ура! Ура! Художник В. Верещагин. 1887–1894 гг.

лись маковым цветом среди снежного поля... Колонны двигались одна за другою, отгоняя нас ружейными выстрелами и издаваясь над нашим вокруг них бесполезным наездничеством... Гвардия с Наполеоном прошла посреди казаков наших как стопушечный корабль между рыбачьими лодками»²⁵.

В боях 5 (17) ноября наполеоновская армия потеряла только пленными свыше 9 тыс. человек, в том числе 2 генералов и 52 офицера, 70 орудий, 6 знамен и штандартов и большое количество обозов. Среди различных трофеев в этот день был захвачен и маршальский жезл Даву. Потери русских убитыми и ранеными составили около 800 человек²⁶.

В результате поспешного отступления из-под Красного Наполеон бросил на произвол судьбы свой арьергард — корпус маршала Нея (8 тыс. пехоты, 300 кавалеристов и 12 орудий). Он выступил из Смоленска только 5 (17) ноября. Перед уходом Ней, исполняя приказ Наполеона, зажег город, вернее то, что от него осталось после страшного августовского пожара, и взорвал часть крепостных укреплений. На ряде намеченных к подрыву объектов, как и в Москве, взрывные устройства не сработали. Им было также брошено в городе более 2 тыс. больных и раненых французских солдат. Стоявший под Смоленском Платов, узнав накануне от перебежчика — польского капитана — о предстоящем уходе французов из города, оставил под Смоленском лишь 20-й егерский полк, а сам с главными силами двинулся вдоль правого берега Днепра к Орше. В оставленном противником городе русские егеря пленили свыше 2 тыс. оставшихся там после ухода арьергарда Нея вражеских солдат и офицеров (это кроме больных и раненых), захватили около 160 брошенных французами пушек и много других военных трофеев. Многие из оставшихся в Смоленске французских мародеров перебили местные жители.

Милорадович, которому был подчинен и отряд князя Голицына, ожидал Нея на позиции в 2 км восточнее Красного. Красненскую дорогу седлали 2-й и 3-й пехотные корпуса и кирасиры. Справа от дороги и параллельно ей располагался 7-й пехотный корпус Раевского, слева — кавалерия Корфа.

К утру 6 (18) ноября на землю пал густой туман, который долго не рассеивался. Около 15 часов казаки заметили движе-

М. Ней.

*Раскрашенная гравюра
неизвестного художника.*

1-я половина XIX в.

ние по дороге колонн противника. За ними тянулась огромная толпа безоружных, больных и раненых солдат, насчитывавшая около 8 тыс. человек. Французы подошли почти вплотную к русской позиции. Из-за ограниченной видимости они ее не смогли вовремя заметить. Шквальный огонь 40 орудий, ударивших внезапно и почти в упор по противнику, явился для него полной неожиданностью. В его рядах возникло замешательство, граничившее с паникой. Воспользовавшись моментом, 26-я пехотная дивизия Паскевича ударила в штыки. Не выдержав этого сокрушающего удара, враг дрогнул и побежал. Гвардейские уланы (командир лейб-гвардии Уланского полка генерал-майор А.С. Чаликов) довершили его разгром. Такая же участь постигла и французские колонны, которые вышли на наш левый фланг, где находился 2-й пехотный корпус князя Долгорукова. В разгар боя Милорадович подскакал к стоявшему в резерве Павловскому гренадерскому полку и прокричал, указывая на противника: «Дарю вам эти колонны!» Удар гренадеров был стремителен и неотразим. Много вражеских солдат полегло под их штыками, остальные спаслись бегством. Отбитый на всех пунктах, Ней примерно через час собрал свой корпус и пошел напролом, пытаясь во что бы то ни стало прорваться к Красному.

Однако встреченные мощным ружейно-артиллерийским огнем, его войска с большими потерями вынуждены были откатиться обратно. После этого маршал понял, что его прорыв вдоль Красненской дороги не удался. Убедившись, что его постигла неудача, Ней отошел к лесу, откуда за три часа перед этим только что вышел. Он еще не знал, что Наполеон уже ушел из Красного, предоставив его судьбе. Положение корпуса Ней стало отчаянным: дорога на Красный была прочно закрыта русскими, их артиллерия вела перекрестный огонь с обоих флангов, вокруг кружили казаки, и без того невысокий боевой дух его солдат после только что понесенного поражения достиг критической черты. Он был обложен противником со всех сторон. Справа находился запыленный снегом лес без дорог, за лесом — Днепр. Маршал мучительно раздумывал: что же предпринять в сложившейся ситуации? Неожиданно перед ним появился русский офицер с предложением сдаться: «Фельдмаршал Кутузов не посмел бы сделать такое жестокое предложение столь знаменитому воину, если бы у того оставался хоть один шанс спасения. Но 80 тысяч русских перед ним, и если он в этом сомневается, Кутузов предлагает ему послать кого-нибудь по русским

Французские солдаты маршала Ней загнаны в лес в сражении под Красным

рядам и сосчитать их силы»²⁷. Далее прибывший от Милорадовича парламентар доложил Нею, что Даву и Богарне разбиты, путь к соединению с главными силами армии для него отрезан, а Наполеон с гвардией из Красного уже ушел и находится далеко. Слова русского офицера звучали убедительно. Тем не менее Ней, прервав его, заявил: «Императорский маршал в плен не сдается! Под огнем люди в переговоры не вступают!»²⁸ Под предлогом, что во время приезда парламентаря с русских батареями было сделано несколько выстрелов по французам, маршал приказал задержать его. Истинная же причина такого вероломства заключалась в том, что Ней пытался скрыть от Милорадовича бедственное положение своих войск, чему его адъютант являлся свидетелем. Вызвав своих генералов, маршал Ней приказал им: «Продвигаться сквозь лес! Нет дорог? Продвигаться без дорог! Идти к Днепру и перейти через Днепр! Река еще не совсем замерзла? Замерзнет! Марш!»²⁹ Отобрав около 3 тыс. самых надежных солдат и офицеров и воспользовавшись наступившей темнотой, Ней повел их бездорожьем через лес к Сыркоренью (5 км севернее места расположения его корпуса), намереваясь там переправиться через Днепр.

О бегстве Нея русскому командованию стало известно лишь после капитуляции его корпуса, которая произошла в ночь на 7 (19) ноября. Брошенные своим командованием на произвол судьбы в глухом смоленском лесу близ Красненской дороги, более 12 тыс. наполеоновских солдат (включая больных, раненых и безоружных), в том числе свыше 100 офицеров, сдались в плен. Вдогонку за Неем был послан казачий отряд. Настигнув беглецов, казаки отбили у них восемь пушек, но воспрепятствовать движению французов к Днепру не смогли. Перед рассветом Ней добрался до реки. У берегов из-за наступившей оттепели зияли огромные полыньи. «Вперед!» — скомандовал маршал и первым вступил на ненадежный лед. Используя подручный материал, передовой отряд с огромным трудом перебрался на противоположный берег. Но основная часть французского отряда, отступавшего с Неем, вместе с еще оставшимися у него пушками, лошадьми и обозом из-за полного разрушения льда переправиться не смогла. Она осталась на левом берегу Днепра, предоставив свой жребий судьбе. Многие во время пере-

правы провалились сквозь лед и утонули. Из 3 тыс. солдат, пришедших с Неем к Днепру, на правый берег сумели перебраться лишь 800. На рассвете 7 (19) ноября Ней подошел к селу Гусиное (8 км ниже по реке от места переправы), где уже находились разъезды Платова. Отсюда за ним началась непрерывающаяся ни на один день погоня, продолжавшаяся вплоть до самой Орши.

Самое тягостное впечатление на перешедших через Днепр произвело оставление на берегу многочисленных повозок с ранеными, больными, иностранцами с их женами и детьми, которые влачили из Москвы за отступавшей армией. Вопли и мольбы брошенных на берегу заставили наконец офицеров попытаться переправить несколько повозок, наполненных ранеными, женщинами и детьми. Но как только эти повозки спустились на едва замерзшую реку, лед под ними подломился, и их всех поглотила холодная днепровская вода. Сгрудившиеся на берегу люди еще долго слышали душераздирающие крики погибающих в ледяной воде людей. «Думали ли мы тогда, что еще позавидуем много раз тем, кто уже успокоился на дне Днепра?» — вспоминал один из участников переправы маршала Ней у Сырокоренья³⁰.

Четырехдневное сражение под Красным (3–6 (15–18) ноября 1812 г.) закончилось крупнейшим поражением Наполеона. Русские войска наголову разгромили корпуса Е. Богарне и Даву, уничтожили корпус Ней и нанесли ощутимые потери императорской гвардии. Французская армия потеряла в этом сражении более 6 тыс. человек убитыми и ранеными и 26 тыс. (в том числе 6 генералов) пленными, 116 орудий, 6 знамен и большое число обозов. Кроме того, 112 орудий было брошено противником³¹. Потери русской армии не превышали 2 тыс. человек убитыми и ранеными³².

Победа под Красным была одержана благодаря исключительному мужеству и доблести русских войск. Кутузов отмечал, что русская армия покрыла себя «неувядаемою славою, ибо в сии дни понес неприятель сильнейшие удары в течение всей кампании»³³. Наполеон же за всю свою долгую полководческую карьеру потерпел в сражении под Красным первое крупное поражение и первый раз в своей жизни бежал с поля сраже-

Сражение под Красным 5 ноября. Художник П. Гесс

ния. Неудачи у него бывали и раньше, например под Прейсиш-Эйлау (1807) и Асперном (1809). Но разгрома, как это произошло под Красным, никогда до сих пор не было. Целый ряд поражений, понесенных французами в кампании 1812 года — при Полоцке, Тарутино, Вязьме и других, можно было списать на отдельных маршалов, руководивших там войсками, но здесь, под Красным, император сам командовал войсками, и свалить на кого-то вину за поражение было уже невозможно. Вера «Великой армии» в непогрешимость Наполеона как полководца и его полководческий гений была подорвана.

Донося о победе под Красным, М.И. Кутузов писал: «Вот еще победа!.. Бонапарте был сам, и кончилось, что разбит неприятель в пух...»³⁴ В эти дни блистательных успехов русский полководец убедительно продемонстрировал всем — и России, и армии, и царю, и своим рвавшимся в бой генералам — правильность своей стратегической концепции, целесообразность избранного им способа ведения войны. Избранный Кутузовым способ разгрома противника дал потрясающие результаты при минимальных издержках. Преследуя французскую армию с темпом около 30 км в сутки, без генерального сражения, он поставил Наполеона на грань катастрофы, в то же время сохранив

в целости свою армию. Очевидцы утверждают, что после сражения под Красным в штаб Кутузова доставили басню И.А. Крылова «Волк на псарне». Фельдмаршалу она очень понравилась. Однажды, прибыв в гвардейский корпус, он сам стал читать басню собравшимся вокруг него солдатам и офицерам. При словах: «Послушай-ка, сосед, — тут ловчий перервал в ответ, — ты сер, а я, приятель, сед», — Кутузов снял шапку и показал на свою седую голову³⁵. Громоподобный хохот потряс бивак.

За победы под Вязьмой и Красным многие отличившиеся в сражениях генералы, офицеры и солдаты были отмечены боевыми наградами³⁶. Самую высокую боевую награду — орден Георгия 2-й степени — получил герой Вязьмы и Красно-го М.А. Милорадович. Орденом Александра Невского был награжден командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант граф П.А. Строганов. Алмазные знаки (бриллианты) к ордену Александра Невского получили командир 7-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Н.Н. Раевский и командир Кирасирского корпуса генерал-лейтенант князь Д.В. Голицын. Ордена Владимира 2-й степени были удостоены начальник 26-й пехотной дивизии генерал-майор И.Ф. Паскевич, начальник 3- пехотной дивизии генерал-майор князь И.Л. Шаховской, начальник 23-й пехотной дивизии генерал-майор В.Д. Лаптев, начальник 2-й кирасирской дивизии генерал-майор И.М. Дука и командир егерской бригады генерал-майор А.А. Юрковский (кроме того, он получил алмазные знаки к ордену Анны 1-й степени). Кавалерами ордена Анны 1-й степени стали: начальник 17-й пехотной дивизии генерал-лейтенант З.Д. Олсуфьев (он получил 1-ю степень этого ордена сразу с алмазными знаками), начальник артиллерии армии генерал-майор барон К.Ф. Левенштерн, генерал-майор барон А.В. Розен (командир кирасирской бригады), командиры бригад генерал-майоры граф П.И. Ивелич и П.П. Пассек, командир 1-го егерского полка генерал-майор М.И. Карпенков, командир егерской бригады 26-й пехотной дивизии полковник Ф.Г. Гогель, командир 7-й конно-артиллерийской роты полковник А.П. Никитин, полковники П.А. Кикин и Я.А. Потемкин (командир егерской бригады 17-й пехотной дивизии).

Алмазные знаки к ордену Анны 1-й степени получили: командир 2-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант барон

М.И. Кутузов после победы под Красным. Художник С. Ку克林ский. 1944 г.

Ф.К. Корф, командир 4-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенант И.В. Васильчиков, начальник 12-й пехотной дивизии генерал-майор П.М. Колюбакин и командир кирасирской бригады генерал-майор Н.В. Кретов.

Орденом Георгия 3-й степени были награждены: командир 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенант князь С.Н. Долгоруков, начальник 11-й пехотной дивизии генерал-майор П.Н. Чоглоков, начальник 1-й гренадерской дивизии генерал-майор А.И. Цвилинев, генерал-майоры — И.Г. Шевич (командир гвардейской кавалерийской бригады), братья И. Д. и С.Д. Панчулидзевы (командиры драгунских бригад), барон Г.В. Розен (командир 1-й гвардейской пехотной бригады), А.А. Карпов (командир казачьей бригады), Д.И. Пышницкий (командир бригады 4-й пехотной дивизии), К.И. Бистром (командир лейб-гвардии Егерского полка), Н.С. Сулима (командир Таврического гренадерского полка), П.Ф. Желтухин (командир лейб-гренадерского полка), полковники П.А. Чичерин (командир лейб-гвардии Драгунского полка), П.И. Мерлин (командир 4-й конно-артиллерийской роты) и С.Н. Ушаков (шеф Курляндского драгунского полка).

Золотых шпаг с алмазами и надписью «За храбрость» удостоились генерал-майоры А.П. Ермолов, князь И.С. Гуриэлов (командир бригады 23-й пехотной дивизии), И.С. Леонтьев (шеф Глуховского кирасирского полка) и Е.Я. Савоини (командир бригады 26-й пехотной дивизии).

Командир 1-го кавалерийского корпуса барон Е.И. Меллер-Закомельский был произведен в генерал-лейтенанты. Исполняющий должность генерал-квартирмейстера Главного штаба полковник К.Ф. Толь был произведен в генерал-майоры, утвержден в должности и награжден орденом Георгия 4-й степени³⁷. Генерал-лейтенант Ф.П. Уваров за свои заслуги в Отечественной войне 1812 года незадолго перед этим был отмечен орденом Владимира 1-й степени. Главнокомандующий всеми русскими армиями генерал-фельдмаршал светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов был удостоен почетного наименования к своему титулу — «Смоленский»³⁸. Небольшой список имен, олицетворявших славу и гордость России, пополнился новой строкой. «Задунайский», «Крымский», «Чесменский», «Таврический», «Рымникский», «Италийский» — все эти гордые наименования славных «екатерининских орлов», оставивших яркий след в анналах отечественной истории и навечно связавших свои имена с величием России, нашли достойное продолжение.

5.2. И вспать бежит надменный галл!

После разгрома под Красным боевой состав наполеоновской армии исчислялся в 23 тыс. штыков, 2 тыс. сабель и 30–40 орудий, хотя все корпуса и дивизии продолжали сохранять свою прежнюю нумерацию. Следовательно, всего лишь за месяц, прошедший со времени оставления Москвы, «Великая армия» потеряла более трех четвертей своего состава и до 95% артиллерии³⁹. Эти цифры говорят сами за себя.

Преследование отступающего из-под Красного противника Кутузов поручил «летучим» отрядам генералов Н.М. Бороздина, А.В. Розена и А.П. Ожаровского, а также партизанам. Кроме того, он приказал сформировать сильный отряд в составе 12 батальонов пехоты и 2 казачьих полков, названный авангардом армии. Командование им было поручено генералу А.П. Ермо-

лову. Авангарду Ермолова поручалось преследование противника вдоль левого берега Днепра. Платов же продолжал преследование по правому берегу. Главные силы армии пока задерживались под Красным.

Наполеон спешил в Оршу. Оттуда можно было отступить к границе по трем направлениям: идти на соединение с корпусами Виктора и Удино (раненый маршал Гувийон Сен-Сир убит из армии), а затем вместе с ними отступить на Вильно; отходить к границе по кратчайшему направлению через Борисов либо идти на юг, в обход Борисова. Наполеон выбрал второй вариант.

С освобождением Смоленска в город была торжественно возвращена священная реликвия русского народа — икона Смоленской Божией Матери, которая начиная с 5 (17) августа, времени оставления нашими войсками Смоленска, все время находилась при армии. По поручению Кутузова, П.П. Коновницын писал в сопроводительном письме старшему духовному лицу города: «При одержании над неприятелем важных побед и успехов приносимы были всегда благодарственные молебствия перед иконою. Ныне же, когда Всемогущий Бог благословил российское оружие и с покорением врага город Смоленск очищен, я, по воле главнокомандующего всеми армиями князя Михаила Илларионовича Кутузова, препровождаю святую икону Смоленской Божией Матери обратно. Да водворится она на прежнем месте и прославляется в ней Русский Бог, чудесно карающий кичливого врага, нарушающего спокойствие народов». С тех пор день 5 (17) ноября более века праздновался в Смоленске как день освобождения города. Торжества обычно начинались с всенощной службы у легендарной реликвии.

Французская армия отступала к Орше крайне неорганизованно. Сохранившие боеспособность части в основном принадлежали к французским формированиям. За ними тащились десятки тысяч немцев, итальянцев, поляков, голландцев, испанцев, португальцев и других, разноплеменных и разноязычных, не понимавших и ненавидевших друг друга, рвущих у сослуживцев последний кусок хлеба, если таковой появлялся, и те жалкие суррогаты пищи, которыми они пытались утолить свой голод. Их засыпал снег, пронизывал насквозь холод, они спотыкались и падали, чтобы никогда уже более не подняться с этой об-

*Отступление французской армии из России в 1812 г.
Ксилография по оригиналу Л. Потта. 2-я половина XIX в.*

леденелой земли, голод и леденящая стужа довели этих людей до какого-то помутнения сознания. Обессиленные, беглецы падали и замерзали. Умиравшие молча, и сотоварищи шли мимо, даже не пытаясь им помочь. Вокруг кружились, высматривая добычу, казаки и партизаны. Иногда с оглушительными криками «Ура!» они налетали на эти неорганизованные и никем неуправляемые толпы, били, кололи, рубили их и так же неожиданно, как и появлялись, исчезали в ближайших перелесках. Нередко им удавалось отсекать от основной массы отступающих большие группы таких солдат и принуждать их к сдаче.

Гвардия, остатки корпусов Даву и Е. Богарне перемешались на марше и двигались в большом беспорядке. На половине перехода Наполеон был вынужден остановить свою гвардию. Построив ее в огромное каре, он обратился к ней с речью, в которой призвал гвардейцев к сохранению порядка и дисциплины. В заключение император напомнил, что от гвардии зависит спасение всей армии. Свою речь Наполеон произносил слабым и дрожащим от волнения голосом, вопреки обыкновению

не указывал на будущее, не давал, как прежде, громких обещаний, не сулил ни мира, ни побед.

8 (20) ноября Наполеон прибыл в Оршу, где произвел очередную реорганизацию остатков своей армии, приказал уничтожить или затопить в Днестре остатки захваченных в Москве трофеев. Из сохранившихся лошадей кавалерийских офицеров и генералов сформировал «священный эскадрон» для личной охраны. Укрепил артиллерию находившимися в городе 36 пушками. Здесь Наполеон с большим нетерпением ожидал маршала Нея, говорил, что готов отдать за него все свои сокровища, хранившиеся в подвалах Тюильри. Навстречу Нею из Орши по его приказу был выслан сильный отряд гвардии во главе с вице-королем Е. Богарне.

В тот же день Наполеон с гвардией покинул Оршу. Переправившись через Днестр, он двинулся по направлению к Борису. На следующий день к городу подошел Платов и атаковал занимавшего его противника. После короткого боя французы оставили Оршу, разрушив за собой мост через Днестр. В этом городе казаки захватили 26 брошенных неприятелем пушек, арсенал с оружием и госпиталь с ранеными⁴⁰.

Е. Богарне встретил маршала Нея в 20 км от Орши. Спасаясь от неотступно преследовавших его казаков, «храбрый из храбрых», как называл Нея Наполеон, наградивший своего маршала за Бородинскую битву титулом «князя Московского», за полтора суток прошел лесными проселками более 50 км. В непрерывных стычках с казаками он потерял половину своего отряда, сумевшего в ночь на 7 (19) ноября переправиться с ним через Днестр у Сырокоренья. Уже потерявший надежду увидеть Нея живым, Наполеон молча сжал маршала в своих объятиях.

Кутузов выступил из Красного 8 (20) ноября. Часть войск была им оставлена в прежнем районе для прочесывания местности и ликвидации многочисленных групп противника, рассеявшихся после разгрома наполеоновской армии в окрестностях Красного и по приднепровским лесам. Русская армия двинулась на запад не по опустошенной Оршанской дороге, а южнее, на Копысь, куда прибыла 12 (24) ноября.

А Наполеон тем временем шел к реке Березина. Расстояние от Орши до Борисова, куда он направлялся, составляло

130 км. Грозные тучи над остатками «Великой армии» продолжали стремительно сгущаться. Через день после выступления из Орши Наполеон получает известие о взятии войсками армии Чичагова Борисова. Это означало, что путь отступления на запад теперь для него был закрыт! С подходом к реке Березина войск Чичагова и Витгенштейна в районе Борисова образовался своего рода «мешок», в который русские войска и партизаны загоняли остатки «Великой армии», тесня ее с востока. В центр «мешка» Кутузовым были выдвинуты все подвижные силы армии: авангард Милорадовича, состоявший из двух пехотных корпусов (2-го и 7-го), 2-го кавалерийского корпуса и 4 казачьих полков; казачий корпус Платова (15 полков), усиленный 1-м егерским полком; отряд Ермолова (14 батальонов пехоты и 2 казачьих полка) и отряд Бороздина (6 кавалерийских полков). С флангов действовали: с правого — отряд Голенищева-Кутузова, с левого — «летучий» отряд Ожаровского, партизанские отряды Сеславина и Давыдова⁴¹.

Войска Наполеона были зажаты в треугольнике Толочин (45 км западнее Орши) — Черей (30 км юго-западнее Сенно) — Лошница (16 км восточнее Борисова). С востока на них наступал Кутузов, с севера — Витгенштейн, дорогу на запад преграждал Чичагов. К исходу 10 (22) ноября главные силы французской армии находились в районе западнее Толочина, 10-тысячный авангард маршала Удино — у Лошницы, корпус маршала Виктора — у Черей. Остатки «Великой армии» оказались окруженными со всех сторон. Разработанный Кутузовым план окружения наполеоновской армии в междуречье Западная Двина — Днепр — Березина был блестяще реализован.

Оказавшись в крайне затруднительном положении, Наполеон принимает решительные меры по выходу из него. Маршалу Удино был отдан приказ отделиться от Виктора и следовать на Борисов, составляя авангард главных сил «Великой армии». После соединения под Борисовом с Домбровским он должен был атаковать этот город и во что бы то ни стало овладеть находившейся там переправой через реку Березина. Маршал Виктор получил приказ прикрыть с севера отход «Великой армии» к реке Березина, а затем составить ее арьергард. Фельдмарша-

лу Шварценбергу и генералу Ренье было приказано нанести удар в тыл армии Чичагова и отвлечь ее главные силы с реки Березина. Главные силы армии должны были совершить отход к реке Березина в следующем порядке: в голове — вестфальцы Жюно, за ними — поляки Зайончека, потом — гвардия, Ней и Е. Богарне. В арьергард был снова назначен маршал Даву (до смены его Виктором).

После разгрома отряда Домбровского и взятия Борисова генералом Ламбертом 9 (21) ноября Чичагов два дня провел в полном бездействии. Он не назначил начальника авангарда вместо раненого Ламберта, не организовал преследования разбитого Домбровского, не выслал разведку в восточном направлении, откуда можно было ожидать нападения противника. Такая пассивность дорого обошлась русской армии. Только к исходу дня 10 (22) ноября был наконец назначен начальник авангарда 3-й Западной армии. Им стал генерал-майор граф П.П. Пален⁴². По распоряжению Чичагова в состав авангарда были выделены четыре егерских, три кавалерийских, пять казачьих полков и три роты артиллерии.

Рано утром 11 (23) ноября авангард Палена выступил из Борисова по дороге на Лошницы, имея задачу в дальнейшем продвигаться навстречу войскам Витгенштейна. Почти одновременно навстречу ему из Лошниц по направлению к Борисову выступил авангард Удино, возглавляемый генералом Кастексом (командир 5-й легкой кавалерийской бригады 2-го пехотного корпуса). К нему присоединился и отряд генерала Домбровского. Противник имел 2500 штыков, 1100 сабель и 12 орудий⁴³. У деревни Лошница произошла неожиданная встреча авангардов. Войска генерала Палена, двигавшиеся без должных мер охранения, были внезапно атакованы противником. В завязавшемся встречном бою авангард Палена потерпел поражение и в беспорядке был отброшен с дороги в заболоченный лес, открыв врагу путь на Борисов. В городе началась паника. Внезапное появление крупных сил французов у Борисова и поражение авангарда вызвали растерянность у адмирала Чичагова, переоценившего силы противника и поспешившего оставить город. Войска 3-й Западной армии отступили за реку Березина, уничтожив за собой мост.

Заняв Борисов, маршал Удино тотчас же выслал сильные отряды вверх и вниз по реке отыскивать места для переправы. За ними следовали саперы, собранные со всей армии. Желая облегчить предстоящую переправу, сохранить артиллерию и боеприпасы, Наполеон отдал строгий приказ о сожжении всех частных обозов и изъятии для нужд армии высвобождающихся лошадей. Всем, кроме генералов, было запрещено иметь личные экипажи. Но грозное повеление императора все же не было исполнено до конца. Сыграл свою роль подкуп: перед золотом не всегда могли устоять даже суровые жандармы, на которых было возложено исполнение этого приказа. Для подъема морального духа войск по приказу Наполеона распространялись ложные слухи о прекращении отступления за Березиной, о сосредоточении там больших запасов теплых вещей и продовольствия, о подходе на помощь войск Шварценберга и Ренье. Название «Березина», как в свое время «Москва», а затем — «Смоленск», передавалось из уст в уста среди солдат голодной и замерзающей армии (в эти дни снова резко похолодало). Неукротимое желание достичь во что бы то ни стало берегов этой неведомой до сих пор реки стало их заветной целью.

Ночь на 13 (25) ноября Наполеон провел в Лошнице, а с утра выступил к Борисову. Он не тешил себя иллюзиями и был готов к тому, чтобы проложить себе дорогу вперед силой оружия. Однако то, что император увидел на марше, пропуская мимо себя войска, произвело на него удручающее впечатление. По покрытой гололедом дороге, зябко кутаясь во всевозможное тряпье, скользя и падая на каждом шагу, шло не регулярное войско, а бежали толпы обезумевших людей, даже не пытавшихся сохранить какое-либо подобие воинского порядка. Это были остатки когда-то грозной и непобедимой «Великой армии», перед которой еще совсем недавно, каких-то полгода назад, трепетали все государства и народы, населявшие пространство от Атлантики до берегов Немана. Жалкое подобие былого величия сохраняла лишь заметно поредевшая императорская гвардия, все остальное напоминало сброд, никем не управляемый и ни на что не реагирующий. Оставалась одна надежда, что безысходность и отчаяние все же заставят это деморализованное до предела войско вновь взяться за оружие и пробудят в нем хотя бы

Сожжение знамен «Великой армии». Хромофотография по оригиналу А. Коссака. 1912 г.

элементарное чувство самосохранения. И вдруг блеснул луч надежды... Видимо, фортуна еще не окончательно отвернулась от своего баловня. Во время «смotra» прискакал адъютант Удино, привезший радостное известие о находке маршалом места для переправы через реку Березина. Прекратив смотр, Наполеон сразу же выехал в Борисов, куда прибыл вечером.

Выполнить приказ императора и быстро найти место для переправы маршалу Удино помог случай. Дело обстояло следующим образом. Отделившийся в середине (конце) октября от войск маршала Гувиона Сен-Сира баварский корпус генерала К. Вреде был отброшен русскими сначала к Глубокому, а затем к селу Докшицы (85 км северо-западнее Борисова). При отделении Вреде увел с собой французскую кавалерийскую бригаду генерала М. Корбино. Маршалы Виктор и Удино потребовали от баварского генерала вернуть бригаду. Вреде долго не соглашался, но в конце концов был вынужден выполнить их требование. Из Докшицы бригада Корбино направилась в Борисов. Но по дороге французы узнали, что этот город уже занят русскими. Тогда они приступили к поиску переправы через Березину и вскоре при помощи проводника нашли брод у деревни Студянка, в 12 км северо-западнее Борисова. Во время пере-

правы через Березину генерал Корбино встретил офицеров из штаба Удино, высланных маршалом на поиски места для наведения переправы. Успешный переход бригады Корбино через Березину у Студянки убедил Удино, что лучшего места для переправы не сыскать.

Овладение Борисовом, отступление войск Чичагова на правый берег Березины и отыскание брода у Студянки открывали Наполеону возможность вырваться из окружения, давали ему единственный шанс к спасению. И он им не замедлил воспользоваться. Маршал Удино получил приказ удерживать Борисов и начать постройку мостов у деревни Студянка. Туда были срочно направлены войска, саперы и инженеры для наведения переправы. Последняя задача была возложена на двух лучших инженерных генералов наполеоновской армии Ж. Эбле и Ф. Шаслу. Для общего руководства работами на переправе Наполеон направил маршалов Мюрата и Мортье. Удино тем временем предпринял ряд мер, чтобы дезинформировать Чичагова относительно своих намерений. С этой целью им был выслан к деревне Ухолоды (8 км юго-западнее Борисова) сильный отряд, перед которым стояла задача имитировать там наведение переправы. Одновременно он собрал в городе местных жителей, в основном еврейской национальности, и подробно расспрашивал их о дорогах на Минск и бродах через Березину. Часть из них он оставил при себе в качестве проводников, а большинство отпустил, заставив поклясться, что их разговор останется тайной, а все они явятся к нему по первому сигналу. Удино не сомневался в эфемерности этой клятвы, и расчет его оправдался.

Наполеон, одоблив действия своего маршала, направил к Ухолодам и еще ниже по течению Березины дополнительные силы с обозами и строительными материалами. А тем временем подходящие к Борисову войска скрытно, под покровом ночи, направлялись вверх по реке к Студянке. Работы по подготовке к наведению там двух мостов велись днем и ночью.

Наполеон не спал всю ночь. Он часто выходил на улицу и напряженно всматривался в правый берег, где ярко сверкали бивуачные огни 3-й русской армии. Они занимали все пространство, какое только мог охватить глаз. Всем дозорным был отдан строжайший приказ прислушиваться, не происходят ли у про-

На этапе. Дурные вести из Франции. Художник В. Верещагин. 1887–1895 гг.

тивника какие-либо передвижения. Французского императора не переставал мучить вопрос: удастся ли ему ввести Чичагова в заблуждение, догадается ли он о ложной демонстрации ниже Борисова и не предпримет ли неожиданный маневр с целью противодействия переправе французской армии через Березину? От этого зависела судьба «Великой армии».

Командующий 3-й Западной армией адмирал П.В. Чичагов также мучился в догадках: где Наполеон предпримет попытку переправы армии через Березину, выше или ниже Борисова, и куда он направится после форсирования Березины — на Вильно или на Минск? Разведка доложила, что весь левый берег Березины от Веселово (17 км северо-западнее Борисова) до Березино (50 км юго-западнее Борисова) занят противником, подготовка к наведению им переправ ведется и выше, и ниже Борисова.

Весь день 12 (24) ноября Чичагов простоял против Борисова, выслав влево, к Зембину (25 км северо-западнее Борисова), отряд генерала Е.И. Чаплица, а вправо, к Березино, — отряд генерала И.К. Орурка. На следующий день, 13 (25) ноября, он неожиданно, к великой радости Наполеона, с главными силами двинулся к деревне Забашевичи, что в 20 км на юг от Борисова, оставив в районе Борисова довольно сильный отряд под командованием генерала А.Ф. Ланжерона. Причины своего столь странного, казалось бы, на первый взгляд решения Чичагов объяснял в донесении царю так. Не имея никаких сведений о действиях Главной армии и корпуса Витгенштейна, он полагал, что те преследуют Наполеона по пятам. Однако ход событий этого не подтвердил. Наполеон с подходом к Березине получил свободу маневра и активными демонстрациями на широком фронте поставил его, Чичагова, в затруднительное положение. В это время он получает приказание Кутузова принять меры предосторожности на случай, если Наполеон двинется вниз по Березине, чтобы, переправившись там, идти через Игумен на Минск. Одновременно пришло известие и от Витгенштейна, сообщавшего, что французская армия разделилась на несколько колонн, которые следуют в направлении Борисова и Бобруйска. Однако где находился сам Наполеон с главными силами, никто не знал. Наконец поступило донесение о выдвижении Шварценберга и Ренье к Слониму. В создавшейся обстановке Чичагов пришел к выводу о намерении Наполеона переправиться через Березину южнее Борисова. Подтверждением этому служили, по его мнению, поступившее донесение о наведении противником переправы в районе Ухолоды и попытка Шварценберга создать угрозу тылу 3-й Западной армии, чтобы тем самым содействовать Наполеону в реализации его замыс-

Е.И. Чаплиц.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ла переправиться через Березину южнее Борисова. Таким образом, все получалось как будто бы логично — и характер действий противника, и предположение Кутузова и предупреждение Витгенштейна — все сводилось к тому, что основные события должны были развернуться к югу от Борисова. Но... военное искусство — дело очень тонкое. Оно не терпит дилетантства, в нем всякий промах чреват самыми непоправимыми последствиями. Так случилось и с незадачливым адмиралом.

Перед выступлением к Забашевичам Чичагов приказал генералу Чаплицу возвратиться от Зембина к Борисову. Для наблюдения за рекой выше Борисова в полосе 20 км была оставлена егерская бригада полковника П.Я. Корнилова (28-й и 32-й егерские полки), усиленная Павлоградским гусарским и двумя казачьими полками, двумя эскадронами уланов и конно-артиллерийской ротой⁴⁴.

Следовательно, в один и тот же день, 13 (25) ноября, Чичагов и Наполеон расходились в разные стороны: первый с утра двинулся на юг от Борисова, к Забашевичам, куда прибыл к вечеру; второй — еще до рассвета направился на северо-запад от Борисова, к Студянке. Наполеон со своей гвардией приближался к смертельно опасному барьеру, который необходимо было

П.Я. Корнилов.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

непрерывно взять или погибнуть. Уже на третий день после выхода из Орши передовые разъезды его авангарда увидели перед собой мутную полосу воды. Перед ними простиралась довольно широкая река с заболоченными берегами, еще не замерзшая, однако уже катившая по своей глади первые небольшие льдины, — река, переправа через которую была бы нелегка даже и в обычное время, а при начавшемся замерзании реки она делалась еще труднее. Это была Березина.

Наполеон еще не знал о благоприятном для него движении 3-й русской армии. На правом берегу Березины продолжали ярко пылать многочисленные костры, зажженные русскими войсками. Их багровые точки четко выделялись в мрачной ноябрьской ночи, занимая пространство более десяти верст. У Наполеона не оставалось сомнений, что армия Чичагова продолжает находиться на позиции у Борисова и, следовательно, переправа через Березину здесь невозможна. Находившиеся при императоре поляки вызвались переправить его через Березину выше Студянки и за пять дней доставить в Вильно, но Наполеон отверг это предложение.

В тот день, когда авангард Чичагова потерпел поражение при Лошнице, Витгенштейн после довольно жаркого боя от-

теснил корпус Виктора от Черей к Холопеничам (40 км северо-восточнее Борисова). На следующий день, 12 (24) ноября, его авангард, возглавляемый генерал-майором В.И. Гарпе, нанес поражение под Батурами (7 км юго-восточнее Холопеничей) арьергарду маршала Виктора — 26-й пехотной дивизии генерала Г. Денделяса. Теперь корпус Виктора от столбовой дороги Орша — Борисов, по которой отступали главные силы французской армии, отделяло расстояние всего лишь в 15 км. 13 (25) ноября Витгенштейн достиг села Бараны (30 км северо-восточнее Борисова), откуда намеревался по Лепельской дороге развернуть наступление на Борисов. Для установления связи с армией Чичагова в направлении Веселово им был выслан сильный кавалерийский отряд. Однако в этот момент он получает известие о поражении авангарда Чичагова при Лошнице и вместо того, чтобы активизировать свои действия, останавливается на целые сутки в Баранах.

Анализируя действия Витгенштейна с 9 (21) по 13 (25) ноября, следует отметить, что они не отличались должной решительностью. После ухода корпуса Удино к Борисову Витгенштейн обладал большим перевесом в силах над противостоявшим ему 9-м пехотным корпусом маршала Виктора. Однако он не воспользовался этим моментом для резкой активизации своих действий, а продолжал по-прежнему действовать не спеша. Так, откровенно пассивными его действия были 13 (25) ноября. Витгенштейн не использовал достигнутый накануне успех под Батурами, чтобы отбросить Виктора на дорогу Бобр — Борисов и атаковать во фланг отступавшую по ней к реке Березина армию Наполеона. Вместо того чтобы наступать на юго-запад наперерез противнику, он двинулся на запад, к Баранам, то есть параллельно отступающей французской армии, которая двигалась в 20 км южнее. Но и это еще не все. Остановив свои войска на сутки в Баранах, Витгенштейн, по существу, позволил наполеоновской армии спокойно отступить от Бобра (50 км восточнее Борисова) к реке Березина. Лихой в недавнем прошлом гусар, храбрый кавалерийский генерал граф П.Х. Витгенштейн проявил прямо-таки непостижимую робость перед противником, так и не решившись сразиться с самим Наполеоном. Хотя шанс нанести смертельный удар остаткам «Великой армии» восточ-

нее реки Березина был у него если и не стопроцентный, то уж во всяком случае близкий к этому.

Казачий корпус Платова вел безостановочное преследование противника вдоль столбовой дороги Орша — Борисов. Потери французской армии только пленными ежедневно составляли более 1000 человек. В основном это были отдельные вражеские отряды или большие группы изголодавшихся солдат, которые в поисках продовольствия отклонялись от дороги в ту или иную сторону и, как правило, попадали в руки казаков, контролировавших все окрестности. Как доносил сам атаман Платов в Главный штаб, пленных было такое большое количество, что он не может им «свести счета за быстрыми маршами»⁴⁵.

Главные силы русской армии во главе с Кутузовым до 14 (26) ноября находились в Копысе, на левом берегу Днепра. Здесь главнокомандующий в ожидании подвоза продовольствия предоставил войскам, безостановочно шедшим от Тарутино до Днепра, двухдневный отдых. Однако треть армии во главе с Милорадовичем была все же направлена им вперед, на большую Оршанскую дорогу. Продвигаясь большую часть пути по занесенным снегом проселкам, войска Милорадовича за двое суток форсированного марша преодолели 80 км и 13 (25) ноября западнее Бобра вышли на столбовую дорогу. Впереди шел авангард, возглавляемый генералом А.П. Ермоловым. Однако как он ни спешил, догнать действующих впереди казаков Платова в этот день ему так и не удалось, не говоря уже о французах. Противник отступал так быстро, что поспеть за ним практически могла только конница. При отходе он уничтожал за собой все мосты, сжигал селения, мызы и даже отдельные корчмы. Дорога была забита брошенными пушками, взорванными зарядными ящиками, сгоревшими обозами, трупами павших лошадей и замерзших людей. Валялось брошенное различное оружие, ранцы, кирасы, кивера, каски и другие предметы солдатской амуниции, ставшие ненужными удиравшему налегке наполеоновскому воинству. Вьюга заметала следы уходившего на запад врага, и только дымящиеся развалины сожженных селений да опаленные огнем печные трубы сгоревших жилищ указывали направление его отхода. Казаки еще кое-как умели находить себе продовольствие и корм лошадям, но шедшая по-

зади них пехота буквально голодала на этой опустошенной до предела местности. Ее обозы безнадежно отстали на переправах, и рассчитывать на их скорый подход не приходилось. Весь рацион солдата состоял из нескольких горстей ржи или овса, распаренного в снеговой воде. Иногда на привалах удавалось отыскать клубни мерзлого картофеля. Лошадей кормили одной лишь рубленой соломой. Но несмотря на столь суровые условия, в которых оказались наши наступающие войска, никакого ропота или недовольства среди них не проявлялось. Они продолжали стойко выполнять свой воинский долг.

Перед рассветом 14 (26) ноября Наполеон прибыл в Студянку, куда всю ночь сосредоточивались отступавшие к Березине французские войска. Арьергард Виктора, прикрывавший их отход, остановился у Лошницы. В этот день у Наполеона было под ружьем, включая корпуса Виктора и Удино, отряд Домбровского и различные команды, присоединившиеся к армии между Днестром и Березиной, от 60 до 70 тыс. человек⁴⁶. Кроме того, за армией тянулись несколько десятков тысяч нестроевых и безоружных солдат.

На протяжении всей дороги от Борисова до Студянки перед глазами Наполеона, стоило ему только повернуть голову влево, мерцало зарево от бесчисленного множества русских костров на правом берегу Березины. На рассвете он увидел там казаков и егерей, а потому, не сомневаясь в присутствии 3-й русской армии на прежнем месте, стал готовиться к сражению.

5.3. Березина

Прибывший в Студянку Наполеон первым делом приказал поставить на высотах у этого населенного пункта 40-пушечную батарею, перед которой поставил задачу прикрыть постройку двух мостов — одного близ Студянки, другого — выше. Понтонов у французов не было: половину их сжег маршал Мортье при оставлении Москвы, остальные были преданы огню после Вяземского сражения. Понтоны двух инженерных рот, шедших навстречу армии из Вильно, были сожжены в Орше. Поэтому противнику оставалось только строить мосты на козлах, для чего маршал Удино приказал еще накануне рубить лес, разби-

рать избы ближайших к переправе селений и подвозить к реке бревна, хворост, доски и солому. Эта работа с неослабевающей интенсивностью продолжалась весь день 13 (25) ноября и всю следующую за ним ночь. Личное присутствие императора воодушевило солдат, привлеченных к строительству мостов.

Наступал хмурый зимний рассвет. С каждым часом, по мере того как Наполеон убеждался, что численность русских войск в районе переправы не увеличивалась и никаких попыток воспрепятствовать ее наведению они не предпринимали, удивление и радость французского императора все более и более возрастали. Сначала он никак не мог взять в толк, в чем причина такой пассивности неприятеля. Но постепенно его уверенность в благоприятном исходе переправы начала крепнуть. Используя благоприятную обстановку, французские саперы приступили к установке козлов на реке.

Скрытное проведение таких объемных по масштабу инженерных работ, как наведение переправы для целой армии, было практически невозможно. Они были хорошо видны и слышны в отряде Корнилова. Еще накануне он доложил своему командованию о скоплении крупных сил противника в районе Студянки и его намерении оборудовать здесь переправу. Утром 14 (26) ноября им было послано новое донесение, в котором сообщалось, что неприятель приступил к постройке мостов. Местность на участке переправы благоприятствовала французам: высокий левый берег Березины господствовал над низким правым. Кроме того, к правому берегу реки примыкала обширная болотистая пойма, ширина которой в районе Студянки достигала 500 м. Поэтому когда приданная отряду Корнилова легкая артиллерийская рота попыталась провести четырьмя орудиями пристрелку переправы, то выяснилось, что их ядра долетают лишь до середины реки. Зато противник первым же залпом установленных на высоте тяжелых орудий сразу подавил эти пушки.

Убедившись, что русские под Студянкой располагают незначительными силами, Наполеон решил приступить к захвату плацдарма на западном берегу Березины. Это было необходимо, чтобы создать надежные условия для наведения переправы, исключив вероятность огневого воздействия по ней со сторо-

ны противника. Впрочем, последнее уже было достигнуто: русская артиллерия оказать противодействия не могла, а ружейный огонь из-за большого удаления основных сил русской пехоты от уреза воды был малоэффективен. Под прикрытием артиллерии Наполеон послал вплавь через реку кавалерию. При этом каждый всадник взял с собой на лошадь одного пехотинца. Одновременно вместе с кавалерией к правому берегу направились паромы с французской пехотой. Высадившись на противоположном берегу, французы огласили его ликующими кликами и ружейным салютом. Отряд Корнилова двинулся было вперед, чтобы сбросить противника в реку, когда прискакал гонец из-под Зембина. Из доставленного ему донесения полковник Корнилов узнал, что французская кавалерия переправилась через Березину в районе Веселово, напротив Зембина, а находившиеся там его казаки под натиском противника теперь отступают на соединение с главными силами.

Силы врага на захваченном плацдарме быстро возрастали благодаря бесперебойной работе паромов. Французская пехота продвинулась вперед, достигла леса и завязала в нем огневой бой с нашими егерями. Наполеон лично руководил постройкой мостов, которая быстро продвигалась вперед. К середине дня первый мост был уже готов, и сразу же по нему двинулись на правый берег войска маршала Удино. Едва только его передовые колонны преодолели реку, как Удино немедленно направил к Зембину сильный отряд, чтобы овладеть находившимся там дефиле, через который пролегла дорога на Вильно. Расстояние от переправы через Березину в районе Студянки до Зембина по дороге составляло 12 км. Быстрый бросок французов на Зембин увенчался успехом: все мосты и плотины на болотах были захвачены ими в полной сохранности. Путь отступления в Литву был открыт. Довольный первоначально достигнутым успехом, Наполеон воскликнул, обращаясь к свите и указывая на небо: «Видите, моя звезда опять взошла!» Как и все завоеватели, он слепо верил в фатальное предзнаменование судьбы и ее благосклонность к себе.

Атакованный противником (около 6 тыс. пехоты и до 1,5 тыс. кавалерии), наступавшим при сильной поддержке артиллерии, отряд Корнилова после упорного сопротивления был оттеснен на

2 км от берега. Отступив к лесу, русская пехота и спешенная кавалерия при поддержке 12 орудий остановили дальнейшее продвижение французов и сдерживали их в течение трех часов. Тем временем, узнав о переправе противника в районе Студянки, из Борисова на помощь Корнилову спешно прибыл генерал Чаплиц. Это помогло русским удержать занимаемую позицию до наступления темноты, несмотря на яростный натиск врага.

Короткий зимний день закончился. Опустившиеся над Березиной сумерки быстро сгустились. Ночью ожесточенный бой постепенно затих.

Пока корпус Удино вел боевые действия по расширению плацдарма, сражаясь с войсками Корнилова, Чаплица и непрерывно подходившими к ним из-под Борисова подкреплениями, французские саперы закончили постройку второго моста. Переправа французских войск через Березину шла непрерывно, хотя из-за поломки мостов иногда возникали задержки. Вечером к Студянке подошел и сразу же приступил к переправе сводный корпус маршала Нея⁴⁷. Наполеон поручил Нею командование всеми французскими войсками на правом берегу реки, приказав удерживать захваченный там плацдарм во что бы то ни стало. Хотя к этому времени император уже имел сведения о движении армии Чичагова вниз по Березине, но был убежден, что, узнав о переправе французов у Студянки, она не замедлит вернуться. Поэтому он всеми средствами стремился ускорить переправу.

Но опасения Наполеона были напрасны. Весь день 14 (26) ноября Чичагов простоял в Забашевичах. Здесь во второй половине дня он получил донесения от Корнилова и Чаплица, сообщавших о намерениях противника навести переправу в районе Студянки. Одновременно поступило донесение и о заготовке французами материалов для постройки моста ниже Борисова. В создавшихся условиях Чичагов решил выждать прояснения обстановки. Он ожидал донесения от графа Орурка, высланного к Березино. На помощь Чаплицу по его распоряжению было направлено несколько батальонов пехоты.

Генерал Орурк, прибыв рано утром 14 (26) ноября в назначенный район, сразу же выслал во все стороны разведку. Никакого противника в окрестностях Березино ею обнаружено

не было. Однако высланный на левый берег Березины казачий разъезд капитана Малиновского обнаружил в селе Погост (7 км юго-восточнее Березино) эскадрон польских уланов, прибывших туда из-под Бобруйска. В результате внезапной атаки казаков застигнутый врасплох эскадрон противника был разгромлен, потеряв только пленными 40 человек. Но самым ценным трофеем из захваченных казаками в этом скоротечном бою явился найденный у эскадронного командира приказ «идти к Борису и выше по Березине, где имеет быть переправа»⁴⁸. Добытые Оруркком данные поступили в штаб Чичагова лишь поздно вечером. Сопоставив их с донесениями, поступившими от Чаплица, командующий 3-й Западной армией наконец убедился в истинном положении дел и утром 15 (27) ноября выступил из Забашевичей к Борису. Орурк, не получив никаких указаний от командования армии (о нем просто забыли!), по собственной инициативе пошел на соединение с главными силами. Одновременно он выслал майора Храповицкого навстречу Главной армии с донесением Кутузову о переправе Наполеона выше Борисова.

14 (26) ноября Витгенштейн выступил из Баранов и продвинулся в направлении Борисова на 14 км. Здесь он получил известие о переправе Наполеона у Студянки и о том, что корпус Виктора находится под Борисовом. Первой его реакцией на эти события было намерение идти прямо к Студянке, находившейся в 25 км западнее, и атаковать переправу с тыла, одновременно отрезав корпус Виктора от главных сил французской армии. Однако вскоре выяснилось, что дорога к Студянке непроходима для артиллерии, и Витгенштейн был вынужден отказаться от своего намерения. Теперь он решил идти на Борисов и там атаковать Виктора. С этой целью Витгенштейн вошел в связь с атаманом Платовым, предложив ему оказать содействие наступлению 1-го пехотного корпуса. Казачий корпус в это время находился в 20–25 км восточнее Борисова, задерживаемый упорным сопротивлением французского арьергарда. Маршал Виктор имел приказ Наполеона любой ценой задержать наступавших на Борисов русских, чтобы выиграть время, необходимое французскому командованию для наведения переправы у Студянки, сосредоточения к ней всех французских войск и их

перехода через Березину. Поэтому стремительное отступление неприятеля, которое имело место в первые дни после оставления им Орши, теперь резко замедлилось.

14 (26) ноября Кутузов переправился через Днепр в Копысе и двинулся к Березине. Марш Главной армии проходил южнее Оршанской дороги. Вероятно, главнокомандующий все еще опасался прорыва Наполеона на юг и в случае такого маневра неприятеля был готов воспрепятствовать ему. С этой целью от главных сил был выделен собственный авангард под командованием генерал-лейтенанта И.В. Васильчикова, ибо авангард Милорадовича, действовавший вдоль столбовой Оршанской дороги, удалился от армии на такое расстояние, что далее при всем желании уже не мог выполнять свои функции⁴⁹.

Утром 15 (27) ноября положение сторон было следующим. Армия Чичагова находилась на марше из Забашевичей к Борису; корпус Витгенштейна наступал из района Кострицы (15 км северо-восточнее Борисова) на Борисов, Платов и Ермолов — из Лошницы на Борисов. Наполеон всю ночь лично руководил переправой своих войск у Студянки. Маршал Виктор с двумя дивизиями шел от Борисова к Студянке. Третья дивизия (12-я пехотная дивизия генерала Л. Партуно — 3,5 тыс. человек) была им оставлена в Борисове с приказанием удерживать город до вечера. По существу, оставляя эту дивизию в Борисове, Виктор обрекал ее на верную гибель, ибо задача, поставленная перед Партуно, была, попросту говоря, невыполнима. Удерживая город, генерал Партуно, по замыслу маршала Виктора, должен был не допустить соединения в Борисове Чичагова, Платова и Витгенштейна, держать русских в неведении относительно места истинной переправы (но им оно было уже хорошо известно!) и выдворить из города многочисленные толпы отставших и безоружных солдат, которые, найдя в нем теплые квартиры и кое-какие запасы, никуда больше не хотели идти.

Наступивший после холодной и ненастной ночи хмурый расцвет застал русские и французские войска в лесу на правом берегу Березины взаимно перемешанными. Поэтому первое, с чего начался день 15 (27) ноября на захваченном накануне противником плацдарме, стало то, что русские и французские офицеры принялись, как на учебном поле, разводить своих стрелков

в разные стороны, притом без каких-либо попыток противодействия другой стороны. Негласное джентльменское соглашение сторон на плацдарме продолжало сохраняться в течение всего дня. Русские войска не атаковали противника по причине своей малочисленности, ожидая подхода подкреплений. Французов такое положение вполне устраивало, так как давало возможность спокойно продолжать переправу. В середине дня на правый берег Березины перешел Наполеон с гвардией. На левом берегу для прикрытия переправы оставались две дивизии Виктора.

Вечером 15 (27) ноября и в ночь на 16 (28) ноября на левый берег, еще не полностью оставленный войсками, стали прибывать огромные толпы безоружных и полубезоружных людей, оставших от своих частей, раненых, больных, обмороженных. За ними и вместе с ними стали переправляться обозы, а с обозами — те несчастные иностранцы, вышедшие с французами из Москвы, которые еще уцелели во время отступления. Там было много женщин и детей. Они рвались к мостам, умоляли пропустить их поскорее, говорили о казаках, которые идут следом за ними, но их не пропустили. Наполеон приказал прежде всего переправить обозы, а уж потом, если хватит времени, безоружных, раненых, женщин и детей. Если же времени не хватит — мосты было приказано сжечь.

В 15 часов авангард Витгенштейна, возглавляемый генералом Е.И. Властовым, вышел к Старому Борисову (5 км севернее Борисова), где узнал, что Виктор с главными силами своего корпуса уже прошел к Студянке. Властов бросился вслед за ним, настиг одну из его задних колонн, с ходу атаковал ее и захватил одну пушку. Пленные показали, что в Борисове осталась дивизия Партуно. Узнав об этом, Витгенштейн решил преградить ей дорогу к Студянке. Главные силы его корпуса развернулись в боевой порядок севернее Старого Борисова фронтом на юг. Вскоре на дороге показалась дивизия Партуно. За ней следовали огромные толпы безоружных солдат (по некоторым данным, до 8 тыс. человек). Увидев, что путь на Студянку перерезан русскими, французский генерал пошел на прорыв, но был отбит. Витгенштейн послал к нему парламентаря с требованием сдачи. Однако Партуно, задержав парламентаря и вос-

Е.И. Властов.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

пользовавшись наступившей темнотой, попытался пробраться к переправе у Студянки (до нее оставалось пройти около 10 км) обходными путями. Он бросил свои обозы, артиллерию и двинулся по заболоченному лесу в обход Витгенштейна. Однако эта отчаянная попытка спастись окончилась неудачей. Казаки быстро напали на след противника и бросились за ним в погоню. Пройдя всего около километра, изнемогающие от усталости, голода и лютой стужи, французы уткнулись в только что замерзшее озеро. В ночной темноте они не разглядели запорошенного снегом льда и продолжали движение вперед. Под тяжестью массы людей неокрепший еще лед проломился, и многие из них оказались в воде. Положение создалось безвыходное. Слева находились войска Витгенштейна, разложенные ими огни бивуачных костров мерцали между стволами деревьев. Сзади напирали казаки. Дорогу вперед преграждало озеро. Справа была непроходимая из-за глубокого снега лесная чащоба. Не видя выхода из создавшейся обстановки, генерал Партуно направил к Витгенштейну парламентаря. В 7 часов утра французская дивизия капитулировала. В плен сдались 5 генералов и 9 тыс. солдат с 3 пушками⁵⁰. Часть следовавших за дивизией Партуно отставших и безоружных солдат осталась на дороге у Старого Бо-

рисова и там была пленена. Некоторые из них бежали обратно в Борисов, а большинство направилось вслед за дивизией и вместе с нею утром 16 (28) ноября попало в плен.

Пока Витгенштейн вел борьбу с дивизией Партуно, казаки Платова и партизанский отряд Сеславина подошли к Борисову. С ходу ворвавшись в город, они захватили там много пленных и две брошенные французами пушки. Город был взят русскими войсками без боя.

3-я Западная армия 15 (27) ноября прибыла в район Борисова и остановилась на ночлег на правом берегу Березины, напротив города. По приказу Чичагова через реку в районе города был наведен понтонный мост, через который установлена связь с корпусами Платова и Витгенштейна. На личной встрече в Борисове Чичагов и Витгенштейн условились с утра следующего дня перейти в наступление по обоим берегам Березины в общем направлении на Студянку. Казаки Платова и авангард Ермолова должны были перейти через реку и поддержать 3-ю Западную армию.

16 (28) ноября, едва только забрезжил рассвет, генерал Чаплиц атаковал противника на плацдарме и потеснил его передовые части. Но Ней бросил свои войска в контратаку и остановил дальнейшее продвижение русских. В 9 часов утра Чичагов, выступивший из-под Борисова еще до рассвета, подошел к местечку Стахов, находившемуся в 5 км южнее поля боя. Отсюда на помощь Чаплицу им были высланы 9-я и 18-я пехотные дивизии, общее командование которыми возглавил генерал-лейтенант И.В. Сабанеев. Являясь горячим приверженцем боевых действий пехоты в рассыпных строях, он еще на подходе к полю боя рассыпал в стрелковые цепи большую часть обеих дивизий. В это время маршал Ней произвел кавалерийскую атаку. Сняв небольшие группы наших стрелков, французская кавалерия (до 1500 сабель) устремилась на резервы и на длинную растянутую цепь подходящих стрелков Сабанеева. Положение создалось критическое. Перелом в ход боя внесла блистательная атака Павлоградского гусарского полка, возглавляемого своим шефом генерал-майором Е.И. Чаплицем. Французская кавалерия была опрокинута и отброшена в исходное положение.

Всю оставшуюся часть дня стрелки обеих сторон вели упорный огневой бой в лесу. Когда ряды их редели, на смену им шли другие. Несколько часов боевые действия в лесу велись с переменным успехом, обе стороны несли большие потери. Неоднократные попытки наших войск выйти из леса и приблизиться к переправе кончались неудачей. Шквальный огонь французской артиллерии пресекал их в самом начале. В то же время русское командование не имело возможности ввести в бой свою артиллерию. Причина заключалась в неблагоприятной местности. Имелась лишь одна подходящая площадка на узкой дороге при выходе из леса, на которой можно было одновременно установить только два орудия. Тем не менее русские артиллеристы не замедлили воспользоваться представившейся им ограниченной возможностью. В течение 12 часов, поочередно сменяя друг друга, огонь по противнику с этой огневой позиции вели четыре артиллерийские роты⁵¹. Командовали этими ротами капитаны Арнольди, Пащенко, Бобриш и Пребстинг. Под сосредоточенным огнем вражеских батарей каждый взвод выдерживал не более получаса и с большими потерями выводился из боя. На его место сразу же заступал другой взвод.

Кровопролитный бой на плацдарме продолжался до позднего вечера. Все это время позади корпусов Нея и Удино (общая численность около 12 тыс. человек) в резерве стоял сам Наполеон с гвардией (7 тыс. человек, в том числе 1,4 тыс. кавалерии)⁵². А за ними от переправы к Зембину непрерывным потоком тянулись обозы, артиллерия, безоружные и нестроевые солдаты. В этом бою, получившем в военной истории название «бой при Стахове», приняло участие до половины сил, входивших в состав 3-й Западной армии. В нем не было ни маневров, ни обходов, ни атак колоннами, все свелось к огневому бою крупных масс стрелков, действовавших отдельными группами. Потери русских войск в бою при Стахове составили около 2 тыс. человек⁵³. Противник потерял значительно больше.

Витгенштейн ночь на 16 (28) ноября провел в Старом Борисове. Задолго до рассвета, в 5 часов утра, по направлению к Студянке выступил его авангард. Вскоре за ним двинулись отряд генерала Г.М. Берга и резерв. Часть войск под командованием генерала Ф.Ф. Штейнгеля осталась на месте до завершения пе-

И.В. Сабанеев.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

реговоров о капитуляции с дивизией Партуно. Корпус Виктора занимал позицию на высотах впереди Студянки. Его левый фланг прикрывала кавалерийская бригада, а правый — примыкал к реке Березина. Командовавший авангардом генерал Властов приказал своей коннице атаковать французскую кавалерию, а против правого фланга противника выставил 12 орудий, которые сразу же открыли огонь по ближайшему мосту на Березине. Пока конница с переменным успехом вела бой с французской кавалерией, а егеря завязали перестрелку с противником на подступах к его позиции, наша батарея учинила настоящий разгром переправы. Пушечные ядра ложились точно на мост, забитый обозами. Они крушили, опрокидывали, разбивали в щепы повозки и экипажи, поражали людей и лошадей. На переправе началась невообразимая паника, образовалась огромная пробка; сгрудившаяся на мосту толпа не могла податься ни взад, ни вперед. А русская артиллерия, не снижая темпа огня, продолжала бить по этой огромной толпе, превращая ее в кровавое месиво из человеческих и конских тел. Наконец толпа отхлынула с моста назад, но навстречу ей с берега на мост устремилась другая, еще более внушительных размеров. Началось настоящее столпотворение. Никакая сила не была в состо-

Переправа через Березину. Художник П. Гесс

янии восстановить здесь порядок. Чтобы нейтрализовать действия русской батареи, маршал Виктор атаковал отряд Властова. Его атаку поддерживала французская батарея с правого берега реки, руководство которой осуществлял лично Наполеон. Под натиском противника авангард Властова был вынужден отступить. Подоспевший с передовой колонной своего отряда генерал Берг с ходу контратаковал врага и отбросил его в исходное положение. Но Виктор ввел в бой свой резерв и восстановил положение. После этого Берг произвел перегруппировку войск и при поддержке подошедшей батарейной роты вновь атаковал неприятеля. В ходе упорного и напряженного боя французы постепенно были оттеснены к своей основной позиции, сбить с которой нашим войскам их не удалось. Всю оставшуюся часть дня стороны ограничивались ведением огневого боя. Артиллерийская канонада на берегах Березины гремела до самого позднего вечера.

В этот день Витгенштейн вновь упустил верный шанс нанести решительное поражение противнику. Вместо того чтобы всеми силами обрушиться на французский арьергард и уничтожить

его на левом берегу Березины, он разбросал свои войска. В результате в бою под Студянской из 28–30 тыс. человек, которыми он располагал, приняли участие лишь 14 тыс. Граф Штейнгель весь день простоял в Старом Борисове, принимая непомерно затянувшуюся капитуляцию дивизии Партуно. Из двух колонн Берга в бою приняла участие только одна, а другая весь день протопталась в тылу. Со стороны противника в бою под Студянской участвовала лишь 28-я пехотная дивизия генерала Ж. Жирара, имевшая в строю до 5 тыс. человек. Обе стороны понесли в этом бою большие потери. Кроме того, противник потерял много людей на переправе. После того как все попытки французов отбросить наши войска от переправы потерпели неудачу, русская артиллерия возобновила ее обстрел. При этом в дело были введены значительно более крупные силы артиллерии, нежели это имело место утром. Обезумевшие от ужаса толпы людей в отчаянии бросались на мост. Исчезли всякие различия в чинах и званиях, никто не внимал голосу начальников, каждый имел только одну цель — добраться до противоположного берега, а для этого применялись любые средства. Более сильные, пробивая себе дорогу вперед, сбивали с ног слабых и шли напролом по грудам тел. Многих из оказавшихся на краю моста толпа просто сбрасывала в воду. А когда на переправу врывались артиллерия и кавалерия, то давили колесами и конскими копытами без разбору всех, кто попадался на пути, — и здоровых, и раненых, и больных. Не переставая ни на минуту, над этим нескончаемым потоком людей, лошадей, повозок и орудий бушевала истребительная стихия. Вопли раздавленных или сброшенных в ледяную стремнину, стоны раненых заглушались пронзительным визгом пушечных ядер, оглушительными разрывами гранат, несмолкаемыми перекатами ружейной пальбы и гулом артиллерийской канонады, гремевшими по обоим берегам Березины. Нередко от прямых попаданий ядер и гранат со страшным грохотом взрывались, взлетая на воздух, зарядные ящики, лошади с опрокинутыми передками орудий и перевернутыми повозками взвивались на дыбы, разбрасывая вокруг себя людей, и все это, смешавшись в кучу, летело в воду...

С окончанием боя под Студянской напряженность на переправе не уменьшилась. Около 10 часов вечера на ней появились части

9-го пехотного корпуса. Оставив на позиции у Студянки арьергард, маршал Виктор начал спускаться с высот левого берега, на которых держался целый день. Его колонны пробивали себе дорогу к мостам прикладами и штыками. К часу ночи их переправа на правый берег Березины закончилась. Мосты на какое-то время опустели. Многочисленные толпы отставших от своих частей и безоружных солдат, беженцы, уходящие с армией, — все не успевшие перейти через реку, а потом разогнанные в разные стороны солдатами Виктора остались на левом берегу. Укрываясь от холодного ветра в разбитых, опрокинутых и брошенных на берегу повозках или коротая ночь у костров, они не хотели идти в промозглую, холодную ночь, ледящую стужу, в мрачную неизвестность того берега и ожидали рассвета. Ночью им несколько раз был передан приказ коменданта переправы о немедленном переходе на правый берег Березины. Однако безразличие и апатия этих изможденных до крайности людей были таковы, что лишь немногие повиновались приказу. Большинство же предпочло временное забвение от суровых реалий губительного отступления. Чтобы вывести из оцепенения смирившихся со своей участью людей, Наполеон в 5 часов утра приказал жечь их повозки и разбрасывать костры. Эта мера произвела определенное воздействие, тем более что вскоре к мостам тронулся арьергард Виктора, простоявший всю ночь на левом берегу. Только после этого подкрепленные коротким отдыхом и осознавшие, что за ними нет уже больше никаких войск, а следовательно, и никакой защиты от вездесущих казаков, толпы беглецов устремились к мостам. Но перейти их удалось далеко не всем.

Начинался холодный зимний рассвет. Генерал Эбле, получивший приказ Наполеона уничтожить мосты, медлил с его исполнением до последней возможности. И только когда в половине 9-го утра на высотах у Студянки показалась страшная гроза французов — казаки, им был отдан приказ зажечь мосты. Медлить больше было уже нельзя, хотя еще многие тысячи его соотечественников оставались на левом берегу. Мосты, еще ночью подготовленные к уничтожению, вспыхнули мгновенно. Отчаянные, неистовые крики огласили заснеженные берега Березины. Но они потонули в пронзительных завываниях северного ветра и разыгравшейся с раннего утра сильной ме-

тели. После этого казаки стремительно налетели на оставшуюся многотысячную беспорядочную толпу; загремели выстрелы, засвистели сабли, пошла рубка, в ряде мест завязались перестрелки. На берегу вновь началась невообразимая паника. Тысячи людей в ужасе заметались в поисках выхода. Некоторые бросились сквозь пламя, пожиравшее мосты, но вместо избавления нашли мучительную смерть. Другие пытались спастись вплавь, но ледяная вода быстро поглотила их. Та же участь постигла и тех, кто попытался перебраться на противоположный берег по льду. На вопли утопающих о помощи никто не обращал внимания, каждый думал только о себе. По свидетельству очевидцев, Березина до такой степени была запружена трупами, что по ним можно было бы переходить пешком с одного берега на другой. Поражало большое число задавленных на берегу или утонувших женщин, детей, грудных младенцев, обвивавших своими ручонками шеи матерей...

Отступление французской армии от Березины на запад началось в ночь на 17 (29) ноября. Она уходила через Зембин на Молодечно. Арьергардом командовал маршал Ней. Чичагов, узнав об отступлении противника, двинулся вслед за ним и уже на первых километрах преследования захватил много трофеев, в том числе 7 пушек, и более 3 тыс. пленных. Дальнейшее преследование неприятеля им было поручено авангарду, командование которым возглавил генерал Чаплиц.

Витгенштейн утром 17 (29) ноября подошел к Студянке, где ввиду отсутствия переправы, только что уничтоженной противником, был вынужден остановиться. Отдав приказ о наведении переправы, он начал разбираться с трофеями и огромным количеством сдавшихся здесь в плен французов. Пленные офицеры и солдаты, беженцы — мужчины и женщины, облаченные в большинстве своем в лохмотья, обмороженные, дрожащие от холода (мороз в эти дни достигал -20°C), бросались к нашим солдатам и, как милостыню, просили корку хлеба. Солдаты и ратники, преодолев жгучую ненависть к захватчикам, кто сколько мог, делились с ними сухарями, и вчерашние враги в знак благодарности целовали руки великодушных победителей. Здесь, на Березине, нашими войсками были отбиты у врага последние остатки захваченной им в России добычи.

Сражение на реке Березина 14–16 (26–28) ноября 1812 г. завершилось новым крупным поражением Наполеона. Однако основной задачи — окружить и уничтожить остатки наполеоновской армии — русскому командованию выполнить не удалось. Находясь, казалось бы, в безвыходном положении, Наполеон все же сумел выскользнуть из уготованной ему западни. В этом ему помог целый ряд благоприятно сложившихся для него обстоятельств, которыми французский полководец умело воспользовался.

Основные причины, помешавшие русской армии реализовать намеченный замысел, заключались в ошибках Чичагова, нерешительности Витгенштейна, недостатках главного командования по руководству войсками в ходе Березинской операции и во вмешательстве царя в боевую деятельность войск через голову главнокомандующего, что вносило известную дезорганизацию в управление ими. Так, главнокомандующий М.И. Кутузов, находясь в самый решающий момент на большом удалении от развернувшихся на реке Березина событий, не принял должных мер по организации четкого взаимодействия между участвующими в Березинской операции войсками (3-я Западная армия, корпуса Витгенштейна и Платова) и не направлял твердой рукой их действия для достижения главной цели операции. Это в конечном счете привело к несогласованности и разобщенности действий сражавшихся на Березине русских войск. Имея большое превосходство в силах и удерживая в своих руках инициативу, они тем не менее не сумели нанести решительного поражения противнику и уничтожить наполеоновскую армию на берегах Березины, хотя для этого у них имелись все возможности. Наполеон с армией перешел по наведенным мостам через Березину раньше, чем трое русских военачальников, которые должны были «завязать его в мешок», прибыли на место действия.

В своем донесении царю, объясняя причины, почему Наполеону удалось вырваться из окружения, Кутузов всю вину свалил на Чичагова⁵⁴. Это расхожее мнение прочно утвердилось в истории. Поколения русских детей знакомились по басне Крылова «Щука и кот», написанной специально по поводу Березины, с тем, как у щуки крысы хвост отгрызли, то есть как

адмирал потерпел на суше неудачу. Поколения взрослых, изучая историю, узнавали, как адмирал Чичагов испортил конец Отечественной войны, упустив Наполеона на Березине. Однако объективный анализ Березинской операции и всех предшествовавших ей событий позволяет сделать вывод, что дело обстояло не совсем так, как его интерпретировал Кутузов, и «вину» за то, что «не поймали Наполеона», следует разложить на четырех лиц: Чичагова, Витгенштейна, Кутузова и царя Александра I. Но, к сожалению, так уж ведется, что у победы всегда имеется много творцов, а в неудаче, как правило, всегда видят только одного виновника. Остальные сначала «скромно» остаются в тени, а со временем о них и вовсе забывают. Так случилось и с Чичаговым.

Конечно, адмирал Чичагов был главным виновником незавершенности Березинской операции, и это трудно оспаривать. Имея под своим командованием закаленную в боях 32-тысячную армию со 180 орудиями⁵⁵ (эта армия шесть лет воевала с турками), он имел полную возможность преградить Наполеону путь отступления на запад, тем более опираясь на такой выгодный естественный рубеж, как река Березина. Однако не вина, а беда адмирала Чичагова, что судьба уготовила ему, дилетанту в военном искусстве, встречу с величайшим полководцем своего времени — Наполеоном, которому за свою долгую боевую карьеру доводилось бить десятки куда более маститых военачальников. Свое единоборство с Наполеоном Чичагов проиграл вчистую. И не только проиграл, в чем, собственно говоря, нет ничего предосудительного: война, как известно, процесс двухсторонний, и в нем всегда кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, и истории известно немало случаев, когда проигрывали даже знаменитые полководцы, но был просто обманут противником, как начинающий практикант опытным шулером. Это противоборство не было борьбой на равных, а было игрой опытного профессионала с начинающим любителем. Вот это-то больше всего и задело за живое общественное мнение России, вызвало поток различного рода злобных насмешек, упреков, издевательских замечаний по адресу незадачливого адмирала. Не выдержав уничижительной критики в свой адрес со стороны широкой общественности и считая ее не вполне заслуженной,

а тем более справедливой, развенчанный, но гордый военачальник через два года навсегда покинул Россию и всю оставшуюся жизнь (35 лет) провел за границей, на чужбине.

Так кто же такой был Чичагов, которому предназначалась главная роль в Березинской операции, но который так и не сумел оправдать возлагавшихся на него надежды?

Павел Васильевич Чичагов происходил из древнего дворянского рода, представители которого уже на протяжении трех веков служили России. Сам Павел Васильевич родился в семье знаменитого адмирала В.Я. Чичагова, прославившегося своими морскими победами в Русско-шведскую войну 1788–1790 гг. (кстати, В.Я. Чичагов был единственным из русских адмиралов, удостоенных ордена Георгия 1-й степени, если не считать Алексея Орлова, получившего такую же награду за победу при Чесме).

Военную службу Павел Чичагов начал в раннем возрасте — с 14 лет. Участвовал в целом ряде морских походов, боев и сражений. При Павле I подвергся не только опале и увольнению со службы, но даже угодил в крепость как «важный государственный преступник». Правда, излишне вспыльчивый император вскоре помиловал строптивого моряка. При Александре I последовал стремительный взлет в карьере П.В. Чичагова. Приблизив Чичагова к себе, царь производит его в адмиралы, жалует генерал-адъютантом и вскоре назначает морским министром. На посту министра Павел Васильевич пробыл четыре года (1807–1811) и был вынужден покинуть его из-за придворных интриг. Но царь не забывает своего любимца и в том же 1811 г. учреждает для него несколько странную должность — «главнокомандующего Молдавией, Валахией и Черноморским флотом». Незадолго до начала Отечественной войны Чичагов неожиданно заменяет М.И. Кутузова на посту главнокомандующего Дунайской армией. При объединении осенью 1812 г. Дунайской и 3-й Западной армий в одну царь предпочел Чичагова на посту главнокомандующего объединенной армией старому, заслуженному и опытному генералу А.П. Торماسову. Так в общем-то довольно случайно, по прихоти царя, адмирал П.В. Чичагов оказался на посту главнокомандующего одной из двух русских армий, не имея для этого ни соответствующе-

го опыта, ни должной подготовки. И вот теперь на 45-летнего адмирала была возложена задача колоссальной трудности — «поймать Наполеона».

Будучи от природы человеком далеко не глупым, Чичагов хорошо представлял себе всю сложность данного предприятия и был явно не в восторге от оказанной ему чести. Об этом свидетельствует хотя бы слишком затянувшееся его пребывание у Бреста. Тяжелые предчувствия не обманули адмирала. Горячий, увлекающийся человек, склонный к излишнему фантазерству, лишенный способности командовать крупными войсковыми объединениями, П.В. Чичагов навеки опозорил свою репутацию и свое историческое имя как раз на этой злосчастной для него березинской переправе. Да, Чичагов был хотя и главным, но далеко не единственным виновником незавершенности Березинской операции. Вернее даже не незавершенности, поскольку данная операция все же завершилась очередным разгромом наполеоновской армии, а невыполнением тех задач, которые ставились перед войсками, привлекавшимися к ее проведению.

С другими видными участниками событий на Березине все ясно. Платов, лишенный поддержки Витгенштейна, не смог сломить упорного сопротивления арьергарда французской армии, возглавляемого маршалом К. Виктором. Все его действия свелись к фронтальному преследованию медленно отступавшего вдоль Оршанской дороги противника. Какого-либо маневра с целью нанесения удара во фланг и тыл отходящим к Борису французским войскам со стороны казачьей конницы произведено не было. Таким образом, с формальной точки зрения действия Платова, казалось бы, были безупречными, но, по существу, на них лежала печать безынициативности, граничившей с пассивностью. Те большие трофеи, захваченные станичниками в ходе преследования, являлись не чем иным, как брошенным французами в ходе поспешного отступления имуществом, а те тысячи пленных — отбившимися от своих частей толпами безоружных и деморализованных солдат, которые для французского командования уже никакой боевой ценности не представляли, а скорее являлись ненужной обузой.

Что касается Витгенштейна, имевшего под ружьем 34,5 тыс. человек⁵⁶, то он самым банальным образом просто уклонился

от встречи с Наполеоном. И не только с Наполеоном. Отбросив корпус Виктора на Оршанскую дорогу, Витгенштейн не объединил свои усилия с Платовым для разгрома французского арьергарда, хотя его удар во фланг и тыл Виктору мог бы иметь решающее значение и привел бы к резкому изменению обстановки на восточном берегу Березины. Имидж «победителя», полученный Витгенштейном в результате пленения дивизии Партуно под Старым Борисовом, далеко не компенсировал упущенные им возможности. «Опоздание» этого военачальника к месту решающих событий уже тогда никого не вводило в заблуждение. В основе его лежали страх перед встречей с Наполеоном и опасение за свою боевую репутацию. Тем не менее созданный вокруг Витгенштейна ореол «полководца» рассыпался уже через полгода. Назначенный после смерти М.И. Кутузова главнокомандующим русской армией, он сразу же потерпел одно за другим два крупных поражения от Наполеона. После неудачного для нас сражения под Бауценом (май 1813 г.) прибывший к Витгенштейну Милорадович от имени большой группы генералов без обиняков заявил ему: «Благо Отечества требует, чтобы вы были сменены». Но тогда, на Березине, его никто и не думал смещать, и даже Кутузов сделал вид, что «не заметил» откровенной трусости подчиненного ему генерала.

Позиция М.И. Кутузова, занятая им накануне и в ходе Березинского сражения, требует более детального рассмотрения. Еще во время Тарутинского марш-маневра, когда Кутузов находился в Красной Пахре, к нему из Петербурга прибыл царский флигель-адъютант А.И. Чернышев. Он привез разработанный военными советниками царя план, в соответствии с которым войска Чичагова и Витгенштейна, предварительно отбросив корпуса Шварценберга и Макдональда за Буг и Неман, должны были соединиться в районе Минска. Затем им предстояло выйти на рубеж рек Березина и Ула (левый приток Западной Двины), подготовить там оборонительный рубеж и, перерезав коммуникации противника, ведущие на запад, создать условия для окружения и уничтожения армии Наполеона. Таким образом, согласно этому плану основная роль в его реализации отводилась армии Чичагова и корпусу Витгенштейна, которые должны были немедленно начать активные действия на коммуникациях противника.

Петербургский план не отвечал действительности. Он не учитывал необходимости предоставления главным силам русской армии некоторой паузы в боевых действиях для приведения себя в порядок после длительного и тяжелого отступления, а также недооценивал их решающей роли в разгроме врага. В силу своего положения М.И. Кутузов не имел возможности прямо отвергнуть присланный царем план; он поступил в своем обычном духе: ничего не возразил по существу и направил соответствующие распоряжения Витгенштейну и Чичагову, но остался при своем мнении. Главнокомандующий не одобрял этого плана, не верил в его реальность и не желал его выполнять. Кутузов лишь деликатно намекнул Александру I насчет «трудностей», которые неминуемо возникнут при реализации данного плана, и сделал вид, будто принял план к руководству с тем, чтобы сохранить свой план и проводить его в жизнь. Кутузовский план перехода в контрнаступление предусматривал участие в разгроме врага всех действующих армий и осуществление в ходе преследования наполеоновской армии такой сложной и решительной формы боевых действий, как окружение. Окружение и полный разгром главных сил противника, по замыслу Кутузова, предполагалось осуществить на пути их отступления к Смоленску. И вот с этого момента берет свое начало березинская драма. Ее причины крылись в различии политических и стратегических целей царя и Кутузова. У Кутузова была определенная политическая цель, в которой он видел благо Отечества. Эта цель заключалась в том, чтобы изгнать врага из России с минимальными потерями и ни шагу дальше. Оплачивать русской кровью возвращение тронов европейским монархам в его расчеты не входило. Кутузов лучше всех знал, что «ловить» Наполеона, сидя в Зимнем дворце или в кресле перед камином в доме русского посольства в Лондоне, гораздо легче, чем сделать это на реке Березина⁵⁷. Он лучше, чем кто-либо, знал о больших потерях русской армии в боях, от голода и морозов. Правда, морально-боевые качества возглавляемых им войск были выше всяких похвал, но их боевой состав, особенно после сражения при Красном, когда наступили морозы и резко обострилось положение с продовольствием и фуражом, стал быстро уменьшаться. Со снабжением войск зимним обмундированием дело обстояло крайне пло-

хо, и русские войска страдали от холода на своем тяжком пути не меньше противника. В частях резко возросло число больных и обмороженных. За два месяца контрнаступления Главная армия потеряла 70 тыс. человек. Из них 48 тыс. больных и раненых лежали в госпиталях, 12 тыс. пали в боях или умерли от ран и болезней⁵⁸. Остальные числились отставшими. Были и дезертиры. Если в Тарутино Главная армия насчитывала 97 тыс. человек и 622 орудия, то при вступлении в Вильно 28 ноября (10 декабря) в ее составе оказалось лишь 27,5 тыс. человек и 200 орудий⁵⁹. При таких условиях пленение Наполеона представлялось Кутузову делом весьма сомнительным. Все его действия на данном этапе контрнаступления вытекали из твердого убеждения, что без определенного смысла проливать солдатскую кровь непозволительно. Поэтому он являлся решительным противником каких-либо новых сражений с агонизирующей наполеоновской армией, к которым стремились жаждавшие побед и славы царь, его окружение и многие русские генералы. Главнокомандующий не только простоял два дня в Копысе, но и от Копыся до Березины делал такие частые дневки и привалы, каких никогда не делал до сих пор. Он-то сам знал, зачем он это делал. А не давать ответа на вопросы, на которые он не хотел отвечать, старый фельдмаршал умел как никто. М.И. Кутузов был убежден, что, когда наступит победный финал, в котором он нисколько не сомневался, никаких объяснений перед кем бы то ни было от него не потребуются.

Александр I и его окружение придерживались диаметрально противоположной точки зрения. Для них захватить в плен Наполеона и низвергнуть его с престола было важнее всего на свете. До царя уже доходили вести, что в Европе жаждут именно такого исхода кампании. Стремясь ускорить события, он за спиной и без ведома Кутузова стал давать указания и советы как Витгенштейну, так и Чичагову. Исходя от царя, они, естественно, приобретали силу приказов. Возникали путаница, разнобой, двоевластие... Все это привело к дезорганизации управления войсками при проведении Березинской операции. Витгенштейн и Чичагов с негласного одобрения царя нередко медлили с выполнением приказов и распоряжений главнокомандующего, а подчас и вовсе игнорировали их. В результате создавались

дополнительные трудности в руководстве действиями войск. Не желавший выполнения плана царских советников, Кутузов теперь, когда наступил решающий момент, окончательно отмежевался от него.

В сражении при Березине Наполеон понес большие потери. Точная их цифра неизвестна. В исторических трудах приводятся самые различные данные, причем, как правило, без ссылки на источники. Сам М.И. Кутузов потери противника определял в 29 тыс. человек⁶⁰. Из них до 20 тыс. было захвачено русскими войсками в плен. Абсолютное большинство из них составляли не успевшие переправиться через Березину отставшие от своих частей, безоружные и нестроевые солдаты, а также больные и раненые, брошенные французами на переправе. Остальные погибли в боях или утонули при переправе через Березину. Кроме того, противник потерял 25 орудий и огромный обоз. Много пушек французы утопили в реке⁶¹.

5.4. Агония «Великой армии»

17 (29) ноября Наполеон с армией был уже на Виленской дороге, преследуемый Чаплицем. Чичагов, Платов и Ермолов стояли в районе Стахова, Витгенштейн — у Студянки, Милорадович вступил в Борисов, Кутузов находился в 50 км юго-восточнее Борисова. Здесь он узнал о переправе Наполеона через Березину. Сначала фельдмаршал не поверил этому, но подтверждение не заставило себя долго ждать. Досаде Кутузова не было предела. Когда вспышка гнева немного улеглась, он заявил окружающим: «Бог довершит то, чего не сумели сделать отдельные генералы»⁶². Войскам были отданы распоряжения о возобновлении преследования. Теперь главная задача Кутузова заключалась в том, чтобы не допустить соединения Наполеона с корпусами, прикрывавшими его фланги. Он полагал, что война далеко еще не закончена. За Березиной стояли Макдональд, Шварценберг и Ренье, а за Неманом — резервный корпус маршала П. Ожеро. Присоединив к себе эти войска, Наполеон вновь мог оказаться во главе грозной армии, борьба с которой, вне всякого сомнения, потребовала бы больших жертв и усилий. Допустить этого ни в коем случае было нельзя.

*Я.П. Кульнев.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

Избежав на Березине окончательного разгрома, «Великая армия» сразу же после переправы пришла в полное расстройство. Основные потери в сражении пришлось на корпуса Виктора и Удино, которые одни из всей армии (конечно, кроме гвардии) пока еще сохраняли боеспособность, воинский порядок и дисциплину. Прочие корпуса, сломленные непрерывными поражениями, голодом и холодом, представляли собой слабо организованные и почти неуправляемые толпы солдат, едва ли способных к выполнению боевых задач. Однако уже через несколько дней после Березины последние остатки еще кое-как сохраняющегося боевого организма, именуемого армией, окончательно рухнули. Все смешалось в одну сплошную нестройную толпу, в беспорядке устремившуюся на Вильно. Признаки разложения затронули и гвардию. Они начали распространяться в ее рядах с нарастающей быстротой.

Первые после Березины распоряжения Кутузова сводились к тому, чтобы для ведения непрерывного преследования противника привлечь главным образом легкие войска. С этой целью кроме авангарда Чаплица были высланы: от Платова — казачьи отряды, получившие задачу действовать слева от Виленской дороги; от Чичагова — отряд генерал-майора С.Н. Лан-

ского, действовавший в том же направлении, что и казаки; от Витгенштейна — отряды Орлова-Денисова и Голенищева-Кутузова, действовавшие справа от Виленской дороги. Перед 3-й Западной армией Чичагова была поставлена задача преследовать Наполеона вдоль Виленской дороги, корпусу Витгенштейна — правее ее, корпусу Платова — опередить противника хотя бы на один переход и атаковать его на марше. Главные силы армии, переправившись через Березину в 35 км ниже Борисова и оставив Минск слева, должны были наступать на Вильно через Ольшаны, то есть южнее Виленской дороги. Их марш справа, со стороны Виленской дороги, прикрывал отряд Милорадовича, слева — «летучий» отряд Ожаровского. Мозырьский отряд генерал-майора С.А. Тучкова 2-го получил приказ идти на Минск, а партизанские отряды Давыдова и Сеславина — прямо на Ковно, для уничтожения находившихся там запасов противника.

Во время сражения на реке Березина и сразу же после него в русской армии были проведены значительные организационно-штатные мероприятия. Главную квартиру наконец покинул Л.Л. Беннигсен, высланный Кутузовым 15 (27) ноября из армии⁶³. Отстраненный Кутузовым от всех дел после сражения на реке Чернишня, он тем не менее все это время номинально продолжал числиться на посту начальника Главного штаба главнокомандующего всеми русскими армиями, хотя фактически эту должность исполнял генерал-лейтенант П.П. Коновницын⁶⁴.

В этот же день в армии был образован главный резерв в составе Гвардейского, 3-го пехотного и Кирасирского корпусов. Его командующим назначается недавно возвратившийся в действующую армию цесаревич Константин Павлович⁶⁵. 17 (29) ноября Кутузов вводит должность чрезвычайного уполномоченного по приведению в порядок тыла армии. На нее назначается командир 8-го пехотного корпуса генерал-лейтенант М.М. Бороздин. Командование 8-м пехотным корпусом принимает генерал-лейтенант З.Д. Олсуфьев, а 2-м пехотным корпусом — генерал-лейтенант принц Евгений Виртембергский. 3-й пехотный корпус, в состав которого включаются 1-я и 2-я гренадерские дивизии, преобразуется в Гренадерский корпус, командиром которого был назначен генерал-лейтенант принц

*Г. Маре.
Художник А. Девериа*

Карл Мекленбургский. В 8-й пехотный корпус вместо 2-й гренадерской дивизии была включена 17-я пехотная дивизия из 2-го пехотного корпуса, а вместо нее во 2-й пехотный корпус — 3-я пехотная дивизия из 3-го пехотного корпуса⁶⁶.

С Березины Наполеон направлялся в Сморгонь, где рассчитывал найти кое-какие запасы, дать небольшой отдых армии и в очередной раз провести ее реорганизацию. Безоружным и больным было приказано, не останавливаясь, идти на Вильно, спешенным кавалеристам — на Меречь, остаткам польского корпуса — на переформирование в Польшу. Движение всех этих отрядов к границе прикрывали остатки вестфальского корпуса Жюно. Находившаяся в Вильно пехотная дивизия генерала Л. Луазона (из 11-го пехотного корпуса Ожеро) получила приказ идти к Сморгони. Одновременно маршалу Ожеро было направлено предписание — стоящую на реке Висла пехотную дивизию генерала Геделе передислоцировать на реку Неман. Находившийся с начала войны в Вильно министр иностранных дел Г. Маре (герцог Бассано) получил указание императора под благовидным предлогом отправить всех аккредитованных там иностранных дипломатов в Варшаву. Наполеон не желал, чтобы они были свидетелями жалкого состояния его «Ве-

ликой армии», когда она появится в Вильно. Следует отдать должное оккупационным властям: не только в Европе, но и на всей оккупированной французами территории никто не знал о поражении наполеоновской армии в России. И когда разбитые французские войска, вернее их остатки, отступая под ударами русской армии, появились во всем своем неприглядном виде сначала в Белоруссии, а затем в Литве, Польше и Восточной Пруссии, то удивлению местного населения не было предела. Оно до сих пор жило мифическими представлениями о блестящих победах французской армии. Дезинформация была поставлена на такую широкую ногу, что даже корпусные командиры (Макдональд, Шварценберг, Ренье и Ожеро) не имели истинного представления о размерах катастрофы, постигшей «Великую армию». Маршал Макдональд по-прежнему продолжал стоять под Ригой, не проявляя какой-либо активности. Даже небольшие боевые стычки на этом участке фронта были относительно редким явлением. Дело дошло до того, что командовавший здесь прусскими войсками генерал Г. Йорк дал знать командиру русского Рижского корпуса генерал-лейтенанту маркизу Ф.О. Пауллуччи⁶⁷ о нежелательности перестрелок, которые только «по-пустому озлобляют войска»⁶⁸.

Шварценберг и Ренье после боя 4 (16) ноября под Волковыском двинулись к Бресту и Ковелю, преследуя отступавшего перед ними генерала Остен-Сакена. Но это преследование, несмотря на подавляющее превосходство противника в силах, велось очень вяло. Дойдя до Бреста, Шварценберг оставил здесь против Остен-Сакена саксонский корпус Ренье, а сам с австрийцами повернул обратно, к Слониму. Прибыв в Слоним, он здесь остановился и дальше не пошел. Причина такой пассивности австрийского фельдмаршала заключалась в начавшихся сильных морозах, приведших к большому числу простудных заболеваний и обморожений в его корпусе и потере связи с Наполеоном. Связь с Вильно также была нарушена русскими «летучими» отрядами и партизанами. Поэтому в течение 12 дней Шварценберг находился в полной изоляции от внешнего мира, не имея никакого представления о развернувшихся в это время событиях. Наконец пришло письмо от Маре из Вильно, который по поручению Наполеона уведомлял Шварценберга о крупной побе-

де французов в сражении на Березине, полном разгроме армии Чичагова и корпуса Витгенштейна, о тысячах русских пленных и т.п. В заключение французский министр сообщал, что император с армией идет на зимние квартиры. Но задача, поставленная Шварценбергу, была настолько двусмысленной, что тот вынужден был потребовать ее конкретизации, а в ожидании ответа продолжал оставаться в Слониме.

18 (30) ноября, выйдя из дремучих лесов, армия Наполеона прибыла в Плещеницу (45 км восточнее Молодечно). Преследовавший ее по пятам генерал Чаплиц воспользовался открытой местностью и атаковал вражеский арьергард. В результате стремительного нападения противник был опрокинут, потеряв до 400 человек пленными и 7 орудий. На следующий день вместе с подоспевшими казаками Платова Чаплиц вновь атаковал французов, выбил их из Плещеницы и гнал 8 км, захватив более 1400 пленных и 6 орудий. 20 ноября (2 декабря) передовой отряд Голенищева-Кутузова, возглавляемый подполковником бароном Ф.-К. Тетенборном, настиг под Докшицами арьергард баварского корпуса Вреде, атаковал его и разбил, захватив до 700 человек пленными. 20–21 ноября (2–3 декабря) Платов и Чаплиц несколько раз атаковали неприятеля восточнее Молодечно, захватив при этом около 2 тыс. человек в плен, 10 орудий и 2 штандарта⁶⁹.

19 ноября (1 декабря) Главная русская армия переправилась через Березину и двинулась на Ольшаны. Поручив командование войсками генералу А.П. Торماسову, сам Кутузов с небольшой группой офицеров направился на Виленскую дорогу, чтобы лично возглавить руководство войсками Чичагова, Милорадовича, Платова и Витгенштейна. В это время ударили сильные морозы. Начиная с 16 (28) ноября шкала термометра устойчиво держалась на отметке ниже -20°C . К 22 ноября (4 декабря) морозы уже достигали -25 – 30°C . Потери противника резко возросли. Ежедневно он терял уже не сотни, как прежде, а тысячи людей замерзшими. После каждого ночлега наполеоновских войск у погасших бивуачных костров или еще дымящихся пожарищ оставались груды замерзших трупов или уже потерявших способность двигаться и ожидающих своего смертного часа людей. Уже много дней единственным рационом враже-

В 1812 г. Художник И. Прянишников. 1874 г.

ских солдат служила дохлая конина. Имели место случаи каннибализма. Стиснув зубы, в безмолвном отчаянии враг бежал все дальше на запад. Вид наполеоновского воинства в эти дни был ужасен. Солдаты обертывали ноги попонами, ранцами, старыми шляпами, сеном и соломой; накрывались мешками, рогожами, шкурами; словом, для утепления использовалось все, что только попадалось под руку. У многих из глаз вместо слез выступала кровь — враг в полном смысле слова плакал кровавыми слезами. Едва передвигаясь на обмороженных ногах, обжигаемые ледяным северным ветром, покрытые ледовой коркой, эти человеческие призраки продолжали тащиться по трескучему морозу до тех пор, пока окончательно не выбивались из сил и не падали замертво на заснеженную дорогу. Идущие рядом товарищи молча перешагивали через тела павших и, не оборачиваясь, продолжали свой скорбный путь. И декабрьская поземка постепенно заметала тела нашедших свой бесславный конец завоевателей, укрывая их в снежные саваны. А когда над лесной глухоманью сгущались вечерние сумерки и все вокруг затихало, из ближайших лесов выходили огромные волчьи стаи, спешащие к столбовой дороге на свое очередное кровавое пир-

шество. В то суровое лихолетье лесных хищников развелось как никогда. Благо добычи было вдоволь. Голодать зверью не приходилось... Но многие не желали расставаться с жизнью за просто так и, презрев панический страх перед казаками и партизанами, массами сдавались в плен. Станичники уже давно перестали вести счет пленным французам и их многочисленным союзникам. Нередко можно было наблюдать такую картину, когда два-три казака или башкира сопровождали многотысячную колонну пленных в наш тыл. А бывали и случаи, когда две русские бабы, одна впереди, другая сзади, гнали хворостинами, как стадо, на ближайший сборный пункт толпу «цивилизованных», но одичавших за время отступления до скотского состояния европейцев. Интересная деталь. Солдаты наполеоновской армии в это убийственное для них время отступления дошли до потери всех нравственных норм, правил и чувств во имя одного только инстинкта самосохранения, но за одним только типичным для французов исключением: будучи взяты в плен, они никогда не винили своего императора в тех бедствиях и страданиях, которые выпали на их долю. Все они обычно говорили о «превратностях войны», о «переменчивости военного счастья», о «неизбежных трудностях», о «судьбе», но только не о вине Наполеона, ввергнувшего их в эту гибельную войну.

Сильные морозы держались до 30 ноября (12 декабря). «Все погибло», — писал в своем донесении Наполеону маршал Бертье в эти дни. «Большая часть артиллерии приведена в негодность вследствие падежа лошадей и вследствие того, что у большинства канониров и фурлейтов обморожены руки и ноги... Дорога усеяна замерзшими, умершими людьми... Государь, я должен сказать вам всю правду. Армия пришла в полный беспорядок. Солдат бросает ружье, потому что больше не может держать его; и офицеры, и солдаты думают только о том, как бы защитить себя от ужасного холода... Офицеры генерального штаба, наши адъютанты не в состоянии идти... Неприятель преследует нас все время с большим количеством кавалерии, орудиями на санях и небольшим отрядом пехоты», — докладывал Бертье рапортом Наполеону 27 ноября (9 декабря) 1812 г.⁷⁰ «Армии больше нет», — констатировал начальник Главного штаба наполеоновской армии. Маршалу Нею еще удалось в эти бедственные

дни собрать кучку сохранивших боеспособность солдат и офицеров и сформировать из них арьергард.

Наполеон к этому времени окончательно убедился в нереальности намеченного замысла сделать остановку в Сморгони. Видя свое полное бессилие предотвратить неизбежную катастрофу, он начал склоняться к мысли об отъезде из России во Францию для формирования там новой армии. Но для этого надлежало устранить одно затруднение: как показаться в Париже, когда все бюллетени, издаваемые его главным штабом с начала войны, не переставали трубить о победах «Великой армии» в России? Поэтому изданный в Молодечно 29-й (похоронный) бюллетень «Великой армии» должен был подготовить Францию и Европу к известию о поражении ее в России. 23 ноября (5 декабря), проведя сутки в Молодечно, Наполеон выступил в Сморгонь. В тот же день генерал Орурк, отбросив арьергард противника, занял Молодечно. Нашими войсками здесь были захвачены большие трофеи, в том числе много пленных, знамена, штандарты, девять пушек и несколько генералов⁷¹. В последующие два дня, несмотря на лютый мороз, генерал Чаплиц не прекращал преследования противника, отступающего к Сморгони.

Однако несмотря на победные реляции, ежедневно поступавшие от разных отрядов, Кутузов сохранял осторожность. Успех не вскружил голову старому, умудренному опытом полководцу. Он допускал вероятность того, что Наполеон решится на крайнее средство — дать сражение под Вильно. Для сбора более полных данных об обстановке и намерениях противника им были высланы несколько специальных разведывательных отрядов. 24 ноября (6 декабря) главнокомандующий приказал Чичагову остановиться в Ошмянах (45 км юго-восточнее Вильно), дожидаться приближения справа Витгенштейна, слева — Торماسова, а затем вместе с ними развернуть наступление на Вильно. В случае если Наполеон попытается дать там сражение, атаковать его. Особое внимание Кутузов уделил корпусам Шварценберга и Ренье, которые были довольно многочисленны и еще сохраняли свою боеспособность. Генералу Остен-Сакену было приказано сковать противника, если он попытается нанести удар с юга во фланг Главной армии. Для поддержания связи

И.К. Орук.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

к Остен-Сакену был направлен «летучий» отряд Ожаровского. Но опасения Кутузова оказались напрасными. Армия Наполеона уже агонизировала.

Прибывший 24 ноября (6 декабря) в Сморгонь император приказал раздавать свезенный туда заранее провиант только имеющим оружие солдатам. Однако наводнившие вскоре это местечко толпы безоружных солдат разграбили склады. Беспорядок, буйство, своеволие сделались повсеместными, а у командования не было никаких сил, чтобы пресечь их. Тогда же Наполеоном было получено донесение от Виктора, в котором маршал сообщал о невозможности арьергарда далее держаться и не ручался за безопасность главной квартиры. Это явилось последним толчком, побудившим Наполеона, не откладывая дальше своего намерения, выбраться из России. Путь на запад теперь ему представлялся безопасным: накануне было получено известие о прибытии в Ошмяны дивизии Луазона и двух неаполитанских кавалерийских полков. В тот же день, 24 ноября (6 декабря), Наполеон собрал в Сморгони своих маршалов. В главную квартиру прибыли Мюрат, Бертье, Ней, Даву, Мортье, Лефевр и Бессьер, а также Е. Богарне. Виктор находился при арьергарде, а Удино, раненный на Березине, уже поки-

нул армию. Император объявил маршалам о принятом им решении покинуть армию, предварительно изложив в довольно пространной речи военно-политические причины, побудившие его к этому шагу. Давние сподвижники Наполеона угрюмо молчали. Некоторые из них пытались протестовать только в том плане, что отъезд императора окончательно развалит армию. Но поскольку армия и без того фактически уже не существовала, этот аргумент отпал. Бегством для спасения лично себя Наполеон свой отъезд не считал и маршалы так не считали: остатки армии шли на Вильно и Ковно и Наполеон опередил их лишь на восемь дней⁷². В эти восемь дней лично Наполеону ничто уже не грозило, а его присутствие в армии ничего не могло изменить к лучшему. Отъезд же императора был, с военной точки зрения, необходим для создания новой армии взамен только что погибшей: было ясно, что поражение, понесенное Наполеоном в России, поднимет против него всю Европу и прежде всего Пруссию, куда не сегодня завтра вступят русские войска.

Главное командование остатками армии Наполеон передал Мюрату. Новый главнокомандующий получил задачу собрать все войска в Вильно и расположить их на зимние квартиры в районе Вильно — Ковно. Шварценбергу и Ренье было приказано прикрыть Брест и Гродно, Макдональду — отступить в Восточную Пруссию и удерживать линию реки Неман. С тяжелым сердцем прощались маршалы со своим императором, оставлявшим их в самом отчаянном положении. Их недовольство усиливалось недоверием к Мюрату, который давно уже потерял твердость духа и помышлял только о личном спасении.

Наполеон покинул армию в Сморгони. Было около 8 часов вечера 24 ноября (6 декабря). Стоял 28-градусный мороз. Императорский поезд состоял всего из одной кареты и саней. В карету вместе с Наполеоном сел А. Коленкур, под именем которого император намеревался тайно проехать через Польшу и Германию в Париж. На козлах разместились польский офицер Вонсович и слуга-мамелюк, всюду сопровождавший Наполеона со времен Египетского похода. В санях ехали обер-гофмаршал М. Дюрок и генерал Ж. Мутон (граф Лобо). Той же ночью Наполеон и его спутники прибыли в Ошмяны. Находившаяся там дивизия Лу-

Наполеон покидает армию в Сморгони 23 ноября 1812 г. Литография Н. Самокиша

азона накануне подверглась нападению партизанского отряда Сеславина. Неожиданно атаковав противника, партизаны с разных сторон ворвались в населенный пункт. Французы в панике бежали из Ошмян. Но вскоре они разобрались, что имеют дело с одной лишь конницей, и вновь заняли местечко. Сеславин был вынужден отступить. Его партизаны находились как раз вблизи Ошмян, когда туда направлялся Наполеон. Если бы их разъезды заняли тогда столбовую дорогу, то плен императора французов был бы неминуем. Разъезды же Сеславиным не были высланы из-за сильного мороза. Подъезжая к Ошмянам, Наполеон своими глазами видел зарево бивуачных огней, ярко пылавших в расположении русских партизан. Не останавливаясь в Ошмянах, он помчался в Вильно. В 30 км от города его встретил министр иностранных дел Маре. На вопрос министра — что с армией? — последовал ответ: «Армии нет. Нельзя назвать армией толпы солдат и офицеров, без обуви и одежды, в 26 градусов стужи всюду скитающихся для отыскания пищи и крова. Еще можно составить из них войско, если в Вильне найдутся продо-

вольствие и одежда. Но главный штаб мой ни о чем не заботился, ничего не предвидел»⁷³. Когда Маре доложил об огромных запасах, собранных в Вильно, Наполеон с удивлением воскликнул: «Что вы говорите? Неужели это правда? Вы возвращаете мне жизнь!» Тут же он приказал Маре передать Мюрату, чтобы тот, удерживая Вильно по крайней мере в течение недели, привел остатки армии в порядок, а затем действовал по обстоятельствам. «Объявите ему, что я на него полагаюсь!» — закончил свое поручение император⁷⁴. Объехав Вильно, он во всю прыть помчался к Ковно. На заре 26 ноября (8 декабря), в праздник покровителя российского воинства святого Георгия Победоносца, коронованный беглец, восплававший безумной мечтой покоришь великую державу, пересек русскую границу. Лошади стремительно понесли его дальше на запад — в Варшаву...

Пять с половиной месяцев провел Наполеон в России. Этого времени ему хватило вполне, чтобы принести неисчислимые бедствия русскому народу, а заодно и погубить свою огромную армию.

Бегство Наполеона из России было последним ударом для его армии. Узнав об отъезде императора, войска кричали: «Он бежит, как из Египта, оставляя нас в жертву!» Все помыслы генералов и офицеров теперь обратились только на изыскание возможностей для личного спасения. Узы подчиненности больше не связывали предоставленных самим себе людей, еще носивших название «Великой армии». Руководство Мюрата было чисто номинальным. Его действия ограничивались лишь назначением ночлегов для главной квартиры и указанием направления для бегства толп. Морозы в эти дни постоянно держались между -25° и -27°C . Предупреждение Виктора о невозможности арьергарда далее сдерживать натиск противника вскоре начало подтверждаться.

25 ноября (7 декабря) передовые части генерала Чаплица оказались у Сморгони. Французы имели здесь довольно сильный гарнизон с артиллерией и были способны оказать упорное сопротивление. Однако увидев вместо своего отходящего арьергарда казаков, они в панике бежали к Ошмянам. Бегство противника было настолько поспешным, что он, вопреки своему обыкновению, даже не успел поджечь местечко. В этот день войска

«Не замай — дай подойти». Художник В. Верещагин. 1887–1895 гг.

Чаплица захватили 25 орудий и до 3 тыс. пленных⁷⁵. В Ошмянах Мюрат попытался задержать наступление русских, выдвигнув в арьергард дивизию Луазона. Но надежды на это соединение быстро рассеялись. Имея при выступлении из Вильно 10 тыс. солдат, дивизия генерала Луазона за три дня потеряла от мороза более двух третей своего состава, а оставшиеся в строю практически потеряли боеспособность. Приданные ей два кавалерийских полка неаполитанцев понесли еще большие потери. Лютая стужа, отъезд Наполеона и неотступное преследование русских привели французов в такое расстройство, что они сразу же при появлении 26 ноября (8 декабря) передовых разъездов Чаплица у Ошмян в панике бежали к Вильно. В Ошмянах русские войска захватили 2 тыс. пленных и 61 орудие⁷⁶. Пленный здесь же адъютант маршала Даву тщетно ожидал прибытия в Ошмяны арьергарда «Великой армии». Уже находясь в плену, он не переставал удивляться, куда же этот арьергард мог исчезнуть. А он действительно прекратил свое существование. День 26 ноября (8 декабря) был одним из самых роковых для врага. Маршал Виктор явился в главную квартиру один, потеряв весь свой арьергард: одни погибли от холода, другие сдались в плен. Артиллерия погибла вследствие падежа или гибели в бою лошадей.

Чичагов доносил Кутузову, что он не в состоянии выделять команды для сопровождения огромного количества пленных, не рискуя ослабить авангард⁷⁷. Поэтому большое количество французов продолжает бродить по нашим тылам. Кутузов в ответ приказал: «Невзирая на сие, предлагаю вам продолжать преследование»⁷⁸. Чичагов усердно исполнял волю фельдмаршала и не отставал от своего авангарда. В то время когда авангард Чичагова овладел Ошмянами, сам он с главными силами 3-й Западной армии был на подходе к этому населенному пункту. Витгенштейн находился в 40 км северо-восточнее, а Милорадович — на таком же расстоянии юго-восточнее 3-й Западной армии. Главные силы русской армии, возглавляемые Торماسовым, отставали от передовых частей, ведущих преследование противника, более чем на 100 км. В этот день они находились северо-западнее Минска. Кутузов 26 ноября (8 декабря) прибыл в Молодечно. Следует отметить, что преследование русски-

ми войсками бегущего врага в эти дни жесточайших морозов сильно ослабело. Они страдали от голода и холода не меньше неприятеля. Все окрестные деревни, мимо которых проходили войска, были выжжены дотла. Жители разбежались. Нигде нельзя было найти продовольствия. Только одно вино поддерживало иссякающие силы солдат. До Вильно добралось менее одной трети русской армии. Ей срочно необходим был хороший отдых, поскольку войска еле передвигались. Поэтому дальше Вильно русская армия не пошла. Дальнейшее преследование врага поручено было казакам⁷⁹.

От Ошмян до Вильно остатки «Великой армии» отступали без арьергарда. Случай в боевой практике беспрецедентный! Он мог иметь место только в армии, находящейся в крайней стадии разложения. На всех пригорках по дороге от Ошмян до Вильно стояли брошенные орудия, зарядные ящики, фуры, повозки и экипажи. Всего на этом отрезке пути нашими войсками было обнаружено около 50 орудий. Как и до этого, дорога была усеяна замерзшими или умирающими вражескими солдатами.

Теснимые со всех сторон, французы бежали к Вильно с такой поспешностью, как за месяц до того к Смоленску, надеясь встретить там свежие войска, найти убежище и пищу, а также конец своим страданиям. Мюрат, опередив свои толпы, приехал в Вильно утром 27 ноября (9 декабря). Встретивший его Маре объявил повеление Наполеона удерживать город до последней крайности. Однако король неаполитанский и маршал Империи находился в состоянии полной прострации, он не был способен ни мыслить, ни действовать. Выслушав приказ, Мюрат с раздражением воскликнул: «Нет! Я не останусь в этом котле в жертву русским!» Через полчаса к нему явился начальник Главного штаба армии Бертье за приказаниями. «Вы лучше меня знаете, что надобно делать. Распоряжайтесь сами», — ответил главнокомандующий. «Не я командую армией, — возразил Бертье, — прошу повелений, я разошлю их». Разгорелся спор, который продолжался довольно долго. Мюрат не хотел отдавать каких-либо приказаний, а Бертье, привыкший быть только беспрекословным исполнителем воли Наполеона, не хотел брать на себя никакой ответственности и издавать без разрешения Мюрата какие-либо распоряжения. Оказавшийся невольным свидетелем этой

неприглядной сцены, министр Маре понял, что гибель остатков армии неотвратима и что в России ему делать больше нечего. Откланявшись Мюрату, он тотчас же выехал в Варшаву, куда накануне был поспешно отправлен весь дипломатический корпус. Пустившиеся накоротке в дальний зимний путь дипломаты почти все обморозились, а посланник Северо-Американских Штатов в дороге умер от мороза. Неаполитанский посланник не успел выехать из Вильно и был взят в плен.

Через несколько часов Мюрат, отославшись, пришел в себя и начал принимать меры по организации обороны Вильно. Но было уже поздно. Город заполнили толпы деморализованных солдат, начались погромы и грабежи. Голодные, продрогшие до костей, почти поголовно обмороженные или простуженные наполеоновские вояки разбивали винные лавки, напились, а опьянев, валились с ног и тут же, на улицах, замерзали. Пока шла эта вакханалия, к городу подошел партизанский отряд Сеславина. Его артиллерия открыла огонь по подходившим к Вильно новым толпам французов и быстро рассеяла их. На плечах отступающего противника партизаны с ходу ворвались в город и захватили шесть пушек. В Вильно завязались уличные бои. Ввиду подавляющего превосходства врага в силах Сеславин был вынужден отступить из города. Вскоре к нему присоединился отряд Ланского, затем подоспел авангард Чаплица. Казаки Платова двинулись в обход Вильно с запада, угрожая перерезать противнику пути отхода на Ковно. Чичагов двинул на помощь своему авангарду корпус генерал-лейтенанта А.Л. Воинова, но Кутузов, узнав об этом, приказал Чичагову во избежание больших потерь «не слишком напирать на неприятеля». Главнокомандующий явно не хотел сражаться за Вильно, а отдавал предпочтение окружению закрепившегося в нем противника.

Мюрат, узнав о движении русских на Ковенскую дорогу, отказался от принятого было решения защищать Вильно. Теперь все его помыслы направляются на скорейшее отступление. Чтобы организовать отход остатков армии на Ковно, предпринимается попытка воссоздать арьергард. Решение этой задачи Мюрат поручает маршалу Нею. В состав арьергарда включаются остатки баварского корпуса Вреде, дивизии Луазона, а так-

*П.М. Волконский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

же несколько сводных команд. Его численность не превышала 3 тыс. человек⁸⁰. В 6-м пехотном (баварском) корпусе до наступления сильных морозов было 8 тыс. человек. 27 ноября (9 декабря) в нем оставалось лишь 2 тыс. солдат. 54-я пехотная дивизия генерала Луазона при выступлении 23 ноября (5 декабря) из Вильно в Ошмяны насчитывала в строю 10 тыс. человек. Через три дня в ней осталось 3 тыс. человек, а к 27 ноября (9 декабря) — лишь 400 человек⁸¹.

Поскольку Мюрат без сопровождения гвардии пуститься в дальнейший путь не решился, то выступление из Вильно было отложено до утра. Гвардия, в рядах которой оставалось всего лишь около 2 тыс. человек, нуждалась в нескольких часах отдыха⁸². Мюрат приказал Нею удерживать Вильно до тех пор, пока из города не будут вывезены все ценности, артиллерия, запасы продовольствия и особенно денежная казна (10 млн франков). То, что вывести будет невозможно, подлежало уничтожению. Нею предоставлялась полная свобода действий. В ту же ночь Бертье от имени императора направил приказания Шварценбергу и Макдональду. Первому предписывалось незамедлительно начать отступление к Белостоку для прикрытия герцогства Варшавского, второму — к Тильзиту, на соединение с главными

ми силами. Об отъезде Наполеона из армии этим военачальникам сообщено не было.

В 4 часа утра 28 ноября (10 декабря), еще задолго до рассвета, жалкие остатки «Великой армии» выступили из Вильно и по Ковенской дороге двинулись к Неману. Вслед за ними покинул город и арьберггард. Ней не стал выполнять отданный ему Мюратом приказ, ибо за час-два промедления ему пришлось бы заплатить гибелью или пленом всего своего отряда. По обе стороны от арьберггарда, а также впереди него и за ним брели толпы безоружных солдат.

На рассвете, едва только французы оставили Вильно и стали подходить к Понарской горе, их атаковал отряд Орлова-Денисова. Две атаки казаков противнику удалось отразить, хотя при этом он и потерял до 1000 пленными (в основном безоружных солдат). Но еще не закончился этот бой, как на Ковенской дороге показались казачьи полки атамана Платова. Маршалу Нею был предъявлен ультиматум о сдаче. Получив отказ, Платов без промедления атаковал неприятеля. Играя на скаку саблями, ощетилившись пиками, с пронзительным визгом и улюлюканьем, наводящим на вражеских солдат смертельный ужас, казаки, башкиры и калмыки со всех сторон понеслись на врага. По мере того как под копытами донских скакунов стремительно сокращалось расстояние до застывшего в тревожном оцепенении противника, неслось, нарастая и разливаясь вширь, могучее русское «Ура!» И вот казачья лава со всего маху врезалась в неприятельские ряды. Рассекая упругий морозный воздух, засвистели казачьи дротики, башкирские и калмыцкие стрелы, затем взметнулись пики и засверкали сабли. Началась рубка. Арьберггард противника вместе с обступившими его толпами безоружных беглецов был рассечен надвое. Много вражеских солдат было порублено, еще больше взято в плен, захвачены два знамени и два штандарта. Преследуемые казачьей конницей, остатки французского арьберггарда бежали к Понарской горе. У ее подножия Нею все же удалось остановить свои отступавшие в беспорядке войска и вновь построить их в боевой порядок. Из них он образовал 5 каре, каждое примерно по 400 человек. Эти части на некоторое время сумели задержать наступление казаков.

А тем временем на Понарской горе разворачивались события, поставившие заключительную точку в затянувшейся агонии остатков «Великой армии». Передовые части Мюрата подошли к Понарам (3,5 км юго-западнее Вильно) около 5 часов утра, когда до рассвета было еще далеко. И тут произошло непредвиденное. Лошади не смогли преодолеть обледенелый подъем. У подножья горы, через которую шла дорога на Ковно, образовался огромный затор из сгрудившихся обозов. Чтобы освободить путь для казны, Мюрат приказал сжечь обозы. Однако это не помогло. Лошади скользили на крутом подъеме, выбивались из сил и падали десятками. Сзади раздались пушечные выстрелы. Прискакавший адъютант маршала Нея доложил о нападении на арьергард крупных сил казаков. А вскоре показались и толпы преследуемых ими французов. Мюрат и маршалы, бросив войска, устремились в лес, подступавший к дороге с обеих сторон. В ночной темноте, пешком, по глубокому снегу они обошли злосчастную гору. Выйдя на столбовую дорогу, маршалы пересели на подведенных коней и, невзирая на жестокий мороз, поскакали верхом по направлению к Ковно. За ними, бросив все, последовали остатки войск, руководство которыми возглавил маршал Ней. Он был единственным из наполеоновских военачальников, сохранившим присутствие духа и верность солдатскому долгу в этот трагический для «Великой армии» час. В начавшейся у Понарской горы сумятице удалось спасти только личные вещи Наполеона и часть казны. Все остальное пришлось бросить. Один только вид оказавшихся в одночасье бесхозными огромных материальных ценностей, которые противнику, несмотря на все перепетии, пока что удавалось сохранить, пробудил у наполеоновского воинства самые низменные чувства. Начались повальные грабежи. Толпы безоружных солдат, забыв о преследовавших их по пятам казаках, крушили все на своем пути. А когда из одной разбитой фуры посыпались золотые монеты, беспредел достиг апогея. Перед ним не смог устоять даже и подоспевший к этому времени арьергард. Значительная часть его солдат покинула строй и пополнила ряды мародеров. Никто не думал об опасности, корысть безраздельно господствовала над всем, подавляя даже инстинкт самосохранения. Но вот налетели казаки. Многотысячные толпы граби-

телей врассыпную бросились в лес, унося с собой кто что смог. Не успевшие вовремя скрыться в лесной чаще были порублены или пленены. В плену у казаков вместе со свободой им, естественно, пришлось расстаться и со своей добычей.

В бою у Понарской горы противник потерял весь обоз и артиллерию (28 орудий)⁸³. Вместе с обозом казаками здесь было захвачено много санитарных фур с больными и ранеными офицерами, собственные экипажи Наполеона, его маршалов и генералов. Один из французских писателей, очевидец и участник этого ночного боя, так оценил его результат: «У Понарской горы лишились мы денег, чести, остатка подчиненности и силы; словом, потеряли все»⁸⁴.

Французский арьергард еще не успел полностью покинуть Вильно, как город был атакован авангардом Чаплица, который вскоре поддержали передовые части Витгенштейна. Городские ворота были завалены противником, встретившим наступающие русские войска сильным огнем. Чаплиц послал в обход егерей. Вырубив палисады, они ворвались в Вильно с другой стороны. Большая часть прикрывавших отход арьергарда французских стрелков сдалась, остальные обратились в бегство и были переловлены казаками уже за городом.

На рассвете 28 ноября (10 декабря) русская армия вступила в Вильно. Город был переполнен французами и их союзниками. Оказавшись после всех кошмаров непрерывного и трагического для них полуторамесячного отступления остатки «Великой армии» впервые оказались в крупном городе, практически не пострадавшем от войны. Здесь они нашли теплый кров и более или менее сносную пищу. Тем более неописуемым было их отчаяние, когда по городу распространились слухи о предстоящем новом отступлении. Вмиг рассеялись розовые мечты о зимних квартирах и вновь перед глазами наполеоновских вояк возникли осточертевшие картины бескрайней и безжизненной снежной пустыни, обжигающих стужей северных ветров, чадного дыма бивуачных костров и зажаренной на шомполах дохлой конины, оставшихся в русских снегах павших товарищей. И поэтому, когда в холодной декабрьской ночи на площадях и улицах Вильно раздался призывный бой барабанов, оповещающий общий сбор, многие из солдат не пожелали покинуть

свои теплые лежаки и выйти на перехватывающий дыхание трескучий мороз. Только лишь когда под утро послышались отдаленные крики «Ура!», а затем более близкие восклицания «Казаки!», основная масса оставшихся, пересилив себя, выбежала на улицы. Тысячи французов и их союзников рассеялись по городу. Одни устремились к западной заставе, надеясь поскорее выбраться на Ковенскую дорогу, другие в панике метались по городу, третьи решили, что лучше сдаться в плен, нежели продолжать гибельное отступление. Даже слуги и конюхи Наполеона не хотели выходить из Вильно и взбунтовались против своего начальника, а состоявшие при обозе императора особо доверенные жандармы разбежались. На выходе из города, куда устремились многотысячные толпы, образовался огромный зазор, возникла давка, начались потасовки, загремели выстрелы. На улицах Вильно началось массовое избиение оккупантов горожанами. Поэтому вступление в нее русских войск они встретили как избавление от неминуемой гибели. Во многих местах сдающиеся в плен французы кричали «Ура!»

Быстрое освобождение Вильно русскими войсками спасло этот город от разрушения и пожаров. В нем были захвачены громадные трофеи, в том числе 41 пушка. В боях под Вильно и в самом городе противник потерял только пленными около 10 тыс. человек, в том числе 7 генералов и 242 офицера⁸⁵. Среди пленных генералов были тяжело раненый командир польского корпуса И. Зайончек и сын маршала Лefевра, начальника Старой гвардии Наполеона. Кроме того, противником было оставлено в госпиталях Вильно свыше 5 тыс. больных и раненых солдат и офицеров⁸⁶. В последующие дни казаки выловили в окрестностях города еще несколько тысяч разбежавшихся солдат наполеоновской армии⁸⁷.

Потери русских войск в бою под Вильно были несравнимо меньше потерь противника. Здесь был смертельно ранен командир одного из донских казачьих полков 26-летний полковник Т.Д. Иловайский 11-й. Знаменитый род донских казаков Иловайских принял самое активное участие в Отечественной войне 1812 года. Более десяти его представителей в чине полковника и генерал-майора сражались во главе донских казачьих полков с полчищами иноземных захватчиков. Они впи-

сали не одну героическую страницу в летопись казачьей славы и навечно запечатлели свои имена в истории Отечественной войны 1812 года. Так, генерал-майор А.В. Иловайский 3-й, будучи походным атаманом донских казачьих ополченческих полков, привел их в начале октября 1812 г. с берегов Тихого Дона в Действующую армию. Под его командованием донские казаки-ополченцы особенно отличились в ходе контрнаступления русской армии. Покрыли славой свои имена в боях и сражениях с наполеоновскими ордами в 1812 г. генерал-майоры И.Д. Иловайский 4-й, Н.В. Иловайский 5-й, В.Д. Иловайский 12-й, полковники — С.Д. Иловайский 8-й, Г.Д. Иловайский 9-й, О.В. Иловайский 10-й и Т.Д. Иловайский 11-й.

Среди павших под Вильно был и 26-летний племянник фельдмаршала М.И. Кутузова подполковник П.Г. Бибииков. Он получил смертельную рану во время одной из атак нашей конницы, когда вел в бой своих гусар.

После освобождения Вильно авангард 3-й Западной армии, за исключением конницы, остановился в городе. Конные же полки, возглавляемые генералом Орурком, прошли через город и двинулись на соединение с Платовым, который, с трудом преодолев Понарскую теснину, забитую брошенными противником обозами, людьми и лошадьми, а также заваленную глубокими снежными сугробами, преследовал врага по дороге на Ковно.

Фельдмаршал М.И. Кутузов находился в Сморгони, когда получил донесение об освобождении Вильно. Он немедленно выехал в освобожденный город, который очень любил, в котором дважды за свою службу ему пришлось побывать военным губернатором. На рассвете 30 ноября (12 декабря) главнокомандующий русской армией прибыл в Вильно. У заставы его встретил комендант города с конным конвоем, а в губернаторской резиденции — адмирал Чичагов. Впервые после вступления в главное командование всеми русскими армиями штаб Кутузова разместился не в курной крестьянской избе, а в старинном королевском замке. В тот же день Кутузов поставил войскам задачи на дальнейшее преследование противника и завершение уничтожения остатков «Великой армии». Платов и Чичагов получили приказ добить группировку Мюрата, Витгенштейн — наступать

в направлении Ковно — Гумбинен и разбить Макдональда между реками Прегель и Неман, генералу Левизу с рижским гарнизоном — перейти к преследованию отступающего из Курляндии маршала Макдональда. Против Шварценберга и Ренье, все еще находившихся между Слонимом и Брестом, Кутузов послал Тормасова, поручив ему объединить под своим командованием корпуса Тучкова, Эссена и бобруйский гарнизон. Тормасов получил задачу во взаимодействии с Остен-Сакеном вытеснить австро-саксонские войска из пределов России, но границу с Австрией не переходить. С целью обеспечения его действий с севера в направлении Волковыска был выслан авангард Главной армии, возглавляемый Васильчиковым. В направлении Гродно должны были действовать отряды Ожаровского и Д. Давыдова.

Однако вскоре, получив известие об успехах атамана Платова, Кутузов внес в свой план существенные коррективы. Дальнейшее преследование противника вплоть до самой Вислы поручалось лишь казачьему корпусу Платова, а также авангардам Чичагова и Витгенштейна. Главные же силы русской армии с выходом на границу должны были остановиться на срок не менее двух недель. Принятое им решение Кутузов объяснил царю крайним изнурением войск, осуществивших безостановочное преследование противника на глубину свыше 1000 км, выдержавших в ходе контрнаступления ряд упорных боев и сражений и понесших при этом значительные потери, особенно за счет больных и отставших. По строевому рапорту, представленному царю в день взятия Вильно, в рядах русской армии насчитывалось немногим более 86 тыс. человек и 533 орудия. Правда, в это число не вошли войска, находившиеся под командованием Милорадовича, Платова, Остен-Сакена, Паулуччи, свыше 25 пехотных и кавалерийских полков, действовавших в составе отдельных отрядов, и вся резервная артиллерия. Согласно рапорту, на 28 ноября (10 декабря) Главная армия имела в своем составе 27,3 тыс. человек и 200 орудий, 3-я Западная армия — 17,4 тыс. человек и 156 орудий, корпус Витгенштейна — 34,5 тыс. человек и 177 орудий, корпус Тучкова 2-го — 7 тыс. человек⁸⁸.

Вынужденный двухнедельный перерыв в боевых действиях главных сил армии М.И. Кутузов предполагал использо-

вать для того, чтобы предоставить войскам необходимый отдых и привести их в порядок, подтянуть резервную артиллерию и тылы, собрать всех отставших, дожидаться прибытия из госпиталей 20 тыс. выздоровевших солдат, а также усилить армию 15 резервными батальонами, которые вел к нему генерал-майор князь Н.Ю. Урусов. Однако Александр I не согласился с его решением и приказал продолжать наступление за пределами русских границ. Для восполнения понесенных армией потерь 30 ноября (12 декабря) был обнародован царский манифест о новом, небывалом до сих пор на Руси рекрутском наборе — по 8 человек с 500 душ. На призыв рекрутов отводился месячный срок⁸⁹.

5.5. Победный финал

Отступление противника от Вильно до Ковно (100 км) скорее походило на ничем не прикрытое беспорядочное бегство, когда он больше всего полагался на быстроту своих ног. Казаки Платова неотступно преследовали врага, насколько это им позволяли силы лошадей. Настигая неприятеля, они, как правило, ударяли в дротики, а если не позволяла местность, вели огонь из пушек, установленных на полозьях.

В ночь на 30 ноября (12 декабря) Мюрат достиг Ковно, где собирався организовать сопротивление. Но едва на следующий день в город вступили безоружные толпы, как все меры, принятые для поддержания порядка, оказались тщетными. Начались ставшие уже обычными грабежи и бесчинства, в городе вспыхнули пожары. Даже гвардия, в которой оставалось не более 1,5 тыс. человек, не устояла перед соблазном пограбить и присоединилась к буйствующим мародерам. «Нельзя удержаться в Ковно, потому что армии более не существует», — доносил маршал Бертье Наполеону 30 ноября (12 декабря) из Ковно⁹⁰. Мюрат ожидал в Ковно арьергард Нея. Этот так называемый арьергард представлял собой горстку полузамерзших людей, еще сохранивших силы и способных держать в руках оружие. Но численность его сокращалась с такой невероятной быстротой, что, имея при выходе из Вильно 3 тыс. солдат, Ней привел в Ковно только 60 человек. Остальные погибли в дороге или попа-

ли в плен к казакам. Ней достиг Ковно в ночь на 1 (13) декабря. Найдя там гарнизон, он создал из него новый аррьергард, занял укрепления и приготовился к обороне. Этот аррьергард прикрывал 1 (13) декабря отход по льду через Неман жалких остатков того, что еще совсем недавно носило гордое название «Великая армия». Осененная славой победоносных походов, мощная и неукрушимая в своем грозном величии, эта более чем полумиллионная армия всего лишь пять с половиной месяцев тому назад, сметая все на своем пути, грозилась покорить и поставить на колени Российскую державу. И вот теперь грязные и оборванные, голодные и полузамерзшие, опустившиеся до предела солдаты и генералы, слуги и офицеры, скользя по льду и толкая друг друга, торопились поскорее выбраться из России, осыпая ее всевозможными проклятьями на всех европейских языках. После перехода через Неман Мюрат приказал посчитать — сколько же людей вышло с ним из России. Кроме 1,5-тысячного аррьергарда Нея, который еще продолжал оставаться на русском берегу, на западной стороне Немана оказалось 1400–1600 гвардейцев (в том числе 500–600 человек конной гвардии).

Накануне вторжения в Россию численность императорской гвардии превышала 25 тыс. человек при 176 орудиях. На Бородинском поле в ее составе насчитывалось около 19 тыс. солдат (в том числе 5,5 тыс. кавалеристов) и 134 орудия⁹¹. Как известно, Наполеон тогда не решился даже в самый критический момент ввести гвардию в сражение. Он не хотел рисковать своим последним резервом, рассчитывая, что у стен Москвы придется сражаться еще раз. Но этого не произошло, и гвардия, как основная ударная сила «Великой армии», так и не была использована в большом сражении. Более того, на протяжении всей кампании она практически не принимала участия в боевых действиях. И тем не менее сберечь свою гвардию Наполеону не удалось. Она постепенно растаяла в ходе отступления, так и не проявив своих высоких боевых качеств. Вот только один пример, подтверждаемый трофейными документами. 4, 5 и 6-й полки Старой гвардии при выступлении из Смоленска имели в строю в общей сложности 1109 человек (87 офицеров и 1022 рядовых). В середине декабря в их рядах осталось всего 87 человек (43 офицера и 44 солдата)⁹². Таким об-

разом, за время отступления этих трех гвардейских полков от Смоленска до Немана их боевой состав сократился почти в 15 раз! При этом боевых потерь в гвардейских полках практически не было. Весь личный состав выбыл из строя (погибли или попал в плен) в основном от голода, морозов и болезней. В результате Наполеон лишился ударной, наиболее боеспособной части своей армии.

В пехотных корпусах бывшей «Великой армии» не осталось почти ни одного солдата, а под уцелевшими знаменами брели небольшие горстки генералов, офицеров и унтер-офицеров. Например, в 6-м пехотном (баварском) корпусе, имевшем в начале войны 30 тыс. солдат, в строю осталось лишь 20 человек; в 4-м пехотном (итальянском) корпусе из 60 тыс. человек все уцелевшие разместились в одной крестьянской избе.

Переправившийся через Неман противник расположился бивуаками на тех самых высотах левого берега реки, откуда Наполеон накануне вторжения, окруженный бесчисленным войском, долго смотрел на русский берег, обдумывая детали предстоящей переправы. Покинув пределы России, жалкие остатки некогда великого воинства, от простого солдата до маршала, посчитали себя вырвавшимися из ада и впервые после своего бегства из Москвы позволили себе наконец вздохнуть свободно. Перед ними на том берегу Немана горел подоженный сразу в нескольких местах Ковно — последний российский город, в бессильной злобе преданный ими огню; за их спиной начинался путь к Висле и далее — на запад. С утра Мюрат повел переправившихся с ним солдат на Вислу, поручив корпусу маршала Макдональда прикрыть Восточную Пруссию, а маршалу Нею — как можно дольше удерживать Ковно. Под его командованием в это время находилось всего до 1,5 тыс. гвардейцев с 9 пушками. За ними тянулись большие толпы (общей численностью до 13 тыс. человек) безоружных солдат⁹³. Тогда же в районе Меречь через Неман переправились остатки 5-го пехотного (польского) корпуса — до 1,5 тыс. человек с несколькими орудиями.

Когда Мюрат добрался до крепостей на Висле, в составе его отряда (вместе с безоружными) насчитывалось около 14 тыс. человек. Вскоре большая часть этих людей погибла от изнеможения и болезней.

Передовые казачьи части вышли к Ковно утром 2 (14) декабря. Противник встретил их огнем 20 орудий. В авангарде Платова имелось лишь 8 орудий. При таком соотношении в огневых средствах фронтальная атака города была бы сопряжена с большими потерями. Чтобы принудить неприятеля к отступлению, начальник авангарда послал своих казаков в обход выше и ниже по реке. Перейдя Неман по льду, обходящие отряды вышли в тыл французам, засевшим в Ковно. Это вынудило Нея оставить город. Вместе с его арьергардом Ковно покинули несколько тысяч «задержавшихся» в нем или отставших от своих частей солдат. Ни о какой эвакуации оставшихся в Ковно больших материальных ценностей нечего было и думать. Высланный Неем на западный берег Немана отряд оттеснил казаков и обеспечил французскому арьергарду переход через реку. Последним со свитой из нескольких офицеров около 20 часов покинул русский берег маршал Франции Мишель Ней.

Выходец из народных низов, сын бочара и бывший солдат революционной армии, Ней в войнах Республики и Империи проявил выдающийся военный талант. Блестящие военные способности, легендарная личная храбрость, находчивость и инициатива, проявляемые им не раз при ведении боевых действий в самых сложных условиях обстановки, выдвинули Нея в число наиболее видных военачальников наполеоновской армии. За свои боевые подвиги под ее знаменами он удостоился высших почестей и отличий: стал маршалом Империи, герцогом Эльхингенским и князем Московским, кавалером Большого креста ордена Почетного легиона, многих других наград. В полные трагизма дни отступления «Великой армии» из России, когда все рушилось и гибло, в обстановке всеобщего развала и невиданной до сих пор в мировой военной истории катастрофы немногие из сподвижников Наполеона, тоже не обделенных блистательной храбростью, смогли сохранить присутствие духа. Ней же был, пожалуй, единственным из наполеоновских маршалов, кого мужество не покидало ни на один день в ходе этого злосчастного для французов похода. До самой последней минуты он продолжал стойко выполнять свой солдатский долг, возглавляя арьергард наголову разбитой и без оглядки бегущей армии, хотя, по существу, и прикрывать-то уже было нечего.

Переправа русских войск через Неман в декабре 1812 г. Художник П. Демидов. 1958 г.

Перейдя с немногими спутниками ночью скованный льдом Неман, маршал Ней подвел тем самым заключительную черту под губительным для «Великой армии» Наполеона Русским походом 1812 года. Уже за рекою арьергард Ней был настигнут преследовавшими его казаками. Чтобы задержать преследование, храбрый маршал хотел было отбросить казаков штыковой атакой. Но солдаты отказались идти в бой и разбежались, воспользовавшись ночной темнотой. На этом арьергард Ней прекратил свое существование. Одна часть его вскоре была порублена казаками, другая пленена, а третья бежала в направлении Вилькавишек. Оставшийся без войска раненый Ней под покровом глухой зимней ночи ускакал лесными дорогами в Вилькавишки. Это было то самое польское местечко, откуда Наполеон за два дня до вторжения в Россию высокопарным приказом возвестил Европе о том, что последний час Российской империи пробил. Генерал-интендант «Великой армии» Ф. Дама так описывает встречу с Неем в Вилькавишках: «Я увидел вошедшего ко мне человека в коричневом сюртуке, с длинной бородой, заго-

релым лицом, красными и сверкающими глазами». — «Вы меня не узнали?» — спросил он. — «Нет, кто вы?» — «Я — арьергард Великой армии — маршал Ней. Сделав последний выстрел на Ковенском мосту, бросил я в Неман последнее французское ружье и спасся сюда лесами»⁹⁴.

Войска Платова заняли оставленный противником Ковно утром 3 (15) декабря. В ходе четырехдневного преследования французов от Вильно до Ковно ими было взято в плен до 5 тыс. человек и захвачено 21 орудие. Кроме того, в Ковно противником было оставлено на складах до 30 тыс. новых ружей, большое количество боеприпасов и продовольствия.

Участие Войска Донского под командованием своего атамана генерала от кавалерии графа М.И. Платова в контрнаступлении русской армии 1812 г. является одной из наиболее славных боевых страниц его многовековой истории. Несмотря на позднее время года, когда активные боевые действия обычно прекращались, и неблагоприятные климатические условия, казаки безостановочно преследовали отступающую французскую армию от Малоярославца до берегов Немана, не давая ей буквально ни дня передышки. В ходе этого 52-дневного преследования, проведенного на глубину свыше 1000 км, казаки взяли в плен 50 тыс. человек (в том числе 8 генералов, 13 полковников и более 1000 других офицеров), захватили свыше 500 орудий и несметное количество других трофеев⁹⁵. Среди трофеев, отбитых ими у противника, находилось и около 650 кг (40 пудов) церковного серебра, возвращенного Русской Православной Церкви. В письме М.И. Кутузова протоиерею Казанского собора в Санкт-Петербурге, куда с согласия М.И. Платова препровождались отбитые у врага ценности, говорилось о даре донских казаков этому храму, высказывалась просьба о «прославлении подателей сей победы» и «благословении павших в славной битве за Отчизну». Заканчивалось письмо следующими словами: «Их гибель (то есть павших в боях за Родину. — *Прим. авт.*) — наше спасение. Слава погибших да воспламеняет оставшихся на попроще брани и готовых, подобно им, отдать свою жизнь за Веру, Царя и Отчизну»⁹⁶.

7 (19) декабря 1812 г. М.И. Кутузов доложил царю об изгнании неприятеля из пределов России. Донесение свое фельд-

маршал закончил такими словами: «Исполнились слова Вашего Императорского Величества: усеяна дорога костями неприятельскими! Да вознесет всякий россиянин благодарственные молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливейшим из подданных, быв избран благодетельной судьбою исполнителем Высочайшей воли Вашего Императорского Величества»⁹⁷. 10 (22) декабря 1812 г. М.И. Кутузов оповестил народ и армию о полной победе над врагом: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля»⁹⁸.

Изгнание основной группировки «Великой армии» из России предредило судьбу и отдельных корпусов противника, прикрывавших ее фланги. Когда русские войска вступили в Вильно, австрийский корпус Шварценберга все еще продолжал оставаться в Слониме. Его передовые отряды стояли в Несвиже и к северу от Слонима на реке Неман. Саксонский корпус Ренье располагался в Ружанах (40 км юго-западнее Слонима). Не имея длительное время никаких сведений о главной армии и не зная общей обстановки на театре военных действий, оба корпусных командира не трогались с места, тем более что в это время в Белоруссии стояли жестокие морозы. Никаких приказов и распоряжений из Главного штаба к ним так и не поступило. Высланные ими в разные стороны усиленные разъезды в один голос докладывали о беспорядочном отступлении наполеоновской армии к Вильно. Однако донесения, поступающие из Вильно от Маре, уверяли Шварценберга и Ренье в обратном. Согласно им выходило, что Наполеон чуть ли не ежедневно одерживает победы над русскими и, маневрируя, отходит на зимние квартиры. Но куда? Об этом министр иностранных дел дипломатично умалчивал. Его же указания Шварценбергу и Ренье были уклончивы и расплывчаты. Наконец фельдмаршалу Шварценбергу надоело играть в прятки, и он потребовал от Маре четких указаний — что делать дальше? Вместо ответа им было получено известие о полном разгроме главной армии и отступлении ее остатков за Неман. В сложившейся обстановке австрийский военачальник понял, что далее надеяться ему не на что и нужно думать лишь о собственном спасении. На совещании командиров корпусов было принято решение: австрийцам отступать к Белостоку, саксонцам — к Бресту. 1 (13) декабря началось их отступление.

Тем временем выделенные М.И. Кутузовым против Шварценберга и Ренье войска с разных сторон выдвигались к районам, занимаемым противником. Командование ими вместо Торماسова принял генерал Д.С. Дохтуров. Из-под Минска к Несвижу шел корпус С.А. Тучкова 2-го, из Бобруйска туда же следовал отряд (восемь батальонов) генерал-лейтенанта С.Л. Ратта, из Ковеля к Бресту — корпус Ф.В. Остен-Сакена, из Пинска на Несвиж — корпус П.К. Эссена 3-го. Кроме этих сил в подчинение Дохтурова поступили отряды Ожаровского, Васильчикова и Давыдова, наступавшие на Слоним с севера и северо-запада. Милорадович с двумя пехотными и одним кавалерийским корпусами остановился восточнее Гродно, имея приказание поддерживать действия Дохтурова против австро-саксонских войск, а в случае необходимости — объединить под своим командованием все русские войска, действующие на южном фланге.

Отступление австрийского корпуса к Белостоку прошло без каких-либо помех, потому что, во-первых, основная масса русских войск, направленных против австрийцев, не успела войти с ними в боевое соприкосновение, или, попросту говоря, догнать их; во-вторых, отряды Васильчикова и Ожаровского, которые имели реальную возможность выйти на пути отхода противника, получили приказ Кутузова избегать столкновений с австрийцами, то есть, проще говоря, не препятствовать их отходу. Такое же распоряжение отдал своим войскам и князь Шварценберг. Таким образом, между русскими и австрийскими войсками было заключено как бы негласное перемирие.

Сосредоточив свой корпус в районе Белостока, Шварценберг после небольшой остановки в этом городе оставил пределы России и двинулся в Польшу. В тот же день, 14 (26) декабря, отряд генерал-лейтенанта И.В. Васильчикова занял Белосток. Еще раньше, 9 (21) декабря, австрийский генерал Ф. Фрелих сдал без боя Д.В. Давыдову город Гродно. В Пултуске представитель Кутузова дипломат Анштет заключил с австрийцами перемирие на неопределенный срок. В соответствии с его условиями Шварценберг обязался сдать русским войскам Варшаву и отвести свой корпус в Галицию.

Саксонскому корпусу отступить к Бресту не удалось — дороге ему угрожал преградить корпус Остен-Сакена. Чтобы избе-

*Д.В. Давыдов.
Раскрашенная гравюра
М. Дюбурга по оригиналу
А. Орловского. 1814 г.*

жать столкновения с ним, генерал Ренье повернул на северо-запад и двинулся вдоль Буга к Дрогичину. 11 (23) декабря он достиг этого местечка и приступил к переправе через Буг. Через три дня, в один день с австрийцами, саксонцы перешли русско-польскую границу, покинув пределы России.

10-й пехотный корпус маршала Макдональда вплоть до 5 (17) декабря продолжал оставаться на своих прежних позициях в Курляндии. Как и другие фланговые корпуса «Великой армии», никаких приказаний из главной квартиры Наполеона он не получал. Все доходившие до него разными путями слухи о гибели главной армии Макдональд отвергал как дезинформацию. В этом заблуждении его поддерживал, и весьма успешно, Марс. Тем не менее из предосторожности маршал все же приступил к сосредоточению своих сильно разбросанных войск в одну компактную группировку. О Макдональде в Главном шта-

бе французской армии вспомнили лишь в Вильно. Мюрат послал ему приказание отступить в Восточную Пруссию. Однако прусский офицер, которому было поручено доставить это приказание в штаб Макдональда, побоялся ехать напрямик — через Вилькомир, а пустился в дальнюю дорогу обходным путем, через Тильзит. К тому же по дороге он еще и задержался на некоторое время у родственников. Поэтому приказ Мюрата до Макдональда дошел лишь 6 (18) декабря. Маршал был взбешен такой небрежностью Главного штаба, о чем не замедлил сообщить Бертье. Правда, приказ застал Макдональда уже совсем готовым к отступлению. Свои войска он разделил на четыре колонны. В двух первых, выступивших в тот же день, были французы и пруссаки, которыми командовал прусский генерал Ф. Массенбах. Общее руководство обеими этими колоннами осуществлял сам Макдональд. Две другие колонны, выступившие днем позже, составляли одни пруссаки, находившиеся под начальством прусского генерала Г. Йорка. Общее направление отступления 10-го пехотного корпуса пролегало через Шавли и Тауроген на Тильзит. Ему предстояло совершить отход на глубину 220–240 км.

М.И. Кутузов, узнав, что Макдональд еще не начал отступление из-под Риги, 3 (15) декабря приказал Витгенштейну отрезать ему пути отхода в Восточную Пруссию. Через два дня корпус Витгенштейна выступил из Неменчина (20 км северо-восточнее Вильно) к Вилькомиру. 10 (22) декабря он занял Кейданы. Впереди его главных сил действовали два передовых отряда: один, возглавляемый генерал-лейтенантом П.В. Голенищевым-Кутузовым, — вдоль правого берега Немана в направлении Тильзита; другой, находившийся под командованием генерал-майора И.И. Дибича, — в направлении Мемеля. С тыла Макдональда преследовал 9-тысячный отряд генерал-лейтенанта Ф.Ф. Левиза. Генерал-лейтенант Ф.О. Паулуччи с небольшим отрядом (2,5 тыс. человек) шел из Риги на Мемель. Наступление русских войск с разных направлений грозило противнику окружением.

10 (22) декабря, когда Витгенштейн находился в Кейданах, Макдональд только еще достиг Шавли. На путях его отступления уже действовали отряды Голенищева-Кутузова и Дибича.

Но успешно начатая операция была вновь сорвана из-за нерешительности Витгенштейна. Простояв двое суток в Кейданах, он двинулся не на запад, к Россиенам, наперерез отступающему противнику, а на юго-запад — к Юрбургу (город в 50 км восточнее Тильзита, на правом берегу Немана), то есть практически открыл Макдональду дорогу за Неман. 14 (26) декабря, когда Витгенштейн вступил в Юрбург, Макдональд уже подходил к Неману в районе Тильзита. Вставший на его пути под Пиклупененом (местечко в 8 км северо-восточнее Тильзита) авангард отряда Голенищева-Кутузова, возглавляемый генерал-майором Е.И. Властовым, был атакован и разбит. Французская бригада генерала Башелю, с ходу развернувшись в боевой порядок, стремительным ударом выбила отряд Властова из занимаемого им дефиле и проложила себе путь к Тильзиту. Поражение нашего передового отряда завершила прусская кавалерия. Она опрокинула прикрывавший отход передового отряда Финляндский драгунский полк, а затем нанесла поражение батальону 23-го егерского полка и 2-й дружине Петербургского ополчения. В этом бою отряд Властова потерял 300 человек пленными и 1 орудие⁹⁹.

Генерал Голенищев-Кутузов, находившийся с главными силами своего отряда в Тильзите, ввиду большого превосходства противника в силах оставил город и отступил на 10 км к югу. Заняв Тильзит, маршал Макдональд приостановил здесь свое отступление и стал ожидать подхода колонн Йорка.

Отряд Дибича, шедший из Россиен на Мемель, не имел никаких сведений о противнике. Его командир полагал, что неприятель направляется из Шавли на Мемель, чтобы оттуда по косе Куриш-Гаф перебраться в Кенигсберг. Дибич уже находился в двух переходах от Мемеля, когда узнал о выступлении Макдональда из Шавли на Тауроген. Сначала он не поверил этому известию, но когда получил подтверждение, то сразу же повернул назад, к столбовой дороге Рига — Тильзит. На подходе к ней Дибич узнал, что часть корпуса Макдональда уже прошла к Таурогену, а другая — приближается к Колтынянам (30 км северо-восточнее Таурогена). Здесь он и решил преградить ей дорогу на Тильзит. Вскоре на дороге показался прусский авангард, которым командовал генерал Ф. Клейст. Дибич выслал к нему парламентаря, объявивше-

И.И. Дибич.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

го пруссакам, что путь на Тильзит для них прегражден, и во избежание напрасного кровопролития предложившего прусскому генералу прибыть в русский штаб для переговоров. Но Клейст отказался, сославшись на то, что не он главный начальник, и, в свою очередь, предложил Дибичу прекратить боевые действия до подхода Йорка, который ожидался через несколько часов.

В военном отношении отряд Дибича (1400 человек) для корпуса Йорка большой опасности не представлял. При желании пруссаки без особого труда могли бы очистить дорогу. Но в данном случае Йорк решил воспользоваться удобным моментом, которого ждал давно, — покинуть ненавидимых им французов и перейти на сторону русских. Он уже более двух месяцев находился в тайных сношениях с графом Витгенштейном и маркизом Паулуччи и не скрывал от них своего намерения с оружием в руках выступить против Наполеона за освобождение своего порабожденного отечества. Однако на предложение русских генералов немедленно отделиться от Макдональда медлил, ссылаясь на то, что для подобного шага время еще не наступило. Причины выдвигались разные: личная безопасность короля, оккупация французами Пруссии, возможные репрессии с их стороны и т.п. В тот момент, когда генералу Йорку доложили о появле-

нии небольшого русского отряда у Колтынян, он ожидал возвращения из Берлина своего адъютанта, посланного туда с донесением о его, Йорка, сношениях с русским командованием. Утром 13 (25) декабря Йорк встретился с Дибичем, от которого, к своему большому удивлению, узнал об уничтожении наполеоновской армии в России, но от предложения заключить договор, объявлявший нейтралитет прусских войск, отказался. Стороны договорились никаких враждебных действий друг против друга в течение суток не предпринимать.

С утра следующего дня Йорк медленно двинулся в направлении Тильзита. Дибич с отрядом шел параллельно прусскому корпусу. Чтобы иметь удобный предлог для отделения от Макдональда, Йорк тянул время, полагая, что Витгенштейн успеет закрыть ему дорогу на Тильзит. Кроме того, он ожидал возвращения из Берлина своего адъютанта с инструкциями короля. 16 (28) декабря прусский корпус вступил в Тауроген и на следующий день предполагал продолжить марш к Тильзиту. Утром 17 (29) декабря Дибич получил приказание объявить Йорку, что двусмысленность его поведения терпима дальше быть не может, в противном случае он будет рассматриваться как противник. В том же приказании до сведения Дибича доводилось, что Витгенштейн переправился через Неман в районе Юрбурга и идет в тыл Макдональду. Одновременно из Берлина в Тауроген прибыл адъютант Йорка Зейдлиц, уведомивший своего генерала о намерении прусского правительства расторгнуть союзный договор с Наполеоном. Все эти обстоятельства побудили командира прусского корпуса к решительным действиям.

Утром 18 (30) декабря на мельнице близ Таурогена была заключена конвенция, согласно которой прусский корпус (13 батальонов, 6 эскадронов и 32 орудия) сосредоточивался в районе между Мемелем и Тильзитом и в ожидании решения правительства заявлял о своем нейтралитете. Этот документ с русской стороны был подписан генералом И. И. Дибичем, с прусской — генералом Г. Йорком. Его положения распространялись и на прусские войска, находившиеся под начальством генерала Ф. Массенбаха. Вместе с тем в конвенции оговаривалось, что в том случае если прусский король не утвердит ее и прикажет Йорку

вновь соединиться с французами, то последний обязался не действовать против русских в течение двух месяцев¹⁰⁰.

Генерал Массенбах, получив приказ Йорка о присоединении к главным силам прусского корпуса, выполнил его на рассвете 19 (31) декабря. Обманув бдительность французов, он привел свой отряд (шесть батальонов и один эскадрон) в Тауроген. В отколовшемся от «Великой армии» прусском корпусе в общей сложности насчитывалось 18 тыс. человек¹⁰¹.

После измены пруссаков в корпусе маршала Макдональда осталось лишь 5 тыс. солдат. Удерживать с такими силами Тильзит было бессмысленно, тем более что вскоре поступило известие о движении ему в тыл корпуса Витгенштейна. Поэтому, недолго раздумывая, Макдональд в тот же день, 19 (31) декабря, оставил Тильзит и выступил к Кенигсбергу, куда уже прибыл Мюрат с маршалами.

Через три дня, 22 декабря (3 января 1813 г.), авангард Витгенштейна под командованием генерал-майора Д.Д. Шепелева (7,5 тыс. человек, 18 орудий) настиг под Лабиау (50 км юго-западнее Тильзита) остатки корпуса Макдональда и рассеял их. В ходе боя противник потерял только пленными до 500 человек и 3 орудия. В тот же день отряд Паулуччи без боя занял Мемель¹⁰². 24 декабря (5 января 1813 г.) отряд генерала Шепелева без боя вступил в Кенигсберг¹⁰³. Таким образом, в конце декабря 1812 г. русская армия, завершив изгнание врага из пределов России, вступила на территорию Польши и Восточной Пруссии. Начался освободительный поход русской армии в Европу. Занимая один за другим польские и немецкие города, русские войска в первые дни нового, 1813 года стремительно приближались к Висле. Остатки «Великой армии» (около 50 тыс. человек) отступали без боя, стремясь поскорее укрыться в крепостях на реке Висла¹⁰⁴. Это было все, что осталось от «Великой армии», от почти 450 тыс. солдат, перешедших через Неман 12 (24) июня 1812 г., и от тех 150 тыс. человек, которые к этой армии постепенно присоединились. Все остальные погибли в боях, умерли от болезней, ран, голода и холода, были уничтожены в ходе народной войны, взяты в плен в бою или сдались в плен добровольно, предпочтя временную неволю неизбежной смерти. Пленных осталось в России до 200 тыс. человек, в том числе более

4 тыс. офицеров и 48 генералов. После изгнания врага из России на территориях Московской, Смоленской и Калужской губерний, Белоруссии, Литвы и Латвии было сожжено или захоронено 306 тыс. трупов вражеских солдат и офицеров¹⁰⁵. Только в Ковно хоронить врагов не стали, а сложили на льду Немана и спустили в реку 15 тыс. вражеских трупов¹⁰⁶. Многие из оккупантов утонули в реках, озерах и болотах, были съедены хищными зверями. И потом, спустя много месяцев после окончания боевых действий, в лесах и на полях еще продолжали находить многие тысячи останков наполеоновских вояк, так и оставшихся непогребенными.

Кроме сотен тысяч солдат Наполеон потерял в России свыше 150 тыс. лошадей, почти всю артиллерию, все армейское имущество и вооружение. Хотя во время своего бегства неприятель в больших количествах сжигал, взрывал, топил и ломал оружие, боеприпасы, обозы с различным имуществом и материальными запасами, знамена и т.д., тем не менее русские войска сумели захватить в ходе контрнаступления огромные трофеи — более 1000 орудий, до 100 знамен и штандартов, часть наполеоновской казны, многочисленные обозы, большое количество боеприпасов, продовольствия и военного имущества, отбили у врага большую часть награбленного в России¹⁰⁷. Таких трофеев, какие достались русской армии в Отечественную войну 1812 года, мировая военная история до тех пор не знала.

Поход Наполеона в Россию в 1812 г. завершился полной катастрофой. Такого сокрушительного разгрома ни одна из армий в истории человечества до того времени не знала. А в России народ сложил песню, посвященную этому событию, в которой есть такие слова: «Судьба играет человеком, она изменчива всегда: то вознесет его велико, то бросит в бездну без следа...» Звезда Наполеона, так ослепительно засверкавшая на европейском небосводе полтора десятка лет тому назад, начала свой закат над просторами России. Но этот закат оказался необычайно долгим и кровавым. Понадобилось еще целых 15 месяцев, множество кровопролитных боев и сражений, чтобы окончательно сокрушить смертельно раненого, но не добитого в российских снегах врага. Во имя окончательной победы над ним Россия, а вместе с нею и Европа должны были заплатить новыми

сотнями тысяч жизней на полях Лютцена, Бауцена, Дрездена, Кульма, Лейпцига, Бриенна, Ла-Ротьера, Лаона, Краона, Барсюр-Оба, Арси-сюр-Оба, Фер-Шампенуаза, Парижа, Линьи, Ватерлоо и многих других сражений, долгими месяцами разорения и военной грозы.

Получив донесение Кутузова о взятии Вильно, император Александр I в ночь на 7 (19) декабря выехал туда из Петербурга. В тот же день, 7 (19) декабря, командующий 3-й Западной армией адмирал П.В. Чичагов вручил Кутузову рапорт об отставке¹⁰⁸. Этим самолюбивый адмирал выразил свой протест против обрушившейся на него лавины обвинений (как справедливых, так и надуманных) за промахи и ошибки, допущенные им на Березине.

11 (23) декабря генерал-фельдмаршал князь М.И. Кутузов в полной парадной форме, которой на нем не видели за все время похода, держа в руке строевой рапорт, стоял у подъезда виленского замка. Бледные лучи догоравшего зимнего солнца, падая прямо на убеленного сединами полководца, освещали его побагровевшее от декабрьской стужи величавое лицо. Вокруг него в торжественной тишине, сохраняя полное молчание, неподвижно застыла многочисленная блестящая свита, составлявшая цвет русского генералитета. Около 17 часов на дворцовый двор влетела тройка запыхавшихся лошадей, запряженных в открытые дорожные санки. В них сидел весь покрытый снегом и инеем царь. Фельдмаршал пошел ему навстречу. Выпрыгнув из санок, Александр I обнял его, принял рапорт и, поздоровавшись со стоявшей в почетном карауле ротой лейб-гвардии Семеновского полка, под руку с Кутузовым вошел во дворец. Свита последовала за ними. После краткой беседы в царском кабинете Кутузов вышел в зал к генералам. В этот момент обер-гофмаршал граф Н.А. Толстой поднес ему на серебряном блюде орден Георгия 1-й степени и объявил указ о награждении фельдмаршала этим высшим знаком боевого отличия Российской империи¹⁰⁹. На следующий день, в день своего рождения, Александр I поздравил армию в лице собравшихся во дворце генералов с победой. Свою речь он завершил словами: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу»¹¹⁰. Вечером на балу у Кутузова к ногам русского императора, когда он вошел в зал, были брошены тро-

фейные французские знамена, только что доставленные в главную квартиру от донского атамана М.И. Платова. В ознаменование одержанной над Наполеоном победы Александр I повелел воздвигнуть в Москве храм Христу Спасителю, установить монумент, отлитый из отбитых у противника пушек, и отчеканить специальную медаль для награждения всех участников боевых действий в Отечественную войну 1812 года¹¹¹.

16 (28) декабря 1812 г. Кутузов отдал в Вильно знаменитый приказ: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем трудном походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед... Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его»¹¹².

Часть III
ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ
РУССКОЙ АРМИИ

ГЛАВА 6

Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов

6.1. Кампания 1813 года

Сокрушительное поражение, понесенное Наполеоном в России в 1812 г., коренным образом изменило расстановку сил в Европе. Если перед нападением на Россию Наполеон мечтал о господстве над всем миром, то теперь его первоочередной задачей стало удержать в своих руках европейские страны, сохранить свою власть в Европе¹. Лживые бюллетени 1812 г., издаваемые Наполеоном для Европы о положении дел в России, суровый режим, введенный как в самой Франции, так и в порабощенных странах и, наконец, поспешный отъезд императора из армии в Париж — все это преследовало определенные политические и военные цели. Прежде всего Наполеону крайне необходимо было скрыть сам факт гибели его армии в России, а также задуть всякое проявление национально-освободительного движения в порабощенной им Европе. Кроме того, он стремился максимально использовать экономические и людские ресурсы европейских государств для продолжения войны с Россией. Наполеон хорошо понимал, что катастрофа, постигшая его в России,

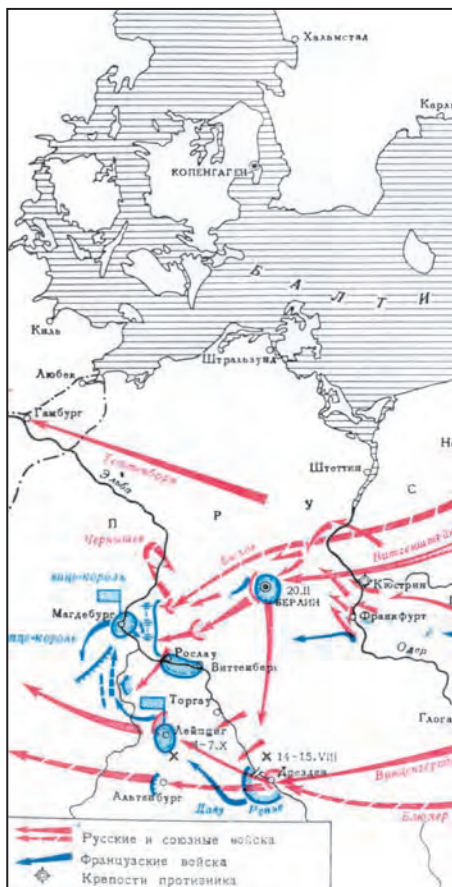
означала крушение всех его планов установления мирового господства. И не случайно на вопрос польского графа С. Потоцкого, заданный в декабре 1812 г. спешившему в Париж французскому императору: «Как все это могло произойти?» — последний ответил: «От великого до смешного только один шаг»².

Очистив свою землю от наполеоновских полчищ, русская армия вступила в пределы Западной Европы, народы которой готовы были подняться на национально-освободительную борьбу. От исхода этой борьбы в случае поддержки ее Россией зависела судьба империи Наполеона. Но при той политической системе, которая существовала тогда в государствах Западной Европы, нельзя было рассчитывать на их самостоятельное выступление, поскольку правительства этих стран были связаны союзом с Наполеоном и вместе с ним вели войну против России. Хотя они и не прочь были избавиться от своего «покровителя», тем не менее не решались разорвать узы, связывающие их с Наполеоном. К тому же следует иметь в виду, что западноевропейские монархи испытывали перед национально-освободительным движением своих народов куда больший страх, чем перед Наполеоном. А поэтому и не были склонны поддерживать его. Гнет наполеоновской деспотии казался им меньшим злом. В этой обстановке необходимо было оказать помощь народам западноевропейских стран в их национально-освободительной борьбе. Перенесение войны за границы империи диктовалось также стремлением России окончательно сокрушить военное могущество Наполеона и лишить его всякой возможности развязывать новые агрессивные войны. Наполеон не мог, разумеется, так быстро отказаться от всего того, что он завоевал, не мог он сразу же и отрешиться от идеи мирового господства. Он мечтал о реванше и готовился к нему.

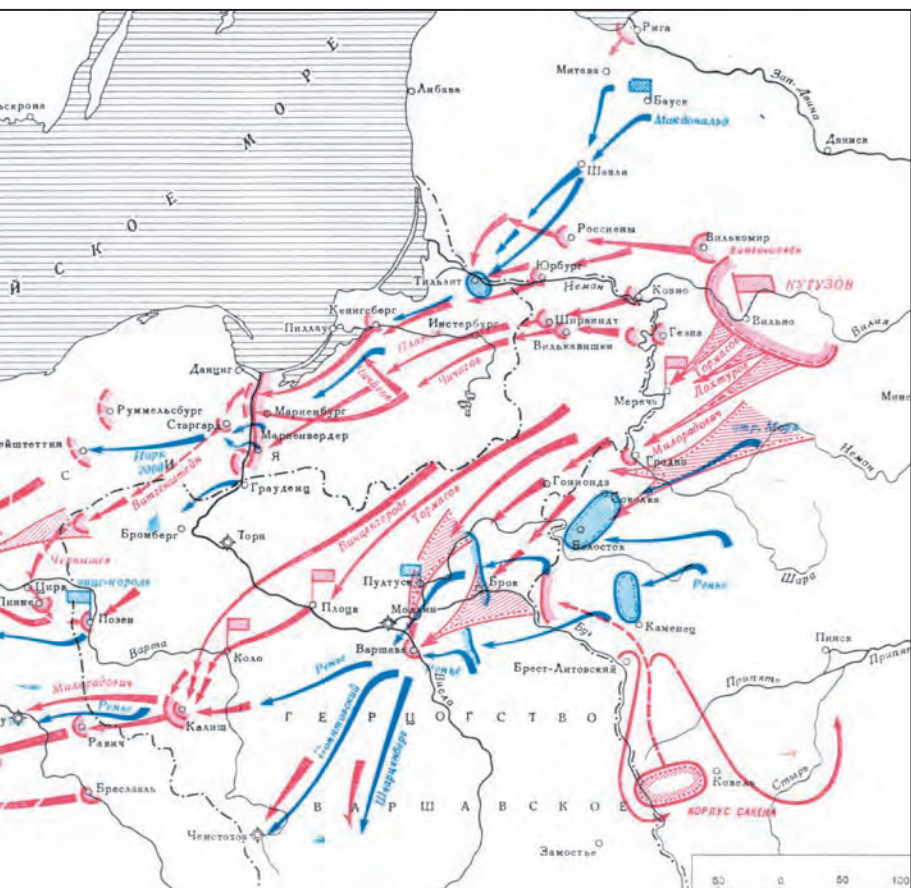
Политическими целями к кампании 1813 года явились освобождение западноевропейских стран от наполеоновского гнета и создание условий, обеспечивающих установление длительного мира и спокойствия на европейском континенте. Исходя из этого, миссия русской армии в Западной Европе приобретала международное значение. Вместе с тем, перенося военные действия в Западную Европу, правительство России преследовало и собственные интересы. Оно претендовало

на территорию Польши (великого герцогства Варшавского), рассчитывало укрепить монархический строй в стране, уничтожить наполеоновскую империю, низложить самого Наполеона и восстановить династию Бурбонов во Франции. Следовательно, Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов носили сложный и противоречивый характер. Если борьба немецкого и других народов, подвергшихся наполеоновской агрессии, преследовала прогрессивные цели — освобождение от иноземного гнета и уничтожение феодальных пережитков, то европейские монархи вели борьбу за восстановление своих прав и привилегий, за укрепление старого, отжившего

Общий ход наступательных действий в 1813 г.

свой век феодально-абсолютистского строя. Общность интересов России и Германии, сражавшихся с Наполеоном, угрожавшим их национальному и государственному существованию, создавала прочную основу для русско-немецкого боевого содружества. В воззвании Кутузова к немецкому народу 13 марта 1813 г. подчеркивалось: «Но да будет и ей (Франции. — Прим. авт.) известно, что другие державы желают равномерно постоянного спокойствия для своих народов и что они не положат оружия, доколе не восстановят и не утвердят прочным образом политической независимости всех государств в Европе»³.

На первом этапе войны 1813 года Россия, как и в 1812 г., продолжала одна вести борьбу с Наполеоном, который располагал еще значительными экономическими и военными ресурсами. Во Франции и оккупированных ею странах находилась 350-тысячная армия, которая могла быть легко и в короткий срок увеличена. Однако ни участвовавшие в тот период в антифранцузской коалиции Англия и Швеция, ни потенциальные союзники — Пруссия и Австрия — никакой реальной помощи России не оказывали.

Заграничные походы русской армии явились прямым продолжением Отечественной войны 1812 года. Их планирование и подготовка проводились еще на завершающем этапе изгнания врага из пределов России. Но прошедшая с боями почти 1000 км русская армия с выходом в середине декабря 1812 г. к государственной границе не могла сразу начать новую кампанию. Она нуждалась в отдыхе и пополнении. За время преследования наполеоновской армии ее коммуникации сильно растянулись, транспорты с продовольствием, боеприпасами и обмундированием далеко отстали от войск, многие части по разным причинам были оставлены в тылу⁴. Исходя из этого, Кутузов решил предоставить армии необходимый отдых для приведения себя в порядок и остановил ее главные силы на границе. Обосновывая свое решение, Кутузов 2 (14) декабря 1812 г. доносил царю: «Главная армия, быв в беспрестанном движении от Москвы до здешних мест, на пространстве почти 1 тысяча верст, несколько расстроилась. Число ее приметно уменьшилось, и люди, делая форсированные марши и находясь почти день и ночь то в авангарде, то в беспрестанном движении для преследования бегущего неприятеля, в очевидное пришли изнурение, многие из них отстали и во время отдохновения армии догнать могут. В уважение сих обстоятельств, дабы войска привести в желаемое состояние и с лучшими успехами действовать на неприятеля, я положил дать здесь отдых Главной армии на несколько дней, что, однако ж, может продлиться до двух недель»⁵.

Преследование же остатков «Великой армии» было возложено на казачьи части, а также войска П.В. Чичагова и П.Х. Витгенштейна. По прибытии в Вильно главнокомандующий русской армией составил план дальнейших действий — «Общее распоря-

жение дальнейших операций»⁶. По этому первоначальному плану войска Витгенштейна и Чичагова, объединенные под общим командованием последнего, направлялись в Восточную Пруссию для разгрома отступавшего туда корпуса маршала Макдональда. Отряды генерал-лейтенанта П.К. Эссена 3-го, генерал-майоров С.А. Тучкова 2-го и К.Б. Кнорринга получили приказ преследовать австрийские войска Шварценберга. Вперед выдвигались легкие кавалерийские, казачьи и партизанские отряды. Они имели задачу преследовать отступающего противника до самой Вислы. Для их поддержки выделялась часть регулярной пехоты и кавалерии. Главные силы армии были остановлены в районе Вильно⁷. Все эти распоряжения были отданы Кутузовым еще до его конфликта с царем, когда тот отменил решение главнокомандующего и приказал ему продолжать наступление всеми силами⁸. Такие действия Александра I объяснялись опасением, что Наполеон быстро восстановит свою армию и перехватит инициативу в войне. Большую роль в этом вопросе сыграло и давление Англии на русское правительство. Не считаясь ни с какими жертвами русских, она настаивала на быстрейшем сокрушении наполеоновской империи и уничтожении континентальной блокады, продолжавшей мертвой хваткой душить английскую экономику. Выполняя указания своего правительства, английские представители в России генералы граф В. Каткарт (посол в Петербурге) и Р. Вильсон требовали от царя приступить немедленно к активным операциям. Их совершенно не интересовало, какой ценой будет достигнута победа.

Кутузов, готовясь к новой военной кампании, учитывал, что кроме Наполеона к мировому господству стремится также и Англия. Но не надеясь на собственные силы, она рассчитывала сокрушить своего соперника при помощи России. Поэтому, трезво оценивая военно-политическую обстановку, русский полководец делал все возможное, чтобы во главу угла были поставлены прежде всего национальные интересы России. Он делал совершенно обоснованный вывод, что на первом этапе войны в Западной Европе России, по всей вероятности, придется одной вести борьбу с Наполеоном. Помощь со стороны союзников представлялась ему весьма проблематичной. Единственно, что могло бы ускорить присоединение Австрии и Пруссии к анти-

французской коалиции, так это новые победы русской армии, на этот раз на полях Европы. Но для этого необходимо было иметь не только боеспособную, но и численно большую армию. Оценивая возможный ход событий, Кутузов исходил из того, что основные события развернутся не на Висле и даже не на Одере, а скорее всего на Эльбе. Те силы, которыми еще располагал Наполеон, были явно недостаточны для того, чтобы длительное время оборонять пространство между Вислой и Одером. Решающие сражения, по его предположению, должны были начаться тогда, когда к наполеоновской армии подойдут новые формирования. Кутузов отдавал себе отчет и в том, что чем дальше вглубь Западной Европы будет продвигаться русская армия, тем больше она будет отдаляться от своих резервов. Поэтому было бы крайне опрометчиво, не укрепив армию, не подтянув к ней резервы и тылы, начинать новую кампанию.

Стратегический план кампании 1813 года, разработанный Кутузовым, исходил из политических целей и ставил главной задачей овладение Восточной Пруссией и Польшей, завершение разгрома отступивших туда остатков «Великой армии» до подхода к ним резервов из Франции, лишение Наполеона возможности использовать людские и материальные ресурсы Польши и Восточной Пруссии для усиления своей армии, а также помощь немецкому народу в присоединении к антифранцузской коалиции.

Накануне перехода через Неман численность русской армии составляла около 100 тыс. человек и 533 орудия⁹. Кроме того, 20 тыс. человек насчитывалось в Резервной армии, состоявшей из четырех бригад (командиры бригад — генерал-майоры И.С. Адамович, Н.А. Бестужев-Рюмин, В.А. Русанов и князь Н.Ю. Урусов)¹⁰. К лету 1813 г. ожидалось прибытие более 50 тыс. человек пополнения, которое должны были дать очередные рекрутские наборы. В наполеоновской армии, отступившей в Польшу и Восточную Пруссию, было около 81 тыс. человек¹¹. Это были в основном фланговые корпуса «Великой армии» (Макдональда, Шварценберга и Ренье), а также гарнизоны крепостей и восстановленный польский корпус Понятовского. Командовал всеми этими войсками маршал И. Мюрат, имевший задачу организовать оборону по Неману и Бугу. Однако уже

первые столкновения с передовыми отрядами русской армии показали очень низкую боеспособность этого войска. И Мюрат был вынужден отдать приказ отступить за Вислу, чтобы попытаться остановить дальнейшее наступление русской армии на этом рубеже. Одновременно он срочно усилил гарнизоны крепостей Данцига, Модлина, Торна и Грауденца — основных опорных пунктов нового оборонительного рубежа. В середине января 1813 г. русская армия перешла в наступление на трех направлениях: на Кенигсберг, на Плоцк и на Варшаву. Главным было кенигсбергское направление, на котором русские войска перешли в наступление еще в начале января 1813 г. Здесь действовала большая часть сил русской армии — 3-я Западная армия, корпус Витгенштейна и казачий корпус Платова (всего около 60 тыс. человек). Общее руководство всеми этими войсками осуществлял адмирал П.В. Чичагов. Успешные действия русских войск на кенигсбергском направлении ускорили разрыв Пруссии с Наполеоном и присоединение ее к антифранцузской коалиции. Наступление русских войск на Варшаву преследовало цель занять этот важный политический и экономический центр Польши (великого герцогства Варшавского) и разгромить сильную австро-саксонскую группировку войск, отступившую к Варшаве. Эта задача была возложена на войска, находившиеся в районе Гродно — Белосток — Брест-Литовск (всего около 13 тыс. человек). Ими командовал Милорадович¹². Между этими двумя группировками из района Меречи в общем направлении на Плоцк наступала так называемая Главная армия, при которой находился Кутузов со своим штабом. Задача ее состояла в том, чтобы в нужный момент усилить то или иное крыло армии, а также воспрепятствовать соединению группировок противника, действующих в Польше и Восточной Пруссии.

Придавая большое значение объединению усилий русского и немецкого народов в совместной борьбе с Наполеоном, Кутузов в своем воззвании к населению Восточной Пруссии перед началом похода писал: «При вступлении предводительствуемых мною армий в границы Пруссии император повелевает мне объявить, что движение наше есть только следствие военных действий... Призываю их (население Восточной Пруссии. — *Прим. авт.*) воспользоваться настоящим благоприятным слу-

чаем и соединиться с русскими армиями для преследования неприятеля, бегство коего доказывает его бессилие»¹³. Воззвание было опубликовано на немецком и французском языках.

Наступление в Восточной Пруссии велось силами трех отрядов. На правом (приморском) фланге в направлении Кенигсберга действовал корпус Витгенштейна (33 тыс. человек), авангардом которого (4 тыс. человек) командовал генерал-майор Д.Д. Шепелев. На левом фланге, наступавшем через Гумбинен на Эльбинг, действовали войска 3-й Западной армии, авангард которой (7 тыс. человек) возглавлял генерал-лейтенант Е.И. Чаплиц. Впереди авангарда действовал «летучий» отряд (свыше 3 тыс. человек) вернувшегося в действующую армию после ранения при Бородино генерал-майора М.С. Воронцова. В центре, между войсками Витгенштейна и Чичагова, наступал казачий корпус атамана Платова (24 казачьих полка общей численностью около 7 тыс. человек). Чичагов, Витгенштейн и Платов имели задачу отрезать пути отступления отходившему к Кенигсбергу корпусу маршала Макдональда и уничтожить его. Еще 11 (23) декабря Кутузов приказывал им: «Главнейший предмет теперь ваших действий должен состоять в том, чтобы сколь возможно не допустить Макдональда к соединению с главными неприятельскими силами»¹⁴. Через день в письме Чичагову главнокомандующий вновь напоминает ему: «Первый предмет действия Вашего на правом фланге должен быть или истребление, или, по крайней мере, сильное поражение Макдональда»¹⁵. Насколько большое значение придавал Кутузов скорейшему разгрому корпуса Макдональда, свидетельствует его решение — с выходом 3-й Западной армии к Гумбинену повернуть ее на северо-запад к Кенигсбергу, чтобы во взаимодействии с корпусом Витгенштейна ликвидировать сосредоточившуюся там крупную группировку противника.

Наступление русских войск в Восточной Пруссии проходило в высоком темпе. Выдвинутые вперед легкие кавалерийские отряды наносили стремительные и внезапные удары по разрозненным группам войск противника и овладевали одним за другим населенными пунктами. В первые же пять дней были заняты Инстербург, Гумбинен и Мемель. При взятии этих городов были захвачены большие трофеи (продовольствие, ору-

*Генерал Л. Йорк.
Художник Э. Гебауер*

жие, боеприпасы и т.п.), а также около 8 тыс. пленных. В Мемеле было захвачено более 60 торговых судов и военных кораблей¹⁶. Местное население с радостью встречало своих освободителей. «Пруссаки встретили нас, как братьев», — писал Кутузов своей дочери¹⁷.

После заключения генералом Йорком Таурогенской конвенции и отделения пруссаков от маршала Макдональда его сильно ослабленный корпус уже не мог оказывать серьезного сопротивления и поспешно отходил к Кенигсбергу. Заняв Кенигсберг, русские войска устремились к Висле, преследуя отступавших туда французов. Чтобы упредить противника в выходе к переправам через Вислу, атаман Платов создал отряд из десяти казачьих полков под командованием генерал-майора А.И. Чернышева. Совершив стремительный рейд по тылам французов, он 1 (13) января вышел к городу Мариенвердер и атаковал занимавшего его противника. После короткого сопротивления неприятельский гарнизон оставил город и бежал по дороге на Познань. Казаки захватили несколько сот пленных и 15 пушек. В последующие дни войска Платова и Шепелева, выйдя на широком фронте к Висле, овладели Эльбингом и Мариенбургом. Затем они переправились через Вислу и заняли еще ряд городов.

Преследуя противника, казачьи полки Платова вышли к Данцигу и обложили его со всех сторон. 16 (28) января 3-я Западная армия Чичагова (17 тыс. человек) обложила Торн (Торунь). Успехи русских войск в Восточной Пруссии и Таурогенская конвенция о нейтралитете прусского корпуса Йорка послужили толчком к развертыванию национально-освободительного движения в Пруссии против французских оккупантов, а вскоре вызвали всеобщий патриотический подъем по всей Германии.

В то время как в Восточной Пруссии уже шло успешное наступление русских войск, Главная армия в присутствии императора Александра I 1 (13) января тремя колоннами перешла Неман у Меречи и двинулась к Висле. Непосредственное руководство этой группировкой войск (Гвардейский, Гренадерский и Кирасирский корпуса — всего около 17 тыс. человек) возглавлял генерал А.П. Тормасов. Справа ее наступление прикрывал сильный авангард, возглавляемый генерал-лейтенантом Ф.Ф. Винценгероде. 24 января (5 февраля) Главная армия подошла к Висле и заняла Плоцк. Милорадович, присоединив к себе корпус генерал-лейтенанта Ф.В. Сакена, наступал на Варшаву. Его отряд теперь насчитывал 36 тыс. человек¹⁸. Выход русских войск к Висле в районе Плоцка и наступление их крупных сил непосредственно на Варшаву создали угрозу окружения для противника, занимавшего польскую столицу. Когда эта угроза стала вполне реальной, фельдмаршал Шварценберг с согласия австрийского правительства вступил в переговоры с русским командованием, результатом которых явилось заключение перемирия. Австрийцы оставили Варшаву и начали отход в Галицию. 26 января (7 февраля) русские войска вступили в Варшаву. Понятовский вынужден был поспешно отступить к Ченстохову, а Ренье — к Калишу. Выход русской армии к Висле и взятие Варшавы имели важное военно-политическое значение, вызвавшее большой резонанс в Европе. Ее успешные действия в Восточной Пруссии и Польше произвели сильное впечатление на Пруссию и Австрию и явились весомым аргументом для их привлечения в состав антифранцузской коалиции. Так, австрийские войска отказались от участия в боевых действиях на стороне французов. Прусский корпус Йорка уже готовился повернуть оружие против Наполеона. Его примеру были готовы по-

следовать и другие прусские войска. В Восточной Пруссии по решению созданного в Кенигсберге сейма приступили к созданию ополчения, призывались резервисты, начал формироваться восточнопрусский ландвер. И хотя австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III все еще не решились разорвать союз с Наполеоном, продолжали лавировать, стремились найти какие-то компромиссные решения, вопреки их воле в армии и народе все более нарастало антифранцузское движение. Решающую роль в активизации этого процесса сыграло обращение русского командования к населению с призывом взяться за оружие.

На Висле русской армии противостояли 55–60 тыс. французских, польских и саксонских войск. Значительные силы противника стягивались к Данцигу: туда отошли войска из Восточной Пруссии, а также остатки корпусов Виктора и Макдональда. Гарнизон Данцига насчитывал 20 тыс. человек, в Торне было до 8 тыс., в Модлине — 7 тыс. человек. В Познани численность гарнизона составляла 13–15 тыс. человек¹⁹. Общее командование французскими войсками вместо самовольно оставившего армию Мюрата теперь осуществлял Е. Богарне.

Основная цель Наполеона сводилась к тому, чтобы, опираясь на крупные водные рубежи Вислу и Одер, а также сильно укрепленные крепости, остановить дальнейшее наступление русской армии, заставить ее расплыть силы и втянуть в затяжные осады крепостей. Ему необходимо было выиграть время для создания новой армии и выдвижения ее к Одру, а если удастся, то и к Висле. Но провести Кутузова Наполеону и на этот раз не удалось. Понимая, что борьба за крепости сопряжена с большими жертвами и значительной затратой времени, русский полководец выделил для их блокирования лишь часть войск, а с главными силами, не задерживаясь, двинулся к Одру²⁰. Расчет его оказался верным: крепости оказались не в состоянии задержать наступление русской армии. Данциг был блокирован казаками Платова, Торн — войсками Чичагова, а Модлин — отрядом Паскевича. Таким образом, Наполеон снова просчитался. Осажденные в крепостях французские гарнизоны были выключены из борьбы, ослабив и без того незначительные силы Е. Богарне.

*Фридрих-Вильгельм III,
король Пруссии*

Главные силы русской армии наступали на Калиш. В Восточной Пруссии был оставлен корпус Витгенштейна, а к австрийской границе выдвинут корпус Сакена. С целью ускорить темпы продвижения войск из состава главных сил по распоряжению Кутузова были выделены «летучие» отряды, состоявшие в основном из казачьей конницы, егерей и конной артиллерии. Этими отрядами командовали генералы А.И. Чернышев, М.С. Воронцов и др. Вслед за ними двигался авангард (около 14 тыс. человек), возглавляемый Ф.Ф. Винценгероде²¹. Действуя впереди армии, «летучие» отряды совершали глубокие рейды по тылам противника, громили отдельные вражеские отряды, гарнизоны, команды, уничтожали материальные запасы, депо и мосты.

29 января (10 февраля) отряд генерал-майора М.С. Воронцова у местечка Рогозно (под Познанью) разгромил 2-тысячный польский отряд. На следующий день отряд генерал-адъютанта А.И. Чернышова разбил на реке Варта под Цирке литовскую дивизию князя С. Гедройца (2 тыс. человек), причем сам командир дивизии с большей частью своих солдат был взят в плен. 1 (13) февраля под Калишем авангард генерал-адъютанта Ф.Ф. Винценгероде нанес сильное поражение саксонскому кор-

пусу Ренье. Противник потерял здесь до 3 тыс. человек. Подошедшие к Одеру «летучие» отряды генерал-майора А.Х. Бенкендорфа и полковника Ф.-К. Тетенборна соединились там с отрядом Чернышева, переправились через реку и двинулись на Берлин. Не менее успешными были и действия отряда Воронцова. Е. Богарне, стянув значительные силы в район Познани, пытался удержать эту крепость в ожидании подкреплений из Берлина²². Но его деморализованные войска не смогли сдержать натиска русских. Не дождавшись помощи из Берлина, опасаясь быть отрезанным от Одера и видя полную бесцельность обороны Познани, Богарне оставил этот город и начал отступление к Франкфурту. 1 (13) февраля отряд Воронцова занял Познань. К концу февраля русская армия на широком фронте вышла к Одеру. Таким образом, за два месяца боевых действий она продвинулась от Немана до Одера на глубину до 800 км. 16 (28) февраля с Пруссией был заключен Калишский союзный договор, положивший начало 6-й антифранцузской коалиции европейских государств. Его подписали: с русской стороны — фельдмаршал М.И. Кутузов, с прусской — канцлер К.-А. Гарденберг. Пруссия выступила против Наполеона, а ее войска повернули оружие против своих вчерашних союзников — французов. Прусский корпус генерала Йорка, сохранявший до сих пор нейтралитет, форсированным маршем двинулся на соединение с Витгенштейном. Вскоре к нему присоединился прусский резервный корпус, сформированный генерал-губернатором Восточной Пруссии генералом Ф.-В. Бюловым.

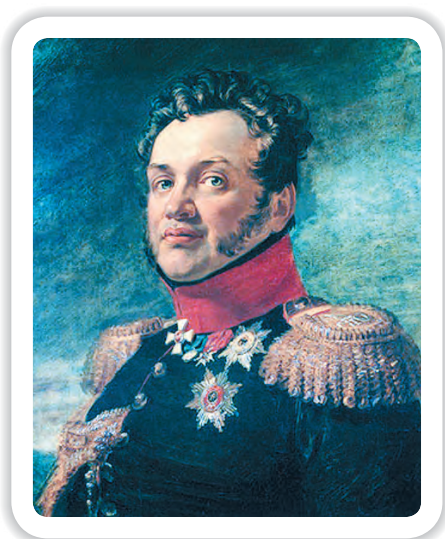
С отступлением за Одер французская армия насчитывала не более 40 тыс. человек²³. Численность же одного только русского корпуса Витгенштейна составляла 30–35 тыс. человек, а с присоединением к нему прусских корпусов Йорка и Бюлова возросла до 60–65 тыс. человек²⁴. С выходом русской армии на Одер М.И. Кутузов принял решение наступать на Берлин. Его план предусматривал наступление на прусскую столицу с двух направлений. Войскам Витгенштейна, имевшим впереди казачий корпус Платова, предстояло переправиться через Одер между Штеттином и Кюстрином и нанести удар на Берлин с севера. Корпус Витгенштейна, развернутый теперь в отдельную армию, должен был вести наступление тремя колон-

нами. Две из них (Витгенштейн и Йорк) направлялись прямо на Берлин, а третья (Бюлов) — в обход его, на Потсдам. С юга должна была наступать Главная армия. Ей была поставлена задача выйти на реку Эльба, а затем наступать на Магдебург с целью выхода в тыл главным силам противника. Замысел Кутузова состоял в том, чтобы наступлением по двум сходящимся направлениям изолировать основную группировку французских войск, сосредоточившуюся в районе Берлина, и уничтожить ее до подхода к Богарне свежих сил из Франции. Но из-за отказа прусских генералов Йорка и Бюлова участвовать в наступлении на Берлин реализовать этот план Кутузову не удалось. В создавшейся обстановке русский полководец принимает решение направить за Одер лишь передовые отряды, а главные силы армии остановить перед этим водным рубежом с целью привести их в порядок после длительного наступления, подтянуть далеко отставшие тылы, а главное — дожидаться подходивших из России резервов. Численность Резервной армии к концу февраля 1813 г. возросла почти до 70 тыс. человек²⁵. За три последних месяца она увеличилась в 3,5 раза. Теперь эта армия состояла уже из четырех пехотных и двух кавалерийских корпусов. В ближайшее время ее численность планировалось довести до 170 тыс. человек²⁶. В вышедшую на Одер действующую армию из Резервной армии в общей сложности направлялись 64 батальона пехоты и 20 эскадронов конницы²⁷. Кроме того, на Одер шли войска с Дуная и Украины. Сюда же двигались Калужское, Тверское, Полтавское, Тульское, Черниговское и другие ополчения. Они предназначались для осады крепостей Данцига, Модлина и Замостья.

Тем временем Наполеон с огромной быстротой и напряжением сил формировал новую армию. Уже к весне 1813 г. ее численность достигала 300 тыс. человек. Она сосредоточивалась в Тюрингии, откуда французский император планировал перейти в контрнаступление.

В то время когда главные силы русской армии приводили себя в порядок на восточном берегу Одера и готовились к предстоящему наступлению на запад, за Одером развернулись активные действия ее передовых и партизанских отрядов. Первым крупным событием явилась дерзкая попытка отрядов генерала

*Н.Г. Репнин-Волконский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.*

Чернышева и полковника Тетенборна овладеть столицей Пруссии Берлином. Город занимал корпус маршала Ожеро, насчитывающий до 6 тыс. человек с 40 орудиями. Оба русских отряда уступали противнику в численности более чем в 2 раза. Но тем не менее, подойдя 9 (21) февраля к Берлину, они в тот же день смело атаковали его. Правда, попытка овладеть прусской столицей окончилась неудачей. Ворвавшись в город, русские войска не смогли удержаться в нем и были вынуждены отступить. Но вскоре Берлин был все же взят. 20 февраля (4 марта) отряд А.И. Чернышева и авангард корпуса Витгенштейна, которым командовал генерал-майор князь Н.Г. Репнин-Волконский, снова подошли к городу и, внезапно атаковав занимавшего его противника с разных сторон, овладели Берлином. Через неделю в него вступили главные силы Витгенштейна. Взятие столицы Пруссии имело важное военно-политическое значение. Оно вынудило французские войска начать поспешное отступление за Эльбу. Преследуя противника, передовые части и партизанские отряды русской армии вырвались далеко вперед. Действуя дерзко и решительно, они совершали внезапные налеты на разрозненные группы французских войск и наносили им большие потери, громили их тылы, уничтожали небольшие гарнизоны.

*Г. Блюхер.
Художник Э. Гебауер*

7 (19) марта отряд полковника Тетенборна захватил Гамбург. Через два дня подполковник К.Х. Бенкендорф с одним казачьим полком занял Любек. 10 (22) марта партизанский отряд полковника Д.В. Давыдова овладел Дрезденом. 21 марта (2 апреля) отряд Чернышева атаковал у Люнебурга (около 40 км юго-восточнее Гамбурга, на левом берегу Эльбы) дивизию генерала Морана (2,5 тыс. человек с 8 орудиями). После упорного восьмичасового боя французы были разбиты и оставили город. Остатки французской дивизии, понесшей в бою большие потери, во главе со своим командиром сложили оружие²⁸. 24 марта (5 апреля) в боях под Даничковым, Веглицем и Цедеником войска Витгенштейна нанесли поражение главным силам Е. Богарне и отбросили их за Эльбу. В начале апреля все пространство от Одера до Эльбы было очищено от неприятеля. 25 марта (6 апреля) корпус Сакена овладел крепостью Ченстохов.

Несмотря на достигнутые крупные успехи, Кутузов проявлял необходимую осторожность. Ему было известно о начавшемся сосредоточении в районе Эрфурта главных сил французской армии, вновь сформированной Наполеоном, и он готовился к предстоящей борьбе с нею. Поэтому главнокомандующий стремился не расплющить свои силы и не торопился переносить

боевые действия за Эльбу лишь для того, чтобы овладеть как можно большей территорией. Более того, он даже останавливал некоторых своих не в меру горячих генералов, вроде Витгенштейна, Винценгероде и Чернышева, безрассудно рвавшихся вперед. Осторожность Кутузова еще более усилилась после неудачного штурма 5 (17) апреля русско-прусским корпусом генерала Ф. Клейста (7 тыс. человек) крепости Виттенберг, обороняемой 2,5-тысячным польско-французским гарнизоном. В то время как передовые части объединенной русско-прусской армии вышли к Эльбе, далеко в тылу, на Висле, продолжалась осада занимаемых французами крепостей Данциг, Торн, Модлин и др. Необходимость скорейшего овладения этими крепостями объяснялась стремлением русского командования обезопасить свой тыл, высвободить задействованные для осады войска и присоединить их к главным силам армии. Из-за недостатка сил овладение крепостями осуществлялось последовательно, что давало возможность маневрировать силами и средствами: после взятия одной крепости войска, артиллерия и инженерные части перебрасывались для овладения другой крепостью. Прежде всего было решено овладеть Торном — сильнейшей крепостью на Висле. Подготовка к ее штурму началась 27 марта (8 апреля). Для успешного овладения крепостью к ней были сосредоточены инженерные части и осадная артиллерия, проведена тщательная подготовка: проложены дороги, построены мосты, оборудованы траншеи, установлены батареи. Все эти работы проводились скрытно²⁹. Поняв бесцельность дальнейшего сопротивления, гарнизон Торна решил сложить оружие и сдать крепость. 4 (16) апреля Торн капитулировал. Капитуляцию принял генерал от инфантерии Барклай-де-Толли, сменивший в феврале 1813 г. адмирала Чичагова на посту командующего 3-й Западной армией. На Одере были осаждены крепости Штеттин, Кюстрин и Глогау.

Одновременно с боевыми действиями на Висле, Одере и Эльбе Кутузовым проводилась огромная работа по подготовке русских и прусских войск к предстоящим сражениям с основными силами Наполеона. Прибывшие из России резервы и быстрое формирование прусской армии позволили союзникам значительно увеличить свои силы и довести их численность до

250–280 тыс. человек³⁰. Первоочередной задачей Кутузова в сложившейся обстановке являлось упреждение Наполеона в сосредоточивании главных сил на важнейшем направлении. Исходя из тщательной оценки обстановки и вероятных намерений противника, таковым было признано лейпцигско-эрфуртское. Кутузов принимает решение сосредоточить свои главные силы в районе Лейпциг — Люцен — Альтенбург.

Войскам были отданы соответствующие приказания. Они немедленно приступили к их выполнению. Группировка войск Витгенштейна, находившаяся в районе Магдебург — Берлин, двинулась к Лейпцигу через Торгау. Другая группировка прусского генерала Г. Блюхера, находившаяся в Силезии, двинулась к Лейпцигу через Дрезден. Главная армия, находившаяся в районе Калиша, направилась к Лейпцигу вслед за войсками Блюхера. К середине апреля армия Блюхера сосредоточилась в указанном районе. Авангард Главной армии, возглавляемый Милорадовичем, 6 (18) апреля достиг небольшого силезского городка Бунцлау. Армия Витгенштейна к этому времени переправилась через Эльбу и вышла в район Дессау. О том, какое большое значение придавал Кутузов быстрейшему соединению всех сил за Эльбой, свидетельствуют его приказы Витгенштейну, который, не понимая общей обстановки, действовал недостаточно энергично. Пытаясь сохранить свою оперативную самостоятельность, этот генерал стремился не к объединению, а к разобщению сил. Будучи уже тяжело больным, фельдмаршал М.И. Кутузов в своем последнем приказе указывает Витгенштейну на недопустимость промедления с выполнением поставленной задачи. К концу апреля главные силы союзной армии (около 100 тыс. человек, в том числе 54 тыс. русских, и 656 орудий) сосредоточились за Эльбой, в районе Лейпциг — Люцен — Альтенбург. Войска Е. Богарне, не сумев удержаться на таком выгодном естественном рубеже, как Эльба, отошли за реку Заале.

Напряженная борьба, развернувшаяся на обширном театре военных действий, потребовала от Кутузова как главнокомандующего огромной энергии, величайшего напряжения сил и воли. Он руководил боевыми действиями всех армий, координировал и направлял усилия войск на реализацию разработанного им стратегического плана. Заботы о пополнении армии резер-

вами, вооружении войск, создании необходимых материальных запасов, ведение дипломатических переговоров с Пруссией, Австрией и другими странами, обосновывание и отстаивание своих оперативных замыслов и взглядов на ведение войны перед царем — все это лежало на главнокомандующем и выполнялось им с глубоким знанием дела. Однако чрезмерное перенапряжение и неимоверно большой масштаб деятельности, непрерывная, полная лишений походная жизнь не могли не подорвать сил и здоровья Кутузова. В письмах родным он все чаще жалуется на усталость, ухудшение здоровья, большую занятость, мечтает об отдыхе³¹. Но жизнь полководца была уже на исходе. 16 (28) апреля 1813 г. фельдмаршал Кутузов внезапно скончался в Бунцлау. Впоследствии там был установлен обелиск с надписью: «До сих мест князь Кутузов-Смоленский довел победоносные русские войска, но здесь смерть положила предел славным делам его. Он спас Отечество свое и отверз путь к избавлению Европы. Да будет благословенна память героя». Неожиданная смерть главнокомандующего всеми армиями в самый напряженный период кампании, когда назревали

Дом в Бунцлау, где провел последние дни жизни М.И. Кутузов. Фото конца XIX в.

крупные военные события, явилась тяжелой утратой для войск. Новым главнокомандующим был назначен генерал от кавалерии граф П.Х. Витгенштейн.

15 (27) апреля Наполеон выехал из Парижа к своей армии в Эрфурт, куда прибыл на четвертый день и сразу же перешел в контрнаступление против русских и пруссаков. С первых же шагов начались его успехи. 19 апреля (1 мая) французы атаковали передовой отряд генерал-майора С.Н. Ланского при Вейсенфельсе. Несмотря на ввод в бой кавалерийского корпуса Винценгероде, русские все же были отброшены противником и оставили город. В этом бою погиб командующий гвардейской кавалерией Наполеона маршал Ж. Бессьер. Оказавшийся вместе с императором несколько впереди боевых порядков французской гвардии, маршал был убит пушечным ядром, разорвавшим ему грудь. «Смерть приближается к нам», — задумчиво произнес Наполеон, глядя, как тело его старого боевого сподвижника завертывают в плащ, чтобы унести с поля боя. На следующий день, 20 апреля (2 мая), произошло сражение при Лютцене. Армия союзников, возглавляемая генералом П.Х. Витгенштейном, насчитывала около 100 тыс. человек. Но в сражении приняли участие лишь 73 тыс. человек и 400 орудий³². Часть союзной армии (войска Милорадовича, корпус Клейста и несколько отдельных отрядов, назначенных для прикрытия переправ) не принимала участия в сражении³³. Армия Наполеона в начале сражения имела 40 тыс., а к концу его — до 100 тыс. человек с 350 орудиями. Предполагая, что главные силы противника находятся у Лейпцига, Наполеон двинулся к нему из Наумбурга через Лютцен. Но на самом деле основные силы русско-прусской армии располагались южнее, между Лейпцигом и Альтенбургом. Воспользовавшись просчетом Наполеона, Витгенштейн решил нанести удар во фланг (с юго-востока) растянувшимся на марше французским войскам и разгромить их по частям. Однако ввиду медлительности и разрозненности действий русских (около 40 тыс. человек) и прусских (свыше 30 тыс. человек) войск, их атаки не привели к успеху. Оценив создавшуюся обстановку, Наполеон направил корпус маршала Нея во фланг союзной армии, что помогло ему сдержать мощный первоначальный натиск противника. Затем, последовательно вводя в сра-

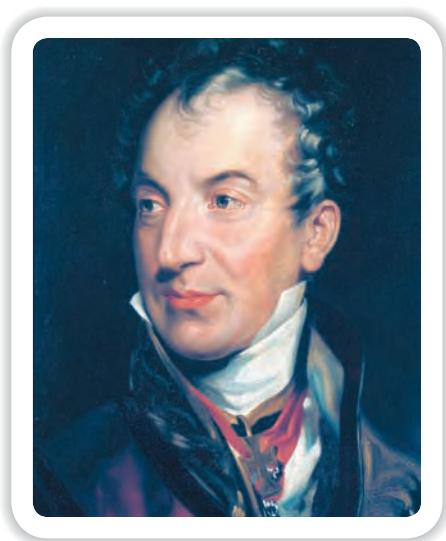
жение подходившие один за другим корпуса, он добился численного превосходства над войсками союзников. К 18 часам русско-прусская армия была обойдена с обоих флангов и с наступлением темноты отступила за Эльбу. Сражение под Лютценом — первое в кампании 1813 года — было очень упорным и кровопролитным. Наполеон лично руководил действиями своих войск, неоднократно проносясь под пулями и ядрами верхом на коне с одного фланга на другой. Александр I и прусский король были недалеко от места сражения, но не принимали в нем участия. Потери союзников при Лютцене составили 12 тыс. человек, французов — 15 тыс. человек и 5 орудий³⁴. Поражение союзной армии в сражении при Лютцене было связано, главным образом, с недостатками в управлении войсками. Приказы и распоряжения главнокомандующего согласовывались сначала с императором Александром I и королем Фридрихом-Вильгельмом III, находившимися при армии, а уж потом доводились до исполнителей. Все это отнимало много времени, и, как следствие, приказы и распоряжения Витгенштейна доводились до войск с опозданием. Нередко они уже не соответствовали сложившейся обстановке.

Потерпев поражение, союзная армия начала отступление к Дрездену, преследуемая Наполеоном. Натиск противника сдерживал арьергард, возглавляемый Милорадовичем. В авангарде французской армии шел корпус вице-короля Е. Богарне. Между ними почти ежедневно происходили упорные бои. Через несколько дней французы вступили в Дрезден. Обеспокоенная неудачами союзников, Австрия выступила с посреднической миссией, предложив Наполеону заключить мир с Россией и Пруссией. Австрийский министр иностранных дел К. Меттерних заявил, что гарантией союза Австрии с Наполеоном, кроме немедленного заключения им мира с Россией и Пруссией, является отказ последнего от Польши (великого герцогства Варшавского), протектората над Рейнским союзом, ганзейских городов и Иллирии. Все остальное (то есть вся империя с Бельгией, вся Италия, Голландия, Вестфальское королевство Жерома Бонапарта) остается по-прежнему за Наполеоном. Но французский император отказался. «Я не хочу вашего вооруженного посредничества, — заявил Наполеон посланцу венского двора ге-

нералу Ф. Бубна, — вы хотите удить рыбу в мутной воде. Нельзя приобретать (новые) провинции, проливая только розовую воду. Вы начнете с того, что потребуете у меня Иллирию, а потом вы потребуете Венецианскую область, потом — Миланскую землю, потом — Тоскану, и этим все-таки заставите меня сражаться с вами. Лучше с этого теперь и начать. Да, если вы хотите получить от меня земли, то вам нужно будет проливать кровь»³⁵. Он твердо решил воевать и воевать дальше, ничего не уступая. В Гамбурге началось движение против Наполеона. Император послал туда маршала Даву, приказав ему беспощадно наказывать ганзейские города за их неверность Франции. Маршал получил четкие инструкции на этот счет: расстрелять вожakov антифранцузского движения, некоторых офицеров и гамбургских сенаторов, арестовать 500 самых влиятельных горожан из тех, которые известны своей неблагонадежностью, и конфисковать все их имущество. Выбор Наполеоном Людовика-Никола Даву для проведения данной карательной экспедиции был не случаен. Лучше этого маршала, известного не только своими воинскими дарованиями, но также и холодной беспощадностью, мрачной решимостью, беспрекословной пунктуальностью, завидной энергией и суровой непреклонностью, вряд ли кто другой из наполеоновских военачальников смог справиться с поставленной императором задачей и провести эту акцию так, как задумал ее Наполеон. Но отправляя маршала Л.-Н. Даву с полицейскими функциями на север Германии, Наполеон вместе с тем лишился одного из наиболее талантливых своих военачальников, которых, как показали последующие события, ему крайне не хватало на главном направлении — там, где решалась судьба кампании.

Отдав все распоряжения, Наполеон вышел с гвардией из Дрездена и присоединился к армии, шедшей на восток к Бауцену (на реке Шпрее). На дороге из Саксонии в Силезию с ним было лишь четыре корпуса — маршалов М. Нея, О. Мармона, Н. Удино и генерала А. Бертрана. В союзной армии основными группировками войск командовали генералы Барклай-де-Толли, Блюхер и Милорадович. После неудачи в Лютценском сражении она отошла на заблаговременно подготовленную позицию у Бауцена, которая проходила по правому берегу реки Шпрее

*К. фон Меттерних.
Художник Т. Лоуренс*

и опиралась левым флангом в отроги гор Богемский лес. Правый фланг позиции не был защищен естественными препятствиями и прикрывался конницей. Русско-прусская армия насчитывала 94 тыс. человек (66 тыс. русских и 28 тыс. пруссаков) и 610 орудий, войска Наполеона — 143 тыс. человек и 350 орудий. Замысел Наполеона состоял в том, чтобы, атаковав центр и левый фланг союзной армии Витгенштейна, вынудить ее израсходовать резервы, а затем нанести корпусом Нея удар в обход правого фланга противника и выйти ему в тыл. Сражение под Бауценом произошло 8–9 (20–21) мая. Утром 8 (20) мая французские войска атаковали передовую позицию союзников, которую обороняли их отряды численностью до 20 тыс. человек, и после упорного боя к исходу дня отбросили их на главную позицию. На следующий день сражение возобновилось атаками французов в центре (корпуса Мармона, Макдональда и Бертрана) и на левом фланге (корпус Удино) расположения союзников. Их войска, которыми командовали Блюхер (в центре) и Милорадович (на левом фланге) успешно отразили все атаки противника. Вслед за тем завершивший обходной маневр, корпус маршала Нея нанес удар во фланг войскам генерала Баркляя-де-Толли, составлявшим правое крыло союзной ар-

мии. Но несмотря на внезапность удара и превосходство в силах, Ней не сумел сломить сопротивления русских войск и осуществить глубокий обходной маневр на Хохкирх. Но все же под натиском противника войска Баркляя-де-Толли вынуждены были отойти к Ракелю. Учитывая численное превосходство противника и нависшую угрозу окружения в случае возобновления боевых действий со стороны французов, Витгенштейн принял решение прекратить сражение и отступить. Вечером 9 (21) мая русско-прусская армия отошла за реку Лебау. Двухдневное сражение под Бауценом (немцы называют его сражением при Вуршене) было таким же упорным и кровопролитным, как и под Лютценом. Французы потеряли в нем до 18 тыс. человек, союзники — 12 тыс. (русские — около 6,5 тыс., пруссаки — свыше 5,5 тыс. человек)³⁶. Хотя победа и осталась за Наполеоном, но достигнуть своей главной цели — окружить и разгромить русско-прусскую армию — ему не удалось. Главным виновником этого явился маршал Ней, пренебрегший советами своего начальника штаба генерала А. Жомини и не прибывший своевременно на поле сражения. Это позволило союзникам избежать окружения и отступить в полном порядке.

Вдохновленный успехом, Наполеон решил идти прямо на Берлин. Но победного марша не получилось — союзники отступали с упорными боями, задерживая преследование. Каждый день происходили ожесточенные арьергардные столкновения. Только 10 (22) мая произошло пять крупных арьергардных боев, в которых с обеих сторон были задействованы довольно крупные силы. Одновременно отряды союзников активно действовали на флангах противника. Так, 14 (26) мая в засаду под Гайнау попала французская дивизия генерала Н. Мезона, потерявшая до 800 человек и 18 орудий. В период с 17–19 (29–31) мая партизанский отряд полковника А.С. Фигнера уничтожил три французских отряда общей численностью более 700 человек. Партизанский отряд генерал-майора П.С. Кайсарова (казачий полк и эскадрон драгун) разбил отряд французов, захватив восемь орудий, и т.д. Но и противник не оставался в долгу. 15 (27) мая при Гоерсверде передовой отряд корпуса Удино уничтожил казачий отряд, а на следующий день уже сам маршал со своими главными силами нанес там же поражение прусскому корпусу

Бюлова. 18 (30) мая маршал Даву занял Гамбург. Находившийся там отряд полковника Тетенборна при приближении превосходящих сил французов был вынужден оставить город.

После сражения под Бауценом, нескольких дней преследования отступавшей союзной армии и овладения Бреславлем Наполеон неожиданно принял посредническое предложение Австрии о заключении перемирия с Россией и Пруссией. 23 мая (4 июня) 1813 г. в Плесвице договор о перемирии был подписан сроком на 46 дней (до 8 (20) июля) (затем оно было продлено еще на три недели, до 29 июля (10 августа)). Заключение этого перемирия было связано с тем, что напуганные успехами Наполеона, уже вторгшегося в Силезию, русский император и прусский король обратились за помощью к Австрии, и та не замедлила вмешаться в события. Впрочем, Наполеон пошел на это перемирие потому, что оно было также необходимо и ему, как и союзникам. Подписывая перемирие, ни союзники, ни Наполеон не желали, чтобы оно превратилось в мир, хотя обе стороны и согласились на предложение Меттерниха послать своих представителей в Прагу для переговоров. Союзники знали, что Наполеон, который еще до Лютцена и Бауцена не шел ни на какие уступки, ни в коем случае не пойдет на них теперь, после двух побед. Александр I согласился на перемирие потому, что ряд генералов во главе с Барклаем-де-Толли прямо заявили ему, что армии надо оправиться после понесенных поражений, привести себя в порядок и получить подкрепления. Наполеон согласился на перемирие также для того, чтобы подтянуть подкрепления и окончательно раздавить союзников. Но подписав Плесвицкое перемирие, он сделал роковую стратегическую ошибку. Перемирие пошло на пользу его врагам, а не ему, и было одной из причин, побудивших Австрию выйти из своей посреднической роли и примкнуть к антифранцузской коалиции. Австрия, выступая с посреднической миссией, в сущности, не хотела ни окончательной победы Наполеона над коалицией, ни победы коалиции над Наполеоном, которая дала бы гегемонию в Европе России. Меттерних желал склонить Наполеона к уступкам и, приехав в Дрезден, где была штаб-квартира императора, явился 16 (28) июня во дворец. Переговоры с ним Наполеон начал с угроз, прямо обвиняя Австрию в том, что она

Ж. Моро

под предлогом посредничества готовится примкнуть к коалиции. «Вы хотите воевать со мной? Значит, люди неисправимы! Уроки им ни для чего не служат! Русские и пруссаки, несмотря на жестокий опыт, осмелев после успехов последней зимы, дерзнули пойти против меня — и я их побил. Вы тоже хотите получить в свою очередь? Хорошо, вы получите свое. Я вам назначаю свидание в Вене в октябре!» — гневно выговаривал император австрийскому министру. Но тот твердо стоял на своем, настаивая на ранее выдвинутых Австрией уступках Наполеона. Это привело императора в бешенство. У него случился один из тех припадков необузданного гнева, когда, говоря циничные вещи, он ни о чем другом уже не думал, как только о том, чтобы как можно больнее оскорбить и унижить собеседника. Переговоры ни к чему не привели. Наполеон, зная наперед, что из пражских переговоров ничего не выйдет, тянул дело. Русский и прусский уполномоченные, а также Меттерних с конца июня сидели в Праге, а французы все не являлись. Впрочем, после разговора Меттерниха с Наполеоном австрийские колебания кончились. Когда наконец французский представитель граф Л. Нарбонн (посол Франции в Вене) появился на переговорах, то Меттерних прямо заявил ему, что если пражское со-

вещание ни к чему не приведет, то Австрия примкнет к коалиции. Многие министры и почти все маршалы убеждали Наполеона заключить мир. Все было напрасно. Переговоры в Праге окончились неудачей, так как Наполеон отказался пойти на какие-либо территориальные уступки. 29 июля (10 августа) закончилось перемирие, а на следующий день Австрия объявила войну Наполеону. На театре военных действий появились шведские войска. Вновь возобновились боевые действия. Силы коалиции теперь явно превышали силы Наполеона. К этому времени ухудшилось и общее политическое положение Франции. Французская армия в Испании потерпела ряд неудач и была оттеснена англичанами и испанскими гверильясами почти к самым Пиренеям. Сражение при Виттории закончилось полной победой англичан.

К осени 1813 г. войска союзников насчитывали 492 тыс. человек (в том числе русских — 173 тыс. человек) и 1383 орудия³⁷. Были сформированы три армии: Богемская (235 тыс. человек, в том числе 77 тыс. русских), Силезская (100 тыс. человек, в том числе 61 тыс. русских) и Северная (156 тыс. человек, в том числе 31 тыс. русских), а также отдельный корпус под командованием генерала графа Вальмодена (28 тыс. человек и 62 орудия), выдвинутый к Гамбургу. Командующими армиями были назначены: Богемской — австрийский фельдмаршал К. Шварценберг, Силезской — прусский генерал Г. Блюхер и Северной — шведский наследный принц, бывший наполеоновский маршал Ж. Бернадот. Союзным главнокомандующим считался Шварценберг. Фактическое же руководство вооруженными силами союзников на театре военных действий принадлежало русскому императору Александру I. Не полагаясь на свои полководческие способности, Александр I по совету Бернадота пригласил к себе в военные советники генерала Ж. Моро, талантливого полководца французской революционной армии, обвиненного в 1804 г. в заговоре против Наполеона и высланного из Франции. Моро с тех пор проживал в изгнании в Америке. Неприимимый враг Наполеона, Моро прибыл в штаб-квартиру Александра I как раз к возобновлению военных действий. «Не нападайте на те части армии, где сам Наполеон, нападайте только на маршалов» — таков был первый совет, данный генералом

Моро русскому царю и его союзникам. Александр полагал, что присутствие Моро в стане союзников вызовет некоторые колебания во французской армии, так как у знаменитого полководца Французской революции была до тех пор безупречная репутация. Но он просчитался. Морально Моро перестал существовать для наполеоновских солдат, как только он прибыл в неприятельский лагерь. В бывшем республиканском генерале они видели теперь только изменника.

Наполеону удалось довести численность своей армии только до 440 тыс. человек и 1200 орудий³⁸. Из них в районе Дрездена против Богемской армии было сосредоточено 102 тыс. человек, против Силезской армии — 120 тыс. человек. Резерв (90 тыс. человек) во главе с Наполеоном стоял у Герлица. 70-тысячная армия под командованием маршала Удино находилась южнее Берлина, в Гамбурге — 35-тысячный корпус маршала Даву, у Магдебурга — дивизия генерала М. Жерара (12 тыс. человек).

На совещании союзного командования был выработан план военных операций, который предусматривал одновременный переход в наступление всеми тремя армиями. Силезской армии ставилась задача демонстративными действиями отвлечь на себя внимание Наполеона, а Северной и Богемской армиям — действовать против его флангов с целью выхода в тыл главным силам французской армии.

Боевые действия начались 3 (15) августа наступлением Силезской армии. 10 (22) августа перешла в наступление на Дрезден Богемская армия. Поручив маршалам Даву и Удино, а также генералу Жерару действовать против Северной армии союзников, Наполеон с главными силами двинулся в Силезию. Но получив вскоре известие о переходе в наступление Богемской армии, он повернул к Дрездену. Для прикрытия от Силезской армии им была оставлена армия маршала Макдональда (65 тыс. человек и 200 орудий). Австрия, хотя и присоединилась к 6-й антифранцузской коалиции, продолжала вести двойную игру, начав сепаратные переговоры с Наполеоном. Это обусловило крайне пассивное наступление Богемской армии на Дрезден и позволило Наполеону подготовиться для удара против нее.

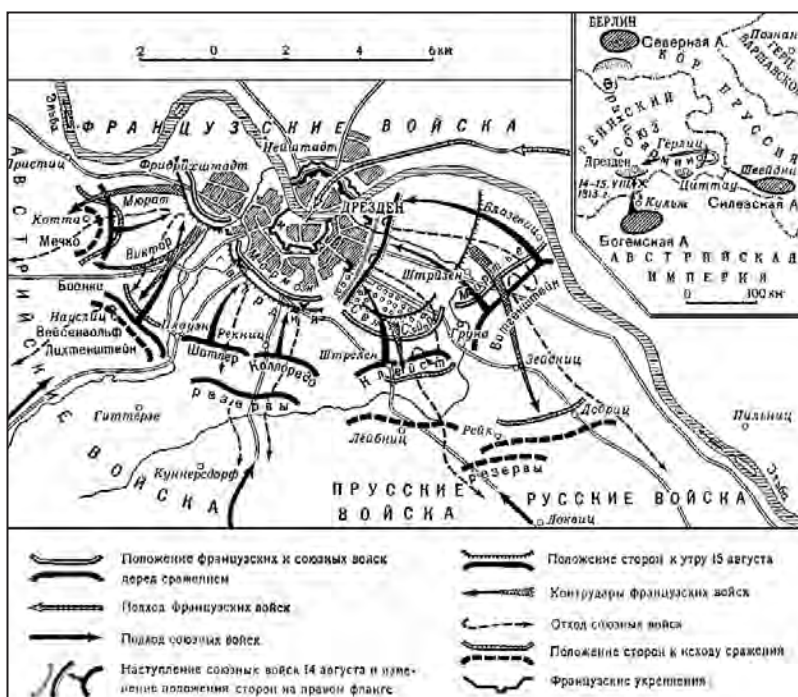
Тем временем его маршалы, действующие самостоятельно, один за другим начали терпеть поражения. 11 (23) августа в сра-

Князь К. Шварценберг

жении при Гроссберене маршал Удино потерпел поражение от Бернадота. Французы потеряли более 4 тыс. человек, в том числе до 2 тыс. пленными. 14 (26) августа в сражении на реке Кацбах Силезская армия разбила маршала Макдональда. Дороги на Берлин и в Силезию для французских войск после этих поражений оказались наглухо закрытыми.

Богемская армия (235 тыс. человек, 672 орудия) Шварценберга наступала с юга через Рудные горы на Дрезден — основную базу снабжения французской армии — с целью выхода в тыл главным силам Наполеона, действовавшим против Силезской армии. 14 (26) августа 70-тысячный авангард союзников потеснил французский корпус маршала Л. Гувиона Сен-Сира (40 тыс. человек), оборонявший Дрезден. Узнав об этом, Наполеон с главными силами (120 тыс. человек) ускорил марш из Силезии к Дрездену на помощь Гувиону Сен-Сиру. Во второй половине дня 14 (26) августа союзные войска (160 тыс. человек) пятью колоннами с разных сторон повели наступление на саксонскую столицу. Однако в конце дня подошедший с главными силами Наполеон остановил продвижение союзников. 15 (27) августа он нанес сильный удар по левому крылу союзных войск (австрийцы) и опрокинул его. В создавшейся обстановке

командовавший русско-прускими войсками генерал Барклай-де-Толли предложил Шварценбергу нанести контрудар по левому крылу французской армии, но это предложение австрийским фельдмаршалом было отвергнуто. Переоценив успехи противника, Шварценберг вечером отдал приказ об отступлении, которое осуществлялось под сильным натиском французов. Часть армии отступила в порядке, но некоторые корпуса (австрийские) бежали с поля битвы, преследуемые по пятам кавалерией Мюрата. С обеих сторон действовали крупные силы артиллерии, и все сражение происходило при неумолкаемом грохоте более чем 1200 орудий. В разгар сражения, когда левое крыло союзников было уже совершенно разгромлено, Наполеон взял на себя непосредственное руководство артиллерией в центре. Вскоре на небольшой возвышенности в расположении противника он заметил группу всадников, по которой и приказал одной

Дрезденское сражение

из батарей сосредоточить огонь. В центре этой группы оказался император Александр I, а рядом с ним — генерал Моро, впервые выступавший тут в качестве руководителя союзных войск. И одно из первых ядер, пущенных в эту группу по приказу Наполеона, раздробило Моро обе ноги. Ранение оказалось смертельным. Несколько дней спустя генерал скончался. Во французской и союзной армиях была распространена легенда, будто Моро был убит ядром, которое лично выпустил Наполеон, узнавший в подзорную трубу «изменника». Разгром союзной армии под Дрезденом был полный. Дополнительным тяжким ударом для нее явилась потеря генерала Жана-Виктора Моро, наилучшего своего стратега. Под Дрезденом союзники потерпели тяжелое поражение. Их потери в ходе двухдневного сражения составили до 30 тыс. человек. Французская армия потеряла 10–15 тыс. человек³⁹.

Разбитые под Дрезденом союзники несколькими дорогами отступали к Рудным горам. В последующие за сражением дни маршалы Виктор, Мармон, Мюрат, Гувион Сен-Сир, генерал Вандам, преследуя союзные войска, взяли еще несколько тысяч австрийцев, пруссаков и русских в плен. Наполеон, стремясь окружить и уничтожить отходившего противника, направил в тыл ему через Кульм корпус Вандама (до 30 тыс. человек). На этом направлении, прикрывая Богемскую армию с востока, действовал русский отряд генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого (15 тыс. человек). Получив приказ не допустить французов к выходам из ущелий, по которым отходила в Чехию союзная армия, он занял оборону под Кульмом и сосредоточил основные усилия на левом фланге, вдоль дороги Кульм — Теплице. На правом фланге войска располагались на открытой холмистой местности. 17 (29) августа французы неоднократно атаковали русский отряд (после тяжелого ранения Остермана-Толстого командование им принял начальник артиллерии действующей русской армии генерал-лейтенант А.П. Ермолов). Но несмотря на большие потери (около 6 тыс. убитыми и ранеными), отряд упорной обороной остановил наступление превосходящих сил противника, чем была устранена угроза уничтожения отступавшей Богемской армии. Особую стойкость и героизм на этом этапе сражения проявила русская гвардия. В ночь

на 18 (30) августа к Кульму подошла часть главных сил союзной армии (30 тыс. человек) во главе с генералом М.Б. Барклаем-де-Толли, отходившая через Рудные горы, и сменила на позиции уже изнемогавший в неравной борьбе отряд Ермолова. Оценив обстановку, Барклай-де-Толли решил воспользоваться изолированным положением корпуса Вандама, слишком увлекшегося преследованием и далеко оторвавшегося от главных сил французской армии, и разгромить его. С этой целью в тыл Вандаму был направлен корпус генерала Ф. Клейста.

Русские и австрийские войска начали постепенно охватывать его левый фланг. Атаку русских войск с фронта решил возглавить лично Барклай-де-Толли. На второй день сражения в его распоряжении в общей сложности находилось до 40 тыс. человек и 107 орудий⁴⁰. Начало общей атаки было приурочено к моменту завершения Клейстом обходного маневра. В 11 часов утра 18 (30) августа обходящий отряд союзников вышел в район Теплице и атаковал корпус Вандама с тыла. Вандам повернул свои основные силы против Клейста, а затем попытался пробиться на север. Но это удалось далеко не всем. Основные силы 1-го французского пехотного корпуса, атакованные с трех сторон, были уничтожены или пленены. В двухдневном сражении под Кульмом (17–18 (29–30) августа) французы потеряли до 5 тыс. человек только убитыми, 12 тыс. пленными, всю артиллерию (84 орудия), весь обоз, 2 знамени и 3 орла, в плен попал и сам раненный в сражении Вандам⁴¹. Потери союзников составили более 9 тыс. человек (7 тыс. русских, в том числе около 6 тыс. в первый день сражения; 1,5 тыс. пруссаков и свыше 800 австрийцев)⁴². Сражение под Кульмом явилось переломным в кампании 1813 года. Оно способствовало подъему боевого духа армий союзников и сыграло важное значение для укрепления антинаполеоновской коалиции. С точки зрения военного искусства сражение при Кульме — яркий пример окружения и уничтожения крупных сил противника, осуществленного после отражения его атак.

Победа при Кульме приободрила растерявшихся было после Дрездена союзников. Упорствовать, не мириться с Наполеоном после поражений — это тоже был один из советов, который Моро успел дать союзным монархам перед своей внезапной

Пленение французского генерала Ж.Д. Вандама. Раскрашенная гравюра

гибелью. Противники Наполеона видели, что если полководческий талант французского императора мало в чем изменился, то солдаты у него были уже не те. 18- и 19-летние юноши не могли заменить те непобедимые легионы, с которыми он завоевывал почти всю Европу. Они не могли заменить даже те войска, с которыми Наполеон ходил в Москву и костями которых усеял поля сражений на бескрайних российских просторах. Император тоже это хорошо знал. Но он видел перед собой и другую трудность. Собственное его классическое правило, вошедшее потом во все учебники стратегии и тактики, гласило, что главный принцип военного искусства заключается в том, чтобы быть сильнее противника в нужный момент и в нужном месте. И сам же он теперь, когда все зависело от этой кампании в Саксонии, нарушал его. Где был Даву, один из лучших его маршалов, со своим корпусом? Расстреливал купцов в Гамбурге. Где были крупные отряды закаленных в боях войск, которые такгодились бы ему для близившейся решительной битвы? В Данциге, в крепостях на Висле и Одере, в Северной Германии, в Италии и Испании. Созвать их к себе — значило бы самому разрушить великую империю, державшуюся теперь исключи-

тельно силой этих гарнизонов. Не собирать их означало то же самое, потерпев неминуемое поражение от союзников, имевших почти двойное превосходство в силах. Безвыходные, глубокие противоречия обступали Наполеона⁴³. Баварские, саксонские, вестфальские и другие войска германских вассалов Наполеона с каждым днем становились все ненадежнее, дезертировали сотнями и просто не хотели сражаться против других немцев ради французских интересов. Командовавший армией, действовавшей на берлинском направлении, маршал Удино после поражения при Гроссберене был заменен другим маршалом — Неем. Но это положения не улучшило. 25 августа (6 сентября) Ней, располагавший 70-тысячной армией и имея перед собой только два прусских корпуса (генералов Ф. Бюлова и Б. Тауэнцина) из состава Северной армии Бернадота, насчитывавших в своем составе не более 50 тыс. человек, потерпел от них сокрушительное поражение в сражении при Денневице. Прославленный наполеоновский маршал был разбит только потому, что немецкие войска, составлявшие большую часть его армии, при первом же столкновении со своими соплеменниками без всякого повода обратились в беспорядочное бегство. Потери армии Нея в этом сражении составили 16–18 тыс. человек, в основном пленными⁴⁴. Сражение при Денневице показало, что на немецких солдат своей армии Наполеон теперь уже не мог никак положиться.

Были и другие, хотя и менее крупные, неудачи. Так, 2 (14) сентября под Ноллендорфом русский отряд принца Евгения Виртембергского неожиданно атаковал и наголову разгромил дивизию генерала Ж. Дюмонсо. Один из батальонов ее, будучи окружен, положил оружие. Двумя днями раньше отряд прусского генерал-лейтенанта барона И. Тилемана (8 прусских эскадронов, 3 казачьих полка и 2 конных орудия — всего 1,5 тыс. человек) внезапно атаковал у Вейссенфельса 4,5-тысячный французский отряд, прикрывавший крупный обоз, и разгромил его. В плен было взято до 1300 французских солдат. 3 (15) сентября перед отрядом генерал-майора Ф.-К. Тетенборна капитулировал Бремен. 21 сентября (3 октября) корпус генерала Йорка (16 тыс. человек) в бою под Вартенбургом разбил французский корпус генерала А. Бертрана (12 тыс. человек). 2 (14) октября

П.П. Пален.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

у Либертвольквица (под Лейпцигом) произошло кавалерийское сражение. Союзная русско-прусская конница (6 тыс. сабель) под командованием генерал-лейтенанта П.П. Палена нанесла поражение кавалерии Мюрата (7 тыс. сабель) и заставила ее отступить.

В этот период было значительное количество и других боев. В ряде из них успех сопутствовал французам, но в целом обстановка для них складывалась неблагоприятно. Обладая огромной силой, союзные армии вели наступление с различных направлений. Постепенно отбрасывая французов за Эльбу, они сжимали их на сравнительно ограниченном пространстве между Дрезденом и Лейпцигом. Уже к середине сентября Наполеон оказался в весьма критическом положении. Попытки его использовать свой излюбленный прием — разгромить войска противника порознь — оказались безуспешными. Маневрирование войсками с одного на другое направление лишь изнуряло союзников, но не приносило сколько-нибудь существенных результатов Наполеону. В конце сентября союзные армии начали быстро сближаться, намереваясь окружить главные силы французов в районе Лейпцига. В этот период происходили сложные маневрирования враждебных армий с отдельными мелкими и крупными

ми столкновениями, атаками и отступлениями. Деятельность Наполеона, направляющего, контролирующего, изобретающего ежедневно новые и новые уловки и военные хитрости, была в эти роковые для него дни просто изумительна. В это время отпала от союза с Наполеоном и примкнула к коалиции Бавария. Национально-освободительное движение все больше и больше охватывало Германию. Появились добровольческие партизанские отряды, организованные Тугендбундом и другими патриотическими организациями. Русские войска вторглись в Вестфальское королевство. Его король Жером Бонапарт был вынужден бежать во Францию. 18 (30) сентября сдалась на капиту-

ляцию отряду генерала Чернышева (2,3 тыс. человек) столица Вестфальского королевства — город Кассель, обороняемая более чем 4-тысячным гарнизоном.

И Наполеон, и союзники стремились еще до зимы сразиться в генеральном сражении. При этом французский император не мог не учитывать, что если даже он и выйдет в этом сражении победителем, то война не окончится немедленно: союзники со своими громадными резервами не захотят признать себя побежденными. И он предпринимает новые шаги, чтобы увеличить численность своей армии, — издает указ о призыве на военную службу еще 280 тыс. молодых людей, причем 160 тыс. из

*Поход на Париж 1813–1814 годов
и сражение под Парижем*

этого числа должны были бы призываться только в 1815 г. С осени 1813 г. под знамена императорской армии шли почти дети.

4 (16) октября на равнине у Лейпцига началась величайшая из битв наполеоновской эпопеи, «битва народов», как ее тогда же называли в Германии. Три дня на лейпцигских полях бился Наполеон с коалицией, состоявшей из русских, австрийцев, пруссаков и шведов. На его стороне против союзников кроме французов сражались поляки, саксонцы, голландцы, итальянцы, бельгийцы и немцы Рейнского союза. К началу битвы у Наполеона было 173 тыс. человек и 700 орудий, у союзников — 193 тыс. человек и 893 орудия⁴⁵. Замысел союзников сводился к окружению и уничтожению французской армии в районе Лейпцига. Наполеон решил 4 (16) октября атаковать Богемскую армию союзников, рассчитывая, что остальные их армии в этот день не смогут принять участие в сражении. Для действий против Богемской армии (133 тыс. человек, 578 орудий) фельдмаршала К. Шварценберга, наступавшей на Лейпциг с юга, Наполеон выделил пять пехотных корпусов и расположил их в две линии. Во второй линии также располагались четыре кавалерийских корпуса. Гвардия находилась в общем резерве и составляла третью линию боевого порядка. Командование этой группировкой (122 тыс. человек) Наполеон поручил маршалу И. Мюрату. Для действий против Северной армии союзников (58 тыс. человек, 256 орудий) Ж. Бернадота и Силезской армии (60 тыс. человек, 315 орудий) Г. Блюхера Наполеон выдвинул к северу и северо-востоку от Лейпцига два пехотных и один кавалерийский корпуса (всего 50 тыс. человек) под общим командованием маршала М. Нея. У Линденау фронтом на запад был развернут корпус генерала А. Бертрана (12 тыс. человек). К началу сражения к Лейпцигу подошли только Богемская и Силезская армии. Северная армия находилась в районе Галле (в 30 км от Лейпцига), а Польская армия (командующий генерал от кавалерии Л.Л. Беннигсен) — в районе Вальдхайма (в 40 км восточнее Лейпцига).

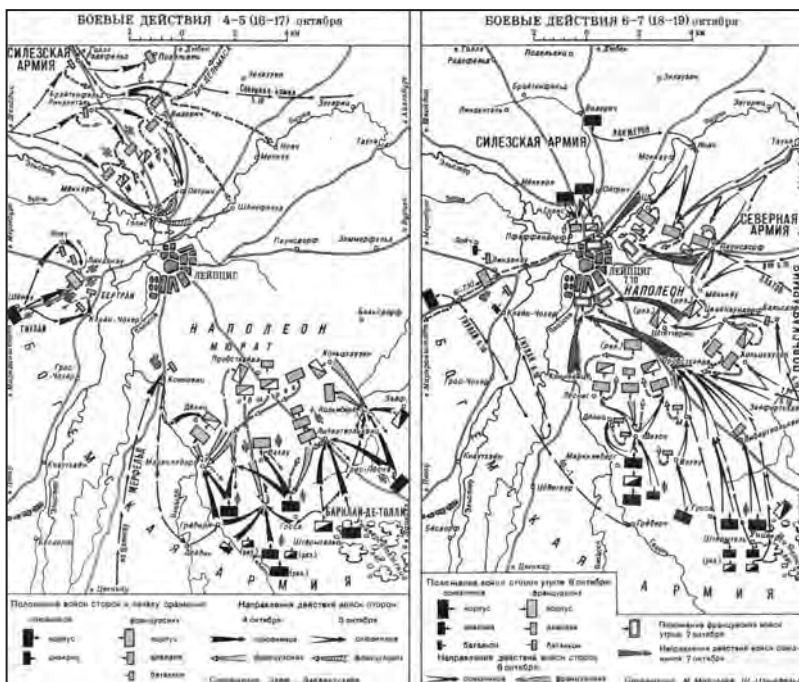
Командование союзников по настоянию трех монархов (Александра I, Франца I и Фридриха-Вильгельма III) решило с утра 4 (16) октября также атаковать противника силами Богемской армии, которая была разделена на три группировки

Битва под Лейпцигом. Художник А.И. Зауервейд

и резерв. Четыре русских корпуса (П.Х. Витгенштейна, Евгения Виртембергского, П.П. Палена и Н.Н. Раевского) и два союзных (И. Кленау и Ф. Клейста) вошли в первую группировку (84 тыс. человек, 404 орудия). Командование ею возглавил М.Б. Барклай-де-Толли. Прусский корпус и австрийские резервы (30 тыс. человек, 114 орудий) составили вторую группировку, которой командовал австрийский генерал М. Мерфельдт. Третья группировка австрийского генерала И. Гиулая включала прусские и австрийские войска (19 тыс. человек, 60 орудий). Первая группировка должна была атаковать противника на фронте Зайфертсхайн, Креберн; вторая — действуя между реками Гезель и Эльстер, овладеть переправами и нанести удар по правому флангу французов; третья — атаковать Линденау и овладеть переправой через реку Эльстер западнее Лейпцига. Силезской армии было приказано атаковать Лейпциг с севера на фронте Меккерн, Моккау.

Битва под Лейпцигом началась наступлением группировки Барклая-де-Толли несколькими колоннами, занявшими с утра исходное положение на линии Грос-Песна — Креберн. Оно свелось к ряду упорных боев за Либертвольквитц, Вахау и Маркклеберг, а также за переправы через реку Гезель у Конневица

Битва под Лейпцигом

и Леснига. На правом фланге колонна австрийского генерала Кленау после упорного боя взяла гору Кольмберг, на левом — пруссаки Клейста, сломив сопротивление противника, ворвались в Маркклеберг. В сложившейся обстановке Наполеон решил прорвать центр боевого построения войск противника, нанеся удар в направлении Гюльденгосса. В 15 часов конница Мюрата (10 тыс. сабель), поддерживаемая сильным артиллерийским огнем, атаковала центр союзников и опрокинула наступающие там части. Вслед за конницей Мюрата в атаку перешла французская пехота. Обстановка в полосе наступления Богемской армии сложилась критическая. Чтобы ликвидировать прорыв Мюрата, Барклай-де-Толли выдвинул против французской кавалерии свой резерв — русскую гвардию и гренадеров, несколько кавалерийских и казачьих полков, а также всю резервную артиллерию (всего 112 орудий) под командованием

генерал-майора И.О. Сухозанета. После двухчасового ожесточенного боя положение на центральном участке было восстановлено, мощный удар французской кавалерии отражен, а сама она с большими потерями отброшена в исходное положение. Не удалась Наполеону и попытка обойти правый фланг Баркляя-де-Толли. Напряженные бои в первый день сражения развернулись также в районе Меккерна, где Силезской армии удалось несколько потеснить корпус маршала Мармона (22 тыс. человек, 84 орудия). Под Линденау все атаки австрийских войск Гиулая были отбиты корпусом генерала Бертрана. Хотя 4 (16) октября ни одна из сторон не добилась решающего успеха, положение Наполеона тем не менее ухудшилось. Ему не удалось разбить Богемскую армию противника до подхода к союзникам других армий и тем самым овладеть инициативой. Более того, сбив французов с ряда занимаемых ими позиций, союзники еще ближе приблизились к Лейпцигу. Угроза окружения для французской армии стала вполне реальной. Боевые действия в первый день Лейпцигского сражения отличались небывалым еще в этой кампании упорством и ожесточением, а потому и сопровождались большим кровопролитием. Потери союзников 4 (16) октября составили около 30 тыс. человек, из них две трети приходилось на русские войска⁴⁶. Французы потеряли до 20 тыс. человек. Такие огромные потери и минимум результатов в соотношении с затраченными усилиями обескуражили противников. Ни одна из сторон на следующий день не решалась возобновить наступательные действия. В ходе битвы получился своего рода таймаут. За весь день 5 (17) октября произошел всего лишь один кавалерийский бой у местечка Голис, в котором кавалерийский корпус генерал-лейтенанта И.В. Васильчикова опрокинул французскую кавалерию генерала Ж. Арриги ди Казанова, захватив при этом до 500 человек пленными и 5 орудий⁴⁷.

Все ждали следующего дня. Подкрепления подходили весь день и всю ночь, как к Наполеону, так и к союзникам. Но Наполеон получил их всего лишь 15 тыс. человек (7-й пехотный (саксонский) корпус генерала Ренье), а к союзникам подошли Северная и Польская армии общей численностью 110 тыс. человек. Рано утром Наполеон в сопровождении Мюрата объезжал вчерашнее поле битвы. Маршал обратил внимание императо-

ра на то, что со времени Бородино не было такой массы убитых. Озадаченный упорством противника, Наполеон в эти утренние часы впервые усомнился в целесообразности дальнейшего продолжения сражения, но, поразмыслив, в конце концов решил остаться. Вернувшись в главную квартиру, он распорядился доставить к нему взятого накануне в плен австрийского генерала М. Мерфельдта и заговорил с ним о мире с Австрией. Выразив готовность пойти на определенные уступки, император направил Мерфельдта к союзникам с предложением о мирных переговорах, но ответа не получил. Располагая теперь более чем полуторным превосходством в силах, союзные монархи предпочли решить свой спор с Наполеоном силой оружия.

Весь день 5 (17) октября прошел в приготовлениях к продолжению битвы и в уборке раненых. Наполеон после долгих колебаний решил отступить к линии реки Заале и уже приступил к перегруппировке своих сил. При этом он стремился стянуть войска ближе к городу и тем самым сократить фронт действий, создав за счет этого необходимые резервы. Но привести это намерение в исполнение он не успел. На рассвете 6 (18) октября битва разгорелась с новой силой. К этому времени наполеоновская армия имела почти кольцевое расположение по рубежу Конневиц, Хольцхаузен, Цвейнаундорф, Шенефельд, Пфаффендорф, Линденау. Развернув на расстоянии примерно 4 км от Лейпцига на фронте 16 км 150 тыс. человек и 630 орудий, Наполеон достиг высокой плотности боевых порядков — свыше 9 тыс. человек и 39 орудий на 1 км. Союзники в этот день ввели в сражение 280 тыс. человек и 870 орудий.

Перегруппировав к утру 6 (18) октября свои силы, союзные войска атаковали противника одновременно с трех направлений — с юга, севера и востока. Главный удар наносила с юга Богемская армия. После упорного сражения, продолжавшегося весь день, французские войска были выбиты из ряда селений. Непрерывные атаки превосходящих сил союзников заставили Наполеона отказаться от дальнейшей обороны и в ночь на 7 (19) октября начать отступление. Решающую роль в этом сыграли новые огромные потери, а также измена саксонского корпуса, в самый разгар сражения неожиданно перешедшего на сторону союзников и повернувшего оружие против французов.

Обстановка для французской армии в результате предательства саксонцев сложилась отчаянная, так как в ее обороне восточнее Лейпцига образовалась огромная брешь. Но Наполеон продолжал сражение с удвоенной энергией, несмотря на всю безнадёжность положения. Отступление французской армии началось в ночь на 7 (19) октября и продолжалось весь последующий день. Теснимая со всех сторон противником, она отходила с боями к Лейпцигу. Союзное командование допустило непростительную ошибку, не выделив достаточных сил к западу от Лейпцига, в результате чего не смогло воспрепятствовать отступлению армии Наполеона. Прижатые к самому городу, французы оказывали яростное сопротивление, стремясь прикрыть отход главных сил, направлявшихся через Лейпциг на Лютценскую дорогу. При этом их путь проходил по единственному каменному мосту через реку Эльстер, куда устремились огромные массы войск, артиллерия и обозы. Утром 7 (19) октября союзные войска двинулись на штурм Лейпцига. Кровавопролитная битва вступила в свою завершающую фазу. На всех участках сражения с неослабевающей силой продолжали греметь сотни орудий, то в одном, то в другом месте противники сходились в рукопашных схватках. Французы держались стойко, но сдержать мощного натиска союзников все же не смогли. Через несколько часов яростного штурма русские и прусские войска ворвались в город. Борьба перекинулась на его улицы. Из-за сильной тесноты, пожаров и большого скопления войск в городе уличные бои сопровождались необычайно высокими потерями с обеих сторон. В Лейпциге сражались, прикрывая отход главных сил Наполеона, 5-й, 8-й (польский) и 11-й пехотные корпуса, которыми командовали соответственно генерал Лористон, маршалы Понятовский и Макдональд. Под натиском союзных войск они медленно отходили к мосту через реку Эльстер. К вечеру город был полностью очищен от французов. Заключительный акт «битвы народов» ознаменовался трагической ошибкой французских саперов, по недоразумению раньше времени взорвавших мост — единственный путь отступления для оборонявшихся в Лейпциге войск. Французский арьергард (около 20 тыс. человек) оказался отрезанным от основных сил. Лишь небольшой частью его удалось спастись, перебравшись через реку. Все

остальные были пленены. Утонул, пытаясь переплыть реку Эльстер верхом на коне, командир польского корпуса И. Понятовский, только что за отличие в Лейпцигском сражении произведенный Наполеоном в маршалы Франции. Маршалу Ж. Макдональду повезло больше — ему удалось переплыть реку, а генерал Ж. Лористон попал в плен.

Потерпевшая сокрушительное поражение в генеральном сражении под Лейпцигом, наполеоновская армия поспешно отступала к Эрфурту, преследуемая победителями. Впрочем, преследование было недолгим и вскоре прекратилось. Наполеон потерял под Лейпцигом 60–65 тыс. человек и 325 орудий. Потери союзников составили 50 тыс. человек (в том числе русские — 22 тыс., пруссаки — 16 тыс., австрийцы — 12 тыс., шведы — до 300 человек)⁴⁸. Решающую роль в победе союзных армий под Лейпцигом сыграли действия русских войск, на которые легла основная тяжесть сражения. Несмотря на достижение решительного успеха, союзное командование все же не сумело в должной мере воспользоваться всеми преимуществами своего положения и упустило верную возможность полного уничтожения противника. Достижению этой цели воспрепятствовала двойственная политика Австрии, стремившейся лишь к ослаблению Наполеона, а не к сокрушению его. Лейпцигское сражение являлось одним из крупнейших в XIX столетии. В нем участвовало до 500 тыс. солдат и около 2 тыс. орудий. Оно происходило на весьма значительном для того времени пространстве — 20 км с севера на юг и 12 км с запада на восток. Сражение распалось на ряд самостоятельных, хотя и связанных между собой боев: у Вахау — южнее Лейпцига, у Линденау — западнее, у Меккерна — северо-западнее, у Шенефельда — северо-восточнее и Цвейнаундорфа — юго-восточнее города. Наиболее ожесточенными были бои в районе Вахау и непосредственно под стенами города. В управлении войсками союзников имели место нерешительность, несогласованность действий, отсутствовало единое твердое руководство. Шварценберг, которому было вверено главное командование союзными армиями, фактически не сумел выполнить функции главнокомандующего, а совет трех монархов не являлся полноценным органом по руководству боевыми действиями союзных войск. Такое положение приве-

Памятник «Битва народов» под Лейпцигом

*К.Ф. фон Вреде.
Художник Ф. Ханфштенгель.
1828 г.*

ло, в частности, к тому, что до трети сил союзников на протяжении всего сражения бездействовало, находясь в чрезмерно раздутом резерве. Серьезные недостатки имели место и в действиях Наполеона. Например, свой довольно крупный в начале сражения резерв он расходовал по частям, не создал необходимого превосходства в силах на решающих участках, отсутствовал широкий маневр силами и средствами в ходе сражения, а атаки носили в основном фронтальный характер, что приводило к излишним потерям. Победа союзников под Лейпцигом имела огромное военно-политическое значение. Она подвела окончательный итог под кампанией 1813 года, закончившейся полным поражением Наполеона, освобождением Германии от французского владычества и предпринявшей крушение наполеоновской империи.

Наполеон отступал от Лейпцига к Рейну. 18 (30) октября у Ганнау дорогу ему попыталась преградить австро-баварская армия графа К. Вреде (около 40 тыс. человек, 116 орудий). У Наполеона под рукой было лишь 36 тыс. солдат, но он принял вызов своего бывшего союзника. В завязавшемся сражении австрийцы и баварцы были разбиты, потеряв до 15 тыс. человек⁴⁹. Французы оружием проложили себе дорогу вперед. Правда, на следующий день подошедшие на помощь Вреде казаки Платова нанесли по-

ражение занимавшему Ганау французскому корпусу Бертрана и заставили его оставить этот город. Французы только пленными потеряли более 3 тыс. человек⁵⁰. 21 октября (2 ноября) Наполеон прибыл в Майнц. При нем было до 40 тыс. боеспособных солдат. Остальные вошедшие вслед за императором в крепость огромные толпы безоружных, изнуренных, больных людей, считавшихся еще недавно солдатами, вряд ли можно было принимать в расчет. После сражения под Лейпцигом основные силы Северной армии направились к Гамбургу, который продолжал удерживать корпус Даву. Часть ее (корпус Бюлова) двинулась в Голландию.

У Наполеона была еще 100-тысячная армия, но более половины ее составляли новобранцы. Кроме того, от 150 до 180 тыс. солдат составляли гарнизоны крепостей, блокированных союзниками в Польше, Германии и ряде других стран. Император не думал складывать оружия. Он полностью был поглощен подготовкой к предстоящим сражениям и когда заговаривал с маршалами, прерывая свое угрюмое молчание, то делал это затем, чтобы отдать новые распоряжения. Понадобились сотни тысяч павших на полях Германии солдат, и, главное, понадобились «битва народов» под Лейпцигом и последующее поражение, чтобы Наполеон мог наконец примириться с мыслью о том, что уже не поправить ему одним ударом всего, что случилось, не загладить гибель «Великой армии» в русских снегах, отпадения от него всех союзников, не потушить пожара испанской народной войны, не сбросить Веллингтона с англичанами в море, не предотвратить вторжения неприятеля во Францию и крушения великой империи, которую он столько лет создавал огнем и мечом. Вот с ним распрощался Мюрат, его маршал, его начальник кавалерии, герой многих битв, которого он сам сделал королем неаполитанским. Мюрат уехал в Неаполь, и Наполеон не сомневался, что он уехал для измены и уже тайно перешел на сторону коалиции, чтобы сохранить свой трон. Назначенный им в Испанию королем брат Жозеф Бонапарт был почти уже вытеснен англичанами и испанцами с Пиренейского полуострова. Потерял вестфальский трон другой брат — Жером Бонапарт. На очереди был третий брат — король голландский Людовик. В Гамбурге русскими

и пруссаками осажден маршал Даву, в Дрездене — австрийцами маршал Сен-Сир. К концу года Наполеон лишился последнего своего союзника — Дании.

Войска коалиции продолжали наращивать свои успехи. Союзное командование перед вторжением во Францию решило завершить освобождение Германии от наполеоновских войск, которые еще продолжали удерживать ряд крепостей. 13 (25) октября австро-баварские войска овладели крепостью Вюрцбург. На следующий день отряд генерала М.С. Воронцова вторично занял город Кассель, оставленный русскими после первого набега в сентябре. 25 октября (6 ноября) союзниками была сорвана попытка блокированного в Дрездене 14-го пехотного корпуса маршала Гувиона Сен-Сира прорваться на Торгау. Через пять дней, 30 октября (11 ноября), маршал Сен-Сир капитулировал со своим корпусом (около 36 тыс. человек) в Дрездене перед австрийским генералом И. Кленау. 10 (22) ноября сдалась крепость Замостье, блокированная русским блокадным корпусом (15 тыс. человек, 36 орудий), возглавляемым генерал-майором Л.О. Ротом. Капитулировавший в Замостье 4-тысячный польский гарнизон был распущен по домам. 19 ноября (1 декабря) капитулировала крепость Модлин, блокированная русскими ополченцами (9 тыс. человек) генерал-лейтенанта А.А. Клейнмихеля. 3-тысячный французский гарнизон во главе с дивизионным генералом Г. Дандельсом сдался в плен. 22 ноября (4 января) перед союзниками капитулировал Любек, а на следующий день — Штеттин. Успешно действовали в ноябре в Голландии казачьи отряды генералов Бенкендорфа и Тетенборна, овладевшие целым рядом городов. В декабре к осаде Гамбурга приступил блокадный корпус генерала Л.Л. Беннигсена, сменивший там Северную армию Бернадота. 14 (26) декабря прусским войскам графа Б. Тауэнцина сдалась крепость Торгау с 10-тысячным гарнизоном. 21 декабря (2 января 1814 г.) сдалась на капитуляцию после длительной осады русским войскам (35 тыс. человек) герцога Александра Виртембергского сильная крепость Данциг. Остатки оборонявшего ее французского гарнизона, насчитывающего в начале осады до 35 тыс. человек, во главе с дивизионным генералом Ж. Раппом сдались в плен. 25 декабря (6 января 1814 г.) прусский корпус Клейста овладел Эрфуртом. Обороня-

няемая 21-тысячным гарнизоном, эта крепость была оставлена им в соответствии с заключенной с пруссаками конвенцией. К концу 1813 г. Германия, за исключением нескольких крепостей, была очищена союзными войсками от французов.

В середине ноября Наполеон, разбитый на этот раз в Германии, прибыл в Париж, где начал энергичную подготовку к новой кампании — 1814 года. Союзные монархи находились во Франкфурте. Австрия предприняла новую попытку договориться с Наполеоном. Шантажируя Россию, Пруссию и Англию угрозой выхода из коалиции, она вынудила на это согласие своих союзников. Наполеону были предложены такие условия: он отказывается почти от всех завоеваний (и без того уже потерянных) и прекращает войну; ему остается Франция в границах 1801 года. Нехотя император согласился на переговоры, но одновременно еще больше усилил энергию по подготовке новой армии. «Погодите, погодите, — говорил он своим приближенным, — вы скоро узнаете, что я и мои солдаты, мы не забыли наше ремесло! Нас победили между Эльбой и Рейном, победили изменой... Но между Рейном и Парижем изменников не будет...»⁵¹ Никто из знавших Наполеона не верил в успех мирных переговоров. Ежедневно новые и новые полки проходили перед испытывающим взором императора и направлялись на восток, к Рейну. Близился конец великой трагедии. Собравшийся в Шатильоне мирный конгресс, как и ожидалось, ни к чему не привел.

6.2. Кампания 1814 года и сокрушение Наполеона

В ночь на 13 (25) января 1814 г. Наполеон выехал к армии. Союзники еще в ночь на 20 декабря (1 января 1814 г.) начали переправу через Рейн. В тот же день шедший в голове Силезской армии 8-й русский пехотный корпус генерал-лейтенанта Э.Ф. Сен-При овладел городом Кобленц, выбив оттуда французскую дивизию генерала И. Дюрюта.

К началу кампании 1814 года войска союзников насчитывали около 900 тыс. человек и более 2 тыс. орудий. 453 тыс. (в том числе 153 тыс. русских) из них располагались на Рейне, составляя три армии: Главную (бывшая Богемская) Шварценберга

Французская кампания 1814 года. Художник Ж. Мейсонье. 1864 г.

(198 тыс., в том числе 61 тыс. русских), Силезскую — Блюхера (75 тыс., в том числе 56 тыс. русских) и Северную — Бернадота (180 тыс., в том числе 36 тыс. русских). В Испании находилась 120-тысячная армия под начальством английского генерала А. Веллингтона, в Италии — 80-тысячная австрийская армия генерала Г. Бельгарда, остальные силы находились в тылу, составляя резерв. Наполеон мог противопоставить им не более 300 тыс. человек. Из них на Рейне развернулась 160-тысячная армия во главе с самим Наполеоном. 80-тысячная армия маршала Н. Сульта действовала в Испании, 30-тысячная армия Е. Богарне — в Италии, 14-тысячный корпус генерала Н. Мезона — в Голландии. В начале января 1814 г. все три союзные армии переправились через Рейн и развернули наступление вглубь Франции. Австрийские войска оккупировали Швейцарию. Несмотря на огромное превосходство в силах, союзники вели боевые действия крайне нерешительно.

15 (27) января французы выбили из Сен-Дизье русский отряд генерала Ланского. Первое крупное сражение произошло только 17 (29) января 1814 г. при Бриенне, где Наполеону удалось несколько потеснить русский корпус генерала Сакена (из Си-

лезской армии). Однако уже через два дня, 20 января (1 февраля), союзники нанесли поражение Наполеону в сражении при Ла-Ротъере. Здесь 40-тысячной французской армии пришлось выдержать мощный удар Силезской армии Блюхера, подкрепленной частью сил Главной армии союзников (всего до 90 тыс. человек, в том числе 40 тыс. русских). Правда, это сражение оставило у французов впечатление почти выигранной битвы: так успешно шла защита Наполеона против сил, более чем вдвое превосходивших его армию. После этого сражения никем не преследуемая французская армия отступила за реку Об, а затем отошла к городу Труа. При Ла-Ротъере Наполеон потерял до 6 тыс. человек, союзники — более 4,5 тыс.⁵² Окрыленные успехом, союзники решили силами Главной и Силезской армий нанести удар на Париж. Но Наполеон упредил их. Оставив заслон против армии Шварценберга у Труа, он с основными силами двинулся против Блюхера. 29 января — 2 февраля (10–14 февраля) западнее Шалона-на-Марне император, действуя активно и решительно, нанес ряд поражений Силезской армии. 29 января (10 февраля) после нескольких стремительных переходов Наполеон внезапно атаковал стоявший у Шампобера русский отряд генерала Олсуфьева. Несмотря на отчаянное сопротивление, русские были обойдены превосходящими силами противника с обоих флангов и отрезаны от главных сил армии. Попытка пробиться на соединение с ними Олсуфьеву не удалась. Его войска (около 4 тыс. человек с 24 орудиями) были разбиты наголову, потеряв более половины своего состава (до 2 тыс. человек) и 9 орудий⁵³. Более 1,5 тыс. русских солдат пали на поле боя, около 500 человек вместе с самим Олсуфьевым были взяты в плен, остальные спаслись бегством. «Если завтра я буду счастлив, как сегодня, — сказал своим маршалам Наполеон после победы при Шампобере, — то в 15 дней я отброшу неприятеля к Рейну, а от Рейна до Вислы — всего один шаг»⁵⁴. От Шампобера он сразу же повернул к Монмиралу, где стояли русские и пруссаки. Сражение при Монмирале произошло 30 января (11 февраля) и закончилось новой победой Наполеона. Здесь потерпел поражение русский корпус генерала Саке-на (14 тыс. человек с 84 орудиями), подкрепленный прусскими войсками Йорка (до 6 тыс. человек). После ожесточенного боя

союзники были вынуждены отступить, потеряв около 4 тыс. человек (в том числе около 3 тыс. русских). У Наполеона выбыло из строя до 2 тыс. человек⁵⁵. «Я нашел свои сапоги итальянской кампании!» — воскликнул Наполеон, вспомнив свои молниеносные победы 1796 года⁵⁶. После победы при Монмирале Наполеон устремился к Шато-Тъери, где находилась более крупная группировка войск союзников. Сражение при Шато-Тъери произошло 31 января (12 февраля) и закончилось новой большой победой Наполеона. Противостоявшие здесь французам русский Сакена и прусский Йорка корпуса насчитывали в общей сложности около 28 тыс. человек. Если бы не опоздание, а затем ошибочное движение корпуса маршала Макдональда, сражение закончилось бы полным разгромом союзников. Сакен и Йорк, потеряв в сражении несколько тысяч солдат, были вынуждены поспешно отступить. 2 (14) февраля Наполеон (23 тыс. человек) разбил в сражении при Вошане самого Блюхера, находившегося здесь с прусским Клейста и русским Капцевича корпусами, а также остатками корпуса Олсуфьева (всего — до 17 тыс. человек). Союзники потерпели очередное поражение и с большим уроном (4 тыс. пруссаков, 2 тыс. русских, 15 орудий) были отброшены к Шалону-на-Марне⁵⁷. Однако эти неожиданные, ежедневно следующие одна за другой победы мало в чем улучшили положение Наполеона, которое продолжало оставаться критическим, так как союзники по-прежнему обладали подавляющим превосходством в силах. Правда, понесенные поражения смутили союзников. Шварценберг послал в лагерь Наполеона своего адъютанта с просьбой о перемирии. Но император ответил отказом. 5 (17) февраля союзники вновь потерпели поражение — на этот раз при Мормане. Здесь Наполеоном был разбит, потеряв более 2 тыс. человек и 10 орудий, отряд генерала Палена (около 4,5 тыс. человек с 14 орудиями), составлявший авангард корпуса Витгенштейна. 6 (18) февраля при Монтеро Наполеон разбил вюртембергский корпус (около 10 тыс. человек, 32 орудия), потерявший половину своего состава. Потери французов составили до 2,5 тыс. человек. В этой, казалось бы, безнадежной кампании 1814 года Наполеон превзошел самого себя. Но солдат у него было мало, а маршалы (Виктор, Макдональд, Ожеро, Мармон) были до предела утомлены и дела-

ли одну ошибку за другой. Поэтому Наполеон не мог в полной мере воспользоваться своими блестящими победами, в ходе которых он, по существу, разгромил Силезскую армию по частям. Наполеон гневно и нетерпеливо выговаривал маршалам и торопил их. «Какие жалкие оправдания вы мне приводите, Ожеро! Я уничтожил 80 тысяч врагов с помощью новобранцев, которые были еле одеты... Если ваши 60 лет вас тяготят, сдайте командование!...»⁵⁸ «Император никак не желал понять, что не все его подчиненные — Наполеоны», — говорил потом, вспоминая об этом времени, один из его генералов⁵⁹.

Шварценберг собрал военный совет, спросил мнение всех трех монархов, и было решено снова предложить Наполеону перемирие. К Наполеону был послан один из знатнейших в Австрии владетельных князей — И. Лихтенштейн. Но и эта миссия успехом не увенчалась.

Между тем дела на театре военных действий в целом обстояли далеко не так блестяще, как на главном направлении, где действовал сам Наполеон. Потерпели ряд поражений маршалы Виктор, Удино, Даву, Макдональд и генерал Нансути. Союзники овладели многими городами во Франции и Голландии, в том числе Шаломом-на-Марне, Труа, Ланом (Лаон), Немуром, Эпиналем, Сен-Дье, Туль. Наиболее успешно действовали их войска под командованием русских генералов А.И. Чернышева, И.А. Ливена, А.С. Жемчужникова, И.И. Дибича, М.И. Платова и др. Из союзных войск успех в эти зимние дни сопутствовал корпусам Бюлова, Гиулая и Йорка.

Нанеся целый ряд поражений Силезской армии и отбросив ее, Наполеон повел наступление против Главной армии союзников и принудил ее к отходу. Посчитав, что с Шварценбергом вопрос решен, он поручил преследование его маршалу Удино (40 тыс. человек), а сам с 35 тыс. солдат устремился снова против Блюхера. Узнав об уходе Наполеона с половиной армии, Шварценберг прекратил дальнейшее отступление и атаковал преследовавших его французов. 15 (27) февраля Витгенштейн и Вреде (36 тыс. человек) нанесли при Бар-сюр-Об поражение войскам маршала Удино и генерала Э. Жерара (около 30 тыс. человек). Потеряв в сражении до 3 тыс. человек, французы отступили⁶⁰. Их наступление против Главной армии было остановлено. Швар-

ценберг перешел в контрнаступление. 20 февраля (4 марта) входившие в его армию корпуса герцога Евгения Виртембергского и Вреде вновь овладели Труа, обороняемого французскими войсками генерала Жерара. В бою за город противник только пленными потерял более 3 тыс. человек и 10 орудий⁶¹.

Тем временем Наполеон снова обрушился на Силезскую армию. Преследование отступавшего противника велось им настолько активно, что сам Блюхер едва не погиб при этом. Спасла его только оплошность коменданта Суассона, сдавшего 18 февраля (2 марта) город войскам Винценгероде и Бюлова. Но спасшись от гибели или плена, Блюхер не ушел от сражения. Наполеон настиг его у Краона. Стремясь отрезать Силезскую армию от баз снабжения в Бельгии, он решил нанести удар по ее левому флангу. С этой целью французские войска форсировали реку Эна и начали продвижение к Лану (Лаону). Блюхер первоначально намечал атакой из района Краона сорвать переправу противника, но затем отказался от этого плана. Новый его замысел заключался в том, чтобы, заняв оборону частью сил в дефиле между реками Эна и Лет, сковать здесь войска Наполеона, а главными силами обойти его правый фланг и завершить сражение решающим ударом с тыла. Оборона дефиле была возложена на русские войска под командованием генерала М.С. Воронцова (18 тыс. человек, 96 орудий), которые заняли выгодную позицию на Краонском плато между селениями Вассонь и Айль, и корпус генерала Ф.В. Сакена (9 тыс. человек), располагавшийся в районе Брэ-ан-Ланнуа. Для обхода противника был создан сводный конный корпус (10 тыс. сабель, 60 орудий) под командованием генерала Ф.Ф. Винценгероде. Для поддержки кавалерии выделен прусский пехотный корпус генерала Ф. Клейста. Остальные силы союзников концентрировались в окрестностях города Лан. Краонское сражение произошло 23 февраля (7 марта). Оно началось наступлением корпуса маршала Нея против левого фланга войск Воронцова. Огнем артиллерии и контратаками французы были отражены. Также были отражены и атаки кавалерии генерала Э. Нансuti на правый фланг. Жестокий бой продолжался несколько часов. Многочисленные атаки противника неизменно разбивались о непоколебимую стойкость русских солдат. Положение

русских войск оставалось прочным, несмотря на почти двукратное превосходство действовавших против них войск противника. Наполеон после неудач на флангах принял решение нанести сосредоточенный удар в центре, где была установлена 100-орудийная батарея. Но около 14 часов Блюхер неожиданно приказал Воронцову оставить занимаемую позицию. Оказалось, кавалерия Винценгероде не смогла к установленному сроку сосредоточиться в исходном районе и главнокомандующий отменил прежний план действий, все войска стягивались к Лану. Французы немедленно перешли к преследованию. Но русские войска проявили высокую стойкость и организованность при отражении попыток противника помешать их планомерному отходу. С наступлением темноты преследование прекратилось. В сражении при Краоне Наполеон потерял 8 тыс. человек, русские войска — 5 тыс. С точки зрения военного искусства Краонское сражение характерно умелой организацией обороны ограниченными силами на заранее занятом рубеже, четким взаимодействием всех родов войск как в ходе сражения, так и при отступлении. Вместе с тем необходимо отметить, что замысел главнокомандующего Силезской армией на сражение не был реализован вследствие ошибок и нерешительности отдельных частных начальников, допущенных при его исполнении. Пересеченная местность и бездорожье помешали войскам Винценгероде и Клейста своевременно завершить обходной маневр. Располагая общим превосходством в силах над противником, Блюхер мог на следующий день вернуться к намеченному плану и возобновить сражение, но он на это не решился.

Попытка Наполеона 25–26 февраля (9–10 марта) сбить Силезскую армию (104 тыс. человек, в том числе около 60 тыс. русских, 600 орудий) с лаонской позиции окончилась неудачей. В сражении при Лане (Лаоне) французская армия, насчитывавшая 44 тыс. человек, потеряла около 8 тыс. человек и была вынуждена отступить к Суассону. Потери союзников не превышали 4 тыс. человек⁶². 28 февраля (12 марта) корпус генерала Сен-При (14 тыс. человек) штурмом овладел Реймсом, но на следующий день был выбит оттуда Наполеоном, располагавшим двойным превосходством в силах. В этом жестоком бою союзники потеряли более 2 тыс. человек (1400 пруссаков и 700 рус-

Э.Ф. Сен-При.

Художник Д. Доу. 1820-е гг.

ских) и 10 орудий. Среди павших на поле боя был и бывший сподвижник П.И. Багратиона, его начальник штаба генерал-лейтенант русской службы граф Э.Ф. Сен-При. Потери Наполеона не превышали 800 человек. Между тем маршалы Наполеона терпели неудачу за неудачей. На юге Веллингтон, перейдя Пиренеи, шел на Бордо, отбросив войска маршалов Н. Сульта и Л. Сюше. Шварценберг развивал свои успехи против маршалов Ж. Макдональда и Н. Удино. Бюлов теснил в Голландии Н. Мезона. По приказу Наполеона его представитель на Шатильонском мирном конгрессе А. Коленкур объявил союзникам, что император окончательно отвергает их условия о возвращении Франции к границам 1792 года. Наполеон твердо решил: лучше потерять все, чем получить империю в старых границах. Тем временем среди союзников вновь обострились противоречия о послевоенном устройстве Европы. Россия и Пруссия стояли за низложение Наполеона, а Австрия хотела учредить во Франции регентство во главе с Марией-Луизой и тем самым создать австро-французский союз, направленный против России и Пруссии. Разногласия между союзниками отрицательно сказывались на ведении военных действий. В целях укрепления коалиции по предложению английского министра иностран-

ных дел Р. Каслри 26 февраля (10 марта) 1814 г. был подписан Шомонский трактат между союзниками, которым они обязывались не заключать с Францией ни мира, ни перемирия без общего соглашения. Секретные статьи определяли послевоенное устройство Европы.

8–9 (20–21) марта произошло сражение при Арси-сюр-Об между армией Наполеона (30 тыс. человек) и Главной армией союзников (40 тыс. человек; к концу сражения — до 100 тыс. человек). Сражение началось блестящей атакой казаков генерала Кайсарова. Затем последовал ожесточенный трехчасовой бой главных сил у селения Гранд-Торси, в котором ни одной из сторон решительного успеха добиться не удалось. Потом разгорелся бой в районе селения Реже, где вюртембергцы уничтожили два полка французской гвардейской кавалерии. И наконец, последовали массированная ночная атака кавалерийского корпуса генерала Себастиани на левое крыло союзников и отступление последних. На второй день сражения французы после многочасовых упорных боев на нескольких пунктах отбросили втрое превосходящие силы союзников. Но на развитие достигнутого успеха у Наполеона просто не хватило сил, и он перешел обратно за реку Об, взорвав за собой мосты. Хотя Наполеон и посчитал себя победителем, но фактически сражение не принесло успеха ни одной из сторон. Союзники потеряли при Арси-сюр-Об до 3 тыс. человек (в том числе русские — около 800 человек), французы — 7–8 тыс. человек и 7 орудий⁶³. В завершающий день сражения при Арси-сюр-Об, 9 (21) марта, австрийская армия, вторгшаяся во Францию из Швейцарии, отбросила войска маршала П. Ожеро и заняла Лион. Через день прусские войска генерал-лейтенанта К. Лекока осадили крепость Мобеж.

После сражения при Арси-сюр-Об Наполеон попытался смелым и внезапным маневром выйти в тыл союзникам и перерезать их коммуникации, ведущие к Рейну. Замысел Наполеона состоял в том, что очень опасавшееся за свои коммуникации союзное командование не решится оставить их незащищенными и двинуться на Париж, а направит свои войска вслед за его армией. Тем самым Наполеон намеревался отвлечь противника от Парижа, защищать который у него уже не хватало сил. Но им-

ператор в очередной раз просчитался. Союзное командование, о котором он был весьма невысокого мнения, правильно оценило сложившуюся обстановку и раскрыло смысл рискованного маневра Наполеона. Соединившись 12 (24) марта в районе Витри-ле-Франсуа, Главная и Силезская армии отрезали Наполеона от Парижа. Вслед за Наполеоном для наблюдения был направлен лишь сводный кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Винценгероде (10 тыс. сабель, егерский полк — 800 штыков, 46 конных орудий). Главные же силы союзников начали стремительный марш на Париж, рассчитывая овладеть им раньше, чем на помощь своей столице подойдет Наполеон. Таким образом, союзники после долгих колебаний окончательно решились идти прямо на Париж. Из перехваченных казаками писем императрицы Марии-Луизы и министра полиции Р. Савари к Наполеону Александр I сделал заключение, что взятие союзниками Парижа может самым решительным образом повлиять на исход войны и привести к низвержению Наполеона. Об этом свидетельствовали настроения в Париже, не говоря уже о провинции. Путь на Париж союзникам загромождали только маршалы О. Мармон и Э. Мортье, генералы А. Амэ и М. Пакто, у которых в общей сложности было 23 тыс. солдат и 84 орудия. Наполеон с главными силами был далеко в тылу союзников. 13 (25) марта при Фер-Шампенуазе эти силы противника попытались преградить 100-тысячной армии союзников дорогу на Париж. Сражение закончилось полной победой союзников. Потеряв при Фер-Шампенуазе до 11 тыс. человек, маршалы были отброшены к Парижу. Потери союзников не превышали 2 тыс. человек⁶⁴.

Тем временем Наполеон с 50-тысячной армией действовал на коммуникациях противника. 14 (26) марта при Сен-Дизье Наполеон нанес поражение коннице Винценгероде. Шедшие в голове наполеоновской армии маршалы Удино и Макдональд без особого труда разбили союзную конницу и отбросили ее со своего пути. При Сен-Дизье Винценгероде потерял свыше 1300 человек⁶⁵. Наполеон узнал о неожиданном движении союзников на Париж на следующий день после победы при Сен-Дизье. «Это превосходный шахматный ход. Вот никогда бы я не поверил, что какой-нибудь генерал у союзников способен это

*Жозеф Бонапарт.
Художник С. Герард*

сделать!» — воскликнул пораженный этим известием император⁶⁶. Он сразу же бросился с армией к Парижу.

У французов для защиты Парижа имелось всего лишь до 45 тыс. солдат и 150 орудий. Общее командование войсками в столице осуществлял брат Наполеона — Жозеф Бонапарт, испанский король. Настроение в Париже было паническое, в войсках тоже наблюдался упадок духа. 17 (29) марта императрица Мария-Луиза вместе с маленьким наследником, римским королем, покинула Париж и уехала в Блуа. Александр I не желал кровопролития под Парижем и разыгрывал роль великодушно-го победителя. «Париж, лишенный своих защитников и своего великого вождя, не в силах сопротивляться; я глубоко убежден в этом», — напутствовал царь своего флигель-адъютанта М. Ф. Орлова, уполномочивая его прекращать боевые действия всякий раз, когда появится надежда на мирную капитуляцию французской столицы. 16 (28) марта подошедший на помощь Парижу отряд генерала Ж. Компана (более 7 тыс. человек) принял при Кле еще одну попытку задержать наступление союзных войск, но был отброшен прусскими корпусами Йорка и Клейста. На следующий день под Бонди (8 км северо-восточнее Парижа) Компан вступил в бой с русским корпусом генерала

*О. Мармон.
Художник Ж. Гуерин*

Раевского и снова потерпел неудачу. В этот же день, 17 (29) марта, союзные войска вышли к Парижу, достигнув его пригородов Пантен и Роменвиль. Поскольку французы капитулировать собирались, было решено атаковать город. 18 (30) марта произошло сражение под Парижем. В нем участвовали войска объединенной союзной армии (около 120 тыс. человек, в том числе 63,5 тыс. русских) и французские войска общей численностью 45 тыс. человек, в том числе 12 тыс. Национальной гвардии, и 150 орудий. Корпуса генерала Ф.В. Остен-Сакена и фельдмаршала К. Вреде из состава союзной армии оставались в районах Мо и Куломье (восточнее Парижа) на случай отражения возможного удара противника с тыла.

Париж разделялся рекой Сена на две части. Союзная армия подошла к его северной части, что находилась на правом берегу реки. К западу и востоку от города находились высоты, пересеченные долиной, по которой был проведен Уркский канал и проходила дорога, ведущая в Мо. В восточной части гряды высот, которая начиналась на правом берегу реки Марна, между Уркским каналом и рекой Марна над всей окрестностью господствовали высоты Бельвиль. В западной части, между каналом и рекой Сена, возвышалась гора Монмартр. Вся местность раз-

делялась дорогой на две половины — северная холмистая и южная — плоская, покрытая в основном Венсенским лесом. Бельвильские высоты доходили до самых предместий Парижа. Тут было много селений с многочисленными прочными постройками, главным образом каменными. Сам Париж не был укреплен, хотя позиция для обороны его была очень выгодная — многочисленные селения, крутые скаты высот, овраги, каналы, сады и рощи и т.п.

К утру 18 (30) марта 1814 г. французы занимали следующее положение. На правом фланге, занимая Бельвильские высоты, оборонялись три дивизии под общим командованием генерала Компана. В центре находился 6-й корпус маршала Мармона. Несколько отдельных отрядов обороняли Венсенский замок, лес и некоторые прилегающие к нему селения. Монмартр до прибытия корпуса маршала Мортье занимали отряды Национальной гвардии. Из запасных частей была сформирована дивизия генерала К. Мишеля. Она составила резерв. Бригада полковника А. Секретана находилась у Пантена, а бригада полковника С. Робера — у Сен-Дени.

16–17 марта союзные армии по трем понтонным мостам переправились через реку Марна у Мо. Силезская армия после упорного авангардного боя у Кле двинулась по Суассонской дороге на Сен-Дени. Главная армия шла на Кле и Бонди. В ночь на 18 марта части корпуса Раевского (Главная армия) заняли Пантен и Роменвиль, которые противник оставил без боя. Главная квартира союзных армий, при которой находились Александр I, прусский король и австрийский фельдмаршал Шварценберг, находилась близ Бонди.

По плану, разработанному союзным командованием, корпус Раевского при содействии корпуса Евгения Виртембергского должен был атаковать центр противника между Пантенем и Бельвильскими высотами. Корпуса наследного принца Виртембергского и Гиулая получили задачу овладеть мостами через Марну, очистить от противника Венсенский лес и обложить замок; Силезская армия Блюхера, наступавшая на правом фланге, — атаковать Монмартр с двух сторон — корпусом Ланжерона от Сен-Дени на Клиши, а корпусами Йорка, Клейста и Воронцова — через селения Ла-Шапель и Ла-Вилет. Начало наступления

намечалось на 5 часов утра 18 марта. Но в назначенное время в наступление перешли только русские войска Раевского. Корпуса наследного принца Виртембергского и Гиулая были еще слишком далеко от Парижа, а офицер связи, посланный к Блюхеру с диспозицией сражения, заблудился и прибыл в штаб Силезской армии с большим опозданием. Таким образом, одновременного согласованного удара сразу с трех направлений (в центре и на флангах), как предусматривалось диспозицией, у союзников не получилось. Фланговые группировки войск подошли к рубежу атаки с большим опозданием. В результате вся тяжесть боя в течение первой половины дня легла на русские войска под командованием генерала Н.Н. Раевского, атаковавшие в центре превосходящие силы французов.

Перед переходом в наступление Раевский разделил свои войска на две части. Евгений Виртембергский двинулся на Пантен и лес около него, занятый накануне французами, а сам Раевский с дивизией князя Горчакова и конницей графа Палена повел наступление через Роменвиль. Но маршал Мармон упредил его. Убедившись в своей ошибке, что накануне не были удержаны Пантен и Роменвиль — ключ позиции в центре, он решил вернуть их и двинул туда дивизии Бойе, Компана и Ледрю. Принц Евгений Виртембергский разгадал замысел противника. Оставив в Пантене дивизию Гельфрейха, с двумя другими он устремился навстречу противнику. «Второй корпус обрекает себя на жертву. Подумайте о нас и помогите нам», — написал принц на клочке бумаги Барклаю-де-Толли. (Барклай-де-Толли возглавлял общее руководство русскими войсками в союзной армии.) Тот, получив записку принца, незамедлительно направил на помощь 2-му корпусу гренадеров и два кирасирских полка. Но еще до их прибытия корпус Е. Виртембергского выдержал яростный и кровопролитный бой, стоивший ему 1,5 тыс. человек только убитыми. Но тем не менее атака противника была отражена. Тем временем Раевский совершил дерзкий обходный маневр и занял населенные пункты Монтрель и Баньоле. Кавалерия Палена отбросила французскую кавалерию. Но Мармон вводит в сражение дивизию генерала Лагранжа и свой резерв, которые остановили войска Раевского и заставили их отойти к Монтрелю. В это время дивизии Бойе и Мишеля, под-

Е. Виртембергский.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

держанные частью сил подошедшего на поле сражения корпуса Мортье, ворвались в Пантен, а дивизия Компана завязала бой за Роменвильский лес. Около 8 часов утра Александр I и прусский король прибыли на поле боя. Увидев затруднительное положение Раевского, русский император приказал Барклаю-де-Толли ввести в сражение резервы и решить исход сражения до прибытия в Париж Наполеона, хотя бы и без армии. Во исполнение этого приказа Барклай направил 2-ю гренадерскую дивизию генерала Паскевича на помощь Раевскому, а 1-ю гренадерскую дивизию генерала Чоглокова — в лес между Пантеном и Роменвилем. Вслед за русскими гренадерами на Пантен двинулась прусско-баденская гвардейская бригада, а за ней русская 2-я гвардейская дивизия.

На правом фланге генерал Ланжерон (так и не получивший диспозицию), услышав канонаду у Пантена, по собственной инициативе двинулся вперед. Александр I, узнав об этом, отправил к нему своего адъютанта с приказанием атаковать Монмартр и овладеть им. Но Ланжерон, опасаясь оставить без прикрытия Ла-Вилет, находившийся посредине нашей боевой линии, остановился, чтобы дожидаться подхода других корпусов Силезской армии.

Тем временем прибытие гренадеров изменило ход событий в центре. Евгений Виртембергский атаковал противника и отбросил его в исходное положение, Раевский тоже остановил наступление французов, а затем также отбросил их в исходное положение. Конница Палена снова овладела Монтрелем. Чугуевский уланский полк спустился в долину и вскоре вышел к парижской городской заставе. В этот момент 28 французских орудий неожиданно открыли огонь по Венсенской дороге. Но успев сделать всего лишь несколько выстрелов, они были атакованы чугуевскими уланами. Их слабое прикрытие разбежалось, а прислуга, состоявшая в основном из студентов Политехнической школы, захвачена в плен. Было захвачено также и большинство орудий (19 из 28). Но эта французская артиллерия все же сумела на какое-то время задержать наступление войск Евгения Виртембергского и Раевского. Воспользовавшись этим, французы выбили дивизию генерала Пышницкого из только что захваченного ею селения Пре-Сен-Жерве. В Пантене ожесточенный бой продолжался до прибытия прусской гвардии. Только после этого союзникам удалось окончательно овладеть этим населенным пунктом.

Барклай-де-Толли не ожидал такого упорства от противника. В создавшейся обстановке он принимает решение приостановить наступление до подхода к полю сражения всей союзной армии. Тем временем Псковский и Астраханский кирасирские полки произвели две удачные атаки и отбросили многочисленных французских стрелков на Бельвильские высоты. Так закончился первый этап сражения, в ходе которого всю тяжесть борьбы выдержали русские войска.

Около 11 часов утра к Ла-Вилету подошли прусские корпуса Йорка и Клейста. Только теперь французское командование окончательно убедилось, что Париж атакован не каким-то отдельным «летучим» корпусом союзников, как утверждали до этого ярые бонапартисты, а главными силами союзников. Потеряв всякую надежду отстоять столицу, король Иосиф Бонапарт поручил маршалу Мармону вступить в переговоры с союзниками на предмет сдачи Парижа, а сам поспешно оставил его и отбыл в Блуа.

Между тем левое крыло Силезской армии вышло к Урк и сомкнулось с Главной (Богемской) армией. Правое крыло ее (корпус

А.Ф. Ланжерон.
Художник Д. Доу. 1820-е гг.

Ланжерона) находилось у Монмартра. Корпус генерала Воронцова составлял резерв. Французский корпус маршала Мортье имел одну дивизию в Ла-Вилете, а другую, усиленную бригадой полковника Робера, в Ла-Шапель. В резерве у него находилась третья дивизия и кавалерия. С началом второго этапа сражения ожесточенные бои развернулись за Ла-Вилет и Ла-Шапель. Их атаковали две прусские дивизии, усиленные русским отрядом генерал-майора Красовского (13-й и 14-й егерские полки, Тульский и Навагинский пехотные полки, Бугский казачий полк и артиллерийская батарея) из корпуса Воронцова. После артиллерийского обстрела вражеских позиций русская пехота и спешенные казаки ударили в штыки. Они атаковали противника без единого выстрела, с музыкой и барабанным боем. Их бросок был стремителен. Французские батареи и селение Ла-Вилет были захвачены всего за несколько минут. Затем русская пехота преследовала бегущего противника вплоть до городской заставы. Одновременно пруссаки овладели Ла-Шапелем и находившейся там французской батареей (14 орудий). Столь же успешна была и атака прусско-баденской гвардейской бригады слева от Уркского канала.

В 13 часов наконец появились у Ножана на Марне головы колонн австрийских корпусов. Они с ходу атаковали противника

М.Ф. Орлов.

Художник Г. Ризеннер. 1814 г.

и, сломив его упорное сопротивление, овладели Венсенским лесом и несколькими находившимися вблизи его селениями. Вскоре их разъезды появились у городских застав Парижа.

К этому времени настал момент решающих действий в центре боевого порядка союзных войск. Корпусам Милорадовича (резервы) и Раевского приказано было взять Бельвиль. Милорадович лично повел своих гренадеров в атаку. Раевский приказал князю Горчакову овладеть Шароном, а Евгению Виртембергскому — Пре-Сен-Жерве и кладбищем Мон-Луи. Генерал Ермолов во главе 2-й гвардейской дивизии и прусско-баденской гвардейской бригады устремился по большой дороге через Пантен прямо на Париж.

Александр I повторил свое приказание Ланжерону: во что бы то ни стало овладеть Монмартром. Выгодная позиция и отчаянная оборона противника не смогли сдержать бурного натиска наступавших союзных войск. Гром ожесточенной битвы и тысячеголосые боевые клики сражавшихся уже много часов наполняли окрестности французской столицы. Напрасно маршал Мармон и его генералы вдохновляли свои войска зажигательными речами и личным примером. Освещаемые яркими лучами весеннего солнца русские знамена неумолимо пере-

мещались с одной высоты на другую, все ближе приближаясь к городским заставам. Буквально за час с небольшим сопротивление французов повсюду было сломлено. Александр I едва успевал выслушивать донесения об одержанных победах и захваченных трофеях. Дивизия генерала Пышницкого овладела Пре-Сен-Жерве и 17 орудиями. Вместе с нею туда ворвалась прусско-баденская гвардия, захватившая десять орудий. Князь Горчаков овладел Биньолем и Шароном, 3-я дивизия Шаховского — кладбищем Мон-Луи и восьмью орудиями, гренадеры — Мениль-Монтан и семью орудиями. Все войска с разных сторон почти одновременно подошли к Бельвилю, где Мармон сосредоточил свои последние резервы. Он понимал, что удержать эту важную позицию, уже глубоко обойденную со стороны Пантена противником, ему вряд ли долго удастся, но все же решил оборонять ее до последней возможности. Такое решение объяснялось еще и тем, что спуск с горы к Парижу был такой крутой, что отступление с нее неминуемо превратилось бы в беспорядочное бегство с непредсказуемыми последствиями. Русские ядра уже рвались на парижских улицах. Куда бы Мармон ни обращал свой взор, он всюду видел торжествующего противника, уже вплотную подступившего к городским заставам. Желая избавить столицу от гибельных последствий штурма, он прибегнул к последнему, как ему казалось, верному средству — просить перемирия и послал своего доверенного офицера к русскому императору договориться по данному вопросу. Французский парламентар нашел Александра I на горе у Роменвиля, где тот уже готовился отдать гвардии приказ идти в атаку и довершить победу. Русский император принял предложение противника о заключении перемирия, но при условии последующей капитуляции Парижа, иначе, добавил он, — «к вечеру не узнают места, где была ваша столица». Для выработки предварительных условий капитуляции Александр I направил к Мармону своего флигель-адъютанта полковника М.Ф. Орлова. «Париж, лишенный своих защитников и своего великого вождя, не в силах сопротивляться, я глубоко убежден в этом», — напутствовал царь своего посланца. Орлов также получил право прекращать боевые действия всякий раз, когда появится надежда на мирную капитуляцию французской столицы. Орлов, сопровождаемый

французским парламентаром, нашел маршала Мармона в боевых порядках его войск, когда тот с обнаженной шпагой в руке ободрял их, призывая стоять до последнего. Мармон сразу же согласился с требованием Орлова, чтобы французские войска отступили к городским заставам, и вслед затем были начаты переговоры о сдаче Парижа, которые завершились заключением перемирия до 17 часов.

После возвращения и доклада Орлова Александр I приказал союзным войскам прекратить огонь и остановиться там, где их застанет приказ. На дальнейшие переговоры с французской стороной о капитуляции Парижа был назначен статс-секретарь Нессельроде.

Союзные армии приостановили наступление, охватив Париж полудугой от Марны до Сены. На всех окружающих город высотах союзники установили артиллерийские батареи. Поднявшись на гору у Сен-Шомона, Александр I и прусский король увидели лежавший у их ног Париж.

Вдруг на оконечности правого фланга союзников, у Монмартра, загремела артиллерийская канонада, а через полчаса русский император получил донесение о взятии штурмом войсками Ланжерона Монмартра. Произошло это следующим образом.

Выслав бригаду генерала Корнилова для наблюдения за Сен-Дени, Ланжерон с остальными войсками двинулся к Монмартру. Он намеревался выполнить приказ императора и овладеть этим важным опорным пунктом противника. Направление атаки было избрано со стороны Клиши как наиболее удобное. Три другие стороны были труднодоступны: крутые обрывы, густые сады с каменными изгородями, каменоломни и прочие многочисленные препятствия. Правда, и на избранном для атаки направлении имелось довольно мощное вражеское укрепление с 30 орудиями, поставленными в два яруса.

Не получив никакого приказа о прекращении боевых действий в связи с заключением перемирия, Ланжерон продолжал выполнять ранее полученную боевую задачу. Отбросив передовые подразделения противника и его кавалерию, войска его корпуса к 16 часам начали разворачивать свои колонны в боевой порядок, который включал две линии. Для обеспечения открытого правого фланга и тыла к Булонскому лесу была направлена

Вступление союзных войск в Париж 31 марта 1814 г.

Английская гравюра неизвестного художника. 1815 г.

конница генерала Эммануэля. Находившиеся у подножия Монмартра несколько французских подразделений были рассеяны артиллерийским огнем и поспешно отступили на гору. Преследуя их, русские егеря с ходу захватили нижнюю батарею. И вот прогремело грозное «Ура!» Русская пехота пошла на штурм Монмартра. Сделав последний залп из верхней батареи, противник бежал в город. Монмартр был взят всего за 10 минут. Там было захвачено 29 орудий. По приказу Ланжерона на вершине Монмартра была сразу же установлена мощная батарея (84 орудия), которая незамедлительно открыла огонь по городу. Там началась большая паника. Приказ же о прекращении огня Ланжерон получил только после взятия Монмартра. Его штурм явился завершающим аккордом сражения под Парижем. А вскоре войска облетела радостная весть — противник просит пощады! Еще через какое-то время тысячи парижан устремились за город — взглянуть на русских. Кругом царило торжество, гремели военные оркестры, победно реяли боевые знамена...

Во время боя за Монмартр французы сделали вылазку из Сен-Дени, но были отбиты. Вслед за этим генерал Эммануэль,

Медаль «За взятие Парижа»

захватив Нельи, атаковал Национальную гвардию, стоявшую на Елисейских полях. Но атака русской конницы была остановлена известием о заключении перемирия.

Переговоры о капитуляции Парижа состоялись у Пантенской заставы. Союзное командование потребовало капитуляции Парижа и всех находящихся в нем войск. Маршалы Мармон и Мортье, уполномоченные Жозефом Бонапартом вести переговоры, настаивали на свободном выходе французских войск из города. Не желая дальнейшего кровопролития, союзники эти условия приняли. Вечером 18 (30) марта маршал Мармон, фактически возглавлявший командование войсками, оборонявшими Париж, подписал капитуляцию. В ночь на 19 (31) марта французские войска оставили Париж, а утром в столицу Франции торжественно вступила союзная армия. В сражении под Парижем союзники потеряли более 8 тыс. человек (в том числе до 6 тыс. русских), французы — до 4 тыс. человек⁶⁷.

В ночь на 18 (30) марта, опередив свою армию, Наполеон прибыл в Фонтенбло (55 км южнее Парижа) и тут узнал о только что происшедшем сражении и капитуляции Парижа. Он был полон энергии и решимости. Вскоре император изложил своим маршалам план дальнейших действий: Коленкур немедленно

выезжает в Париж и предлагает союзникам мир на тех условиях, которые они ставили в Шатильоне. Под разными предложениями он проводит в переговорах три дня, необходимых Наполеону для сосредоточения армии в Фонтенбло. После этого французская армия переходит в наступление на Париж и выбрасывает оттуда союзников. К 24 марта (5 апреля) Наполеон рассчитывал иметь в своем распоряжении 70-тысячную армию, во главе которой намеревался освободить свою столицу. Утром 23 марта (4 апреля) император произвел смотр прибывшим в Фонтенбло передовым частям своей армии. Обратившись к ним с речью, он сказал: «Солдаты! Неприятель, опередив нас на три перехода, овладел Парижем. Нужно его оттуда выгнать. Недостойные французы, эмигранты, которых мы имели слабость некогда простить, соединившись с неприятелем, надели белые кокарды. Подлецы! Они получают заслуженное ими за это новое покушение! Поклянемся победить или умереть, но отплатить за оскорбление, нанесенное отечеству и нашему оружию!» — «Мы клянемся!» — загремело в ответ⁶⁸. Но когда Наполеон после смотра вернулся во дворец, то увидел там иное настроение. Печально, молча, понурившись, стояли перед ним маршалы, и никто не решался заговорить. Тут были Бертье, Ней, Макдональд, Удино, герцог Бассано. Император вызвал их на объяснения, и они заявили ему, что не верят в победу, что весь Париж трепещет от ужаса в ожидании предстоящего штурма, который будет означать гибель столицы и ее жителей, что союзники отомстят за Москву и сожгут Париж, что трудно будет заставить солдат сражаться на развалинах Парижа. «Ступайте отсюда, я вас позову и скажу свое решение», — ответил, выслушав их, Наполеон. Оставив в кабинете лишь Бертье, Коленкура и Бассано, император излил свой гнев. Он обвинял маршалов в робости и колебаниях, в отсутствии преданности ему. Через несколько минут Наполеон вызвал маршалов и объявил им, что отказывается от престола в пользу своего сына при регентстве Марии-Луизы, что если союзники согласны на этих условиях заключить мир, то война кончена, и что он отправляет с этим предложением Коленкура в Париж для переговоров с союзниками. Тут же был составлен документ, в котором говорилось, что так как союзные державы провозгласили, что император Наполеон — един-

ственное препятствие к восстановлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он готов уйти с престола, покинув Францию и даже жизнь для блага отечества, неразрывно связанного с правами его сына, правами регентства императрицы и законами империи. Маршалы горячо одобрили этот акт. Наполеон взял перо, но прежде чем подписать эту бумагу, вдруг сказал: «А может быть, мы пойдем на них? Мы их разобьем!» Но маршалы молчали. Ни один не поддержал его. Император подписал документ и вручил его делегации, которую направил в Париж (Коленкур, Ней и Макдональд). Получив новые условия Наполеона, русский и австрийский императоры заколебались — они не очень бы возражали против воцарения на французском троне трехлетнего «Наполеона II», тем более Франц I, приходившийся новому императору дедом. Но окружавшие их роялисты настаивали, чтобы предложения Наполеона были отвергнуты. Колебания союзников прекратились, когда стало известно об измене Наполеону маршала Мармона. Отступив со своим корпусом после сдачи Парижа в Версаль, он перешел на сторону Талейрана, сформировавшего по указанию союзников «временное правительство», стоявшее за низложение Наполеона и реставрацию Бурбонов. Предатель-маршал ночью отвел свой корпус в расположение союзников и тем самым исключил возможность присоединения его к главным силам армии. Неожиданная потеря одного из сильнейших корпусов своей армии серьезно подорвала позиции императора на переговорах. Теперь союзники выдвинули свои условия: безоговорочное отречение Наполеона. В этом случае ему обещали сохранение титула и отдавали во владение остров Эльба на Средиземном море. Вечером 24 марта (5 апреля) Коленкур, Ней и Макдональд вернулись из Парижа в Фонтенбло. Выслушав их, Наполеон сказал, что у него еще есть армия и солдаты ему верны. «Впрочем, мы увидим. До завтра», — закончил он, отпуская маршалов, советовавших ему подчиниться судьбе. Оставшись наедине с Коленкуром, император долго говорил об изменившем ему в этот решительный час Мармоне, его старом боевом сподвижнике, сопутствовавшем ему на протяжении всей его долгой полководческой карьеры, бывшем еще под Тулоном адъютантом у неизвестного тогда артиллерийского капитана Бо-

напарта, о маршалах, которые хотели бы, правда не покрывая себя позором, получать те же права на благорасположение Бурбонов, что и Мармон. «Мое имя, мой образ, моя шпага — все это наводит страх. Нужно сдаваться. Я позову маршалов, и вы увидите их радость, когда я их выведу из затруднения и разрешу им поступить, как Мармон, не утрачивая при этом чести», — подвел итог своим размышлениям Наполеон⁶⁹.

Утром 25 марта (6 апреля) император вызвал маршалов и объявил им о своем отречении: «Господа, успокойтесь! Ни вам, ни армии не придется больше проливать кровь. Я согласен отречься... Я покоряюсь своей участи, покоритесь и вы вашей. Примиритесь с тем, чтобы жить при Бурбонах, и верно служите. Вы хотели покоя — вы получите его. Но, увы! Пусть будет Богу угодно, чтобы я ошибся в своих предчувствиях, но мы не были поколением, созданным для покоя. Мир, которого вы желаете, скосит на ваших пуховых постелях скорее и больше людей из вашей среды, чем скосила бы война на бивуаках»⁷⁰. Наполеон затем взял лист бумаги и прочел им следующее: «Так как союзные державы провозгласили, что император Наполе-

Отречение. Фонтенбло. 1814 г. Художник Берн-Белькура

Прощание Наполеона с императорской гвардией. Художник А. Монфор

он есть единственное препятствие к установлению мира в Европе, то император Наполеон, верный своей присяге, объявляет, что он отказывается за себя и за своих наследников от трона Франции и от трона Италии, потому что нет той личной жертвы, даже жертвы жизнью, которую он не был бы готов принести в интересах Франции»⁷¹.

Маршалы были взволнованы. Они целовали Наполеону руки, осыпали привычной лестью, которой награждали его во время царствования. Сразу же Коленкур с двумя маршалами повез акт об отречении Наполеона в Париж. Союзные монархи ожидали развязки с большой тревогой. Получив документ об отречении, они были в полном восторге. Все было кончено.

23 марта (4 апреля) произошел последний бой кампании 1814 года. В этот день генерал Чернышев со своим отрядом штурмом овладел городом Питивье. Защищавший его гарнизон из 200 французских егерей не пожелал сдаться и был полностью уничтожен⁷².

8 (20) апреля Наполеон простился со своей гвардией. Прощание состоялось у дворца Фонтенбло. Тот громадный двор, где оно проходило, с тех пор получил свое историческое название «Двор прощания» (*La cour des adieux*). Когда император вышел из дворца, солдаты взяли «на караул», а знаменосец преклонил знамя Старой гвардии к ногам Наполеона. Свою короткую речь император не смог закончить, голос его пресекся, на глазах показались слезы. Он порывисто обнял и поцеловал знаменосца и знамя, быстро простился с гвардией и, не оборачиваясь, направился к карете. Карета умчалась под громовое: «Да здравствует император!» Многие убежденные седиными и покрытые шрамами ветераны-гвардейцы плакали, как дети. Наполеон в сопровождении небольшой свиты, одного батальона Старой гвардии, выделенного союзниками в его распоряжение по условиям договора, и комиссаров союзных держав направился на остров Эльба. 21 апреля (3 мая) 1814 г. недавний повелитель Европы прибыл на отведенный ему победителями уединенный остров в качестве его правителя. На французский престол под именем Людовика XVIII был возведен брат казненного в 1793 г. якобинцами Людовика XVI. 18 (30) мая 1814 г. между союзниками и Францией был подписан Парижский мир, завершивший войну 1813–1814 годов.

Война 1813–1814 годов закончилась полным разгромом наполеоновской Франции и низложением Наполеона. Решающий вклад в освободительную борьбу народов Европы внесла Россия. Она вынесла на своих плечах основную тяжесть войны с Наполеоном. Именно русский народ не только преградил путь агрессору, разгромил его главные вооруженные силы, но и оказал помощь народам Европы в их избавлении от наполеоновского ига. Русская армия победоносно прошла путь от Тарутино до Парижа. Она участвовала во всех сражениях 1813–1814 гг. и была главной, наиболее боеспособной силой антифранцузской коалиции. В решающем сражении кампании 1813 года — Лейпцигском — русские войска составляли почти половину союзной армии.

Наступление русской армии обычно велось не на сплошном фронте, а по отдельным направлениям, имевшим важное политическое и стратегическое значение. Так, наступлением круп-

ной группировки русских войск в Восточной Пруссии достиглось уничтожение отступивших туда основных сил противника, изоляция французских войск от прусских, освобождение значительной части прусской территории, ускорение разрыва между Францией и Пруссией и вовлечение последней в войну для совместной борьбы с Наполеоном. Наступление на Варшаву имело целью нанести поражение австрийским войскам, добиться отказа Австрии от военных действий против России, лишить Наполеона выгодного плацдарма, каковым являлась Польша. Успешное решение политических и стратегических задач в начале кампании 1813 года позволило русской армии развернуть широкие наступательные действия и обеспечило быстрое ее продвижение к Одеру и Эльбе.

Характерным в действиях русской армии было постепенное сужение фронта наступления с последующим сосредоточением главных сил на решающем направлении. Если в начальный период ее наступление велось на фронте более чем 600 км, то с выходом к Висле фронт наступательных действий сузился почти вдвое, а с выходом к Одеру он уже составлял около 160 км. За Эльбой к концу апреля основные силы армии действовали в полосе 50–70 км, пока не сосредоточились в одном районе (Лейпциг, Лютцен, Альтенбург). Концентрическое наступление русской армии вытекало из тех политических и стратегических задач, которые стояли перед нею в 1813 г. Опыт предыдущей кампании был учтен и в 1814 г., когда именно сосредоточение основных усилий союзных армий на главном направлении позволило им в короткий срок добиться перелома в ходе военных действий и быстро достигнуть успеха.

Наступательные действия русской армии в ходе Заграничных походов 1813–1814 годов характеризовались высокой активностью, ведением наступления на большую глубину (1700 км) и в высоких темпах, большой напряженностью боевых действий. Такой размах наступления (широкий фронт, большая глубина, высокий темп и продолжительность) мог быть достигнут лишь при условии хорошо продуманной организации наступления, четкой координации усилий всех сил и средств на театре военных действий, маневренных действий войск, их высоких морально-боевых качеств.

Лагерь донских казаков в Париже

Важной особенностью кампаний 1813 и 1814 годов являлось создание значительного числа легких «летучих» отрядов, действовавших впереди главных сил. Таких отрядов насчитывалось до полутора десятков. Они, как правило, включали в свой состав все рода войск (конницу, легкую пехоту (егерей) и конную артиллерию). Численность «летучих» отрядов обычно составляла от 500 до 3000 человек. По характеру действий они исполняли роль передовых подвижных отрядов. Другой особенностью боевых действий русской армии в ходе Заграничных походов являлась их непрерывность, отсутствие сколько-нибудь значительных пауз между операциями. Чтобы остановить или надолго задержать наступление союзных войск, Наполеон стремился использовать для этой цели крупные водные рубежи (Вислу, Одер, Эльбу, Рейн) и многочисленные крепости. Однако союзное и прежде всего русское командование, выделяя необходимые силы для блокады крепостей, смело продвигало свои войска вперед. Передовые подвижные отряды преодолевали водные

преграды еще до подхода к ним главных сил и тем самым нарушали устойчивость обороны противника. Блокированные глупо в тылу союзных армий крепости с их крупными гарнизонами оказывались изолированными от своих главных сил, обрекались на бездействие и, как следствие, оказывали весьма незначительное влияние на общий ход борьбы. Наполеон же, расплывая силы по крепостям, существенно ослаблял свою полевую армию. Большую помощь и поддержку русская армия получала от немецкого народа, и это в значительной мере ускорило достижение победы над противником.

Результаты, достигнутые русской армией в кампаниях 1813–1814 годов, были показателем совершенствования ее военного искусства, возросшего боевого мастерства русских войск, накопивших богатый опыт борьбы с наполеоновской армией в Отечественной войне 1812 года. Именно они являлись главной боевой силой во всех основных сражениях этой войны, решали участь этих сражений и вносили решающий вклад в дело достижения победы или платили самую дорогую цену в случае неудачи. Русская армия являлась тем костяком, на котором держались все вооруженные силы союзников и строились все расчеты антифранцузской коалиции.

Русская армия начала кампанию 1813 года, сделав небольшую передышку, во время которой несколько пополнилась за счет ополчения и нового рекрутского набора. Александром I руководили отнюдь не прогрессивные мотивы, когда он отдал приказ о переходе западной границы. Он стремился к захвату Польши и к реставрации Бурбонов во Франции. Но перенося военные действия за границу, русское правительство объективно разрешало задачу освобождения народов Европы от диктатуры Наполеона. Вот почему в Германии русскую армию встречали как освободительницу. С другой стороны, нельзя было закончить войну 1812 года, ограничившись только выходом на свою западную границу. Наполеон угрожал в 1813 г. новым походом. Следовательно, стремление России продолжать борьбу было военно-политической необходимостью. Это хорошо понимал Кутузов, который еще в начале декабря 1812 г. советовал Александру I перенести военные действия в Польшу и Восточную Пруссию. В основу русского стратегического плана была положена идея

ведения войны путем нанесения противнику ряда последовательных ударов на широком фронте. Кроме того, предусматривалось ведение наступления по рубежам, делая короткие паузы для подхода резервов. Безостановочное наступление привело бы к такому положению, которое имел Наполеон в 1812 г. при наступлении на Москву. С точки зрения военного искусства разработанный Кутузовым русский стратегический план был новым явлением в военном искусстве. О его эффективности нагляднее всего свидетельствуют факты: за три с небольшим месяца русские войска очистили от врага не только Восточную Пруссию и Польшу, но и территорию Германии до реки Эльба, овладели Берлином, Гамбургом, Дрезденом и Лейпцигом. Кутузов своевременно разгадал замысел Наполеона нанести главный удар по русской армии в Саксонии и принял соответствующие меры по его отражению, но неожиданная смерть помешала ему реализовать свой план. Осуществленный Кутузовым в апреле 1813 г. мастерский маневр по сосредоточению главных сил армии в районе Лейпцига должен был привести к серьезным последствиям и дать новое продолжение развитию боевых действий в Германии. Однако новый главнокомандующий Витгенштейн не сумел воспользоваться теми возможностями, которые создал для него предшественник. Союзникам не удалось добиться решительных результатов. Более того, они потерпели ряд временных неудач в столкновении с вновь созданной Наполеоном армией. Наполеон из-за недостатка сил также не имел возможности активизировать борьбу. Выход был только в заключении перемирия или мира. Противоборствующие стороны согласились на перемирие, которое явилось стратегической ошибкой Наполеона. Получив передышку, союзники использовали время для окончательного оформления коалиции и укрепления своих вооруженных сил. Военно-политическая обстановка, сложившаяся после Плесвицкого перемирия, была не в пользу Наполеона. Попытки его разбить союзников по частям успехом не увенчались. Последние же, используя свое численное превосходство, осуществили стратегическое окружение наполеоновской армии под Лейпцигом и нанесли ей в развернувшемся там сражении решительное поражение. В «битве народов» Наполеон потерял треть своей армии. Тем не менее союзное командование

не сумело воспользоваться всеми выгодами своего положения и уничтожить под Лейпцигом наполеоновскую армию. Оно не смогло осуществить тактического окружения противника. Наполеону удалось выйти из окружения и отступить за Рейн, что затянуло войну еще почти на полгода. К тому же после победы под Лейпцигом союзники действовали нерешительно, обратив большую часть своих сил для борьбы с оставшимися в тылу французскими войсками (гарнизоны крепостей). Остальные союзные силы, выйдя к Рейну, остановились там на два месяца. Пассивность противника позволила Наполеону оправиться от поражения под Лейпцигом и вновь организовать сопротивление. Осуществив в январе 1814 г. вторжение во Францию, союзники на первых порах также действовали нерешительно и разрозненно, не сумев использовать свое численное превосходство над противником. Лишь ряд частных поражений, понесенных от Наполеона, заставил их активизировать свои действия. Союзной армии понадобилась лишь неделя, чтобы нанести решительный удар на Париж и решить исход кампании 1814 года, а вместе с нею и судьбу самого Наполеона. Но крушение его империи в апреле 1814 г. еще не означало заката эпохи наполеоновских войн. Понадобилась еще кампания 1815 года и Ватерлоо, на поле которого окончательно закатилась кровавая звезда Наполеона, мрачно сверкавшая на европейском небосводе в течение почти двух десятилетий. Но ни народам России, ни народам Западной Европы воспользоваться завоеванной в жестоких боях с наполеоновскими полчищами свободой не пришлось. Вместо наполеоновской деспотии в Европе воцарился еще более реакционный, более изощренный режим «Священного союза» европейских монархов, созданного в сентябре 1815 г. в Париже для борьбы с революцией. Еще более мрачный режим аракчеевщины утвердился в России. Особенно жестокие и уродливые формы аракчеевщина приняла в армии, где была введена бессмысленная военная муштра и жестокие телесные наказания. Все это находилось в резком противоречии с тем, что было во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отечественная война 1812 года спасла русский народ от порабощения, а Русское государство от расчленения и уничтожения. Тяжелая и кровопролитная борьба против наполеоновского нашествия на Россию закончилась полной и решительной победой русского народа и его армии над агрессором. Но эта победа была достигнута дорогой ценой. Война унесла многие десятки тысяч жизней наших соотечественников, оставила после себя много разрушенных и сожженных сел и городов, сотни деревень, привела к гибели огромных материальных и исторических ценностей, обрекла на невероятные бедствия сотни тысяч людей. Только боевые потери русской армии в Отечественной войне 1812 года составили 111 тыс. человек¹. Не меньшие потери понесло и мирное население. По данным министерства финансов России, прямые расходы на войну составили около 160 млн рублей, а убытки от вражеского нашествия — 200 млн рублей². По тем временам это были огромные средства.

Для России война 1812 года являлась войной справедливой, национально-освободительной. Поэтому подлинным героем войны был русский народ. Мужественно сражаясь в рядах армии, ополчения и партизанских отрядов, самоотверженно трудясь в тылу, отдавая все во имя победы, он внес решающий вклад в дело разгрома врага. Именно активное участие в войне широких народных масс обеспечило быстрый и сокрушительный разгром наполеоновских полчищ.

Русский народ не только преградил путь агрессору, стремившемуся к мировому господству, и спас от чужеземного порабощения свою Родину, но и оказал решающую помощь народам Европы в их избавлении от наполеоновской тирании. В последовавших вслед за Отечественной войной 1812 года Заграничных походах 1813–1814 годов русская армия, являясь главной, наиболее боеспособной силой антифранцузской коалиции, сыграла основную роль в разгроме наполеоновской империи. Она победоносно прошла путь от Немана до Сены и водрузила свои овеянные славой многих побед знамена над поверженным Парижем. В результате неимоверных усилий, предпринятых Россией в 1812–1814 гг., была завершена череда непрерывных, кровавых войн, сотрясавших Европу почти четверть века. Но за победы на полях Европы, принесшие свободу ее народам, русской армии также пришлось заплатить немалую цену. Во время Заграничных походов 1813–1814 годов, не считая многочисленных боев и разного рода боевых стычек, ей пришлось выдержать 26 сражений. Ее общие потери в боевых действиях 1813–1814 гг. составили 121 тыс. человек (84 тыс. человек в 1813 г. и 37 тыс. человек в 1814 г.)³.

Отечественная война 1812 года показала всему миру, на какие великие подвиги способен русский народ, когда речь идет о судьбе Отечества, защите национального суверенитета, свободы и независимости своей Родины. Самоотверженность, стойкость и мужество русского народа в борьбе с вражеским нашествием вызвали всеобщее восхищение. Западноевропейские историки, писатели, военные и политические деятели того времени отмечали, что Наполеону никогда еще не приходилось сражаться с народом, который бы защищался с такой яростной энергией, неукротимым мужеством и полным презрением к опасности. Участники и современники тех событий называли сопротивление русских в борьбе с наполеоновским нашествием беспримерным в истории.

Безоговорочная и блистательная победа русского оружия над непобедимым до того времени Наполеоном вызвала потрясение умов на Западе. Вся Европа буквально замерла в изумлении. Не только угодничавшие перед Наполеоном европейские правители, политики и генералы, но и простые обыватели

были в прямом смысле ошарашены таким невероятным событием и никак не могли взять в толк: как и почему такое могло произойти? Гадали, судили, рядили, предполагали, спорили, доказывали — и не находили ответа на свои вопросы. Именно тогда Запад впервые заговорил о «загадочной» и «непонятной» русской душе. Спустя годы великий Пушкин написал по этому поводу:

*«Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог?»⁴*

Выдающаяся победа над армией Наполеона, лучшей армией того времени, перед которой трепетала и склонялась вся Европа, была достигнута русской армией не в силу ее численного превосходства над противником или обладания лучшим оружием, а в результате превосходства русского военного искусства. Практика умелой организации и ведения оборонительных и наступательных действий, искусное отступление на большую глубину в сочетании с упорной обороной выгодных в тактическом отношении рубежей, непрерывное изматывание противника в арьергардных боях и «малой войне», применение различных форм маневра, в том числе блестящего по исполнению флангового Тарутинского марш-маневра, умелое сочетание фронтального и параллельного преследования врага в ходе контрнаступления и искусно осуществленный план стратегического окружения главной группировки врага значительно обогатили русское военное искусство, внесли много нового в способы боевых действий войск. Исключительно большое значение имело успешное решение проблемы стратегических резервов в ходе войны.

Все развитие русского военного искусства периода Отечественной войны 1812 года неразрывно связано с именем М.И. Кутузова. Возглавив русскую армию в дни самых тяжелых испытаний, когда после падения Смоленска во всей своей остроте встал вопрос о дальнейшей судьбе Отечества, он проявил себя не только как блестящий тактик, но и как выдающийся-

ся стратег. Унаследовав все то лучшее, что создала русская национальная военная школа Петра I, Румянцева и Суворова, Кутузов в новых исторических условиях поднял отечественное военное искусство на новую, более высокую ступень. В сложнейшей обстановке русский полководец проявил величайшую твердость, непоколебимую силу духа и решимость и привел русскую армию к победе над непобедимым дотоле противником. Недаром народная молва еще при жизни полководца увенчала его величайшей из наград, назвав Спасителем Отечества. Решительная и безоговорочная победа русского оружия над Наполеоном, под знаменами которого для вторжения в Россию собрались воинские контингенты практически всех стран и народов Европы, доказала полное превосходство русского военного искусства над военным искусством Запада⁵. Великий русский поэт А. С. Пушкин одним из первых совершенно справедливо назвал Кутузова истинно народным полководцем. Определяя его роль и место в Отечественной войне 1812 года, Пушкин писал: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России, его памятник — скала Святой Елены... Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!»⁶ В умении добиваться победы в невыгодно сложившихся условиях борьбы, когда на стороне противника были большие преимущества, состояла одна из главных особенностей русского военного искусства. Ни одна из западноевропейских армий, как показал опыт всех предшествующих войн начала XIX в., решить эту сложнейшую проблему была не в состоянии. Она оказалась по плечу только русской армии.

Стратегия

В войне 1812 года столкнулись две политики и соответствовавшие им две различные по своему характеру военные стратегии. Стратегическая концепция Наполеона являлась выражением прежде всего империалистических, агрессивных интересов крупной французской буржуазии, стремившейся к новым захватам, покорению чужих стран и порабощению населявших их народов. Русская же стратегия в этот период, наоборот,

Портрет генерал-фельдмаршала М.И. Кутузова, светлейшего князя Смоленского. Художник Д. Доу. 1820-е гг.

отражала национальные интересы всего народа, вставшего на защиту своего Отечества от чужеземных захватчиков. Она имела ярко выраженный национально-освободительный характер и опиралась на поддержку широких народных масс.

Основной силой, на которой держалось господство Наполеона почти над всей Западной Европой, была армия. Более десяти лет предводимые им войска неизменно одерживали победы над всеми противниками, встречавшимися на их пути, покоряя одну страну за другой. В результате целого ряда победоносных войн Наполеон создал свою империю, значительно расширив естественные, давно установившиеся границы Франции. А вся остальная Европа оказалась в полной зависимости от него. К 1812 г. французский император находился на вершине своей славы и могущества. Одержанные Наполеоном многочисленные победы на Западе создали ему ореол непобедимости. Стратегические принципы Наполеона считались непогрешимыми, пригодными для достижения победы в войне с любым противником. основополагающим из них являлся принцип сосредоточения основных сил на важнейшем направлении, разгром противника в генеральном сражении, овладение его столицей и победоносное завершение войны. Так французский полководец действовал в 1805 г., когда возглавляемая им армия в результате блестяще проведенной Ульмской операции (7–20 октября 1805 г.) разгромила, окружила и принудила к капитуляции австрийскую Дунайскую армию, затем овладела Веной и одержала решительную победу над союзной русско-австрийской армией при Аустерлице (2 декабря 1805 г.). После этого Наполеон на правах победителя продиктовал поставленной на колени Австрии свои условия мира. Еще более ошеломительного успеха Наполеон добился в 1806 г., когда считавшаяся одной из самых грозных сил в Европе прусская армия, наследница традиций Фридриха II, чем она особенно кичилась, оказалась наголову разгромленной войсками Наполеона в один день, 14 октября 1806 г., в сражениях при Йене и Ауэрштедте. Преследуя ее остатки, французы овладели Берлином, завершили полное уничтожение противника (остатки прусской армии капитулировали) и оккупировали почти всю Пруссию. На помощь пруссакам пришла русская армия. Но и она после упорной и ожесточенной

борьбы на территории Восточной Пруссии была разбита Наполеоном в сражении под Фридландом (14 июня 1807 г.). После этого Россия вынуждена была подписать очень тяжелый и крайне унижительный для нее Тильзитский мир (7 июля 1807 г.).

В этой связи вряд ли можно согласиться с известным советским военным историком П.А. Жилиным, утверждавшим в своей книге «Гибель наполеоновской армии в России», что все свои победы Наполеон одержал лишь в войнах «с малочисленными и в военном отношении отсталыми армиями западноевропейских феодальных монархий». В другом месте он категорично заявляет: «Разумеется, эти успехи французской армии объясняются не только гениальностью ее полководца, а прежде всего отсталостью, слабостью западноевропейских стран и низким уровнем их военного искусства». Довольно странные утверждения для видного военного историка.

Во-первых, во всех войнах, о которых идет речь, противники Наполеона были не такими уж «слабыми» и «малочисленными», как утверждает П.А. Жилин. Например, в сражении при Маренго (14 июня 1800 г.) Наполеон с 28-тысячной армией разгромил 40-тысячную австрийскую армию. В сражении при Аустерлице (2 декабря 1805 г.) с 73-тысячной армией он разгромил 82-тысячную русско-австрийскую армию; в Йена-Ауэрштедтском сражении (14 октября 1806 г.) Наполеон с 117-тысячной армией разгромил 100-тысячную прусскую армию, но при этом следует иметь в виду, что значительная часть его войск в сражении не участвовала; в сражении при Асперне (Эсслинге) (21–22 мая 1809 г.) силы сторон были равны (70 тыс. у Наполеона и свыше 75 тыс. у австрийцев) и т.д. Некоторое численное превосходство Наполеон имел только в сражениях при Фридланде (14 июня 1807 г.) и Ваграме (5–6 июля 1809 г.). Но оно было создано Наполеоном уже в ходе этих сражений, а в начале их превосходства у него не было. Мы взяли здесь лишь основные, так называемые генеральные сражения, которые оказывали решающее влияние на ход и исход войн, которые вел Наполеон, чтобы доказать несостоятельность оспариваемого нами утверждения.

Во-вторых, утверждение П.А. Жилина об «отсталости» западноевропейских армий тоже весьма сомнительно. Возьмем,

к примеру, сражение при Маренго, где Наполеон был на грани поражения. И только лишь своевременный подход генерала Л. Дезе с одной из дивизий своего корпуса спас его от разгрома, а поражение превратил в победу. Или второй пример — с двухдневным сражением при Ваграме, где Наполеону лишь с большим трудом удалось вырвать победу у австрийского полководца эрцгерцога Карла. А в сражении при Асперне (Эсслинге) предводимая Наполеоном французская армия вообще потерпела неудачу и вынуждена была отступить. Какая же это «отсталость» противников Наполеона?

В-третьих, если говорить об «отсталости» и «слабости» противников Наполеона до войны 1812 года, то как же быть с русской армией? Ведь она тоже, наряду с австрийцами и пруссаками, терпела в те годы сокрушительные поражения от Наполеона. Например, в сражениях при Аустерлице, Фридланде и ряде других. Не может быть, что Жилин этого не знал. Скорее всего он об этих фактах сознательно умолчал, чтобы удобнее было обосновать заранее выведенную им схему. Так что же, согласно логике Жилина, русскую армию также следует причислять к «отсталым и слабым армиям феодальных монархий»? И как же в таком случае за каких-то пять-семь лет из «отсталой» и «слабой» она смогла превратиться в передовую? При том же самом общественно-политическом строе и экономическом укладе. Такого в военной практике того времени не было и быть не могло. Даже сейчас за такой срок слабую и отсталую армию превратить в передовую невозможно.

Таким образом, во всех поставленных выше вопросах у П.А. Жилина, на наш взгляд, все же не сходятся концы с концами. В своих попытках принизить полководческий талант Наполеона он умышленно пошел на искажение фактов. А факты — вещь упрямая. Они говорят о том, что на данном этапе своей военной карьеры Наполеон был лучшим полководцем своего времени. А что произошло потом (во второе десятилетие XIX в.) и в силу каких причин, об этом разговор особый.

В войне 1812 года против России стратегия Наполеона, действовавшая дотоле безотказно, сначала дала сбой, а затем и вообще пошла вразнос. В лице русских полководцев М.Б. Барклая-де-Толли и особенно сменившего его М.И. Кутузова он встре-

тил стратегов, которые не только не восприняли его стратегические принципы, но и выдвинули принципиально новую, в корне отличавшуюся от них систему ведения войны, с которой Наполеону до сих пор не приходилось встречаться. Такой неожиданный для него поворот событий уже в Витебске серьезно озадачил французского полководца, а в Москве поставил его в тупик, за которым злоеще вырисовывались контуры грядущей катастрофы.

Русские полководцы раньше Наполеона поняли, что обширность театра военных действий, огромные пространства России, несоизмеримые с западноевропейскими масштабами, неизбежно потребуют изменения форм и способов ведения войны. Исходя из этого, они пришли к выводу, что исход войны в целом вряд ли будет определяться результатами одного генерального сражения, что лежало в основе всех стратегических расчетов Наполеона. Было решено противопоставить противнику все многообразие форм борьбы, не связывая ее только с одним генеральным сражением как единственно возможным способом достижения победы в войне. Для того времени это была совершенно новая стратегическая концепция. Выдающийся полководец своего времени, Кутузов не признавал шаблонов в военном искусстве. Наполеоновской концепции решения судьбы войны в одном генеральном сражении он противопоставил свою — искать такое решение в совокупности целого ряда сражений, в широких маневренных действиях крупными массами войск на огромных просторах России, чтобы рассредоточить силы и внимание Наполеона сразу по нескольким операционным направлениям и тем самым лишить его подавляющего превосходства в силах на главном направлении. Однако стратегическая концепция Кутузова нашла понимание и поддержку далеко не у всех среди высшего военного руководства. Многие русские военачальники находились под сильным воздействием наполеоновской стратегии, одним из основополагающих принципов которой являлось генеральное сражение, которое считалось единственным и наиболее эффективным средством достижения победы в войне. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы доказать неприемлемость таких взглядов в сложившейся обстановке. Известно, что Кутузов решил на

генеральное сражение при Бородино вопреки своему желанию, лишь уступая силе обстоятельств, важнейшим из которых были настроения в армии и обществе. При этом он с самого начала рассматривал данное сражение как оборонительное.

Отечественная война 1812 года со всей очевидностью показала, что наполеоновская стратегия генерального сражения вступила в стадию кризиса. Основной стратегический просчет Наполеона в ходе этой войны заключался в недооценке им патриотизма, сил и возможностей русского народа, поднявшегося на борьбу за свою национальную независимость. Он предполагал вести войну только с армией, но встретил ожесточенное сопротивление всего народа. Он предполагал вести «правильную» войну, как на Западе, когда сражалась только армия, а народ не имел к этому никакого отношения, выступая лишь в роли созерцателя, но в России произошло все наоборот — на него обрушилась тяжкая «дубина народной войны». В результате уже вскоре после вторжения создалось такое положение, что, как образно говорится, сама земля стала гореть под ногами захватчиков.

Второй крупный просчет французского полководца состоял в переоценке им сил и возможностей своей армии. Он не придал должного значения такому важнейшему фактору, как качество войск, составлявших его «Великую армию». А над этим ему следовало бы серьезно задуматься, так как его армия образца 1812 года разительно отличалась от тех армий, которые он вел к победам на полях Западной Европы. Те армии в основном были национально однородными (французскими), на их знаменах когда-то были начертаны революционные лозунги «Свобода, Равенство и Братство», а многие солдаты и офицеры тех армий сохраняли еще в той или иной мере верность республиканским традициям и идейную убежденность в защите национальных интересов Франции. Вторгшаяся же в 1812 г. в Россию «Великая армия» была разноплеменной: французские войска составляли лишь половину ее состава, а остальная часть приходилась на иностранные воинские контингенты, собранные чуть ли не со всей монархической Европы. Входившие же в состав «Великой армии» французские войска уже мало общего имели со своими героическими предшественниками, сражавшимися за

республиканские идеалы — это были монархические войска, пропитанные духом эгоизма и меркантильности. Тех и других вела вперед не какая-то там идейная убежденность или вера в правоту своего дела, а сугубо примитивная жажда добычи. К тому же абсолютное большинство так называемых союзных войск участвовало в войне не по своей воле, а по приказу Наполеона, обложившего своих вассалов «налогом кровью». Поэтому морально-боевые качества таких войск оставляли желать лучшего. Столкнувшись с первыми же трудностями и невзгодами во время Русского похода, войска завоевателей, особенно «союзные», начали быстро разлагаться, а численность «Великой армии» стала стремительно сокращаться, прежде всего в результате массового дезертирства.

Третий стратегический просчет Наполеона заключался в том, что он недооценил всю сложность борьбы на обширном театре военных действий, не учел должным образом специфические особенности ведения боевых действий в подобных условиях.

Русская стратегия в войне 1812 года была чужда шаблона и консерватизма. Ее главная особенность состояла в том, что русское командование смело и энергично применяло новые формы и способы ведения войны, соответствовавшие конкретной военно-политической обстановке, сложившейся к тому времени. Стратегии пришлось решать совершенно новые задачи, с которыми русским полководцам в последнее столетие сталкиваться не приходилось. Они были несоизмеримо сложнее тех, что решались в войнах второй половины XVIII и начала XIX в. В Отечественной войне 1812 года главная стратегическая цель заключалась в отражении вражеского нашествия на Россию. При этом основные события развернулись в западных районах страны, где русской армии пришлось вести борьбу против сильного, уверенного в своих возможностях врага, располагавшего огромной, обладавшей большим боевым опытом и на первых порах хорошо обеспеченной всем необходимым армией. Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов явились прямым продолжением войны 1812 года. Стратегическая цель их заключалась в сокрушении военного могущества Наполеона в Западной Европе, освобождении народов западноевропейских стран от наполеоновского ига и присоединении их к общей

борьбе против агрессора. В последующем перед 6-й антифранцузской коалицией, образовавшейся в 1813 г., встала задача полного уничтожения империи Наполеона и его низвержения. При этом следует иметь в виду, что кампания 1813 года в Европе носила двойственный характер. Поражение Наполеона в России было встречено поработченными им западноевропейскими народами с огромной радостью и надеждой на скорое освобождение. Но поднявшись на национально-освободительную борьбу, они вскоре вынуждены были пойти на союз со своими монархами, которые умело использовали волну народного гнева в своих интересах. Опираясь на поддержку царского правительства России, они прикрыли свое стремление к восстановлению феодальных режимов в Европе лозунгами борьбы за свободу и независимость поработченных Наполеоном стран.

Что касается кампании 1814 года, то стратегия союзников в ходе ее не отличалась ни оригинальностью идей, не смелостью их исполнения. Союзники, обладая подавляющим превосходством в силах, вели борьбу на истощение. Главные исполнители их стратегических замыслов действовали робко и нерешительно. Они все еще боялись Наполеона, много раз выходившего победителем из, казалось бы, безвыходных положений. Немалую роль при этом играла и довольно двусмысленная политика Австрии, не желавшей полного разгрома Наполеона из-за своекорыстных политических расчетов (ведь Наполеон приходился зятем австрийскому императору, а родная дочь последнего Мария-Луиза являлась французской императрицей; сын же Наполеона и внук австрийского императора, носивший титул короля Римского, был наследником Наполеона). Но стоило только союзникам под давлением русского императора Александра I проявить немного решимости — и вся кампания закончилась полным поражением Наполеона. Кампания 1814 года продолжалась всего лишь три месяца.

В крайне неблагоприятных условиях первого периода войны 1812 года военно-политическое руководство страны нашло верные способы и средства для ликвидации имевшихся у противника преимуществ. Прежде всего оно включило в борьбу те силы, использование которых привело вскоре к крупному стратегическому выигрышу, а затем к достижению больших поли-

тических целей в войне. Это прежде всего увеличение численности армии за счет формирования новых частей, созыв народного ополчения, мобилизация военного производства для более полного удовлетворения нужд армии и ополчения, создания необходимых запасов вооружения, развертывания партизанской борьбы в тылу врага.

Возрастание сложности вооруженной борьбы, безусловно, предъявляло новые, повышенные требования к уровню стратегического руководства. Стратегия теперь должна была учитывать всю совокупность сложившейся обстановки, взвешивать все положительные и отрицательные ее стороны, всесторонне анализировать все факторы, оказывающие то или иное влияние на ход вооруженной борьбы, исходить из реальной оценки как своих сил, так и возможностей противника. Только всесторонний учет обстановки и глубокий ее анализ придавали стратегическим решениям обоснованный, отвечающий конкретно сложившимся условиям характер. Такие решения, как правило, отражали объективный учет реальных условий, в которых велась вооруженная борьба. Именно так действовал М.И. Кутузов, осуществлявший стратегическое руководство вооруженными силами России с 8 (20) августа 1812 г. «Я же по долгу своего положения, — говорил он, — подчиняюсь расчетам и обязан все хорошенько взвешивать»⁷. В зависимости от складывавшейся обстановки его действия были то осматрительными и осторожными или же, наоборот, смелыми и решительными.

В войнах того времени полководец не только осуществлял непосредственное руководство войсками, но в большинстве случаев выступал и как творец стратегических планов войны. Так, Кутузову, конечно, хорошо было известно, что победа в войне достигается только в результате решительных наступательных действий, в ходе которых осуществляется разгром армии противника. Но в то же время он отлично понимал и то, что далеко не всегда и не везде могут создаваться необходимые условия для перехода к наступательным действиям. В ходе войны обстановка может сложиться так, что реальных перспектив на успех наступления не окажется и тогда, взвесив основательно все «за» и «против», лучше не рисковать. Именно этим

обстоятельством опередались все его действия сразу же после вступления в должность главнокомандующего всеми русскими армиями.

Русская стратегия в войне 1812 года отличалась большой гибкостью — это одна из ее важнейших особенностей в борьбе с наполеоновской агрессией. В первый период войны русское командование, будучи поставлено в крайне неблагоприятные условия борьбы, было вынуждено перейти к стратегической обороне и начать отступление. Это дало повод некоторым военным теоретикам, особенно на Западе, оценивать русскую стратегию в данном периоде войны как пассивную. На самом же деле такая оценка основана на одностороннем подходе к существу проблемы, ибо на первый план выставляются лишь действия оборонительного характера, без учета причин их обусловивших и тех последствий, к которым они привели. Безусловно, оборонительные действия русской армии в Отечественной войне 1812 года занимали большое место и играли важную роль в общем ходе вооруженной борьбы, но не они являлись определяющими ее конечный результат. Все обвинения русской стратегии первого периода войны 1812 года в пассивности являются несостоятельными. В период стратегической обороны русская армия применяла не только вынужденный отход, но и осуществляла сложные маневры, а также вела упорные арьергардные бои, в ходе которых наносила противнику большой урон, существенно замедляла темпы его наступления, вынуждала вносить значительные коррективы в намеченные планы. Так о какой же пассивности может идти речь?!

В русском военном искусстве оборона никогда не рассматривалась как особая стратегическая цель, а всегда считалась лишь необходимым средством, которое давало возможность создать более благоприятные условия для дальнейшего ведения войны. В этом заключалась основная особенность стратегической обороны, применяемой русской армией. Как только были достигнуты цели, поставленные на период оборонительных действий, важнейшими из которых считались ослабление противника и создание условий для перехода в наступление, русская армия немедленно перешла от обороны к наступательным действиям. Завершив стратегическую оборону, предводимые М.И. Кутузо-

вым русские войска сразу же перешли в контрнаступление, приступив к изгнанию врага с русской земли.

Одной из важнейших особенностей русской стратегии в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 годов являлся ее ярко выраженный активный характер. Он проявлялся в том, что все действия войск, как в обороне, так и в наступлении, подчинялись достижению главной стратегической цели — разгрому армии противника, уничтожению его живой силы. Правильное понимание того, что только разгром вражеской армии обеспечит достижение полной победы, определяло все содержание русской стратегии в 1812–1814 гг. Опыт военных действий в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 годов полностью подтвердил это положение. Только в результате ряда сокрушительных ударов, нанесенных русской армией по врагу во втором периоде войны 1812 года, была достигнута полная и решительная победа над ним, завершено изгнание захватчиков из пределов России. В этой связи необходимо отметить одно из постоянных требований Кутузова, неустанно призывавшего свои войска довести «истребление врага до последней черты возможности»⁸.

Для достижения главной цели — полного уничтожения врага — русская стратегия исходила из реальных условий обстановки, решала эту задачу целеустремленно и последовательно. Как стратег, Кутузов полностью отдавал себе отчет в том, что при резко возросшей численности противостоящих армий, действующих на обширном театре военных действий, невозможно в одном генеральном сражении уничтожить армию противника. Решить эту задачу можно только путем более широкого применения различных форм и способов вооруженной борьбы. Среди них важнейшее место занимали оборона, наступление и контрнаступление, преследование противника, в том числе и параллельное, окружение его основных сил, смелый и решительный маневр, блокада, а также активные партизанские действия во вражеском тылу.

Особо важное место в войне 1812 года занимало контрнаступление. Основной предпосылкой этой наиболее активной и решительной формы борьбы, в результате применения которой были достигнуты выдающиеся результаты, являлась тщательная

подготовка, проведенная в крайне сжатые сроки и в условиях непрекращающейся борьбы с наступающим противником. Вся подготовка к контрнаступлению, несмотря на большие трудности и препятствия, вставшие перед Кутузовым и его штабом, была проведена за полтора месяца. Успешное решение этой сложной и многогранной проблемы — важнейшее достижение русской военной стратегии в Отечественной войне 1812 года. Переход русской армии в контрнаступление положил начало коренному перелому в ходе войны, завершившейся полным уничтожением наполеоновской армии. Такого размаха боевых действий и таких невиданных дотоле результатов западноевропейское военное искусство не знало. Боевые действия войск, сочетавшие в себе оборону с последующим переходом в контрнаступление, были известны в военной истории и раньше. Однако проведение контрнаступления в таком крупном стратегическом масштабе, как это имело место в войне 1812 года, стало в военном искусстве явлением совершенно новым. Наиболее важным и поучительным из вопросов, связанных с подготовкой контрнаступления, являлось успешное решение проблемы создания крупных резервов. Именно их наличие позволило русской армии начать контрнаступление и провести его в высоких темпах и на большую глубину, добиться в кратчайшие сроки крупных стратегических результатов.

По сравнению с прошлыми войнами в Отечественной войне 1812 года произошло резкое возрастание размаха боевых действий, особенно наступательных, а военное искусство обогатилось новыми формами наступления. Если в прошлом наступление велось, как правило, на оборонявшегося противника, то в войне 1812 года нередко стало проводиться наступление и против активно действовавшего противника. В боевой практике русских войск широкое применение нашло наступление по внешним операционным линиям. При этом русская армия дала поучительные примеры нанесения концентрических ударов, которые в новых условиях оказались более эффективной формой наступления⁹.

Стремление Наполеона действовать с началом войны 1812 года по внутренним операционным линиям и порознь разбить 1-ю и 2-ю русские Западные армии успеха не имело. В то же

время концентрическое наступление русских войск во втором периоде войны привело к окружению остатков наполеоновской армии на реке Березина и почти полному ее уничтожению. Еще больший размах концентрическое наступление получило в действиях русской армии в Европе в 1813 г. Наступление, начавшееся осенью 1813 г. на широком фронте, велось одновременно по трем направлениям и в нужный момент привело к сосредоточению всех армий в районе Лейпцига, где произошло решительное сражение («битва народов») с наполеоновской армией. Опыт боевых действий показал, что одновременное наступление по нескольким сходящимся направлениям позволяло значительно ускорить решение стратегических задач и в более короткие сроки добиться необходимых результатов.

В годы Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов 1813–1814 годов широко применялся маневр с целью создания более выгодных условий для своих войск. Уже с началом войны 1812 года неблагоприятно сложившаяся обстановка заставила русское командование, прежде чем вступить в решительную борьбу с противником, предпринять ряд сложных маневров. Особенно характерным это было для 2-й Западной армии Багратиона. Тарутинский марш-маневр, так искусно осуществленный Кутузовым, по своим масштабам и значению относится к категории стратегических. В результате его успешного проведения стратегическая обстановка на театре военных действий изменилась коренным образом: противник оказался в невыгодном положении, а русская армия получила возможность перейти к активным наступательным действиям.

Как известно, применение тех или иных форм и способов вооруженной борьбы определяется конкретно складывающейся обстановкой, объективно действующими закономерностями вооруженной борьбы. Заслуга полководца в том и состоит, что он умеет глубоко разобраться во всей совокупности военно-политической обстановки, правильно оценить все ее положительные и отрицательные стороны, принять всесторонне обоснованное, единственно верное в данных условиях стратегическое решение и настойчиво добиваться его проведения в жизнь. В этом отношении М.И. Кутузов, так же как и до него Барклай-де-Толли, вполне соответствовали своему

предназначению. Кутузов, например, умел отстаивать свою точку зрения, не боясь навлечь на себя царскую немилость. Весьма показательной в этом отношении является борьба, развернувшаяся вокруг плана разгрома наполеоновской армии. Когда Кутузов с армией находился в Тарутинском лагере, ему был представлен план дальнейших действий, разработанный в Петербурге военными советниками царя. Естественно, что данный план был завизирован Александром I и представлен от его имени. Согласно этому плану, петербургские придворные «стратеги» считали необходимым основные усилия сосредоточить на коммуникациях противника, используя для этой цели армию Чичагова и корпус Витгенштейна¹⁰. Главной армии Кутузова отводилась второстепенная роль — преследовать Наполеона, который, по мнению авторов плана, после появления в его тылу войск Чичагова и Витгенштейна непременно должен будет оставить Москву и начать отступление. Однако такой план являлся не более чем досужим домыслом новоявленных «стратегов». Он находился в противоречии с реально сложившейся обстановкой, приводил к распылению сил и не обеспечивал достижения поставленной цели. Кутузов тактично, но твердо выразил свое несогласие с этим планом и настоял на своем, сущность которого сводилась к тому, что основная роль в разгроме врага отводилась Главной армии, наносившей удар на Смоленск, а Чичагов и Витгенштейн должны были содействовать ей, угрожая флангам и тылу противника. Ход дальнейших событий подтвердил правильность взглядов Кутузова.

Примерно то же самое произошло в начале кампании 1813 года, когда Кутузов настоял на принятии своего плана, предусматривавшего нанесение главного удара в направлении Кенигсберг — Данциг. Замысел русского полководца заключался в том, чтобы в первую очередь разгромить наиболее крупную группировку противника, находившуюся в районе Кенигсберга, быстро выйти к реке Одер, заставить Пруссию отказаться от союза с Наполеоном и ускорить ее присоединение к антифранцузской коалиции. Все это позволило русской армии сохранить инициативу в преддверии борьбы с выдвигавшейся на реку Эльба вновь сформированной наполеоновской армией.

При решении стратегических проблем одно из центральных мест занимала проблема выбора направления главного удара и близко прилегающая к ней другая, не менее важная — сосредоточение на главном направлении основных усилий. Выбор направления главного удара в стратегии всегда играл определяющую роль. От того, насколько правильно было избрано это направление, в решающей степени зависел исход не только операции, а нередко и кампании в целом. В войнах того времени, когда сплошные фронты отсутствовали, выбор направления главного удара обычно сводился к определению операционной линии, на которой необходимо было сосредоточить основные усилия, а это в период перехода русской армии к активным наступательным действиям приобретало исключительно важное значение. Блестяще проведенное Кутузовым контрнаступление дало правильный ответ на вопрос об искусстве выбора направления главного удара при решении сложнейших стратегических задач. Оно также показало, что русский полководец в совершенстве владел самыми сложными для того времени формами стратегических действий.

В тесной связи с выбором направления главного удара находилась проблема сосредоточения основных усилий на избранном направлении. Отвергнув устаревшую кордонную систему, русская стратегия преследовала цель сосредоточения основных сил на том направлении, где обеспечивалось наиболее быстрое достижение общей стратегической цели. Но при постоянном недостатке сил и средств, с которыми русской армии пришлось вести борьбу с противником, решение этой проблемы было сопряжено с серьезными трудностями. Тем не менее опыт Отечественной войны 1812 года и боевых действий русской армии в Европе в 1813–1814 гг. дает яркие примеры успешного решения этой проблемы. Так, сразу же после вступления в должность главнокомандующего Кутузов поставил своей основной задачей сосредоточение всех возможных сил к Москве и объединение усилий в борьбе с главной группировкой противника всех имеющихся в наличии сил. Правда, решить эту проблему ему удалось не сразу. Тот же принцип последовательно осуществлялся русской армией во время Заграничных походов 1813–1814 годов. Символично, но последним распоряжением

Кутузова, которое он отдал своим генералам, было требование как можно быстрее сосредоточить войска на реке Эльба, где назревали решающие события¹¹.

Проблемой исключительной важности в период Отечественной войны 1812 года и особенно Заграничных походов 1813–1814 годов являлось стратегическое взаимодействие. Согласование действий войск по задачам, месту и времени, ведущих боевые действия на различных направлениях, наталкивалось в то время на чрезвычайно большие трудности. Основными из них являлись: очень ограниченные возможности быстрого перемещения войск и примитивные средства связи, не позволявшие непрерывно и быстро осуществлять управление войсками. Нельзя сбрасывать со счетов и такой важный момент, как отсутствие полной власти в руках главнокомандующего. При решении принципиальных стратегических вопросов последнее слово всегда оставалось за царем, его мнение было определяющим. И все же, несмотря на усложнявшие дело обстоятельства, боевая практика 1812–1814 гг. дала примеры согласованных действий армейских объединений, действующих на широком фронте и на большом удалении друг от друга. Так, в 1812 г. главнокомандующий и Главный штаб русской армии осуществляли руководство четырьмя, а после объединения — двумя армиями и отдельным корпусом (являвшимся, по существу, тоже армией), ополчением и многочисленными партизанскими отрядами. Наиболее показательным примером организации и поддержания взаимодействия между армейскими объединениями, действовавшими по единому плану, является операция на реке Березина, в результате которой было осуществлено стратегическое окружение остатков наполеоновской армии. Нечто подобное имело место и во время Заграничных походов 1813–1814 годов, когда союзные армии провели успешную операцию, завершившуюся также стратегическим окружением армии Наполеона и «битвой народов» под Лейпцигом, в которой Наполеон потерпел сокрушительное поражение и вынужден был оставить Германию. Рассматривая вопросы стратегического взаимодействия в 1812–1814 гг., необходимо иметь в виду, что таковое в то время только еще зарождалось. Основными формами координации действий войск тогда были рас-

поряжения и приказы главнокомандующего и его штаба, информация и донесения, поступающие как от подчиненных инстанций в Главный штаб армии, так и от него к подчиненным. В этих документах обычно довольно подробно сообщалось о положении и состоянии войск противника, действиях и местонахождении своих войск, их ближайших задачах и другие сведения, а также указывался порядок взаимодействия при решении общих задач с другими войсками.

В ходе контрнаступления и преследования отступающего противника, согласовывая действия войск Главной армии, 3-й Западной армии, корпуса Витгенштейна и партизанских отрядов, Кутузов лично и через свой штаб каждому военачальнику ставил конкретную задачу. В 1813 г., в период широко развернувшегося наступления за границу, когда боевые действия велись сразу на нескольких далеко отстоящих один от другого направлениях, вопросы взаимодействия приобрели еще большее значение, чем в 1812 г. Тем более что у русской армии появились союзники. Сначала это были прусские войска, затем к ним добавились шведы и австрийцы, а также войска ряда других, более мелких европейских государств. В этих условиях военная стратегия приобрела уже коалиционный характер. В связи с этим перед военно-политическим руководством 6-й антифранцузской коалиции встал целый ряд новых задач, требующих неотложного решения. Основными из них являлись: определение целей, задач и характера коалиционной войны; способов ее подготовки и ведения; создание коалиционных вооруженных сил; выработка форм и способов управления вооруженными силами коалиции и организация взаимодействия между ними; организация обеспечения всем необходимым для ведения военных действий вооруженных сил коалиции; использование их для решения стратегических задач и ряд других задач. На большом пространстве действовало несколько крупных группировок войск¹², выделявших от себя значительное число отдельных отрядов, в том числе и партизанских, которые вели боевые действия, как правило, на большом удалении от основных сил. В этих условиях координация действий войск представляла большие трудности. Тем не менее их необходимо было преодолевать, ибо главнокомандующий и его штаб должны были

быть постоянно в курсе всех событий, происходящих на театре военных действий, своевременно информировать войска о складывающейся обстановке и направлять их усилия в соответствии с общим стратегическим планом союзного командования. С этой целью в качестве основного документа, в котором определялись задачи войск по цели, месту и времени, являлась введенная Кутузовым еще с началом кампании 1813 года «Таблица движения армий». В этом документе, рассылавшемся в штабы подчиненных армий, на каждый день указывались задачи, направления движения войск и характер их взаимодействия с соседями¹³.

В целом же по сравнению с прошлыми войнами управление войсками в ходе Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов получило значительное развитие. Особенно заметно возросла роль штабов как органов управления. И наконец, необходимо отметить, что многие передовые русские военачальники и особенно М.И. Кутузов при решении вопросов стратегического масштаба придавали огромное значение моральному фактору. Они прекрасно понимали, что человеческий фактор, состояние и боевой дух войск играют первостепенную роль при решении любых задач, стоящих перед ними. Во время Отечественной войны 1812 года одним из важнейших стимулов создания и поддержания в войсках высокого морально-боевого духа являлось осознание ими священной миссии разгрома врага и освобождения своего Отечества от нашествия иноземных захватчиков. В ходе Заграничных походов русские войска несли на своих знаменах свободу и независимость поработенным Наполеоном народам Европы. После вступления их на территорию Германии Кутузов обратился с воззванием к немецкому народу, в котором сказал, что его войска «шествуют преисполнены упования... исполнить и для целого света, а наипаче и для Германии то, что они совершили уже столь благоуспешно для своего Отечества, освобождая оное от постыдного ига...» Русский полководец призывал всех, кто считает себя «достойными названия германцев», соединиться с русской армией во имя освобождения Германии от чужеземного ига¹⁴. Продвигаясь по территории Германии все дальше на запад, русские войска повсюду встречали восторженный при-

ем со стороны немецкого населения, которое считало их своими освободителями¹⁵. При вступлении русских войск в Берлин «каждый воин был облобызан толпящимися тысячами народа»¹⁶. «Цивилизованные» европейцы быстро смекнули, что катастрофа, постигшая «Великую армию» Наполеона в России (кстати, самый многочисленный «союзный» воинский контингент в ее составе был немецким), — это начало конца наполеоновского владычества в Европе, и через некоторое время, немного выждав и обстоятельно взвесив все плюсы и минусы, поднялись против того, перед кем только что в страхе трепетали. Но тем не менее следует иметь в виду, что все это произошло не сразу. Даже Пруссия, более других пострадавшая от наполеоновского диктата, только через два месяца осмелилась подняться против Наполеона, не говоря уже о других европейских государствах. На первых порах в борьбе с наполеоновскими войсками принял участие лишь Немецкий легион (свыше 4 тыс. человек), сформированный в 1812 г. в России из эмигрантов и военнопленных, не пожелавших служить под знаменами Наполеона и перешедших на сторону русских. Поэтому основная тяжесть борьбы с Наполеоном в Европе легла на плечи русской армии. А борьба эта была исключительно тяжелой и кровавой. Враг, несмотря на поражение в России, был еще достаточно силен и прекращать борьбу не собирался. Без русской армии европейцам вряд ли удалось бы справиться с Наполеоном. Да они, пожалуй, и не решились бы самостоятельно выступить против него. В их памяти слишком свежи были горькие воспоминания о тех беспощадных разгромах, которые им в недалеком прошлом пришлось испытать от французского полководца.

Кутузов, как никто до него, глубоко осмыслил и практически решил сложнейшую задачу, суть которой состояла в том, чтобы правильно определить соотношение между стратегией и тактикой. Он умело определял главную цель на том или ином этапе войны и, верно оценивая обстановку, в интересах достижения этой цели подчинял тактику стратегии. Он жертвовал частным во имя главного, как бы ни велико было это частное. Русский полководец умел видеть далеко вперед и тем самым оказывал решающее влияние на ход войны. Именно дальновидная стратегия русского командования одержала верх над воен-

ным искусством такого признанного стратега, каким являлся Наполеон. В противовес устаревшей операционной линии, которой все еще придерживался французский полководец, Кутузов выдвинул концепцию операционного направления, регулируя при этом движение наступающих войск по времени и рубежам. По-новому он разрешил вопрос об использовании родов войск как на поле боя, так и на театре военных действий (например, конницы в ходе контрнаступления). Громадное значение у него приобрел резерв. Принципиально иное решение нашел вопрос о сочетании действий регулярных войск и партизан. Русский полководец нашел правильное решение и в вопросе видов боевых действий — наступления и обороны. Его оборона носила активный характер, она являлась не самоцелью, а средством накопления сил и создания благоприятных условий для перехода в решительное наступление. Для Кутузова (так же, как и для Баркляя-де-Толли) отход являлся не просто отступлением, а одной из форм борьбы, которая обеспечивала возможность для последующего перехода в наступление. И наконец, русские полководцы придавали огромное значение моральному и экономическому факторам. Искусное и всестороннее использование их в ходе войны во многом предопределило достижение успеха.

Таким образом, война с наполеоновской агрессией внесла серьезные изменения в формы и способы вооруженной борьбы, в теорию и практику русского военного искусства, в том числе в ее высшую область — стратегию.

Тактика

В русском военном искусстве роль и задачи тактики трактовались совершенно по-иному, чем на Западе. Там задачи стратегии и тактики строго разграничивались и регламентировались. Западноевропейские военные теоретики считали, что роль стратегии сводится лишь к тому, чтобы создать благоприятные условия для сосредоточения войск к месту решающего столкновения с противником. После этого все дело должна была решать тактика. Именно от тактического мастерства полководца, как считали военные авторитеты на Западе, зависел не только ис-

ход генерального сражения, но и всей кампании, а то даже и войны в целом. Военная теория того времени учила: генеральное сражение — это венец тактики, ее последнее слово, завершающий аккорд. Поэтому и во французской армии функции тактики не выходили за рамки генерального сражения. Последнее же, как известно, происходило в ограниченное время и на ограниченном участке местности.

Совершенно иную роль и значение отводило тактике русское военное искусство. Исходя из основного положения о том, что победа в войне достигается не одним генеральным сражением, а целым комплексом боев и сражений различного масштаба, роль тактики неизмеримо возрастала, а ее рамки значительно расширялись. Тактические способы борьбы становились активнее и разнообразнее. Особенно важную роль тактика выполняла в периоды невыгодно складывавшейся обстановки на театре военных действий, как это случилось, например, в первый период Отечественной войны 1812 года. Сразу же с началом этой войны русские войска оказались в очень тяжелом положении. Разобщенные противником 1-я и 2-я Западные армии были вынуждены отходить вглубь страны. В этот период тактика вынесла на себе основную тяжесть борьбы с многократно превосходящими силами противника. Упорные, ожесточенные арьергардные бои у Вилькомира, Мира, Романова, Салтановки, под Островно и другие не только задерживали наступление врага, срывая его планы, но и изрядно изматывали, обескровливали его. В результате тактика первого периода Отечественной войны 1812 года обеспечила русской армии решение крупной стратегической задачи — успешное соединение 1-й и 2-й Западных армий под Смоленском. И как ни стремился Наполеон разбить каждую из этих армий порознь, добиться этого ему так и не удалось. Навязывая противнику арьергардные бои, устраивая на путях его движения засады, нанося внезапные удары во фланг и тыл, широко применяя маневр и другие активные формы и методы борьбы, русские войска постоянно разрушали замыслы Наполеона, раз за разом срывали его планы. Французский император был вне себя от ярости. Казалось бы, все делалось так, как и в годы его блистательных побед на Западе, а в результате ничего не получалось. Разгромить

русскую армию, навязав ей генеральное сражение в западных районах страны, ему так и не удалось. Она каждый раз, словно уж, молниеносным рывком ускользала из поставленной им хитроумной ловушки и уходила все дальше и дальше на восток, вглубь страны, увлекая за собой его стремительно тающее разноплеменное войско. Перед мрачным взором завоевателя все явственнее вырисовывались зловещие контуры «скифской войны» (его определение), в которой, и он это отлично понимал, шансы на успех были довольно призрачны.

В русском военном искусстве тактика как таковая никогда не рассматривалась изолированно от стратегии, а всегда в тесной взаимосвязи с ней. Перед войсками ставились такие тактические задачи, которые исходили из их реальных возможностей и общей стратегической обстановки. Иногда в интересах достижения конечной цели допускалась временная потеря территории, как это имело место в первый период Отечественной войны 1812 года. При решении вопроса о целесообразности сражения русское командование исходило не только из тактических соображений, но и из стратегических расчетов. При этом во главу угла ставился учет тех последствий, к которым могло привести данное сражение. Например, отказавшись от сражения при Царево-Займище, а затем под стенами Москвы (после Бородино), Кутузов исходил именно из этих соображений. Рассматривая тактические действия в непосредственной связи со стратегическими целями, он подчинял тактику интересам стратегии.

Одной из наиболее важных особенностей тактики русской армии в рассматриваемый период являлся ее активный характер. Вне зависимости от вида боевых действий перед войсками всегда ставилась решительная цель — нанести максимальное поражение противнику. Главная цель наступательного боя заключалась в разгроме противника. После достижения этой цели на первый план выдвигалась задача реализации достигнутой победы. Преследование разгромленного противника рассматривалось как обязательный, завершающий этап боя. Но были и исключения из этого правила. Так, после разгрома авангарда французской армии при Тарутино Кутузов отказался от преследования противника, чтобы довершить его уничтожение. Здесь

он в очередной раз подчинил свои тактические действия стратегическим соображениям. Вопрос заключался в том, что в случае перехода к преследованию русская армия отвлекалась бы на решение второстепенной задачи, тогда как основная ее задача состояла в парировании возможных наступательных действий Наполеона, находившегося с главными силами в Москве. Кроме того, в ходе преследования вражеского авангарда русская армия подвергалась реальной опасности выхода Наполеона с главными силами своей армии ей во фланг и тыл. Идти на такой риск, несмотря на настойчивые требования ряда влиятельных военачальников своей армии организовать преследование разбитого противника, Кутузов счел нецелесообразным.

После сражения при Малоярославце русская армия перешла к преследованию начавшего отступление Наполеона. Оно велось неотступно и на большую глубину в сочетании с нанесением систематических ударов по отступающему противнику. По размаху и активности это преследование не имело себе равных в военной истории. Результатом его явилось полное уничтожение вражеской армии.

Во время Отечественной войны 1812 года в русской армии завершился процесс окончательного утверждения новой для того времени тактики колонн и рассыпного строя. Под ней понималась теория и практика ведения боя (сражения), основанная на применении боевых порядков, предусматривавших сочетание колонн (чаще всего батальонных) линейной пехоты с рассыпным строем стрелков (егерей), поддерживаемых артиллерией и конницей. Эта тактика зародилась в русской армии еще в годы Семилетней войны 1756–1763 гг. Постепенное становление ее происходило в ходе войн, которые Россия вела в последней трети XVIII в. Главную роль в разработке и внедрении в практику основных принципов этой тактики сыграли выдающиеся русские полководцы П.А. Румянцев и А.В. Суворов. Всесторонний учет высоких морально-боевых качеств русских войск, сильных и слабых сторон ружейного и артиллерийского огня позволили им прийти к выводу, что эффективность огня противника может быть сведена к минимуму активным и непрерывным воздействием на него отрядов легкой пехоты (егерей), действующих в рассыпных строях, а также быстрым и решительным преодолением зоны ог-

невого поражения пехотой, построенной в колонны. Штыковой удар сомкнутых в колонны масс пехоты, которому Суворов придавал решающее значение, имел целью прежде всего уничтожение противника, а не только вытеснение его с определенного участка местности, как это практиковалось при действиях по принципам линейной тактики, господствовавшей на полях сражений в XVIII столетии. Вместе с тем действия в рассыпном строю значительной части пехоты требовали тесного взаимодействия всех составных частей боевого порядка и искусного тактического маневра на поле боя в целях быстрого сосредоточения в нужный момент основных сил на решающем направлении. В соответствии с требованиями новой тактики пехота стала делиться на линейную, предназначенную для действий в колоннах, и легкую (егеря), действовавшую в рассыпных строях¹⁷. Основу боевого порядка составляла линейная пехота, которая обычно строилась в центре в две-три линии батальонных колонн. Интервалы между колоннами составляли 150–200 м, а линии располагались одна от другой на дистанциях 200–300 м. В каждом корпусе обе пехотные дивизии обычно располагались в одну линию, пехотные полки строились в две-три линии батальонных колонн. На флангах и за главными силами размещалась конница. В последнем случае она обычно выстраивалась в 200–300 м позади пехоты и имела боевой порядок в две линии развернутых эскадронов, что давало ей возможность без каких-либо дополнительных перестроений сразу же переходить в атаку. При построении конницы на флангах главных сил интервалы между нею и пехотой также не превышали 200–300 м. Полковая артиллерия находилась в промежутках между колоннами пехоты, а полевая — на флангах и впереди главных сил. В нескольких сотнях метров впереди главных сил в рассыпном строю действовала легкая пехота. Она выполняла вспомогательную роль, прикрывая главные силы в период завязки боя (сражения), выводила огнем из строя командный состав и артиллерийскую прислугу противника. Кроме того, она имела задачу совместно с артиллерией еще до вступления в бой главных сил расстроить огнем боевой порядок противника и создать благоприятные условия для атаки линейной пехоты. В случае неудачного исхода боя легкая пехота обеспечивала отход главных сил.

Важнейшим элементом боевого порядка являлся резерв, располагавшийся в 600–800 м за главными силами. Его наличие придавало боевому порядку определенную глубину, позволяло осуществлять маневр на поле боя и своевременно наращивать усилия из глубины или парировать внезапный удар противника.

Войска, построенные в колонны, обладали большой ударной силой. В отличие от линейного боевого порядка они могли действовать на любой местности, вести маневренные действия и преследовать противника. Тактика колонн и рассыпного строя позволяла распределять силы по фронту неравномерно, сосредоточивая их на наиболее важных участках. Исход боя (сражения), как правило, решался штыковым ударом главных сил пехоты, действующих в колоннах. Этот удар подготавливался ружейным огнем легкой пехоты и артиллерией, а поддерживался и развивался конницей. Тактика колонн и рассыпного строя была ударной. При ее применении в действиях войск сочетались огонь, маневр и удар. Бой (сражение) теперь приобрели более активный и решительный характер. Появилась возможность проявления инициативы со стороны отдельных начальников, частей и подразделений, которая при линейной тактике была крайне ограничена. В целом же новая тактика имела много преимуществ перед предшествовавшей ей линейной тактикой, но ей были присущи и серьезные недостатки. Основными из них являлись: большие потери от огня противника при плотных и глубоких построениях боевых порядков войск и невозможность одновременного сочетания огня и удара, поскольку артиллерия только подготавливала атаку пехоты, но поддерживать ее в ходе боя не могла.

Французская армия также действовала по принципам тактики колонн и рассыпного строя. Эта тактика зародилась во Франции в годы Революционных войн конца XVIII в. и окончательно утвердилась в ходе Наполеоновских войн. Классическим образцом применения обеими сторонами тактики колонн и рассыпного строя является Бородинское сражение 1812 года.

Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов принцип сосредоточения основных сил на решающем участке боя (сражения) получил дальнейшее развитие. При ведении

боевых действий широко использовался маневр. Он применялся как в наступлении, так и в обороне с целью поставить свои войска в более выгодное положение по отношению к противнику для нанесения по нему решающего удара или же для отражения его атак. Большое значение придавалось резерву. Его наличие позволяло своевременно усиливать войска на наиболее важных или угрожаемых участках, восстанавливать утраченное положение в обороне и развивать успех в наступлении, закреплять выгодные в тактическом отношении рубежи, отражать внезапные удары противника и вести преследование. В крупных сражениях резерв, как правило, состоял из всех родов войск и подразделялся на общий (армейский) и частные (в соединениях). Он являлся в руках командующего (командиров) эффективным средством, позволяющим им своевременно влиять на ход боя или сражения. Поэтому основным требованием, которым руководствовались военачальники всех рангов, являлось расчетливое использование резерва. Наличие резерва позволяло увеличить глубину боевого порядка и, следовательно, повысить его устойчивость.

Решающее значение придавалось огневому бою. Легкая пехота обычно вела прицельный огонь, а линейная — в большинстве случаев применяла залповый (батальный) огонь. Но убойная дальность ружейного огня в то время была невелика (до 150 м), артиллерийского (в зависимости от системы орудия и калибра) — 1–2 км при скорострельности один выстрел в минуту. Огонь являлся основным средством поражения противника и дополнялся штыковым ударом. При отражении атак противника и переходе в атаку непременным условием считалось довести дело до штыкового удара.

Большая роль на полях сражений отводилась кавалерии. Она являлась основным и единственным подвижным родом войск в русской армии. Кавалерийские части и соединения использовались для отражения атак противника, нанесения внезапных ударов, ведения преследования. В зависимости от обстановки кавалерия применялась как во взаимодействии с пехотой, так и самостоятельно. Как подвижная сила армии она хорошо проявила себя в Отечественной войне 1812 года и в ходе Заграничных походов 1813–1814 годов. Неотступно преследуя

противника в 1812 г., она выходила на пути его отхода, навязывала ему бои и наносила тяжелые потери, уничтожала отдельные части, гарнизоны, артиллерийские парки, обозы. Самостоятельно или во взаимодействии с партизанскими отрядами кавалерийские части и соединения успешно вели боевые действия в отрыве от главных сил армии. Такое использование конницы в рассматриваемый период было новым шагом в практике ее боевого применения. В ходе преследования противника во втором периоде Отечественной войны 1812 года кавалерия (в том числе и конные партизанские отряды) была той ударной силой русской армии, которая наносила наибольший урон противнику. Так, только казачья конница, возглавляемая атаманом Платовым, уничтожила за это время свыше 18 тыс. солдат и офицеров противника и взяла в плен более 40 тыс. человек, в том числе 10 генералов. Кроме того, казаки захватили 364 артиллерийских орудия и 115 знамен¹⁸. Это несравнимо больше, чем наполеоновская армия потеряла в Бородинском сражении. Недаром одно только слово «Казаки!» наводило в 1812 г. панический ужас на оккупантов.

Высокой активностью отличались действия конницы и в ходе Заграничных походов 1813–1814 годов. Многочисленные конные отряды, действовавшие на коммуникациях противника, громили его тылы, нарушали снабжение и управление, сеяли панику и разброд в стане врага. Их дерзкие рейды в глубоком тылу противника часто заставляли его снимать значительные силы с фронта и вносить существенные коррективы в свои планы, а иногда и отказываться от них.

Исключительно важная роль в бою (сражении) отводилась артиллерии. В наступлении она подготавливала атаку пехоты, поражала артиллерию и живую силу противника, участвовала в его преследовании (преимущественно конная артиллерия). В обороне артиллерия отражала атаки противника, выводила из строя его артиллерию, обеспечивала удержание занимаемых позиций, подготавливала контратаки своих войск. На наиболее важных участках боя (сражения) артиллерия нередко применялась массированно. Хорошо известна высокая оценка, которую Кутузов дал артиллерии за ее действия в Бородинском сражении: «Артиллерия наша, нанося ужасный вред неприятелю цель-

ными выстрелами своими, принудила неприятельские батареи замолчать, после чего вся неприятельская пехота и кавалерия отступили», — писал он в своем донесении царю о Бородинском сражении¹⁹. Столь же доблестно русская артиллерия действовала в многочисленных сражениях, которые велись в 1813–1814 гг. на полях Европы. Во многих из них она вела боевые действия совместно с артиллерией союзных армий.

Ответственные задачи выполняли инженерные войска. Нередко им приходилось действовать в исключительно сложных условиях (огневое воздействие противника, ограниченное время на выполнение работ, недостаток необходимых материалов и т.п.), но свои задачи они исполняли, как правило, в установленный срок и с высоким качеством. Так, только в ходе контр-наступления и общего наступления русской армии в 1812 г. ими было построено более 180 мостов и переправ, исправлено и проложено заново около 1500 км дорог²⁰. Важное место в боевой деятельности инженерных войск занимала полевая фортификация. Инженерные дерево-земляные укрепления (флеши, редуты, люнеты) усиливали устойчивость обороны и уменьшали потери от огня противника. Они обычно приспособлялись для круговой обороны. В ряде случаев между редутами практиковалось устройство траншей, в которых размещались егеря. В бою (сражении) инженерные укрепления часто становились основными опорными пунктами обороняющейся стороны, вокруг которых разворачивалась основная борьба. Например, в Бородинском сражении таковыми стали Шевардинский редут, Семеновские флеши и Курганная батарея. Полевые инженерные укрепления по простоте своих конструкций, быстроте возведения и эффективности защиты войск от артиллерийского и особенно от ружейного огня противника являлись серьезным вкладом в теорию и практику полевой фортификации.

С переходом к тактике колонн и рассыпного строя резко возросла роль взаимодействия в бою (сражении). Бой и сражение строились на тесном взаимодействии всех трех родов войск — пехоты, артиллерии и кавалерии. Только при их согласованных действиях достигались хорошие результаты.

При решении тактических задач всегда учитывалась местность. Она влияла не только на группировку войск и построение

ние боевого порядка, но и организацию взаимодействия, поддержание его в ходе боя (сражения), а также на возможность проведения маневра имеющимися силами и средствами. В обороне предусматривалась возможность инженерного усиления местности путем возведения полевых инженерных укреплений. Они оборудовались обычно на наиболее важных в тактическом отношении участках предстоящего боя или сражения, а также для прикрытия особо уязвимых с точки зрения обороны направлений и флангов.

Большое значение в русской армии придавалось разведке. Ее организация, непрерывное ведение и своевременное получение данных о состоянии, численности и намерениях противника, местности, наличии тех или иных препятствий на путях выдвижения войск постоянно находились в поле зрения главнокомандующего, его штаба, командиров соединений. В Отечественной войне 1812 года разведка получила большой размах и велась весьма успешно. К примеру, накануне Бородинского сражения Главный штаб русской армии располагал довольно подробными данными о противнике: его составе и численности, состоянии войск и ближайших намерениях. Перед самым сражением было также установлено и точное расположение войск противника. В результате русское командование получило возможность с должной эффективностью провести все необходимые мероприятия по подготовке к сражению, в том числе произвести перегруппировку войск с целью усиления центра и левого фланга, принять меры по наиболее рациональному использованию имеющихся сил и средств. Еще большее значение приобрела разведка во время пребывания русской армии в Тарутинском лагере. Созданные армейские партизанские отряды, высылаемые от войск многочисленные конные разъезды и разведывательные отряды (группы, партии), а также крестьянские партизанские отряды чуть ли не каждый день доставляли в Главный штаб армии пленных, разведывательные сведения о состоянии наполеоновской армии, ее передвижениях, подходе к ней резервов и т.п. Благодаря этому русское командование было в курсе всех событий, происходящих на театре военных действий. Оно своевременно получило точные данные о выходе главных сил наполеоновской армии из Москвы,

ее повороте на Новую Калужскую дорогу и намерении Наполеона прорваться на Калугу. Именно наличие этих данных предопределило характер решительных действий русской армии. Выйдя из Тарутинского лагеря, она совершила стремительный переход к Малоярославцу, где преградила врагу путь на Калугу, сорвав его план отступления через южные, не затронутые войной и не разоренные районы.

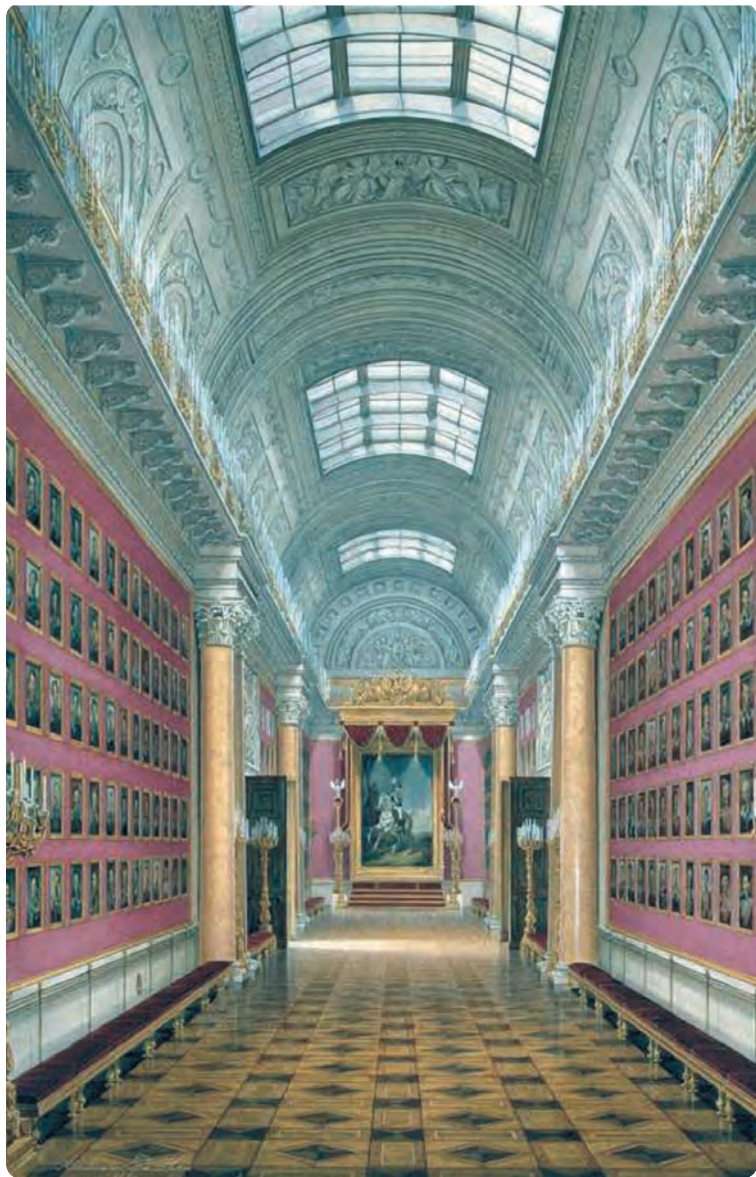
В еще более крупных масштабах разведка велась во время Заграничных походов, когда русской армии пришлось вести боевые действия на чужой территории. В этот период наряду с разведкой противника большое значение придавалось разведке местности. Особо важную роль в решении этих задач играли многочисленные конные отряды, действовавшие далеко впереди главных сил. Важные разведывательные сведения к русским военачальникам поступали также и от союзников.

Во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов много нового было внесено в вопросы управления войсками. Те методы управления, которые применялись раньше, теперь уже не годились. В XVIII в. и в первые годы XIX в. войны велись сравнительно небольшими армиями, на ограниченных театрах военных действий (ТВД), и полководцы в большинстве случаев имели возможность лично видеть все поле боя (сражения) и самостоятельно осуществлять управление войсками. Имевшиеся в их распоряжении небольшие группы офицеров (адъютанты и квартирмейстеры) никакого участия в выработке и принятии главнокомандующим решения не принимали, а использовались главным образом для реализации уже принятого решения. Однако в связи с резким увеличением численности армий, расширением ТВД, появлением многоступенчатой организации войск и усложнением условий борьбы появляется необходимость в специальном органе, который занимался бы подготовкой данных для принятия решения военачальником, планирования боевых действий, оформления, анализа и обобщения поступающих к главнокомандующему (командиру) донесений и различных сведений. Таким органом стал штаб. В соответствии с разработанным еще до войны 1812 года «Учреждением для управления Большой действующей армией» у главнокомандующего для управления войска-

ми имелись Главный штаб, включающий управление дежурного генерала, отдел генерал-квартирмейстера и несколько других подразделений. Штабы имелись также в армиях и корпусах, а в дивизиях — квартирмейстерские отделы. Свои управления для руководства соответствующими службами и войсками имели начальник артиллерии, начальник инженеров и главный интендант, подчинявшиеся непосредственно главнокомандующему. В обязанности штаба и его квартирмейстерской части входили: организация разведки, анализ и обобщение поступавших в штаб данных, в том числе и разведывательных, рекогносцировка местности и выбор позиции для боя (сражения), изготовление крок местности, составление карт, подготовка диспозиций для сражений и переходов, разработка приказов, приказаний, распоряжений и различного рода указаний главнокомандующего (командующего), в том числе мест войскам в боевом порядке, доведение приказов и распоряжений до исполнителей и ряд других обязанностей. После сражения штаб собирал и суммировал сведения о потерях, понесенных войсками, и готовил для главнокомандующего доклад (справку) о численности оставшихся в его распоряжении войск и вооружения. На штаб также возлагалась обязанность составления описания боевых действий. Таким образом, в изменившихся условиях вооруженной борьбы функции штаба значительно возросли. Он прочно занял место основного органа, на который полководец (военачальник) всецело опирался в своей практической деятельности и прежде всего в вопросах управления войсками.

Таким образом, в области тактики в Отечественную войну 1812 года и в годы Заграничных походов произошли большие изменения: окончательно закрепился передовой для того времени способ ведения боя — тактика колонн в сочетании с рассыпным строем стрелков, повысилась роль прицельного огня артиллерии, возросло значение поддержания непрерывного взаимодействия между различными родами войск в бою (сражении), завершилось окончательное оформление организационной структуры войсковых соединений — бригад, дивизий и корпусов, которые стали постоянными.

Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов явились крупным этапом в раз-

Военная галерея Зимнего дворца. Художник Э. Гау. 1862 г.

витии русского военного искусства. Из их богатейшего опыта большое теоретическое и практическое значение приобрели вопросы планирования войны и отдельных сражений, выбор направления главного удара на театре военных действий и сосредоточения на этом направлении основных усилий, вопросы организации и ведения как войсковой, так и стратегической разведки, взаимодействия (в том числе в рамках коалиции) и управления войсками, особенно оперативными объединениями. Выдающиеся достижения в области военного искусства, проявившиеся в ходе Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов, выдвинули в качестве неотложной задачи всестороннее и глубокое исследование и широкое обобщение опыта этих войн. Необходимость такого подхода диктовалась прежде всего практическими соображениями, связанными с дальнейшими усовершенствованиями в военном деле.

Разгром армии Наполеона в России имел огромное международное значение. Он коренным образом изменил всю политическую обстановку в Европе, способствовал резкому усилению национально-освободительного движения ее народов против наполеоновской тирании. Гибель в русских снегах огромной «Великой армии», собранной Наполеоном практически со всей Европы, послужила сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе. Уничтожив наполеоновскую армию, русский народ подорвал основы могущества Наполеона, что предопределило его окончательный крах. Победа русского народа в Отечественной войне 1812 года, а затем за рубежами своей Родины предрешила гибель наполеоновского владычества не только в странах поработанной Наполеоном Европы, но и в самой Франции, привела в конечном итоге к крушению империи Наполеона. После этого победители Наполеона перекроили политическую карту Европы самым кардинальным образом. Естественно, державы-победительницы позаботились прежде всего о собственных интересах. Пострадала больше всех Франция. В соответствии с условиями 1-го Парижского мирного договора (30 мая 1814 г.) она лишилась всех своих завоеваний времен Республики и Империи и была водворена в границы 1792 года, то есть в границы, которые существовали до на-

чала Революционных войн. «Горе побежденным!» — говорили еще римляне. Истину этого афоризма за более чем двухтысячелетнюю историю еще никому не удалось опровергнуть.

Победа в войне с Наполеоном оказала большое влияние на внутреннюю жизнь России. «Двенадцатый год, — отмечал В.Г. Белинский, — был великою эпохою в жизни России... Напряженная борьба насмерть с Наполеоном пробудила дремавшие силы России и заставила ее увидеть в себе силы и средства, которых она дотоле сама в себе не подозревала»²¹.

Война 1812 года способствовала усилению классового самосознания широких народных масс. Заметно расширился кругозор солдат и офицеров русской армии, возвратившейся из Заграничных походов. Усилилась борьба крестьянства против крепостничества. Непосредственным результатом войны явилось зарождение в России организованного революционного движения, провозвестниками которого явились декабристы. Почти все они были активными участниками войны 1812 года и Заграничных походов русской армии.

История — память народа. И как бы далеко ни стояли от нас описываемые события, их полезно знать, ибо в них содержится не только много познавательного, но и немало поучительного.

Герои не умирают, они оживают в потомстве, а их подвиги сохраняются в памяти народной. Уже на протяжении почти двух столетий история бережно хранит имена героев Отечественной войны 1812 года, мужественных защитников Смоленска, бесстрашных воинов Бородино, тех, кто преградил путь врагу под Тарутино и Малоярославцем, кто громил его под Вязьмой, Красным и на Березине, а затем гнал до самой границы. Славные боевые традиции освободительной борьбы, талантливое военное творчество наших далеких предков, их мужество и самоотверженность в грозный для России час и сейчас вызывают у нас восхищение и гордость.

Подвиги героев Отечественной войны 1812 года запечатлены в многочисленных произведениях литературы и искусства, названиях сел и городов, улиц и площадей. Так, 20-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года была ознаменована появлением знаменитого лермонтовского стихотворения «Бо-

Триумфальные ворота. Художник Ф. Бенуа. 1848 г.

родино», ставшего впоследствии популярной народной песней. Четверть века спустя героический подвиг русского народа был увековечен в таком художественном шедевре мирового значения, как «Война и мир» Л.Н. Толстого. П.И. Чайковский создал знаменитую героическую увертюру «1812 год», Ф.А. Рубо — грандиозную панораму «Бородинская битва», В.В. Верещагин, И.М. Прянишников и ряд других художников — замечательные картины, посвященные 1812 году. Символическим выражением великой победы русского народа в 1812 г. явился целый ряд монументальных архитектурных сооружений, возведенных в обеих столицах. К ним прежде всего следует отнести такие величественные культовые сооружения, как храм Христа Спасителя в Москве и Казанский собор в Петербурге. Под сводами последнего нашел свое последнее пристанище генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов. Там же помещены на хранение трофейные французские знамена, а также знамена их союзников, захваченные русскими войсками во время Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов. К слову сказать, рус-

*М.Ю. Лермонтов в сюртуке
Тенгинского пехотного полка.
Художник С. Зарянка. 1842 г.*

ская армия в Отечественную войну 1812 года не потеряла ни одного боевого знамени²². Позднее перед Казанским собором были установлены памятники М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю-де-Толли. Идея торжества русского оружия в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 годов нашла свое воплощение в воздвигнутой в 1834 г. на Дворцовой площади Петербурга по проекту А.А. Монферрана величественной Александровской колонне и сооруженном К.И. Росси грандиозном ансамбле Главного штаба с его двойной триумфальной аркой, увенчанной аллегорической колесницей Победы. В Зимнем дворце тем же Росси была создана Военная галерея, в которой собраны живописные портреты всех наиболее отличившихся генералов русской армии периода Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов (всего 333 портрета). Она была открыта 25 декабря 1826 г. (6 января 1827 г.). На Бородинском поле в честь русских воинов был воздвигнут величественный памятник, ставший затем главным монументом этого священного для России места. У его подножия в 1839 г. торжественно были перезахоронены останки генерала П.И. Багратиона. К 100-летию юбилею Бородинской битвы на том месте, где она происходила, было установлено около 40 памятников наиболее отличившимся в ней частям и соединениям русской

армии, а также отдельным участникам сражения. Ряд памятников русским воинам-освободителям, увековечивших их подвиги во время Заграничных походов 1813–1814 годов, имеется и за пределами нашего Отечества — в странах Западной Европы. Как правило, они установлены на местах бывших сражений (Кульм, Лейпциг и др.).

Память о славных победах русской армии над полчищами Наполеона в Отечественной войне 1812 года бережно сохранялась и в последующие годы. Хотя, и это необходимо отметить, имели место и досадные случаи вандализма. В начале 30-х годов прошлого столетия призошел ряд прискорбных эксцессов, в результате которых ультра-левацкими элементами космополитической окраски, действовавшими, безусловно, с одобрения властей, был разрушен ряд старинных памятников, в том числе взорваны храм Христа Спасителя, Главный монумент на Бородинском поле и могила Багратиона (ныне все они восстановлены).

В годы суровых испытаний, связанных с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг., взоры истинных патриотов России вновь обратились к памятным событиям 1812 года. Так, при разработке крупнейших стратегических операций советское Верховное главнокомандование присваивало им кодовые наименования по фамилиям русских полководцев. Среди них были также операции «Кутузов» и «Багратион». А в один из самых тяжелых периодов этой войны, летом 1942 г., Президиум Верховного Совета СССР учредил военный орден Кутузова двух степеней (29 июля 1942 г.). Затем была учреждена и третья степень этого ордена (8 февраля 1943 г.). Им награждались генералы и офицеры Красной Армии за умелое планирование и проведение фронтовых и армейских операций или искусный вывод своих войск из-под удара противника и нанесение успешного контрудара. Всего в годы Великой Отечественной войны полководческим орденом Кутузова было награждено около 7 тыс. человек. Кроме того, этот орден украсил боевые знамена многих частей и соединений Красной Армии. На полях сражений Великой Отечественной войны потомки героев 1812 года не только достойно сохранили, но и во многом приумножили боевую славу своих героических предков.

В 1973 г. в Москве рядом с Кутузовской избой (копия той, в которой происходил военный совет в Филях) и музеем-панорамой «Бородинская битва» был воздвигнут памятник М.И. Кутузову. На его гранитном постаменте начертано: «Михаилу Илларионовичу Кутузову, славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года». Один из проспектов столицы нашей Родины Москвы назван именем М.И. Кутузова, а несколько улиц — именами его сподвижников. В Калининградской области есть город Багратионовск. Немало памятников и наименований, связанных с событиями 1812 года, имеются и в других местах нашей страны.

Гроза двенадцатого года... Она навечно запечатлена в исторической памяти нашего народа. Это одна из самых суровых, но вместе с тем и героических страниц в истории нашего Отечества. Славная победа русского народа над непобедимым завоевателем в свое время потрясла воображение современников. Она и поныне остается загадкой для их потомков на Западе. Для русского же народа эта победа всегда была и остается предметом особой гордости. Ее не затмила даже более страшная гроза сорок первого года. Наоборот, в грозный для Родины час руководитель Советского государства всенародно напомнил потомкам о героях 12-го года, о стойкости, мужестве и доблести далеких предков и призвал следовать их примеру.

В 1812 г. Наполеон поднял и повел на Россию едва ли не всю Европу. Ровно 129 лет спустя его примеру последовал Гитлер. Чем закончились оба этих похода, достаточно хорошо известно. Оба этих упоенных своим могуществом претендента на мировое господство закончили свой путь бесславно. В то время когда «цивилизованная» Европа рабски склонилась перед этими диктаторами, встала перед ними на колени, жалостливо запросив пощады, и угодливо согласилась на роль вассала сначала Наполеона, а затем Гитлера, на их пути непреодолимой скалой, о которую разбились огромные полчища завоевателей, встала Россия. Русские воины, сокрушив в жестоких битвах неисчислимые вражеские орды, в обоих случаях (и в XIX, и в XX в.) изгнали агрессора с родной земли. И не только изгнали, но и погнали врага в свое логово, довершив там его полное уничтожение. В результате все завершилось тем, что овеванные славой

Памятник М.И. Кутузову в Москве

Орден Кутузова 1-й степени

многих побед русские боевые знамена были водружены победителями над поверженными вражескими столицами — в 1814 г. над Парижем и в 1945 г. над Берлином. И никакие многочисленные союзники этих грозных завоевателей, перед которыми содрогался весь мир, не помогли им. Все они, испытав на себе мощь российского (советского) оружия, в конечном счете один за другим вынуждены были выйти из борьбы, а затем присоединиться к победителю и обратить оружие против своих недавних властителей. Так было в 1813–1814 гг. и снова повторилось в 1944–1945 гг. Примеры Наполеона и Гитлера являются грозным историческим предостережением для всех любителей до русских земель. Об этом, в частности, в одном из своих выступлений в палате лордов Великобритании в 1962 г. со всей откровенностью и солдатской прямоотой напомнил своим соплеменникам и их многочисленным союзникам по НАТО крупнейший военный авторитет Запада английский фельдмаршал Б. Монтгомери. Он сказал: «Первое правило, начертанное на первой странице книги войны, гласит: «Не ходи на Москву!»²³ Охлаждая воинственный пыл своих коллег — британских лордов, Монтго-

мери, один из виднейших полководцев Второй мировой войны, знал, что говорил. Его мудрый совет своим соотечественникам и их союзникам, как говорится, в комментариях не нуждается. Умудренный огромным боевым опытом фельдмаршал выразил свою мысль предельно четко и ясно.

Но вся беда в том, что люди, особенно вознесенные по воле случая или силою обстоятельств на вершину власти, часто склонны забывать поучительные уроки истории, а нередко просто игнорируют их. Ведь знаменитый германский канцлер Отто фон Бисмарк, создавший Германскую империю и, между прочим, тоже имевший звание генерал-фельдмаршала, на закате своей долгой жизни также советовал своим соотечественникам ни в коем разе «не ходить на Москву». Но его недалекие потомки не прислушались к совету мудрого старца и в результате дважды за каких-то три десятилетия привели Германию к катастрофе. Особенно в этом плане «отличился» оказавшийся во главе германского рейха австриец Адольф Гитлер (настоящая фамилия Шикльгрубер). Вчистую проигравшись, как зарвавшийся карточный игрок, этот политический авантюрист, высокопарно именовавший себя «фюрером германского народа», предпочел трусливо уйти от ответственности за свои деяния, пустив себе пулю в висок. А расплачиваться за все пришлось германскому народу, столь легкомысленно доверившему свою судьбу этому человеку и заплатившему за свой «осознанный выбор» страшную цену...

Время не стерло в памяти народной предания о грозе 12-го года, мужестве и доблести наших далеких предков, не дрогнувших перед смертельной опасностью, нависшей над Родиной, а грудью вставших на ее защиту и отстаивших свою священную землю в жестоких схватках с сильным и беспощадным врагом. Их подвиг бессмертен.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Репринт книги М.И. Драгомирова «Разбор романа "Война и мир"»

Издание 1917 года

М. Драгомиров

М. И. Драгомировъ.

РАЗБОРЪ

РОМАНА

„ВОЙНА и МИРЪ.“

К І Е В Ъ.

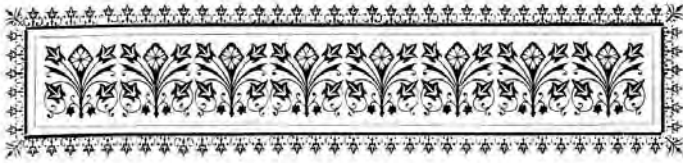
Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина.

1895.

РѢТЬ ИЗДАТЕЛЯ.

Этотъ разборъ былъ написанъ по мѣрѣ появленія великаго произведенія Гр. Л. Толстого, помѣщенъ въ спеціальному журналѣ и мало кому извѣстенъ, а между тѣмъ представляетъ интересъ. Съ согласія Автора издаемъ разборъ, такъ какъ многіе обращались къ намъ съ вопросомъ, гдѣ его можно найти, а отдѣльнаго изданія его сдѣлано не было.

Н. Оглобинъ.

Война и Миръ гр. Толстаго съ военной точки зрѣнія.

I.

Нельзя сказать, чтобы военная литература, особенно за послѣдніе два вѣка, отличалась бѣдностью; нельзя сказать также, чтобы человѣчество обоихъ полушарій было слишкомъ скупо на ту дѣятельность, которая даетъ матерьялъ для военной литературы; не смотря на это, мы не знаемъ ничего, или почти ничего, о тѣхъ внутреннихъ процессахъ и явленіяхъ, которые происходятъ въ душѣ человѣка подѣ влияніемъ опасности. Причинъ такому основательному невѣжеству въ дѣлѣ, занимающемъ довольно видное мѣсто въ жизни народовъ, много — и весьма вѣскихъ; но отъ этого ничуть не легче самому дѣлу, или, лучше сказать, состоянію понятій о немъ; ибо никто, конечно, не станетъ спорить противъ того, что фальшивыя представленія о душевныхъ процессахъ, при какой бы то ни было дѣятельности, до добра не доводятъ. На военномъ дѣлѣ это отразилось самымъ нагляднымъ образомъ: если были цѣлыя эпохи, убѣжденныя въ томъ, что чѣмъ маѣе людей совершеннѣе воспроизводятъ прямолинейныя и прямоугольныя геометрическія фигуры, тѣмъ войско лучше, чѣмъ солдатъ ближе къ автомату, тѣмъ онъ болѣе годенъ для

дѣла,—если, повторяемъ, были подобныя цѣлыя эпохи, то это ни чему иному приписано быть не можетъ, какъ полному невниманію къ духовной дѣятельности человѣка, призваннаго дѣйствовать въ массахъ, на боевомъ полѣ, подѣ вліяніемъ опасности.

Многимъ, особенно не изъ военныхъ, пожалуй покажется, что если психическая сторона военнаго дѣла не обращала на себя вниманія изслѣдователей, то это потому, что самое дѣло не заслуживаетъ серьезнаго изслѣдованія, ибо—де война есть не болѣе, какъ остатокъ дикости въ человѣческой натурѣ, съ уничтоженіемъ котораго остатка настанетъ вѣчный миръ и всѣ распри будутъ улаживаться разговоромъ. Мы не раздѣляемъ этой точки возрѣнія, подсказываемой человѣку инстинктомъ самосохраненія; не раздѣляемъ потому, что въ природѣ все основано на борьбѣ, а человѣкъ не можетъ стать выше какаго бы то ни было изъ законовъ природы. Еще Лейбницъ сказалъ: „вѣчный миръ возможенъ только на кладбищѣ“, и кто хоть на минуту серьезно и безпристрастно остановится на этомъ вопросѣ, тотъ вѣроятно признаетъ, что Лейбницъ сказалъ такую истину, которая едва ли обратится когда либо въ анахронизмъ.

Но если бы даже и не было такъ, если бы война и перестала когда либо имѣть свое роковое и неизбѣжное значеніе въ развитіи человѣчества, все же она рано или поздно должна сдѣлаться предметомъ всесторонняго изслѣдованія для тѣхъ людей, которымъ дано заглядывать въ глубь внутренняго человѣка и дѣлать осязательнымъ для всѣхъ результатъ своихъ наблюдений: въ видѣ ли художественныхъ образовъ, въ видѣ ли философскаго изслѣдованія—все равно. Война, и только одна война, вызываетъ то страшное и

совмѣстное напряженіе всѣхъ духовныхъ сторонъ человѣка, въ особенности воли, которое показываетъ всю мѣру его мощи и которое не вызывается никакимъ другимъ родомъ дѣятельности.

Намъ кажется, что невниманіе психологовъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя происходятъ въ душѣ человѣка подъ пулями и гранатами, или при разрѣшеніи такихъ вопросовъ, какіе пришлось рѣшать, напр., Наполеону подъ Маренго или подъ Ватерлоо, лишало ихъ по сіе время самыхъ драгоцѣнныхъ фактовъ для изученія духовной дѣятельности человѣческаго организма. Могутъ замѣтить: почему-же не занимались этимъ сами военные? По весьма простой причинѣ: одни—по странному предубѣжденію, будто человѣкъ на войнѣ долженъ быть не человѣкомъ, а героемъ, и что, слѣдовательно, должно скрывать передъ непосвященными тѣ муки сомнѣній, колебаній, борьбы съ инстинктомъ самосохраненія, черезъ которыя неминуемо проходитъ въ дѣлѣ всякій военный; другіе—потому, что, позируя передъ обыкновенными смертными въ роли юнтеровъ—громовержцевъ, тщились и въ своихъ сочиненіяхъ не представить работу своего ума и воли такъ, какъ она дѣйствительно происходила, а хлопотали объ одномъ только: о томъ, чтобы скрыть процессъ этой работы; таковы, напр., были Цезарь, Наполеонъ; читавшіе сочиненія ихъ безъ труда убѣдятся въ вѣрности этого положенія: подобные люди никогда не ошибаются; никогда не мучимы сомнѣніями; неудачамъ ихъ виновато все что угодно—небо, вода, земля, но никогда не они сами; трети, наконецъ,—и таковыхъ масса—не занимались тѣмъ, что происходитъ въ душѣ человѣка во время боя, по той простой причинѣ, что и сами-то едва помнятъ и сознаютъ, что и какъ съ ними тамъ происходило.

Однимъ словомъ повѣствованіе о военныхъ событіяхъ и понынѣ еще не выходило изъ эпического періода, т. е. изъ того, когда человѣкъ самыя обыкновенныя происшествія расположенъ возводить на степень чудесныхъ, самыя обыкновенныя и часто не совсѣмъ даже казистыя поступки расположенъ считать геройствомъ.

Намъ кажется, что настало наконецъ время трезваго отношенія и къ военнымъ событіямъ: Агамемноны, Ахиллессы и другіе болѣе или менѣе красивые эпическіе герои должны сойти со сцены и уступить мѣсто обыкновеннымъ людямъ, съ ихъ великими доблестями и съ ихъ, подчасъ унижительными, слабостями; съ ихъ самоотверженіемъ, доходящимъ до того, чтобы положить голову за други своя,—и съ ихъ себялюбіемъ и своекорыстіемъ, доводящими до стремленія улэжить (руками непріятеля) того ближняго, который имъ не пришелся по сердцу; съ ихъ способностью взбираться подъ пулями и гранатами на вертикальныя стѣны безо всякой посторонней подмоги, и съ ихъ обычаемъ давать иногда тыль и бѣжать безъ оглядки изъ за одного того, что какому нибудь негодюя вздумается крикнуть: „мы обойдены“.

Дѣло отъ этого выиграетъ: оно всегда выигрываетъ отъ правды. Въ теоріи не будутъ ограничиваться всеизвиняющей фразой: „это случайность“, а будутъ задаваться вопросомъ о томъ: какъ нужно вести и организовать войска, дабы они возможно менѣе поддавались неблагоприятнымъ случайностямъ.

Что время подобнаго трезваго отношенія къ военнымъ явленіямъ настало, доказательство на лицо; читающая военная публика обладаетъ уже двумя твореніями, представляющими опытъ разсказа о томъ, какъ дѣла дѣлаются, а не какъ.

они должны бы были дѣлаться: мы разумѣемъ „Войну и Миръ“ гр. Толстаго и брошюру ген. Трошю: *l'Armée française en 1867*. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ болѣе общаго, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда: оба они имѣютъ въ виду, преимущественно, внутреннюю сторону военныхъ явленій; послѣднее какъ бы служить исправленіемъ и дополненіемъ первому. То, чего не досказалъ романистъ, взявшисъ за несвойственную ему роль философа, договариваетъ военный изъ тѣхъ, которые не только дѣлаютъ войну, но и думаютъ о ней, думаютъ, подготовленные къ тому серіозной теоретической работой, а не на основаніи однихъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Романъ гр. Толстаго интересенъ для военного въ двоякомъ смыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войсковаго быта и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военного дѣла. Первые, т. е. сцены, неподражаемы и, по нашему крайнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военного искусства; вторые, т. е. выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны, какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло.

Попытаемся прослѣдить „Войну и Миръ“ съ поставленныхъ двухъ точекъ зрѣнія.

На первомъ планѣ является бытовая мирно-военная картинка, но какая! Десять батальныхъ полотенъ самаго лучшаго мастера, самаго большаго размѣра можно отдать за нее. Смѣло говоримъ, что не одинъ военный прочитавъ ее, невольно скажетъ себѣ: да это онъ списалъ съ нашего полка!

Пѣхотный полкъ, прибывшій къ Браунау послѣ 30 верстнаго перехода, получилъ увѣдом-

леніе, что фельдмаршалъ будетъ смотрѣть его на походѣ завтра; начальство—въ мучительномъ недоумѣніи на счетъ формы, въ которой должно представиться, и, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній и зрѣлыхъ совѣщаній, на основаніи того начала, что лучше „перекланяться, чѣмъ не докланяться“, рѣшаетъ представиться въ парадной формѣ.

Солдатъ всю ночь чистится и чинится (послѣ 30 верстнаго перехода); на слѣдующее утро полкъ готовъ такъ, „что и на Царицыномъ лугу съ поля не прогнали-бы“; полковой командиръ, во всемъ съ иголки, похаживалъ передъ фронтомъ съ видомъ человѣка, счастливо совершающаго одно изъ самыхъ торжественныхъ дѣлъ жизни,— и вдругъ.... прискакиваетъ адъютантъ изъ штаба съ подтвержденіемъ того, что главнокомандующій желаетъ видѣть полкъ на походѣ, т. е. совершенно въ томъ положеніи, въ которомъ онъ шелъ: въ шинеляхъ, чехлахъ и безъ всякихъ приготовленій... Роль перемѣняется. Первая мысль у командира—найти виноватаго парадной формѣ. Михайло Митричъ, одинъ изъ баталіонныхъ командировъ, по всей вѣроятности тотъ, который первымъ напомнилъ руководящее начало житейской философіи (лучше перекланяться, чѣмъ не докланяться), получилъ упрекъ въ томъ родѣ, что вѣдь говорилъ же ему полковой командиръ, „что на походѣ, такъ въ шинеляхъ“... Что въ его власти было послушать или не послушать совѣтъ, почтенному командиру это въ голову не пришло. Наконецъ, рѣшили переодѣть въ шинели.

Когда подчиненный боится, что его распекуть, онъ чувствуетъ непреодолимый позывъ распечь своего подчиненнаго; такъ было и тутъ: разжалованный изъ офицеровъ солдатъ стоитъ въ тонкой синеватой шинели, которую носить

походомъ разрѣшилъ ему самъ же полковой командирь. И вотъ требуется ротный командирь, дѣлается ему выговоръ, со всѣми усовершенствованіями тона и выражений добраго стараго времени. Напускаются и на солдата; но послѣдній оказался не изъ безотвѣтныхъ. Можно ожидать, что за отвѣты начальнику, изъ строя, его если не предадутъ суду, то, по крайности, хоть какънибудь приведутъ въ чувство, ничуть не бывало: оказалось, что командирь горячился и выходилъ изъ себя только при условіи безмолвія съ противной стороны—нравственная упругость его за эту черту не шла.

Но вотъ махальный закричалъ не своимъ голосомъ:

„Ѣдетъ“.

„Полковой командирь, покраснѣвъ, подбѣжалъ къ лошади, *дрожжащими* руками взялся за стремя, перекинулъ тѣло, оправился, вынулъ шпагу и со счастливымъ рѣшительнымъ лицомъ, на бокъ раскрывъ ротъ, приготовился крикнуть. Полкъ встрепенулся, какъ управляющаяся птица, и замеръ“.

„Сми-р-р-р-но! закричалъ полковой командирь потрясающимъ душу голосомъ, радостнымъ для себя, строгимъ въ отношеніи къ полку и привѣтливымъ къ подѣзжающему начальнику“.

Подобныя сцены, по нашему мнѣнію, могутъ имѣть высокопоучительное и отрезвляющее вліяніе.

Вотъ начальникъ части, хоть и не большой, но все же достаточно сильной, чтобъ въ хорошихъ рукахъ дать иногда поворотъ большому сраженію; приготовленъ ли онъ къ тому, чтобы спокойно встрѣчать опасность, чтобы въ тѣ минуты, когда поздно бываетъ ожидать приказанія, имѣть на столько чувства личнаго достоинства и

нравственной самостоятельности, чтобы самому принять рѣшеніе и взять на себя за него отвѣтственность: приготовленъ ли онъ ко всему этому— пусть рѣшатъ читатели.

Не одинъ добросовѣстный и искренній начальникъ, посмотрѣвши въ это зеркало, задумается надъ собственнымъ обычаемъ; и не безплодно задумается, если замѣтивъ въ этомъ обычаѣ черты, общія съ поведеніемъ этого полковаго командира, отъ нихъ откажется.

И такова всепримиряющая, великая сила художественнаго изображенія! Передъ вами стоитъ, какъ живой, человѣкъ, каждый шагъ котораго, въ прямомъ его дѣлѣ, повергаетъ его въ колебанія и ребяческую тревогу; но, лично, онъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого антипатическаго чувства. Вѣрное изображеніе досказываетъ то, чего непосредственно въ немъ вовсе и нѣтъ: досказываетъ, что этотъ человѣкъ вышелъ такимъ не по своимъ свойствамъ, а что его сдѣлала такимъ система. Вы это видите и на безотвѣтномъ Тимохинѣ, которому подъ Измаиломъ выбили два переднихъ зуба прикладомъ; стало быть онъ видалъ виды и боевую упругость имѣеть, а въ ожиданіи мирнаго смотра чуть не дрожить; видите и на миломъ шутникѣ Жерковѣ, который и въ вѣкъ не доѣдетъ съ порученіемъ въ такое мѣсто, гдѣ летаютъ пули и ядра, но доподлинно расскажетъ потомъ начальнику, *что* тамъ было и *какъ* было, и ужъ, конечно, наградою за свои военные подвиги обойденъ не будетъ; видите, наконецъ, на буйномъ, необузданномъ энергическомъ Долоховѣ, котораго не уняло производство въ солдаты и который, какъ тѣнь на картинѣ, выставляетъ остальные лица въ свѣтъ еще болѣе рѣзкомъ, чтобы не было уже никакого сомнѣнія въ томъ, *кто* они таковы и *почему* они таковы.

Вотъ въ какую форму отливала человѣка система, теперь уже, благодаря Бога, отошедшая въ вѣчность, по которой лучшимъ средствомъ для поддержанія порядка считалось не требованіе настоящаго, серьезнаго дѣла, которое должны знать войска, а такъ называемое взбучиваніе за первую попавшуюся мелочь: за не совѣмъ правильно пришитую пуговицу, за отгѣнокъ шинели и проч. Если это прошлое,—зачѣмъ же его тревожить, можетъ быть скажутъ нѣкоторые: зачѣмъ, чтобы возвратъ къ нему былъ возможно менѣе вѣроятенъ, отвѣтимъ мы.... Вспоминать старыя ошибки и увлеченія здорово: это тотъ-же пѣтушій крикъ, который протрезвилъ увѣреннаго въ своей твердости ап. Петра, твердости, которой не хватило и на нѣсколько минутъ.

А хотите знать, къ чему ведетъ фальшивое убѣжденіе, будто честь полка страждетъ, если открывшагося въ немъ негодяя выгнать гласно, тѣмъ путемъ, который указываетъ законъ? Всякому извѣстно, что подобнаго господина, чтобы „не марать мундира“, спускаютъ втихомолку, чаще всего устраиваютъ ему переводъ *по его собственному желанію*. Затѣмъ въ части, изъ которой его спустили, его забываютъ —и дѣлу конецъ. Относительно эгоистическаго, узкаго интереса части—ему дѣйствительно конецъ; но относительно интереса всей войсковой семьи подобное спусканье является дѣломъ до такой степени злостнымъ, что, можетъ быть, сами господа спускатели содрогнулись бы, давъ себѣ трудъ мысленно прослѣдить послѣдствія своего ребяческаго взгляда на зависимость, будто-бы существующую между репутаціей, напр. полка и нравственными свойствами какой либо одиночной личности, входящей въ составъ его.

Сцена перемѣняется: передъ нами одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ; дышется приволье, люди менѣе загнаны нравственно; не особенно заняты они своей боевой спеціальною, но и не погрязли въ тинѣ тѣхъ ничтожныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ боевому дѣлу мелочей, которыя въ конецъ измочаливаютъ внутренняго человѣка. Передъ нами небольшой кружокъ: Денисовъ — впоследствии знаменитый партизанъ Давыдовъ; Ростовъ — юнкеръ его эскадрона, и г. Телянинъ одинъ изъ офицеровъ того же эскадрона, *за что-то* переведенный въ полкъ изъ гвардіи, передъ походомъ. Онъ держитъ себя очень хорошо; но сердце къ нему не лежитъ. Денисовъ и Ростовъ на минуту отлучаются изъ избы, оставя въ ней г. Телянина одного. Нѣсколько минутъ спустя, Телянинъ уходитъ; а еще нѣсколько минутъ спустя, Денисовъ хватился своего кошелька и не нашелъ его. Не стану дѣлать блѣднаго очерка этого казуса, ибо увѣренъ, что кто рѣшится прочесть этотъ разборъ, уже давно прочелъ разбираемую сцену въ самомъ романѣ. Дѣло въ томъ, что Ростовъ накрываетъ Телянина съ кошелькомъ въ трактирѣ и сгоряча, по юношески, — и по здравому смыслу также, — докладываетъ объ этомъ полковому командиру въ присутствіи другихъ офицеровъ. Полковой командиръ сказалъ, что это неправда, Ростовъ наговорилъ ему „глупостей“, офицеры собрались, чтобы убѣдить Ростова извиниться передъ „Богданьчемъ“, какъ они между собою называли полковаго командира. Ростовъ упрямится на основаніи того же, незатемненнаго фальшивыми представленіями, убѣжденія, что онъ правъ и что человѣку, знающему, что ему говорятъ правду, странно называть эту правду ложью.

Его сбиваетъ съ этой точки ветеранъ полка, два раза разжалованный за дѣла чести, два раза выслуживавшійся, сѣдѣющій уже штабсъ-ротмистръ Кирстенъ. Прямой, честный, симпатическій, сросшійся съ полкомъ. Полкъ для него родина, семья, все; одинъ изъ тѣхъ людей, которые себя не могутъ понять безъ полка и безъ которыхъ полку не достаетъ чего-то. Кому же и понимать честь полка, какъ не ему?

„...что теперь дѣлать полковому командиру? Надо отдать подъ судъ офицера и замарать (?) весь полкъ? Изъ за одного негодяя весь полкъ осрамить? Такъ, что ли по вашему? А по нашему не такъ... А теперь, какъ дѣло хотять замять(!), такъ вы изъ-за фанаберіи какой-то не хотите извиниться, а хотите все рассказать“. И т. д.

Въ этой аргументаціи, что ни слово, то непоследовательность; а между тѣмъ всѣмъ, слушавшимъ почтеннаго штабсъ-ротмистра, рѣчь его казалась торжествомъ логики, проявившей, наконецъ, и самого Ростова, тѣмъ болѣе, что дальше рѣчь приправляется упреками въ томъ родѣ, что ему „своя фанаберія дорога“....

Во первыхъ, какимъ образомъ полкъ можетъ считаться отвѣтственнымъ за навязаннаго господина и навязаннаго какъ? переведеннаго за *что-то* изъ другой части? Во вторыхъ, если низкій поступокъ офицера мараетъ полкъ, то почему же не мараетъ полка такой же поступокъ, сдѣланный солдатомъ? А это вѣдь случается; положимъ, не часто, но случается во всякой части, и этого не скрываютъ; въ третьихъ,—допуская даже солидарность всего полка со всякимъ, даже и съ гнилымъ, членомъ его, — что собственно составляетъ дѣйствительный позоръ; низкій-ли поступокъ, или же огласка его? Намъ кажется, что чѣмъ сильнѣе проникнуто извѣстное общество

чувствомъ чести, тѣмъ болѣе рѣшительно и явно должно оно извергать изъ себя все то, что оскорбляетъ это чувство: вѣдь покрываетъ воръ вора, честный человѣкъ не долженъ покрывать вора, иначе онъ становится какъ бы его сообщникомъ. Какимъ, наконецъ, образомъ, Кирстенъ, который всадилъ бы пулю всякому, кто его заподозрилъ бы въ недостаткѣ правдивости, нравственно казнить въ этомъ случаѣ Ростова именно за правдивость, и съ горечью говорить, что онъ мѣшаетъ „замять“ дѣло? Или и этотъ честный служака, въ которомъ нѣтъ ничего показного, которому жизнь копѣйка, вѣруеть въ ту аксіому, что грѣхъ не бѣда, молва не хороша. Оказывается, что какъ будто такъ, хотя, вѣроятно, что ни самому Кирстену, ни его товарищамъ это не приходило въ голову.

Намъ кажется, что во всемъ этомъ столько бессознательной и поэтому именно грустной лжи, что становится весьма тяжело, когда подумаешь къ какимъ она приводитъ послѣдствіямъ: скорѣе часто, чѣмъ рѣдко приводитъ. Впрочемъ, будемъ слѣдить за развитіемъ факта по разсказу гр. Толстаго; рядомъ съ логикой, въ которой все построено на предразсудкахъ, этотъ разсказъ покажетъ намъ другую, неумолимую логику — логику природы вещей, въ силу которой нелѣпный поступокъ неминуемо порождаетъ нелѣпныя послѣдствія, казниція за этотъ поступокъ.

Съ Ростовымъ говорятъ такъ, какъ будто главная вина заключается уже въ его опрометчивости, а не въ томъ, что ей подало поводъ; немножко поупорствуй онъ — и дѣло можетъ быть повернулось бы для него очень плохо. Рѣшися онъ поставить на своемъ, и рано или поздно его почти навѣрное выкурили бы изъ полка, и можетъ быть даже со скандаломъ; ибо что же стѣняться съ

человѣкомъ, который такъ равнодушенъ къ „чести“ полка?

Но онъ сдаетъ; „я виноватъ, кругомъ виноватъ! Ну, что вамъ еще“?!...

— „Вотъ это такъ, графъ, — поворачиваясь крикнулъ штабъ-ротмистръ, ударяя его большой рукой по плечу“.

— „Я тебѣ говорю, — закричалъ Денисовъ, — онъ малый славный“.

Слѣдовательно начинало уже зарождаться убѣжденіе въ томъ, что онъ не „славный малый“ даже въ Денисовѣ, который зналъ Ростова и душой лежалъ къ нему... И все изъ за чего? Изъ за того, что онъ назвалъ воровъ господина, взявшаго изъ подъ подушки чужой кошелекъ. Но этимъ не кончилось! г. Телянинъ исключенъ изъ полка *по болѣзни*, которая ему не помѣшала, впрочемъ, впоследствии поступить въ провіантское вѣдомство. Въ 1807 году мы застаемъ его уже комиссіонеромъ въ штабѣ; Гусарскій полкъ, въ которомъ болѣзнь помѣшала г. Телянину служить, входитъ въ число частей, состоящихъ на попеченіи сказаннаго штаба. Дошло въ полку до того, что солдаты питались какимъ-то горькимъ машиннымъ корнемъ, который они почему-то называли сладкимъ, а лошади соломой съ крышъ. Денисовъ не въ состояніи былъ болѣе выносить подобнаго положенія, которое тянулось уже около двухъ недѣль, и въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день отбилъ транспортъ, шедшій въ близости его расположенія въ какую-то пѣхотную часть. Некрасиво, слова нѣтъ; но въ подобномъ положеніи на 100 начальниковъ изъ тѣхъ, которымъ ихъ солдатъ дороже личной отвѣтственности, по крайней мѣрѣ 90 сдѣлали бы то же самое; и оправданіе ихъ было бы то же самое вѣроятно, которое представилъ, поѣхавъ.

въ штабъ для объясненій, Денисовъ: „Разбой не тотъ дѣлаетъ кто беретъ провіантъ, чтобы кормить своихъ солдатъ, а тотъ, кто беретъ его чтобы класть въ карманъ“. Тѣмъ не менѣ позволили росписаться въ этомъ провіантѣ, яко бы въ принятомъ по всемъ правиламъ искусства и съ должнымъ соблюденіемъ формъ. Пошелъ росписываться и встрѣчаетъ—Телянина. „Какъ, ты насъ съ голоду моришь!?“ и т. д., что читателямъ извѣстно. Отбитіе транспорта еще бы согласились можетъ быть замазать, хотя отъ этого плохо пришлось цѣлому пѣхотному полку; но оскорбленіе одного изъ тѣхъ, кто былъ прямымъ виновникомъ рѣшимости Денисова на отбитіе—этого ужъ, конечно, нельзя допустить замазать. По донесенію чиновниковъ оказалось уже, что онъ побилъ не одного, а двухъ и ворвался въ комиссію въ пьяномъ видѣ. Конечно, слѣдетвіе, судъ. Денисовъ легко раненый, рѣшился уйти въ госпиталь, чтобы уклониться отъ явокъ и всякихъ прочихъ мытарствъ; какъ человѣкъ, дѣло котораго было рубить а не судиться, онъ съ внутреннимъ ужасомъ бѣжалъ отъ этой новой дѣятельности, въ которой долженъ былъ явиться пациентомъ, не имѣя и понятія даже о тѣхъ крючкахъ и уверткахъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы, если не совершенно спастись, то, по крайней мѣрѣ, поплатиться возможно меньше.

И такъ, „честь“ полка заставила прикрыть вора; это дало ему возможность заняться своей специальностью въ сферѣ болѣе обширной, болѣе прибыльной и, главное болѣе безопасной; затѣмъ, „честь“ полка обошлась во все то число людей, которое погибло отъ лишений; въ то, что Ростовъ могъ вылетѣть изъ полка, хотя представлялъ всѣ задатки на хорошаго члена его; въ то, наконецъ, что одинъ изъ лучшихъ офицеровъ попалъ подъ

судъ и если не будетъ уничтоженъ, то, конечно, благодаря какой нибудь счастливой случайности, а не обыкновенному ходу дѣлъ.

Можетъ быть возразятъ: что не Телянинъ, такъ другой; что все же это авторская подтасовка; что, наконецъ, на войнѣ лишенія неизбѣжны. На первое замѣтимъ, что не будь это именно Телянинъ, — Денисову и въ голову бы не пришло „расписываться“; при томъ же нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы на мѣсто Телянина не попалъ человѣкъ честный, если бы г. Телянина лишили въ полку возможности попасть на какое либо другое мѣсто. Что же до авторской подтасовки, то противъ нее мы ничего не имѣемъ, если она дышетъ жизненной правдой: при этомъ условіи она перестаетъ быть подтасовкой, а поднимается на высоту художественнаго, поэтически вѣрнаго сопоставленія лицъ и дѣйствій. Все рассказанное произошло самымъ естественнымъ образомъ; Телянинъ поступилъ въ провіантское вѣдомство, потому что такіе господа любятъ мѣста теплыя; представился онъ съ формуляромъ незапятнаннымъ — не принять его не было резону. Все остальное пошло какъ по маслу. Одно похоже на натяжку: что онъ попалъ именно въ тотъ штабъ, отъ котораго зависѣлъ полкъ Денисова; но и подобное сближеніе двухъ дѣйствующихъ лицъ до такой степени просто и естественно, до такой степени часто бываетъ на самомъ дѣлѣ, что было бы смѣшно считать его натяжкой и въ настоящемъ случаѣ. Авторскія подстройки даютъ чувствовать заблаговременно, куда авторъ гнетъ: я, напр., убѣжденъ, что гр. Толстой женить Ростова на княжнѣ Болконской, а Безухова на Наташѣ; и поэтому нахожу, что тутъ какъ будто подстройка; но во всей исторіи Телянина до такой степени нѣтъ ничего подоб-

наго, что, провѣривъ свои впечатлѣнія, всякій, читавшій „Войну и Миръ,“ вѣроятно признаетъ сцену о томъ, какъ Денисовъ обезпokoилъ почтеннаго провіантскаго дѣятеля столь же естественною, сколь неожиданною. Что же до того, что на войнѣ лишенія неизбѣжны, то это совершенно вѣрно; но они могутъ быть болѣе или менѣе велики; и, конечно, никто спорить не станетъ, что у комисіонера со свойствами г. Телянина они должны были выйти очень велики. Не знаю, достаточно ли ясно слѣдуетъ изъ сказаннаго та мысль, что *не будь фальшивыхъ представленій о чести полка, войсковой организмъ легко и свободно очистился бы отъ того процента презрѣнныхъ личностей, которая бывъ уличена въ чемъ либо позорномъ въ своей части все таки продолжаютъ оставаться въ войскѣ, нанося ему, а иногда даже и прежней своей части, неисчислимыи вредъ*; для меня эта мысль представляется какъ естественный логическій выводъ изъ совершенно объективнаго разсказа гр. Толстаго. И въ этомъ, по моему мнѣнію, лучшее свидѣтельство художественности разсказа: авторъ описываетъ самый простой, обыденный случай безъ малѣйшей тенденціозности; а между тѣмъ для всякаго, маломальски внимательно читающаго его произведеніе, внутренній смыслъ разсказа представляется самъ собой безъ малѣйшаго, со стороны автора, усилія натолкнуть читателя на то, либо другое заключеніе.

Мы не продолжаемъ развивать нравственныя послѣдствія для Денисова того, что г. Телянинъ былъ спущенъ втихомолку изъ полка; не продолжаемъ потому, что все, читавшіе „Миръ и Войну“, вѣроятно помнятъ сцену свиданія Ростова съ Денисовымъ въ госпиталѣ, при которомъ послѣдній не спрашиваетъ уже ни про полкъ, ни про общій ходъ дѣла, что ему это было даже

непріятно; и что все вниманіе его сосредоточивалось на запросахъ, которые получалъ изъ комиссій, и на отвѣтахъ, которые онъ давалъ на эти запросы. Закончимъ разборъ этого эпизода однимъ вопросомъ: принимая въ соображеніе то обстоятельство, что въ бою великіе подвиги части зависятъ именно отъ двухъ—трехъ человѣкъ въ родѣ Денисова, во сколько—бы обошлось полку отсутствіе его, предполагая серьезное дѣло? А вѣдь это отсутствіе, въ концѣ концовъ, произошло бы опять отъ того, что не рѣшились заклеить Телянина, какъ онъ того заслуживалъ.

Боясь наскучить читателю, не буду разбирать другихъ сценъ войскового быта. Всѣ лица въ нихъ до того типичны, что Долоховы, Тимохины и проч. обратятся вѣроятно въ имена нарицательныя, какъ имена Ноздрева, Собакевича, Манилова и другихъ героевъ Гоголя. Но не могу перейти къ боевымъ сценамъ, не упомянувъ еще объ одномъ типѣ, очерченномъ гр. Толстымъ превосходно, — о типѣ офицеровъ, жаждущихъ поскорѣе произойти и потому изыскивающихъ кратчайшіе и легчайшіе для того ходы. Борисъ Друбецкой и Бергъ — представители этого типа, конечно, съ различіями, обусловленными мѣрою способностей и характеромъ національности каждаго. Какъ первый ловко подмѣчаетъ „что въ арміи, кромѣ той субординаціи и дисциплины, которая была написана въ уставѣ и которую знали въ полку и онъ зналъ, была другая, болѣе существенная субординація, та, которая заставляла генерала почтительно дожидаться въ то время, когда капитанъ князь Андрей, для своего удовольствія, находилъ болѣе удобнымъ разговаривать съ прапорщикомъ Друбецкимъ,“:

И съ какою похвальною, непоколебимою, быстрою рѣшимостью Борисъ положилъ „слу-

жить впредь не по той писанной въ уставѣ, а по этой, неписанной субординаціи!»,

Къ несчастію нѣтъ арміи въ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, гдѣ бы эта вторая субординація не была въ ходу, и пройдетъ много времени, пока она выведется; да и выведется ли?

Бергъ не забирается, конечно, такъ высоко, да и не нуждается въ этомъ, ибо обладаетъ снаровкой, не такой утонченной и быстрой, но тоже безъ промаха ведущей къ цѣли. Снаровка его заключается „въ умѣннѣ не потеряться,“ т. е. отмалчиваться передъ начальникомъ, какъ бы онъ ни пушилъ и съ какими бы онъ настойчивыми вопросами, вызывающими на оправданіе, къ вамъ ни обращался.

„Что ты нѣмой, что ли? онъ закричалъ. Я все молчу. Чтожъ вы думаете графъ? На другой день и въ приказѣ не было: вотъ что значить не потеряться,“.

Такіе проницательные и находчивые молодые люди не могутъ не пойти далеко, еслибъ даже и хотѣли; не могутъ потому, что ясно видятъ и разумѣютъ, отъ чего зависитъ быстрый ходъ.

Боевыя сцены гр. Толстаго не менѣе поучительны: вся внутренняя сторона боя, невѣдомая для большинства военныхъ теоретиковъ и мирновоенныхъ практиковъ, а между тѣмъ дающая успѣхъ или неудачу, выдвигается у него на первый планъ въ великолѣпно рельефныхъ картинахъ. Разница между его описаніями сраженій и описаніями историческими такая же, какъ между ландшафтомъ и топографическимъ планомъ: первый даетъ меньше, даетъ съ одной точки, но доступнѣе глазу и сердцу человѣка. Второй даетъ всякій мѣстный предметъ съ большаго числа сторонъ, даетъ мѣстность на десятки верстъ, но

даетъ въ условномъ чертежѣ, не имѣющемъ по виду ничего общаго съ изображаемыми предметами; и потому на немъ все мертво, безжизненно, даже и для приготовленнаго глаза. Такъ и въ большинствѣ историческихъ описаній сраженій: знаешь движенія дивизій, рѣдко полковъ, еще рѣже баталіоновъ; „двинулись, не смотря на сильный огонь, ворвались, опрокинули, или были опрокинуты, поддержаны резервами“ и т. д. Нравственная фізіономія личностей руководящихъ, борьба ихъ съ собою и съ окружающими, предшествующая всякой рѣшимости, все это исчезаетъ — и изъ факта, сложившагося изъ тысячъ человѣческихъ жизней, остается нѣчто въ родѣ сильно потертой монеты: видны очертанія, но какого лица? наилучшій нумизматъ не распознаетъ. Конечно, есть исключенія: но они крайне рѣдки и, во всякомъ случаѣ, далеко не оживляютъ передъ вами событія такъ, какъ оживляетъ его изображеніе ландшафтное, т. е. представляющее то, что могъ бы въ данную минуту съ одной точки видѣть одинъ наблюдательный человѣкъ.

Скажутъ можетъ быть, что эти Тушины, Тимохины и проч. и проч. не болѣе какъ ложь, что ихъ не было на дѣлѣ, а родились они и жили только въ головѣ автора. Мы пожалуй, съ этимъ согласимся; но и съ нами должны согласиться въ томъ, что и въ историческихъ описаніяхъ далеко не все правда, и что эти несуществовавшія на самомъ дѣлѣ личности поясняютъ внутреннюю сторону боя лучше, чѣмъ большая часть многотомныхъ описаній войнъ, въ которыхъ передъ вами мелькаютъ лица безъ образовъ и въ которыхъ вмѣсто именъ Наполеона, Даву, Нея и проч. можно было бы, безъ всякой потери поставить цифры или буквы. Эти „выдуманнные“ образы передъ вами живутъ и дѣйствуютъ такъ, что изъ

ихъ дѣятельности извлечетъ изъ себя неоцѣнимыя практическія указанія всякій, рѣшившійся посвятить себя военному дѣлу и незабывающій въ мирное время, къ *чему* онъ себя готовитъ. Указанія эти такого рода, что мы смѣло ставимъ ихъ на ряду съ указаніями марш. Саксонскаго, Суворова, Бюжо, наконецъ, Трошю. Если взять, къ тому, что они являются въ разсказѣ гр. Толстаго не въ формѣ отвлеченныхъ общихъ мыслей, а въ примѣненіи этихъ мыслей къ дѣлу живыми лицами, представленными такъ, что вы можете слѣдить за ихъ жестомъ, взглядомъ, словомъ, — если взять все это въ расчетъ, то громадное значеніе военныхъ сценъ гр. Толстаго для всякаго военнаго, принимающаго въ серіозную свое ремесло, станетъ ясно, какъ день. Попробуемъ показать это.

Самую страшную и трудную для начальника задачу всегда составляло и будетъ составлять— управление войсками во время боя; управление не въ томъ смыслѣ, чтобы каждому указать точно его роль— это и невозможно, и смыслу не имѣетъ, при безконечной измѣнчивости боевой обстановки,—а въ томъ, чтобъ духъ всякаго, такъ сказать, наладить дѣлать то, чего требуютъ отъ него обстоятельства.

Чтобъ понять всю трудность этой задачи, стоитъ прочесть очеркъ нравственнаго состоянія войскъ передъ началомъ боя, дѣлаемый Трошю:

„Увлеченіе, храбрость, умственные способности, наконецъ, имѣютъ свои хорошіе и плохіе дни. Заботы о семьѣ или дѣлахъ, нравственное состояніе, состояніе здоровья, излишекъ холода, избытокъ тепла, усталость, голодь, жажда, недолимо дѣйствуютъ на то расположеніе, съ которымъ каждый идетъ въ бой. Извѣстно, что въ эпоху войнъ первой имперіи мужество нѣкоторыхъ

генераловъ, увѣренность въ себѣ солдатъ, росли или падали въ зависимости отъ того, находился ли по близости императоръ, или же его не было“.

„...Эта внутренняя тревога, тщательно сдерживаемая, остается открытою во время передвиженій, предшествующихъ бою; когда часть вступаетъ въ ту сферу, гдѣ свистъ первыхъ снарядовъ, бросаемыхъ издали и потому неопасныхъ, или почти неопасныхъ, предупреждаетъ о томъ, что предстоитъ, — впечатлѣнія людей обнаруживаются мертвымъ только молчаніемъ. Для командировъ это именно та минута, въ которую слѣдуетъ подѣйствовать на солдата покойнымъ видомъ, словомъ, сказаннымъ кетати и съ духомъ. Въ подобныя минуты императоръ Наполеонъ обѣзжалъ линіи, готовыя завязать бой, и обращался къ нимъ съ словами, могущими наэлектризовать солдата“.

Все это превосходно и вѣрно; но чтобы понять глубокое значеніе и практичность совѣтовъ Трошю, нужно или самому пройти крещеніе огнемъ, или же долго и съ толкомъ вчитываться въ тѣ бѣдныя, отрывочныя слѣды, которые всякій военный ураганъ оставляетъ за собою въ литературѣ, въ видѣ мемуаровъ очевидцевъ, наставленій болѣе сильныхъ дѣятелей, и т. под. Разсказъ гр. Толстаго, именно потому, что онъ передаетъ тотъ же совѣтъ въ образахъ, врѣзываетъ его неизгладимыми чертами въ сознаніе человѣка, хоть сколько нибудь привыкшаго дѣлать выводы изъ того, что онъ читаетъ. Мало того: разсказъ показываетъ не только что нужно дѣлать, но и какъ это дѣлается, при извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ дѣятеля. Въ отношеніи разбираемаго вопроса, т. е., управленія людьми во время боя, мы не знаемъ ничего выше страницъ, живописующихъ Багра-

тіона въ первыя минуты дѣла подѣ Голлабрюномъ (или Шенграбенемъ).

Сцена до крайности проста и именно потому и поразительна: раздаются первые выстрѣлы; Багратіонъ, „на каремъ лицѣ котораго, съ полузакрытыми, мутными, какъ будто невыспавшимися глазами“, рѣшительно нельзя было видѣть „думаетъ ли и чувствуетъ и что думаетъ, что чувствуетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту“, — Багратіонъ подѣзжаетъ къ одному изъ важнѣйшихъ пунктовъ позиціи, къ батарее капитана Тушина. Все что ему доносятъ, или что онъ видитъ, князь Багратіонъ принимаетъ съ такимъ видомъ, какъ будто все это было именно то, что онъ предвидѣлъ; если заговорить, онъ произноситъ слова особенно медленно, какъ бы внишая, что торопиться некуда; просвиставшее ядро убило наповаль казака, ѣхавшаго въ свитѣ; соедди его шарахнулись: „князь Багратіонъ, прищурившись, оглянулся, и увидавъ причину происшедшаго замѣшательства, равнодушно отвернулся, какъ бы говоря: стоитъ ли глупостями заниматься! и пріостановилъ лошадь, чтобы поправить зацѣпившуюся за бурку шпагу“. Трудно очертить лучше идеаль того спокойнаго и, такъ сказать заразнаго самообладанія, которое неодолимо должно было сообщиться всѣмъ, попадавшимъ въ сферу его вліянія! „Багратіонъ спрашивалъ: чья рота? а въ сущности онъ спрашивалъ: ужъ не робѣтели ли вы тутъ?“ И его понимали и подбадривались.

„Кн. Андрей тщательно прислушивался къ разговорамъ князя Багратіона съ начальниками и къ отдаваемымъ имъ приказаніямъ, и къ удивленію замѣчалъ, что приказаній никакихъ отдаваемо не было, а что кн. Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ на-

чальниковъ, что все это дѣлалось, хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. Благодаря такту, который выказывалъ кн. Багратіонъ, кн. Андрей замѣчалъ, что, не смотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много *). Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ кн. Багратіону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его, становились оживленнѣе въ его присутствіи и видимо щеголяли передъ нимъ своею храбростью“.

То есть, князь Багратіонъ, какъ опытный полководецъ, понималъ, что въ бою для успѣха прежде всего нужно успокоить людей, а потомъ поддержать и укрѣпить въ нихъ довѣріе къ самимъ себѣ; и онъ дѣлаетъ то и другое — подавляетъ чужое безпокойство и волненіе своимъ каменнымъ спокойствіемъ; находитъ все распоряженія частныхъ начальниковъ хорошими и сообразными съ его намѣреніями, *хотя это* и не всегда было на самомъ дѣлѣ, — *дабы утвердить въ этихъ начальникахъ довѣріе къ самимъ себѣ*. Онъ понимаетъ, что пустившись въ исправленія, всего бы не сдѣлать, а начальниковъ и войска неминуемо бы засуетить. Самый простой здравый смыслъ говорить, что изъ двухъ людей, исполняющихъ опасное назначеніе, тотъ, который за него берется хоть и не совѣмъ ловко, но рѣшительно и съ увѣренностью, всегда вѣрнѣе достигаетъ цѣли, чѣмъ тотъ, который и знаетъ какъ за него взяться наилучшимъ образомъ, но не довѣряетъ собственнымъ силамъ. Если князь Андрей и удивился видимой бездѣятельности князя Багратіона,

*) Мы даже полагаемъ, что сдѣлать все и при томъ самъ Багратіонъ, а не его присутствіе.

то потому только, что онъ составилъ себѣ прямо противоположное дѣйствительности представленіе о томъ, что можетъ и чего не долженъ дѣлать въ бою командиръ значительнаго отряда.

Гр. Толстой ни слова, къ сожалѣнію, не сказалъ о тѣхъ военныхъ взглядахъ, съ которыми его герой выѣхалъ на войну: если бы это было сдѣлано, удивленіе кн. Андрея получило бы совсѣмъ другую окраску, чѣмъ та, которую оно имѣетъ теперь. Позволимъ себѣ пополнить этотъ пробѣлъ, припомнивъ эпоху, въ которую дѣйствовалъ кн. Андрей, и огромную дозу самомнѣнія, составляющую, судя по очерку автора, характеристическую черту этой личности.

До кампаніи кн. Андрей видѣлъ, конечно, только мирныя упражненія войскъ, установившіяся тогда на точномъ основаніи фридриховскихъ формъ, педантическихъ, потерявшихъ смыслъ и духъ со смертью великаго короля. Эти формы, какъ всякому извѣстно, сводились къ восстановленію развернутаго строя изъ колоннъ на полныхъ дистанціяхъ и къ движенію развернутыхъ линій: то и другое—съ идеальною правильностью, „чистотой“, какъ тогда выражались. Опоздай взводъ зайти въ линію на поль-секунды, разравняйся строй при движеніи на шагъ—и начальники пускали въ ходъ всю свою безконтрольную власть, дабы устранивъ безпорядки, столь по ихъ мнѣнію ужасные. Нравственная энергія и другія внутреннія свойства личности не цѣнились ни во что, такъ какъ на первый планъ выступили тѣ качества, чисто внѣшнія, которыя были необходимы для достиженія идеала однообразія, стройности, одновременности движенія; эти качества были: для солдата—умѣніе одновременно съ другими производить всякое движеніе; для офицера и начальника, кромѣ того,—богатырскій голосъ и

умѣнье командовать до такой степени одновременно со своими равными, что для этого необходимы были особыя предварительныя спѣвки. Всякое самонамѣнное движеніе исполнялось и прекращалось не иначе, какъ по командѣ старшаго начальника, которая, по всей командной лѣстницѣ, нисходила до непосредственныхъ исполнителей. Перевести, безъ команды свыше, свой баталіонъ, не то, что на сто или полтораста, а даже на пять шаговъ — было вольнодумствомъ до того нелыханнымъ, что дерзкая мысль о немъ вѣроятно не приходила въ голову современнымъ баталіоннымъ командирамъ даже и во снѣ. Прибавьте къ этому непрерывную и суетливо-поспѣшную дѣятельность адъютантовъ, скачущихъ по всемъ направленіямъ для отдачи приказаній и замѣчаній по самонамѣннымъ мелочамъ или неправильностямъ, и предъ вами предстанетъ та среда, въ которой кн. Андрей началъ свое практическое военное образованіе.

Были, правда, у насъ преданія чисто русскія, другой тактики и другихъ ученій, преданія Румянцева, Суворова; но къ тому времени, когда кн. Андрей долженъ былъ начать свою службу, эти преданія пришибло морозомъ, до такой степени основательнымъ, что ихъ какъ будто и не оывало. Оставались дѣятели, сформировавшіеся подъ вліяніемъ этихъ преданій, но они что то молчали: вѣроятно противное теченіе было слишкомъ сильно; одни не хотѣли, другіе не умѣли ему противостоять и держали про себя то, что приняли, какъ священный завѣтъ, отъ гениальнаго чудака, поднимавшаго свою армію пѣтушьимъ крикомъ, вмѣсто барабаннаго боя, для этого установленнаго.

Обратимся теперь къ теоретической подготовкѣ, какою могъ получить кн. Андрей въ сво-

ихъ военныхъ взглядахъ. То было время господства геометрическихъ теорій въ военномъ дѣлѣ. Полагали, что все стратегическое и тактическое знаніе можно свести къ нѣсколькимъ геометрическимъ чертежамъ, заключить его, слѣдовательно, въ рамки точной, вполне опредѣленной науки. Какъ получить перевѣсъ надъ непріателемъ на театрѣ войны? Нужно имѣть охватывающую базу и объективный уголъ въ 90 градусовъ; отступать по расходящимся отъ непріателя дорогамъ, наступать къ нему — по сходящимся. Какъ разбить на полѣ сраженія? Стѣдуетъ принять косвенный боевой порядокъ, т. е. обойти непріателя съ котораго либо изъ фланговъ. Не правда ли, какъ все просто и ясно? На бѣду въ этихъ простыхъ и ясныхъ теоріяхъ проглядѣли самую мелочь, т. е. человѣка со всѣми его слабыми и сильными нравственными сторонами; распорядились, однимъ словомъ, такъ, какъ будто вся война происходитъ не въ полѣ, а на доскѣ; линіями и углами, выводимыми мѣломъ, а не составленными изъ людей. *) Само собою разумѣется, что, чѣмъ сказанныя теоріи были одностороннѣе, тѣмъ логическое построеніе ихъ было строже и тѣмъ сильнѣе была увѣренность людей, усвоившихъ эти теоріи, въ томъ, что они знали, что такое война и какъ ее дѣлають. Наталкиваясь на факты, опрокидывавшіе ихъ ребяческіе углы и линіи, эти люди, конечно, должны были находить не то, что они ошибаются, а что дѣло ведется не такъ какъ слѣдуетъ.

Особенно это было неизбежно въ томъ случаѣ, когда напавшійся подобными теоріями человѣкъ расположенъ былъ, по врожденнымъ свойствамъ, вѣрить въ безусловную непогрѣшимость

Т. е., сами того не замѣчая, изъ стратегіи и тактики сдѣлали стратегическую и тактическую геометрію.

своихъ взглядовъ и убѣжденій. Таковъ былъ Фуль, такъ превосходно нарисованный гр. Толстымъ; кн. Андрей тоже былъ Фуль, только передѣланный на русскіе нравы, и при томъ не плебей, а аристократическаго происхожденія: Фуль диллетантъ.

Принявъ въ соображеніе все сказанное о практической и теоретической подготовкѣ князя Андрея къ военному дѣлу, станетъ понятно, почему онъ былъ такъ удивленъ поведеніемъ Багратіона во время боя подъ Голлабрюномъ. Багратіонъ не суетился и другихъ не суетилъ; разсылалъ адъютантовъ съ приказаніями во много разъ меньше, чѣмъ кн. Андрею случалось видѣть на самыхъ небольшихъ ученіяхъ: не устраивалъ никакихъ ученыхъ боевыхъ порядковъ, а распредѣлил войска на позиціи, какъ мѣстность того требовала: для героя „Войны и Мира“ было ясно какъ день, что этотъ военачальникъ ничего не дѣлалъ. *Не смотря на это*, присутствіе кн. Багратіона, какъ признаетъ кн. Андрей, сдѣлало чрезвычайно много. Я полагаю, онъ былъ бы болѣе правъ, еслибъ сказалъ, что *именно поэтому* Багратіонъ и сдѣлалъ чрезвычайно много. Но онъ не могъ такъ сказать, потому что распоряженіе боемъ рисовалось въ его сознаніи въ только что очерченномъ видѣ. Не знаемъ, намѣренно или нѣтъ гр. Толстой выдаетъ своего героя въ разбираемомъ случаѣ; находимъ только, что его изображеніе еще болѣе выигрываетъ отъ этого въ художественной правдѣ, являя Болконскаго вполне человѣкомъ своего времени.

Что же до Багратіона, то онъ изображенъ идеально хорошо, въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе художественнаго портрета гр. Толстаго съ тѣмъ, что говоритъ маршалъ Саксонскій объ обязанностяхъ главнокомандующаго въ день сраженія:

„Нужно, чтобы въ день сраженія главнокомандующій ничего не дѣлалъ; онъ яснѣе будетъ видѣть происходящее, сохранить независимость ума и будетъ болѣе способенъ пользоваться тѣми мгновеніями боя, въ которыя непріятель станетъ въ невыгодное положеніе; и когда онъ дождется одного изъ такихъ мгновеній (quand il verra sa belle) онъ долженъ броситься во весь духъ къ слабому мѣсту, схватить первыя попавшіяся подъ руку войска, двинуть ихъ быстро и не щадить себя (payer de sa personne): вотъ отчего зависитъ выигрышъ и рѣшеніе боя. *Я отнюдь не говорю ни идъ, ни какъ это должно дѣлать, ибо это зависитъ отъ разнообразія мѣстъ и положеній, возникающихъ во время боя; сущность въ томъ, чтобы подмѣтить мгновеніе и умѣть имъ воспользоваться*“.

Какъ читатель можетъ видѣть, авторъ „Войны и Мира“ до такой степени вѣрно сдѣлалъ каждый штрихъ своего изображенія, что можно подумать будто онъ создалъ это изображеніе по образцу, указанному марш. Саксонскимъ.

А вотъ идеаль Болконскаго, набросанный тѣмъ же марш. Саксонскимъ, какъ указаніе того, *чего не слѣдуетъ дѣлать*.

„Многіе главнокомандующіе занимаютъ въ день сраженія только тѣмъ, что двигаютъ войска съ строжайшимъ соблюденіемъ равненія и дистанцій, отвѣчаютъ на вопросы, съ которыми къ нимъ обращаются адъютанты, рассылаютъ своихъ адъютантовъ во всѣ концы и сами непрерывно скачутъ; однимъ словомъ они хотятъ сами все сдѣлать и оттого ничего не дѣлаютъ. Я считаю такихъ генераловъ людьми, у которыхъ голова идетъ кругомъ, которые болѣе ничего не видятъ, и которые умѣютъ дѣлать только то, что они дѣлали всю свою жизнь,—разумѣю фронтова ученія. Отчего это происходитъ? Оттого, что

весьма мало есть людей, занимающихся высшими сторонами войны; что большинство офицеровъ занимается только строевыми ученіями и думаетъ, будто все военное искусство заключается въ нихъ однихъ: попадая въ главнокомандующіе, такіе офицеры оказываются полными новичками, и *не умѣя дѣлать то, что нужно, они дѣлаютъ то, что умѣютъ*“.

Мы оставили кн. Багратіона въ ту минуту, когда онъ стоялъ на батарее Тушина и на все отвѣчалъ словомъ, или выраженіемъ лица: „хорошо“. По новымъ донесеніямъ онъ счелъ за нужное переѣхать къ правому флангу, гдѣ получилъ донесеніе отъ полковаго командира, что полкъ его (сбившійся уже въ кучу) выдержалъ кавалерійскую атаку, „хотя трудно было съ достовѣрностью сказать, была ли отбита атака, или полкъ былъ разбитъ атакой“.

„Кн. Багратіонъ наклонилъ голову въ знакъ того, что все это было совершенно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ. Обратившись къ адъютанту, онъ приказалъ ему привести съ горы два баталіона 6-го егерскаго, мимо которыхъ они сейчасъ проѣхали. Кн. Андрея поразила въ эту минуту переменна, происшедшая въ лицѣ князя Багратіона. Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую рѣшимость, которая бываетъ у человѣка, готоваго въ жаркій день броситься въ воду и берущаго послѣдній разбѣгъ. Не было ни невыспавшихся тусклыхъ глазъ, ни притворно *) - глубокомысленнаго вида: круглые твердые, ястребиные глаза восторженно и нѣсколько презрительно смотрѣли впередъ, очевидно ни на чемъ не останавливаясь, хотя въ его движеніяхъ оставалась прежняя размѣренность и медленность“.

*) Такъ казалось кн. Андрею.

И такъ, минута схвачена; подходятъ баталіоны, живые баталіоны; такіе, какими умѣтъ ихъ рисовать только графъ Толстой. Вотъ они поравнялись, вотъ имъ сказали: „Молодцами ребята!“ Остановили, приказали снять ранцы.

„Багратіонъ объѣхалъ прошедшіе мимо него ряды *) и слѣзъ съ лошади. Онъ отдалъ казаку поводья, снялъ и отдалъ бурку, расправилъ ноги и поправилъ на головѣ картузь. Голова французской колонны, съ офицерами впереди, показалась изъ подъ горы.“

Съ человѣкомъ, который въ подобную минуту все это продѣлываетъ спокойно, люди, каковы бы они ни были, не могутъ не быть спокойны; не могутъ допустить даже мысли, чтобы была на свѣтѣ такая сила, которая ихъ бы сломила и которой они не сломили бы. .. Настала торжественная минута, именно та, въ которую главнокомандующій не долженъ щадить себя. Багратіонъ — воспитанникъ суворовской школы — угловъ и линій не зналъ, но эти минуты зналъ.

„Съ Богомъ!“ проговорилъ Багратіонъ твердымъ, слышимымъ голосомъ, на мгновеніе обернулся къ фронту и, слегка размахивая руками, неловкимъ шагомъ кавалериста, какъ бы трюясь, пошелъ впередъ по неровному полю. *Кн. Андрей чувствовалъ, что какая то непреодолимая сила влечетъ его впередъ, и испытывалъ большое счастье“.*

И то, что испытывалъ въ эту минуту кн. Андрей, конечно испытывалъ послѣдній изъ солдатъ въ баталіонахъ, предводимыхъ кн. Багратіономъ. Вотъ что выигрываетъ и рѣшаетъ сраженія, скажемъ словами маршала Саксонскаго, а

*) Т. е. заглянулъ въ лицо каждому солдату — повтореніе того же: „ужъ не робѣете ли вы тутъ?“ только въ другой формѣ.

не тѣ распоряженія, отсутствіе которыхъ со стороны Багратіона такъ поразило князя Андрея... Людямъ, незнакомымъ съ этой страшной игрой, въ которой ставками являются тысячи, иногда и десятки тысячъ человѣческихъ головъ, кажется, будто въ бою стрѣляютъ только пулями, ядрами, картечью,—нѣтъ: тамъ стрѣляютъ еще и живой картечью, т. е. массами людей, и одерживаетъ верхъ только тотъ, кому дана внутренняя сила сплотить массу людей въ одно существо и устремить ихъ къ цѣли съ неуклонимостью бездушнаго снаряда. Князь Багратіонъ былъ одинъ изъ искусныхъ стрѣлковъ въ этой стрѣльбѣ. Приготовить снарядъ, захвативъ его въ свой взглядъ, прицѣлить, выпустить наконецъ, именно въ ту минуту, когда это сдѣлать всего выгоднѣе — не раньше и не позже—все это вещи до такой степени трудныя, что даются избраннымъ, исключительнымъ натурамъ. И всякій безпристрастный наблюдатель долженъ признать, что на такихъ людяхъ лежитъ печать избранія,—какъ бы они ни казались иногда незначущи, иногда пошлы, иногда даже грязноваты, въ другихъ обыденныхъ сферахъ жизни.

Атака двухъ баталіоновъ, предводимыхъ Багратіономъ, конечно, была удачна и обезпечила отступленіе на правомъ флангѣ *).

Считаемъ излишнимъ вдаваться въ разборъ происходившаго на остальныхъ пунктахъ мѣста побоища; но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи указать на то неподражаемое мастерство, съ которымъ очерчены: добродушная, роб-

*) Любопытно было бы, знать, кому кн. Андрей приписалъ бы успѣхъ этой атаки и кто, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ атаковалъ: *онъ* ли, Багратіонъ, не убившій ни одного человѣка, или *они*, стрѣлявшіе и коловшіе!?

кая, штатская, неказистая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, героическая фигура Тушина; сцена распри „Богданыча“ съ тѣмъ полковымъ командиромъ, который представлялъ свой полкъ на смотрѣ подъ Браунау; безсиліе этого послѣдняго остановить свой бѣжавшій полкъ, „не смотря на отчаянный крикъ прежде столь грознаго для солдатъ его голоса;“ подвигъ Тимохина — запуганнаго, пьявенькаго Тимохина, съ одной своей ротой возстановляющаго бой; нахальнаго Долохова, лѣзущаго со взятыми трофеями къ полковому командиру и мимоходомъ, за одно присваивающаго себѣ то, что сдѣлалъ Тимохинъ, т. е. остановку роты, когда бѣжалъ весь полкъ.

Бой кончился; на всѣхъ пунктахъ приказано отступать.

„Въ темнотѣ какъ будто текла невидимая, мрачная рѣка, все въ одномъ направленіи, гудя топотомъ, говоромъ и звуками копытъ и колесъ. Въ общемъ гулъ, изъ за всѣхъ другихъ звуковъ, яснѣе всѣхъ были стоны и голоса раненыхъ, во мракѣ ночи. Ихъ стоны, казалось, наполняли собой весь этотъ мракъ, окружавшій войска. Ихъ стоны и мракъ этой ночи — это было одно и тоже“.

Остановили.

„Теперь уже не текла, какъ прежде, во мракѣ невидимая рѣка, а будто послѣ бури укладывалось и трепетало мрачное море“.

Передъ вами какъ живой, стоитъ тотъ тысячеголовый организмъ, который называютъ войскомъ!

Мало по малу части начали устанавливаться по бивакамъ. По дорогѣ, на которой остановилась батарея Тушина, проходятъ отбившіеся отъ своихъ частей солдаты, раненые; четверо проносятъ на шинели что то тяжелое. — „Кончился, что-жъ его носить?“ сказалъ одинъ изъ нихъ. —

Ну васъ! И они скрылись во мракъ со своею ношей“.

Но вотъ Тушина потребовали къ кн. Багратиону. Для рельефа послѣдующей сцены, обратимся опять къ Трошю. „Многіе изъ военныхъ усваиваютъ себѣ, часто совершенно искренно и по убѣжденію въ необходимости этого, особенную фізіономію, привычки, рѣчь *). Эта манера, такъ сказать напускная, исчезаетъ въ бою *неодолимо* и замѣняется другой, соотвѣтствующей врожденнымъ инстинктамъ человѣка. Тамъ люди хорошаго закала и дѣйствительно храбрые проявляютъ это качество блистательно: другіе, въ обыкновенное время бойкіе на словахъ, когда дѣло идетъ о войнѣ, впадаютъ въ мрачное, убитое молчаніе; храбрые на словахъ, всегда повидимому готовые на бой и поэтому пріобрѣтшіе теоретическую репутацію неустрашимости, являются глубоко смущенными; нѣкоторые даже постыдно исчезаютъ во время дѣла, неспособные обуздать свое волненіе и оцѣнить его послѣдствія. Третьи, хотя и подвержены мучительной тревогѣ, сдерживаютъ ее усиліемъ воли; но они ничего не видятъ, не слышатъ, не могутъ собрать своихъ мыслей и одинаково неспособны предводить или быть предводимыми. Люди хладнокровные, кроткіе, считаемые зачастую робкими **) въ мирное время, обнаруживаютъ увлекающую храбрость и даютъ наилучшій примѣръ; сумасброды, у которыхъ, повидимому, голова не совѣмъ въ порядкѣ, являются спокойствіе, здравость сужде-

*) Этотъ намекъ весьма хорошо поясняется одной замѣткой, сдѣланной, если не ошибаемся, Жоржъ-Зандъ, которая, характеризуя какого то генерала, говоритъ что даже на стаканъ съ водой, который бралъ, онъ считалъ нужнымъ бросить повелительный взглядъ.

**) Тушинъ, Тимохинъ.

нiя, распорядительность въ неожиданныхъ размѣрахъ. Во всемъ бой есть безошибочный оселокъ, дающій мѣру способностей и мужества каждаго, помимо его и независимо отъ него.

„Послѣ сраженiя, большая часть оставшихся въ живыхъ мало по малу принимаютъ свою обычную манеру и физиономiю, повидимому и не помня даже о своемъ преображенiи во время боя; и представляется тогда наблюденiю другое, новое зрѣлище: каждый, въ мѣрѣ, допускаемой его положенiемъ, усиливается утвердить за собой славу успѣха, отклонить отвѣтственность за неудачу. Самолюбiе, гордость, честолюбiе заставляютъ пускаться въ продѣлки, которыя часто бываютъ не искренни и даже предосудительны. Бой, во время котораго служили общему дѣлу съ лицомъ, по неволѣ открытымъ, уже забыть; начинается другой бой—личныхъ интересовъ. Не одинъ ловкачъ является передъ общимъ мнѣнiемъ въ маскѣ и требуетъ его благосклонности, съ мѣстомъ въ бюлетенѣ и въ наградномъ спискѣ. И отъ этого, сколько сомнительныхъ подвиговъ, удостоившихся чести опубликованiя! Сколько подвиговъ дѣйствительной храбрости и самоотверженiя проходятъ безвѣстно, или узнаются слишкомъ поздно, благодаря тому, что виновники этихъ подвиговъ не трубили объ нихъ, или же заплатились за нихъ жизнью, что часто бываетъ; или же, наконецъ, тяжело изувѣченные, не находятся на лицо.

Часто мнѣ приходилось видѣть все это и каждый разъ становилось тяжело: *это экзальтатiя войны*, въ которой убитые, раненые, безвѣсти пропавшiе и скромные проигрываютъ; оставшiеся въ живыхъ, находящiеся на лицо и нахальные—выигрываютъ.“

Теперь перейдемъ въ избу, занимаемую кн. Багратиономъ, по близости батареи Тушина. Со-

брались нѣкоторые изъ начальниковъ частей, свита кн. Багратіона тутъ же.

„Полковой командиръ, представлявшійся подъ Браунау, докладывалъ князю, что какъ только что началось дѣло, онъ отступилъ изъ лѣса и, пропустивъ дроворубовъ, съ двумя баталіонами ударилъ въ штыки и опрокинулъ французовъ.

„Какъ я увидалъ, ваше сіятельство, что первый баталіонъ разстроенъ, я сталъ на дорогѣ и думаю: „пропущу этихъ и встрѣчу батальнымъ огнемъ“; такъ и сдѣлалъ.

„При чемъ долженъ замѣтить, В. С., продолжалъ онъ, *вспоминая о разговорѣ Долохова съ Кутузовымъ* и о послѣднемъ своемъ свиданіи съ разжалованнымъ, — что рядовой, разжалованный, Долоховъ на моихъ глазахъ взялъ въ плѣнъ французскаго офицера и особенно отличился. О Тимохинѣ, о томъ, какъ полкъ шарахнулъ назадъ, не слушая его, въ мирное время грознаго голоса, — ни слова. Эксплуатація войны начинается. Отсутствующій остался въ проигрышѣ, говорунъ и нахаль выиграли.

„Здѣсь то я видѣлъ, В. С., атаку павлоградцевъ, *безпокойно оглядываясь*, вмѣшался Жерковъ, который вовсе не видалъ въ этотъ день гусаръ, а только слышалъ о нихъ отъ пѣхотнаго офицера. — Смяли два каре, ваше сіятельство.

Этотъ еще не вполне успѣлъ влѣзть въ свою до — и послѣ — боевую маску; лжетъ онъ уже бойко и хлестко, но еще безпокойно оглядывается; его мучить опасеніе, не видѣлъ ли кто того, что, бывъ посланъ съ приказаніемъ, онъ и близко даже не подѣхалъ къ тому мѣсту, куда былъ посланъ. Пройдетъ нѣсколько времени, онъ оглядываться перестанетъ и до мельчайшихъ подробностей начнетъ описывать, какъ гусары наскочили на каре, какъ были встрѣ-

чены залпомъ, какъ не смотря на это, ворвались и т. д. . . .

Входитъ Тушинъ, робкій и сконфуженный, какъ и всегда при видѣ начальства: споткнулся на древко взятого французскаго знамени и возбудилъ тѣмъ смѣхъ нѣкоторыхъ изъ свиты, Жеркова въ особенности.

„Какимъ образомъ орудіе оставлено?“ спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на него, сколько на веселенькихъ штабныхъ. Тушину, остановившему со своею одною батареею, безъ всякаго содѣйствія пѣхоты в кавалеріи, наступленіе французовъ въ центрѣ. Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія. . . . “ Онъ стоялъ передъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью и едва проговорилъ: не знаю . . . ваше сіятельство . . . людей не было, ваше сіятельство.

—Вы бы могли изъ прикрытія взять!.. Котораго не было. Но Тушинъ не сказалъ того, боясь *подвести* другого начальника. . . . Скромный начиналъ проигрывать и рисковалъ проиграть тѣмъ больше, чѣмъ совершенный имъ подвигъ былъ выше. . . . Его выручилъ, наконецъ, какъ извѣстно, кн. Андрей, рѣзко высказавшій, что сдѣлала и въ какомъ положеніи была батарея, когда пришло приказаніе отступать. А жаль, что выручилъ потому жаль, что на дѣлѣ чаще случается такъ, какъ говорить Трошю. Впрочемъ кн. Андрею не совѣмъ повѣрили.

Вотъ *выдуманые, но живые люди*; они мучатся, гибнутъ, дѣйствуютъ, лгутъ, дѣлаютъ великіе подвиги, низко трусятъ: все это такъ какъ настоящіе люди; и потому то они высоко поучительны; и потому то достоинъ будетъ сожа-

дѣнія тотъ военный дѣятель, который не зарубить себѣ, благодаря разсказу гр. Толстого, какъ неразсчитливо приближать къ себѣ господь въ родѣ Жеркова, какъ зорко нужно приглядываться, чтобы увидѣть въ настоящемъ свѣтѣ Тушинныхъ, Тимохиныхъ; какъ нужно быть проницательно—осторожнымъ, чтобы не произвести въ герои какого нибудь Жеркова, или исправнаго и столь умно—распорядительнаго послѣ боя безъименнаго полковаго командира.

II.

Авторъ „Войны и Мира“ не ограничивается однимъ изображеніемъ военныхъ сценъ и военныхъ типовъ, но вдается и въ теоретическія разсужденія по поводу такихъ, напр. вопросовъ: возможна ли какая нибудь теорія въ военномъ искусствѣ? Какое значеніе главнокомандующаго въ арміи? Какія причины вызвали міровое движеніе 1812 года? Рѣшенія на эти вопросы даетъ иногда онъ самъ, иногда герой его романа, кн. Андрей. Въ разборѣ мнѣній относительно этихъ вопросовъ намъ придется нѣсколько повторяться, такъ какъ одна и таже мысль повторяется иногда по нѣскольку разъ и въ сочиненіи, только въ измѣненной формѣ.

Хотя во взглядахъ кн. Андрея и автора есть много общаго, но отдѣлять эти взгляды необходимо, по той причинѣ, что кн. Андрей, и по своимъ личнымъ свойствамъ, и по времени, въ которое жилъ, не могъ смотрѣть на нѣкоторыя вещи иначе, какъ заставляетъ его авторъ смотрѣть на нихъ. При томъ же авторъ—живописецъ; кн. Андрей мечталъ быть практическимъ дѣятелемъ: вслѣдствіе этого односторонняго разсужденія того и другаго объясняются причинами совершенно

различными, что при разборѣ необходимо принимать въ расчетъ. То, что въ кн. Андреѣ является слѣдствіемъ жизненныхъ неудачъ, въ авторѣ есть не болѣе, какъ увлеченіе, неизбѣжное въ художникѣ, когда онъ выходитъ изъ сферы творчества, свойственной его таланту.

Кн. Андрей принадлежитъ къ числу тѣхъ, нерѣдко встрѣчаемыхъ характеровъ, которые, по странному капризу природы, представляютъ соединеніе громадныхъ претензій съ недостаткомъ силъ для ихъ удовлетворенія. Гр. Толстой воспроизвелъ этотъ типъ художественно вѣрно; не смотря на всю свою симпатію къ кн. Андрею, онъ выставилъ этого послѣдняго опрометчивымъ, рѣшающимъ вопросы иногда очень сложные, съ плеча, способнымъ отъ природы, но пустымъ въ практическомъ смыслѣ—*capable de tout et propre à rien* *), какъ говорятъ Французы. Не польстилъ авторъ своему герою, но распорядился какъ истинный художникъ: взявъ извѣстныя данныя характера, онъ безошадно, до конца, развилъ все ихъ послѣдствія.

Просимъ припомнить появленіе кн. Андрея на сцену: въ свѣтѣ онъ щурится, едва отвѣчаетъ, всѣхъ и вся третируетъ съ высоты своего величія; предъ вами человекъ, который изъ всѣхъ силъ бьется, чтобы *не быть*, а *казаться*, который играетъ роль, который не есть сила, а только претензія на силу. Замѣтивъ пустоту сферы, къ которой принадлежалъ, кн. Андрей уже и это вмѣнилъ себѣ въ особенную заслугу: иначе онъ бы не рисовался такъ своимъ презрѣніемъ, не старался бы съ такой аффектаціей его проявлять.

Открывается война 1805 года: кн. Андрей, не стѣсняясь, пользуется привилегіями той сре-

*) Ко всему *способнымъ*, ни на что *негоднымъ*.

ды, которую повидимому такъ призираетъ, и поступаетъ адъютантомъ къ Кутузову, съ мечтою обрѣсти на полѣ сраженія свой „Тулонъ“, т. е. пошастъ въ Наполеоны. А въ ожиданіи Тулона, кн. Андрей, сдѣлавшись адъютантомъ, весьма легко и скоро усвоиваетъ себѣ нравы передней главнокомандующихъ, примѣняя къ дѣлу „неписанную“ субординацію не хуже любого Жеркова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ личность, по своему собственному убѣжденію высокоодаренная, онъ считаетъ для себя лишнимъ то тяжелое, трудовое пребываніе въ подмастерьяхъ, которое одно дѣлаетъ мастеромъ: онъ, не выдавшій ни разу войны лицомъ къ лицу, является на нее съ готовыми и законченными военными взглядами.

Прочитавъ, съ грѣхомъ пополамъ, съ полдесятка Фулей подъ разными заглавіями и фамиліями, онъ вообразилъ, что знаетъ до такой степени глубоко военное дѣло, что, выйдя на практику, можетъ только другихъ учить, но самому ему учиться нечему.

По счастливой случайности, онъ попадаетъ въ завидное положеніе: получаетъ возможность наблюдать шагъ за шагомъ работу такихъ учениковъ Суворовской школы, какъ Кутузовъ, Багратіонъ. Кажется, чего лучше? Присматривайся, размышляй и вводи въ свои теоретическіе взгляды тѣ поправки, которыя даетъ высшая изъ книгъ — книга жизни. Не тутъ то было: какъ неисправимый доктринеръ, онъ не можетъ допустить мысли, что *онъ* ошибается; нѣтъ, скорѣе джетъ жизнь.

И вотъ онъ удивляется *ничегонедѣланью* Багратіона, собирается заявить свой планъ Аустерлицкаго сраженія на военномъ совѣтѣ, въ который попалъ не по праву, а по личнымъ отношеніямъ къ Кутузову. А факты, между тѣмъ,

развиваются своимъ чередомъ, обнаруживая несостоятельность и военныхъ взглядовъ, и претензій кн. Андрея.

Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что онъ, убѣдившись изъ горькаго опыта, какъ трудно съ одного скачка попасть въ Наполеоны, начинаетъ проповѣдывать, что и Наполеонъ—вздоръ, и дѣло которымъ этотъ послѣдній такъ гениально орудовалъ,—тоже вздоръ.

Иначе и быть не могло: кн. Андрей до такой степени вѣровалъ въ свои таланты и непогрѣшимость, что извѣдавъ несостоятельность *своей* теоріи, неминуемо долженъ былъ притти къ выводу, что и не можетъ быть никакой теоріи въ военномъ дѣлѣ. Искать, двадцать разъ падать и двадцать разъ подниматься, проходя черезъ всю муку сомнѣній и разочарованія,—было не въ натурѣ кн. Андрея. Богъ знаетъ почему, онъ воображалъ, что ему все должно легко даваться. Самъ онъ говоритъ, хотъ и по другому поводу, что *онъ прощать не способенъ*; какъ же ему было простить теоріи военнаго искусства? Вѣдь онъ такъ жестоко на ней осѣкся....

Жаль его: человекъ честный, до извѣстной степени; пожалуй, даже способный и съ характеромъ, но практически—пустой.

Ищетъ онъ своего призванія вездѣ; но нигдѣ его не находитъ, нигдѣ, такъ сказать, корней пустить не можетъ; однимъ словомъ—маленькій великій человекъ, ко всему способный, ни на что негодный.

Правда, онъ былъ живымъ упрекомъ Кутузову въ Бухарестѣ по своей дѣятельности и сдѣлалъ много практическихъ нововведеній у себя въ деревнѣ; но авторъ *разсказываетъ это отъ себя*, не обрисовывая своего героя въ сказанныхъ двухъ положеніяхъ *ни одной сценой*.

По нашему мнѣнію, это признакъ большаго художественнаго такта со стороны автора: сцены, въ которыхъ кн. Андрей явился бы плодотворнымъ практическимъ дѣятелемъ, были бы диссонансомъ въ общемъ обликѣ этого характера: авторъ отъ нихъ и воздержался.

Позволяемъ себѣ думать, что въ этой характеристикѣ кн. Андрея мы ничего не навязали ему отъ себя; факты взяты изъ творенія гр. Толстаго; намъ принадлежитъ только освѣщеніе тѣхъ сторонъ ихъ, которыя авторъ оставилъ въ тѣни, изъ чувства совершенно понятной симпатіи къ своему герою.

Послѣ всего сказаннаго станетъ понятно, почему кн. Андрей относился къ дѣлу, въ которомъ ему не повезло, съ предвзятою, хотя, можетъ быть, и незавѣдомою для него, т. е. совершенно искреннею, одностороннею. Онъ долженъ былъ: или признать возможность искусства въ военномъ дѣлѣ и свое въ немъ неискусство; или же оставаться при вѣрѣ въ свои великія способности и тогда отрицать возможность военнаго искусства и военнаго генія. Онъ выбралъ, конечно послѣднее.

Это подтверждается вполне двумя мѣстами IV части „Войны и мира“, въ которыхъ кн. Андрей высказываетъ свои военные взгляды. Первое изъ нихъ размышленіе кн. Андрея по поводу военнаго совѣта, имѣвшаго слѣдствіемъ оставленіе Дрисскаго лагеря; второе—разговоръ его съ гр. Пьеромъ на Бородинскомъ полѣ.

... „Пренія“ продолжались долго, и чѣмъ дальше они продолжались, тѣмъ больше разгорались споры, доходившіе до криковъ и личностей, и тѣмъ менѣе было возможно вывести какое нибудь общее заключеніе изъ всего сказаннаго. Князь Андрей, слушая этотъ разноязычный говоръ и

эти предположенія, планы и опроверженія и крики, только удивлялся тому, что они все говорили. Тѣ, давно и часто приходившія ему, во время его военной дѣятельности, мысли, что нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки, и *поэтому (?) не можетъ быть никакого, такъ называемаго военнаго тенія*, теперь получили для него совершенную очевидность истины. Какая же могла быть теорія и наука въ дѣлѣ, котораго условія и обстоятельства неизвѣстны, и не могутъ быть опредѣлены, въ которомъ сила дѣятелей войны еще менѣе можетъ быть опредѣлена? Никто не могъ и не можетъ знать, въ какомъ будетъ положеніи наша и непріятельская армія черезъ день, и никто не можетъ знать, какая есть сила этого или того отряда. Иногда, когда нѣтъ труса впереди, который закричитъ: „мы отрѣзаны!“ и побѣжить, а есть веселый смѣлый человѣкъ впереди, который крикнетъ „ура!“, отрядъ въ 5 т. стоитъ 30-ти тысячъ, какъ подъ Шенграбенемъ, а иногда 50 т. бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ.—Какая же можетъ быть наука въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ, какъ во всякомъ практическомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть опредѣлено, и все зависитъ отъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ. Армфельдъ говорить, что наша армія отрѣзана, а Паулучи говорить, что мы поставили французскую армію между двухъ огней; Мишо говорить, что негодность Дрисскаго лагеря состоитъ въ томъ, что рѣка позади, а Пфуль говорить, что въ этомъ его сила. Толь предлагаетъ одинъ планъ, Армфельдъ предлагаетъ другой; и все хороши, и все дурны, и выгоды всякаго предложенія могутъ быть очевидны только въ тотъ моментъ, когда совершится

событіе. И отчего всё говорят: геній военный. Развѣ геній тотъ человѣкъ, который вѣрема умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налево? Оттого только, что военные люди облечены блескомъ и властью *) и массы подлецовъ льстятъ власти, придавая ей несвойственныя (?) качества генія. Напротивъ, лучшие генералы, которыхъ я зналъ, — глупые **), или разсѣянные люди. Лучшій — Багратионъ — самъ Наполеонъ призналъ это. А самъ Бонапарте! Я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ. Не только генія и какихъ нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ, лучшихъ человѣческихъ качествъ — любви (!), поэзіи, нѣжности (!), философскаго (!), пытливаго (!) сомнѣнія. Онъ долженъ быть ограниченъ, твердо увѣренъ въ томъ, что то, что онъ дѣлаетъ, очень важно ***) (иначе у него не достанетъ терпѣнія), и тогда только онъ будетъ храбрый полководецъ. Избави Богъ, коли онъ человѣкъ, полюбитъ кого нибудь, пожалѣетъ, подумаетъ о томъ, что справедливо и нѣтъ. Понятно, что изстари еще для нихъ поддѣлали теорію геніевъ, потому что они — власть. Заслуга въ успѣхѣхъ военнаго дѣла зависитъ не отъ нихъ, а отъ того человѣка, который въ ря-

*) Наполеонъ уже теперь не имѣетъ власти, а его все же считаютъ геніемъ; Макка даже когда онъ былъ окруженъ блескомъ и властью, вѣроятно никто, кромѣ его адъютантовъ, геніемъ не считалъ.

***) Кутузовъ въ томъ числѣ?

***) Трудно считать неважнымъ дѣло, отъ котораго зависитъ судьба сотенъ тысячъ головъ, а иногда и государства. При томъ же, чѣмъ бы ни занимался человѣкъ, онъ не можетъ не признавать своего дѣла важнымъ, ибо никто не станетъ заниматься дѣломъ, на которое онъ смотритъ, какъ на вздоръ.

дахъ закричить: пропали, или закричить: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезенъ!“.

Не трудно видѣть, что эта тирада не имѣеть собственно никакого отношенія къ Дрисскому военному совѣту, а есть плодъ болѣзненно-желчнаго настроенія, охватившаго кн. Андрея послѣ неудачной попытки попасть въ Наполеоны и съ тѣхъ поръ его непокидаващаго. Дѣйствительно: если неурядица этого военного совѣта и могла привести безпристрастнаго человѣка къ какому либо заключенію, то развѣ къ тому, которое о совѣтахъ высказано еще Евгениемъ Савойскимъ: *„лучшее средство ни на что не рѣшиться—это спросить мнѣніе у военного совѣта“* *). По этому то военные люди, понимающіе какъ дѣла дѣлаются, собираютъ совѣты не за тѣмъ, чтобы получить отъ нихъ рѣшеніе, а напротивъ—за тѣмъ, чтобы *вдохнуть въ нихъ свою собственную рѣшимость*. Таковъ былъ совѣтъ Кутузова въ Филяхъ, Наполеона послѣ Аспернской неудачи, Фридриха передъ Лейтенскимъ сраженіемъ. Всякому извѣстно, что въ собраніи сколько головъ, столько и умовъ: нечего, слѣдовательно, и ожидать отъ собранія постановки какойнибудь *одной* мысли, или цѣли: это—принадлежность *единичной* головы; собраніе, въ свою очередь, получивъ мысль, разрабатываетъ подробности ея осуществленія и разноситъ ее по всему воинскому организму. Дрисскому совѣту предоставлена была роль, совѣту несвойственная, и будь онъ составленъ не изъ Армфельдовъ, Фулей и проч., а хоть изъ Наполеоновъ, онъ ни къ чему иному не привелъ бы,

*) Un général ayant envie de ne rien entreprendre, n'a qu'à tenir conseil de guerre.

кроме пустых, бесплодных споров и пререканий.

Военное искусство тутъ ни причемъ. Князю же Андрею кажется, будто неурядица этого совѣта служить подтвержденіемъ того, что нѣтъ и не можетъ быть, ни науки, ни теоріи въ военномъ дѣлѣ, ни, наконецъ, военнаго генія *): не очевидно ли, что дѣло тутъ не въ совѣтѣ, не въ томъ, либо другомъ фазисѣ военнаго дѣла, а въ томъ только, чтобы лишній разъ сказать себѣ, что нѣтъ ни военнаго искусства, ни военнаго генія? Развитіе рѣчи вполне подтверждаетъ это; чтобы увѣрить себя въ несуществованіи противной теоріи военнаго искусства, кн. Андрей опирается, между прочимъ, и на то даже, что у всякаго изъ присутствовавшихъ былъ свой особенный планъ на одно и то же дѣло: неужели же ему была недоступна та простая и осозательная мысль, что къ каждой практической цѣли ведутъ тысячи путей и что дѣло въ томъ, чтобы дойти до нея, а не въ томъ, чтобы дойти непременно извѣстнымъ путемъ? Въдѣ и въ математикѣ одно уравненіе со многими неизвѣстными получаетъ безчисленное множество рѣшеній; въдѣ и математика не даетъ правилъ на то какъ составлять изъ вопроса уравненіе; но слѣдуетъ ли изъ этого, что теорія математики не имѣетъ положительнаго значенія?

Смѣшавъ понятія о наукѣ и о теоріи, кн. Андрей силится доказать, что въ военномъ дѣлѣ нѣтъ ни науки, ни теоріи и, *следовательно* (!), не можетъ быть военнаго генія: опять выводъ,

*) Мы думаемъ наоборотъ, что неурядица Дрисскаго военнаго совѣта лучше всего показываетъ значеніе теоріи военнаго дѣла, ибо, зная ее, не забыли бы и того, чего можно ожидать отъ военнаго совѣта и чего нельзя.

показывающій одно, что кн. Андрей былъ не способенъ что-бы то ни было разобрать послѣдовательно и безъ логическихъ скачковъ. Во первыхъ наука и теорія вовсе не одно и тоже *), ибо теорія возможна и необходима во всякомъ искусствѣ; наука же въ немъ немыслима. Во вторыхъ, чѣмъ труднѣе какое либо дѣло, тѣмъ рѣже возможны мастера въ немъ и тѣмъ болѣе они принадлежатъ къ категоріи тѣхъ исключительныхъ личностей, которыхъ называютъ геніями.

Разовьемъ оба эти положенія.

Въ настоящее время никому въ голову не придетъ утверждать, будто можетъ быть *военная наука*; она немыслима точно также, какъ немыслимы науки: поэзіи, живописи, музыки; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было теоріи вооннаго искусства, точно также, какъ она существуетъ во всякомъ мирномъ искусствѣ. Теорія въ этихъ послѣднихъ искусствахъ не дѣлаетъ Рафаэлей, Бетховеновъ, Гёте; но она даетъ имъ технику дѣла, безъ которой они никогда не могли бы подняться на ту высоту, которой достигли. Теорія военнаго дѣла не претендуетъ готовить не только Наполеоновъ, но даже и Тимохиныхъ; но она утверждаетъ въ знаніи свойствъ войскъ и мѣстности; она указываетъ на образцы творчества въ военной области и слѣдовательно облегчаетъ путь тѣмъ, кто отъ природы одаренъ военными способностями.

Если прибавить къ этому, что она со всею искренностью признаетъ свое безсиліе изслѣдовать третью и самую страшную данную въ военномъ дѣлѣ — данную случайностей: что она признаетъ свою немощь указать снаровки управленія

*) Въ томъ смыслѣ, что всякая наука есть теорія; но не всякая теорія можетъ быть наукой.

себѣ подобными,—то и окажется, что теорія военнаго искусства имѣеть весьма нешуточное значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ человѣку успокоиться на мысли, будто онъ знаетъ *все* дѣло, узнавъ только *часть* его *). Рецентовъ на то какъ созидать Аустерлицы, Фридланды, Ваграмы, швейцарскіе походы 99 года, Кениггрецы,—теорія военнаго дѣла не даетъ; но она представляетъ эти великіе образцы военнаго творчества для изученія военному человѣку, подобно тому какъ живописецъ, музыкантъ, поэтъ изучаютъ великіе образцы, каждый въ своей специальности: не для того, чтобы имъ буквально подражать, но для того, чтобы проникаться ихъ духомъ.

Скажутъ, можетъ быть, что это современный взглядъ и потому кн. Андрей не могъ прийти къ нему; нѣтъ: этотъ взглядъ во все эпохи составлялъ принадлежность всехъ тѣхъ людей, которые не только дѣлали войну, но и думали о ней.

Завирались въ теоріи, именно потому, что весьма рѣдкіе изъ теоретиковъ войну видѣли: но кн. Андрей видѣлъ ее; и если онъ пришелъ къ такимъ страннымъ выводамъ, то это могло произойти только отъ одного: онъ слишкомъ былъ поверхностенъ, чтобы здраво судить о войнѣ. Съ его стороны, для здравыхъ выводовъ, не требовалось даже особенной теоретической силы, или оригинальности ума, а только знакомство съ тѣмъ, что писали о войнѣ такіе люди, какъ маршалъ Саксонскій, Ллойдъ, Фридрихъ В. Но кн. Андрей, какъ диллетантъ, вѣроятно не любилъ заглядывать въ старыя книги, а предпочиталъ черпать

*) Какъ то случилось съ изучавшими „научныя“ теоріи военнаго дѣла, появившіяся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія.

свою мудрость изъ модныхъ, современныхъ ему, произведеній.

Чѣмъ дальше развивается размышленіе кн. Андрея надъ темой, составлявшей, такъ сказать, большое мѣсто его натуры, тѣмъ онъ болѣе раздражается; дойдя до личнаго вопроса въ этой темѣ (можетъ или не можетъ быть военный геній) онъ просто переходитъ въ брань: военную геніальность сочинили подлецы, которые лѣстятъ власти! Опять доказательство, что тутъ дѣло шло о томъ только, чтобы позабавить личную свою раздражительность, а вовсе не о томъ, чтобы получить вѣрный выводъ. Ему даже и то въ голову не пришло, что полководцевъ были тысячи, а геніальность признана только за восемь или девятью изъ нихъ. И до чего можетъ доходить вывихъ ума при подобномъ внутренемъ состояніи, кн. Андрей доказываетъ великолѣпно: вся та страшно трудная обстановка всякаго военнаго предпріятія, которую можетъ уяснить себѣ и выйти изъ нее побѣдителемъ только человѣкъ дѣйствительно изъ ряда вонъ, кажется кн. Андрею напротивъ, аргументомъ въ пользу того, что военная геніальность немьклима! „Развѣ геній“, восклицаетъ онъ, „тотъ человѣкъ, который въ время умѣетъ велѣть подвезти сухари и идти тому направо, тому налево?“! Какъ же, какъ не геніемъ, спросимъ мы, назвать его, если за всю историческую жизнь человѣчества можно насчитать всего восемь — девять человѣкъ, которые были способны въ совершенствѣ дѣлать эту, столь простую для кн. Андрея, вещь; которые, имѣя дѣло съ такой силой, что сегодня 5 т. стоятъ 20 т., а завтра тѣ же 5 т. не будутъ стоять и 200 человѣкъ, умѣли устроить такъ, что ихъ 5 т., если не всегда, то въ большей части случаевъ стоятъ 20-ти т. непріятельскихъ?

Трудность не въ томъ, чтобы *взлѣтъ* подвезти сухари, а въ томъ, чтобы *предвидѣть*, куда ихъ подвезти; не въ томъ, чтобы идти тому направо, тому налѣво, а чтобы разгадать, *почему* это нужно сдѣлать такъ, а не иначе; и разгадать при какой обстановкѣ? Именно подъ вліяніемъ „тѣхъ безчисленныхъ условій, значеніе которыхъ опредѣляется въ одну минуту, про которую никто не знаетъ, когда она наступитъ“—это признаетъ самъ же кн. Андрей. И все это дѣлается не навѣрняка, а основываясь на предположеніяхъ, выведенныхъ часто изъ самыхъ противорѣчивыхъ и неопредѣленныхъ данныхъ: нужно, слѣдовательно, обладать даромъ прозрѣнія, чтобы не попасть въ самый позорный просакъ; нужно имѣть, наконецъ, на столько воли, чтобы рѣшаться быстро на распоряженія; а между тѣмъ отъ нихъ зависитъ судьба сотенъ тысячъ головъ, иногда государства, и собственная будущность распорядителя. А въ это время къ нему всякій лѣзетъ кто съ претензіей, кто съ докладомъ, кто съ пріятнымъ донесеніемъ, что по новымъ извѣстіямъ все то, на чемъ онъ основалъ свои распоряженія, оказывается вздоромъ.

Принявъ только это въ растеть, не трудно видѣть, что плавать—не говоримъ хорошо, а хоть какъ нибудь—въ этомъ морѣ путаницы, безтолковщины, суеты, интригъ, противорѣчій, могутъ только люди далеко не дюжинные.

Князь Андрей какъ будто и самъ почувствовалъ, что, начавъ съ этого конца, пожалуй докажешь обратное тому, что хочется доказать, и вслѣдствіе этого переменяетъ дирекцію, обращаясь къ разбору личныхъ качествъ лучшихъ генераловъ, ему извѣстныхъ. Выходитъ у него, что все это—глупые, или разсѣянные люди.

Уловка, къ которой кн. Андрей прибѣгаетъ, чтобы убѣдить себя въ этомъ и тѣмъ потѣшить свое уязвленное самолюбіе, до наивности простодушна; онъ ставитъ въ вину генераламъ недостатокъ не тѣхъ качествъ, которыя имъ необходимы, а тѣхъ, которыя совершенно излишни! Начинаетъ онъ съ указанія на Багратіона, забывъ даже, что въ обыденной жизни можно быть глупѣ послѣдняго свѣтскаго фата, а въ своей специальности стоять весьма высоко; забывъ даже, какъ самъ онъ былъ неодолимо увлеченъ въ атаку этимъ „глупымъ“ человѣкомъ: увлеченъ такъ, какъ ему умнику увлекать не приходилось.

Но кн. Андрей не останавливается на Багратіонѣ: ему и „Наполеонъ — въ родѣ бородавки“. „А самъ Бонапарте!“ размышляетъ онъ: „я помню самодовольное и ограниченное его лицо на Аустерлицкомъ полѣ“. Послѣ горькихъ уроковъ кн. Андрей остался, должно быть, очень молодымъ, если считалъ возможнымъ дѣлать оцѣнку геніальности или ограниченности по выраженію лица человѣка, котораго онъ видѣлъ въ горячечномъ бреду, мимолетомъ, только разъ въ жизни и не сказалъ ни одного слова съ тѣмъ человѣкомъ...

Подобной оцѣнки можно было бы ожидать развѣ только отъ институтки, которая, влюбившись по портрету въ какого либо героя, теряетъ къ нему не только симпатію, но даже и уваженіе, увидавъ неказистую его наружность въ натурѣ. Людямъ, подобнымъ кн. Андрею, герои не иначе рисуются, какъ въ живописной позѣ, съ глазами, устремленными въ небо, съ печатью вдохновенія на челѣ. Для нихъ внѣшность — все; и если она не презентабельна — кончено.

„Не только генія и какихъ нибудь качествъ особенныхъ не нужно хорошему полководцу, но напротивъ, ему нужно отсутствіе самыхъ высшихъ

и лучшихъ человѣческихъ качествъ — любви, поэзіи, нѣжности, философскаго, пытливаго сомнѣнія“. А воля, увлекающая сотни тысячъ людей и внушающая имъ безграничную, собачью преданность къ такому какъ и они человѣку? А умъ, способный воспринимать все впечатлѣнія съ такой изумительно вѣрностью, что по отдѣльнымъ, разрозненнымъ намекамъ онъ способенъ отгадать намѣренія противника, иногда во всемъ ихъ объемѣ? Для всякаго рода геніальности требуется сильное развитіе одной какой либо, или нѣсколькихъ, но далеко не всѣхъ сторонъ души человѣческой. Съ точки зрѣнія князя Андрея можно, вообще, отрицать существованіе геніальности. Дѣйствительно: возьмемъ, напр., геніальнаго поэта, который умѣетъ любить, нѣженъ до крайности и способенъ пыливо сомнѣваться; объ немъ можно также сказать: что же это за геній? У него нѣтъ даже на столько воли, чтобы не подчиняться своему лакею, или ключницѣ; а воображеніе до того беретъ у него перевѣсъ надъ умомъ, что онъ на каждомъ шагѣ дѣлаетъ себѣ изъ мухи слона. Такимъ путемъ можно отрицать, что угодно; скажутъ вамъ: какая талантливая танцовщица! помилуйте, возрадите вы: да она ни одной ноты вамъ не возьметъ! — Какой великій музыкантъ! — Нисколько не великій: онъ во всю жизнь не только не написалъ ни одной картины, но даже и кисти не умѣетъ взять въ руки! Способный дѣлать подобные приговоры, конечно, будетъ правъ, ибо фактъ можетъ быть дѣйствительно вѣренъ: танцовщица можетъ не имѣть понятія о пѣніи, музыкантъ о живописи. Но составляетъ ли это недостатокъ для той специальности, въ которой они сильны? Вотъ въ чемъ вопросъ; къ сожалѣнію для людей, разсуждающихъ подобно кн. Андрею, этотъ вопросъ останется навсегда непостижимымъ.

„Заслуга въ военномъ дѣлѣ зависитъ не отъ нихъ (полководцевъ), а отъ того человѣка, который въ рядахъ закричитъ: пропали! или закричитъ: ура! И только въ этихъ рядахъ можно служить съ увѣренностью, что ты полезень!“

Велѣдствіе этого послѣдняго вывода кн. Андрей рѣшается взять полкъ въ арміи, хотя и командиръ полка едва ли много подблаеетъ съ любовью, поэзіею, нѣжностью и философскимъ пытливымъ сомнѣніемъ.

Кн. Андрей совершенно правъ, утверждая что въ послѣдней инстанціи успѣхъ или неудача въ военномъ дѣлѣ зависитъ отъ солдатскаго ура или: пропали! И что иногда 5 т. стоятъ 30, какъ подъ Голлабрюномъ, а иногда 50 т. бѣгутъ передъ 8-ю, какъ подъ Аустерлицемъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, онъ говоритъ, да не договариваетъ: и не договариваетъ именно на столько, сколько ему нужно для того, чтобы получить не тотъ выводъ, который слѣдуетъ цо природѣ дѣла, а тотъ, который получить желательно.

Отчего-же происходитъ, что въ однихъ войскахъ чаще случается ура! а въ другихъ: пропали? Вѣдь если бы это была чистая случайность, ей не было бы резона повторяться чаще въ одной, нежели въ другой арміи? Отвѣтъ на это одинъ: „ура“ и „пропали“ зависятъ отъ умѣнья или неумѣнья начальника поднять нравственный уровень своихъ войскъ до той степени, на которой они являются менѣе подверженными вліянію неожиданностей. Отчего у Суворова *никогда* не бѣгали, у Багратіона подъ Голлабрюномъ тоже не побѣжали, а подъ Аустерлицемъ побѣжали? Слѣдовательно „ура“ и „пропали“ являются вовсе не такою случайностью, какъ то кажется князю Андрею. У начальника, владѣющаго даромъ под-

держивать нравственное настроеніе войскъ на извѣстной высотѣ, „пропали“ станетъ если не совершенно невысказанною, то во всякомъ случаѣ весьма рѣдкою случайностью. Все это фактъ неопровержимый и очевидный для всякаго безпристрастнаго наблюдателя.

Еще древніе подмѣтили эту зависимость настроенія массы отъ способности *одного*, выразивъ ее чрезвычайно мѣткой поговоркой: *лучше армія барановъ, предводимая львомъ, чѣмъ армія львовъ, предводимая бараномъ*. И что это такъ, кн. Андрей видѣлъ подъ Голлабрюномъ, или по крайней мѣрѣ могъ видѣть, если бы добивался правды, а не разсуждалъ бы только изъ-за желанія убѣдить себя въ томъ, что болѣе пріятно его самолюбію.

Въ своемъ разговорѣ съ Пьеромъ кн. Андрей продолжаетъ развивать ту-же теорію, что дѣло зависитъ только отъ тѣхъ, которые стрѣляютъ и колютъ, а нисколько ни отъ тѣхъ, которые назначаютъ первымъ куда стрѣлять и кого колоть... „тѣ, съ кѣмъ ты ѣздилъ по позиціи, „говорить онъ Пьеру“, не только не содѣйствуютъ общему ходу дѣла, но мѣшаютъ ему“.

Пьеръ ѣздилъ по позиціи съ Бенигсеномъ и его свитою, и тутъ кн. Андрей былъ правъ; но, какъ и во всемъ прочемъ, онъ не правъ тѣмъ, что по частному случаю дѣлаетъ общій выводъ; да и частные то случаи подыскиваетъ не по правдѣ, а по своему вкусу. Бенигсенъ можетъ быть дѣйствительно болѣе мѣшалъ, нежели помогалъ; но Кутузовъ, Багратионъ, Ермоловъ, Дохтуровъ, Раевскій *не мѣшали*. Въ этомъ и бѣда князь Андрея, что когда ему нужно доказать, что распорядители мѣшаютъ, а не помогаютъ, онъ выставляетъ Бенигсена, забывъ всѣхъ прочихъ; если нужно доказать, что способные боевые люди раз-

сбѣянны или глупы, онъ, не прибавивъ даже *иди* и *въ чемъ* глупы, сошлется на Багратіона, забывъ Кутузова, Ермолова и т. д. „Успѣхъ никогда не зависѣлъ и не будетъ зависѣть ни отъ позиціи, ни отъ вооруженія, ни даже отъ числа; а ужъ меньше всего отъ позиціи.

— А отъ чего же?

— Отъ того чувства, которое есть во мнѣ, въ немъ,—онъ указалъ на Тимохина, — въ каждомъ солдатѣ“. И которое находитъ поддержку въ позиціи, въ вооруженіи, въ числѣ, въ распоряженіяхъ, прибавимъ отъ себя.

Кн. Андрей говоритъ совершенно вѣрно о роли, которую играетъ духъ войскъ въ успѣхѣ или неудачѣ боя.

Но онъ какъ бы не понимаетъ того, что нравственное настроеніе, какъ сила высшая, слагается именно изъ всѣхъ тѣхъ мелочей, которыя, по его мнѣнію, не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Всѣ эти мелочи (для кн. Андрея) относятся къ нравственному настроенію, какъ причины къ слѣдствію, или какъ силы составляющія къ равнодѣйствующей. Тѣ, которые судятъ объ этомъ дѣлѣ не поверхностно, не по первому впечатлѣнію, тѣ очень хорошо это понимаютъ; припомнимъ замѣчаніе Трошю на счетъ чрезвычайной чувствительности нравственнаго настроенія. Ему и въ голову не придетъ противополгать это настроеніе не только такимъ даннымъ, какъ вооруженіе, число, позиція, но даже и такимъ, какъ избытокъ холода или тепла. Каждая изъ этихъ силъ, сама по себѣ, можетъ иногда и не имѣть особеннаго вліянія; но бѣда въ томъ, что онѣ порознь не ходятъ, а дѣйствуютъ совмѣстно и современно. Солдатъ самый неразвитый, когда дѣло доходитъ до боя, жадно прислушивается ко всѣмъ толкамъ, которые ходятъ въ

арміи,—это гр. Толстой подмѣтилъ весьма вѣрно въ своемъ приступѣ къ Аустерлицкому бою. Солдатъ становится чрезвычайно воспріимчивъ къ этимъ толкамъ; если это такъ, то какимъ же чудомъ спасеть онъ свою самоувѣренность и бодрость, если напр. узнаеть, что у него оружіе хуже чѣмъ у непріятели, или что нибудь въ этомъ родѣ? Мы согласны, что подъ Бородинымъ изъ всѣхъ этихъ составляющихъ самую сильною было то патріотическое раздраженіе, которое заставляло нашихъ видѣть во всякомъ французѣ личнаго врага; но изъ того, что это раздраженіе было преобладающею силою, вовсе не слѣдуетъ, чтобы значеніе другихъ силъ приводилось къ нулю. Непріученный къ серьезному разбору фактовъ, расположенный обо всемъ дѣлать заключенія по первому непродуманному впечатлѣнію, кн. Андрей и здѣсь замѣтилъ только ту составляющую нравственнаго настроенія, которая рѣзко была въ глаза; и замѣтилъ тѣмъ легче, что это давало ему возможность своротить на свою любимую тему—ничтожества въ бою личностей руководящихъ. При большей привычкѣ ко всестороннему изслѣдованію фактовъ онъ могъ бы сдѣлать изъ того, о которомъ толкуеть, только одинъ выводъ: именно, что *нравственная сила въ данную минуту зависитъ преимущественно отъ той изъ составляющихъ, которая почему либо на ту минуту пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе.* Съ этой точки преобладающею силою будетъ: иногда разница въ вооруженіи, иногда разница въ побужденіяхъ, изъ-за которыхъ война ведется, и т. д. и т. д., до безконечности; а онъ думаетъ, что вѣрно относительно Бородина будетъ вѣрно и относительно всякаго другаго столкновенія.

Мы не останавливаемся на разборѣ разсужденій кн. Андрея о необходимости не брать въ

плѣнь, а убивать, на томъ основаніи, что отъ этого будто бы войны будутъ возникать только изъ-за основательныхъ причинъ; что „нравы военнаго сословія—отсутствие свободы, т. е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство“: не останавливаемся потому, что это собственно и не разсужденія, а просто наборъ словъ, чтобъ душу отвести. Для кн. Андрея все дѣло было въ личныхъ ощущеніяхъ; онъ самъ проговорился: „кто дошелъ до этого, такъ какъ я, тѣми же страданіями„... Въ этомъ то все и дѣло, чтобы себя потѣшить, свою жолчь поволювать: онъ лечитъ свое бобо. Кажется не трудно-бы замѣтить, что дисциплина—дѣло неизбежное не только въ военномъ, но и въ общественномъ организмѣ: разница только въ степени и характерѣ, но не въ принципѣ; что праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство не составляютъ отличительной принадлежности одного воинскаго организма, а процвѣтаютъ не меньше и внѣ его; но кн. Андрей этого не замѣтилъ, потому что очень ужъ разсердился; а когда человѣкъ разсердится, мало ли чего онъ не наговорить?

III.

Теоретическія воззрѣнія, принадлежащія собственно автору, носятъ на себѣ отпечатокъ односторонности, составляющей послѣдствіе сильной стороны его таланта, т. е. способности живописать отдѣльныя явленія. Всякій живописецъ, для того, чтобы картина была вѣрна, *долженъ* рисовать ее съ одной точки. Если онъ строго соблюдеть при этомъ отношеніе свѣта и тѣни, изображеніе выходитъ до того художественно, что даетъ возможность дополнять воображеніемъ то,

что находится и за этой, *одной только*, представленной стороной. Какъ всякое вѣрное воплощеніе идеи, такое изображеніе проявляетъ ее *всю*, не смотря на то, что воспроизводитъ только одну ея сторону. Отъ этого и происходитъ, что художественное произведеніе наводитъ иногда критика на такія мысли, которыя самому художнику можетъ быть и не приходили въ голову въ моментъ творчества.

Условія вѣрнаго воспроизведенія *) той же идеи не посредствомъ образовъ, а путемъ умозаключеній, совершенно иныя: кто берется за подобную задачу, тотъ долженъ изслѣдовать идею уже не съ одной какой либо, а съ возможно большаго числа сторонъ; иначе выводъ получится односторонній, чтобы не выразиться иначе. Понятно, что кто привыкъ работать въ сферѣ, требующей для выполненія задачи не сходить, такъ сказать, съ одной точки, тотъ, при малѣйшей оплошности, впадетъ въ эту манеру и тамъ, гдѣ она совершенно перестаетъ соответствовать природѣ поставленной цѣли. Отъ этого и происходитъ, что большинство живописцевъ—плохіе философы, и на оборотъ: почти все философы—плохіе живописцы, разумѣя, конечно, живопись словомъ. Первымъ трудно сдвинуться съ одной точки зрѣнія; вторымъ, напротивъ, невозможно установиться на одной точкѣ зрѣнія. Бываютъ исключенія **), но они до такой степени рѣдки, что за всю жизнь человѣчества ихъ считаютъ единицами.

Лучшее подтвержденіе сказанному—Гоголь: всякій знаетъ пропасть, отдѣляющую первую часть

*) Въ этомъ случаѣ *воспроизведеніе* обращается уже въ *развитіе* идеи.

**) Въ родѣ Гёте.

его „Мертвыхъ Душъ“ отъ „переписки съ друзьями“. Сильный въ одномъ извѣстномъ направленіи, онъ потерпѣлъ полное фіаско, какъ только вздумалъ сойти съ этого направленія.

Подобныя уклоненія не ограничиваются тѣмъ, что способный дать превосходные образы даетъ плохія отвлеченныя разсужденія; они ведутъ дальше, ибо отражаются въ послѣдствіи и на художественности самихъ образовъ, которые авторъ стремится, можетъ быть незавѣдомо для самого себя, вогнать въ мѣрку проводимыхъ имъ отвлеченныхъ воззрѣній. Никто, конечно, не поставитъ рядомъ у того же Гоголя хоть „добродѣтельнаго“ напр. откупщика Муразова, нравоучительнаго Костанжогло съ любимъ изъ героевъ первой части „Мертвыхъ душъ“.

То же случилось и съ гр. Толстымъ, хотя не въ такой степени, и не дай Богъ, конечно, чтобы оно когда либо дошло до *такой* степени. *)

Въ IV части своего труда онъ нарушаетъ иногда художественную гармонію изображенія, чтобы подтвердить свои воззрѣнія на исторію и на военное дѣло.

Система его воззрѣній, собственно историческихъ, приводится къ слѣдующему:

Война — событіе, противное человѣческому разуму и *всей* человѣческой природѣ; причины, которыя выставляются историками войнъ 12 года, несостоятельны: „для насъ непонятно, чтобы мил-

*) Къ сожалѣнію, какъ всѣмъ извѣстно, *дошло*. Авторъ, усиленно настаивая въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ на томъ, что нормальный человѣкъ мыслимъ только въ полномъ единеніи съ природой и себѣ подобными, рядомъ съ этимъ отрицаетъ все то, что выработано человѣчествомъ для этого единенія, такъ какъ проповѣдуетъ чистѣйшую анархію. *Примѣч.* 1895 года.

люди людей—христіанъ убивали и мучили другъ друга, потому что Наполеонъ былъ властолюбивъ, Александръ твердъ, политика Англіи хитра и герц. Ольденбургскій обиженъ. *Нельзя понять, какую связь имѣютъ эти обстоятельства съ фактомъ убійства и насилія.*

Отвѣтимъ на это, во первыхъ, что война есть дѣло, противное *не всей человѣческой природѣ, а только одной сторонѣ этой природы,—именно человѣческому инстинкту самосохраненія*, что далеко не одно и то же. Въ человѣкѣ этотъ инстинктъ играетъ весьма видную, но далеко не исключительную роль: такъ, въ порядочномъ человѣкѣ и въ порядочномъ народѣ онъ подчиняется чувству личнаго достоинства, *) которое находитъ опору въ свойствахъ, столь же естественныхъ, какъ самосохраненіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ прямо ему противоположныхъ,—именно: въ чувствѣ самоотверженія, отвагѣ, упорствѣ и т. п. Взавъ это въ расчетъ, односторонность положенія гр. Толстаго открывается сама собою; онъ могъ сказать, что война противна человѣческому инстинкту самосохраненія—и только; но вовсе не противна всей человѣческой природѣ *и въ особенности разуму.*

Иногда она противна разуму, иногда нѣтъ: зависитъ отъ того, *за что* война ведется. Какъ сила вершающая, разумъ не подчиняется никакимъ узенькимъ нормочкамъ азбучной морали.

Въ одномъ и томъ же, повидимому, дѣлѣ (но только повидимому) онъ приходитъ иногда къ положительному рѣшенію, иногда къ отрицательному: вотъ природа человѣческаго разума и въ этомъ его превосходство надъ разумомъ звѣри-

*) Хорошо или дурно понятаго—это совершенно другой вопросъ сюда не относящійся.

нымъ, который въ данныхъ особяхъ всегда приводитъ къ одному и тому же выводу: заяць уступаетъ всегда; тигръ или левъ не уступаютъ никогда; баранъ не можетъ хитрить; лисица не можетъ не хитрить и т. д. Человѣкъ *можетъ* все это. Имѣя это въ виду, странно сказать, что война—дѣло, противное человѣческой природѣ; если бы это было такъ, то человѣкъ никогда бы и не воевалъ; между тѣмъ вся исторія показываетъ обратное: не только воюетъ, но даже иногда изъ-за нелѣпныхъ *) побуждений воюетъ. Можетъ быть скажутъ, что это злоупотребленіе войною указываетъ на ея противоестественность; тогда нужно признать, что все существующее нелѣпно и противоестественно, ибо чѣмъ же нельзя злоупотреблять? Пусть вспомнятъ, изъ чего возникла инквизиція, что огонь грѣшетъ и производитъ пожары; пусть вспомнятъ, что дѣлаютъ деньги и въ хорошую и въ дурную сторону,—и тогда едва ли будутъ опрокидываться на войну, какъ на „противное человѣческому разуму и всей человѣческой природѣ событіе. Война—явленіе, отъ человѣческой воли независящее: недаромъ Пироговъ называлъ ее „травматическою эпидеміею.“

Не менѣе странно и то положеніе, будто между фактами убійства и насилія съ одной стороны и между властолюбіемъ Наполеона, твердостью Александра и проч. (см. выше) съ другой—нѣтъ никакой связи; первое относится ко второму, какъ средство къ цѣли; нужно быть, или желать быть сильно предубѣжденнымъ, чтобы не видѣть этой связи. Можно сказать только одно: эта связь затуманена авторомъ. благодаря ловкой

*) Т. е. изъ за нелѣпныхъ *относительно*. Всякому извѣстно, что человѣку дорога не истина, а то, что въ данную минуту онъ принимаетъ за истину.

антитезѣ между фактами убійства и насилія съ одной стороны и честолюбіемъ Наполеона и проч. съ другой. Но такъ чего не затушуешь? Переходя въ другую сферу, можно поставить, напр., такой вопросъ: что общаго между фактомъ убійства быка и свойствомъ человѣка утолять свой голодъ? Между жертвою извѣстнаго числа рублей и необходимостью прикрыть тѣло отъ атмосферическихъ вліяній? Эти, и имъ подобныя, антитезы могутъ показать только нежеланіе видѣть связь тамъ, гдѣ она есть; но доказать онѣ ничего не могутъ. Императоръ Александръ, благодаря своей твердости, ставитъ себѣ цѣлью не положить оружія, пока хотя одинъ непріятель останется на русской землѣ; и, какъ извѣстно онъ достигъ этой цѣли, благодаря тому, что рѣшился пожертвовать сотнями тысячъ людей и временнымъ подрывомъ благосостоянія нѣсколькихъ губерній. Въ отношеніи ко всему народному организму это тоже самое, что дѣлаетъ единичный человѣкъ, не только непосредственно отстаивая свое существованіе, но дѣлаетъ на всякомъ своемъ шагѣ. Идете ли вы куда нибудь, работаете ли, думаете ли—въ непосредственномъ результатѣ получается все та же потеря нѣкоторой массы частицъ вашего организма: это законъ фізіологическій, теперь всѣми признанный. Сказанный законъ совершенно строго и со всѣми послѣдствіями примѣняется и къ тѣмъ большимъ организмамъ, которые называются народами. Если народъ нуждается въ достиженіи какой бы то ни было цѣли, важной для его существованія, онъ долженъ пожертвовать для ея достиженія извѣстной массой личныхъ и матеріальныхъ частицъ своего собственного организма. Если между этой жертвой и цѣлью, для которой она приносится, нѣтъ ни-

какой связи, то должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что вообще нѣтъ никакой связи между любой жертвой со стороны человѣка и цѣлью, для достиженія которой онъ рѣшается на эту жертву.

Далѣе, авторъ „Войны и мира“, разбирая причины войны 12 года, выставляемыя историками, находитъ ихъ далеко недостаточными и *потому ложными*. Логическій скачекъ: ибо изъ того, что *не все* сказано, не слѣдуетъ вовсе, будто *то, что сказано*, ложно. Рядомъ съ признанными причинами и поводами—то и другое авторъ, къ сожалѣнiю, смѣшиваетъ—авторъ выставяетъ свои, совершенно неимѣющія никакого основанiя, хотя кажущiяся ему столь же основательными, какъ и причины историковъ.

„Такой же причиной, какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу и отдать назадъ герцогство Ольденбургское, представляется намъ и желанiе или нежеланiе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу: ибо *ежели бы* онъ не захотѣлъ итти на вторичную службу и *не захотѣлъ бы* другой и третiй и тысячный капраль и солдатъ, на столько менѣе людей *было бы* въ войскѣ Наполеона и войны *не могло бы* быть (!)

Эта причина, для постановки которой автору понадобился такой огромный запасъ условной частицы „*бы*“, имѣетъ одинъ коренной недостатокъ: выставляемые историками причины и поводы были дѣйствительно, а эта только могла бы быть, по мнѣнiю автора, но въ дѣйствительности не была. Факта, если онъ существуетъ или существовалъ, не собьешь никакими доводами или предположенiями. Какъ бы краснорѣчиво авторъ ни доказывалъ, что могло *бы* быть, но если того

дѣйствительно никогда не было, чего ему хочется, то слѣдовательно и не могло быть. Пусть онъ укажетъ во всей исторіи хоть одинъ примѣръ того, чтобы война не состоялась изъ за нежеланія солдатъ идти на службу, и тогда мы помиримся съ его гипотезой. Но онъ не найдетъ такого примѣра и не можетъ найти, ибо подобный случай противорѣчитъ существеннымъ условіямъ органической жизни массъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ опять организмъ, аналогическій народному во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, но попроще: именно организмъ единичнаго человѣка. Что сказали бы самъ авторъ „Войны и мира“, если бы кто нибудь, разбирая причины драки двухъ человѣкъ между собою, держалъ примѣрно слѣдующую рѣчь: „говорятъ, будто поводомъ къ дракѣ былъ лукъ Ивана, корорый захотѣлось имѣть Петру; будто между ними и прежде уже происходили такія то и такія то столкновенія,—все это вздоръ. Такой же причиной, какъ желаніе имѣть лукъ и нежеланіе отдать его, представляется намъ и желаніе или нежеланіе перваго атома въ рукѣ Петра участвовать въ дракѣ; ибо ежели бы этотъ атомъ не захотѣлъ въ ней участвовать и не захотѣлъ бы другой, третій и тысячный атомъ,—драки могло бы и не быть“... Въ организмѣ живомъ и здоровомъ,—большой ли онъ, малый ли—все равно,—всякій отдѣльный атомъ *не можетъ* не хотѣть того, чего хочетъ та высшая сила въ организмѣ, которая и дѣлаетъ его организмомъ, и безъ которой онъ есть не болѣе, какъ безжизненная куча безучастныхъ другъ къ другу частицъ. Самъ авторъ признаетъ, что Наполеонъ творилъ не столько свою волю, сколько волю того организма, котораго былъ представителемъ, и мы совершенно съ этимъ сог-

ласны *); какъ же онъ, послѣ этого, допускаетъ, что части, взятыя отдѣльно, могли бы хотѣть совсѣмъ не того, чего хочется цѣлому?

Когда читаешь это мѣсто „Войны и мира“, такъ и ожидаешь, что авторъ, отвергнувъ причины, по его мнѣнію несостоятельныя, поставитъ на мѣсто ихъ причины событія, кажущіяся ему дѣйствительными; и каково же удивленіе читателя, когда онъ открываетъ, что автору хотѣлось только сказать, будто *„ничто не было исключительной причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться“*.

Во первыхъ, мы и не знаемъ историка, который бы останавливался на какой либо одной, *исключительной* причинѣ; всѣ они признаютъ *совокупность* причинъ: слѣдовательно въ этомъ случаѣ почтенный авторъ споритъ съ мнимымъ историкомъ; во вторыхъ, изъ того, что не одна какая либо причина произвела извѣстное событіе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы ему вовсе не было причинъ, или какъ говорить авторъ, что оно должно было совершиться потому, что должно было совершиться.

Мы полагаемъ, что самое неудовлетворительное объясненіе причинъ даннаго событія стоитъ выше этого „должно“; потому выше, что оно удовлетворяетъ присущей человѣческому уму потребности доискиваться причины *всему* происшедшему. Эта дурная привычка служить лучшимъ

*) Машинистъ тоже подчиняется силѣ пара и *именно поэтому* онъ можетъ дать машинѣ и скорый, и медленный, и даже попятный ходъ. И что то же самое случается и съ народами, въ нѣкоторыя эпохи жизни ихъ, — ясное доказательство представляетъ современная Франція: есть и попятный ходъ, и выпускъ пара, въ случаѣ надобности, въ образѣ мексиканскихъ и другихъ экспедицій...

доказательствомъ того, что на мѣсто причинъ нельзя поставить непостижимое „должно“, которое ничего не поясняетъ, и отрицаетъ какую бы то ни было причину; нельзя потому, что если бы не было причинности въ явленіяхъ и событіяхъ, не могло бы быть и стремленія къ изысканію причинъ въ человѣческомъ умѣ. Съ этой точки даже поясненіе грома тѣмъ, напримѣръ, что Илья пророкъ по небу ѣздитъ, стоитъ, по нашему мнѣнію, неизмѣримо выше такого объясненія, что громъ гремитъ потому, что онъ долженъ гремѣть. Придетъ время—и вмѣсто Ильи пророка станетъ электричество, вмѣсто электричества—что либо другое, еще болѣе рациональное и уширяющее возрѣнія на феноменъ природы; но изъза „должно“ никогда и ничего для развитія ума человѣческаго не придетъ: это доказывается цѣлыми эпохами, въ которыя подъ всевозможныя явленія подкладывали это давно извѣстное „должно“.

Ставъ на этотъ путь, авторъ въ силу отличительной черты своего таланта—смотрѣть съ одной точки на изображаемое или разбираемое—пошелъ весьма далеко: именно до того, что задался вопросомъ: „когда созрѣло яблоко и падаетъ,—отчего оно падаетъ? Оттого ли, что тяготеетъ къ землѣ, оттого ли, что засыхаетъ стержень, оттого ли, что сушится солнцемъ, что тяжелеетъ, что вѣтеръ стрясетъ его, *оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съѣсть его?*„

Автору кажется, что все это—причины равносильныя, въ томъ числѣ и послѣдняя. Мы же выводимъ изъ этого примѣра совершенно другое: именно то, какъ пріятно читать талантливаго человѣка, который, если станетъ на ошибочную точку зрѣнія, то уже не остановится предъ

послѣдствіями и разовьетъ свой тезисъ до того, что предвзятая односторонность его станетъ ясна для всякаго.

IV.

Историческія свои воззрѣнія авторъ выдѣлилъ въ особія главы и потому односторонность ихъ бросается въ глаза сразу. Не то вышло съ военными воззрѣніями; эти послѣднія проводятся у него какъ бы вскользь, по дорогѣ, подъ прикрытіемъ мастерски, но тенденціозно представленныхъ фактовъ. Отъ этого военные взгляды автора не только не поражаютъ сразу односторонностью, а напротивъ, являются для неподготовленного и предварительно закупленного мастерской картинкой читателя какъ бы естественнымъ выводомъ, вытекающимъ изъ этой картинки.

Обрачикъ этой манеры мы уже видѣли въ разсужденіяхъ кн Андрея, помѣщенныхъ вслѣдъ за изображеніемъ неурядицы Дрисскаго военнаго совѣта.

Подготовивъ читателя описаніемъ этой неурядицы, авторъ пускаетъ вѣлѣдъ затѣмъ кн Андрея съ его монологомъ противъ теоріи военнаго дѣла и противъ возможности военнаго генія, не смотря на то, что между неурядицей какого бы то ни было военнаго совѣта, не имѣющаго руководителя, и сказанными предметами нѣтъ ничего общаго.

Этой же манеры авторъ держится и въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ провести отъ себя какіе либо военные взгляды сомнительнаго свойства.

Открыть это сомнительное свойство взглядовъ не трудно, ибо почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ такъ проговаривается, что внимательному читателю даетъ самъ противъ себя опро-

верженіе: явленіе — почти неизбѣжное во всякомъ поэтическомъ произведеніи, направленномъ къ оправданію теоретическихъ воззрѣній автора, а не къ художественной правдѣ въ изображеніи фактовъ. Возьмемъ, напр., атаку Ростова. Начинается съ того, что „Ростовъ, своимъ зоркимъ охотничьимъ глазомъ, одинъ изъ первыхъ увидалъ этихъ синихъ французскихъ драгунъ, преслѣдующихъ нашихъ уланъ“. Вотъ они близятся больше и больше; Ростовъ „чутьемъ чувствовалъ, что ежели ударить теперь съ гусарами на французскихъ драгунъ, они не устоятъ; но ежели ударить, то надо было сейчасъ, сію минуту, иначе будетъ поздно. Тотъ же Ростовъ высказываетъ совершенно опредѣлительно своему товарищу эту самую мысль и вслѣдъ за тѣмъ бросается въ атаку. Кажется все это показываетъ совершенно ясно, что Ростовъ рѣшился на атаку далеко не зря, хотя и быстро: процессъ чувственной и духовной работы, неизбѣжный при всякой атакѣ, тутъ совершенно ясенъ; всѣ моменты этой работы (увидѣть, обсудить, рѣшиться, исполнить рѣшимость) на лицо. Но автору нужно свернуть на свою любимую тему, что все дѣлается само собою, — и вотъ онъ отъ только что высказанныхъ мыслей прямо переходитъ къ тому, будто „Ростовъ самъ не знаетъ, какъ и почему онъ это сдѣлалъ. Все это онъ сдѣлалъ, какъ онъ дѣлалъ на охотѣ, не думая, не соображая“! Неужели же авторъ, являющійся такимъ тонкимъ наблюдателемъ психическихъ процессовъ, иногда самыхъ мимолетныхъ, могъ не замѣтить этого грубаго противорѣчія между началомъ и концомъ одной и той же страницы? Неужели онъ рассчитывалъ только на такихъ читателей, которые, добравшись до конца страницы, даже разгонисто напечатанной, забываютъ ее начало? Неужели, наконецъ, авторъ не при-

знаеть, что то, что дѣлается быстро и какъ-бы по инстинкту, предшествуется полнымъ психическимъ процессомъ наблюденія, соображенія и рѣшенія, который происходитъ мгновенно, *но все же происходитъ?* Мы не сомнѣваемся нисколько, что вышеприведенныя строки и не нашли бы мѣста въ его описаніи, если бы не стремленіе исподволь подготовить читателя къ тѣмъ умствованіямъ, въ силу которыхъ выходитъ, что человѣкъ никогда самъ не знаетъ, что дѣлаетъ; что онъ не болѣе, какъ марионетка въ чьихъ то рукахъ, и что всему происходящему *ничто не причина*.

Въ началѣ второй части IV тома авторъ идетъ еще дальше: онъ открываетъ, что Ростовъ поскакалъ въ атаку только потому будто бы, что онъ не могъ удержаться отъ желанія проскакать по ровному полю! Можно подумать, что авторъ, когда онъ писалъ эту фразу, и самъ забылъ о написанномъ выше: обстоятельство — свидѣтельствующее столько же въ пользу искренности, сколько и въ пользу силы односторонняго увлеченія автора. Далѣе подобныя противорѣчія встрѣчаются не только на одной страницѣ, но иногда даже въ одной фразѣ.

Такъ, въ сценѣ доклада дежурнаго генерала Кутузову, послѣдній безразлично слушалъ, что ему говорили Денисовъ и потомъ дежурный генералъ. Изъ этого выводится слѣдующее положеніе: „Очевидно было, что Кутузовъ презиралъ умъ и знаніе и даже патріотическое чувство, которое выказывалъ Денисовъ; но презиралъ не умомъ, не чувствомъ, не знаніемъ (потому что онъ не старался выказывать ихъ *), а онъ пре-

*) Неужели же гр. Толстой полагаетъ, что кто обладаетъ умомъ и знаніемъ, тотъ ужъ долженъ всякую минуту думать о томъ, чтобы стараться ихъ выказывать? Это въ характерѣ личностей тщеславныхъ и пу-

зираль ихъ чѣмъ то другимъ. Онъ презираль ихъ своей старостью, своей опытностью жизни“. Мы позволимъ себѣ вопросъ: что составляетъ опытность: масса-ли фактовъ, накопившаяся за долгую жизнь, или же выводы, которые умъ сдѣлалъ изъ этихъ фактовъ и которые одни только могутъ служить руководящимъ началомъ для поведенія въ будущемъ? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ: *именно, совокупность выводовъ, сдѣланныхъ умомъ изъ фактовъ, составляетъ опытность* и есть то плодотворное *знаніе*, которое можетъ пригодиться и въ будущемъ. Знаніе только факта—бесплодно: это будетъ опытность мула принца Евгенія, который, сдѣлавъ десять кампаній, не сталъ отъ этого опытнѣе и свѣдущѣе въ военномъ дѣлѣ *). Если это такъ, то и окажется, что Кутузовъ презираль и знаніе и умъ—не умомъ, не знаніемъ, а чѣмъ то другимъ, именно тѣмъ же знаніемъ и умомъ! Кутузовъ принималъ очень хладнокровно многое такое, изъ за чего другіе сильно горячились, вовсе не по презрѣнію къ уму и знанію, а по своему превосходству въ умѣ и знаніи надъ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Мы не говоримъ уже о томъ, что роль главнокомандующаго принадлежитъ именно къ числу тѣхъ, въ которыхъ нужно быть весьма осторожнымъ во внѣшнихъ проявленіяхъ согласія съ чужими мнѣніями, удовольствія или неудовольствія; изъ тѣхъ ролей, къ которымъ болѣе всего примѣнима поговорка: десять разъ примѣрь одинъ отрѣжь.

стыхъ, въ родѣ кн. Андрея, но отнюдь не въ характерѣ людей въ родѣ Кутузова, которымъ есть дѣла поважнѣе постоянной мысли о томъ, чтобы плѣнять согражданъ и согражданокъ блистательными качествами своей персоны.

*) Извѣстное выраженіе Фридриха Великаго.

При дальнѣйшемъ развитіи этой же самой сцены, уже между кн. Андреемъ и Кутузовымъ, оказывается, что послѣдній обладалъ именно этой способностью не увлекаться, т. е. спокойно созерцать событія, которая кн. Андрею казалась презрѣніемъ къ тому, что Кутузову докладывали. „У него не будетъ ничего своего. Онъ ничего не придумаетъ, ничего не предприметъ, думалъ кн. Андрей, но онъ все выслушаетъ, все запомнитъ, все поставитъ на свое мѣсто, ничему полезному не помѣшаетъ и ничего вреднаго не позволитъ“.

Нельзя лучше очертить то, что требуется отъ полководца: приведенная фраза почти изъ слова въ слово есть повтореніе мнѣнія Наполеона о томъ-же предметѣ *). Въ штабахъ, подобныхъ тому, который получилъ Кутузовъ, всегда находится бездна совѣтниковъ, и званыхъ и незваныхъ; если отъ этого нельзя избавиться, остается одно: знать кого слушать, кого не слушать; Кутузовъ самъ ничего не придумывалъ, положимъ; но *онъ* выбиралъ кого слушать, кого нѣтъ, слѣдовательно онъ былъ главнымъ дѣятелемъ: въ практикѣ идея принадлежитъ не тому, кто первый ее высказалъ, но тому, кто беретъ на себя рѣшимость ее осуществить, съ отвѣтственностью за послѣдствія осуществленія.

*) „Первое качество генерала — обладать спокойной головой (*tête froide*), которая принимаетъ вѣрныя представленія предметовъ, никогда не разгорячается, никогда не отуманивается ни отъ хорошихъ, ни отъ дурныхъ вѣстей; въ которой послѣдовательныя или одновременныя впечатлѣнія распределяются соответственно ихъ важности и занимаютъ не болѣе, какъ столько мѣста, сколько они заслуживаютъ; ибо здравый смыслъ, разсудокъ составляетъ результатъ сравненія многихъ ощущеній (*sensations*), принятыхъ въ равномѣрное соображеніе“. *Memoires pour servir à l'histoire de Napoleon. T. V. Замѣчанія на кампанію 1757 года.*

Вдругъ, вслѣдъ за этой фразой, наталкиваемся на другую, совершенно непостижимую: „Онъ (Кутузовъ) понимаетъ, что есть что то значительнѣе и сильнѣе его воли,—это неизбежный ходъ событій, и онъ умѣетъ видѣть ихъ, умѣетъ понимать ихъ значеніе *и въ виду этого значенія умѣетъ отречься отъ участія въ этихъ событіяхъ, отъ своей личной воли, направленной на другое ?*)“.

Какимъ образомъ человѣкъ, свободный въ выборѣ любого изъ дѣлаемыхъ ему предложеній, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отречься отъ участія въ событіяхъ, получающихъ то или другое направление, *именно въ зависимости отъ того, что этотъ человекъ выбираетъ*, отказываемся понять, да едва ли и кто бы то ни было понять возьмется.

Бородинское сраженіе въ особенности дало случай автору обнаружить и блистательныя стороны своего изобразительнаго таланта и односторонность теоретическихъ воззрѣній. Сцены у Бородина и на батареѣ Раевского переданы съ большимъ мастерствомъ. Даже мнѣніе автора, что позицію предполагалось сначала занять по Колочѣ, до самаго Шевардина, заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія: тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вѣрности взгляда (но не вывода), гр. Толстой рѣдко ошибается. Мы положительно склоняемся въ пользу мнѣнія его о томъ, что первоначально въ мысли верховныхъ руководителей нашей арміи было принять бой, прикрывая позицію Колочей на всемъ протяженіи: склоняемся потому, въ особенности, что съ принятіемъ его многое, неразъясненное до сихъ поръ въ нашемъ расположеніи, совершенно осмысливается. Дѣйствительно: укрѣпленіе на правомъ флангѣ, надъ которымъ столько потѣшались, какъ надъ построеннымъ будто-бы горжей къ неприятелю, слишкомъ сильное за-

нятіе части позиціи сѣвернѣе новой Смоленской дороги, оставленіе безъ вниманія старой Смоленской дороги—все это вытекаетъ, какъ совершенно логическое слѣдствіе расположенія вдоль по Колочѣ, т. е., подъ острымъ угломъ къ Новой смоленской дорогѣ. При подобномъ расположеніи могли опасаться, что Наполеонъ атакуетъ наше правое крыло потому, что правый флангъ нашъ былъ гораздо ближе къ пути отступленія, чѣмъ лѣвый—у Шевардина; слѣдовательно, опрокинувъ его, Наполеонъ затруднилъ бы насъ болѣе, чѣмъ дѣйствуя противъ лѣваго фланга. При томъ же Колоча въ этомъ мѣстѣ представляетъ, судя по плану, приложенному къ сочиненію Г. Л. Богдановича, нѣскольکو удобныхъ переходовъ, и лѣвый ея берегъ (т. е. занятый французами) во многихъ мѣстахъ командуетъ правымъ *); слѣдовательно, тактическое препятствіе, представляемое Колочею, могли считать не довольно сильнымъ, чтобы заставить Наполеона отказаться отъ попытки поставить насъ стратегически въ невыгодное положеніе, угрожая отрѣзать, въ случаѣ удачной атаки, отъ пути нашего отступленія. Если къ этому взять въ расчетъ, что тогда стратегическая сторона боевыхъ комбинацій начинала входить въ моду, съ легкой руки Жомини; что отъ Наполеона ожидали самыхъ невѣроятныхъ предпріятій и ударовъ,—то особенное вниманіе, которое было обращено на правый флангъ позиціи, станетъ понятно именно при томъ условіи, если лѣвый ея флангъ былъ въ Шевардинѣ. Это и выразилось расположеніемъ на правомъ крылѣ и значительнаго числа войскъ, и укрѣпленія, самаго сильнаго судя по плану, изъ тѣхъ, которыя

*) Опять судя по плану. Въ описаніи сказано, что правый на всемъ протяженія командуетъ лѣвымъ.

предположено было возвести на позиціи. Принимая лѣвый флангъ позиціи у Шевардина, оказывается, что помянутое укрѣпленіе вовсе не было обращено горжею къ непріятелю, а составляло только загибъ крайняго праваго фланга. Что, по всей вѣроятности, и Наполеонъ не имѣлъ первоначально намѣренія идти на нашъ лѣвый флангъ, доказывается тѣмъ, что главныя его силы свернули съ новой Смоленской дороги и стали переправляться черезъ Колочу только тогда, когда наши стрѣлки, расположенные у Алексина, по сю сторону Колочи, открыли огонь во флангъ французскимъ колоннамъ, шедшимъ отъ Валуева къ Бородину. Донесенія нѣкоторыхъ дѣятелей, прямо называвшихъ Шевардино лѣвымъ флангомъ позиціи, свидѣтельствуютъ также въ пользу предположенія гр. Толстаго. Впрочемъ, соглашаясь съ основательностью этого мнѣнія, нельзя не признать и того, что, принявъ его, въ разборѣ сраженія придется сдѣлать весьма ничтожную перемѣну: придется назвать Шевардинское дѣло не боемъ у передоваго пункта, а первымъ днемъ Бородинскаго сраженія.

Но, отдавая должное взгляду автора въ разбираемомъ случаѣ, нельзя пропустить безъ вниманія того обстоятельства, что даже и тутъ онъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія доводы, поражающіе своею странностью и обнаруживающіе полный диллетантизмъ его въ военномъ дѣлѣ. „И для чего, защищая его (шевардинскій редутъ) 24 числа до поздней ночи, были истощены всѣ усилія и потеряно 6 т. человѣкъ? Для наблюденія за непріателемъ достаточно было казачьяго разъѣзда“. Это разсужденіе вполнѣ показываетъ, какъ опасно отрицать теорію военнаго дѣла, не зная, въ чемъ она заключается. Для диллетантовъ армія въ 100 т. человѣкъ кажется не такимъ

существомъ, которое разбрасывается на десятки верстъ, а такимъ, которое какъ будто сосредоточено въ одной точкѣ. Теорія военнаго дѣла, при всей ограниченности предѣловъ ея изслѣдованія, разъясняетъ, что сто-тысячная армія прикрывается такой завѣсой, которой не раздвинуть казачьему развѣзду; что она для демонстрацій только отдѣляетъ иногда отъ себя десятки тысячъ войскъ; что все это раскидывается на такія обширныя разстоянія, что убѣдиться осмотромъ въ томъ, сколько именно войскъ передъ вами находится, нѣтъ рѣшительно никакой возможности, а приходится судить о силахъ непріятеля по степени напора, который испытываютъ ваши передовыя войска.

Мы не остановимся на боевыхъ сценахъ Бородинскаго сраженія, ибо уже высказали свое мнѣніе о мастерствѣ автора въ описаніи подобныхъ сценъ, и перейдемъ прямо къ теоретическимъ воззрѣніямъ, высказываемымъ по поводу этого сраженія.

Эти послѣднія до такой степени странны, что невольно поражаешься изумленіемъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ такъ превосходно рисовать боевыя сцены и такъ плохо объяснять явленія войны и боя.

По его мнѣнію, Бородинское сраженіе не имѣло никакого смысла ни для русскихъ, ни для французовъ *). По его мнѣнію, ближайшимъ результатомъ этого сраженія было для русскихъ

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что и въ этомъ случаѣ авторъ счелъ за нужное подготовить читателя къ своимъ разсужденіямъ сценой вытиранія Наполеона одеколономъ и представленія ему портрета Roi de Rome: то и другое съ очевиднымъ поползновеніемъ сильно умалитъ колоссальную фигуру гениальнаго солдата и тѣмъ предрасположитъ читателя принять на вѣру эти разсужденія.

то, что мы приблизились къ гибели Москвы, а для французовъ,—что они приблизились къ гибели арміи. Но вѣдь автору не безвѣстна, конечно, та простая вещь, что исхода боя ни одинъ человѣкъ предвидѣть не можетъ; и что если одна армія рѣшается дать, а другая принять бой, то прежде и болѣе всего въ силу того, что главнокомандующіе ихъ имѣютъ основаніе рассчитывать скорѣе на вѣроятность побѣды, чѣмъ пораженія. Если подобнаго убѣжденія съ которой либо стороны нѣтъ, тогда уклоняются отъ боя, а не даютъ его. Авторъ-же относится къ этому дѣлу, какъ къ ариѳметической задачѣ, и начинаетъ мѣнять шашки на основаніи не тѣхъ данныхъ, которыя главнокомандующій можетъ имѣть передъ сраженіемъ, а напротивъ, на основаніи тѣхъ, которыя обнаруживаются только послѣ сраженія. Наполеонъ, зайдя такъ далеко, рассчитывалъ, что, разбивъ нашу армію, онъ принудитъ насъ къ выгодному для себя миру; мы-же не покрывъ себя позоромъ передъ всею Россіею, не могли пустить Наполеона въ Москву, ни разу не попытавъ счастья въ серьезномъ бою. Кажется, побужденія рискнуть на бой были основательны и съ той, и съ другой стороны; но авторъ этого не видитъ; и не видитъ потому, что ему во что бы то ни стало нужно прійти къ той фразѣ, что „давая и принимая Бородинское сраженіе, Кутузовъ и Наполеонъ поступили произвольно и бессмысленно“. Вслѣдъ за этимъ, совершенно непостижимо по какой связи, авторъ говоритъ: „древніе оставили намъ образцы героическихъ поэмъ, въ которыхъ герои составляютъ весь интересъ исторіи, и мы все еще не можемъ привыкнуть къ тому, что для нашего человѣческаго времени исторія такого рода не имѣетъ смысла“.

Въ наше время никто и не думалъ считать героями, въ древнемъ смыслѣ слова, ни Наполеона, ни тѣмъ болѣе Кутузова. Но вѣдь отъ того, чтобы не считать героями и полубогами людей, дѣйствительно выходящихъ изъ ряда, и до того, чтобы силиться доказать въ ихъ рѣшеніяхъ непроизвольность и бессмысленность, еще очень далеко. Исторія. достойная нашего человѣческаго времени, заключается вовсе не въ томъ, чтобы воображать, будто Наполеонъ значилъ въ своей арміи не болѣе какого нибудь рядоваго или фурштата; но въ томъ, чтобы показать въ истинномъ свѣтѣ отношеніе между силою массъ и силою личностей, руководящихъ этими массами. Мы согласны, что то направленіе исторіи, при которомъ говорили только о головахъ, забывая про тѣло, было односторонне; но изъ признанія этой односторонности еще не слѣдуетъ, чтобы направленіе, діаметрально-противоположное, при которомъ заговариваютъ только о тѣлѣ, забывая голову, было вѣрно. Мы вполне признаемъ, что для осуществленія извѣстныхъ стремленій въ народѣ необходимо иногда продолжительный періодъ пока эти стремленія охватятъ всю массу; періодъ, въ который личности, слишкомъ забѣгающія впередъ, гибнуть; но мы знаемъ также, что для осуществленія этихъ стремленій необходимо, чтобы явился *одинъ*, который далъ бы имъ осязательную форму, указалъ бы имъ цѣль; знаемъ также, что и извѣстныя стремленія, прежде чѣмъ распространиться въ массѣ, должны зародиться въ *одной* головѣ.

Авторъ не можетъ не признавать того, что будь на мѣстѣ Наполеона Дезе, Гошъ, Карно напр., французская жизнь между 793 и 815 годами разыгралась бы не изъ пункта въ пунктъ такъ, какъ она разыгралась подъ Наполеономъ. Ко-

нечно, фактовъ на это нѣтъ; но есть та истина, общая и для нравственнаго и для матеріальнаго міра, что съ перемѣною одной изъ составляющихъ равнодѣйствующая необходимо измѣняется и въ скорости и въ направленіи.

Вотъ, по нашему мнѣнію, то соотношеніе, въ которомъ находятся эти силы *), слагающія народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Стремленіе отрицать значеніе руководящихъ личностей тѣмъ болѣе странно въ авторѣ, признающемъ, что кромѣ индивидуальной жизни личности есть еще та коллективная жизнь **), въ которой личность является, въ свою очередь, только атомомъ: если это такъ, то на какомъ же основаніи авторъ игнорируетъ, что и въ роѣ есть матка, что бываютъ матки дѣльныя***) и безтолковыя****); что это отражается весьма сильно на благостояніи роя; что, наконецъ, съ гибелью матки рой разлетается и гибнетъ (какъ рой), если только въ немъ не явится другой матки. Матка безъ роя ничего не значитъ; но и рой безъ матки то же немного значитъ.

Кажется это вещи до такой степени фактическія, что тутъ сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста; даже старое направленіе исторіи, какъ оно ни было односторонне, указываетъ ясно на громадное значеніе личностей руководящихъ, до того громадное, что оно долгое время закрывало значеніе силъ, которыхъ эти личности были представителями. Гр. Толстой силится доказать, что

*) Т. е., масса съ одной стороны, руководитель массы съ другой.

**) Роевая, какъ ее называетъ авторъ.

***) Наполеонъ, Суворовъ, Кутузовъ, Багратіонъ и проч.

****) Маккъ, Вильруа, Пр. Лотарингскій и проч. и проч.

это вовсе не такъ, на томъ основаніи, что *человѣческое достоинство говоритъ ему, что всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше чловѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ*. Ни что такъ не ведетъ къ сбивчивости понятій, какъ подобныя красивыя, но весьма неопредѣленныя фразы. Нужно условиться въ *чемъ и какъ* всякій изъ насъ, ежели не больше, то никакъ не меньше чловѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ. Гр. Толстой считаетъ вѣроятно, кн. Андрея весьма сильнымъ, умнымъ и развитымъ чловѣкомъ; а между тѣмъ самъ подчинилъ его обаянію Багратиона въ атакѣ подь Шенграбеномъ: подчинилъ не по долгу, а по внутреннему невольному влеченію, ибо заставилъ его даже испытывать при этомъ большое счастье. Способность подчинять себѣ подобныхъ можетъ быть дана даже чловѣку, въ которомъ менѣе всего чловѣческаго,—и за нимъ пойдутъ и развитые, и высоко честные, и нравственные люди; въ той же способности можетъ быть отказано чловѣку, сильно одаренному въ чловѣческомъ смыслѣ. Слѣдовательно, разговоры о чловѣческомъ достоинствѣ ничего не поясняютъ и ничего не доказываютъ въ этомъ вопросѣ.

Чтобы поддержать свою теорію, гр. Толстой доходитъ до того даже открытія, что Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи ни въ кого не стрѣлялъ и никого не убилъ; но вѣдь если вопросъ ставить такимъ образомъ, то ни одинъ солдатъ непосредственно никого не убилъ, ибо убивали собственно не солдаты, а огнестрѣльные снаряды и штыки; неужели же за этими послѣдними, вслѣдствіе этого, должна быть признана произвольность въ дѣйствіяхъ и преобладающее значеніе вообще надъ личнымъ элементомъ въ арміи? Авторъ договаривается, наконецъ, до того, что „ежели бы Наполеонъ запретилъ имъ (т. е. своимъ солдатамъ) теперь драться съ русскими, они бы

его убили и пошли драться съ русскими, потому что это было имъ необходимо“.

Мы позволимъ себя спросить: когда французская армія была въ худшемъ положеніи: передъ Бородинскимъ-ли сраженіемъ, или же подъ Краснымъ и во время Березинской переправы? Кажется ясно *когда*. Отчего же эти солдаты не убили его тогда, когда каждому изъ нихъ ясно стало, что Наполеонъ привелъ ихъ въ Россію на погибель? Отчего въ тѣ страшныя минуты, когда онъ уже уложилъ нѣсколько сотъ тысячъ на сумасбродное предпріятіе, отчего въ остаткахъ этихъ сотенъ тысячъ, остаткахъ голодныхъ, оборванныхъ, полузамерзшихъ, для этого, такого же какъ они, человѣка не находилось другого слова, кромѣ восторженнаго, фанатическаго *vive l'Empereur!*... Принимаясь за подобные вопросы, нельзя ихъ рѣшать сплеча; нельзя рѣшать ссылками на какое то „такъ должно было случиться“, на человѣческое достоинство и на то, что подъ Бородинымъ Наполеонъ никого лично не убилъ. Лучше ихъ совсѣмъ не трогать, чѣмъ разбирать подобнымъ образомъ, мороча и сбивая съ толку тѣхъ изъ читателей, которые на вѣру готовы принять что угодно, разъ они закуплены хорошо изображенными сценами. Не имѣемъ и въ мысли заподозривать искренность автора, въ числѣ обмороченныхъ миражами его воображенія онъ вѣроятно первый; показываемъ только, что это миражи и ничего болѣе.

Всѣ разсужденія автора на ту-же тему носятъ на себѣ характеръ такой же односторонности, какъ и приведенныя уже; увлеченіе свое онъ доводитъ до того, что считаетъ диспозицію Вейротера подъ Аустерлицомъ образцомъ совершенства въ сочиненіяхъ подобнаго рода, очевидно не подозревая даже того мѣрила, по которому

диспозиція можетъ быть признана дурною или хорошею. Позволимъ себѣ дать это мѣрило, взявъ его опять изъ той же теоріи военного искусства: чѣмъ диспозиція проще, чѣмъ она рельефнѣе выставляетъ цѣль, назначенную для достиженія войскамъ, не вдаваясь въ мелочи исполненія, — тѣмъ она лучше. Предлагаемъ автору сравнить съ этой точки диспозицію Наполеона передъ Бородинскимъ сраженіемъ съ диспозиціею Вейротера, и вѣроятно онъ увидитъ, что первую признають хорошею не изъ одного рабскаго поклоненія гению Наполеона, а потому, что она дѣйствительно хороша.

Гр. Толстой находитъ ее нехорошею, потому что ни одинъ ея пунктъ не былъ исполненъ; подобное мнѣніе странно въ примѣненіи къ дѣлу, въ которомъ непріятель на каждомъ шагу противопоставляетъ тысячи преградъ достиженію цѣли: имѣя это въ виду, кажется не трудно понять, что впередъ навѣрное никогда нельзя сказать, что цѣль будетъ, или не будетъ достигнута, или, другими словами, будетъ ли исполнена диспозиція, или нѣтъ *). Автору какъ будто кажется, что образцовая диспозиція должна напередъ предвидѣть и росписать все случайности боя; однимъ словомъ, мы наталкиваемся въ этомъ случаѣ на тѣ-же механическіе взгляды на военное дѣло, на которые уже натолкнулись въ кн. Андрей и которыми авторъ никакъ поступиться не можетъ, не смотря на то, что понимаетъ вполне свойства живой силы, въ употребленіи

*) Это вѣрно не только въ примѣненіи къ войску, но даже къ бездушному снаряду: какъ бы стрѣлокъ ни былъ искусенъ, онъ не можетъ поручиться впередъ, что непременно попадетъ куда цѣлится; а между тѣмъ снарядъ далеко не встрѣчаетъ тѣхъ препятствій, которыя встрѣчаетъ человекъ въ бою.

которой все, впередъ расчитанное до малѣйшихъ подробностей, не можетъ имѣть никакого смысла.

Тираду свою о томъ, что не Наполеонъ рѣшился на Бородинское сраженіе, а ему казалось только, что онъ это велѣлъ, гр. Толстой заканчиваетъ весьма характеристично: „Наполеонъ въ Бородинскомъ сраженіи исполнялъ свое дѣло *представителя власти* также хорошо и еще лучше, чѣмъ въ другихъ сраженіяхъ. Онъ не сдѣлалъ ничего вреднаго для хода сраженія; онъ склонялся на мнѣнія болѣе благоразумныя; онъ не путалъ, не противорѣчилъ самъ себѣ *), не испугался и не убѣжалъ съ поля сраженія, а съ своимъ большимъ тактомъ и опытомъ войны спокойно и достойно исполнялъ свою роль *кажущагося* начальствованія.

Мы не говоримъ уже о противорѣчій между тѣмъ, что Наполеонъ тутъ является сначала *только кажущимся* представителемъ власти, вслѣдъ за тѣмъ *не дѣлаетъ ничего вреднаго для хода сраженія и склоняется на мнѣнія болѣе благоразумныя*, слѣдовательно выходитъ уже *дѣйствительнымъ* представителемъ власти; не говоримъ потому, что всякій внимательный читатель самъ подмѣтитъ это противорѣчіе. Мы обратимся опять къ источнику этихъ противорѣчій. Заключается онъ все въ томъ же—въ привычкѣ рисовать одну сторону явленій, перенесенной въ ту область творчества, которая требуетъ всесторонняго ихъ изслѣдованія. Чтобы это показать, воспользуемся опять книгою Трошю. Мы беремъ продолженіе описанія начала боя, которое приведено нами выше. Если припомнить, мы остановились тамъ на той минутѣ, когда войска входятъ въ сферу

*) А это въ высшей степени трудно, даже когда пишешь, не только когда дѣйствуешь...

выстрѣловъ и когда начальники должны наэлектризовать ихъ своимъ спокойнымъ видомъ и кстати сказаннымъ словомъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ это время лучшее и для маневрированія, т. е. для того, чтобы принять тактическія формы, сообразныя мѣстности и обстоятельствамъ. Ибо войска пока еще совершенно находятся въ рукахъ начальниковъ, смотрятъ на нихъ, всею отъ нихъ ожидаютъ и молча повинуются ихъ слову. Еще минута — и ураганъ битвы сокроетъ голосъ начальниковъ и всякіе командные голоса.

За тѣмъ слѣдуетъ великолѣпное описаніе того безпорядка во время сраженія, который такъ хорошо изображаетъ и гр. Толстой. Кажется, ясно; бой представляетъ два момента: въ первый войска находятся подъ вліяніемъ старшихъ начальниковъ вполне; во второй они дѣлаютъ свое дѣло на столько, на сколько сами способны его дѣлать.

Сопоставимъ теперь только что разобранныя мнѣнія гр. Толстаго съ цитатой изъ Трошю, и источникъ разсужденій перваго изъ нихъ о ничтожествѣ вліянія старшихъ начальниковъ въ бою откроется самъ собою: нашъ авторъ описываетъ второй изъ моментовъ боя и увлекся имъ до такой степени, что о существованіи перваго знать не желаетъ.

Авторъ пришелъ, въ этомъ случаѣ, къ выводу, къ которому будетъ приведенъ всякій изслѣдователь, намѣренно или по невниманію разсматривающій не все явленіе, а только часть его; такъ, напр., остановившись на той части выстрѣла, когда пуля уже вышла изъ ствола и летитъ къ цѣли, можно сказать, что участіе стрѣляющаго въ этомъ дѣлѣ ничтожно, что онъ пулей управлять не можетъ, что, наконецъ, искусство

въ стрѣльбѣ немислимо, ибо какое же можетъ быть искусство въ дѣлѣ, въ которомъ попаданіе въ цѣль зависитъ отъ такого множества случайностей: и отъ вѣтра и отъ сырости или сухости воздуха, и отъ освѣщенія и проч. и проч., что въ этомъ дѣлѣ стрѣлокъ является не болѣе, какъ кажущимся распорядителемъ выстрѣла, ибо только выберетъ цѣль, зарядитъ, опредѣлитъ разстояніе, прицѣлится и спуститъ курокъ; но вѣдь пуля полетитъ затѣмъ не такъ, какъ стрѣлокъ хочетъ, а такъ какъ обусловятъ этотъ полетъ обстоятельства, отъ стрѣлка совершенно независимыя.

Задавшись желаніемъ провести подобную односторонность, придется, конечно, все отвергающее ее или не замѣчать, или же представлять такъ себѣ, пустячкомъ, не стоящимъ серьезнаго разбора. Это въ „Войнѣ и мирѣ“ и сдѣлано, въ извѣстномъ разговорѣ Наполеона съ Раппомъ.

„Вы знаете-ли Раппъ, что такое военное искусство? спросилъ онъ. Искусство—быть сильнѣе непріятели въ извѣстный моментъ. *Voilà tout*“.

Людямъ, не особенно знакомымъ съ теоріей военнаго дѣла, или прибѣгающимъ къ аффективному презрѣнію, съ цѣлью скрыть свое невѣжество въ ней, какой обильный матеріалъ для дешеваго остроумія! Передъ нашими глазами такъ и рисуется какой нибудь недоучившійся, но съ претензіями, малый, который, дойдя до этого открытія, воскликнетъ: „только-то! Нечего сказать, славно насъ морочутъ—нужно изучать и военную исторію, и стратегію, и тактику, и военную администрацію, когда дѣло до такой степени просто: нужно только быть сильнѣе непріятели въ извѣстный моментъ и умѣть вовремя подвезти провіантъ и велѣть идти тому на право, тому на лѣво!“.

Всякій общій принципъ до крайности простъ и потому кажется доступнымъ самому ограниченному пониманію; но въ практическомъ дѣлѣ сущность не въ томъ, чтобы *знать*, а въ томъ, чтобы *умѣть примѣнить*. Одно знаніе стоитъ въ этомъ случаѣ немногимъ выше знанія попугая, котораго также можно выучить болтать, что военное искусство есть искусство быть сильнѣе непріятеля въ извѣстный моментъ. Кто знаетъ только жолудь, не имѣетъ еще никакого понятія о дубѣ, хотя послѣдній и заключается въ первомъ; кто выдолбилъ математическую формулу, все же не будетъ имѣть основательнаго понятія о свойствахъ величинъ, ее составляющихъ, если не умѣетъ самъ ее вывести и не разбираетъ ее при всевозможныхъ предположеніяхъ.

Мысль, что старшіе начальники въ бою ничего не дѣлаютъ, составляетъ основной мотивъ разсужденій автора; какъ припѣвъ въ пѣснѣ, она то и дѣло появляется въ этихъ разсужденіяхъ, только форма нѣсколько мѣняется.

„Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполнены“.

„Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ стрѣлять, когда конныхъ, — топтать русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона“.

„Кутузовъ не дѣлалъ никакихъ распоряженій, а только соглашался, или не соглашался на то, что предлагали ему“.

„Долголѣтнимъ военнымъ опытомъ онъ зналъ и старческимъ умомъ понималъ, что *руководить*

сотнями тысячъ человѣкъ, борющихся со смертью, нельзя одному человѣку, и зная, что рѣшаютъ участь сраженія не распоряженія главнокомандующаго, не мѣсто, на которомъ стоятъ войска, не количество пушекъ и убитыхъ людей, а та неуловимая сила, называемая духомъ войска, и онъ слѣдилъ за этой силой и *руководилъ* ею, на сколько это было въ его власти *).

Изъ этихъ выписокъ слѣдуетъ все то же, что мы уже высказали: что авторъ, намѣренно или незавѣдомо для самого себя, но очевидно рисуетъ только тотъ періодъ боя, въ который войска выпадаютъ изъ рукъ старшихъ начальниковъ, и совершенно забываетъ періодъ ему предшествующій, въ который вполнѣ во власти начальника *пустить, или не пустить* войска въ атаку, *пустить ихъ на тотъ, либо другой пунктъ, пустить въ большее или въ меньшее число*. Авторъ, отрицая возможность управленія войсками, къ сожалѣнію, нигдѣ не высказываетъ, что собственно онъ разумѣетъ подъ управленіемъ: если бы онъ это высказалъ, то сразу бы и обнаружилось, что онъ объ этомъ дѣлѣ составилъ себѣ невѣрное представленіе. Попробуемъ выразить личное понятіе автора объ управленіи, основываясь на вышеприведенныхъ выпискахъ.

1) То, что оба главнокомандующіе одни предложенія принимаютъ и дѣлаютъ соответствующія распоряженія къ ихъ исполненію, а другія отвергаютъ—не есть, по его мнѣнію, управленіе.

2) То, что они руководятъ нравственнымъ настроеніемъ войскъ, тоже не есть управленіе;

*) Слѣдовательно въ началѣ фразы выходитъ, что руководить сотнями тысячъ людей одному человѣку въ бою нельзя, а въ концѣ фразы, что ими руководить можно; ибо руководить *людьми*, или *духомъ этихъ людей*—одно и то же.

3) То, что частные начальники, *получивъ назначеніе отъ тѣхъ же старшихъ начальниковъ*, достигаютъ этого назначенія по *своему* усмотрѣнію, въ зависимости отъ непрерывно мѣняющейся боевой обстановки, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній отъ Даву, Неевъ, Мюратовъ, показываетъ, что эти послѣдніе въ бою ничего, или почти ничего не значатъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что за Наполеономъ и его ближайшими помощниками можно бы было, съ точки зрѣнія автора, признать управленіе боемъ только въ томъ случаѣ, если бы каждый изъ нихъ самъ водилъ баталіоны и эскадроны въ атаку и каждую батарею перемѣщаль бы съ одной позиціи на другую! Если бы главные начальники могли этимъ заниматься, тогда не было бы нужды въ дивизіонныхъ, бригадныхъ и прочихъ командирахъ нисшихъ степеней, самое существованіе которыхъ показываетъ, что это вещь немыслимая; если бы, на оборотъ, дѣлали дѣло только эти послѣдніе, тогда не было-бы надобности въ высшихъ начальникахъ, что опять нелѣпость, ибо кто же сводилъ бы къ одной цѣли разрозненныя усилія множества частей? Кажется, очевидно, что корень всѣмъ разсужденіямъ гр. Толстого лежитъ въ невѣрномъ представленіи о томъ, что должно разумѣть подъ управленіемъ на различныхъ ступеняхъ военно-іерархической лѣстницы и въ различные моменты боя.

Становясь на точку графа Толстаго, можно также сказать, что капельмейстеръ въ хорѣ ничего не дѣлаетъ: ни на какомъ инструментѣ онъ не играетъ, значитъ въ общую гармонию не прибавляетъ рѣшительно ничего осязательнаго; не можетъ не только предупредить ошибки какого-нибудь музыканта, но даже и сдѣланныхъ не поправляетъ; ясно какъ день, что онъ рѣшительно

ничего не значить и не дѣлаетъ, а всякій музыкантъ исполняетъ свою партію на сколько позволяютъ ему его личныя средства и средства его инструмента! Но едва ли найдется хоръ, который согласился бы играть безъ этого дармоѣда, торчащаго безъ дѣла (по теоріи автора) передъ его серединою; извѣстно также, что у вялаго капельмейстера получается и вялое исполненіе; энергическій, напротивъ, какъ бы вдыхаетъ въ музыкантовъ новыя силы; компетентные люди говорятъ даже, что даровитый и оригинальный капельмейстеръ способенъ придать пьесѣ такой своеобразный колоритъ, что она, даже для знающихъ ее твердо, является въ совершенно новомъ и неожиданномъ свѣтѣ; иногда даже едва узнаваемою. Нужно при этомъ замѣтить, что въ музыкѣ диспозиція (т. е. партитура), въ большей части случаевъ, создана не тѣмъ, кто управляетъ ея исполненіемъ, и не смотря на это, личныя свойства распорядителя входятъ въ исполненіе такимъ могущественнымъ факторомъ; во сколько же должно увеличиваться значеніе этихъ личныхъ свойствъ распорядителя въ дѣлѣ, въ которомъ онъ является и творцомъ и въ которомъ цѣль достигается подъ вліяніемъ непрерывной опасности и безчисленнаго множества случайностей?

И авторъ, такъ великолѣпно рисующій тѣ неосезаемые токи, которыми разносится въ арміи всякая, и дурная и хорошая, вѣсть,—тотъ же самый авторъ силится увѣрить въ ничтожествѣ значенія распорядителя, отъ котораго зависитъ даже неблагоприятную вѣсть повернуть на пользу дѣлу...

— „Вы видѣли? вы видѣли?... Нахмурившись кричалъ Кутузовъ, быстро вставая и наступая на Вольцогена. Какъ вы... какъ вы смѣете!... дѣлая

угрожающіе жесты трясущими руками и захлебываясь закричалъ онъ Какъ смѣете вы, милостивый государь, говорить это *мит*. Вы ничего не знаете. Передайте отъ меня ген. Барклаю, что свѣдѣнія его несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ, фельдмаршалу, лучше чѣмъ ему.

Вольцогенъ хотѣлъ возразить что то, но Кутузовъ перебилъ его.

— Непрiятель отбитъ на лѣвомъ и пораженъ на правомъ флангѣ. Ежели вы плохо видѣли, милостивый государь, то не позволяйте себѣ говорить того, чего вы не знаете. Извольте ѣхать къ генералу Барклаю и передать ему на завтра мое намѣреніе атаковать непрiятеля, строго сказалъ Кутузовъ. Всѣ молчали и слышно было одно тяжелое дыханіе запыхавшагося стараго генерала. Отбиты вездѣ, за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непрiятель побѣжденъ и завтра погонимъ его изъ священной земли русской, сказалъ Кутузовъ, крестясь, и вдругъ всхлипнулъ отъ наступившихъ слезъ. Вольцогенъ, пожавъ плечами и скрививъ губы, молча отошелъ къ сторонѣ, удивляясь *über diese Eingenommenheit des alten Herrn,* *).

...Кутузовъ, не глядя на Вольцогена, приказалъ написать этотъ приказъ (объ атакѣ на слѣдующій день)...

И по неопредѣленной, таинственной связи, поддерживающей во всей арміи одно и то же настроеніе, называемое духомъ арміи и составляющее главный нервъ войны, слова Кутузова, его приказъ къ сраженію на слѣдующій день, *передались одновременно во всѣ конца войска.*

... И узнавъ то, что назавтра мы атакуемъ непрiятеля, изъ вышнихъ сферъ арміи, услыхавъ

*) Т. е. удивляясь упрямству стараго господина.

подтвержденіе того, чему они хотѣли вѣрить, измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись“.

Теперь представимъ себѣ на мѣстѣ Кутузова одного изъ тѣхъ полководцевъ, qui se font des tableaux, по выраженію Наполеона. т. е. которые дѣлаютъ изъ мухи слона: донесеніе Вольцогена привело бы его, конечно, къ убѣжденію, что все пропало, что нужно какъ можно скорѣе отступать; поскакали бы съ болѣе или менѣе потерянными фізіономіями адъютанты во все концы; торопливо передали-бы приказаніе отступать; торопливо началось бы отступленіе и если бы оно не кончилось бѣгствомъ, то, во всякомъ случаѣ, результатъ нравственной побѣды, которую мы одержали, былъ бы утраченъ. Принявъ это въ соображеніе, придется признать за личностью главнокомандующаго нѣсколько чное значеніе, чѣмъ кажется автору „Войны и мира“. Авторъ самъ себѣ лучшій критикъ: какъ только онъ принимается за живописаніе событій, онъ самъ бьетъ на голову свои теоретическія измышленія.

Кажется, мы не пропустили ни одного изъ болѣе выдающихся теоретическихъ положеній автора; односторонность ихъ, какъ читатель видитъ, и какъ мы уже сказали; произошла отъ того же, отчего происходитъ всякое неправильное умозаключеніе: отъ непринятія въ расчетъ всехъ тѣхъ данныхъ, изъ которыхъ оно, въ примѣненіи къ извѣстному случаю, должно слагаться. Съ авторомъ случилось то же, что случилось съ Платономъ, опредѣлявшимъ, говорятъ, человѣка двуногимъ животнымъ безъ перьевъ, до тѣхъ поръ, пока ему не пустили въ аудиторію опципаннаго пѣтуха. Сколько намъ кажется, по свойству таланта автора, девизомъ его должно быть: je ne

juge pas, je raconte *); только при этомъ условіи онъ, доставляя высокое наслажденіе и поученіе своимъ читателямъ, не будетъ рисковать сбить съ толку тѣхъ изъ нихъ, которые по натурѣ сильно расположены къ подѣавторитетности; не будетъ давать софизмовъ въ распоряженіе тѣхъ, которые нуждаются въ оправданіи своего невѣжества. Автору, вѣроятно, и въ голову не могло прийти, что книга его можетъ послужить для этой послѣдней потребности, а между тѣмъ это такъ; онъ самъ признаетъ, что человѣкъ, сдѣлавъ какое нибудь дѣло, не властенъ въ его послѣдствіяхъ и даже предвидѣть всѣхъ ихъ не можетъ. Это случилось именно съ его „Войной и миромъ“. Просимъ вѣрить, что не выдумываемъ, а говоримъ фактъ; мы сами наталкивались на господъ, которые изъ его книги ничего другого не вычитали, кромѣ того, что военнаго искусства нѣтъ, что подвезти во время провіантъ и велѣть идти тому на право, тому на лѣво—дѣло не хитрое, и что быть главнокомандующимъ можно ничего не зная и ничему не учившись.

Въ томъ и заключается существенная разница между художественнымъ изображеніемъ и теоретическимъ выводомъ, что первое можетъ воспроизвести какой угодно фактъ не рискуя подать поводъ къ поголовнымъ нелѣпнымъ выводамъ; между тѣмъ какъ теоретическій выводъ, при малѣйшемъ невниманіи, получается односторонній и вводитъ въ заблужденіе тѣхъ, которые или неспособны подглядѣть эту односторонность, или которымъ она съ руки.

Пока вы рисуete недѣятельныхъ главнокомандующихъ, штабы такіе, что назначеніе ихъ, повидимому, заключается въ осуществленіи идеи

*) Не сужу, а рассказываю.

безтолковщины и интриги, полковаго командира, безупречнаго въ мирное время, безсильнаго въ бою; пока вы рисуєте Телянина даже,—вы правы: ибо *могутъ бить* и безтолковые штабы, и недѣятельные главнокомандующіе, и все остальное; но разъ вы, по частному явленію стремитесь сдѣлать общій выводъ, онъ долженъ выйти ложень и не можетъ инымъ выйти; не можетъ потому что точно также, какъ возможно то, что вы рисуєте, возможно и прямо ему противоположное. Вы правы, рисуя что нибудь одно, ибо всего разомъ нарисовать нельзя; но не правы, рѣшаясь на выводы, на чемъ нибудь одномъ основанные.

Въ заключеніе не можемъ не указать на великолѣпное развитіе той мысли, почему собственно мы, скорѣе чѣмъ французы, были побѣдителями подъ Бородинымъ.

„Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то, похожее на сновидѣніе, чувство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ), испытывали одинаковое чувство ужаса передъ тѣмъ врагомъ, который, потерявъ *половину* войска, стоялъ также грозно въ концѣ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской, атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется подхваченными кусками матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ“.

За исключеніемъ странной и неумѣстной со стороны гр. Толстаго фразы о „кускахъ матеріи на палкахъ, называемыхъ знаменами“, все здѣсь сказанное глубоко вѣрно. И въ доказательство этого позволимъ себѣ привести фактъ мало извѣстный, кажется нигдѣ незаписанный, но существующій въ преданіи у французовъ. На утро послѣ сраженія, высшіе военачальники собрались, по обыкновенію, къ палаткѣ Наполеона и въ ожиданіи его выхода разговаривали о данномъ наканунѣ сраженіи. Больше всѣхъ выходилъ изъ себя Ней, ибо Наполеонъ дѣйствительно не былъ самимъ собою въ сраженіи: не отъ насморка только *), но и вслѣдствіе того, что онъ такъ далеко затянулся и что въ случаѣ неудачи рисковалъ слишкомъ многимъ. Ней дошелъ до того, что вскрикнулъ: *s'il a désappris de faire son métier qu'il aille se faire f..... à Tuileries; nous ferons mieux sans lui.* Фраза была услышана Наполеономъ, который выслалъ адъютанта пригласить „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“ умѣрить свои выраженія. Этотъ эпизодъ показываетъ совершенно ясно, что нравственную побѣду считали за нами сами руководители французской арміи.

Мы назвали фразу автора о знаменахъ странною и неумѣстною *именно* съ его стороны: на прощанье съ читателемъ мы обязаны показать, почему такъ думаемъ. Гр. Толстому, конечно, извѣстна та особенность человѣческой природы, въ силу которой всякая матеріальная вещь пріобрѣтаетъ значеніе для человѣка не столько сама по себѣ, сколько по тѣмъ понятіямъ, которыя онъ соединяетъ съ этой вещью. Съ этой точки самый ничтожный предметъ можетъ стать для чело-

*) Хотя насморкъ, какъ то вѣроятно не безизвѣстно и гр. Толстому, можетъ дѣйствовать весьма сильно на работу ума и воли.

вѣка святыней, сохраненіе которой для него сливается съ сохраненіемъ собственной чести и становится неизмѣримо выше сохраненія жизни. Мы идемъ дальше: спускаемся въ разрядъ тѣхъ вещей, съ которыми человекъ не соединяетъ собственно никакого особеннаго значенія и которыя бросаетъ, какъ только онѣ отслужили свой срокъ. Какое чувство возникнетъ въ васъ, если незнакомый человекъ, подойдя къ вамъ и схвативъ положенную вами подлѣ хоть папиросницу, бросить ее на полъ? Этотъ человекъ оскорбляетъ этимъ *васъ*, между тѣмъ какъ въ сущности онъ сдѣлалъ самое невинное дѣло—бросилъ на полъ копѣечную вещь. Изъ этого слѣдуетъ, что *всякая самая, ничтожная вещь, становясь принадлежностью человека, обращается какъ бы въ часть его самого*, до такой степени, что грубый поступокъ относительно ея вы считаете уже посягательствомъ на ваше личное достоинство *).

Что вѣрно относительно единичныхъ личностей, то еще болѣе вѣрно относительно тѣхъ большихъ сборныхъ личностей, которыя называются баталіонами, полками. Не представляя по внѣшности одного существа, они нуждаются въ такихъ символахъ, въ такихъ вещественныхъ знакахъ, въ которыхъ индивидуальныя личности и не нуждаются: въ вещественныхъ знакахъ, служащихъ осязательнымъ свидѣтельствомъ внутренняго духовнаго единенія людей, составляющихъ извѣстную часть. Знамя именно и есть этотъ символъ: въ порядочной части все можетъ умереть для войсковой жизни; одно остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ, на сколько вѣчны созда-

*) Ставя эти положенія, мы разумѣемъ, конечно, цѣльныхъ непосредственныхъ людей, а не тѣхъ, въ которыхъ врожденные инстинкты и первичныя впечатлѣнія подчиняются постоянному анализу.

нiя челоуѣка: *духъ* и *знамя*—его вещественный представитель. Часть, въ бою сохранившая знамя, сохранила свою честь неприкосновенною, не смотря на самыя тяжелыя, иногда гибельныя положенiя; часть, потерявшая знамя, — то же, что опозоренный и не отплатившiй за свой позоръ челоуѣкъ. Взявъ это въ соображенiе, всякiй согласится, что кусокъ матерiи, который соединяетъ около себя тысячи челоуѣкъ, сохраненiе котораго стоило жизни сотнямъ, а можетъ и тысячамъ людей, входившихъ въ составъ полка въ продолженiе его вѣкового существованiя, — что такой кусокъ матерiи есть *святыня*, — не условная военная святыня только, но святыня въ прямомъ и непосредственномъ значенiи этого слова, и *что изъ всѣхъ трофеевъ это именно тотъ, который болѣе всего свидѣтельствуетъ о нравственной побѣдѣ надъ врагомъ*. Гр Толстому не мѣшало бы помнить, что именно въ сраженiи подъ Бородинымъ французамъ не удалось взять ни одного изъ *этихъ* кусковъ матерiи на палкахъ; не мѣшало бы не забывать и того, что на концѣ этихъ палокъ утверждены символъ еще болѣе высокаго единенiя, — символъ, который, какъ ему извѣстно, имѣетъ далеко не одно формальное значенiе для русскаго челоуѣка; не мѣшало бы не забывать того, наконецъ, что, до Петровской реформы, на этихъ кускахъ матерiи рисовались образа *), что давало знаменамъ то дѣйствительное значенiе военной и религiозной святыни, которое онѣ имѣли у народа, лучше всѣхъ понимавшаго эти вещи, — у народа римскаго.

Но авторъ „Войны и мира“ знаетъ это не хуже, если не лучше насъ; и если онъ допустилъ

*) И всякiй истинный военный глубоко пожалѣетъ, что этотъ прекрасный обычай оставленъ.

Въ послѣднее царствованiе онъ къ счастью возстановленъ

эту фразу, совершенно несомвѣстную съ признаніемъ истины, имъ же самимъ отстаиваемой,— что побѣда есть прежде всего фактъ нравственный, а не матеріальный,—то мы приписываемъ это не болѣе, какъ недосмотру, и не сомнѣваемся, что онъ не оставитъ ее въ послѣдующихъ изданіяхъ своего труда *). Не сомнѣваемся и потому, что она находится въ логическомъ противорѣчій съ его собственнымъ признаніемъ значенія духа войскъ въ боевомъ успѣхѣ, и потому, что она болѣзненно поразила тѣхъ изъ его читателей, которые считаютъ себя военными не по мундиру только.

V.

Авторъ и въ послѣднихъ томахъ своего труда остается вѣренъ себѣ: та же правда изображеній и тонкость психическаго анализа, когда дѣло идетъ о частной жизни; и та же самоувѣренная односторонность и такъ сказать незаконченность понятій, когда онъ пускается въ разсужденія по поводу описываемыхъ фактовъ, или выдающихся представителей массъ. Разница съ предшествующими томами его произведеній только въ томъ, что меньше картинъ и больше разсужденій; да еще въ томъ развѣ, что въ разсужденія, особенно VI тома, напущено туману при помощи разныхъ хорошихъ словъ и замысловатыхъ фразъ, за которыми не трудно открыть тѣже одностороннія мнѣнія, которыя извѣстны уже читателю изъ IV тома.

Манера аргументаціи автора въ разсужденіяхъ та же: онъ не доказываетъ своихъ положеній, а, если можно такъ выразиться, втираетъ ихъ, повторяя совершенно одно и тоже на раз-

*) Онъ ее *оставилъ*. 1895.

ные лады по нѣскольку разъ и ссылаясь или на человѣческой умъ, которому будто бы противно признать то, что не нравится автору, или же на факты, которые могли бы быть, да не были и быть не могли, или, наконецъ, на какое либо сравненіе съ парохомъ, стадомъ и т. п., сдѣланное такъ, что обыкновенно оно не идетъ къ дѣлу.

У томъ начинается съ того, что человѣческому уму непонятна абсолютная непрерывность движенія и что законы этого послѣдняго становятся понятны только тогда, когда человѣкъ разсматриваетъ произвольно взятая единицы движенія. Въ этой необходимости разлагать не только движеніе, но и все изслѣдуемое на составныя части и лежитъ источникъ большинства человѣческихъ заблужденій, по мнѣнію автора, которое вполне примѣнимо и къ его разсужденіямъ.

Для поясненія своей мысли авторъ прибѣгаетъ къ уподобленію, нисколько этой мысли непоясняющему. Мы съ намѣреніемъ на немъ останавливаемся, такъ какъ уподобленіе составляетъ любимую форму автора для проведенія его взглядовъ: форму, удобную для разъясненія чего либо отвлеченнаго; но еще болѣе удобную для такъ называемаго отвода глазъ.

Въ разбираемомъ случаѣ авторъ взялъ для примѣра извѣстную пѣшку древнихъ: догонитъ ли Ахиллесъ черепаху? Сущность ея разъясняется весьма просто, безъ дифференціаловъ и интеграловъ, вовсе не тѣмъ, что движеніе разложено, а тѣмъ, что разложеніе сдѣлано не соответственнымъ цѣли образомъ, ибо при сравненія двухъ движеній нужно брать пространства, проходимыя въ данную, *постоянно одну и ту же*, единицу времени; въ пѣшкѣ же взяты неодинакіе, но уменьшающіеся въ геометрической прогрессіи проме-

жутки времени и пространства; при каковомъ условіи Ахиллесъ не только не можетъ догнать черепахи, имѣющей хоть какое нибудь движеніе, но не догонитъ напр. и стѣны, не имѣющей никакого движенія. Дѣйствительно: поставимъ Ахиллеса отъ стѣны въ двухъ шагахъ и заставимъ его идти такъ: сначала сдѣлать шагъ, потомъ полъ шага, потомъ четверть, восьмую, шестнадцатую и такъ далѣе шага; сколько бы онъ ни шель такимъ образомъ, конечно до стѣны не дойдетъ.

Слѣдовательно въ пѣшкѣ открывается отвѣтъ не на вопросъ; вопросъ заключается въ томъ, догонитъ ли *Ахиллесъ черепаху?* а отвѣтъ на него сдѣланъ такой: *время и пространство безконечно длинны*. Но автору необходимо было обезпечить дифференціалы и интегралы, пѣшки онъ не пояснилъ, но и тѣ и другіе дѣйствительно обезпечилъ, для большей внушительности послѣдующихъ своихъ разсужденій объ исторіи.

Результатъ ихъ слѣдующій: „Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи“.

Т. е. для того, напр., чтобы уразумѣть хоть бы 12-й годъ, нужно предварительно изучить біографію и влеченія по крайней мѣрѣ всѣхъ, принимавшихъ участіе въ ней, начиная положимъ хоть отъ Лаврушки въ одномъ лагерѣ и кончая Наполеономъ въ другомъ, и только тогда можно претендовать на правильность выводовъ объ этой кампаніи; такъ ли? Если авторъ въ этомъ убѣжденъ, то ему первому не слѣдовало пускаться въ разсужденія о 12-мъ годѣ, такъ какъ онъ всѣхъ

помянутыхъ влеченій и біографій, конечно, не изучиль.

Авторъ, чтобы выпутаться изъ затрудненія, въ которое самъ себя поставилъ, отвергая всякое значеніе исторіи въ ея современномъ состояніи, ставитъ ей идеаль, едвали когда либо достижимый,—и на основаніи этого идеала неотразимо, по его мнѣнію, опрокидываетъ доводы, ею добытые.

Съ точки зрѣнія своего идеала онъ признаетъ выводы современной исторіи неполными—что совершенно вѣрно—и потому ложными—что уже вовсе не вѣрно и составляетъ логическій скачекъ. Исторія есть именно та наука, въ которой неполныя умозаключенія (т. е. основанныя на соображеніи не всѣхъ данныхъ) менѣе всего могутъ утвердиться, ибо имъ всегда есть поправка—въ самомъ совершившемся фактѣ, возникшемъ изъ тѣхъ, которые историку послужили матеріаломъ для выводовъ. Что нужды, если историкъ не высказалъ намъ всѣхъ причинъ событія? Само это событіе доскажетъ то, что онъ упустилъ изъ виду. За нимъ явятся другой, третій, сотый историки, и, исправляя мало по малу односторонности другъ друга, выработаютъ возможно вѣрный для современной имъ эпохи взглядъ на сказанный фактъ. И въ этомъ процессѣ критика не разрушаетъ въ прахъ прежде сдѣланныхъ выводовъ, какъ кажется автору; но разъясненіемъ обстоятельствъ, упущенныхъ изъ виду, только способствуетъ превращенію взглядовъ болѣе одностороннихъ въ менѣе односторонніе.

Этотъ путь одинаковъ въ приложеніи ко всѣмъ опытнымъ наукамъ, начиная съ самой точной изъ нихъ—прикладной математики.

Возьмемъ напр. топографію.—Ошибки, происходящія отъ неустранимыхъ неточностей въ устройствѣ инструментовъ и въ работѣ, дѣлаютъ

невозможнымъ полученіе математически вѣрныхъ плановъ; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что они никуда негодны? Можно назвать ихъ неточными,—пожалуй; но совершенно ложными, т. е. дающими превратное понятіе о мѣстности,—назвать ихъ нельзя.

Отрицаніе добытаго вѣковымъ трудомъ—при помощи противоположенія этого добытаго идеалу—дѣло праздное; стремиться непосредственно къ идеалу и ни къ чему не стремиться—одно и то-же. Авторъ, чтобы отстоять свои измышленія, становится на точку: „или все, или ничего“, человѣчество гораздо скромнѣе въ своихъ притязаніяхъ и находитъ, что „лучше что нибудь, чѣмъ ничего“.

Второй приѣмъ исторіи, заключающійся въ томъ, чтобы „разсматривать дѣйствіе одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей“, теперь поставленъ уже на должное мѣсто и, хотя авторъ считаетъ его ошибочнымъ, никогда не будетъ совершенно отброшенъ, ибо имѣетъ основаніе въ натурѣ вещей.

Авторъ возстаетъ противъ него на томъ основаніи, что будто-бы „умъ человѣческій не только отказывается вѣрить въ это объясненіе, но прямо говорить, что приѣмъ объясненія не вѣренъ, потому что въ этомъ объясненіи слабѣйшее явленіе принимается за причину сильнѣйшаго“.

Этотъ аргументъ—старый нашъ знакомый въ IV томѣ онъ былъ выраженъ такъ: „человѣческое достоинство говоритъ мнѣ (т. е. автору), что всякій изъ насъ если не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ“.—Младшій его братъ пятаго тома страдаетъ тѣмъ же фамильнымъ недугомъ, что и старшій: неопредѣленностью выраженій. Что признавать за

силу и слабость явленій и какимъ мѣриломъ мѣрять эту силу и слабость? Очевидно массой, ибо другаго мѣрителя авторъ не указываетъ. Но тогда представляется такое недоразумѣніе: въ человѣкѣ нервная масса составляетъ по вѣсу никакъ не болѣе $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{10}$ въ сравненіи съ массой костей, мускуловъ, жира, — и однако что чѣмъ управляетъ? Поѣздъ во много десятковъ тысячъ пудовъ движетъ сила, представляемая нѣсколькими фунтами пара, поставленнаго въ извѣстныя условія: которая изъ этихъ двухъ массъ слабѣе — масса-ли поѣзда, или масса пара?

Народный организмъ во всемъ подобенъ человѣческому, по той простой причинѣ, что его строятъ тотъ же человѣкъ, который все творитъ по образу своему и подобію; въ народномъ организмѣ есть также и та и другая масса; и Наполеоны, — со всеми развѣтвленіями, которыми они дѣйствуютъ на массу, — составляютъ въ отношеніи къ этой послѣдней именно то, что составляютъ нервные узлы и нервы въ отношеніи къ организму человѣческому. Слѣдовательно умъ человѣческій не можетъ отказаться вѣрить въ объясненіе, представляемое организмомъ, которымъ этотъ самый умъ управляетъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что, разумѣя подъ слабѣйшимъ явленіемъ незначительную по числу массу руководителей въ сравненіи съ массой руководимыхъ, авторъ противорѣчитъ самъ себѣ, отрицая принципъ духа въ пользу числа въ общей народной жизни и отрицая принципъ числа въ пользу духа въ одномъ изъ частныхъ проявленій этой жизни, т. е. въ жизни организма воинскаго.

Можетъ быть скажутъ, что непризнанные руководители иногда болѣе руководятъ массами, нежели признанные; что послѣдніе составляютъ

иногда не болѣе какъ вывѣску событія *); но признанные или не признанные, — они всегда бываютъ, а въ этомъ и весь вопросъ.

Напрягая всѣ силы къ тому, чтобы доказать ничтожество личностей руководящихъ, авторъ старается располагать соответственно этому и свое повѣствованіе. Говорить-ли о французской арміи послѣ Бородинскаго сраженія, наступленіе надвигается у него *само собой*, не вслѣдствіе распоряженій Наполеона, но „по одной силѣ стремительности“: какъ будто Наполеону не хотѣлось занять Москву?! Въ Москвѣ французы остаются не потому, что Наполеонъ, благодаря предшествующимъ успѣхамъ, дѣйствовалъ по рутинному убѣжденію, что съ паденіемъ столицы миръ неизбѣженъ, но „безъ всякой видимой причины“; бѣгутъ изъ Москвы не потому, что Наполеонъ потерялъ надежду на миръ, а партизаны стали сильно беспокоить и произошло Тарутинское столкновеніе, — и опять безъ всякой новой причины.

Наполеонъ, сознавая всю тяжесть боковаго преслѣдованія, которымъ грозило расположеніе нашей арміи подъ Тарутинымъ, рѣшается возстановить относительно ея фронтальное положеніе своей арміи и бросается на Малоярославецъ, но возвращается на Смоленскую дорогу не потому, что встрѣтилъ неожиданный отпоръ, что едва самъ не попалъ въ руки казакамъ и что у него недостало характера настоять на своемъ рѣшеніи, — а потому, что „это должно было случиться“.

Правда, авторъ проговаривается; артистическій инстинктъ не на столько еще подавленъ,

*) Какимъ былъ напр. Палафоксъ въ осадѣ Сарагоссы, по свидѣтельству Непира.

чтобы не становиться иногда поперегъ резонерству: но онъ выскажетъ дѣло какъ оно было, а потомъ постарается сгладить впечатлѣніе powerfulнымъ объясненіемъ въ духѣ его теорій.

„Когда вотъ, вотъ *les enfants du Don* могли поймать самаго императора въ серединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ. Наполеонъ съ своимъ 40-лѣтнимъ брюшкомъ, не чувствуя въ себѣ уже прежней поворотливости и смѣлости, понялъ этотъ намекъ. И подѣ влияніемъ страха, котораго онъ набрался отъ казаковъ, тотчасъ же согласился съ Мутономъ и отдалъ, какъ *говорятъ историки*, приказаніе объ отступленіи назадъ на Смоленскую дорогу“.

Кажется причина поворота ясна; Наполеонъ былъ не тѣмъ уже, когда, попавшись въ середину значительнаго непріятельскаго отряда, почти безъ конвоя, не только не уходилъ, но требовалъ сдачи отряда и получалъ ее *); но это объясненіе противорѣчитъ теоріи автора — и вотъ является вводка „*какъ говорятъ историки*“, а вслѣдъ за нею и полное противорѣчіе тому, что только что сказано.

„То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ и войска пошли назадъ, не доказываетъ (!) того, что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію, въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона“.

Выходитъ, слѣдовательно, что и приказавши даже, онъ не приказалъ; должно быть приснилось...

*) Это случилось съ нимъ въ 1796 г.

Авторъ тщится провести свою теорію и въ изложеніи кампаніи съ русской стороны; по счастію, въ этомъ случаѣ онъ меньше вдается въ умствованія и болѣе занимается изображеніемъ сценъ; и всякій читатель, конечно, искренно его за это поблагодаритъ, хотя отъ этихъ сценъ теоріямъ автора и не здоровится.

Фланговый маршъ нашей арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу—маневръ, до такой степени для автора простой, что „каждый глупый тринадцатилѣтній мальчикъ безъ труда могъ догадаться, что въ 1812 году самое выгодное положеніе для арміи, послѣ отступленія отъ Москвы, было на Калужской дорогѣ“. Не смотря на то, онъ не допускаетъ, чтобы мысль этого марша могла возникнуть у какого-либо военачальника, но она выработывалась „шагъ за шагомъ, событіе за событіемъ, вытекала изъ безчисленнаго множества самыхъ сложныхъ условій“. Положимъ такъ; но вѣдь никто и до гр. Толстого не воображалъ, что планъ кампаніи 1812 г. былъ выработанъ съ самаго начала до малѣйшихъ подробностей, и изъ того, что онъ видоизмѣнялся въ зависимости отъ событій, не слѣдуетъ еще, что главнокомандующій въ этомъ дѣлѣ ничего не значилъ; роль его именно въ томъ и заключалась, чтобы подмѣтить обстоятельства, при которыхъ приходится дѣйствовать, и съ ними сообразовать свои распоряженія. Наполеонъ прямо говорить: *à la guerre ce sont les circonstances qui commandent*. Этому послѣдняго командира можно вѣдь понять болѣе или менѣе хорошо, можно и совсѣмъ не понять,—что и отличаетъ хорошаго распорядителя отъ дурнаго. Не полагаютъ же, надѣмся, авторъ, что всякая единица пятидесятитысячной массы почувствовала вдругъ потребность потянуться вдоль Пахры и потяну-

лась; не полагаетъ также, что если бы Кутузовъ приказалъ отступать по Нижегородской дорогѣ, то армія все-таки перешла-бы на Калужскую. За тѣмъ, кому первому пришла мысль перехода на Калужскую дорогу—вопросъ совершенно второстепенный и мы не знаемъ историка, который-бы серьезно останавливался на его разрѣшеніи *).

Могло быть даже, что первый толчекъ данъ былъ какимъ нибудь бездарнымъ послѣдователемъ теоріи Бюлова, задолбившимъ фланговую позицію, твердившимъ о нихъ и кстати и не кстати, и, наконецъ, услышаннымъ, когда по обстоятельствамъ оказалось стоящимъ его услышать. Во всякомъ случаѣ нужно же было кому-нибудь въ арміи слѣдить за возникающими шагъ за шагомъ обстоятельствами и, сообразно имъ, направлять движенія арміи? Авторъ этого не признаетъ: маршъ совершился потому, что долженъ былъ совершиться.

Усиливаясь доказать это странное положеніе, авторъ доходитъ, наконецъ, до того, что если бы представить себѣ „просто одну армію, безъ полководцевъ, то эта армія не могла-бы сдѣлать ничего другаго, кромѣ обратнаго движенія къ Москвѣ, описывая дугу съ той стороны, съ которой было больше удовольствія и край былъ обильнѣе“.

Не даромъ французы говорятъ: *qui prouve trop ne prouve rien*. Въ параллель этому аргументу автора можемъ поставить только человѣка, которому отрубилъ-бы голову и который, не смотря на это, сдѣлалъ-бы то-же самое и точно также, какъ и не испыталъ этой операціи.

*) Мы уже имѣли разъ случай замѣтить, что на войнѣ мысль принадлежитъ не тому, кому она первому пришла въ голову, а тому, кто рѣшится ее исполнить съ отвѣтственностію за послѣдствія исполненія.

Далѣ, упорствуя на своемъ, авторъ ссы-
ляется на то, что и мародеры даже отбѣгали
будто-бы именно по этому направлеію, т. е. по
Калужской и ближайшимъ къ ней дорогамъ.
Гр. Толстой не имѣетъ, конечно, статистическихъ
данныхъ, поддерживающихъ его предположеніе:
мы-же имѣемъ то простое основаніе сомнѣваться
въ его состоятельности, что мародеры такой
народъ, который отбѣгаетъ по всѣмъ направле-
ніямъ, сулящимъ поживу и обезпеченнымъ по-
ихъ соображеніямъ отъ непріятныхъ встрѣчъ.
Были они вѣроятно и на Петербургской и на
Ярославской и на Нижегородской, какъ на Ка-
лужской дорогѣ.

Но отдохнемъ нѣсколько отъ разсужденій
автора и обратимся къ его сценамъ. Такія вещи,
какъ совѣтъ въ Филяхъ, сцены въ „обезмато-
чевшемъ ульѣ“, — какъ авторъ великолѣпно назы-
ваетъ Москву, передъ вступленіемъ въ нее фран-
цузовъ, — ожиданіе Наполеономъ *des Boyards Russes*
у Драгомиловской заставы — доставляютъ высокое
эстетическое наслажденіе и долго не забудутся.
Странно опять одно: какимъ образомъ, показавъ
Кутузова въ минуту такой страшной рѣшимости,
показавъ дѣйствительно героемъ, какимъ онъ въ
ту минуту былъ, вложивъ въ уста его великія
слова, — дѣйствительно ему принадлежащія, авторъ
можетъ возвращаться къ своимъ взглядамъ, что
командующій въ арміи значитъ то же, что и по-
слѣдній солдатъ, и къ прочему въ томъ же родѣ?

„Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ
свой вкусный обѣдъ, подѣ предлогомъ новаго
осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до
шести часовъ и во все это время не приступали
къ совѣщанію и тихими голосами вели посторон-
ніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лице его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить-ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтеніе и покашливаніе Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малашка тоже смотрѣла на дѣдушку. — Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла какъ лице его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось не долго.

Священную, древнюю столицу Россіи! вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Бенигсена и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „спасеніе Россіи въ арміи. Выгоднѣе-ли рисковать потерей Арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. Онъ откинулся на спинку кресла.

...„Во время одного изъ такихъ перерывовъ (преній) Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него. *Eh bien, Messieurs, je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés* сказалъ онъ. И медленно приподнявшись онъ подошелъ къ столу. Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мною. Но (и онъ остановился) властью,

врученною мнѣ моимъ Государемъ и отечествомъ, я приказываю отступленіе“.

Чувствуешь, что это дѣйствительно человѣкъ, который привыкъ быть нервнымъ узломъ, т. е. руководить массами, и который способенъ быть имъ,—властный человѣкъ: ни одного жеста лишняго, ни одного слова пустого; прямо попадаетъ, что называется, въ шляпку гвоздя. Или можетъ быть и въ этомъ случаѣ не Кутузовъ мощною рукою повернулъ руль, не Кутузовъ сказалъ слова, а ему только казалось, что онъ это сказалъ и сдѣлалъ?.. Мы замѣтили и еще разъ повторяемъ: въ „Войнѣ и Мирѣ“ два человѣка—артистъ и мыслитель; и первый при каждомъ удобномъ случаѣ бьетъ на голову второго. Иной еще разъ артистъ какъ будто соглашается помолчать изъ снисхожденія къ слабому товарищу; но какъ только примется говорить, забываетъ въ конецъ.

VI.

Шестой томъ труда автора отличается тѣмъ, что вся послѣдняя часть его посвящена разсужденіямъ, касающимся, болѣе или менѣе удачно, науки только что возникающей—физиологіи коллективныхъ организмовъ*). Не имѣемъ ни силъ, ни охоты разбирать цѣликомъ эту неудобоваримую часть, въ которой мысли дѣйствительно вѣрныя перепутаны съ самыми странными парадоксами и высокопарными фразами довольно тощаго содержанія; коснемся преимущественно только тѣхъ мѣстъ ея, которые имѣютъ хотя нѣкоторое отношеніе къ войнѣ и войску.

Въ началѣ VI тома авторъ дѣлаетъ опять небольшой поискъ въ область собственно теории

*) Писано въ 68 году. Теперь ее называютъ Соціологіей.

военнаго искусства, конечно, съ цѣлію указать нѣкоторыя несообразности положеній этой теоріи. Поискъ, какъ и предшествующіе, вышель не совсѣмъ удаченъ, показавъ въ авторѣ только диллетанта въ этомъ дѣлѣ. Одрѣ изъ указанныхъ имъ несообразностей, давно уже и безъ того отвергнуты военной теоріей; другія же и несообразности не составляютъ, а показались такими автору просто по недостатку въ немъ основательнаго знакомства съ дѣломъ.

„Однимъ изъ самыхъ осязательныхъ и выгодныхъ отступленій отъ такъ называемыхъ правилъ войны есть дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей, жмущихся въ кучу“.

Во первыхъ, разрозненные люди нападаютъ не на жмущихся въ кучу, а на отдѣляющихся почему-либо отъ кучи; во вторыхъ, въ теоріи войны, какъ и во всякой теоріи, нѣтъ положительныхъ правилъ, а есть только формулы, допускающія и положительныя и отрицательныя рѣшенія. Точно какъ въ математикѣ всякая формула приводится къ нулю, т. е. представляетъ соединеніе совершенно равносильныхъ „да“ и „нѣтъ“, — точно также и въ теоріи военнаго искусства. Если вы спросите человѣка, скольконибудь понимающаго дѣло, выгодно-ли сосредоточеніе? Онъ вамъ отвѣтитъ: „смотря потѣму, *гдѣ, когда и для чего*. И вѣроятно пояснить это слѣдующимъ образомъ: имѣете въ виду продовольствовать армію, гораздо лучше разбросанное, чѣмъ сосредоточенное расположеніе. Ожидаете боя—лучше стѣснить расположеніе, хотя бы это затруднило продовольствіе; имѣете въ виду напасть на тылъ или на флангъ—лучше отказаться отъ извѣстной части силъ для этой цѣли, если можно рассчитывать на успѣхъ; ибо, предполагая послѣдній, получите результатъ неизмѣримо боль-

шій, тѣмъ получили-бы, сохранивъ эту часть для нападенія съ фронта. Устроили себѣ нападеніе неожиданное, или случай устроилъ его, — бейте съ тѣмъ, что подъ рукою; имѣете цѣлью сломить непріятеля въ рѣшительномъ фронтальномъ бою, къ которому онъ приготовился, *не пренебрегайте ни однимъ баталіономъ*, который можете притянуть, т. е. тѣмъ болѣе силъ сосредоточите, тѣмъ лучше. Наконецъ, въ самомъ бою, для огня лучше разсыпаться, для натиска въ штыки лучше собраться. Слѣдовательно дѣло ни въ томъ, чтобы держаться сосредоточенно, ни въ томъ, чтобы разбрасываться, *но въ томъ, чтобы знать, когда нужно сдѣлать одно, когда другое*. Посмотрите на Наполеона, можетъ быть прибавить къ этому объясняющій: въ бою все, что только можно притянуть, у него притягивается; но разъ непріятель сломленъ такъ, что возвратъ съ его стороны невозможенъ, силы разбрызгиваются чуть не во мгновеніе ока: кто для преслѣдованія, кто для поддержки преслѣдующихъ, кто для переформирования и отдыха послѣ потерь и т. п. “.

Дѣйствительно были теоріи, построенныя исключительно на сосредоточеніи *), точно также какъ были и имъ противоположныя, т. е. основанныя на одной разброскѣ силъ **); но если авторъ хотѣлъ ратовать противъ первыхъ изъ нихъ, то тогда необходимо было и оговорить, что онъ относитъ свои замѣчанія не къ теоріи военнаго искусства вообще, въ ея современномъ состояніи, а къ теоріи господина X или У.

„Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что назвавъ ее такъ, объяснили ея значеніе. Между тѣмъ такого рода война

*) Жомини.

***) Отчасти Бюловъ; кордонная система.

не только не подходит ни подъ какія правила, но прямо противоположна извѣстному и признанному за непогрѣшимое тактическому правилу. Правило это говоритъ, что атакующій долженъ сосредоточивать свои войска, съ тѣмъ чтобы въ моментъ боя быть сильнѣе своего противника“.

„Партизанская война (всегда успѣшная, какъ говоритъ исторія) прямо противоположна этому правилу“.

„Противорѣчїе это происходитъ отъ того, что военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ числительностію. Военная наука говоритъ, что чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше силы. *Les gros bataillons ont toujours raison*“.

Уже изъ сказаннаго выше видно, во первыхъ, что партизанская война не противорѣчитъ основаніямъ военного искусства, которое равно допускаетъ и раздѣленіе и сосредоточеніе силъ, въ зависимости отъ поставленной цѣли и отъ обстоятельствъ, при которыхъ ее приходится достигать. Во вторыхъ, автору не безъизвѣстно, что главныя силы нашей арміи не расходились по партизанскимъ отрядамъ, а держались вмѣстѣ: слѣдовательно разброска силъ была примѣнена только отчасти; да иначе и быть не могло, ибо въ противномъ случаѣ французы тоже бы не преминули раздробиться по нѣсколькимъ дорогамъ и отступили-бы съ потерями несравненно меньшими, чѣмъ они понесли. Ихъ держали въ одной массѣ вѣдь не партизанскіе отряды, а именно то, что и наши главныя силы держались вмѣстѣ; и только благодаря этому, булавочные уколы партизанскихъ отрядовъ обратились въ смертельныя раны.

Въ третьихъ, начало—быть сильнѣе противника на пунктѣ нападенія,—не во гнѣвъ будь сказано почтенному автору, не только не опровергается партизанскими дѣйствіями, но, напротивъ, находитъ въ нихъ блистательное подтвержденіе: партизанъ никогда не вздумаетъ нападать на значительныя и готовыя къ бою массы; старается никогда не нападать иначе какъ врасплохъ; *слѣдовательно прежде и болѣе всего хлопочетъ именно объ томъ, чтобы на пунктъ нападенія быть сильнѣе своего противника.* Если этихъ условій нѣтъ, онъ уходитъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, т. е., по просту говоря,—бѣжить, чего никогда не долженъ дѣлать значительный отрядъ. Правда, можно сказать, что это не положительное, а отрицательное усиленіе; т. е., что партизанъ не самъ усиливается, а ловитъ минуты слабости непріятеля; но вѣдь результатъ одинъ—*нарушеніе равновѣсія силъ въ пользу партизана.* Тамъ же, гдѣ онъ можетъ получить положительное подкрѣпленіе, партизанъ имъ не пренебрежетъ. Мы предлагаемъ почтенному автору на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: Денисовъ, выжидая присоединенія Долохова для нападенія на французскій отрядъ, дѣйствовалъ-ли согласно началу сосредоточенія силъ на пунктѣ нападенія, или же вопреки ему?

Вдумавшись серьезнѣе въ факты, имъ самимъ описываемые, авторъ можетъ быть нѣсколько осторожнѣе сталъ бы указывать на воображаемая односторонности въ теоріи военнаго искусства; сталъ бы понимать шире ея положенія и не провозглашалъ бы чуть не за открытіе того, что въ ней уже принято до его указаній.

Такъ авторъ, воображая будто военная теорія подъ силою разумѣетъ только числительность войскъ, пускается въ разъясненія того, какъ

это ошибочно, ибо сила не заключается ни въ числѣ, ни въ вооруженіи, ни въ геніальности полководца, а въ духѣ войскъ, т. е. *въ большемъ или меньшемъ желаніи драться всѣхъ людей, составляющихъ войско*. До такой степени это не новость, что послѣдняя мысль даже и по формѣ не принадлежитъ автору, а слово въ слово взята у одного изъ самыхъ выдающихся военныхъ теоретиковъ—у Жюмини.

Военная теорія говоритъ то же самое, что и авторъ; только она не противопоставляетъ числа, строя, вооруженія и другихъ матеріальныхъ данныхъ духу,—какъ-то ошибочно дѣлаетъ авторъ; не ставитъ также способностей полководца—силы духовной и непосредственно дѣйствующей на духъ войскъ—на одну доску съ геометрическими построениями и съ вооруженіемъ. Полагая основнымъ условіемъ успѣха, какъ и авторъ, желаніе сразиться,—теорія, на основаніи фактовъ, признаетъ, что это желаніе можетъ возникнуть только вслѣдствіе увѣренности въ побѣдѣ надъ врагомъ въ случаѣ столкновенія: увѣренности, которая растетъ или падаетъ въ зависимости отъ того, хорошо или дурно вооруженіе, въ какой мѣрѣ геометрическія формы соответствуютъ боевымъ требованіямъ, въ какой мѣрѣ мы превосходимъ или уступаемъ непріятелю числомъ, въ какой мѣрѣ начальникъ успѣлъ возбудить довѣріе къ своимъ способностямъ и пр. и пр.,—всего не перечеть.

Военная теорія не останавливается на однѣхъ этихъ данныхъ, присущихъ войску, она указываетъ и на чисто внѣшнія обстоятельства, вліяющія иногда весьма сильно на духъ войскъ, какъ: неожиданность нападенія; различныя случайности, иногда самыя ничтожныя, а между тѣмъ приво-

дящія къ паникѣ, т. е. къ полному подрыву духа войскъ.

Военная теорія, наконецъ, признавъ вліяніе мирной подготовки на духъ войскъ, занимается разработкою вопроса о томъ, какимъ образомъ должно вести воспитаніе и образованіе войскъ въ мирное время, чтобы не только не подорвать ихъ духа, а напротивъ, развить и закалить его въ боевомъ смыслѣ.

Авторъ утверждаетъ, что военная теорія говоритъ будто—бы: чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше силы, и ссылается въ подтвержденіе этого на замѣтку Наполеона *les gros bataillons ont toujours raison*. Нѣтъ, военная теорія говоритъ не это, но только то, что при равныхъ прочихъ условіяхъ, вѣроятностей на побѣду имѣеть болѣе тотъ, кто сильнѣе числомъ. Несчастіе военной теоріи въ томъ, что она не огорожена частоколомъ знакоположенія, на манеръ математическаго: формулы ея выражаются словами, которыя имѣють слишкомъ ограниченный смыслъ; они не растяжимы какъ алгебраическіе знаки, при которыхъ подъ какимъ нибудь *a* укрываются всѣ величины, заключающіяся между предѣлами положительной и отрицательной безконечности.

Отъ этого и выходитъ, во первыхъ, что о военныхъ вопросахъ всякій считаетъ себя судьей: все такъ ясно и легко читается, все составляетъ достояніе простого обыденнаго здраваго смысла (а кто же допускаетъ сомнѣніе въ томъ, что его имѣеть?); во вторыхъ, всякая формула выражается такъ длинно, что диллетантъ читатель прочтетъ иной разъ только начало, а думаетъ, что уже добрался до конца, и спѣшитъ выводить заключенія.

Возьмемъ для примѣра *les gros bataillons ont toujours raison*. На этой фразѣ можно построить

что угодно; можно сказать напр. такъ: слѣдовательно баталіонъ въ 2000 человекъ лучше чѣмъ въ 1000; въ 5.000, 10.000 еще лучше и. т. д. Какой однако дуракъ былъ этотъ Наполеонъ, умозаключить пожалуй подобный знатокъ теоріи военнаго дѣла (и какой я умница, что это открылъ, навѣрное прибавить про себя), а его еще въ геніи пожаловали“. Кто ищетъ вѣрныхъ выводовъ, тотъ не станетъ вырывать изъ цѣпи разсужденій отдѣльной фразы, игнорируя связь съ предъидущимъ и послѣдующимъ; тотъ несетъ обязательство, во имя законовъ логики, принимать въ расчетъ, что это сказала человекъ, который, подобно всѣмъ писателямъ его закала, не любитъ распространяться и развивать свою мысль до уровня доступности для всѣхъ пониманій. Тотъ-же Наполеонъ говоритъ, что $\frac{3}{4}$ боеваго успѣха зависитъ отъ нравственныхъ причинъ: взявъ это въ расчетъ, не трудно понять, при какихъ условіяхъ *les gros bataillons peuvent avoir raison*. Но автору для его цѣлей не нужно понимать; и онъ или не понимаетъ, или, по вышесказанному, не дочель до конца.

„Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, всегда поставятъ себя въ наивыгоднѣйшее положеніе для драки“.

Это уже совершенно невѣрно, ибо стать въ выгоднѣйшее положеніе для драки есть искусство и принадлежитъ слѣдовательно къ области распорядительной, а не исполнительнѣй дѣятельности въ арміи, т. е. исходитъ прежде изъ ума, чѣмъ изъ энергіи. У Римлянъ при озерѣ Тразименѣ не было недостатка въ желаніи драться; но выгоднѣйшаго для драки положенія они далеко не занимали. Не было недостатка въ желаніи драться и у нашихъ войскъ подъ Фридландомъ напр., а

между тѣмъ положеніе было не лучше Трази-менскаго.

Уличивъ военную теорію въ томъ, что она подь силою разумѣть будто-бы только численность, авторъ этимъ не ограничивается, но идетъ дальше и указываетъ вѣрнѣйшій по его мнѣнію методъ отысканія законовъ, по которымъ происходятъ боевыя столкновенія. Вѣрность этого метода, положимъ, нуждается еще въ подтвержденіи; но что до легкости, то она неоспорима. Посудите сами читатель; для вывода законовъ, по которымъ происходятъ самыя сложныя психическія явленія не въ одномъ человѣкѣ, но въ цѣлой массѣ людей, достаточно, по мнѣнію автора, умѣть составлять самыя нехитрыя пропорціи! Принявъ для примѣра, что десять военныхъ единицъ, сражаясь съ пятнадцатю, убили и забрали въ плѣнъ всѣхъ безъ остатка, а сами потеряли четыре, авторъ выводитъ, что $4x = 15y$ или $4 : 15 = y : x$, и неустрашимо заключаетъ, что подобное невинное ариѳметическое упражненіе опредѣляетъ отношеніе между двумя неизвѣстными и можетъ дать ряды чиселъ, въ которыхъ должны существовать и могутъ быть открыты законы. Да развѣ оставшіяся шесть единицъ не принимали никакого участія въ этомъ воображаемомъ дѣлѣ?

И это говорить человѣкъ, который только и твердитъ, что про духъ, и который поэтому одному доженъ-бы быть, кажется, хотя нѣсколько приглядѣться къ свойствамъ этой страшной и неуловимой силы! Даже при помощи высшаго анализа не удалось пока схватить въ формулы многихъ явленій, производимыхъ неорганическими силами, а онъ думаетъ вывести законы духа при помощи пропорцій. Странное противорѣчіе: то онъ отвергаетъ значеніе всей матеріальной сто-

роны во имя духа, то вдругъ самъ относится къ духу чисто матеріалистически, воображая возможнымъ мѣрить его чуть не на лоты и на золотники.....

Дальнѣйшее разсужденіе автора о томъ, что будто-бы по тактикѣ нужно дѣйствовать массами при наступленіи, разрозненно при отступленіи; что это яко бы правило будто подтверждаетъ безсознательно истину зависимости силы войска отъ духа; что русскіе напротивъ дѣйствовали разбросанно при преслѣдованіи французовъ, ибо духъ ихъ былъ поднятъ, — составляютъ такія фантазіи, которыя и безъ разбора очевидны.

Во первыхъ, при отступленіи, когда духъ находится почти всегда въ упадкѣ, не слѣдуетъ разбрасывать войска и по теоріи автора; во вторыхъ, правила, приводимаго авторомъ, въ современной тактикѣ нѣтъ: было нѣчто подобное въ теоріи Булова, но и тамъ нашло мѣсто не въ слѣдствіе признанія значенія духа, а въ слѣдствіе исключительнаго принятія въ расчетъ тыла арміи; въ третьихъ, духъ нашей арміи при отступленіи въ 12 году не былъ ни чѣмъ ниже, какъ и при преслѣдованіи, однако наши войска отступали не разрозненно; въ четвертыхъ, наконецъ, и при преслѣдованіи главная масса нашихъ силъ раздроблялась не болѣе, какъ на столько, сколько это требовалось удобствомъ движенія; но и при этомъ части ея держались на такомъ разстояніи, что всегда могли быть сосредоточены въ случаѣ надобности.

Далѣе авторъ снова возвращается къ историкамъ и, стремясь въ конецъ ихъ истребить, навязываетъ имъ такое мнѣніе, котораго серьезно ни одинъ изъ нихъ не проводилъ.

Именно авторъ повѣствуетъ, будто историки представляютъ даже и послѣдній побѣгъ Напо-

леона, какъ что-то великое и гениальное. Не случилось намъ читать такихъ историковъ. Если же авторъ знаетъ ихъ, то лучше было-бы прямо указать, чьи именно мнѣнія онъ считаетъ нелѣпыми и заслуживающими совершенно справедливаго осмѣянія.

Военно - историческую часть своего романа авторъ заканчиваетъ разборомъ плана второй половины кампаніи и вопроса о томъ—возможно ли было преградить французамъ отступленіе. И въ этомъ онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, не соглашается съ общепринятымъ мнѣніемъ; удивительнѣе было-бы, если-бы онъ согласился. По его мнѣнію стремиться отрѣзать французской арміи путь отступленія было столь-же нелѣпо, какъ нелѣпо огороднику, выгоняющему скотину, затесавшуюся къ нему въ огородъ, забѣжавъ спереди, бить по лбу (это было-бы дѣйствительно нелѣпо; но убить ее, хотя бы и спереди, чтобы впередъ не пакостила, не было-бы нелѣпо). И вотъ русскіе (масса), будто-бы сознавая эту нелѣпость, дѣлали не то, что имъ было приказано, а то, что имъ было нужно: просто и ясно! Должно быть и Чичаговъ, принадлежавшій тоже вѣроятно къ массѣ, нарочно въ этихъ видахъ далъ себя захватить врасплохъ въ Борисовѣ и оттѣснить на правый берегъ Березины. Нѣтъ нужды, что историки совершенно опредѣлительно и по документамъ доказываютъ, что планъ сосредоточенія арміи Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, не смотря на громадныя разстоянія, съ которыхъ они сходились, былъ замѣчательно близокъ къ осуществленію; нѣтъ нужды, что они указываютъ ясно на ошибки Чичагова, на нежеланіе Витгенштейна прійти вѣремя къ пункту сосредоточенія: все это объясненія слишкомъ іростыя и понятныя, „основанныя на письмахъ

парей и дипломатовъ“, слишкомъ очевидно ставить дѣло въ зависимость отъ начальниковъ, чтобы авторъ могъ съ ними согласиться; и вотъ онъ изобрѣтаетъ огородника, скотину и проч., лишь-бы только свернуть на самодѣтельность массы не только помимо, но на перекоръ ея руководителей.

Невозможность и бессмысленность попытки отрѣзать французовъ авторъ доказываетъ (т. е. ему кажется, что доказываетъ) въ нѣсколькихъ пунктахъ; изъ нихъ одинъ имѣетъ, да и то только кажущуюся, основательность: это ссылка на страшное истощеніе арміи Кутузова. Но вѣдь по плану, отрѣзать французовъ долженъ былъ не Кутузовъ, а Чичаговъ, который уже былъ на Березинѣ, и Витгенштейнъ, который находился всего въ 25 верстахъ отъ нея въ день устройства переправы. У каждаго изъ нихъ было до 30 т. У Наполеона подъ ружьемъ было около 40 т. Въ состояніи духа перевѣсъ тоже былъ на нашей сторонѣ: заключеніе кажется понятно.

VI.

Вторую часть шестаго тома, посвященную исключительно умозрительнымъ опытамъ, авторъ начинаетъ съ того, что описать жизнь не только человѣчества, но и одного народа представляется невозможнымъ; т. е., другими словами, что вся исторія есть не болѣе какъ бессмыслица.

Если таково убѣжденіе автора, то кажется его бы слѣдовало доказать, да и покончить разсужденія объ исторіи; ничуть не бывало; не подумавъ даже доказать своего приговора, авторъ пускается въ разборъ древняго и новаго воззрѣнія на исторію и опредѣляетъ характеристическую разницу между ними тѣмъ, будто древніе исто-

рики все относили къ божеству, а новые отвергли это начало. Невѣрно: разница между ними заключается въ томъ только, что первые, озаглавивъ Высшее Начало Юпитерами, Венерами, Меркуріями и пр., воображали будто его понимаютъ *); между тѣмъ какъ вторые, признавая съ полною искренностію, что для человѣка это начало непостижимо, не пробуютъ и тратить силу на разсужденія о томъ, чего постигнуть нельзя.

Это нежеланіе заниматься тѣмъ, что не по силамъ человѣку, авторъ принимаетъ за отрицаніе, начинаетъ разить новыхъ историковъ за то, что ихъ объясненія событій не состоятельны, — разумѣется съ точки зрѣнія его идеала, — и приводитъ къ причинѣ всѣхъ причинъ: т. е. къ тому концу, который для всѣхъ столько-же подразумеваемъ, какъ и непостижимъ, и который ни на волосъ не подвигаетъ въ разъясненіи историческихъ вопросовъ.

Цѣль такого маневра очевидна: обнаруженная несостоятельность воззрѣній автора на ближайшія причины событій побудила его укрыться въ фортецію конечныхъ причинъ, изъ которой, — какъ съ точки зрѣнія вѣчности, — все оказывается ничтожнымъ: основательное, какъ и самое поверхностное изслѣдованіе факта; наборъ словъ, какъ и гениальное произведеніе. Въ IV томѣ было „ничто не причина“; въ V и VI причина нашлась, но недоступная человѣческому пониманію, передъ которой всѣ прочія разумѣется одинаково нелѣпы и одинаково состоятельны и передъ которой не только Наполеонъ является ничѣмъ не выше послѣдняго солдата, но и народъ, да и весь земной шаръ ничего не значать!

(*) Хотя у нихъ выше всѣхъ боговъ была Судьба, которой они понимать не претендовали.

Бѣда въ одномъ: если эта причина недостаточна человѣческому пониманію, такъ за чѣмъ же и автору на нее указывать? Вѣдь онъ объ ней знаетъ столько же, сколько и истребляемые имъ историки, т. е. ровно ничего не знаетъ. Или можетъ быть онъ претендуетъ на откровеніе....

Что толку въ томъ, если-бы какой нибудь метафизикъ, признавая коверъ самолетъ единственнымъ совершеннымъ экипажемъ, находилъ бы кучу недостатковъ въ современныхъ каретахъ, паровозахъ и пароходахъ? И тѣ, и другіе, и третьи не перестали бы двигаться по своимъ путямъ, возить не только безпритязательное человѣчество, но и самого метафизика; не смотря на то, что до ковра самолета имъ, конечно, далеко.

Еще Паскаль сказалъ: *l'homme n'est ni ange, ni bête; et le malheur veut que qui veut faire l'ange, fait la bête.* Предназначенные жить на землѣ, — не выше и не ниже, — жить между людьми, займемся лучше тѣмъ, что около насъ и между нами дѣлается, не заносясь въ недоступная намъ горня.

Добытые подъ вліяніемъ такого взгляда выводы не будутъ выспрени, за то плодотворны. Охотники до забавы находятъ все несовершеннымъ, конечно, будутъ твердить, что такое относительное знаніе не есть знаніе — пусть ихъ твердятъ: опытъ показалъ, что отъ этого они не подвигаются къ знанію абсолютному ни на волосъ. Вѣдь не въ одной исторіи, а во всѣхъ наукахъ давно уже пришли къ тому убѣжденію, что не только первичныхъ, но даже и производныхъ силъ, въ ихъ существѣ, человѣкъ знать не можетъ, а судить о нихъ по ихъ проявленіямъ; слѣдовательно и нужно заниматься этими послѣдними.

Какая сила движетъ народами? спрашиваетъ гр. Толстой и даетъ за историковъ отвѣтъ, который изъ всѣхъ силъ тщится выставить неудовлетворительнымъ.

„Силы этой мы не знаемъ,—могли бы сказать историки, представъ на судъ автора,—но наблюдение надъ жизнью народовъ показываетъ намъ, что она, т. е. сила, проявляется въ народномъ организмѣ чрезъ людей, имѣющихъ въ немъ то же значеніе, которое принадлежитъ мозгу и нервамъ въ индивидуумѣ. Эти люди: властители, администраторы, жрецы подъ разными наименованіями и тѣ подчиненные имъ дѣятели, которые проникаютъ всякій народный организмъ до самыхъ мелкихъ его подраздѣленій—первая категория; провозвѣстники новыхъ идей и миссіонеры этихъ людей—вторая категория. Первые изъ нихъ способствуютъ возможно стройному ходу жизни въ данную установившуюся эпоху развитія; вторые даютъ толчокъ для перехода изъ одной эпохи развитія въ другую, болѣе совершенную. Конечно, категории эти не всегда представляются раздѣльными: властитель или администраторъ, напр., иногда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразователь*); провозвѣстникъ идеи обращается, хотя и рѣже, во властителя или администратора**).

„Переходы изъ одного періода развитія въ другой, какъ всякое народное рожденіе чего либо новаго, невозможны безъ болѣзненныхъ явленій; и чѣмъ переходъ рѣзче, тѣмъ нарождающийся порядокъ болѣе разнится отъ стараго, тѣмъ эти явленія сильнѣе.

*) Петръ Великій.

***) Магометъ.

„Мать, рожая, выносить страшный кризисъ, иногда разстается съ жизнью; даже развитіе всякаго уже возникшаго организма, безъ нарожденія новаго, сопровождается болѣзнями, которыя также иногда приводятъ къ смерти: такъ и въ коллективныхъ организмахъ. Только въ примѣненіи къ нимъ болѣзни роста или родовъ называются войнами, революціей, усобицами, гоненіями, злоупотребленіями и пр. и пр. Древній міръ преобразился въ Христіанскій, только иѣпустивъ духъ: роды сопровождались смертью. Соединенные Штаты отдѣлились отъ Англіи: новый организмъ народился съ потрясеніемъ организма матери, отъ котораго она сдѣлалась еще здоровѣе.

„Мы никогда не скажемъ нелѣпности, которую намъ приписываетъ гр. Толстой, — прибавили бы вѣроятно историки, — будто событія производятся исключительно волей Наполеоновъ, Александровъ и пр.; но утверждали и утверждаемъ, что человѣкъ, созданный обстоятельствами, въ цѣни ихъ становится, въ свою очередь, „обстоятельствомъ“, болѣе или менѣе вѣскимъ, — въ зависимости отъ занимаемаго положенія и отъ личныхъ свойствъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всякій подобный человѣкъ испытываетъ вліяніе окружающей его массы: но это вліяніе отражается на одномъ такъ, на другомъ иначе, уже въ зависимости отъ его личныхъ свойствъ, какъ врожденныхъ, такъ и сложившихся въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ развивался. Противорѣчія между нами въ объясненіяхъ того, на чемъ основана власть даннаго лица, только кажущіяся, ибо они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга.

„По своему складу и по претензіи на военные таланты (могъ бы прибавить къ своей исповѣди Тьеръ), я пальъ ниць передъ военнымъ ге-

ніемъ Наполеона; и, какъ истый французъ, умолчалъ о темныхъ сторонахъ моего идола. По эпохѣ, въ которую живу и которая выявила всѣ тяжелыя стороны бонапартизма, а также по реакціи противъ безусловныхъ хвалителей, я сталъ на точку безусловнаго худителя, — можетъ быть прибавилъ бы Lanfrey; но соглашаюсь съ тѣмъ, что въ такомъ сложномъ характерѣ было и доброе и худое, и что нельзя быть вынесеннымъ народною волною на Наполеоновскую высоту, не зная къ кому и какой стороной поворачиваться, не умѣя этого дѣлать въ совершенствѣ. Припомните, почтенный критикъ, что говоритъ великій поэтъ вашей націи о Мазепѣ:

Съ какой довѣрчивостью лживой,
 Какъ добродушно на пирахъ
 Со старцами старикъ болтливой
 Жалѣеть онъ о прошлыхъ дняхъ.
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Поносятъ власти съ недовольнымъ,
 Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
 Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ! и т. д.

Кажется будто это противорѣчіе, а между тѣмъ вовсе нѣтъ, ибо и то, и другое, и третье отвѣчало цѣли, которую Мазепа себѣ поставилъ. Положимъ, что люди, къ которымъ онъ обращался съ подобными рѣчами, вздумали бы каждый написать его характеристику; они бы противорѣчили другъ другу, но эти противорѣчія отнюдь не уничтожились бы взаимно“.

Равномѣрно нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что идеи революціи произвели Наполеона и были подавлены имъ, — точно также какъ нѣтъ противорѣчія между тѣмъ, что свойства страны обнаруживаютъ вліяніе на человѣка, въ ней родившагося; а онъ, въ свою очередь, мало по малу, измѣняетъ эти свойства. Это воздѣйствіе въ человѣческихъ массахъ происходитъ только бы-

стрѣе, такъ какъ и силы ими представляемыя, впечатлительнѣе и подвижнѣе.

Авторъ только при условіи большой уступчивости соглашается съ тѣмъ, что между умственною дѣятельностью и движеніемъ народовъ есть что-то общее, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы она руководила дѣятельностью людей, „ибо такія явленія, какъ жесточайшія убійства французской революціи, вытекающія изъ проповѣдей о равенствѣ человека, и злѣйшія войны и казни, вытекающія изъ проповѣди о любви, не подтверждаютъ этого предположенія“.

Не подтверждаютъ потому, что авторъ, — на мѣрною или безсознательно, не знаемъ, — употребляетъ въ этомъ случаѣ *) способъ аргументаціи, совершенно непримѣнимый къ сложнымъ явленіямъ. Способъ этотъ самый первобытный и имѣетъ смыслъ только въ начальной геометріи. Вотъ онъ: положимъ, что идеи руководятъ движеніями народовъ; но такъ какъ умъ у всѣхъ людей дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, то всякая идея должна бы быть понята и признана всѣми единодушно, т. е. воплотиться въ жизнь безъ борьбы. Между тѣмъ мы видимъ совершенно обратное; слѣдовательно предположеніе, будто идеи руководятъ движеніями народовъ, — нелѣпо. Или, выше: „Тьеръ говоритъ, что Наполеонъ былъ благороднѣйшій человекъ; Lanfrey говоритъ, что онъ былъ мошенникъ“; слѣдовательно они другъ друга уничтожаютъ.

Однимъ словомъ: положимъ, что прямые углы не равны; это предположеніе приводитъ къ нелѣпости, слѣдовательно они равны.

*) Да впрочемъ онъ его вездѣ почти примѣняетъ, какъ бы не зная, или не желая знать другаго.

Въ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ подобное приведеніе какого либо положенія къ неѣпости вовсе не доказываетъ, что обратное положеніе вѣрно; а доказываетъ только, что изслѣдованіе сдѣлано одностороннее, т. е. что авторъ, разложивъ сложное явленіе, остановился на одной его части и упустилъ (или захотѣлъ упустить) изъ виду всѣ остальные.

Если борьба, нелогичная съ точки зрѣнія разсудка, имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ народной жизни, то это доказываетъ не ничтожество идей въ нихъ, а только то, что есть еще и другія силы, производящія эти явленія совмѣстно и современно съ идеями.

Въ разбираемомъ случаѣ авторъ долженъ былъ примѣнить способъ изслѣдованія, употребляемый въ физикѣ для вывода закона равнодѣйствующей; тогда бы онъ былъ правъ и пришелъ бы совсѣмъ къ другимъ заключеніямъ. Вы наблюдаете, что точка движется по извѣстному направленію, и видите, что сила, къ ней приложенная и вами замѣченная, не совпадаетъ съ направлениемъ движенія: слѣдуетъ ли изъ этого, что она не принимаетъ никакого участія въ движеніи? Нѣтъ; а слѣдуетъ только то, что есть еще сила, или силы, которыя вмѣстѣ съ нею производятъ это движеніе.

Попробуемъ примѣнить этотъ способъ изслѣдованія къ разбираемому вопросу и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Наблюденіе надъ поступками человѣка показываетъ, что всякому изъ нихъ непременно предшествуетъ мысль, которая и воплощается въ поступкѣ. Народъ дѣйствуетъ также какъ и человѣкъ: всякому событію въ его жизни непременно предшествуетъ умственная работа, въ лицѣ представителей народа, которые приводятъ къ осяза-

тельной формѣ мысли, бродящія въ данную эпоху въ народѣ и составляющія то неуловимое, но осязаемое нѣчто, которое принято называть *духомъ времени*.

Факты самые яркіе, — какъ водвореніе христіанства, — показываютъ, что изъ идеи человѣкъ рѣшается иногда на самыя такъ называемыя противоестественныя жертвы, не только безъ колебаній, но даже съ наслажденіемъ.

Слѣдовательно идеи руководятъ движеніями индивидуумовъ и массъ? Если-бы это было вѣрно, то поступки и тѣхъ и другихъ отвѣчали бы всегда законамъ чистой логики, и въ нихъ не было-бы мѣста ни кровавымъ, ни другимъ практическимъ столкновеніямъ, ибо все недоразумѣнія разрѣшались бы только диспутами. Доказательствомъ этому можетъ служить область чисто умственной дѣятельности, т. е. научная область: всякая вновь открытая истина принимается въ ней быстро, хотя и не безъ оппозиціи. Думали прежде, что кровь стоитъ въ жилахъ; явился человѣкъ, который открылъ, что она движется: поспорили, да и согласились. Тоже съ давленіемъ воздуха, вытѣснившимъ гипотезу: „природа пустоты не терпитъ“; тоже и со всѣми научными открытіями *).

Въ жизни конкретной совѣтъ не то: воплощеніе не только идеи совершенно новой, но даже прямыхъ послѣдствій давно уже водворившейся въ сознаніи даннаго людскаго общества, — сопровождается самыми болѣзненными явленіями; слѣдовательно должны быть сила, препятствующая принятію идей чисто логическимъ путемъ. Наблюденіе показываетъ, что она дѣйствительно

*) Хотя и въ чисто научныхъ открытіяхъ дѣло иногда доходило чуть не до костра; достаточно припомнить Галилея.

есть: это сила личного интереса и страстей, которая, при малѣйшей перемѣнѣ существующаго порядка (не говоря уже о коренныхъ перемѣнахъ), тотчасъ дѣлитъ общество на два враждебные лагеря: одинъ—стремящійся провести новое, другой—отстаивающій старое. Умственная сила, приведшая къ такому положенію, немощна одна разрѣшить его, ибо нельзя убѣдить словами противника, въ интересѣ котораго не признавать основательности вашихъ доводовъ: исходъ одинъ—борьба, которая будетъ тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ убѣжденія святѣе, выше, а люди ихъ исповѣдующіе—честнѣе, энергичнѣе.

И такъ основную силу, движущую человѣкомъ и людскими массами, составляютъ можетъ быть страсти? Опять нѣтъ, ибо борьба возникаетъ всегда во имя чего нибудь, борьба изъ за ничего—безсмыслица. Это-то „что нибудь“, составляющее цѣль борьбы, дается дѣятельностью ума, а не страстей; слѣдовательно обѣ силы дѣйствуютъ совмѣстно и современно. Но многіе случаи борьбы не могутъ быть объяснены и совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ силъ: открывается третій разрядъ ихъ, уже совершенно независимыхъ отъ человѣка, но могущественно дѣйствующихъ въ явленіяхъ, которыя авторъ называетъ движеніями народовъ. Это силы природы, выражаемыя: вліяніемъ на массы климата, географическаго положенія и внутренней работой этнографическихъ и экономическихъ причинъ, которыя даютъ то или другое направленіе инстинктамъ, темпераменту, нравамъ, предрасположеніямъ и наклонностямъ расъ и народовъ.

Въ этой сложной игрѣ силъ при возникновеніи какого либо факта и кроется разгадка того, что ни одна идея никогда не достигаетъ полнаго своего осуществленія: истина—весьма мѣтко вы-

ражаемая известной французской поговоркой: rien n'est plus faux qu'un fait.

Изъ этого же станетъ понятно, что требовать объясненія связи идей съ массами, какъ дѣлаетъ авторъ, то же самое, что требовать объясненія связи между мыслью, которая пришла въ голову человѣку, и этимъ человѣкомъ; между поступкомъ, на который онъ рѣшается для осуществленія мысли, и этой послѣдней и. т. под.

По своему обычаю, авторъ, послѣ разужденій, приводитъ уподобленіе: идетъ пароходъ и движеніе его одинъ мужикъ объясняетъ чортомъ, другой движеніемъ колесъ, третій дымомъ, относимымъ вѣтромъ. Объясненіе явленій народной жизни вліяніемъ идей по автору то же, что объясненіе движенія парохода дымомъ. Предоставляемъ читателю рѣшить, серьезное-ли это уподобленіе, или только юношеское играніе для отвода глазъ.

Слѣдить за мыслью автора въ его послѣдующихъ разсужденіяхъ, уловить чего онъ хочетъ и хочетъ-ли чего-либо, — мы въ состояніи не были. Можетъ читатели будутъ счастливѣе: можетъ-быть разсужденія автора несутъ въ себѣ глубокій смыслъ — мы не нашли его. Вѣчное повтореніе одного и того же, только въ измѣненной формѣ; поползновеніе сомнѣваться въ очевидныхъ фактахъ, ни чѣмъ не оправдываемое; красивыя, но бессодержательныя фразы; произвольно поставленные вопросы и притянутые къ нимъ за волосы отвѣты; наконецъ, неподобныя уподобленія: все это — такъ показалось намъ по крайней мѣрѣ — тянется безъ всякой внутренней логической связи. Видно только, что авторъ тщится истреблять историковъ, но все какъ-то ходитъ кругомъ и около, а ничего яснаго не говоритъ.

Истины въ родѣ того, что источникъ власти не въ лицѣ, а въ отношеніяхъ его къ массамъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь *) нѣсколькихъ людей,—на томъ оригинальномъ основаніи, что связь между этими нѣсколькими людьми и народами будто-бы не найдена, что никогда и ни одно приказаніе не возникаетъ самопроизвольно и не включаетъ въ себя цѣлаго ряда событій, но каждое приказаніе вытекаетъ изъ другого и никогда не относится къ цѣлому ряду событій, а всегда только къ одному моменту событій,—такъ и сыплются на затурканнаго читателя, не могущаго ни по чему ориентироваться въ этомъ умозрительномъ дымѣ и чадѣ. Что же это? Неужели только „желаніе написать что-нибудь такое, чего до меня никто еще не написалъ“, какъ выражается одинъ изъ героевъ Тургенева?

Къ послѣдней изъ приведенныхъ общихъ истинъ авторъ пристегиваетъ вдругъ такое положеніе: Наполеонъ не могъ приказать походъ въ Россію и не приказывалъ его, на томъ, видите-ли, основаніи, что мысль похода въ Россію вызвала цѣлые милліоны приказаній и что многія изъ нихъ не осуществились. Да вѣдь кажется, чего проще заказать самый простой обѣдъ; а и этого событія нельзя произвести однимъ словомъ, а нужно назначить блюда, какую купить провизію и на сколько человекъ; дать, или приказать дать, деньги. Слѣдуетъ-ли же изъ этого, что вы не заказывали обѣда, еслибы напр. случилось,

*) Пожалуй съ этимъ можно согласиться, точно также какъ и съ тѣмъ напр., что въ мозгу человека не можетъ помѣститься весь человекъ; но доказывать подобное общее мѣсто тѣмъ, что связь между руководителями и массами не найдена, можно-бы было казаться въ томъ только случаѣ, если бы руководители были существа особой породы а не тѣ-же люди.

что его не изготовили потому, что поваръ напился пьянъ, или по другой причинѣ?

Авторъ, открывъ это очевидное свойство мыслей и дѣйствій, по которому нѣтъ ни одного изъ нихъ простаго, а всегда состоятъ они изъ комбинаціи нѣкотораго числа частныхъ мыслей и дѣйствій, остановился на этомъ открытіи и не желаетъ признавать существованія общихъ мыслей и общихъ дѣйствій, ибо это даетъ ему поводъ сказать, что историческіе дѣятели, не руководствуясь никакими цѣлями, бросаютъ зря и наобумъ, точно въ кошмарѣ, множество разнородныхъ приказаній, самымъ разнообразнымъ и неопредѣленнымъ образомъ направленныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ исполняются, большинство остается безъ исполненія (по мнѣнію автора, всякое исполненное приказаніе есть одно изъ *огромнаго* количества неисполненныхъ). Такъ какъ изъ исполненныхъ приказаній что нибудь да выходитъ, то это что-нибудь историки и называютъ цѣлью, которую дѣятели себѣ предполагали.

Но вѣдь историки не подложили-же ни англійскому десанту, ни березинскому отрѣзанію никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ неосуществившихся; въ послѣднемъ случаѣ скорѣе авторъ позаботился объ этой подставной цѣли, утверждая, будто отрѣзать французовъ и намѣренія не было, а думали только объ одномъ—изгнаніи французовъ изъ Россіи!

„Изъ безчисленнаго ряда неисполненныхъ приказаній наполеоновскихъ составился рядъ исполненныхъ приказаній для похода 12 г., не потому, чтобы приказанія эти отличались чѣмъ нибудь отъ другихъ неисполненныхъ приказаній, а потому, что рядъ этихъ приказаній совпалъ съ рядомъ событій, приведшихъ французскія войска въ Россію“. Тутъ и логика, да ужъ за одно

и слогъ: изъ ряда неисполненныхъ приказаній, составляется рядъ исполненныхъ...

Но выпьемъ чашу до дна. „Такъ что, разсматривая во времени отношеніе приказаній къ событіямъ, мы найдемъ, что приказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною*) событія, а что между тѣмъ и другимъ существуетъ извѣстная опредѣленная зависимость“. Которую простые смертные и называютъ причиною, прибавимъ отъ себя.

Черезъ фразу.

„Это отношеніе приказывающаго къ тѣмъ, которымъ онъ приказываетъ, и есть именно то, что называется властью“.

Черезъ страницу:

„Это то отношеніе лицъ приказывающихъ къ тѣмъ, которымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность понятія, называемаго властью“.

Т. е. — втираніе одного и того же при помощи повторенія; только власть изъ конкретнаго факта въ первомъ опредѣленіи обращается уже только въ понятіе во второмъ.

Поговоривъ обо всемъ этомъ на разные лады, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „приказанія исполняются рѣдко; приказывающіе менѣе всего принимаютъ участія въ событіи“. Странная право роль этихъ приказывающихъ, по мнѣнію автора: ни къ чему она не ведетъ! И какъ это человѣчество въ теченіи шести тысячъ лѣтъ не удосужилось напасть на столь блистательное открытіе: оно бы избавилось отъ лишняго груза.

*) Развѣ въ этомъ ктонибудь сомнѣвается? Всѣ вѣдь утверждаютъ, что обстоятельства вызываютъ событіе, а рядъ приказаній составляетъ разложеніе основной мысли событія.

Напавъ на свое открытіе, авторъ начинаетъ его втирать, переворачивая на всѣ лады; мужики тащутъ бревно: „Тотъ изъ нихъ, кто больше работалъ руками, могъ меньше обдумывать то, что онъ дѣлалъ, и соображать то, что можетъ выйти изъ общей дѣятельности и приказывать. Тотъ, кто приказывалъ, вслѣдствіе своей дѣятельности словами (замѣтьте уже не мыслью, а только словами), очевидно могъ меньше дѣйствовать руками“.

Затѣмъ показывается то же самое, только на идущемъ кораблѣ, впереди котораго, конечно, будетъ струя, „которая бурлитъ впереди его и *будетъ издали представляться намъ не только произвольно движущейся, но и руководящей движениемъ*“ (!). Нужно надѣть особенныя очки, чтобы это видѣть. Струя съ кораблемъ одного не составляетъ, какъ руководители съ массой. До чего можно договориться....

Въ заключеніе къ этому отдѣлу умозрительныхъ опытовъ говорится между прочимъ:

„Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность не мыслима безъ физической *), то причина событія находится ни въ той, ни въ другой, а въ соединеніи обѣихъ“.

„Или, другими словами, къ явленію, которое мы рассматриваемъ, понятіе причины неприменимо“.

Весьма вольный переводъ предъидущей мысли; до такой степени вольный, что мы не въ состояніи открыть между переводомъ и подлинникомъ никакой логической связи: Причина явленія лежитъ въ совокупномъ дѣйствіи двухъ силъ;

*) Равно какъ и физическая безъ нравственной.

слѣдовательно понятіе причины къ нему неприменимо..., по внѣшности, это просто безмыслица; но можетъ быть въ ней кроется какой нибудь таинственный смыслъ, профанамъ недоступный.

Далѣе авторъ разсуждаетъ о свободѣ воли человѣка и о законѣ необходимости....

Въ томъ же родѣ; только въ послѣдней части уже и сценъ нѣтъ; а одни только странныя, а иногда и совершенно непонятныя умствованія, которыя въ такомъ твореніи являются просто ненужнымъ балластомъ.

Если же авторъ себя пересилить не можетъ; если, одаренный изобразительною способностью, онъ предпочитаетъ упражняться въ умозрительствѣ, тогда ему не мѣшало бы по крайней мѣрѣ дать себѣ трудъ болѣе ознакомиться съ методами теоретическаго изслѣдованія, дабы сознательнѣе прилагать ихъ къ разбираемымъ вопросамъ. На одномъ геометрическомъ способѣ приведенія къ нелѣпности нельзя далеко уѣхать. Авторъ дошелъ уже до того, что для изслѣдованія какого либо вопроса нужно разложить его на составныя части; но до того, что нужно ихъ опять сложить, т. е. отъ анализа перейти къ синтезу, онъ еще не дошелъ: эти два обстоятельства (геометрическій способъ аргументаціи и остановка на анализѣ) и ведутъ къ тому, что у автора все разлагается, все другъ другу противорѣчить, а онъ воображаетъ, что этому такъ и быть должно. Чувствуетъ онъ, что что-то неладно и въ крайности бросается въ непостижимое; т. е., не видя причины разладу (ибо она въ немъ самомъ), но чувствуя его, авторъ успокоиваетъ себя тѣмъ, что этой причины человѣкъ и знать не можетъ. Умственные реактивы тоже, что и химическіе; употреблять ихъ дѣльно можно только зная ихъ свойства, а безъ этого можетъ случиться, что разложить еще

разложите, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, а соединить и не съумѣете.

Авторъ очутился именно въ такомъ положеніи. Если читатель припомнить, для него связь между руководителями и массами не найдена; между идеями, господствующими въ данную эпоху, и тѣми же массами—тоже не найдена; приказанія, очевидно клонящіяся къ осуществленію одной извѣстной цѣли, не имѣютъ между собою рѣшительно ничего общаго и т. д. Не напоминаетъ ли это химика, который, съумѣвъ разложить воду и не зная какъ составить ее, вздумалъ бы утверждать, что ее и нѣтъ въ природѣ, а что есть только кислородъ и водородъ—газы совершенно по своимъ свойствамъ различные и неимѣющіе между собою ничего общаго?

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Численность наполеоновской армии в 1812 году*

На 15 октября 1811 г., когда в предвидении предстоящей войны переформирование войск было в основном завершено, общая численность французской армии составляла 850 тыс. человек. В ее состав входили 815 батальонов пехоты и 380 эскадронов конницы. Из них в Испании находились 270 батальонов и 145 эскадронов, в Италии — 48 батальонов и 24 эскадрона, в Адриатике и на Ионических островах — 33 батальона и 2 эскадрона, в Германии и Голландии — 116 батальонов и 63 эскадрона, во Франции — 348 батальонов и 146 эскадронов.

Почти все пехотные полки были пятибатальонного состава, кавалерийские полки имели по четыре эскадрона. Артиллерия состояла из 16 полков (в том числе 6 полков конной артиллерии).

Кроме того, в состав наполеоновской армии входили союзные войска, общая численность которых составляла около 340 тыс. человек: 60 тыс. поляков, 50 тыс. итальянцев, 40 тыс. баварцев, 30 тыс. саксонцев, 30 тыс. вестфальцев, 30 тыс. неаполитанцев, 30 тыс. австрийцев, 25 тыс. — контингент из мелких владений Рейнского союза, 20 тыс. пруссаков, 15 тыс. вюртембергцев и около 10 тыс. баденцев.

В строевых частях предназначенной для вторжения в Россию так называемой Великой армии насчитывалось 614 тыс. чело-

* Составлено по материалам трудов А.И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года» (СПб., 1840. Ч. I); М.И. Богдановича «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» (СПб., 1859. Т. I); П.А. Жилина «Гибель наполеоновской армии в России» (М., 1974).

век, а с учетом разного рода чиновников, маркитантов, ремесленников, денщиков, слуг и солдат нестроевых частей ее численность достигала 700 тыс. человек. В армии имелось 187 тыс. лошадей и 1372 артиллерийских орудия (в том числе 130 осадных, предназначенных для овладения Ригой).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Состав «Великой армии» в 1812 году*

Главнокомандующий — Наполеон I.
Начальник Главного штаба — маршал Л. Бертье.
Начальник артиллерии — генерал А. Ларибуассьер.
Генерал-интендант — генерал Ф. Дама.
Генерал-квартирмейстер — генерал Монтион.
Начальник инженеров — генерал Ф. Шасслу.
Начальник понтонеров — генерал Ж. Эбле.
Комендант Главной квартиры — генерал О. Коленкур.

Старая гвардия (одна пехотная дивизия) — маршал Ф. Лефевр.
Молодая гвардия (три пехотные дивизии) — маршал Э. Мортье.
Конная гвардия (одна кавалерийская дивизия) —
маршал Ж. Бессьер.
Всего: 54 батальона и 35 эскадронов.

1-й пехотный корпус (пять пехотных и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 88 батальонов и 16 эскадронов) — маршал Л. Даву;

2-й пехотный корпус (три пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 51 батальон и 20 эскадронов) — маршал Н. Удино;

* Составлено по материалам труда А.И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года». СПб., 1840. Ч. I.

3-й пехотный корпус (три пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 48 батальонов и 24 эскадрона) — маршал М. Ней;

4-й пехотный (итальянский) корпус (четыре пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 57 батальонов и 24 эскадрона) — генерал Е. Богарне;

5-й пехотный (польский) корпус (три пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 44 батальона и 20 эскадронов) — генерал И. Понятовский;

6-й пехотный (баварский) корпус (две пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 28 батальонов и 16 эскадронов) — генерал Л. Гувион Сен-Сир;

7-й пехотный (саксонский) корпус (две пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 17 батальонов и 16 эскадронов) — генерал Ж. Ренье;

8-й пехотный (вестфальский) корпус (две пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 16 батальонов и 8 эскадронов) — генерал Д. Вандам;

9-й пехотный корпус (три пехотные и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 54 батальона и 16 эскадронов) — маршал К. Виктор;

10-й пехотный (пруссский) корпус (две пехотные и одна кавалерийская дивизии — всего 36 батальонов и 16 эскадронов) — маршал Ж. Макдональд;

11-й пехотный (резервный) корпус (шесть пехотных и одна легкая кавалерийская дивизии — всего 83 батальона и 37 эскадронов) — маршал П. Ожеро;

12-й пехотный (австрийский) корпус (три пехотные и одна кавалерийская дивизии — всего 27 батальонов и 54 эскадрона) — генерал К. Шварценберг.

Резервная кавалерия (четыре кавалерийских корпуса — всего 224 эскадрона) — маршал И. Мюрат:

1-й кавалерийский корпус (одна легкая и две тяжелые кавалерийские дивизии — всего 60 эскадронов) — генерал Э. Нансути;

2-й кавалерийский корпус (одна легкая и две тяжелые кавалерийские дивизии — всего 60 эскадронов) — генерал Л. Монбрен;

3-й кавалерийский корпус (одна легкая и две тяжелые кавалерийские дивизии — всего 60 эскадронов) — генерал Э. Груши;

4-й кавалерийский корпус (одна легкая и одна тяжелая кавалерийские дивизии — всего 44 эскадрона) — генерал В. Латур-Мобур.

Всего в «Великой армии»: 603 батальона и 526 эскадронов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Национальный состав «Великой армии»

Гвардия — французы, поляки, голландцы.

1-й пехотный корпус — три пехотные дивизии — французы, остальные — поляки, испанцы, немцы (мекленбуржцы, гессенцы, баденцы).

2-й пехотный корпус — французы, португальцы, швейцарцы, хорваты.

3-й пехотный корпус — французы, португальцы, немцы (Рейнский союз, вюртембержцы), иллирийцы.

4-й пехотный корпус — французы, итальянцы.

5-й пехотный корпус — поляки.

6-й пехотный корпус — немцы (баварцы).

7-й пехотный корпус — немцы (саксонцы).

8-й пехотный корпус — немцы (вестфальцы).

9-й пехотный корпус — французы, немцы (баденцы, Рейнский союз, Берг, Гессен-Дармштадт), голландцы, поляки.

10-й пехотный корпус — французы, немцы (пруссаки, саксонцы, вюртембержцы, вестфальцы), поляки.

11-й пехотный корпус — французы, немцы (вестфальцы, саксонцы, вюртембержцы, гессенцы, Рейнский союз).

12-й пехотный корпус — австрийцы.

1-й, 2-й, 3-й и 4-й кавалерийские корпуса — французы, поляки, немцы (пруссаки, Рейнский союз, саксонцы) и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Боевой и численный состав русской армии к началу Отечественной войны 1812 года*

К началу Отечественной войны 1812 года в состав полевой армии России входили: гвардия (пехотная и кавалерийская дивизии, артиллерийская бригада), 2 гренадерские, 27 пехотных, 2 кирасирские и 8 кавалерийских дивизий, 27 артиллерийских бригад, 10 резервных и 4 запасные бригады. В русской армии насчитывалось 1556 орудий.

Общая численность русской армии составляла 591 тыс. человек, в том числе:

пехота — 361,3 тыс.;

кавалерия — 76,2 тыс.;

артиллерия — 37,9 тыс.;

инженерные войска — 10,4 тыс.;

гарнизонные войска и внутренняя стража — 77,3 тыс.;

инвалидные роты и команды — 27,9 тыс.

Итого: 591 тыс. человек.

ПЕХОТА:

гвардейская пехота имела 6 полков

(каждый по 2168 человек) — 13 тыс.;

гренадеры — 14 полков

(каждый по 2357 человек) — 33 тыс.;

96 пехотных полков

(каждый по 2357 человек) — 226,3 тыс.;

50 егерских полков (каждый по 1511 человек) — 75,6 тыс.;

4 полка морской пехоты

(каждый по 2422 человека) — 10,2 тыс.;

* Составлено по материалам труда А.И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года». СПб., 1840. Ч. I.

гвардейский экипаж — 518 чел.;
3 учебных гренадерских батальона — 3,2 тыс.
Итого: 361,3 тыс. человек.

КАВАЛЕРИЯ:

6 полков и 2 сотни гвардейской кавалерии — 5,3 тыс.;
8 кирасирских полков (каждый по 949 человек) — 7,6 тыс.;
36 драгунских полков
(каждый по 955 человек) — 34,4 тыс.;
5 уланских полков (каждый по 1825 человек*) — 8,8 тыс.;
11 гусарских полков (каждый по 1825 человек) — 20,1 тыс.
Итого: 76,2 тыс. человек.

АРТИЛЛЕРИЯ:

5 рот гвардейской артиллерии — 1,3 тыс.;
49 батарейных рот — 15,5 тыс.;
54 роты легкой артиллерии — 14,8 тыс.;
22 роты конной артиллерии — 6,3 тыс.
Итого: 37,9 тыс. человек.

ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА:

2 полка пионеров (каждый по 2270 человек) — 4,5 тыс.;
24 понтонные роты — 5,9 тыс.
Итого: 10,4 тыс. человек.

ДРУГИЕ:

12 гарнизонных полков и 19 батальонов — 39,3 тыс.;
77 гарнизонных артиллерийских рот — 16 тыс.;
131 рота внутренней стражи — 22 тыс.;
46 инвалидных рот и 419 команд — 27,9 тыс.
Итого: 105,2 тыс. человек.

ВСЕГО: 591 тыс. человек.

* Чугуевский уланский полк имел численность 1500 человек.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Боевой состав и командование русской армии к началу Отечественной войны 1812 года*

1-Я ЗАПАДНАЯ АРМИЯ

Главнокомандующий — генерал от инфантерии
М.Б. Барклай-де-Толли.

Начальник штаба — генерал-лейтенант Н.И. Лавров;
с 21 июня (3 июля) — генерал-лейтенант
маркиз Ф.О. Пауллуччи;

с 1 (13) июля — генерал-майор А.П. Ермолов.

Генерал-квартирмейстер — генерал-майор Мухин;
с 29 июня (11 июля) — полковник К.Ф. Толь.

Начальник артиллерии — генерал-майор О.И. Бухгольц.

Дежурный генерал — полковник П.А. Кикин.

Начальник инженеров — генерал-майор Х.И. Труссон.

Генерал-интендант — Е.Ф. Канкрин.

1-й пехотный корпус — генерал-лейтенант граф
П.Х. Витгенштейн.

5-я пехотная дивизия — генерал-майор Г.М. Берг.

14-я пехотная дивизия — генерал-майор И.Т. Сазонов.

4 сводных гренадерских батальона.

Рижский и Ямбургский драгунские, Гродненский
гусарский полки, 3 казачьих полка.

Всего в корпусе — 28 батальонов, 16 эскадронов,
3 казачьих полка.

2-й пехотный корпус — генерал-лейтенант К.Ф. Багговут.

4-я пехотная дивизия — генерал-майор принц Евгений
Виртембергский.

* Составлено по материалам труда А.И. Михайловского-Данилевского
«Описание Отечественной войны 1812 года». СПб., 1840. Ч. I.

17-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант

З.Д. Олсуфьев.

Елисаветградский гусарский полк.

Всего в корпусе — 24 батальона и 8 эскадронов.

3-й пехотный корпус — генерал-лейтенант Н.А. Тучков 1-й.

3-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант П.П. Коновницын.

1-я гренадерская дивизия — генерал-майор граф

П.А. Строганов.

2 сводных гренадерских батальона.

Лейб-казаки, лейб-гвардии Черноморская сотня

и Тептярские казаки.

Всего в корпусе — 26 батальонов, 6 эскадронов и казачий

полк.

4-й пехотный корпус — генерал-лейтенант граф

П.А. Шувалов.

11-я пехотная дивизия — генерал-майор Н.Н. Бахметьев 2-й.

23-я пехотная дивизия — генерал-майор А.Н. Бахметьев 1-й.

2 сводных гренадерских батальона.

Изюмский гусарский полк.

Всего в корпусе — 22 батальона и 8 эскадронов.

5-й пехотный (гвардейский) корпус — цесаревич

Константин Павлович.

Гвардейская пехотная дивизия — генерал-майор

А.П. Ермолов.

1-я Сводно-гренадерская дивизия (8 батальонов).

1-я кирасирская дивизия (Кавалергардский, лейб-гвардии

Конный, лейб-кирасирский Его Величества, лейб-

кирасирский Ее Величества и Астраханский кирасир-

ский полки) — генерал-майор Н.И. Депрерадович.

Всего в корпусе — 26 батальонов и 20 эскадронов.

6-й пехотный корпус — генерал от инфантерии Д.С. Дохтуров.

7-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант

П.М. Капцевич.

24-я пехотная дивизия — генерал-майор П.Г. Лихачев.

Сумский гусарский полк.

Всего в корпусе — 24 батальона и 8 эскадронов.

1-й резервный кавалерийский корпус (лейб-гвардии Уланский, Гусарский и Драгунский полки, Курляндский, Казанский и Нежинский драгунские полки) — генерал-лейтенант Ф.П. Уваров.

Всего в корпусе — 24 эскадрона.

2-й резервный кавалерийский корпус (Ингерманландский, Каргопольский, Московский, Псковский драгунские и Польский уланский полки) — генерал-майор барон Ф.К. Корф.

Всего в корпусе — 24 эскадрона.

3-й резервный кавалерийский корпус (Иркутский, Оренбургский, Сибирский драгунские и Мариупольский гусарский полки) — генерал-майор граф П.П. Пален.

Всего в корпусе — 20 эскадронов.

Донской казачий корпус (14 казачьих полков) — генерал от кавалерии М.И. Платов.

Итого в 1-й Западной армии:

*150 батальонов, 134 эскадрона, 18 казачьих полков,
127 тыс. человек и 558 орудий.*

2-Я ЗАПАДНАЯ АРМИЯ

Главнокомандующий — генерал от инфантерии князь П.И. Багратион.

Начальник штаба — генерал-майор граф Э.Ф. Сен-При.

Генерал-квартирмейстер — генерал-майор М.С. Вистицкий.

Начальник артиллерии — генерал-майор барон К.Ф. Левенштерн.

Дежурный генерал — генерал-майор С.И. Маевский.

Начальник инженеров — генерал-майор Е.Х. Ферстер.

Генерал-интендант — Д.С. Ланской.

7-й пехотный корпус — генерал-лейтенант Н.Н. Раевский.
12-я пехотная дивизия — генерал-майор П.М. Колюбакин.
26-я пехотная дивизия — генерал-майор И.Ф. Паскевич.
Ахтырский гусарский полк.
Всего в корпусе — 24 батальона и 8 эскадронов.

8-й пехотный корпус — генерал-лейтенант М.М. Бороздин 1-й.
2-я гренадерская дивизия — генерал-майор принц Карл
Мекленбургский.
2-я Сводная гренадерская дивизия — генерал-майор граф
М.С. Воронцов.
Всего в корпусе — 22 батальона.

2-я кирасирская дивизия (Екатеринославский, Глуховский,
Малороссийский, Новгородский и Орденский кирасир-
ские полки) — генерал-майор И.М. Дука.
Всего в дивизии — 20 эскадронов.

4-й резервный кавалерийский корпус (Киевский, Ново-
российский, Харьковский, Черниговский драгунские
и Литовский уланский полки) — генерал-майор граф
К.К. Сиверс.
Всего в корпусе — 24 эскадрона.

Казачий отряд (9 казачьих полков) — генерал-майор
И.К. Краснов.

27-я пехотная дивизия (12 батальонов) — генерал-майор
Д.П. Неверовский — включенная в состав 2-й Западной
армии, находилась на марше из Москвы в Волковыск.

Итого во 2-й Западной армии:
58 батальонов, 52 эскадрона, 9 казачьих полков,
48 тыс. человек и 216 орудий.

3-Я ЗАПАДНАЯ (РЕЗЕРВНАЯ) АРМИЯ

Главнокомандующий — генерал от кавалерии А.П. Тормасов.
Начальник штаба — генерал-майор И.Н. Инзов.

Генерал-квартирмейстер — полковник Р.Е. Ренни.
Начальник артиллерии — генерал-майор И.Х. Сиверс.
Начальник инженеров — генерал-майор И.М. Гартинг.

Пехотный корпус — генерал от инфантерии граф
С.М. Каменский.

18-я пехотная дивизия — генерал-майор князь А.Г. Щербатов.
Сводная гренадерская бригада.
Павлоградский гусарский полк.
Всего в корпусе — 18 батальонов и 8 эскадронов.

Пехотный корпус — генерал-лейтенант Е.И. Марков.

9-я пехотная дивизия.
15-я пехотная дивизия.
Александровский гусарский полк.
Всего в корпусе — 24 батальона и 8 эскадронов.

Пехотный корпус — генерал-лейтенант Ф.В. Остен-Сакен.

36-я пехотная дивизия.
16 запасных эскадронов (кавалерийская дивизия).
Лубенский гусарский полк.
Всего в корпусе — 12 батальонов и 24 эскадрона.

Кавалерийский корпус (Арзамасский, Владимирский,
Житомирский, Серпуховский, Стародубовский,
Таганрогский, Тверской драгунские и Татарский
уланский полки) — генерал-майор граф К.О. Ламберт.
Всего в корпусе — 36 эскадронов.

Казачий отряд (9 казачьих полков) — генерал-майор
П.М. Греков 8-й.

Итого в 3-й Западной армии:

54 батальона, 76 эскадронов, 9 казачьих полков,
43 тыс. человек и 168 орудий.

В общей сложности в трех армиях на западной границе
России было 262 батальона пехоты, 262 эскадрона кавале-

рии и 36 казачьих полков. Их общая численность составляла 218 тыс. человек и 942 орудия.

Кроме 1-й, 2-й и 3-й Западных армий в состав полевых войск России на Европейском театре военных действий еще входили: Дунайская армия адмирала П.В. Чичагова, Финляндский корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля (6-я пехотная дивизия генерал-майора В.С. Рахманова и 21-я пехотная дивизия генерал-майора Н.И. Демидова), 2-й резервный корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля в Мозыре, 13-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта герцога Э.О. Ришелье в Одессе и 25-я пехотная дивизия генерал-майора П.Я. Башуцкого в Санкт-Петербурге.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Части русской армии, принимавшие участие в Бородинском сражении 26 августа (7 сентября) 1812 года *

Гвардия:

Лейб-гвардии Преображенский полк;

Лейб-гвардии Семеновский полк;

Лейб-гвардии Измайловский полк;

Лейб-гвардии Литовский полк;

Лейб-гвардии Егерский полк;

Лейб-гвардии Финляндский полк;

Гвардейский экипаж;

Кавалергардский полк;

Лейб-гвардии Конный полк;

Лейб-гвардии Уланский полк;

Лейб-гвардии Драгунский полк;

Лейб-гвардии Гусарский полк;

* Составлено по материалам монографии «М.И. Кутузов. Сборник документов». М., 1954. Т. IV. Ч. I.

Лейб-гвардии Казачий полк;
Лейб-гвардии Черноморская сотня;
Гвардейская артиллерия (две батарейные и две легкие артиллерийские роты, две конно-артиллерийские роты и два орудия Гвардейского экипажа).

Гренадерские полки:

Графа Аракчеева;
Астраханский;
Екатеринославский;
Киевский;
Лейб-гренадерский;
Малороссийский;
Московский;
Павловский;
Петербургский;
Сибирский;
Таврический;
Фанагорийский;
Два батальона Сводной гренадерской дивизии.

Пехотные полки:

Алексопольский;
Брестский;
Бутырский;
Белозерский;
Виленский;
Вильманstrandский;
Волынский;
Екатеринбургский;
Елецкий;
Кексгольмский;
Копорский;
Кременчугский;
Ладожский;
Либавский;
Минский;
Московский;

Муромский;
Нарвский;
Нижегородский;
Новоингерманландский;
Одесский;
Орловский;
Перновский;
Полоцкий;
Полтавский;
Псковский;
Ревельский;
Рыльский;
Рязанский;
Селенгинский;
Симбирский;
Смоленский;
Софийский;
Тарнопольский;
Тобольский;
Томский;
Уфимский;
Черниговский;
Ширванский.

Кирасирские полки:

Астраханский;
Военного ордена;
Глуховский;
Екатеринославский;
Лейб-кирасирский Его Величества;
Лейб-кирасирский Ее Величества;
Малороссийский;
Новгородский.

Уланские полки:

Литовский;
Польский.

Гусарские полки:

Ахтырский;
Елисаветградский;
Изюмский;
Мариупольский;
Сумской.

Драгунские полки:

Ингерманландский;
Иркутский;
Казанский;
Каргопольский;
Киевский;
Курляндский;
Московский;
Новороссийский;
Нежинский;
Оренбургский;
Псковский;
Сибирский;
Харьковский;
Черниговский.

Егерские полки:

1-й, 4-й, 5-й, 6-й, 11-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 30-й, 33-й,
34-й, 36-й, 40-й, 41-й, 42-й, 43-й, 49-й и 50-й.

Артиллерия:

1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 6-я, 7-я, 10-я, 11-я, 12-я, 17-я, 23-я, 24-я, 26-я,
31-я и 32-я батареинные роты;

1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я,
19-я, 20-я, 21-я, 22-я, 24-я, 32-я, 33-я, 43-я, 44-я, 45-я, 46-я,
47-я и 48-я легкие роты;

2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я и 9-я конные роты;

1-я и 2-я Донские конные роты.

Донские казаки.

Московское и Смоленское ополчения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Пролог. Война иная, армия на высоте

¹ Ныне город Славков (Чехия).

² Михаил Илларионович Кутузов. М., 1946. С. 22.

³ По данным С.В. Шведова, численность полевых войск русской армии к июню 1812 г. достигала 586,8 тыс. (строевых и нестроевых). Он считает, что из общего состава полевых войск в июне 1812 г. (459 тыс.) в боевых действиях участвовали 375 тыс. человек. Потери русских войск составили около 300 тыс. человек, из них 175 тыс. — небоевые потери, главным образом от заболеваний. См.: Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках линий советских историков 1917–1987. М., 1990. С. 158–159.

⁴ Включая Отдельный казачий корпус М.И. Платова (7 тыс. человек и 12 орудий) и 3-й кавалерийский корпус генерал-майора П.П. Палена (2,6 тыс. человек и 12 орудий).

⁵ Федор Федорович Эртель (1767–1825), генерал-лейтенант. Участник Русско-шведской войны 1788–1790 гг. В 1813–1814 гг. генерал-полицмейстер действующей армии.

⁶ Егор Иванович Меллер-Закомельский (1767–1830), барон, генерал-лейтенант. Участник кампании 1805 года.

⁷ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992. С. 134.

⁸ Численность войск обеих сторон, а также цифры потерь в Бородинском сражении. См.: Михаил Илларионович Кутузов.

⁹ Численность резервов. См.: Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. С. 61 и др.

¹⁰ Название не совсем правильное, так как укрепление осталось не сомкнуто. Название «батарея Раевского» укрепление получило потому, что находилось на участке корпуса Раевского.

¹¹ Флеши, реданы — несомкнутые укрепления, представляющие в плане исходящий угол; отличаются величиной угла и размерами.

¹² Александров Е.В. Военно-инженерное обеспечение. М., 1946. С. 48.

¹³ Евгений Богарне (1781–1824), французский генерал, пасынок Наполеона Бонапарта, вице-король Италии; командовал 4-м пехотным корпусом «Великой армии».

¹⁴ Иосиф (Юзеф) Понятовский (1763–1813), князь, польский генерал, маршал Франции (1813), племянник последнего польского короля Станислава Понятовского. Командовал 5-м (польским) пехотным корпусом. Погиб в Лейпцигском сражении.

¹⁵ В литературе эту последнюю позицию русской армии при Бородино иногда называют «третьей позицией», считая за первую — позицию с левым крылом при Шевардино, а за вторую — ту, на которой началось сражение утром 26 августа (7 сентября) 1812 г.

¹⁶ Французские и некоторые другие историки и публицисты необоснованно считают, что Наполеон проявил в данном вопросе «необъяснимую» нерешительность и ввод в сражение гвардии принес бы ему победу.

¹⁷ Потери конницы. См.: Жилин П.А. Указ. соч. С. 58.

¹⁸ Фактически Бородино было не первой неудачей Наполеона при столкновении с русскими войсками. Еще в 1807 г. в сражении при Прейсиш-Эйлау (Восточная Пруссия) он не сумел разгромить русскую армию, понеся большие потери.

¹⁹ Контрманевр Кутузова представляет аналогию с контрманевром П.С. Салтыкова при Кунерсдорфе в 1759 г.

²⁰ Командование последними двумя корпусами объединил маршал Гувион Сен-Сир.

²¹ Гарнич Н.Ф. Отечественная война 1812 года. М., 1951. С. 60.

²² Жилин П.А. Указ. соч. С. 87.

²³ Цифры, приводимые в литературе, колеблются. См.: Жилин П.А. Там же; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951. С. 108 и др.

²⁴ Денис Давыдов — храбрый гусарский офицер и партизан, поэт и писатель. Яркая фигура этого периода истории нашей Родины.

²⁵ Около 4 тыс. человек.

²⁶ Такая обстановка сложилась к началу (середине) октября 1812 г.

²⁷ Еще ранее (в августе) со Швецией был заключен союзный договор, что позволило снять войска со шведской границы.

²⁸ Приведенные цифры даны приближенно, с учетом ряда источников, в которых отдельные данные расходятся.

²⁹ Переправочные парки были брошены или сожжены французами еще раньше.

³⁰ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 160, 163.

³¹ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений. М., 1939–1953. Т. 3. С. 257.

³² Русская армия была лучше снабжена теплым обмундированием, чем французская. Но противник в известной мере компенсировал недостаток теплой одежды за счет грабежа мирного населения.

³³ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 164.

³⁴ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 564.

³⁵ Там же. С. 565.

³⁶ Там же.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Глава 1. Гроза двенадцатого года

¹ Попов А.Н. Отечественная война 1812 года. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года. Т. 1. М., 1905. С. 3.

² Бородино 1812. М., 1987. С. 15.

³ Вирст Ф.Г. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи. СПб., 1807. Приложения.

⁴ Там же.

⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. XXXI, № 24464.

⁶ Владетель Ольденбурга был женат на сестре Александра I Екатерине Павловне.

⁷ Сироткин В. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 185.

⁸ Попов А.Н. Указ. соч. С. 29.

⁹ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1941. С. 242.

¹⁰ Ниве П.А. Отечественная война 1812 года. Т. 1. СПб., 1911. С. 24.

¹¹ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 84.

¹² Бонналь А. Виленская операция. СПб., 1909. С. 17.

¹³ Жилин П.А. Указ. соч. С. 86–87.

¹⁴ Жилин П.А. Указ. соч. С. 87.

¹⁵ Ниве П.А. Указ. соч. С. 17.

¹⁶ Бородино 1812. С. 33.

¹⁷ Лаввис и Рамбо. История XIX века. Т. 1. М., 1938. С. 104.

¹⁸ Маршал Франции Жан-Батист Бернадот приходился своим старшему брату Наполеона Жозефу Бонапарту, королю Испании.

¹⁹ Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 53–54, 57; Попов А.Н. Указ. соч. С. 74–75.

²⁰ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 431.

²¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. 1. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1900. С. 79.

²² Коленкур А. Указ. соч. С. 51–52.

²³ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943. С. 24.

²⁴ Сборник русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1877. С. 352–353.

²⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. 1. СПб., 1840. С. 91.

²⁶ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. С. 124–126.

²⁷ Tersen E. Napoleon. P. 1959. P. 339.

²⁸ Баиов А. Курс истории русского военного искусства. Вып. VII. СПб., 1913. С. 390.

²⁹ Бонналь А. Указ. соч. С. 1.

³⁰ Труды императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО). Т. VI. М., 1913. С. 69.

³¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 109, 113.

³² Там же. С. 119.

³³ Там же. С. 98.

³⁴ Запасные рекрутские депо из расчета по одному на каждую дивизию были учреждены в 1808 г. С 1811 г. они стали называться просто рекрутскими депо. Тогда же были сформированы артиллерийские депо. Кавалеристов готовили вместе с пехотой, но в соответствующих этому роду войск подразделениях (Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года Ч. 1. СПб., 1840. С. 96–97, 107–108).

³⁵ 27-я пехотная дивизия была сформирована в октябре 1811 г. В ее состав вошли Одесский, Тарнопольский, Виленский, Симбирский пехотные, 49-й и 50-й егерские полки. Тогда же лейб-гвардии Финляндский батальон был развернут в полк и сформирован в составе гвардии новый полк — лейб-гвардии Литовский. Кадров для его формирования выделил лейб-гвардии Преображенский полк. Кавалерия была усилена вновь сформированными Астраханским и Новгородским кирасирскими полками. В связи с созданием в русской армии артиллерийских соединений в виде бригад в штат пехотной дивизии вводится полевая артиллерийская бригада, которая, как правило, состояла из трех артиллерийских рот (одной батареейной и двух легких). В 1811 г. были сформированы три новых полка иррегулярной конницы — два башкирских (по 500 человек каждый) и один калмыцкий (560 человек).

Расформирование гарнизонных батальонов было осуществлено следующим образом. Три роты каждого батальона, в которые подбирались лучший состав, шли на формирование вновь создаваемых линейных полков, а остальной личный состав этих батальонов (четвертые роты) был распределен по 39 губернским городам, где вместе с имевшимися там штатными губернскими командами, выполнявшими функции военной полиции, образовал внутреннюю стражу. На базе 52 гарнизонных батальонов, которые составляли почти половину всех имевшихся тогда в России гарнизонных войск, были сформированы

рованы: Воронежский, Брянский, Литовский, Подольский, Эстляндский, Орловский, Галицкий, Великолуцкий, Пензенский и Саратовский пехотные полки; 47-й, 48-й и 49-й егерские полки (49-й егерский полк вскоре был преобразован в Софийский пехотный полк). См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 103–105, 107.

³⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 112–113.

³⁷ Жилин П.А. Указ. соч. С. 96.

³⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 114.

³⁹ Там же. С. 120.

⁴⁰ Там же. С. 111–112, 120.

⁴¹ Там же. С. 100.

⁴² Там же. С. 101–102.

⁴³ Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXI, № 24386.

⁴⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 102.

⁴⁵ Воинский устав пехотной дивизии. СПб., 1811. С. 197.

⁴⁶ История военного искусства. Т. 2. М., 1955. С. 509.

⁴⁷ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. 1. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1900. С. 79.

⁴⁸ Там же. Ч. 2. С. 2.

⁴⁹ Там же. С. 271.

⁵⁰ Жилин П.А. Указ. соч. С. 94.

⁵¹ ЦГВИА. Ф. Канцелярии Военного министерства. Д. 1811, № 10–67. С. 166.

⁵² Журнал Комитета министров. 1810–1812 гг. Т. 11. СПб., 1891. С. 378.

⁵³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. 1. Т. 1. Ч. 2. С. 42.

⁵⁴ ПСЗ, Т. XXXI, № 34368.

⁵⁵ Данилевский В.В. Русская техника. Л., 1948. С. 173.

⁵⁶ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Отд. 1. Т. 1. Ч. 2. С. 23.

⁵⁷ Богданович М.И. Указ. соч. С. 490.

⁵⁸ Омелянович. План Фуля. СПб., 1898. С. 7.

⁵⁹ Прусский военный теоретик барон Адам Бюлов (1757–1807) теоретически обосновал необходимость и целесообразность сохранения военной системы Фридриха II, внося в нее

лишь некоторые изменения на основе учета последних достижений в военном деле. Основываясь на принципах уже отжившей свой век кордонной стратегии, Бюлов считал, что главной стратегической задачей полководца в войне является создание угрозы коммуникациям и магазинам противника, что автоматически повлечет за собой отступление его армии. В области тактики он также стоял на шаблонных позициях, полагая, что все действия на поле боя можно точно рассчитать и подвести к тем немногим схемам, в основе которых лежит понятие об «объективном угле», при котором обеспечивается охват одного или обоих флангов противника. По его мнению, уже охват одного из флангов противника обеспечивает победу, а охват обоих флангов (при объективном угле 90 градусов) автоматически приносит успех. В конечном счете эта догматическая схема обобщала опыт боевых действий Фридриха II в середине XVIII в., не учитывая коренных изменений, происшедших с того времени в военном искусстве.

Бюлов учил, что сражений нужно избегать и добиваться намеченных целей только путем маневрирования армии вне поля боя. К сражениям можно прибегать лишь в исключительных случаях. Если полководец оказывается перед необходимостью дать сражение, — считал Бюлов, — значит, этому предшествовали его ошибки. При наступлении он рекомендовал действовать только по сходящимся направлениям. В этом случае угроза охвата и окружения обязательно должна вынудить неприятеля к отступлению. При отступлении нужно отходить по расходящимся направлениям. «Эксцентрическое отступление, — подчеркивал Бюлов, — представляет одно из важнейших правил войны». Все эти взгляды на формы и способы ведения военных действий были изложены Бюловым в его основном военно-теоретическом труде «Дух новейшей военной системы», опубликованном в 1799 г. Чрезмерно увлекаясь геометрическими формами операций, автор догматизировал опыт ведения войн XVIII в., переоценивал роль магазинной системы снабжения войск, считая, что главная цель в войне может быть достигнута только воздействием на пути сообщения противника. Следовательно, стремясь сохранить в своей основе старые формы кордонной стратегии и линейной тактики, Бюлов пы-

тался вдохнуть в них новое содержание. В этом плане признать его теоретические взгляды прогрессивными для своего времени вряд ли возможно.

⁶⁰ Омелянович. Указ. соч. С. 7.

⁶¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 118.

⁶² Там же. С. 144–145.

⁶³ Там же. С. 145.

⁶⁴ Там же. С. 155.

⁶⁵ Там же. С. 152.

⁶⁶ Русский архив. 1892. № 4. С. 430.

⁶⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 167.

⁶⁸ Там же. С. 172.

⁶⁹ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 466.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Коленкур А. Указ. соч. С. 87.

⁷² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 169.

⁷³ Там же. С. 177.

⁷⁴ Там же. С. 177–178.

⁷⁵ Корпус Платова не был подчинен Багратиону. Он входил в состав 1-й Западной армии.

⁷⁶ Русский архив 1892. № 4. С. 430.

⁷⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 182–183.

⁷⁸ Там же. С. 183.

⁷⁹ Там же. С. 185.

⁸⁰ Там же. С. 185–186.

⁸¹ Там же. С. 185.

⁸² Там же. С. 192.

⁸³ Первое столкновение казаков 2-й Западной армии с противником имело место еще 21 июня (3 июля) у местечка Закревчизна. В этом бою казаки разгромили неприятеля.

⁸⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 198.

⁸⁵ Там же. С. 199.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 200–201.

⁸⁸ В 512 г. до н.э. скифы нанесли сокрушительное поражение огромному персидскому войску царя Дария. Не имея возможности противостоять персам в открытом бою, скифы применили

тактику заманивания противника вглубь своих причерноморских степей. При этом они совершенно опустошили местность на пути движения врага, лишив его всех источников снабжения. Избегая решительного сражения, скифы до предела измотали противника в мелких и непрерывных стычках, которые происходили как днем, так и ночью, и вынудили его повернуть назад. В ходе отступления персидская армия понесла огромные потери.

⁸⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 463.

⁹⁰ Там же. С. 463–464.

⁹¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 204.

⁹² Русский архив. 1892. № 4. С. 431.

⁹³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 193.

⁹⁴ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 195.

⁹⁵ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 464.

⁹⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3983. Л. 24–25.

⁹⁷ Данное утверждение Баркляя-де-Толли не соответствовало действительности. На самом деле основные силы главной группировки французских войск находились в распоряжении Мюрата. Наполеон выступил из Вильно на Глубокое лишь 4 (16) июля.

⁹⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 223.

⁹⁹ Там же. С. 222.

¹⁰⁰ Там же. С. 221.

¹⁰¹ Там же. С. 228.

¹⁰² Тарле Е.В. Указ. соч. С. 470.

¹⁰³ Там же. С. 471.

¹⁰⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 224.

¹⁰⁵ Омелянович. Указ. соч. С. 6.

¹⁰⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 244–245.

¹⁰⁷ Там же. С. 252.

¹⁰⁸ Там же. С. 260–261.

¹⁰⁹ Коленкур А. Указ. соч. С. 96.

¹¹⁰ А.И. Остерман-Толстой вступил в командование 4-м пехотным корпусом вместо заболевшего в конце июня 1812 г. графа П.А. Шувалова.

¹¹¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 269–270.

¹¹² Там же. С. 269–271, 275.

¹¹³ Харкевич В. Барклай-де-Толли в Отечественную войну. СПб., 1904. С. 7.

¹¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 279.

¹¹⁵ Там же. С. 283.

¹¹⁶ Там же. С. 285.

¹¹⁷ Там же. С. 288.

¹¹⁸ Там же. С. 289.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Хронология русской военной истории. СПб., 1891. С. 132.

¹²¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 295–296.

¹²² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1964. С 108–109.

¹²³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 296; Хронология русской военной истории. С. 132.

¹²⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 299.

¹²⁵ Там же. С. 294–301.

¹²⁶ Там же. С. 300–301.

¹²⁷ Ростунов И.И. Отечественная война 1812 года. М., 1987. С. 15.

¹²⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 308.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Имеется в виду не территория России в целом, а территория с коренным русским населением. Вторжение захватчиков в Россию последний раз имело место в 1708–1709 гг., но тогда армия шведского короля Карла XII в основном прошла лишь по белорусским и украинским землям. Коренные же русские области в последний раз подверглись вражескому нашествию в начале XVII в. во время польско-шведской интервенции, в так называемое Смутное время.

¹³¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 460.

¹³² Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 207.

¹³³ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. С. 221.

¹³⁴ История русской армии и флота. Т. 3. М., 1911. С. 113.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Correspondance, Т. XXIV, № 18999. Vilna, 4 juillet 1812. С. 16.

¹³⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 503.

- ¹³⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 325–326.
¹³⁹ Там же. С. 328.
¹⁴⁰ Там же. С. 331.
¹⁴¹ Хронология русской военной истории. С. 133.
¹⁴² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 354.
¹⁴³ Там же. С. 355.
¹⁴⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 482.
¹⁴⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 359.
¹⁴⁶ В состав 10-го пехотного корпуса «Великой армии» входили: 7-я пехотная (французская) дивизия генерала Гранжана, 27-я пехотная (прусская) дивизия генерала Ю. Граверта и прусская кавалерийская дивизия генерала Ф. Массенбаха.
¹⁴⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 389.
¹⁴⁸ Хронология русской военной истории. С. 132.
¹⁴⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 481.

Глава 2. За Русь! За Отчизну!

- ¹ Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 218.
² Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. II. СПб., 1840. С. 60.
³ Там же. С. 60–61.
⁴ Там же. С. 61.
⁵ Там же. С. 62; Хронология русской военной истории. СПб., 1891. С. 133.
⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 65.
⁷ Двенадцатый год. СПб., 1912. С. 63.
⁸ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1859. С. 242.
⁹ Хронология русской военной истории. С. 133; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 85.
¹⁰ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 511.
¹¹ Труды императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО). Т. IV. Ч. I. М., 1910. С. 272.
¹² Материалы ВУА Главного штаба. Донесение Багратиона от 5 августа 1812 г. №475.

- ¹³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 84.
- ¹⁴ Сегюр Ф. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. М., 1913. С. 73; Segur. Histoire de Napoleon et de la grande armee. Paris, 1908. P. 250.
- ¹⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 91.
- ¹⁶ Там же. Схемы № 32–33.
- ¹⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 95.
- ¹⁸ Там же. С. 96.
- ¹⁹ Там же. С. 100.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 114.
- ²² Тарле Е.В. Указ. соч. С. 517–518.
- ²³ Хронология русской военной истории. С. 133–134.
- ²⁴ Глинка С.Н. Записки о 1812 г. СПб., 1836. С. 179.
- ²⁵ Коленкур А. Указ. соч. С. 110.
- ²⁶ Якушкин И.Д. Записки. М., 1926. С. 11.
- ²⁷ Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 225.
- ²⁸ Архив Раевского. Т. 1. СПб., 1908. С. 152.
- ²⁹ Русская старина. 1884 (октябрь). С. 212.
- ³⁰ Коленкур А. Указ. соч. С. 144.
- ³¹ Окунь С.Б. История СССР. Л., 1948. С. 225.
- ³² Хронология русской военной истории. С. 134.
- ³³ Коленкур А. Указ. соч. С. 116.
- ³⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 522.
- ³⁵ Это была пехотная бригада 11-й пехотной дивизии 4-го пехотного корпуса. Бригадой командовал генерал-майор П.Н. Чоглоков (он же шеф Перновского пехотного полка).
- ³⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 128; Коленкур А. Указ. соч. С. 116.
- ³⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 522–523.
- ³⁸ Богданович М.И. Указ. соч. С. 300–301; Хронология русской военной истории. С. 134.
- ³⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 478.
- ⁴⁰ Там же. С. 511.
- ⁴¹ Ермолов А.П. Записки. М., 1865. С. 172.
- ⁴² Тарле Е.В. Указ. соч. С. 512.
- ⁴³ Там же. С. 519.

- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 520.
- ⁴⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 149.
- ⁴⁷ Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 143.
- ⁴⁸ Журнал Комитета министров 1810–1812 гг. Т. II. СПб., 1891. С. 707.
- ⁴⁹ Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. С. 144.
- ⁵⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 162–163.
- ⁵¹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 124–131.
- ⁵² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. М., 1954, документ № 82.
- ⁵³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 163.
- ⁵⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 533.
- ⁵⁵ Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82.
- ⁵⁶ Там же. С. 87.
- ⁵⁷ Жилин П.А. Кутузов. М., 1979. С. 24.
- ⁵⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. I. М., 1950. С. 9.
- ⁵⁹ В состав 6-й штурмовой колонны генерал-майора М.И. Голенищева-Кутузова входило три батальона егерей Бугского корпуса, Херсонский гренадерский полк и 1000 казаков.
- ⁶⁰ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 534.
- ⁶¹ Русская старина. 1871 (январь). С. 54.
- ⁶² Там же. С. 55.
- ⁶³ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. II. СПб., 1859. С. 125.
- ⁶⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 177.
- ⁶⁵ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. Т. II. М., 1912. С. 4.
- ⁶⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архивов Первого отделения Е.И. В. Канцелярии. Вып. I. СПб., 1876. С. 22–23.
- ⁶⁷ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 64–65.
- ⁶⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. М., 1954. С. 83–84.

⁶⁹ Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Т. 1. Вильна, 1900. С. 13.

⁷⁰ Записки А.П. Ермолова о войне 1812 года. М., 1865. С. 188.

⁷¹ Труды Московского отдела Русского военно-исторического общества. Т. II. М., 1912. С. 322.

⁷² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. М., 1954. С. 138.

⁷³ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 537.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Документы, относящиеся к истории 1812 года. Ч. I. Вып. 14. СПб., 1913. С. 83.

⁷⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 539.

⁷⁷ Там же. С. 538.

⁷⁸ Отставку Барклая-де-Толли с поста военного министра Александр I принял 24 августа (5 сентября) 1812 г., но от назначения нового министра воздержался. Вместо него в тот же день был назначен управляющий Военным министерством. Им стал генерал-лейтенант князь А.И. Горчаков (племянник А.В. Суворова). Этого Горчакова звали Алексей Иванович. Кроме него в русской армии в 1812 г. служил еще один генерал-лейтенант А.И. Горчаков — Андрей Иванович, младший брат первого, который был начальником пехоты во 2-й Западной армии.

⁷⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 538.

⁸⁰ Русская старина. 1873 (август). С. 154.

⁸¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 95.

⁸² Протоколы Государственного совета. Т. II. СПб., 1893. С. 542.

⁸³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 105.

⁸⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 542.

⁸⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. I. СПб., 1840. С. 339.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 343.

⁸⁸ Хронология русской военной истории. С. 134.

⁸⁹ Французская — 6-я пехотная дивизия генерала Леграна; баварские — 19-я пехотная дивизия генерала Деруа и 20-я пехотная дивизия генерала Вреде.

⁹⁰ Хронология русской военной истории. С. 134.

⁹¹ Там же.

⁹² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 374.

⁹³ Там же. С. 379.

⁹⁴ Там же. С. 381.

⁹⁵ В состав отряда Винценгероде входили Казанский драгунский полк и три казачьих полка. См.: Михайловский-Данилевский А.И. Ч. II. С. 130.

⁹⁶ Финляндский корпус включал 6-ю и 21-ю пехотные дивизии неполного состава (Азовский, Брянский, Литовский, Невский, Низовский, Петровский, Подольский пехотные; 2-й, 3-й и 44-й егерские; Финляндский драгунский полки, один казачий полк и три артиллерийские роты). Некомплект составлял два полка (пехотный и егерский). См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. II. С. 172.

⁹⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Ч. II. С. 170.

Глава 3. Бородинское сражение

¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. М., 1954. С. 129.

² Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 149.

³ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 140–144; Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. II. СПб., 1840. С. 189.

⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 141–143.

⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 194.

⁶ Хотя такая цифра и утвердилась в нашей исторической литературе, однако она вызывает большие сомнения. Дело в том, что в бою при Шевардино со стороны противника действовала лишь часть корпусов Понятовского и Даву (дивизии Компана и Морана). Ни в одном из исторических описаний мы не находим участия в этом бою ни корпуса Нея, ни 10-тысячной кавалерии Мюрата, ни корпуса Даву в полном составе, что, в частности, утверждает в труде П. Жилина (см.: Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 150) и во многих других популярных работах. По нашим подсчетам, со стороны против-

ника в Шевардинском бою, даже на его последнем этапе, участвовало не более 20 тыс. человек.

⁷ Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 21.

⁸ Сегюр Ф. Там же; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 195.

⁹ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 21.

¹⁰ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 144.

¹¹ Военная энциклопедия. Т. 5. СПб., 1911. С. 24.

¹² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 200.

¹³ Гвардейский экипаж (общая численность 500 человек), которым командовал капитан 2-го ранга И.П. Карцев, входил в состав 5-го пехотного (гвардейского) корпуса.

¹⁴ В состав 4-го пехотного (итальянского) корпуса входило значительное число французских частей. Так, они составляли большую часть 13-й и 14-й пехотных дивизий этого корпуса. Большинство итальянцы составляли лишь в 15-й пехотной дивизии и Итальянской гвардии.

¹⁵ В день Бородинского сражения 1-й пехотный корпус маршала Даву имел в строю 36,4 тыс. человек и 147 орудий; 3-й пехотный корпус маршала Нея — 10,3 тыс. человек и 69 орудий; 8-й пехотный корпус генерала Жюно — 8,8 тыс. человек и 30 орудий; императорская гвардия — 19 тыс. человек и 109 орудий.

¹⁶ 5-й пехотный (польский) корпус генерала князя Понятовского насчитывал 10 тыс. человек и 50 орудий.

¹⁷ Имеются в виду батальоны второй линии пехотных дивизий.

¹⁸ Исторический вестник. 1900 (июль). С. 106.

¹⁹ Генерал-лейтенант князь Д.В. Голицын командовал кирасирским корпусом (создан в конце августа 1812 г.), в состав которого входили 1-я и 2-я кирасирские дивизии.

²⁰ Липранди И.П. Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867. С. 39.

²¹ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 551.

²² М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 148.

²³ 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 374.

²⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 222.

- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 225.
- ²⁷ Там же. С. 222.
- ²⁸ 4-й пехотный (итальянский) корпус вице-короля Евгения Богарне насчитывал 23,5 тыс. человек и 88 орудий.
- ²⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 214.
- ³⁰ Там же. С. 215.
- ³¹ Полковник А.П. Никитин был командиром 7-й конно-артиллерийской роты.
- ³² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 216.
- ³³ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 160.
- ³⁴ Бородино. 1812. М., 1987. С. 178.
- ³⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 217.
- ³⁶ Там же. С. 217–218.
- ³⁷ Ложье Цезарь. Дневник офицера Великой армии в 1812 г. М., 1912. С. 241.
- ³⁸ В состав Отдельного Казачьего корпуса Войскового атамана Донского казачьего войска генерала от кавалерии М.И. Платова входили казачьи полки: Атаманский, генерал-майора В.Т. Денисова 7-го, генерал-майора Н.В. Иловайского 5-го, полковника Т.Д. Грекова 18-го, войсковых старшин — М.Г. Власова 3-го, Харитоновна 7-го, Жирова и Победнова, Симферопольский конно-татарский полк подполковника князя Балатукова.
- ³⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 230.
- ⁴⁰ Там же. С. 229.
- ⁴¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 554.
- ⁴² Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. СПб., 1867. С. 14.
- ⁴³ 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников / В кн.: Глинка Ф.Н. Очерки Бородинского сражения. М., 1987. С. 380.
- ⁴⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 231–232.
- ⁴⁵ Эти два полка составляли бригаду генерал-майора графа П.И. Ивелича, входившую в состав 17-й пехотной дивизии 2-го пехотного корпуса.
- ⁴⁶ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 382.
- ⁴⁷ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943. С. 169.

⁴⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 233.

⁴⁹ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 381.

⁵⁰ Михневич Н.П. Бородино / В кн.: Отечественная война и русское общество. Т. IV. М., 1912. С. 26.

⁵¹ Московское ополчение насчитывало более 11 тыс. человек, Смоленское — 3 тыс. человек.

⁵² Генерал-полицмейстером Главной армии был генерал-майор М.И. Левицкий.

⁵³ Два других пехотных полка этой дивизии (бригада генерала П.И. Ивелича) были введены в бой в районе Курганной батареи.

⁵⁴ Бородино. 1812. С. 209.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Кременчугский и Минский пехотные полки.

⁵⁷ Бородино. 1812. М., 1987. С. 211.

⁵⁸ Исторический вестник. 1904. № 6. С. 541.

⁵⁹ Бородино. 1812. С. 214.

⁶⁰ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 383.

⁶¹ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 40.

⁶² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 252.

⁶³ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 168.

⁶⁴ Там же. С. 169.

⁶⁵ Там же. С. 143–144.

⁶⁶ Там же. С. 209–215.

⁶⁷ Там же. С. 215.

⁶⁸ Подсчитано автором на основании данных, приведенных в сборнике документов «М.И. Кутузов», Т. IV. Ч. I. С. 209–215. Учтены также данные труда А.И. Михайловского-Данилевского (см.: Указ. соч. С. 242). Е.В. Тарле потери русской армии в Бородинском сражении определяет в 58 тыс. человек (см.: Указ. соч. С. 558), П.А. Жилин — в 44 тыс. человек (см.: Указ. соч. С. 162). Последняя цифра явно занижена, так как есть точные данные о потерях 1-й Западной армии — 38,5 тыс. человек (см.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 242).

⁶⁹ 1-я Западная армия в Бородинском сражении потеряла 9,3 тыс. человек убитыми, в том числе 3 генералов; 19,2 тыс. человек — ранеными, в том числе 14 генералов; 10 тыс. человек, в том числе 1 генерала, — без вести пропавшими (см.: Михайлов-

ский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 242). Эти данные были представлены в Главный штаб на следующий день после сражения. В последующие дни несколько тысяч солдат из числа без вести пропавших присоединились к своим частям. Причина заключалась в том, что многие солдаты, разбросанные бурей сражения, отбились от своих частей и примкнули к другим. Во время ночной переклички командиры этих частей их не учитывали, а направляли в свои части, куда к моменту подачи сведений они прибыть еще не успели. Значительная часть солдат в ходе сражения была рассеяна противником в Утицком лесу и лесах на левом берегу Колочи. Однако большинство из без вести пропавших следует считать погибшими или тяжело ранеными и оставшимися на территории, занятой противником.

⁷⁰ После Бородинского сражения никаких данных о потерях 2-й Западной армии в Главный штаб представлено не было. Причина такого положения состояла в том, что все армейское командование и большинство командиров частей в ходе сражения выбыли из строя.

⁷¹ Жилин П.А. Указ. соч. С. 162.

⁷² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 244.

⁷³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 244; Тарле Е.В. Указ. соч. С. 559.

⁷⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 244.

⁷⁵ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 559.

⁷⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 275.

⁷⁷ Там же. С. 248.

Четыре егерских полка под командованием генерал-майора П.П. Пассека, находившиеся на крайнем правом фланге — так называемый Масловский оборонительный отряд; Преображенский и Семеновский гвардейские полки, потерявшие тем не менее от огня вражеской артиллерии 59 человек убитыми и ранеными (лейб-гвардии Преображенский полк — 37 человек, лейб-гвардии Семеновский полк — 22 человека).

⁷⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 256.

⁷⁹ ЦГВИА. Ф. 29. Оп. 153. Ч. I. Д. 2. Л. 6.

⁸⁰ Рескрипт Александра I о производстве М.И. Кутузова в генерал-фельдмаршалы подписан 31 августа (12 сентября) 1812 г. См.: М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 193.

⁸¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 258; М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 197–208, 219.

⁸² ЦГВИА. Ф. 29. Оп. 153. Ч. I. Д. 2. Л. 5–6.

ЧАСТЬ II. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Глава 4. Русский орел расправляет крылья

¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 154; Михайловский-Данилевский А.И. Описание отечественной войны 1812 года. Ч. II. СПб., 1840. С. 254–255.

² Сегюр Ф. Поход в Москву в 1812 году. М., 1911. С. 46.

³ 28 августа (9 сентября) 1812 года М.А. Милорадович был назначен Кутузовым исполняющим должность командующего 2-й Западной армией (М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 160).

⁴ Бутырский и Томский пехотные полки, входившие в состав 24-й пехотной дивизии, почти полностью были уничтожены противником в боях за Курганную высоту в ходе Бородинского сражения. К 30 августа (11 сентября) они были восстановлены, как и ряд других полков 7-го и 8-го пехотных корпусов, за счет Московского ополчения. Всего на доукомплектование регулярных полков из состава ополчения пошло 5 тыс. человек (М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 189).

⁵ Липранди И.П. Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867. С. 140.

⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 156.

⁷ Там же. С. 159.

⁸ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 44.

⁹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XXI. СПб., 1914. С. 231.

¹⁰ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 184.

¹¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 272.

¹² Там же. С. 274.

¹³ Там же. С. 285.

¹⁴ Прерогатива назначения на эти должности принадлежала царю. Поэтому главнокомандующий армией мог своей властью

назначить только временного командующего (командира), которого монарх мог утвердить в должности, а мог и отвергнуть и назначить другого. Процедура назначения на другие должности была проще, хотя кандидатуры на них тоже утверждались царем. В подавляющем большинстве случаев царь соглашался с предложенными ему главнокомандующим кандидатурами на должности командира батальона, полка, бригады и дивизии, а также на штабные должности.

¹⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 280.

¹⁶ Там же. С. 285–286.

¹⁷ Там же. С. 290; Тарле Е.В. Указ. соч. С. 566.

¹⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 310–311.

¹⁹ Там же. С. 306.

²⁰ Престарелый митрополит Московский Платон находился в это время вне города.

²¹ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IV. М., 1899. С. 230–231.

²² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 332.

²³ Там же. С. 329.

²⁴ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года. Т. 3. СПб., 1860. С. 328.

²⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 331.

²⁶ Государственная Публичная библиотека (ГПБ) им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Рукописное отделение архива Н.К. Шильдера. К. 30. № 23.

²⁷ Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 121.

²⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 234.

²⁹ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 589.

³⁰ Там же. С. 590.

³¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 274–275.

³² Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 198.

³³ Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. Ч. I. М., 1912. С. 173.

³⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 578–579.

³⁵ Там же. С. 579.

³⁶ Там же. С. 581.

³⁷ Генерал О. Себастиани в то время был послом Наполеона в Турции.

³⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 327.

³⁹ «Исторические записки». Т. 34. С. 157.

⁴⁰ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 25.

⁴¹ Гвардии капитан артиллерии А.Н. Сеславин до назначения командиром партизанского отряда был адъютантом Барклая-де-Толли, а штабс-капитан А.С. Фигнер — командиром 3-й легкой артиллерийской роты 11-й артиллерийской бригады.

⁴² М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. С. 314.

⁴³ Там же. С. 323.

⁴⁴ Там же. С. 331.

⁴⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3524. Л. 32.

⁴⁶ Английский генерал Р. Вильсон был представителем правительства Великобритании при русской Действующей армии. В главную квартиру М.И. Кутузова он прибыл 13 (25) сентября. (М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 332).

⁴⁷ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 201.

⁴⁸ Русская старина. 1897 (июль). С. 118.

⁴⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Полное собрание сочинений. Т. V. СПб., 1850. С. 20.

⁵⁰ Жилин П.А. Указ. соч. С. 204.

⁵¹ Русская старина. 1897 (сентябрь). С. 621.

⁵² М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 248.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Рескрипт Александра I об объединении этих армий был подписан 1 (13) сентября и направлен Кутузову для исполнения. Выбор командующего объединенной армией был произведен лично царем (М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 224).

⁵⁵ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 2. СПб., 1859. С. 444–446.

⁵⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 223.

⁵⁷ Там же. С. 262.

⁵⁸ Собрание исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е.И. В. канцелярии. Вып. X. СПб., 1898. С. 49–57.

⁵⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 63, 95, 161, 637.

⁶⁰ Собрание исторических материалов... Вып. X. С. 49–57.

⁶¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 51.

⁶² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 375.

⁶³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. Ч. III. С. 127; Ч. IV. С. 337.

⁶⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 265–268.

⁶⁵ Бородино. 1812. М., 1987. С. 243; М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 369–370.

⁶⁶ Бородино. 1812. С. 249.

⁶⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 642.

⁶⁸ Хронология русской военной истории. СПб., 1891. С. 136.

⁶⁹ Михайловский-Данилевский А.И. ПСС. Т. V. С. 156.

⁷⁰ Там же. С. 157.

⁷¹ Там же. С. 160.

⁷² Вопрос о масштабе и местоположении боевых действий, раз-вернувшихся 6 (18) октября 1812 г. до сих пор является спорным. Одни источники определяют их как бой (Тарутинский бой), другие — как сражение, третьи — вообще уклоняются от конкретного определения. На наш взгляд, это было все же сражение.

Доказательства: 1) В боевых действиях на реке Чернишня 6 (18) октября кроме войск Л.Л. Беннигсена в той или иной степени участвовали и войска М.А. Милорадовича. А это дает основание утверждать, что в данных боевых действиях были задействованы главные силы русской армии, во всяком случае не менее 50% всех ее сил. Отсюда следует, что масштаб боевых действий повышается до оперативного, а сами боевые действия в этом случае называются «сражением».

2) Результаты боевых действий на реке Чернишня имели крупное оперативное значение, и это утверждение не нуждается в каких-то особых доказательствах. Если бы это был бой, то и результаты его имели бы только тактическое значение. Но это же не так.

3) Наименование «Тарутинский бой» неверно в том плане, что боевые действия 6 (18) октября развернулись на берегах реки Чернишня, а не в районе села Тарутино, которое находилось почти в 10–15 км от места развернувшихся событий.

Исходя из вышеизложенного, мы определяем боевые действия 6 (18) октября 1812 г. как «сражение на реке Чернишня».

⁷³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 158.

⁷⁴ Там же; ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 41048. Л. 50–51.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 19.

⁷⁷ Там же. С. 23–29.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 19.

⁸⁰ Русская старина. 1873 (август). С. 157.

⁸¹ Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Т. I. Вильна, 1900. С. 43.

⁸² ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3645. Л. 3; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 238.

⁸³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 168.

⁸⁴ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 85.

⁸⁵ В состав отряда генерал-майора Иловайского 4-го входили: его Донской казачий полк, лейб-казаки и Перекопский конный татарский полк.

⁸⁶ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 88.

⁸⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 38.

⁸⁸ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 14.

⁸⁹ Там же. С. 12.

⁹⁰ Там же. С. 128.

⁹¹ Русская старина. 1877 (январь). С. 24.

⁹² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 185–186.

⁹³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 128–131.

⁹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 189.

⁹⁵ Пехотные корпуса: 2-й — князя Долгорукова, 3-й — графа Строганова, 4-й — графа Остермана-Толстого, 5-й — Лаврова, 6-й — Дохтурова, 7-й — Раевского и 8-й — Бороздина; кавалерийские корпуса: 1-й — барона Меллер-Закомельского, 2-й —

барона Корфа, 4-й — Васильчикова, Кирасирский — князя Голицына. 3-й кавалерийский корпус из-за больших потерь после Бородинского сражения был расформирован, а его остатки пошли на доукомплектование 2-го кавалерийского корпуса.

⁹⁶ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 89–90.

⁹⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 196.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Сборник исторических материалов. Вып. X. СПб., 1898. С. 76.

¹⁰⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 198.

¹⁰¹ Хронология русской военной истории. С. 137.

В Советской военной энциклопедии приводятся другие данные о потерях сторон в сражении при Малоярославце: французов 5 тыс. человек, русских — 3 тыс. человек (см.: СВЭ. Т. V. М., 1978. С. 103). Эти данные взяты из книги П. Жилина «Разгром наполеоновской армии в России» (С. 275). Однако там автором никаких сносок на источник, откуда он взял эти данные, не указывается. У А.И. Михайловского-Данилевского потери каждой из сторон определены в 5 тыс. человек (см.: ПСС. Т. V. С. 197).

¹⁰² 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 436.

¹⁰³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 111–117.

Звания некоторых награжденных, приведенные в тексте, с реляцией не совпадают. Дело в том, что представление было написано в декабре 1812 г. За два месяца, прошедших после сражения при Малоярославце, эти лица получили повышение в чине и представлялись к награде уже в соответствии со своим новым званием.

¹⁰⁴ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 662.

¹⁰⁵ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 97.

¹⁰⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 201.

¹⁰⁷ Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 214.

¹⁰⁸ После Бородинского сражения отряд Ф.Ф. Винценгероде был усилен егерским и тремя казачьими полками (см.: М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 179).

- ¹⁰⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 68.
- ¹¹⁰ Там же. С. 65.
- ¹¹¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 382.
- ¹¹² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 65.
- ¹¹³ Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962. С. 53.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 66–67.
- ¹¹⁶ Левшин А. Партизаны в Отечественную войну. М., 1912. С. 24–25.
- ¹¹⁷ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. // Сборник документов. М., 1962. С. 115.
- ¹¹⁸ Листовки Отечественной войны 1812 года. С. 50.
- ¹¹⁹ ПСЗ. Т. XXXII. № 25188.
- ¹²⁰ Там же. № 25193.
- ¹²¹ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. II. С. 20.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 275, 281.
- ¹²⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 51.
- ¹²⁵ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 2. С. 65–66.
- ¹²⁶ 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 141.
- ¹²⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 34.
- ¹²⁸ Бабкин В.И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 79, 81, 89.
- ¹²⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 47–48.
- ¹³⁰ Там же. С. 53–54.
- ¹³¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. С. 431.
- ¹³² М.И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова. М., 1947. С. 158.
- ¹³³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 419.
- ¹³⁴ Там же. С. 631.
- ¹³⁵ Полковник А.И. Чернышев возглавил отряд уже в ходе рейда.

¹³⁶ Состав отряда Ожаровского: 19-й егерский полк, 2 донских казачьих и 2 только что прибывших с Украины Полтавских казачьих полка, 6 орудий конной артиллерии. См.: Михайловский-Данилевский А.И. ПСС. Т. V. С. 217.

¹³⁷ Михайловский-Данилевский А.И. ПСС. Т. V. С. 246–247; М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. М., 1955. С. 239.

¹³⁸ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 73.

¹³⁹ Там же. С. 83.

¹⁴⁰ Там же. С. 136, 142.

¹⁴¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 220.

¹⁴² Там же. С. 221.

¹⁴³ Там же. С. 225.

¹⁴⁴ Там же. С. 228.

¹⁴⁵ Хронология русской военной истории. С. 138.

П. Жилин в своем труде «Гибель наполеоновской армии в России» приводит другие данные: более 6 тыс. убитыми и ранеными и более 2,5 тыс. пленными (С. 287). Такие же данные названы и в Советской Военной энциклопедии (Т. 2. Т. 447. Михайловский-Данилевский А.И. (см.: ПСС. Т. V. С. 229) дает иные сведения — 4 тыс. человек убитыми и ранеными и более 2 тыс. пленными, 3 орудия, 2 знамени и большое количество обозов.

¹⁴⁶ Советская Военная энциклопедия. Т. 2. С. 447.

¹⁴⁷ ЦГВИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 710. Ч. I. Л. 48–49.

¹⁴⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 232.

¹⁴⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 226.

¹⁵⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 239.

¹⁵¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 149.

¹⁵² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 234.

¹⁵³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 146–185.

¹⁵⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 235.

¹⁵⁵ Там же. С. 238.

¹⁵⁶ Там же. С. 242.

¹⁵⁷ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 163.

- ¹⁵⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 242.
- ¹⁵⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 179.
- ¹⁶⁰ Советская Военная энциклопедия. Т. 6. С. 433.
- ¹⁶¹ Хронология русской военной истории. С. 137; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 308.
- ¹⁶² Хронология русской военной истории. С. 137; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 311.
- ¹⁶³ Хронология русской военной истории. С. 137.
- ¹⁶⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 316.
- ¹⁶⁵ Хронология русской военной истории. С. 139.
- ¹⁶⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 317.
- ¹⁶⁷ В состав группировки войск Ф.В. Остен-Сакена входили корпуса генерал-майора М.Л. Булатова, генерал-лейтенанта графа Х.А. Ливена и генерал-лейтенанта П.К. Эссена 3-го.
- ¹⁶⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 326.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 330.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 329.
- ¹⁷¹ Там же. С. 341.
- ¹⁷² Военная энциклопедия. Т. XIV. СПб., 1914. С. 474.
- ¹⁷³ Хронология русской военной истории. С. 140; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 344.

Глава 5. Разгром врага

- ¹ Хронология русской военной истории. СПб., 1891. С. 138.
- ² Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 115.
- ³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. М., 1954. С. 248; Михайловский-Данилевский А.И. Полное собрание сочинений. Т. V. СПб., 1850. С. 243. В труде «Хронология русской военной истории» на с. 138 дается другая цифра сдавшихся в плен французов: 19 офицеров и 1650 рядовых.
- ⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 255.
- ⁵ Река Вопь — правый приток Днепра, впадающий в него в нескольких километрах выше Соловьевой переправы. Находится в 20 км восточнее Духовщины.
- ⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 244.
- ⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. С. 270, 289.

- ⁸ Там же. С. 218.
- ⁹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 249.
- ¹⁰ Там же. С. 249–250.
- ¹¹ Там же. С. 253.
- ¹² Там же. С. 247.
- ¹³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XV. СПб., 1911. С. 62.
- ¹⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XX. СПб., 1912. С. 11, 13.
- ¹⁵ Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М., 1962. С. 79.
- ¹⁶ ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 210. Д. 22. Л. 8.
- ¹⁷ Там же. Л. 5.
- ¹⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 248–249.
- ¹⁹ Хронология русской военной истории. С. 139.
- ²⁰ К этому времени заболевший командир 5-го пехотного (польского) корпуса генерал князь И. Понятовский убыл из армии и в командование корпусом вступил командир 16-й (польской) пехотной дивизии генерал И. Зайончек.
- ²¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 176.
- ²² Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 261.
- ²³ Там же. С. 262.
- ²⁴ Там же. С. 264.
- ²⁵ Давыдов Д.В. Сочинения. Т. II. СПб., 1893. С. 108–109.
- ²⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 265.
- ²⁷ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 686.
- ²⁸ Там же. С. 687.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 330–332; Хронология русской военной истории. С. 139; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 271–272.
- ³² Хронология русской военной истории. С. 139; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 272.
- ³³ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 398.

³⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 330.

³⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 274.

³⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 348–363.

³⁷ Там же. С. 239.

³⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 545.

³⁹ При выступлении из Москвы Наполеон имел 605 орудий. См.: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 285.

⁴⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 286.

⁴¹ Там же. С. 348–349.

⁴² Это был старший брат Петра Петровича Палена — Павел Петрович. Петр Петрович Пален в начале войны был командиром 3-го кавалерийского корпуса в 1-й Западной армии. За аррьергардные бои под Витебском летом 1812 г. получил чин генерал-лейтенанта. Вскоре после Смоленского сражения по болезни покинул армию. Вернулся в строй в ноябре 1812 г. и был назначен в корпус Витгенштейна. Павел Петрович был тогда генерал-майором и служил в 3-й Западной армии. Идентичность инициалов двух братьев привела некоторых авторов к путанице — они ошибочно считали начальником авангарда Чичагова под Борисовом в ноябре 1812 г. бывшего командира 3-го кавалерийского корпуса, который на самом деле не имел к этому никакого отношения.

⁴³ Хронология русской военной истории. С. 140.

⁴⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 361.

⁴⁵ Там же. С. 362.

⁴⁶ Там же. С. 364.

⁴⁷ После гибели под Красным 3-го пехотного корпуса Наполеон подчинил Нею остатки 5-го пехотного (польского) корпуса, польский отряд генерала Домбровского и несколько сводных отрядов, присоединившихся к армии во время ее отступления.

⁴⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 368.

⁴⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 386.

⁵⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 372.

⁵¹ Там же. С. 374.

⁵² Хронология русской военной истории. С. 140.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 398.

⁵⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 381. Из 32 тыс. солдат 3-й Западной армии на реке Березина было 24,5 тыс.

⁵⁶ Тарле Е.В. 1812 год. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1959. С. 693.

⁵⁷ Русский посол в Англии граф С.Р. Воронцов был сторонником свержения Наполеона и восстановления на французском троне Бурбонов.

⁵⁸ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 693.

⁵⁹ Там же. С. 692–693.

⁶⁰ Дубровин Н.Ф. Сборник исторических материалов. Т. X. СПб., 1898. С. 124.

⁶¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 380.

⁶² Там же. С. 392.

⁶³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 168.

⁶⁴ П.П. Коновницын занимал должность дежурного генерала при главнокомандующем всеми русскими армиями. В начале декабря 1812 г. М.И. Кутузов выдвинул его на должность командира 3-го пехотного корпуса, но с условием, что пока он будет исполнять обязанности дежурного генерала и начальника Главного штаба, а корпусом временно будет командовать старший после него генерал. 28 декабря 1812 г. (9 января 1813 г.) начальником Главного штаба при Кутузове был назначен генерал-лейтенант князь П.М. Волконский (будущий генерал-фельдмаршал).

⁶⁵ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 388.

⁶⁶ Там же. С. 431–432.

⁶⁷ Генерал Ф.О. Паулуччи заменил в октябре 1812 г. Рижского военного губернатора генерал-лейтенанта И.Н. Эссена 1-го, смещенного с должности за недостаточную активность.

⁶⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 395.

⁶⁹ Хронология русской военной истории. С. 141.

⁷⁰ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 702.

⁷¹ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 405.

⁷² Последний солдат «Великой армии» перешел через Неман и покинул пределы России 2 (14) декабря 1812 г.

⁷³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 409.

⁷⁴ Там же.

- ⁷⁵ Хронология русской военной истории. С. 141.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 412.
- ⁷⁸ Там же. С. 413.
- ⁷⁹ Левенштерн В.И. Записки // Русская старина. 1901. С. 374, 378.
- ⁸⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 416.
- ⁸¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 702.
- ⁸² За 11 дней отступления с берегов Березины до Вильно численность этого отборного войска уменьшилась в четыре раза.
- ⁸³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 418.
- ⁸⁴ Там же. С. 419.
- ⁸⁵ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 500.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 420.
- ⁸⁸ Там же. С. 424.
- ⁸⁹ Там же. С. 426–427.
- ⁹⁰ Там же. С. 429.
- ⁹¹ Жилин П., Ярославцев А. Бородинское сражение. М., 1952. С. 94.
- ⁹² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 652–653.
- ⁹³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 435.
- ⁹⁴ Там же. С. 434.
- ⁹⁵ Там же. С. 435.
- ⁹⁶ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 640–641; Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 439–440.
- ⁹⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 549.
- ⁹⁸ М.И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова. М., 1947. С. 20.
- ⁹⁹ Хронология русской военной истории. С. 141.
- ¹⁰⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 457.
- ¹⁰¹ Там же. С. 459.
- ¹⁰² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 641.
- ¹⁰³ Хронология русской военной истории. С. 141.
- ¹⁰⁴ К началу 1813 г. в корпусах Шварценберга и Ренье насчитывалось около 30 тыс. человек, под начальством Мюрата — около 16 тыс. человек и в корпусе Макдональда — более 4 тыс. человек.

¹⁰⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 459.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 557.

¹⁰⁹ Там же. С. 596.

¹¹⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 462.

¹¹¹ Серебряная медаль на голубой ленте в память Отечественной войны 1812 года была учреждена в феврале 1813 г. (см.: М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 656–657).

¹¹² Исторические записки о жизни и военных подвигах генерал-фельдмаршала светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. С. 272–273. В сборнике документов «М.И. Кутузов», т. IV, ч. II, с. 633–634, ошибочно указано издание этого приказа 21 декабря 1812 г. (2 января 1813 г.).

ЧАСТЬ III. ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ РУССКОЙ АРМИИ

Глава 6. Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов

¹ Перед вторжением в Россию, беседуя с аббатом де Прадтом в Варшаве, Наполеон заявил: «Через пять лет я буду господином мира: остается одна Россия, но я раздавлю ее!» (De Pradt. Histoire de l'ambassade dans le Grand Duché de Varsovie en 1812. Paris, 1815. P. 23–24).

² Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). СПб., 1882. С. 419.

³ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 409.

⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. С. 395.

⁵ Там же. С. 502.

⁶ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 201.

⁷ Там же. Л. 200–201.

⁸ Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов. М., 1947. С. 249.

⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 1078. Л. 213–214.

¹⁰ ЦГВИА. Ф. 125. Оп. 188. Д. 22. Л. 2–3.

¹¹ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XXI. СПб., 1914. С. 415–416.

¹² Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. М., 1965. С. 217.

¹³ Фельдмаршал Кутузов. С. 257.

¹⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XIX. С. 237.

¹⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3518. Л. 47.

¹⁶ М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. II. С. 640.

¹⁷ Знамя. 1948. № 5. С. 113.

¹⁸ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XXI. С. 438–441.

¹⁹ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 220.

²⁰ Война 1813 года (Военные действия в январе, феврале и марте). Материалы ВУА. Т. III. П., 1917. С. 84.

²¹ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 221.

²² Война 1813 года. Материалы ВУА. Т. II. С. 74.

²³ М.И. Кутузов. Т. V. С. 226.

²⁴ Там же.

²⁵ ЦГВИА. Ф. 125. Оп. 188. Д. 22. Л. 18–19.

²⁶ Там же. Д. 20. Л. 3.

²⁷ Там же. Ф. ВУА. Д. 3844. Ч. I. Л. 480; Д. 3880. Л. 1–6, 67, 94–95; Д. 3881. Л. 34; Д. 16887. Л. 1–2.

²⁸ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3843. Л. 458.

²⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3909. Л. 39.

³⁰ Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства. С. 233.

³¹ М.И. Кутузов. Из личной переписки // Знамя. 1948. № 5. С. 119.

³² Хронология русской военной истории. СПб., 1891. С. 144.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Тарле Е.В. 1812 год. Сборник. М., 1959. С. 298.

³⁶ Хронология русской военной истории. С. 145.

³⁷ Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1863. С. 447–454.

³⁸ Там же.

- ³⁹ Хронология русской военной истории. С. 148.
⁴⁰ Там же.
⁴¹ Там же.
⁴² Там же.
⁴³ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 306–307.
⁴⁴ Хронология русской военной истории. С. 149.
⁴⁵ Там же. С. 151.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же. С. 152.
⁵⁰ Там же.
⁵¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 316.
⁵² Хронология русской военной истории. С. 156.
⁵³ Там же.
⁵⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 322.
⁵⁵ Хронология русской военной истории. С. 157.
⁵⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 322.
⁵⁷ Хронология русской военной истории. С. 157.
⁵⁸ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 323.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Хронология русской военной истории. С. 158.
⁶¹ Там же.
⁶² Там же. С. 159.
⁶³ Там же. С. 160.
⁶⁴ Там же.
⁶⁵ Там же.
⁶⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 328–329.
⁶⁷ Хронология русской военной истории. С. 161.
⁶⁸ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 330.
⁶⁹ Там же. С. 332.
⁷⁰ Там же. С. 334.
⁷¹ Там же.
⁷² Хронология русской военной истории. С. 161.

Заключение

¹ Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX веков. М., 1960. С. 87–88.

Соотношение числа раненых к числу убитых, по подсчетам Б.Ц. Урланиса, исследовавшего эту проблему, в войнах начала XIX в. составляло 3:1.

² Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 394.

³ Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб., 1994. С. 87.

⁴ Пушкин А.С. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1981. С. 178.

⁵ «Великая армия» Наполеона образца 1812 года фактически являлась общеевропейской армией, в состав которой входили воинские контингенты практически всех стран Западной Европы. Французские войска составляли лишь половину ее состава. Поэтому на Руси недаром говорили тогда о нашествии «двунадесяти языков».

⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1949. С. 133.

⁷ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 466.

⁸ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. М., 1955. С. 392.

⁹ Во французской армии отдавалось предпочтение действиям по внутренним операционным линиям. Но эта форма была приемлемой и выгодной лишь в условиях ведения боевых действий сравнительно небольшими армиями на ограниченном ТВД. Об этом свидетельствует богатая боевая практика А.В. Суворова и опыт Наполеоновских войн в Западной Европе. При численно разросшихся армиях и усложнившихся условиях борьбы действия по внутренним операционным линиям уже не могли давать таких результатов, как раньше.

¹⁰ 1-й пехотный корпус генерала П.Х. Витгенштейна, действовавший с самого начала войны на самостоятельном операционном направлении, к этому времени представлял собой уже небольшую отдельную армию, хотя формально и не имел такого статуса.

¹¹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 548.

¹² После заключения 15 (27) февраля 1813 г. в Калише союзного договора России с Пруссией последняя выставила для борьбы с Наполеоном 80-тысячную армию. Русская армия в это время насчитывала 150 тыс. человек. Наполеон располагал в Германии 150-тысячной армией. В марте 1813 г. к русско-прусскому союзу присоединилась Швеция. После Плесвицкого перемирия 23 мая — 29 июля (4 июня — 10 августа) 1813 г. к союзникам присоединилась Австрия. С возобновлением в августе 1813 г. военных действий союзники выставили против Наполеона три армии общей численностью 554 тыс. человек и 1383 орудия. Им противостояла армия Наполеона численностью до 350 тыс. человек и около 1300 орудий. Общая же численность французской армии вместе с резервами и гарнизонами крепостей составляла 514 тыс. человек. Силы союзников распределялись следующим образом: Главная (Богемская) армия — свыше 235 тыс. человек, 672 орудия (свыше 110 тыс. австрийцев, свыше 75 тыс. русских, около 50 тыс. пруссаков; командующий — австрийский фельдмаршал К. Шварценберг); Северная армия — около 135 тыс. человек, 340 орудий (около 80 тыс. пруссаков, 30 тыс. русских, 24 тыс. шведов; командующий — шведский наследный принц Бернадот); Силезская армия — 100 тыс. человек, 330 орудий (свыше 61 тыс. русских, свыше 38 тыс. пруссаков; командующий — прусский генерал Г. Блюхер). Кроме того, из Польши выдвигалась 60-тысячная русская армия (генерал Л. Беннигсен). Главнокомандующим союзными войсками был генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов, а после его смерти (16 (28) апреля 1813 г.) — генерал П.Х. Витгенштейн. С присоединением к коалиции Австрии (июль 1813 г.) главнокомандующим стал Шварценберг. Верховное руководство вооруженными силами коалиции осуществлял совет, состоявший из трех монархов — русского и австрийского императоров и прусского короля. Доминирующую роль в нем играл русский император Александр I. Весьма характерным в организации вооруженных сил коалиции являлось то, что русские войска не действовали как единое целое, а были распределены по всем трем армиям, составляя их костяк и играя роль главной ударной силы.

В кампании 1814 года силы союзников возросли до 900 тыс. человек. Основу их составляли Главная (около 200 тыс.

человек, 690 орудий, в том числе русских свыше 61 тыс. человек и 210 орудий) и Силезская (75 тыс. человек, около 340 орудий, в том числе русских около 60 тыс. человек и 232 орудия) армии, действовавшие на парижском направлении. Остальные силы союзников были разбросаны по всей Германии, где осаждали удерживаемые французами многие крепости, а также вели боевые действия в Нидерландах, Северной Италии, на юге Франции, в Швейцарии и Дании. Наполеон во время этой кампании располагал армией численностью до 300 тыс. человек. Из них сам он со 130-тысячной армией действовал против Главной и Силезской армий союзников. 80-тысячная французская армия сражалась на юге Франции против англо-португало-испанской армии А. Веллингтона, около 30 тыс. человек — в Северной Италии и до 60 тыс. человек составляли гарнизоны крепостей и небольшие корпуса, действовавшие в Швейцарии и Нидерландах.

¹³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3804.

¹⁴ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 408–409.

¹⁵ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3903. Л. 20–21.

¹⁶ Там же. Д. 3844. Л. 103.

¹⁷ В 1812 г. в русской армии было 32 егерских полка.

¹⁸ Смирный Н.Ф. Жизнь и подвиг графа Матвея Ивановича Платова. Ч. 3. М., 1821. С. 51.

¹⁹ М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. I. М., 1955. С. 168.

²⁰ Военно-исторический журнал. 1939. № 4. С. 128–131.

²¹ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. VII. М., 1955. С. 269.

²² М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. II. М., 1955. С. 403.

²³ Jackson W. Seven Roads to Moscow. L., 1967. P. 319.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

1. ПЕРВАЯ ВОЙНА РОССИИ С НАПОЛЕОНОМ В 1805 ГОДУ

1. *Энгельс Ф.* Аустерлиц // Избранные военные произведения. М.: Воениздат, 1937. Т. I. С. 391–395. 1 схема.

Оценка кампании 1805 года на Дунайском театре военных действий и описание Аустерлицкого сражения. Действия Кутузова по отходу от Браунау названы «мастерскими».

2. *Михайловский-Данилевский А.И.*, генерал-лейтенант. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. 291 с., 9 л. карт и схем.

Автор написал свой труд, имея в распоряжении архивные материалы (частично), письменные и устные воспоминания участников войны. Ход событий описан не всегда с должной полнотой и точностью, особенно то, что касается действий противника и австрийцев. С наибольшей полнотой описаны действия русских войск.

Автор — монархист и потому умалчивает об ошибках Александра I, полагая, что «исследования не могут простираются за пределы могил великого монарха и первого полководца его и навеки остаются покрыты неизвестностью» (с. 213).

3. *Леер Г.А.*, генерал-лейтенант. Первая французская война императора Александра I (1805 г.) // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1885. Ч. I. С. 193–241. 5 л. схем.

* Из личного архива профессора В.А. Золотарева.

В данной статье имеется ряд опечаток и ошибок, хотя и не принципиального значения, тем не менее требующих осторожного подхода к материалу со стороны военных историков.

4. *Леер Г.А.*, генерал-лейтенант. Война 1805 года. Аустерлицкая операция. Подробный конспект. СПб., 1888. 77 с.

В работе, рассчитанной на подготовленного военного читателя, излагается подробное описание всего хода Аустерлицкой операции и критический анализ событий. В приложении приведены данные о расположении французских войск на всем театре войны, диспозиции по русской и французской армиям, организация и численность русско-австрийских войск.

Работа написана на основе литературных источников и частичного использования материалов военно-ученого архива Главного Штаба. Хотя анализ событий и устарел, но в целом работа представляет ценность для современного военного историка, так как никаких новых исследований Аустерлицкого сражения на русском языке пока нет.

5. *Назаров Д.А.*, генерал-майор. Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии и флота. М.: Образование, 1911. Кн. 3. С. 23–83.

В данном очерке описание кампании 1805 года занимает 26 страниц (с. 30–56). Материал изложен на основе опубликованных работ Михайловского-Данилевского, Леера, Коллюбакина, Михневича и т.п. Очерк написан без критического анализа событий. Походу 1805 года посвящено три схемы, недостаточно поясняющие текст, и две фотолитографии с редких картин собрания Я. Дашкова.

6. *Клембовский В.*, капитан. Обзор кампании 1805 года в Германии и Италии / Пер. с франц. СПб.: Изд-во В.А. Березовского, 1889. 258 с. (Международная военно-историческая библиотека. Т. IX).

Хотя данная работа является переводной, она тем не менее может быть использована современными военными историками, так как дополнена автором некоторыми подробностями, касающимися критической оценки действий обеих сторон и участия русских войск в этой войне. В приложении дано боевое расписание французских, австрийских и рус-

ский армий при открытии военных действий и диспозиция русско-австрийских войск накануне Аустерлица.

7. *Дренков*, капитан. Война 1805 года. Действия на германском театре от начала войны до занятия Вены: Конспект. 46 с. 2 схемы // Сборник сочинений офицеров Николаевской Академии генерального штаба. СПб., 1903. Кн. 4.

Работа представляет собой схематичный доклад слушателя академии, основанный на изучении ряда трудов на русском и иностранных языках. Источники автором указаны.

Фактическая сторона (описание событий, перечень участвовавших войск и их численность) представляет несомненный интерес. Каждой главе конспекта предпослан перечень использованной в ней литературы. В примечаниях редактор сборника — профессор военной истории Гейсман — обращает внимание на отдельные недостатки этой работы. В приложении даны таблицы вооруженных сил.

8. Сражение под Кремсом 30 октября 1805 г. СПб.: Изд. журнала «Чтение для солдат», 1885. 16 с. 2 схемы в тексте.

Конспектное изложение событий без должного их анализа.

9. *Каменский Е.* Аустерлицкое сражение 20 ноября 1805 г. Материалы к составлению описания его. Киев: Изд. Киевского отдела императорского русского военно-исторического общества, 1913. 57 с. 1 карта. (Отдельный оттиск из «Военно-исторического вестника», 1912 г. Кн. 2. 1913. Кн. 1 и 2.)

Работа представляет собой систематизированный архивный материал судебного процесса над начальником 3-й колонны генералом Пршибышевском, сдавшимся в плен.

10. *Н. И. Н. Аустерлиц.* Воспоминания суворовского солдата. 2-е изд. СПб.: Изд-во В.А. Березовского. Б/г. 26 с. 1 рис. в тексте (Солдатская библиотека).

Брошюра может представить некоторый интерес описанием бытовой стороны русских войск в 1805 г.

11. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869. Т. 1–6 (Библиогр.: Т. 6. С. 133–140).

На титульном листе написано: «Сочинение автора Отечественной войны 1812 г.». Капитальный труд, написанный генералом Богдановичем на основе не только опубликован-

ных работ на русском и иностранных языках, но и с использованием архивных материалов. Работа грешит стремлением оправдать все поступки Александра I и некритическим подходом к событиям. Военному историку при использовании труда Богдановича необходимо подвергать критической оценке анализ событий.

Из военных действий, как об этом пишет сам автор, более подробно описываются только те, кои служат целям автора. К кампании 1805 года относятся: Т. I — гл. V «Преобразования по военной части (1801–1805)» и Т. III — гл. XIII «Кремс и Шенграбен», гл. XIV «Сражение при Аустерлице», гл. XV «Последствия сражения при Аустерлице» (с. 1–86).

12. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов / Под ред. Голубева С.Н. и полковника Кузнецова Ф.Е. // Главное архивное управление НКВД СССР. М.: Госполитиздат, 1945.

Кампании 1805 года в сборнике посвящено два документа (с. 36–41). Подробнее см. № 165.

13. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов / Под ред. Коробкова Н.М. // Главное архивное управление МВД СССР. Русские полководцы. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1947.

Сборнику предпослана биография М.И. Кутузова, составленная в управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Кампании 1805 года в сборнике посвящено 10 документов (с. 88–100).

14. Сообщ. *Опочинин С.К.* Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Письма австрийского императора Франца I. 1805 г. Письма к жене 1805 г. // Русская старина. 1870. Т. I. С. 490–506; 1871. Кн. I. С. 54–55.

Письма содержат в себе военную переписку, связанную с походом русских войск в 1805 г. и потому представляют собой ценность для военного историка.

15. *Соколовский М.* Аустерлиц. Реляция генералов от инфантерии Голенищева-Кутузова и графа Буксгевдена // Военный сборник. 1903. № 9. С. 228–233.

Интерес представляет рапорт Буксгевдена, описывающего ход событий в сражении под Аустерлицем и действия войск под его командованием.

16. *Соколовский М.* Письма графа Буксгевдена графу Х.А. Ливену об Аустерлице // Военный сборник. 1905. № 10. С. 188–190.

Два письма Буксгевдена о событиях при Аустерлице и после него.

17. *Соколовский М.* Письмо М.И. Голенищева-Кутузова цесаревичу Константину об Аустерлице // Военный сборник. 1905. № 11. С. 223.

Письмо содержит панегирик Константину и интереса не представляет. В оригинале исключено.

18. *Кудлинг Г.Э.* Аустерлицкие знамена // Военный сборник. 1906. Кн. 5. С. 1–18.

Интересное исследование о судьбе некоторых знамен русских войск, участвовавших в сражении под Аустерлицем, и спасении части из них героями-солдатами и офицерами.

19. *Глинка Федор.* Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян против французов в 1805 и 1806 гг., также Отечественной и заграничных войн с 1812 по 1815 г. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии. Ч. I–VIII (4 тома). М., 1815. Часть первая, содержащая в себе описание похода против французов в 1805 году в Австрии. 242 с.

Федор Николаевич Глинка (1788–1880) принадлежал к передовым, прогрессивным слоям русского дворянства начала XIX в. Был близок к Пушкину и Рылееву. Активный деятель «Союза благоденствия». После событий декабря 1825 г. исключен из военной службы и сослан на жительство в Петрозаводск. В свое время талантливый публицист, поэт и автор ряда работ мемуарного характера.

Работа до некоторой степени мемуарного типа, но так как в ней содержится много интересных мыслей по вопросам военного искусства русской и французской армий в 1805 г., то она может быть рекомендована военным историкам для общей характеристики кампании 1805 года в Австрии. Автор — офицер русской армии, участник похода 1805 года в составе войск Кутузова.

20. *Бутовский И.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. Первая война императора Алек-

сандра I с Наполеоном I в 1805 г. СПб., 1858. 69 с. (Отдельный оттиск из «Русского инвалида» за 1858 г., №№ 64–69.)

Книга начинается кратким предисловием, включающим несколько строчек, характеризующих М.И. Кутузова, обзор некоторых опубликованных работ о войне 1812 года и выдержек из личной переписки М.И. Кутузова. Предисловие подписано «офицер генерального штаба».

Главным содержанием книги являются воспоминания автора о походе русских войск в 1805 г. Автор в 1805 г. был портупей-прапорщиком Московского мушкетерского полка. Воспоминания, хотя и не являются в строгом смысле научным трудом, все же представляют для исследователя русской армии периода начала XIX в. несомненный интерес, так как содержат в себе большой и ценный материал, относящийся к ходу боевых действий, тактике и быту русской армии начала XIX в.

21. *Каменский К.* Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и в Венгрии в 1805 г. /Пер. с франц. // Приложение к Военному сборнику. 1900. № 8–11; 1901. № 1, 2. 88 с.

Автор — генерал русской службы, участник войны 1805 года. В своих записках он дает короткую заметку о причинах войны и описание начального ее периода, уделяя главное внимание сражению под Аустерлицем, своему в нем участию и оправданию своих действий. Записки, хотя написаны в 1826 г. и не чужды некоторой односторонности, представляют несомненный интерес для историка войны 1805 года. В оглавлении журнала указан псевдоним автора: К. Менский.

22. Материалы для русской истории. Письмо Кутузова к Милорадовичу // Москвитянин. 1844. № 2. С. 560–566.

Весьма интересное письмо М.И. Кутузова, относящееся к 1805 г. В этом письме великий полководец описывает все перипетии похода и дает лестный отзыв о боевой деятельности генералов Милорадовича и Багратиона. О себе Кутузов пишет: «Внутренне спокоен в своей совести, довольный своим поведением, чувствуя себя выше деятельности амбиции или крикунов праздных».

22(а). *Сазонов Л.* Печальная ошибка. Мнимое уклонение от участия в бою — эпизод из похода 1805 г.; военно-судное дело // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 45–50.

Небольшая заметка о судьбе двух разжалованных офицеров — Сухотина и Хатова, несправедливо обвиненных в уклонении от участия в Аустерлицком сражении.

22(б). *Шильдер Н.К.* Эпизод из Аустерлицкого боя. 1805 г. // Русская старина. 1890. Октябрь. С. 209–214.

Автор публикует полный текст письма кн. Репнина к Михайловскому-Данилевскому А.И., с описанием его участия в атаке кавалергардов, пребывания в плену и встречи с Наполеоном I.

22(в). Сражение при Кремсе // Отечественные записки. 1823. Ч. XIII. С. 99–114; 244–256.

Достаточно подробное изложение обстоятельств кровопролитного сражения под Кремсом в 1805 г., в результате которого французская дивизия генерала Газана перестала существовать.

22(г). Сражение при Шенграбене. Отрывок из походного журнала 1805 г. // Отечественные записки. 1823. Ч. XIII. № 35. С. 351–369.

Автор, очевидно на основе записей в походе 1805 года, написал статью о героическом эпизоде войны — сражении отряда Багратиона под Шенграбеном.

22(д). *Леонтьев М.* Мои воспоминания или события в моей жизни // Русский архив. 1913. Ч. II. № 10. С. 504–565.

В гл. III своих воспоминаний автор рассказывает о походе 1805 года, в котором он сам лично не участвовал, но много беседовал с непосредственными участниками. Интерес представляет приведенный разговор Кутузова с Александром I накануне Аустерлицкого сражения и просьба Кутузова к царю, чтобы тот отказался от предполагаемого наступления.

2. ВТОРАЯ ВОЙНА РОССИИ С НАПОЛЕОНОМ В 1806–1807 гг.

23. Журнал военных действий императорской российской армии с начала и до окончания кампании, т.е. с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. С присовокуплением подробных донесений

в сражениях: Пултуском, Прейсиш-Эйлауском, Гутштатском, Гейльсбергском и Фридландском. СПб., 1807. 276 с. 2 с.

Официальный дневник главной квартиры русской армии с описанием боевых действий и приведением некоторых донесений командующих. Работа может служить первоисточником при изучении войны 1806–1807 годов, но ни полной картины всех событий войны, ни всей документации она не дает.

24. Журнал военных действий войск, состоявших под начальством генерал-майора графа Каменского 2-го с 14 апреля по 27 июня 1807 года. СПб., 1809. 140 с. 1 вкл. карта.

Книга представляет собой официальный отчет — дневник генерала Каменского о самостоятельных действиях его войск под Данцигом, а впоследствии в составе главных сил. В приложении даны положение о продовольствии войск, ряд документов и сведения о потерях. Работа представляет интерес для современного историка, но требует критического к ней отношения.

25. *Михайловский-Данилевский А. И.*, генерал-лейтенант. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 годах. СПб., 1846. VIII. 413 с. 23 плана и карты.

Данная работа представляет собой первый по времени труд, освещающий весь ход событий войны 1806–1807 годов. Автор не был участником войны и писал книгу частично на основе опубликованных мемуаров, но в значительной степени — на основе архивных документов, которые он использовал не столько для объективного описания военных действий, сколько для выделения роли Александра I.

Автор достаточно подробно излагает ход войны, начиная с разгрома пруссаков под Йеной и Ауэрштетом, причины, коими руководствовался Александр I, начиная вторую войну с Наполеоном, описание вооруженных сил России к началу войны и самые сражения. Как во всех своих работах, так и в данной, автор выпячивает роль Александра I и оправдывает его поступки, хотя в предисловии говорит, что имел целью писать историю «правдиво, без утаек и прикрас».

Несмотря на явные недостатки работы, она может быть использована военным историком, но требует критического подхода к оценке событий.

26. *Леер Г.А.*, генерал-лейтенант. Вторая французская война императора Александра I (1806–1807). 102 с. 20 вкл. схем // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. I. СПб., 1885. С. 242–344.

Работа генерала Леера представляет собой довольно четкое описание войны, но развернутой критики событий в ней нет.

27. *Х[атов]*, генерал-майор ген. штаба. Поход российских императорских войск в Пруссии 1806 года. СПб., 1839. 173 с. 2 вкл. карты.

Автор имел в своем распоряжении официальные документы войны и, кроме того, использовал журнал военных действий и французские источники. Труд ограничен рамками фактического описания событий и не дает их анализа и критики.

28. *Назаров Д.А.*, генерал-майор. Первые две войны императора Александра I с Францией // История русской армии и флота. М.: Образование, 1911. Кн. 3. С. 23–83.

В данном очерке кампания 1815 года занимает 27 страниц (с. 56–83). Материал представляет собой конспективное изложение опубликованных работ. Цифровой материал дан без критического к нему подхода.

К очерку приложены четыре схемы примитивного начертания.

29. *Колюбакин Б.* Прейсиш-Эйлауская операция. Сражение у Прейсиш-Эйлау (26 и 27 января 1807 г.). СПб., 1911. 32 с. 2 вкл. карты.

Брошюра дает четкое и критическое описание одного из главных сражений войны 1806–1807 годов.

30. *Байов А.*, ординарный профессор Николаевской военной Академии, генерал-майор. Курс истории русского военного искусства. Вып. VII: Эпоха императора Александра I. СПб., 1913. XIX. 481 с. 13 вкл. карт. (Войне 1806–1807 годов посвящена X глава «Прейсиш-Эйлауская операция», 55 с.)

Труд представляет собой учебное пособие для слушателей Военной академии, в основном обобщающее различные

опубликованные работы. Работа серьезная и может служить пособием при изучении военного искусства русской армии в первой четверти XIX в. К книге приложен список использованных источников (227). К сожалению, библиографический перечень содержит неточности в указаниях некоторых книг, почему пользоваться им надлежит осторожно.

31. *Морозов Н.* Фридланд 2 июня 1807 г. // Военный сборник. 1907. № 6. С. 1–22. 2 карты.

32. *Морозов Н.* Сражение под Прейсиш-Эйлау 26–27 января 1807 г. // Военный сборник. 1907. № 1. С. 1–30. 3 карты.

33. *Морозов Н.* Бои у Гутштадта и Гейльсберга. Май 1807 года // Военный сборник. 1907. № 5. С. 1–26. 3 карты.

Все три статьи Н. Морозова написаны на основе опубликованных трудов и их тщательного сличения, а также частичного привлечения материалов военно-ученого архива.

34. *Майков П.* Из семейного архива генерала А.Б. Фока // Военный сборник. 1905. № 5. Раздел: Русская военная старина. С. 167–174.

Статья содержит ряд писем Платова и Беннигсена к генералу Фоку (дежурный генерал армии Беннигсена в 1807 г.).

Письма комментариями не снабжены.

35. *Дурново А.* Из бумаг канцелярии генерал-фельдмаршала графа Каменского за 1806 год // Военный сборник. 1907. Кн. 4. Русская военная старина. С. 245–250; Кн. 5. С. 273–278.

Статья представляет собой копии донесений-писем Каменского Александру I из дел Военно-походной канцелярии и московского отделения архива Главного штаба.

Никаких комментариев к документам не сделано.

36. Документы о кампании 1806–1807 гг. // Военно-исторический сборник. 1941. № 5. С. 121–134.

В статье опубликованы письмо-дневник штабс-капитана Демчинского и записка Беннигсена. Дневник Демчинского охватывает начальный период кампании: октябрь 1806 — февраль 1807 г. Автор — непосредственный участник боев, рассказывает о героизме и мужестве русских солдат. Дневник представляет некоторый интерес, имеющиеся в нем неточности оговорены в примечании редакции.

Записка Беннигсена представляет оправдывающий его действия документ. Интерес ее не столько в собственных словах автора, сколько в приводимых им документах.

37. *Студенкин Г.И.* Наставления по поводу сбора милиции в 1806 г. // Русская старина. 1896. Кн. 9. С. 621–625.

Статья без комментариев публикует секретный циркуляр от 17 декабря 1806 г. № 3020 о сборе милиции в связи с новой войной с Наполеоном.

38. *Воейков А.Ф.* К характеристике графа Л.Л. Беннигсена // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Собранные и изданные Щукиным П.И. М., 1904. Ч. VIII. С. 88–99.

Небольшая работа, но представляет интерес для военного историка, так как дает характеристику главноначальствующих русских войск и краткое описание военных действий.

39. *Майков П.М.* Записки графа Л.Л. Беннигсена о войне с Наполеоном 1807 года. СПб., 1900. 268 с. 1 вкл. карта.

Автор дает сжатую характеристику жизни и деятельности Беннигсена.

Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745–1826) — уроженец Ганновера. На русской военной службе с 1773 г. Участник ряда войн. Во второй войне с Наполеоном был первоначально командиром корпуса и наделал ряд ошибок, чем воспользовался противник. Заведя ряд интриг среди высшего командного состава, начал самостоятельные действия, первоначально имел успех у Пултуска, раздул его в реляции в Петербург и добился поста главнокомандующего. Под Прейсиш-Эйлау не сумел использовать благоприятный исход сражения и отошел. Под Фридландом потерпел серьезную неудачу. С началом Отечественной войны Беннигсен опять в армии и вновь плел сеть интриг, особенно при штабе Кутузова. Кутузов был вынужден выслать его из армии. Александр I в 1813 г. вернул Беннигсена в армию и возвел этого интригана в графское достоинство.

Сами записки представляют несомненный интерес, так как Беннигсен в 1807 г. был главнокомандующим русскими войсками в войне против Наполеона. В своих записках Беннигсен дает характеристику политической и военной обстановки событий, предшествовавших 1807 году, кратко опи-

сывает ход военных действий русских войск в 1806 г., уделяя главное внимание корпусу, которым командовал, и, наконец, основная часть записок посвящена 1807 г. В записках Беннигсена военный историк может найти ряд приведенных им документов, но, к сожалению, без ссылок, откуда они взяты.

Записки Беннигсена первоначально печатались Майковым в журнале «Русская старина» (1896. Кн. 12; 1897. Кн. 1, 2, 4, 5; 1899. Кн. 7–10, 12; 1900. Кн. 1–3).

40. *Вавилов П.* Жизнь и военные деяния генерала от инфантерии графа Николая Михайловича Каменского. В 2 ч. М., 1814. Ч. I. 62 с. 1 портрет.

Войне 1806–1807 годов посвящены с. 24–62.

41. *Абрамов Н.* Из воспоминаний генерала от инфантерии В.И. Тимофеева о сражении 27 января 1807 г. при Прейсиш-Эйлау // Военный сборник. 1907. Кн. 4. С. 1–14.

Автор воспоминаний генерал Тимофеев в чине капитана Выборгского пехотного полка принимал участие в войне 1806–1807 годов. Воспоминания интересны частностями и деталями войны и особенно Прейсиш-Эйлауского сражения.

42. *Чуйкевич П.* Подвиги казаков в Пруссии. С планом театра войны кампании 1807 года и многими любопытными анекдотами. СПб., 1810. XI. 123 с. 1 вкл. карта.

Интерес представляет только фактическое описание отдельных подвигов и тактика действий казачьих отрядов и мелких групп.

42(а). *Шелехов Ф.* Деятельность интендантства в 1806 и 1807 гг. // Интендантский журнал. 1902. Кн. 1. С. 63–77; Кн. 2. С. 80–94; Кн. 6. С. 87–102; Кн. 7. С. 90–99; Кн. 9. С. 78–97; Кн. 10. С. 116–135; 1903. Кн. 1. С. 101–113; Кн. 2. С. 86–97.

В войне 1806–1807 годов русская армия испытывала крайний недостаток в продовольствии. Лишения войск продолжались в течение всего времени военных действий, и это обстоятельство вынуждало принимать невыгодные стратегические положения и тормозило развитие операции.

Автор обстоятельно, на основе скудных архивных документов, описал состояние и деятельность тыла (интендантства) русской армии во второй войне с Наполеоном.

43. *Давыдов Денис*. Военные записки / Ред. Орлов В.Н. М.: Госполитиздат, 1940. 479 с. 34 иллюстр. 1 вкл. карта.

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) — известный начальник партизанского отряда в 1812 г. Кроме того, Давыдов был поэтом. За свои небольшие произведения, в которых отразил дворянское оппозиционное настроение, он был признан «беспокойным» и переведен из гвардии в армейский полк. Личная храбрость, несомненное военное дарование, большой боевой опыт участия в ряде войн дали возможность Давыдову дойти до генеральских чинов. Давыдов был близок к А.С. Пушкину, который в своих произведениях не раз его вспоминал. Кроме стихов, Давыдов писал прозой, причем ряд этих произведений не утратили своего значения и в наши дни. Последние годы жизни Давыдов был в отставке, но его мысли выражены в следующих словах: «Пусть грянет Русь военной грозой, я в этой песне — запевала».

В.Г. Белинский о поэте Давыдове сказал: «Давыдов, как поэт, решительно принадлежал к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии... Талант Давыдова не великий, но удивительно самобытный и яркий».

Его записки представляют несомненный интерес для характеристики отдельных моментов в войнах первой четверти XIX в. В данном издании текст записок выверен с подлинником и в таком виде печатается впервые.

К войне 1806–1807 годов имеют отношение следующие разделы записок: встреча с фельдмаршалом Каменским (1806) и материалы для современной военной истории (1806–1807).

44. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1897. Т. II. Гл. 7. С. 147–182.

Николай Карлович Шильдер (1842–1902) — историк, генерал-лейтенант. Яркий представитель официальной дворянской исторической науки. Его работы проникнуты классовой точкой зрения крупного дворянства и имели поддержку со стороны правивших сфер. Возможность доступа к архивам, в которых хранились особо конфиденциальные материалы, обусловила интерес к историческим работам Шильдера.

События войны описывает на фоне общего политического состояния Европы и дипломатической борьбы. Собственно анализа военных действий не дано.

45. *Богданович [М. И.]* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869.

К кампании 1806–1807 годов относятся в Т. II: гл. XVII. Война с французами 1806–1807 годов. Сражения при Пултуске и Голыmine; гл. XVIII. Зимний поход 1807 года. Сражение при Прейсиш-Эйлау; гл. XIX. Пребывание императора Александра в Бартенштейне; гл. XX. Тильзитский мир. С. 159–315.

45(а). Столетие Прейсиш-Эйлауской битвы // Исторический вестник. 1907. Март. С. 1081.

В заметке разбирается ряд заграничных работ, посвященных 100-летию битвы. Как известно, в этом сражении войска Наполеона получили серьезный отпор от русских войск, и только из-за отступления русских за рубежом слава победителя установилась за Наполеоном.

45(б). *Драке Л.* По поводу столетней годовщины сражений при Пултуске и Прейсиш-Эйлау // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 2. III. С. 1–9. 1 сх., 5 рис.

Статья посвящена описанию полей сражений и памятников на них (главным образом, у Прейсиш-Эйлау).

3. РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1808–1809 гг.

46. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его Императорского величества канцелярии. Вып. III / Ред. Дубровин Н.Ф., генерал-лейтенант. СПб., 1890. XIX. 512 с.

Во втором отделе выпуска сосредоточены документы, относящиеся к войне со Швецией и присоединению Финляндии.

47. Журнал зимнего похода на Аландские острова корпуса российских императорских войск под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона в марте 1809 года // Отечественные записки. 1821. Кн. 19. С. 207–226; кн. 20. С. 324–347; 1822. Кн. 21. С. 71–83; кн. 22. С. 231–244.

Журнал представляет собой неофициальное изложение событий, хотя содержит данные о составе войск и их распределении, приказы и распоряжения, описание военных действий. Весьма вероятно, что автором работы является участник похода Хатов.

48. *Захаров Г.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. М.: Воениздат, 1940. 85 с. 9 схем. 1 вкл. карта. Серия: Военно-историческая библиотека.

На основании опубликованных трудов (источники указаны) автор описывает последовательный ход войны России со Швецией в начале XIX в. В конце работы приведены оперативно-тактические выводы из этой войны.

Данная книга является пока единственной работой по войне 1808–1809 гг., опубликованной в советское время.

49. *Михайловский-Данилевский А.И.*, генерал-лейтенант, ординарный академик Академии наук. Сочинения. СПб., 1849. 338 с. 20 вкл. карт. Т. II. Описание Финляндской войны в 1808 и 1809 годах.

Книга написана на основе архивных материалов.

Несмотря на столетнюю давность, труд может быть использован военными историками при изучении Русско-шведской войны 1808–1809 гг.

Данная работа первоначально (в 1841 г.) вышла отдельной книгой под названием «Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг.».

50. *Ниве П.А.*, полковник Ген. штаба. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910. 420 с. 6 схем в тексте, 27 черт. и 1 карта в прил.

Серьезное исследование военных действий, основанное не только на использовании опубликованных книг и журнальных статей, но и на привлечении неиспользованных документов военных архивов. По времени написания — это последнее предреволюционное исследование войны 1808–1809 гг. Автор дает не только описание событий, но и их критический разбор, делает ценные выводы о действиях войск на Финляндском театре.

51. *Ниве П.А.* Русско-шведская война 1808–1809 года // Военный сборник. 1908. Кн. 2. С. 1–22; кн. 3. С. 1–28; кн. 4. С. 1–18;

кн. 5. С. 1–18; кн. 6. С. 1–26; кн. 7. С. 1–28; кн. 8. С. 1–24; кн. 9. С. 1–28; кн. 10. С. 1–26; кн. 11. С. 1–24; кн. 12. С. 33–60. 1909. Кн. 1. С. 1–32; кн. 2. С. 1–32; кн. 3. С. 1–30; кн. 4. С. 1–24; кн. 5. С. 1–25; кн. 6. С. 31–52; кн. 7. С. 41–60; кн. 8. С. 21–40; кн. 9. С. 1–14; кн. 10. С. 1–16; кн. 11. С. 1–14; кн. 12. С. 1–24.

Первая серьезная попытка военно-исторического описания войны 1808–1809 гг. Деловую критику этого труда дал Борисевич (см. № 53 в указателе). Впоследствии работа вышла отдельным исправленным и дополненным изданием (см. № 50).

52. *Ниве П.А.*, полковник. Финляндские войны // История русской армии и флота. Кн. 5. М.: Образование, 1911. 62 с. 4 вкл. рис., 6 схем в тексте.

В данной работе раздел IV озаглавлен «Война 1808–1809 гг.» (с. 38–62). Конспективное изложение издания 1910 г. «Русско-шведская война 1808–1809 гг.» .

53. *Борисевич А.Т.* Заметки по поводу последних исследований о Русско-Шведской войне 1808–1809 гг. // Военный сборник. 1909. № 2. С. 97–114; № 3. С. 101–116; № 4. С. 101–110; № 5. С. 73–88; № 6. С. 89–102; № 8. С. 67–82; № 9. С. 15–28; № 10. С. 17–32.

Критический разбор главным образом напечатанных в «Военном сборнике» статей П.А. Ниве (см. № 51 в указателе) и дополнение их документальными архивными материалами. Статья представляет несомненный интерес для историка войны 1808–1809 гг. и, по сути, является серьезным трудом, дополняющим опубликованные работы о войне 1808–1809 гг. Кроме того, автор подверг разбору работу Гериха «Завоевание Финляндии» (см. № 62).

54. *Рыльский К.* Краткое описание русско-шведской войны 1808–1809 гг. Изд. 2-е, исправ. СПб.: Изд-во В.А. Березовского, 1914. 61 с. 15 илл., 5 вкл. карт.

Хотя в аннотации к книге сказано, что она предназначена как чтение для войск к 100-летней годовщине присоединения Финляндии, тем не менее написана вполне серьезно и может служить пособием при изучении войны 1808–1809 гг.

55. *В-н Ф.П.* Зимняя экспедиция 1809 года через Кваркен (отрывок из неизданного сочинения «Генерал-фельдмаршал князь

Барклай-де-Толли» с портретом и картой) // Военный сборник. 1900. № 7 и 8.

Статья содержит описание одного из важнейших эпизодов войны со Швецией — переход русских войск по льду из Финляндии в Швецию.

Статья написана с частичным использованием архивных материалов.

56. *Бородкин М.М.* История Финляндии. Время императора Александра I. К столетию покорения Финляндии. СПб., 1909. XXI. 635 с. 35 илл., 1 карта.

Русско-шведская война 1808–1809 гг. описана на с. 31–297. В своем труде автор сосредоточил главное внимание на политической и бытовой сторонах войны, мало описывая непосредственно военные действия. Несмотря на это, труд представляет несомненный интерес для военного историка, давая более полную картину событий, чем в некоторых чисто военных трудах по этой войне.

Обстоятельный и развернутый критический разбор труда Бородкина дан в статье Вл. Апушкина «К столетию покорения Финляндии» (Военный сборник. 1909. № 3; см. № 63 в данном указателе).

57. *Ордин К.Ф.* Собрание сочинений по Финляндскому вопросу. СПб., 1908–1909 гг. Т. I–III; Т. I. Исследования, статьи, записки и письма. 301 с. 1 порт.; Т. II. Покорение Финляндии. 2-е изд., ч. 1. XXI, 416, 123 с.; Т. III. Покорение Финляндии. 2-е изд., ч. 2. VI, 454, 190 с.

Представляет собой капитальный труд, освещающий вопросы политической и внутренней жизни Финляндии и военные действия.

Автор пользовался архивными документами, часть которых публикует в приложении. Русско-шведской войне 1808–1809 гг. посвящены в т. II гл. X «Шведская кампания 1808 г.» и XI «Кампания 1809 г.» и весь т. III.

Для серьезного изучения войны 1808–1809 гг. труд, несомненно, представляет полезное пособие.

58. *Злобин К.К.* Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I, до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868. 95 с.

(отд. оттиск из Сборника императорского русского исторического общества, 1868 г. Т. II).

Автор на основе дипломатической переписки, хранящейся в архиве министерства иностранных дел, и ряда русских и иностранных источников (ссылки указаны), кратко рассматривает взаимоотношения между Россией и Швецией с середины XVIII в. и до окончания войны 1808–1809 гг. Работа представляет интерес для военного историка тем, что показывает характер дипломатических отношений, предшествовавших войне.

59. Воен. Ист. отдел шведского генштаба. Шведская война 1808–1809 гг. / Пер. под общ. ред. полк. Генштаба Алексева А.М. и Ниве П.А. СПб., Г.У. Г. Ш. 1906–1911 гг. Ч. I–IV, ч. I–XI, 359 с.; ч. II–XII, 342 с.; ч. III–XI, 274, 67 с.; ч. IV–VII, 283 с.

Труд представляет собой серьезное, хотя и не беспристрастное, описание войны 1808–1809 гг. и так как он основан на документах, хранящихся в шведских архивах, неизвестных русским историкам, то представляет собой несомненный интерес для полного и детального изучения Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Издание этого труда ГУГШ России свидетельствует об интересе, проявленном русскими военными писателями к материалам шведских архивов.

Русский перевод полностью не закончен.

60. *Афонасьев*, генерал-майор. Война со Швецией 1808–1809 гг. 14 с., 1 сх. // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1898. Ч. IV. Кн. 1. С. 257–271.

Данная статья ничего принципиально полезного не содержит.

61. *Сухтелен П.К.* Картина военных действий в Финляндии, в последнюю войну России с Швецией, в 1808 и 1809 годах / Пер. с франц. СПб., 1832. 214 с. 6 таблиц. 1 вкл. карта.

Автор — русский генерал, участник войны.

Работа написана в основном на основе личных воспоминаний и, очевидно, материалов личного архива, а потому содержит в себе фактические неточности. Интерес представляет только в части описания событий и приложенных таблиц состояния войск и флота обеих сторон.

62. *Герих П.* Завоевание Финляндии. История русско-шведской войны 1808–1809 гг. Вып. I и II. СПб., 1904. Вып. I (73 с.); Вып II (143 с.), 1 вкл. карта.

Вып. I рассматривает: причины войны, вооруженные силы Швеции, их вооружение, обучение и боевую подготовку, состояние крепостей и флота. В вып. II описаны: вооруженные силы России, вооружение, устройство и организация войск и земского ополчения, обучение и боевая подготовка, тыл, флот, обзор театра войны, приготовления к войне и планы кампаний обеих сторон. Военные действия описаны только начального периода. Книга написана на основе документов и опубликованных работ.

Работа в значительной части устарела и может быть заменена более свежими трудами. Кроме того, исследование автором не закончено, а написанное в значительной степени находится под влиянием шведских источников.

63. *Апушкин Вл.* К столетию покорения Финляндии // Военный сборник. 1909. № 3. С. 189–220.

Автор статьи произвел критический разбор капитальной работы Бородкина М.М. «История Финляндии» (см. № 56) и дополнил ее интересными материалами.

64. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869.

К войне со Швецией 1808–1809 гг. относятся: Т. II, главы XXI «Свидание в Эрфурте» (1808 г.) и XXII «Фридрихсгамский мир» (с. 330–434).

65. Россия и Финляндия. Исторический очерк. 1721–1809–1881 гг. // Русская старина. 1888. Кн. 1. С. 109–136; кн. 3. С. 673–694.

К войне 1808–1809 гг. имеет отношение гл. II данной статьи, помещенная в кн. I. Работа носит общий характер.

66. *Апушкин Вл.* Аландская экспедиция 1808 года // Военный сборник. 1908. Кн. 5. С. 19–42; кн. 6. С. 27–52.

Серьезная работа, написанная с использованием архивных материалов, русских и иностранных. Работа посвящена неудачной попытке занятия Аландских островов отрядом Вуича в 1808 г.

67. *Абрамов Н.* К столетию Русско-шведской войны 1808–1809 гг. // Военный сборник. 1908. № 1. С. 227–234; № 4.

С. 235–240; № 7. С. 209–216; № 8. С. 213–220; № 9. С. 235–244 (Раздел: Русская военная старина).

Публикуются рапорты генерала Буксгевдена из материалов военно-ученого архива по поводу взятия крепости Свеаборг, журнал военных действий марта 1808 г. и рапорт Каменского Буксгевдену.

68. *Липранди И.П.* Замечания на воспоминания Ф.Ф. Вигеля. Из дневных записок. М.: Изд. Общества истории и древностей российских при Московском университете, 1873. 193 с. IV с., 1 вкл. план.

Иван Петрович Липранди (1790–1880) получил известность как писатель и военный критик. Активный участник ряда войн. В Отечественной войне 1812 года занимал должность обер-квартирмейстера в 6-м корпусе генерала Дохтурова. В 1825 г. был привлечен по делу декабристов, но оправдался. Липранди был доносчиком по делу петрашевцев, представив четыре списка лиц, прикосновенных к тайному обществу. По его собственным словам, его докладная записка в следственную комиссию способствовала неблагоприятному для обвиняемых исходу дела.

Автор, участник войны 1808–1809 гг., делает целый ряд замечаний на «Воспоминания» Вигеля (Филипп Филиппович Вигель, 1786–1856), известного историка-мемуариста. От Вигеля нельзя отнять умелое и порой справедливое описание событий и действовавших лиц, однако по своей психологии Вигель — раздраженный и желчный реакционер. Автор также дает чрезвычайно интересные для военного историка дополнения по военным действиям этой войны (гл. II–XVIII).

69. *Бородкин М.М.* Взятие Свеаборга в 1808 году // Военный сборник. 1900. № 11. С. 1–22; № 12. С. 236–248. 1 вкл. порт., 1 схема в тексте.

Статья написана на основе тщательного ознакомления с русскими и иностранными трудами и посвящена одному из главнейших эпизодов Русско-шведской войны 1808–1809 гг., а именно — обстоятельствам падения крепости Свеаборг. К этому же вопросу смотрите:

1. *Альфтон А.* Сдача Свеаборга в 1808 году // Исторический вестник. 1889. Ноябрь. С. 453.

2. *Абов Г.* Свеаборг // Русская беседа. 1895. Июль. С. 7–32.
3. *Бородкин М.* Психологическая загадка. Столетие взятия Свеаборга // Военный сборник. 1908. № 8. С. 25–42; № 9. С. 29–46.
70. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов / Под ред. С.Н. Голубева и полк. Ф.Е. Кузнецова // Главное архивное управление НКВД СССР. М.: Госполитиздат, 1945 (См. также № 12.)
Войне 1808–1809 гг. в сборнике посвящено пять документов (с. 41–59).
71. Дух генерала Кульнева, или черты и анекдоты, изображающие великие свойства его и достопамятные происшествия как из частной, так и военной его жизни. СПб., 1817. XIV. 21 с. 1 вкл. порт.
Яков Петрович Кульнев (1763–1812) — один из выдающихся генералов начала XIX в. Участник ряда войн, в том числе второй войны с Наполеоном, Русско-шведской, Русско-турецкой, Отечественной 1812 года. Кульнев был любим офицерами и солдатами, начальником и заслужил его любовь тем, что был подлинным суворовцем. В 1812 г. успешно командовал арьергардом Витгенштейна и в бою под Головчицей у Клястиц был смертельно ранен.
В этой книге существенный интерес представляет характеристика генерала Кульнева, участника войны 1808–1809 гг., и его приказы.
72. Раевский Н.Н. и его письма // Русский вестник. 1898. Март, апрель, май.
Николай Николаевич Раевский (1771–1829), генерал от кавалерии, был одним из замечательнейших военных деятелей своего времени. Он прошел боевую школу в ряде войн, был боевым соратником и близким другом Багратиона, особенно прославился в Отечественной войне 1812 года своими действиями под Салтановкой, у Смоленска и в Бородинском сражении, где центральный редут (батарея), которую он защищал, вошел в историю с его именем. Кроме того, Раевский и его семья известны тесной дружбой с А.С. Пушкиным и родственными отношениями с рядом

декабристов. К Русско-шведской войне относятся письма Раевского, напечатанные в майском номере. Автор — участник войны.

73. *Давыдов Денис*. Военные записки / Ред. Орлов В.Н. М.: Госполитиздат, 1940 (см. также № 43 данного указателя).

К войне 1808–1809 гг. имеет отношение глава «Воспоминание о Кульневеве в Финляндии (1808)». Автор — участник похода, и его небольшая статья интересна некоторыми деталями военных действий.

74. *Булатов Д.А.* Михаил Леонтьевич Булатов // Русская старина. 1874. Т. X. С. 667–682. XI. С. 80–98.

Несомненный интерес для историка войны 1808–1809 гг. представляет реляция о Ревалакском сражении 15 апреля 1808 г. XI.

75. *Бородкин М.* Из дневника шведского прапорщика Б. И. фон Брейтхольгца 1808–1809 гг. // Военный сборник. 1906. Кн. 3. С. 1–14; кн. 4. С. 1–14.

Автор сделал выборки из дневника шведского офицера гарнизона крепости Свеаборг об обороне и о сдаче крепости и о пребывании в плену.

76. *Сильвергельм М.* Памятники войны 1808–1809 гг. в Финляндии // Военно-исторический сборник. 1913. № 4. С. 57–69; 1914. № 1. С. 71–86; № 3. С. 75–82 с илл. в тексте.

Автор описывает места боевых действий русских войск в Финляндии, памятники, поставленные на этих местах, братские могилы и т.п.

Интерес представляют выдержки из различной литературы, главным образом мемуарной, описывающие детали боевых столкновений, а также уточнение дат и мест этих столкновений и потерь обеих сторон. Статьи хорошо иллюстрированы схемами и фоторисунками. Работа может служить интересным дополнением для историка войны 1808–1809 гг.

4. РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806–1812 гг.

77. *Петров А.Н.*, полковник Генштаба. Война России с Турцией 1806–1812 гг. В 3 т. СПб., 1885–1887. Т. I. 1806 и 1807 гг. Михельсон и Мейндорф. VIII. 414 с. (библиогр. 66 названий книг

и 56 наименов. рукописей); Т. II. 1808 и 1809 гг. Прозоровский и кн. Багратион. II. 575 с. 6 сх. вкл.; Т. III. 1810, 1811 и 1812 гг. Гр. Каменский 2-й; кн. Голенищев-Кутузов и Чичагов. II. 468 с. 11 сх. вкл. (библиогр. 64 названия).

Весьма серьезный военно-исторический труд, написанный автором с использованием не только обширной литературы на русском и иностранных языках, но и на основе тщательного изучения архивных материалов. Недостатком труда является не всегда точное цитирование документов, хотя и без искажения их смысла. Часть документов дана в приложениях. Автор не только описывает события, но и дает их критический анализ и свои выводы.

Безусловным достоинством труда является библиографический перечень источников, причем каждому источнику дана краткая аннотация (см. т. III).

78. *Петров А.Н.*, генерал-майор Генштаба. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Войны 1787–1812 гг. СПб., 1894. Т. I–II. Т. II. Войны 1787–1812 гг. III. 369, 4 с.

Война 1806–1812 гг. изложена в гл. VIII–XIII.

В данной работе автор не преследовал цель дать подробное описание войны, ибо на эту тему им написан отдельный труд (см. № 77). Автор поставил перед собой цель исследовать влияние данной войны на развитие русского военного искусства. Он критически анализирует каждое выдающееся военное событие и делает свои выводы. Работа представляет несомненный интерес для современного военного историка.

79. *Фельдмаршал Кутузов*. Сборник документов и материалов / Ред. проф. Н.М. Коробков // Главное архивное управление МВД СССР. М.: Госполитиздат, 1947 (см. № 13).

Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. в сборнике посвящено 39 документов (с. 100–142) и 1 план в тексте.

Общую оценку см. далее (№ 422).

80. *Кутузов в Дунайских княжествах: сборник документов* / Сост. Н.В. Березняков и В.А. Богданова // Молдавская научно-исследовательская база АН СССР. Институт истории, языка и литературы. Сектор истории и археологии. ЦГИА Молдавской ССР. Кишинев: Госиздат Молдавии, 1948. 136 с.

Материалы сборника представляют собой документы из фондов ЦГИА Молдавской ССР, в подавляющем большинстве не использованные в историографии о войне 1806–1812 гг. и о Кутузове в частности. Часть документов была опубликована ранее, в том числе в сб. «Фельдмаршал Кутузов» (см. № 79).

Данный сборник состоит из семи разделов: I — Назначение М.И. Кутузова главнокомандующим Молдавской армией; II — Распоряжения и переписка М.И. Кутузова, касающиеся командования армией; III — отношение главнокомандующего к иностранным представителям в Дунайских княжествах; IV — Вопросы управления Молдавией и Валахией; V — отношение к населению; VI — Донесения жителей Дунайских княжеств о передвижении австрийских войск на границах Молдавии и Валахии; VII — Окончание кампании 1806–1812 гг. и отъезд Кутузова из Молдавской армии. К сборнику приложен справочный указатель (с. 124–130). Сборник освещает малоизвестную деятельность Кутузова по гражданскому управлению Молдавией.

81. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов / Под ред. С.Н. Голубева и Ф.Е. Кузнецова // Главное архивное управление НКВД СССР. М.: Госполитиздат, 1945 (см. № 165).

Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. в сборнике посвящено 37 документов (с. 59–124) и 1 схема в тексте.

82. Сообщил *Опочинин С.К.* Архив князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского. Переписка 1810–1812 гг. // Русская старина. 1872. Т. V. Кн. 2.

Письма к жене содержат некоторые взгляды М.И. Кутузова на военные действия против Турции.

83. Н.Н. Раевский и его письма // Русский вестник. 1898. Март, апрель, май, июнь.

К Русско-турецкой войне имеют отношение письма за 1810–1811 гг. в июньской (с. 109–126), июльской (с. 61–69) книжках. Представляют интерес для некоторых характеристик военных действий и действовавших лиц.

84. *Аврамов Н.* Рескрипты императора Александра I на имя генерала от инфантерии графа Каменского 2-го // Военный сборник. 1908. Русская военная старина. № 6. С. 263–266.

Приведен ряд распоряжений Александра I о ведении военных действий в 1811 г. Документы извлечены из военного архива.

85. *Соколовский М.К.* Бой под Ловчей (1811 г.) // Военный сборник. 1904. Кн. 4. С. 179–182.

Публикуются два документа от февраля 1811 г. о действиях русских войск под Ловчей.

86. *Михайловский-Данилевский А.И.*, генерал-лейтенант, ординарный академик АН. Сочинения. СПб., 1849. 366 с. 31 вкл. карт и планов. Т. III. Описание Турецкой войны с 1806 до 1812 года.

Книга написана на основе официальных документов, воспоминаний и личных бесед автора с участниками войны (Кутузовым). По времени выхода в свет данная работа была первой, в которой описан весь ход военных действий и дипломатической борьбы России с Турцией перед нашествием Наполеона на Россию. Автор признает выдающиеся заслуги и полководческий талант М.И. Кутузова. Упомянутая работа в 1843 г. вышла отдельным изданием в двух томах.

87. *Хатов А.* Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова в 1811 году. СПб., 1840. 219 с. 6 вкл. планов.

Автор писал свой труд на основе официальных документов архива Генерального штаба, и потому работа носит серьезный характер, хотя подробного анализа военных действий в ней нет. К книге приложены весьма интересные документы о составе войск и пояснения планов. Для военного историка труд Хатова может служить ценным пособием при изучении военных действий 1811 г.

88. *Бутурлин Д.П.*, генерал-майор. Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I / Пер. с франц. СПб., 1829. Ч. 1 и 2.

Автор, генерал русской службы, писал свой труд на французском языке. Ч. 1 посвящена турецким войнам при Екатерине II; Ч. 2 посвящена войне 1806–1812 гг. 171 с.

Автор дает краткое изложение событий войны без анализа их. Особого интереса для современного историка работа не представляет.

89. *Дубровин Н. Ф.* Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806–1812 года // Военный сборник. 1864. Кн. 4. С. 203–256; кн. 5. С. 3–68; кн. 6. С. 233–286; кн. 7. С. 3–42; кн. 8. С. 231–266; кн. 9. С. 3–42; кн. 11. С. 33–64; кн. 12. С. 219–276. 1865. Кн. 5. С. 35–52; кн. 6. С. 163–192; кн. 7. С. 3–45; кн. 8. С. 207–229.

Серьезное исследование взаимоотношений между Россией и Турцией, между Турцией и Сербией и дипломатической переписки, с частичным использованием архивных материалов. В работе дана характеристика действовавших лиц, их встреч, разговоров. Для историка войны 1806–1812 гг. данный труд представляет несомненный интерес, но следует помнить, что он был написан в 60-х гг. прошлого столетия, а поэтому не все вопросы имеют должную оценку. Военные события описываются только в общих чертах, но деятельность М.И. Каменского в качестве главнокомандующего Молдавской армией подвергается автором критическому разбору.

90. *Дубровин Н. Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // Русский вестник. 1863. Июль (с. 89–167) и август (с. 525–570).

Автор использовал обширный архивный материал министерства иностранных дел и военно-ученого архива (военно-топографического), в значительной степени почему-то игнорированный Михайловским-Данилевским, и описал политическое и внутреннее состояние Сербии в период 1806–1812 гг. Работа служит серьезным пособием для историка Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

91. *Миллер А. Ф.* Рамиз-паша в России // Известия АН СССР. Сер. История и философия. Т. II. № 5. М., 1945. С. 341–358.

Статья рассказывает об интересном эпизоде войны 1806–1812 гг., а именно о переходе на русскую сторону двух турецких военачальников, из коих один был бывший начальник морских сил Османской империи Рамиз-паша.

Работа основана на архивных материалах и представляет несомненный интерес для исследователя Турецкой войны.

92. *Попов А. Н.* Сношение России с европейскими державами перед войной 1812 г. М., 1905.

К Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. относятся гл. 4 и 5 (с. 286–382), в которых описываются переговоры с Турцией, беседы с Наполеоном и его дипломатами, показывается роль Кутузова как дипломата в переговорах с турецкими представителями и обстановка заключения Бухарестского мира.

Труд должен быть прочитан каждым, кто интересуется войной 1806–1812 г.

93. *Андрианов П.М.* Русско-турецкая война 1806–1812 гг. (по поводу столетнего юбилея). СПб., 1912. 82 с. 17 рис. и 4 сх. в тексте.

Брошюра представляет собой краткое изложение всего хода войны, без критики и анализа событий и военных действий. Рассчитана на массового читателя.

94. *Андрианов П.М.*, подп. Генштаба. Русско-турецкая война 1806–1812 гг. // История русской армии и флота. Кн. 5. М.: Образование, 1911. 28 с. 2 схемы в тексте (см. № 93).

Очерк представляет собой конспективное изложение хода военных действий. В статье есть несколько несущественных описок.

95. *Мальцев*, генерал-майор. Война с Турцией 1806–1812 гг. 9 с. 1 сх;

Его же: Русско-турецкая война 1806–1812 гг. 27 с. 7 сх. / В кн.: Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. IV. Кн. 1. С. 248–257, 271–298. СПб., 1898.

Обе статьи являются конспективным изложением военных действий.

96. *Богданович [М. И.]* История царствования императора Александра I и России в его время (см. № 11). СПб., 1869.

К Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. относятся в т. II: гл. XXI. Свидание в Эрфурте (1808); гл. XXIV. Турецкая война (1809–1810) и гл. XXV. Действия против турок графа Каменского и Кутузова (1810–1811). С. 318–329, 456–535. На титульном листе указано: «Автор истории Отечественной войны».

Автор пользовался богатым материалом, доступ к которому ему был разрешен царем, однако он использовал этот материал только в тех целях, которые себе поставил: «при изложении военных действий описаны подробно только те, в которых император Александр принимал лично участие».

А так как Александр не принимал личного участия в войне 1806–1812 гг., то автор войну описывает кратко, не уделяя ей серьезного внимания и тем более не давая критического военно-исторического разбора войны, отдельных кампаний и сражений.

97. *Чуйкевич*, отставной майор. Стратегические рассуждения о первых действиях россиян за Дунаем 1810 года с историческими и статистическими замечаниями и биографией серакира Пейлевана, взятого в плен при штурме Базарджика 22 мая. СПб., б.г. 24 с.

Автор — участник войны. Сочинение представляет некоторый интерес описанием событий и примечаниями к тексту.

98. *Энгельгардт А.*, подполк. Взгляд на кампанию Дунайскую 1811 года. СПб., 1813. 59 с.

Небольшая работа представляет интерес только как взгляд современника событий на действия Кутузова.

99. *Титов А.А.* Записки инженерного офицера Мартоса о Турецкой войне в царствование Александра Павловича. 1806–1812 гг. // Русский архив. 1893. Кн. 7. С. 305–368; кн. 8. С. 449–542.

Безусловно, интересные и единственные в своем роде записки Мартоса могут служить материалом для историка войны 1806–1812 гг. против Турции. Интерес этих записок не столько в бытовых описаниях, сколько в оценке военно-инженерного искусства русской армии и ее противника. Войне 1806–1812 гг. посвящен материал кн. 7.

100. *Ланжерон А.Ф.* Записки. Война с Турцией 1806–1812 гг. / Пер. с франц. и ред. Е. Каменского. СПб., 1911. 484 с.

Автор — участник войны, генерал русской службы. Его записки не всегда объективны, но тем не менее представляют несомненный интерес для историка войны 1812 года.

Записки Ланжерона под тем же названием печатались в журнале «Русская старина» — 1907 (май, ноябрь); 1908 (февраль-ноябрь); 1909 (июнь-сентябрь); 1910 (июль-октябрь); 1911 (июль-август). (Страницы не указаны в целях сокращения объема текста.)

101. *Котляревский И.П.* Записки о первых действиях русских войск в турецкую войну 1806 года. Киев, 1901. 14 с. (Оттиск из журнала «Киевская Старина».)

Иван Петрович Котляревский (1768–1838) — известный украинский писатель и поэт, считающийся одним из основателей новой украинской литературы. Его оперетка «Наталья-Полтавка» до сих пор стоит в репертуаре украинского театра.

Котляревский в Турецкой войне принимал участие офицером в должности адъютанта командира 2-го корпуса. Его записки представляют несомненный интерес. Предисловие к запискам, с указанием послужного списка Котляревского, написано Вс. Средневским.

102. *Веймарн В.* Исторический документ // Военно-исторический сборник. 1913. № 3. С. 75–82.

В статье публикуются некоторые документы, относящиеся к Русско-турецкой войне 1806–1812 гг., а именно к 1807 г. Приведены: 1) донесение генерала Михельсона о разбитии турок за Дунаем при с. Манайлаке 19 июня 1807 г.; 2) турецкий фирман (указ) султана о вступлении на престол; 3) письмо французского посла Себастьяни султану, в котором он натравливает султана и Турцию против России; 4) письмо вождя сербского народа Георгия Черного Михельсону о значении помощи, которую оказывает Россия сербам, в их борьбе против Турции.

102(a). *Голубев В.* Взятие Сухуми в Русско-турецкую войну 1806–1812 гг. // Военно-исторический сборник. 1916. Кн. 2. С. 25–33.

Небольшая статья об одном из эпизодов войны 1806–1812 гг. на Кавказском театре, кстати сказать мало освещенном в печати.

5. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

5.1. Общие работы по войне 1812 года (общие и частные обзоры войны)

103. Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание 1812–1912 гг. / Ред. Дживилегов А.К., Мельгунов С.П., Пичета В.И. СПб.: Изд-во Сытина, 1911–1912 гг. Историческая комиссия учебного отдела О.Р. Т. 3. (семь томов).

Сборник представляет собой большое, солидное, хорошо иллюстрированное издание. Каждый том включает

несколько разделов по различным вопросам, связанным с 1812–1815 гг.

В сборнике принимали участие авторы различных политических направлений, но их общая концепция сводится к взглядам либеральной буржуазии.

В.И. Ленин говорил, что у дореволюционных, домарксовых историков было два главных недостатка. «Во 1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во 2-х, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» (Собр. соч. 3-е изд-е. Т. XVIII. С. 13. Статья «Карл Маркс»). Указанные Лениным недостатки присущи и данному сборнику.

На военно-исторические темы написаны следующие статьи: в т. I — Бутенко В.А. Реформа французской армии при революции и Наполеоне; Михневич Н.П., Федоров В.П. и др. Франко-русские войны до 1812 года; в т. II — Федоров В.П. Австро-прусская война 1809 года; в т. III и IV — все статьи носят военно-исторический характер, и весь материал относится к Отечественной войне 1812 года, а именно: в т. III три раздела: 1. Наполеон и его сподвижники; 2. Русская армия и ее вожди; 3. Первый период войны (от начала войны до приезда М.И. Кутузова). В т. IV тоже три раздела: 1. Второй период войны (от Царево-Займища до Тарутино); 2. Москва при французах; 3. Третий период войны (контрнаступление Кутузова и полный разгром врага). В т. V — Кабанов А.К. Ополчение 1812 года. В т. VI — Михневич Н.П. Русская армия перед походом в Европу.

104. *Тарле Е.В.*, акад. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. // Академия наук СССР. Институт истории. М.: Созгиз, 1938. 280 с., 4 сх. вкл., 16 вкл. илл.

Книга акад. Тарле дает яркое описание героической борьбы русского народа с вражеской интервенцией, сделанное на основе широкого привлечения мемуаров и документальных материалов, в том числе еще неопубликованных. Но в работе Тарле нет глубокого анализа военных событий. Крупным недостатком работы Тарле является недопонимание автором роли Кутузова как полководца и стратега, явившееся результатом не критического подхода к иностранным источникам. Отмечая недостатки работы, надо сказать, что опубликованный труд все же представляет значительное и крупное произведение советского периода.

105. *Левицкий Н.* Война 1812 года. М.: Госполитиздат, 1938. 38 с., 4 сх. в тексте.

Небольшая брошюра компилятивного характера, рассчитанная на массового читателя.

106. *Афанасьев Г.Е.* 1812 год в его деталях. Киев, 1914. II. 146 с. (Отдельный оттиск из «Чтений в Историческом обществе Нестора-летописца». Кн. XXIV. Вып. 1–2.)

Автор в сжатом виде дает политический очерк войны 1812 года и характеристику главных деятелей. Работа носит серьезный характер.

107. *Пичета В.М.* Н. Покровский. О войне 1812 года // Изд. АН СССР. М. — Л., 1939. С. 276–302. (Против исторической концепции М.Н. Покровского.)

Критическая статья, бичующая ошибки не только исторической школы М.Н. Покровского, не сумевшей преодолеть ограниченность взглядов буржуазных историков, но и ряда трудов дореволюционной России (Богдановича, Михайловского-Данилевского, Попова).

Особенно ярко показаны ошибки М.Н. Покровского в оценке характера войны, роли русского народа, решений полководца М.И. Кутузова — как на Бородинском поле сражения, так и во время всего контрнаступления и др. Со статьей следует ознакомиться каждому военному историку.

108. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера / Вступ. статья В. Базанова. Смоленск: Обл. Госиздат, 1946. 86 с.

Выдержки из интересных записок офицера — участника войны 1812 года. Полный текст писем был издан под тем же названием в восьми частях в 1815–1816 гг.

109. Чуйкевич П., полковник. Рассуждения о войне 1812 года. СПб., 1813. 53 с.

Небольшая работа офицера военного министерства, служившего в 1812 г. по квартирмейстерской части. Интерес этой работы состоит главным образом в том цифровом материале, который в нем содержится, так как этот материал, очевидно, взят из официальных данных.

110. Ахшарумов Д. Описание войны 1812 года. СПб., 1819. III. 294 с.

Первое по времени описание войны 1812 года. Автор — офицер, участник всего похода. Конечно, в работе, напечатанной через семь лет после 1812 года, трудно было использовать архивы, но все же частично автором были привлечены архивные материалы, предоставленные ему начальником главного штаба. По серьезности изложения труд заслуживает внимания современных военных историков.

111. Историческое описание войны 1812 года. СПб., 1813. 134 с.

Одно из первых описаний войны, написанное по «высочайшему» повелению. Книга не содержит в себе военно-исторического описания, а скорее является изложением журнала военных действий. Существует предположение, что эта книга была составлена Д. Ахшарумовым.

112. Безобразов А.М. Краткое обозрение знаменитого похода Российских войск против французов 1812 года. СПб., 1813. 77 с.

Оригинальная работа современника событий, описавшего войну 1812 г. в виде журнала военных действий.

113. Бутурлин Д., полковник. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. С официальных документов и других достоверных бумаг Российского и Французского генерал-штабов. В 2 ч./Пер. с франц. генерал-майора А. Хатова. СПб., 1837–1838. 1837. Ч. 1. XV. 415, 9 с, 4 вкл. схемы-карты; 1838. Ч. II. V. 418 с.

Содержание ч. 1 — от начала войны до окончания маневра к Тарутино; ч. 2 — от Тарутинского лагеря до окончания 1812 г.

Автор — офицер русской армии, написал свой труд на французском языке. Как участник войны он имел возможность не только наблюдать события, но описать их, пользуясь доку-

ментами русского штаба и трофейными документами французской армии. Для своего времени труд был весьма значительным, но для современного историка уже не может служить первоисточником.

Крупнейшим недостатком труда Бутурлина является стремление выпятить роль Александра I. Одновременно он снижает роль М.И. Кутузова, а преувеличивает заслуги иностранцев на русской службе.

Отсутствие ссылок на использованные документы представляет собой недостаток труда (общий недостаток работ в XIX в.) и побуждает к осторожному пользованию цитатами из него.

Ценными по сей день являются приложения, в которых приведены состав и численность воевавших армий в различные периоды войны 1812 года, хотя эти данные нуждаются в тщательном критическом подходе.

Первое издание труда вышло в 1823 г.

114. *Михайловский-Данилевский А.И.*, генерал-лейтенант. Описание Отечественной войны 1812 года. Изд. 3-е. В 4 ч. СПб., 1843. Ч. I–XVI. 432 с. 25 планов и карт. Описание войны до соединения армии в Смоленске; ч. II — 413 с., 18 планов и карт. Описание военных действий от Смоленска до оставления Москвы; ч. III — 404 с., 26 пл. и карт. Описание контрнаступления Кутузова от Тарутино до Смоленска; ч. IV. 368 с., 25 планов и карт. Описание конца войны 1812 года.

Михайловский-Данилевский в 1812 г. состоял личным адъютантом М.И. Кутузова и вел свой дневник событий. Кроме того, ему было предоставлено право работать над материалами военных архивов, в его распоряжение поступали письма и записки главных деятелей 1812 года. Все это дало возможность автору создать труд с относительно правильным описанием событий и характеристикой главных действующих лиц. Однако личное редактирование труда Николаем I привело к тому, что работа приобрела в значительной степени официальный характер, выпячивая роль Александра I. Труд Данилевского скрывает недостатки, которые были в русской армии, затушевывает роль народных масс в борьбе, рисуя русский народ пассивными патриотами царя.

Автор не дает анализа и критики событий, специально оговаривая, что «критическая военная история не была моей целью». Справедливо замечание военного историка Скугаревского: «Это не история, а интересное повествование о войне 1812 года». Все же из всей литературы по 1812 году, изданной в XIX в., труд Данилевского дает наиболее близкое к реальной действительности описание событий и, главное, не затушевывает роли М.И. Кутузова, а также правильно указывает на ту незавидную роль, которую играли иностранцы в русской армии.

В сокращенном виде работа Данилевского была издана издателем Каспари в 1899 г. под заглавием «Отечественная война. Описание войны 1812–1815 гг., составленное по сочинению А.И. Михайловского-Данилевского».

Весьма любопытные замечания И.П. Липранди на работу Данилевского напечатаны в сборнике В. Харкевича «1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников». Вып. II (см. № 131).

115. *Богданович М.И.*, генерал-майор. История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. СПб., 1859 (3 тома). Т. I–X, 555 с., 13 вкл. схем; т. II–VII, 651 с., 6 вкл. схем; т. III–VII, 541 с., 11 вкл. схем.

Т. I охватывает период от начала войны до середины августа; т. II — период от назначения Кутузова до сражения при Тарутино, т. III — от выступления Наполеона из Москвы до конца 1812 г.

Автор писал свой труд на основе русских и большого количества иностранных источников, дополняя их архивными материалами, почему-либо не использованными первыми русскими авторами по Отечественной войне 1812 года. Но цель, поставленная автором, — сделать труд не столько беспристрастным, сколько служащим монархическому строю, сказалась на качестве исследования. Поэтому современному историку надо сугубо критически относиться как к фактической стороне описываемой войны, так и к выводам автора. К каждой главе имеются примечания и приложения, которые в значительно большей степени представляют интерес для военного историка, чем самый труд.

В конце третьего тома дан перечень источников для истории 1812 г., к некоторым из них автор дает аннотацию и свою критику.

Серьезный, хотя местами и придирчивый, разбор работы Богдановича произвел И.П. Липранди, выпустивший целую книгу под названием «Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам», соч. г.м. Богдановича (см. № 121). Вторым критическим разбором книги Богдановича служит работа А.Х. Бородинское сражение. 1872 г.

116. *Карцов*, полковник Генштаба. Военно-исторический обзор войны 1812 года: Учебное руководство для военно-учебных заведений. СПб., 1852. 84 с., 7 листов вкл. схем.

Несмотря на небольшой объем, содержание труда отвечало поставленным требованиям учебного руководства своего времени, но ограничивается описанием событий, почти без всякого их анализа. Для современного историка может служить конспектом. Крупным недостатком труда Карцова является затушевывание роли М.И. Кутузова как главного деятеля и мудрого стратега 1812 года.

117. *Полторацкий В.*, подполк. Генштаба. Военно-исторический атлас войн 1812–1815 годов: Учебное пособие для военно-учебных заведений. СПб., 1860.

В атласе 10 прекрасно выполненных карт к войне 1812 года, с кратким пояснением к каждой карте. Атлас и сегодня может служить пособием современному военному историку.

118. *Клаузевиц*. 1812 год. М.: Воениздат, 1937. 242 с., 1 вкл. карта.

Автор — офицер прусской армии, перешел на временную службу в русскую армию после 1806 г. С русскими войсками совершил поход 1812 года, но смотрел на все события с прусской точки зрения, а потому его описание войны является ярким примером фальсификации истории войны в целом, роли Кутузова в организации Бородинского сражения, в частности. Клаузевиц, не зная русского языка и не общаясь с народной массой, не понял причин поражений армии Наполеона, не понял руководящей роли русского народа. Товарищ Сталин в своем ответе на письмо тов. Разина указал на

необходимость критического подхода не только к Клаузевицу, но и к другим носителям военной идеологии в Германии, которая не выдержала двух навязанных миру кровопролитнейших войн. «Всякому известно, — пишет Сталин, — с каким уважением относились военные всего мира, в том числе и наши русские военные, к военным авторитетам Германии. Нужно ли покончить с этим незаслуженным уважением? Нужно покончить. Ну, а для этого нужна критика, особенно с нашей стороны, со стороны победителей Германии. Что касается, в частности, Клаузевица, то он, конечно, устарел как военный авторитет» // Военная мысль. 1947. № 1.

Клаузевиц предвзято относился ко всему русскому, не верил в силу и мощь русского народа и в способность русских генералов той эпохи быть на высоте военных требований, не мог понять и объяснить величественную стратегию Кутузова и те новые формы военного искусства, которые он проявил в 1812 году. К сожалению, работа Клаузевица оказала большое влияние на военных историков не только дореволюционной России, но и частично на советских историков.

С работой Клаузевица следует ознакомиться только для того, чтобы понять, откуда родились многие ошибочные представления и даже цифры в трудах русских историков, чтобы понять, как иностранцы на русской службе неверно оценивали события и особенно выпячивали свою роль и влияние на ход войны. (Работа Клаузевица издавалась неоднократно.)

119. *Ниве П.А.* Отечественная война. СПб.: изд. В.К. Ильинчик, 1911–1912 (5 т.). Т. I — 160 с., 21 сх., 8 илл. и 25 портретов. Начало войны. Первый этап до соединения под Смоленском. Т. II — 160 с., 15 сх., 4 илл. и 20 портретов. Сражение под Смоленском и заканчивая Бородинским сражением. Т. III — 160 с., 9 сх., 9 илл. и 22 портрета. После Бородина до Тарутинского боя вкл. Т. IV — 160 с., 17 сх., 8 илл. и 18 портретов. От сражения под Малоярославцем до боя у Березины. Т. V — 160 с., 9 сх., 8 илл. и 19 портретов. От боя у Березины до полного изгнания врага из России.

Труд представляет собой юбилейное издание к 100-летию Отечественной войны. Хотя автор оговаривает, что он не стремился к раскрытию новых фактов и истин, а лишь объеди-

нил известное, тем не менее труд Ниве представляет научно-историческое описание войны 1812 года и является последним дореволюционным крупным трудом на эту тему. Работа прекрасно иллюстрирована, но, к сожалению, автор нигде не привел источников, на основе которых написал свою работу.

Данное издание не следует смешивать с работой автора «Великая Отечественная война 1812 г.» в издательстве Сытина (1912 г., 146 с.), так как последняя носит монархический характер и ничего интересного для военного историка не содержит.

120. *Окунев Н.А.*, генерал-майор. Рассуждение о больших военных действиях, битвах и сражениях, происходивших при вторжении в Россию в 1812 году. СПб., 1841. 2-е изд., ХХІХ, 262 с.

Автор, участник войны 1812 года, написал свою книгу на французском языке, что было свойственно ряду историков, и поэтому книга получила свое распространение во Франции ранее, чем появился ее перевод на русском языке.

Работа представляет собой первую попытку отойти от голого описания событий, дать им критический анализ. Для исследователя войны 1812 года книга может быть полезной.

В 1912 г. в переводе Голубева издание было повторено под названием «Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампании 1812 года».

121. *Липранди И.П.* Война 1812 года. Замечания на книгу «История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам», соч. ген.-м. Богдановича. М., 1869. С. 54, 98.

Липранди И.П., участник войны 1812 года в должности штабного офицера 6-го корпуса генерала Дохтурова.

Автор подверг серьезной критике труд Богдановича (см. № 115) в отзыве на этот труд, напечатанный в австрийском военном журнале.

Военным историкам при пользовании трудом Богдановича следует учесть замечания Липранди.

122. *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны 1812 года. Собрание статей. СПб., 1867. VI, 212 с.

В сборнике помещены 10 статей автора, печатавшихся в «Северной пчеле», «Русском инвалиде» и «Русском архиве». Наибольший интерес представляют статьи: а) Несколько мыс-

лей по поводу двух сочинений об Отечественной войне, вышедших в 1856 и 1857 годах (сочинения французского автора); б) Следует ли называть укрепление, находившееся в центре бородинской позиции, батареей Раевского; в) Еще об Истории Отечественной войны и г) Бородинское сражение.

123. *Липранди И.П.* Некоторые замечания, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, о действительных причинах гибели наполеоновских полчищ в 1812 году. СПб., 1855. 216 с.

Сборник состоит из трех работ автора: 1) Не голод и не мороз были причиною гибели наполеоновских полчищ; 2) Русские или французы зажгли Москву; 3) Замечания на некоторые выражения, встречающиеся в описании Отечественной войны 1812 года.

Липранди опровергает иностранных авторов иностранными же источниками. Работа представляет интерес, особенно при пользовании трудами иностранных авторов. В конце книги дан перечень сочинений по 1812 году на русском и иностранных языках (78 названий).

124. *Леер Г.А.*, проф., генерал-лейтенант. Третья французская война императора Александра I (Отечественная война 1812 г.). 114 с., 24 вкл. схем. // *Обзор войн России от Петра Великого до наших дней*. Ч. I. СПб., 1885. С. 345–459.

Небольшая, но серьезная работа. Автор дает не только описание событий, но и свои критические замечания и выводы, которые построены на основе свойственного автору методизма в военном искусстве. В данной работе автор излагает положительные взгляды на полководческое искусство Кутузова и возражает иностранным фальсификаторам истории по вопросу о действительных причинах поражения армии Наполеона.

125. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и России в его время.

К Отечественной войне 1812 года относится т. III, гл. XXIX, XXXI–XXXVIII.

126. *Михневич Н.П.*, генерал от инфантерии, засл. проф. Отечественная война 1812 года // *История русской армии и флота*. Кн. 3. С. 84–167; кн. 4. С. 5–68. М.: Образование, 1911.

Работа написана со свойственной автору яркостью изложения, но пронизана идеалистическим мировоззрением. Критического анализа событий не дано. В конце работы дана краткая биография и характеристика военных деятелей.

127. *Военский К.А.* Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году. СПб.: Сельский вестник, б/г. 364 с., с илл. в тексте.

Сборник включает в себя оригинальные статьи автора, его переводы и материалы, извлеченные из архивов.

Наибольший интерес представляют записки современников, участников Отечественной войны, описание переправы через Березину, статья о русском флоте в 1812 г., Костромское ополчение и др.

128. *В.С.* Политика и стратегия в Отечественную войну 1812 г. // Военный сборник. 1901. № 1. С. 35–54, 1 вкл. карта; № 2. С. 53–71; № 3. С. 35–61, 1 вкл. карта; № 4. С. 1–28, 1 вкл. карта; № 5. С. 33–70.

Работа может быть отнесена к разряду серьезных исследований войны 1812 года.

129. *Митаревский Н.Е.* Рассказы об Отечественной войне 1812 года (Записки артиллерийского офицера 6-го корпуса). М., 1878. 177 с.

Весьма интересные записки, из которых военный историк может почерпнуть много полезных сведений о быте армии того времени, взглядов на военные действия и характеристики военных деятелей.

130. *Каллаш В.В.* Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. 279 с., с илл. в тексте.

Сборник включает выборки из записок Ф.В. Ростопчина, С.Н. Глинки, А.И. Герцена, Дениса Давыдова, различные письма и воспоминания. Может служить материалом для некоторой характеристики войны 1812 года и действовавших лиц.

131. *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Материалы Военно-ученого архива Главного Штаба. Вильно, 1900–1907 (четыре выпуска). Вып. I–III, 253 с. 1-я и 2-я Западные армии. Главная армия; вып. II, 230 с. 1-я и 2-я Западные армии. Главная армия; вып. III, 216 с. Корпус Витгенштейна; вып. IV — сборный.

Автор разыскал в архивных папках Михайловского-Данилевского и среди других бумаг в архиве ряд воспоминаний и дневников участников войны 1812 года. Этот материал в значительной степени не был использован историками войны, а между тем он представляет несомненный интерес как подробностями событий, так и описанием бытовой стороны войны. Материал в выпусках подобран по принципу принадлежности авторов к той или иной группировке русских войск.

132. *Мариюшкин А.* Причины крушения замыслов Наполеона в 1812 году. Очерк исследования. Варшава, 1912. 79 с. (Приложение к журналу «Офицерская жизнь».)

Небольшая работа конспективного характера, написанная с целью доказать, что «главным оружием борьбы во все времена был и будет все-таки человек». Однако в главе «Итоги причин» полностью проявляются монархические взгляды автора.

133. *Сивицкий С.Н.* Отечественная война в Прибалтийском крае. 1812–1912 гг. С историческим очерком Прибалтийского края в XVIII столетии. Рига: Изд. Рижского педагогического общества, 1912. 223 с., с илл. в тексте.

Работа состоит из двух частей в одной книге. Первая часть — исторический очерк Прибалтийского края в XVIII столетии (96 с.). Вторая часть — Отечественная война в Прибалтийском крае (127 с.). Автор описывает во второй части: 1. Причины и подготовку войны; 2. Нашествие французов, движение X корпуса Макдональда; 3. Военные действия близ Риги и начало отступления французов; 4. Лифляндское дворянское ополчение; 5. Методы управления французов в Курляндии и 6. Таурогенскую конвенцию.

Работа автора представляет интерес описанием событий, обычно мало освещаемых в трудах по войне 1812 года. Военного анализа боевых действий не дано.

134. *Муратов Н.П.* 1812 г. Исторический обзор Отечественной войны и ее причины. Второе издание, значительно дополненное. Тамбов: Издание Тамбовской ученой архивной комиссии, 1912. XXXI. Отд. атлас схем (6).

Конспективное изложение событий без всякого анализа. Некоторый интерес может представить расписание боево-

го состава русских и наполеоновских армий (дано приложением).

135. *Божерянов И.Н.* Война русского народа с Наполеоном 1812 г. 2-е изд. СПб., 1911. 132 с.

Хорошо иллюстрированное издание, но содержание не выходит за рамки общих юбилейных работ к 100-летию Отечественной войны. Ценность представляет лишь обильный иллюстрированный материал.

136. *Бабеньшев П.Б.* Донские казаки в войне 1812 года. Ростов-на-Дону: Областное книгоиздательство, 1940. 123 с.

Автор на основе использования опубликованных трудов, главным образом мемуарной литературы (источники указаны), написал брошюру, в которой показывает роль и место казачьих войск в войне 1812 года. Книга может быть использована военными историками.

137. *Виноградский*, лейтенант. Участие гвардейского экипажа в сухопутной кампании 1812 года. СПб., 1899. 65 с., 3 портрета, 2 вкл. схемы. (Отдельный оттиск из Морского сборника. 1899. № 4 и 5.)

Небольшая, но солидная работа, основанная на архивных материалах и трудах по войне 1812 года.

138. *Родных А.* Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона в двенадцатом году при помощи воздухоплавания. СПб., 1912. 57 с., 19 снимков старинных рисунков.

На основе документальных данных и свидетельств современников автор описывает деятельность Леппиха (Шмидта) в России в 1812 г., постройку его летающей машины и взгляды современников на это изобретение.

Книга представляет интерес для военного историка войны 1812 года и историка воздухоплавательного дела в частности.

139. *Краснянский В.Г.* Минский департамент Великого княжества Литовского (эпизод из истории войны 1812 г.). СПб., 1902. 72 с. (Отдельный оттиск из журнала Министерства народного просвещения за 1902 год.)

Автор на основе документальных данных описал внутреннее состояние Минской губернии в 1812 г. и дал характеристику событиям и действующим лицам. Военные события опи-

сываются вскользь. Интерес представляет для полного освещения всей войны 1812 года.

140. *Гинзбург С.М.* Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб.: Разум, 1912. XII. 144 с., с илл.

Работа представляет интерес при изучении внутреннего положения в областях, подвергшихся нашествию наполеоновских войск.

141. *Коновницын А.И.* Подвиги славных предков в годовщину Отечественной войны. СПб., 1912. V, 376, 39, XX с., с илл.

Автор — внук одного из видных генералов 1812 года П.П. Коновницына, поэтому своему деду он отвел в книге очень большое место. Остальные биографии генералов русской армии описаны очень кратко. Описание событий проникнуто монархо-религиозными настроениями и интереса не представляет. В приложении дано: Список всех воинских частей, участвовавших в Бородинском сражении, с указанием их теперешнего расположения (т.е. в 1912 г.); боевой состав 1, 2, 3 и 4-й армий русских войск и французской армии; хронологический перечень событий войны 1812 года.

142. *Греков А.П.*, капитан. Война 1812 г. М., 1912. 44 с., 2 вкл. схемы. (По историческим источникам эпохи героя войны генерала от артиллерии А.П. Ермолова, хранящимся в Московском Румянцевском музее.)

Работа представляет собой интересный материал, который может быть использован для дополнительной характеристики событий 1812 года. В конце книги дано расписание русских войск, участвовавших в битве при Бородино.

Приложенные схемы представляют собой интересные кроки «лагеря русских войск при Приссе» и «Движение французской армии в 1812 году» (до Смоленска).

143. *Храпков С.* Русская интеллигенция в Отечественной войне 1812 года // Исторический журнал. 1943. № 2. С. 72–76.

Интересное исследование по материалам Московского областного исторического архива. Автор показывает, как передовые слои русской интеллигенции включились в народную войну против Наполеона.

144. *Заглухинский В.В., Копосов В.П., Фомин И.В.* Организация и работа военно-медицинской службы русской армии в Отече-

ственную кампанию 1812 г./Ред.-изд. В.П. Миртов. М., 1912. 210 с., с илл. в тексте. (Труды Московского общества ревнителей военно-санитарных знаний.)

Авторы на основе детального изучения архивных материалов Моск. Отд. архива Гл. Штаба, архива Воен. Сан. Управ. написали единственный в своем роде труд по медицинской службе русской армии в 1812 года. Книга в основном состоит из публикации документов с дополнительными разъяснениями авторов. Несмотря на несколько излишнюю переоценку роли Виллие, что было свойственно медицинским работникам XIX и начала XX в., несмотря на стилистические шероховатости, труд авторов должен быть прочитан военным историком при изучении войны 1812 года, особенно при изучении вопросов организации и работы тыла русских войск.

145. *Бернацкий Н.* Устройство военно-санитарной части, болезни и их лечение у воюющих сторон во время Отечественной войны // Военно-исторический сборник. 1913. № 3. С. 209–226; № 4. С. 97–112.

Интересное исследование работы санитарного тыла русской и французской армий в 1812 году. В конце статьи приложен указатель литературы, использованной автором.

146. *Идельсон.* Болезни и врачебная помощь в эпоху войны 1812 года. Казань, 1912. 52 с.

Брошюра представляет собой доклад, прочитанный на заседании общества врачей при Казанском университете 19 января 1912 г. Автор использовал различную литературу на русском и иностранных языках (указано 27 наименований) и сделал из нее обобщающие выводы.

Работа представляет интерес для изучения работы медицинской службы в Отечественную войну 1812 года.

146(a). *Тихов П.* Медицина в России в эпоху Наполеоновских войн // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 8. Современная летопись. С. 69–92.

Статья представляет собой доклад, прочитанный на заседании совета Томского университета 26 августа 1912 г. Автор, кратко обрисовав историю медицины в России с XI в., говорит, что создание отечественной научной медицины в России следует отнести к началу XIX в., а именно — к периоду

войн с Наполеоном. В конце статьи автор указал перечень литературы (34 названия).

147. *Шеманский А.* Отечественная война с интендантской точки зрения (этюд). 1812–1912 // *Интендантский журнал*. 1912. № 8. С. 17–22.

Небольшая статья видного военного писателя, в которой автор обрисовал состояние тыла русской армии в 1812 году.

148. *Макшеев Ф.А.* Отечественная война 1812 года в интендантском отношении // *Интендантский журнал*. 1912. Кн. 7. С. 1–16; кн. 8. С. 1–16; кн. 9. С. 1–25; кн. 10. С. 1–27; кн. 11. С. 1–21; кн. 12. С. 1–16; 1913. Кн. 1. С. 1–19; кн. 5. С. 1–25.

Автор, известный в русской армии специалист в вопросах тыла, заслуженный профессор военной академии, поставил целью в ряде статей обрисовать работу тыла русской и французской армий в 1812 году. Автор справедливо говорит, что «война 1812 года с замечательной ясностью показывает, в какой сильной зависимости находится ведение военных операций от благоустройства снабжений».

Вся работа автором разделена на 3 части: ч. 1. Общий ход войны (военно-стратегический обзор); ч. 2. Интендантское снабжение армии Наполеона; ч. 3. Интендантское снабжение русской армии. Именно эта последняя часть оказалась автором неоконченной.

Четкие схемы и отличные рисунки форм обмундирования прекрасно иллюстрируют текст.

149. *Писарев А.*, генерал-майор, член Российской академии и Академии художеств. Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим (две части). М., 1817. Ч. I–VIII, 494, IV с.; ч. II–III, 465 с. (библиогр. с. 154–349 и 460).

Наибольший интерес представляет библиография (с. 154–349 и 460), в которой автор приводит не только перечень литературы, но на некоторые труды дает пространственные библиографические заметки. Название трудов автор не всегда приводит так, как они значатся на заглавных листках книжек.

150. *Похвиснев*, полковник. Журнал, или записки войны, открытой французами в России 1812 года июня 12 дня, а прекращенной россиянами в Париже 1814 года марта 18 дня. Писан-

ные на маршах и бивуаках Украинской казачьей дивизии. В 2 ч. М., 1830–1833. 1830. Часть первая. 1812. Россия. 356 с.; 1833. Часть вторая. 1813. Германия. 342 с.

Книга представляет собой сборник описаний отдельных событий и копии опубликованных в свое время официальных документов (донесения, рескрипты, воззвания). Никакого критического подхода к событиям нет. Интерес для современного историка представляет весьма относительный и скорее может быть отнесена к дневникам и мемуарам, нежели к историческим трудам.

150(а). *Жамов В.Е.* Отечественная война 1812 г. Операции в направлении Тильзит — Митава — Рига. Изд. Рижского государственного управления, 1912. 183 с. с илл. в тексте, 3 вкл. карты.

Автор описал обычно мало освещаемые военные действия корпуса Макдональда из состава французской армии и русского отряда, действовавшего против него. Автор указал источники (12 на русском и 15 на иностранных языках). Особый раздел труда представляют приложения (с. 143–183), которые хотя и были помещены в различных изданиях и не претендуют на первоисточник, тем не менее представляют интерес, поскольку они собраны в одной книге.

Военному историку войны 1812 года следует познакомиться с данным трудом.

150(б). *М.П.* Три письма на кампанию 1812 года, писанные русским офицером, убитым в сражении при Монмартре 1814 г. // Военно-исторический сборник 1912. Кн. 1. С. 213–228; Кн. 2. С. 169–196.

Найденная в библиотеке генерала Капцевича — участника войны 1812 года, рукопись трех писем неизвестного участника войны 1812 года, в которых он описывает события от начала войны до полного изгнания врага и дает весьма оригинальную, подчас вполне справедливую, критику событий и действовавших лиц.

Вполне вероятно, что эти письма не предназначались какому-либо определенному адресату (в них нет ни обращения, ни подписи), а написаны в виде записок, по образцу известных писем-записок А. Болотова.

150(в). Ивков Д. Деятельность инженерного корпуса за время отечественной войны // Инженерный журнал. 1912. № 2. С. 167–208, 1 порт.

Обстоятельная статья, в котором автор показал роль и место инженеров и инженерных войск — пионеров в составе русской армии периода Отечественной войны 1812 года. Очерк написан на основе сохранившихся в небольшом количестве архивных материалов и исторического труда «Главное Инженерное управление», изданном к столетию Военного министерства. Начало статьи посвящено истории возникновения инженерных войск в России и их развития до 1812 г.

Статья состоит из двух разделов: 1. Участие инженеров и инженерных войск в войне 1812 года; 2. Деятельность инженерного департамента во время Отечественной войны, а также и ряда таблиц и копий документов.

150(г). Дорман А. М. Оборона путей на Петербург. СПб.: Изд. журнала «Верность», 1912. 32 с., 4 сх. в тексте.

Небольшая брошюра, схематично излагающая действия корпуса Витгенштейна, защищавшего Петербургское направление в 1812 г.

5.2. Документы войны (официальные донесения, акты, приказы, письма и т.п.)

151. Отечественная война 1812 года. Материалы военно-ученого архива Генерального Штаба. Отдел I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений.

Сборники включают документы, данные на русском и французском языках. Тексты на французском языке не переведены на русский.

Публикация архивных материалов по войне 1812 года, предпринятая военно-ученым архивом Главного (а затем Генерального) штаба, явилась значительным событием на военно-историческом горизонте дореволюционной России. Хотя некоторые военные историки имели доступ к архивным хранилищам, но они не всегда полностью пользовались имевшимися документами, иногда помещали их в своих трудах в искаженном виде. Самое же главное заключает-

ся в том, что с публикацией сборников документов явилась более широкая возможность всем историкам изучить первоисточники и пользоваться ими в своих трудах.

К каждому сборнику приложены алфавитные указатели.

Т. XIII. 1910, XXVI, 417. XXXII с. Боевые действия в 1812 г. (июнь).

Т. XIV. 1910, XXII, 290, XXVI с. Боевые действия в 1812 г. (июль).

Т. XV. 1911, V, 181, XIV. Боевые действия в 1812 г. (июнь — декабрь) — журналы военных действий армий.

Т. XVI. 1911, X, 283 с. Боевые действия в 1812 г. (август) — включена переписка Александра I и других лиц с 31 марта по 31 августа 1812 г.

Т. XVII. 1911, 374 с. Боевые действия в 1812 г. — журналы военных действий и переписка (июнь — декабрь).

Т. XVIII. 1911, XIII, 250 с. Боевые действия в 1812 г. (сентябрь). Переписка (март — декабрь) и документы без дат.

Т. XIX. 1912, VI, 403 с. Боевые действия в 1812 г. (октябрь). Переписка (июнь — декабрь) и документы без дат.

Т. XX. 1912, 289 с. Боевые действия в 1812 г. (ноябрь). Кроме документов, относящихся к ноябрю, включены журналы военных действий и документы, почему-либо пропущенные в ранее изданных томах.

Т. XXI. 1914, 543 с. Боевые действия в 1812 г. (декабрь). Кроме того, включено: «О движениях и военных действиях Дунайской армии», «Исходящий и входящий секретный журнал штаба главнокомандующего» за октябрь и ноябрь 1812 г., «Расписание действующей армии» и др.

152. *Шукин П. И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. Ч. I. М., 1897. VI. 162 с., с одной фототипией и двумя фотолиграфиями; ч. II. М., 1897. X, 129 с.; ч. III. М., 1898. VIII, 263; ч. IV. М., 1899. IV. 357 с.; ч. V. М., 1900, 280 с.; ч. VI. М., 1901, VII, 151 с.; ч. VII. М., 1903, VIII, 431 с.; ч. VIII. М., 1904. VI, 428 с.; ч. IX. М., 1905, VI, 352 с.; ч. X. М., 1908, VI, 497 с.

Сборники документов из различных архивных хранилищ. К сожалению, сборники не содержат документов в какой-либо систематической последовательности. Труд может рассматриваться как первоисточник.

Для облегчения пользования сборниками Щукина следует иметь в виду, что в 1912 г. была издана книга П.А. Миллера «Указатели к бумагам, относящимся до Отечественной войны 1812 года, собранным и изданным П.И. Щукиным».

153. *Строев В.*, приват-доцент. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его величества канцелярии. Вып. 15. Петроград, 1915.

В сборник включены документы к истории второй половины 1812 г. и первой половины 1813 г. Сборник разделен на два отдела. В первом отделе помещен «исходящий журнал запискам генерала от артиллерии графа Аракчеева, в коих объявлены высочайшие повеления». Второй отдел составляют бумаги различных русских администраторов (А.И. Горчакова, С.К. Вязмитинова, П.Н. Каверина и др.).

Материал сборника представляет интерес для глубокого ознакомления с войной 1812 года.

154. *Строев В.*, приват-доцент. Документы, относящиеся к истории 1812 г. СПб., 1913. III с. (Из сборника исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Е.И.В. канцелярии. 1 и 2 части 14 выпуска.)

Весьма интересные сборники, содержащие малоизвестные или впервые опубликованные документы. К документам даны подстрочные применения, как характеризующие материал, так и поясняющие текст. Ценность сборника в буквальной передаче документов, даже с сохранением правописания.

154(a). *Барклай-де-Толли*. Изображение военных действий первой армии в 1812 году. Донесение государю императору главнокомандующего первой армии, военного министра. М., 1859. 32 с. (Оттиск из IV книги «Чтений в императорском обществе истории древностей российских при московском университете».)

Интересный документ, обрисовывающий, как Барклай-де-Толли понимал характер войны, чем он объясняет свои действия, его отношение к Кутузову и другим лицам.

155. Подробный журнал исходящих бумаг собственной канцелярии Главнокомандующего соединенными армиями генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского в 1812 году /Под ред. В.П. Никольского. М., 1912. X, 432 с. (Труды Московского

отдела императорского русского военно-исторического общества. Т. II. Материалы по Отечественной войне.)

Сборник представляет большую военно-историческую ценность, так как данный журнал заменяет публикацию самих документов. Особенно ценны записи, связанные с Бородинским сражением, и записи, характеризующие огромный размах административной деятельности М.И. Кутузова.

155(a). *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 года/Под ред. В.П. Никольского. М., 1913. XIV, 662 с. (Труды Московского отдела императорского русского военно-исторического общества. Т. IV. Материалы по Отечественной войне.)

Работа состоит из двух разделов. В первом перепечатаны наиболее характерные главы «месяцеслова» — календаря на 1812 год и помещена статья акад. М. Рыкачева «Холода 1812 года». Во втором помещена часть 1-я Боевого календаря-ежедневника, в котором дан перечень по возможности всех боевых столкновений с 4 июня по 31 августа 1812 г. В перечне дан лишь материал боевых действий, но не сделано по ним выводов.

Работа представляет несомненный интерес для историка войны 1812 года, и можно только выразить сожаление, что она не получила своего полного завершения.

156. *Военский К.* Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1909. Т. I; 1911. Т. II; 1912. Т. III (3 тома).

Т. I: X. IV. 582, IX с., 8 вкл. листов. Литва и западные губернии; Т. II. III, 573 с., 8 вкл. листов. Балтийская окраина; Т. III. 9, IV, 498 с., 8 вкл. листов. Белоруссия в 1812 г. (Сборники русского исторического общества, № 128, 133 и 139.)

Документальный сборник, освещающий гражданскую жизнь местностей России, находившихся в 1812 г. во временной оккупации войсками Наполеона, а также некоторые вопросы, связанные с войной. Материал расположен в последовательности движения армии Наполеона вглубь России.

В предисловии первого тома Военский дает характеристику русско-польских и франко-польских отношений до 1812 г. Сборник начинается публикацией документов — актов Варшавской

конфедерации. В предисловии ко второму тому автор дает исторический очерк развития прибалтийских провинций, краткую характеристику событий 1812 года и небольшой обзор деятельности русского флота в войнах с Наполеоном. В предисловии к третьему тому дан исторический очерк Белоруссии.

Сборник представляет собой единственную документальную публикацию материалов, связанных с внутренней жизнью районов, затронутых военными действиями, и публикацию документов в районах временной оккупации, в которых агенты наполеоновских войск освещали ход военных действий. Несомненный интерес для военного историка представляют документы «Тауроугтенской Конвенции» 18/30 декабря 1812 г. (т. II). К каждому тому приложено содержание вышедших из печати томов сборника русского исторического общества.

157. *Дубровин Н.*, член-корр. Ак. наук. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.) // Приложение № 1 к XIII тому записок императорской Академии Наук. СПб., 1882. 576 с.

Данный сборник представляет несомненный интерес для исследователя внутренней стороны событий войн 1812–1815 гг. В нем собран ряд писем крупных деятелей: М.И. Кутузова, Багратиона, Баркляя-де-Толли, Александра I, Балашова, Ростопчина, Винценгероде, Чичагова, Аракчеева и др. Большой интерес представляют письма Роберта Вильсона, представителя английского правительства при Ставке Кутузова, показывающие сеть интриг, которую плел вокруг М.И. Кутузова этот представитель.

Ценным пособием для военного историка является библиографический указатель книг и статей (1602 названия), относящихся к описанию Отечественной войны 1812 года и заграничного похода 1813–1815 годов. Указатель Дубровина служит продолжением и дополнением работы И.П. Липранди «Опыт каталога всем отдельным сочинениям об Отечественной войне».

158. *Дубровин Н. Ф.*, генерал-лейтенант. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

К войне 1812 года относятся сборники:

Выпуск первый. СПб., 1876. XXXVI, 466, XIII с., содержит в первом отделе высочайшие указы, рескрипты и повеления в 1812 г., во втором отделе — материалы для истории Отечественной войны (доклады, донесения, сведения о финансах, переписка об аэростате Леппиха и др.).

Выпуск второй. СПб., 1899. XXIV, 551 с., содержит в первом отделе продолжение печатания указов и рескриптов в 1812 г., во втором отделе — письма генерала Ермолова и Уварова, переписку об аэростате Леппиха.

Выпуск десятый. СПб., 1899. XV, 496 с. Второй отдел включает материал: Отечественная война в донесениях и рапортах главных начальников (Кутузова, Витгенштейна, Чернышева и др.).

Выпуск одиннадцатый. СПб., 1901. XII, 510 с. Отдел второй включает продолжение выпуска десятого: Отечественная война в донесениях и рапортах главных начальников (Баркляя-де-Толли, Платова, Тормасова и др.), дерзкие слова против высочайших особ и поклонение Наполеону.

Выпуск тринадцатый. СПб., 1906, 367 с. Отдел первый (с. 206) представляет собой журнал военных действий во время войны с Францией в 1812 г. и некоторые донесения с 2 сентября 1812 г. по 28 мая 1813 г. и с 30 июля по 27 сентября 1813 г. (события после оставления действий, контрнаступление Кутузова и первый период заграничного похода).

Сборники содержат публикацию документов без всяких к ним комментариев и представляют несомненный интерес для исследователя.

159. Известия о военных действиях российской армии против французов 1812 года. СПб., 1818. 339 с.

Книга представляет собой сборник официальных известий (публикаций, донесений и т.п.), написанный в виде дневника военных действий. Может служить первоисточником при изучении войны 1812 года.

160. *Горяинов С.* 1812 г. Документы Государственного и С. Петербургского Главных архивов. СПб.: Изд. Мин. иностр. дел, 1912. 562, 184 с.

В книге имеются две части. Первая часть представляет перечень (опись) хранящихся дел и документов, вторая часть

содержит подлинные документы (значительная часть из них на французском языке). Во второй части историк войны 1812 года сможет найти интересные данные.

161. Журнал исходящим бумагам канцелярии Московского генерал-губернатора графа Ростопчина с июня по декабрь 1812 года. М., 1908. 209 с.

Книга представляет собой не простой журнал исходящим бумагам, а дает содержание этих документов. При изучении войны 1812 года, особенно в части тыловой организации, формировании ополчения и команд пополнения, книга представляет большой интерес.

162. *Ростопчин*. Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 году. С приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании в разных сражениях до вступления в Москву. М., 1813. 30 с.

Ростопчин опубликовал рапорты французского генерал-штаба (главного штаба), найденные у правителя военной канцелярии начальника штаба Бертье. В документах приведены потери главной армии Наполеона, кончая Бородинским сражением. Материал требует критической проверки, но в целом является весьма любопытным первоисточником.

163. *Слухоцкий Л.Л., Соболев А.А.* Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отечественная война и кампания 1813–1815 гг. СПб., 1912. 389 с. (Предисловие написано инспектором Сенатского архива И.А. Блиновым.)

Сборник представляет собой опись документов, с краткой к ним аннотацией. Может служить справочным материалом.

164. Отечественная война 1812–1815 гг. Донесения с театра войны. Б/г. 422 с.

Сборник подлинных донесений и приказов. Может служить первоисточником.

165. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов / Под ред. С.Н. Голубева и полковника Ф.Е. Кузнецова // Главное архивное управление НКВД СССР. Русские полководцы. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1945. 279 с., 1 порт. и 1 карта вкл.

Сборник документов о боевой деятельности выдающегося русского генерала П.И. Багратиона охватывает период начиная с итальянского похода 1799 года и кончая днем смерти генерала в 1812 г.

Во введении к сборнику дана сжатая характеристика той роли, которую играл Багратион в истории русского военного искусства. (Ошибочно указана дата рождения Багратиона: 1765 г., а не 1768 г., как указано во Введении.)

Критика, отмечая положительное значение опубликованного сборника, указала на ряд следственных недочетов в публикации документов и их подборе, на неточности при указании дат и имен, особенно в приложенных указателях, и другие ошибки (см.: Вопросы истории. 1946. № 8–9; Военный вестник. 1946. № 7–8; Военная мысль. 1946. № 4; Красная звезда. 1946. № 62 от 13 марта).

Кампании 1805 года посвящено два документа (с. 36–41). К сожалению, из двух документов один (№ 6) опубликован с ошибочным заголовком. Этот документ относится к периоду перед Аустерлицким сражением, а не к периоду Ульмской операции. Войне 1808–1809 гг. в сборнике посвящено 5 документов (с. 41–59).

Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. в сборнике посвящено 37 документов (с. 59–124) и 1 сх. в тексте.

Отечественной войне 1812 года в сборнике посвящено 94 документа (с. 130–148) и 1 вкл. карта. На карте допущена грубая ошибка: Бородинский бой произошел, как всем известно, 26 августа (ст. ст.) или 7 сентября (н. ст.), а не 7/19 сентября, как указано на карте.

166. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов/Ред. Н.М. Коробков, проф. // Главное архивное управление МВД СССР. М., Госполитиздат, 1947 (см. № 422).

Отечественной войне 1812 года в сборнике посвящено во 2-м разделе 100 документов.

167. Предтеченский А.В., проф., Васильев А.И., Фраткин Б.Б. Отечественная война 1812 г. Сборник документов и материалов/Под ред. акад. Е.В. Тарле, проф. А.В. Предтеченского, канд. ист. наук Е.И. Бочкаревой. М. — Л.: АН СССР, Ленингр. Отдел, 1941. XXVII, 199 с., 22 вкл. иллюстр.

Сборник представляет собой выборочную перепечатку документов (ссылки указаны). Он разделен на 22 главы по этапам войны. Многие документы даны неполным текстом.

168. *Ахлестышев Д. П.* Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-й Западной Армией генерала от кавалерии А. П. Тормасова. СПб., 1912. VIII. 722 с.

Труд представляет собой сборник документов, извлеченных из семейного архива и впервые опубликованных. Ценность сборника заключается в том, что документы дают новый материал по 1812 году для уяснения действий 3-й армии (Обсервационной), о которой в трудах по истории войны очень мало сказано.

Сборник разделен на два отдела. В первом сосредоточены письма, предписания и т. п. документы, а во втором — журнал о движениях войск 3-й Западной армии, известия с австрийской границы, списки генералов и офицеров 3-й армии.

169. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. XXXVII. Вильна, 1912. L, 544 с., 2 вкл. карты и ряд снимков автографов русских и французских военных деятелей.

Сборник представляет собой в большинстве неопубликованные архивные материалы.

Он разделен на 8 разделов: 1. Приказы по армии; 2. Рапорты, донесения и распоряжения начальников отдельных отрядов русской армии; 3. Списки отличившихся и награжденных знаком военного ордена; 4. Распоряжения русских властей по гражданской части; 5. Сведения о монастырях и церквях, потерпевших от неприятельского нашествия; 6. Распоряжения временного французского правительства (почти две трети всех документов сборника); 7. Официальные письма французских генералов и офицеров; 8. Разные документы.

Иностранные документы на русский язык не переведены.

Обстоятельное предисловие к сборнику написано членом комиссии А. Бруцевичем.

170. *Бескровный Л. Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М.: Воениздат, 1947.

К Отечественной войне 1812 года относятся документы 11-й главы (с. 311–400).

Критика отметила, что данная глава — одна из лучших в сборнике. Здесь собран разнообразный материал, освещающий различные этапы войны 1812 года. К недостаткам труда критика отнесла: неполное освещение маневра на Березине, отсутствие документов по 1813–1815 гг., хотя заграничный поход явился естественным продолжением войны 1812 года, и др.

Одним из серьезных недостатков сборника является неполнота помещенных документов, неточная передача текста (не по подлинникам, а по печатным изданиям).

171. *Бескровный Л. Г.* Атлас карт и схем по русской военной истории. М.: Воениздат, 1948.

К войне 1812–1815 гг. относятся карты и схемы от 45 до 58 вкл.

172. *Михайлов П. В., Рецков Н. Н.* Смоленская старина. Юбилейное издание Смоленской ученой архивной комиссии. 1812–1912. Вып. II. Смоленск, 1912. VIII, 421; XVIII, 19 вкл. илл.

В данном сборнике собраны материалы (документы, воспоминания, дневники), относящиеся к Отечественной войне 1812 года. Как известно, Смоленская губерния подвергалась нашествию врага и дважды на ее территории шли ожесточенные бои. Поэтому материалы сборника представляют интерес, так как являются первоисточниками для описания различных событий 1812 года, но, к сожалению, авторы сборника некритически подошли к некоторым сообщаемым ими документам.

173. *Татищев Ю. В.* Вильна и литовские губернии в 1812–1813 гг. Вильна, 1913. 128, 355 с., вкл. илл. картой и таблицами. (Отдельный оттиск из книги пятой Виленского временника.)

Работа состоит из двух частей. Первая часть является обзорной статьей автора (128 с.), вторая состоит из публикации документов архива Управлений Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора.

Книга представляет несомненный интерес для характеристики внутреннего положения в литовских губерниях при нашествии Наполеона в 1812 г.

174. Коробков Н.М., проф. Из боевого прошлого русской армии. Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. М.: Воениздат, 1947.

Отечественной войне 1812 года посвящена глава VI (документы № 48–105).

175. Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. М.: Госполитиздат, 1942. 62 с.

Книга представляет собой сборник наиболее значительных материалов и документов об участии донского казачества в войне 1812 года. Часть документов впервые опубликована в печати.

176. Управление генерал-интенданта Канкрин. Генеральный сокращенный отчет по армиям (кроме Польской и резервной) за походы против французов 1812, 1813 и 1814 годов. Варшава, 8/17 марта 1815. 190 с.

Официальный отчет по финансированию, организации и работе тыла русской армии. Представляет несомненный интерес для военного историка войн 1812–1814 гг.

177. Кияновский М. (М. К.) К истории войны 1812 года. Из бумаг графа Канкрин // Военный сборник. Раздел: Русская военная старина. 1904. №3. С. 251; №6. С. 165; №7. С. 179; 1905. №1. С. 167; №2. С. 155. С. 169; №6. С. 180; №9. С. 189; 1906. №11. С. 221.

Публикация без комментариев документов о снабжении русской армии в июне 1812 г. Наиболее значительный интерес представляют документы, относящиеся к снабжению продовольствием 1-й армии (можно установить численный состав), и документы, характеризующие злоупотребления по интендантской части.

178. Чего стоила война с французами 1812, 1813 и 1814 гг. (Из подлинного отчета главнокомандующего Барклая-де-Толли 24 марта 1815 г.) // Русский архив. 1874. Т. II. С. 375.

Интересный финансовый отчет о стоимости войны.

179. Харкевич В.И. Наставление господам пехотным офицерам в день сражения // Военный сборник. 1902. Кн. 7. С. 238–244.

Публикуется текст «Наставления». Этот документ содержит ряд весьма ценных указаний по воспитанию и боевой подготовке войск перед Отечественной войной 1812 года и явил-

ся результатом длительного боевого опыта русских войск в начале XIX в.

180. *Холодковский И.М., Годлевский Н.Н.* Нумизматические памятники Отечественной войны. Описание медалей и жетонов 1812–1912 гг. СПб., 1912. 128 с., 2 вкл. таблицы.

Юбилейное издание, включающее в себя 130 рисунков медалей и жетонов.

181. *Геккель А.И.*, генерал-майор. Трофеи войн 1812, 1813, 1814 годов, хранящиеся в Казанском соборе. СПб., 1909. 44 с., 85 рисунков на отд. листах.

Как известно, Казанский собор в Петербурге был местом погребения М.И. Кутузова и стены собора были украшены трофеями русских войск.

182. *Ашик В.А.* Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I. Снимки памятников, медалей и гравюр. СПб., 1911. 393 с., с илл. в тексте.

Материал труда Ашика может быть использован военными историками в дополнение официальных документов и для иллюстрации новых исследований.

183. *Дубровин Н.Ф.*, член-корр. АН. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.). СПб., 1883. XXIV, 533 с.

В сборнике военный историк найдет большое количество писем различных военных деятелей эпохи 1812–1815 гг., которые могут служить интересными документами, характеризующими военные действия и действовавших лиц.

184. *Сообщил Опочинин С.К.* Архив князя М.И. Кутузова-Смоленского. Переписка 1812–1813 гг. // Русская старина. 1872. Т. V. Кн. 3 и 5; 1874. Т. X. Кн. 6.

Переписка содержит в себе письма к жене и дочери К.М. Тизенгаузен-Хитрово и представляет интерес содержанием взглядов Кутузова на войну 1812–1813 годов. Следует, однако, учесть, что содержание некоторых писем предполагает перлюстрацию их агентами царя.

185. *Ассонов В.* Письма кн. Кутузова-Смоленского к калужскому городскому голове И.В. Меньшому-Турубчеву в 1812–13 гг. Калуга, 1912. 31 с. 1 портрет.

Приводится ряд писем Кутузова, очень важных для понимания его решения на развертывание контрнаступления. Письма сопровождаются обстоятельными комментариями.

186. Из писем князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского к его дочери П.М. Толстой. 1812 год // Русский архив. 1891. Кн. I. С. 302.

В письмах к дочери М.И. Кутузов дает свое мнение о военных действиях.

187. Письма из эпохи 1812–1815 гг. // Русский архив. 1871. С. 149, 154, 156, 161.

Публикация писем Кутузова, Барклая-де-Толли, Платова, Ростовчина и др. дает интересный материал как для характеристики авторов, так и для освещения их отношений к событиям, а также для выявления некоторых фактических данных.

188. Письмо Н.М. Лонгинова в Лондон к графу С.Р. Воронцову 13 сентября 1812 г. // Русский архив. 1882. Т. II. Кн. 3. С. 177.

Письмо представляет интерес довольно строгими характеристиками Кутузова, Барклая-де-Толли, Багратиона и др.

189. Письмо гр. Толя к П.Д. Бутурлину (от 12 августа 1824 г.) // Русский архив. 1873. С. 413.

Письмо написано по поводу появившихся в заграничных трудах характеристик Толя, бывшего генерал-квартирмейстера при Кутузове, написанных Бернгарди и др., в ущерб самому полководцу Кутузову. Толь восстанавливает истину в отношении к нему Кутузова.

190. Тимощук В. Записки графа Л.Л. Беннигсена. О кампании 1812 года // Русская старина. 1909. Апрель. С. 211–218; Июнь. С. 507–526; Июль. С. 100–117; Сентябрь. С. 491–522; Ноябрь. С. 358–376; Декабрь. С. 619–642.

Автор записок — небезызвестный интриган Беннигсен. Записки из 12 писем, адресованных ген. Фон. В своих письмах-записках автор критикует план Фуля, критикует Толя и Барклая-де-Толли и особенно нападает на М.И. Кутузова. Автор выдвигает на первый план свою фигуру, рассчитывая, что его письма могут быть прочитаны придворным окружением царя, а может быть, и самим царем. В письмах автор умалчивает о причинах своего разрыва с Кутузовым,

ибо это вынудило бы его рассказать о сети интриг, которую он и его друг англичанин Вильсон плели вокруг великого полководца.

191. *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г./Пер. с франц. с прим. П.М. Майкова. Киев, 1912. XVI. 152 с., 1 л. карт. (Приложение к журналу «Военно-исторический вестник», 1912. Кн. 3 и 4.)

Генерал Беннигсен, типичный иностранец на русской службе, снискал себе печальную память интригами против Кутузова. Письма его представляют интерес для подлинной характеристики самого автора, как ни старался П.М. Майков своими примечаниями возвеличить личность Беннигсена.

192. *Майков П.* К биографии графа Л.Л. Беннигсена // Военный сборник. 1905. №3. С. 35–52; №4. С. 27–42; №5. С. 1–22; №6. С. 27–42; №7. С. 23–38; №8. С. 29–44; №9. С. 25–36; №10. С. 25–38; №11. С. 27–42; №12. С. 29–44.

Статьи представляют собой опыт биографии Беннигсена на основе его записок и переписки, найденной в архивах. Автор стремится дать положительную оценку своему герою и поэтому впадает в противоречие с действительным ходом событий. В основном статьи содержат письма Беннигсена и различных лиц к нему в 1812–1814 гг.

193. *Харкевич В.И.* К истории 1812 г. Письма Барклая-де-Толли императору Александру от начала военных действий до отъезда государя из армии // Военный сборник, 1906. Кн. 3. С. 191–198; кн. 4. С. 219–232; кн. 5. С. 251–260; кн. 6. С. 227–238; кн. 7. С. 175–184; кн. 8. С. 161–168; кн. 9. С. 221–226.

Письма являются дополнением к официальным документам и являются донесениями Барклая-де-Толли царю.

194. *Харкевич В.И.* Переписка императора Александра и Барклая-де-Толли в Отечественную войну после оставления государем армии // Военный сборник, 1903. Кн. 11. С. 241–262; кн. 12. С. 219–230; 1904. Кн. 1. С. 217–242.

Приводится французский текст писем и их русский перевод с 14 июля 1812 г. по 22 января 1813 г. (включены в книгу автора, изданную в 1904 г. под названием «Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском») (см. №230).

195. *Гастфрейнд Н.* Изображение военных действий 1812 года. Сочинение Барклая-де-Толли. Кроме того, рескрипты, письма и другие документы, относящиеся до 1812 г., а также выписка из письма купца Чиликина о пребывании французов в Москве. СПб., 1912. 107 с.

Книга представляет собой сборник очень интересных документов 1812 г., хранившихся в личном архиве автора. Особый интерес представляют докладная записка Барклая-де-Толли Александру I с описанием всего хода военных действий, до отъезда автора записки из армии, письма-донесения генерала Ермолова, рескрипты Кутузову, письма и донесения Кутузова и др.

196. *Соколовский М.К.* Материалы по истории Отечественной войны // Военный сборник, 1904. Кн. 4. Раздел: Русская военная старина. С. 185–192; кн. 6. С. 161–164.

Автор публикует ряд документов Лефортовского архива. Среди них — рапорт Кутузова об отличиях Беннигсена и Барклая-де-Толли в день Бородинского сражения, инструкции генералу Торماسову, приказы генерала Багратиона, показания пленных и др.

197. *Кабанов В.* Инженерные войска в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1939. № 4. С. 125–132.

В материалах о войне 1812 года сравнительно незначительно освещен вопрос о деятельности инженерных частей. Данная статья содержит в себе небольшую вводную часть и публикует три документа Центрального Государственного архива народного хозяйства в Ленинграде.

198. *Жерве В.* Герои-солдаты в борьбе русского народа с Наполеоном. М.: Изд-во Сытина, 1912. 24 с. с илл. в тексте.

Небольшая брошюрка, повествующая о подвигах русских солдат в войнах с Наполеоном в 1812–1814 гг. Хотя работа не носит документального характера, но описываемые в ней подвиги взяты из реальной действительности и только облечены автором в форму рассказов.

199(а). Стрельский В. Отечественная война 1812 г. и Сибирь; (б) Дулов В. К участию Сибири в Отечественной войне 1812 года.

Обе статьи опубликованы в «Историческом журнале», 1942, № 3–4. С. 82–89.

Работы написаны по неопубликованным материалам фонда Сибирского генерал-губернатора и Исторического архива Иркутской области. Патриотическое движение в Сибири отражает инициативу и роль русского народа в организации борьбы с интервенцией Наполеона даже на далекой окраине.

200. *Голубцов Н.А.* 1812 г. в Архангельской губернии. Архангельск: Изд. Архан. губ. статист. комитета, 1912. 142 с., 1 вкл. портрет.

Книга делится на две части. В первой автор описывает внутреннюю жизнь Архангельской губернии в 1812 г., во второй печатает материалы из архивов.

Для характеристики внутреннего состояния России в 1812 г. работа представляет несомненный интерес.

201. *Хованский Н.Ф.* Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. Саратов: Изд. Саратовской ученой архивной комиссии, 1912. 296 с., 22 рис.

Книга представляет собой сборник документов и других материалов о 1812 г. Саратовская губерния в то время была глубоким тылом, однако война отразилась и на ней. При изучении внутреннего состояния России в 1812 г. работа Хованского представляет некоторый интерес.

202. *Аглаимов С.П.* Отечественная война 1812 года. Исторические материалы Лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912. 559 с. 21 вкл. илл. и карты.

Сборник состоит из трех разделов: первый — дневник офицера полка, капитана Пущина, за 1812 г.; второй — материалы архива полка за 1812 г.; третий — приложения (письма, записки и списки офицеров и солдат и т.п.).

Хотя сборник имеет целевое назначение — отметить участие Семеновского полка в походе 1812 года, тем не менее он представляет и общий интерес для историка войны 1812 года.

203. *Беляев В.* К истории 1812 года. Письма маршала Бертье к принцу Евгению-Наполеону Богарне, вице-королю Итальянскому. СПб., 1905. С. 93, 188, 5; также см.: Военный сборник.

1905. Кн. 1. С. 1–30; кн. 2. С. 1–24; кн. 3. С. 1–34; кн. 4. С. 1–26; кн. 6. С. 1–25; кн. 7. С. 1–22; кн. 8. С. 1–28; кн. 9. С. 1–24; кн. 10. С. 1–24; кн. 11. С. 1–26; кн. 12. С. 1–28.

Документы — письма Бертье — представляют несомненный интерес для военного историка войны 1812 года. Письмам предпослана серьезная статья автора на 93 страницах. Документы приведены на французском языке и дан их перевод на русский язык.

204. *Богданович М.И.* Письма адмирала Чичагова к императору Александру I // Сборник русского исторического общества. Т. 6. СПб., 1871. С. 1–73.

Автор собрал и перевел на русский язык переписку Чичагова и одно письмо Александра I к нему. Письма приведены на французском и русском языках и охватывают период июль — ноябрь 1812 г.

205. Список всех корпусов, составлявших большую французскую армию, при начатии войны с Россией; список потерь французской армии от сражения при Витебске до битвы при Бородине // Сын Отечества. 1813. Ч. III. Кн. 6. С. 257–279.

Опубликован материал, найденный в бумагах взятого в плен французского офицера-адъютанта маршала Бертье.

206. Переписка Наполеона I с начальником артиллерии великой армии в 1809, 1810, 1811 и 1812 годах // Артиллерийский журнал. 1859. Кн. 1. С. 60–121; кн. 2. С. 225–253.

Интерес представляют указания Наполеона, относящиеся к походу 1812 года. Заканчивается публикация выходом французов из Москвы.

206(а). *Норов А.С.* Война и мир (1806–1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. По поводу сочинения графа Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб., 1868. 58 с.

Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) был незначительным писателем и государственным деятелем. В 50-х гг. XIX в. Норов был министром народного просвещения либерального направления, но малоэнергичным, и потому его благие намерения оставались зачастую невыполненными.

Интересная работа современника событий и участника Отечественной войны. Военный историк найдет в книге не только справедливую критику военно-исторической стороны ро-

мана Толстого «Война и мир», но и ряд интересных дополнений к истории войн 1805 и особенно 1812 года. Автор участвовал в Бородинском сражении и в своей работе уделил достаточно большое внимание этому сражению, а также участию в нем гвардейской артиллерии.

5.3. Причины войны и подготовка к ней обеих сторон

207. Отечественная война 1812 года. Материалы военно-ученого архива генерального штаба. Отдел 1. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. СПб.: Изд. Гл. Штаба — Гл. упр. Генштаба.

Т. I, ч. 1 — 1900. XIX, 120, XV; ч. 2 — 1900. XII, 349. XXXVII с. Подготовка к войне в 1810 г.

Т. II — 1901. XI, 357. L. 1 с. Подготовка к войне в 1811 г. (январь — май).

Т. III — 1902. XII, 379. XL IV с. Подготовка к войне в 1811 г. (май — июль).

Т. IV — 1903. XII, 379. К/XI с. Подготовка к войне в 1811 г. (июль — август).

Т. V — 1904. XV, 341. XXX с. Подготовка к войне в 1811 г. (сентябрь — октябрь).

Т. VI — 1905. XI, 351. XXVI. Подготовка к войне в 1811 г. (ноябрь).

Т. VII — 1907. XIV, 342. XXXV с. Подготовка к войне в 1811 г. (декабрь и документы без дат).

Т. VIII. 1907. IX. 176. XXXII с. Подготовка к войне в 1812 г. (январь).

Т. IX. 1908. X. 192. XVI. Подготовка к войне в 1812 г. (февраль).

Т. X. 1908. XV. 277. XL II с. Подготовка к войне в 1812 г. (март).

Т. XI. 1909. XXI, 415, XL. V с. Подготовка к войне 1812 г. (апрель).

Т. XII. 1909. XXIII. 318 XXXVIII с. Подготовка к войне в 1812 г. (май).

Сборники включают весьма ценные документы. Документы приведены на русском и французском языках. Первые два

тома изданы под ред. полк. (генерал-майора) Мышлаевско-го. (Продолжение сборников см. № 151.)

208. Молок А., проф. Империя Наполеона накануне войны 1812 г. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1938. № 19. Т. IV. С. 59–77.

Статья представляет собой доклад, прочитанный на публичном заседании кафедры истории нового времени исторического факультета ЛГУ 18 декабря 1937 г. Автор статьи вскрывает корни непрочного внутреннего положения империи Наполеона и показывает авантюризм его планов перед началом войны 1812 года.

209. Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. XIV. 115 с.

Авторы были заражены взглядами американца Мэхена и под влиянием этих взглядов писали свою работу. Положительной стороной труда является то, что авторы подчеркивают значение внутренней экономической политики в борьбе между Наполеоновской Францией и царской Россией. Историк войны 1812 года может найти в этом труде обобщенный фактический материал.

210. Попов А.Н. Сношения России с иностранными державами перед войной 1812 года Т. I. М., 1905. VI. 502 с., 1 портрет автора. (Отечественная война 1812 года.)

Серьезное историческое исследование историка и государственного деятеля. Автор основательно изучил и обработал архивные материалы, прежде чем написал свой труд. Историк войны 1812 года обязательно должен ознакомиться с данным трудом.

211. Пичета В. Причины Отечественной войны. Исторический очерк. М.: Польза, 1912. 80 с. (Универсальная библиотека № 658).

Автор в небольшой по объему брошюре дает анализ причин, которые привели к Отечественной войне. Основное внимание автор уделил континентальной системе и ее влиянию на разрыв между Россией и Францией.

212. Середонин С.М. Политические причины войны 1812 г. СПб., 1913. 32 с. (Отдельный оттиск из II тома записок Разряда военной археологии и археографии русского военно-исторического общества.)

Брошюра представляет собой доклад, прочитанный на заседании русского исторического общества 12 марта 1912 г. Автор разбирает взгляды различных историков на причины войны 1812 г. и дает свое суждение по этому вопросу.

213. *Андреанов П.* Преддверие великой годовщины. Борьба России с Францией до Отечественной войны. Одесса, 1911. 85 с., 5 вкл. рис.

Автор поставил перед собой задачу в одном очерке обрисовать взаимоотношения России с Францией на грани XIX в. и в его начале. Одновременно автор дает характеристику состояния вооруженных сил от Петра I. Из военных столкновений с наибольшей подробностью описаны кампании 1799 года, Швейцарский поход 1805 года, 1806–1807 годов, 1809 года.

К войне 1812 года непосредственное отношение имеют главы: Причины войны 1812 года; Силы и средства сторон; Настроение русского народа и русской армии перед вторжением Наполеона.

Конспективное изложение в небольшой по объему книге всех намеченных автором вопросов снижает ценность этого по плану хорошо задуманного труда. Что касается мировоззрения самого автора, то оно не выходит за рамки его религиозно-монархических взглядов.

214. *Ефимов Д.И.* Отношения императоров Александра I и Наполеона I перед началом Отечественной войны 1812 года (1810–1812 гг.). СПб., 1878. 37 с.

Небольшая брошюра, написанная на основании ряда дипломатических документов, была прочитана как доклад во 2-м военном Константиновском училище. Военный историк может использовать материал брошюры для характеристики дипломатических отношений перед войной 1812 года.

215. *Апухтин А.Н.* Накануне Отечественной войны // Военно-исторический сборник. 1913. №2. С. 141–156; №3. С. 107–120.

Автор статьи рассказывает о дипломатической борьбе с Наполеоном I, мерах, принимавшихся обеими сторонами по подготовке войны.

216. *Военский К.* Наполеон и его маршалы в 1812 году. М.: Изд-во Сытина, 1912. 95 с., с илл. в тексте.

Автор поставил себе целью написать работу по оценке военачальников французской армии не с точки зрения английских и немецких писателей, которая, по мнению автора, «в корне лживая», а с точки зрения восстановления событий в реальном, объективном и научном освещении, относясь к бывшим врагам правдиво и беспристрастно. В результате автор написал короткие очерки о 14 военачальниках французских войск во главе с Наполеоном. Материал может служить справочником при изучении войны 1812 года.

217. *Симанский П.* Перед войной 1812 года. Характеристика французских и русских генералов // Военный сборник. 1906. Кн. 1. С. 1–32; кн. 2. С. 1–24.

Статья содержит два интересных документа: один написан кем-то из состава французского посольства при русском правительстве, второй — А.И. Чернышевым. Оба документа представляют интерес для понимания действий войск, возглавляемых указанными в списках генералами. Конечно, характеристики односторонние и далеко не полные.

218. *Симанский П.* Перед войной 1812 года. Описание качеств и способностей русских генералов. СПб., 1906. 45 с. (Отдельный оттиск журнала «Военный сборник». 1906. Кн. 1 и 2.)

Подзаголовок брошюры не соответствует ее содержанию, так как в ней дана характеристика не только русских, но и французских военачальников (см. № 217).

219. Отечественная война 1812 года. Отдел II. Бумаги, отбитые у противника. Т. I. Исходящая переписка маршала Даву / Ред. В.И. Харкевич, генерал-майор Генштаба. СПб.: Изд. военно-ученого архива Гл. штаба, 1903. XXXVIII. 336. XXVI с.

Сборник служебной переписки маршала Даву, отбитой русскими войсками в 1812 г. Письма приведены на французском языке. Переписка охватывает период с 14 октября по 31 декабря 1811 г. и связана с подготовкой Наполеоном I похода против России. К сожалению, издание подобных сборников документов прервалось со смертью В.И. Харкевича и до сих пор не возобновлялось.

219(a). *Шеманский А.* Причины Отечественной войны с экономической точки зрения (очерк) // Интендантский журнал. 1912. № 11. С. 38–53.

Автор статьи — известный дореволюционный военный писатель. В своей работе, основанной на опубликованных трудах русских и иностранных историков, автор указывает, что «экономические причины были главным двигателем этой борьбы», далее он пишет, что Франция (надо иметь в виду — буржуазия Франции) «в военном гении Наполеона видела только средство к своему обогащению, она учитывала в этом громе славы будущий звон колониальных доходов». Автор подчеркивает, что «забота о кармане иностранцев, пренебрежение русских интересов (интересов русских помещиков и торговцев) заставила петербургских вельмож роптать на согласие правительства принять для России континентальную систему Наполеона. Автор говорит, что помещики России, чтобы покрыть свои убытки в торговле, увеличили оброк на крестьян. Словом, «экономические причины согласия и несогласия с Наполеоном почувствовал и ротный котел, и солдатские штаны, и горб землероба — крестьянина — пахаря, и ремесленника».

Заканчивает автор свой очерк словами, что причины Отечественной войны, как и всякой войны, кроются в экономических отношениях сторон.

219(б). *Беляев В.* Начало войны 1812 года (апрель — июнь) // Военно-исторический сборник. 1912. Кн. 2. С. 69–96.

На основе различных трудов, привлекая архивные документы, автор описал действия в начальный период войны 1812 года. В статье приведены документы — письма Барклая-де-Толли, Багратиона и др., показывающие, каких оперативных взглядов придерживалось высшее командование русских войск.

219(в). *Алухтин А.Н.* Наполеон и Александр I // Военно-исторический сборник. 1912. Кн. 2. С. 97–120.

Автор, на основе труда Альберта Вандаля «Наполеон и Александр I», написал статью о политических и прочих взаимоотношениях двух правительств — французского и русского, направление деятельности которых определяли оба императора.

219(г). *Новацкая М.* Накануне войны 1812 года / Пер. с польск. // Военно-исторический сборник. 1912. Кн. 1. С. 181–186.

Приводится разговор между Наполеоном и герцогом Веймарским практически накануне войны 1812 года о военных и политических приготовлениях к походу.

5.4. Первый период войны (до отхода 1-й и 2-й армии к Бородинскому полю сражения)

220. Харкевич В.И. Война 1812 года от Немана до Смоленска. Вильна: Изд. Ник. Ак. Ген. штаба, 1901. V. 240. IV. III с. Атлас карт и схем (II).

Автор начинает свое исследование с причин войны и подготовки сторон. Содержание книги — отредактированные лекции для старшего курса Академии Ген. Штаба. Работа написана с использованием материалов, но более поздняя публикация Гл. Штабом сборников документов требует дополнений и исправлений данного солидного труда.

221. Бонналь, генерал. Виленская операция. Современное военное искусство в стратегии Наполеона с января 1811 г. по июль 1812 г./Пер. полк. Генштаба Иностранцева. СПб.: Изд. Общества ревнителей военных знаний, 1909. 63 с. 10 вкл. схем.

Хотя данный труд является переводом с французского, однако представляет собой весьма интересное для военного историка описание подготовки к войне со стороны Наполеона, его план войны и критический разбор причин, почему планы Наполеона не удались.

222. Иностранцев М., полковник Генштаба. Отечественная война 1812 года. Операция 2-й Западной армии князя Багратиона от начала войны до Смоленска. СПб.: Изд. Ник. Воен. Ак., 1914. XXVI. 603 с., 25 сх. в отд. конверте.

Работа автора заполнила брешь в военно-исторической литературе по действиям 2-й армии в начальный период войны. Труд построен на тщательном изучении документов и опубликованных работ по 1812 году. В предисловии автор указал, в каком объеме и что именно он мог использовать из опубликованных сборников документов. Там же он дает краткий критический разбор некоторых опубликованных работ. В приложении приведены наиболее существенные документы. Фактический материал труда не

потерял своего значения и для современного военного историка.

223. *Колюбакин Б.М.*, генерал-лейтенант, засл. ордин. проф. Война 1812 г. Бородинская операция и Бородинское сражение (три тома) // Труды русского военно-исторического общества. Т. V, VI и VII. СПб., 1912. Т. V — кн. 1 (Действия с 8 по 15 августа 1812 г.). VII. 315 с., со схемами; т. VI — кн. 2 (Документы, относящиеся ко всей операции). I, 114 с.; т. VII. кн. 3 (Действия с 17 по 23 августа 1812 г.). VII, 284 с., со схемами.

Весьма солидный, единственный в своем роде труд, в котором дана запись событий и их анализ за каждый день. Работа Колюбакина в значительной мере может заменить архивные первоисточники.

Автор очень удачно показывает, как постепенно обе армии, русская и французская, приближались к генеральному сражению, в каком они находились состоянии и какие планы зарождались у полководцев. Остается только сожалеть, что работа не завершилась днем 26 августа 1812 г., а только вплотную подводит к этому знаменательному дню русской истории.

Весьма обстоятельную, даже придирчивую рецензию на эту работу дал проф. Банов А.К. См.: Записки Академии наук (по ист. филолог. отд.). Т. XII. № 8. Петроград, 1916.

224. *Колюбакин Б.М.* 1812 год // Русская старина. 1912. Т. 150. Июнь. С. 467–476; Т. 151. Июль. С. 3–32; Т. 152. Август. С. 258–281.

Автор рассматривает три этапа начального периода войны. Первый этап — «последние дни командования Баркляем 1 и 2 западными армиями», второй — от приезда Кутузова до отхода к Бородину, третий — Бородинское сражение.

Серьезное исследование, в котором автор делает много критических выводов и заключений.

225. *Скугаревский.* 1812 г. от начала войны до Смоленска включительно. Казань, 1898. 171 с., 14 вкл. сх. и карт (Практические приемы изучения военной истории).

Автор решил построить изучение военной истории не по методу изложения событий лекционным курсом, а по методу самостоятельной проработки практическим приемом исторического материала. Не оспаривая метода автора, следует

отметить, что его труд является хорошим пособием при изучении начального периода Отечественной войны 1812 года. В приложении даны: Перечень более известных сочинений о войне 1812 года с краткой характеристикой их; Терминология стратегии с пояснением военных терминов; Значение изучения войны 1812 года (вступительная лекция в военных училищах) и Состав войск обеих сторон.

226. *Поликарпов Н.П.*, полковник. Боевые действия арьберггардов 1-й и 2-й западных армий на большой Московско-Смоленской дороге с 9 по 17 августа 1812 года. М., 1911. 55 с. и 1 вкл. карта. (К истории Отечественной войны 1812 года. Забытые и не описанные военной историей сражения Отечественной войны 1812 года, вызвавшие своим ходом решительное (генеральное) сражение 26 августа 1812 года при селе Бородине. Вып. I.); *Его же*. Боевые действия центрального арьберггарда (генерал-лейтенанта Коновницына) 1-й Западной армии, (генерала-майора графа Сиверса 1-го) 2-й Западной армии в Вязьме и дер. Шевардино с 17 по 24 августа 1812 г. М., 1911. 77 с. 1 вкл. карта. (К истории Отечественной войны 1812 года. Забытые и не описанные военной историей сражения Отечественной войны 1812 года, вызвавшие своим ходом решительное (генеральное) сражение 26 августа 1812 г. при селе Бородине. Вып. II.)

Автор поставил себе целью описать боевые действия периода отхода русских войск от Смоленска до Бородинского поля и этим дополнить существенный пробел в капитальных трудах по истории войны 1812 года, в частности в труде Богдановича. Автор привлек новые архивные материалы, и поэтому небольшая работа имеет серьезное значение для изучения войны в целом.

227. *Харкевич В.И.* Действия Платова в арьберггарде Багратиона в 1812 году. Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб., 1901. 40 с., 1 портрет, 4 вкл. схемы.

Интересная работа, освещающая действия русской конницы 2-й армии в 1812 г., в период отступления к Смоленску. Материал основан на документальных данных (часть из них дана в приложении). Эту же работу см.: Военный сборник. 1901. № 6. С. 1–40.

228. *Мирный В.А.*, капитан Генштаба. 1812 год. Отступление армий в 1812 году до Дриссы и Несвижа. Кавалерийские бои под Миром (историческое исследование). М., 1912. III. 84, II с., 1 вкл. карта. 3 схемы в тексте.

Автор исследовал период от начала войны до соединения армий в Смоленске, менее других освещенный в трудах по истории войны 1812 года. Автор пользовался не только опубликованными трудами, но и частично архивными материалами военно-ученого и московского архивов Главного штаба. Работа, хотя и небольшая по объему, но представляет известную ценность.

229. Действия князя Багратиона в 1812 году (из бумаг покойного В. Харкевича) // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 213–230; № 2. С. 173–192; № 3. С. 175–192; № 4. С. 71–84.

Автор Харкевич, видимо, подготавливал к печати исследование о действиях 2-й армии Багратиона до соединения с 1 армией в Смоленске. Работа представляет несомненный интерес, хотя материал в значительной мере использован в труде Иностранцева «Операция 2-й западной армии князя Багратиона» (см. № 222).

229(а). *Хрептович-Бутнев К.А.* Заметка о военных действиях в 1812 году в местности Новогрудского и Ошмянского уездов // Военно-исторический сборник. 1911. Кн. 4. С. 155–172.

Интересные фактические дополнения к известным трудам по истории войны 1812 года по действию 2-й Западной армии в период отхода начального этапа войны (вышел отдельный оттиск под тем же названием и в том же году).

230. *Харкевич В.И.* Барклай-де-Толли в Отечественную войну после соединения армий под Смоленском. С приложением переписки с императором Александром I. СПб., 1904. 96 с. 1 вкл. схема и 1 вкл. портрет.

Настоящий очерк имел целью показать одну из страниц деятельности генерала Баркляя-де-Толли и обстановку, при которой ему приходилось работать, его участие в Бородинском сражении и служба до отъезда из армии. Первоначально печатался в журнале «Военный сборник», 1904. Кн. 2. и 3.

Переписка Баркляя-де-Толли с Александром I была напе-

чатана автором в журнале «Военный сборник» за 1903 г. (см. № 194). Письма приведены на французском языке и дан их перевод на русский язык.

231. *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. VIII. 428 с., 14 планов и карт и 50 иллюстраций. (Юбилейное издание Смоленского губернского земства.)

Автор рассматривает военные действия 1812 г. в границах Смоленской губернии, поэтому события вне этих границ только упомянуты. Несмотря на условное разграничение военных действий, труд Вороновского представляет несомненный интерес для характеристики не только военных действий регулярной армии, но и народного ополчения, а также понимания внутренней стороны жизни населения в 1812 г. Труд написан на основе капитальных работ по истории войны, журнальных статей и архивных материалов Смоленских архивов и Сената (часть дана в приложении). В разделе втором автор дает историко-географический очерк Смоленска и области.

К недостаткам труда следует отнести в первую очередь то, что автор, как представитель дворянско-помещичьей касты, неверно показывает роль крестьянства в войне и подчеркивает руководящую роль дворянства.

232. *Цуриков П.Н.* От Смоленска до приезда Кутузова в армию // Русская старина. 1893. Т. 80, ноябрь. С. 341; декабрь. С. 497.

Статья подробно рисует состояние русской армии в начале войны и взаимоотношения между Барклай-де-Толли и Багратионом.

233. *Ф. В-на.* Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. // Русская старина. 1912. Т. 151, август, с. 172–207; сентябрь, с. 301–331; т. 152, октябрь, с. 108–135; декабрь, с. 631–652.

Автор подробно рассматривает события начального периода войны, взаимоотношения Барклая-де-Толли с Багратионом и Кутузовым. Отдельно описывается сражение под Смоленском. Автор критически подошел к событиям и указывает на ошибки сторон.

234. *Руднев И.Н.*, капитан Генштаба. Отечественная война 1812 года до Бородинского боя включительно / В сб.: Очерки из

русской военной истории, составленной Кольцовым С.А. Чтения для офицеров при Гренадерском корпусе. М.: Общество распространения полезных книг, 1887. Вып. 511. 24 с. 1 вкл. схема.

Статья является докладом о 1812 годе для офицеров Гренадерского корпуса и особенного интереса как своим изложением, так и выводами не представляет.

235. *Омельянович*. План Фуля. Этюд из истории Отечественной войны // Военный сборник. 1898. Кн. 2. С. 222–259.

Интересная, хотя и не всегда документально подтвержденная статья, приоткрывающая завесу над пресловутым планом Фуля — Вольцогена.

236. *Борисов В.* К вопросу о «Плане Фуля» // Военный сборник. 1898. № 4.

Возражения на статью Омельяновича (см. № 235).

237. *Воронов П.* Кто управлял русскими войсками в июне 1812 г., после переправы армии Наполеона через Неман // Русская старина. 1912. Т. 181. С. 145. Отд. изд. СПб., 1912. 21 с.

В статье помещен ряд документов, на основании которых автор пришел к выводу, что в июне 1812 г. высшее командование армией было в руках императора Александра I, следовательно, на нем лежит ответственность за этот период военных действий.

5.5. Бородинское сражение

238. *Энгельс Ф.* Бородино // Избранные военные произведения. М.: Воениздат, 1937. Т. I. С. 396–402.

Работа Ф. Энгельса была написана на основании непроверенных записок Толя, изданных Бернгарди в Германии, вследствие чего содержит ряд фактических неточностей и ошибок — как в оценке распоряжений Кутузова, так и в описании хода событий в целом. Исчерпывающую оценку взглядов Энгельса на Кутузова дал И.В. Сталин в своем ответе на письмо Е.А. Разина.

239. *Колюбакин Б.М.* 1812 год. Бородинское сражение 26 августа. СПб., 1912. 25 с., вкл. 1 план и 2 копии картин.

Небольшая, но серьезная работа. Многие высказывания автора звучат вполне современно.

240. *Колюбакин Б.* Бородинское сражение и подготовка поля сражения в инженерном отношении. Критико-историческое исследование. СПб., 1912. 57 с., 2 вкл. схемы.

Интересное исследование, которое сохраняет свое военно-историческое значение для современного историка. (Оттиск из «Инженерного журнала» за 1912 г. № 8.)

241. *Прунцов В. В.*, полковник. Бородинское сражение. Популярный очерк. М.: Воениздат, 1947. 71 с., 6 илл. и 1 вкл. схема.

Автор не преследовал цель дать подробное и новое исследование Бородинского сражения, а ставил перед собой значительно более узкую задачу: дать популярный очерк для массового военного читателя. В работе автор дает не только описание событий, но также свои замечания и выводы.

242. *Гарнич Н. Ф.*, генерал-майор. Бородинское сражение. М.: Правда, 1949. 31 с., 5 сх. в тексте. (Стенограмма публичной лекции, прочитанной 7 сентября 1948 г. в Центральной лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в г. Москве.)

Брошюра Гарнича содержит в себе краткое изложение событий Бородинского сражения и выводы автора, представляющие собой ценные мысли по оценке хода сражения.

243. *Павленко Н.*, капитан. Некоторые вопросы Бородинского сражения // Военно-исторический сборник. 1941. № 5. С. 22–44.

Автор статьи вначале дает критику существовавших в дореволюционной литературе взглядов на Бородинское сражение, а также критику взглядов некоторых советских историков. Пользуясь опубликованными материалами с добавлением новых данных военных архивов, автор дает в своей работе анализ военной и политической обстановки перед сражением, замыслы Кутузова и Наполеона, уточнение боевого распоряжения русских войск, тактические и стратегические результаты сражения. Статья помещена «в порядке обсуждения».

244. *Соколов В.* Стратегия и тактика Бородинского сражения // Исторический журнал. 1943. № 2. С. 62–71.

Автор справедливо критикует ряд военно-исторических работ, в которых умалялась роль Кутузова как организатора

и руководителя Бородинского сражения. Сопоставляя ряд свидетельств участников войны, дополняя их материалом архивными данными, автор пришел к выводу, что «бородинская операция Кутузова была первым этапом его стратегического плана в войне против Наполеона и вылилась в Бородинское сражение, в котором он развернул все свои творческие силы и огромный военный талант, искусно руководил сражением, расстраивая своими решениями все маневры Наполеона».

245. *Кац Б.* Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении // Исторический журнал. 1941. №7–8. С. 122–126.

На основе тщательного изучения архивных материалов и сличения их с опубликованными работами по Бородинскому сражению автор дает новые цифры потерь русской армии в Бородинском сражении — 42 438 человек, что может быть принято современными историками.

246. *Кац Б.* Численность и роль Московского народного ополчения в Бородинском сражении 1812 года // Исторический журнал. 1942. №8. С. 66–68.

Небольшая статья об одном спорном вопросе — участии Московского ополчения в Бородинском сражении (см. № 283).

247. *Яковлев В.*, воен. инженер, проф., заслуженный деятель науки и техники. Инженерное оборудование Бородинского поля сражения // Техника и вооружение. 1938. №10. С. 18–26.

Автор подробно описал значение и состояние укреплений на Бородинском поле сражения, выполненных русскими войсками, и кратко — укреплений, выполненных французами.

248. *Прочко И. С.*, генерал-лейтенант артиллерии. Русская артиллерия в Отечественной войне 1812 года // Артиллерийский журнал. 1945. №9. С. 11–20.

Статья обзорного порядка к 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова. Главное внимание в статье уделено участию артиллерии в Бородинском сражении.

249. *Ирицкий Е.* Русская артиллерия в Отечественную войну 1812 г. (Бородинское сражение) // Артиллерийский журнал. 1939. №6. С. 61–69, с илл. в тексте.

Небольшая статья, обрисовывающая участие русской артиллерии в Бородинском сражении. Указанные автором циф-

ры — 654 орудия у русских и 556 орудий у французов — неизвестно откуда взяты и не могут быть голословно приняты историками.

250. *Поликарпов Н.П.*, полковник. События на Бородинской позиции с 22 по 24 августа 1812 года. Правда о сражении 24 августа 1812 года при дер. Доронине и при дер. Шевардине. Забытое и не описанное военной историей сражение 25 августа 1812 года на Бородинской позиции в большом Утицком лесу. Канун сражения 26 августа 1812 года при селе Бородине. М.: Лукьянов, 1912. 125 с., 4 вкл. схемы.

(К истории Отечественной войны 1812 года. Забытые и не описанные военной историей сражения Отечественной войны 1812 г., вызвавшие своим ходом решительное (генеральное) сражение 26 августа 1812 года при селе Бородине).

Интересный материал, впервые опубликованный в печати, на основе архивных документов (ссылки имеются). В конце книги автор привел перечень объяснений, встречающихся в тексте военных терминов.

251. *Геруа А.* Бородино (по новым данным). СПб.: Изд. ред. журнала «Общество ревнителей военных знаний», 1912. 65 с., 4 вкл. плана и схемы.

Работа Геруа считалась в свое время последним достижением русской буржуазной военно-исторической науки. Наряду с серьезным описанием и критическим разбором военных событий, автор показывает полное непонимание общественных отношений в 1812 г. Он полагает, что война 1812 года была столкновением двух народов: романского и славянского, а не стремлением Наполеоновской монархии к подавлению самостоятельного существования русского государства; он идеалистически пишет о «родственности» двух антагонистических классов — землевладельцев-помещиков и крестьян-землеробов. О главном руководителе русских войск полководце Кутузове Геруа пишет положительно и полемизирует с хулителями его полководческого искусства (разбор книги Геруа см. газету «Русский инвалид», 1912, № 58 и 60).

252. Скугаревский. Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года. СПб.: Изд-во В.А. Березовского, б/г. X, 123 с., 7 карт, планов и схем вкл. (библ. с. 110–123).

Автор описывает сражение при Бородине в хронологической последовательности, избегая критики спорных вопросов и ограничиваясь ссылками на различных авторов. Оригинальность трактовки различных положений позволяет эту работу рекомендовать военному историку. Библиографический указатель (приложение 7-е) дает не только перечень использованных материалов, но и критический их анализ.

Критический разбор работы дан в статье А. Витмера «Бородино в очерках наших современников» (см. № 256).

253. *Свечников М.*, комбриг. Война 1812 года. Бородино. М.: Воениздат, 1937. 115 с., 4 вкл. схемы (см. № 104).

Работа содержит в себе: 1. Описание военных действий 1812 года до Бородинского сражения. 2. Описание хода сражения при Бородине. 3. Указания по проведению поездки по осмотру Бородинского поля сражения. Автор слепо повторяет за Клаузевицем его ошибки в описании Бородинского сражения.

254. *Глинка Ф.* Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе). В 2 ч. М., 1839. Ч. I. 69 с., ч. II. 116. IV с.

Автор — участник войны и сражения. Данная работа не представляет собой военно-исторического описания сражения, но содержащиеся в работе детали и характеристики весьма полезны при изучении всех сторон Бородинского сражения.

Большая и развернутая рецензия на книгу помещена в журнале «Отечественные записки». 1839. Т. VII. Критика. С. I.

255. *Липранди И.П.* Бородинское сражение. Заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, соч. Г.И. Богдановича/В сб. того же автора: Материалы для Отечественной войны 1812 года. СПб., 1867. С. 157–198. (Перепечатка из газеты «Русский инвалид». 1861. № 32, 33 и 34.)

Автор — участник Бородинского сражения в составе 6-го корпуса генерала Дохтурова. На основе личных воспоминаний и впечатлений автор произвел серьезный критический разбор той части работы Богдановича «История Отечественной войны» (см. № 115), в которой описывается Бородинское сражение. Материал труда Липранди может служить ценным пособием при изучении некоторых частных вопросов этого сражения.

256. *Витмер А.* Бородино в очерках наших современников // Военно-исторический сборник. 1913. № 1. С. 115–146.

Критический разбор мнений и суждений различных историков и писателей о Бородинском сражении. В особенности резко автор критикует работы Коллюбакина «Бородинская операция и Бородинское сражение» (см. № 223) и Скугаревского «Бородино. Описание сражения 26 августа 1812 года» (см. № 252).

257. *Витмер А.* Бородинские бои. Опыт критического исследования // Военно-исторический сборник. 1912. Кн. 3. С. 91–174. 1 сх; кн. 4. С. 214 (опечатки в статье).

В начале своей серьезной военно-исторической работы автор указывает на различные неточности и мнения по отдельным вопросам Бородинского сражения как у авторов — историков войны 1812 года, так и у мемуаристов. В статье автор выдвигает ряд вопросов (смысл Бородинского боя, выбор позиций и др.), дает по ним свои оригинальные ответы, но многое остается спорным и малоубедительным.

Благодаря оригинальности мнений автора работа представляет известный интерес.

258. План Бородинской битвы со стороны французской, начертанный в лагере близ Можайска 6 сентября (н.ст.) князем Невшетельским, Бертье // Сын Отечества. 1814. Ч. XVIII. С. 192–194.

Интересный документ-диспозиция к бородинскому сражению со стороны французов. Текст приведен на французском и русском языках.

259. *Полевой Николай.* Повесть о великой битве Бородинской, бывшей 26-го августа 1812 года. СПб.: П.И. Мартынов, 1844. 192 с., 6 илл. и 1 вкл. план.

Книга написана в расчете на массового читателя. Военно-исторический интерес представляют дополнения к книге: боевое расписание русских и наполеоновских войск, диспозиции сторон, донесение Кутузова и биографические очерки о Багратионе и Кутайсове.

260. А.Х. Бородинское сражение. М.: Изд. общества истории и древностей российских при Московском Университете, 1872. 121 с., 1 вкл. таблица.

В данном труде приведены две статьи. Первая посвящена дискуссии о работах Богдановича «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» (см. № 115) и Витмера А. «1812 год в «Войне и мире», по поводу исторических указаний IV тома «Войны и мира» графа Л.Н. Толстого» (СПб., 1869). Вторая статья является извлечением из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года.

Работа снабжена таблицами и копиями документов. Эта работа полезна при пользовании книгой Богдановича, так как поправляет и дополняет его труд.

Разбор данной статьи, точнее ответ А. Витмера, см. в журнале «Военный сборник». 1873. Т. 91. Кн. 5. С. 24–29.

261. *Афанасьев В.А.* Бородинское сражение 26 августа 1812 г. Краткий исторический очерк. М., 1912. 75 с., 1 вкл. план.

Небольшая брошюра, изданная кружком ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. В конце приведено краткое описание панорамы Бородинского сражения работы Ф. Рубо.

262. *Липранди И.П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы или кому и в какой степени принадлежит честь этого дня. М., 1867. IV. 314 с. (Оттиск из «Чтений в обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1866. Кн. 1–4.)

Автор свою работу построил на полемике с иностранными писателями. Работа имеет большую ценность для военной истории, особенно при пользовании зарубежными трудами.

263. *Богданович М.И.*, генерал-майор. Следует ли называть укрепление, находящееся в центре Бородинской позиции, батареей Раевского? // Военный сборник. 1858. № 1. С. 296–298.

Статья полемического характера, автор спорит с И.П. Липранди и доказывает, что укрепление в центре Бородинской позиции по праву называется батареей Раевского.

264. *Попов Н.* Бородинское сражение / Под общ. ред. генерал-майора И. Зубкова. М. — Л.: Детгиз, 1947. 142 с., с илл. в тексте.

Книга предназначена для военной библиотеки школьника и потому популярна по характеру изложения, но материал изложен в основном правильно и правдиво рисует знаменитое Бородинское сражение. Кроме того, интерес представля-

ет оригинальный иллюстративный материал. В конце приложен состав войск, сражавшихся при Бородине.

265. *Предтеченский А.* Бородинский бой и русское общественное мнение // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1938. № 19. Т. IV. С. 100–110.

В небольшой статье автор показывает, как было воспринято в России известие о Бородинском сражении.

266. *Михневич А. П.*, генерал-лейтенант. Сто лет назад (26 августа 1812 г). Великий день Бородина. 2-е испр. изд. СПб.: Изд-во Симонова и Казначеева, 1912. 47 с., с илл. в тексте.

Брошюра была предназначена для школ, войск и народа, поэтому носит религиозно-патриотический характер и ценности не имеет.

267. *Михневич Н. П.*, засл. проф. Бородинский бой 1812 г. М.: Изд-во Сытина, 1912. 48 с., с илл. в тексте.

Патриотическая брошюра. Ценности не представляет.

268. *Бородинская битва.* Исторический рассказ. 3-е изд. СПб.: Морской вестник, 1875. 32 с., 1 порт.

Популярная брошюрка для народных училищ.

269. *Неелов*, поручик Генштаба. Опыт описания Бородинского сражения. М., 1839. 131 с., 1 вкл. план.

Небольшая работа, предназначенная к моменту открытия памятника на Бородинском поле сражения. Оригинального творчества в работе нет, а стиль изложения сугубо «патриотический».

270. *Матвеев М. Л.* Бородино. 26 августа 1812 года. Военно-исторический очерк. Варшава, 1910. 48 с., 2 вкл. схемы.

Популярная брошюра, предназначенная для чтения офицерами и солдатами 184 пех. рез. Варшавского полка.

271. *Ломакин А. Н.* Бородинская битва. Очерк. М.: Остров, 1912. 63 с.

Популярная брошюра, изданная к 100-летию юбилею.

272. *Михеев С.* Бородинское сражение. М., 1911. 47 с., с илл. в тексте.

Популярное изложение событий Бородинского сражения.

273. *Наркевич Н. Ф.* Марафон XIX века. К столетию Бородинской битвы. Киев, 1912. 29 с. (Отдельный оттиск из журнала «Военно-исторический вестник», 1912. Кн. 3 и 4.)

Небольшая статья, крайне панславистского направления. 274(а). Андрианов П.М. Битва гигантов. Бородинское сражение 26-го августа 1812 г. Юбилейное издание военно-исторического альманаха «Родина». Одесса, 1912. 38 с., с илл. в тексте; (б) *Его же*. Бородинский бой. СПб.: Изд. Всероссийского национального клуба. 1912. 43 с., с илл. в тексте.

Патриотические брошюры. Интересы для историка не представляют.

275. Берков Е., канд. ист. наук. Бородино (к 130-летию) // Военная мысль. 1942. №9. С. 72–83.

Юбилейная статья компилятивного характера.

276. Вистицкий М.С., генерал-майор. Нечто о Бородинской баталии, бывшей в 1812 году августа 26 дня, и какую пользу она баталия сделала России // Славянин. 1827. Кн. 3. С. 231–235.

Небольшая заметка видного участника Бородинского сражения (офицер генерал-квартирмейстерской службы штаба Кутузова).

277. Васильев В. В институте истории Академии Наук СССР // Военно-исторический сборник. 1940. №8. С. 147–150.

Заметка — отчет о заседании сектора истории СССР Института истории Ака. наук по обсуждению доклада директора Бородинского музея С. Кожухова о Бородинском сражении и полководце Кутузове.

Интересен не столько сам доклад, сколько выступления присутствовавших на заседании.

278. Балтийский А., полковник Генштаба. 1812–1912. Бородино. Путеводитель. СПб.: Изд. Общества ревнителей военных знаний, 1912. 227 с.

Книга состоит из собственно путеводителя по Бородинскому полю сражения, с описанием хода сражения по отдельным его этапам, и ряда статей о войне 1812 года. Статьи: 1. Краткий очерк кампании 1812 года; 2. Краткий обзор Бородинского сражения; 3. Русский флот в Отечественную войну 1812 года, написанная лейт. Каллистовым; 4. Участие гвардейского экипажа в сухопутных операциях Отечественной войны 1812 года; 5. Памятники на поле Бородинском; 6. Краткое пояснение к плану «Бородинское поле сражения», составленное капитаном Кожевниковым; 7. Приложения: расписание войск при Бороди-

не, диспозиции Кутузова и Наполеона, хронологический ход событий в Бородинском сражении (по часам), донесение Кутузова после сражения. В работе 50 схем и 1 карта.

279. Бородино. 1812 г. Путеводитель по местам боев Бородинского сражения 1812 г. М.: Воениздат, 1939. 67 с., 15 схем.

Путеводитель содержит краткий очерк Бородинского сражения. Издание снабжено схемами и различными справочными материалами, облегчающими ориентировку и усвоение обстановки и хода Бородинского сражения.

280. *Оболешев*, подполковник Генштаба. Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле. Краткий исторический очерк. М., 1903. 131 с., с илл. в тексте, 4 план. вкл.

Краткое изложение войны 1812 года до Бородинского сражения. Главное внимание уделено описанию Бородинского сражения и памятников, стоявших на поле битвы. В работе много снимков с портретов, памятников и редких гравюр.

281. *Новицкий Е.*, подполковник Генштаба. Краткий путеводитель по Бородинскому полю сражения. СПб.: Изд. Общества ревнителей военных знаний, 1902. 34 с., 2 вкл. плана.

Помимо краткого описания сражения автор указывает маршруты поездки по полю сражения.

282. *Серафимов А.* Памятники Бородинского сражения // Военно-исторический сборник. 1940. № 7. С. 153–155. 1 сх.

Небольшая заметка-путеводитель по Бородинскому полю сражения.

283. *Поликарпов Н.* Состав и роль Московского ополчения в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. // 1812 год. № 8. С. 296–298.

Автор статьи использовал архивные материалы и по ним осветил роль и состав Московского ополчения в день Бородинского сражения — вопрос, который в исторической литературе освещался по-разному (см. № 246).

284. *Поликарпов Н.* Боевые действия и подвиги казачьих полков и Донской конной артиллерии в сражении 26 августа (7 сентября) 1812 года при селе Бородине // 1812 год. № 15–16. С. 500–509.

Небольшое исследование, в основном по архивным материалам, действий отряда Платова. Нельзя согласиться с авто-

ром, что отряд Платова большего успеха, чем он имел, достичь не мог.

285. *Веймарн В.* Генерал-майор Тучков 4-й как артиллерист, и действия бывшей его батареи в Бородинском бою // Военно-исторический сборник. 1913. № 4. С. 85–87.

Небольшая заметка об одном из эпизодов Бородинского сражения.

286. *Потоцкий П.П.* Гвардейская артиллерия в Бородинском бою. СПб., 1912. 64 с., с илл. в тексте и на отд. таблицах.

Работа Потоцкого представляет собой интересное добавление к историческим описаниям Бородинского сражения. В книге приведено много героических подвигов, совершенных офицерами и солдатами, гвардейскими артиллеристами. Иллюстрации книги выполнены отлично.

287. *Иванов Н.* 1812 год. Русская конница в Великой Бородинской битве. Одесса: Изд. Общества «Русская Речь», 1912. 35 с., с илл. в тексте.

Очерк автора написан в основном по трудам Богдановича «История Отечественной войны 1812 г.» и Геруа «Бородино». Для разбора одного из вопросов сложного Бородинского сражения работа представляет интерес конспективным изложением участия в нем русской конницы.

288. *Афанасьев В.*, полковник Генштаба. Павловцы на Бородинском поле 26-го августа 1812 года. М., 1912. 56 с., с илл. в тексте.

Брошюра представляет собой краткую историю Павловского гренадерского полка. Описание участия его в походе 1812 года и особенно в Бородинском сражении.

289. *Бюцов Б.Е.* Лейб-гвардии Преображенский полк в сражении 26 августа 1812 г. при Бородине. СПб., 1912. 39 с.

Как известно, Преображенский полк принял небольшое участие в Бородинском сражении, тем не менее брошюра Бюцова интересна деталями участия полка в этом сражении и приведенными приложениями.

290. *Любенков Н.* Рассказ артиллериста о деле Бородинском. СПб., 1837. 76 с.

Интересное описание участника сражения. Автор сообщает детали участия артиллерии, обычно опускаемые в исторических очерках.

291. *Афанасьев В.* Подлинные документы о Бородинском сражении 26 августа 1812 г. М.: Изд. кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., 1912. 59 с., 1 вкл. план.

Сборник включает 20 документов и объяснение к плану сражения при Бородине. Материал сборника взят из опубликованных ранее трудов и сборников, но ссылок, откуда заимствованы документы, не сделано.

291(a). *Толь, генерал-лейтенант.* Описание битвы при селе Бородине 24 и 26 августа 1812 г. СПб., 1839. 63 с.

Небольшая, но содержательная работа бывшего генерал-квартирмейстера штаба Кутузова, составленная на основании рапортов командиров корпусов русской армии, официальных документов, захваченных у противника при его бегстве, и по иностранным источникам.

Автор объясняет значение постройки Шевардинского редута и боя 24 августа около него для общего хода предстоящего Бородинского сражения. Приводя данные о численности обеих сторон, автор указывает, что у Наполеона перед сражением было 185 тыс. человек и более 1000 орудий. Автор говорит об использовании резервной артиллерии русских, вводимой в бой по указанию Кутузова.

В заключение автор излагает мотивы, по которым Кутузов приказал русским войскам в ночь на 27 августа начать отход к Москве.

В приложении даны: 1) диспозиция Кутузова перед сражением с примечаниями автора; 2) диспозиция и воззвание Наполеона.

292. *Никольский В.П.* Альбом «Бородинская битва и ее 100-летний юбилей». 24–26 августа 1812–1912. М.: Образование, 1913. 35 с., 12 листов фотоилл., 8 сх. в тексте.

Текст альбома состоит из двух частей. В первой части изложено краткое описание бородинского сражения с использованием впервые опубликованных документов. Автор попытался уточнить истинную цифру потерь русской армии и определил ее в 56 тыс. человек. Во второй части описаны Бородинские торжества в дни столетнего юбилея, в 1912 г.

Интерес представляют фотоиллюстрации некоторых мест Бородинского поля сражения и схемы положений войск в раз-

личные периоды боевых действий, заимствованные из «Путеводителя по Бородинскому полю сражения», сост. А. Балтийским.

292(а). *Осткевич-Рудницкий А.Н.* Указатель памятников на Бородинском поле. М., 1913. 18 с., 1 сх.

Краткий путеводитель по Бородинскому полю сражения с указанием, каким полкам и соединениям поставлены памятники, а также дано новое название полков (по 1912 г.), участвовавших в Бородинском бою.

292(б). *Хитрово С.К., Догель М.И.* Рельефный план-панорама Бородинского боя 26 августа 1912 г. СПб., 1913. 66 с.

Описание самой панорамы в виде путеводителя к ней. Наибольший интерес представляет раздел «Описание и краткий очерк организации и обмундирования войск, участвовавших в Бородинском бою», составленный С.К. Хитрово. В конце указаны источники и пособия (30 наименований).

5.6. Боевые действия после Бородинского сражения до прибытия русских войск в Тарутинский лагерь

293. *Харкевич В.* Военный совет в Филях // Военный сборник. 1903. № 1.

Приводится описание военного совета в Филях, представленное Беннигсеном Александру I в 1813 г.

294. *Белокуров С.А.* Письмо императора Александра I графу П.А. Толстому по поводу оставления кн. Кутузовым Москвы (8 сентября 1812 г.). М.: Изд. общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913. 5 с., 1 фотография.

Публикуется считавшееся утраченным письмо Александра I, в котором он высказывает свое непонимание причин оставления Москвы.

295. *Попов А.Н.* Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры (сообщил П.Н. Суриков) // Русская Старина. 1897. Июнь. С. 515–533; июль. С. 109–124; август. С. 357–373; сентябрь. С. 607–631; октябрь. С. 189–200; 1898. Октябрь. С. 151–167; ноябрь. С. 397–419.

СOLIDное исследование крупного знатока 1812 года. Автор на основе сличения различных источников описал очень

интересный в военном отношении эпизод — фланговый марш-маневр Кутузова (иногда называется Тарутинским маневром). Автор подчеркивает, что идея маневра родилась в голове М.И. Кутузова, «когда еще все его окружавшие недоумевали, терялись в догадках». Исследование автора заканчивается сражением на р. Чернишне (Тарутинское сражение) и выступлением Наполеона из Москвы.

Облик великого полководца Кутузова обрисован автором ярко и правдиво. Кроме того, в работе обрисованы важнейшие деятели: Барклай-де-Толли, Беннигсен, Вильсон, Ермолов, Ростопчин, Толь и др.

Работа печаталась частично по черновым наброскам умершего А.Н. Попова, поэтому может вызвать некоторое недоумение имеющимися шероховатостями стиля.

С работой А.Н. Попова должен ознакомиться каждый военный историк войны 1812 года.

295(a). *Поликарпов И.* О сражении 22 сентября 1812 года между селом Вороновым и рекою Чернишною (с картой) // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1911. Кн. II. С. 1–10.

Доклад, прочитанный в кружке ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года 16 декабря 1910 г. Автор осветил не описанное военными историками и потому забытое сражение русского арьергарда под командованием Милорадовича. Это сражение Кутузова назвал «важным», и оно действительно сыграло значительную роль в последнем периоде Тарутинского маневра.

296. *Гарин Ф.А.* Изгнание Наполеона / Под ред. генерал-майора Н.Ф. Гарнича, с предисловием акад. Е.В. Тарле. М.: Московский рабочий, 1948. 794 с., илл. вкл. 25 сх. (библиограф. с. 780–794).

Книга представляет сборник выдержек, главным образом из мемуарной литературы русской и иностранной (переводной), причем выдержки взяты механически, без критического к ним подхода. Наиболее слабое место книги — освещение полководческой деятельности Кутузова и в целом русской армии 1812 года. Приложены интересные справки: война 1812 года и русский флот; общественные настроения после

войны, классики марксизма о завоевательной деятельности Наполеона, численность русской и наполеоновской армий. Кроме того, приложены различные указатели. Книгой можно пользоваться только как справочным материалом по обширной мемуарной литературе. В первом издании данная работа вышла в 1938 г. под названием «Изгнание Наполеона из Москвы».

Рецензия в журнале «Вопросы истории» (1949 г., № 4) подвергла очень серьезной и обстоятельной критике данную работу. В заключении рецензент делает вывод, что книга Ф.А. Гарина неудовлетворительна, порочна, лишена во многом элементарной исторической грамотности, а самое главное — совершенно недопустимо извращает историю войны 1812 года, принижает русский народ, искажает его военное прошлое, приукрашивает поведение интервентов и их грабительские поступки.

297(а). Попов А.Н. Москва в 1812 году. М., 1876. 237 с.; (б) *Ego же*. Французы и Москва в 1812 году (Из русского архива 1876 г.). М., 1876. 185 с.

Солидные работы известного историка войны 1812 года. В трудах обобщены различные материалы, опубликованные до выхода в свет этих книг. Автор, в противовес Бутурлину-Богдановичу, на первое место выводит М.И. Кутузова, но мало говорит о русском народе, а если и говорит, то с религиозно-патриотических позиций. Для понимания внутреннего положения и состояния Москвы книги представляют интерес помещенным в них фактическим материалом.

298. Дубровин Н. Москва и граф Ростопчин в 1812 году (материалы для внутренней стороны 1812 года) // Военный сборник. 1863. № 7. С. 99–156; № 8. С. 419–472.

Небольшое исследование солидного историка XIX в. Автор собрал интересный материал для показа внутренней жизни Москвы и москвичей в 1812 г.

299. Материалы для истории 1812 года (из записок князя А.А. Шаховского) // Военный сборник. 1864. № 5. С. 69–98.

Воспоминания драматического писателя начала XIX в., хранящиеся в Военно-ученом архиве, представляют интерес для бытовой характеристики Москвы и москвичей в 1812 г.

5.7. Партизанские действия

300. *Червяков Д.*, капитан. М.И. Кутузов — организатор партизанской борьбы в Отечественной войне 1812 г. // Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1945. № 17. С. 31–37.

После анализа ряда фактов автор указывает, что «как и регулярная армия, партизаны Отечественной войны 1812 года действовали под водительством их великого русского полководца М.И. Кутузова».

301. *Червяков Д.* Партизанские отряды в Отечественной войне 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1941. № 6–7. С. 50–61.

Небольшая работа, в которой автор показывает два направления партизанских организаций: из регулярной конницы и из крестьянских формирований.

302. *Червяков Д.* Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М. — Л.: Госполитиздат, 1941. 24 с.

Небольшая брошюра дает краткий очерк зарождения партизанского движения в 1812 г., описывает действия партизанских отрядов, дает характеристику Кутузова как организатора партизанской войны.

303. *Бычков Л.* Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. М.: Госполитиздат, 1941. 23 с.

Небольшая брошюра, в основном пересказывающая по опубликованным работам действия партизан в 1812 г. Ценность работы — в обобщении всего опыта партизанской работы и в показе связи партизанских действий с народной войной.

304. *Бычков Л.* Крестьянское партизанское движение против Наполеона в России в 1812 г. // Исторический журнал. 1938. № 10. С. 61–76.

Автор справедливо делает различие между отрядами партизан из состава регулярной конницы и отрядами, организованными самими крестьянами. В своей работе автор рисует фактическую картину именно народно-крестьянского партизанского движения в 1812 г. в Смоленской и Московской губерниях. В статье подчеркивается руководящая роль М.И. Кутузова в организации партизанских действий.

305. *Бычков Л.*, канд. истор. наук. Славные традиции Отечественной войны 1812 года // Пропагандист Красной Армии. 1941. № 13. С. 12–15.

Небольшая статья, посвященная партизанскому — крестьянскому движению 1812 года.

306. *Бычков Л.* Партизаны 1812 года // Спутник агитатора. 1941. Июнь. С. 24–26.

Небольшая статья — сокращенное изложение предшествовавших работ автора.

307. *Соколова К.* Партизаны Кутузова // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 127–135.

В статье опубликовано 19 документов ЦГВИА, связанных с деятельностью Кутузова по руководству партизанскими действиями.

308. *Давыдов Денис.* Военные записки/Под ред. В.Н. Орлова. М.: Госиздат худ. лит-ры, 1940. 479 с. 1 вкл. портрет (Мемуарная серия).

Автор — известный начальник партизанского отряда Отечественной войны 1812 года, поэтому его записки весьма интересны для изучения действий партизан. Сам Давыдов — пример офицера — патриота Родины.

К войне 1812 года и действиям партизанского отряда относится раздел «1812 год» (с. 159–327), который состоит из трех частей: 1) вместо вступления; 2) дневник партизанских действий 1812 года; 3) мороз ли истребил французскую армию в 1812 году. Кроме того, небольшая заметка «О партизанской войне» (с. 419–428).

309. *Давыдов Денис.* Дневник партизанских действий 1812 года. М.: Гослитиздат, 1942. 128 с.

Сокращенное издание по книге Давыдова «Военные записки» (см. № 308).

310. *Давыдов Денис.* Опыт теории партизанского действия. 2-е изд. М., 1822. XV. 210 с., 7 чертежей вкл. (В 1912 г. издание было повторено.)

Автор — известный партизан 1812 года. В своем исследовании он дает исторический обзор действий партизан в 1612, 1742, 1809 и 1812 гг. (первая часть). Во второй и третьей частях излагаются основные мысли о возможностях примене-

ния партизанских действий в России, формировании и организации партизанской партии, тактике действий партизан. Хотя в основной части труд устарел, но многие правильные мысли Давыдова являются жизненными и в современных условиях. Любопытно отметить, что несмотря на интерес, который должна была вызвать книга Давыдова у современников, она долго не выходила из печати из-за бюрократического отношения высшего военного начальства, которому книга была предоставлена на просмотр. А.С. Пушкин, друг автора, посвятил несколько строк выходу этой интересной книги:

«Недавно я в часы свободы

Устав наездника читал...»

Для современного военного историка труд представляет интерес для понимания методики действий партизан в 1812 году.

311. *Михневич Н.П.*, подполковник Генштаба. Партизанские действия кавалерии в 1812 и 1813 годах. Сообщение, прочитанное в собрании офицеров генерального штаба Петербургского военного округа. СПб., 1888. 47 с., 1 вкл. карта.

Автор — известный военный писатель конца XIX и начала XX в. Данная книга — одна из первых работ автора, она не носит исследовательского характера. Современный военный историк сможет в ней найти обобщенный материал по партизанским действиям отрядов из состава регулярной конницы.

312. *Рожкова М.* Денис Давыдов — партизан 1812 г. М.: Госполитиздат, 1942. 26 с.

Небольшая брошюра компилятивного характера. Описаний боевых действий отряда Давыдова нет.

313. *Орлов В.Н.* Денис Давыдов. М.: Воениздат, 1940. 54 с. (Библиотека красноармейца).

Брошюра описывает жизнь и боевую деятельность известного начальника партизанского отряда в 1812 году. Одновременно в работе показан народный характер Отечественной войны 1812 года.

314. *Сухомлинов В.* На большой Смоленской дороге. Из партизанских действий в 1812 г. СПб., 1892–1893. Отдельный оттиск из «Разведчика». Рассказы 1–4-й. III с., с илл. в тексте.

Главное внимание автор уделяет рассказам о боевых эпизодах партизанского отряда Д. Давыдова.

315. *Жерве В.В.* Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1784–1839. По материалам семейного архива и другим источникам. СПб., 1913. IX. 174 с., с илл. и схемами.

Действиям партизанского отряда Дениса Давыдова в 1812 году отведено 53 страницы (с. 25–77).

316. *Жерве Н.* Славные партизаны 1812-го года. М.: Изд-во Сытина, 1912. 43 с., 15 илл. в тексте.

Небольшая брошюра о партизанах Давыдове, Фигнере, Сеславине, Дорохове, Четвертакове. Серьезного характера работа не носит.

317. *Ильинский В.* Отечественная война и партизан Сеславин. Тверь, 1912. 44 с., 1 портрет.

Небольшая работа, в которой главное внимание уделено биографии и боевой деятельности известного партизана 1812 г., офицера русской армии А.Н. Сеславина (25 с.).

318. *Зарин А.Е.* Женщины-героини в 1812 году. М., 1913. 32 с. Очерк и рассказы из эпохи великой Отечественной войны 1812 г.

Небольшая, популярно написанная брошюра о некоторых женщинах — героинях 1812 года, а именно: о Старостихе Василисе, Прасковье-кружевнице, девушке Анфисе и кавалерист-девице (Н.А. Дуровой). Работа может быть использована для иллюстрации патриотического подъема среди русских женщин-крестьянок.

319. *Колюбакин В.* По 1812 году. I. Набег Дорохова на Смоленскую (Можайскую) дорогу. II. Походный дневник офицера 25-й пехотной Виртембергской дивизии Сабер-дю-Фора. СПб.: Изд-во В.А. Березовского, 1905. 151 с., 16 илл. и 1 сх. в тексте.

Книга, как видно из заглавия, состоит из двух не связанных между собой разделов.

Набег Дорохова (77 стр.) представляет собой одну из интересных операций партизанского отряда, и данный труд восполняет существенный пробел во многих работах по истории 1812 года, опускающих описание этого эпизода.

5.8. Контрнаступление русских войск под командованием Кутузова и окончательный разгром врага в 1812 году

320. Линков Я., подполковник, канд. истор. наук. Отечественная война 1812 года и стратегическое контрнаступление Кутузова // Пропагандист и агитатор. 1947. №9. С. 45–57.

Автор описывает одно из замечательнейших событий войны 1812 года — контрнаступление Кутузова. В работе автора много интересных и ценных суждений.

321. Рындзюнский П. Кутузов в Тарутинском лагере // Исторический журнал. 1945. №3. С. 39–46.

Автор, правильно критикуя военных историков за недооценку ими подготовки армии Кутузовым в Тарутинском лагере и самого Тарутинского сражения, восполняет пробел в военно-исторических работах, хотя полного анализа всего сложного комплекса деятельности Кутузова в Тарутинский период и он не дает, да и не может дать в рамках журнальной статьи.

322. Рожков П., майор. Параллельное преследование наполеоновской армии Кутузовым // Военная мысль. 1946. №8. С. 55–73.

Автор, анализируя опубликованные работы и материалы, дает серьезное описание одного из элементов Кутузовского контрнаступления в 1812 г.

323. Тарле Е., проф. Начало отступления великой армии и партизанская война в 1812 г. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1938. №19. Т. IV. С. 78–100.

Данная статья является отрывком из работы автора «Нашествие Наполеона на Россию».

324. Военский К.А. Приезд Лористона к Кутузову в Тарутинский лагерь 23 сентября 1812 г. (Неизданное письмо очевидца). Отдельный оттиск из сб. Общества ревнителей истории, 1915. 9 с., с илл. в тексте.

Автор опубликовал весьма интересное письмо русского офицера к своему отцу. Офицер описывает жизнь в Тарутинском лагере, свидание Кутузова с Лористоном, мнения и суждения в русской армии о дальнейшей судьбе армии Наполеона. Перед публикацией письма автор привел краткую историческую справку о свидании Кутузова с Лористоном.

325. *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. От Малоярославца до Березины. 1812 г. // Русская старина. 1877. Т. XVIII, январь, с. 21–68; февраль, с. 261–308; март, с. 419–453; апрель, с. 609–640; т. XIX, июнь, с. 191–216; т. XX, сентябрь, с. 35–76; октябрь, с. 177–204; ноябрь, с. 353–365.

Весьма интересное и обстоятельное изложение известным историком войны 1812 года выполнения Кутузовского контрнаступления. В первой главе автор описывает сражение при Малоярославце и первые дни отступления армии Наполеона; во второй — сражение при Вязьме и Красном; в третьей — мнения современников о действиях Кутузова и разбор этих мнений, в четвертой — движение Наполеона до Борисова, а главных сил Кутузова — до Копыси, в пятой — действия отряда Витгенштейна, в шестой — действия адмирала Чичагова, в седьмой и восьмой — переправу Наполеона через Березину.

326. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб., 1834. 261 с.

327. *Ассонов В.И.* В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор событий и сборник документов. Калуга: Изд. П.И. Шукина, 1912. 50, 166 с., с илл.

Сборник состоит из двух частей. Первая часть, написанная автором, называется «Обзор событий». В небольшом очерке описаны различные события, происходившие на территории Калужской губ. Вторая часть — сборник документов, собранных автором в Калужских архивах.

328. *Ассонов В.* 1812 год в Калужской губернии. Калуга, 1911. 64 с.

Автор, пользуясь известными трудами по истории войны 1812 года, а также архивами Калужского губернского правления, описал общий ход войны (18 с.), а затем события в Калужской губернии (формирование ополчения, административные меры внутреннего порядка и безопасности и т.п.). В конце книги автор кратко описал Тарутинское сражение и сражение при Малоярославце, дав им правильное пояснение.

329. *Никулищев Б.А.* Марш-маневр Наполеона I на Малоярославец (6–14 октября 1812 года) // Военно-исторический сборник. 1911. № 2. С. 133–142.

Автор излишне переоценивает решения Наполеона после выхода его армии из Москвы и недооценивает контрнаступление Кутузова.

330. *Зельницкий Г.*, надвор. советник, доктор философии. Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815. 179 с.

Книга, написанная современником войны 1812 года, представляет некоторый интерес для современного историка только тем фактическим материалом, который в ней имеется.

331. *Цветков И. Ф.* Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 года. Калуга: Изд. Калужского церковного историко-археологического общ., 1912. III, 151, 201, III с., 50 рис. и 5 пл. и карт.

В сборник включены следующие работы, представляющие военно-исторический интерес: 1. Отечественная война 1812 года в пределах Калужской губернии, написанная И. Ф. Цветковым; 2. Город Малоярославец Калужской губернии; Малоярославецкое сражение в 1912 г., написанные Н. В. Кременецким.

332. *Глинка В.* Малоярославец в 1812 году, где решилась судьба большой армии Наполеона. СПб., 1842. 152 с.

Автор — современник событий. Его книга представляет собой не историческое исследование, а мемуары, но тем не менее заслуживает внимания строгого, критически оценивающего материал историка войны.

333. *Миловидов Н. И.*, капитан. Бой при городе Малоярославце 12 октября 1812 года. М.: Изд-во Сытина, 1912. 36 с. с илл. в тексте.

Брошюра представляет собой доклад-сообщение, сделанное автором для офицеров Калужского и Тульского гарнизонов. Доклад построен в форме повествования, без критического анализа событий, хотя автор справедливо указывает, что бой при Малоярославце произвел решительный поворот в стратегическом положении сторон.

334. *Бессонов И.*, кандидат прав. Битва в Малоярославце 12 октября 1812 года. Калуга, 1912. 48 с. (Юбилейный очерк.)

Обстоятельное описание сражения у Малоярославца на основе опубликованных работ русских и иностранных авторов.

Автор указывает на большое стратегическое значение исхода сражения.

335. *Писанко А.И.* Вяземские бои 22 октября 1812 года (3 ноября н.с.). М., 1912. 24 с., илл. в тексте, вкл. 1 план.

Автор описывает одно из событий в ходе Кутузовского контрнаступления на основе опубликованных работ, список которых указан в предисловии, и некоторых архивных материалов. В приложении дан состав русских и французский войск к 22 октября 1812 г. под Вязьмой и список офицеров Перновского полка, отличившихся в этом бою.

Работа серьезная и представляет несомненный интерес.

336. *Петухов В.*, шт. капитан. Бои под Вязьмой в связи с общим обзором Отечественной войны 1812 года. Вязьма, 1912. 90 с., 3 вкл. карты-кроки.

Автор на основе опубликованных трудов (список источников (24) указан) поставил себе целью описать главным образом два события из Отечественной войны: бои под Вязьмой в августе и октябре 1812 г., справедливо указывая, что эти события должного описания в капитальных работах по истории 1812 года не получили. Вместе с тем автор решил описывать эти события не изолированно от общего хода войны, а показать их место и истинное значение именно в ходе военных действий на главном направлении.

В приложениях автор привел список георгиевских кавалеров-офицеров за бои под Вязьмой и состав войск, участвовавших в сражении 22 октября 1812 г.

337. *Толузаков С.* Взятие Вереи // Составлено в высочайше учрежденной комиссии по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен, состоящей при Военно-походной канцелярии его императорского величества. Очерк № 1. СПб.: Изд. императорской главной квартиры, 1912. 17 с., с илл.

Автор в небольшой статье (на с. 8) описал один из эпизодов войны 1812 года — штурм г. Вереи отрядом Дорохова 29 сентября. Этот штурм был не случайным, а задуман Кутузовым в его общем плане контрнаступления.

338. *Толузаков С.* Бои под Красным 3–6 ноября 1812 года // Составлено в высочайше учрежденной комиссии по описанию бо-

евых трофеев русского воинства и старых русских знамен, состоящей при Военно-походной канцелярии его императорского величества. Очерк №2. СПб.: Изд. императорской главной квартиры, 1912. 36 с., с илл. в тексте.

Хотя сражение под Красным в ноябре 1812 г. достаточно освещено в военно-исторической литературе, тем не менее очерк Толузакова представляет интерес обобщением всех описаний события (в примечаниях даны выдержки из источников).

339(а). Сражение при городе Малоярославце. М., 1912. 16 с. (Юбилейное издание); (б) Сражение под Красным. М., 1912. 16 с. (Юбилейное издание); (в) Сражение под Красным и Смоленском. М., 1912. 16 с. (Юбилейное издание.)

Популярные брошюры, причем характером повествования интереса не представляют.

340. *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. VIII. 428 с. 14 планов и карт и 50 иллюстраций.

Юбилейное издание Смоленского губернского земства (см. № 23).

341. *Тимченко-Рубан Г.* Рига и рижский отряд в октябре — декабре 1812 г. (По архивным бумагам маркиза Паудичи) // Военный сборник. 1905. Кн. I. С. 33–42.

Автор на основе опубликованных в собрании Щукина документов дает картину действий небольшой группы русских войск, действовавшей на Рижском направлении.

342. *Харкевич В.И.* Березина. Военно-историческое исследование. СПб., 1893. III. 210. XI. 174. 10 карт и планов.

Обстоятельное и, пожалуй, единственно полное описание действий русских и французских войск на р. Березине. Работа автором разделена на две части: первая — военно-историческое описание всех действий с выводами автора, начиная с прибытия в главную квартиру М.И. Кутузова; вторая — приложения — документальная переписка, извлеченная из архивов, относящихся к Березинской переправе.

Автор принадлежал к той группе русских военных историков, которые чрезмерно переоценивали полководческую школу

Наполеона и умаляли полководческое искусство Кутузова. Такой взгляд автора отразился и на данном труде.

343. Рудаков Д. Березинская операция // Военная мысль. 1938. № 1. С. 136–148. 3 сх. в тексте.

Конспективный разбор событий на р. Березине в 1812 г. Исторический пример прошлого автор использовал для своих выводов по вопросу окружения и уничтожения противника в современных условиях.

344. Каменский Е. С. Березинская операция в войну 1812 г. Записки графа Ланжерона / Пер. с французской рукописи. СПб.: Изд-во В. А. Березовского. Отдельный оттиск из «Изборника разведчика». 1899. № 12. С. 67–167.

Статье предпослана краткая биография Ланжерона — французского уроженца, эмигранта, поступившего на русскую военную службу. В 1812 г. Ланжерон был генералом, командиром корпуса в армии Чичагова. Автор записок Ланжерон был чрезвычайно высокого о себе мнения, а русских генералов презирал, как большинство иностранцев на русской службе. Поэтому автор излишне восхваляет иностранцев (Мишо, Беннигсена и др.), в ущерб объективной истине. Все же его записка о Березинской операции представляет интерес для военного историка, так как в ней Ланжерон дает характеристики действовавшим лицам и подробное описание этого замечательного события в истории 1812 года. Примечания редакции отмечают ошибочность или неполноту сведений Ланжерона.

345. Критическое положение Наполеона при переправе французской армии через Березину в 1812 году / Пер. с англ. СПб., 1833. VI. 69 с. Издано очевидцем, с картою и с замечаниями, писанными офицером, бывшим в русской армии во время события.

Автор, офицер наполеоновской армии, плененный в 1812 г., высказывает мысль, что «адмирал Чичагов не в состоянии был воспрепятствовать переправе французской армии».

346. Чичагов П. В. Переправа через Березину (из записок адмирала Чичагова) // Русский архив. 1869. № 7–8. С. 1147–1178.

Автор записок пытается оправдаться в своих неудачных действиях на Березине в 1812 г., когда остаткам наполеоновских войск удалось избежать пленения.

347. Ретирующийся Наполеон, или исчисление всех потерь французских войск в России, начиная с Бородинского сражения до самого изгнания их из оной. СПб., 1813. 32 с.

Оригинальное произведение современника событий. Указанные в брошюре цифры явно не соответствуют действительности.

347(a). П. Б. Из записок графа Ланжерона. 1812 год // Русский архив. 1895. Кн. 10. С. 147–160.

Автор, генерал русской службы в армии Чичагова, описывает детали свидания Кутузова с Лористоном, уверяя, что он записал это со слов Кутузова. Большая часть записок посвящена описанию преследования наполеоновских войск до Вильно. Дополнительный материал к характеристике Ланжерона. См. там же: Кн. 11. С. 401.

5.9. Ополчения 1812 года

348. Бычков Л. Народные ополчения 1812 года // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 118–124.

Автор кратко рассказывает, где и какие ополчения формировались в 1812 г., что они делали в ходе войны, их состав, организация.

Недостатком статьи автора является отсутствие показа классовых противоречий в вопросе формирования ополчений 1812 г. и роли крестьянских масс в ополчениях.

349. Бычков Л. Война 1812 года и крестьянство России // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 57–72.

Автор статьи показывает действительное отношение русского крестьянства к нашествию Наполеона, отношение к войне как войне справедливой. Русское крестьянство выступало против завоевательной, грабительской, несправедливой войны с Наполеоном, так как видело в нем угнетателя народных масс, поддерживающего крепостнические отношения в России. В своей статье автор резко и справедливо критикует «историков», неверно оценивающих роль крестьянства в войне 1812 года.

350. Андреев П. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск: Облиздат, 1940. 188 с.

Автор, указывая, что народная война в 1812 году является наименее изученной стороной той замечательной эпохи, подчеркивает, что дореволюционные историки стремились показать, что народные массы вооружались и выступали против завоевателей под руководством дворянства, духовенства и органов местной власти, что восстание народных масс против завоевателей сопровождалось сохранением полной и безусловной преданности и покорности народа царской власти и помещикам. Даже наиболее прогрессивные буржуазные историки не замечали подлинного характера народной войны. Автор поставил себе задачу по-новому осветить роль крестьянства в народной войне, показать роль городского населения, дворянства, духовенства, интеллигенции.

К каждой главе автор сделал примечания — ссылки на источники. В конце дан список литературы и источников (48 названий).

351. Софинов П., Эпштейн Д., Жиборев П. Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. 2-е переработанное и дополненное издание. Саратов: Облиздат, 1942. 64 с.

Небольшая работа, но написанная на основе архивных материалов, имеет своей задачей показать роль и удельный вес Поволжского ополчения в общем народном движении 1812 года.

352. Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну. М., 1912. 80. XX. 124. 16 с.

Книга состоит из двух частей. В первой части автор описал историю 16 различных дворянских ополчений 1812 года по трем округам, во второй части автор привел некоторые архивные и справочного характера материалы. В приложении дана копия документа «Доклад о составе Московской военной силы», изд. 1812 г.

Автор — дворянин и помещик, поставил себе целью показать роль и значение класса эксплуататоров-помещиков в формировании народных ополчений и затушевать роль основной массы ополченцев-крестьян или показать их преданными людьми классово-враждебному им сословию дворян.

Фактический материал и приложенные копии документов могут быть использованы современным историком по теме: участие ополчений в войне 1812 года.

353. *Апухтин В.Р.* Рязанское дворянское ополчение 1812–1814 гг. Очерк и материалы о формировании и передвижении в 1812 г. и о военных действиях Рязанского ополчения за границей в 1813 г. /Под ред. В.А. Драшусова. М.: Изд. Рязанского дворянства, 1912. 76 с., 1 илл. вкл.

354. *Апухтин В.Р.* Нижегородское дворянское ополчение 1812–14 гг. Краткий очерк и материалы о формировании Нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского ополчения в 1813 г. за границей. М.: Изд. Нижегородского дворянства, 1912. XV. 65 с., 3 илл. в тексте.

355. *Апухтин В.Р.* Очерк формирования дворянством Пензенской губернии и действий ополчения в Отечественную и освободительную войны 1812–14 годов /Под ред. Д.К. Гевлича. М.: Изд. Пензенского дворянства, 1912. XVI. 48 с. 4 илл. в тексте.

356. *Апухтин В.Р.* Симбирское дворянское ополчение. 1812–1814 гг. Материалы для истории дворянства Симбирской губернии /Юбилейное издание Симбирского дворянства под ред. В.Н. Поливанова. М., 1912. 42 с.

357. *Апухтин В.Р.* Казанское дворянское ополчение 1812–1813–1814 гг. Очерк и материалы о формировании, передвижении, военных действиях Казанско-вятской народной военной силы и о жертвованиях казанского дворянства в Отечественную войну /Юбилейное издание Казанского дворянства под ред. С.С. Толстого-Милославского. М., 1912. 68 с.

№353–357. Каждая работа делится на две части. В первой помещено описание формирования, передвижений и военных действий ополчения, во второй (большая часть книги) помещены архивные материалы. В целом работа носит характер показа роли дворянства в 1812 г. и его преданности монархии. Вторая часть книги может заменить первоисточники.

358. *Военский К.А.* Костромское ополчение в 1812 году. СПб., 1909. 33 с., 1 вкл. илл.

На основе архивных материалов автор, известный знаток войны 1812 года, описал один из эпизодов — формирова-

ние и боевые действия Костромского ополчения. Конечно, как все дореволюционные историки, автор показывает главным деятелем ополчения дворянство.

359. *Булычов Н.И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812 года по Калужской губернии (Калужское дворянское ополчение). Калуга, 1910. 34. 161 с., 5 илл. вкл.

Работа по своему характеру и цели аналогична работам Апухтина В.Р. (см. № 357). Интерес для современного историка может представить публикация архивных материалов.

360. *Миронов А.А.* С.-Петербургское ополчение 1812 года. СПб., 1912. XIV. 452 с., 41 рис. вкл.

Солидный по объему труд, составленный по воспоминаниям и архивным материалам, но отражающий только деятельность С.-Петербургского дворянства и служащий его классовым интересам. Тем не менее военный исследователь войны 1812 года сможет найти в работе много интересного фактического материала для правдивой истории войны.

361. *Штейнгель В.* Записки касательно похода Санкт-петербургского ополчения против врагов отечества, в 1812 и 1813 годах (две части в одном томе). М., 1814–1815. Ч. I — 241 с., 2 вкл. Ч. II — 184 с., 2 вкл.

Владимир Иванович Штейнгель (1783–1862) — один из декабристов. Морской офицер до 1806 г. Участник формирования и похода Петербургского ополчения в 1812 г. В этот период Штейнгель был подлинным монархистом. После окончания войны и возвращения на родину во взглядах Штейнгеля произошел перелом. Он написал в 1817 г. записку «Нечто о наказании», в которой восстает против применения телесных наказаний. После этого Штейнгель написал ряд работ, за которые подвергся опале со стороны Александра I и его окружения. С 1823 г., подружившись с Рылеевым, Штейнгель сблизился с декабристами. После событий 14 декабря он был арестован и осужден. Книга представляет подробный дневник похода ополчения. Взгляды автора сугубо монархические, и с этих позиций он оценивает события. Историк войны 1812 года сможет в книге найти интересный фактический материал.

362. *Зотов Р.* Рассказы о походах 1812 и 1813 годов прапорщика Санкт-петербургского ополчения. СПб., 1836. 183 с.

Автор — участник войны. Книга представляет собой записки мемуарного типа, однако различные детали боевых действий похода, быта и нравов ополчения представляют военно-исторический интерес.

363. *Капошина С., Козлова А.* Владимирское ополчение 1812 года // Исторический журнал. 1942. № 8. С. 43–50.

Небольшая статья, посвященная одному из ополчений 1812 года, про которое специальных исследований еще не было.

364. *Лашков Н.* Новгородское ополчение 1812 года и памятник ему в Новгороде // Русская старина. 1912. Сентябрь. С. 394–401.

Небольшая справка о формировании и деятельности одного из народных ополчений в 1812 году.

6. Кампания 1813–1815 годов русских и союзных войск в Европе

365. Известия о военных действиях российской армии против французов первой половины 1813 года. СПб., 1813. 155 с.

Книга представляет собой поденную запись хода боевых действий, веденную в главной квартире. Материал может служить справочником по 1813 г.

366. Известия о военных действиях Российской армии против французов, второй половины 1813 г. и до окончания войны 1814 года. СПб., 1814. 64, 31 с.

Книга представляет собой поденную запись событий — военный дневник главной квартиры.

367. Поражение французов в Германии и Франции, или историческое обозрение похода российских и союзных войск против французов в 1813 и в начале 1814 г. М., 1814 (три части). Ч. I — 161 с.; ч. II — 165, 2 ч.; ч. III — 220 с.

Первое по времени издание описания войны 1813 года. В работе дается перечень событий и действовавших лиц и войск. Серьезного значения работа не имеет, но может служить справочником по войне 1813 года.

368. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. Вып. III / Ред. Н.Ф. Дубровин, генерал-лейтенант. СПб., 1890. XIX. 512 с.

В данном выпуске материалов в первом отделе помещены указы и рескрипты за 1813 г., а во втором отделе — документы финансового состояния России в 1813 г.

369. Журнал военных движений и действий Российско-императорских и королевско-прусских армий со времени прекращения последнего между ними и Армиями французскими перемирия, т.е. с 5/17 августа 1813 года. Печатан в военно-походной типографии при главной квартире, 1813. 83 с.

Книга представляет собой официальный документ подневной записи событий конца 1813 года.

370. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов / Ред. Н.М. Коробков, проф. // Главное архивное управление МВД СССР. М.: Госполитиздат, 1947 (см. № 422).

Войне 1813 года в сборнике посвящено 27 документов (кончая смертью М.И. Кутузова). С. 252–279.

371. Коробков Н.М., проф. Из боевого прошлого русской армии. Документы и материалы о подвигах солдат и офицеров. М.: Воениздат, 1947.

Кампании 1813 года посвящена глава VII, документы № 106–123.

372. Драке Л. О памятниках и братских могилах войны 1813 года в верхней Силезии // Военно-исторический сборник. 1913. № 3. С. 81–88.

Небольшая заметка-справка. Материал заметки может быть использован для иллюстрации военных действий в 1813 г.

373. Поход августейшего императора Александра I в Германию и Францию и подвиги знаменитых союзников его, с описанием всех важнейших происшествий и достопамятнейших перемен (пять частей в одном томе). 2-е изд. М., 1815. Ч. 1 — 79 с.; ч. 2 — 72 с.; ч. 3 — 80 с.; ч. 4 — 108 с.; ч. 5 — 92 с.

Книга представляет собой «высочайше одобренное» описание походов 1813 и 1814 годов. Военно-исторический интерес представляют помещенные в тексте описания похода, различные документы, приказы, рескрипты и т.п. (первое издание, четыре части в одном томе, вышло в 1814 г.).

374. Разговор Шишкова с князем Кутузовым // Русский архив. 1876. Кн. III. С. 498.

В статье приведен интересный разговор Кутузова с государственным секретарем А.С. Шишковым по вопросу заграничного похода русских войск.

375. *Богданович М.*, генерал. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам. СПб., 1863 (2 т.). Т. I: X. 691 с., 11 вкл. карт. От перехода русских войск за границу до открытия военных действий в августе после перемирия. Т. II: XVI. 805 с., 16 вкл. карт. От возобновления действий после перемирия до прибытия союзных армий к Рейну.

Автор располагал большим количеством материала, в том числе первоисточниками, для выполнения своей работы, но главным образом использовал иностранные (немецкие) работы. Работа Богдановича является пока единственным солидным трудом по войне 1813 года и потому может быть рекомендована современным военным историкам, но с обязательным учетом свойственных автору недочетов. В конце каждого тома даны приложения, содержащие указания источников, ведомости о боевом составе войск, документы, не вошедшие в текст и проч. В качестве приложений помещены рапорты главных деятелей о некоторых сражениях.

В конце второго тома дан перечень архивных и печатных источников (92 названия).

376. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1813 года (в двух частях). СПб., 1840. Часть первая — VII, 394, V с., 13 вкл. карт и планов; часть вторая — 328, IV с., 14 вкл. карт и планов.

Хотя автор — участник войны, но описание военных действий дано неполно и частично неточно. Работа далеко не удовлетворяет взятым автором обязательствам «дополнить недостаток в военной истории правдивым, беспристрастным изложением войны 1813 года» (стр. VII). Тем не менее Данилевский уделяет достаточно большое внимание действиям русских войск, и этим его работа выгодно отличается от других исследований войны 1813 года, написанных в XIX в.

377. *Михайловский-Данилевский А.И.* Записки о походе 1813 года. СПб., 1834. X. 556 с., 6 вкл. карт.

Автор, известный военный писатель, вел личный дневник похода 1813 года и, обработав его, издал в виде записок. Этот труд не является историей войны 1813 года, которой автор посвятил отдельную работу (см. № 376), но содержит в себе много интересных подробностей и характеристик действовавших лиц. Автор уделяет большое внимание М.И. Кутузову. Он пишет: «До сих пор никто не говорил о распоряжениях князя Кутузова, со дня выступления армии из пределов России до прибытия ее к Эльбе: для истории как будто не существуют последние три месяца жизни сего великого полководца, которые достойным образом заключают знаменитое поприще его».

378. *Богданович [М. И.]* История царствования императора Александра I и России в его время. Характеристика издания дана под № 11.

К войне 1813 года относятся в т. IV главы XXXIX–XLVI.

379. *Карцов*, полковник гв. Генштаба. Военно-исторический обзор войны 1813 года: Учебное руководство для военно-учебных заведений. СПб., 1855. 105 с.

Краткое изложение всех событий 1813 года, но без критического их разбора. Очевидно, как учебное руководство для военных училищ оно удовлетворяло требованиям программы. Современный историк данной работой может пользоваться как конспектом. Отсутствие в книге схем и карт предполагает возможность пользования ими по другим пособиям.

380. *Бутурлин Д.П.*, генерал-майор. Картина осеннего похода 1813 г. в Германии, после перемирия, до обратного перехода французской армии через Рейн/Пер. с франц. СПб., 1830. IV. 215 с., 3 вкл. карты и план.

Хотя прошло 17 лет со дня окончания похода 1813 года до выхода в свет работы автора, однако он считал, что «еще не наступило для писателя время к собранию материалов, должствующих служить основанием истории». Поэтому данный труд не представляет собой серьезного военно-исторического описания похода 1813 года. В работе автора интерес представляют главным образом приложения: 1) состояние союзных армий; 2) состав французской армии; 3) боевой порядок французской и союзных армий под Лейпцигом; 4) объяснения к плану Лейпцигского сражения.

381. *Ортенберг И.*, генерал-майор. Записки о войне 1813 года в Германии. СПб., 1855. VI, 260 с., 10 вкл. карт и планов.

Автор — участник похода 1813 года. Его работа в очень значительной степени повторяет материал более ранних историков войны 1813 года и мало чем отличается в выгодную сторону от этих работ, так как основная концепция данного автора целиком совпадает с концепцией его предшественников.

382. *Леер Г.А.*, проф., генерал-лейтенант. Война 1813 года // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. Ч. II. С. 1–194. СПб., 1886.

Работа содержит большой фактический материал. В приложении даны боевые расписания союзных и французских войск.

383. *Леер Г.А.* Выяснение некоторых данных, относящихся до сложных операций массовых армий, на основании опыта осеннего похода 1813 года // Военный сборник. 1888. №3. С. 45–98.

Автор рассматривает планы Наполеона с августа 1813 г. Выводы автора: несмотря на пассивность двух главнокомандующих (Шварценберга и наследного принца шведского), корпусные командиры показали, что генералы союзных армий превосходили французских генералов по инициативе и по способности самостоятельного командования крупного соединения, конница союзников (главным образом русская) была сильнее и лучше французской, обеспечивая союзному командованию современную ориентировку.

384. Конспект кампании 1813 г. (осенний поход). СПб.: Изд. Ак. Ген. штаба, 1893. 56 с., 46 вкл. схем.

Название полностью отвечает содержанию. Полезное пособие по 1813 году.

385. *Орлов Н.А.*, полковник Генштаба. Осенний поход 1813 г. Лекции экстраординарного профессора военного искусства. СПб.: Изд. Ник. Ак. Ген. штаба, 1893. 263 с., изд. стеклогр.

Работа посвящена крупным военным действиям в Германии в 1813 г. и сражениям под Кульмом и Лейпцигом. Автор дает не только описание событий, но и их критический анализ. Отсутствие схем и карт затрудняет пользование книгой без помощи других пособий.

386. Орлов Н.А., генерал-лейтенант. Война за освобождение Германии в 1813 г. // В сб.: История русской армии и флота. Кн. 4. М.: Образование, 1911. С. 69–119.

Хотя работа названа исследованием, но таковым не является, так как автор написал работу без ознакомления с архивами и никаких обобщений и выводов не делал (см. №387).

387. Орлов Н.А., генерал-лейтенант. Заграничные походы в 1813 и 1814 гг. М., 1912. 91 с. (Отдельный оттиск из IV тома «Истории русской армии и флота».) (См. №386.)

388. Андрианов П.М. Война 1813 года. От Немана до Рейна. Борьба за освобождение Европы от ига Наполеона. Одесса, 1913. 96 с., 3 вкл. карты, илл. и схемы в тексте.

Краткое, но вполне серьезное описание военных действий 1813 г. Работа может быть использована как конспект.

389. Виноградский И.А., лейтенант. Морской гвардейский экипаж в кампанию 1813 года. 1903. 72 с., 2 вкл. схемы.

Сам автор указывает, что его работа представляет собой сырой материал, собранный им в разных архивах и среди других первоисточников. Тем не менее работа представляет несомненный интерес.

390. Арнс Е.И., проф., генерал-лейтенант по адмиралтейству. Гвардейские моряки в бою под Кульмом. Страница из истории Гвардейского экипажа // Военно-исторический сборник. 1913. №3. С. 19–26; №4. С. 113–126; 1914. №1. С. 106.

Автор кратко останавливается на истории формирования морского гвардейского экипажа, его участия в Отечественной войне 1812 года. Главное внимание автор уделил кампании 1813 года и сражению под Кульмом.

391. Коробков Н.М., проф. Кутузов и освободительный поход русской армии в 1813 г. // Военная мысль. 1945. №6–7. С. 111–129. 1 сх.

Первая в советской печати серьезная статья, раскрывающая величие стратегических планов Кутузова в кампании 1813 года.

392. Сражение под Люценом 20 апреля 1813 г. СПб.: Изд. журнала «Чтение для солдат», 1885. 15 с., 1 пл. в тексте.

Брошюра чисто описательного характера.

393. Сражение при Бауцене 8/20 и 9/21 мая 1813 года. СПб., 1855. 26 с.

Небольшая, но вполне серьезная работа военного историка.
394. Орлов Н.А. Бауценское или Вуршенское сражение 8/20 и 9/21 мая 1813 г. СПб., 1883. 18 с. (Отд. оттиск из «Энциклопедии военных и морских наук». Т. I. Вып. 3.)

Весьма краткое изложение хода сражения.

395. Томилин С. Набег партизанского отряда Чернышева на Кассель, столицу Вестфалии в 1813 году. СПб.: Изд. журнала «Вестник русской конницы», 1910. 35 с., 4 илл. и 3 схемы в тексте.

Небольшая работа, ярко освещающая один из интересных эпизодов действий партизанской русской конницы. Некоторые детали набега, а также планы Касселя впервые появились в данной работе.

396. Кольдевин Н. Бои при Кульме. СПб., 1875. 22 с.

Небольшая брошюра, описывающая бой при Кульме в августе 1813 г., предназначена для военных бесед с солдатами.

397. Симанский П. Кульмский бой (по дневнику участника) // Военно-исторический сборник. 1913. № 3. С. 27–42.

Небольшая статья, обрисовывающая сражение под Кульмом по взглядам его участника.

398. Сражение под Кульмом, 17 и 18 августа 1814 г. СПб.: Изд. журнала «Чтение для солдат», 1886. 20 с., 2 пл. в тексте.

Самое замечательное в этой брошюрке, пожалуй, то, что автор даже не знал, что сражение под Кульмом было не в 1814 г., а в 1813 г. На обложке — не случайная опечатка, так как эта ошибочная дата все время повторяется в тексте (три раза).

399. Колзаков П.А., адмирал. Взятие в плен маршала Вандамма 18 августа 1813 г. // Русская старина. 1870. № 1. С. 207–215.

Рассказ об одном из эпизодов войны 1812 года в сражении под Кульмом.

399(а). Бурляев К. К столетию Кульмского боя. 17 августа 1813–1913 годов // Исторический вестник. 1913. № 8. С. 630–637. 4 рис. в тексте.

Небольшая заметка, посвященная главным образом современному описанию состояния Кульмского поля сражения и памятников на нем.

400. Новицкий В. Лейпцигская операция 2–7 октября 1813 г. // Военный мир. 1913. № 11. С. 23–45; № 12. С. 31–55. 2 сх. в тексте, 1 вкл. рис.

Интересно изложенное описание одного из крупнейших сражений 1813 года, резко изменившего положение сторон. В конце статьи приведены данные о боевом составе сторон.

400. Большая кавалерийская атака в битве под Лейпцигом в новом освещении // Военный сборник. 1909. Кн. 7. С. 91–98.

Интересная для военного историка заметка об одном из эпизодов битвы под Лейпцигом в 1813 г.

401. Михайловский-Данилевский А.И., генерал-лейтенант. Описание похода во Франции в 1814 году. Изд. 2-е. СПб., 1841. VI. 426 с. 23 пл. и карт вкл.

Историческое исследование войны 1814 г. автор предпринял главным образом с целью разоблачения фальсификаторов — иностранных историков, которые дали совершенно превратное описание войны: или возвеличивая искусство Наполеона (французы), или приписывая победы союзных войск главным образом немецким генералам (немцы), или же описывая войну по взглядам случайных наблюдателей (англичанина). Во время похода 1814 года автор состоял при начальнике Главного Штаба Волконском. Общими недостатками данного труда, как и многих других работ автора, являются чрезмерное возвеличивание роли Александра I и описательное повествование, а не критическое отношение к событиям.

402. Михайловский-Данилевский А.И. Записки 1814 и 1815 годов. 2-е изд. СПб., 1832. 370 с.

Работа Данилевского представляет интерес как первоисточник — дневник участника похода и близкого человека к главной квартире Александра I. Автор располагал рядом документов, которые были либо утрачены, либо еще не были опубликованы. Записки первоначально (1831) были изданы отдельно по каждому году.

403. Богданович М.И., генерал-лейтенант. История войны 1814 года во Франции и низложения Наполеона I, по достоверным источникам. СПб., 1865 (два тома). Т. I, 654 с., заключающий в себе описание событий от прибытия союзников на Рейн до заключения мира. Т. II, 234 с., заключающий в себе приложения, карты и планы.

Работа Богдановича является пока единственной наиболее полной работой по кампании 1814 года. Ценной частью труда являются примечания и приложения. Карты и планы отлично выполнены.

404. *Богданович*. История царствования императора Александра I и России в его время. Характеристика издания дана под № 11.

К войне 1814 года относятся в т. IV главы XL–LI.

405. *Леер Г.А.*, проф., генерал-лейтенант. Война 1814 года // Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. СПб., 1886. Ч. II. С. 195–318.

Работа Леера представляет собой оригинальный труд. Автор, описывая военные события, дает по ним свое заключение.

В приложении дано боевое расписание русских войск.

406. *Андрианов П.М.* Война 1814 года. От Рейна до Парижа. Одесса, 1914. 96 с., 5 илл. в тексте и 3 вкл. схемы.

Краткое, конспективное изложение военных действий без анализа их и выводов. Может служить конспектом при изучении войны 1814 года.

407. *Деминский Я.* Русские в Париже. СПб., 1814. 183 с.

Книга представляет собой сборник различных материалов и публикаций, посвященных кампании 1814 года, начиная со сражения при Фер-Шампенуазе. Работа может служить справочным материалом при изучении событий, связанных с кампанией 1814 года, капитуляцией Парижа, восстановлением королевской власти Бурбонов.

408. *Орлов Н.А.*, генерал-лейтенант. Низложение Наполеона в 1814 г. // История русской армии и флота: Сборник. Кн. 4. М.: Образование, 1911. С. 120–155.

Автор описывает поход 1814 года до вступления союзников в Париж. Работа носит характер конспекта описания событий. Выводы автора проникнуты излишним преклонением перед западноевропейской военной школой.

409. *Богданович М.И.* Положение дел в политическом отношении при открытии похода во Францию в 1814 году // Военный сборник. 1864. № 1. С. 3–22.

Небольшое исследование по архивным материалам (источники указаны). В последующем материал статьи включен

- в сочинение автора «История войны 1814 года во Франции» (см. № 403).
410. *Судравский В.К.* К войне 1814–15 гг. // Военный сборник. 1909. № 1. Раздел: Русская военная старина. С. 235–240.
В статье опубликовано три документа из архива Московского отделения Главного Штаба, относящихся к 1814–1815 гг.
411. *М.Б.* Капитуляция Парижа в 1814 г. (из записок М.Ф. Орлова) // Военный сборник. 1894. № 6. С. 287–309.
Автор записок — участник событий и один из приближенных Александра I. В записках приведен текст капитуляции Парижа в 1814 г.
- 412(а). Сражение при Фершампенуазе в 1814 году. СПб.: Изд. журнала «Чтение для солдат», 1884. 14 с.; (б) Взятие Парижа 18 марта 1814 года. СПб.: Изд. журнала «Чтение для солдат», 1884. 23 с., 1 вкл. рис., 1 план в тексте.
Популярные брошюрки, описывающие только само событие, без критического его анализа.
413. *Липранди И.П.* Как был взят город Суасон. 2/14 февраля 1814 г. // Русский архив. 1868. Т. VI. С. 903.
Статья представляет собой попытку реабилитации деятельности генерала Винценгероде, в частности при взятии Суасона.
414. *Соколовский М.* Взятие Суасона (2 февраля 1814 г.) // Военный сборник. 1904. № 8. Раздел: «Русская военная старина». С. 151–153.
Публикация донесения генерала Чернышева из Лефортовского архива. Явно преувеличивается роль генерала Винценгероде.
415. *Б-в Б.* Очерк пребывания русских войск во Франции с 1815 по 1818 год // Военный сборник. 1901. № 5. С. 11–32; № 6. С. 41–60.
Военно-бытовой очерк, имеющий целью заполнить пробел в исторической литературе о деятельности русских войск с 1815 г. во Франции, так как обычно вся историческая литература останавливает свое внимание только на действиях английских и прусских войск.
416. *Зыков*, капитан Генштаба. Военно-исторический обзор кампании 1815 года. СПб., 1860. II, 66 с., II, 3 вкл. карты.

Работа представляет собой учебное пособие для военно-учебных заведений и этим требованиям удовлетворяла. Книга написана на основе опубликованных трудов главным образом французского историка Шарраса. Хотя Шаррас в своей работе опровергает многие легенды, созданные мемуарами Наполеона I, но тем не менее он излишне приукрашивает французскую армию 1815 года. Политическая близорукость Шарраса была воспринята русским автором и получила свое отражение в данной работе.

417. *Клембовский В.*, капитан Генштаба. Обзор кампании 1815 года в Нидерландах/Пер. с франц. СПб.: Изд-во В.А. Березовского, 1889. 264 с., 6 кроки. (Международная военная историческая библиотека. Т. XVI.)

Интересная, полезная для военного историка работа. Особый интерес представляют приложения, в которых приведены данные о боевом составе сражавшихся войск.

418. *Кине.* Кампания 1815 года // Библиотека для чтения, 1862. Июль, приложения, с. 1–88; август, приложения, с. 1–32; сентябрь, приложения с. 33–92.

Работа состоит из четырех частей. В первой части «Истории империи» автор полемизирует с иностранными писателями о Наполеоне и его роли в событиях на грани и в начале XIX в., особенно в 1812–1814 гг. Автор описывает обстановку в 1815 г., силы и планы сторон. Во второй части «Линьи и Катр-бра» автор описывает кампанию 1815 года; третью часть «Сражение при Ватерлоо» автор целиком посвящает знаменитому дню Ватерлооского сражения и обзору мнений историков об этом дне; в четвертой части «Отречение» автор описывает последствия разгрома войск Наполеона.

419. *Киреевский А.* Линьи-катр-Бра. 1815 год. Киев, 1914. 180 с. Серьезное военно-историческое исследование, в котором автор обобщил ряд работ по 1815 году (источники указаны) и дал свой анализ и свои выводы. В приложении дан боевой состав сражавшихся войск и два приказа Наполеона (на французском языке).

7. Жизнь и полководческое искусство М.И. Кутузова

420. Ответ товарища Сталина на письмо тов. Разина // Военная мысль. 1947. № 1.

Товарищ Сталин указал на встречающиеся ошибки в оценке Кутузова, в том числе и в работах Энгельса: «Энгельс говорил как-то, пишет товарищ Сталин, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был, бесспорно, двумя головами выше Барклай-де-Толли. А ведь могут найтись в наше время люди, которые с пеною у рта будут отстаивать это ошибочное высказывание Энгельса».

Говоря о вопросах контраступления в теории и истории военного искусства, товарищ Сталин указал, что наш гениальный полководец Кутузов знал, как организовать этот вид боевой деятельности войск, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контраступления».

420(a). Михаил Илларионович Кутузов (к 200-летней годовщине со дня рождения) // Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). М., 1945. 32 с., 1 портрет.

Краткая биография великого полководца, которая впервые в литературе дала яркий образ М.И. Кутузова, характеристику его полководческого пути и наметила вехи для дальнейших исторических исследований по изучению ценного наследия его полководческого искусства. Кутузов показан как подлинный организатор и руководитель массовой армии, как организатор партизанской войны, как выдающийся, подлинный стратег. Кутузов «являет собой черты стратега высшего класса, великого полководца мировой истории» — такая оценка его полководческой деятельности, данная в этом основном документе.

421. *М.И. Кутузов*. Материалы юбилейной сессии Военной академии Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М.И. Кутузова / Ред. В.К. Мордвинов, генерал-лейтенант. М.: Воениздат, 1947. 179 с., 1 порт., 5 сх. вкл., сх. в тексте.

Сборник содержит следующие статьи: 1) Михаил Илларионович Кутузов (см. № 420(а)); 2) Готовцев А.И., генерал-лейтенант, проф., доктор воен. наук. Полководческое искусство М.И. Кутузова (см. № 431); 3) Прунцов В., полковник. Бородинское сражение (см. № 241); 4) Четков В.М., генерал-лейтенант артил. Артиллерия в эпоху М.И. Кутузова; 5) Ефремов К.Н., полковник. Кутузов и военн-инженерное дело; 6) Лещинский Л.М., майор. Кутузов и «малая» война; 7) Бескровный Л.Г., подполк, канд. педаг. наук. Кутузов как воспитатель русских войск; 8) Кузнецов Ф.Е., полковник. Документальные материалы государственных архивов СССР о полководческой деятельности М.И. Кутузова.

Сообщение о работе сессии было опубликовано в журнале «Военная мысль», 1945, № 10–11. С. 144–146.

Сборник представляет несомненный интерес, но следует помнить, что сессия состоялась до получения руководящего указания товарища Сталина о роли и месте Кутузова в развитии русского военного искусства (Ответ товарища Сталина на письмо тов. Разина // Военная мысль. 1947. № 1). Критика отметила ряд недочетов в некоторых докладах, но в целом сборник заслужил положительные оценки.

422. Фельдмаршал Кутузов. Сборник документов и материалов/Под ред. проф. Н.М. Коробкова // Главное архивное управление МВД СССР. Русские полководцы. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1947. 330 с., сх. в тексте, 1 порт. вкл.

Сборнику предпослана биография М.И. Кутузова, составленная в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и изданная, кроме того, отдельно (см. в данном указателе № 420(а)).

Сборник составлен в основном по материалам ЦГВИА и дополнен публикациями из других источников. Издание этого труда частично восполнило пробел в первоисточниках о жизни и деятельности М.И. Кутузова, но, к сожалению, в сборнике имеются неточные и неполные документы, некоторые документы приведены не с подлинников, а так, как они публиковались историками (например, Михайловским-Данилевским), которые допускали некоторое искажение под-

линных слов и выражений. Эти недочеты снижают ценность сборника для научной работы.

Серьезным недостатком сборника, как справедливо указывали критики, является включение в него только тех документов, которые хранятся в ЦГВИА в Москве — как в подлинниках, так и в копиях (часто не выверенных).

Рецензия на сборник, без критического подхода к его недостаткам, была напечатана в журнале «Военная мысль», 1945, № 10–11. Более серьезный разбор сборника был помещен в журнале «Вопросы истории», 1948, № 11. Рецензент, давая в целом положительный отзыв о сборнике, отмечает его существенные недостатки.

При пользовании сборником следует помнить, что данная публикация не всегда может быть первоисточником документов.

Кампании 1805 года в сборнике посвящено 10 документов (с. 88–100) и 1 сх. в тексте.

Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. в сборнике посвящено 39 документов (с. 100–142) и 1 пл. в тексте.

Отечественной войне 1812 года во **II разделе сборника** посвящено 100 документов (с. 143–252) и 2 сх. в тексте.

Кампании 1813 года в сборнике посвящено 27 документов (с. 252–279). Заканчивается сборник публикацией документов о смерти Кутузова М.И.

423. Кутузов в Дунайских княжествах (сборник документов) / Сост. Н.В. Березняков и В.А. Богданова. Кишинев, 1948 (см. № 80).

Сборник освещает одну из страниц государственной (полководческой и дипломатической) деятельности великого русского патриота Михаила Илларионовича Кутузова на посту главнокомандующего Молдавской армией (1811–1812). В сборник включены главным образом документы из фондов Центр. Гос. Историч. Архива Молдавской ССР, впервые опубликованные в печати, и это помогает подробнее осветить административную деятельность Кутузова в Дунайских княжествах.

424. *Люшковский М.В.*, полковник. Полководческое искусство Кутузова в кампаниях 1805 и 1811 гг. // Штаб и политическое

управление Ленинградского фронта. В помощь командиру. Л.: Воениздат, 1943. 28 с., 1 вкл. портрет, 4 сх. в тексте и 1 вкл.

Небольшая по объему работа военного историка М. В. Люшковского была написана для популяризации полководческой деятельности М. И. Кутузова в 1805 и 1811 гг., о которой упоминалось во введении к Полевому уставу С. А. 1943 г.

Незначительные неточности в тексте не умаляют положительного значения работы.

425. *Коробков Н. М.*, проф. Михаил Кутузов. М.: Воениздат, 1945. 64 с., 5 сх. в тексте.

В небольшой брошюре, изданной к 200-летию со дня рождения великого полководца Кутузова, автору удалось обрисовать его достаточно полный и яркий образ. Заслужено следует признать то, что он сумел в небольшом объеме работы показать все основные вехи полководческого искусства М. И. Кутузова. Но книга не лишена недостатков. В ней нет показа Кутузова как воспитателя войск, не всегда правильно применяются военные термины и понятия, без должной проверки приводятся цитаты и т. д. Все же в целом книга — полезный вклад в популярную литературу о М. И. Кутузове. По тем же материалам автор издал в Госполитиздате в 1945 г. небольшую брошюру «Кутузов» объемом 45 с. (рецензия на эту публикацию подполковника Н. Копылов «Новая книга о Кутузове» была опубликована в журнале «Военная мысль», 1945, № 9).

426. *Коробков Н. М.*, проф. Кутузов — стратег // Исторический журнал. 1942. № 5. С. 38–52.

В начале статьи автор говорит о недооценке стратегических талантов Кутузова дореволюционными историками, а затем показывает, какое подлинное место в развитии русского военного искусства должен занимать Кутузов. В подстрочных примечаниях автор указал большое количество трудов, в которых освещается деятельность М. И. Кутузова.

427. *Коробков Н. М.*, проф. Военное искусство Кутузова // Вопросы истории. 1945. № 3–4. С. 1–33, 1 сх. в тексте.

Автор справедливо отметил, что «наша военно-историческая наука значительно отстает в разработке ряда существеннейших вопросов отечественной военной истории, в частности

очень мало освещен вопрос о роли Кутузова в истории развития русского военного искусства». Автор подвергает суровой критике библиографию о Кутузове и говорит о том, что сколько-нибудь значительной и удовлетворяющей научным требованиям работы о Кутузове нет до сих пор. Естественно, что в рамках журнальной статьи автор не смог раскрыть все стороны военного искусства Кутузова и тем более — указать его роль в развитии русского военного искусства. Автор, по существу, дал только вехи полководческой деятельности Кутузова и более занялся описанием событий, нежели их разбором.

428. *Коробков Н.М.*, проф. Полководческая деятельность Кутузова в 1812 году // *Военная мысль*. 1945. №9. С. 68–83.

В статье приведены документы ЦГВИА и ЦГАДА МИД, частично уже известные по другим публикациям документов. Вначале дана обзорная статья автора.

429. *Коробков Н.М.*, проф. Кутузов и освободительный поход русской армии в 1813 году // *Военная мысль*. 1945. №6–7. С. 111–129.

Автор в своей статье поднял вопрос о руководстве Кутузова заграничным походом 1813 года, мало освещенный в исторической литературе. Автор пользовался опубликованными материалами и документами ЦГВИА, ссылки на которые приведены (см. №391).

430. *Ярославцев А.*, полковник. Стратегия Кутузова в войне 1812 года // *Военная мысль*. 1945. №9. С. 26–42.

Статья в сжатой форме пытается разрешить весьма интересный военно-исторический вопрос о сущности стратегии Кутузова и ее превосходстве над стратегией Наполеона. Полностью разрешить тему автору не удалось, тем не менее его статья служит интересным материалом для военных историков.

431. *Готовцев А.*, генерал-лейтенант. Полководческий путь М.И. Кутузова // *Военная мысль*. 1945. №10–11, 12.

Автор в двух статьях конспективно изложил свой взгляд на полководческое искусство М.И. Кутузова в 1805, 1811, 1812–1813 гг. В последующем, на юбилейной сессии военных академий КА, посвященной 200-летию со дня рожде-

ния М.И. Кутузова, автор сделал более основательный доклад на эту же тему, напечатанный в сборнике «М.И. Кутузов» (см. № 421).

432. *Окунь С.* Полководческое искусство Кутузова // Пропаганда и агитация. 1945. № 18. С. 11–20.

Автор в популярной форме излагает некоторые вопросы полководческой деятельности М.И. Кутузова.

433. *Брагин М.* Полководец Кутузов. М.: Гослитиздат, 1944. 174 с. Хорошо написанная беллетристическая биография М.И. Кутузова. Отдельные погрешности книги, видимо, вызваны отсутствием в распоряжении автора первоисточников. Книга читается легко. (В 1942 г. вышла аналогичная книга автора в серии «Роман-газета», с предисловием проф. генерала-майора Н.А. Левицкого).

434. *Брагин М.* Полководец Кутузов // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 84–101.

Небольшая биографическая статья, основанная на опубликованных трудах о М.И. Кутузове. Автор намечает основные вехи полководческого искусства Кутузова, но не развивает их.

435. *Брагин М.* Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745–1813). Военно-исторический очерк // Знамя. 1938. Кн. 6. С. 116–180.

Автор сделал попытку дать военно-исторический очерк о великом полководце Кутузове, а получился просто биографический очерк. При чтении статьи нельзя увидеть, как автор оценивает полководческое искусство Кутузова и в чем видит новое, оригинальное, «Кутузовское» в развитии русского военного искусства. Кроме того, в статье имеется ряд искажений фактов, названий и самих биографических данных о Кутузове.

436. *Подорожный Н.Е.*, полковник, канд. истор. наук. Кутузов. М.: Воениздат, 1942. 229 с., с илл. в тексте, 1 вкл. карта.

Автор осветил в своей книге не только жизнь, но и полководческое искусство М.И. Кутузова. Опубликованные в разное время книги о Кутузове автор дополнил некоторыми новыми материалами из ЦГВИА. С выводами и обобщениями автора не всегда можно согласиться. Книга рассчитана на подготовленного в военном отношении читателя.

437. *Борисов С.* Кутузов. Очерк жизни и деятельности великого русского полководца. М.: Воениздат, 1938. 52 с., 2 илл.

Данная брошюра явилась первой книгой о М.И. Кутузове в советской историографии. Книга рассчитана на широкие круги советского читателя и научной ценности не представляет.

438. *Коробков Н.М.*, проф. Русские полководцы. Указатель литературы. Голенищев-Кутузов к. Смоленский М.И. С. 79–98. М.: Всесоюзная книжная палата, 1943.

Ценное пособие-указатель по биографическим работам о М.И. Кутузове и его полководческой деятельности.

Следует помнить, что в указателе есть опечатки и описки, затрудняющие розыски материалов.

439. *Архангельская А.И.* Кутузов. М.: Изд. Государственной Третьяковской галереи, 1946. 53 с., 10 илл. Биографическая справка написана Н.А. Гейнике. («Образы великих русских полководцев в искусстве». Вып. 5.)

Работа предназначена для показа места М.И. Кутузова в изобразительном искусстве дореволюционного и советского периодов.

440. 1. *Гейсман П.А.* Кутузов (Голенищев-Кутузов-Смоленский): Статья // Русский биографический словарь, 1903. Т. 9. С. 628–695; 2. *Ещенко Н.Д.*, штабс-капитан. Голенищев-Кутузов-Смоленский: Статья // Военная энциклопедия. М.: Изд-во Сытина, 1912. Т. VIII. С. 355–361; 3. *б/а.* Кутузов: Статья // Большая Советская энциклопедия. Т. XXXV. С. 587; 4. *б/а.* Голенищев-Кутузов: Статья // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIII. С. 140–141; 5. *Лыкошин А.* Кутузов: Статья // Энциклопедический словарь изд-ва «Гранат». Т. XXII. С. 284–288.

Указанные статьи представляют собой краткую биографию жизни и деятельности М.И. Кутузова. Могут служить справочным материалом. Общий недостаток всех статей — недооценка величия полководческого искусства Кутузова.

440(а). К 200-летию со дня рождения великого русского полководца М.И. Кутузова было напечатано много биографических статей о Кутузове в различных журналах и газетах. К наиболее значительным публикациям можно отнести следующие:

1. *Коробков Н.М.*, проф. Кутузов // Журнал бронетанковых и механизированных войск. 1945. № 9. С. 4–10.

2. Люшковский М.В., полковник. Великий русский полководец Кутузов // Звезда. 1945. №9. С. 123–131.
 3. Четков В.М., генерал-лейтенант артиллерии. Фельдмаршал М.И. Кутузов — великий русский полководец // Артиллерийский журнал. 1945. №9. С. 4–10.
 4. Бескровный Л.Г. Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов // Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1945. №17. С. 20.
 5. Голубов С. Кутузов // Октябрь. 1945. №11–12. С. 332–342.
 6. Епифанов П. Спаситель Отечества // Огонек. 1945. №37 (956).
 7. Востоков Е., майор. Образ, вдохновляющий воинов (по материалам дома-музея М.И. Кутузова в г. Бунцлау) // Военный вестник. 1945. №14. С. 26–29.
 8. Нефтерев И., генерал-майор. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов — великий полководец русской армии и руководитель народа в Отечественной войне 1812 г. // Связь Красной Армии. 1945. №9. С. 4–10.
 9. Зубков И., генерал-майор. Стратегическое искусство Кутузова в войне 1812 г. (к 135-летию Отечественной войны 1812 г.) // Красная Звезда. 1947. №146 (6746) от 24 июня.
 10. Шперк В., полковник. Генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский // Военно-инженерный журнал. 1945. №9. С. 6–14.
441. Князьков С.А. М.И. Голенищев-Кутузов // В сб.: Отечественная война и русское общество. Т. IV. С. 1–7.
- Очень краткая биография великого полководца (всего 7 страниц). Эта краткость особенно бросается в глаза при сравнении с биографией Наполеона в этом же сборнике (40 страниц). Причем даже и в такой краткой биографии очень много ошибок и опечаток. Автор явно недооценивает роль Кутузова.
442. Булатов М. Кутузов в 1812 году по воспоминаниям современников/Вступ. статья проф. Н.М. Коробкова. М.: Правда, 1942. 103 с.
- Выдержки из различных мемуаров, записок и дневников (источники указаны), характеризующих взгляды современни-

ков на различные этапы полководческой деятельности Кутузова в 1812 году.

443. *Шильдер Н.* Кутузов в 1812 году. Историческая характеристика Д.П. Бутурлина / Пер. с неизданной французской рукописи // Русская старина. 1894. Октябрь. С. 201–220; ноябрь. С. 193–213; декабрь. С. 133–154.

Бутурлин, один из авторов истории войны 1812 года (см. № 113), оставил записки, в которых попытался дать характеристику действиям Кутузова. Автор, видимо, недолго любил Кутузова, хотя вынужден был признать, что фланговый маневр Кутузова, «указывающий на необыкновенную военную проницательность главнокомандующего, был выполнен с чрезвычайным искусством». В работе даны характеристики ряду генералов русской армии. Интересно мнение автора о начале контрнаступления Кутузова. В оценке событий на р. Березине автор не упрекает Кутузова в медлительности, как это делали некоторые историки, и, частично оправдывая Чичагова, упрекает Витгенштейна, считая его ошибки главной причиной ухода остатков войск Наполеона за Березину. Записки заканчиваются концом войны 1812 года.

444. *Волховский К.* Материалы для биографии князя М.И. Голенищева-Кутузова // Русская старина. 1912. Сентябрь. С. 283–288.

Интересные поправки и дополнения различных биографических статей и материалов о жизненном и боевом пути великого полководца М.И. Кутузова.

445. *Петров А.* К биографии светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского // Военный сборник. 1900. № 3. С. 1–13; № 4. С. 231–244; № 5. С. 96–103.

Обстоятельная краткая биография великого полководца, но без рассмотрения его полководческого искусства.

446. *Полевой Н.* Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский // В сб.: Русские полководцы, или жизнь и подвиги российских полководцев, от времени императора Петра Великого до царствования императора Николая I. СПб., 1845. С. 199–230. 1 вкл. портрет.

Краткая биографическая статья о великом полководце, без разбора его полководческого искусства.

447. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биография российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Часть III. № 40. Биография Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. С. 26–158. 1 вкл. портрет.

Достаточно подробная и в общем правильная биографическая статья о великом полководце Кутузове.

448. *Ушаков С.* Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Францией, в 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., с кратким начертанием всей их службы, с самого начала вступления в оную. СПб., 1822.

В сборнике имеется статья: «Генерал-фельдмаршал, князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский». Ч. 1. С. 1–115. 1 порт.

Автор включил в биографию Кутузова все материалы, которые были опубликованы после смерти великого полководца в различных трудах, посвященных М.И. Кутузову. Наибольшую часть очерка занимает описание роли М.И. Кутузова в 1812 году. Небольшие погрешности в биографии объясняются отсутствием возможности проверки некоторых данных по архивным материалам.

449. *Бартенев А.* Князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Биографии генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов Российской императорской армии. Военно-исторический сборник, 1912. Кн. 3. С. 1–14. 1 порт.

Очень краткий биографический очерк, содержащий неточности и ошибки, которые повторяли за Бартеневым другие источники и биографы Кутузова.

450. *Михайловский-Данилевский А.И.*, генерал-лейтенант. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. Князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Ч. III. СПб., 1846. 71 с., 1 порт.

Автор хорошо знал Кутузова в последние годы его жизни и был адъютантом полководца в 1812 году. В данной биографии, писанной по «высочайшему соизволению» царя Николая I, автор «пригладил» все шероховатости отношений между Александром I и Кутузовым. Об Аустерлице автор пишет, что общее мнение в армии будто бы осуждало полководца, что он не опроверг ошибочных распоряжений доверенных

лиц при царе. Это написано с явной целью обелить действия Александра I перед потомством. Также автор не показал, почему в мае 1812 г. Чичагов принял Дунайскую армию от Кутузова и почему Кутузов был не у дел в начале войны с Наполеоном. Особенно неточен автор при описании взаимоотношений царя и Кутузова в 1812 году. Похвалы Кутузову в конце очерка слишком отдают «казенным душком» официального отношения к великому полководцу со стороны правящих сфер.

451. Жизнь и военные подвиги генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. 396 с., 1 порт., 1 карта вкл.

Интересно написанная биография великого полководца вышла из печати вскоре после его смерти. Автор уделил главное внимание боевой деятельности М.И. Кутузова, но не смог оценить все величие его полководческого искусства, да оно и понятно, так как автор не располагал архивными материалами. В тексте приведены некоторые документы, но они не всегда текстуально совпадают с подлинниками.

В том же 1813 г. эта работа вышла под другим названием: «Исторические записки о жизни и воинских подвигах генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского».

452. Жизнь и военные деяния генерал-фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813 (четыре части в одном томе). Ч. I — 74 с.; ч. II — 120 с.; ч. III — 75 с.; ч. IV — 92 с.

Биография великого полководца, написанная вскоре после его смерти, не содержит в себе разбора его полководческих «деяний», а ограничивается лишь описанием событий. В тексте приведен ряд документов и писем.

453. Анекдоты и достопамятные сказания о его светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Илларионовиче Голенищеве-Кутузове-Смоленском. СПб., 1814 (две части в одном томе). Ч. I — 106 с.; ч. II — 130 с. 1 рис. вкл.

Оригинальный сборник, в который автор включил 129 рассказов о Кутузове. Может служить дополнительным материалом к биографии великого полководца.

454. Синельников Ф. Жизнь, военные и политические деяния его светлости генерал-фельдмаршала, князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813 (шесть частей в трех томах). Ч. I — 147 с.; ч. II — 203 с.; ч. III — 138 с.; ч. IV — 121 с.; ч. V — 189 с.; ч. VI — 104 с., 7 илл. вкл.

Первая подробная биография великого полководца, начатая автором еще при жизни Кутузова и оконченная вскоре после его смерти.

Автор лично был знаком с М.И. и его женой Е.И., бывал у них в доме, и многие сведения, включенные им в книгу, получены или лично от Кутузова, или от его жены. Поэтому эта биография полководца может расцениваться как наиболее полная и точная, хотя в ней встречаются ошибки, выявлению которых помогают опубликованные документы из архивов. Ч. I охватывает период с 1759 по 1791 г., то есть от момента вступления Кутузова на военную службу и заканчивая его участием во 2-й турецкой войне; ч. II охватывает период с 1792 по 1812 г., включая заключение Кутузовым Бухарестского мира с Турцией; ч. III и IV посвящены Отечественной войне 1812 года; ч. V посвящена заграничному походу 1813 года, смерти и погребению тела М.И. Кутузова; ч. VI описывает частичную или домашнюю жизнь полководца и его характер.

В тексте труда приведены важнейшие документы, связанные с жизнью и деятельностью М.И. Кутузова.

455. Картина жизни, военных и политических деяний его светлости князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. М., 1813 (три книги в одном томе). Кн. I — 65 с.; кн. II — 79 с.; кн. III — 52 с.; 1 порт., сх. вкл. в текст.

Автор — офицер российской службы, дал одну из первых, достаточно полных биографий М.И. Кутузова. Но сам автор — монархист и религиозный фанатик, поэтому образ Кутузова, им обрисованный, он наделил этими же качествами, скрывая истинные отношения царя Александра I и Кутузова. К четвертой книге автор приложил ряд писем из переписки Кутузова.

456. Глинка С. Воспоминания о князе Кутузове-Смоленском // Русский вестник на 1814 год. М., 1813. Кн. I. С. 1–50.

Автор собрал и опубликовал ряд отдельных рассказов из жизни и боевой деятельности М.И. Кутузова. Заклучая свои воспоминания, автор пишет: «Россия всегда будет украшаться памятью и славою князя Кутузова-Смоленского».

457. Биографическое известие о светлейшем князе Голенищеве-Кутузове-Смоленском // Вестник Европы, 1813. Кн. 7–8. С. 309–312; кн. 9 и 10. С. 125–139.

Небольшая биографическая статья, напечатанная вскоре после смерти полководца.

458. Дроздовский А.В. Светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский. Биографический очерк // 1812 год. №9–10. С. 356–359.

Юбилейная небольшая статья. Интересно, что в том же журнале Наполеону I посвящено несколько статей и дано много связанных с ним иллюстраций, а Кутузову отведено всего три страницы.

459. Панаев В. Историческое похвальное слово светлейшему князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому. СПб., 1823. 52 с.

Книга представляет собой доклад, прочитанный автором в Санкт-Петербургском вольном обществе любителей словесности 5 декабря 1821 года. Автор с большой теплотой говорит о Кутузове, о его славном боевом поприще. В примечаниях автор привел биографические данные о полководце.

460. Дубровин Н. Материалы для внутренней стороны 1812 года. Князь Кутузов-Смоленский в 1812 году. Биографический очерк // Артиллерийский журнал. 1863. Кн. 3. С. 185–228; кн. 5. С. 224–260; кн. 7. С. 395–432.

Интересное исследование известного историка. Автор детально останавливается на образовании, службе и боевой деятельности великого полководца М.И. Кутузова, заканчивая Бородинским сражением.

461. Кутузов-Смоленский // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1913. №4. С. 156–159.

Небольшая заметка к 100-летию со дня смерти великого русского полководца. Автор дает подлинное лицо М.И. Кутузова и ставит его в один ряд с Петром I, Румянцевым и Суворовым.

462. *Голенищев-Кутузов-Толстой П.М.* Несколько слов о князе М.И. Голенищеве-Кутузове-Смоленском // Русский архив. 1883. Т. IV. Кн. 2. С. 361–364.

Автор, внук М.И. Кутузова, опровергает некоторых историков, бросивших тень на Кутузова как полководца.

463. *Михайловский-Данилевский А.И.* Черты из жизни князя Кутузова-Смоленского // Отечественные записки. 1820. Ч. 2. № 4. Август. С. 119–147.

Автор был адъютантом Кутузова в 1812 году и на основе своего личного дневника опубликовал материал к характеристике М.И. Кутузова.

464. *Сообщил Опочинин С.К.* Архив князя М.И. Кутузова-Смоленского // Русская старина. 1874.

Опубликованные письма из переписки М.И. Кутузова с женой и дочерью, с видными людьми того времени, с императорами Павлом I, Александром I, Францем австрийским и др., представляют несомненный интерес как для биографии Кутузова, так и для понимания взглядов полководца на события. Переписка опубликована не полностью и письма не полным текстом.

1870. Т. I — включена переписка с Екатериной II, Павлом I и Францем австрийским; т. II — письма за 1790–1801 гг.; 1871. Т. III. Кн. 1 — письма за 1800–1808 гг.; 1872. Т. V. Кн. 2 — письма за 1810–1812 гг.; Т. V. Кн. 3 и 5 — письма за 1812–1813 гг. (Отечественная война); 1874. Т. X. Кн. 6 — письма к дочери Е.М. Тизенгаузен-Хитрово за 1805–1813 гг.

465. Из писем князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского к его дочери П.М. Толстой. 1812 года // Русский архив. 1891. № 2. С. 302–303.

Опубликовано шесть писем Кутузова к дочери. В некоторых письмах М.И. раскрывает свой взгляд на войну.

466. *Шишков Н.П.* Воспоминание о князе Смоленском М.И. Голенищеве-Кутузове // Русский архив. 1866. С. 460–474.

Автор статьи — родственник жены М.И. Кутузова. В приложении он опубликовал официальные документы (рескрипт и указ) и письма М.И. Кутузова к его дочери П.М. Толстой (см. № 465).

467. *Георгиевский Г.П.* Кутузов в переписке с родными // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 1. С. 1–36.

Автор, указывая на неполноту напечатанной Опочининым С.К. и др. переписки М.И. Кутузова (см. № 464), решил опубликовать ряд писем полководца к родным полным текстом, предварительно дав характеристику публикуемым материалам.

468. *Богоявленский Г.П.* М.И. Кутузов на посту директора военного учебного заведения // Советская педагогика. 1943. № 7. С. 32–34.

Автор, основываясь на опубликованных материалах о М.И. Кутузове, главным образом на воспоминаниях современников, рассказывает об одной замечательной странице административной деятельности великого полководца, а именно: о работе Кутузова на посту директора 1-го кадетского корпуса в Петербурге (1794–1797).

469. *Богданов Г., Воронин Е.* Роль М.И. Кутузова в организации тыла русской армии в 1812 году // Тыл и снабжение Красной Армии. 1945. № 9. С. 11–17.

Статья, написанная к 200-летию со дня рождения фельдмаршала М.И. Кутузова, весьма кратко обрисовывает роль Кутузова в организации тыла русских войск в 1812 году. По своему содержанию она написана посредственно и далеко не отражает огромного административного таланта, проявленного полководцем в обеспечении своих оперативно-стратегических замыслов.

470. *Богданович*, генерал-майор. Назначение Кутузова Главнокомандующим // Военный сборник. 1849. № 1. С. 88–106.

Статья представляет собой главу из изданного автором позднее труда «История войны 1812 года» (см. № 115). В статье автор дает положительный отзыв о Кутузове и пишет: «Напрасно иностранцы стараются унизить заслуги нашего полководца: лучшими ценителями их могут быть те, которым они принесли пользу».

471. *Ещенко Н.Д.* Генерал-фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев, светлейший князь Смоленский // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1912. № 4. С. 106–109.

Доклад автора по истории войн в Русском военно-историческом обществе 16 апреля 1912 г.

В заключении автор говорит, что «в целом Кутузов является собой высокий образец государственного мужа и вождя русских армий, является собой крупнейший военный талант, является вождем, высоко державшим славу русского оружия и русского военного искусства».

472. *Алянчиков К.Н.*, полковник. Генерал-фельдмаршал светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский, русский народный герой. Вильна, 1913. 16 с.

Юбилейное сообщение, прочитанное 22 апреля 1913 г. в Виленском военном собрании. Автор рассказал краткую биографию М.И. Кутузова.

473. *Полянский М.* Медали и жетоны в память князя М.И. Голенищева-Кутузова-Смоленского // Журнал императорского русского военно-исторического общества. 1911. Кн. VII, III. С. 1–5.

***Материалы к библиографии о М.И. Кутузове,
не имеющие серьезного военно-исторического значения***

474. *Швитков М.* Слово похвальное светлейшему князю Смоленскому, Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову. СПб., 1814. 87 с.

Панегирик Кутузову, причем автор настолько «переборщил» в оценке всех добродетелей Михаила Илларионовича, что журнал «Отечественные записки» за 1820 г., кн. 4, должен был указать: «благоговея к памяти фельдмаршала, мы полагаем, что она столь же оскорбляется излишними похвалами, сколь и клеветою».

475. *Поликарпов Н.* Новый бюст генерал-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского и справка о полках, в которых служил генерал-фельдмаршал князь Кутузов // 1812 год. № 3. С. 105–106.

Описывается бюст Кутузова работы М.М. Страховской и дается справка о наименовании полков и учебных заведений русской царской армии, в которых служил или которыми командовал великий полководец.

476. *Шильдер Н.К.* Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. 1745–1813. Заметка к его портрету, гравированному Серяковым // Русская старина. 1881. Т. XXX. С. 463–466.

Автор указывает, что в портрете Серякова допущен анахронизм: орден Георгия 4 ст. Кутузов получил уже после потери правого глаза, а на портрете он изображен молодым офицером до ранения, с георгиевским крестом на груди.

477. Ермолаев Г. Истина и благодарность. Голос «Современника» в защиту князя Кутузова // Русская старина. 1896. Май. С. 288–290.

В журнале опубликована статья, написанная в 1814 г. против «нескольких неблагодарных сынов России к своему спасителю», то есть против тех, кто пытался омрачить славу побед великого полководца М.И. Кутузова.

478. *Д.Д.* Скромность истинного героя // Сын Отечества. 1813. Ч. VII. С. 123–128.

Автор рассказывает о М.И. Кутузове и приводит текст его письма — ответ на просьбу прислать портрет полководца.

479. Некролог, краткая записка о службе и стихи Корсакова П. на кончину князя Г.-К. Смоленского // Сын Отечества. 1813. Ч. VI. С. 37–46.

Первая публикация в данном журнале на смерть М.И. Кутузова. К некрологу приложена выписка из послужного списка Кутузова с 1759 до 26 августа 1812 г.

480. *Герарков Гавриил.* И мои мысли по истреблении армий Бонапартевых мудрым князем Гол.-Кутузовым-Смоленским с русскими. С присовокуплением краткого описания службы генерал-фельдмаршала к. Г.-К.-Смоленского. Петроград: тип. Ф. Дрехслера., 1813. 40 с.

Патриотического характера брошюра. Интерес представляет краткое описание службы (данные послужного списка) М.И. Кутузова, со времени производства в капралы артиллерии, кончая Бородинским сражением.

481. *Скулов Г.* Встреча Суворова с Кутузовым, или вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским. СПб., 1813. 19 с.

Стихотворное произведение, написанное в патриотическом духе после войны 1812 года.

482. *Гоконов П.* Чувствование россиянина при встрече в Санкт-Петербурге тела покойного Голенищева-Кутузова-Смоленского, июня 11-го дня 1813 г. СПб., 1813. 7 с.

Стихотворение — ода на смерть полководца. Посвящается его жене Е.И. Кутузовой.

483. *Потемкин.* Мысли россиянина при гробе фельдмаршала, светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. 15 с.

В повышенно-религиозно-патриотическом стиле написанный панегирик.

484. *Синельников Ф.* Жертва хвалы и благодарности от сынов Отечества со слезами воздеваемая бесценному праху его светлости Г. Генерал-фельдмаршала, главнокомандующего всеми российскими и союзными действующими армиями Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. СПб., 1813. 32 с.

Стихотворение — ода, посвященная М.И. Кутузову, написанное в первый месяц после его смерти. Посвящено жене Михаила Илларионовича.

485. *Синельников Ф.* Кутузов и в гробе велик. СПб., 1813. 83 с., 1 вкл. рис.

Стихотворение — ода, названная «надгробный плач и последнее целование праху спасителю Отечества». Посвящено дочери полководца Дарье Михайловне Опочининой.

486. *Студенкин Г.И. (Г. С.)* Отъезд князя Кутузова в армию. 1812 год // Русская старина. 1883. Декабрь. С. 514.

Небольшая заметка о требуемых почтовых лошадях для переезда Кутузова из Петербурга к армии.

487. Послужной список светлейшего князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского // Русский инвалид или Военные ведомости. 1835. № 167, от 4 июля.

Приведена выписка из послужного списка Кутузова.

488(а). *Осипов К.* Кутузов // В сб.: Наши великие предки. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. С. 54–64; (б). *Никольский В.К. и Тихомиров М.Н.* Михаил Кутузов // В сб.: Наши великие предки. М.: Учпедгиз, 1948. Гл. V. С. 72–106.

Краткие биографии великого полководца, изложенные в популярной форме.

489. *Тихонов Н.* Кутузов // Смена. 1942. № 13–14. С. 16–19, с илл.

Небольшая, но содержательная работа биографического характера. Интерес представляет раздел «Черты полководца».

490(а). *Жерве В.В.* Славный вождь 1812 года Кутузов. М., 1912. 58 с., с илл. в тексте; (б) *Тарле Е.В.* Михаил Кутузов. М.: Воениздат, 1942. 30 с. (Библиотека красноармейца); (в) *Нечкина М.В.* Михаил Кутузов. М.: Воениздат, 1944. 55 с.; (г) *Жиборев П.* Михаил Кутузов. Саратов: Облиздат, 1942. 20 с.; (д) *Писаревский Г.Р.*, проф. Михаил Илларионович Кутузов. Баку: Изд-во Аз. Ф. Ак. Наук, 1942. 56 с.; (е) *Подорожный Н.*, полковник. Михаил Кутузов. Пенза: Изд. газ. «Сталинское знамя», 1942. 20 с. (Библиотека агитатора и пропагандиста, вып. 55. Серия: Наши великие предки, кн. 4); (ж) *Орлов В. М.И.* Кутузов. М.: Госкиноиздат, 1942. 39 с., с илл. в тексте.

Популярные брошюры о великом полководце русского народа М.И. Кутузове. Для военного историка ни одна из них интереса не представляет.

491. *Миловидов Н.* Памяти фельдмаршала светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского. М., 1912. 16 с., 1 порт.

Биография великого полководца, изложенная в стихотворении. В подстрочных примечаниях приведены даты и факты из жизни М.И. Кутузова.

492. *Булгаковский Д.Г.* Двадцать восемь портретов главнейших русских полководцев Отечественной войны. С общей характеристикой и с кратким описанием их действий на театре войны. СПб., 1912. 52 с., с илл. в тексте.

М.И. Кутузову посвящены с. 5–9.

493. *Елчанинов А.Г.*, проф. Герои-полководцы 1812 г. М.: Изд-во Сытина. 1912. 51 с., с илл в тексте.

Краткая характеристика М.И. Кутузова приведена на с. 6–10.

494. Галерея гравированных портретов генералов, офицеров и проч., которые мужеством своим, воинскими дарованиями или любовью к Отечеству споспешествовали успехам российского оружия в течение войны, начавшейся 1812 года. СПб., 1813.

В книге имеется портрет М.И. Кутузова, гравированный в Лондоне, и биографический очерк «Светлейший князь

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский» на 11 страницах русского и на 10 страницах французского текста. Интересно отметить, что составители сборника поместили материал о Кутузове не в начале книги, а после Платова, Кульнева и других менее значительных деятелей 1812 года.

495(а). *Апхтин А.Н.* Памяти генерал-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского; (б) *П.С.* Кончина Кутузова (16 апреля 1813 г.).

Обе публикации — газета «Русский инвалид». 1913. №83.

496. *Соколовский М.* Последний из Екатерининских орлов (Кутузов) // *Русский инвалид*. 1913. №84.

497. б/а. Чествование памяти генерал-фельдмаршала, светлейшего князя Михаила Илларионовича Кутузова-Смоленского у Кутузовского фонтана близ д. Шума, 27 апреля 1913 г. Симферополь, 1913. 26 с.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ

- Абов Г. • 69 (2)
Абрамов Н. • 41, 67
Аврамов Н. • 84
Аглаимов С.П. • 202
Алексеев А.М. • 59
Альфтон А. • 69 (1)
Алянчиков К.Н. • 472
Андреев П. • 350
Андрианов П.М. • 93, 94,
213, 274 (а,б), 388, 406
Апухтин А.Н. • 215,
219(в), 495(а)
Апухтин В.Р. • 352–357
Апушкин Вл. • 63, 66
Аренс Е.И. • 390
Архангельская А.И. • 439
Ассонов В. • 185, 328
Ассонов В.И. • 327
Афанасьев В. • 288
Афанасьев В.А. • 261, 291
Афанасьев Г.Е. • 106
Афонасьев • 60
Ахлестышев Д.П. • 168
Ахшарумов Д. • 110
Ашик В.А. • 182
Бабеньшев П.Б. • 136
Байов А. • 30
Балтийский А. • 278
Бантыш-
Каменский Д.Н. • 447
Барклай-де-Толли • 154(а)
Бартенев А. • 449
Безобразов А.М. • 112
Белокуров С.А. • 294
Беляев В. • 203, 219(б)
Беннигсен Л.Л. • 191
Березняков Н.В. • 80, 423
Берков Е. • 275
Бернацкий Н. • 145
Бескровный Л.Г. • 170,
171, 421 (7), 440(а)
Бессонов И. • 334
Богданов Г. • 469
Богданова В.А. • 80, 423
Богданович • 470
Богданович М.И. • 11, 45,
64, 9,6, 115, 125, 204, 263,
375, 378, 403, 404, 409
Богоявленский Г.П. • 468
Божемянов И.Н. • 135
Бонналь • 221
Борисевич А.Т. • 53
Борисов В. • 236
Борисов С. • 437
Бородкин М. • 75
Бородкин М.М. • 56, 69
Бочкарева Е.И. • 167
Брагин М. • 433, 434, 435
Булатов Д.А. • 74
Булатов М. • 442
Булгаковский Д.Г. • 492
Булычов Н.И. • 359
Бурляев К. • 399(а)
Бутенко В.А. • 103
Бутовский И. • 20
Бутурлин Д.П. • 88, 113, 380
Бычков Л. • 303, 304,
305, 306, 348, 349
Бюцов Б.Е. • 289
Вавилов П. • 40
Васильев А.И. • 167
Васильев В. • 277

- Веймарн В. • 102, 285
 Виноградский • 137
 Виноградский И.А. • 389
 Вистицкий М.С. • 276
 Витмер А. • 256, 257
 Воейков А.Ф. • 38
 Военский К. • 156, 209, 216
 Военский К.А. • 127, 324, 358
 Волховский К. • 444
 Воронин Е. • 469
 Воронов П. • 237
 Вороновский В.М. • 231, 340
 Востоков Е. • 440 (а)
 Гарин Ф.А. • 296
 Гарнич Н.Ф. • 242, 296
 Гастфрейнд Н. • 195
 Гевлич Д.К. • 355
 Гейсман П.А. • 440
 Геккель А.И. • 181
 Георгиевский Г.П. • 467
 Гераков Гавриил • 480
 Герих П. • 62
 Геруа А. • 251
 Гинзбург С.М. • 140
 Глинка В. • 332
 Глинка С. • 456
 Глинка Ф. • 19, 108, 254
 Годлевский Н.Н. • 180
 Гоконов П. • 482
 Голенищев-Кутузов-Толстой П.М. • 462
 Голубев В. • 102(а)
 Голубев С.Н. • 12, 70, 81, 165
 Голубов С. • 440(а)
 Голубцов Н.А. • 200
 Горяинов С. • 160
 Готовцев А. • 421 (2), 431
 Греков А.П. • 142
 Давыдов Д. • 43, 73, 308, 309, 310
 Деминский Я. • 407
 Дживилегов А.К. • 103
 Догель М.И. • 292(б)
 Дорман А.М. • 150(г)
 Драке Л. • 45(б), 372
 Драшусов В.А. • 353
 Дренков • 7
 Дроздовский А.В. • 458
 Дубровин Н.Ф. • 46, 89, 90, 157, 158, 183, 298, 358, 460
 Дулов В. • 199(б)
 Дурново А. • 35
 Елчанинов А.Г. • 493
 Епифанов П. • 440(а)
 Ермолаев Г. • 477
 Ефимов Д.И. • 214
 Ефремов К.Н. • 421 (5)
 Ещенко Н.Д. • 440, 471
 Жамов В.Е. • 150(а)
 Жерве В. • 198
 Жерве В.В. • 315, 490(а)
 Жерве Н. • 316
 Жиборев П. • 351, 490(г)
 Заглухинский В.В. • 144
 Зарин А.Е. • 318
 Захаров Г. • 48
 Зельницкий Г. • 330
 Злобин К.К. • 58
 Зотов Р. • 362
 Зубков И. • 264, 440(а)
 Зыков • 416
 Иванов Н. • 287
 Ивков Д. • 150(в)
 Идельсон • 146
 Ильинский В. • 317
 Иностранцев М. • 222

- Ирицкий Е. • 249
Кабанов А.К. • 103
Кабанов В. • 197
Каллаш В.В. • 130
Каменский Е.С. • 9, 100, 344
Каменский К. • 21
Капошина С. • 363
Карцов • 116, 379
Карцов Ю. • 209
Кац Б. • 245, 246
Кине • 418
Киреевский А. • 419
Кияновский М. • 177
Клаузевиц • 118
Клембовский В. • 6, 417
Князьков С.А. • 441
Козлова А. • 363
Колзаков П.А. • 399
Кольдевин Н. • 396
Колюбакин Б.М. • 29, 223, 224, 239, 240
Колюбакин В. • 319
Коновницын А.И. • 141
Копосов В.П. • 144
Коробков Н.М. • 13, 79, 166, 174, 370, 371, 391, 422, 425, 426, 427, 428, 429, 438, 440(a)
Котляревский И.П. • 101
Краснянский В.Г. • 139
Кудлинг Г.Э. • 18
Кузнецов Ф.Е. • 12, 70, 81, 165, 421 (8)
Ланжерон А.Ф. • 100
Лашков Н. • 364
Левицкий Н. • 105
Леер Г.А. • 3, 4, 26, 124, 382, 383, 405
Леонтьев М. • 22(д)
Лещинский Л.М. • 421(6)
Линков Я. • 320
Липранди И.П. • 68, 121, 122, 123, 255, 262, 413
Ломакин А.Н. • 271
Лыкошин А. • 440
Любенков Н. • 290
Люшковский М.В. • 424, 440(a)
Майков П.М. • 34, 39, 191, 192
Макшеев Ф.А. • 148
Мальцев • 95
Мариюшкин А. • 132
Матвеев М.Л. • 270
Мельгунов С.П. • 103
Миллер А.Ф. • 91
Миловидов Н.И. • 333, 491
Мирный В.А. • 228
Миронов А.А. • 360
Митаревский Н.Е. • 129
Михайлов П.В. • 172
Михайловский-Данилевский А.И. • 2, 25, 49, 86, 114, 376, 377, 401, 402, 450, 463
Михеев С. • 272
Михневич А.П. • 266
Михневич Н.П. • 103, 126, 267, 311
Молок А. • 208
Мордвинов В.К. • 421
Морозов Н. • 31, 32, 33
Муратов Н.П. • 134
Назаров Д.А. • 5, 28
Наркевич Н.Ф. • 273
Неелов • 269
Нефтерев И. • 440(a)

- Нечкина М.В. • 490(в)
 Ниве П.А. • 50, 51, 52, 59, 119
 Никольский В.К. • 488(б)
 Никольский В.П. • 155,
 155(а), 292
 Никулищев Б.А. • 329
 Новацкая М. • 219(г)
 Новицкий В. • 400
 Новицкий Е. • 281
 Норов А.С. • 206(а)
 Оболевешев • 280
 Окунев Н.А. • 120
 Окунь С. • 432
 Омелянович • 235
 Опочинин С.К. • 14,
 82, 184, 464
 Ордин К.Ф. • 57
 Орлов В. • 490(ж)
 Орлов В.Н. • 43, 73,
 308, 313, 490(ж)
 Орлов Н.А. • 385,
 386, 387, 394, 408
 Ортенберг И. • 381
 Осипов К. • 488(а)
 Осткевич-
 Рудницкий А.Н. • 292(а)
 Павленко Н. • 243
 Панаев В. • 459
 Петров А. • 445
 Петров А.Н. • 77, 78
 Петухов В. • 336
 Писанко А.И. • 335
 Писарев А. • 149
 Писаревский Г.Р. • 490(д)
 Пичета В.И. • 103, 107, 211
 Подорожный Н. • 490(е)
 Подорожный Н.Е. • 436,
 490(е)
 Полевой Н. • 259, 446
 Поливанов В.Н. • 356
 Поликарпов И. • 295(а)
 Поликарпов Н. • 283, 284, 475
 Поликарпов Н.П. • 155(а),
 226, 250
 Полторацкий В. • 117
 Полянский М. • 473
 Попов А.Н. • 92, 210,
 295, 297, 325
 Попов Н. • 264
 Потемкин • 483
 Потоцкий П.П. • 286
 Похвиснев • 150
 Предтеченский А.В. • 167, 265
 Прочко И.С. • 248
 Прунцов В.В. • 241, 421 (3)
 Раевский Н.Н. • 72, 83
 Ростопчин • 162
 Рецков Н.Н. • 172
 Родных А. • 138
 Рожков П. • 322
 Рожкова М. • 312
 Рудаков Д. • 343
 Руднев И.Н. • 234
 Рыльский К. • 54
 Рындзюнский П. • 321
 Сазонов Л. • 22(а)
 Свечников М. • 253
 Серафимов А. • 282
 Середонин С.М. • 212
 Сивицкий С.Н. • 133
 Сильвергельм М. • 76
 Симанский П. • 217, 218, 397
 Синельников Ф. • 454,
 484, 485
 Скугаревский • 225, 252
 Скулов Г. • 481

- Слухоцкий Л.Л. • 163
Соболев А.А. • 163
Соколов В. • 244
Соколова К. • 307
Соколовский М. • 15,
16, 17, 85, 414, 496
Соколовский М.К. • 196
Софинов П. • 351
Стрельский В. • 199(а)
Строев В. • 153, 154
Студенкин Г.И. • 37, 486
Судравский В.К. • 410
Сухомлинов В. • 314
Сухтелен П.К. • 61
Тарле Е.В. • 104, 167,
296, 323, 490(б)
Татищев Ю.В. • 173
Тимошук В. • 190
Тимченко-Рубан Г. • 341
Титов А.А. • 99
Тихов П. • 146 (а)
Тихомиров М.Н. • 488(б)
Тихонов Н. • 489
Толстой-
Милославский С.С. • 357
Толузаков С. • 337, 338
Толь • 291(а)
Томилин С. • 395, 400(а)
Ушаков С. • 448
Федоров В.П. • 103
Фомин И.В. • 144
Фраткин Б.Б. • 167
Харкевич В.И. • 131,
179, 193, 194, 219, 220,
227, 230, 293, 342
Хатов А. • 27, 87, 113
Хитрово С.К. • 292(б)
Хованский Н.Ф. • 201
Холодковский И.М. • 180
Храпков С. • 143
Хрептович-
Бутенев К.А. • 229(а)
Цветков И.Ф. • 331
Цуриков П.Н. • 232
Червяков Д. • 300, 301, 302
Четков В.М. • 421 (4), 440(а)
Чичагов П.В. • 346
Чуйкевич П. • 42, 97, 109
Швитков М. • 474
Шелехов Ф. • 42(а)
Шеманский А. • 147, 219(а)
Шильдер Н.К. • 22(б),
44, 443, 476
Шишков Н.П. • 466
Шперк В. • 440(а)
Штейнгель В. • 361
Щукин П.И. • 152
Энгельгардт А. • 98
Энгельс Ф. • 1, 238
Эпштейн Д. • 351
Яковлев В. • 247
Ярославцев А. • 430

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

АВГУСТИН, архиепископ. В 1812 г. управляющий Московской епархией.

АДАМОВИЧ Иван Степанович, генерал-майор. Осенью 1812 г. был направлен в Арзамас для формирования резервов, затем командир бригады.

АЛЕКСАНДР I (1777–1825), русский император (с 1801 г.).

АКИНФОВ, штаб-ротмистр, один из адъютантов генерала Милорадовича.

АМЭ А., французский генерал. В 1814 г. командовал дивизией, разбитой союзными войсками при Фер-Шампенуазе.

АНДРЕЕВ Иван, волостной голова. Организатор и руководитель крестьянского партизанского отряда в Звенигородском уезде Московской губернии. Награжден знаком отличия Военного ордена.

АНДРИАНОВ, рядовой кирасир, ординарец Багратиона.

АНШТЕТ, русский дипломат, находившийся при Главном штабе действующей армии.

АПРАКСИН, граф, ротмистр гвардии, адъютант Кутузова.

АРАКЧЕЕВ Алексей Андреевич (1769–1834), граф, генерал от артиллерии. В 1812 г. председатель департамента военных дел Государственного совета. С декабря 1812 г. находился при Главном штабе действующей армии.

АРНОЛЬДИ, капитан, командир артиллерийской роты.

АРРИГИ ДИ КАЗАНОВА Жан-Туссен (1778–1853), герцог Падуанский, французский генерал, двоюродный брат Наполеона. В 1813 г. командовал 3-м кавалерийским корпусом.

АРСЕНЬЕВ, генерал-майор, командир 7-го полка Московского ополчения.

АФАНАСЬЕВ, рядовой гвардейской артиллерии.

БАГГОВУТ Карл Федорович (1761–1812), генерал-лейтенант, командир 2-го пехотного корпуса. Убит в сражении при Тарутино 6 октября 1812 г.

БАГРАТИОН Петр Иванович (1765–1812), князь, генерал от инфантерии, выдающийся русский полководец. Главнокомандующий 2-й Западной армией. Смертельно ранен в сражении при Бородино. Скончался 12 сентября 1812 г.

БАЗИЛЕВИЧ, капитан, командир гвардейской артиллерийской роты.

БАЛАШОВ Александр Дмитриевич (1770–1837), генерал от инфантерии, член Государственного совета. В 1812 г. министр полиции.

БАРАГЭ д'ИЛЬЕ Луи (1764–1812), французский генерал. В 1812 г. командовал дивизией, военный губернатор Смоленска и губернии, затем военный губернатор Берлина, где и умер в декабре 1812 г.

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ Михаил Богданович (1761–1818), князь (1815), генерал-фельдмаршал, выдающийся русский полководец. В 1812 г. генерал от инфантерии, военный министр и главнокомандующий 1-й Западной армией. В 1813–1814 гг. главнокомандующий 3-й Западной армией (с февраля 1813 г.), затем главнокомандующий русско-прусскими войсками (с мая 1813 г.). За взятие Парижа в марте 1814 г. получил чин генерал-фельдмаршала.

БАРТЕЛЕМИ, французский полковник, офицер Главного штаба наполеоновской армии.

БАССАНО, см. Маре Г.

БАХМЕТЬЕВ 1-й Алексей Николаевич (1774–1841), генерал от инфантерии, член Государственного совета. В 1812 г. генерал-майор, начальник 23-й пехотной дивизии. Был тяжело ранен (ядром оторвало ногу) в Бородинском сражении. Впоследствии занимал военно-административные должности.

БАХМЕТЬЕВ 2-й Николай Николаевич (ум. 1830), генерал-майор, начальник 11-й пехотной дивизии.

БАШЕЛЮ, французский генерал, командир бригады в корпусе маршала Макдональда.

БАШМАКОВ, подполковник, командир артиллерийской роты.

БАШУЦКИЙ П.Я. В 1812 г. генерал-майор, начальник 25-й пехотной дивизии, дислоцированной в Санкт-Петербурге.

БЕКЛЕМИШЕВЫ, старинный дворянский род, восходящий к XV в.

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811–1848), русский революционный демократ, литературный критик и публицист.

БЕЛЬГАРД Генрих (1756–1845), граф, австрийский генерал-фельдмаршал. В 1813–1814 гг. генерал, командующий австрийскими войсками в Северной Италии.

БЕЛЯЕВ С. И., житель г. Малоярославец, накануне сражения уничтоживший понтонный мост противника через реку Лужа.

БЕНКЕНДОРФ 1-й Александр Христофорович (1783–1844), граф, генерал от кавалерии. В 1812 г. генерал-майор, командир отдельного отряда в составе корпуса Витгенштейна.

БЕНКЕНДОРФ 2-й Константин Христофорович (1785–1828), генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. в чине майора служил в отряде Винценгероде. В 1813–1814 гг. командовал «летучим» отрядом.

БЕННИГСЕН Леонтий Леонтьевич (1745–1826), генерал от кавалерии. С августа по октябрь 1812 г. начальник Главного штаба действующей армии. В 1813–1814 гг. главнокомандующий одной из армий союзников.

БЕРГ Григорий Максимович (1765–1838), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, начальник 5-й пехотной дивизии в корпусе Витгенштейна. Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов командовал дивизией.

БЕРНАДОТ Жан-Батист-Жюль (1763–1844), маршал Франции (1804), князь Понтекорво (1806), принц-регент Швеции (1810–1818). В 1813–1814 гг. главнокомандующий Северной армией союзников (6-й антифранцузской коалиции). Впоследствии король Швеции под именем Карла XIV (с 1818 г.).

БЕРТРАН Анри-Грасьен (1773–1844), граф, французский генерал. В течение многих лет был адъютантом Наполеона. С 1813 г. обер-гофмаршал императорского двора Наполеона. В 1813 г. командир 4-го корпуса наполеоновской армии. Со-

проводил Наполеона в ссылку на остров Эльба и на остров Святой Елены.

БЕРТЬЕ Луи-Александр (1754–1815), маршал Франции (1804), князь Ваграмский (1809), Невшательский и Валанженский (1806), вице-коннетабль Франции (1807), пэр Франции (1814). Начальник Главного штаба Наполеона.

БЕССЬЕР Жан-Батист (1768–1813), маршал Франции (1804), герцог Истрийский (1809), командующий гвардейской кавалерией наполеоновской армии. Убит в мае 1813 г. в одном из боев под Лютценом (Германия).

БЕСТУЖЕВ-РЮМИН Н. А., генерал-майор. В 1812 г. командир бригады Резервной армии.

БИБИКОВ Александр Александрович (1765–1822), сенатор. В 1812 г. командовал Петербургским ополчением, а в 1813 г. при осаде Данцига — Петербургским, Новгородским и Калужским ополчениями.

БИБИКОВ Дмитрий Гаврилович (1792–1870), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1812 г. поручик, адъютант генерала Милорадовича. Был тяжело ранен в Бородинском сражении. Впоследствии Киевский, Волынский и Подольский генерал-губернатор. В 1852–1855 гг. министр внутренних дел.

БИБИКОВ Петр Гаврилович (1786–1812), подполковник Ольвиопольского гусарского полка. Смертельно ранен в бою под Вильно.

БИСТРОМ 2-й Адам Иванович (1770–1828), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир егерской бригады.

БИСТРОМ 1-й Карл Иванович (1770–1838), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир лейб-гвардии Егерского полка и гвардейской егерской бригады. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

БЛЮХЕР Гебгард Леберехт (1742–1819), князь Вальдштедтский (1815), прусский военный деятель. В 1813 г. генерал от кавалерии, с февраля командир Прусского корпуса, с августа — командующий Силезской армией. За Лейпцигскую битву произведен в генерал-фельдмаршалы.

БОБРИШ, капитан, командир артиллерийской роты.

БОГАРНЕ Евгений — Наполеон (1781–1824), французский генерал, пасынок Наполеона, вице-король Италии (1805–1814). В 1812 г. командовал 4-м пехотным (итальянским) корпусом «Великой армии», в начале 1813 г. — ее остатками в Германии, затем — французскими войсками в Северной Италии.

БОГДАНОВ Н. И., генерал-майор. В 1812 г. начальник Тульского ополчения.

БОГУСЛАВСКИЙ А. А., генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, командир артиллерийского дивизиона.

БОДЕ К. К., барон, штабс-капитан в отставке. В 1812 г. за собственный счет сформировал 2-й Петербургский казачий полк.

БОЙЕ (БУАЙЕ) Жозеф (1768–1822), граф, французский генерал. Командир дивизии, сформированной в марте 1814 г. из запасных частей.

БОЛГОВСКИЙ Д. Н., майор, адъютант генерала Дохтурова.

БОНАМИ Шарль-Август (ум. 1830), французский генерал. В 1812 г. командир бригады в 4-м корпусе (Е. Богарне). Взят в плен русскими войсками в сражении при Бородино.

БОНАПАРТ Жером (Иероним) (1784–1860), младший брат Наполеона I, король Вестфальский. В начале войны 1812 года командовал одной из армейских группировок «Великой армии» Наполеона, но вскоре за неудачные действия был отстранен Наполеоном от командования и уехал в Германию. В 1813 г. союзные войска заняли Вестфальское королевство, а Жером бежал во Францию.

БОНАПАРТ Жозеф (Иосиф) (1767–1844), старший брат Наполеона I, король Неаполитанский (1806–1808) и Испанский (1808–1813). В марте 1814 г. как командующий Национальной гвардией номинально возглавлял оборону Парижа. После падения Наполеона жил в эмиграции (в США).

БОРОЗДИН 1-й Михаил Михайлович, генерал-лейтенант, командир 8-го пехотного корпуса. С ноября 1812 г. специальный уполномоченный по приведению в порядок армейского тыла.

БОРОЗДИН 2-й Николай Михайлович (1782–1830), генерал от кавалерии. В 1812 г. генерал-майор, командир брига-

ды 1-й кирасирской дивизии. С ноября 1812 г. командир отдельного «летучего» отряда, действовавшего на коммуникациях противника.

БРОНИКОВСКИЙ, польский генерал, Минский военный губернатор. Возглавлял отряд, разбитый войсками 3-й Западной армии под Борисовом.

БРУСЬЕ Жан-Батист (1766–1814), французский генерал, командир 14-й пехотной дивизии, входившей в состав 4-го корпуса Е. Богарне.

БРЮЙЕР, французский генерал. Командир кавалерийской дивизии, входившей в состав 1-го кавалерийского корпуса (Э. Нансути).

БУБНА Фердинанд фон Литтиц (1768–1825), граф, австрийский генерал и дипломат. В 1813–1814 гг. командовал корпусом.

БУДБЕРГ К. В., генерал-майор, шеф лейб-кирасирского Его Величества полка.

БУКСГЕВДЕН Федор Федорович (1750–1811), генерал от инфантерии. Главнокомандующий русской армией в войне со Швецией 1808–1809 гг.

БУЛАТОВ Михаил Львович (1760–1825), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир корпуса Дунайской армии. В августе его войска были включены в состав 3-й Западной армии и приняли участие в Отечественной войне 1812 года и в Заграничных походах русской армии 1813–1814 годов.

БУРБОНЫ, французская королевская династия в XVII–XIX вв.

БУХГОЛЬЦ О.И. В 1812 году генерал-майор, начальник артиллерии 1-й Западной армии. С сентября 1812 г. начальник артиллерии Главной армии.

БЮЛОВ Адам-Генрих-Дитрих (1757–1807), барон, прусский военный теоретик.

БЮЛОВ Фридрих-Вильгельм (1755–1816), граф Денневицкий, прусский генерал. В 1812 г. военный губернатор Западной и Восточной Пруссии, в 1813–1814 гг. командир корпуса.

ВАДБОЛЬСКИЙ Иван Михайлович (1781–1861), князь, генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, командир гусарского полка, затем возглавлял армейский партизанский отряд.

ВАЛЬМОДЕН Л., граф, прусский генерал. В 1813–1814 гг. командовал отдельным корпусом, действовавшим на севере Германии.

ВАНДАМ Жозеф-Доминик (1770–1830), граф, французский генерал. В начале кампании 1812 года командовал 8-м пехотным (вестфальским) корпусом «Великой армии» Наполеона, в 1813 г. — 1-м пехотным корпусом. В сражении под Кульмом потерпел поражение и был взят в плен русскими войсками.

ВАСИЛЬЕВ Максим, крестьянин, возглавлял крестьянский партизанский отряд в Смоленской губернии.

ВАСИЛЬЕВ, гвардии рядовой, отличившийся в Бородинском сражении.

ВАСИЛЬЧИКОВ 2-й Дмитрий Васильевич (1778–1859), генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир Ахтырского гусарского полка.

ВАСИЛЬЧИКОВ 1-й Илларион Васильевич (1777–1847), генерал-лейтенант. В 1812 г. командир 4-го кавалерийского корпуса.

ВЕЛЛИНГТОН Артур Уэлсли (1769–1852), герцог, британский фельдмаршал (1813), российский генерал-фельдмаршал (1815), генерал-фельдмаршал прусских, австрийских, нидерландских, испанских и португальских войск, генералиссимус милиции Нидерландов (1814). Победитель Наполеона при Ватерлоо (1815). В 1813–1814 гг. командующий английскими войсками в Испании. Впоследствии один из лидеров английских консерваторов, премьер-министр Англии (1827–1829 и 1834).

ВЕЛЬЯМИНОВ Иван Александрович (1771–1837), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-майор, начальник 33-й пехотной дивизии.

ВЕРГУН, рядовой Кавалергардского полка.

ВЕРДЬЕ Жан-Антуан (1767–1829), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 8-й пехотной дивизии в корпусе маршала Удино. В 1813–1814 гг. — командир корпуса в Италии.

ВЕРЕЩАГИН Василий Васильевич (1842–1904), выдающийся русский художник-баталист.

ВИКТОР Клод-Перрен (1764–1841), маршал Франции, герцог де Беллуно. В 1812 г. командир 9-го пехотного корпуса «Великой

армии» Наполеона. В кампаниях 1813 и 1814 годов также командовал корпусом.

ВИЛЕНКИН, поручик, офицер штаба 2-го пехотного корпуса.

ВИЛЬСОН Роберт-Томас (1777–1849), английский генерал. В 1812 г. английский представитель при Главном штабе русской армии.

ВИНСПЬЕР, подполковник, командир 12-й артиллерийской роты.

ВИНЦЕНГЕРОДЕ Фердинанд Федорович (1770–1818), генерал от кавалерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир отдельного отряда, прикрывавшего направление Москва — Петербург. В 1813–1814 гг. командир кавалерийского корпуса.

ВИРТЕМБЕРГСКИЙ Александр (1771–1833), генерал от кавалерии, герцог, сын владетельного герцога Виртембергского. Перед Отечественной войной 1812 года был генерал-губернатором Белоруссии. Находился во время войны при Главном штабе русской армии. В 1813 г. возглавлял корпус, блокировавший Данциг.

ВИРТЕМБЕРГСКИЙ Евгений (1788–1858), принц, генерал от инфантерии. Двоюродный брат Александра I. В 1812 г. генерал-майор, начальник 4-й пехотной дивизии, затем генерал-лейтенант и командир 2-го пехотного корпуса. В 1813–1814 гг. командовал корпусом.

ВИСТИЦКИЙ Михаил Степанович (род. 1768), генерал-майор. В 1812 г. генерал-квартирмейстер 2-й Западной армии, затем Главного штаба русской армии, но вскоре был заменен полковником Толем. В дальнейшем вел в Главном штабе журнал военных действий.

ВИТГЕНШТЕЙН Петр Христианович (1768–1843), граф (1813), светлейший князь (1834), генерал-фельдмаршал (1826). В 1812 г. генерал от кавалерии, командир 1-го пехотного корпуса, прикрывавшего направление Полоцк — Петербург. После смерти Кутузова в апреле 1813 г. некоторое время занимал пост главнокомандующего всеми русскими армиями, затем командовал корпусом.

ВЛАСТОВ Егор Иванович (1770–1837), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор. Командовал

24-м егерским полком и бригадой в корпусе Витгенштейна. В 1813–1814 гг. командир бригады.

ВОИНОВ Александр Львович (1770–1832), генерал от кавалерии. В 1812 г. начальник 12-й пехотной дивизии, затем командир корпуса в 3-й Западной армии.

ВОЛКОВ Михаил Михайлович (1776–1820). В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир Екатеринославского кирасирского полка.

ВОЛКОНСКИЙ Григорий Семенович (1742–1824), князь, генерал от инфантерии. Оренбургский генерал-губернатор (1803–1817) и одновременно начальник 28-й пехотной дивизии. Сопратник Потемкина, Румянцева и Репнина, кавалер ордена Святого Георгия 2-й степени.

ВОЛКОНСКИЙ Сергей Григорьевич (1788–1865), князь, декабрист. В 1812 г. ротмистр Кавалергардского полка и флигель-адъютант Александра I. **В чине генерал-майора участвовал в заговоре декабристов.** Был приговорен к смертной казни, замененной каторгой в Сибири. Затем отбывал наказание в ссылке. Провел в Сибири в общей сложности 30 лет.

ВОЛЬЦОГЕН Людвиг-Адольф-Вильгельм (1774–1845), прусский генерал от инфантерии. В 1807 г. перешел на русскую службу. В 1812 г. состоял при Главном штабе русской армии.

ВОНСОВИЧ, поляк, капитан Молодой гвардии Наполеона.

ВОРОНОВ Ф. Н., генерал-майор, начальник Тульского оружейного завода.

ВОРОНЦОВ Михаил Семенович (1782–1856), генерал-фельдмаршал (1856). В 1812 г. генерал-майор, начальник 2-й Сводной гренадерской дивизии. С конца 1812 г. начальник авангарда 3-й Западной армии.

ВРЕДЕ Карл-Филипп (1767–1839), князь, баварский фельдмаршал (1814). В 1812 г. генерал, командовал баварской дивизией в корпусе Сен-Сира, затем корпусом. В 1813–1814 гг. командовал баварскими войсками, сражавшимися на стороне союзников против Наполеона.

ВУИЧ Николай Васильевич (1766–1836), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир 19-го егерского полка, потом командир бригады 24-й пехотной дивизии. В 1813–1814 гг. командовал этой же бригадой.

ВЯЗЕМСКИЙ Петр Андреевич (1792–1878), князь. Русский поэт, критик и журналист. Участник Бородинского сражения 1812 г.

ВЯЗМИТИНОВ Сергей Козьмич (1749–1819), генерал от инфантерии. В 1812 г. главнокомандующий в Санкт-Петербурге. С сентября 1812 г. председатель Комитета министров.

ГАБЛЕНЦ, саксонский генерал, командир бригады. Командовал авангардом 7-го пехотного (саксонского) корпуса «Великой армии» Наполеона, разбитого войсками 3-й Западной армии под Пинском.

ГАГАРИН Павел Гаврилович (1777–1815), князь, генерал-адъютант. В 1812–1814 гг. директор инспекторского департамента Военного министерства.

ГАМЕН Алексей Юрьевич (1779–1829), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады в корпусе Витгенштейна. Был тяжело ранен при штурме Полоцка. В 1813–1819 гг. начальник петербургского гарнизона.

ГАРДЕНБЕРГ Карл-Август (1750–1822), князь, прусский государственный деятель.

ГАРПЕ Василий Иванович (1765–1814). В 1812 г. командир бригады в корпусе Витгенштейна. Умер в феврале 1814 г. от последствий многочисленных ранений.

ГАССАН-ПАША, турецкий военачальник. В 1788 г. начальник гарнизона крепости Очаков.

ГЕДРОЙЦ С., князь, польский генерал, командир Литовской дивизии в армии Наполеона. Взят в плен русскими войсками вместе с остатками своей разгромленной дивизии в январе 1813 г.

ГЕЛЬФРЕЙХ Богдан Борисович (1774–1843), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады в корпусе генерала Ф.Ф. Штейнгеля; в 1813–1814 гг. начальник 14-й пехотной дивизии.

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812–1870), русский революционный демократ, писатель и публицист.

ГИЛЬЕМИНО Арман-Карл (1774–1840), французский генерал. В 1812 г. начальник штаба 4-го (итальянского) пехотного корпуса, затем командир 13-й пехотной дивизии (после гибели генерала Дельзона).

ГИУЛАЙ Игнатий (1763–1831), граф, австрийский генерал. В 1813–1814 гг. командир корпуса.

ГЛАЗЕНАП Григорий Иванович (1750–1819), генерал-лейтенант. В 1812 г. начальник Сибирской линии и одновременно начальник 29-й пехотной дивизии (в Сибири).

ГЛЕБОВ А. С., полковник, командир 6-го егерского полка.

ГЛИНКА Сергей Николаевич (1776–1847), русский писатель и журналист. Участник Отечественной войны 1812 года.

ГЛИНКА Федор Николаевич (1786–1880), поэт, публицист, декабрист. В 1812 г. поручик, адъютант генерала М.А. Милорадовича.

ГОГЕЛЬ, капитан, командир роты гвардейской артиллерии.

ГОГЕЛЬ Федор Григорьевич (1775–1827), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир 5-го егерского полка и егерской бригады 26-й пехотной дивизии.

ГОДУНОВ Борис (ок. 1552–1605), русский царь (с 1598 г.).

ГОЛЕНИЦЕВ-КУТУЗОВ Иван Логинович (1729–1802), адмирал, член Российской Академии наук, директор Морского кадетского корпуса (1762–1802), вице-президент (1797–1798) и президент (1798–1802) Адмиралтейств-коллегии.

ГОЛЕНИЦЕВ-КУТУЗОВ Илларион Матвеевич, генерал-поручик, военный инженер, отец полководца.

ГОЛЕНИЦЕВ-КУТУЗОВ Михаил Илларионович, см. Кутузов М.И.

ГОЛЕНИЦЕВ-КУТУЗОВ Павел Васильевич (1773–1843), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1812 г. генерал-лейтенант и командир отдельного отряда (3,5 тыс. человек), который возглавил в октябре после пленения генерала Винценгероде. В 1813–1814 гг. в свите царя.

ГОЛИЦЫН Борис Андреевич (1766–1822), князь, генерал-лейтенант. В 1812 г. начальник Владимирского ополчения.

ГОЛИЦЫН Дмитрий Владимирович (1771–1844), князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир Кирасирского корпуса. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. Впоследствии Московский генерал-губернатор.

ГОЛОВКИН, рядовой лейб-гвардии, отличившийся в Бородинском сражении 1812 г.

ГОРЧАКОВ Андрей Иванович (1779–1855), князь, генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командующий пехотой 8-го пехотного корпуса. В 1813–1814 гг. командир корпуса.

ГРАББЕ Павел Христофорович (1789–1875), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г. поручик, адъютант военного министра. В 1813 г. в чине штабс-капитана служил в корпусе генерала Вальмодена.

ГРАБОВСКИЙ М., польский генерал, командир бригады в корпусе Понятовского. Убит при штурме французами Смоленска.

ГРАБОВСКИЙ, полковник русской армии, командир 1-го батальона лейб-гвардии Егерского полка.

ГРАВЕРТ Юлий-Август (1746–1821), прусский генерал. В 1812 г. командир прусского вспомогательного корпуса в армии Наполеона, входившего в состав корпуса Макдональда, вскоре по болезни заменен генералом Йорком.

ГРЕКОВ 8-й Петр Матвеевич (1762–1817), генерал-майор Войска Донского, сподвижник Суворова и Платова. В 1812 г. командир казачьего отряда (девять полков) в 3-й Западной армии. Имя П.М. Грекова было присвоено 16-му Донскому казачьему полку.

ГРИБОЕДОВ Александр Сергеевич (1795–1829), писатель.

ГРУШИ Эммануэль (1766–1847), маркиз, маршал Франции (1815), пэр Франции (1815). В 1812 г. дивизионный генерал, командир 3-го кавалерийского корпуса. В 1813–1814 гг. командующий кавалерией наполеоновской армии.

ГУВИОН СЕН-СИР Лоран (1764–1830), маркиз, маршал Франции (1812). В 1812 г. командир 6-го (баварского) корпуса «Великой армии» Наполеона. В 1813 г. командовал 14-м корпусом. Взят в плен союзными войсками при капитуляции Дрездена (ноябрь 1813 г.). В 1817–1819 гг. военный министр Франции.

ГУДОВИЧ Н. В. (1756–1841), граф, генерал-лейтенант. В 1812 г. начальник Черниговского ополчения.

ГУРГО Гаспар (1783–1852), французский генерал. В 1812 г. состоял в свите Наполеона, затем был его первым ординар-

цем. Сопровождал низвергнутого императора на остров Святой Елены.

ГУРИЭЛОВ (ГУРИЭЛИ) И. С. (1770–1818), князь. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады 23-й пехотной дивизии, затем начальник дивизии.

ГЮДЭН Цезарь-Карл-Этьен (1768–1812), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 3-й пехотной дивизии в корпусе Даву. Смертельно ранен в бою при Валутиной горе.

ДАВУ Луи-Никола (1770–1823), князь Экмюльский (1809), герцог Ауэрштедтский (1808), маршал Франции (1804), пэр Франции (1815). В 1812 г. командовал 1-м пехотным корпусом «Великой армии» Наполеона, в 1813–1814 гг. — 13-м корпусом, оборонявшим блокированный союзниками Гамбург (Германия).

ДАВЫДОВ В. Л. (1792–1855), полковник в отставке. В 1812 г. поручик лейб-гвардии Гусарского полка, ординарец Багратиона. Двоюродный брат Дениса Давыдова и сводный брат генерала Н.Н. Раевского. Впоследствии декабрист.

ДАВЫДОВ Денис Васильевич (1784–1839), генерал-лейтенант. Знаменитый партизан 1812 года, поэт, военный писатель. В 1812 г. в чине подполковника, затем полковника командовал армейским партизанским отрядом.

ДАМА Ф.-Э. (ум. 1828), французский генерал. В 1812 г. командовал вюртембергскими войсками в наполеоновской армии.

ДАРЮ Пьер-Антуан (1767–1829), граф, государственный секретарь Франции. В 1812 г. генеральный интендант «Великой армии» Наполеона.

ДЕДЮЛИН Яков Иванович. В 1812 г. генерал-майор, начальник Ярославского ополчения.

ДЕЛАБОРД Анри-Франсуа (1764–1833), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 1-й гвардейской пехотной дивизии. В 1813–1814 гг. командовал различными соединениями императорской гвардии Наполеона.

ДЕЛЬЗОН Алекс-Иосиф (1775–1812), барон, французский генерал. В 1812 г. командир 13-й пехотной дивизии в составе 4-го пехотного корпуса Е. Богарне. Убит в сражении при Малоярославце.

ДЕМИДОВ Николай Иванович (1773–1833), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-майор, начальник 21-й пехотной дивизии, входившей в корпус генерала Штейнгеля.

ДЕНДЕЛЬС Герман-Вильгельм (1762–1818), французский генерал, голландец по происхождению. В 1812 г. командир 28-й пехотной дивизии, входившей в состав 9-го корпуса маршала Виктора.

ДЕНИСОВ Адриан Карпович (1763–1841), генерал-лейтенант, наказной атаман Войска Донского. После смерти Платова назначен войсковым атаманом Войска Донского.

ДЕНИСОВ В. Т. (1777–1812), генерал-майор. В 1812 г. командир Донского казачьего полка, затем бригады.

ДЕПРЕРАДОВИЧ Николай Иванович (1767–1843), генерал от кавалерии. В 1812 г. генерал-майор, командир Кавалергардского полка и одновременно начальник 1-й кирасирской дивизии.

ДЕРУА Бернгард-Эразм (1743–1812), граф, баварский генерал. В 1812 г. командир дивизии в 6-м (баварском) корпусе Сен-Сира. Смертельно ранен в сражении при Полоцке.

ДЕССЕ Жозеф-Мари (1764–1834), французский генерал. В 1812 г. командир 4-й пехотной дивизии в корпусе маршала Даву.

ДИБИЧ-ЗАБАЛКАНСКИЙ Иван Иванович (1785–1831), граф (1827), генерал-фельдмаршал (1829). В 1812 г. генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба корпуса Витгенштейна, затем штаба союзной русско-прусской армии.

ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ М. А., граф, обер-прокурор Сената.

ДОВРЕ Федор Филиппович (1766–1846), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-майор, начальник штаба 1-го пехотного корпуса.

ДОЛГОРУКОВ Сергей Николаевич (1770–1829), князь, генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 2-го, а затем 8-го пехотных корпусов. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

ДОМБРОВСКИЙ Ян-Генрик (1755–1818), польский генерал. Участник восстания Костюшко в 1794 г. С 1796 по 1814 г. на французской службе. В 1812 г. командир 17-й пехотной дивизии, входившей в состав 5-го корпуса Понятовского.

ДОРОХОВ Иван Семенович (1762–1815), генерал-лейтенант. В 1812 г. шеф Изюмского гусарского полка, известный партизан. В сражении при Тарутино командовал 1-й кавалерийской дивизией. Тяжело ранен в сражении при Малоярославце и был вынужден покинуть армию.

ДОХТУРОВ Дмитрий Сергеевич (1756–1816), генерал от инфантерии. В 1812 г. командир 6-го пехотного корпуса. В 1813–1814 гг. командовал войсками, осаждавшими Магдебург и Гамбург.

ДУКА Илья Михайлович (1768–1830), генерал от кавалерии. По происхождению серб. В 1812 г. генерал-майор, командир кирасирской бригады, затем начальник 2-й кирасирской дивизии. В Заграничных походах русской армии 1813–1814 годов командовал 3-й кирасирской дивизией.

ДЮМОНСО Жан-Батист (1760–1821), граф, голландский, затем французский генерал. По происхождению бельгиец. В 1813 г. командовал дивизией в корпусе Сен-Сира, попал в плен при капитуляции Дрездена.

ДЮРОК Мишель-Жерар (1772–1813), герцог Фриульский, французский генерал, обер-гофмаршал императорского двора Наполеона. Один из наиболее приближенных к Наполеону лиц. Смертельно ранен в одном из боев в Германии в мае 1813 г.

ДЮРЮТ Иосиф-Франц (1767–1837), граф, французский генерал. В 1812 г. командовал 32-й пехотной дивизией в 9-м корпусе Виктора.

ДЯТЬКОВ С. В., генерал-майор, шеф Оренбургского драгунского полка.

ЕКАТЕРИНА II (1729–1796), российская императрица (с 1762 г.). По происхождению немка, урожденная принцесса Софья-Фредерика-Августа Ангальт-Цербстская.

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА (1788–1819), великая княгиня, сестра императора Александра I.

ЕРЕМЕНКО Степан, рядовой Московского пехотного полка, организатор и руководитель крестьянского партизанского отряда на Смоленщине. Награжден знаком отличия Военного ордена и произведен в унтер-офицеры.

ЕРМОЛОВ Алексей Петрович (1772–1861), генерал от артиллерии. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, на-

чальник штаба 1-й Западной армии (с июля), Главного штаба (с ноября). С декабря 1812 г. начальник артиллерии действующей армии. В 1816–1827 гг. командир Отдельного Кавказского корпуса.

ЕФРЕМОВ Иван Ефремович (1774–1843), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник лейб-гвардии Казачьего полка, командир армейского партизанского отряда, затем отряда из пяти казачьих полков.

ЖЕВАХОВ С. Э., князь, полковник, командир кавалерийской бригады в 3-й Западной армии.

ЖЕЛТУХИН П. Ф. (1776–1829), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, шеф лейб-гренадерского полка и одновременно командир бригады.

ЖЕМЧУЖНИКОВ А. С. (1764–1840), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, формировал резервы. С октября в отряде Винценгероде. В 1814 г. командовал дивизией.

ЖЕРАР Этьен-Морис (1773–1855), граф, маршал Франции (1830). В 1812 г. генерал, командир бригады. После гибели при Валутиной горе генерала Гюдэна возглавил 3-ю пехотную дивизию в корпусе маршала Даву. В 1813–1814 гг. командовал корпусом.

ЖИЛИН Павел Андреевич (1913–1987), генерал-лейтенант, член-корреспондент АН СССР, известный советский военный историк. Начальник Института военной истории МО СССР (с 1966 г.).

ЖИРАР Ж., французский генерал. В 1812 г. командир 28-й пехотной дивизии, входившей в состав 9-го корпуса маршала Виктора.

ЖУКОВСКИЙ Василий Андреевич (1783–1852), известный русский поэт.

ЖЮНО Андош-Жан (1771–1813), герцог д'Абрантес, французский генерал. В 1812 г. командир 8-го (вестфальского) пехотного корпуса, сменив на этом посту генерала Вандама. За неудачные действия был отстранен Наполеоном от командования и назначен генерал-губернатором Иллирийских провинций.

ЗАЙОНЧЕК Иосиф (1752–1826), польский генерал. В 1812 г. командир 16-й пехотной дивизии, входившей в состав 5-го (поль-

ского) корпуса Понятовского. Одно время командовал (времен-но) корпусом. Под Вильно был тяжело ранен и взят русскими войсками в плен.

ЗАСС А. А. (1770–1830), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, командир Псковского драгунского полка.

ЗАПОЛЬСКИЙ А. В. (ум. 1813). В 1812 г. полковник, командир Екатеринославского гренадерского полка.

ЗАХАРОВ, капитан, командир лейб-гвардии 1-й конной батареи.

ЗЕЙДЛИЦ, прусский офицер, адъютант генерала Йорка.

ЗОЛОТОВ, фельдфебель 18-го егерского полка. Произведен в офицеры за взятие в плен в Бородинском сражении французского генерала.

ЗУБОВ Валериан Александрович (1771–1804), граф, генерал от инфантерии. В 1796 г. возглавлял Персидский поход, в ходе которого русскими войсками был взят штурмом Дербент.

ИВАНОВ Агапий, крестьянин, возглавлял партизанский отряд на Смоленщине.

ИВАНОВ И. Д. (1764–1828), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир 10-го егерского полка и бригады в 3-й Западной армии.

ИВАНОВ Павел, земский сотник, руководитель партизанского отряда в Московской губернии. Награжден знаком отличия Военного ордена.

ИВАШЕВ Петр Никифорович (1763–1838), генерал-майор, начальник инженеров соединенных армий.

ИВЕЛИЧ Петр Иванович (род. 1772), граф, родом из Венеции. В 1812 г. генерал-майор, шеф Брестского пехотного полка и командир бригады 17-й пехотной дивизии. В 1816 г. оставил службу в русской армии.

ИГНАТЬЕВ Г. А. (1768–1852), генерал от артиллерии. В 1812 г. генерал-майор, комендант крепости Бобруйск.

ИЗМАЙЛОВ Лев Дмитриевич (1764–1834), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, Рязанский гражданский губернатор, начальник Рязанского ополчения.

ИЛОВАЙСКИЙ 3-й А. В. В 1812 г. генерал-майор, походный атаман ополченческих Донских казачьих полков.

ИЛОВАЙСКИЙ 12-й В. Д., генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир Донского казачьего полка, потом бригады.

ИЛОВАЙСКИЙ 9-й Г. Д. (1780–1847), генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир Донского казачьего полка.

ИЛОВАЙСКИЙ 4-й И. Д. (1767–1826), генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир Донского казачьего полка, затем генерал и командир бригады.

ИЛОВАЙСКИЙ 5-й Н. В. (ум. 1828), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, командир Донского казачьего полка, затем генерал-майор и командир бригады.

ИЛОВАЙСКИЙ 10-й О. В. (1775–1839), генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир Донского казачьего полка.

ИЛОВАЙСКИЙ 8-й С. Д. В 1812 г. подполковник, командир Донского казачьего полка.

ИЛОВАЙСКИЙ 11-й Т. Д. В 1812 г. полковник, командир Донского казачьего полка.

ИЛЬИН В. Ф., генерал-майор, руководил формированием резервов для артиллерии.

ЙОРК Ганс-Давид-Людвиг (1759–1830), граф, прусский генерал-фельдмаршал. В 1812 г. заменил генерала Граверта на посту командира прусского вспомогательного корпуса, действовавшего в Прибалтике. В кампаниях 1813 и 1814 годов командовал корпусом.

КАВЕРИН Павел Никитич (1770–1827), сенатор. В 1812–1813 гг. Калужский губернатор. С осени 1812 г. одновременно и Смоленский губернатор.

КАЙСАРОВ Паисий Сергеевич (1783–1844), генерал от инфантерии. В 1812 г. полковник, дежурный генерал в штабе Кутузова. В конце 1812 г. командовал авангардом в корпусе Платова.

КАМЕНСКИЙ Николай Михайлович (1776–1811), граф, генерал от инфантерии. В 1810–1811 гг. главнокомандующий Молдавской армией в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

КАМЕНСКИЙ Сергей Михайлович (1771–1835), граф, генерал от инфантерии. В начале войны с Наполеоном в 1812 г. командовал 1-м корпусом в 3-й Западной армии.

КАНТАКУЗЕН, князь, полковник, командир Сводной гренадерской бригады. Убит в Бородинском сражении 1812 г.

КАПУСТИН И. Ф., полковник, командир 20-го егерского полка.

КАПЦЕВИЧ Петр Михайлович (1772–1840), генерал от артиллерии. В 1812 г. начальник 7-й пехотной дивизии в корпусе Дохтурова. Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов командовал 10-м пехотным корпусом, входящим в состав Силезской армии.

КАРЛ XII (1682–1718), король Швеции (с 1697 г.), полководец. Командовал шведской армией во время Северной войны 1700–1721 гг. против России, потерпел сокрушительное поражение под Полтавой в 1709 г. Убит при осаде крепости Фредериксхалле (Норвегия).

КАРЛ XIII (1748–1818), король Швеции (с 1809 г.).

КАРЛ МЕКЛЕНБУРГСКИЙ (1783–1833), принц, генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, начальник 2-й гренадерской дивизии, а в конце войны (с ноября 1812 г.) — командир 3-го пехотного корпуса, переименованного тогда же в Гренадерский корпус. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

КАРПЕНКОВ М. И., полковник, затем генерал-майор, командир 1-го егерского полка, потом егерской бригады.

КАРПОВ Аким Акимович (1763–1838), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор Войска Донского. Командовал отдельным отрядом, состоявшим из нескольких казачьих полков.

КАСЛРИ Р. В 1814 г. министр иностранных дел Англии.

КАСТЕКС Бертран-Пьер (1771–1842), французский генерал. В 1812 г. командир кавалерийской бригады во 2-м корпусе маршала Удино. В 1813–1814 гг. командовал кавалерийской дивизией.

КАТКАРТ Вильям (1755–1843), граф, английский генерал. В 1812 г. посол в России.

КАХОВСКИЙ Петр Григорьевич (1797–1826), декабрист, один из активнейших участников восстания 14 декабря 1825 г. в Санкт-Петербурге. Поручик в отставке. Казнен 13 июля 1826 г. за убийство на Сенатской площади Петербурга генерал-губернатора Милорадовича.

КЕРН Ермолай Федорович (1765–1841), генерал-лейтенант. В 1812 г. подполковник, затем полковник, командир Белозерского пехотного полка.

КИКИН П. А. (1755–1834), генерал-майор. В 1812 г. полковник, флигель-адъютант, дежурный генерал штаба 1-й Западной армии.

КЛАПАРЕД Мишель-Мари (1770–1842), граф, французский генерал. В 1812 г. командовал польским «Легионом Висла», прикомандированным к императорской гвардии Наполеона.

КЛАУЗЕВИЦ Карл (1780–1831), прусский генерал, знаменитый военный теоретик и историк. В 1812 г. подполковник русской армии, в 1813–1814 гг. в чине полковника служил в русско-немецком легионе и начальником штаба в корпусе генерала Вальмодена.

КЛЕЙНМИХЕЛЬ Андрей Андреевич (1758–1815), генерал-лейтенант. В 1812 г. руководил формированием резервных пехотных частей.

КЛЕЙСТ Фридрих-Генрих (1762–1823), граф, прусский генерал-фельдмаршал (1820). В 1812 г. командовал пехотой прусского вспомогательного корпуса Йорка, в 1813–1814 гг. — корпусом в Силезской армии.

КЛЕНГЕЛЬ, саксонский генерал. В 1812 г. командир бригады в 7-м корпусе наполеоновской армии. Разбит и взят в плен русскими войсками в районе г. Кобрин.

КЛЕНАУ Иоанн (1760–1822), граф, австрийский генерал. В 1813–1814 гг. командир корпуса.

КНОРРИНГ Карл Богданович (1774–1817). В 1812 г. полковник, командир Татарского уланского полка, командир армейского партизанского отряда. В 1813–1814 гг. генерал-майор, командир кавалерийской бригады в корпусе Винценгероде.

КОЖИНА Василиса, крестьянка. В 1812 г. возглавляла крестьянский партизанский отряд, действовавший в Смоленской губернии.

КОЗАЧКОВСКИЙ Кирилл Федорович (1760–1829), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады в 1-м пехотном корпусе. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

КОЗЕН Петр Андреевич (1778–1853), генерал от кавалерии. В 1812 г. командир бригады гвардейской конной артиллерии, полковник.

КОЛЕНКУР Арман-Огюстен-Луи (1773–1827), герцог Виченцкий, французский генерал и дипломат, обер-шталмейстер двора Наполеона, в 1807–1811 гг. посол в России, в 1813–1814 гг. и во время «Ста дней» (1815) — министр иностранных дел, один из наиболее приближенных к Наполеону лиц.

КОЛЕНКУР Огюст (ум. 1812), брат предыдущего, французский генерал. В 1812 г. комендант главной квартиры Наполеона. Убит в Бородинском сражении, когда после гибели генерала Монбрена возглавил 2-й кавалерийский корпус.

КОЛОГРИВОВ Андрей Семенович (1775–1825), генерал от кавалерии. С осени 1812 г. руководил формированием резервов для кавалерии, генерал-лейтенант.

КОЛЮБАКИН П. М. (род. 1763). В 1812 г. генерал-майор, начальник 12-й пехотной дивизии.

КОМПАН Жан-Доминик (1769–1845), граф, французский генерал. В 1812 г. командовал 5-й пехотной дивизией в корпусе маршала Даву.

КОРБИНО Жан-Батист (1776–1848), граф, французский генерал. В 1812 г. командовал кавалерийской бригадой во 2-м корпусе маршала Удино, в 1813–1814 гг. — кавалерийской дивизией.

КОНОВНИЦЫН Петр Петрович (1764–1822), граф (1819), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-лейтенант, начальник 3-й пехотной дивизии, затем дежурный генерал Главного штаба, командир 3-го пехотного корпуса. В 1813 г. командовал Гренадерским корпусом, а после тяжелого ранения (апрель 1813 г.) находился в свите императора Александра I. Впоследствии сенатор, член Государственного совета, военный министр (1815–1819).

КОНСТАНТИН ПАВЛОВИЧ (1779–1831), великий князь, цесаревич, сын императора Павла I. В 1812 г. генерал-инспектор кавалерии, некоторое время номинально занимал должность командира 5-го пехотного корпуса, но вскоре покинул армию. Вернулся в ноябре 1812 г. и был назначен командующим резервом Главной армии. В 1813–1814 гг. возглавлял общий резерв русско-прусской армии, который составляли отборные войска обеих армий (гвардия, гренадеры, кирасиры).

КОРНИЛОВ Петр Яковлевич (1770–1828), генерал-лейтенант. В 1812 г. шеф 28-го егерского полка и командир егерской бригады, затем начальник 15-й пехотной дивизии.

КОРФ Федор Карлович (1774–1826), барон, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, командир 2-го кавалерийского корпуса.

КОСЕЦКИЙ, польский генерал, командир отряда, разбитого войсками 3-й русской армии в ноябре 1812 г. в районе Невшижа, а сам он взят в плен.

КОСТЕНЕЦКИЙ Василий Григорьевич (1769–1831), генерал-лейтенант. В 1812 г. начальник артиллерии 6-го пехотного корпуса, генерал-майор, затем помощник начальника артиллерии Главной армии.

КОЧУБЕЙ Виктор Павлович (1768–1834), граф, князь (с 1831 г.), русский государственный деятель. В 1812–1813 гг. председатель департамента экономики Государственного совета. В 1813 г. президент Центрального совета по германским делам. Впоследствии председатель Государственного совета и Комитета министров.

КРАСНОВ Иван Кузьмич (1752–1812), генерал-майор. Происходил из простых казаков. Сражаясь под командованием Суворова, за боевые отличия получил чин офицера. В 1812 г. командовал бригадой в казачьем корпусе Платова. Смертельно ранен накануне Бородинского сражения в арьергардном бою у Колоцкого монастыря.

КРАСОВСКИЙ Афанасий Иванович (1780–1849), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. полковник, командир 14-го егерского полка в 3-й Западной армии. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

КРЕЙЦ Киприан Антонович (1777–1850), граф, генерал от кавалерии. В 1812 г. полковник, командир кавалерийского полка (Сибирского драгунского), бригады, затем генерал-майор и командир 3-го кавалерийского корпуса. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

КРЕТОВ Николай Васильевич (род. 1777), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады 2-й кирасирской дивизии.

КРЫЖАНОВСКИЙ Михаил Константинович (1777–1839), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, командир лейб-гвардии Финляндского полка. В 1813 г. произведен в генерал-майоры. В сражении при Лейпциге тяжело ранен и был вынужден оставить действующую армию.

КРЫЛОВ Иван Андреевич (1769–1844), знаменитый русский баснописец.

КУДАШЕВ Николай Данилович (1784–1813), князь, генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир армейского партизанского отряда. В 1813 г. командовал авангардом корпуса М.И. Платова. Убит в сражении под Лейпцигом.

КУЛЬНЕВ Яков Петрович (1763–1812), генерал-майор, командир кавалерийской бригады в корпусе Витгенштейна. Убит в одном из боев на подступах к Полоцку. Один из наиболее знаменитых кавалерийских военачальников русской армии начала XIX в.

КУРАКИН Александр Борисович (1752–1818), князь, дипломат, член Государственного совета. В 1808–1812 гг. посол России во Франции.

КУРИН Герасим Матвеевич, крестьянин. В 1812 г. руководитель партизанского отряда в Богородском уезде Московской губернии. Награжден знаком отличия Военного ордена.

КУТАЙСОВ Александр Иванович (1784–1812), граф, генерал-майор. В 1812 г. начальник артиллерии 1-й Западной армии. Убит в сражении при Бородино.

КУТЕЙНИКОВ Дмитрий Ефимович (1766–1844), генерал от кавалерии. В 1812 г. генерал-майор, командир казачьей бригады.

КУТУЗОВ (ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКИЙ) Михаил Илларионович (1745–1813), князь (1812), генерал-фельдмаршал (1812), главнокомандующий всеми русскими армиями в Отечественной войне 1812 года, великий русский полководец.

ЛАВРОВ Василий, юный партизан.

ЛАВРОВ Николай Иванович (ум. 1822), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, начальник штаба 1-й Западной армии, затем командовал 5-м (гвардейским) пехотным корпусом.

ЛАГРАНЖ Жозеф (1763–1836), граф, французский генерал. В 1813–1814 гг. командир пехотной дивизии.

ЛАГУССЕ А.-Л. (1768–1830), французский генерал. В 1812 г. командир 6-й драгунской дивизии 3-го кавалерийского корпуса.

ЛАДЫЖЕНСКИЙ, полковник, командир Нижегородского пехотного полка.

ЛАМБЕРТ Карл Осипович (1771–1843), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Французский эмигрант. На русской службе с 1793 г. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, начальник 5-й кавалерийской дивизии в 3-й Западной армии. Был тяжело ранен при взятии Борисова (ноябрь 1812 г.) и вернулся в действующую армию только в марте 1814 г. При взятии Парижа командовал Гренадерским корпусом.

ЛАНЖЕРОН Александр Федорович (1763–1831), граф, генерал от инфантерии. Французский эмигрант. На русской службе с 1790 г. В 1812 г. генерал от инфантерии, командовал корпусом в армии адмирала П.В. Чичагова. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов, командир корпуса. Впоследствии Новороссийский генерал-губернатор (1815–1823) и одновременно Одесский градоначальник.

ЛАНСКОЙ Василий Сергеевич (1762–1831), действительный тайный советник, сенатор. В 1812 г. генерал-интендант Главной армии. Впоследствии министр внутренних дел (1823–1828).

ЛАНСКОЙ С. Н. (1774–1814), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир кавалерийской бригады в 3-й Западной армии. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов, начальник кавалерийской дивизии. Смертельно ранен в сражении при Краоне.

ЛАПТЕВ В. Д. (1760–1825), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир бригады 11-й пехотной дивизии, затем начальник 23-й пехотной дивизии.

ЛАРИБУАССЬЕР А. (1759–1812), граф, французский генерал. В 1812 г. начальник артиллерии «Великой армии» Наполеона.

ЛАТУР-МОБУР Виктор-Никола (1756–1831), маркиз, французский генерал. В 1812 г. командовал 4-м кавалерийским корпусом наполеоновской армии, в 1813 г. — 1-м кавалерийским корпусом. В сражении при Лейпциге тяжело ранен (потерял ногу) и был вынужден оставить действующую армию.

ЛЕБЕДЕВ Иван, юный партизан.

ЛЕБЕДЕВ Николай Петрович (ум. 1813), генерал-лейтенант, начальник Смоленского ополчения.

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ К. К. (1779–1812), барон, полковник, командир Кавалергардского полка. Убит в Бородинском сражении.

ЛЕВЕНШТЕРН Карл Федорович (1770–1840), барон, генерал от артиллерии. В 1812 г. генерал-майор, начальник артиллерии 2-й Западной армии, после оставления Москвы возглавлял артиллерию соединенных армий, затем артиллерию резерва.

ЛЕВИЗ Федор Федорович (1767–1824). В 1812 г. генерал-лейтенант, командовал крупными отрядами в Прибалтике, в 1813–1814 гг. руководил блокадой Данцига, затем начальник 25-й пехотной дивизии.

ЛЕГРАН Клод-Александр (1762–1815), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 6-й пехотной дивизии во 2-м корпусе маршала Удино.

ЛЕДРЮ Ф. (1765–1844), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 10-й пехотной дивизии в 3-м корпусе маршала Нея.

ЛЕЗЕР, подполковник, офицер связи Главного штаба со штабом 2-й Западной армии.

ЛЕКОК Карл (1767–1830), саксонский генерал. В 1812 г. командовал саксонскими войсками в 7-м корпусе Ренье «Великой армии» Наполеона, в 1813 г. — дивизией, с присоединением Саксонии к антифранцузской коалиции возглавил бригаду.

ЛЕЛОРНЬ Д'ИДЕВИЛЬ, французский дипломат.

ЛЕОНТЬЕВ И. С., генерал-майор, шеф Глуховского кирасирского полка.

ЛЕРМОНТОВ М. Н., мичман Гвардейского экипажа.

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт, автор знаменитого стихотворения «Бородино».

ЛЕСОВСКИЙ С. И., майор, командир армейского партизанского отряда.

ЛЕФЕВР Франсуа-Жозеф (1755–1820), маршал Франции (1804), герцог Данцигский. В 1812–1814 гг. командовал Старой гвардией Наполеона.

ЛЕФЕВР-ДЕНУЭТ Шарль (1773–1822), граф, французский генерал. В 1812 г. командовал гвардейской кавалерийской бригадой, в 1813–1814 гг. — гвардейской кавалерийской дивизией.

ЛИВЕН И. А. (1775–1848), граф, затем светлейший князь, генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады, в 1813–1814 гг. — начальник 10-й пехотной дивизии.

ЛИДЕРС Николай Иванович (1762 — после 1820), генерал-майор. В 1812 г. начальник авангарда русского экспедиционно-го корпуса в Сербии, затем комендант крепости Хотин.

ЛИХАЧЕВ Петр Гаврилович (1758–1812), генерал-майор. В 1812 г. командовал 24-й пехотной дивизией. В сражении при Бородино защищал Курганную батарею (батарею Раевского), был ранен и взят в плен французами. В плену умер от ран.

ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ Дмитрий Иванович (1758–1838), князь, генерал от инфантерии. В 1812 г. руководил формированием резервов для действующей армии.

ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ Яков Иванович (1760–1831), князь. В 1812 г. Малороссийский генерал-губернатор, руководил формированием 15 украинских казачьих полков.

ЛОБО, см. Мутон Ж.

ЛОЖЬЕ Ц., офицер наполеоновской армии, автор мемуаров о войне 1812 года.

ЛОПУХИН Петр Васильевич (1753–1827), князь, действительный тайный советник, русский государственный деятель. В 1812 г. председатель департамента законов Государственного совета. Впоследствии (с 1814 г.) председатель Государственного совета и Комитета министров.

ЛОПУХИН, генерал-майор, командир 6-го пехотного полка Московского ополчения.

ЛОРЖ Жан-Гильом (1767–1826), барон, французский генерал. В 1812 г. командир 7-й кирасирской дивизии 4-го кавалерийского корпуса.

ЛОРИСТОН Жан-Александр-Бернар-де Лоу (1768–1828), маркиз, маршал Франции (1823), дипломат. В 1811–1812 гг. французский посол в России. В период войны 1812 года — генерал, находился при Главной квартире Наполеона. В 1813 г. командовал 5-м корпусом наполеоновской армии. В сражении при Лейпциге взят в плен русскими войсками.

ЛОШКАРЕВ П. С., полковник, командир бригады 27-й пехотной дивизии.

ЛУАЗОН Луи-Генри (1771–1816), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 34-й пехотной дивизии в 11-м (резервном) корпусе маршала Ожера.

ЛУКОВКИН Г. А., полковник, командир Донского казачьего полка в 3-й Западной армии.

ЛЫТКИН, рядовой лейб-гвардии.

ЛЮДОВИК БОНАПАРТ (1778–1846), брат Наполеона, король Голландии (1806–1810).

ЛЮДОВИК XVI (1754–1793), король Франции (с 1774 г.). Казнен в январе 1793 года по постановлению революционно-го парламента (Конвента).

ЛЮДОВИК XVIII (1755–1824), король Франции (с 1814 г.), брат предыдущего. Занял французский престол после падения Наполеона I.

ЛЯПУНОВ Д. П., полковник, командир Псковского пехотного полка 7-й пехотной дивизии.

МАГДЕНКО Иван, полковник, командир конно-артиллерийской роты.

МАДАТОВ Валериан Григорьевич (1782–1829), князь, генерал-лейтенант. В 1812 г. подполковник, командовал отдельными отрядами в 3-й Западной армии.

МАЕВСКИЙ С. И. (1779–1848), генерал-лейтенант. В 1812 г. дежурный генерал в штабе 2-й Западной армии, затем полевой генерал-аудитор.

МАКАРОВ П. С., полковник, командир 3-го батальона лейб-гвардии Егерского полка.

МАКДОНАЛЬД Жак-Этьен-Жозеф-Александр (1765–1840), маршал Франции (1809), герцог Тарентский. В 1812 г. командир 10-го пехотного корпуса «Великой армии» Наполеона, действовавшего в Прибалтике. В 1813–1814 гг. командовал 11-м корпусом наполеоновской армии и группой корпусов.

МАКК Карл (1752–1828), австрийский генерал. В 1805 г. начальник штаба австрийской армии эрцгерцога Фердинанда (фактически же главнокомандующий). Был окружен французскими войсками Наполеона под Ульмом и капитулировал. Военным судом был приговорен к смерти, но затем помилован. Впоследствии получил чин фельдмаршала.

МАЛЕ Клод-Франсуа (1754–1812), французский генерал. Уволен Наполеоном из армии за республиканские убеждения и арестован. Осенью 1812 г. сумел освободиться и предпринял попытку военного переворота в Париже, но потерпел неудачу. По приговору военного суда расстрелян.

МАРЕ Гуго-Бернард (1763–1839), герцог Бассано, французский дипломат. В 1812 г. министр иностранных дел Наполеона.

МАРИЯ-ЛУИЗА (1791–1847), французская императрица (1810–1814), вторая жена Наполеона I. До замужества австрийская эрцгерцогиня, дочь австрийского императора Франца I. Оставила Наполеона после его низложения.

МАРКОВ Евгений Иванович (1767–1828), генерал-лейтенант. Сподвижник Кутузова по Русско-турецкой войне 1806–1812 гг. В 1812 г. командовал корпусом в 3-й Западной армии, в 1813–1814 гг. — корпусом в армии Беннигсена.

МАРКОВ Иракий Иванович (1750–1829), граф, генерал-лейтенант. В 1812 г. начальник Московского ополчения.

МАРМОН Огюст-Фредерик-Луи (1774–1852), маршал Франции (1809), герцог Рагузский (1808), пэр Франции (1814). В 1813–1814 гг. командир 6-го пехотного корпуса. В апреле 1814 г. изменил Наполеону и сдал свой корпус противнику.

МАРШАН Жан-Габриэль (1765–1851), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 25-й пехотной дивизии в 3-м корпусе маршала Нея.

МАССЕНБАХ Ф., прусский генерал. В 1812 г. командир кавалерийской дивизии в 10-м корпусе маршала Макдональда.

МЕЗОН Никола-Жозеф (1771–1840), маркиз, маршал Франции (1828). В 1812 г. генерал, командовал бригадой, затем дивизией во 2-м корпусе маршала Удино. В кампании 1813 года командир дивизии в корпусе Лористона, затем командир корпуса, действовавшего в Голландии и Бельгии.

МЕЛИССИНО Алексей Петрович (1761–1813), генерал-майор. В 1812 г. шеф Лубенского гусарского полка, командовал бригадой в 3-й Западной армии. Убит в сражении под Дрезденом.

МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ Егор Иванович (1767–1830), барон, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-

майор, затем генерал-лейтенант; командир резервного корпуса, потом 1-го кавалерийского корпуса.

МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ Петр Иванович (1755–1823), барон, генерал от артиллерии. В 1812 г. начальник ополчения 2-го округа, в состав которого входили Петербургское и Новгородское ополчения.

МЕРЛИН П. И. (1769–1841), генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир 1-й конно-артиллерийской роты.

МЕРЛЬ, французский генерал. В 1812 г. командир 9-й пехотной дивизии, входившей в состав 2-го корпуса маршала Удино.

МЕРФЕЛЬДТ Максимилиан (1761–1815), австрийский генерал. В 1806–1808 гг. посол Австрии в России. В 1813 г. командовал 2-м австрийским корпусом. В сражении под Лейпцигом взят в плен французами.

МЕТТЕРНИХ Клеменс-Венцель-Лотар (1773–1859), князь, австрийский государственный деятель, дипломат. В 1809–1821 гг. министр иностранных дел и фактически глава австрийского правительства. Канцлер (1821–1848).

МИЛОРАДОВИЧ Михаил Андреевич (1771–1825), граф, генерал от инфантерии (1809). В 1812 г. после ранения Багратиона возглавил 2-ю Западную армию, а после объединения армий — авангард Главной армии, вел непрерывное преследование отступавшей из России наполеоновской армии. В 1813–1814 гг. командовал резервом Главной армии, затем резервом союзных войск. С 1814 г. командир Гвардейского корпуса, с 1818 г. Петербургский генерал-губернатор. Смертельно ранен 14 декабря 1825 г. декабристом Каховским во время восстания декабристов на Сенатской площади в Санкт-Петербурге.

МИНИН Кузьма (ум. 1616), народный герой. Нижегородский посадский человек, земский староста. Организатор и руководитель (вместе с князем Дмитрием Пожарским) 2-го Земского ополчения во время Смутного времени начала XVII в., изгнавшего польских интервентов из Москвы (1612).

МИРОНОВ Сергей, крестьянин, руководитель крестьянского партизанского отряда в Смоленской губернии.

МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Иванович (1790–1848), генерал-лейтенант, военный историк. В 1812 г.

адъютант М.И. Кутузова, вел журнал военных действий русской армии и иностранную переписку главнокомандующего. Тяжело ранен в сражении при Тарутино и вернулся в действующую армию лишь в 1813 г. В 1816 г. назначен флигель-адъютантом Александра I и секретарем начальника Главного штаба. Автор многих военно-исторических трудов.

МИХЕЛЬСОН Иван Иванович (1740–1807), генерал от кавалерии. Особенно отличился при подавлении восстания Пугачева, будучи еще в чине подполковника. В 1806–1807 гг. главнокомандующий Молдавской армией в Русско-турецкой войне 1806–1812 гг.

МИШЕЛЬ, чиновник французского военного министерства, обвиненный в шпионаже в пользу России. После отъезда из Парижа А.И. Чернышева, которому он передавал секретные военные сведения, был арестован, осужден и расстрелян.

МИШЕЛЬ Клод-Этьен (1772–1815), граф, французский генерал. В 1814 г. командир дивизии, сформированной в марте 1814 г. в Париже.

МИШО Александр Францевич (1774–1841), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, офицер Главного штаба. Был послан Кутузовым к царю с известием о сдаче Москвы, а затем с донесением о победе при Тарутино.

МОНАХТИН Ф. Ф., полковник, командир Московского пехотного полка. Убит в Бородинском сражении 1812 г.

МОНБРЕН Луи-Пьер (1770–1812), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 2-го кавалерийского корпуса наполеоновской армии. Убит в сражении при Бородино.

МОНФЕРРАН Август Августович (1786–1858), архитектор. По происхождению француз. По его проекту установлена Александровская колонна на Дворцовой площади Санкт-Петербурга.

МОР И., австрийский генерал, командир бригады в 12-м корпусе Шварценберга.

МОРАН Луи-Шарль (1771–1835), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 1-й пехотной дивизии в корпусе маршала Даву.

МОРО Жан-Виктор (1763–1813), французский генерал. В 1804 г. изгнан из Франции Наполеоном. С 1813 г. на русской

службе, военный советник Александра I. Смертельно ранен в сражении под Дрезденом.

МОРТЬЕ Эдуар-Казимир-Жозеф (1768–1835), маршал Франции (1804), герцог Тревизский. В 1812 г. командовал Молодой гвардией Наполеона. После взятия французами Москвы был ее военным губернатором. В 1813–1814 гг. командовал различными гвардейскими соединениями наполеоновской армии.

МУСИН-ПУШКИН, майор Павловского гренадерского полка. В Бородинском сражении принял командование полком после ранения его командира.

МУТОН Ж. (1770–1838), граф Лобау, французский генерал, маршал Франции (1831). В 1812 г. находился при Главном штабе Наполеона. В 1813 г. командовал 1-м корпусом (после Вандама). Взят союзниками в плен при капитуляции Дрездена.

МУХИН, генерал-майор. В начале Отечественной войны 1812 года генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии. 29 июня (11 июля) 1812 г. его заменил полковник К.Ф. Толь.

МЮРАТ Иоахим-Наполеон (1771–1815), маршал Франции (1804), великий герцог Берг и Клеве (1806), король Неаполитанский (1808–1814), зять Наполеона (женат на его сестре). В 1812–1813 гг. командовал резервной кавалерией наполеоновской армии (четыре кавалерийских корпуса). В 1814 г. изменил Наполеону и примкнул к антифранцузской коалиции.

НАГЕЛЬ, французский генерал, командир бригады в 4-м корпусе Богарне.

НАГУЛИН, рядовой Кавалергардского полка.

НАЗИМОВ Н Г., полковник, командир 50-го егерского полка.

НАНСУТИ Этьен-Антуан-Мари (1768–1815), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 1-го кавалерийского корпуса «Великой армии» Наполеона. В 1813–1814 гг. командовал гвардейской кавалерией.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ (1769–1821), французский полководец, первый консул Французской республики (1799–1804) и император Франции (1804–1814 и «Сто дней» 1815).

НАПОЛЕОН II (1811–1832), сын Наполеона I и Марии-Луизы. При отце носил титул короля Римского, после падения Наполе-

она находилась вместе с матерью в Австрии и Италии и именовался герцогом Рейхштадтским. Наполеоном II его считали бо-напартисты.

НАРБОНН Луи-Мари-Жак (1755–1813), граф, французский генерал, дипломат, адъютант Наполеона. В 1813 г. французский посол в Вене.

НАРЫШКИН Л. А. (1787–1846), генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. ротмистр Изюмского гусарского полка. В октябре вероломно захвачен французами вместе с генералом Винценгероде, когда они прибыли на переговоры. Вскоре при этапировке во Францию был освобожден отрядом Чернышева. Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов полковник лейб-гвардии Гусарского полка.

НЕВЕРОВСКИЙ Дмитрий Петрович (1771–1813), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, начальник 27-й пехотной дивизии. Смертельно ранен в сражении при Лейпциге.

НЕЙ Мишель (1769–1815), маршал Франции (1804), герцог Эльхингенский, князь Московский. В 1812 г. командир 3-го корпуса «Великой армии» Наполеона. В конце 1812 г. вывел ее остатки из России. В 1813–1814 гг. командовал 3-м корпусом новой наполеоновской армии и группой корпусов.

НЕССЕЛЬРОДЕ Карл Васильевич (1780–1862), граф, министр иностранных дел России в 1816–1856 гг., член Государственного совета (с 1821 г.), канцлер Российской империи (с 1845 г.).

НИКИТИН Алексей Петрович (1777–1858), граф (1847), генерал от кавалерии, член Государственного совета. В 1812 г. полковник, командир 7-й конно-артиллерийской роты, затем генерал-майор и командир артиллерийской бригады. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

НИКОЛАЕВ И. Ю., полковник, начальник 12-й дружины Пестербургского ополчения.

НИКОЛАЙ I (1796–1855), русский император (с 1825 г.).

НИКОЛЬСКИЙ Сергей, юный партизан.

НОСОВ Илья, юный партизан.

ОГАРЕВ А. Г., капитан, командир роты лейб-гвардии Финляндского пехотного полка. Смертельно ранен в Бородинском сражении.

ОЖАРОВСКИЙ Адам Петрович (1776–1855), польский граф, генерал от кавалерии, член Государственного совета Царства Польского. В 1812 г. генерал-майор, командир отдельного отряда.

ОЖЕРО Ж.-П., французский генерал, младший брат маршала Ожеро. В 1812 г. командовал пехотной бригадой, капитулировавшей перед русскими партизанами под Ляхово.

ОЖЕРО Шарль-Пьер-Франсуа (1757–1816), маршал Франции (1804), герцог Кастильонский. В 1812 г. командовал 11-м (обсервационным) корпусом «Великой армии» Наполеона, составившим ее стратегический резерв в Пруссии. Почти все его соединения последовательно были втянуты в боевые действия на территории России. В 1813 г. формировал резервы, а затем командовал 9-м корпусом новой наполеоновской армии. В 1814 г. командовал т.н. Ронской армией, прикрывавшей Лион.

ОКУЛОВ М., генерал-майор, командир бригады в 4-м пехотном корпусе.

ОЛЕНИН Е. И., генерал-майор, командир запасной пехотной бригады.

ОЛСУФЬЕВ Захар Дмитриевич (1773–1835), генерал-лейтенант, сенатор. В 1812 г. генерал-лейтенант, начальник 17-й пехотной дивизии, с ноября — командир 8-го пехотного корпуса. В 1813–1814 гг. командовал 9-м пехотным корпусом, входившим в состав Силезской армии.

ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ А.-П.-Ф. (1783–1853), наследный принц, генерал-лейтенант. В 1812 г. Ревельский военный губернатор, прикомандирован к Главному штабу действующей армии.

ОЛЬДЕНБУРГСКИЙ Георгий Петрович (1784–1812), принц, генерал от кавалерии, зять Александра I (муж его сестры великой княгини Екатерины Павловны). Тверской, Новгородский и Ярославский генерал-губернатор.

ОППЕРМАН Карл Иванович (1765–1831), инженер-генерал, член Государственного совета, директор Инженерного департамента. В 1812 г. генерал-лейтенант, генерал-инспектор инженерного корпуса.

ОРЛОВ Алексей Григорьевич (1737–1808), князь, генерал-адмирал и генерал-аншеф. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. возглавлял русский флот (две эскадры) в Архи-

пелаге. За разгром турецкого флота в сражениях у Наварина и Чесмы (1770) получил титул князя Чесменского. С 1775 г. в отставке.

ОРЛОВ Михаил Федорович (1788–1842), генерал-майор. В 1812 г. поручик и флигель-адъютант Александра I. В 1813 г. ротмистр, затем полковник гвардии, командовал «летучим» отрядом. Впоследствии декабрист.

ОРЛОВ-ДЕНИСОВ Василий Васильевич (1775–1843), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии Казачьего полка, возглавлял армейский партизанский отряд. В 1813–1814 гг. начальник личного конвоя Александра I.

ОРНАНО Филипп-Антуан (1784–1863), граф, маршал Франции (1861). В 1812 г. генерал, командир кавалерийской дивизии 4-го пехотного корпуса Е. Богарне. В мае — июле 1813 г. командовал гвардейской кавалерией, затем различными кавалерийскими соединениями.

ОРУРК Иосиф Корнилович (1763–1849), граф, генерал от кавалерии. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, командовал отдельным отрядом в 3-й Западной армии. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

ОСТЕН-САКЕН (САКЕН) фон дер, Фабиан-Готлиб Вильгельмович (1752–1837), князь (1832), генерал-фельдмаршал (1826). В 1812 г. генерал-лейтенант, командир корпуса в 3-й Западной армии. В 1813–1814 гг. командовал корпусом в Силезской армии.

ОСТЕРМАН-ТОЛСТОЙ Александр Иванович (1770–1857), граф, генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 4-го пехотного корпуса. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Особо отличился в сражении при Кульме, где был тяжело ранен (ядром оторвало руку) и вынужден оставить действующую армию.

ПАВЕЛ I (1754–1801), русский император (с 1796 г.). Убит в результате дворцового переворота.

ПАВЛОВ, рядовой лейб-гвардии.

ПАЖОЛЬ К. (1772–1844), граф, французский генерал. В начале кампании 1812 года командовал 2-й легкой кавалерийской дивизией 2-го кавалерийского корпуса.

ПАКТО Мишель-Мари (1764–1830), граф, французский генерал. В 1813 г. командовал дивизией в корпусе маршала Удино, в 1814 г. — крупным отрядом Национальной гвардии, разгромленным союзными войсками при Фер-Шампенуазе.

ПАЛЕН Павел Петрович (1775–1834), граф, генерал от кавалерии. В начале Отечественной войны 1812 года генерал-майор, находился в Дунайской армии. Затем командовал авангардом 3-й Западной армии. Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов командовал кавалерийской дивизией.

ПАЛЕН Петр Петрович (1778–1864), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, командир 3-го кавалерийского корпуса. После Смоленска по болезни оставил армию, вернулся в ноябре 1812 г. В дальнейшем командовал различными кавалерийскими соединениями.

ПАНЧУЛИДЗЕВ 1-й И. Д. (1759–1815), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, шеф Черниговского драгунского полка и командир кавалерийской бригады. Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов командовал кавалерийской дивизией.

ПАНЧУЛИДЗЕВ 2-й С. Д. (1764 — после 1815), генерал-майор. В 1812 г. шеф Ингермандландского драгунского полка и командир драгунской бригады. В 1813–1814 гг. командовал 3-й драгунской дивизией.

ПАРТУНО Луи (1763–1837), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 12-й пехотной дивизии в 9-м корпусе маршала Виктора. Взят в плен русскими войсками вместе со своей дивизией в сражении на реке Березина.

ПАСКЕВИЧ Иван Федорович (1782–1856), граф Эриванский (1828), князь Варшавский (1831), генерал-фельдмаршал русских (1829), прусских и австрийских (1850) войск. В 1812 г. генерал-майор, начальник 26-й пехотной дивизии. В 1813 г. командовал блокадным корпусом, осаждавшим крепость Модлин. За отличие в битве под Лейпцигом произведен в генерал-лейтенанты.

ПАССЕК Петр Петрович (1775–1825), генерал-майор, командир пехотной бригады.

ПАУЛУЧЧИ Филипп Осипович (1779–1849), маркиз, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. По происхождению итальян-

нец. На русской службе с 1807 г. В 1812 г. генерал-лейтенант, с 21 по 29 июня начальник штаба 1-й Западной армии, затем в свите Александра I. **С октября 1812 г. генерал-губернатор Лифляндии и Курляндии.** В 1829 г. оставил службу в русской армии и вернулся в Италию.

ПЕГЛИВАН, турецкий военачальник, сераскир.

ПЕТИН, капитан, командир роты лейб-гвардии Егерского полка.

ПЕТР I (1672–1725), царь, затем первый император России.

ПИЛЛАР Е. М. (1768–1840), генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир 34-го егерского полка.

ПИНО Доминик (1760–1826), граф, итальянский генерал. В 1812 г. командир 15-й (итальянской) пехотной дивизии в 4-м корпусе Е. Богарне. В 1813–1814 гг. командовал дивизией в Итальянской армии Е. Богарне.

ПЛАТОВ Матвей Иванович (1753–1818), граф (1812), генерал от кавалерии, войсковой атаман Донского казачьего войска. В 1812 г. командовал Отдельным казачьим корпусом. В 1813–1814 гг. находился при Главной квартире Александра I, командовал по его поручению отдельными отрядами.

ПЛОЗОНН Л., французский генерал, командир пехотной бригады в 4-м корпусе Е. Богарне. Убит в сражении при Бородино.

ПОЖАРСКИЙ Дмитрий Михайлович (1578–1642), князь. Выдающийся русский военачальник, один из руководителей освободительной борьбы русского народа от иноземных захватчиков в начале XVII в.

ПОНЯТОВСКИЙ Иосиф-Антон (1763–1813), князь, польский генерал, маршал Франции (1813). В 1812 г. командовал 5-м (польским) пехотным корпусом «Великой армии» Наполеона. В 1813 г. этот погибший в России корпус был вновь сформирован. Понятовский снова возглавил его. Погиб в «битве народов» под Лейпцигом.

ПОПОВ Иван, войсковой старшина (подполковник), командир Донского казачьего полка.

ПОТАПОВ Федор (**САМУСЬ**), солдат Елизаветградского гусарского полка, организатор и руководитель крупного крестьян-

ского партизанского отряда в Гжатском уезде. Награжден знаком отличия Военного ордена и произведен в унтер-офицеры.

ПОТЕМКИН Григорий Александрович (1739–1791), князь Таврический, генерал-фельдмаршал (1784). Главнокомандующий русской армией во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

ПОТЕМКИН Яков Алексеевич (1781–1831), генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, шеф 48-го егерского полка и командир егерской бригады 17-й пехотной дивизии. В 1813–1814 гг. командир лейб-гвардии Семеновского полка.

ПРЕНДЕЛЬ Виктор Антонович (1766–1852), генерал-майор. В 1810–1812 гг. военный агент (атташе) в Саксонии. В 1812 г. подполковник, командир армейского партизанского отряда.

ПРИЛУЦКИЙ, рядовой Кавалергардского полка.

ПРОЗОРОВСКИЙ Александр Александрович (1732–1809), князь, генерал-фельдмаршал (1807). В 1808–1809 гг. главнокомандующий русской армией во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

ПРЯНИШНИКОВ Илларион Михайлович (1840–1894), русский художник.

ПУГАЧЕВ Емельян Иванович (1740–1775), предводитель крестьянской войны в России в 1773–1775 гг.

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

ПЫШНИЦКИЙ Д.И. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, шеф Кременчугского пехотного полка и командир бригады 4-й пехотной дивизии. Впоследствии начальник дивизии.

РАЕВСКИЙ Николай Николаевич (1771–1829), генерал от кавалерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 7-го пехотного корпуса. В Бородинском сражении прославился упорной обороной Центрального редута, вошедшего в историю под названием «батарея Раевского». Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов командовал корпусом.

РАЗУ Ж.-Н. (ум. 1820), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 11-й пехотной дивизии 3-го корпуса маршала Нея.

РАПП Жан (1772–1821), граф, французский генерал. В 1812 г. адъютант Наполеона. В Бородинском сражении принял коман-

дование 4-й дивизией в корпусе маршала Даву после ранения ее командира, но и сам вскоре был тяжело ранен. В 1813 г. командовал корпусом и длительное время оборонял Данциг. После его капитуляции попал в плен.

РАТТ С. Л. (1766–1823), генерал-лейтенант. Командовал отдельным отрядом в 3-й Западной армии.

РАХМАНОВ В. С., генерал-майор, начальник 6-й пехотной дивизии, входившей в Финляндский корпус генерала Штейнгеля.

РЕННИ Роман Егорович (1778–1832), генерал-майор. В 1810–1812 гг. подполковник, русский военный агент (атташе) в Пруссии. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба 3-й Западной армии. В 1813–1814 гг. начальник штаба корпуса Винценгероде.

РЕНЬЕ Жан-Луи (1771–1814), граф, французский генерал. В 1812–1813 гг. командовал 7-м (саксонским) пехотным корпусом наполеоновской армии. Взят в плен союзными войсками в битве под Лейпцигом.

РЕПНИН Николай Васильевич (1734–1801), князь, генерал-фельдмаршал (1796), дипломат. Участник Семилетней войны 1756–1763 гг. и Русско-турецких войн 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., в ходе которых командовал дивизией, корпусом и армией. Его победа при Мачине (1791) способствовала победоносному завершению войны с Турцией.

РЕПНИН-ВОЛКОНСКИЙ (РЕПНИН) Николай Григорьевич (1778–1845), князь, генерал-майор, генерал-адъютант. В 1812–1813 гг. командовал авангардом корпуса Витгенштейна. В октябре 1813 г. назначен генерал-губернатором Саксонии.

РИДИГЕР Ф. В. (1784–1856), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1812 г. полковник, командир Гродненского гусарского полка, затем генерал-майор, командир кавалерийской бригады.

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Александр Михайлович (1753–1840), генерал от инфантерии. В 1799 г. в чине генерал-лейтенанта командовал русским корпусом в Швейцарии, был разбит французами и с остатками корпуса присоединился к отряду Суворова. В 1812–1813 гг. Литовский генерал-губернатор.

РИХТЕР, полковник, командир 2-го батальона лейб-гвардии Егерского полка.

РИХТЕР, полковник, командир Павловского гренадерского полка.

РИШЕЛЬЕ Эммануил Осипович (1766–1822), герцог, генерал-лейтенант. Французский эмигрант на русской службе. В 1812 г. начальник 13-й пехотной дивизии и одновременно генерал-губернатор Новороссийского края и Крыма. В 1815 г. вернулся во Францию.

РОБЕР Симон (1762–1827), барон, полковник, затем наполеоновский генерал. В 1814 г. командовал пехотной бригадой. Участвовал в обороне Парижа.

РОЖНЕЦКИЙ А., польский генерал, командир 4-й легкой кавалерийской дивизии 4-го кавалерийского корпуса «Великой армии» Наполеона.

РОЗЕН 1-й А. В. (1779–1833), барон, генерал-майор. В 1812 г. шеф лейб-кирасирского Ее Императорского Величества полка и командир бригады 1-й кирасирской дивизии.

РОЗЕН 2-й Григорий Владимирович (1782–1841), барон, генерал от инфантерии, член Государственного совета. В 1812 г. генерал-майор, командир гвардейской пехотной бригады (лейб-гвардии полки Преображенский и Семеновский). В 1813–1814 гг. начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии.

РОМАНОВ, рядовой лейб-гвардии.

РОМАНОВЫ, царская династия в России, правившая с начала XVII до начала XX в.

РОССИ И. П., генерал-майор, командир бригады 4-й пехотной дивизии.

РОССИ Карл Иванович (1775–1849), русский архитектор, по проекту которого создан ансамбль Главного штаба на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге.

РОСТОПЧИН Федор Васильевич (1763–1826), граф, генерал от инфантерии, член Государственного совета. В 1812 г. главнокомандующий в Москве.

РТИЩЕВ Н. Ф. (1758–1835), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, начальник 20-й пехотной дивизии (на Кавказе) и одновременно командующий войсками Кавказской линии.

РУБАШКИН, казачий офицер, подъесаул.

РУБО Франц Алексеевич (1856–1928), русский художник-баталист.

РУМЯНЦЕВ Николай Петрович (1754–1826), граф. Сын полководца П.А. Румянцева, дипломат. В 1808–1814 гг. министр иностранных дел. С 1809 г. — канцлер.

РУМЯНЦЕВ (РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ) Петр Александрович (1725–1796), граф, генерал-фельдмаршал (1770), выдающийся русский полководец.

РУСАНОВ Василий Акимович (1779–1861), генерал-майор. В 1812 г. занимался формированием резервных частей в центральных губерниях.

РУСЛОВ, рядовой лейб-гвардии.

САБАНЕЕВ Иван Васильевич (1770–1829), генерал от инфантерии. В 1810–1812 гг. дежурный генерал штаба Дунайской армии, генерал-лейтенант. После объединения Дунайской и 3-й Западной армий начальник штаба у адмирала П.В. Чичагова. В 1813 г. начальник штаба армии (у Барклая-де-Толли), в 1814 г. — начальник 27-й пехотной дивизии.

САВОИНИ Еремей Яковлевич (1767–1836), генерал от инфантерии. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, шеф Ладожского пехотного полка и командир бригады 26-й пехотной дивизии. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

САЗОНОВ Иван Терентьевич (1757–1823), генерал-лейтенант. В 1812 г. начальник 14-й пехотной дивизии в 1-м корпусе Витгенштейна. Вскоре после сражения при Чашниках тяжело заболел и покинул действующую армию

САЛТЫКОВ Николай Иванович (1736–1816), князь (1814), генерал-фельдмаршал (1796). В 1812 г. председатель Комитета министров и Государственного совета.

САЛТЫКОВ Петр Семенович (1698–1773), граф, генерал-фельдмаршал (1759), выдающийся русский полководец, победитель прусского короля Фридриха II в сражении при Кунерсдорфе во время Семилетней войны.

СЕБАСТИАНИ Орас-Франсуа де ла Парта (1772–1851), граф, маршал Франции (1840). В 1812 г. дивизионный генерал, командир 2-й легкой кавалерийской дивизии (после генерала Пажо-

ля) 2-го кавалерийского корпуса, затем командир этого корпуса. Продолжал им командовать и в 1813–1814 гг.

СЕГЮР Филипп-Поль (1780–1873), граф, французский генерал. В 1812 г. офицер гвардии Наполеона, в 1813 г. — командир полка, в 1814 г. — командир бригады. Автор широко известных воспоминаний о походе Наполеона в Россию в 1812 г.

СЕКРЕТАН Антуан-Жозеф (1773–1837), французский полковник. В 1814 г. командовал пехотной бригадой. Тяжело ранен в Парижском сражении.

СЕН-ЖЕНИ, французский генерал, командир кавалерийской бригады. Разбит и взят в плен генералом Кульневым в июле 1812 г.

СЕН-ЖЕРМЕН, французский генерал, командир 1-й кирасирской дивизии 1-го кавалерийского корпуса «Великой армии» Наполеона.

СЕН-ЖЮЛЬЕН, граф. В 1812 г. австрийский посол в России.

СЕН-ПРИ Эммануил Францевич (1776–1814), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Французский эмигрант на русской службе. В 1812 г. начальник штаба 2-й Западной армии. Тяжело ранен в сражении при Бородино. В 1813–1814 гг. командовал дивизией, а затем 8-м пехотным корпусом. Убит в марте 1814 г. в бою под Реймсом.

СЕН-СИР, см. Гувион Сен-Сир Л.

СЕНЯВИН Дмитрий Николаевич (1763–1831), адмирал (1826). В Русско-турецкую войну 1806–1812 гг. командовал русской эскадрой в Эгейском и Адриатическом морях. Разгромил турецкий флот в Дарданельском и Афонском сражениях (1807). В 1812 г. главный командир Ревельского порта.

СЕСЛАВИН Александр Никитич (1780–1858), генерал-лейтенант. В 1812 г. знаменитый партизан, полковник, начальник армейского партизанского отряда, затем командир Сумского гусарского полка. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. В сентябре 1813 г. произведен в генерал-майоры.

СИВЕРС Карл Карлович (1772–1843), граф, генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, начальник 9-й кавалерийской дивизии и одновременно командовал 4-м кавалерий-

ским корпусом. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

СИЛАЕВ Семен, крестьянин, отказавшийся быть проводником у французов.

СИТНИКОВ, казачий сотник из партизанского отряда Дениса Давыдова.

СКОБЕЕВ Иван, священник из г. Верея, один из организаторов партизанской борьбы крестьян против наполеоновских войск. Награжден знаком отличия Военного ордена.

СОРБЬЕ Жан-Бартелело (1762–1827), граф, французский генерал. В 1812 г. командовал гвардейской артиллерией Наполеона.

СТАВИЦКИЙ, генерал-майор, командир бригады 27-й пехотной дивизии. В 1813 г. командовал 27-й пехотной дивизией.

СТЕПАНОВ Андрей, крестьянин, руководитель партизанского отряда на Смоленщине.

СТОЛЫПИН А. А., поручик гвардейской артиллерии, дядя поэта М.Ю. Лермонтова.

СТРОГАНОВ Павел Александрович (1774–1817), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, начальник 1-й гренадерской дивизии, потом 3-го пехотного корпуса. В ноябре 1812 г. по болезни оставил действующую армию и вернулся лишь в 1813 г. Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов командовал корпусом.

СТУЛОВ Егор Семенович, крестьянин Богородского уезда Московской губернии. Один из организаторов и руководителей партизанской борьбы против иноземных захватчиков на территории своего уезда. Награжден знаком отличия Военного ордена.

СУВОРОВ Александр Васильевич (1730–1800), граф Рымникский, рейхсграф Священной Римской империи, князь Итальянский, генерал-фельдмаршал (1794), австрийский фельдмаршал (1799), генералиссимус (1799), великий русский полководец.

СУЛИМА Н. С. (1777–1840), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир Таврического гренадерского полка.

СУЛЬТ Никола-Жан де Дье (1769–1851), герцог Далматский (1808), маршал Франции (1804), главный маршал (1847), пэр

Франции (1815). Летом 1813 г. командовал императорской гвардией, с июля 1813 г. главнокомандующий французскими войсками в Испании.

СУСАНИН Иван (ум. 1613), крестьянин с. Деревеньки Костромского уезда, герой освободительной борьбы русского народа против польских интервентов в начале XVII в.

СУХОЗАНЕТ Иван Онуфриевич (1788–1861), генерал от артиллерии, генерал-адъютант. В 1812 г. подполковник, затем полковник, командир 1-й конно-артиллерийской роты. В 1813 г. — генерал-майор, командир артиллерийской бригады. В 1814 г. командовал артиллерийским резервом Главной армии союзников.

СЫСОЕВ В. А. (1774–1840), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир Донского казачьего полка, потом бригады.

ТАЛЕЙРАН-ПЕРИГОР Шарль-Морис (1754–1838), князь Бекевентский, французский государственный деятель, дипломат. В 1797–1807 и 1814–1815 гг. министр иностранных дел.

ТАЛЫЗИН Ф. И. (1773–1844), генерал-лейтенант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, командир 3-го егерского полка Московского ополчения, потом начальник 3-й дивизии того же ополчения.

ТАРЛЕ Евгений Викторович (1875–1955), академик АН СССР, известный советский историк.

ТАУБЕ М. М. (1782–1849), барон, генерал-лейтенант, сенатор. В 1812 г. капитан, командир роты гвардейской артиллерии.

ТАУЭНЦИН Богислав-Фридрих-Эммануил (1761–1824), граф, прусский генерал. В 1813–1814 гг. командир корпуса.

ТЕЙЛЬ САРАСКЕРКЕН Ф., фон, барон, полковник, русский военный агент (атташе) в Австрии.

ТЕТЕНБОРН Фридрих-Карл (1778–1845), барон. В августе 1812 г. в чине подполковника перешел из австрийской армии в русскую. Участник Отечественной войны 1812 года. В 1813 г. полковник, затем генерал-майор, командир отдельного «летучего» отряда.

ТИЛЕМАН Иоганн (1765–1824), барон, генерал-лейтенант. В 1812 г. командовал бригадой саксонских кирасир в армии На-

полеона. В 1813 г. перешел в русскую армию, затем в прусскую, командир отдельного легкого корпуса.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (1828–1910), граф, великий русский писатель.

ТОЛСТОЙ Н. А. (1765–1815), граф, действительный тайный советник. В 1812 г. гофмаршал императорского двора.

ТОЛСТОЙ Петр Александрович (1761–1844), граф, генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, начальник Нижегородского ополчения.

ТОЛЬ Карл Федорович (1777–1842), граф, генерал от инфантерии. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, генерал-квартирмейстер 1-й Западной, затем Главной армии, с августа 1813 г. — Богемской армии. За отличие в сражении при Лейпциге произведен в чин генерал-лейтенанта.

ТОРМАСОВ Александр Петрович (1752–1819), граф, генерал от кавалерии. В 1812 г. главнокомандующий 3-й Западной армией, затем состоял при Главной квартире. С 1815 г. главнокомандующий в Москве.

ТРУССОН Христиан Иванович (1746–1813), генерал-лейтенант. В 1812 г. инженер-генерал-майор, начальник инженеров 1-й Западной армии.

ТУРНО, французский генерал, командир кавалерийской бригады. Убит в бою при местечке Мир.

ТУРЧАНИНОВ П. П. (1776–1839), полковник, затем генерал-майор, командир бригады в Финляндском корпусе генерала Штейнгеля.

ТУТОЛМИН И. В., генерал-майор, начальник Московского воспитательного дома.

ТУЧКОВ 4-й Александр Алексеевич (1778–1812), генерал-майор, командир бригады 3-й пехотной дивизии. Убит в сражении при Бородино.

ТУЧКОВ 1-й Николай Алексеевич (1765–1812), генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. Смертельно ранен в сражении при Бородино.

ТУЧКОВ 3-й Павел Алексеевич (1775–1858), генерал-майор, командир бригады 2-го пехотного корпуса, ранен и взят в плен французами в бою при Валутиной горе. С 1815 г. командовал 8-й пехотной дивизией, с 1819 г. в отставке, с 1826 г. на граж-

данской службе, с 1838 г. член Государственного совета, действительный тайный советник.

ТУЧКОВ 2-й Сергей Алексеевич (1767–1839), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, дежурный генерал штаба армии П.В. Чичагова, затем командир корпуса, генерал-лейтенант.

ТУЧКОВА Маргарита Михайловна (1781–1852), жена генерала Тучкова 4-го, с 1839 г. настоятельница Спасо-Бородинского женского монастыря, воздвигнутого на месте гибели ее мужа в память о героях Бородинского сражения.

ТУЧКОВЫ, старинный русский дворянский род, известный с XVI в.

ТЫРТОВ Яков Иванович. В 1812 г. генерал-лейтенант, начальник Тверского ополчения.

УВАРОВ Федор Петрович (1769–1824), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, шеф кавалергардов. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса, с сентября 1812 г. командующий всей кавалерией Главной армии. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

УДИНО Никола-Шарль (1767–1847), маршал Франции (1809), герцог Реджио (1810), пэр Франции (1814). В 1812 г. командир 2-го пехотного корпуса наполеоновской армии. В кампаниях 1813 и 1814 годов командовал корпусом.

УДОМ И. Ф. (1768–1821), полковник, затем генерал-майор, командир лейб-гвардии Литовского полка.

УРУСОВ Николай Юрьевич (род. 1767), князь, генерал-майор, командир бригады Резервной армии.

УШАКОВ И. М., полковник, командир Черниговского пехотного полка.

УШАКОВ Николай Александрович (ум. 1842), генерал-майор. В 1812 г. формировал в Калуге резервные части, затем командир пехотной бригады.

УШАКОВ С. Н. (ум. 1814), полковник, затем генерал-майор, командир Курляндского драгунского полка, потом кавалерийской бригады.

ФЕДОРОВ Антон, крестьянин, руководитель крестьянского партизанского отряда на Смоленщине.

ФЕРСТЕР Е. Х. (1756–1826), инженер-генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, начальник инженеров 2-й Западной армии, затем Главной армии.

ФИГНЕР Александр Самойлович (1787–1813), штабс-капитан, знаменитый партизан 1812 года. В 1813 г. полковник, командир армейского партизанского отряда. Погиб при переправе через реку Эльба близ г. Дессау.

ФОК Б. Б. (род. 1760). В 1812 г. генерал-майор, шеф Петербургского гренадерского полка и командир бригады 1-й гренадерской дивизии, затем начальник 24-й пехотной дивизии.

ФОНВИЗИН Денис Иванович (1744–1792), писатель.

ФОНВИЗИН Михаил Александрович (1788–1854), генерал-майор, декабрист. В 1812 г. поручик, командир армейского партизанского отряда. Впоследствии за участие в заговоре декабристов арестован, осужден и провел на каторге и в ссылке в Сибири около 27 лет, в том числе 8 лет на каторге.

ФРАНЦ I (1768–1835), австрийский император (с 1806 г.), император Священной Римской империи (1792–1806), упраздненной Наполеоном.

ФРЕЛИХ Ф., австрийский генерал, командир бригады 12-го пехотного корпуса «Великой армии» Наполеона.

ФРИАН Луи (1758–1829), граф, французский генерал. В 1812 г. командир 2-й пехотной дивизии, входившей в состав корпуса маршала Даву. В 1813–1814 гг. командовал гвардейскими соединениями наполеоновской армии.

ФРИДРИХ II (1712–1786), прусский король (с 1740 г.), полководец.

ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ III (1770–1840), прусский король (с 1797 г.).

ФРОЛОВ А., крестьянин д. Фили, в доме которого 1 (13) сентября 1812 г. состоялся военный совет командования русской армии, решивший участь Москвы.

ФУЛЬ Карл-Людвиг-Август (1757–1826), прусский генерал. С 1806 г. на русской службе. В начале Отечественной войны 1812 года военный советник Александра I.

ФУЭНТЕС Пэдро (1560–1643), граф, испанский полководец. В сражении при Рокруа погиб, а его армия была разбита французами.

ХОЗРЕВ-МЕГМЕТ-ПАША, турецкий военачальник. Разбит русскими войсками в сражении при Рассевате (1809).

ХРАПОВИЦКИЙ Матвей Евграфович (1784–1847), генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор (за отличие в Бородинском сражении), командир лейб-гвардии Измайловского полка и одновременно командир гвардейской бригады (Измайловский и Литовский полки). В Бородинском сражении тяжело ранен и вернулся в действующую армию только в декабре 1812 г. В сражении под Кульмом (1813) снова тяжело ранен и вернулся в строй лишь в марте 1814 г.

ХРУЩЕВ М. Д., генерал-майор, командир кавалерийской бригады в 3-й Западной армии.

ЦВИЛИНЕВ А. И. (1769–1824), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады 1-й гренадерской дивизии, затем начальник этой дивизии.

ЧАЙКОВСКИЙ Петр Ильич (1840–1893), русский композитор.

ЧАЛИКОВ А. С. (1754–1821), генерал-майор, командир лейб-гвардии Уланского полка и одновременно командир бригады легкой гвардейской кавалерии.

ЧАПЛИЦ Ефим Игнатьевич (1768–1825), генерал-лейтенант, начальник 8-й кавалерийской дивизии 3-й Западной армии. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

ЧЕРНОЗУБОВ И. Ф., полковник, командир Донского казачьего полка.

ЧЕРНЫШЕВ Александр Иванович (1785–1857), князь (1841), генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1810–1812 гг. военный агент (атташе) во Франции, ротмистр, затем полковник и флигель-адъютант. В начале Отечественной войны 1812 года комендант Главной квартиры Александра I, затем командир армейского партизанского отряда, генерал-майор. Возглавлял партизанский отряд и во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. Впоследствии военный министр (1832–1852), председатель Государственного совета и Комитета министров (1848–1855).

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (1828–1889), русский революционный демократ, писатель, публицист и литературный критик.

ЧЕТВЕРТАКОВ (Четвертак) Ермолай Васильевич (род. 1781), солдат, создатель и руководитель крестьянского партизанского отряда в Гжатском уезде Московской губернии. Награжден знаком отличия Военного ордена.

ЧИНГИСХАН (Темучин) (ок. 1155–1227), полководец, в результате завоевательных походов создавший огромную феодальную империю в Азии и Восточной Европе, сразу же распавшуюся после его смерти.

ЧИЧАГОВ Василий Яковлевич (1726–1809), адмирал. Во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг. командовал Балтийским флотом.

ЧИЧАГОВ Павел Васильевич (1767–1849), адмирал. В 1807–1811 гг. морской министр, в 1812 г. главнокомандующий Дунайской армией, а затем объединенной 3-й Западной и Дунайской армией, во главе которой участвовал в Отечественной войне 1812 года.

ЧИЧЕРИН В. Н., генерал-лейтенант, бывший директор Тульского оружейного завода. В 1812 г. начальник 1-й дивизии Московского народного ополчения.

ЧОГЛОКОВ Павел Николаевич (1770–1832), генерал-лейтенант. В 1812 г. шеф Перновского пехотного полка и командир бригады 11-й пехотной дивизии, затем начальник 11-й пехотной дивизии, 1-й гренадерской дивизии. За отличие в сражении при Лейпциге произведен в генерал-лейтенанты.

ЧУШКИН Иван, сотский Богородского уезда, один из командиров партизанского отряда Г. Курина.

ШАРНХОРСТ Гергард-Давид (1755–1813), прусский генерал, государственный деятель и военный реформатор. В 1809–1810 гг. военный министр. В 1813 г. генерал-квартирмейстер прусской армии. Смертельно ранен в сражении под Лютценом.

ШАССЛУ Франсуа (1754–1833), французский генерал. В 1812 г. начальник инженерных войск «Великой армии» Наполеона.

ШАТИЛОВ И. Я. (1771–1845), генерал-майор. В 1812 г. полковник, командир Московского гренадерского полка.

ШАХОВСКИЙ Иван Леонтьевич (1776–1860), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1812 г. генерал-майор, командир егерской бри-

гады 3-й пехотной дивизии, затем начальник этой дивизии. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов. За отличие в «битве народов» под Лейпцигом произведен в генерал-лейтенанты.

ШВАРЦ, полковник лейб-гвардии Литовского полка.

ШВАРЦЕНБЕРГ Карл-Филипп (1771–1820), князь, австрийский фельдмаршал. В 1812 г. командовал 12-м (австрийским) корпусом «Великой армии» Наполеона. В 1813–1814 гг. главнокомандующий Богемской (Главной) армией союзников.

ШЕВИЧ Иван Георгиевич (1754–1813), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир лейб-гвардии Гусарского полка и легкой гвардейской кавалерийской бригады. Затем командовал легкой гвардейской кавалерийской дивизией. Убит в сражении при Лейпциге.

ШЕПЕЛЕВ Д. Д. (род. 1771), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир бригады в корпусе Витгенштейна.

ШИТИКОВ Л., унтер-офицер лейб-гвардии Егерского полка.

ШИШКОВ Александр Семенович (1754–1841), адмирал. В 1812 г. государственный секретарь и член Комитета по делам ополчений. Впоследствии министр народного просвещения и президент Российской академии наук.

ШТЕЙНГЕЛЬ Фаддей Федорович (1762–1831), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Финляндии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир так называемого Финляндского корпуса.

ШУВАЛОВ Павел Андреевич (1777–1823), граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. В 1809–1811 гг. находился с дипломатическим поручением в Вене. В начале Отечественной войны 1812 года командир 4-го пехотного корпуса, но вскоре из-за болезни оставил действующую армию. Вернулся в армию в 1813 г. и состоял в свите Александра I, выполнял его отдельные боевые поручения. Отличился в сражении при Лейпциге и ряде других. В 1814 г. как представитель России сопровождал Наполеона в ссылку на остров Эльба.

ЩЕДРОВ, рядовой лейб-гвардии.

ЩЕРБАТОВ Алексей Григорьевич (1776–1848), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. В 1812 г. генерал-майор, начальник 18-й пехотной дивизии (3-я Западная армия), затем генерал-лейтенант.

Во время Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов командовал корпусом. Впоследствии Московский генерал-губернатор (1843–1848).

ЭБЛЕ Ж. (1755–1813), барон, французский генерал. В 1812 г. начальник понтонеров наполеоновской армии.

ЭММАНУЭЛЬ Г. А. (1775–1837), генерал от кавалерии. В 1812 г. полковник, затем генерал-майор, шеф Киевского драгунского полка и командир кавалерийской бригады.

ЭНГЕЛЬГАРТ, генерал-майор, командир егерской бригады 3-й Западной армии.

ЭРТЕЛЬ Федор Федорович (1767–1825), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир 2-го резервного корпуса, затем генерал-полицмейстер действующей армии.

ЭССЕН Иван Николаевич (1759–1813), генерал-лейтенант. В 1805 г. командовал корпусом в войне с Наполеоном. С 1807 г. по болезни в отставке.

ЭССЕН 3-й Петр Кириллович (1772–1844), генерал от инфантерии. В 1812 г. генерал-лейтенант, командир корпуса в Дунайской армии П.В. Чичагова.

ЮВАН, лейб-медик Наполеона.

ЮЗЕФОВИЧ Дмитрий Михайлович (1777–1821), полковник, затем генерал-майор, шеф Харьковского драгунского полка и командир кавалерийской бригады.

ЮРКОВСКИЙ Анастасий Антонович (1752–1824), генерал-лейтенант. В 1812 г. генерал-майор, командир егерской бригады, командовал авангардом в корпусе Милорадовича при преследовании наполеоновской армии.

ЯКОВЛЕВ Иван Алексеевич (1767–1846), капитан в отставке, отец А.И. Герцена.

ЯКУШКИН Иван Дмитриевич (1793–1857), декабрист. В 1812 г. подпрапорщик лейб-гвардии Семеновского полка.

ЯШВИЛЬ Лев (Леван) Михайлович (1768–1836), князь, генерал от артиллерии. В 1812 г. генерал-майор, затем генерал-лейтенант, командир 4-й артиллерийской бригады, начальник артиллерии 1-го пехотного корпуса. Участник Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов, в начале их — начальник всей артиллерии действующей армии.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Або, г. 353
Адда, р. 243
Адриатическое море 341
Аккерман (ныне
Белгород-Днестровский),
креп. 172, 307, 648
Аландские о-ва 245, 353
Александрия, г. 507
Алексинки, х. 361–364
Алле, р. 245, 266
Альпы, горы 328
Альтенбург, г. 778, 780, 836
Амстердам, г. 507
Амштеттен, г. 316
Антверпен, г. 507
Антополь, мест. 337
Арзамас, г. 525
Аристово, сел. 551–554
Арси-сюр-Об, г. 756, 817
Аустерлиц (ныне
г. Славков), мест. 16, 17,
118, 189, 244 264, 310, 311,
316, 350, 373, 436, 846–848
Ауэрштедт, мест. 73,
118, 147, 846, 847
- Бавария, обл. 796
Балканы, регион 93, 242
Балтийское море 24, 96, 108, 232
Бараны, сел. 693, 699
Бар-сюр-Об, г. 756, 813
Басманы, дер. 578
Батуры, сел. 693
Бауцен, г. 351, 714, 756, 782–785
Беззубово, дер. 437–439
Белево, сел. 168
Белое, сел. 347
Белосток, г. 23, 24, 148,
150, 208, 216, 734
Белый, г. 589, 596
Бельвиль, выс. 820–824
Бендеры, креп. и г. 172,
193, 226, 307
Березина, р. 62–67, 70, 75, 100,
128, 130, 186, 190, 527, 532,
622, 629, 630, 636–641, 683–
692, 726, 756, 857, 860, 878
Березино, сел. 690, 698, 699
Берлин, г. 109, 110, 308,
753, 773–775, 778, 784,
788, 789, 839, 846, 863

- Бессарабия, обл. 19, 312
Бешенковичи, мест.
167, 168, 177, 179, 231
Блуа, г. 819, 824
Бобр, сел. 638, 693, 694
Бобруйск, креп. и г. 57,
128, 129, 152, 156–158, 164,
165, 186–191, 208, 341, 528,
635, 636, 690, 699, 748
Богородск, г. 528, 579
Богородское, сел. 538, 539
Большие Вяземы, сел. 490
Бонди, сел. 819, 821
Борисов, г. 63–66, 128, 149,
154, 186, 592, 627–641,
681–694, 698–704, 713, 719
Боровск, г. 58, 60, 519,
547, 551–554, 559, 563–
569, 573, 589, 595, 596
Боровская дорога 549
Боровский перевоз 45, 504, 514
Бородино, сел. 29–33, 36, 43,
44, 45, 46, 51, 54, 73, 211, 326,
331, 336, 354–360, 372, 373,
377–384, 392, 401, 414, 421–425,
433, 437, 441, 444, 448, 451, 453,
456, 457, 468, 471–483, 486–491,
496, 506, 521, 541, 547, 563, 595,
651, 669, 768, 802, 850, 866, 878
Боярщина, дер. 226
Бремен, г. 96, 232, 794
Бреславль (ныне
Вроцлав), г. 785
Брест (Брест-Литовск), г.
57, 130, 217, 218, 629, 632,
713, 721, 740, 747, 748, 767
Бриенн, г. 756, 810
Бронницы, г. 502
Брянск, г. 504, 583, 587
Буг, р. 137, 215, 217, 306, 629,
631, 633, 714, 749, 766
Бунцлау (ныне
Болеславец), г. 67, 778
Бухарест, г. 105, 140, 312, 316, 510
Быково, дер. 609
Ваграм, сел. 94, 118, 436,
442, 446, 847, 848
Валахия, обл. 19, 316,
340, 341, 523
Валуево, дер. 363, 377
Вальдхайм, сел. 798
Валугина гора, сел. 27,
281, 285, 286–290, 616
Вартенбург, г. 794
Варшава, г. 66, 92, 96, 99,
117, 153, 220, 328, 720, 729,
733, 742, 767, 770, 836
Ватерлоо, сел. 566, 756, 840
Вахау, дер. 799, 804
Веглиц, дер. 776
Вейсенфельс, г. 780
Велиж, г. 210, 596
Вена, г. 94, 101, 109
Верея, г. 51, 59, 528, 596
Версаль, г. 832
Веселово, сел. 690, 693, 697
Вилейка, г. 148, 154, 155, 164
Вилькомир, г. 149,
152, 227, 750, 865
Вильна (ныне Вильнюс), г. 47,
66, 67, 116, 130, 138–140, 145–154,
167, 173, 205, 298, 628, 633, 681,
690, 692, 695, 697, 716, 716–737,
Висла, р. 528, 720, 740, 743,
754, 765–771, 777, 836, 837

- Витебск, г. 166–168, 177–185, 190, 192, 202–214, 221, 235–240, 249, 275, 278, 298, 352, 373, 480, 532, 596, 626, 644, 645, 654, 661, 849
- Витри-ле-Франсуа, г. 818
- Виттенберг, г. 777
- Виттория (ныне Витория), г. 787
- Вишнево, мест. 155
- Владимир, г. 498, 521, 523, 587
- Война, р. 424, 438–440
- Волковыск, г. 24, 148, 153, 154, 215, 247, 631, 632, 721, 740
- Волоковая, дер. 240, 258
- Вольный, обл. 24, 46, 96, 137, 168, 211, 216, 298, 340, 341, 523, 593
- Вопь, р. 61, 644, 645, 654, 663
- Воробьевы горы 491, 507
- Вороново, сел. 522, 539, 547, 551
- Восточная Пруссия, обл. 89, 242, 527, 640, 721, 727, 743, 750, 768, 770–772, 836, 838, 847
- Вошан, г. 812
- Вуршен, г. 784
- Вюрцбург, г. 808
- Вязьма, г. 61, 63, 296, 335, 548, 568, 571, 599–613, 624, 642, 651, 660, 677, 678,
- Гаврики, дер. 240, 258
- Гайнау, г. 784
- Галиция, обл. 117, 748, 770
- Галле, г. 395, 798
- Гамбург, г. 96, 99, 232, 776, 782, 785–788, 793, 807, 808, 839
- Ганау, г. 806, 807
- Гезель, р. 799
- Гейльсберг, г. 245, 266
- Герлиц, г. 788
- Гжатск (ныне Гагарин), г. 28, 29, 314, 321–323, 330, 331, 568, 569, 578, 599, 600, 602
- Глогау (ныне Глогув), г. 777
- Глубокое, г. 166, 167, 624, 687
- Гоерсверд, сел. 784
- Голис, сел. 801
- Головчицы, дер. 229, 231, 622
- Горки, дер. 32, 33, 354, 356–359, 375, 378, 440
- Горки (Могилевской обл.), мест. 202, 205
- Городечна, мест. 337–340, 640
- Городня, сел. 560, 562, 565, 566
- Горошки, дер. 298, 310, 312
- Гранд-Торси, сел. 817
- Грауденц, креп. и г. 767
- Гриднево, сел. 336
- Гродно, г. 117, 130, 136, 145, 148, 149, 153, 158, 173, 591, 650, 727, 740, 748, 767
- Громы, дер. 617
- Грос-Песна, дер. 799
- Гроссберен, мест. 789, 794
- Гумбинен (ныне г. Гусев), мест. 740, 768
- Гусиное, сел. 676
- Гюльденгосса, сел. 800
- Далмация, обл. 341
- Даничков, мест. 776
- Данциг, г. и креп. 96, 99, 116, 232, 767, 770–774, 777, 793, 808, 858
- Дашковка, дер. 192, 193, 200, 202, 203

- Двина, р. 23, 57, 62, 63, 100, 128, 130, 134, 147, 148, 153, 162, 163, 166–170, 177–180, 208, 210, 221–224, 231, 235, 258, 342–349, 532, 617–627, 684
- Денневиц, мест. 794
- Дессау, г. 778
- Детчино, сел. 564
- Динабург (ныне Даугавпилс), г. 128, 130, 153, 222, 231, 232, 342
- Дисна, р. 130, 152, 617, 623
- Дмитриевское, сел. 533, 535
- Днепр, р. 23, 58, 64, 70, 100, 128, 167, 186, 190, 192, 202–207, 210, 215, 238, 240, 241, 250, 257–263, 268–280, 284, 287, 290, 298, 299, 303, 527, 532, 539, 566, 591, 614, 615, 641, 644, 650, 661, 662, 667, 672, 674–676, 681, 683, 684, 694, 695, 700
- Днестр, р. 242, 340
- Доброе, сел. 665–670
- Докшицы, мест. 687
- Долгомостье, дер. 643
- Дорогобуж, г. 263, 268, 273, 276, 284, 290, 293–297, 303, 610–614, 644, 657, 658
- Доронино, дер. 364, 365, 369
- Доронинский курган 365, 366, 368
- Дрезден, г. 109, 110, 138, 140, 756, 776, 778, 781, 782, 785, 788, 789, 791, 792, 795, 808, 839
- Дрисса, креп. и г. 148, 162
- Дрисса, р. 222, 225, 226, 231, 348
- Дрогичин, г. 631, 749
- Друя, мест. 167
- Дубно, г. 130
- Дуброва, сел. 602
- Дунай, р. 18, 246, 650
- Духовщина, г. 296, 644, 645, 648
- Ельня, г. 590, 657
- Еськово, дер. 666
- Житомир, г. 130
- Жодино, дер. 637, 636, 641
- Журжа (ныне Джурджу), креп. и г. 317
- Заале, р. 778, 802
- Забашевичи, дер. 690, 691, 698–700
- Зайфертсхайн, сел. 799
- Замостье, креп. и г. 808
- Замоши, сел. 167
- Западная Двина, см. *Двина, р.*
- Западный Буг, см. *Буг, р.*
- Зембин, мест. 65, 636, 690, 691, 697, 704, 709
- Зибково, сел. 578
- Игумен (ныне Червень), г. 186, 635, 636, 690
- Измаил, креп. и г. 246, 307, 327, 328, 646, 648
- Иллирия, обл. 781, 782
- Инково, сел. 214, 239, 240
- Инстербург (ныне Черняховск), г. 768
- Йена, г. 73, 846
- Кагул, р. 305
- Каир, г. 507
- Кайданово, мест. 634
- Какувачино, дер. 180, 182, 185
- Калиш, г. 770, 772, 778

- Калуга, г. 46, 58–60, 71, 315, 317,
 519, 521, 524, 532, 544–547,
 550–552, 556, 558, 561–567,
 571, 583, 587, 596, 642, 874
 Калужская Новая дорога
 58, 59, 504, 547–554, 558, 589
 Калужская Старая дорога
 45, 46, 58, 516–519, 547, 551, 555
 Кареличи, дер. 158–161, 651
 Кассель, г. 188, 797, 808
 Катань, дер. 261
 Каушаны, сел. 172, 307, 648
 Кацбах, р. 789
 Кейданы, дер. 750, 751
 Кенигсберг (ныне
 Калининград), г. 96, 117,
 450, 751, 754, 767–771, 858,
 Киев, г. 118, 128, 130, 215, 310, 311
 Кле, мест. 819, 821
 Клин, г. 528, 586
 Клиши, мест. 821, 828
 Клястицы, сел. 222–231, 238
 Князьково, дер. 359, 420
 Кобленц, г. 809
 Коблучи, дер. 624
 Кобрин, г. 217–221, 337–340, 640
 Ковель, г. 217, 340, 341, 721, 748
 Ковно (ныне Каунас), г. 23,
 67, 116, 117, 141, 144, 145, 719,
 727, 729, 733, 736, 739–746, 755
 Коломна, г. 504, 583, 587
 Колоцкий монастырь 332,
 335–337, 362, 599, 600, 651
 Колоча, р. 32, 33, 336, 337, 356,
 360–364, 369, 373, 375, 378–
 384, 424, 437, 438, 444
 Колтыняны, сел. 751, 753
 Кольмберг, гора 800
 Конневиц, мест. 799, 802
 Кончанское, сел. 310
 Копысь, мест. 591, 629,
 683, 694, 700, 716
 Кострицы, дер. 700
 Коханово, сел. 342
 Кочеришки, дер. 152
 Краон, г. 756, 814, 815
 Крапивна, дер. 607
 Красная Пахра, сел. 45,
 47, 514–517, 526, 547, 714
 Красный (ныне с.Красное), г.
 61, 62, 76, 238, 240, 249, 250,
 254–258, 590, 611, 657–683, 715, 878
 Креберн, сел. 799
 Кременчуг, г. 130
 Кремс, г. 264, 311, 316
 Кронштадт, г. и порт 127
 Кубенское, сел. 490
 Куломье, мест. 820
 Кульм, сел. 756, 791, 792, 881
 Курганная высота 354, 356,
 358, 359, 374, 422–427, 430–435,
 439–453, 457, 472, 473
 Курляндия, обл. 740, 749
 Кюстрин (ныне Костшин),
 креп. и г. 773, 777
 Лабиау, сел. 754
 Лаврово, дер. 240
 Лан (Лаон), г. 756, 813–815
 Ларга, р. 305
 Ла-Вилет, сел. 821–825
 Ла-Ротьер, г. 756, 811
 Ла-Шапель, сел. 821, 825
 Лейпциг, г. 395, 756, 778,
 780, 795, 798–807, 836,
 839, 840, 857, 860, 881

- Лепель, г. 63, 623, 624, 628
Лесниг, сел. 800
Либертвольквиц, сел. 795
Лида, г. 24, 136, 148, 149, 154, 266
Линденау, мест. 798–802, 804
Лион, г. 817
Лифляндия, обл. 521, 585
Лондон, г. 232, 715
Лошница, сел. 684–686,
692–695, 700
Лубино, сел. 27, 28, 279–290, 335
Лужа, р. 552–558, 565, 566, 589
Лукомля, р. 625, 626
Луцк, г. 24, 116, 130,
137, 215, 217, 234
Лучеса, р. 168, 182, 185
Любек, г. 96, 232, 776, 808
Люнебург, г. 776
Люцен (Лютцен), г. 778
Ляды, мест. 250, 667, 668, 670
Ляхово, сел. 61, 590,
642–644, 654, 658
Магдебург, креп. и г.
774, 778, 788
Мадрид, г. 507
Майнц, креп. и г. 807
Малоярославец, г. 58–60,
71, 519, 547, 550–567, 589,
590, 595, 599, 611, 624, 651,
661, 746, 867, 874, 878
Мариенбург (ныне
Мальборк), г. 769
Мариенвердер (ныне
Квидзынь), г. 769
Маркклеберг, г. 799, 800
Марна, р. 820, 821
Маслово, дер. 32, 354, 356, 358
Мачин, креп. и г. 16, 246, 308
Медынь, г. 59, 559,
563–567, 574, 595, 596
Меккерн, сел. 799, 801, 804
Мемель (ныне Клайпеда),
г. и порт 750, 751, 754, 768
Меречь, мест. 720, 743, 767, 770
Мерлино, сел. 664, 665
Минск, г. 63, 64, 116, 149, 150–154,
157–161, 163, 164, 167, 186, 298,
527, 627, 630, 633–636, 654,
688, 690, 714, 719, 731, 748
Мир, мест. 157–161
Митава, г. 170, 231, 233, 234
Михалевка, дер. 615
Михалишки, мест. 149
Мо, г. 820
Мобеж, креп. и г. 817
Могилев, г. 156, 158, 183, 186,
190–193, 200–204, 210, 235, 250,
275, 278, 532, 593, 612, 636, 655, 658
Модлин, креп. и г. 96,
767, 771, 774, 777, 808
Можайск, г. 32, 59, 60, 330, 331,
354, 457, 459, 475, 486, 487,
528, 548, 563, 566, 567, 569,
573, 574, 578, 595, 599, 600
Мозырь, г. 24, 57, 187, 215,
341, 630, 635, 636
Молево-Болото, дер. 240
Моккау, мест. 799
Молодечно (ныне г.), мест.
593, 709, 722, 725, 731
Монмарт, район Парижа,
гора 820, 821, 823, 825, 826–829
Монтеро, мест. 812
Монмираль, г. 811, 812
Монтрель, сел. 822, 824

- Морман, сел. 812
- Москва, г. 13, 23, 28–32, 43–48, 51–56, 58, 60, 70, 71, 82, 118, 119, 148, 155, 166, 169, 170, 171, 184, 190, 212, 214, 215, 237, 238, 276, 278, 292, 295, 297, 298, 303, 304, 313, 315, 317, 320–326, 330, 331, 354, 355, 359, 361, 373, 377, 413, 433, 449, 472, 475–477, 487–597, 626, 634, 635, 651, 672, 676, 680, 683, 686, 695, 701, 742, 743, 757, 764, 793, 831, 839, 849, 858, 859, 866, 867, 873, 879, 882, 884, 885
- Москва, р. 361, 375, 384, 491, 498, 504
- Мощинки, дер. 240
- Мстиславль, г. 203–205
- Муром, г. 525
- Мухавец, р. 219
- Надва, дер. 258
- Нара, р. 46, 487, 517, 533, 534
- Наумбург, г. 780
- Неаполь, г. 89, 807
- Нельи, г. 830
- Неман, р. 47, 100, 105, 115, 116, 128, 137, 138, 141, 144, 145, 148, 155–158, 177, 204, 206, 528, 686, 714, 717, 720, 727, 735, 740–747, 750–755, 766, 770, 773, 842
- Неменчин, сел. 750
- Немур, г. 813
- Несвиж, г. 156, 158, 160, 161, 167, 186, 216, 221, 277, 631, 633, 634, 635, 747, 748
- Нижний Новгород, г. 525, 586
- Николаев, мест. 155–157
- Новгород, г. 130, 322
- Нови, г. 157
- Новогрудок, г. 148, 154, 158
- Новороссия, обл. 90, 123
- Ново-Свержен, сел. 634
- Новый Быхов, г. 191, 192, 202
- Ноллендорф, мест. 794
- Обилешти, сел. 316
- Одер, р. 89, 116, 766, 771, 773, 774, 776, 777, 793, 836, 837, 858
- Ольденбург, обл. 92
- Ольшаны, мест. 719, 722
- Оникшты, сел. 166, 227
- Орша, г. 210, 235, 527, 693, 694
- Осма, р. 613
- Островно, мест. 178–185, 865
- Ошмяны, г. 149, 150, 593, 725–734
- Очаков, креп. и г. 157, 172, 242, 307, 646, 648
- Панемуни сел. 141
- Панки, сел. 502
- Пантен, пригород
Парижа 820–827, 830
- Париж, г. 18, 67, 96, 108–112, 213, 353, 530, 544, 609, 640, 654, 725, 727, 756, 760, 761, 780, 809, 811, 817–835, 840, 842, 884
- Пахра, р. 504
- Петербург (Санкт-Петербург), г. 14, 18, 22–24, 28, 46, 96, 101, 103, 107, 111, 118, 123, 127, 146, 148, 166, 169, 170, 185, 212, 219, 225, 235, 290, 298–305, 312, 313, 319–321, 348, 350, 490, 504–506, 521, 526, 529, 530, 540, 543, 597, 650, 714, 746, 756, 858, 879, 880

- Пиклупенен, мест. 751
Пина, р. 218
Пинск, г. 215, 218, 220, 748
Пиренеи, горы 89, 787, 816
Питивье, г. 834
Плесвиц, мест. 785
Плещеница, дер. 722
Плоцк, г. 117, 767, 770
Погост, дер. 699
Поддубье, дер. 337
Подольск, г. 504, 514, 519
Познань, г. 769, 771–773
Покаевцы, дер. 166
Поклонная гора 491–494, 506, 507
Полесье, обл. 23, 25,
134–137, 190, 215
Полота, р. 617, 619, 621
Полотняный Завод,
сел. 564, 567, 596
Полоцк, г. 26, 57, 63, 167–
169, 221, 229–232, 342–348,
352, 524, 527, 616–618
Полтава, г. 100
Понари, сел. 736
Понарская гора 735–737
Поневеж (ныне
Паневежис), г. 150, 167
Поречье (ныне Демидов), г.
204, 239, 240
Порозов, мест. 631
Потсдам, г. 774
Прага, г. 785–787
Прага, предместье Варшавы
227, 243, 255, 350, 640
Прегель, р. 740
Прейсиш-Эйлау (ныне г.
Багратионовск), мест. 164,
173, 245, 265, 442, 650, 676
Пре-Сен-Жерве, сел.
824, 826, 827
Прибалтика, регион
96, 171, 235, 353
Приказ-Выдра, дер. 240
Припять, р. 100, 235, 636
Присменица, дер. 344–347
Протва, р. 552–556, 573
Прудищево, дер. 280, 282
Пружаны, г. 215, 217,
219, 337, 338, 630
Псареве, дер. 374
Псков, г. 130, 222, 298, 349
Пултуск, г. 164, 173, 748
Пфафендорф, сел. 802
Радошкевичи, сел. 633
Ракель, сел. 784
Рассеват, сел. 246, 650
Ревель (ныне Таллинн), г. 353
Реже, сел. 817
Реймс, креп. и г. 408, 815
Рейн, р. 141, 806, 809–
811, 817, 837, 840
Ржавки, дер. 661, 662, 665
Рига, г. 128, 130, 170, 232, 233, 234
Романов, мест. 187
Роменвиль, пригород
Парижа 820–822
Рославль, г. 130, 580
Россиены (ныне Расейняй), г.
24, 136, 137, 147, 751
Рудники, дер. 150
Рудные горы 789, 791, 792
Рудня, мест. 27, 204, 205,
237–240, 257, 258
Ружаны, мест. 747
Руза, г. 490

- Руцук (ныне Русе),
 креп. и г. 17, 18, 311
 Рябая Могила, урочище 305
 Рязань, г. 317, 504, 514, 524, 587
 Саксония, обл. 138, 782, 793, 839
 Салтановка, дер. 25, 192,
 193, 196, 198–203, 865
 Свенцяны, г. 146–154, 167
 Свольна, р. 342
 Себеж, г. 128, 221, 222, 224
 Северное море 96
 Северный Кавказ,
 регион 123, 584
 Семеновское, дер. 32, 33, 39,
 354, 356, 373, 378, 396, 412,
 413, 417–422, 435, 439, 472
 Семеновский овраг 370,
 409, 410, 412, 417–421, 424,
 441, 444, 468, 471, 473
 Семлево, сел. 603, 610, 613
 Сен-Готард, перевал
 157, 243, 316
 Сен-Дени, г. 821, 828, 829
 Сен-Дизье, г. 810, 818
 Сен-Дье, г. 813
 Сена, р. 820
 Сенно, мест. 624,
 627–629, 661, 684
 Сербия, обл. 19, 341, 342, 630
 Серпухов, г. 519
 Сибирь, регион 122, 123, 353
 Сивошино, дер. 221,
 222, 225, 229, 231
 Силезия, обл. 778, 782,
 785, 788, 789
 Симаково, дер. 160
 Слободзея, сел. 18, 19, 311
 Слоним, г. 64, 130, 150, 154, 155,
 167, 215, 221, 337, 630, 631, 633,
 690, 721, 722, 740, 747, 748
 Слуцк, г. 130, 152, 156, 158,
 161, 164, 186, 187, 216
 Смоленск, г. 13, 22–29, 46, 47, 52,
 57–61, 169, 183–185, 202–211,
 214, 221, 231, 236, 237, 238, 240,
 247, 249, 250, 253, 256–263,
 266–276, 278–300, 304, 313,
 335, 341, 342, 349, 352, 353, 373,
 410, 526, 527, 532, 550, 563, 564,
 566, 569, 578, 599, 602, 608,
 610, 612, 613, 616, 642, 644, 645,
 651–664, 672, 681, 686, 715, 732,
 742, 743, 843, 858, 865, 878
 Смоляны, сел. 628
 Сморгонь, мест. 148,
 154, 720, 725, 726
 Соловьева переправа 279,
 280, 290, 303, 614, 615, 655
 Сосницы, дер. 130
 Спас-Купля, сел. 538, 539
 Спасское, сел. 552, 553, 555, 556
 Спасское (под Вязьмой),
 сел. 602, 603
 Стабна, дер. 240
 Стромилово, дер. 535
 Старый Борисов, мест.
 701, 703, 704, 707, 714
 Старый Быхов, мест.
 191, 192, 200, 202, 203
 Страгань, р. 280, 288
 Студянка, дер. 65, 66, 641, 687,
 688, 691, 692, 695, 695–709, 717
 Стырь, р. 341
 Суассон, г. 814, 815
 Сырокоренье, дер. 675, 676, 683

- Тарнопольская обл. 95, 96
Тарутино, сел. 46, 48, 51, 56–58,
71, 516–520, 524–526, 528, 535,
539, 540–542, 547, 551, 660,
677, 694, 716, 835, 866, 878
Татариново, сел. 359, 375
Тауроген (ныне Таураге), г.
750, 751, 753, 754
Тверь, г. 46, 530, 586
Теплице, г. 791, 792
Тетеринка, дер. 535–537
Тильзит (ныне
Советск), г. 94, 141,
476, 734, 750–754
Торгау, креп. и г. 778, 808
Торн (ныне
Торунь), г. 96, 116,
767, 770, 771, 777
Треббия, р. 157, 243
Троицкое, сел. 491
Труа, г. 811, 813, 814
Тула, г. 46, 119, 504
Туль, г. 813
Уварово, дер. 665
Угрюмово, дер. 662
Ула, р. 62, 629, 714,
Улица, р. 607
Урал, регион 90, 122, 131, 132, 584
Утица, дер. 32, 33, 36, 359,
374, 384, 390, 398, 458,
460–463, 470, 473
Утицкий курган 458,
460, 463–471, 473
Утицкий лес 354, 359, 372,
374, 375, 386, 387, 398,
401, 402, 464, 467
Ухолоды, дер. 688, 690
Ушач, сел. 624
Фатова, дер. 192, 197, 200
Федоровское, сел. 602,
603, 605, 606, 609
Фер-Шампенуаз, сел. 756, 818
Фили, дер. 44, 493, 494,
503, 506, 522, 882
Фоминское, сел. 547,
549–552, 559
Фомкино, дер. 362–364, 369
Фонтенбло, г. 830–832, 835
Франкфурт, г. 773, 809
Фридланд (ныне Правдинск),
г. 118, 141, 157, 245, 266,
373, 436, 543, 847, 848
Холм, мест. 205
Холопеничи, сел. 693
Хомск, мест. 218, 220
Хохкирх, сел. 784
Царево-Займище, сел. 28, 297,
314, 320, 321, 325, 578, 866
Цвейнаундорф, дер. 802, 804
Цеденик, сел. 776
Цюрих, г. 640
Чашники, мест. 63, 64, 624,
625, 628, 629, 633, 658
Ченстохов, г. 770, 776
Червонное, сел. 658
Череея, мест. 684
Чернишня, р. 57, 533, 535,
538–542, 545, 547, 719
Чехия, обл. 16, 791
Шавли (ныне Шауляй), г.
130, 150, 167, 233, 750, 751
Шалон-на-Марне, г. 811–813
Шампобер, г. 811

- Шара, р. 154
Шарон, г. 826, 827
Шатильон, г. 809, 831
Шато-Тъери, г. 812
Шатрово, дер. 162
Шевардино, дер. 32, 332, 356,
361, 363, 364, 366, 367, 370–373,
378, 384, 395, 400, 440, 472, 475
Шенграбен, сел. 157, 244
Шенефельд, сел. 802, 804
Шилово, сел. 664, 665
Шпрее, р. 782
Штеттин (ныне
Щецин), г. 773, 777, 808
Шумы (ныне
Кутузовка), дер. 305
Щелканово, сел. 657, 661

Экау, мест. 233
Экимания, сел. 623
Эльба, о-в 832, 835
Эльба, р. 774, 778, 837,
839, 858, 860
Эльбинг (ныне
Эльблонг), г. 768, 769
Эльстер р. 799, 803, 804
Эна, р. 814
Эпиналь, сел. 813
Эрфурт, г.
94, 776, 780, 804, 808

Юнгфергоф, сел. 170
Юрбург, мест. 751, 753
Юренево, сел. 571
Юхнов, г. 564, 567, 571, 580

Якобштадт (ныне
Екабпилс), г. 168, 222, 231
Якубово, дер. 222, 223
Яново, мест. 218
Ярославль, г. 107, 465

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СОВЕТ

Почетный Президиум Совета

А.И. Агеев, генеральный директор Института экономических стратегий РАН, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Ю.Ф. Зарудин**, генерал-полковник в/о, Герой Советского Союза, вице-президент Ассоциации героев России; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации фондов мира; **А.А. Кокошин**, д.и.н., профессор, академик РАН, директор Института проблем международной безопасности РАН, первый заместитель министра обороны РФ; **В.Г. Куликов**, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий ОВС государств — участников Варшавского договора, Советник при Министерстве обороны РФ; **В.Н. Лобов**, генерал армии, д.в.н., профессор, академик РАЕН, первый заместитель министра обороны СССР — начальник Генерального Штаба ВС СССР; **В.М. Михалкин**, маршал артиллерии, академик РАН, командующий ракетными войсками и артиллерией СВ СССР; **В.В. Панов**, президент РАН; **В.И. Петров**, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР, Советник при Министерстве обороны РФ; **Г.Н. Севостьянов**, академик РАН, главный редактор журнала «Новая и новейшая история»; **С.Л. Соколов**, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, министр обороны СССР, Советник при Министерстве обороны РФ; **С.С. Турунов**, адмирал, помощник министра обороны СССР — адмирал для особых поручений; **В.В. Шикерин**, руководитель аппарата Почетного Президиума, действительный член Европейской академии естественных наук; **Д.Т. Язов**, Маршал Советского Союза, министр обороны СССР.

Председатель Совета

В.А. Золотарев, действительный государственный советник РФ I класса, д.и.н., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАН, Председатель Совета Научно-экспертного бюро исторических исследований.

Члены Совета

Н.В. Абросимов, д.э.н., профессор, советник Аппарата помощника Президента РФ; **В.П. Баранов**, д.и.н., профессор, генерал-полковник, заместитель Главнокомандующего внутренними войсками МВД РФ; **Л.А. Буланов**, член-корреспондент РАЕН, действительный член МАНПО, член-корреспондент МААНОИ; **Г.А. Бурутин**, генерал-полковник в/о, врио заместителя начальника Генерального Штаба ВС СССР — начальник ГОУ ГШ ВС СССР; **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель наук РФ, председатель диссертационного Совета Академии правосудия, полковник юстиции в/о;

В.П. Зимонин, д.и.н., профессор, заслуженный деятель наук РФ, академик РАЕН, капитан I ранга запаса; **В.А. Жилин**, д.и.н., генерал-лейтенант запаса; **Н.В. Илиевский**, действительный член ЕАЕН (военная история), доктор философии Европейского университета, полковник; **А.В. Кирилин**, д.и.н., начальник военно-мемориального управления МО РФ, генерал-майор запаса, действительный член МАНПО; **А.А. Крылов**, почетный профессор РАЕН, историк, библиограф (праправнук брата И.А. Крылова); **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН, генерал-лейтенант; **Г.А. Куманев**, руководитель центра военной истории Института истории России РАН, д.и.н., профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель наук РФ, капитан в/о; **В.К. Лужеренко**, к.и.н., профессор РАЕН, генерал-майор в/о; **И.И. Максимов**, генерал-лейтенант в/о, первый заместитель начальника Военно-топографического управления ГШ ВС; **А.И. Миренков**, к.и.н., профессор РАЕН, генерал-майор запаса, Советник МО РФ, академик РАЕН, действительный член МААНОИ; **Н.М. Москаленко**, член-корреспондент МАНПО, почетный профессор ЕАЕН, директор Научно-экспертного бюро исторических исследований; **Н.А. Петухов**, генерал-полковник юстиции в/о, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой Академии правосудия, доктор права Европейского университета; **Е.Г. Никитенко**, к.и.н., профессор, руководитель департамента аппарата Совета безопасности РФ, генерал-майор запаса; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, полковник в/о; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны, полковник в/о; **А.И. Смирнов**, д.и.н., профессор, руководитель Центра Министерства иностранных дел РФ, член президиума РАЕН; **П.В. Стегний**, д.и.н., профессор, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Израиле; **В.Г. Стрекозов**, член Конституционного суда РФ, д.ю.н., профессор; **А.А. Трубецкой**, князь, историк, почетный профессор и лауреат РАЕН; **Н.В. Усенко**, Герой Советского Союза, к.и.н., профессор РАЕН, вице-адмирал в/о; **Б.П. Фролов**, к.и.н., с.н.с., член-корреспондент МАНПО, полковник в/о; **Е.П. Чельшев**, сопредседатель Научного совета РАН по изучению и сохранению природного и культурного наследия, Советник Президиума РАН, академик РАН; **А.А. Чурилин**, д.и.н., профессор, чрезвычайный и полномочный посол РФ в Румынии; **П.А. Шашкин**, ответственный секретарь совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси, ген. секретарь КПП, к.ф.н.; **А.Б. Шевчук**, д.т.н., профессор, руководитель подразделения РАРАН, генерал-майор запаса; **В.И. Шерemet**, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, академик РАЕН; **И.А. Шерemet**, д.т.н., профессор, академик РАЕН, действительный член ЕАЕН, МААНОИ, почетный профессор и лауреат ЕАЕН.

* Названы последние занимаемые должности в Минобороны РФ, МВД РФ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный Военно-исторический Совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

Б.П. Фролов

при участии *В.А. Золотарева*

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫЕ ПОХОДЫ РУССКОЙ АРМИИ 1813–1814 ГОДОВ

Общественно-патриотические проекты
Клуба православных предпринимателей (КПП)
Руководитель, советник президента КПП *М.Р. Прокопюк*
Члены КПП *М.С. Колотенко, А.Н. Муравская,*
Ю.В. Смыслов, Р.К. Шарифов

Ответственный за выпуск
член-корреспондент МАНПО *О.П. Ермилина*
Редактор *Т.Ф. Зарецкая*
Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*
Корректор *Ю.В. Стрельникова*

Институт экономических стратегий
Телефон издательского центра: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

Русский биографический институт
E-mail: whoiswho@whoiswho.ru
www.whoiswho.ru

РПП ИНЭС 1106/1014

Тираж 3000 экз.

Фролов Б.П.

Ф912 Отечественная война 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов / Б.П. Фролов, при участии В.А. Золотарева (Военная история Российского государства / Под ред. В.А. Золотарева). — М.: ИНЭС, РУБИН, 2011. — 1280 с.

ISBN 978-5-93618-181-8

В 2012 г. исполняется 200 лет военно-историческому патриотическому событию — Отечественной войне 1812 года, которое имеет большое значение для политического, общественного, культурного и военного развития Российского государства.

Данный труд, посвященный истории Отечественной войны 1812 года с наполеоновской Францией и Заграничным походам русской армии 1813–1814 годов, прославляет великий подвиг героизма, мужества, стойкости и патриотизма, который проявил народ России в противостоянии врагу во имя достижения Великой Победы.

Подробно рассмотрены все сражения и крупные бои, имевшие место в эти годы; восстановлены из забвения многие имена участников тех событий; введен в научный оборот большой ряд новых, забытых или полузабытых материалов; даны новые оценки многих фактов; рассмотрены основные вопросы развития русского военного искусства; дана наиболее полная на сегодняшний день библиография Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

Впервые с 1895 г. в оригинальной редакции представлен труд М.И. Драгомирова, посвященный разбору романа Льва Толстого «Война и мир». Отдавая должное гению великого русского художника слова, прославленный генерал дает критический анализ военной составляющей бессмертного произведения.

Книга написана в жанре исторической публицистики, богато иллюстрирована. Популярность изложения материала делает исследование интересным и ценным не только для военных историков, но и для массового читателя, интересующегося военным прошлым нашей Родины, деяниями наших славных предков, свершенными во славу Отечества, их доблестью на полях сражений, показывает силу патриотизма русского народа.

**УДК 94(47)“15/19”
ББК 63.3(2)47**